

Учредитель: ООО «Русайнс»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN 2587-831X
Подписной индекс Роспечати 65001

Адрес редакции:
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru
Сайт: <http://zakonivlast.ru/>

Журнал входит в Перечень ВАК ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции

Коньшев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет

Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Нурьшев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции

Мартынов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

Орлов Владислав Николаевич, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры организации исполнения наказаний, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий, Саратовская государственная юридическая академия

Главный редактор:

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии

ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Подписано в печать: 30.07.2026 Цена свободная Тираж 300 экз. Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Содержание

ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Либеральный консерватизм Б.Н. Чичерина как идеология гармонии свободы и сильной власти. Згоржельская С.С., Бируля А.С. 6

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Контракты Build-Own-Operate (BOO) Росатома как инструмент внешнеполитического влияния: выход за рамки классической мягкой силы. Аймалетдинов Р.Р. 11
Служение Отечеству как проявление патриотизма и гражданственности на различных этапах развития российского государства: исторический и правовой аспекты. Белых К.С., Наумов И.А. 15
Региональные торгово-промышленные палаты в государственной политике формирования социально ответственного бизнеса: правовое закрепление и прослеживаемые результаты. Боровский М.Б. 21
Социально-экономическое прогнозирование и планирование в Свердловской Области: политологический аспект. Высокинский Л.А. 27
Институциональные формы вовлечения молодежи в политический процесс в период выборов в Российской Федерации с 2021 г. по 2025 г. Литвиненко Д.В., Файзулина А.А. 34
Политическая деятельность молодежных организаций парламентских политических партий в современной России. Литвиненко Д.В., Файзулина А.А. 40

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ

Национальная политика советского государства в годы борьбы с фашизмом. Исрапов А.А. 48

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Трансформация принципов мирного урегулирования в условиях затяжного вооруженного конфликта: опыт Сирии. Алльслум Майс. 54
Экономика и энергетика как «якорь» устойчивости российско-турецкого партнёрства в условиях политической турбулентности. Попов В.С. 59

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА

Срединный коридор в стратегии безопасности Турции на Южном Кавказе: геоэкономическая связность и региональный порядок. Атабай Эюб Ибрахим 65
Геополитический потенциал Трансарктического транспортного коридора в новой модели мира. Зорикова Е.В. 71
Политика национального единства и примирения в постгеноцидной Руанде: инструменты конструирования идентичности и памяти. Калязина Е.Н. 76

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Правовое обеспечение цифровой трансформации государственного управления в Российской Федерации: современное состояние и направления совершенствования. Алексеева М.В., Рыбак С.В. 82
Ребёнок принадлежит России: публично-правовая архитектура запрета суррогатного материнства для

иностранцев и её международные последствия. Алокова С.Х. 85
Правосознание субъектов спортивного права: особенности и влияние на соблюдение норм. Вершкова М.В. 88
Предпосылки развития европейской доктрины кодификации XVI – XIX вв. Глушкова Е.М. 91
Диалектика развития искусственного интеллекта в контексте современного правового регулирования. Касторнова Т.А., Щербаков В.А., Григорьев А.В. 96
Современное состояние системы социального обеспечения в Российской Федерации и тенденции его развития. Косаренко Н.Н. 102
О некоторых проблемах правового регулирования предвыборной агитации в сети Интернет. Лунин Д.Е., Елисеева Г.В. 108
Внедрение искусственного интеллекта в таможенном деле и пределы его применения. Моргунова Н.В., Голубецкая Г.Е. 115
Избирательные системы на выборах региональных парламентов: сравнительно-правовой анализ законодательства субъектов РФ. Ныrkova Т.Ю. 118
Правовой комплаенс в области применения рекомендательных технологий. Посконина Д.Д. 124
Прокурорский надзор за исполнением экологического законодательства в Арктической зоне России: анализ статистических связей между социально-экономическими факторами и состоянием законности. Стеля В.А. 129
Следственные действия по политическим преступлениям в Московском государстве. Упоров И.В. 135
Финансирование дефицита федерального бюджета за счёт средств Фонда национального благосостояния: проблема содержательного критерия. Ярошинский И.М. 141

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Права участников общества с ограниченной ответственностью при переходе прав на долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью по закону к Российской Федерации. Бапинаева М.М. 144
Значение иностранных инвестиций в России. Дьяченко Е.М., Босых А.И. 149
Минимальный процессуальный статус членов семьи должника в деле о банкротстве гражданина: конституционные основания и пределы участия. Будаков Т.А. 153
Теоретические основы концепции нормативно-правового обеспечения защиты прав субъектов экономической деятельности в условиях цифровой трансформации в Российской Федерации. Васян Р.И. 158
Договорная свобода и ее пределы в условиях цифровизации гражданско-правовых отношений. Ветрова Ю.С. 162
Некоторые вопросы практики применения ст. 12.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «невыполнение обязанностей в связи с дорожно-транспортным происшествием». Воробьев В.А. 169
Правовые аспекты и практические проблемы, связанные с куплей-продажей земельных участков. Гаврилов В.Р., Смирнова М.С. 174

Правовые аспекты регулирования региональной хлебопекарной промышленности в контексте устойчивого развития территорий. Степанова З.Я., Гаджибек В.П.	178
Проблематика заверения электронных доказательств при угрозе их потери. Гончар П.А., Макаров Е.Д., Леонов М.Р.	183
Правовой статус жилья, приватизированного супругами совместно в период пребывания Крыма в составе Украины, и о его дальнейшей юридической судьбе в Российской Федерации. Зацаринная Н.С.	186
Административно-правовой аспект информационной сферы как объект государственного управления. Кинаш Ю.Я.	192
Положительное и негативное взаимодействие корпоративного законодательства и законодательства о банкротстве. Коляда З.Н.	195
К вопросу о правовой природе согласия на получение рекламных сообщений. Максимкин Я.А.	201
Процессуальный эстоппель как средство обеспечения добросовестности в гражданском судопроизводстве. Парфенова О.А.	207
Разграничение административных правонарушений и преступлений в сфере государственных закупок: проблемы правовой квалификации, коллизии норм и пути их разрешения. Пирогов П.П., Ядуллаев Э.А.	212
Фактическое право на доход: тест свободы распоряжения в стандарте ОЭСР и тест экономической самостоятельности в российской практике. Полидорский П.А.	218
Аномальная доходность как индикатор неправомерного использования инсайдерской информации и получение аналитической формы нелинейного коэффициента бета в CAMP-модели. Понимаш З.А., Потанина А.Р.	222
Неплатежеспособность, объективное банкротство и имущественный кризис: соотношение и разграничение понятий. Салеев Э.Р.	228
Цифровое наследство: проблемы определения состава наследственной массы и доказывания принадлежности цифровых активов наследодателю. Багыллы С.Т., Усейкина С.А.	234
Цифровые алгоритмы государственного и муниципального контроля и надзора как риск для субъектов предпринимательской деятельности: правовые аспекты. Усольцева Н.А., Усольцев Ю.М.	239
Добросовестное приобретение культурных ценностей на художественном рынке: опыт России и Испании. Черкашина А.В.	245
Охрана общественных интересов на стадии регистрации товарного знака. Шатерников И.А.	249
Правовая природа цифровых финансовых активов: соотношение с бездокументарными ценными бумагами. Шишова В.Д.	254
Экзекватура по заявлению должника: новое явление в российской практике признания иностранных арбитражных решений. Щедрин Г.А.	259
НОВЕЛЛЫ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ	
Юридическая ответственность за вред, причиненный действиями искусственного интеллекта в публично-правовых отношениях. Иванов С.В.	265

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Дискреционные полномочия суда и прокурорская инициатива в делах о несостоятельности. Герц А.М.	269
Основания для отмены и изменения приговора, постановленного на основании вердикта коллегии присяжных заседателей в суде апелляционной инстанции. Дулдуев Р.А.	274

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Правовое регулирование интеллектуальной собственности в условиях использования искусственного интеллекта: сравнительно-правовой анализ подходов Европейского союза и Евразийского экономического союза. Валяева В.А.	278
Формирование международно-правовых основ регулирования искусственного интеллекта: от рекомендаций ОЭСР к Конвенции Совета Европы. Гаджиева Ф.Г.	284
Американская и европейская модели правового регулирования криптовалют как элементы глобального правового порядка: сравнительно-правовой анализ. Гапонов А.Е.	289
Отдельные проблемы правового обеспечения безопасности внешнеэкономической деятельности в условиях санкций. Лабоськин М.А.	295
«Ответный удар»: анти-анти-исковые запреты (anti-anti-suit injunctions) и запреты на принудительное исполнение (anti-enforcement injunctions): сравнительный анализ права Англии и Уэльса и США. Никоев Н.Г.	297
«Дипломатия» запретов: сравнительный анализ подходов к выдаче антиисковых запретов в России, Англии и Уэльсе и Франции. Никоев Н.Г.	299

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Современные концепции уголовной ответственности за неоконченное преступление. Анисимов А.А.	303
Преювенция проблем криминализации преступлений суицидальной направленности в российском уголовном праве. Архипова А.И.	307
К вопросу об общих условиях судебного разбирательства, проводимого в досудебном производстве по уголовным делам. Кайгородова Ю.Е., Комарова Н.С., Шумилова Т.Н.	312
Правовой обзор особенностей квалифицирующих признаков и объективной стороны составов легализации (ст. 174 и 174.1 УК РФ). Савин Д.И.	317
Некоторые аспекты объективной стороны вандализма. Хачатурова А.А., Черных В.С.	323
Личность преступника, совершающего преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Цыпиногова Ю.А.	326

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Методы обнаружения аномалий в компьютерных сетях. Клочкова Е.Н., Пименова О.В.	329

THEORY AND PHILOSOPHY OF POLITICS, HISTORY AND METHODOLOGY OF POLITICAL SCIENCE

B.N. Chicherin's Liberal Conservatism as an Ideology of Harmony, Freedom, and Strong Government. Zgorzhelskaya S.S., Birulya A.S.	6

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, AND TECHNOLOGIES

Rosatom's Build-Own-Operate (BOO) Contracts as an Instrument of Foreign Policy Influence: Moving Beyond Classic Soft Power. Aimaletdinov R.R.	11
Service to the Fatherland as a Manifestation of Patriotism and Civic Consciousness at Different Stages of Russian State Development: Historical and Legal Aspects. Belykh K.S., Naumov I.A.	15
Regional Chambers of Commerce and Industry in State Policy for the Formation of Socially Responsible Business: Legal Framework and Observable Results. Borovsky, M.B.	21
Socioeconomic Forecasting and Planning in the Sverdlovsk Region: A Political Science Perspective. Vysokinsky, L.A.	27
Institutional Forms of Youth Engagement in the Political Process during the 2021-2025 Elections in the Russian Federation. Litvinenko, D.V., Fayzulina, A.A.	34
Political Activities of Youth Organizations of Parliamentary Political Parties in Contemporary Russia. Litvinenko, D.V., Fayzulina, A.A.	40

POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGIES

National Policy of the Soviet State during the Struggle against Fascism. Israpov, A.A.	48

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

Transformation of Peaceful Settlement Principles in a Protracted Armed Conflict: The Syrian Experience. Allslum Mais	54
Economy and Energy as an "Anchor" for the Stability of the Russian-Turkish Partnership in the Context of Political Turbulence. Popov V.S.	59

POLITICAL REGIONALISTICS. ETHNOPOLITICS

The Middle Corridor in Turkey's Security Strategy in the South Caucasus: Geoeconomic Connectivity and Regional Order. Atabay Eyub Ibrahim	65
The Geopolitical Potential of the Trans-Arctic Transport Corridor in the New World Model. Zorikova E.V.	71
The Policy of National Unity and Reconciliation in Post-Genocide Rwanda: Tools for Constructing Identity and Memory. Kalyazina E.N.	76

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORICAL RESEARCH

Legal Framework for the Digital Transformation of Public Administration in the Russian Federation: Current Status and Areas for Improvement. Alekseeva, M.V., Rybak, S.V.	82
The Child Belongs to Russia: The Public-Law Architecture of the Ban on Surrogacy for Foreigners and Its International Consequences. Alokova, S.Kh.	85
Legal Awareness of Sports Law Entities: Characteristics and Impact on Compliance. Vershkova, M.V.	88
Prerequisites for the Development of the European Doctrine of Codification in the 16th–19th Centuries. Glushkova, E.M.	91
The Dialectics of Artificial Intelligence Development in the Context of Modern Legal Regulation. Kastornova, T.A., Shcherbakov, V.A., Grigoriev, A.V.	96
The Current State of the Social Security System in the Russian Federation and Its Development Trends. Kosarenko, N.N.	102

On Some Issues of Legal Regulation of Online Election Campaigning. Lunin, D.E., Eliseeva, G.V.	108
Implementation of Artificial Intelligence in Customs and the Limits of Its Application. Morgunova, N.V., Golubetskaya, G.E.	115
Electoral Systems in Regional Parliamentary Elections: A Comparative Legal Analysis of Legislation in the Subjects of the Russian Federation. Nyrkova, T.Yu.	118
Legal Compliance in the Application of Recommendation Technologies. Poskonina, D.D.	124
Prosecutor's Supervision of Environmental Legislation Enforcement in Russia's Arctic Zone: An Analysis of Statistical Relationships between Socioeconomic Factors and the State of Law. Stelya, V.A.	129
Investigative Actions for Political Crimes in the Muscovite State. Uporov, I.V.	135
Financing the Federal Budget Deficit from the National Welfare Fund: The Problem of the Substantive Criterion. Yaroshinsky I.M.	141

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITIES

Rights of Limited Liability Company Participants upon the Transfer of Rights to a Share in the Authorized Capital of a Limited Liability Company to the Russian Federation under Law. Bapinaeva M.M.	144
The Importance of Foreign Investment in Russia. Dyachenko E.M., Bosykh A.I.	149
Minimum Procedural Status of Debtor's Family Members in a Citizen's Bankruptcy Case: Constitutional Grounds and Limits of Participation. Budakov T.A.	153
Theoretical Foundations of the Concept of Regulatory Support for the Protection of the Rights of Economic Entities in the Context of Digital Transformation in the Russian Federation. Vasyan R.I.	158
Contractual Freedom and Its Limits in the Context of the Digitalization of Civil Law Relations. Vetrova Yu.S.	162
Some Issues in the Practical Application of Article 12.27 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: "Failure to fulfill obligations in connection with a road traffic accident." Vorobyov V.A.	169
Legal aspects and practical problems associated with the purchase and sale of land plots. Gavrilov V.R., Smirnova M.S.	174
Legal aspects of regional regulation and the bakery industry in the context of sustainable territorial development. Stepanova Z.Ya., Gadzhibek V.P.	178
The issue of certifying electronic evidence under the threat of its loss. Gonchar P.A., Makarov E.D., Leonov M.R.	183
The legal status of housing privatized jointly by spouses during the period of Crimea's membership in Ukraine, and its subsequent legal fate in the Russian Federation. Zatsarinnaya N.S.	186
The administrative and legal aspect of the information sphere as an object of public administration. Kinash Yu.Ya.	192
The positive and negative interaction of corporate and bankruptcy legislation. Kolyada Z.N.	195
On the legal nature of consent to receive advertising messages. Maksimkin Ya.A.	201
Procedural estoppel as a means of ensuring good faith in civil proceedings. Parfenova O.A.	207
Distinction between Administrative Offenses and Crimes in Public Procurement: Issues of Legal Qualification, Conflicts of Norms, and Ways to Resolve Them. Pirogov, P.P., Yadullaev, E.A.	212
Actual Right to Income: The Freedom of Disposal Test in the OECD Standard and the Economic Autonomy Test in Russian Practice. Polidorsky, P.A.	218

Abnormal Returns as an Indicator of Insider Trading Misuse and Deriving an Analytical Form of the Nonlinear Beta Coefficient in the CAMP Model. Ponimash, Z.A., Potanina, A.R.	222
Insolvency, Objective Bankruptcy, and Property Crisis: The Relationship and Distinction of Concepts. Saleev, E.R.	228
Digital Inheritance: Issues of Determining the Composition of the Estate and Proving the Ownership of Digital Assets. Bagylly, S.T., Useikina, S.A.	234
Digital Algorithms of State and Municipal Control and Supervision as a Risk for Business Entities: Legal Aspects. N.A. Usoltseva, Yu.M. Usoltsev.	239
Bona Fide Acquisition of Cultural Property in the Art Market: The Experience of Russia and Spain. A.V. Cherkashina.....	245
Protection of Public Interests at the Trademark Registration Stage. I.A. Shaternikov.	249
The Legal Nature of Digital Financial Assets: The Relationship with Book-Entry Securities. V.D. Shishova.	254
Exequatur at the Debtor's Request: A New Phenomenon in Russian Practice of Recognizing Foreign Arbitration Awards. G.A. Shchedrin.	259

NOVELS OF LAW AND LAW ENFORCEMENT

Legal Liability for Damage Caused by Artificial Intelligence in Public Law Relations. S.V. Ivanov.	265

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

Court Discretionary Powers and Prosecutor's Initiative in Insolvency Cases. Gerts, A.M.	269
Grounds for Overturning and Amending a Jury Verdict in an Appellate Court. Dulduyev, R.A.	274

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

Legal Regulation of Intellectual Property in the Context of Artificial Intelligence: A Comparative Legal Analysis of the Approaches of the European Union and the Eurasian Economic Union. Valyaeva, V.A.	278

Formation of an International Legal Framework for Regulating Artificial Intelligence: From OECD Recommendations to the Council of Europe Convention. Gadzhieva, F.G.	284
American and European Models of Legal Regulation of Cryptocurrency as Elements of the Global Legal Order: A Comparative Legal Analysis. Gaponov, A.E.	289
Selected Issues of Legal Support for the Security of Foreign Economic Activity under Sanctions. Laboskin, M.A.	295
"Counterattack": Anti-Anti-Suit Injunctions and Anti-Enforcement Injunctions: A Comparative Analysis of the Laws of England and Wales and the United States. Nikoev, N.G.	297
The "Diplomacy" of Injunctions: A Comparative Analysis of Approaches to Issuing Anti-Suit Injunctions in Russia, England and Wales, and France. Nikoev, N.G.	299

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY.

CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

Modern Concepts of Criminal Liability for an Unfinished Crime. Anisimov, A.A.	303
Continuity of Issues of Criminalizing Suicidal Offenses in Russian Criminal Law. Arkhipova, A.I.	307
On the General Conditions of Pre-Trial Proceedings in Criminal Cases. Kaigorodova, Yu.E., Komarova, N.S., Shumilova, T.N.	312
Legal Review of the Characteristics of Qualifying Features and the Objective Aspects of Money Laundering (Articles 174 and 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). Savin, D.I.	317
Some Aspects of the Objective Aspects of Vandalism. Khachaturova, A.A., Chernykh, V.S.	323
The Identity of the Criminal Committing Crimes in the Sphere of Information and Telecommunication Technologies. Tsypinogova, Yu.A.	326

CRIMINALISTICS. FORENSIC ACTIVITIES.

OPERATIONAL INVESTIGATION ACTIVITIES

Methods of Detecting Anomalies in Computer Networks. Klochkova, E.N., Pimenova, O.V.	329

Либеральный консерватизм Б.Н. Чичерина как идеология гармонии свободы и сильной власти

Згоржельская Светлана Сергеевна

кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства, права и судебной власти, Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, nirs_raj@mail.ru

Бируля Александр Сергеевич

аспирант кафедры теории государства, права и судебной власти Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, birulyaalexander@gmail.com

Статья посвящена анализу уникальности российского варианта либерализма – либерального консерватизма. Рассмотрена внутренняя взаимосвязь консервативных и либеральных взглядов без внутреннего конфликта, на основе взаимодополнения. Доказывается обусловленность возникновения данной идеологии особенностями традиции сильной власти в России. Проводится сравнительный анализ либерального консерватизма Б.Н. Чичерина и европейского либерализма. Изучается влияние консерватизма Б.Н. Чичерина на современную либеральную идеологию и связь консервативных идей с современными конституционными реформами в Российской Федерации.

Результатами исследования является вывод о том, что консерватизм в России это один из элементов национального сознания, который лежит в основе государственной политики. Особенно-стью его является диалектическое единство сильной власти и либеральных ценностей.

Ключевые слова: консерватизм; консервативная идеология; либерализм; либеральный консерватизм; Б.Н. Чичерин; П.Б. Струве.

Введение, постановка проблемы

Спор о роли консервативной идеологии в России ведётся уже более полутора веков, со времен, когда была сформулирована знаменитая уваровская триада «православие, самодержавие, народность».

Консерватизм до сих пор не имеет однозначной оценки, рассмотрение его баланса с либеральными ценностями является целью данного исследования. Современный российский консерватизм опирается на предшествующие идеи, сформулированные еще в XIX веке, однако, сохранив базовые традиционные элементы ранних теорий, он существенно эволюционировал.

Обзор литературы

Современные исследователи отмечают, что попытка объединить либеральные начала и консервативную модель общества наиболее интересна именно сейчас, в эпоху идеологической неопределенности. При этом чичеринский подход, рассматривающий право и государственную власть в тесной связи с моралью, дает продуктивную альтернативу как правовому позитивизму, так и чистому морализаторству в правопонимании [Соловьева, Ермолов, 2025: 137]. Политико-правовые взгляды Б.Н. Чичерина можно охарактеризовать как равновесие либеральных и консервативных ценностей, критикующие как уличный либерализм, так и охранительный консерватизм негативно оценивающий любые реформы [Арбатский, 2026: 15].

Несмотря на наличие ряда глубоких работ, посвященных отдельным аспектам учения Б.Н. Чичерина, их комплексное осмысление в контексте выработки современной национальной идеи требует дальнейшего исследования.

Обсуждение проблемы

Новое время в европейской политической мысли породило явление – идею либерализма. Каждая национальная философская школа внесла в неё собственный вклад: французская политическая идея – высшую ценность прав и свобод личности, англичане в лице И. Бентама примат свободы предпринимательства и неограниченного рынка, немецкая философия В.Гумбольдта – сочетание государственного порядка и свободы. Объективная политическая реальность, специфика взаимоотношений общества и государства в каждой отдельной стране повлияли на формирование и преломление идеи либерализма с учетом национально-государственных особенностей. Общим условием, воздействовавшим на все национальные школы политической философии, было то, что Европа к XIX веку, так или иначе, прошла через опыт буржуазных революций, приобретя парламентские институты власти, конституции, легитимизовавшие идеи эпохи Просвещения о правах и свободах личности. С этой точки зрения, идея либерализма отталкивалась не только от теоретического, но и богатейшего практического опыта. Как результат, европейская либеральная мысль отталкивалась от идеи абсолютного приоритета прав личности, рассматривая государство лишь, как необходимое зло, которое может временно ограничивать индивидуальные свободы на определенном этапе развития.

Российская империя до середины XIX века не сталкивалась с революционной волной, а, следовательно, не имела буржуазных институтов власти. Великие реформы

60-х гг. XIX века представляли собой либеральные преобразования, проводимые монархией при полном сохранении абсолютизма. В этих условиях Б. Н. Чичерин, выдающийся русский политический мыслитель, разрабатывает идею «либерального консерватизма» или «охранительного либерализма». П.Б. Струве в своей речи, произнесенной в Белграде в Русском научном институте к 100-летию со дня рождения Б.Н. Чичерина, отмечал, что он <Чичерин> «в своем духовно-общественном делании никогда не переставал неразрывно сочетать консерватизм и либерализм, являя в этом отношении самую законченную и яркую фигуру в истории духовного и политического развития России» [Струве, 1911: 459].

Особенностью российского варианта либерализма, предложенного им в трудах «О народном представительстве» (1866 г.), «Собственность и государство» (1882-1883 гг.), «Курс государственной науки» (1894-1898 гг.), являлось сочетание либеральных гражданских свобод с сильной государственной властью как гарантом стабильности, порядка и существования прав личности, как таковых. По Б.Н. Чичерину единственно возможной формой правления является монархическая, но политический режим при этом не обязательно должен носить признаки авторитаризма. С точки зрения типологии абсолютизма, его либеральный консерватизм это идеология, создающая по сути новый вариант просвещенного абсолютизма, сочетающего монархические основы с либеральными правами и свободами.

Консерватизм Б.Н. Чичерина хоть и связан неразрывно с существованием монархического государства, но конструкция совершенно не является архаичной, она работает на эволюцию сильной монархической власти, укрепляя её опору на новые социальные слои за счет реализации либеральных ценностей.

Одной из дискуссионных точек зрения является та, что консерватизм и либерализм несочетаемы. Например, А.А. Васильев замечает, что либеральный консерватизм представляют как идеологию преемственного развития государства и права с учетом западных правовых ценностей, таких как свобода, равенство, парламентаризм и другие ценности выработанные в эпоху буржуазных революций, в свою очередь, как отмечает правовед, такой подход «ведет к размыванию сущности консерватизма как национальной правовой идеологии и позволяет к консерватизму относить те идеи и ценности, которые традиционными и укоренными в национальной правовой культуре России не являются» [Васильев, 2023]. Есть подход, признающий возможность синтеза двух противопоставляемых идеологий. Так, П.Б. Струве считал консерватизм идеологией утверждения «всемирного единства, или соборной личности народа, и против классовых поползновений, и против безоглядных притязаний личности, т.е. против чрезмерностей коллективизма и против крайностей индивидуализма. Консерватизм в этом понимании получает — рядом с либерализмом — какое-то особое и весьма широкое значение и обоснование» [Струве, 1994: 131-132]. Исследуя правовую культуру России, А.В. Поляков замечает, что очевиден приоритет русского консерватизма основанного на православном мировоззрении при одновременном наличии и «серьезных либеральных «инъекций», которые не могли не оставить свой след в культуре России» [Поляков, 2008: 22]. В этой связи, политико-правовые воззрения Б.Н. Чичерина интересны с позиции определения их идеологической сущности, поскольку основу его учения «составляет консерватизм (наиболее ярко проявившийся в политико-правовых построениях), соединенный с идеями, которые легко принять за ортодоксально либеральные (например, в концепции гражданского общества)» [Поляков, 2014: 195].

Исследователи наследия Б.Н. Чичерина часто заостряют внимание на анализе самой возможности практической реализации сочетания либерализма и консерватизма. П.Б. Струве исследуя взгляды Б.Н. Чичерина подметил, почему отечественный правовед занимает особое место в истории социально-гуманитарной науки России, это связано с тем, что «он представлял в ней самое законченное, самое яркое выражение гармонического сочетания в одном лице идейных мотивов либерализма и консерватизма <....> в своем духовно-общественном делании всегда сочетал консерватизм и либерализм» [Струве, 2016: 655, 659]. Отстаивая необходимость поиска баланса между свободой и сильной государственной властью, Б.Н. Чичерин «выступал как либеральный консерватор, решительно борясь с крайностями либерализма и радикализмом общественного мнения» [Омельченко, 2009: 21]. Его наследие оставляет, по выражению А.Е. Миронова, сформулированную непротиворечивую либерально-консервативную концепцию претендующая «как на роль общей теории политической реальности вообще, так и на роль теории устройства российского политического порядка и его развития» [Миронов, 2008: 81].

Иногда вопрос ставится шире: возможно ли сочетание демократии и монархии, демократии и правового государства. Еще в начале XX века, эту проблему анализировал П.Б. Струве в своей статье «Либерализм, демократия, консерватизм и современные движения и течения», где утверждал, что возможна «демократическая, парламентская или, наоборот, плебисцитарная, монархия; возможна в разных видоизменениях демократическая республика: фиктивное возглавление государства верховным сановником, как во Франции; реальное ее возглавление таковым, как в Соед. Штатах Сев. Америки; отсутствие всякого возглавления, функционально отличного от правительства, как это наблюдается сейчас в целом ряде государств» [Струве, 1994: 131].

Как видится авторам, П.Б. Струве, ставит в один ряд и президентскую власть и наследственное правление, объединяя глав государства по признаку обладания верховной властью, а не по источнику ее возникновения и другим признакам. И, хотя, с точки зрения теории государства, эта позиция спорна, логика объединения позволяет ему, как и Б.Н. Чичерину, вывести некоторые универсальные правила взаимодействия государства, в лице носителя сильной власти, и личности, обладающей свободами и правами.

Для объяснения этой конструкции П.Б. Струве в своей статье дал определение либерализма и, оттолкнувшись от него, поставил перед читателями сложные и закономерные вопросы: имеют ли какие-либо границы права личности? До какой степени государство вправе ограничивать их? С одной стороны: «либерализм утверждает свободу лица, утверждает ее — в случае необходимости — и против власти, и против других лиц. ... существенно, что либерализм утверждает свободу лица против всякой власти, как бы она ни была организована, в том числе и против народовластия, или демократии» [Струве, 1994: 131], с другой, — «это и значит, что либерализм в его «чистом понятии» вовсе не ставит прямо или непосредственно вопроса об организации власти или о государственном устройстве в тесном и точном смысле» [Струве, 1994: 131]. В этом смысле он утверждает, что либерализм и консерватизм сочетаемы при любом способе организации власти и должны быть реализованы через «гармонию между идеями свободы лица и народовластия, с одной стороны, и крепостью государства, как некоего всемирного единства, с другой стороны» [Струве, 1994: 132]. В этой связи необходимо отметить появление и актуализацию такой категории как «органическое государство», которое понимается в правовой науке, как «иерархически

упорядоченное единство народа, а также единство политико-правовой системы и духовно-нравственных ценностей народа» [Грачев, Румянцева, 2025: 15].

Для воззрений Б.Н. Чичерина характерно разграничение субъективного и объективного права, субъективное право есть законная свобода, в то время как объективное право выступает в качестве закона, который определяет эту свободу, что позволяет Б.Н. Чичерину дать определение права: «право есть свобода, определяемая законом» [Чичерин, 2025: 61]. В свою очередь, в его рассуждениях прослеживается следующая логическая конструкция: поскольку свобода является правом только в том случае, если она признается на практике законом, а, в то же время, закон устанавливается только государством, то именно поэтому «от государства зависит определение прав как отдельных лиц, так и входящих в него союзов. По своей природе оно является верховным союзом на земле» [Чичерин, 1883: 302].

Однако из данного определения не следует, что государство должно подавлять личность. Напротив, в своей концепции «охранительного либерализма» Б.Н. Чичерин приходит к выводу, что подлинная свобода возможна только при сильной государственной власти. Как он сам формулировал, необходимы «либеральные меры и сильная власть». Под либеральными мерами он подразумевал обеспечение прав граждан, свободу мысли, совести и общественной самодеятельности, но реализоваться эти свободы могут лишь под надзором сильной власти, охраняющей государственное единство и законность [Чичерин, 2025: 318]. В этой связи в учении Б.Н. Чичерина прослеживается позиция признания прав и свобод человека как высшей ценности при признании необходимости сильной власти, так как «лишь сильное государство может быть гарантом свободы, достоинства граждан, осуществлять дальнейшее развитие реформ и защитить страну от революционных потрясений» [Начапкин, 2011: 82]. Таким образом, сильное государство выступает у него не врагом свободы, а ее главным гарантом, ограждающим общество, как от анархических стихий, так и от ретроградства, что позволяет проводить реформы непосредственно государством, а «не вырываться «снизу» под давлением революции» [Арбатский, 2026: 15].

Развивая тему соотношения силы власти и свободы, можно привести концепцию либерального консерватора И.А. Ильина. Мыслитель настаивал на том, что государство представляет собой одновременно и властную организацию, и организацию свободы. Эти два начала выступают своего рода координатами, задающими его задачи и границы. И.А. Ильин предостерегал от двух крайностей: если ослабевает власть, общество погружается в хаос, если же власть пренебрегает свободой, наступают судороги насилия и террора. Гармония, по И.А. Ильину, достигается лишь тогда, когда государство черпает свою силу из свободы граждан и служит ее поддержанию. При этом власть должна повелевать и принуждать, но принуждение это должно быть обращено к разуму и духу, а не только к инстинкту страха, иначе государство неизбежно вырождается в тоталитарный механизм, поскольку «свобода граждан должна быть верным и могучим источником государственной власти» [Ильин, 2011: 265]. При этом, как подчеркивает И.А. Ильин, государственная власть имеет строго определенное и ограниченное призвание, а потому сильная власть ни в коем случае не тождественна власти тоталитарной. По его убеждению, власть не «всемогуща» и не должна произвольно распоряжаться всем подряд.

Сфера, требующая добровольного самоопределения человека, его творческой инициативы и живого дыхания, не подлежит командному управлению, ведь человек — это не машина, а живой организм. Дух, совесть, любовь, вера не порождаются принуждением и нелепы в качестве объекта государственного повеления. В связи с этим действительная задача власти заключается не в тотальном контроле, задача «сводится к правовому обеспечению свободы, к препятствованию всем злым и соблазнительным начинаниям, к организации народного просвещения и к выделению людей благой воли» [Ильин, 2011: 327]. Именно в таком понимании истинная сила государства проявляется не в объеме вторжения в частную жизнь, а в способности оставаться правовым гарантом свободы и порядка.

Таким образом, сильная государственная власть не противопоставляется свободе, равно и демократии, по сути Б.Н. Чичерин как основоположник российского либерального консерватизма по верному замечанию А.С. Кокорева, выступает как «активный поборник идеи сильного государства, играющего основополагающую роль в исторических судьбах народа» [Кокорев, 2011: 745]. Именно поэтому Б.Н. Чичерин считал возможным государством ограничивать свободы, если это полезно для народа и сохранения порядка, так как большая «или меньшая мера свободы зависит единственно от усмотрения власти, стоящей во главе союза и располагающей силами отдельных лиц для блага целого, какова бы ни была эта власть, республиканская или монархическая» [Чичерин, 1899: 707]. Необходимо подчеркнуть, что использование категорий по типу «блага целого» неразрывно связано с пониманием категории «отечество». Для Б.Н. Чичерина существует некая среда, в которой человек рождается, живет, умирает, являясь частью целого, то есть отечества, которое можно рассматривать в качестве вечной идеей, которой человеку необходимо: «служить всем своим существом, жертвуя для него даже жизнью. Любовь к отечеству составляет одно из самых высоких и священных человеческих чувств. Эта идея отечества, получая общую организацию, устраиваясь как одно целое, имеющее одну волю, становится государством» [Чичерин, 1894: 9].

В целом, либеральный консерватизм характеризуется сочетанием с одной стороны необходимости проведения модернизации с учетом ценностей, наивысшей из которых является свобода, в частности, свобода личности, а, с другой стороны, как справедливо замечает Д.В. Рыбин, с точки зрения дореволюционных либеральных консерваторов, в случае таких преобразований «Россия не должна была утратить свои духовные и национальные традиции и обязательно должна была сохранить национальную и культурную идентичность (консерватизм)» [Рыбин, 2026: 311].

В настоящее время на уровне подзаконных нормативных актов имеющих стратегическое значение определены перечень традиционных российских духовно-нравственных ценностей в частности в пункте 14 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей определены следующие традиционные ценности: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России»¹. Для защиты, равно как и укрепления

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных

ценностей [Электронный ресурс] : Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

данных ценностей необходима сильная власть, так как защита национального суверенитета предполагает наличие необходимой воли и средств для осуществления соответствующей политики. Нужно учитывать, что конституционная реформа 2020 г. стала конституционной основой для своеобразной консервативной модернизации в духе либерального консерватизма. Верно, отмечает В.В. Гошуляк, что масштабные поправки в Конституцию РФ были внесены именно на основе идеологии консерватизма, но при этом они не превратили либеральную модель Основного закона в полностью консервативную. Исследователь приходит к выводу, что либеральная и консервативная идеологии в данном случае не конфликтуют, а выступают взаимодополняющими, поскольку «применение их в совокупности в конституции государства позволяет преодолеть ограниченность и недостатки каждой из указанных моделей» [Гошуляк, 2025: 43].

Конституционная реформа 2020 г. и государственная политика по защите традиционных ценностей во многом наследуют и актуализируют идеи либерального консерватизма, сформулированные русскими мыслителями XIX – начала XX веков. Наблюдаемое сегодня переплетение либеральных начал (признание прав и свобод человека высшей ценностью) с консервативными (служение Отечеству, государственное единство, патриотизм) подтверждает тезис о том, что в России либерализм и консерватизм могут не исключать, а дополнять друг друга. Исторический опыт показал, что абсолютизация только либеральных или только консервативных моделей неизбежно приводит к кризисным явлениям, поэтому современная российская государственность, подобно модели Б.Н. Чичерина, ищет ту «золотую середину», где сильное, суверенное государство выступает фактическим гарантом существования и реализации прав и свобод. Нарушение этого баланса, как справедливо предупреждали И.А. Ильин и Б.Н. Чичерин, чревато либо развалом государственности (вседозволенность), либо формированием тоталитарного государственного режима. В этом смысле либеральный консерватизм выступает не как случайный компромисс, а как глубоко укорененная в российской правовой культуре матрица взаимодействия личности и государства.

Вывод

Подводя итог проведенному исследованию, можно с уверенностью утверждать, что отечественный либеральный консерватизм имеет собственные черты, отличные от европейских. В отличие от классического европейского либерализма, который рассматривает государство не иначе как «ночного сторожа», что приводит к абсолютизации прав и свобод в ущерб национальному единству и служению Отечеству, российская консервативная мысль, в лице Б.Н. Чичерина и сторонников либерального консерватизма, органично интегрировали идею сильного государства в концепцию либеральных преобразований.

Консерватизм в России исторически является не внешним идеологическим заимствованием, а естественным элементом традиционного национального сознания. Его важнейшей спецификой выступает понимание государства не как «необходимого зла», а как организованного отечества. Именно в рамках сильной государственной власти, по мнению отечественных правоведов, только и становится возможной реальная гарантированность прав и свобод личности. Следовательно, сильная власть и либеральные ценности в российской модели не противопоставлены, а находятся в диалектическом единстве: государственная власть черпает свою легитимность и силу, в том числе и из признания прав граждан, а свободы граждан могут быть защищены только крепкой государ-

ственной организацией. Сильное, суверенное государство является гарантом свободы, а свобода — духовным источником силы самого государства. Именно в этом синтезе заключается уникальность и непреходящая актуальность российского либерального консерватизма.

Литература

1. Арбатский С.А. Государство и право в политико-правовой доктрине Б.Н. Чичерина: синтез либерализма и консерватизма // Теория государства и права. – 2026. – № 1. – С. 14–20.
2. Васильев А.А. Консервативная правовая идеология России: теологические и духовные аспекты: монография. М., 2023 [Электронный ресурс]. – URL: <https://e.lanbook.com/book/298082> (дата обращения: 17.07.2026).
3. Гошуляк В. В. Идеология консерватизма в обновленной Конституции Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – Т. 20, № 6. – С. 35–44.
4. Грачев Н.И., Румянцева В.Г. О государстве и верховной власти: теория традиционализма // Российское право онлайн. – 2025. – № 4. – С. 10–16.
5. Ильин И.А. Национальная Россия: наши задачи. М., 2011. 464 с.
6. Кокорев А.С. Научное наследие Б.Н. Чичерина и современность // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 12. – С. 744–748.
7. Миронов А. Е. Концепция «либерального консерватизма» Б. Н. Чичерина // Социум и власть. – 2008. – № 4. – С. 81–86.
8. Начапкин М.Н. Либеральный консерватор Б.Н. Чичерин о проблемах формирования в России гражданского общества и правового государства // XIV Международная конференция «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», 17-18 марта. – 2011. – С. 80–86.
9. Омельченко Н.А. Свобода или порядок (к вопросу о консервативной и либеральной традиции в России) // Власть. – 2009. – № 4. – С. 18–21.
10. Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. СПб., 2014. 575 с.
11. Поляков, А.В. Коммуникативная теория права как вариант интегрального правопонимания // Правовые идеи и институты в историко-теоретическом дискурсе / под. ред. Л.Е. Лаптевой. М., 2008. С. 8-25.
12. Рыбин Д.В. Идеология движения либеральных легалистов и теория консервативного либерализма // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. № 2. С. 304-316.
13. Соловьева В.В., Ермолов И.О. Учение Б.Н. Чичерина о государстве // Научный лидер. – 2025. – № 25. – С. 136–137.
14. Струве П.Б. Б.Н. Чичерин и его место в русской образованности и общественности (Речь, произнесенная в заседании Русского научного института в Белграде) // Консерватизм: pro et contra, антология. СПб., – 2016. – С. 649–659.
15. Струве П.Б. О мере и границах либерального консерватизма // Полис. – 1994. – № 3. – С. 131–134.
16. Струве П.Б. Патриотика. Политика, культура, религия, социализм: сборник статей за пять лет (1905-1910 гг.). СПб, 1911. 619 с.
17. Чичерин Б.Н. Философия права. Избранные сочинения. М., 2025. 371 с.
18. Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1899. 810 с. – 810 с.
19. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. I: Общее государственное право. М., 1894. 482 с. – 482 с.

20. Чичерин Б.Н. Собственность и государство. Ч. 2. М., 1883. 457 с. – 457 с.

Liberal conservatism of B.N. Chicherin as an ideology of harmony between freedom and strong authority
Zgorzhelskaya S.S., Birulya A.S.

V.M. Lebedev Russian State University of Justice

The article is devoted to analyzing the uniqueness of the Russian variant of liberalism – liberal conservatism. The internal interrelationship of conservative and liberal views without internal conflict, based on mutual complementarity, is examined. The article demonstrates that the emergence of this ideology is conditioned by the peculiarities of the tradition of strong authority in Russia. A comparative analysis of B.N. Chicherin's liberal conservatism and European liberalism is conducted. The influence of B.N. Chicherin's conservatism on contemporary liberal ideology and the connection of conservative ideas with modern constitutional reforms in the Russian Federation are studied. The research concludes that conservatism in Russia is one of the elements of national consciousness that underlies state policy. Its distinctive feature is the dialectical unity of strong authority and liberal values.

Keywords: conservatism; conservative ideology; liberalism; liberal conservatism; B.N. Chicherin; P.B. Struve

References:

1. Arbatskii, S.A. (2026) State and law in the political and legal doctrine of B.N. Chicherin: a synthesis of liberalism and conservatism. *Teoriya gosudarstva i prava*. (1), 14–20. (In Russian).
2. Vasiliev A.A. Vasil'ev, A.A. (2023) Konservativnaya pravovaya ideologiya Rossii: teologicheskie i dukhovnye aspekty [Conservative legal ideology of Russia: theological and spiritual aspects]. Moscow. Available from: (In Russian) [Электронный ресурс]. – URL: <https://e.lanbook.com/book/298082> (дата обращения: 17.07.2026).
3. Goshuliak, V.V. (2025) Ideology of conservatism in the renewed Constitution of the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 20 (6), 35–44. (In Russian).
4. Grachev, N.I. & Rumiantseva, V.G. (2025) On the state and supreme power: the theory of traditionalism. *Rossiyskoe pravo onlayn*. (4), 10–16. (In Russian).
5. Il'in, I.A. Il'in, I.A. (2011) *Natsional'naya Rossiya: nashi zadachi* [National Russia: our tasks]. Moscow. 464 P. (In Russian). Moscow, 2011. – 464 c.
6. Kokorev, A.S. (2011) Scientific heritage of B.N. Chicherin and modernity. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. (12-2), 744–748. (In Russian).
7. Mironov, A.E. (2008) The concept of “liberal conservatism” of B.N. Chicherin. *Sotsium i vlast'*. (4), 81–86. (In Russian).
8. Nachapkin, M.N. (2011) Liberal conservative B.N. Chicherin on the problems of formation of civil society and the rule of law in Russia. In: XIV Mezhdunarodnaya konferentsiya “Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire” [XIV International Conference “Culture, Personality, Society in the Modern World”]. Ekaterinburg. Pt. 3, P. 80–86. (In Russian).
9. Omel'chenko, N.A. (2009) Freedom or order (towards the question of conservative and liberal tradition in Russia). *Vlast'*. (4), 18–21. (In Russian).
10. Poliakov, A.V. (2008) *Kommunikativnaya teoriya prava kak variant integral'nogo pravoponimaniya* [Communicative theory of law as a variant of integral legal understanding]. In: Lapteva, L.E. (ed.) *Pravovye idei i instituty v istoriko-teoreticheskom diskurse* [Legal ideas and institutions in historical and theoretical discourse]. Moscow. P. 8–25. (In Russian).
11. Poliakov, A.V. (2014) *Kommunikativnoe pravoponimanie: Izbrannye trudy* [Communicative legal understanding: Selected works]. St. Petersburg. 575 P. (In Russian).
12. Rybin, D.V. (2023) Ideology of the liberal legalists movement and the theory of conservative liberalism. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Istoriya. 68 (2), 304–316. (In Russian).
13. Soloveva, V.V. & Ermolov, I.O. (2025) B.N. Chicherin's doctrine of the state. *Nauchnyy lider*. (25), 136–137. (In Russian).
14. Struve, P.B. (1911) *Patriotika. Politika, kul'tura, religiya, sotsializm. Sbornik statey za pyat' let (1905-1910 gg.)* [Patriotica. Politics, culture, religion, socialism. Collection of articles for five years (1905-1910)]. St. Petersburg. 619 P. (In Russian).
15. Struve, P.B. (1994) On the measure and limits of liberal conservatism. *Polis*. (3), 131–134. (In Russian).
16. Struve, P.B. (2016) B.N. Chicherin i ego mesto v russkoy obrazovannosti i obshchestvennosti [B.N. Chicherin and his place in Russian education and public life]. In: *Konservatizm: pro et contra. Antologiya* [Conservatism: pro et contra. Anthology]. St. Petersburg. P. 649–659. (In Russian).
17. Chicherin, B.N. (1883) *Sobstvennost' i gosudarstvo. Chast' 2* [Property and state. Part 2]. Moscow. 457 P. (In Russian). – 457 c.
18. Chicherin, B.N. (1894) *Kurs gosudarstvennoy nauki. Chast' I: Obshchee gosudarstvennoe pravo* [Course of state science. Part I: General state law]. Moscow. 482 P. (In Russian). – 482 c.
19. Chicherin, B.N. (1899) *O narodnom predstavitel'stve* [On popular representation]. Moscow. 810 P. (In Russian). – 810 c.
20. Chicherin, B.N. (2025) *Filosofiya prava. Izbrannye sochineniya* [Philosophy of law. Selected works]. Moscow. 371 P. (In Russian).

Контракты Build-Own-Operate (BOO) Росатома как инструмент внешнеполитического влияния: выход за рамки классической мягкой силы

Аймалетдинов Рауф Раисович

магистрант кафедры международных отношений Российского государственного гуманитарного университета Москва, Российская Федерация e-mail: r@ajmaletdinov.ru

В статье рассматривается модель Build-Own-Operate (BOO), применяемая Госкорпорацией «Росатом» в зарубежных атомно-энергетических проектах, как особый механизм внешнеполитического влияния. На примере АЭС «Аккую» выявлены особенности контрактной архитектуры, при которой российская сторона совмещает функции инвестора, собственника и оператора объекта. Показано, что длительное участие в финансировании, эксплуатации, поставках топлива, подготовке кадров и техническом обслуживании формирует устойчивую институциональную и технологическую связанность между государствами. Методологическую основу составили сравнительный, структурно-функциональный и кейс-анализ. Установлено, что модель BOO лишь частично соответствует классической концепции мягкой силы, поскольку ее воздействие основано на привлекательности технологий и образцовых практик и контроле над инфраструктурой, долгосрочных обязательствах и включенности в стратегическую отрасль страны-партнера. Сделан вывод о комплексном характере такого влияния.

Ключевые слова: Росатом, Build-Own-Operate, модель BOO, атомная энергетика, внешнеполитическое влияние, мягкая сила, структурная сила, инфраструктурная взаимозависимость, АЭС «Аккую», международные энергетические проекты.

Межправительственное соглашение России и Турции от 12 мая 2010 г. задало для АЭС «Аккую» особую договорную схему. Модель Build-Own-Operate соединила сооружение объекта с последующим правом собственности. Эксплуатация тоже осталась за инвестором. Российская сторона учредила в Турции специальное акционерное общество. К нему перешло право на станцию и произведенную электроэнергию. На это же юридическое лицо легла ответственность за весь жизненный цикл, вплоть до демонтажа. При обычном EPC-контракте заказчик должен получить готовый объект после завершения работ, а BOO сохранил участие исполнителя после пуска энергоблоков.

Отличия BOO от других моделей реализации инфраструктурных проектов представлены на рисунке 1.

Параметр	 EPC (Engineer-Procure-Construct)	 BOT (Build-Operate-Transfer)	 BOO (Build-Own-Operate)
Строительство	Подрядчик (исполнитель)	Инвестор (частная компания)	Инвестор (Росатом)
Владение после ввода	Заказчик	Инвестор на период действия контракта	Инвестор бесконечно (сохраняет право собственности)
Эксплуатация	Заказчик	Инвестор до момента передачи объекта	Инвестор на протяжении всего жизненного цикла
Передача объекта	Сразу после завершения строительства	После истечения срока контракта	Передача не предусмотрена
Источник возврата вложений	Оплата от заказчика	Доходы от эксплуатации объекта (продажа электроэнергии)	Доходы от продажи электроэнергии на всем сроке службы
Основной риск	Строительный риск на подрядчике	Строительный и рыночный риск на инвесторе	Полный риск жизненного цикла на инвесторе

Рисунок 1 – Сравнение контрактных моделей EPC, BOT и BOO

На других зарубежных стройках Росатома сложилась иная схема. В проекте «Пакш-2» венгерская Paks II NPP Ltd. сохранила статус заказчика, «Атомстройэкспорт» получил роль генерального подрядчика. Для «Аккую» межправительственный акт закрепил собственную корпоративную конструкцию. AKKUYU NÜKLEER A.Ş. стала владельцем АЭС.

Распределение долей и обязательств сохранило за российской стороной решающее влияние на проектную компанию. Основные условия представлены в таблице 1.

Таблица 1

Корпоративные и экономические параметры АЭС «Аккую»

Параметр	Закрепленное условие	Значение для модели BOO
Акционерный контроль	Не менее 51% акций — у российских уполномоченных организаций	Сохранение решающего влияния Росатома на управление проектной компанией
Участие турецкого капитала	Передача до 49% акций — после согласования России и Турции	Допуск местных инвесторов без утраты контрольного пакета
Состав станции	Четыре энергоблока ВВЭР-1200	Концентрация всего атомного комплекса в активе одной компании
Установленная мощность	4,8 ГВт	Значимый вклад в энергосистему Турции
Плановая выработка	Около 35 млрд кВт·ч в год	Формирование долгосрочной выручки после ввода всех блоков
Проектный ресурс	60 лет для каждого реактора	Длительный горизонт возврата вложений и эксплуатации
Распределение рисков	Рыночная нагрузка — на инвесторе; часть сбыта — по долгосрочному РРА	Снижение неопределенности доходов без полного переноса риска на турецкую сторону
Надзор	Исполнение требований турецкого ядерного регулятора	Сочетание права собственности Росатома с национальной юрисдикцией принимающей страны

Цена по PPA не стала произвольной гарантией доходности. Соглашение связало тариф с возвратом капитальных затрат. Операционные расходы получили отдельное покрытие. Условия учли обслуживание долга и возврат вложений акционерам. Для каждого блока пятнадцатилетний период стал горизонтом окупаемости.

Повышение компонентов цены в течение PPA исключено, верхний предел годовой корректировки зафиксирован на отметке 15,33 цента за кВт·ч. Изменение турецкого законодательства повлекло пропорциональную компенсацию дополнительных расходов в пределах доли энергии, закупленной TETAŞ.

Страхование рисков инвестиционного и эксплуатационного периодов тоже легло на владельца. Турция приняла обязанность обеспечить разрешительные процедуры по национальному законодательству. После окончания договора купли-продажи электроэнергии, но не ранее чем через 15 лет после запуска каждого блока, Анкара получила право на 20% чистой прибыли. Ежегодная выплата предусмотрена до конца срока службы АЭС.

Контракт охватил затраты, которые в обычной строительной сделке возникли бы уже после передачи объекта. Оператор должен перечислить по 0,15 цента США с каждого проданного в рамках PPA киловатт-часа на счет обращения с отработавшим топливом и радиоактивными отходами. Еще 0,15 цента направлены в фонд будущего демонтажа.

Поставки свежего ядерного топлива получили основу в долгосрочных соглашениях. Переработка отработавших российских сборок в РФ допущена отдельной договоренностью. Экономическая модель связала окупаемость капитала с расходами всего периода эксплуатации и завершающей стадии.

Л. С. Смирнова в работе 2025 г. применила дедуктивный подход: сопоставила теорию ГЧП, нормативную базу и практику инфраструктурных соглашений. Автор выделила собственность, возврат инвестиций и распределение рисков как основные вопросы структурирования атомных проектов [3]. На материале «Аккую» эти элементы получили закрепление в межправительственном акте. Частный по форме субъект взял на себя капиталоемкий объект, государство-партнер сохранило регулирующие полномочия, доходность получила опору на долгосрочный сбыт.

Участие турецкого бизнеса получило контрактную основу еще на строительной стадии. Генподрядчик должен широко привлечь местные компании после подтверждения требований ядерной безопасности.

К 2023 г. перечень поставщиков включил свыше 400 организаций. На них пришлось около 40% строительно-монтажных работ и поставок. Эта часть встроила национальных подрядчиков в производственную цепочку Росатома. Кадровая подготовка вошла в договор. Документ предусмотрел бесплатное обучение граждан Турции и полнофункциональный тренажер на площадке.

3 апреля 2018 г. на первом энергоблоке залили бетон в основание. С этого момента «Аккую» перешла к полноценному строительству. В 2020 г. очередь дошла до второго блока, через год — до третьего. Последним стал четвертый, работы на нем начались в июле 2022 г.

Площадка заняла около 11 км², поэтому четыре стройки пришлось вести как один большой проект. К 2022 г. «Аккую» стала единственной зарубежной АЭС российского дизайна, где одновременно возвели все энергоблоки.

Последовательность ключевых этапов проекта отражена на рисунке 2.

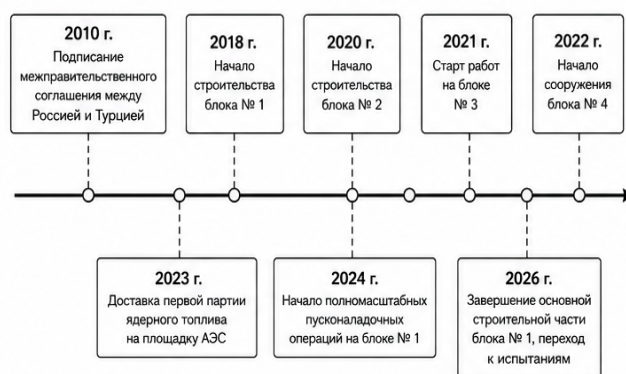

Рисунок 2 – Основные этапы реализации проекта АЭС «Аккую»

Особое значение получил переход от общестроительных операций к монтажу реакторного оборудования. На первом энергоблоке установили корпус ВВЭР-1200, парогенераторы, элементы главного циркуляционного контура и турбинную установку.

В декабре 2024 г. специалисты завершили монтаж турбины, а в феврале 2026 г. поставили повышающие трансформаторы. Каждый новый этап связал российские заводы с морской логистикой через Восточный грузовой терминал, созданный рядом со станцией для приема крупногабаритных деталей. Доставка по воде сократила нагрузку на дорожную сеть провинции Мерсин и позволила переместить оборудование, масса которого достигла нескольких сотен тонн.

27 апреля 2023 г. на площадку поступила первая партия свежего ядерного топлива. После этой церемонии Турция получила официальный статус страны с объектом атомной энергетики. Топливные сборки разместили в специальном хранилище под контролем национального регулятора.

В апреле 2024 г. на блоке № 1 начались полномасштабные пусконаладочные операции. Они охватили проверку технологических систем до загрузки рабочего топлива. В июне 2026 г. завершилась установка имитаторов тепловыделяющих сборок, с помощью которых персонал проверил геометрию активной зоны и работу перегрузочного оборудования. 23 июня руководство Росатома сообщило о завершении строительной части первого блока. Объект перешел к комплексу испытаний перед физическим пуском.

Параллельная работа на остальных реакторах сохранила последовательность общего графика. В июне 2026 г. на втором блоке началась сварка главного циркуляционного трубопровода. Проект предусмотрел 32 стыка и монтаж примерно 260 тонн труб и металлоконструкций.

Реджеп Тайип Эрдоган 5 декабря заявил, что конфликт пока не затронул совместные энергетические проекты. Вскоре Владимир Путин связал дальнейшую судьбу атомной станции с коммерческими расчетами. Договор сохранил силу, а после нормализации отношений стройка получила новый импульс.

27 апреля 2023 г. завоз ядерного топлива превратился в событие президентского уровня. Путин и Эрдоган подключились к церемонии по видеосвязи, турецкий лидер объявил о вступлении страны в клуб государств с атомной энергетикой. Мероприятие прошло незадолго до президентских выборов в Турции и дало Анкаре заметный символический результат — первую национальную АЭС, созданную при действующей власти. Для Москвы проект подтвердил способность завершить крупную зарубежную инициативу в условиях санкционного давления. «Аккую» вошла одновременно во внешнюю и внутреннюю повестку турецкого руководства.

Андрианов, Сироткин и Баженова в исследовании 2025 г. сопоставили российскую энергетическую дипломатию с концепцией Дж. Ная и отдельно выделили ядерное направление [7]. Это объяснило репутационный эффект, но пример Турции потребовал широкого понятийного аппарата.

Росатом получил прямой доступ к межправительственной повестке, поскольку любая крупная проблема вокруг станции потребовала участия высшего руководства. В мае 2025 г. министр иностранных дел Турции Хакан Фидан поднял вопрос о нерешенных трудностях «Аккую» на встрече с российским президентом. Коммерческая задача сразу перешла на дипломатический уровень.

Переход хозяйственного соглашения в устойчивый канал межгосударственного взаимодействия показан на рисунке 3.

Санкции после февраля 2022 г. усилили этот эффект. Отказ Siemens Energy передать часть оборудования вызвал задержку, после чего Росатом заказал замену в Китае. Эрдоган вынес спор на переговоры с канцлером Германии Олафом Шольцем. Атомная станция оказалась связана уже с отношениями Турции с Россией и европейскими партнерами. Анкара сохранила отказ от присоединения к западным ограничениям против Москвы, хотя продолжила поддержку Украины и членство в НАТО.

Рисунок 3 — Формирование внешнеполитического ресурса на основе ВОО-контракта

К 2026 г. проект затронул и вопрос о дальнейшем участии местного капитала. Росатом начал переговоры с турецкими компаниями о приобретении доли в проектной организации. Анкара выступила посредником по заблокированным платежам на сумму около 2 млрд долл.

Сочетание договорных, технологических, энергетических и дипломатических связей, сформированных в рамках проекта АЭС «Аккую», представлено на рисунке 4.

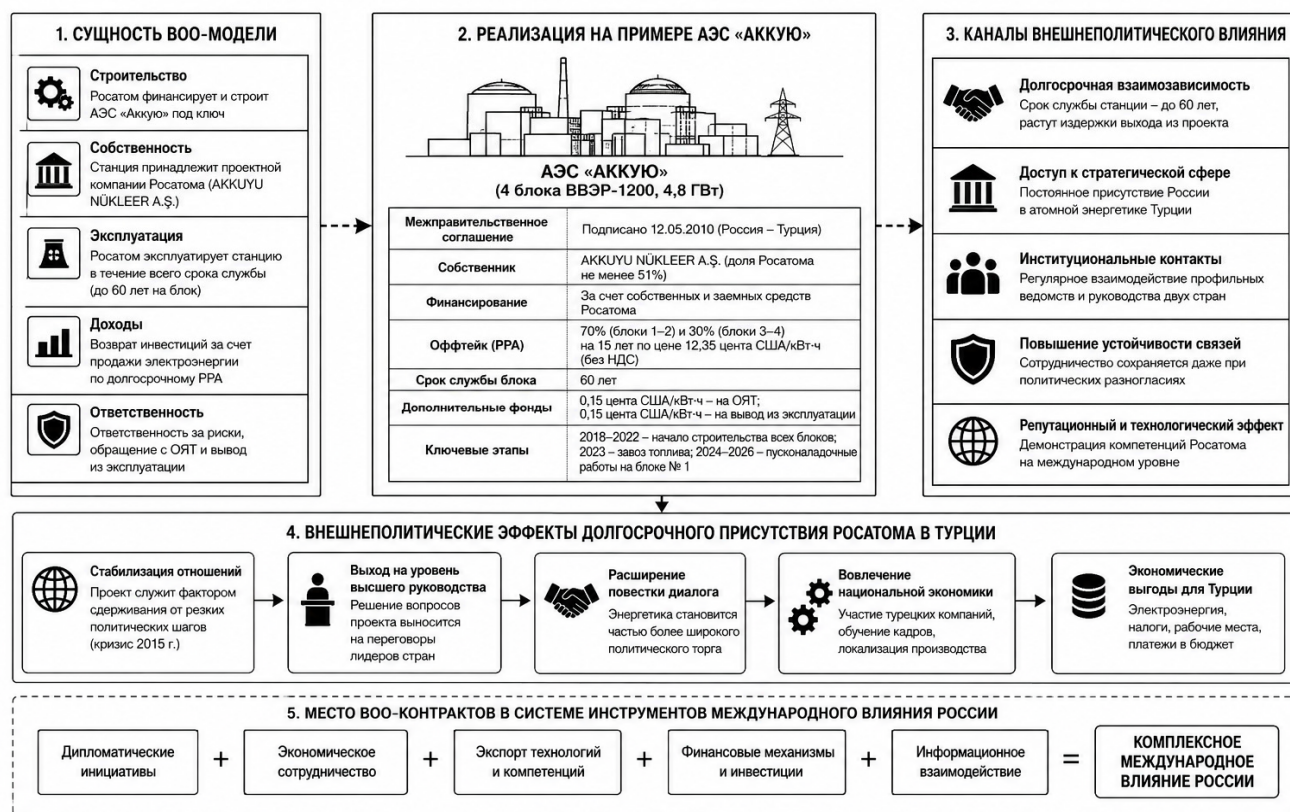

Рисунок 4 — ВОО-контракты Росатома как инструмент международного влияния на примере АЭС «Аккую»

Долгосрочное присутствие Росатома дало России устойчивый канал контакта с государством – членом НАТО. Анкара сохранила многовекторный курс и использовала взаимодействие с Москвой для расширения пространства собственного маневра. Влияние возникло через взаимные издержки возможного разрыва, постоянное участие руководителей двух стран и включение атомной тематики в более широкий политический торг.

В российской научной литературе международные энергетические проекты часто получили оценку через концепцию «мягкой силы». М. А. Неймарк связал ее возможности с привлекательностью отечественного опыта в условиях кризисной геополитики [1]. В. В. Андрианов, М.

С. Сироткин и М. В. Баженова перенесли этот подход на энергетическую дипломатию и раскрыли репутационный эффект крупных зарубежных инициатив [7]. Положительный образ технологий помог заключить соглашение, но дальнейшие отношения уже зависели от инфраструктуры, которую сложно заменить без крупных расходов.

Более точную характеристику дает асимметричная взаимозависимость. Обе страны заинтересованы в сохранении сделки, хотя каждая располагает своим ресурсом. Принимающая сторона оставила за собой суверенные полномочия и право изменить политический курс. Поставщик приобрел прочную позицию благодаря специальным знаниям и продолжительному участию в судьбе атомного

объекта. О. Н. Афанасьева и З. В. Татаренко сопоставили ВОО, ВОТ и целевое кредитование по открытым данным МАГАТЭ, материалам Росатома и отраслевым публикациям [8]. Авторы установили связь между выбранной финансовой схемой и формой зависимости импортера. В ВОО главный рычаг возник из сохранения собственности и операционной роли.

Международное значение атомного экспорта нельзя свести к одной станции. А. Б. Моттаева в 2025 г. провела комплексную оценку возможностей российской отрасли в условиях санкций и охватила весь путь от сооружения АЭС до последующего сервиса [5]. У страны-партнера появился единый центр компетенций, у Москвы сохранился профессиональный канал связи даже после ухудшения общей политической обстановки.

И. Ю. Мерзлов изучил практику государственно-частного партнерства в Европе и Азии за 2023–2025 гг. на основе данных международных банков развития, национальных документов и научных публикаций [10]. Сравнительный анализ подтвердил рост роли адаптивных инфраструктурных соглашений при геополитической нестабильности. Зарубежный ВОО-проект перенес эту логику на межгосударственный уровень, где хозяйственный интерес оказался связан с внешней политикой.

Внешнеполитический ресурс ВОО находится между экономической дипломатией и структурной силой. Принятые решения создали долгую траекторию сотрудничества и повысили цену резкого разрыва.

Литература

1. Неймарк М. А. Кризисная геополитика: опыт и перспективы «мягкой силы» России : монография / М. А. Неймарк ; Дип. академия МИД России. – Москва : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2023. – 323 с.
2. Абдыкалыков А. Государственно-частное партнерство в крупномасштабных проектах по добыче полезных ископаемых и управлению водными ресурсами // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2025. №3 (125). – С. 16-20.
3. Смирнова Л. С. Предпосылки и возможности для формирования новых бизнес-моделей реализации проектов атомных станций малой мощности // *ЭГП*. 2025. №3. – С. 1845-1864.
4. Артемова Д. А. Обзор мирового опыта развития сферы государственно-частного партнерства на примере республики индия // *Вестник науки*. 2024. №5 (74). – С. 26-31.
5. Моттаева А. Б. Определение экспортного потенциала атомной энергетики Российской Федерации в условиях геополитического кризиса // *E-Management*. 2025. №2. – С. 45-59.
6. Мельников В. В. Возможности и роль современных технологий и инструментов обеспечения ресурсосбережения в строительстве // *Экономика строительства*. 2025. №4. – С. 256-260.
7. Андрианов В. В., Сироткин М. С., Баженова М. В. Международные энергетические проекты России как инструмент «мягкой силы» // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025. №1. – С. 19-33.

8. Афанасьева О. Н., Татаренко З. В. Строительство АЭС как инструмент влияния экспортера ядерных технологий на энергетический и технологический суверенитет и долговую зависимость стран импортеров // *Экономика. Социология. Право*. 2026. №2 (42). – С. 9-16.

9. Козлова Н. В., Пономарева Т. Н., Фомченков А. Н. Современное партнерство власти и бизнеса: формы, проблемы, перспективы // *Вестник Академии знаний*. 2025. №1 (66). – С. 266-271.

10. Мерзлов И. Ю. Сравнительный анализ тенденций государственно-частного партнерства в европейских и азиатских странах в 2023–2025 годах // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2025. №5. – С. 40-50.

Rosatom's Build-Own-Operate (BOO) contracts as an instrument of foreign policy influence: beyond the classical concept of soft power Aimaletdinov R.R.

Russian State University for the Humanities

The article examines the Build-Own-Operate (BOO) model used by Rosatom in international nuclear energy projects as a specific mechanism of foreign policy influence. Using the Akkuyu Nuclear Power Plant as a case study, it identifies the contractual features under which the Russian side combines the roles of investor, owner, and operator. Long-term involvement in financing, operation, fuel supply, personnel training, and technical maintenance creates stable institutional and technological interdependence between the participating states. The study applies comparative, structural-functional, and case-study methods. The findings show that the BOO model only partially fits the classical concept of soft power, since its impact rests not only on the attractiveness of technologies and educational practices, but also on infrastructure control, long-term obligations, and participation in a strategic sector of the partner country. The article concludes that this influence has a complex and multidimensional character.

Keywords: Rosatom, Build-Own-Operate, BOO model, nuclear energy, foreign policy influence, soft power, structural power, infrastructure interdependence, Akkuyu Nuclear Power Plant, international energy projects.

References:

1. Neimark M. A. *Crisis Geopolitics: Experience and Prospects of Russia's "Soft Power"*. Monograph. Moscow: Dashkov and K° Publishing and Trading Corporation, 2023. 323 p.
2. Abdykalykov A. Public-Private Partnership in Large-Scale Mineral Extraction and Water Resource Management Projects. *Universum: Economics and Law*. 2025. No. 3 (125). Pp. 16–20.
3. Smirnova L. S. Preconditions and Opportunities for the Development of New Business Models for Small Modular Nuclear Power Plant Projects. *Economics, Entrepreneurship and Law*. 2025. No. 3. Pp. 1845–1864.
4. Artemova D. A. An Overview of Global Experience in the Development of Public-Private Partnership: The Case of the Republic of India. *Bulletin of Science*. 2024. No. 5 (74). Pp. 26–31.
5. Mottaeva A. B. Assessment of the Export Potential of the Russian Nuclear Energy Industry amid the Geopolitical Crisis. *E-Management*. 2025. No. 2. Pp. 45–59.
6. Melnikov V. V. Opportunities and the Role of Modern Technologies and Instruments for Resource Conservation in Construction. *Economics of Construction*. 2025. No. 4. Pp. 256–260.
7. Andrianov V. V., Sirotkin M. S., Bazhenova M. V. Russia's International Energy Projects as an Instrument of "Soft Power". *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025. No. 1. Pp. 19–33.
8. Afanasyeva O. N., Tatarenko Z. V. Nuclear Power Plant Construction as an Instrument of Influence of a Nuclear Technology Exporter on the Energy and Technological Sovereignty and Debt Dependence of Importing Countries. *Economics. Sociology. Law*. 2026. No. 2 (42). Pp. 9–16.
9. Kozlova N. V., Ponomareva T. N., Fomchenkov A. N. Contemporary Partnership between Government and Business: Forms, Problems and Prospects. *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2025. No. 1 (66). Pp. 266–271.
10. Merzlov I. Yu. Comparative Analysis of Public-Private Partnership Trends in European and Asian Countries in 2023–2025. *Intelligence. Innovations. Investments*. 2025. No. 5. Pp. 40–50.

Служение Отечеству как проявление патриотизма и гражданственности на различных этапах развития российского государства: исторический и правовой аспекты

Белых Ксения Сергеевна,
студентка 4 курса Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, belyh.ksyusha@yandex.ru

Наумов Илья Альбертович,
студент 4 курса Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, inaumov2004@gmail.com

В статье рассматривается эволюция институтов патриотизма и гражданственности, прослеживается закономерность понимания этих двух терминов на различных этапах исторического развития. Рассмотрены понятия «патриотизм» и «гражданственность» применительно к эпохам Ивана Грозного, Петра I, Екатерины II, поздней имперской эпохи, советского государства и современности. Показано юридическое закрепление обязанности служить Отечеству на каждой из стадий развития российского государства; особый акцент сделан на этапе с 1993 года по наше время. Также затронут аспект значимости традиционных ценностей, закреплённых на государственном уровне. Кроме того, в качестве одного из ключевых моментов работы приведено разграничение понятий «патриотизм» и «гражданственность». Патриотизм обозначен как внутреннее чувство, которое исходит из сознания человека. Гражданственность определена как внешнее проявление духовных ценностей, своеобразная идеология.

Ключевые слова: патриотизм, гражданственность, эволюция, государство, традиционные ценности, Отечество.

Введение

Патриотизм в традиционном понимании – любовь к Родине, к своему Отечеству. Это возвышенное чувство формируется в первую очередь на эмоциональном уровне. С другой стороны, патриотизм не ограничивается только чувствами и включает в себя так называемый социально-деятельностный компонент [1, с. 2]. Это означает, что чувство любви к Отечеству должно побуждать личность, группу людей, всю нацию действовать и трудиться на благо своей Родины [1, с. 2]. Понятие патриотизма также тесно связано с духовной сферой жизни общества. Во многом оно исходит от уровня сознания, менталитета и психических особенностей общества на разных этапах развития. Духовное начало позволяет и помогает человеку подняться до высоты истинного патриотизма, поскольку происходит формирование важных нравственных качеств. Немалую роль в формировании патриотизма играло и продолжает играть государство. Поэтому в данной работе будет рассмотрено понимание понятия «патриотизм» на разных исторических этапах (эволюция патриотизма) с объединением хронологических и конституционных аспектов (содержания и формы).

А что такое гражданственность? На самом деле данное понятие в какой-то степени схоже с патриотизмом. Гражданственность означает глубокое осознание человека частью своего государства, на благо которого он трудится и чьим интересам служит. В своей статье Ю.Н. Никифоров и А.Н. Скалина отмечают: «Гражданственность – это стержень личности, вокруг которого формируются все остальные ее качества» [2, с. 191]. Авторы справедливо приходят к выводу о том, что в понятие «гражданственность» включаются моральные качества [2, с. 191].

В рамках выбранной темы следует уделить внимание предпосылкам появления конституционной обязанности граждан служить Отечеству. Это положение не было сразу закреплено на законодательном уровне, и перед ним стояло множество, на первый взгляд, разрозненных событий. Мы рассмотрим служение Родине на разных этапах исторического развития, с особым вниманием к послереволюционному периоду и современной эпохе.

Интересно, что патриотические настроения появляются зачастую в тяжелые времена, в эпоху глубокого духовного кризиса внутри страны. Проследивая историческую закономерность, можно отметить, что каждый новый подъем патриотизма следовал за определенным вызовом, брошенным Российскому государству.

Эпоха правления Ивана Грозного

В данный временной период господствовало религиозное начало. Чётко прослеживается идеология служения великому князю, а затем царю (начиная с 1547г.) Подданные должны были беспрекословно подчиняться своему государю – измена царю приравнялась к измене Отечеству. Данное положение наглядно иллюстрируется в переписке Ивана Грозного с князем Андреем Курбским, где обсуждался круг социально-политических вопросов и затрагивалась тема роли церкви для государства.

В 1555-1556 годах было принято Уложение о службе. Предпосылка принятия Уложения – необходимость подготовки к Ливонской войне. Россия нуждалась в хорошо укомплектованной и дисциплинированной армии, перед которой стояли стратегические задачи по обеспечению выхода к Балтийскому морю и расширению территории

страны. Документ закреплял порядок несения боярами и дворянами службы. Уложение о службе предусматривало создание армии нового образца. Основной единицей стал «служилый человек». При этом служба неслась пожизненно, от нее освобождались только немощные, престарелые и больные. Служилые люди в Русском царстве стали делиться на три основных категории: служилые «по отечеству» (феодалное сословие); служилые «по прибору» (несли воинскую службу за регулярное жалование, например, стрельцы, пушкар); служилые «по призыву» (податные сословия). Таким образом, служба носила сословный характер. Стимулом было получение земельных владений, которые предоставлялись царем, и денежного довольствия. Главным положительным последствием реформы стало создание основ для формирования регулярной боеспособной армии [3].

На данном историческом этапе патриотизм понимался как служение своему государю, а следовательно, и своему Отечеству.

Патриотизм петровского времени

В годы правления Петра I патриотизм приобретает характер государственной идеологии и является высшей ценностью.

В 1721 году, после победы в Северной войне и заключения Ништадтского мира, глава государства получил титул императора. Пётр I предпринял попытку соединить великие идеалы борьбы с врагом с их отражением в указах, законах, воинских уставах и других законодательных актах. Так, «Устав ратных и пушечных дел» закрепил патриотизм как военно-профессиональное качество воинов. От воинов требовали служения Отечеству, а воеводам предписывали целенаправленно развивать в подчинённых это качество и личным примером демонстрировать преданность Родине. Таким образом, документ не просто провозгласил патриотизм ценностью, а превратил его в нормативное требование для военной службы.

Своей активной деятельностью по усовершенствованию Российского государства, постоянным трудом и стараниями на благо Родины Пётр I подавал пример своим подданным, которые воспринимали служение Отечеству как служение великому императору. Таким образом, государь сам выступал в роли слуги Отечества и являлся образцом для своих подчинённых.

«Табель о рангах», принятый в начале 1722 года, позволил поднять людям незнатного происхождения по карьерной лестнице с низов. Документ предусматривал 14 рангов военной и гражданской службы [4, с. 173]. Служба начиналась с низшей ступени; далее собственными усилиями и стараниями надо было подниматься выше, тем самым получая новый ранг. Высшим считался 1 ранг. Введенная Петром I система позволила обычным людям, изначально не имевшим привилегий, продвинуться по службе и получить высокие титулы. Примерами людей, поднявшихся своими стараниями с низов, являются А.Д. Меншиков, Ф.М. Апраксин, П.А. Толстой – именно они сформировали новую элиту петровской эпохи. Можно сказать, что «Табель о рангах» систематизировал государственную службу в Российской империи, ввёл чёткую иерархию чинов и принцип продвижения по заслугам, а не по знатности происхождения.

В конце XVII-начале XVIII вв. в результате реформ Петра I сложилась новая система государственного управления. Данный период можно считать началом формирования единой методики обучения и воспитания военных кадров с опорой на патриотическую идеологию, которая формировалась императором как государственная.

Гражданственность эпохи «просвещённого абсолютизма»

Время правления Екатерины II вошло в историю под названием «просвещённый абсолютизм». Екатерину II можно считать преемницей Петра I, так как она продолжила дела великого императора, осуществила ряд реформ, направленных на улучшение положения государства.

В 1767 году была созвана Уложенная комиссия, главной задачей которой являлась систематизация российского законодательства. В состав комиссии входили представители всех сословий, за исключением крепостных крестьян. В «Наказе» к Уложенной комиссии были определены основные цели её функционирования и направления деятельности. В статье 2 «Наказа» говорится, что «честный человек от природы должен желать для своего отечества спокойствия, славы и благополучия» [5, с. 41]. Стоит отметить, что большое влияние на мировоззрение Екатерины II оказали идеи французских философов эпохи Просвещения. Так, в основу «Наказа» легли воззрения Ш.Л. Монтескье и Ч. Беккария.

Власть Екатерины II опиралась на дворянское сословие. Императрица закрепила привилегированное положение за представителями дворянства. Жалованная грамота дворянству от 1785 г. подтверждала права и привилегии дворян, утвержденные Манифестом о вольности дворянства 1762 года, изданным ещё при Петре III. Постепенно среди дворянских кругов сформировалась идея «служения Отечеству».

Высшей ценностью эпохи правления Екатерины II является стабильное государство и послушание правителю. Только самодержавный правитель, по мнению Екатерины II, стремится достичь славы как государства, так и его граждан [5, с. 41].

Императрица придавала решающее значение государственной идеологии и в вопросах её распространения использовала систему образования. Она полагала, что именно воспитание готовит людей быть гражданами. Кроме того, Екатерина II в процессе распространения государственной идеологии прибегала к помощи РПЦ. Акцент делался на веру, которая формировала чувство смирения и повиновения человека перед любыми трудностями.

В военно-патриотической сфере прослеживались тенденции петровской эпохи. Идеи патриотизма нашли воплощение в военно-педагогической деятельности А.В. Суворова.

В целом стоит сказать, что императрица видела залог стабильности Российского государства в формировании у подданных самозабвенной любви к Отечеству.

Таким образом, развитию гражданственности и патриотизма в России во второй половине XVIII века способствовали сложившаяся система образования и воспитание, характерные для русского народа того времени.

Служение Отечеству в период поздней империи

В России идея о гражданственности и патриотизме в период XIX века находилась под влиянием споров славянофилов и западников, оси «Восток-Запад». Обе стороны признавали важность данных элементов в развитии Российского государства. Выражением этого могут служить строки Н.А. Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Служение народу и Отечеству в рассматриваемый период признавалось высшей ценностью.

Одно из важнейших изменений произошло в 1874 году. Тогда был принят Манифест «О всеобщей воинской повинности», положивший в основу военной службы не элитарный подход с закреплением привилегий по военной службе для дворянского сословия, а подход эгалитарный,

при котором повинность несения военной службы становилась явлением общегражданским. Манифест упразднил сословный принцип формирования армии.

Новым толчком развития патриотической и гражданской идеи в России стала Первая русская революция 1905-1907 годов, ознаменовавшая собой возникновение Государственной думы – общенародного парламента.

Созыв Первой Государственной думы в 1906 году стал выгодным компромиссом как для партий, так и для императора. Согласно Основным законам Российской Империи 1906 года, верховная самодержавная власть и власть управления во всём объёме принадлежали императору, однако законодательную власть он осуществлял «в единении с Государственным советом и Государственной думой». Отныне определялось, что «никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы и воспринять силу без утверждения государем императором» [6, с. 23]. Таким образом, законодательная власть находилась в совместном ведении Парламента и Государя.

Ключевой идеей в новых политических реалиях стала консолидация общества в лице народа и императора для процветания Родины. Отражение союза умеренно настроенных сил парламента и царя можно найти в высказывании П.Н. Миллюкова, который охарактеризовал программу доминирующей на тот момент в Государственной Думе партии кадетов как «Оппозиция Его Величества, а не Его Величеству». В этой позиции и есть суть зарождения российского парламентаризма – не противостояние самодержавию, а служение ему на благо Отечества.

«Социалистический патриотизм» и новое гражданство

Наибольший интерес в рассмотрении темы патриотизма и гражданственности представляет советский этап развития Российского государства, поскольку именно тогда произошли кардинальные изменения в идеологии, ценностях, основных институтах государства.

В тот период по-новому складывается вопрос о служении Отечеству в Основном законе страны – Конституции РСФСР 1918 года (принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 года). Статья 19 главы 5 Конституции РСФСР 1918 года гласит: «В целях всемерной охраны завоеваний Великой Рабоче-Крестьянской Революции Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика признает обязанностью всех граждан Республики защиту социалистического Отечества и устанавливает всеобщую воинскую повинность. Почетное право защищать революцию с оружием в руках предоставляется только трудящимся; на нетрудовые же элементы возлагается отправление иных военных обязанностей» [7].

Основная цель Конституции 1918 года – закрепить основы социалистического строя и обеспечить власть партии большевиков в условиях перехода от капиталистического к социалистическому обществу.

Отдельное внимание стоит уделить следующей формулировке Конституции РСФСР 1918 года – «охрана завоеваний Великой Рабоче-Крестьянской Революции». Здесь виден основной смысл Революции – охрана достигнутых успехов большевиков в опыте строительства Социалистического интернационального государства. Интересной кажется и вторая часть статьи, которая призывает к защите Отечества «с оружием в руках» только трудящихся. В этом выражается положение пролетариата как господствующего класса в Советском государстве.

В основе советского патриотизма лежит марксистский подход – отношение к Родине определяется классовой позицией, а именно, контролем над средствами производства и властью. В условиях капиталистического общества

пролетариат, лишённый собственности и подвергающийся эксплуатации, не имеет отечества; обрести отчизну он сможет лишь после ликвидации эксплуататорского строя и установления социалистического порядка [8, с. 152].

Революционный патриотизм, отрицающий связь Советского Союза с исторической Россией, нашёл своё отражение в публицистике, в частности в статье В.И. Ленина «Критические заметки по национальному вопросу», речах И.В. Сталина, Н.И. Бухарина, Л.Д. Троцкого, посвящённых борьбе «с великорусским шовинизмом». Данный подход прослеживался и в советской исторической науке: в работах М.Н. Покровского, который объявил термин «Русская история» контрреволюционным. Сам предмет истории, являющийся краеугольным камнем в развитии патриотизма и государственности граждан, на начальных этапах развития Союза ССР отсутствовал, что было связано со спорами среди представителей исторической науки того времени насчёт интерпретации происходящих событий и с необходимостью переосмысления событий прошлых лет с точки зрения социалистической идеологии. Лишь в 1934 году был поставлен вопрос о включении истории как учебного предмета в общеобразовательный курс.

Одно из главных изменений в патриотической повестке СССР произошло в 30-е годы XX века. Тогда осуществился хоть и неполный, но переход с позиций «национального нигилизма» на позиции «национально-патриотические».

Отказ от радикализма 20-х годов выражен, в частности, в использовании термина «Родина» в первомайских лозунгах 1934 г., утверждённых на заседании Политбюро 18 апреля 1934 года. За этим последовало появление передовой статьи «За родину!», в которой особая роль уделялась советскому патриотизму. Также осуществлялось восстановление воинских званий в кадровой армии и на флоте, возвращались к дореволюционным стандартам преподавания в школе.

К началу Великой Отечественной войны идеология СССР вбирала идеи пролетарского интернационализма и советского патриотизма, соединявшего национальные чувства с братской солидарностью с трудящимися народами [9, с. 2]. Во время Великой Отечественной войны в составе Красной армии служили люди всех национальностей, представленных в Советском Союзе, совмещая идею о интернациональности Родины с идеей собственной национальной происхождения. Эта тенденция прослеживается и в положении с языком в союзных республиках, где документооборот и образование велись как на общесоюзном русском языке, так и на языках национальных республик.

Заключительным этапом в рамках рассматриваемого периода стоит считать принятие Конституции РСФСР 1978 года. В ней окончательно утвердился принцип народного равенства; страна признавалась не только государством рабочих и крестьян, но также и интеллигенции. Статья 1 Конституции РСФСР 1978 года провозглашает: «Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика есть социалистическое общенародное государство, выражающее волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народов республик» [10].

Вызывает интерес статья 60 Основного Закона страны, которая, помимо обязанности каждого гражданина оберегать интересы Советского государства и выполнять священный долг в виде защиты социалистического Отечества, содержала ещё и положение о том, что гражданин РСФСР должен «способствовать укреплению могущества и авторитета государства» [10].

Далее в СССР с крахом социалистической идеологии, началом политики «перестройки» происходит кризис институтов, связанных с патриотизмом, переосмысление опыта Советского государства, что выразилось в распаде страны на отдельные республики. В связи с этим появилось новое государство – Российская Федерация, перед которым встал вопрос: «В каком ключе воспринимать патриотизм и как в условиях новой реальности сделать идею служения Отечеству привлекательной для населения?»

Этап с 1993 года по наши дни

В Российской Федерации на конституционном уровне закреплена обязанность служить Отечеству. Часть 1 статьи 59 Конституции РФ провозглашает: «Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации» [11]. Из Конституции и принятого в соответствии с ней Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» [12] подразумевается, что первостепенный долг гражданина, мужчины перед родными и страной в целом – пройти военную службу, отслужить на благо Родины. Если изначально понятие «защита Отечества» сводилось к обороне княжеских земель, то впоследствии его стали трактовать шире – как служение стране в целом. Такой подход отразился в призывах: «За матушку Русь!», «На благо Отечества». Постепенно словосочетание «служение Отечеству» стало пониматься как исполнение священного долга перед Родиной на основе нравственных убеждений человека [13].

Русский мыслитель Л.П. Карсавин считал, что именно армия является наиболее ярким и стойким носителем любви к Отечеству, носителем истинного патриотизма [Цит. по 14, с. 18]. Армия невозможна без патриотизма и жертвенности, её лозунг – «Жить для России и умереть за Россию».

Согласно статье 67.1 Конституции, Российская Федерация является правопреемником Союза ССР [11]. Это означает, что сохраняются ценности СССР, происходит преемственность традиций, их передача из поколения в поколение. В части 3 вышеупомянутой статьи говорится, что Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды [11]. Данная формулировка имеет немаловажное значение, так как сопряжена с понятием патриотизма. Часть 4 комментируемой статьи закрепляет: «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим» [11]. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что политика государства направлена на формирование патриотических и гражданских ценностей русского народа, начиная с раннего возраста.

Сторонники военно-патриотического подхода подчёркивают, что сильное государство невозможно без воспитания у граждан с детского возраста патриотизма, чувства единства с народом и готовности защищать Родину [15, с. 172].

В конце 1990-х на государственном уровне началась разработка комплексной программы патриотического воспитания граждан Российской Федерации, в которой приняли участие федеральные министерства и ведомства, администрации субъектов, научные и общественные организации, РПЦ.

Ещё в 2001 году впервые была принята и утверждена Постановлением Правительства от 16 февраля 2001 года № 122 Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы» [16]. Потом она была продолжена на период до

конца 2020 года – вышло Постановление Правительства от 30 декабря 2015 года № 1493 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы». По итогам реализации этой программы ожидалось «значительное повышение уровня военно-патриотического воспитания граждан, направленного на обеспечение их готовности к защите Родины, укрепление престижа службы в Вооружённых Силах Российской Федерации и правоохранительных органах Российской Федерации, а также повышение уровня социальных коммуникаций между российским обществом и Вооружёнными Силами Российской Федерации, правоохранительными органами и организациями» [17]. Далее в период с 1 января 2021 года по 31 декабря 2024 года осуществлялся федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», который являлся частью национального проекта «Образование». Государственные программы патриотического воспитания граждан Российской Федерации – инициатива Правительства на долгосрочную перспективу. Их основной целью является формирование гражданской и патриотической идентичности у населения России, основанной на уважении к своей стране, её истории, культуре и ценностям. Начиная с 2000-х годов реализован ряд государственных проектов, связанных с патриотическим воспитанием граждан нашей страны.

Нормативная база патриотического воспитания постоянно расширяется и совершенствуется, с каждым годом растёт количество документов, регулирующих тематику патриотизма.

В настоящее время под патриотизмом понимается не только несение военной службы на благо Родины и ради защиты её интересов, но и служение стране в более широком смысле, то есть деятельность, направленная на её развитие. В этом ключе можно говорить о патриотизме как об участии в государственных программах и проектах. Государство постоянно разрабатывает и осуществляет меры по развитию экономики, науки, образования, культуры и других сфер жизни общества. Участие в этих проектах позволяет вносить свой вклад в развитие страны. Участие в деятельности добровольческих формирований и волонтерских организаций также считается проявлением служения Отечеству. Кроме того, одной из главных сфер вклада в развитие страны является труд. Работающие люди – движущая сила экономики и общества в целом. Качественное и добросовестное выполнение своих профессиональных обязанностей, повышение квалификационного уровня и активность в рабочем процессе – всё это способы служения Отечеству и создания успешного будущего для себя и своей страны. Важно помнить, что служение Родине не ограничивается только государственной службой и службой в силовых структурах (военной службой). Каждый гражданин может внести свой вклад в развитие страны выбранным для себя способом. Таким образом, служение Отечеству не трактуется в буквальном смысле как несение военной службы в интересах Родины.

В.В. Путин однажды сказал: «Наша национальная идея – это патриотизм». Тогда эта фраза прозвучала достаточно банально. Однако, если задуматься, она приобретает глубокий смысл. Только пропустив через себя всю трагическую историю своего Отечества, можно осознать, что есть любовь к Родине. Только тогда патриотизм станет частью каждого из нас.

Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Указ Президента РФ № 809) утверждены положения о традиционных ценностях. Пункт 4 Указа Президента РФ № 809 закрепляет:

«Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [18]. Далее в Указе Президента РФ № 809 прописано, что относится к традиционным ценностям. Согласно пункту 5 Указа, «К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [18]. Пункт 7 Указа Президента РФ № 809 рассматривает традиционные ценности «как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала» [18].

Таким образом, исходя из понимания патриотизма и гражданственности как традиционных ценностей, можно сделать вывод, что гражданственность – это идеология, а патриотизм – основа консолидации российского общества. Это очень длительно складывающиеся вещи, которые формируют конкретного человека, целые поколения.

Заключение

В завершение стоит отметить, что в разные времена были разные представления о патриотизме и гражданственности; происходила эволюция этих двух институтов.

Патриотизм является неотъемлемой частью формирования национальной идентичности, позволяет сохранить и передать культурное и историческое наследие нашей страны. Он привлекает ценности, связанные с соблюдением законов, уважением и толерантностью к другим людям, любовью к своей родной земле и готовностью служить ей. Патриотизм помогает объединить народ вокруг общей цели. Он вдохновляет на преодоление трудностей и достижение высоких результатов во всех сферах жизни – от образования и экономики до культуры и спорта. Патриотизм создаёт ощущение общности народов России, единства и принадлежности к большой и могучей стране, способной на великие дела.

Совместными усилиями мы закладываем фундамент будущего. Осознание человеком своего долга перед Родиной отражается как на жизни страны, так и на его собственной судьбе.

Литература

1. Мурзин А. И. Концептуальные основы российского патриотизма: понятие и сущность // Аналитика культурологии. 2006. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-rossiyskogo-patriotizma-ponyatie-i-suschnost> (дата обращения: 10.06.2026).
2. Никифоров Ю. Н., Скалина А. Н. О понятии «гражданственность» // Вестник Башкирск. ун-та. 2007. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-grazhdanstvennost> (дата обращения: 10.06.2026).
3. Бородин А.В. Уложение о службе 1556 года // Б.м. 1922. С. 143-153.
4. Дятлов В. Е. Истоки построения системы государственной службы. // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. №74-1. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-](https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-postroeniya-sistemy-gosudarstvennoy-sluzhby)

[postroeniya-sistemy-gosudarstvennoy-sluzhby](#) (дата обращения: 10.06.2026).

5. Трунова Татьяна Анатольевна Истинные сыны Отечества: Екатерина II о формировании гражданственности // Известия АлтГУ. 2006. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istinnye-syny-otechestva-ekaterina-ii-o-formirovanii-grazhdanstvennosti> (дата обращения: 10.06.2026).

6. Слученкова Юлия Сергеевна «Основные законы Российской империи», от 23 апреля 1906 года - как этап становления российского конституционализма // Государство и право в XXI веке. 2016. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-zakony-rossiyskoy-imperii-ot-23-aprelya-1906-goda-kak-etap-stanovleniya-rossiyskogo-konstitutsionalizma> (дата обращения: 10.06.2026).

7. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года) URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm#5> (дата обращения: 13.06.2026).

8. Родионова Ирина Витальевна Становление концепции советского патриотизма // Власть. 2009. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-kontseptsii-sovetskogo-patriotizma> (дата обращения: 13.06.2026).

9. Берснева Ирина Валерьевна Стратегия национальной политики СССР по формированию советского патриотизма в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарный вестник. 2017. №4 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-natsionalnoy-politiki-sssr-po-formirovaniyu-sovetskogo-patriotizma-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 13.06.2026).

10. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (принята ВС РСФСР 12.04.1978) // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.

11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

12. Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 10.06.2026) «О воинской обязанности и военной службе» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.

13. Мировоззренческие, нравственные и духовные основы сознательного служения Отечеству // Армейский сборник. 2023. №10. URL: <https://army.ric.mil.ru/Stati/item/515641/> (дата обращения: 23.06.2026).

14. Иноземцева Е.А. Исторический аспект патриотического воспитания в России // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. 2015. №4 (8). URL: [https://cchgeu.ru/upload/science/nauchnye-izdaniya/sotsialno-gumanitarnye-nauki/vestnik%20vrcsy%20№8%20\(1\).pdf](https://cchgeu.ru/upload/science/nauchnye-izdaniya/sotsialno-gumanitarnye-nauki/vestnik%20vrcsy%20№8%20(1).pdf) (дата обращения: 24.06.2026).

15. Яковлев Роман Олегович Исторические этапы развития патриотического воспитания в России // Наука и школа. 2017. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-etapy-razvitiya-patrioticheskogo-vospitaniya-v-rossii> (дата обращения: 24.06.2026).

16. Постановление Правительства РФ от 16.02.2001 № 122 «О Государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005

годы» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 9. Ст. 862.

17. Постановление Правительства РФ от 30.12.2015 № 1493 (ред. от 30.03.2020) «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016 - 2020 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.06.2026).

18. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 (ред. от 04.03.2026) «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.06.2026).

Service to the Fatherland as a Manifestation of Patriotism and Civic Consciousness at Various Stages of the Development of the Russian State: Historical and Legal Aspects

Belykh K.S., Naumov I.A.

V.M. Lebedev Russian State University of Justice

The article examines the evolution of the institutions of patriotism and citizenship, traces the pattern of understanding these two terms at various stages of historical development. The concepts of «patriotism» and «citizenship» are considered in relation to the eras of Ivan the Terrible, Peter I, Catherine II, the late imperial period, the Soviet state and modernity. The legal consolidation of the obligation to serve the Fatherland at each of the stages of development of the Russian state is shown; particular emphasis is placed on the stage from 1993 to our time. The aspect of the significance of traditional values enshrined at the state level will also be touched upon. In addition, one of the key points of the work is the distinction between the concepts of «patriotism» and «citizenship». Patriotism is indicated as an inner feeling that comes from a person's consciousness. Citizenship is defined as an external manifestation of spiritual values, a kind of ideology.

Keywords: patriotism, citizenship, evolution, state, traditional values, Fatherland.

References

1. Murzin A.I. Conceptual foundations of Russian patriotism: concept and essence // Analytics of cultural studies. 2006. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-rossiyskogo-patriotizma-ponyatie-i-suschnost> (circulation date: 10.06.2026).
2. Nikiforov Yu. N., Skalina A. N. On the concept of «citizenship» // Bulletin of Bashkir. University. 2007. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-grazhdanstvennosti> (circulation date: 10.06.2026).
3. Borodin A.V. Code of Service of 1556 // B.m. 1922. P. 143-153.
4. Dyatlov V.E. The origins of the construction of the civil service system. // Izvestia RSPU named after A.I. Herzen. 2008. №74-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-postroeniya-sistemy-gosudarstvennoy-sluzhby> (circulation date: 10.06.2026).
5. Trunova Tatyana Anatolyevna True Sons of the Fatherland: Catherine II on the formation of citizenship // Izvestia AltSU. 2006. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istinnye-syny-otechestva-ekaterina-ii-o-formirovani-grazhdanstvennosti> (circulation date: 10.06.2026).
6. Sluchenkova Yulia Sergeevna «Basic Laws of the Russian Empire», dated April 23, 1906 - as a stage in the formation of Russian constitutionalism // State and law in the 21st century. 2016. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-zakony-rossiyskoy-imperii-ot-23-aprelya-1906-goda-kak-etap-stanovleniya-rossiyskogo-konstitucionalizma> (circulation date: 10.06.2026).
7. Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (adopted by the V All-Russian Congress of Soviets in a meeting of July 10, 1918) URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm#5> (circulation date: 13.06.2026).
8. Rodionova Irina Vitalievna Formation of the concept of Soviet patriotism // Power. 2009. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-kontseptsii-sovetskogo-patriotizma> (circulation date: 13.06.2026).
9. Bersneva Irina Valerievna Strategy of the USSR national policy on the formation of Soviet patriotism during the Great Patriotic War // Humanitarian Bulletin. 2017. №4 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-natsionalnoy-politiki-sssr-po-formirovaniyu-sovetskogo-patriotizma-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voiny> (circulation date: 13.06.2026).
10. Constitution (Basic Law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (adopted by the Supreme Court of the RSFSR 12.04.1978) // Vedomosti of the Supreme Court of the RSFSR. 1978. № 15. Art. 407.
11. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) // The official text of the Constitution of the Russian Federation, as amended by 14.03.2020, is published on the Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
12. Federal Law of 28.03.1998 № 53-FZ (ed. 10.06.2026) «On Military Duty and Military Service» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. № 13. Art. 1475.
13. Worldview, moral and spiritual foundations of conscious service to the Fatherland // Army collection. 2023. №10. URL: <https://army.ric.mil.ru/Stati/item/515641/> (circulation date: 23.06.2026).
14. Inozemtseva E.A. Historical aspect of patriotic education in Russia // Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. 2015. №4 (8). URL: [https://cchgeu.ru/upload/science/nauchnye-izdaniya/sotsialno-gumanitarnye-nauki/вестник%20брасы%20№8%20\(1\).pdf](https://cchgeu.ru/upload/science/nauchnye-izdaniya/sotsialno-gumanitarnye-nauki/вестник%20брасы%20№8%20(1).pdf) (circulation date: 24.06.2026).
15. Yakovlev Roman Olegovich Historical stages of the development of patriotic education in Russia // Science and school. 2017. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-etapy-razvitiya-patrioticheskogo-vospitaniya-v-rossii> (circulation date: 24.06.2026).
16. Decree of the Government of the Russian Federation of 16.02.2001 № 122 «On the State Program «Patriotic Education of Citizens of the Russian Federation for 2001-2005» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. № 9. Art. 862.
17. Decree of the Government of the Russian Federation of 30.12.2015 № 1493 (ed. 30.03.2020) «On the state program «Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2016-2020» // Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru> (circulation date: 25.06.2026).
18. Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 № 809 (ed. 04.03.2026) «On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values» // Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru> (circulation date: 25.06.2026).

Региональные торгово-промышленные палаты в государственной политике формирования социально ответственного бизнеса: правовое закрепление и прослеживаемые результаты

Боровский Марк Борисович

аспирант кафедры «История», ассистент АБП ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта» (РУТ (МИИТ)), mark.borovskiy.99@mail.ru.

В статье разбирается роль региональных торгово-промышленных палат в государственной политике формирования социально ответственного бизнеса. Формального права участвовать в подготовке и экспертизе нормативных актов здесь недостаточно. Оно ещё не показывает ни того, насколько широко представлен бизнес, ни того, влияет ли палата на решения власти. Поэтому ТПП рассматриваются как возможные посредники, а их результативность проверяется отдельно в каждом случае. Для этого используется двухмерная модель: внешнее признание палаты органами публичной власти сопоставляется с внутренней представительностью вырабатываемой позиции. Документы разделены на три уровня: наличие институционального канала, публично подтверждённая работа и прослеживаемый результат. На материалах Москвы, Свердловской области, Республики Татарстан и Краснодарского края за 2014–2025 гг. выделены четыре конфигурации участия и четыре формы документально подтверждаемого результата. Сила причинного вывода в этих случаях разная. Самым закрытым звеном остаётся внутреннее согласование интересов в палатах. В заключение предложены меры, способные сделать процедуры участия более представительными, прозрачными и проверяемыми.

Ключевые слова: торгово-промышленные палаты; политическое посредничество; функциональное представительство интересов; социально ответственный бизнес; оценка регулирующего воздействия; региональная политика; публичная подотчётность.

Введение

Социальная ответственность бизнеса в современной России давно уже не сводится к благотворительности и добровольным корпоративным проектам. От компаний всё чаще ждут участия в решении кадровых, социальных, инфраструктурных и экологических задач. Потом это участие ещё и публично оценивают. Так КСО оказывается частью политики. Речь идёт уже не только о поведении отдельной компании, но и о том, как государство, бизнес и территориальные сообщества делят между собой обязанности, издержки и репутационные выгоды [24].

Под политикой формирования социально ответственного бизнеса здесь понимается довольно широкий круг мер. Это обязательные требования, поддержка, раскрытие информации, закупочные и санкционные механизмы, а также процедуры обсуждения решений до их принятия. Именно в этих процедурах решается, какие издержки считать соразмерными, кому дать поддержку и по каким признакам оценивать добросовестность бизнеса. Публичные консультации, оценка регулирующего воздействия (ОРВ) и экспертиза действующих актов позволяют предпринимателям обозначить свою позицию [18]. Но высказаться — ещё не значит повлиять. Если мотивированного ответа нет, вся процедура легко остаётся формальностью.

Отсюда вопрос о посредниках. Крупная компания способна обращаться к власти напрямую: у неё есть экономический вес, свои эксперты, сложившиеся связи. У большинства субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) этого нет. Ассоциация должна собрать разрозненные интересы, как-то согласовать их и уже затем предъявить власти общую позицию [20; 23]. Но слово «общая» здесь мало что доказывает. Важно, кто участвовал в обсуждении, кого не услышали и чьи интересы в итоге перевесили.

Торгово-промышленные палаты занимают здесь особое, местами двойственное положение. Закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5340-1 относит к их задачам представление и защиту законных интересов членов, разрешает участвовать в подготовке проектов нормативных актов и направлять экспертные заключения [1]. При этом ТПП — негосударственные некоммерческие организации. Их статус даёт возможность выступать политическим посредником. Но сам по себе он не доказывает ни полноты представительства бизнеса, ни реального влияния на решения публичной власти.

Такая постановка вопроса опирается на исследования отношений государства и организованных интересов. С.П. Перегудов, А.Ю. Зудин и А.А. Яковлев рассматривали бизнес-ассоциации как носителей организованных интересов и участников ресурсного обмена с государством [20; 22; 23]. Неокорпоративистский подход позволяет отделить обычные консультации от устойчивого, институционально оформленного посредничества [25]. Концепция политической КСО объясняет, почему участие бизнеса в управлении и легитимации публичных решений нельзя считать частным делом отдельных компаний [24]. Более новые работы уточняют инструменты корпоративной политической активности [19]. При этом сравнительных исследований региональных ТПП всё ещё заметно меньше, чем исследований федеральной палаты [21]. Особенно

плохо виден ключевой переход: каким образом внутренняя дискуссия предпринимателей становится позицией, которую власть не просто выслушала, а приняла в работу.

Цель статьи — сопоставить четыре региональных случая и понять, когда участие ТПП выходит за пределы обычного присутствия на совещаниях и начинает напоминать устойчивое политическое посредничество. Есть и второй, более узкий вопрос: что о результативности палат действительно можно доказать по открытым документам, а где выводы пока будут натянутыми.

Исследовательская гипотеза

Рабочая гипотеза включает пять элементов. ТПП выглядит более значимым посредником, когда у неё есть закреплённый доступ к процедуре; понятный порядок сбора и согласования интересов, включая отдельные форматы для МСП; аргументация с оценкой издержек и альтернатив; мотивированная реакция органа власти; обратная связь после принятия решения. Отсутствие одного элемента ещё не обнуляет посредническую функцию. Но чем меньше звеньев подтверждается, тем сложнее отличить устойчивое представительство от символического присутствия, обмена информацией или единичной активности.

Гипотеза проверяется с помощью модели из двух осей. Первая относится к внешнему признанию палаты: есть ли закреплённый доступ, насколько регулярно она участвует и фиксируется ли учёт её материалов. Вторая — к внутренней стороне: как собирается позиция, кто участвует в её выработке, предусмотрены ли отдельные каналы для МСП. Если власть признаёт палату, но круг представленных интересов узок, получается закрытое посредничество. Возможна и обратная ситуация: бизнес охватчен широко, но устойчивого доступа к принятию решений нет. Тогда интересы сформулированы, однако в решение они могут так и не попасть. Нужны обе характеристики. И даже при их наличии влияние следует проверять по судьбе конкретного предложения или заключения, а не по одному статусу палаты.

Есть и дополнительное предположение. Плотная институциональная среда не обязательно делает посредника сильнее. Советы, ассоциации и экспертные площадки дают бизнесу больше возможностей для участия, но одновременно размывают авторство результата. В какой-то момент уже трудно понять, чей именно вклад оказался решающим.

Методы и критерии доказанности

В работе использованы институциональный и сравнительный анализ, дизайн множественного исследования случаев [26], а также качественное изучение нормативных и судебных актов, документов органов власти и материалов торгово-промышленных палат. Все четыре случая разбирались по одному набору вопросов. Это было нужно прежде всего для сопоставимости, а уже затем — для выделения устойчивых конфигураций участия.

Москва, Свердловская область, Республика Татарстан и Краснодарский край выбраны как заведомо разные институциональные среды. В Москве особенно много каналов делового представительства. Свердловская область даёт материал об экспертной работе в крупном промышленном регионе. Татарстан интересен сочетанием программной и межуровневой координации. Краснодарский край — связью регионального и муниципального уровней на неоднородной территории. Переносить выводы на все субъекты РФ нельзя: выборка для статистического обобщения не предназначена.

По каждому случаю задавались пять вопросов: как палата получает доступ к процедуре; какие группы предпринимателей могут быть представлены; где зафиксирована

позиция бизнеса; можно ли понять, что сделали с предложениями; что происходит после принятия решения. Функции ТПП при этом разделялись на три группы. Представительская — выявить и свести интересы. Экспертно-процедурная — подготовить замечания и провести их через регуляторный цикл. Наконец, сопровождение и обратная связь: увидеть проблемы уже при применении решения. Властных, контрольных или надзорных полномочий такое сопровождение палатам, конечно, не даёт.

Документы оценивались по трём уровням. Первый — есть нормативно закреплённый канал участия. Второй — видно, что палата им на деле пользуется. Третий — прослеживается связь предложения или экспертного документа с изменением проекта, нормы, программы либо с другим юридически значимым решением. Но третий уровень ещё не означает доказанной причинности. Нужно знать хотя бы альтернативные позиции, мотивированный ответ и вклад других участников. Иначе результат есть, а авторство остаётся спорным.

Эмпирическую основу составили федеральные и региональные нормативные правовые акты, решения арбитражных судов, материалы региональных порталов регулирования и публичные документы палат. Основной период — 2014–2025 гг. Эти источники хорошо показывают правовой статус и внешнюю активность ТПП. Внутреннее согласование интересов и неформальные переговоры они почти не раскрывают. Поэтому исследование фиксирует наблюдаемые формы посредничества, а не вычисляет точный вклад палаты в каждое решение.

Сравнительные результаты

Первый результат сопоставления довольно неприятен для формальной отчётности: считать площадки и соглашения почти бессмысленно. Их число ничего не говорит о силе посредника. В Москве развитая инфраструктура участия бизнеса даже мешает выделить вклад одной организации. В Свердловской области рабочий маршрут палаты описан подробнее, и связь экспертной процедуры с последующим изменением нормативного акта видна лучше. Это не рейтинг палат. Просто доказательства в двух случаях устроены по-разному.

Убедительнее выглядят случаи, где по открытым документам можно восстановить весь маршрут: появилась проблема, были собраны позиции, подготовлено предложение, затем его рассмотрели и приняли решение. Соглашения, форумы и членство в совещательных органах показывают лишь наличие инфраструктуры. Пока дальнейшая судьба предложений неизвестна, выше второго уровня такие сведения не поднимаются. Межуровневая координация расширяет охват, но заодно ещё сильнее затрудняет вопрос об авторстве результата.

Самая закрытая часть — внутренняя представительность. Ни в одном из четырёх регионов открытые материалы не позволяют полностью восстановить согласование интересов и реальный баланс крупного бизнеса и МСП. Поэтому ассоциативный канал подтверждает возможность представительства, не его полноту. Внешнее признание палат видно почти везде. Что происходит внутри, видно плохо.

Выделены четыре конфигурации: столичная институционально насыщенная, индустриально-экспертная, программно-координационная и муниципально-территориальная. Выстраивать их в лестницу от слабой к сильной не стоит. Это разные способы соединить представительство, экспертизу и обратную связь. И у каждого свой изъян: конкуренция каналов, сужение круга представленных интересов, трудности с установлением вклада или раздробленная муниципальная обратная связь.

Разной оказалась и стадия, на которой возникает прослеживаемый результат. Москва даёт пример административного правоприменения, Свердловская область — изменения отраслевого регулирования, Татарстан — использования экспертного заключения судом, Краснодарский край — нормативного оформления самого канала участия. Всё это сведено в таблицу 1. Юридически значимый результат есть во всех четырёх случаях. Уверенность в самостоятельном вкладе палаты — разная.

Таблица 1
Конфигурации участия региональных ТПП и формы прослеживаемого результата

Регион	Конфигурация участия ТПП	Что подтверждено открытыми документами	Форма прослеживаемого результата
Москва	Столичная институционально насыщенная	Экспертная работа в городском регуляторном цикле; заключение МТПП рассмотрено УФАС и подробно изложено судом	Административно-правоприменительная
Свердловская область	Индустриально-экспертная	Описанный маршрут участия в ОРВ; изменение перечня импортозамещающей продукции после обращений палаты, при ограниченной публичности учёта предложений	Нормативно-отраслевая
Республика Татарстан	Программно-координационная	Соглашение с муниципальной ассоциацией; частично прослеживаемый цикл поддержки промпарков; заключение ТПП учтено при решении вопроса о неустойке	Судебно-экспертная
Краснодарский край	Муниципально-территориальная	Закон № 4400-КЗ закрепил формы участия палаты; региональный и муниципальный контуры ОРВ документированы с разной полнотой	Институционально-нормативная

Источник: составлено автором по материалам открытых источников, указанных в тексте.

Региональные случаи
Москва: посредничество в институционально насыщенной среде

Москва выделяется и сильными экспертными ресурсами городской администрации, и множеством каналов, через которые бизнес взаимодействует с властью. Официальный доклад за 2022 г. подтверждает работу процедур ОРВ и оценки фактического воздействия [9]. Но данные там агрегированы по всей городской системе. Отделить вклад МТПП от работы других объединений и экспертов по ним нельзя.

Масштаб собственной работы МТПП виден из итогов за 2024 г. Палата сообщила об обработке более 550 запросов на экспертное мнение; около 30 % касались регулирования Московского региона. К анализу привлекались более 30 общественных объединений и около 100 экспертов. По оценке самой палаты, свыше половины предложений учли полностью или частично [10]. Регулярность работы эти цифры показывают. Судьбу каждого предложения — нет: открытого реестра с мотивированными ответами не опубликовано. Поэтому массив относится ко второму уровню доказанности.

Намного показательнее дело о возможном включении ООО «ПРОМТЕХ» в реестр недобросовестных поставщиков. Московское УФАС России изучило правовое заключение МТПП от 11 октября 2024 г. № 03.08-2/2574. В нём поведение поставщика оценивалось с учётом исполнения

договора, санкционных ограничений и мер по уменьшению ущерба. 28 октября 2024 г. антимонопольный орган отказался вносить сведения о компании в реестр. Заказчик пошёл в суд, но Арбитражный суд города Москвы 4 июня 2025 г. по делу № А40-314967/2024 отказал в иске, подробно изложил содержание заключения палаты и признал вывод УФАС законным [6].

В этом эпизоде палата не устанавливала правило и не осуществляла контроль. Она оформила фактическую ситуацию предпринимателя как экспертное заключение, которым затем воспользовался публичный орган. Проверались добросовестность участника оборота и соразмерность возможного публично-правового последствия. Один спор показывает, что экспертно-процедурная функция МТПП может сработать. Но системное влияние палаты на нормативную политику Москвы из него не следует.

Свердловская область: экспертная процедура и изменение отраслевого регулирования

В Свердловской области основой служит региональная система ОРВ, закреплённая областным законом [2]. Уральская ТПП довольно подробно описывает свой порядок работы: отбирает значимые для членов проекты, уведомляет предпринимателей, помогает готовить замечания и направляет согласованную позицию разработчику либо в ТПП России. Палата участвует и в профильном координационном совете [11]. Здесь видна уже не просто запись в составе совещательного органа, а повторяемая экспертная работа.

Для темы социально ответственного бизнеса этот механизм важен не потому, что каждый проект ОРВ прямо касается КСО. Причина проще: именно в таких процедурах становятся видны регуляторные издержки, соразмерность новых обязанностей и доступ разных групп бизнеса к поддержке. Здесь палата может добиваться переходного периода, сокращения избыточной отчётности или отдельных условий для МСП.

В 2023 г. производители абразивных изделий попросили Уральскую ТПП помочь с включением продукции в региональный перечень, необходимый для импортозамещения. Попадание в перечень позволяло претендовать на государственный или муниципальный земельный участок в аренду без торгов. Палата направила обращения в профильные министерства, затем проект изменений обсуждался в процедуре ОРВ [12]. 30 ноября 2023 г. Правительство Свердловской области приняло постановление № 897-ПП и изменило перечень [5].

Цепочка здесь восстанавливается достаточно уверенно: отрасль обозначила проблему, палата оформила позицию, прошли межведомственное обсуждение и изменение перечня, после чего открылся доступ к мере поддержки. Это нормативно-отраслевая форма результата. Но сведения о роли палаты исходят в основном от неё самой. Протокол согласительного совещания и сводка предложений с мотивированным ответом разработчика не опубликованы. Поэтому маршрут и изменение нормы подтверждены, а исключительное авторство палаты — нет. К тому же эпизод относится прежде всего к промышленной политике. Для темы статьи он важен как пример превращения частного отраслевого запроса в публичное предложение о распределении поддержки.

Республика Татарстан: программная координация и судебное использование экспертизы

В Татарстане заметна развитая межуровневая инфраструктура. 4 марта 2021 г. ТПП Республики Татарстан и Ассоциация «Совет муниципальных образований Республики Татарстан» подписали соглашение о сотрудничестве; сообщение появилось 5 марта [14]. Связь с муници-

пальным уровнем действительно важна: именно там многие меры поддержки и обязательства бизнеса получают конкретное территориальное содержание. Но соглашение — это пока рамка. О результативности отдельных инициатив оно само по себе не говорит.

С программой развития промышленных парков всё менее определён. На странице профильного комитета, размещённой на сайте ООО «Верное решение», сообщалось, что 29 января 2021 г. руководители муниципальных районов и управляющих компаний направили в Министерство экономики Республики Татарстан предложения по доработке концепции промышленных площадок [13]. Страница связана с работой комитета, но официальным сайтом ТПП РТ не является. Значит, опираться на неё можно лишь с оговоркой. В апреле 2021 г. республика приняла законы № 24-ЗРТ, 25-ЗРТ и 26-ЗРТ о налоговых льготах для субъектов МСП, использующих инфраструктуру промышленных парков в муниципальных районах [4]. Время и повестка совпадают, последовательность обсуждения угадывается. Авторство конкретных норм, однако, не подтверждено: нет официального ответа министерства и открытой таблицы учёта предложений. Эпизод остаётся на втором уровне доказанности.

Другой тип результата виден в деле № А65-14280/2024. Ответчик представил заключение ТПП Республики Татарстан от 11 июля 2024 г. № 2/693 о влиянии санкционных ограничений на исполнение договора. Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд оценил его вместе с другими доказательствами и 10 февраля 2025 г. отказал во взыскании 2 432 449,46 руб. неустойки [7]. 20 июня 2025 г. кассационный суд отменил постановление только в части отказа во взыскании 3 830 649,18 руб. предвартельной оплаты и судебных расходов, направив эту часть на новое рассмотрение. Вывод о неустойке остался в силе. При новом рассмотрении 14 августа 2025 г. спорную предоплату взыскали [8]. Заключение палаты вошло в судебную мотивировку по вопросу об ответственности, но исход всего дела не определило. Это третий уровень: судебное проверенное использование экспертного документа. Самостоятельное причинное влияние ТПП этот случай всё же не доказывает.

Краснодарский край: нормативное оформление канала участия

В Краснодарском крае прослеживаемым результатом стало не решение по отдельному предложению бизнеса, а устройство самого канала взаимодействия. 23 декабря 2020 г. Законодательное Собрание края рассмотрело проект закона о порядке работы региональной ТПП с органами государственной власти. Представлял проект председатель палаты. Обоснование было вполне практическим: представители ТПП уже участвовали в рабочих группах, парламентских слушаниях и подготовке предложений, но сложившуюся практику требовалось закрепить юридически [15].

Закон Краснодарского края от 29 декабря 2020 г. № 4400-КЗ, позднее изменявшийся, перечислил формы участия палаты. Это подготовка и внесение проектов краевых законов в порядке реализации права законодательной инициативы, письменные предложения о разработке нормативных актов, работа в консультативных органах, участие в ОРВ и экспертизе действующих актов, а также привлечение к разработке региональных программ и проектов в сфере предпринимательства [3].

Документальная цепочка здесь короткая: руководитель палаты представил законопроект, закон приняли, формы участия закрепили. Получился институционально-нормативный результат третьего уровня. Но закреплён только доступ к политическому процессу, а не результат

конкретного отраслевого предложения. Закон не показывает, насколько представительной была позиция палаты и как часто её последующие заключения действительно учитывались.

Реестр соглашений показывает, что формальных связей у палаты много [16]. Само количество, впрочем, почти ничего не говорит о влиянии. Нужны сведения о совместных действиях и результатах. Муниципальные процедуры ОРВ формально открыты предпринимателям [17], но постоянное участие краевой ТПП в них по доступным материалам видно заметно хуже, чем работу Уральской ТПП.

Обсуждение

Главный итог сравнения прост: право участвовать и политически значимый результат — не одно и то же. Во всех четырёх регионах палаты признаны партнёрами публичной власти, но результат возникает на разных стадиях. Москва — применение публично-правового последствия. Свердловская область — изменение правила распределения поддержки. Татарстан — использование экспертного документа судом. Краснодарский край — устройство самого канала участия. Поэтому вопрос о «влиянии ТПП вообще» слишком расплывчат. Сначала нужно уточнить стадию и тип результата.

Второй вывод: насыщенная институциональная среда ещё не делает посредника сильным. В неокорпоративистской логике функциональное представительство появляется не из одного допущения на совещание. Нужны признанный порядок формирования позиции, охват разных сегментов бизнеса и устойчивый обмен информацией и обязательствами с властью [25]. Исследования российских «работающих» бизнес-ассоциаций показывают ту же зависимость [20]. В рассмотренных случаях внешнее признание палат документировано намного лучше, чем внутренняя процедура представительства.

Самое слабое место — публичная обратная связь. Ни в одном регионе не обнаружилась регулярно публикуемая сводка предложений с мотивированными ответами разработчика. Без неё внешний наблюдатель не может проверить даже долю учтённых замечаний. Это не означает, что влияния нет. Просто его невозможно доказать. И тогда реально работающая процедура внешне почти не отличается от имитационного согласования [18].

Есть и проблема смешения ролей. Одна и та же ТПП может выражать интересы бизнеса, готовить экспертные документы, подтверждать юридически значимые обстоятельства и продвигать меры поддержки. Представительская и проверочная функции оказываются рядом. Если критерии закрыты, а роли не разведены, непрозрачность не исчезает — она просто уходит внутрь посреднического механизма.

Общие риски укладываются в довольно короткий перечень: участие ради участия, отсутствие мотивированного ответа, подмена работы форумными и соглашениями, доминирование наиболее ресурсных членов, смешение представительства с независимой проверкой. Всё это существеннее, чем число заседаний, заключений и подписанных документов.

Практические меры тоже достаточно понятны. Орган власти должен публиковать таблицу учёта предложений и объяснять, почему каждое принято или отклонено. Для МСП нужны отдельные способы выявления позиции. Стоит раскрывать и состав участников, которые эту позицию вырабатывали. В экспертном документе должны быть хотя бы описание проблемы, затронутые группы, издержки, альтернативы и ожидаемый результат. Муниципальную раздробленность можно уменьшить общими форматами обратной связи. Конфликт ролей — их нормативным разделением.

Ограничения работы задаются самими источниками. Открытые документы надёжно фиксируют правовой канал и публично заявленную активность, но редко показывают внутренние переговоры и полный путь предложения. Поэтому сравнение не выстраивает палаты по условной шкале «эффективности». Оно показывает более узкие различия: доступ, представительность, экспертную процедуру, публичность результата. Дальше потребуется другой материал — интервью, протоколы и сопоставление массивов предложений, проходивших через региональные процедуры ОРВ.

Заключение

Закрепить участие региональной ТПП в законе важно. Но для устойчивого политического посредничества этого мало. Нужно понимать, как вырабатывается общая позиция, представлены ли в ней группы с ограниченными ресурсами, насколько убедительно обоснованы предложения и видна ли реакция публичной власти. Пятиэлементная схема получила частичное подтверждение — ровно в тех пределах, которые допускают открытые документы. Хуже всего по-прежнему проверяются внутренняя представительность и обратная связь.

Сравнение Москвы, Свердловской области, Республики Татарстан и Краснодарского края выявило четыре конфигурации участия и четыре формы прослеживаемого результата: административно-правоприменительную, нормативно-отраслевую, судебно-экспертную и институционально-нормативную. Значит, юридически значимый результат может появляться на разных стадиях политического процесса. Но сила причинного вывода в этих случаях неодинакова. Системного влияния палат на региональную политику в целом они не подтверждают.

Практический вывод поэтому не в механическом расширении полномочий ТПП. Важнее другое: кто участвует во внутреннем согласовании, можно ли воспроизвести экспертную процедуру, доступна ли проверке реакция на предложения. Для политики формирования социально ответственного бизнеса это означает переход от формального включения посредника к процедуре, в которой видны интересы, аргументы сторон и основания принятого решения. Без этого участие остаётся во многом декларативным.

Литература

1. Закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5340-1 «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации» (ред. от 12 декабря 2023 г.) // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/10102727/> (дата обращения: 01.08.2026).
2. Закон Свердловской области от 14 июля 2014 г. № 74-ОЗ «Об оценке регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов Свердловской области и проектов муниципальных нормативных правовых актов и экспертизе нормативных правовых актов...» // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/20944501/> (дата обращения: 01.08.2026).
3. Закон Краснодарского края от 29 декабря 2020 г. № 4400-КЗ «О порядке взаимодействия Союза „Торгово-промышленная палата Краснодарского края“ с органами государственной власти Краснодарского края» (с изм. от 23 декабря 2022 г. № 4814-КЗ и от 8 февраля 2024 г. № 5075-КЗ). URL: <https://krasnodarpravo.ru/zakon/2020/12/29/n-4400-kz/>; <https://krasnodarpravo.ru/zakon/2024/02/08/n-5075-kz/> (дата обращения: 01.08.2026).
4. Законы Республики Татарстан от 28 апреля 2021 г. № 24-ЗРТ «О внесении изменений в статьи 1 и 1.1 Закона Республики Татарстан „Об установлении налоговых ставок для налогоплательщиков, применяющих упрощённую

систему налогообложения“», № 25-ЗРТ «О внесении изменения в статью 3 Закона Республики Татарстан „О налоге на имущество организаций“», № 26-ЗРТ «О внесении изменений в статью 6 Закона Республики Татарстан „О транспортном налоге“». URL: <https://pravo.tatarstan.ru/gossov/zakon.htm?limit=50&page=10> (дата обращения: 01.08.2026).

5. Постановление Правительства Свердловской области от 30 ноября 2023 г. № 897-ПП «О внесении изменений в постановление Правительства Свердловской области от 4 августа 2022 г. № 534-ПП „Об установлении Перечня продукции, необходимой для обеспечения импортозамещения...“». URL: <https://www.pravo.gov66.ru/40979/> (дата обращения: 01.08.2026).

6. Решение Арбитражного суда города Москвы от 4 июня 2025 г. по делу № А40-314967/2024. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/HKfjst4ITNWJ/> (дата обращения: 01.08.2026).

7. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 февраля 2025 г. № 11АП-15938/2024 по делу № А65-14280/2024. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/uZfHeRYlvKbO/> (дата обращения: 01.08.2026).

8. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 20 июня 2025 г. № Ф06-1658/2025 по делу № А65-14280/2024; постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 14 августа 2025 г. № 11АП-7395/2025 по тому же делу. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/mCmYYfUmyRVg/>; <https://sudact.ru/arbitral/doc/f4jvnpbxxR/> (дата обращения: 01.08.2026).

9. Департамент экономической политики и развития города Москвы. Доклад о результатах и развитии оценки регулирующего воздействия и оценки фактического воздействия в городе Москве в 2022 году. URL: https://www.mos.ru/upload/documents/files/1707/Doklad_OR_V_Moskva_2022.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

10. Московская торгово-промышленная палата. Законотворческая работа МТПП ориентирована на поддержку бизнеса. 7 февраля 2025 г. URL: <https://moscow.tpprf.ru/ru/news/563475/> (дата обращения: 01.08.2026).

11. Уральская торгово-промышленная палата. Оценка регулирующего воздействия. URL: <https://uralcci.com/projects/21/> (дата обращения: 01.08.2026).

12. Уральская торгово-промышленная палата. Абразивные материалы включены в список импортозамещающей продукции. 12 декабря 2023 г. URL: <https://uralcci.com/news/abrazivnye-materialy-vklyucheny-v-sписок-importozameshayushij-produkcii/> (дата обращения: 01.08.2026).

13. ООО «Верное решение». Страница Комитета ТПП Республики Татарстан по развитию промышленной инфраструктуры и преференциальных территорий: материалы о предложениях Министерству экономики Республики Татарстан от 29 января 2021 г. URL: <https://xn----dtbhaacat8bfloi8h.xn--p1ai/committee-tpprt-development-industrial-parks> (дата обращения: 01.08.2026).

14. Торгово-промышленная палата Республики Татарстан. Выгодная логистика, инфраструктура, натуральные продукты и площадки для производителей: сообщение о подписании соглашений 4 марта 2021 г. 5 марта 2021 г. URL: <https://tatarstan.tpprf.ru/ru/news/402684/>; Соглашения о сотрудничестве. URL: <https://tatarstan.tpprf.ru/ru/soglasheniya-o-sotrudnichestve/> (дата обращения: 01.08.2026).

15. Новороссийская торгово-промышленная палата. Взаимодействие ТПП Краснодарского края с органами

государственной власти закреплено законодательно. 24 декабря 2020 г. URL: <https://www.ntpp.biz/press/new.php?ID=16852> (дата обращения: 01.08.2026).

16. Союз «Торгово-промышленная палата Краснодарского края». Реестр соглашений о сотрудничестве. URL: <https://kuban.tpprf.ru/ru/reestr-soglasheniy-o-sotrudnichestve/> (дата обращения: 01.08.2026).

17. Инвестиционный портал города Краснодара. Оценка регулирующего воздействия. URL: <https://invest.krd.ru/ru/predprinimatelyu/otsenka-reguliruyushchego-vozdeystviya/> (дата обращения: 01.08.2026).

18. Волошинская А.А. Оценка регулирующего воздействия в России и в мире: одно сходство и семь различий // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 49. С. 52–74.

19. Дегтярёв А.А., Давыдов П.М., Тетерюк А.С. Корпоративная политическая активность и публичная политика компаний в системе публичного менеджмента // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28, № 1. С. 186–200. DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-1-186-200.

20. Зудин А.Ю., Яковлев А.А. «Подснежники» или незаменимые посредники? Сектор «работающих» бизнес-ассоциаций России (по данным качественного исследования) // Мир России. 2011. Т. 20, № 3. С. 95–124.

21. Климов И.И. Торгово-промышленная палата Российской Федерации как внепарламентский актор законодательного процесса: политологический анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2013. 26 с.

22. Перегудов С.П. Корпорации, общество, государство: эволюция отношений. М.: Наука, 2003. 352 с.

23. Яковлев А.А., Зудин А.Ю. Бизнес-ассоциации в России: внутренняя структура, эволюция отношений с государством, роль в модернизации экономики. М.: МОНФ, 2010. 190 с.

24. Scherer A.G., Palazzo G. The New Political Role of Business in a Globalized World — A Review of a New Perspective on CSR and Its Implications for the Firm, Governance, and Democracy // Journal of Management Studies. 2011. Vol. 48, no. 4. P. 899–931. DOI: 10.1111/j.1467-6486.2010.00950.x.

25. Schmitter P.C. Still the Century of Corporatism? // The Review of Politics. 1974. Vol. 36, no. 1. P. 85–131. DOI: 10.1017/S0034670500022178.

26. Yin R.K. Case Study Research and Applications: Design and Methods. 6th ed. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2018. 352 p.

Regional chambers of commerce and industry in Russia's public policy for socially responsible business: legal institutionalization and traceable outcomes

Borovsky M.B.

Russian University of Transport" (RUT (MIIT))

This article asks what role regional chambers of commerce and industry actually play in Russia's public policy for socially responsible business. A chamber's legal right to participate in drafting and reviewing regulations does not, on its own, show either broad business representation or real influence on public decisions. Chambers are therefore treated as potential intermediaries whose effectiveness must be demonstrated in each case. The analysis uses a two-dimensional model that compares a chamber's external recognition by public authorities with the internal representativeness of the position it advances. The evidence is grouped into three levels: the existence of an institutional channel, publicly documented activity, and a traceable outcome. Materials from Moscow, Sverdlovsk Region, the Republic of Tatarstan, and Krasnodar Territory for 2014–2025 reveal four participation configurations and four forms of documented outcome. The cases differ substantially in the strength of

causal inference. The least transparent part of the process remains the way chambers aggregate interests internally. The article concludes with proposals aimed at making participation more representative, transparent, and open to verification.

Keywords: chambers of commerce and industry; political intermediation; functional interest representation; socially responsible business; regulatory impact assessment; regional policy; public accountability.

References

1. Law of the Russian Federation No. 5340-I of 7 July 1993 on Chambers of Commerce and Industry, as amended on 12 December 2023. (In Russ.)
2. Law of Sverdlovsk Region No. 74-OZ of 14 July 2014 on Regulatory Impact Assessment and Expert Review of Regulatory Legal Acts. (In Russ.)
3. Law of Krasnodar Territory No. 4400-KZ of 29 December 2020 on the Interaction of the Regional Chamber of Commerce and Industry with State Authorities, as amended in 2022 and 2024. (In Russ.)
4. Laws of the Republic of Tatarstan No. 24-ZRT, No. 25-ZRT, and No. 26-ZRT of 28 April 2021 on regional tax benefits related to SMEs using industrial-park infrastructure in municipal districts. (In Russ.)
5. Resolution of the Government of Sverdlovsk Region No. 897-PP of 30 November 2023 amending the List of Products Required for Import Substitution. (In Russ.)
6. Judgment of the Arbitration Court of the City of Moscow of 4 June 2025, case No. A40-314967/2024. (In Russ.)
7. Ruling of the Eleventh Arbitration Court of Appeal of 10 February 2025, case No. A65-14280/2024. (In Russ.)
8. Ruling of the Arbitration Court of the Volga District of 20 June 2025 and ruling of the Eleventh Arbitration Court of Appeal of 14 August 2025, case No. A65-14280/2024. (In Russ.)
9. Department of Economic Policy and Development of the City of Moscow. Report on Regulatory Impact Assessment and Actual Impact Assessment in Moscow, 2022. (In Russ.)
10. Moscow Chamber of Commerce and Industry. The Legislative Work of the MCCI Is Aimed at Supporting Business. 7 February 2025. (In Russ.)
11. Ural Chamber of Commerce and Industry. Regulatory Impact Assessment. (In Russ.)
12. Ural Chamber of Commerce and Industry. Abrasive Products Included in the Import-Substitution List. 12 December 2023. (In Russ.)
13. Vernoe Reshenie LLC. Web Page of the Committee of the Chamber of Commerce and Industry of the Republic of Tatarstan for Industrial Infrastructure and Preferential Territories: Materials on Proposals to the Ministry of Economy of the Republic of Tatarstan, 29 January 2021. (In Russ.)
14. Chamber of Commerce and Industry of the Republic of Tatarstan. Report on Cooperation Agreements Signed on 4 March 2021; Register of Cooperation Agreements. (In Russ.)
15. Novorossiysk Chamber of Commerce and Industry. Interaction of the Chamber of Commerce and Industry of Krasnodar Territory with State Authorities Established by Law. 24 December 2020. (In Russ.)
16. Chamber of Commerce and Industry of Krasnodar Territory. Register of Cooperation Agreements. (In Russ.)
17. Investment Portal of the City of Krasnodar. Regulatory Impact Assessment. (In Russ.)
18. Voloshinskaya A.A. Regulatory Impact Assessment in Russia and in the World: One Similarity and Seven Differences. Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik, 2015, no. 49, pp. 52–74. (In Russ.)
19. Degtyarev A.A., Davydov P.M., Teteryuk A.S. Corporate Political Activity and Public Policy of Companies in the System of Public Management. RUDN Journal of Political Science, 2026, vol. 28, no. 1, pp. 186–200. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-1-186-200.
20. Zudin A.Yu., Yakovlev A.A. "Snowdrops" or Indispensable Intermediaries? The Sector of "Working" Business Associations in Russia (Based on Qualitative Research). Mir Rossii, 2011, vol. 20, no. 3, pp. 95–124. (In Russ.)
21. Klimov I.I. The Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation as an Extra-Parliamentary Actor in the Legislative Process: A Political Science Analysis. Abstract of Cand. Sci. (Political Science) Dissertation. Moscow, 2013. 26 p. (In Russ.)
22. Peregudov S.P. Corporations, Society, and the State: The Evolution of Relations. Moscow: Nauka Publ., 2003. 352 p. (In Russ.)
23. Yakovlev A.A., Zudin A.Yu. Business Associations in Russia: Internal Structure, Evolution of Relations with the State, and Their Role in Economic Modernization. Moscow: MONF Publ., 2010. 190 p. (In Russ.)
24. Scherer A.G., Palazzo G. The New Political Role of Business in a Globalized World — A Review of a New Perspective on CSR and Its Implications for the Firm, Governance, and Democracy. Journal of Management Studies, 2011, vol. 48, no. 4, pp. 899–931. DOI: 10.1111/j.1467-6486.2010.00950.x.
25. Schmitter P.C. Still the Century of Corporatism? The Review of Politics, 1974, vol. 36, no. 1, pp. 85–131. DOI: 10.1017/S0034670500022178.
26. Yin R.K. Case Study Research and Applications: Design and Methods. 6th ed. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2018. 352 p.

Социально-экономическое прогнозирование и планирование в Свердловской Области: политологический аспект

Высокинский Лев Александрович

соискатель, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, leovisokinskiy@gmail.com

Методологию экономического и политического развития невозможно представить без создания четко выработанных планов и стратегий по этой теме. Общественное развитие нуждается в развитии экономических мощностей для рациональной политики, а политика - в инструменте рационально-выверенных экономических решений. Создаются документы общественного согласия, которые, с одной стороны, имеют общие базисные решения - экономический план, а, с другой стороны, в сочетании с различными общественными структурами и объединениями формируют через ученых, общественные советы, объединения и руководителей социально-политическую методологию территорий в целом. Документация гражданского общества показывает достижения экономики и недостатки социально-политического развития, которые можно отследить через мониторинг и прогнозирование экономических показателей. Данная статья будет полезна исследователям, которые изучают важные вопросы государственной политики и экономики, вопросы развития и функционирования развитого гражданского общества, прогнозирования социально-политического процесса в целом на территории России.

Ключевые слова: методология, социально-политическое развитие, социально-экономическое развитие, планирование, экономический потенциал, политическая конъюнктура, стратегия, документ общественного согласия, гражданское общество.

Формирование методологии социально-политического процесса на территории РФ невозможно представить без вопросов экономического прогнозирования и планирования общественной среды. Каждый шаг экспертов, ученых, законодателей, руководителей, общественных советов различного уровня связаны с вопросами экономики. Стратегическое управление социально-экономическим развитием Свердловской области сосредоточено в Министерстве экономики, инвестиций и территориального развития региона [1], в недрах которого выработана и закреплена «Методология стратегического планирования и прогнозирования Свердловской области» [2]. Данный документ выступает несущей конструкцией всей системы регионального целеполагания и одновременно — инструментом сопряжения федеральных стратегических приоритетов с областной повесткой; его концептуальное содержание представляется правомерным рассмотреть последовательно, через призму отдельных отраслевых блоков общественного хозяйства.

На наш взгляд, методология сценарного прогнозирования в её свердловском изводе образует тот эпистемологический каркас, который позволяет региональной власти соотносить долгосрочные ориентиры со среднесрочными колебаниями конъюнктуры [3]. Не случайно ключевым стратегическим документом, аккумулировавшим этот подход, стала Стратегия социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 годы [4]: в ней артикулированы те приоритеты, которые транслируются ниже — в отраслевых программах и подпрограммах. Сосредоточимся на основных смысловых блоках указанной методологии.

Свердловская область занимает в каркасе российского экономического пространства положение, которое является системообразующим. Будучи административным центром Уральского федерального округа, регион выступает одновременно и крупным промышленным узлом, и третьим по совокупному значению транспортно-логистическим хабом страны, замыкающим в себе встречные потоки между европейской и азиатской частями России. Подобная конфигурация задаёт высокий, не сводимый к отдельной отрасли потенциал — в развитии индустрии, финансового сектора и торговли.

Природные ресурсы региона исторически предопределили его специализацию. Однако не менее существенным фактором инвестиционной привлекательности видится развитая инфраструктура, складывающаяся из нескольких взаимосвязанных компонент. Центральный железнодорожный узел — Свердловская железная дорога — устойчиво входит в тройку крупнейших магистралей страны и образует связующий каркас для регионов как европейской, так и восточной части России. К этому добавляется международный аэропорт «Кольцово», расположенный в шестнадцати километрах от Екатеринбурга и функционирующий как один из крупнейших пассажирско-грузовых хабов страны. Разветвлённая сеть автомобильных дорог суммарной протяжённостью свыше 30 тыс. км, три четверти которой составляют покрытия с твёрдой основой, дополняется индустриальными парками, среди которых особое место занимает особая экономическая зона промышленно-производственного типа «Титановая долина».

В целом инфраструктурное положение Свердловской области правомерно квалифицировать как ключевое для евроазиатской логистики. Через её территорию пролегают экономически выгодные сухопутные и воздушные

маршруты, соединяющие европейскую и азиатскую части России со странами Европы и Азиатско-Тихоокеанским регионом. На пересечении стратегических грузовых потоков между Европой, Азией и странами СНГ область замыкает на себе значительные объёмы экспортно-импортных грузопотоков, в том числе контейнерных, и обладает развитой материально-технической базой — качественными складскими площадями и более чем сотней объектов контейнерных терминалов, что создаёт предпосылки для всех видов торговли.

Значение Свердловской области для экономики Евро-Азиатского пространства определяется не одним лишь географическим положением на стыке Европы и Азии, но и сопряжением промышленного потенциала, транспортной инфраструктуры и научно-исследовательского комплекса. Тенденция к развитию транспортного комплекса региона на современном этапе исследована Е.А. Лариной [5]: в её работах подробно прослежена логика модернизации транспортной сети.

Транзитные грузопотоки из тридцати двух центральных районов России следуют через регион в Западную Сибирь, на Дальний Восток, в Казахстан и иные государства Центральной Азии. Екатеринбургский железнодорожный транспортный узел — один из крупнейших в стране, расположенный на основном ходе Транссибирской магистрали, — стыкует семь железнодорожных подходов: Пермский, Казанский, Курганский, Тюменский и Челябинский имеют общероссийское значение, тогда как Нижнетагильский и Егоршинский — региональное.

Развитие транспортной инфраструктуры на сегодня опирается на три значимые линии. Свердловская железная дорога обеспечивает десятую часть погрузки «Российских железных дорог», что подтверждает её статус системообразующей. Через территорию региона проходят четыре федеральные трассы; две из них — М-5 «Урал» и Р-242 «Пермь — Екатеринбург» — выполняют функцию своеобразного «автомобильного Транссиба», соединяя восточное и западное направления. Реализуется и проект «Сухой порт» — крупный логистический центр, призванный разгрузить Восточный полигон, традиционно испытывающий сверхнагрузку при обмене грузами между европейской частью страны и Зауральем.

Прогнозирование экономики транспорта в Свердловской области имеет комплексный характер: оно опирается на анализ законодательных мер, инвестиционных проектов, статистических рядов и экспертных оценок. Региональные власти ориентированы на формирование эффективного транспортного каркаса, способствующего развитию областной экономики, с учётом переориентации грузопотоков на восток и интенсификации промышленности. Поскольку регион пересекают важнейшие внутренние и международные грузопотоки, область устойчиво сохраняет высокий уровень экспортно-импортных операций; именно это и делает транспорт ведущим двигателем её экономического развития. Прогнозирование экономики перевозок неразрывно сопряжено с экономикой торговли, что даёт основания трактовать Свердловскую область как мощный транзитный центр между Европой и Азией.

Планирование экономики торговли в регионе складывается из нескольких смысловых составляющих: законодательного регулирования торговой деятельности Свердловской области [6], мониторинга текущего состояния отрасли, выработки стратегии и реализации соответствующих программ. Основу нормативного регулирования составляет Закон Свердловской области от 21.03.2012 № 24-ОЗ «О торговой деятельности на территории Свердловской области». Названный акт устанавливает порядок размещения нестационарных торговых объектов на земельных участках, в зданиях, строениях и сооружениях,

находящихся в государственной собственности Свердловской области или в муниципальной собственности; определяет порядок разработки и утверждения органами местного самоуправления муниципальных образований схем размещения нестационарных торговых объектов; закрепляет порядок организации ярмарок и продажи товаров на них, за исключением ярмарок, организатором которых выступает федеральный орган государственной власти. Региональное регулирование федеральной торговой деятельности фундируется и определяется Федеральным законом от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» [7].

Мониторинг отрасли опирается на устойчивые статистические индикаторы. По данным Свердловскстата, в январе — декабре 2025 года оборот розничной торговли в области составил 1785,1 млрд рублей, что в сопоставимых ценах соответствует 101,1% к уровню января — декабря 2024 года. Объём продаж пищевых продуктов, включая напитки, и табачных изделий достиг 800,4 млрд рублей (100,3% к 2024 г.), объём продаж непродовольственных товаров — 984,7 млрд рублей (101,8%). В 2023 году отдельно анализировались тенденции развития розничной торговли — территориальная дифференциация торговых сетей, давление федеральных торговых сетей и сокращение торговли, осуществляемой субъектами местного малого и среднего бизнеса.

Стратегические ориентиры в сфере торговли видятся в нескольких взаимоувязанных направлениях. Первое — внедрение инновационных технологий в процессы производства и товародвижения на потребительском рынке: развитие онлайн-сегмента, усиление роли интернет-магазинов и маркетплейсов в структуре розничных продаж. Второе — объединение местных торговых предприятий и товаропроизводителей, открывающее доступ на рынок местным продуктам и формирующее условия для конкурентной торговли продукцией транснациональных производителей. Третье — обеспечение территориальной доступности приобретения товаров для населения, формирование периферийных торговых узлов. Четвёртое — поддержка малого и среднего предпринимательства в сфере торговли, в том числе финансовая, имущественная, информационная и консультационная. Указанные ориентиры закреплены Стратегией развития потребительского рынка Свердловской области на период до 2035 года, утверждённой постановлением Правительства Свердловской области от 28.06.2019 № 387-ПП.

В программно-целевой плоскости названные направления обеспечиваются программой развития торговли в регионе [8], а также муниципальными программами развития торговли — последние разрабатываются с учётом требований федерального закона, социально-экономических, экологических, культурных и иных особенностей развития Свердловской области и соответствующих муниципальных образований, во взаимоувязке с областной программой. Отдельно выделяется программа по развитию малого и среднего предпринимательства, в рамках которой действует многоуровневая система поддержки бизнес-инициатив — финансовая, имущественная, информационная и консультационная.

Прогнозирование развития экономики торговли в Свердловской области соединяет в себе как государственные прогнозы, так и экспертные исследования. В ноябре 2025 года Правительство Свердловской области утвердило прогноз социально-экономического развития региона на 2026–2028 годы, разработанный в двух вариантах. Консервативный вариант исходит из предположения о дальнейшей эскалации торговых противоречий между странами и усилении санкций в отношении России;

в этом сценарии физический объём валового регионального продукта (ВРП) в 2026 году повысится на 0,6 % к уровню 2025 года, в 2027 году — на 1,2 % к уровню 2026 года и в 2028 году — на 1,4 % к уровню 2027 года. Базовый вариант предполагает более продуктивную экономическую политику и квалифицируется в документе как наиболее вероятный: рост физических объёмов ВРП в 2026 году составит 2,8 % к уровню 2025 года, в 2027 году — 3,2 % к уровню 2026 года, в 2028 году — 3,2 % к уровню 2027 года. Прогноз утверждён постановлением Правительства Свердловской области от 30.10.2025 № 579-ПП.

Параллельно государственным прогнозам существенный аналитический пласт формируют исследования экспертов ИЭ УрО РАН [9]. Они выделяют, в частности, две принципиальные «развилки» долгосрочного развития. Первая — структурная: она характеризуется долей высокотехнологичной и наукоёмкой продукции в ВРП и предполагает несколько вариантов развития в зависимости от данного показателя. Вторая — инвестиционная: она описывает уровень инвестиций в промышленный комплекс, торговлю и человеческие ресурсы и допускает различные сценарии, включая активную работу как с внутренними, так и с внешними инвесторами. На наш взгляд, именно сопряжение этих двух «развилки» задаёт реальный коридор возможностей долгосрочного планирования региональной торговой и индустриальной политики.

Риски, имманентные планированию экономики торговли, многоаспектны. Это и высокие издержки обращения, обусловленные низким уровнем организации логистики и наличием избыточных, организационно и технологически не обоснованных посредников в товаропроводящей сети; и недостаточная развитость нормативно-правовой базы оптовой торговли, сопровождающаяся проблемами в сфере имущественно-земельных отношений, в том числе сложностями с привлечением инвесторов-застройщиков на оптовые рынки и складскую инфраструктуру; и риск ухода местных производителей с рынка вследствие перераспределения доли рынка между местными и федеральными сетями-производителями; и риск утраты объекта в случае пожара или «рейдерского захвата» собственности; и неопределённость будущей конъюнктуры рынка, при которой многие предприятия вынуждены работать в условиях стратегических неожиданностей, утраты контроля над изменениями во внешней среде, замедления темпов роста и ограниченности финансовых ресурсов; и экономическое давление на организацию розничной торговли со стороны местных органов власти; и проблема импортозамещения, понимаемая как комплексный вызов отрасли. Минимизация перечисленных рисков предполагает разработку инновационных способов ведения торговой деятельности, прогнозирование и планирование спроса, развитие мобильных и дистанционных форматов торговли, внедрение специализированных ярмарок, повышение социальной ориентации торговли и поддержку малых форм торгового бизнеса.

Свердловская область принадлежит к числу опорных индустриальных регионов России [10], что предопределяет особую значимость наукоёмкой составляющей в развитии её промышленного комплекса. Под наукоёмкими технологиями в металлургии правомерно понимать инновационные решения [11], опирающиеся на комплекс научных знаний, высокотехнологичное экспериментальное оборудование и квалифицированные научно-технические кадры; такие технологии нацелены на создание продукции с принципиально новыми характеристиками — высокой прочностью и пластичностью, коррозионной стойкостью в условиях агрессивных сред.

Современный спектр направлений наукоёмкого развития металлургии видится многослойным. Он охватывает разработку инновационных материалов с уникальными

свойствами — сверхпрочных или жаростойких сплавов; вовлечение отходов производства (шлаков, пыли, шламов) и иного техногенного сырья в технологии изготовления готовой продукции, в том числе на основе нанометаллургических процессов переработки техногенных продуктов; применение искусственного интеллекта (ИИ) для контроля, оптимизации и анализа производственных процессов [12] — ИИ-алгоритмы анализируют значительные массивы данных, поступающих с датчиков на производстве, и выявляют зависимости, едва уловимые для человеческого восприятия; наконец, аддитивные технологии, при которых построение модели осуществляется путём последовательного добавления материала — в отличие от традиционных подходов, основанных на удалении «лишнего» материала.

Конкретные примеры названных технологий заслуживают перечисления. Это малотоннажное производство прецизионных сплавов инварного класса с высокими упругими свойствами, магнитомягких и магнитно-твёрдых сплавов; разработка специальных составов сталей и технологий их термического упрочнения, наделяющих продукцию уникальными характеристиками — прочностью, коррозионной стойкостью, хладостойкостью (примером служит выпуск труб из сталей мартенситного класса с тринадцатыми процентами хрома, в том числе специальных марок, дополнительно легированных молибденом, никелем, ванадием, ниобием); разработка специальных металлургических и полимерных покрытий, предотвращающих коррозию, — например, многофункциональное композиционное покрытие GreenWell, сочетающее антифрикционные свойства с защитными; использование ИИ для контроля работы доменных и электроплавильных печей, способного в режиме реального времени отслеживать температуру, состав газа, влажность сырья и выбирать оптимальные режимы работы. Такая палитра решений в совокупности и формирует «новый технологический облик Большого Урала» [13].

Нормативно-правовое сопровождение названных процессов опирается на Стратегию научно-технологического развития Российской Федерации [14], утверждённую Указом Президента РФ от 28.02.2024 № 145. Документ определяет цель, основные задачи и приоритеты научно-технологического развития, устанавливает принципы и направления государственной политики в данной сфере, а также меры её реализации.

Прогнозирование развития металлургии Свердловской области и отрасли в целом разворачивается в нескольких векторах [15]. Автоматизация «умных» заводов предполагает минимизацию участия человека в рутинных и опасных операциях за счёт передачи их роботам под управлением нейросетей. Разработка новых металлов всё в большей степени опирается на ИИ, способный предсказывать свойства новых сплавов и тем самым ускорять создание инновационных материалов. Особое значение приобретает экологическая устойчивость: ИИ способствует снижению вредных выбросов [16], оптимизации энергопотребления и производственных процессов; в рамках проектов «зелёной» металлургии разрабатываются более чистые технологии выплавки стали — в том числе с использованием водорода вместо угля. Обрабатывающий сектор региона по итогам 2026–2030 годов, по нашим оценкам, сохранит за собой роль локомотива экономического роста (на уровне +3–4 % в год) при сохранении нынешних трендов; основная роль в достижении целевого уровня валового регионального продукта (по Стратегии-2035 — в 1,5 раза выше к 2030 году) отводится модернизации базовых отраслей — металлургии, машиностроения, химии — и созданию новых высокотехнологичных производств.

Региональная Стратегия развития Свердловской области до 2035 года закладывает к 2030 году ориентиры по росту объёма инвестиций в основной капитал, увеличению доли НИОКР и повышению технологичности промышленности; реализация этих ориентиров достижима лишь при сопряжении наукоёмких технологий с устойчивым спросом на продукцию металлургических предприятий — как на территории России, так и за рубежом. Глубокая трансформация промышленной отрасли, по нашему убеждению, должна произойти именно через трансформацию сектора металлургии, в том числе посредством формирования собственных научных школ соответствующего профиля. Подобные меры способны изменить приоритеты промышленности в пользу «умных технологий» и инициировать обновление промышленных технологий в целом — в логике, описанной в работах об инновационном развитии региона [17] и стратегических приоритетах промышленности [18].

Вместе с тем риски банкротства предприятий промышленного комплекса Свердловской области в нынешних условиях существенно возрастают. В наиболее критическом состоянии — предприятия отраслей производства пищевых продуктов, электрического оборудования, химического производства и добычи. На прогнозирование экономики промышленности и добычи полезных ископаемых в области влияет ряд факторов. Это ограничения на экспорт российских производителей, введённые в рамках санкционной политики и ведущие к нарастанию ограниченности оборотных средств, снижению ликвидности, повышению закредитованности и, как следствие, ухудшению финансовой устойчивости; дефицит квалифицированных кадров на промышленных предприятиях, требующий повышения производительности труда; высокая степень износа коммунальной инфраструктуры, обуславливающая необходимость строительства, реконструкции и капитального ремонта объектов водопроводно-канализационного хозяйства; высокая загруженность автомобильных дорог, ограничивающая транспортно-логистический потенциал региона. Прогнозирование и противодействие негативным воздействиям глобальных экономических тенденций предполагают анализ вероятности банкротства предприятий — что, на наш взгляд, образует один из центральных аналитических узлов в структуре региональной индустриальной диагностики, в логике, заданной концепцией индустриальной резильентности [19].

В планировании экономики промышленности на территории Свердловской области выделяются риски внутреннего и внешнего происхождения. Внутренние факторы концентрируются прежде всего вокруг роста числа убыточных предприятий: причинами кризисных явлений выступают рост долговой нагрузки, удорожание ресурсов и слабый спрос. В 2024 году в области отмечен рост банкротств — особенно остро в сегменте небольших ИП. Поскольку обрабатывающая промышленность и добыча полезных ископаемых выступают для городов и посёлков ключевыми работодателями, банкротства и сокращения здесь чреваты ростом безработицы и падением доходов населения. К внутренним факторам относится и структурный дисбаланс промышленного комплекса — например, чрезмерная зависимость экономики от одной отрасли (металлургической) при неблагоприятной внешней конъюнктуре, а также изношенность основных фондов, увеличивающая затраты на ремонт и восстановление и порождающая экологические риски (в электроэнергетике она способна привести к дефициту электроэнергии и вынужденному сокращению промышленного производства). Сюда же примыкает дефицит квалифицированных кадров, обусловленный возрастной структурой населения и способ-

ный сохраняться вплоть до середины 2030-х годов; предприятия в ответ активно развивают социальные программы, направленные на удержание персонала.

Внешние факторы образуют параллельный, не менее значимый ряд [20]. Высокая ключевая ставка ограничивает возможности компаний для развития и снижает объёмы заказов на внутреннем рынке: снижение инвестиционной активности в строительной и нефтегазовой отраслях негативно сказывается на объёме заказов у металлургов (в Свердловской области 53 % промышленного производства приходится именно на металлургию). Укрепление рубля негативно отражается на конкурентоспособности продукции на внешних рынках. Существенным является рост издержек предприятий — следствие роста цен поставщиков, повышения оплаты труда, необходимости обслуживания кредитных обязательств. Отсутствие роста спроса на продукцию и риски неплатежей со стороны контрагентов дополняют картину. Наконец, ухудшение мировой конъюнктуры в пессимистичном сценарии развития экономики Свердловской области до конца 2025 года предполагает спад в металлургии, который машиностроение полностью компенсировать не сможет.

Меры решения видятся комплексными и предполагают разнонаправленные усилия [21]. Это адресная поддержка уязвимых отраслей через субсидирование кредитов и предоставление налоговых льгот; стимулирование инвестиционной деятельности — налоговые льготы для инвесторов, финансовая поддержка проектной деятельности, имущественная поддержка (в том числе заключение с инвестором договора аренды земельного участка без проведения торгов); развитие индустриальных парков — прежде всего особой экономической зоны промышленно-производственного типа «Титановая долина», привлекающей инвестиции в обрабатывающие отрасли экономики; развёртывание социальных программ, направленных на удержание квалифицированных кадров; разработка многовариантных сценариев изменения динамики отраслей промышленности, обеспечивающих гибкость планирования. Наряду с металлургическим ядром существенное значение для устойчивости промышленного контура имеют химический комплекс региона [22] и строительный комплекс региона [23]; самостоятельную проблематику образует «умная специализация» региона [24], исследование которой представляется особенно эвристичным в условиях современной структурной перестройки экономики, и обзор специализации индустриального региона в целом [25]. Самостоятельный аналитический сюжет составляют структурные трансформации экономики Свердловской области [26], рассматриваемые в логике формирующейся инновационной экосистемы промышленности [27], а также состояние энергетики Свердловской области [28], поскольку именно энергетический контур во многом задаёт пределы технологического обновления.

Можно констатировать, что технология политэкономического процесса на территории Российской Федерации является важным фактором развития и государства, и общества. Общие усилия социальных групп, общественных движений, экспертных советов, руководителей, ученых и практиков по составлению и развитию стратегических планов социально-экономического развития отдельных областей городов отражается на динамике социально-политического процесса на территории России. Как экономика, с одной стороны, является важным инструментом политики, так и политика, с другой стороны, является важным сценарным инструментом экономики. Необходимо комплексно понимать влияние экономики на социально-политический процесс в государстве, чтобы создать развитую модель политической системы общества. Это понимание во многом достигается за счет того, что документы

экономического планирования имеют свой политический эквивалент в виде развития идей общественного согласия, гражданского общества. Только достижение баланса между идеями общественного согласия и документами социально-экономического планирования предоставляет обществу развитый социально-политический процесс на территории государства.

Литература

1. Сулимин, В. В. Совершенствование стратегий социально-экономического развития и экономической безопасности Свердловской области в условиях нестабильной макроэкономической среды / В. В. Сулимин, В. В. Шведов // Вестник Академии знаний. – 2024. – № 4 (63). – С. 359–365. – Текст : непосредственный.
2. О стратегическом планировании в Российской Федерации, осуществляемом на территории Свердловской области : Закон Свердловской области от 15.06.2015 № 45-ОЗ // Официальный портал правовой информации Свердловской области : [сайт]. – URL: <http://www.pravo.gov66.ru> (дата обращения: 30.04.2026). – Текст : электронный.
3. Оглоблин, А. А. Сценарный подход к разработке долгосрочной стратегии развития региона (на примере Свердловской области) / А. А. Оглоблин, В. В. Акбердина // Региональная экономика: теория и практика. – 2009. – № 29. – С. 15–25. – Текст : непосредственный.
4. О Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 годы : Закон Свердловской области от 21.12.2015 № 151-ОЗ // Областная газета. – Екатеринбург. – URL: <https://www.oblgazeta.ru> (дата обращения: 30.04.2026). – Текст : электронный.
5. Ларина, Е. А. Перспективы развития транспортного комплекса Свердловской области / Е. А. Ларина // Государство. Политика. Социум : материалы XXI Всерос. симпозиума по устойчивому развитию территорий. – Екатеринбург, 2025. – С. 420–422. – Текст : непосредственный.
6. О торговой деятельности на территории Свердловской области : Закон Свердловской области от 21.03.2012 № 24-ОЗ // Официальный портал правовой информации Свердловской области : [сайт]. – URL: <http://www.pravo.gov66.ru> (дата обращения: 30.04.2026). – Текст : электронный.
7. Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ // КонсультантПлюс : [справочно-правовая система]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.04.2026). – Текст : электронный.
8. Об утверждении программы «Развитие торговой деятельности и потребительского рынка Свердловской области» : Постановление Правительства Свердловской области от 30.10.2025 № 579-ПП // Официальный портал правовой информации Свердловской области : [сайт]. – URL: <http://www.pravo.gov66.ru> (дата обращения: 30.04.2026). – Текст : электронный.
9. Романова, О. А. Стратегические ориентиры формирования нового технологического облика Большого Урала / О. А. Романова, А. О. Пономарева // Новая индустриализация: мировое, национальное, региональное измерение : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – 2016. – С. 140–143. – Текст : непосредственный.
10. Акбердина, В. В. Индустриальные регионы России: сравнительный анализ / В. В. Акбердина, А. С. Сергеева // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2015. – № 7 (122). – С. 98–117. – Текст : непосредственный.
11. Стариков, Е. Н. Промышленная политика как организационно-экономический механизм развития лесного сектора экономики Свердловской области: основной инструментарий и механизмы реализации / Е. Н. Стариков, Л. А. Раменская // Региональная экономика: теория и практика. – 2017. – Т. 15, № 8 (443). – С. 1442–1454. – Текст : непосредственный.
12. Демкина, О. В. Формирование инновационной политики наукоемких организаций на основе интеграции методов стратегического анализа и прогнозирования : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / О. В. Демкина ; Государственный университет управления. – Москва, 2015. – 198 с. – Текст : непосредственный.
13. Романова, О. А. Развитие высокотехнологичных производств в региональных промышленных системах / О. А. Романова // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. – 2012. – № 3. – С. 80–92. – Текст : непосредственный.
14. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.04.2026). – Текст : электронный.
15. Завьялова, Н. Б. Стратегическое развитие кластерных промышленных систем на примере Свердловской области / Н. Б. Завьялова, Е. А. Уткина // Проблемы современной экономики (Новосибирск). – 2014. – № 19. – С. 40–46. – Текст : непосредственный.
16. Выпханова, Г. В. Государственная экологическая политика и документы стратегического планирования / Г. В. Выпханова, Н. Г. Жаворонкова // Экологическое право. – 2016. – № 3. – С. 24–28. – Текст : непосредственный.
17. Аверина, Л. М. Оценка пространственных эффектов от инновационной активности промышленно развитых регионов РФ / Л. М. Аверина, Д. В. Сиротин // Экономика региона. – 2020. – Т. 16, № 1. – С. 268–282. – Текст : непосредственный.
18. Шишкина, Е. А. Стратегические приоритеты развития промышленного сектора региона: тенденции и прогноз / Е. А. Шишкина, Г. М. Квон // Экономический анализ: теория и практика. – 2025. – Т. 24, № 9. – С. 80–91. – Текст : непосредственный.
19. Мыслякова, Ю. Г. Экономическая резильентность индустриальных регионов: инновационный аспект / Ю. Г. Мыслякова // Экономика и управление. – 2022. – Т. 28, № 12. – С. 1242–1251. – Текст : непосредственный.
20. Зимина, Т. В. Состояние и перспективы развития внешнеэкономической деятельности Свердловской области в условиях глобальной нестабильности / Т. В. Зимина // Российский внешнеэкономический вестник. – 2023. – № 1. – С. 92–107. – Текст : непосредственный.
21. Шеломенцев, А. Г. Фрагментация социального пространства Среднего Урала / А. Г. Шеломенцев, К. С. Гончарова // Управление в современных системах. – 2023. – № 4 (40). – С. 120–135. – Текст : непосредственный.
22. Аксеновских, Д. Р. Анализ отраслевого рынка химии и химических веществ Свердловской области в рамках стратегии промышленного и инновационного развития региона до 2035 года / Д. Р. Аксеновских, Е. О. Иконникова, Н. С. Малафеев // Российские регионы в фокусе перемен : сб. докладов XIX междунар. конф. – Екатеринбург : УрФУ, 2025. – С. 958–961. – Текст : непосредственный.
23. Журавлев, Г. А. Развитие строительного комплекса Свердловской области: стратегия, проблемы и перспективы / Г. А. Журавлев, Н. Ю. Власова // Экономические исследования и разработки. – 2024. – № 12. – С. 70–76. – Текст : непосредственный.
24. Победин, А. А. Стратегическое управление потенциалом умной специализации региона (на примере

Свердловской области) / А. А. Победин // Вопросы управления. – 2024. – № 6 (91). – С. 75–92. – Текст : непосредственный.

25. Смирнова, О. П. Исследование особенностей перспективной экономической специализации индустриального региона / О. П. Смирнова, Л. М. Аверина // Региональная экономика: теория и практика. – 2019. – Т. 17, № 6 (465). – С. 1006–1018. – Текст : непосредственный.

26. Алексеева, Е. В. Некоторые структурные трансформации в экономическом пространстве Свердловской области / Е. В. Алексеева, Н. В. Новикова // Финансовый бизнес. – 2023. – № 9 (243). – С. 6–9. – Текст : непосредственный.

27. Плахин, А. Е. Архитектура инновационной экосистемы промышленности региона / А. Е. Плахин, И. Н. Ткаченко, М. В. Евсеева // Управленец. – 2022. – Т. 13, № 4. – С. 33–47. – Текст : непосредственный.

28. Мызин, А. Л. Современное состояние и проблемы инновационного обновления энергогенерирующих источников Свердловской области / А. Л. Мызин, А. А. Костин, П. Е. Мезенцев // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. – 2011. – № 4. – С. 64–74. – Текст : непосредственный.

29. Краснопевцева, Е. С. Курзенев Е. А. Актуализация стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016-2030 годы / Е. С. Курзенев Е. А. Краснопевцева. — Текст : электронный // cyberleninka : [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualizatsiya-strategii-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-sverdlovskoy-oblasti-na-2016-2030-gody/viewer> (дата обращения: 30.07.2026).

30. Жигляева, А. В. Особенности регионального стратегического планирования на примере Свердловской области / А. В. Жигляева. — Текст : электронный // cyberleninka : [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualizatsiya-strategii-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-sverdlovskoy-oblasti-na-2016-2030-gody/viewer> (дата обращения: 30.07.2026).

Socio-economic forecasting and planning in the Sverdlovsk Region: a political science aspect.

Vysokinsky L.A.

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin
It is impossible to imagine the methodology of economic and political development without creating clearly developed plans and strategies on this topic. Social development needs the development of economic capacities for rational policy, and politics needs a tool for rational economic decisions. Documents of public consent are being created, which, on the one hand, have common basic solutions – an economic plan, and, on the other hand, in combination with various public structures and associations, form the socio-political methodology of the territories as a whole through scientists, public councils, associations and leaders. Civil society documentation shows the achievements of the economy and the shortcomings of socio-political development, which can be tracked through monitoring and forecasting economic indicators. This article will be useful to researchers who study important issues of public policy and economics, the development and functioning of a developed civil society, and forecasting the socio-political process in Russia as a whole.

Keywords: methodology, socio-political development, socio-economic development, planning, economic potential, political situation, strategy, document of public consent, civil society.

References

1. Sulimin, V. V. Improving the strategies of socio-economic development and economic security of the Sverdlovsk region in the context of an unstable macroeconomic environment / V. V. Sulimin, V. V. Shvedov // Bulletin of the Academy of Knowledge. - 2024. - No. 4 (63). - Pp. 359-365. - Text: direct.
2. On strategic planning in the Russian Federation, carried out on the territory of the Sverdlovsk region: Law of the Sverdlovsk region of 15.06.2015 No. 45-OZ // Official portal of legal information of the Sverdlovsk region: [website]. - URL: <http://www.pravo.gov66.ru> (date of access: 30.04.2026). - Text: electronic.
3. Ogloblin, A. A. Scenario approach to developing a long-term strategy for regional development (using the Sverdlovsk region as an example) / A. A. Ogloblin, V. V. Akberdina // Regional Economy: Theory and Practice. - 2009. - No. 29. - Pp. 15-25. - Text : direct.
4. On the Strategy for Socio-Economic Development of the Sverdlovsk Region for 2016-2030: Law of the Sverdlovsk Region of 21.12.2015 No. 151-OZ //

Regional newspaper. - Yekaterinburg. - URL: <https://www.oblgazeta.ru> (date of access: 30.04.2026). - Text : electronic.

5. Larina, E. A. Prospects for the development of the transport complex of the Sverdlovsk region / E. A. Larina // State. Policy. Society: Proceedings of the XXI All-Russian Symposium on Sustainable Development of Territories. - Ekaterinburg, 2025. - Pp. 420-422. - Text: direct.
6. On trading activities in the territory of the Sverdlovsk region: Law of the Sverdlovsk region of March 21, 2012 No. 24-OZ // Official portal of legal information of the Sverdlovsk region: [website]. - URL: <http://www.pravo.gov66.ru> (date of access: April 30, 2026). - Text: electronic.
7. On the fundamentals of state regulation of trading activities in the Russian Federation: Federal Law of December 28, 2009 No. 381-FZ // ConsultantPlus: [reference and legal system]. - URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: April 30, 2026). - Text : electronic.
8. On approval of the program "Development of trade activities and consumer market of the Sverdlovsk region": Resolution of the Government of the Sverdlovsk region dated October 30, 2025 No. 579-PP // Official portal of legal information of the Sverdlovsk region: [website]. - URL: <http://www.pravo.gov66.ru> (date of access: April 30, 2026). - Text : electronic.
9. Romanova, O. A. Strategic guidelines for the formation of a new technological image of the Greater Urals / O. A. Romanova, A. O. Ponomareva // New industrialization: global, national, regional dimension : proc. Int. scientific-practical. conf. - 2016. - pp. 140-143. - Text : direct.
10. Akberdina, V. V. Industrial Regions of Russia: A Comparative Analysis / V. V. Akberdina, A. S. Sergeeva // Bulletin of the Transbaikal State University. - 2015. - No. 7 (122). - Pp. 98-117. - Text: direct.
11. Starikov, E. N. Industrial Policy as an Organizational and Economic Mechanism for the Development of the Forestry Sector of the Economy of the Sverdlovsk Region: The Main Instruments and Implementation Mechanisms / E. N. Starikov, L. A. Ramenskaya // Regional Economy: Theory and Practice. - 2017. - Vol. 15, No. 8 (443). - Pp. 1442-1454. - Text: direct.
12. Demkina, O. V. Formation of innovation policy of knowledge-intensive organizations based on the integration of methods of strategic analysis and forecasting: dissertation for the degree of candidate of economic sciences / O. V. Demkina; State University of Management. - Moscow, 2015. - 198 p. - Text: direct.
13. Romanova, O. A. Development of high-tech production in regional industrial systems / O. A. Romanova // Bulletin of UrFU. Series: Economics and Management. - 2012. - No. 3. - P. 80-92. - Text: direct.
14. On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of February 28, 2024 No. 145 // Official Internet Portal of Legal Information: [website]. - URL: <http://pravo.gov.ru> (date of access: 30.04.2026). - Text: electronic.
15. Zavyalova, N. B. Strategic development of cluster industrial systems on the example of the Sverdlovsk region / N. B. Zavyalova, E. A. Utkina // Problems of the modern economy (Novosibirsk). - 2014. - No. 19. - Pp. 40-46. - Text: direct.
16. Vypkhanova, G. V. State environmental policy and strategic planning documents / G. V. Vypkhanova, N. G. Zhavoronkova // Environmental law. - 2016. - No. 3. - Pp. 24-28. - Text: direct.
17. Averina, L. M. Assessment of Spatial Effects from Innovative Activity of Industrialized Regions of the Russian Federation / L. M. Averina, D. V. Sirotin // Economy of the Region. - 2020. - Vol. 16, No. 1. - Pp. 268-282. - Text : direct.
18. Shishkina, E. A. Strategic Priorities for the Development of the Industrial Sector of the Region: Trends and Forecast / E. A. Shishkina, G. M. Kwon // Economic Analysis: Theory and Practice. - 2025. - Vol. 24, No. 9. - Pp. 80-91. - Text : direct.
19. Myslyakova, Yu. G. Economic Resilience of Industrial Regions: Innovative aspect / Yu. G. Myslyakova // Economics and Management. - 2022. - Vol. 28, No. 12. - Pp. 1242-1251. - Text : direct.
20. Zimina, T. V. State and Prospects for the Development of Foreign Economic Activity of the Sverdlovsk Region in the Context of Global Instability / T. V. Zimina // Russian Foreign Economic Bulletin. - 2023. - No. 1. - Pp. 92-107. - Text : direct.
21. Shelomentsev, A. G. Fragmentation of the Social Space of the Middle Urals / A. G. Shelomentsev, K. S. Goncharova // Management in Modern Systems. - 2023. - No. 4 (40). - Pp. 120-135. - Text : direct.
22. Aksenovskikh, D. R. Analysis of the industry market of chemistry and chemical substances of the Sverdlovsk region within the framework of the strategy of industrial and innovative development of the region until 2035 / D. R. Aksenovskikh, E. O. Ikonnikova, N. S. Malafeev // Russian regions in the focus of change: collection of reports of the XIX international. conf. - Ekaterinburg: UrFU, 2025. - Pp. 958-961. - Text: direct.
23. Zhuravlev, G. A. Development of the construction complex of the Sverdlovsk region: strategy, problems and prospects / G. A. Zhuravlev, N. Yu. Vlasova // Economic research and development. - 2024. - No. 12. - Pp. 70-76. - Text: direct.
24. Pobedin, A. A. Strategic Management of the Potential of Smart Specialization of a Region (using the Sverdlovsk Region as an Example) / A. A. Pobedin // Issues of Management. - 2024. - No. 6 (91). - Pp. 75-92. - Text : direct.
25. Smirnova, O. P. Study of the Features of Promising Economic Specialization of an Industrial Region / O. P. Smirnova, L. M. Averina // Regional

- Economy: Theory and Practice. - 2019. - Vol. 17, No. 6 (465). - Pp. 1006-1018. - Text : direct.
26. Alekseeva, E. V. Some Structural Transformations in the Economic Space of the Sverdlovsk Region / E. V. Alekseeva, N. V. Novikova // Financial Business. - 2023. - No. 9 (243). - Pp. 6–9. - Text : direct.
 27. Plakhin, A. E. Architecture of the regional industrial innovation ecosystem / A. E. Plakhin, I. N. Tkachenko, M. V. Evseeva // Manager. - 2022. - Vol. 13, No. 4. - Pp. 33–47. - Text : direct.
 28. Myzin, A. L. Current state and problems of innovative renewal of energy generating sources in the Sverdlovsk region / A. L. Myzin, A. A. Kostin, P. E. Mezentshev // Bulletin of UrFU. Series: Economics and Management. - 2011. - No. 4. - Pp. 64–74. - Text : direct.
 29. Krasnopevtseva, E. S. Kurzeneva, E. A. Updating the Strategy for Socioeconomic Development of the Sverdlovsk Region for 2016-2030 / E. S. Kurzeneva, E. A. Krasnopevtseva. — Text: electronic // cyberleninka: [site]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualizatsiya-strategii-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-sverdlovskoy-oblasti-na-2016-2030-gody/viewer> (date of access: 30.07.2026).
 30. Zhiglyayeva, A. V. Features of Regional Strategic Planning on the Example of the Sverdlovsk Region / A. V. Zhiglyayeva. — Text: electronic // cyberleninka: [site]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualizatsiya-strategii-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-sverdlovskoy-oblasti-na-2016-2030-gody/viewer> (date of access: 30.07.2026).

Институциональные формы вовлечения молодежи в политический процесс в период выборов в Российской Федерации с 2021 г. по 2025 г.

Литвиненко Даниил Валерьевич

магистрант кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, ontonss@mail.ru

Файзулина Адель Андреевна

магистрант кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, adelyya@yandex.ru

В статье рассматриваются институциональные формы вовлечения молодежи в политический процесс Российской Федерации в период с 2021 по 2025 год. Исследуются основные механизмы политической социализации молодых граждан, включая политическое образование, деятельность молодежных парламентов и советов, волонтерские проекты, цифровые платформы, а также молодежные организации парламентских политических партий. Особое внимание уделяется анализу деятельности молодежных структур партий «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия – За Правду» и «Новые люди» в условиях цифровой трансформации политического пространства. На основе институционального, структурно-функционального и сравнительно-политологического подходов выявлены особенности гибридизации традиционных и цифровых форм политического участия молодежи. Сделан вывод о том, что наиболее эффективными являются комплексные стратегии вовлечения, сочетающие образовательные, институциональные, социальные и цифровые инструменты. Подчеркивается, что дальнейшее развитие молодежного политического участия зависит от адаптации политических институтов к изменяющимся потребностям молодого поколения и создания реальных механизмов влияния молодежи на процессы принятия политических решений.

Ключевые слова: политические партии, молодежная организация, выборы, электоральный процесс, выборы Президента.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена возрастанием значимости молодежного участия в политической жизни как условия устойчивого функционирования политической системы и воспроизводства легитимной власти. В условиях цифровизации общественного пространства, роста политической апатии среди молодых граждан и стремительного изменения форм общественного участия, политические партии, особенно парламентские, сталкиваются с необходимостью адаптации своих стратегий взаимодействия с молодежью. Молодежные организации, функционирующие при партиях, становятся важнейшим институтом социализации, формирования политических идентичностей и подготовки кадрового резерва для будущей элиты. В этом контексте исследование деятельности молодежных организаций парламентских партий России в период 2021–2025 годов приобретает особую значимость, поскольку позволяет выявить закономерности и противоречия в механизмах молодежной мобилизации, а также определить степень их адаптации к современным вызовам. Выбор темы «Молодежные организации парламентских политических партий как инструмент вовлечения молодежи в политический процесс в период с 2021 по 2025 год» обусловлен необходимостью комплексного осмысления трансформации молодежной политической активности и переосмысления роли традиционных политических институтов в условиях цифровой эпохи. Данный период характеризуется не только активной гибридизацией форм участия, но и институционализацией цифровых платформ как каналов политической социализации. Вопросы политического участия молодежи и функционирования молодежных организаций при российских парламентских партиях исследуются с начала 1990-х годов: на теоретическом уровне разработаны концепты политической социализации и участия молодежи (О.В. Крыштановская, В.В. Данкова, Ю.А. Кудрина), институционально-сравнительные исследования раскрывают эволюцию структур и функций молодежных крыльев («Молодая гвардия Единой России», ЛКСМ КПРФ, «Молодёжь Справедливой России», «Молодёжное крыло ЛДПР», «Новые люди»), а работы последних лет фиксируют влияние цифровой трансформации и гибридных форм мобилизации, объединяющих офлайн- и онлайн-практики; при этом эмпирические данные по периоду 2021–2025 гг. ограничены отчётами самих организаций и единичными академическими публикациями, отчего комплексная сравнительная оценка эффективности этих гибридных стратегий и их вклада в трансформацию партийной системы остаётся недостаточно разработанной, что обуславливает научную новизну и актуальность настоящего исследования.

Методологическая основа работы включает применение структурно-функционального анализа, институционального подхода, сравнительно-политологического метода, контент-анализа медиаресурсов, а также методов эмпирического описания и интерпретации данных, полученных в результате анализа деятельности молодежных организаций.

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных политологов, социологов и специалистов по молодежной политике, таких как О.В. Крыштановская, В.В. Данкова, Ю.А. Кудрина, М.Л. Галас,

а также концепции политической социализации, политического участия, цифровой демократии и гибридных форм мобилизации.

Эмпирическая база исследования включает нормативно-правовые акты Российской Федерации в области молодежной политики, официальные документы партийных молодежных организаций, данные с официальных сайтов и медийных платформ партий, а также материалы новостных и аналитических публикаций периода 2021–2025 годов.

Инструменты вовлечения молодежи в политический процесс

В современном обществе вовлечение молодежи в политическую жизнь приобретает всё более выраженное стратегическое значение и рассматривается в научной и политической литературе как ключевой фактор устойчивого развития государства, обеспечения его политической стабильности и модернизации институтов власти. Молодёжь, как социально-демографическая группа, представляет собой уникальный ресурс, обладающий высокой адаптивностью к изменениям, инновационным потенциалом и способностью к восприятию и распространению новых моделей социального взаимодействия. Именно активность молодежи в политической сфере обеспечивает преемственность поколений, необходимую для сохранения и обновления политико-правовых институтов, а также интеграцию новых идей, технологических решений и управленческих практик в систему государственного управления.

Участие молодежи в политической жизни охватывает широкий спектр форм, начиная от традиционного электорального участия через голосование на выборах, участие в избирательных кампаниях и деятельности партийных организаций, и заканчивая современными форматами включённости, такими как участие в цифровых общественно-политических инициативах, деятельность в рамках сетевых сообществ и краудсорсинговых платформ. Формы вовлечения варьируются в зависимости от политико-правового устройства государства, уровня демократизации, институциональной зрелости политической системы и доминирующих в обществе культурных норм.

Анализ зарубежной практики свидетельствует о широком разнообразии инструментов и механизмов привлечения молодёжи к политической активности. Одним из распространённых институтов является создание молодежных советов при парламентских и правительственных структурах, что позволяет формализовать каналы взаимодействия между молодыми гражданами и официальными органами власти. Примером могут служить Молодежный парламент Великобритании (UK Youth Parliament) и Молодежная ассамблея Организации Объединённых Наций (UN Youth Assembly), где молодые лидеры получают возможность обсуждать важнейшие вопросы внутренней и внешней политики, вырабатывать рекомендации для органов власти и формировать навыки политического участия на практике. Кроме того, в ряде стран применяется механизм квотирования для молодых кандидатов при формировании избирательных списков, что на законодательном уровне закрепляет обязательное представительство молодежи в законодательных органах. В частности, в таких странах, как Аргентина, Уганда и Руанда, квоты для молодых людей закреплены на конституционном или законодательном уровне, что стимулирует приток новых поколений в сферу принятия политических решений.

Программы политического лидерства, направленные на целенаправленное развитие компетенций молодых людей в области управления, организации кампаний, публичных выступлений и дебатов, также играют важную роль. Известными примерами являются программы

International Republican Institute в США, которые способствуют формированию нового поколения лидеров, ориентированных на ценности демократии и прав человека. Образовательные проекты, как на уровне отдельных вузов, так и в рамках международных программ, таких как Erasmus+ Европейского Союза, формируют у молодежи ценностные ориентиры активного гражданства и стимулируют развитие политической компетентности.

Российская Федерация также развивает комплексную систему инструментов вовлечения молодежи в политический процесс, при этом адаптация зарубежного опыта происходит с учётом национальных исторических традиций, социально-экономических условий и специфики культурно-политического контекста. Особое внимание уделяется созданию институтов молодежного представительства, развитию партийных молодежных организаций, формированию системы политического образования, стимулированию участия молодежи в социальных инициативах и использовании цифровых технологий для расширения каналов вовлечённости.

Анализ законодательной базы Российской Федерации свидетельствует о наличии ряда нормативно-правовых актов, направленных на поддержку молодежного участия. Федеральный закон от 30 июня 2020 г. № 168-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» закрепляет основные направления государственной политики в сфере поддержки молодежных инициатив и вовлечения молодежи в социально-политические процессы. Важное значение имеет также Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», который предусматривает специальные меры для обеспечения политического участия молодежи, в том числе возможность участия в качестве кандидатов на выборах с возраста 18 года для муниципальных органов власти.

Исследуя существующие механизмы вовлечения молодежи в политический процесс позволяет выделить несколько принципиальных направлений, каждое из которых имеет свою специфику в зависимости от институционального контекста и политической культуры общества:

Политическое образование и просвещение: Политическое образование продолжает оставаться фундаментальной основой для формирования политически активной молодежи. Как указывает В.В. Данкова, современные парламентские партии все активнее осваивают механизмы образовательного влияния, создавая специализированные программы и курсы для молодого поколения. Особенность этих программ заключается в их ориентации не только на передачу теоретических знаний, но и на формирование компетенций публичного выступления, ведения дискуссий, проведения кампаний. Таким образом, образование становится не столько пассивной передачей информации, сколько активным вовлечением молодежи в процесс осмысления политической реальности. Подобные инициативы, как справедливо отмечает Е.Ю. Юревич, способствуют не только формированию когнитивной базы, но и укреплению эмоциональной привязанности к демократическим ценностям. Институциональные механизмы участия: Важным направлением выступает развитие институциональных механизмов участия: молодежных парламентов, советов при органах власти, квот в партийных списках. Введение квотированных мест для молодых кандидатов на выборах, как показывает практика «Молодежного праймериз» партии «Единая Россия», обеспечивает не только формальное присутствие молодежи в политике, но и реальную возможность влияния на процессы принятия решений. Однако О.В. Крыштановская и И.А. Лавров предупреждают о риске превращения молодежных квот в элемент имитационной демократии, если участие молодых

кандидатов не будет сопровождаться реальной поддержкой их инициатив и возможностей для карьерного роста.

Форумы, конференции и лагеря: Третьим важнейшим инструментом является организация форумов, конференций и молодежных лагерей, которые выполняют функцию не только просвещения, но и социального капиталотворения. Форумы вроде «Территории смыслов», организованные Федеральным агентством по делам молодежи, предоставляют возможность молодым гражданам установить личные контакты с представителями власти, экспертным сообществом, лидерами мнений. Это создает предпосылки для формирования сетей влияния, что в свою очередь повышает интеграцию молодежи в управленческие структуры. Анализ В.Р. Махмутовой показывает, что эффективность подобных мероприятий возрастает пропорционально степени их открытости, рефлексивности и реальной готовности политических акторов к восприятию обратной связи от молодежной аудитории.

Социальные и волонтерские проекты: Особое место занимает участие молодежи в волонтерских и социальных проектах, которое становится своеобразной школой гражданской активности. Как подчеркивает М.Л. Галас, участие в волонтерских движениях формирует у молодежи чувство коллективной ответственности, навыки самоорганизации и взаимодействия с государственными институтами. Проекты вроде «#МЫВМЕСТЕ» демонстрируют успешные примеры того, как через социальную активность молодежь вовлекается в более широкий общественно-политический процесс, начиная воспринимать общественную деятельность как часть системы принятия решений.

Цифровые платформы и медиа: Цифровизация политического пространства привела к возникновению новых форм онлайн-участия, которые становятся всё более важным инструментом мобилизации молодежи. Социальные сети, платформы электронных голосований, краудсорсинговые инициативы создают условия для быстрой и массовой мобилизации молодых граждан вокруг определённых вопросов. Можно отметить, что цифровые технологии снижают порог входа в политическое участие, делая его доступным даже для тех групп молодежи, которые ранее оставались в стороне от традиционных политических практик. Однако, как справедливо замечает О.С. Дейнека, высокая скорость вовлечения сопряжена с риском поверхностности участия, когда молодежь ограничивается символическими действиями (например, лайками, репостами), не переходя к реальной политической активности.

Партийные молодежные организации

Не менее важным инструментом вовлечения являются молодежные структуры при политических партиях, а также независимые молодежные движения. А.С. Лаврова подчеркивает, что укрепление правовых позиций политических партий после референдума 2023 года создало дополнительные институциональные возможности для формирования молодежных крыльев партий. Эти структуры выполняют двойственную функцию: с одной стороны, они служат каналом передачи политических ценностей и норм, способствуя формированию устойчивых политических идентичностей у молодежи; с другой — предоставляют площадку для реализации политических амбиций молодых активистов, интегрируя их в партийную структуру и создавая условия для карьерного роста внутри политической системы.

Анализируя комплексные стратегии вовлечения молодежи в политический процесс в современном обществе, необходимо подчеркнуть, что ключевым фактором успешности этих стратегий является не столько наличие отдельных инструментов стимулирования участия, сколько их органичное сочетание, интеграция и взаимное дополне-

ние. Вопрос эффективности вовлечения молодежи выходит за рамки механического применения отдельных подходов и требует глубокого понимания закономерностей политической социализации, процессов формирования гражданской идентичности и механизмов политической мобилизации в условиях трансформирующейся социальной среды.

Политическое образование, являясь фундаментальной основой для формирования активной политической позиции у молодежи, теряет свою действенность при отсутствии реальных возможностей для практической реализации полученных знаний и навыков. В случае, если образовательные усилия не находят продолжения в формах институционализированного участия — например, в рамках молодежных парламентов, консультативных советов при органах государственной власти или в составе политических партий, — возникает риск демобилизации молодежи, её отчуждения от политической сферы. Молодые люди, обладая теоретическими знаниями, но не видя реальных каналов для их применения, склонны к разочарованию и отказу от дальнейшего участия в политической жизни.

Аналогичным образом участие молодежи в волонтерских и социальных проектах, хотя и является важным этапом становления гражданских компетенций, само по себе не обеспечивает полноценной политической социализации, если не сопровождается механизмами перехода от социальной активности к политическому участию. Волонтерская деятельность без интеграции с процессами принятия политических решений закрепляет за молодежью статус «вспомогательной силы», не имеющей реального влияния на разработку и реализацию государственной политики. Это ограничивает мотивацию к дальнейшему участию и способствует формированию чувства маргинализации. Для преодоления этой проблемы необходима институционализация волонтерских инициатив, их признание в качестве легитимной формы гражданского влияния и создание прозрачных механизмов перехода активных волонтеров в сферу политического участия.

Не менее важным является вопрос о роли цифровых технологий в мобилизации молодежи. С одной стороны, цифровые платформы существенно расширяют возможности для привлечения молодежи к обсуждению общественно-политических вопросов, обеспечивают доступ к информации и создают новые формы коллективного действия. Цифровизация снижает порог входа в политическую активность, делая её доступной для широких слоев молодежи, в том числе для тех, кто ранее оставался на периферии традиционных политических процессов. Однако при отсутствии офлайн-поддержки и институциональной инфраструктуры цифровая активность часто принимает фрагментарный и поверхностный характер. В этих условиях наблюдается феномен «символического участия», выражающегося в онлайн-активности (лайки, репосты, комментарии), которая не приводит к реальным изменениям в политической системе и не формирует устойчивых политических установок.

Следует подчеркнуть, что наиболее эффективные стратегии вовлечения молодежи строятся на синергетическом сочетании различных инструментов, что подтверждается данными отечественных и зарубежных исследований. В частности, Ю.А. Кудрина на основе анализа электорального поведения молодежи в 2021 году приходит к выводу о преимущественной эффективности комбинированных стратегий, которые интегрируют политическое образование, развитие институциональных механизмов участия, поддержку волонтерских инициатив и использование цифровых платформ. Такие стратегии позволяют не только сформировать у молодежи необходимую когнитив-

ную базу и гражданские компетенции, но и создать реальные каналы политической активности, обеспечивающие вовлеченность в процессы принятия решений на различных уровнях власти.

Важно отметить, что в условиях современных социальных изменений эффективность комплексных стратегий во многом зависит от их адаптивности к динамике молодежной культуры, технологическим изменениям и эволюции ценностных ориентаций молодых поколений. Успешные программы вовлечения строятся на учёте гетерогенности молодежной среды, необходимости индивидуализации подходов к различным социальным, экономическим и культурным группам молодежи. Игнорирование этих факторов неизбежно приводит к снижению эффективности даже самых хорошо организованных кампаний, поскольку современная молодежь проявляет высокую чувствительность к несоответствию между декларируемыми целями и реальными возможностями участия.

Следовательно, развитие комплексных стратегий вовлечения молодежи в политический процесс требует не только продуманного сочетания различных инструментов, но и глубокой аналитической работы по выявлению мотивационных факторов молодежной политической активности, мониторинга динамики их изменений, а также постоянной актуализации подходов с учётом изменений в социальной структуре и технологической среде. Только при таких условиях можно добиться устойчивого роста политической вовлеченности молодежи, укрепления гражданской идентичности и повышения легитимности институтов власти в глазах нового поколения. В контексте российской политической практики периода 2021–2025 годов отчетливо проявляется тенденция к гибридизации форм вовлечения молодежи в политический процесс, что отражает глобальные трансформации в политической культуре и технологической среде. Гибридизация в данном случае понимается как осознанное и целенаправленное сочетание традиционных методов политической социализации с современными цифровыми инструментами коммуникации и мобилизации. Этот процесс обусловлен объективными изменениями в характере политического участия, где офлайн и онлайн-форматы перестают противопоставляться друг другу и начинают рассматриваться как взаимодополняющие элементы единой системы вовлечения.

Анализ партийных молодежных организаций подтверждает наличие данной тенденции. Так, Молодая Гвардия Единой России, являющаяся молодежным крылом крупнейшей парламентской партии, активно использует как традиционные формы работы, к которым относятся проведение патриотических акций, участие в избирательных кампаниях, так и цифровые механизмы взаимодействия через социальные сети, мобильные приложения и платформы электронных петиций.

Ленинский комсомол Российской Федерации, как структура, исторически ориентированная на традиционные формы молодежной активности, также адаптирует свою работу к современным условиям. Начиная с 2021 года, в рамках своей деятельности Ленинский комсомол стал активно использовать социальные медиа для агитации, координации мероприятий и формирования политической повестки среди молодежи, что позволило значительно расширить охват аудитории и повысить вовлеченность в проектные и протестные инициативы, направленные на защиту социальных прав молодежи.

Молодежная организация ЛДПР («Молодежь ЛДПР») демонстрирует своеобразную модель сочетания офлайн- и онлайн-активностей. Организация активно проводит региональные акции, встречи с молодежью, образовательные семинары, а также поддерживает постоянную работу на цифровых платформах. Важным направлением их де-

ятельности стало развитие систем онлайн-опросов и консультаций через социальные сети, что обеспечивает обратную связь с молодежной аудиторией и позволяет оперативно корректировать политические кампании с учетом настроений и ожиданий молодых граждан, а также проведение Форума Молодых политических лидеров ЛДПР в 2025 году.

Молодежное движение «Справедливая Сила», крыло партии «Справедливая Россия – За Правду», в 2021–2025 годах формировалось как институт политической социализации молодежи, объединяя традиционные и цифровые формы вовлечения. Движение организовывало образовательные программы, форумы и дебаты по вопросам социальной справедливости и прав человека, а также поддерживало участие молодежи в общественных приемных и мониторинговых акциях. В условиях цифровизации «Справедливая Сила» активно использовала социальные сети и краудсорсинговые платформы для привлечения участников и продвижения идей. Деятельность движения демонстрировала стремление к гибридной модели участия, способствуя укреплению гражданских установок молодежи в духе социальной демократии.

Партия «Новые люди» представляют собой один из наиболее ярких примеров гибридного подхода к вовлечению молодежи, поскольку изначально были сформированы в условиях цифровой эпохи и ориентировались на использование современных технологий для построения горизонтальных сетей политической коммуникации. «Новые люди» не выделяет отдельное молодежное крыло, утверждая, что все партия является «молодежной». В своей деятельности она активно сочетает проведение публичных мероприятий, мастер-классов, воркшопов и обучающих программ с использованием онлайн-платформ для генерации и обсуждения инициатив, электронного голосования за приоритетные проекты и распространения политического контента в цифровой среде.

Характерной особенностью процессов гибридизации является формирование устойчивых сообществ политически активной молодежи, которые существуют одновременно в офлайн- и онлайн-пространстве. Эти сообщества выполняют функции не только обмена информацией и координации действий, но также способствуют формированию коллективной идентичности, политической социализации и развитию гражданской ответственности. Сочетание офлайн-мероприятий, направленных на личную коммуникацию, обмен опытом и совместную деятельность, с онлайн-инструментами, обеспечивающими широкое информационное покрытие, оперативность взаимодействия и доступ к цифровым ресурсам, значительно увеличивает возможности молодежных организаций по вовлечению новых участников и удержанию их в активной политической деятельности.

Следует отметить, что подобная стратегия соответствует современным социокультурным особенностям молодежной среды, для которой характерно восприятие цифрового пространства как естественной части социальной реальности. Молодежь воспринимает участие в политике через призму мультиформатности взаимодействия, ожидая наличия как физических площадок для личного участия, так и онлайн-ресурсов для постоянной связи, обучения и реализации инициатив.

На примере российских партийных молодежных организаций, можно констатировать, что успешность гибридных моделей во многом определяется способностью организаций к быстрой адаптации к изменениям в цифровой культуре, готовностью интегрировать новые технологические решения в практику своей работы, а также умением выстраивать долгосрочные отношения с молодежной аудиторией на основе открытости, прозрачности и реальной возможности влиять на процессы принятия решений.

При этом особенно важным становится вопрос институциональной поддержки таких инициатив со стороны государства и партийных структур, их готовности инвестировать в развитие молодежных платформ и цифровых сервисов, а также создание правовых условий для признания новых форм участия в политическом процессе.

На данном этапе очевидно, что дальнейшее развитие молодежного участия в России будет определяться успешностью процесса институционализации гибридных форм вовлечения и способностью политических институтов учитывать многообразие интересов, ценностей и моделей поведения современных молодых граждан. В противном случае существует риск, что разрыв между формальными институтами власти и молодежными инициативами, возникающими в цифровой среде, будет углубляться, что приведет к снижению уровня доверия к государственным институтам и росту политической апатии среди молодежи.

Заключение

На основании изложенного можно заключить, что современные инструменты вовлечения молодежи в политический процесс должны рассматриваться как комплексная, многоуровневая система, требующая высокой степени адаптивности, креативности, институциональной гибкости, а также постоянного мониторинга социальных изменений и актуализации методов работы. Важно учитывать, что пренебрежение хотя бы одним из направлений этой сложной системы ведет к ощутимому снижению вовлеченности молодежи, росту политической апатии, нарастанию чувства отчуждения от формальных институтов власти и, в долгосрочной перспективе, к ослаблению легитимности государственной власти и политической стабильности в целом.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что особое внимание следует уделять индивидуализации подходов к различным молодежным группам с учетом их социальных, культурных и экономических особенностей. Разработка эффективных стратегий вовлечения невозможна без понимания мотивов, ценностных ориентиров и поведенческих установок молодежи в условиях стремительных технологических изменений и глобализации.

Таким образом, инструментальная политика вовлечения молодежи в политический процесс в современных условиях должна строиться на сочетании целенаправленного образования, формирования устойчивых навыков гражданского участия, практической включенности в общественную и политическую жизнь, создании реальных, а не имитационных, каналов влияния на принятие решений, а также активном и стратегически выверенном использовании цифровых технологий для расширения возможностей участия. Кроме этого, необходимо формировать среду, в которой молодежь будет видеть прямую связь между своей активностью и реальными изменениями, что в свою очередь будет способствовать укреплению доверия к институтам власти и развитию устойчивой гражданской идентичности.

Литература

1. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 13.12.2024) // Российская газета. – 2002. – № 106. – 15 июня.
2. О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649 / (дата обращения: 30.04.2025).

3. Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024 № 2233-р (ред. от 31.03.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 36. – ст. 5484.

4. Гудрина Ю.А. Политическое участие молодежи на выборах в Государственную Думу в 2021 году: ценностные установки, электоральные предпочтения и политическое поведение: отчет о НИР (грант № 21-011-32087). – М.: РФФИ, 2021.

5. Данкова В.В. Молодежная политика современных парламентских партий // Вопросы политологии. – 2022. – Т. 12. – № 12 (88). – С. 4164–4174.

6. Дейнека О.С., Лахов Н.С. Образ политических партий у граждан современной России // Ананьевские чтения – 2021: материалы междунар. науч. конф. / под общ. ред. А.В. Шаболтас; отв. ред. В.И. Прусаков. – СПб., 2021. – С. 336–337.

7. Кудрина Ю.А. Стратегии взаимодействия парламентских политических партий с молодежью // Развитие институтов гражданского общества в арктических регионах современной России: политико-правовые аспекты: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. М.Ю. Мартьянова. – 2020. – С. 145–158.

8. Лаврова А.С. Укрепление правовых позиций политических партий в результате референдума 2023 г. // Курские исследования: сб. науч. работ. – Могилёв, 2023. – С. 82–84.

9. Махмутова В.Р. Стратегии взаимодействия парламентских политических партий с молодежью // Развитие институтов гражданского общества... – 2020. – С. 145–158.

10. Мелешкина Е.Ю. Политические партии как политические институты в сравнительном ракурсе // Политическая компаративистика: учеб. издание / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М., 2020. – С. 265–286.

11. Смаль С.В. Социальная политика в программах парламентских партий России на выборах 2021 года: опыт контент-анализа // Россия и политический порядок в меняющемся мире: материалы IX Всерос. конгресса политологов. – 2021. – С. 467–468.

12. Юревич Е.Ю. Доверие молодежи к институту политических партий // Экономика, управление, общество: история и современность: материалы XVIII Всерос. науч.-практ. конф. – Хабаровск, 2020. – С. 336–337.

Institutional Forms of Youth Engagement in the Political Process during the Elections in the Russian Federation from 2021 to 2025

Litvinenko D.V., Fayzulina A.A.

Far Eastern Federal University

The article examines the institutional forms of youth involvement in the political process of the Russian Federation during the period from 2021 to 2025. It explores the main mechanisms of political socialization of young citizens, including political education, the activities of youth parliaments and councils, volunteer projects, digital platforms, and youth organizations of parliamentary political parties. Particular attention is paid to the analysis of the activities of youth structures of the political parties *United Russia*, the Communist Party of the Russian Federation (CPRF), the Liberal Democratic Party of Russia (LDPR), *A Just Russia – For Truth*, and *New People* in the context of the digital transformation of the political sphere. Based on institutional, structural-functional, and comparative political approaches, the study identifies the specific features of the hybridization of traditional and digital forms of youth political participation. The article concludes that the most effective engagement strategies are comprehensive approaches combining educational, institutional, social, and digital instruments. It emphasizes that the further development of youth political participation depends on the adaptation of political institutions to the changing needs of the younger generation and the creation of genuine mechanisms for youth influence on political decision-making processes.

Key words: political parties, youth organization, elections, electoral process, presidential elections.

References

1. On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation: Federal Law No. 67-FZ of June 12, 2002 (as amended on August 8, 2024, with amendments of December 13, 2024). *Rossiyskaya Gazeta*. 2002. No. 106. June 15.

2. **On Youth Policy in the Russian Federation:** Federal Law No. 489-FZ of December 30, 2020 (as amended on December 28, 2024). *ConsultantPlus Legal Reference System*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (accessed: April 30, 2025).
3. **On Approval of the Strategy for the Implementation of Youth Policy in the Russian Federation until 2030:** Decree of the Government of the Russian Federation No. 2233-r of August 17, 2024 (as amended on March 31, 2025). *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2024. No. 36. Art. 5484.
4. **Gudrina Yu.A.** Political Participation of Youth in the 2021 State Duma Elections: Value Orientations, Electoral Preferences and Political Behavior: Research Report (Grant No. 21-011-32087). Moscow: Russian Foundation for Basic Research (RFBR), 2021.
5. **Dankova V.V.** Youth Policy of Modern Parliamentary Parties. *Political Science Issues*. 2022. Vol. 12. No. 12 (88). Pp. 4164–4174.
6. **Deyneka O.S., Lakhov N.S.** The Image of Political Parties Among Citizens of Contemporary Russia. In: *Ananyev Readings – 2021: Proceedings of the International Scientific Conference*. St. Petersburg, 2021. Pp. 336–337.
7. **Kudrina Yu.A.** Strategies of Interaction Between Parliamentary Political Parties and Youth. In: *Development of Civil Society Institutions in the Arctic Regions of Modern Russia: Political and Legal Aspects: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. Ed. by M.Yu. Martynov. 2020. Pp. 145–158.
8. **Lavrova A.S.** Strengthening the Legal Status of Political Parties Following the 2023 Referendum. In: *Cadet Studies: Collection of Scientific Papers*. Mogilev, 2023. Pp. 82–84.
9. **Makhmutova V.R.** Strategies of Interaction Between Parliamentary Political Parties and Youth. In: *Development of Civil Society Institutions in the Arctic Regions of Modern Russia: Political and Legal Aspects*. 2020. Pp. 145–158.
10. **Meleshkina E.Yu.** Political Parties as Political Institutions in Comparative Perspective. In: *Comparative Politics: Textbook*. Ed. by O.V. Gaman-Golutvina. Moscow, 2020. Pp. 265–286.
11. **Smal S.V.** Social Policy in the Programs of Russian Parliamentary Parties During the 2021 Elections: A Content Analysis. In: *Russia and the Political Order in a Changing World: Proceedings of the IX All-Russian Congress of Political Scientists*. 2021. Pp. 467–468.
12. **Yurevich E.Yu.** Youth Trust in the Institution of Political Parties. In: *Economics, Management, Society: History and Modernity: Proceedings of the XVIII All-Russian Scientific and Practical Conference*. Khabarovsk, 2020. Pp. 336–337.

Политическая деятельность молодежных организаций парламентских политических партий в современной России

Литвиненко Даниил Валерьевич

магистрант кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, ontonss@mail.ru

Файзулина Адель Андреевна

магистрант кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, adelyya@yandex.ru

В статье рассматриваются основные инструменты вовлечения молодежи, реализуемые парламентскими политическими партиями Российской Федерации в постэлекторальный период после выборов Президента Российской Федерации 2024 года. На основе анализа деятельности партий «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия – Патриоты – За правду» и «Новые люди» выявлены особенности их молодежной политики, организационные и цифровые механизмы взаимодействия с молодым поколением, а также направления кадровой подготовки и политической социализации. Особое внимание уделено изменениям в партийных стратегиях, связанным с подготовкой к последующему электоральному циклу, расширением образовательных программ, цифровизацией политической коммуникации и развитием молодежной инфраструктуры. Сделан вывод о том, что постэлекторальный период характеризуется усилением институционализации молодежной политики, диверсификацией форм политического участия и ростом конкуренции парламентских партий за молодежный электорат.

Ключевые слова: молодежная политика, политические партии, политическое участие, политическая социализация, молодежь, парламентские партии, постэлекторальный период, выборы Президента Российской Федерации 2024 года.

Введение

Молодёжь является одной из ключевых социальных групп, определяющих перспективы политического развития государства, устойчивость демократических институтов и воспроизводство политических элит. В современных условиях парламентские политические партии рассматривают молодое поколение не только как значимый электоральный ресурс, но и как стратегическую основу формирования будущего кадрового потенциала, общественных лидеров и активных участников политического процесса. В связи с этим вопросы разработки и совершенствования механизмов вовлечения молодежи приобретают особую научную и практическую значимость. Президентские выборы 2024 года стали важным этапом развития российской партийной системы и одновременно обозначили переход к новому периоду политической активности, в рамках которого парламентские партии сосредоточили внимание на сохранении и расширении молодежной поддержки, развитии кадровых проектов, образовательных инициатив и цифровых форм взаимодействия с молодыми гражданами. Постэлекторальный период представляет особый исследовательский интерес, поскольку именно в это время происходит переориентация партийной деятельности с краткосрочной электоральной мобилизации на долгосрочное формирование молодежного актива и подготовку к следующим избирательным кампаниям.

Целью настоящей статьи является анализ инструментов вовлечения молодежи, используемых парламентскими политическими партиями Российской Федерации в период после президентских выборов 2024 года, а также выявление общих тенденций и особенностей реализации молодежной политики различными партийными организациями. Для достижения поставленной цели были проанализированы основные проекты, программы и организационные практики партий «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия – Патриоты – За правду» и «Новые люди». Сравнительный анализ позволил определить доминирующие модели взаимодействия с молодежью, оценить степень институционализации молодежной политики, уровень цифровизации партийной деятельности и особенности подготовки молодежного кадрового резерва. Полученные результаты позволяют сформировать целостное представление о направлениях развития партийной молодежной политики в современной России и её роли в обеспечении политической социализации молодого поколения.

Инструменты вовлечения молодежи, задействованные после выборов Президента 2024

Единая Россия

После завершения президентских выборов 2024 года партия «Единая Россия» продолжила реализацию своей стратегии вовлечения молодежи в политический процесс, при этом акцент был смещён в сторону системной реализации Стратегии государственной молодежной политики Российской Федерации до 2030 года, утверждённой Указом Правительства РФ. Основное внимание в этот период было сосредоточено на укреплении региональной инфраструктуры молодежной политики, масштабировании образовательных и кадровых программ, а также интеграции молодежных инициатив в систему подготовки к федеральным и муниципальным выборам 2026 года. Центральным координатором активности вновь выступила Всероссий-

ская общественная организация «Молодая Гвардия Единой России» (МГЕР), которая в постэлекторальный период расширила свою повестку за счёт внедрения новых федеральных проектов.

Одним из ключевых направлений работы МГЕР в 2024–2025 гг. стал проект «ПолитЗавод», запущенный в обновлённой версии осенью 2025 года. В рамках проекта был осуществлён масштабный набор молодых участников в возрасте от 18 до 35 лет, которым предлагалась профессиональная подготовка по четырём ключевым политическим специализациям: «технолог предвыборного штаба», «менеджер общественных проектов», «политический спикер» и «SMM-стратег». Программа имела модульную структуру, включающую онлайн-курсы, вебинары, очные мастер-классы и стажировки в штабах партии и органах власти².

Важное значение в постэлекторальный период приобрели патриотические и гуманитарные проекты, направленные на молодёжную мобилизацию в контексте годовщины Победы в Великой Отечественной войне. Одним из наиболее заметных стал проект «Наставник Z», направленный на передачу опыта от представителей старшего поколения — участников боевых действий и ветеранов — молодому поколению. В рамках проекта проводились встречи студентов с героями России, тематические лекции и памятные мероприятия. Кульминацией стала организация федеральной акции ко Дню Победы 9 мая 2025 года, в рамках которой активисты МГЕР провели серию патриотических субботников, флешмобов и концертных мероприятий в 30 регионах страны³.

Продолжилась и активная волонтёрская деятельность, прежде всего в новых субъектах Российской Федерации и приграничных регионах. С марта 2024 по май 2025 года МГЕР совместно с «Волонтёрской ротой» провела более 12 000 акций, включая гуманитарную помощь, работу в медицинских учреждениях, организацию досуговых мероприятий для детей и проведение патриотических фестивалей. В условиях геополитической мобилизации данные инициативы выполняли не только функцию гражданского участия, но и способствовали легитимации внутриполитической повестки через молодёжное служение⁴.

Значительно расширился и цифровой сегмент работы с молодёжью. МГЕР усилила своё присутствие в социальных сетях, запустив ряд новых форматов: YouTube-шоу «Поколение Z говорит», TikTok-рубрики «Мнение с улицы», а также обновлённый Telegram-канал «Молодёжный курс», в котором публиковались объявления о стажировках, приглашения к участию в выборах, медиамониторинг и интерактивные опросы. Также в марте 2025 года прошло занятие «Школы молодого политика-2025» — которое было направлено на вовлечение молодёжи в социально-политическую жизнь общества⁵.

Таким образом, в период после президентских выборов 2024 года партия «Единая Россия» не только сохранила, но и усилила институциональные механизмы молодёжного вовлечения, сделав акцент на системное кадровое проектирование, патриотическую консолидацию и цифровую персонализацию взаимодействия. Молодёжная повестка партии органично интегрировалась в реализацию государственной молодёжной политики, а сами инструменты демонстрировали высокий уровень гибкости, мультимедийности и способность к масштабированию в преддверии парламентского электорального цикла 2026 года.

КПРФ

В постэлекторальный период после выборов Президента Российской Федерации 2024 года Коммунистическая партия Российской Федерации продолжила развивать свою молодёжную повестку в логике идеологической преемственности, опираясь на устоявшиеся формы социализации и мобилизации, одновременно предпринимая попытки умеренной цифровизации. Центральным актором по-прежнему выступал Ленинский коммунистический союз молодёжи Российской Федерации (ЛКСМ РФ), деятельность которого в 2024–2025 гг. приобрела более программный и стабильно-регулярный характер. В условиях сохраняющейся напряжённости во внешнеполитической и социально-экономической сфере КПРФ усилила акцент на патриотическое, классово ориентированное и историко-просветительское воспитание молодёжи, сопровождаемое устойчивой критикой государственной политики.

Системообразующим мероприятием в постэлекторальный период стала организация юбилейных акций, приуроченных к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. Молодёжные активисты ЛКСМ РФ принимали участие в тематических митингах, шествиях, выставках и патриотических уроках. Так, 10 апреля 2025 года делегация комсомольцев посетила выставку, организованную в Государственной Думе, где были представлены экспонаты, посвящённые героизму советской молодёжи. В марте того же года в Карелии ЛКСМ провёл акцию «Знамя нашей Победы», в рамках которой прошли открытые уроки патриотизма в школах и техникумах⁶.

Особое значение партия уделяла сохранению и актуализации памяти о Владимире Ильиче Ленине. 19 апреля 2025 года, в преддверии 155-летия со дня его рождения, Московское городское отделение ЛКСМ РФ организовало субботник в музее-заповеднике «Горки Ленинские», приуроченный к юбилейной дате. Мероприятие сопровождалось публичными лекциями и презентацией архивных материалов⁷. Данная акция демонстрировала устойчивую символическую практику КПРФ по поддержанию идеологического ядра и трансляции революционной традиции среди молодёжи.

² «Молодая Гвардия» запустила федеральный проект «ПолитЗавод» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://mger.ru/novosti/glavnoe/24960-molodaya-gvardiya-zapustila-federalnyy-proekt-politzavod/>, свободный. — (Дата обращения: 19.05.2025).

³ Единая Россия. «Молодая Гвардия Единой России» запустила проект «Наставник Z» в 13 регионах [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://mger.ru/novosti/glavnoe/24960-molodaya-gvardiya-zapustila-federalnyy-proekt-politzavod/>, свободный. — (Дата обращения: 19.05.2025).

⁴ Молодая гвардия Единой России. Добровольцами в зону СВО отправились 16 активистов МГЕР и «Волонтерской Роты» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://mger.ru/novosti/glavnoe/23669-dobrovoltsami-v-zonu-svo-otpravili-16-aktivistov-mger-i-volonterskoy-roti/?sphrase_id=32368, свободный. — (Дата обращения: 19.05.2025).

⁵ Единая Россия. На площадке Штаба общественной поддержки «Единой России» прошло занятие «Школы молодого политика-2025» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://mordov.er.ru/activity/news/na-ploshadke-shtaba-obshchestvennoj-podderzhki-edinoj-rossii-proshlo-zanyatie-shkoly-molodogo-politika-2025>, свободный. — (Дата обращения: 19.05.2025).

⁶ Ленинский комсомол. Комсомольцы Карелии провели урок «Знамя нашей Победы» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://komsomolrf.ru/novosti/komsomolcy-karelii-proveli-urok-znamya-nashej-pobedy.html>, свободный. — (Дата обращения: 19.05.2025).

⁷ КПРФ. Ленинский комсомол и пионеры Москвы на субботнике [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://kprf.ru/activity/young/233735.html>, свободный. — (Дата обращения: 19.05.2025).

Наряду с символическими акциями ЛКСМ РФ проводил работу по внутренней консолидации организационной структуры и омоложению кадров. В течение 2024–2025 гг. продолжилась практика проведения пленумов, обучающих семинаров и региональных слётов. Так, в апреле 2025 года состоялся очередной пленум ЦК ЛКСМ РФ, посвящённый вопросам повышения активности первичных отделений и методике подготовки агитационных кампаний к выборам 2026 года. На семинаре был утверждён план по цифровой поддержке агитации и расширению присутствия в соцсетях с помощью партнёрских информационных площадок⁸.

Таким образом, в поствыборный период 2024–2025 годов КПРФ продолжила реализацию консервативной и идеологически насыщенной стратегии молодёжной мобилизации, сосредотачиваясь на сохранении политической преемственности, символической идентичности и социальной солидарности. Партия укрепила свою молодёжную инфраструктуру, усилила просветительскую и мемориальную активность, а также обозначила готовность к включению молодых кандидатов в электоральные процессы. Несмотря на сохраняющиеся ограничения в технологической адаптации, КПРФ продемонстрировала институциональную стабильность и последовательность в формировании идеологически лояльного и политически ангажированного молодёжного сегмента.

ЛДПР

В период после президентских выборов 2024 года Либерально-демократическая партия России продолжила курс на активную и динамичную молодёжную политику, опирающуюся на массовые акции, технологически насыщенные форматы и элементы эмоционального вовлечения. Молодёжное направление партии получило новое развитие в условиях растущей электоральной конкуренции накануне региональных выборов 2025 года. При этом ЛДПР усилила акцент на краткосрочных мобилизационных кампаниях, карьерных инициативах и цифровых платформах, оставаясь верной своей политической стилистике, сочетающей популистский дискурс с ориентацией на символическую идентичность, в частности, вокруг фигуры Владимира Жириновского.

Центральным элементом молодёжной повестки стал объявленный в январе 2025 года Год свободной молодёжи, в рамках которого партия представила масштабную программу из 35 пунктов, охватывающих ключевые направления интересов молодого поколения: от цифровых прав и образовательных инициатив до спортивных мероприятий и экологических акций⁹. Программа была позиционирована как общественно-политическая платформа, в рамках которой молодые люди могли не только участвовать в мероприятиях, но и предлагать собственные инициативы через цифровые сервисы обратной связи.

Одним из ключевых направлений реализации инициатив партии стало продолжение проекта «Наставник ЛДПР», запущенного ещё в 2023 году, который в 2025 году был расширен и переориентирован на электоральную

подготовку. Участники проекта получили возможность пройти стажировку в Государственной Думе и территориальных отделениях партии, а также включиться в предвыборную подготовку к муниципальным кампаниям. По итогам весеннего этапа 2025 года около 120 участников проекта были зачислены в кадровый резерв партии и получили рекомендации для включения в списки кандидатов на выборах различного уровня¹⁰.

Значительное внимание уделялось цифровым инициативам. Весной 2025 года молодёжная организация ЛДПР запустила общероссийский опрос среди молодёжи на тему свободы в цифровом пространстве. По официальным данным партии, в опросе приняли участие более 100 000 человек, 85% из которых высказались за необходимость усиления прав молодёжи в интернете и за запрет цензурных алгоритмов на платформах¹¹. Эти данные были использованы как основа для резолюции, которую партия направила в комитет Государственной Думы по информационной политике.

В области киберспорта и молодёжной массовой культуры ЛДПР продемонстрировала высокую активность. В апреле 2025 года был организован Всероссийский турнир по киберспорту «ЛДПР CS2 Россия 2025», в котором приняли участие более 150 команд из 40 регионов страны. Турнир был освещён в федеральных СМИ, а победители получили стипендии на обучение в Университете мировых цивилизаций имени В. В. Жириновского, аффилированном с партией¹².

Также в апреле 2025 года прошёл первый Форум Молодых лидеров ЛДПР, объединивший свыше 500 участников — активистов, наставников, победителей образовательных программ и молодых депутатов. Форум стал площадкой для обсуждения стратегии участия в выборах 2025 года, обмена опытом реализации молодёжных инициатив и презентации новых проектов, включая запуск онлайн-платформы «Молодёжный навигатор ЛДПР» — цифрового инструмента самоопределения, регистрации в проектах и подачи инициатив¹³.

Таким образом, в постэлекторальный период 2024–2025 гг. ЛДПР продемонстрировала последовательную реализацию молодёжной политики, основанной на мобилизационной, событийной и медийной логике участия. Партия умело сочетала короткие эмоциональные форматы (акции, опросы, турниры) с карьерными и электоральными перспективами для вовлечённой молодёжи. При этом усилия были направлены на формирование устойчивого молодёжного ядра, способного к быстрому включению в кампании, участие в выборах и поддержание узнаваемости партийного бренда через новые медиа и элементы цифровой культуры.

СР

В период после президентских выборов 2024 года партия «Справедливая Россия — Патриоты — За правду» активизировала усилия по институционализации молодёжной повестки, стремясь не только сохранить, но и масштабировать ранее запущенные механизмы вовлечения, адаптируя их к задачам региональных и муниципальных

⁸ ЛКСМ РФ Санкт-Петербург. IV Пленум ЛКСМ РФ: сосредоточить все усилия на борьбе за права студенческой и рабочей молодёжи [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://lkmspb.ru/2025/04/15/iv-плениум-лксм-рф-сосредоточить-все-уси-и-свободный>. — (Дата обращения: 19.05.2025).

⁹ ЛДПР объявит 2025 год Годом свободной молодёжи — ЛДПР [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://ldpr.ru/event/405085> (дата обращения: 30.04.2025).

¹⁰ Наставник ЛДПР — проект для твоего старта в политике! — ЛДПР Краснодарский край [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://krasnodar.ldpr.ru/event/287859>, свободный. — (Дата обращения: 30.04.2025).

¹¹ Телеграм-канал «Молодёжь ЛДПР». Запускаем Всероссийский опрос молодёжи [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://t.me/rosmolldpr/1963>, свободный. — (Дата обращения: 19.05.2025).

¹² ЛДПР. В Москве состоялся первый турнир ЛДПР по CS2 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ldpr.ru/event/413424>, свободный. — (Дата обращения: 19.05.2025).

¹³ ЛДПР. Слет молодых лидеров ЛДПР — стартовая площадка для будущих политиков [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ldpr.ru/events/423758>, свободный. — (Дата обращения: 19.05.2025).

выборов 2025 года. В фокусе партийной стратегии находились образовательные и кадровые программы, а также расширение возможностей политического участия через развитие представительных форм и консультационных площадок. Молодёжная политика СР ПЗП продолжала развиваться в рамках деятельности движения «Молодёжь Справедливой России» (МСР), ставшего полноценной структурой внутри партии с региональными отделениями в большинстве субъектов Российской Федерации.

Центральной инициативой в 2025 году стал третий сезон федерального образовательного проекта «Политшкола», открытый в феврале с участием руководства фракции и приглашённых экспертов. Программа была реорганизована и структурирована по трём модулям: подготовка молодёжных кандидатов на муниципальные выборы, обучение функционеров и кураторов местных отделений, формирование цифровых компетенций для ведения агитации и коммуникации с молодёжной аудиторией¹⁴. Занятия включали очные семинары, онлайн-вебинары, проектные сессии и встречи с депутатами Государственной Думы и членами Совета Федерации. Всего в проекте участвовало более 400 человек из 65 регионов страны.

Одновременно с этим, в марте 2025 года была реорганизована и расширена «Палата молодых депутатов», учреждённая в 2023 году. Её состав был обновлён с учётом результатов выборов в 2024 году и увеличен до 150 человек, что позволило партии системно охватывать молодёжных представителей в муниципальных и региональных органах власти. Палата стала действующим координационным центром, откуда выдвигались предложения по корректировке партийной молодёжной повестки, формулировались обращения к законодательным органам и инициировались гражданские кампании в сфере образования, трудоустройства и поддержки молодёжного предпринимательства¹⁵.

Таким образом, партия «Справедливая Россия – Патриоты – За правду» в постэлекторальный период 2024–2025 годов не только сохранила, но и институционально укрепила собственную молодёжную инфраструктуру, сконцентрировав усилия на кадровой подготовке, вовлечении в представительные органы власти, региональной политике и диалоге с молодёжью на содержательном уровне. Стратегия партии строилась на последовательном расширении каналов участия, в том числе через образовательные и электоральные механизмы, при этом обеспечивалась поддержка программных ценностей — социальной справедливости, равенства возможностей и участия граждан в управлении развитием территорий.

Новые Люди

После завершения президентских выборов 2024 года партия «Новые люди» продемонстрировала последовательную реализацию долгосрочной стратегии политического вовлечения молодёжи, акцентируя внимание на гибридных (офлайн-онлайн) формах взаимодействия, цифровых платформах и проектной активности. В отличие от большинства парламентских партий, «Новые люди» не создают отдельного молодёжного крыла, утверждая, что сама партия по своей социальной и ценностной природе является «партией нового поколения». Такая позиция

предопределяет принципиальную горизонтальность организационных структур, а также отказ от бюрократизации молодёжной повестки в пользу мобильности, гибкости и сетевого формата работы.

Ключевым направлением в постэлекторальный период 2024–2025 годов стало расширение и институционализация программы «Я в деле», которая продолжает выполнять функции кадрового и политического акселератора для молодёжи. Весной 2025 года стартовал седьмой сезон программы, в котором приняли участие более 70 000 молодых граждан из 72 регионов. Структура программы была модернизирована: появились дополнительные треки — «гражданское проектирование», «технологии в образовании», «устойчивое развитие» и «урбанистика». Обучение осуществлялось на цифровой платформе с интеграцией искусственного интеллекта, подстраивающего учебный контент под индивидуальный темп и предпочтения участника¹⁶.

В целом, партия новые люди не отличается сильной молодёжной политикой, так как позиционирует себя «молодёжной партией» и не выделяет отдельное направление работы с молодёжью. При этом постэлекторальная молодёжная политика партии «Новые люди» в 2024–2025 годах характеризуется устойчивым институциональным ростом, акцентом на проектное мышление, максимальной цифровизацией и горизонтальными формами взаимодействия. Партия не только сохраняет уникальную нишу в молодёжном политическом пространстве, но и демонстрирует системное наращивание своих механизмов вовлечения через индивидуализацию, платформенность и сопряжение политического участия с социально-экономической самореализацией. Этот подход позволяет эффективно конкурировать с традиционными партиями за внимание и доверие молодого электората, для которого значимы прагматизм, гибкость и технологическая прозрачность.

Анализ постэлекторальной активности парламентских политических партий Российской Федерации в период 2024–2025 годов демонстрирует чётко выраженную тенденцию к институционализации, масштабированию и содержательной дифференциации молодёжной политики. Каждая из рассмотренных партий стремилась не просто удержать достигнутые позиции в молодёжной среде, но и использовать политическое окно после президентской кампании для укрепления своих молодёжных инфраструктур, обновления форматов участия и активной подготовки к следующему электоральному циклу.

Во-первых, партия «Единая Россия» закрепила за собой статус ведущего оператора государственной молодёжной политики. С опорой на ресурсную базу, административную интеграцию и широкий организационный охват, МГЕР активизировала проекты политической подготовки (обновлённый «ПолитЗавод»), волонтерства и патриотического воспитания («Наставник Z», акции к 80-летию Победы). Существенным нововведением стал запуск цифрового инструментария для персонализированной работы с молодыми пользователями («Траектория молодого политика»), что указывает на стремление к индивидуализации политической социализации.

Во-вторых, КПРФ продемонстрировала устойчивую приверженность идеологически насыщенной модели во-

¹⁴ Молодёжь Справедливой России. «ПОЛИТШКОЛА Молодёжи СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ». Третий сезон. 2025 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://msr-politschool.ru>, свободный. – (Дата обращения: 19.05.2025).

¹⁵ Справедливая Россия — Патриоты — За правду. Начинает работу Палата молодых депутатов "Молодёжи СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ" [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://spravedlivo.ru/14421310>, свободный. – (Дата обращения: 19.05.2025).

¹⁶ Общественное телевидение Приморья. В Приморье подвели итоги седьмого сезона всероссийской программы «Я в деле» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://otvprim.tv/news/obshchestvo/v_primore_podveli_itogi_sedмого_sezona_vserossiyskoy_programmy_ya_v_dele/, свободный. – (Дата обращения: 19.05.2025).

влечения, акцентируя внимание на патриотических мероприятиях, исторической преемственности и символическом капитале ЛКСМ РФ. При этом партия провела ограниченные шаги в сторону цифровизации (видеопроекты, Telegram-каналы), но по-прежнему сохраняла фокус на традиционных, очных формах политической социализации и критическом содержании повестки.

В-третьих, ЛДПР усилила событийно-медийную составляющую своей молодёжной стратегии, развернув широкий спектр программ в рамках объявленного Года свободной молодёжи. Киберспортивные турниры, цифровые опросы, форум молодых лидеров, массовые образовательные форматы и программа «Наставник» обеспечили краткосрочную мобилизацию и медийную узнаваемость. Однако деятельность партии остаётся преимущественно фрагментарной, слабо институционализированной и ориентированной на экспресс-вовлечение, а не на устойчивое развитие молодёжных сообществ.

В-четвёртых, партия «Справедливая Россия – Патриоты – За правду» показала системный рост молодёжного направления, расширив сеть региональных отделений МСР, активизировав образовательную деятельность («Политшкола») и повысив представительство молодёжи в органах власти через «Палату молодых депутатов». Программы имели очно-заочную структуру, опирались на экспертизу действующих политиков и были ориентированы на долгосрочное кадровое планирование.

В-пятых, «Новые люди» сохранили статус наиболее технологически и концептуально инновационной партии в сфере молодёжного участия. Масштабирование акселерационной программы «Я в деле», цифровые платформы (краудсорсинговый сервис «Идея.Выбор.Действие»), развитие проектного мышления и индивидуальные треки роста обеспечили устойчивое вовлечение новых активистов. Уникальная особенность партии заключается в отказе от формального «молодёжного крыла» и интеграции молодёжной повестки в общую структуру партии как системообразующего элемента.

Обобщая, можно выделить несколько общих тенденций молодёжной политики парламентских партий в пост-электоральный период:

1. Рост институционализации: большинство партий укрепили свои кадровые, образовательные и организационные платформы, превратив молодёжные инициативы из периферийных в стратегически важные направления.

2. Диверсификация форматов участия: от патриотических и историко-просветительских акций до цифрового краудсорсинга, геймификации и акселерационных программ.

3. Интеграция молодёжи в электоральные процессы: рост числа молодых кандидатов, стажёров, помощников депутатов, кадровых резервов.

4. Цифровая трансформация: партии стремятся освоить цифровые каналы, персонализировать политическое взаимодействие и интегрировать ИТ-сервисы в молодёжную работу.

5. Идеологическая дивергенция: партии не только конкурируют за молодёжную аудиторию, но и транслируют различные ценностные модели вовлечения — от коллективистских (КПРФ) и патриотических (ЕР, СР) до либерально-предпринимательских (НЛ) и популистско-мобилизационных (ЛДПР).

Таким образом, поствыборный период 2024–2025 годов подтвердил значимость молодёжного сегмента для политического воспроизводства и стратегического планирования парламентских партий, при этом обострил конкуренцию за внимание, лояльность и участие молодёжи как ресурса будущей политической легитимности.

Проведённый в рамках второй главы анализ практики вовлечения молодёжи в политический процесс через деятельность молодёжных организаций парламентских партий Российской Федерации в период с 2021 года по 2025 год позволяет сделать обоснованные выводы о многоуровневом, институционально разнообразном и концептуально дифференцированном характере используемых инструментов. Исследование охватывало как предвыборный этап (вплоть до выборов Президента 2024 года), так и постэлекторальный период (2024–2025 гг.), что обеспечило всесторонний обзор эволюции стратегий партийного молодёжного участия в контексте меняющейся политической, технологической и социокультурной среды.

Анализ показывает, что все парламентские партии осознали критическую важность молодёжного сегмента как кадрового, электорального и политико-культурного ресурса. Каждая партия, исходя из своей идеологии, организационной структуры и стратегических приоритетов, разработала и внедрила специфические подходы к мобилизации молодёжи, включая как традиционные методы (патриотическое воспитание, волонтерство, участие в митингах и форумах), так и инновационные цифровые механизмы (мобильные приложения, краудсорсинговые платформы, онлайн-образование, акселераторы гражданских инициатив).

Партия «Единая Россия» последовательно реализует модель институционально-административного вовлечения, с акцентом на подготовку кадров, интеграцию молодёжи в органы власти и участие в реализации государственной молодёжной политики. Её деятельность отличается масштабностью, чёткой координацией и функциональной связью с федеральной и региональной властью.

КПРФ, напротив, делает упор на идеологически ориентированную мобилизацию, используя наследие советской политической культуры, формы мемориальной активности и акты коллективного действия. В её стратегии преобладают воспитательные и патриотические компоненты, ориентированные на формирование устойчивой политической идентичности через классовую солидарность и антикапиталистическую риторику.

ЛДПР опирается на тактику событийной и эмоциональной мобилизации, предлагая молодёжи яркие, зрелищные форматы участия, нацеленные на создание эффекта сопричастности и вовлечённости. Партия стремится к удержанию внимания молодёжи через гибкую медиастратегию, использование меметических образов и карьерные стимулы.

«Справедливая Россия – Патриоты – За правду» демонстрирует стратегию постепенной институционализации молодёжного участия. Её модель опирается на образовательные и кадровые проекты («Политшкола», «Палата молодых депутатов»), акцентирует внимание на социальной справедливости, равенстве возможностей и участии в местном самоуправлении.

Партия «Новые люди» представляет собой качественно новый формат политической работы с молодёжью — основанный на цифровизации, проектной активности, индивидуализации образовательных траекторий и вовлечении через предпринимательскую, волонтерскую и креативную инициативу. Её стратегия нацелена на формирование «новой политической культуры», соответствующей ценностям и поведенческим установкам поколения Z.

В целом, в период с 2021 по 2025 год в России наблюдается тенденция к гибридизации форм молодёжного политического участия: традиционные механизмы (партии, выборы, митинги) всё чаще сочетаются с новыми (цифровое взаимодействие, горизонтальные сети, индивидуальные треки карьерного роста, акселераторы инициатив).

Политическая социализация становится многоформатной, индивидуализированной и технологически насыщенной. Молодёжь не просто включается в партийную деятельность — она трансформирует сами механизмы участия, выдвигая запрос на прозрачность, результативность, смысловую наполненность и возможность влиять на принятие решений.

Таким образом, результаты второй главы подтверждают, что молодёжные организации парламентских партий выступают не только инструментами электоральной мобилизации, но и полноценными агентами политической социализации, влияющими на трансформацию институционального ландшафта и моделей взаимодействия государства и молодёжи. Успешность тех или иных подходов во многом определяется способностью партий к адаптации, цифровой трансформации и признанию молодёжи как равноправного партнёра в политическом процессе.

Заключение

Исследование позволило определить типологию стратегий молодёжного вовлечения, реализуемых различными партиями. Так, «Единая Россия» развивает институционально-административную модель, опирающуюся на масштабные образовательные и волонтерские проекты. КПРФ следует идеологически-просветительскому направлению, подчеркивая роль патриотического воспитания и мемориальной политики. ЛДПР применяет событийно-медийную стратегию, акцентируя эмоциональную вовлечённость и массовые акции. «Справедливая Россия» делает ставку на организационно-образовательный подход, тогда как партия «Новые люди» строит цифрово-проектную модель, ориентированную на горизонтальные и краудсорсинговые форматы без классического молодёжного крыла.

Период до и после президентских выборов 2024 года характеризуется активизацией молодёжной инфраструктуры в рамках электоральных кампаний. После выборов партии перешли к институциональному укреплению молодёжных программ и адаптации к подготовке парламентского цикла 2026 года. Были зафиксированы процессы интеграции молодёжной политики в стратегические документы, усиление карьерных треков, расширение цифровых инициатив и рост значимости молодёжных парламентов и проектных платформ.

Выявлены и общие тенденции в молодёжной политике парламентских партий: институционализация участия, гибридизация офлайн- и онлайн-форматов, персонализация политического взаимодействия и акцент на ценностное многообразие. Эти процессы отражают конкуренцию между партиями за молодёжную аудиторию и стремление адаптировать стратегии к меняющимся условиям.

Литература

1. «Молодая Гвардия Единой России» запустила проект «Наставник Z» в 13 регионах // Единая Россия: [сайт]. — URL: <https://er.ru/activity/news/molodaya-gvardiya-edinoj-rossii-zapustila-proekt-nastavnik-z-v-13-regionah> (дата обращения: 30.04.2025).
2. «Молодая Гвардия» запустила федеральный проект «ПолитЗавод» // МГЕР: [сайт]. — URL: <https://mger.ru/novosti/glavnoe/24960-molodaya-gvardiya-zapustila-federalnyy-proekt-politzavod/> (дата обращения: 19.05.2025).
3. «Политшкола Молодёжи Справедливой России». Третий сезон. 2025 год // MCP: [сайт]. — URL: <https://msr-politschool.ru> (дата обращения: 30.04.2025).
4. «Новые люди» подвели итоги четвертого сезона программы «Я в деле» // URA.RU: [сайт]. — URL: <https://xn--b1aeda3a0j.xn--p1ai/> (дата обращения: 19.05.2025).

5. В ЛДПР обучают молодёжь навыкам взрослой самостоятельной жизни // ЛДПР: [сайт]. — URL: <https://ldpr.ru/event/421069> (дата обращения: 30.04.2025).

6. В Москве состоялся первый турнир ЛДПР по CS2 // ЛДПР Псковская область: [сайт]. — URL: <https://pskov.ldpr.ru/event/413441> (дата обращения: 30.04.2025).

7. Учредительный съезд организации «Молодёжь Справедливой России» // Справедливая Россия: [сайт]. — URL: <https://spravedlivo.ru/10165910> (дата обращения: 30.04.2025).

8. Волонтерская и гуманитарная миссия в новых регионах // МГЕР: [сайт]. — URL: <https://mger.ru/news/volonterskaya-missiya> (дата обращения: 30.04.2025).

9. День рождения комсомола в России в 2025 году // Mail.ru: [сайт]. — URL: <https://news.mail.ru/society/komsomol-2025> (дата обращения: 30.04.2025).

10. Школа молодого политика-2025 // Единая Россия: [сайт]. — URL: <https://mordov.er.ru/activity/news/naploshadke-shtaba-obshchestvennoj-podderzhki-edinoj-rossii-proshlo-zanyatie-shkoly-molodogo-politika-2025> (дата обращения: 19.05.2025).

11. Под знаменем комсомола — к новым победам! // КПРФ Москва: [сайт]. — URL: <https://msk.kprf.ru/2022/11/01/226682/> (дата обращения: 19.05.2025).

12. Ленинский комсомол и пионеры Москвы на субботнике // КПРФ: [сайт]. — URL: <https://kprf.ru/activity/young/233735.html> (дата обращения: 19.05.2025).

13. Об организационном укреплении ЛКСМ РФ на современном этапе: доклад на VIII Пленуме ЦК ЛКСМ РФ // КПРФ: [сайт]. — URL: <https://kprf.ru/activity/young/206240.html> (дата обращения: 19.05.2025).

14. Слет молодых лидеров ЛДПР — стартовая площадка для будущих политиков // ЛДПР: [сайт]. — URL: <https://ldpr.ru/events/423758> (дата обращения: 19.05.2025).

15. Ленинский комсомол и пионеры Москвы на субботнике // КПРФ: [сайт]. — URL: https://kprf.ru/party_life/komsml/223425.html (дата обращения: 30.04.2025).

16. Ленинский Комсомол рассказал о своей деятельности // YoungSpace: [сайт]. — URL: <https://youngspace.ru/aksionizm/leninskij-komsomol-rasskazal-o-svoej-deyatelnosti> (дата обращения: 29.04.2025).

17. Комсомольцы Карелии провели урок «Знамя нашей Победы» // Ленинский комсомол: [сайт]. — URL: <https://komsomolrf.ru/novosti/komsomolcy-karelii-proveli-urok-znamya-nashej-pobedy.html> (дата обращения: 19.05.2025).

18. IV Пленум ЛКСМ РФ: сосредоточить усилия на борьбе за права молодёжи // ЛКСМ РФ Санкт-Петербург: [сайт]. — URL: <https://lkmspb.ru/2025/04/15/iv-plyenum-lksm-rf-sosredotochit-vse-usi/> (дата обращения: 19.05.2025).

19. ЛДПР запустила летнюю политическую онлайн-школу // ЛДПР Ставрополь: [сайт]. — URL: <https://stavropol.ldpr.ru/event/296570> (дата обращения: 19.05.2025).

20. ЛДПР объявит 2025 год Годом свободной молодёжи // ЛДПР: [сайт]. — URL: <https://ldpr.ru/event/405085> (дата обращения: 30.04.2025).

21. Нейросеть «Жириновский»: надо верить в свою страну // ЛДПР: [сайт]. — URL: <https://moo.ldpr.ru/events/300411> (дата обращения: 19.05.2025).

22. Молодогвардейцы завершили второй сезон проекта «Школа Парламентаризма» // МГЕР: [сайт]. – URL: <https://www.mger.ru/novosti/regiony/18072-ryazanskie-molodogvardeytsy-zavershili-vtoroy-sezon-proekta-shkola-parlamentarizma/> (дата обращения: 19.05.2025).

23. Молодёжь ЛДПР провела акцию в Международный день студента // ЛДПР Алтай: [сайт]. – URL: <https://altai.ldpr.ru/events/250936> (дата обращения: 19.05.2025).

24. Мы – партия «Новые люди» // Новые люди: [сайт]. – URL: https://newpeople.ru/program_newpeople (дата обращения: 30.04.2025).

25. Наставник ЛДПР – проект для старта в политике! // ЛДПР Краснодар: [сайт]. – URL: <https://krsnodar.ldpr.ru/event/287859> (дата обращения: 30.04.2025).

26. О Молодой Гвардии Единой России // МГЕР: [сайт]. – URL: <https://mger.ru/gvardiya/> (дата обращения: 29.04.2025).

27. О Ленинском коммунистическом союзе молодёжи Российской Федерации // ЛКСМ РФ: [сайт]. – URL: <https://komsomolrf.ru/o-nas> (дата обращения: 30.04.2025).

28. В Приморье подвели итоги программы «Я в деле» // ОТВ Приморья: [сайт]. – URL: https://otvprim.tv/news/obshchestvo/v_primore_podveli_itogi_sedmogo_sezona_vserossiyskoj_programmy_ya_v_dele/ (дата обращения: 19.05.2025).

29. «Новые люди» развивают механизмы электронной демократии // Партия Новые Люди: [сайт]. – URL: <https://newpeople.ru/News-novye-lyudi-namereny-razvivat-mehanizmy-elektronnoj-demokratii-v-rossii> (дата обращения: 19.05.2025).

30. «ПолитЗавод 2025. Маршрут построим!» // ПолитЗавод 2025: [сайт]. – URL: <https://политзавод2025.рф> (дата обращения: 30.04.2025).

31. Пришло ваше время! Станьте депутатом... // Новые люди: [сайт]. – URL: <https://newpeople.ru/2025/> (дата обращения: 30.04.2025).

32. С Международным днём солидарности молодёжи // ЛКСМ РФ: [сайт]. – URL: <https://lksmrf.ru/news/solidarnost-2025> (дата обращения: 30.04.2025).

33. XII Пленум ЦК ЛКСМ РФ // КПРФ: [сайт]. – URL: https://kprf.ru/party_life/komsml/215001.html (дата обращения: 30.04.2025).

34. III Съезд «Молодёжи Справедливой России» // CP Патриоты – За правду: [сайт]. – URL: <https://spravedlivo.ru/13771516> (дата обращения: 19.05.2025).

35. Квиз «Один народ — одна история» в Казани // CP Патриоты – За правду: [сайт]. – URL: <https://tatarstan.spravedlivo.ru/22311010> (дата обращения: 19.05.2025).

36. Палата молодых депутатов «Молодёжи Справедливой России» // CP Патриоты – За правду: [сайт]. – URL: <https://spravedlivo.ru/14421310> (дата обращения: 19.05.2025).

37. Победители «Политшколы МСР» познакомились с наставниками // CP Патриоты – За правду: [сайт]. – URL: <https://spravedlivo.ru/14652610> (дата обращения: 19.05.2025).

Political Activities of Youth Organizations of Parliamentary Political Parties in Modern Russia
Litvinenko D.V., Fayzulina A.A.
Far Eastern Federal University

This article examines the main mechanisms for youth engagement employed by the parliamentary political parties of the Russian Federation during the post-electoral period following the 2024 presidential election. Based on an analysis of the activities of United Russia, the Communist Party of the Russian Federation (CPRF), the Liberal Democratic Party of Russia (LDPR), A Just Russia – Patriots – For Truth, and New People, the study identifies the distinctive features of their youth policies, organizational and digital mechanisms of interaction with young people, as well as approaches

to leadership development and political socialization. Particular attention is paid to changes in party strategies associated with preparations for the subsequent electoral cycle, the expansion of educational programs, the digitalization of political communication, and the development of youth infrastructure. The article concludes that the post-electoral period is characterized by the increasing institutionalization of youth policy, the diversification of forms of political participation, and growing competition among parliamentary parties for the support of the younger electorate.

Keywords: youth policy, political parties, political participation, political socialization, youth, parliamentary parties, post-electoral period, 2024 Presidential Election of the Russian Federation.

References

1. The Young Guard of United Russia launched the "Mentor Z" project in 13 regions // United Russia: [website]. – URL: <https://er.ru/activity/news/molodaya-gvardiya-edinoj-rossii-zapustila-proekt-nastavnik-z-v-13-regionah> (accessed on April 30, 2025).
2. The Young Guard launched the federal project "PolitZavod" // MGER: [website]. – URL: <https://mger.ru/novosti/glavnoe/24960-molodaya-gvardiya-zapustila-federalnyy-proekt-politzavod/> (accessed on May 19, 2025).
3. "Political School of the Youth of A Just Russia." Season Three. 2025 // MSR: [website]. – URL: <https://msr-politschool.ru> (date accessed: 30.04.2025).
4. "Novye Lyudi" summed up the results of the fourth season of the "I'm in Business" program // URA.RU: [website]. – URL: <https://xn--b1aeda3a0j.xn--p1ai/> (date accessed: 19.05.2025).
5. The LDPR teaches young people skills for independent adult life // LDPR: [website]. – URL: <https://ldpr.ru/event/421069> (date accessed: 30.04.2025).
6. The first LDPR CS2 tournament was held in Moscow // LDPR Pskov Oblast: [website]. – URL: <https://pskov.ldpr.ru/event/413441> (date of access: 30.04.2025).
7. Founding Congress of the Youth of a Just Russia organization // A Just Russia: [website]. – URL: <https://spravedlivo.ru/10165910> (date of access: 30.04.2025).
8. Volunteer and humanitarian mission in new regions // MGER: [website]. – URL: <https://mger.ru/news/volonterskaya-missiya> (date of access: 30.04.2025).
9. Birthday of the Komsomol in Russia in 2025 // Mail.ru: [website]. – URL: <https://news.mail.ru/society/komsomol-2025> (date of access: 30.04.2025).
10. School of Young Politicians-2025 // United Russia: [website]. – URL: <https://mordov.er.ru/activity/news/na-ploshadke-shtaba-obshchestvennoj-podderzhki-edinoj-rossii-proshlo-zanyatie-shkoly-molodogo-politika-2025> (date of access: 19.05.2025).
11. Under the banner of the Komsomol – to new victories! // CPRF Moscow: [website]. – URL: <https://msk.kprf.ru/2022/11/01/226682/> (date of access: 19.05.2025).
12. Leninsky Komsomol and Moscow Pioneers at a subbotnik // CPRF: [website]. – URL: <https://kprf.ru/activity/young/233735.html> (date of access: 19.05.2025).
13. On the organizational strengthening of the Leninist Young Communist League of the Russian Federation at the present stage: report at the VIII Plenum of the Central Committee of the Leninist Young Communist League of the Russian Federation // CPRF: [site]. – URL: <https://kprf.ru/activity/young/206240.html> (date of access: 19.05.2025).
14. Gathering of young LDPR leaders – a launching pad for future politicians // LDPR: [site]. – URL: <https://ldpr.ru/events/423758> (date of access: 19.05.2025).
15. Leninist Komsomol and Moscow Pioneers at a subbotnik // CPRF: [site]. – URL: https://kprf.ru/party_life/komsml/223425.html (date of access: 30.04.2025).
16. The Leninsky Komsomol spoke about its activities // YoungSpace: [website]. – URL: <https://youngspace.ru/aktsionizm/leninskij-komsomol-rasskazal-0-svoej-deyatelnosti> (date of access: 29.04.2025).
17. Komsomol members of Karelia held a lesson "The Banner of Our Victory" // Leninsky Komsomol: [website]. – URL: <https://komsomolrf.ru/novosti/komsomolcy-karelii-proveli-urok-znamya-nashej-pobedy.html> (date of access: 19.05.2025).
18. IV Plenum of the LKSMM RF: Focus efforts on the fight for youth rights // LKSMM RF St. Petersburg: [website]. – URL: <https://lkssspb.ru/2025/04/15/iv-plenum-lksm-rf-socentrotchit-vse-usil/> (date of access: 19.05.2025).
19. LDPR launched a summer online political school // LDPR Stavropol: [website]. – URL: <https://stavropol.ldpr.ru/event/296570> (date of access: 19.05.2025).
20. LDPR will declare 2025 the Year of Free Youth // LDPR: [website]. – URL: <https://ldpr.ru/event/405085> (date of access: 30.04.2025).
21. Neural network "Zhirinovskiy": you have to believe in your country // LDPR: [website]. – URL: <https://moo.ldpr.ru/events/300411> (date of access: 19.05.2025).
22. Young Guard members completed the second season of the "School of Parliamentarism" project // MGER: [website]. – URL: <https://www.mger.ru/novosti/regiony/18072-ryazanskie-molodogvardeytsy-zavershili-vtoroy-sezon-proekta-shkola-parlamentarizma/> (date of access: 19.05.2025).
23. LDPR youth held a protest on International Students' Day // LDPR Altai: [website]. – URL: <https://altai.ldpr.ru/events/250936> (date of access: May 19, 2025).
24. We are the New People Party // New People: [website]. – URL: https://newpeople.ru/program_newpeople (date of access: April 30, 2025).

25. LDPR Mentor – a project for a start in politics! // LDPR Krasnodar: [website]. – URL: <https://krasnodar.ldpr.ru/event/287859> (date of access: April 30, 2025).
26. About the Young Guard of United Russia // MGER: [website]. – URL: <https://mger.ru/gvardiya/> (date of access: April 29, 2025).
27. On the Leninist Communist Youth League of the Russian Federation // LKSMU RF: [website]. – URL: <https://komsomolrf.ru/o-nas> (date of access: 30.04.2025).
28. In Primorye, the results of the "I'm in Business" program were summed up // OTV Primorye: [website]. – URL: https://otvprim.tv/news/obshchestvo/v_primore_podveli_itogi_sedmogo_s_ezona_vserossiyskoy_programmy_ya_v_dele/ (date of access: 19.05.2025).
29. "New People" are developing mechanisms of electronic democracy // New People Party: [website]. – URL: <https://newpeople.ru/News/novye-lyudi-namereny-razvivat-mehanizmy-elektronnoj-demokratii-v-rossii> (accessed on May 19, 2025).
30. "PolitZavod 2025. We'll Build the Route!" // PolitZavod 2025: [website]. – URL: <https://политзавод2025.рф> (accessed on April 30, 2025).
31. Your Time Has Come! Become a Deputy... // New People: [website]. – URL: <https://newpeople.ru/2025/> (accessed on April 30, 2025).
32. Happy International Youth Solidarity Day // LKSMU RF: [website]. – URL: <https://lksmrf.ru/news/solidarnost-2025> (accessed on April 30, 2025).
33. XII Plenum of the Central Committee of the Young Communist League of the Russian Federation // CPRF: [website]. – URL: https://kprf.ru/party_life/komsml/215001.html (date of access: 30.04.2025).
34. III Congress of the "Youth of a Just Russia" // SR Patriots – For Truth: [website]. – URL: <https://spravedlivo.ru/13771516> (date of access: 19.05.2025).
35. Quiz "One People – One History" in Kazan // SR Patriots – For Truth: [website]. – URL: <https://tatarstan.spravedlivo.ru/22311010> (date of access: 19.05.2025).
36. Chamber of Young Deputies of the "Youth of a Just Russia" // SR Patriots – For Truth: [website]. – URL: <https://spravedlivo.ru/14421310> (date of access: 19.05.2025).
37. Winners of the "MSR Political School" met with their mentors // SR Patriots – For Truth: [website]. – URL: <https://spravedlivo.ru/14652610> (date of access: 19.05.2025).

Национальная политика советского государства в годы борьбы с фашизмом

Исрапов Александр Абдулагаджиевич

д.и.н., профессор, Международный юридический институт МЮИ,
e-mail: aleks_isrp@mail.ru

Статья посвящена исследованию военно-мобилизационной политики Советского государства в отношении коренных народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Цель исследования заключается в выявлении причин введения ограничений на призыв представителей отдельных северокавказских народов в Красную Армию, анализе нормативно-правовых актов, регламентировавших мобилизационные мероприятия, а также определении взаимосвязи призывной политики с реализацией национальной политики СССР в условиях военного времени. Методологическую основу исследования составили историко-генетический, историко-сравнительный, проблемно-хронологический и историко-правовой методы. Источниковую базу образовали секретные постановления Государственного комитета обороны СССР, директивы и приказы Народного комиссариата обороны СССР, архивные документы, материалы партийных и государственных органов, а также научные публикации по рассматриваемой проблематике. Установлено, что ограничения на призыв были обусловлены не только военно-оперативными обстоятельствами, но и сложной социально-политической ситуацией в отдельных северокавказских автономиях, ростом дезертирства, вооруженного бандитизма и антисоветских выступлений. Показано, что военно-мобилизационная политика стала одним из инструментов реализации государственной национальной политики, отражавшим уровень доверия центральной власти к отдельным этническим группам. Сделан вывод, что сочетание ограничительных мер и добровольческого движения определяло специфику взаимодействия государства с населением Северного Кавказа и существенно повлияло на развитие межнациональных отношений в регионе в военный период.

Ключевые слова: Северный Кавказ; бандитизм; автономная республика; НКВД; дезертирство; добровольчество.

Введение

В 1941-1942 годах были изданы определенное количество секретных постановлений ГКО и директив НКО, которые ограничивали призыв в армию некоторого количества представителей народностей Советского Союза, среди них оказались и народности Северокавказского региона. Интересно проследить хронологическую последовательность появления этих документов и проанализировать их.

В марте 1942 года изданный начальником Главного управления формирования и укомплектования войск НКО (ГУФ) Щаденко приказ предписывал всех военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава по национальности чеченцев и ингушей увольнять в запас и отправлять в места проживания военнослужащих из рядовых и младших командиров с отметкой в военном билете «уволен в запас до особого распоряжения». Через несколько месяцев решением ГКО от 26 июля 1942 г. был объявлен призыв всех граждан 1924 года рождения. Однако, прошло несколько дней и приказом НКО 0585 было внесено уточнение: «до особых указаний» запретить призывать в вооруженные силы представителей коренных народов Дагестана Чечено-Ингушетии и Кабардино-Балкарии.

Летом 1942 года на территории Северо-Кавказского военного округа стали формироваться восемь стрелковых дивизий. Из процесса комплектования новых формирований были исключены народности Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии, а 24 августа на основании приказа начальника ГУФ Щаденко был приостановлен призыв в армию дагестанцев. Ограничения не коснулись осетин, кроме жителей Казбековского района Северной Осетии [2,4].

Здесь необходимо отметить, что по отношению уже призванных, а также принимающих участие в военных действиях представителей коренных народностей Северокавказского региона, никаких ограничивающих действий не проводилось. Большое количество людей, отправленных после начала Великой отечественной войны на передовую, приняли активное участие в борьбе против немецко-фашистских захватчиков и достойно встретили Победу. К сожалению, не удалось по этому вопросу найти в архивах никаких статистических данных. Исключением стали депортированные в 1943-1944 годах представители некоторых народностей Северного Кавказа. Из действующей армии их демобилизовывали и параллельно проводили репрессивные акции в местах постоянного проживания [6].

Цель исследования заключается в комплексном анализе военно-мобилизационной политики Советского государства в отношении коренных народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны, выявлении причин введения ограничений на их призыв в Красную Армию, исследовании взаимосвязи мобилизационных мероприятий с реализацией национальной политики СССР, а также оценке влияния военно-политической обстановки, социально-политических процессов и добровольческого движения на принятие соответствующих государственных решений.

Материал и методы исследования

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и специально-исторических методов. В работе использованы историко-генетический метод, позволивший проследить эволюцию военно-моби-

зационной политики СССР в отношении коренных народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны, историко-сравнительный метод для сопоставления особенностей призывной политики в различных северокавказских автономиях, а также проблемно-хронологический метод, обеспечивший последовательный анализ нормативных решений и событий 1941–1945 гг. Источниковую базу исследования составили секретные постановления Государственного комитета обороны СССР, директивы и приказы Народного комиссариата обороны СССР, документы партийных и государственных органов, материалы делопроизводства, архивные источники, а также опубликованные научные исследования по истории национальной и военно-мобилизационной политики Советского государства. Комплексное применение указанных методов позволило выявить причины ограничения призыва представителей отдельных народов Северного Кавказа, определить влияние военно-политической обстановки на изменение государственной национальной политики и оценить роль мобилизационных мероприятий в системе обеспечения безопасности СССР в годы войны.

Результаты и обсуждения

Вообще, ограничение мобилизации по социальным, политическим и национальным причинам выделялись масштабностью оставляя в тылу очень много способных служить людей. В запас увольняли следуя программе очищения состава Советской Армии от людей национальности, которых были враждебны стране, а также состоявших с ней во враждебных отношениях [8]. Все это подтверждалось конкретными проявлениями враждебности по отношению властным структурам, и было превентивной мерой, издавно проводившейся во время военных компаний. В 1939 году, не обращая внимания на законодательство о призыве в армию, Наркомат обороны остановил призыв в вооруженные силы некоторых народностей, в чей лояльности государству при осложнении обстановки в мире сомневались. В армию не призывались такие народности как: немцы, поляки, турки, болгары, греки, японцы, корейцы, прибалтийцы. Эти нормативы и позже ежегодно не раз повторяли в мобилизационном планировании, хотя позже призывы граждан указанных народностей возобновлялись. Когда началась война представителей перечисленных народностей уволили из Красной Армии. В документах данные народности стали определялись «несоветскими» [10].

Данный пример показывает, что советское руководство столкнулось в начале военных действий с проявлением у представителей некоторых народностей замкнутого менталитета, не разделявшего целей воюющего государства, гражданами которого они являлись. В директиве весны 1943 года в связи с отменой мобилизации в Чечено-Ингушетии сформулированная причина гласила так: «В связи с особыми условиями, создавшимися... в связи с мобилизацией в армию». В ходе продолжавшейся войны углублялись ее тяготы, а отрицательное настроение у некоторого количества жителей Северокавказских республик нагнетались. Самого высшего напряжения такие настроения проявились перед и в ходе сражения за Кавказ. В это время некоторая часть жителей, настроенная против Советской власти получили надежду, чтобы «освободиться», а это им навязчиво обещала немецкая пропаганда.

Надо отметить, что мобилизационные мероприятий требует тщательного изучения, основанного на выявлении их особенностей, а также соответствия с установками национальной политики государства. Призывные компании на Северном Кавказе во время войны еще никогда не рассматривались историками в контексте национальной

политики Советского Союза. Тенденции развития национальной политики страны нужно рассматривать в сфере развития социально-политической ситуации в стране в целом и внутренней политики в стране в годы войны [12,14]. Тяжелая, подчас катастрофическая военная ситуация, в которой оказалось советское государство в начальный период, потребовало резкого ужесточения внутренней политики.

Начало военных действий складывалось для нашей страны крайне неблагоприятно. Красная Армия терпела крупные поражения и непрерывно отступала. В тылу у противника оставались наиболее населенные и промышленно развитые регионы страны. Развитие событий требовало от советского руководства немедленных действий по наведению порядка на фронте и в тылу, искоренению имевших большое распространение панических и пораженческих настроений. В этих условиях любая напряженность в социальной сфере, которая не зависела от ее истоков, могла квалифицироваться просто антисоветски и «контрреволюционно», а в дальнейшем вызвать жесткие действия [16]. Такие действия часто носили внесудебный и предупредительный характер, с целью подстраховаться в оперативном плане. Подтверждает сказанное Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года о переселении из мест компактного немцев Поволжья и ликвидации государственной автономии.

В данном случае твердо было сказано, что сообщениям, которые являются достоверными среди них «есть десятки тысяч шпионов, диверсантов, которые по сигналу, принятому из Германии, будут производить взрывы». Между тем остальные жители немецкой национальности предупреждать об это государственные органы. Этим немцы содействуют разведывательной работе врага. Учитывая это руководством страны были «приняты действия карательного характера против немецких жителей Поволжья». Подобным образом в начале войны проводились мероприятия по изъятию из рядов Красной Армии выходцев из В западных регионах страны тоже проводились увольнения из вооруженных сил военнослужащих, которых массово приписывался шпионаж в Красной Армии [18,19].

Национальный вопрос во внутренней политике СССР был важной и вместе с тем очень трудной сферой. Преобразования 20-30-х г. в экономической и социально-политической областях изменили традиционный патриархально-родовой уклад горского населения, что вызвало у них ропот. В некоторых северокавказских республиках, еще до войны, происходили небольшие вооруженные выступления, но их подавляли силой. Лояльность народов Северного Кавказа советской власти в годы войны приобрела особое значение, т.к. стоял вопрос о их профессиональной военной подготовке и допуске к оружию. Призыв в армию стал Действенным средством изменения государственной национальной политики в соответствии с новыми реалиями воюющей страны стал призыв в армию [10].

Военно-мобилизационная политика стала отражать уровень доверительности страны к социальным и этническим категориям своих граждан. Призывная политика чувствительно изменила политический климат в автономных республиках Северного Кавказа.

Когда началась война население не всегда воспринимало с пониманием оборонительные работы, денежные займы, а также когда мобилизовывался транспорт и скот. Однако, когда началась война именно за счет местного населения была решена в основном труднейшая задача обеспечения продовольствием огромной армии, которая защищала Северный Кавказ. Когда началось сражение за Кавказ Военный совет Закавказского фронта требовал своим постановлением «усилить использование местных

продовольственных и фуражных ресурсов и особенно мяса, жиров, круп, муки» Северо-Осетинской, Кабардино-Балкарской, Дагестанской, Чечено-Ингушской республик, Краснодарского, Орджоникидзевского краев. В тоже время перечисленные продукты прекращали завозить на территорию этих республик и краев [21].

Военные иногда допускали перегибы и ошибки. Так Самоев, уполномоченный Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) посланный на Северный Кавказ, с приближением линии фронта наблюдал распространившуюся картину. Без предъявления нарядов группы военных под предлогом необходимых нужд изымали у крестьян материальное имущество, скот и хлеб. Все эти факты вызывали большое недовольство у населения, а военные власти тормозили их искоренение покровительственным равнодушием [14]. Подобные факты равнодушного отношения к местному населению в неприглядном виде представляли советские войска. В отношении лиц, которые допускали экспроприации без санкции военных советов армий и фронта принимали жесткие действия.

Выполняя задания правительства, грубым администрированием занимались иногда и государственные органы власти. В Дагестане, например, работы по возведению оборонительных сооружений во многих районах не оплачивались, кормили людей плохо. Были случаи, когда членов семей уклонявшихся от работ брали в заложники.

Бескомпромиссная борьба с бандитизмом порой принимала в национальных республиках недопустимые формы. Два чеченских села в сентябре 1942 года были сожжены несколькими партизанскими отрядами. Ранее бандиты жители данных селений принимали участие в нападении на небольшой отряд красноармейцев. В ответ на это и была проведена акция возмездия. Такие действия способствовали только эскалации противодействия определенных групп населения советской власти. Заместитель начальника отдела по борьбе с бандитизмом НКВД Руденко к числу главных причин расширения повстанческого движения относил «допускаемые перегибы в проведении чекистско-войсковых операций, выражающиеся в массовых арестах и убийствах лиц, ранее не состоявших на оперативном учете и не имеющих компрометирующего материала».

Нередко неблагоприятную ситуацию и крупные проступки республиканские власти в своих регионах подолгу замалчивали. Примером служит проверка проведенная сотрудниками НКВД и лично Л. Берией, в сентябре 1942 года в Дагестане, которая выявила крупнейшие недостатки и злоупотребления в административном управлении горными районами республики. Население из-за засухи и недородов находилось на грани голода. Жители жестко выражали свое недовольство, уходили в банды, игнорировали колхозы, уклонялись от призыва на фронт, дезертировали из действующей армии. При этом, некоторые местные партийные и советские органы в столь сложном деле от проблем самоустранились, ожидали указаний сверху, опасаясь брать на себя инициативу. Впоследствии председатель Совнаркома Дагестана А. Даниялов признавал, что «во многом дезертирству способствовала нечеткость в работе аппаратов райвоенкоматов, партийных, советских и комсомольских организаций, слабая разъяснительная работа» [22]. По предложению Л.П. Берии, И.В. Тюленева и первого секретаря ЦК ВКП(б) Азербайджана М.А. Багирова 16 сентября появилось спецпостановление ГКО по Дагестану № 2309 подписанное И.Сталиным, в результате был снят с должности первого секретаря Дагестанского обкома партии Н.И. Линкун. Прошедший после этого 14-й Пленум обкома ВКП (б) Дагестана поднял вопросы бедственного положения дагестанского населения.

Один из выступавших, говоря о последствиях голода среди горского населения, отмечал: «Все происходило на наших глазах, и только после вмешательства ГКО мы делаем удивленные глаза: искривления нашей национальной политики... Не мы ли были свидетелями этого положения..., когда многотысячная армия бедствующего населения спустилась с гор на низменность, голодала и вымирала, кто из нас на наших партийных совещаниях и конференциях, пленумах открыто сказал об этом? Никто, ни один. Все это как-то считалось явлением обычным и проходило мимо нас». С конца 1941 года начинает вырабатываться система мер, направленных на оздоровление обстановки в неспокойных регионах Кавказа, снижение социальной напряженности. Этот комплекс включал в себя несколько мероприятий.

В первую очередь, постоянная агитационная и разъяснительная работа по разъяснению хода военных действий, деятельности руководства страны. Все понимали, что необходим барьер для домыслов и слухов, которые во многих горных районах заполняли вакуум информации. Особое внимание уделялось работе с женщинами, пожилыми людьми. Используя обычаи патриархальной семьи, им было необходимо убедить своих непримиримых мужей и сыновей, которые мириться с Советской властью не желали, усовестить их [18].

Во-вторых, широкое распространение получила практика легализации членов бандитских и повстанческих групп, дезертиров и уклонистов. Легализация исключала применение репрессий по отношению к лицам, добровольно спускавшимся с гор и складывавшим оружие. В мае 1943 года добровольческая компания по вступлению горцев Чечено-Ингушетии в ряды Советской Армии закончилась неудачно, при этом Чечено-Ингушский обком ВКП(б) порекомендовал, чтобы компетентные органы применили репрессивные меры лишь к отдельным из выявленных 1157 дезертиров. Нехарактерный для того времени либеральное решение к людям, которые совершили тяжелое государственное преступление и в этом уличенным, имел целью не спровоцировать еще большее противодействие местного населения. В конкретной обстановке это был тактический ход. Нарком внутренних дел ДАССР Медведев отмечал позицию Берии по данному вопросу: «Тов. Берия говорил, что не всегда нужно разговаривать с бандитами оружием».

В-третьих. Работать на улучшение продовольственного снабжения горского населения.

В 1942 году в горных районах Северокавказских республик во время обороны Кавказа масштабы банддвижения достигли своего пика. На территории автономных республик прошли 44 войсковые операции НКВД (не считая операций, проводившихся частями Красной Армии), в ходе которых было ликвидировано 2376 бандитов. Уголовный бандитизм превратился в антисоветское профашистское повстанческое движение. Бандитские отряды имели средства связи, штабы и базы. Одна из группировок, разгромленная в Чечне, насчитывала более 500 человек. Чечено-Ингушетия и Северо-Западный Дагестан были наиболее пораженными бандитизмом регионами, а в Кабардино-Балкарии бандитским движением были охвачены шесть районов. Ситуация в Чечено-Ингушетии вызывала наибольшее беспокойство. Впервые стали поступать тревожные сигналы об обострении социально-политической ситуации именно отсюда. Уголовный бандитизм и политическое повстанческое движение не останавливались здесь с момента, когда была установлена советская власть, хотя не жесткая непрерывная борьба и шла с этими явлениями. Уже первая мобилизация в июне-июле 1941 года проведена была с напряжением и обнаружила, что определенное количество горского населения в Крас-

ной Армии проходить службу не хотели [21,6]. Последующие перерегистрации, призывы призывников и другие военно-мобилизационные мероприятия-приписки проходили при усилившемся сопротивлении населения.

Весной 1942 года оно достигло своего апогея. По данным историка Э. Абрамяна из 14576 чел., призванных в марте 1942 года дезертировали 13560 чел, затем перешли на нелегальное положение и ушли в горы. Такая же ситуация наблюдалась в горных районах Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии. Срыв мобилизационных, призывных и добровольческих компаний сразу становились очевидными руководством. Поэтому именно саботаж населением призыва и мобилизаций нередко являлся непосредственным поводом для приостановки призыва в том или ином регионе.

Руководители северокавказских республик оказались в сложном положении. Реакция лидеров Дагестана представляла собой редкий пример, когда республиканское руководство вступало в полемику с центральными органами власти по поводу приостановки призыва в своем регионе. Напротив, оно становилось объектом резкой критики со стороны Сталина за неспособность поддержать порядок во вверенных им регионах.

Интересно, но осенью 1942 года руководители Дагестанской республики обратились в Главное управление мобилизации и формирования с предложением снять действующий запрет, объясняя это повсеместным уничтожением бандформирований, понижением числа дезертиров и уклонения от мобилизации. Но, данном случае и в дальнейшем руководители государства твердо следовали выбранному в начальные месяцы войны порядку по полному запрету на призыв горского населения Северного Кавказа. Сохранялся он до победы 1945 года.. Проводившийся призыв горцев 1927 года рождения, уже летом 1945 года тоже прошел без них. Представители народностей Северного Кавказа только на добровольной основе принимались на службу в армию.

В конце 1942 г. волну бандитизма, дезертирства и других негативных явлений в северокавказских республиках удалось сбить, а в течении 1943 г. в основном эти явления ликвидировать.

Добровольная запись в действующую армию стало альтернативой отмененному обязательному призыву. Это представлялось дать возможность предохранить Красную Армию против проникновения в нее настроенных против Советской власти и неустойчивых лиц и в тоже время становилось возможным удовлетворять стремления горцев, которые имели желание отстаивать интересы своей страны на поле боя [18].

Добровольческое движение в автономных республиках Северного Кавказа в начале войны, как и во всей стране, обязательный призыв дополняло.. Но особенно важным являлась его идеологическая функция: добровольчества, его размеры показывали уровень патриотизма, его подъем у населения. Эти показатели были очень важны для советского правительства.

Как правило, добровольческое движение охватывало граждан непризывного возраста, а также комиссованные по болезням, увечьям, старшего возраста. В начале сентября 1942 года на фронт отправились 2000 добровольцев из числа коренных народностей Чечено-Ингушетии и 4900 добровольцев из Дагестана.

Внимательное отношение лично И.В. Сталина к добровольческому движению на Северном Кавказе говорит о том, что в национальной политике на Северном Кавказе оно стало важнейшим аспектом. Отчетливее всего это подтвердилось в начале 1943 года, когда в Дагестане и Чечено-Ингушетии после раннее приостановленной обязательной мобилизации была проведена добровольный

призыв. К середине марта 1943 года по Чечено-Ингушетии удалось мобилизовать 4209 человек, прежде всего чеченцев.

Благоприятное положение складывалось в Дагестане. Здесь властям не пришлось прибегать к крайним мерам, поскольку дагестанцы показывали значительно высокую сознательность. Осенью 1942 года Обкому партии Дагестана удалось достаточно хорошо организовать компанию. К середине 1943 года было подано 8368 заявлений добровольцев, большое количество которых были молодые люди; 3,5 тыс. граждан знали русский язык. По словам заведующего военным отделом Дагестанского обкома партии Омарова, «в большинстве районов заявления подали почти все мужчины».

Выводы

В целом положение в Дагестане выгодно отличалось от ситуации с добровольчеством, сложившейся в соседней республике. Заместитель командующего Закавказьем генерал-лейтенант Курдюмов в служебном документе отмечал: «Вербовка добровольцев в Дагестане проходит гораздо лучше, чем в Чечено-Ингушской республике. Как видно, Дагестанский обком подошел по-серьезному к этому вопросу». Результаты добровольческого призыва оценивались Кремлем политически и стали основой решений о дальнейшей судьбе чечено-ингушского и дагестанских народов. В проведенных добровольных мобилизациях начала 1943 г. новое руководство Дагестана, возглавленное в сентябре 1942 г. вторым секретарем ЦК КП(б) Азербайджана А. Алиевым, несмотря на издержки, выдержало экзамен.

Руководство Чечено-Ингушетии (первый секретарь обкома В. Иванов), несмотря на сверхусилия, не смогли переломить устойчивых антисоветских настроений в среде горцев Чечено-Ингушетии. После весны 1943 года в северокавказских республиках добровольчество существовало только в масштабах местных мероприятий. В отношении чеченцев и ингушей было и вовсе признано целесообразным прекратить вербовку добровольцев, а контингенты, оставшиеся после республиканской компании, распустить по домам.

Содержание государственной призывной политики определялось двумя противоположными по смыслу факторами. С одной стороны, потребности несшей тяжелые потери действующей армии требовали постоянного притока людских пополнений. С другой страна проводя призывную политику вносила в национальную политику изменения. В итоге взяли верх приоритет политических соображений.

Литература

1. Из донесения Военного совета Закавказского фронта Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину по поводу реформирования национальных соединений от 9 октября 1942 г. // ЦАМО РФ. Ф. 209. Оп. 1063. Д. 166. Л. 29. Подлинник.
2. Report from the Military Council of the Transcaucasian Front to Supreme Commander-in-Chief I. V. Stalin regarding the reorganization of national formations, dated October 9, 1942 // Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation (TsAMO RF). F. 209. Op. 1063. D. 166. L. 29. Original. – 1942. – P. L. 29.
3. Ореховский А. В. Национальная политика СССР в Великой Отечественной войне // Этносоциум и межнациональная культура. – 2015. – С. 36–43.
4. Orekhovsky A. V. The USSR's Nationalities Policy During the Great Patriotic War // Ethnoscium and Interethnic Culture. – 2015. – № 2. – P. 36–43.

5. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 209. Оп. 999. Д. 125. Л. 608, 674.

6. Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO RF). F. 209. Op. 999. D. 125. L. 608, 674.

7. Огоновская И. С. Народы Кавказа и сталинская национальная политика в годы Великой отечественной войны: отражение проблемы на страницах советских, постсоветских и современных учебников истории // Вторая мировая война 1939-1945 гг. в исторических судьбах народов России и Кавказа. – 2020. – С. 165–172.

8. Ogonovskaya I. S. The Peoples of the Caucasus and Stalin's Nationalities Policy During the Great Patriotic War: Reflection of the Issue in Soviet, Post-Soviet, and Contemporary History Textbooks // World War II (1939–1945) in the Historical Destinies of the Peoples of Russia and the Caucasus. – 2020. – P. 165–172.

9. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 5871. Оп. 5689. Д. 20. Л. 41.

10. Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO RF). F. 5871. Op. 5689. D. 20. L. 41.

11. Кукс Д. Ю. Национальная политика Советского государства в период гражданской войны: особенности теории и практики // Между перспективами новых идентичностей и вызовами войн памяти. Часть I: Материалы международной научной конференции аспирантов и студентов. – 2021.

12. Kuks D. Yu. The Soviet State's Nationalities Policy During the Civil War: Specifics of Theory and Practice // Between the Prospects of New Identities and the Challenges of Memory Wars. Part I: Proceedings of the International Scientific Conference for Graduate and Undergraduate Students. – 2021.

13. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 144. Оп. 13189. Д. 93. Л. 222.

14. Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO RF). F. 144. Op. 13189. D. 93. L. 222.

15. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 38650. Оп. 1. Д. 128. Л. 8–14.

16. Russian State Military Archive (RGVA). F. 38650. Op. 1. D. 128. L. 8–14.

17. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 85. Л. 83–86.

18. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 17. Op. 125. D. 85. L. 83–86.

19. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39385. Оп. 1. Д. 5. Л. 88–94.

20. Постановление Государственного Комитета Обороны № ГКО-894сс о формировании национальных войсковых соединений от 13 ноября 1941 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 14. Л. 83–87.

21. Resolution of the State Defense Committee No. GKO-894ss on the formation of national military units, dated November 13, 1941 // Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 644. Op. 1. D. 14. L. 83–87. – 1941. – P. C. 83–87.

22. Постановление Бюро Дагестанского Обкома ВКП (б) «О формировании кавалерийского эскадрона из народностей ДАССР» от 15 сентября 1942 г. // Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. П-1. Оп. 23. Д. 12. Л. 150. Подлинник.

23. Приказ командующего войсками Закавказского фронта № 0024 генерала армии И. В. Тюленева войскам

с объявлением директивы заместителя наркома обороны генерал-полковника Е. А. Щаденко об объявлении добровольного призыва в северокавказских республиках от 27 января 1942 г. // ЦАМО РФ. Ф. 209. Оп. 999. Д. 326. Л. 1–4. Заверенная копия.

24. Order No. 0024 issued to the troops by the Commander of the Transcaucasian Front, Army General I. V. Tyulenev, announcing the directive of Deputy People's Commissar of Defense Colonel General E. A. Shchadenko regarding the call for volunteers in the North Caucasian republics, dated January 27, 1942 // Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation (TsAMO RF). F. 209. Op. 999. D. 326. L. 1–4. Certified copy. 6. Resolution of the Bureau of the Dagestan Regional Committee of the VKP(b) «On the formation of a cavalry squadron from the ethnic groups of the DASSR,» dated September 15, . – 1942. – № 0024.

25. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 5871. Оп. 5689. Д. 70. Л. 220.\.

26. Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO RF). F. 5871. Op. 5689. D. 70. L. 220.

27. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 43. Д. 381. Л. 31–33.

28. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 17. Op. 43. D. 381. L. 31–33. 14. Russian State Military Archive (RGVA). F. 39385. Op. 1. D. 5. L. 88–94.

National policy of the soviet state during the years of the struggle against fascism

Israpov A.A.

International Law Institute MLI

The article examines the Soviet military mobilization policy toward the indigenous peoples of the North Caucasus during the Great Patriotic War. The purpose of the study is to identify the reasons for restricting the conscription of representatives of certain North Caucasian ethnic groups into the Red Army, to analyze the legal acts regulating mobilization measures, and to determine the relationship between conscription policy and the implementation of the Soviet national policy under wartime conditions. The methodological framework includes historical-genetic, historical-comparative, problem-chronological, and historical-legal methods. The source base consists of classified resolutions of the State Defense Committee of the USSR, directives and orders of the People's Commissariat of Defense, archival documents, materials of Party and state authorities, and scholarly publications on the subject. The study demonstrates that restrictions on conscription were determined not only by military-operational considerations but also by the complex socio-political situation in several North Caucasian autonomous republics, including the growth of desertion, armed banditry, and anti-Soviet activities. It is shown that military mobilization policy became an important instrument of Soviet national policy, reflecting the level of trust of the central authorities toward particular ethnic groups. The study concludes that the combination of restrictive measures and voluntary enlistment campaigns shaped the specific nature of state interaction with the population of the North Caucasus and significantly influenced the development of interethnic relations in the region during the war years.

Keywords: North Caucasus; banditism; autonomous republic; NKVD; desertion; volunteering.

References

1. Iz doneseniya Voennogo soveta Zakavkazskogo fronta Verkhovnomu Glavnokomanduyushchemu I. V. [To Stalin regarding the reorganization of national formations from October 9, 1942]. // TsAMO RF. F. 209. Op. 1063. D. 166. L. 29. Podlinnik (In Russian).
2. Report from the Military Council of the Transcaucasian Front to Supreme Commander-in-Chief I. V. Stalin regarding the reorganization of national formations, dated October 9, 1942 // Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation (TsAMO RF). F. 209. Op. 1063. D. 166. L. 29. Original. – 1942. – P. L. 29.
3. Orekhovskij A. V. [The national policy of the USSR in the Great Patriotic War] // Etnotsizm i mezhnatsional'naya kul'tura. – 2015. – S. 36–43 (In Russian).
4. Orekhovskij A. V. The USSR's Nationalities Policy During the Great Patriotic War // Ethnosocium and Interethnic Culture. – 2015. – № 2. – P. 36–43.
5. Tsentral'nyj arkhiv Ministerstva oborony Rossijskoj Federatsii (TsAMO RF). F. 209. [Inventory 999. File 125. Pages 608, 674] (In Russian).
6. Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO RF). F. 209. Op. 999. D. 125. L. 608, 674.
7. Ogonovskaya I. S. [The peoples of the Caucasus and Stalin's national policy during the Great Patriotic War: reflection of the problem in the pages of

- Soviet, post-Soviet and contemporary history textbooks] // Vtoraya mirovaya vojna 1939-1945 gg. v istoricheskikh sud'bakh narodov Rossii i Kavkaza. – 2020. – S. 165–172 (In Russian).
8. Ogonovskaya I. S. The Peoples of the Caucasus and Stalin's Nationalities Policy During the Great Patriotic War: Reflection of the Issue in Soviet, Post-Soviet, and Contemporary History Textbooks // World War II (1939–1945) in the Historical Destinies of the Peoples of Russia and the Caucasus. – 2020. – P. 165–172.
 9. Tsentral'nyj arkhiv Ministerstva oborony Rossijskoj Federatsii (TsAMO RF). F. 5871. [Inventory 5689. File 20. Page 41] (In Russian).
 10. Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO RF). F. 5871. Op. 5689. D. 20. L. 41.
 11. Kuks D. Yu. [The national policy of the Soviet state during the Civil War: peculiarities of theory and practice] // Mezhdru perspektivami novykh identichnostej i vyzovami vojn pamyati. Chast' I: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii aspirantov i studentov. – 2021 (In Russian).
 12. Kuks D. Yu. The Soviet State's Nationalities Policy During the Civil War: Specifics of Theory and Practice // Between the Prospects of New Identities and the Challenges of Memory Wars. Part I: Proceedings of the International Scientific Conference for Graduate and Undergraduate Students. – 2021.
 13. Tsentral'nyj arkhiv Ministerstva oborony Rossijskoj Federatsii (TsAMO RF). F. 144. [Inventory 13189. File 93. Page 222] (In Russian).
 14. Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO RF). F. 144. Op. 13189. D. 93. L. 222.
 15. Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arkhiv (RGVA). F. 38650. [Inventory 1. File 128. Pages 8–14] (In Russian).
 16. Russian State Military Archive (RGVA). F. 38650. Op. 1. D. 128. Ll. 8–14.
 17. Rossijskij gosudarstvennyj arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI). F. 17. [Inventory 125. File 85. Pages 83–86] (In Russian).
 18. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 17. Op. 125. D. 85. L. 83–86.
 19. Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arkhiv (RGVA). F. 39385. [Inventory 1. File 5. Pages 88–94] (In Russian).
 20. [Decree of the State Defense Committee No. GKO-894ss on the formation of national military formations from November 13, 1941] . // Rossijskij gosudarstvennyj arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI). F. 644. Op. 1. D. 14. L. 83–87 (In Russian).
 21. Resolution of the State Defense Committee No. GKO-894ss on the formation of national military units, dated November 13, 1941 // Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 644. Op. 1. D. 14. L. 83–87. – 1941. – P. C. 83–87.
 22. [Resolution of the Bureau of the Dagestan Regional Committee of the VKP(b) 'On the formation of a cavalry squadron from the nationalities of the DASSR' from September 15, 1942] . // Tsentral'nyj gosudarstvennyj arkhiv Respubliki Dagestan (TsGA RD). F. P-1. Op. 23. D. 12. L. 150. Podlinnik (In Russian).
 23. Prikaz komanduyushchego vojskami Zakavkazskogo fronta № 0024 generala armii I. V. [Tyulenev's order to troops announcing the directive of the Deputy Commissar of Defense Colonel-General E. A. Shchenko on the declaration of voluntary conscription in the North Caucasus republics from January 27, 1942] . // TsAMO RF. F. 209. Op. 999. D. 326. L. 1–4. Zaverennaya kopiya (In Russian).
 24. Order No. 0024 issued to the troops by the Commander of the Transcaucasian Front, Army General I. V. Tyulenev, announcing the directive of Deputy People's Commissar of Defense Colonel General E. A. Shchadenko regarding the call for volunteers in the North Caucasian republics, dated January 27, 1942 // Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation (TsAMO RF). F. 209. Op. 999. D. 326. Ll. 1–4. Certified copy. 6. Resolution of the Bureau of the Dagestan Regional Committee of the VKP(b) «On the formation of a cavalry squadron from the ethnic groups of the DASSR,» dated September 15, – 1942. – № 0024.
 25. Tsentral'nyj arkhiv Ministerstva oborony Rossijskoj Federatsii (TsAMO RF). F. 5871. [Inventory 5689. File 70. Page 220] (In Russian).
 26. Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO RF). F. 5871. Op. 5689. D. 70. L. 220.
 27. Rossijskij gosudarstvennyj arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI). F. 17. [Inventory 43. File 381. Pages 31–33] (In Russian).
 28. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 17. Op. 43. D. 381. L. 31–33. 14. Russian State Military Archive (RGVA). F. 39385. Op. 1. D. 5. Ll. 88–94.

Трансформация принципов мирного урегулирования в условиях затяжного вооруженного конфликта: опыт Сирии

Алльслум Майс

аспирант, Казанский федеральный университет,
alsalloummays@gmail.com

Статья посвящена анализу трансформации международного права применительно к вооруженному конфликту в Сирии. В статье показана динамика трансформаций международного права: преобразования сирийского конфликта, выражающаяся в смене парадигмы либерального миростроительства (Женевский процесс) на парадигму нелиберального миростроительства (Астанинский процесс). Данный шаг характеризует сдвиг парадигм в решении проблемы сирийского конфликта. Авторами работы рассматриваются теоретические основы международного вооруженного конфликта; критерии определения; стадии и субъекты; роль визуализации для юридической характеристики конфликта. Отдельно рассматривается практика работы международных организаций, стран – посредников (Россия, Турция, Иран) при создании нового нормативно-правового режима конфликта. Критикуя отсутствие либеральной составляющей в Астанинском процессе, автор отмечает его практическую значимость для снижения уровня насилия и выработки инструментов деэскалации. Поводом для пересмотра устоявшихся норм международного права в области решения длительных военных конфликтов служит необходимость поиска новых путей их разрешения.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, Сирийская Арабская Республика, вооруженный конфликт, Женевский процесс, Астанинский процесс, нелиберальный мир, международно-правовое регулирование, контртеррористическая операция, правовая квалификация конфликта

Введение

Вооруженный конфликт в Сирийской Арабской Республике, продолжающийся с 2011 года, представляет собой один из наиболее сложных вызовов современному международному праву и системе международных отношений. Уникальность данного конфликта обусловлена совокупностью факторов: его затяжной характер, многомерность участников (включая как государственных, так и негосударственных акторов), масштабные нарушения международного гуманитарного права, а также беспрецедентная политизация процесса урегулирования на универсальном и региональном уровнях.

Актуальность исследования международно-правовых подходов к урегулированию сирийского конфликта определяется рядом обстоятельств. Во-первых, сирийский конфликт поставил под сомнение эффективность традиционных механизмов поддержания международного мира и безопасности, продемонстрировав ограниченность возможностей Совета Безопасности ООН (далее – СБ ООН) в условиях блокирования решений постоянными членами. Во-вторых, конфликт выявил существенные пробелы в международно-правовом регулировании вооруженных конфликтов немеждународного характера с элементами интернационализации. В-третьих, практика урегулирования сирийского кризиса привела к формированию альтернативных форматов мирного процесса, которые существенно отличаются от либеральной модели, реализуемой под эгидой ООН.

Цель настоящей работы состоит в комплексном анализе международно-правовых подходов к урегулированию вооруженного конфликта в Сирии, включая теоретико-правовые основания их формирования, практическую реализацию и перспективы развития.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составил диалектический метод познания правовой действительности, позволивший рассмотреть международно-правовые подходы к урегулированию сирийского конфликта в их развитии и взаимосвязи. В рамках работы применялись как общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение, обобщение), так и специальные юридические методы: формально-логический, историко-правовой и сравнительно-правовой.

Формально-логический метод использовался при анализе содержания международно-правовых актов, резолюций СБ ООН, решений международных судебных органов, а также договоренностей, достигнутых в рамках Женевского и Астанинского процессов. Историко-правовой метод позволил проследить эволюцию квалификации сирийского конфликта и подходов к его урегулированию. Сравнительно-правовой метод применялся при сопоставлении различных моделей мирного урегулирования – либеральной (Женевский процесс) и нелиберальной (Астанинский процесс).

Теоретическую основу исследования составили труды российских и зарубежных ученых в области международного права, международного гуманитарного права, теории международных отношений. Особое значение для настоящей работы имеют исследования, посвященные анализу трансформации международно-правового регулирования вооруженных конфликтов в условиях политизации процессов урегулирования.

Эмпирическую базу исследования составили: международные договоры (в частности, Женевские конвенции

1949 года и Дополнительные протоколы к ним 1977 года), резолюции СБ ООН по сирийскому вопросу, решения и доклады международных организаций (ООН, СНГ, Лига арабских государств), материалы Женевских конференций по Сирии (2012–2018 гг.) и Астанинского процесса (с 2017 г.), доклады Независимой международной комиссии по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике, а также работы экспертов в области международного права и конфликтного регулирования.

Результаты исследования

Категория «международный вооруженный конфликт» является одной из ключевых в системе международного гуманитарного права. В соответствии со статьей 2, общей для всех Женевских конвенций 1949 года, международный вооруженный конфликт возникает в случае объявления войны или любого другого вооруженного конфликта между двумя или несколькими Высокими Договаривающимися Сторонами, даже если состояние войны не признается одной из них [1, с. 326]. Данное определение закрепляет объективный критерий: наличие вооруженного противоборства между государствами-участниками, а не формальное объявление войны.

Дополнительный протокол I 1977 года расширил сферу применения понятия, распространив его на вооруженные конфликты, в которых народы ведут борьбу против колониального господства, иностранной оккупации и расистских режимов в осуществление своего права на самоопределение (статья 1, пункт 4) [7]. Таким образом, международно-правовое понятие вооруженного конфликта не ограничивается исключительно межгосударственными столкновениями, а охватывает определенные категории вооруженной борьбы, в которой негосударственные акторы выступают против государственной власти.

В доктрине международного права выделяются следующие признаки международного вооруженного конфликта: наличие двух и более противоборствующих сторон, являющихся субъектами международного права; применение вооруженного насилия; наличие боевых действий между вооруженными силами сторон; распространение действия норм международного гуманитарного права на отношения сторон.

Вопрос о квалификации конфликта приобретает принципиальное значение, поскольку от него зависит объем применяемых норм международного гуманитарного права, а также механизмы ответственности за их нарушение. В теории и практике сложились три основных подхода к квалификации вооруженных конфликтов:

1. Квалификация по статусу участников. В соответствии с данным подходом, определяющее значение имеет правовой статус сторон конфликта: если обеими сторонами выступают государства, конфликт является международным; если одной из сторон является негосударственный актор (повстанцы, оппозиционные вооруженные группы), конфликт квалифицируется как немеждународный.

2. Квалификация по территориальному критерию. Международный вооруженный конфликт предполагает выход боевых действий за пределы территории одного государства, что свидетельствует о вовлечении суверенитета нескольких государств.

3. Квалификация по критерию интернационализации. Признается возможность трансформации внутригосударственного конфликта в международный при условии прямого военного вмешательства иностранных государств, предоставления значительной военной помощи или признания восставшей стороны в качестве воюющей.

Следует отметить, что сирийский конфликт с самого начала вызывал сложности в квалификации. На началь-

ном этапе (2011–2012 гг.) он бесспорно квалифицировался как конфликт немеждународного характера: боевые действия велись между правительственными силами и вооруженными оппозиционными группами в пределах территории одного государства. В соответствии с общей статьей 3 Женевских конвенций и Дополнительным протоколом II 1977 года к такому конфликту применялся ограниченный набор гуманитарных норм [7, 11].

Однако с течением времени ситуация существенно трансформировалась. Прямое военное вмешательство иностранных государств (Россия с 2015 года, Турция с 2016 года, США и их союзники с 2014 года, Иран), а также участие многонациональных коалиций придали конфликту черты интернационализованного вооруженного конфликта [4, с. 138]. Ситуация усугубляется тем, что в рамках единого территориального пространства Сирии одновременно существуют различные по своей правовой природе конфликты: между Сирией и Турцией (в связи с военной операцией турецких войск на севере страны), между Сирией и США (в связи с ударами коалиции), между Сирией и Израилем (в связи с авиаударами по иранским объектам). В то же время конфликт между правительственными силами и оппозиционными группировками сохраняет немеждународный характер.

Этапы и участники международного вооруженного конфликта

Эволюция сирийского конфликта позволяет выделить несколько этапов, отличающихся по своей правовой природе и участникам.

Первый этап (март 2011 – начало 2012 гг.): конфликт носит немеждународный характер. Основными участниками выступают правительственные силы (Сирийская Арабская Армия) и различные оппозиционные вооруженные группы, включая Свободную Сирийскую Армию.

Второй этап (конец 2012 – 2013 гг.): в конфликт вовлекаются иностранные участники опосредованно – через поставки вооружения, финансирование и предоставление боевиков. Этот этап характеризуется началом формирования элементов интернационализации.

Третий этап (2014–2015 гг.): объявление о создании «Исламского государства» на территории Сирии и Ирака приводит к международной интервенции в виде воздушных ударов коалиции во главе с США. Этот этап знаменует появление параллельного конфликта между международной коалицией и негосударственным актором – группировкой ИГИЛ (запрещенной в РФ).

Четвертый этап (сентябрь 2015 г. – настоящее время): прямое военное вмешательство России на стороне сирийского правительства. Конфликт приобретает выраженный международный характер с участием разнообразных субъектов: правительственных сил Сирии, вооруженных сил России, вооруженных сил Турции, международной коалиции во главе с США, подразделений иранского Корпуса стражей исламской революции, ливанской «Хезболлы», многочисленных оппозиционных групп, курдских формирований, а также группировок, признанных террористическими.

Следует подчеркнуть, что множественность участников с различным правовым статусом создает сложности в применении единого правового режима. Участники, вступающие на стороне сирийского правительства (Россия, Иран), действуют в рамках приглашения законного правительства, что с правовой точки зрения может рассматриваться как оказание помощи по просьбе суверенного государства. Турция и коалиция во главе с США действуют без приглашения сирийских властей, ссылаясь на право самообороны и борьбу с терроризмом [4, 8].

Роль визуальной репрезентации в правовом осмыслении конфликта

В современных вооруженных конфликтах особое значение приобретает визуальная составляющая правового осмысления происходящего. Под визуальной репрезентацией конфликта понимаются способы представления и интерпретации событий через визуальные образы – фотографии, видеозаписи, спутниковые снимки, инфографику и другие визуальные формы передачи информации о ходе военных действий, жертвах, разрушениях и действиях участников конфликта.

Визуальная репрезентация конфликта выполняет несколько важных юридических функций. Во-первых, она выступает в качестве доказательственной базы для установления фактов нарушения международного гуманитарного права. Исследования показывают, что визуальные свидетельства, особенно полученные через спутниковые системы наблюдения и беспилотные летательные аппараты, становятся все более значимыми для работы международных следственных органов [8, с. 42].

Во-вторых, визуальная репрезентация формирует восприятие конфликта международным сообществом, влияя на принятие политических и правовых решений. Избирательность в освещении определенных событий, представление одних участников в качестве жертв, а других – в качестве агрессоров оказывает существенное воздействие на формирование международно-правовой позиции государств.

В-третьих, визуальные образы активно используются сторонами конфликта в качестве инструмента пропаганды, направленной на легитимацию собственных действий и делегитимацию действий противника. Это создает серьезные препятствия для объективной правовой квалификации событий [6, с. 461].

Применительно к сирийскому конфликту визуальная репрезентация сыграла значительную роль в международно-правовой оценке происходящего. Широкое распространение в социальных сетях видеозаписей военных действий, жертв среди мирного населения, использования химического оружия, гуманитарных катастроф повлияло на принятие ряда резолюций СБ ООН и решений международных организаций. Вместе с тем следует констатировать, что существуют значительные разрывы между визуальной фиксацией событий и их правовым осмыслением, что связано с политизацией процесса оценки доказательств и ограниченными возможностями привлечения к ответственности виновных.

Международно-правовые подходы к урегулированию сирийского конфликта

Женевский процесс по сирийскому урегулированию, стартовавший в 2012 году на основе Женевского коммюнике от 30 июня 2012 года, представлял собой классический пример либеральной модели мирного урегулирования. В основе этой модели лежали следующие принципы: политический диалог между всеми сторонами конфликта без предварительных условий; формирование переходного правительства с полной исполнительной властью; проведение свободных и справедливых выборов; всеобъемлющий политический процесс, включающий всех представителей сирийского общества [5, с. 154].

Женевское коммюнике, одобренное резолюцией СБ ООН 2118 (2013), закрепило принципы, соответствовавшие либеральным стандартам постконфликтного урегулирования: инклюзивность, разделение власти, демократическая легитимация новой власти [2, с. 248]. Однако практическая реализация Женевского процесса столкнулась с непреодолимыми препятствиями. Основными проблемами стали: несогласие сторон конфликта по вопросу о судьбе действующего президента; разногласия между

внешними игроками относительно последовательности этапов перехода; отсутствие эффективных механизмов принуждения к выполнению достигнутых договоренностей.

Астанинский процесс: формирование нелиберальной модели урегулирования

С началом российского военного вмешательства в Сирии и достижением правительственными силами значительных военных успехов произошел сдвиг в подходе к мирному урегулированию. В январе 2017 года по инициативе России, Турции и Ирана был запущен Астанинский процесс, который существенно отличался от либеральной модели Женевских конференций.

Астанинский процесс представляет собой уникальный для современной практики случай, когда государства с авторитарными политическими режимами выступают в качестве основных посредников в урегулировании конфликта. «Астанинский процесс отходит от либеральных принципов миротворчества и постконфликтного перехода, продвигая нелиберальные нормы и практики, которые отвергают разделение власти и инклюзивность в пользу постконфликтного порядка, в котором общество остается развоенным, а продолжающееся насилие санкционируется» [1, с. 327].

Опираясь на теорию авторитарного управления конфликтами (Authoritarian Conflict Management – ACM), С. Аббуд рассматривает Астанинский процесс как феномен, демонстрирующий, «как возникает мир, когда либеральные акторы и нормы маргинализируются, а власть переходит к альтернативным, нелиберальным конфигурациям сил, которые способны формировать мир» [1, с. 328]. Автор приходит к выводу, что «Астанинский процесс воплощает новое видение управления конфликтами, которое материализуется в возникновении нелиберального мира в Сирии».

Основными особенностями Астанинского процесса являются: концентрация усилий на технических вопросах деэскалации, а не на политическом урегулировании; создание зон деэскалации как инструмента управления конфликтом без решения системных проблем; приоритет сохранения государственного суверенитета над идеалами демократического транзита; маргинализация сирийской оппозиции в пользу соглашений между государствами-гарантами; признание военных методов как допустимых средств достижения политических целей.

Таким образом, в современном сирийском урегулировании наблюдается сложное переплетение либеральной (Женевский процесс) и нелиберальной (Астанинский процесс) моделей. Формально Женевский процесс сохраняется как единственная универсальная площадка, санкционированная СБ ООН. Однако реальным центром принятия решений стал Астанинский процесс, который в значительной степени определяет параметры возможного соглашения.

Резолюции СБ ООН № 2254 (2015) и № 2258 (2015) о мирном разрешении конфликта в Сирии были согласованы с Женевским коммюнике и продемонстрировали поддержку либеральных ценностей. Однако, как считает Д. Ю. Хаванова, их влияние на решение сирийского вопроса было минимальным вследствие расхождений постоянных членов СБ ООН [3, с. 42]. В итоге возникла противоречивая ситуация – вместо санкционированного СБ ООН формата появился альтернативный формат, по мнению источника [3].

Особенность сирийского мирного процесса заключается в том, что Астанинский процесс, который не получил официального признания от СБ ООН как таковой – тем не менее является по мнению большинства сторон кон-

фликта и международное сообщество главным инструментом для решения проблемы. Можно сказать о квази-легитимности формата – его признание обусловлено эффективностью боевых действий вместо наличия юридически закрепленного статуса.

Используя концепцию авторитарного управления конфликтами, можно утверждать, что Астанинский процесс демонстрирует возможность поддержания определенного уровня стабильности без решения глубинных политических проблем. Установление зон деэскалации, прекращение активных боевых действий, обмен заключенными и гуманитарные договоренности составили «минимальное» урегулирование, которое принесло реальное снижение насилия, но не затронуло коренных причин конфликта [1].

Проблемы и перспективы международно-правового регулирования сирийского конфликта

Ситуация в Сирии демонстрирует фундаментальный конфликт между формальными нормами международного права и фактическими практиками урегулирования. С одной стороны, международное гуманитарное право и Устав ООН содержат ясные принципы и запреты. С другой стороны, политическая реальность предполагает селективное применение норм в зависимости от интересов ключевых игроков.

С.А. Грицаев обоснованно указывает на проблему целостности международно-правовых средств предотвращения и урегулирования вооруженных конфликтов. Ученый отмечает, что в практике международного сообщества нередко возникает ситуация, когда «международно-правовые средства поддержания международного мира и безопасности» используются для урегулирования последствий, а не первопричин конфликтов [2, с. 249]. Это в полной мере относится к сирийскому случаю, где внимание сосредоточено на управлении конфликтом, а не на его разрешении.

Правовой плюрализм сирийского урегулирования проявляется в сосуществовании нескольких нормативных систем: универсальное международное право (принципы суверенитета, невмешательства, гуманитарное право); региональные международно-правовые режимы (решения Лиги арабских государств, Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива); двусторонние и многосторонние договоренности между ключевыми игроками (Россия, Турция, Иран); решения неформальных политических механизмов (Астанинский процесс). Такая полинормативность создает сложности для субъектов конфликта в определении применимого права и снижает предсказуемость правового регулирования.

Множественность участников конфликта с различным правовым статусом порождает проблему определения лиц, ответственных за соблюдение международного гуманитарного права. Как отмечают исследователи, «ни одно из положений международно-гуманитарного права (далее – МГП) не говорит о том, что негосударственные вооруженные группы, объявленные террористическими группировками мирового, регионального или национального масштаба, не могут считаться сторонами в вооруженном конфликте в том значении, в каком этот термин используется в МГП» [8]. Однако на практике террористические группировки часто выводятся из субъектного поля международного гуманитарного права, что создает «серые зоны» ответственности.

Другой аспект проблемы связан с ответственностью государств-гарантов за действия сторон конфликта. В рамках Астанинского процесса Россия, Турция и Иран взяли на себя обязательство содействовать соблюдению режима прекращения боевых действий. Однако механизм ответственности за нарушение этих обязательств остается неразработанным [5].

Перспективы развития международно-правового регулирования

Будущее сирийского урегулирования связано с несколькими сценариями. Первый сценарий предполагает формализацию нелиберальной модели путем выработки нового международно-правового режима, санкционирующего зоны деэскалации как механизм легитимного регулирования конфликта. Это направление уже реализуется в деятельности Астанинского процесса, который создает прецедент для подобных форматов управления другими конфликтами [1].

Второй сценарий связан с постепенным восстановлением либеральных принципов в урегулировании, возможным лишь при существенном изменении баланса сил в Сирии и вокруг нее. Учитывая текущую ситуацию, реалистичность такого сценария представляется минимальной.

Третий сценарий предполагает сохранение гибридного урегулирования, при котором либеральные принципы сохраняются как нормативный ориентир, а нелиберальные практики доминируют как способ управления конфликтом. С точки зрения среднесрочного развития – наиболее вероятный вариант.

Опыт сирийского урегулирования предоставляет возможность для размышления над самой возможностью использования общих правил, заимствованных от Запада. Возможно это говорит о том, что нужно провести реформу современного международного права для того чтобы принимать во внимание различные политические системы и культуры.

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Сирийский вооруженный конфликт является гибридным вооруженным конфликтом. Он имеет черты как международного, так и немеждународного вооруженного конфликта. Правовая характеристика данного конфликта носит динамический характер: развитие ситуации, появление новых субъектов позволили характеризовать данный конфликт как трансформирующийся из немеждународного на конфликт с признаками интернационализированного и частично международного.

Неопределенность в определении статуса сирийского конфликта приводит к трудностям при использовании МГП и дает основание участникам конфликта на выборочное применение данных норм. В результате формируется «культура безнаказанности», нормализация нарушения норм международного гуманитарного права.

Роль визуализации при рассмотрении конфликта становится все актуальнее. Визуализация выполняет двойную функцию – она является формой доказательства нарушения и формой информационной борьбы. В связи с этим становится необходимым разработать принципы проверки достоверности визуальной информации с целью применения ее на практике в судебном процессе.

Наблюдается динамика перехода международного правового регулирования сирийского конфликта от либеральной модели (Женевский процесс) к нелиберальной (Астанинский). Данный переход свидетельствует о сдвиге мирового порядка, показывает возможности для продвижения нелиберальных акторов альтернативных норм конфликтного регулирования.

Несмотря на то, что Астанинский процесс подвергся критике за уход от либеральной парадигмы, он показал свою действенность, позволив снизить градус военных действий и выстроить институты деэскалации. Отсюда возникает проблема пересмотра либерального подхода в качестве единственного пути к мирному разрешению длительных войн.

Конфликт на территории Сирии продемонстрировал недостаточную эффективность действующих международных правовых средств решения вопроса о применении

силы для разрешения вооруженного конфликта, а именно - привлечение виновных к ответственности и исполнение международно-правовых норм. Необходимо выработать новые правовые средства для достижения баланса между эффективностью и законностью при решении политических конфликтов.

Особенности перспектив развития международного правового регулирования по вопросам сирийского конфликта представлены в том, что будут формироваться новые гибридные формы урегулирования. Это сочетание либеральных и нелиберальных подходов и сохранение ключевого требования - соблюдение основных положений МГП и прав человека.

Выполненное исследование позволило сделать следующий вывод. Сирийская война явилась триггером для изменения структуры международно-правового регулирования, показав смену парадигмы от универсалистских либеральных подходов к плюрализму в зависимости от политических реалий и баланса интересов. Неизвестно пока будет ли данная трансформация способствовать созданию более работающей системы регулирования вооруженных конфликтов либо же она просто усилит раздробленность международного права.

Литература

1. Abboud S. Making peace to sustain war: the Astana Process and Syria's illiberal peace // *Peacebuilding*. 2021. Vol. 9. No. 3. P. 326–343.
2. Грицаев С.А. Проблема целостности международно-правовых средств предотвращения и урегулирования вооруженных конфликтов // *Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями*. 2017. № 17-1. С. 248–250.
3. Хаванова Д.Ю. Роль международных организаций в урегулировании межгосударственных конфликтов и поддержании мирового порядка // *Теории и проблемы политических исследований*. 2024. Т. 13. № 3А. С. 38–46.
4. Hashmi S., Jamil M.S. Restoring Norms in Prolonged Conflicts: The Erosion of International Humanitarian Law in Syria // *Journal of Development and Social Sciences*. 2025. Vol. 6. No. 4. P. 138–146.
5. Khanfri M. Legal Qualification of the Armed Conflict in Syria // *Revue des Sciences Humaines*. 2025. Vol. 36. No. 3. P. 153–166.
6. Пузырева Ю.В. Международно-правовое регулирование военно-силового подхода к борьбе с терроризмом на универсальном и региональном уровне (на примере ООН и СНГ) // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2025. № 3 (69). С. 461–481.
7. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), от 8 июня 1977 г. // *Действующее международное право: сб. док. М., 1997. Т. 2. С. 530–590*.
8. Трифонов В.А., Юрасова П.А. К вопросу о защите прав детей в период вооруженных конфликтов // *THEORIA: педагогика, экономика, право*. 2021. № 2 (3). С. 42–50.

Transformation of Peaceful Settlement Principles in a Protracted Armed Conflict: The Syrian Experience

Alsalloum Mays

Kazan Federal University

This article analyzes the transformation of international law as it applies to the armed conflict in Syria. It demonstrates the dynamics of transformations in international legal frameworks for the Syrian conflict, reflecting the shift from a liberal peacebuilding paradigm (the Geneva process) to an illiberal peacebuilding paradigm (the Astana process). This shift marks a paradigm shift in addressing the Syrian conflict. The authors examine the theoretical foundations of international armed conflict. They consider the concept of international armed conflict, its definition criteria, stages and actors, and the role of visualization in the legal characterization of the conflict. The practice of international organizations and mediating countries (Russia, Turkey, and Iran) in creating a new legal framework for the conflict is also examined. While criticizing the lack of a liberal component in the Astana process, the author notes its practical significance for reducing violence and developing de-escalation tools. The need to find new ways to resolve protracted military conflicts prompts a revision of established norms of international law.

Keywords: international humanitarian law, Syrian Arab Republic, armed conflict, Geneva process, Astana process, illiberal peace, international legal regulation, counter-terrorism operation, legal classification of conflict

References

1. Abboud S. Making peace to sustain war: the Astana Process and Syria's illiberal peace // *Peacebuilding*. 2021. Vol. 9. No. 3. Pp. 326–343.
2. Gritsaev S.A. The Problem of Integrity of International Legal Means of Preventing and Resolving Armed Conflicts // *Current Problems of Combating Crimes and Other Offenses*. 2017. No. 17-1. Pp. 248–250.
3. Khavanova D.Yu. The Role of International Organizations in Resolving Interstate Conflicts and Maintaining World Order // *Theories and Problems of Political Research*. 2024. Vol. 13. No. 3A. Pp. 38–46.
4. Hashmi S., Jamil M.S. Restoring Norms in Prolonged Conflicts: The Erosion of International Humanitarian Law in Syria // *Journal of Development and Social Sciences*. 2025. Vol. 6. No. 4. P. 138–146.
5. Khanfri M. Legal Qualification of the Armed Conflict in Syria // *Revue des Sciences Humaines*. 2025. Vol. 36. No. 3. P. 153–166.
6. Puzyreva Yu.V. International Legal Regulation of the Military-Force Approach to Combating Terrorism at the Universal and Regional Levels (using the UN and CIS as an Example) // *Bulletin of Perm University. Legal Sciences*. 2025. No. 3 (69). P. 461–481.
7. Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I), of 8 June 1977 // *Current International Law: Coll. Doc. Moscow*, 1997. Vol. 2. Pp. 530–590.
8. Trifonov V.A., Yurasova P.A. On the Protection of Children's Rights During Armed Conflicts // *THEORIA: Pedagogy, Economics, Law*. 2021. No. 2 (3). Pp. 42–50.

Экономика и энергетика как «якорь» устойчивости российско-турецкого партнёрства в условиях политической турбулентности

Попов Владислав Сергеевич

аспирант кафедры международных отношений, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

В статье анализируется роль торгово-экономического и энергетического взаимодействия как фундаментального стабилизирующего фактора («якоря») российско-турецких отношений в XXI веке. На основе неореалистического подхода и теории международной взаимозависимости автором детально исследуется динамика двустороннего товарооборота в условиях масштабных геополитических кризисов и жесткого санкционного давления. В работе подробно рассматриваются ключевые этапы эволюции торгово-экономических связей, а также выявляется специфика их восстановления после периодов политической напряженности. Особое внимание уделено энергетическим мегапроектам в сфере газовой инфраструктуры и атомной энергетики (АЭС «Аккую»), которые формируют долгосрочную технологическую, финансовую и экономическую привязку сторон. Автор доказывает, что экономический прагматизм и тактика разделения спорных вопросов («компартиментализация») позволяют Москве и Анкаре эффективно сохранять общую устойчивость партнерства в условиях формирующегося полицентричного мира. В заключении статьи дается прогностическая оценка развития двусторонних связей, анализируются риски усиления вторичного санкционного давления со стороны западных стран и намечаются возможные пути адаптации финансово-расчетных систем России и Турции к новым геополитическим реалиям.

Ключевые слова: Россия; Турция; российско-турецкие отношения; экономическая взаимозависимость; энергетическое сотрудничество; «Турецкий поток»; АЭС «Аккую»; экономический прагматизм; компартиментализация; полицентричный мир; внешняя политика; вторичные санкции; двусторонний товарооборот; геополитический кризис; адаптация финансовых систем.

Введение

Российско-турецкие отношения в XXI веке демонстрируют парадоксальную устойчивость на фоне регулярных политических кризисов, расхождений по ключевым региональным вопросам и неоднократных периодов резкого ухудшения двустороннего диалога. В отличие от классических союзнических или интеграционных форматов, партнерство России и Турции развивается в условиях структурной асимметрии интересов, конкуренции в зонах регионального влияния и отсутствия устойчивой ценностной базы. Тем не менее, двусторонние связи сохраняют функциональность даже после острых кризисов — от сирийского конфликта до инцидента со сбитым российским самолетом в 2015 г., а также в условиях масштабного санкционного давления на Россию и глубокой трансформации внешнеполитического курса Турции.

В этой связи особую исследовательскую значимость приобретает анализ тех факторов, которые обеспечивают воспроизводство российско-турецкого партнерства в условиях высокой политической турбулентности. В научной литературе устойчивость двусторонних отношений традиционно связывается либо с институциональной интеграцией, либо с наличием устойчивых союзнических обязательств. Однако российско-турецкий кейс не укладывается в данные модели: при отсутствии формализованных союзных механизмов партнерство демонстрирует способность к адаптации и восстановлению после кризисов. Это позволяет выдвинуть гипотезу о наличии иных, неинституциональных факторов устойчивости, прежде всего связанных с экономической и энергетической взаимозависимостью.

Экономическое сотрудничество и энергетические проекты в российско-турецких отношениях формируют устойчивые каналы взаимодействия, вовлекающие широкий круг государственных, корпоративных и региональных акторов. Торгово-экономические связи, туристические потоки, инвестиционные проекты, а также крупные энергетические инфраструктурные инициативы (включая газовые маршруты и строительство АЭС «Аккую») создают материальную и институциональную основу для поддержания двустороннего диалога даже в условиях политических конфликтов. При этом данные формы взаимодействия обладают собственной логикой воспроизводства, относительно автономной от колебаний политической конъюнктуры.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении роли экономико-энергетического взаимодействия России и Турции как фактора устойчивости двустороннего партнерства в условиях политической турбулентности. В рамках исследования ставится задача проанализировать теоретические подходы к пониманию экономики как стабилизирующего элемента международных отношений, проследить динамику торгово-экономических связей России и Турции в 2000–2025 гг., а также показать структурную роль энергетических проектов как «якорей» двусторонних отношений. Автор исходит из предположения, что экономико-энергетическая взаимозависимость не устраняет политические противоречия, но формирует устойчивый каркас взаимодействия, снижающий вероятность полного разрыва партнерства и способствующий поиску компромиссных решений.

1. Теоретическая рамка: экономика как фактор устойчивости

В современных исследованиях международных отношений экономическое взаимодействие государств рассматривается как ключевой фактор устойчивости двусторонних связей. В отличие от классического реализма, акцентирующего внимание на балансе сил и военно-политическом соперничестве, неореализм и институционализм допускают, что экономическая взаимозависимость модифицирует поведение государств, снижая вероятность эскалации конфликтов и формируя стимулы к сотрудничеству.

С точки зрения неореализма, государства действуют исходя из национальных интересов и максимизации безопасности, однако инструментом достижения этих целей становятся именно экономические связи. Как отмечает К. Уолтц, в условиях анархичной международной системы государства вынуждены обеспечивать свою устойчивость через диверсификацию внешнеэкономических связей и формирование выгодных зависимостей. Экономическое партнёрство выступает не как альтернатива силовой политике, а как её дополнение, снижающее издержки конфронтации[1].

В классическом политическом реализме экономическое измерение долгое время считалось вторичным по отношению к безопасности. Однако в работах Г. Моргентау прослеживается идея о том, что экономические инструменты выступают средством реализации национальных интересов, влияющим на поведение других акторов. По его утверждению, интерес, определяемый в терминах власти, включает в себя не только военную, но и экономическую составляющую[2].

Современные интерпретации неореализма, в частности в трудах Дж. Миршаймера, подчеркивают, что великие державы прагматично сочетают конфронтационные и кооперационные инструменты. Экономическое сотрудничество не противоречит логике соперничества, а используется как инструмент временной стабилизации отношений, позволяющий избежать издержек прямого конфликта. Экономические связи выступают элементом стратегического маневрирования, а не признаком гармонизации интересов[3].

Развитие данной логики привело к формированию концепции взаимозависимости Р. Кеохейна и Дж. Найа, показавших, что плотные экономические связи делают разрыв отношений затратным для всех участников. При этом взаимозависимость часто носит асимметричный характер, создавая рычаги влияния для более сильного или технологически развитого партнёра[4].

Степень уязвимости государства в рамках асимметричной взаимозависимости определяется возможностью быстро и с минимальными издержками заменить партнёра. При высокой стоимости замещения даже политически конфликтующие государства заинтересованы в сохранении экономических связей. Данный подход подтверждается практикой начала XXI века. В частности, кризис между Россией и ЕС после 2014 г. показал, что в условиях санкционного противостояния стороны сохраняли значительные объёмы взаимодействия в энергетической сфере. Аналогичная логика прослеживается в отношениях России и Турции, где экономическое сотрудничество не прекращается в периоды политических кризисов, а в ряде случаев даже усиливается[5].

В рамках институционального подхода экономическое сотрудничество дополняется устойчивыми правилами. Как подчёркивает Д. Норт, институты снижают неопределённость и транзакционные издержки, закрепляя долгосрочные формы взаимодействия через контракты, совместные проекты и инфраструктурные связи, которые трудно разорвать без значительных потерь[6].

Важным элементом анализа является концепция «экономического прагматизма», используемая в исследованиях внешней политики региональных держав. Государства, не обладающие глобальным доминированием, компенсируют ограничения военно-политического характера через расширение экономических связей и участие в инфраструктурных проектах, что позволяет повышать их роль в международной системе без прямой конфронтации.

Применительно к Турции данная логика отражена в концепции «стратегической автономии» А. Давутоглу, предполагающей использование экономических инструментов для диверсификации внешнеполитических связей и снижения зависимости от Запада. Сближение с Россией в энергетической и торговой сферах выступает элементом этой стратегии[7].

Для России экономическое сотрудничество с Турцией приобретает значение инструмента геэкономического влияния в условиях санкционного давления. Как отмечает Д.В. Тренин, Москва рассматривает внешнеэкономические связи как механизм формирования устойчивых зон влияния, основанных на инфраструктурной и технологической взаимозависимости. Взаимодействие с Турцией становится частью более широкой стратегии адаптации к изменяющейся международной среде[8].

Эмпирическим кейсом, подтверждающим данные положения, является кризис российско-турецких отношений 2015–2016 гг., вызванный инцидентом с Су-24. Несмотря на введение санкций, уже в течение года стороны вернулись к активному сотрудничеству. Ключевым фактором нормализации стало осознание обеими сторонами высокой стоимости разрыва экономических связей[9].

Аналогичная ситуация наблюдалась в контексте сирийского конфликта, где Россия и Турция поддерживали противоположные стороны, но продолжали координировать действия и развивать экономическое сотрудничество. Это подтверждает тезис о том, что экономические интересы сдерживают эскалацию при наличии политических противоречий.

Особенно показателен период после 2022 г., когда в условиях масштабных антироссийских санкций Турция расширила взаимодействие, выступив в качестве важного торгово-логистического хаба. Это свидетельствует о том, что экономическая взаимозависимость усиливается под внешним давлением, превращаясь в инструмент адаптации к геополитическим реалиям.

Особое значение приобретает энергетическое сотрудничество как наиболее «жёсткая» форма взаимозависимости. Энергетические проекты отличаются высокой капиталоемкостью и технологической сложностью. В отличие от обычной торговли, энергетическая инфраструктура формирует долговременную привязку государств друг к другу, выступая фактором геополитической стабильности.

Таким образом, можно выделить три механизма, через которые экономика обеспечивает устойчивость международных отношений: рост издержек конфликта, делающий разрыв связей невыгодным; формирование институциональных рамок, закрепляющих договорённости; создание инфраструктурной взаимозависимости, особенно в энергетической сфере, ограничивающей возможность резкого изменения внешнеполитического курса.

Указанные положения позволяют рассматривать экономико-энергетическое взаимодействие как структурный элемент системы международных отношений, обеспечивающий её устойчивость в условиях политической турбулентности. Именно в этом контексте российско-турецкое партнёрство представляет особый интерес, поскольку сочетает в себе элементы конкуренции и тесной экономической взаимозависимости, выступающей «якорем» стабильности[10].

2. Торгово-экономическая динамика российско-турецких отношений (2000–2026 гг.)

Развитие торгово-экономического сотрудничества между Россией и Турцией в XXI веке представляет собой ключевой эмпирический материал для анализа устойчивости двустороннего партнёрства. В отличие от политического взаимодействия, характеризующегося цикличностью и кризисными колебаниями, экономические связи демонстрируют выраженную тенденцию к восстановлению и росту даже после периодов серьёзного ухудшения отношений. Это позволяет рассматривать торгово-экономическое измерение как относительно автономную подсистему, обладающую собственной логикой воспроизводства[11].

Структурированный анализ динамики товарооборота позволяет более наглядно проследить устойчивость экономических связей. В начале 2000-х гг. российско-турецкие экономические отношения находились на стадии активного становления. Объём товарооборота в 2000 г. составлял около 4–5 млрд долл., однако уже к середине десятилетия он увеличился более чем в три раза, что было обусловлено как ростом цен на энергоносители, так и расширением взаимной торговли промышленной и сельскохозяйственной продукцией. К 2008 г. товарооборот достиг пика для того периода значения порядка 38 млрд долл., увеличившись почти в восемь раз по сравнению с началом века, что свидетельствовало о формировании устойчивой экономической взаимозависимости[12].

Глобальный финансовый кризис 2008–2009 гг. привёл к временному снижению показателей до уровня примерно 22–23 млрд долл., однако уже к 2011–2012 гг. объёмы торговли восстановились, вновь приблизившись к уровню 30–33 млрд долл. Данный период характеризуется не только количественным ростом, но и усложнением структуры экономических связей: наряду с традиционным экспортом российских энергоносителей и импортом турецкой сельскохозяйственной продукции возрастает роль строительных услуг, инвестиций и туристического сектора.

Существенным испытанием для двусторонних экономических отношений стал кризис 2015–2016 гг., вызванный инцидентом со сбитым российским самолётом. Введение Россией ограничительных мер, включая запрет на импорт отдельных видов турецкой продукции, ограничения в туристической сфере и заморозку ряда инвестиционных проектов, привело к резкому сокращению товарооборота, который в 2016 г. снизился до 15–16 млрд долл. Однако уже в течение следующего года после нормализации политических отношений наблюдается быстрый восстановительный рост.

Данный кейс представляет особый интерес с точки зрения теории взаимозависимости. Несмотря на наличие политического конфликта и применение экономических санкций, стороны не были заинтересованы в долгосрочном разрыве связей. Экономические потери от разрыва оказались значительными для обеих сторон, что стимулировало ускоренное восстановление сотрудничества. Таким образом, экономическая взаимозависимость проявила себя как фактор, ограничивающий глубину и продолжительность конфликта[13]. В последующий период (2017–2021 гг.) торгово-экономическое сотрудничество не только восстановилось, но и достигло новых уровней. К 2019 г. товарооборот вновь превысил 25–26 млрд долл., а к 2021 г. приблизился к 33 млрд долл. При этом важной особенностью данного этапа стало усиление роли крупных инфраструктурных проектов и углубление инвестиционного взаимодействия.

Качественно новый этап в развитии экономических связей наступил после 2022 г., когда Турция заняла особую позицию в условиях санкционного давления на Россию. Отказ Анкары присоединиться к антироссийским

санкциям привёл к значительному росту торгового оборота, который в 2022 г. превысил 60 млрд долл., что отразило качественную трансформацию роли Турции в российской внешнеэкономической системе, а в последующие годы стабилизировался на уровне 50–60 млрд долл.[14]. При этом Турция фактически превратилась в один из ключевых логистических и финансовых хабов, обеспечивающих доступ России к внешним рынкам.

Роль Турции как посредника и транзитного узла проявилась в нескольких направлениях. Во-первых, значительно увеличился объём реэкспорта товаров, включая продукцию двойного назначения и компоненты, ранее поставлявшиеся из стран Европейского союза. Во-вторых, Турция стала важным каналом для финансовых операций, несмотря на постепенное ужесточение внешнего давления. В-третьих, усилилось значение транспортно-логистических маршрутов через турецкую территорию, включая морские и сухопутные коридоры. С точки зрения теоретического анализа данный этап демонстрирует трансформацию экономической взаимозависимости в инструмент адаптации к внешнему давлению. Если ранее экономические связи выполняли преимущественно стабилизирующую функцию, то после 2022 г. они стали также механизмом обхода ограничений и поддержания внешнеэкономической активности. Это подтверждает тезис о том, что экономическое сотрудничество может не только снижать вероятность конфликта, но и обеспечивать устойчивость государств в условиях кризиса.

Вместе с тем данная модель взаимодействия сопряжена с возрастающими санкционными рисками. Усиление вторичных санкций со стороны США и Европейского союза привело к существенному ужесточению контроля за финансовыми операциями и ограничению деятельности отдельных турецких банков, что создало дополнительные барьеры для двустороннего взаимодействия в банковской сфере, привело к задержкам транзакций и усложнению торговой логистики. Это свидетельствует о том, что экономическая взаимозависимость, несмотря на свою устойчивость, остаётся уязвимой к внешнему давлению и требует постоянной адаптации.

Важным аспектом является и структурная асимметрия торгово-экономических отношений. Россия выступает преимущественно как поставщик энергоносителей и сырья, тогда как Турция — как поставщик товаров с более высокой степенью переработки, а также услуг. Такая структура создаёт взаимную, но неравномерную зависимость: Турция заинтересована в стабильных поставках ресурсов, тогда как Россия — в доступе к рынкам сбыта и логистическим возможностям. Именно сочетание взаимной выгоды и асимметрии делает подобные отношения устойчивыми, поскольку каждая сторона сохраняет стимулы к их поддержанию.

Таким образом, анализ динамики торгово-экономических связей России и Турции в XXI веке позволяет сделать вывод о том, что данное направление взаимодействия обладает высокой степенью устойчивости и адаптивности. Экономическое сотрудничество не только переживает политические кризисы, но и в ряде случаев усиливается в условиях внешнего давления, превращаясь в один из ключевых факторов сохранения партнёрства. Это подтверждает выдвинутую в статье гипотезу о том, что экономика выполняет роль базового стабилизатора российско-турецких отношений, создавая материальную основу для их воспроизводства.

3. Энергетическое сотрудничество как «якорь» устойчивости

Газовые проекты и атомная энергетика

В системе российско-турецкого партнёрства энергетическое сотрудничество занимает центральное место, вы-

ступая не только ключевым направлением экономического взаимодействия, но и структурообразующим элементом двусторонних отношений. В отличие от других сфер сотрудничества, энергетика характеризуется высокой капиталоемкостью, долгосрочностью контрактных обязательств и технологической сложностью, что делает её одним из наиболее устойчивых компонентов международных связей, обладающих повышенной инерционностью[15].

С точки зрения теории международных отношений, подобное энергетическое взаимодействие может быть интерпретировано через призму неореалистического подхода, в рамках которого государства стремятся использовать экономические и технологические ресурсы для усиления своих позиций, закрепления влияния и частичного ограничения свободы манёвра других государств. В этом контексте крупные энергетические инициативы становятся не просто классическими коммерческими соглашениями, но и инструментами формирования долгосрочных зависимостей, способных оказывать стабилизирующее воздействие на внешнеполитическое поведение.

Газовое сотрудничество между Россией и Турцией имеет длительную историю, однако в XXI веке оно приобрело качественно новый, институционально закреплённый характер благодаря развитию масштабных инфраструктурных проектов, обеспечивающих прямые поставки сырья на турецкий рынок в обход транзитных стран. Запуск газопровода «Голубой поток» в 2003 г. стал важным шагом на этом пути, позволив существенно снизить риски политических перебоев. Дальнейшее развитие данного направления связано с реализацией и введением в эксплуатацию в 2020 г. проекта «Турецкий поток». Газопровод состоит из двух ниток: одна предназначена для внутреннего потребления Турции, другая — для транзита российского газа в страны Южной и Юго-Восточной Европы. Данный проект превратил Анкару в важный региональный транзитный узел, изменив баланс сил в южной энергетической архитектуре[16].

С точки зрения экономической взаимозависимости «Турецкий поток» формирует жёсткую инфраструктурную связку, разрыв которой сопряжён с критическими издержками для обеих сторон. Турция получает гарантированные объёмы газа по стабильным ценам, что принципиально важно для обеспечения её национальной энергетической безопасности, тогда как Россия обретает надёжный рынок сбыта и диверсифицирует экспортные маршруты. По оценкам международных энергетических агентств, доля российского газа в структуре турецкого импорта стабильно остаётся значительной, колеблясь в пределах 30–50%. Несмотря на активные усилия Анкары по диверсификации за счёт поставок сжиженного природного газа (СПГ) из Катар и США, российское направление сохраняет ключевое значение благодаря развитой сети и долгосрочным контрактам[17]. Обсуждение создания на территории Турции полноценного газового хаба и расширение расчётов в национальных валютах только усиливают этот тренд. В результате формируется ситуация взаимной заинтересованности, при которой полное прекращение сотрудничества становится экономически нецелесообразным для обеих государств.

Если газовое сотрудничество формирует основу энергетической взаимозависимости, то атомная энергетика выводит её на качественно новый уровень, трансформируя в глубокую технологическую привязку. Проект строительства АЭС «Аккую», реализуемый российской государственной корпорацией «Росатом», представляет собой уникальный пример модели build-own-operate (строительство – владение – эксплуатация), при которой иностранная компания не просто строит объект, но и сохраняет контроль над его эксплуатацией, поставками ядерного

топлива, техническим обслуживанием, обучением персонала и утилизацией отходов на протяжении всего жизненного цикла, рассчитанного на десятилетия.

С научной точки зрения данная модель существенно усиливает асимметричный характер зависимости принимающей стороны. Если газовые поставки теоретически поддаются замещению в среднесрочной перспективе, то атомная энергетика интегрирует Турцию в российскую технологическую экосистему на многие годы вперёд. Смена поставщика в подобных мегапроектах практически невозможна без катастрофических финансовых и временных потерь. Это в полной мере соответствует логике так называемой «структурной власти», когда влияние осуществляется не через прямое политическое принуждение или давление, а через формирование условий, объективно ограничивающих свободу стратегического выбора партнёра. Вместе с тем, данная взаимозависимость не является строго односторонней: Турция, используя своё выгодное географическое положение и суверенный контроль над проливами и транспортными коридорами, также приобретает весомые рычаги влияния на российскую геоэкономическую политику, выступая ключевым распределительным звеном.

Важным аспектом выступает и финансовая составляющая проекта, стоимость которого оценивается в десятки миллиардов долларов, причём значительная часть первоначального финансирования осуществляется российской стороной. Столь высокая цена потенциального срыва проекта создаёт мощный экономический предохранитель для обеих сторон.

Эмпирические данные полностью подтверждают устойчивость энергетического взаимодействия. Ни острый политический кризис 2015–2016 гг., ни нарастающая геополитическая напряженность после 2022 года не привели к заморозке или сворачиванию ключевых энергетическихстроек. Напротив, стороны продолжили их планомерную реализацию, что подтверждает статус энергетики как «зон рационального прагматизма», где фундаментальные экономические интересы и долгосрочные институциональные соглашения преобладают над текущими политическими разногласиями. Энергетическое измерение выполняет одновременно экономическую, политическую и структурную функции, выступая главным материальным «якорем», удерживающим российско-турецкие отношения от деструктивного сценария в условиях системной турбулентности.

4. Сравнительный анализ: пределы экономической взаимозависимости

Для более точного понимания специфики российско-турецкого партнёрства представляется целесообразным сопоставить его с другими примерами международной взаимозависимости, оказавшимися менее устойчивыми в условиях политических кризисов. В частности, отношения России и Европейского союза в энергетической сфере до 2022 г. также характеризовались высокой степенью плотности связей, однако масштабная политическая конфронтация продемонстрировала их ограниченную устойчивость. Разрыв значительной части энергетических и торговых цепочек между Москвой и Брюсселем показал, что экономические интересы не всегда выступают абсолютной гарантией сохранения сотрудничества, если стороны переходят к конфронтации на уровне базовых ценностей и институциональных обязательств перед третьими сторонами.

На этом фоне российско-турецкая модель демонстрирует качественно иную адаптивность. Это объясняется уникальным сочетанием жесткого прагматического подхода лидеров двух стран, отсутствием обязательств Анкары перед евроатлантическими структурами в вопросах

санкционной политики, а также взаимной выгодой от сохранения каналов взаимодействия. Исследователи подчеркивают, что в отличие от институционализированных связей России и ЕС, где решения принимались на национальном уровне, российско-турецкий формат опирается на гибкую двухстороннюю координацию, позволяющую быстро изолировать («компартиментализировать») экономику от региональных политических споров. Таким образом, устойчивость экономико-энергетического «якоря» в данном случае носит не автоматический, а контекстуально обусловленный и гибкий характер.

5. Перспективы и риски развития партнёрства

В долгосрочной перспективе устойчивость российско-турецких отношений будет определяться способностью сторон балансировать нарастающие факторы риска. Ключевым вызовом среднесрочного периода выступает беспрецедентное усиление вторичного санкционного давления со стороны США и ЕС, которое напрямую бьет по финансово-расчетной системе и логистическим цепочкам, связывающим российские и турецкие предприятия. Как отмечают эксперты, усложнение банковских транзакций и угроза ограничений для турецких операторов создают барьеры, способные снизить динамику товарооборота даже при сохранении обоюдного политического желания развития связи.

Дополнительным вызовом является постепенная трансформация глобального энергетического рынка и стремление Анкары к диверсификации источников сырья. Несмотря на прочность «якоря» в виде «Турецкого потока» и АЭС «Аккую», Турция продолжает наращивать импорт сжиженного природного газа (СПГ) и развивать собственные черноморские месторождения, что в долгосрочной перспективе может скорректировать объемы асимметричной зависимости от Москвы. Тем не менее, сценарий «углубленного прагматизма» остается наиболее вероятным. Стремление обоих государств к укреплению стратегической автономии[1] и сохранение статуса Турции как незаменимого торгово-коммуникационного моста будут вынуждать стороны адаптировать экономические механизмы к новым геополитическим реалиям[8].

Литература

1. Уолтц, К. Теория международной политики / К. Уолтц // Современная политическая теория: хрестоматия / сост. Т. А. Алексеева. – 2008. – С. 135–167.
2. Моргентау, Г. Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир / Г. Моргентау // Теория международных отношений: хрестоматия / сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганкова. – 2002. – С. 72–88.
3. Миршаймер, Дж. Трагедия политики великих держав / Дж. Миршаймер; пер. с англ. – Москва: АСТ, 2014. – 544 с.
4. Кеохейн, Р. О. Власть и взаимозависимость / Р. О. Кеохейн, Дж. С. Най; пер. с англ. – Москва: Аспект Пресс, 2001. – 432 с.
5. Аватков, В. А. Турция в современном мире: между демократией и авторитаризмом / В. А. Аватков, А. И. Сбитнева // Актуальные проблемы Европы. – 2023. – № 1. – С. 270–288. – DOI: 10.31249/ape/2023.01.12.
6. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт; пер. с англ. А. Н. Нестеренко. – Москва: Ф. экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
7. Давутоглу, А. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu [Стратегическая глубина: международное положение Турции] / A. Davutoğlu. – İstanbul: Küre Yayınları, 2001. – 584 s. – Текст: непосредственный.
8. Тренин, Д. В. Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия / Д. В. Тренин. –

Москва: Альпина Паблишер, 2021. – 471 с. – ISBN 978-5-9614-5970-8. – Текст: непосредственный.

9. Арешев, А. Г. Положение в Сирии и неоосманские комплексы Эрдогана // «Мягкая сила» и внешняя политика Турции: между экспансией и реалиями: коллективная монография / под ред. Я. А. Амелиной. – 2023. – С. 14–16.

10. Аватков, В. А. «Мир больше пяти», или справедливость по-турецки / В. А. Аватков, Р. И. Гузаеров // Современная Европа. – 2023. – № 1. – С. 194–201. – DOI: 10.31857/S0201708323010163.

11. Российско-турецкие отношения: торгово-экономическое сотрудничество / под ред. Н. К. Арбатовой. – Москва: ИМЭМО РАН, 2012. – 112 с. Москва: ИМЭМО РАН, 2012. – 112 с.

12. Аватков, В. А. Внешнеполитический курс Турецкой Республики в рамках современной системы международных отношений: дис. д-ра полит. наук: 23.00.04. – Москва, 2020. – 472 с. – 2020. – 472 с.

14. Федеральная таможенная служба РФ. Статистика внешней торговли Российской Федерации: [сайт] [Электронный ресурс]. – URL: <https://customs.gov.ru> (дата обращения: 12.02.2026).

15. Аватков, В. А. Взгляды ключевых парламентских партий Турции на энергетическую безопасность страны на современном этапе / В. А. Аватков, Л. Д. Мишин // Геоэкономика энергетики. – 2025. – № 4 (32). – С. 102–116. – DOI: 10.48137/26870703_2025_32_4_102.

16. Аватков, В. А. Турция – Запад: образцовый антагонизм? / В. А. Аватков, А. И. Сбитнева // Современная Европа. – 2023. – № 5. – С. 31–43. – DOI: 10.31857/S0201708323050030.

17. Статистический обзор мировой энергетики компании BP, 2022. 71-е издание. – Лондон: БиПи, 2022. – 58 с. Лондон: БиПи, 2022. – 58 с.

18. Григорьев, А. Газовый хаб: выгоды для Турции, уступки России, проблемы и перспективы // «Мягкая сила» и внешняя политика Турции: между экспансией и реалиями: коллективная монография / под ред. Я. А. Амелиной. – 2023. – С. 118–121.

19. Официальный сайт АО «АККУЮ НУКЛЕАР». Проект АЭС «Аккую»: [сайт]. – URL: akkuyu.com [Электронный ресурс]. // Официальный сайт АО «АККУЮ НУКЛЕАР». (дата обращения: 10.01.2026).

Economics and energy as an «anchor» of stability of the russian-turkish partnership under conditions of political turbulence

Popov V.S.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
The article analyzes the role of trade, economic, and energy cooperation as a fundamental stabilizing factor (an «anchor») of Russian-Turkish relations in the XXI century. Based on the neorealist approach and the theory of international interdependence, the author thoroughly examines the dynamics of bilateral trade turnover under conditions of large-scale geopolitical crises and harsh sanctions pressure. The paper reviews in detail the key stages in the evolution of trade and economic ties, and identifies the specific patterns of their recovery following periods of political tension. Special attention is paid to energy mega-projects in the field of gas infrastructure and nuclear energy (Akkuyu NPP), which form a long-term technological, financial, and economic coupling of the parties. The author proves that economic pragmatism and the tactics of separating disputed issues («compartmentalization») allow Moscow and Ankara to effectively maintain the overall stability of their partnership within the emerging polycentric world. In conclusion, the article provides a prognostic assessment of the development of bilateral ties, analyzes the risks of intensifying secondary sanctions pressure from Western countries, and outlines possible ways for adapting the financial and settlement systems of Russia and Turkey to new geopolitical realities.

Keywords: Russia; Turkey; Russian-Turkish relations; economic interdependence; energy cooperation; TurkStream; Akkuyu NPP; economic pragmatism; compartmentalization; polycentric world; foreign policy; secondary sanctions; bilateral trade turnover; geopolitical crisis; financial systems adaptation.

References

1. Waltz, K. (2008). [Theory of International Politics]. In T. A. Alekseeva (Ed.), *Sovremennaya politicheskaya teoriya: khrestomatiya* [Modern Political Theory: Anthology] (P. 135–167). Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

2. Morgenthau, H. (2002). [Political Relations Among Nations: The Struggle for Power and Peace]. In P. A. Tsygankov (Ed.), *Teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy: khrestomatiya* [Theory of International Relations: Anthology] (P. 72–88). Moscow: Gardariki. (In Russian).
3. Mearsheimer, J. (2014). *The Tragedy of Great Power Politics* (Russian edition). Moscow: AST, 544 P. (In Russian).
4. Keohane, R. O. & Nye, J. S. (2001). *Power and Interdependence* (Russian edition). Moscow: Aspekt Press, 432 P. (In Russian).
5. Avatkov, V. A. & Sbitneva, A. I. (2023). [Türkiye in the Modern World: Between Democracy and Authoritarianism]. *Aktual'nye problemy Evropy* [Current Problems of Europe], (1), 270–288. DOI: 10.31249/ape/2023.01.12 (In Russian).
6. North, D. (1997). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance* (Russian edition). Moscow: Nachala, 180 P. (In Russian).
7. Davutoğlu, A. (2001). *Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu* [Strategic Depth: Türkiye's International Position]. İstanbul: Küre Yayınları, 584 P..
8. Trenin, D. V. (2021). *Novyy balans sil: Rossiya v poiskakh vnesnepoliticheskogo ravnovesiya* [New Balance of Power: Russia in Search of Foreign Policy Equilibrium]. Moscow: Alpina Publisher, 471 P. (In Russian).
9. Areshev, A. G. (2023). [The Situation in Syria and Erdogan's Neo-Ottoman Complexes]. In Ya. A. Amelina (Ed.), *"Myagkaya sila" i vneshnyaya politika Turtsii: mezhdru ekspansiei i realiyami* [«Soft Power» and Türkiye's Foreign Policy: Between Expansion and Realities: collective monograph] (P. 14–16). Moscow: A. V. Vorobyev Publishing House. (In Russian).
10. Avatkov, V. A. & Guzaerov, R. I. (2023). [«The World is Bigger than Five», or Turkish-Style Justice]. *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], (1), 194–201. DOI: 10.31857/S0201708323010163 (In Russian).
11. Arbatova, N. K. (Ed.). (2012). *Rossiysko-turetskie otnosheniya: trgovо-ekonomicheskoe sotrudnichestvo* [Russian-Turkish Relations: Trade and Economic Cooperation]. Moscow: IMEMO RAN, 112 P. (In Russian).
12. Avatkov, V. A. (2020). *Vneshnepoliticheskiy kurs Turetskoy Respubliki v ramkakh sovremennoy sistemy mezhdunarodnykh otnosheniy* [The Foreign Policy of the Republic of Türkiye within the Modern System of International Relations] (Doctoral dissertation). Moscow, 472 P. (In Russian).
14. Federal Customs Service of the Russian Federation. External Trade Statistics of the Russian Federation. Available at: (accessed 12 February 2026) [Электронный ресурс]. – URL: <https://customs.gov.ru>.
15. Avatkov, V. A. & Mishin, L. D. (2025). [Views of the Key Parliamentary Parties of Türkiye on the Country's Energy Security at the Present Stage]. *Geoeconomika energetiki* [Geoeconomics of Energetics], (4), 102–116. DOI: 10.48137/26870703_2025_32_4_102 (In Russian).
16. Avatkov, V. A. & Sbitneva, A. I. (2023). [Türkiye – West: An Exemplary Antagonism?]. *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], (5), 31–43. DOI: 10.31857/S0201708323050030 (In Russian).
17. *BP Statistical Review of World Energy 2022 (71st ed.)*. (2022). London: *BP Energy Economics*, 58 P. London: *BP Energy Economics*, 2022. – 58 c.
18. Grigoryev, A. (2023). [Gas Hub: Benefits for Türkiye, Concessions to Russia, Problems and Prospects]. In Ya. A. Amelina (Ed.), *"Myagkaya sila" i vneshnyaya politika Turtsii: mezhdru ekspansiei i realiyami* [«Soft Power» and Türkiye's Foreign Policy: Between Expansion and Realities: collective monograph] (P. 118–121). Moscow: A. V. Vorobyev Publishing House. (In Russian).
19. Official website of JSC AKKUYU NUCLEAR. Akkuyu NPP Project. Available at: akkuyu.com (accessed 10 January 2026). JSC AKKUYU NUCLEAR, 2026.

Срединный коридор в стратегии безопасности Турции на Южном Кавказе: геоэкономическая связность и региональный порядок

Атабай Эюб Ибрахим

соискатель, Институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, eyupibrahim@mail.ru

В статье анализируется роль Срединного коридора в стратегии безопасности Турции на Южном Кавказе. Исходная гипотеза состоит в том, что данный маршрут не сводится к транспортно-логистической инфраструктуре, а выступает геоэкономическим инструментом формирования безопасности, влияния и регионального порядка. Теоретико-методологическая рамка исследования основана на теории регионального комплекса безопасности, геоэкономическом подходе, концептах дипломатии связности и политики коридоров. В статье показано, что с 1990-х гг. политика Турции в регионе развивалась через азербайджаноцентричную парадигму, грузинское транзитное направление и энерготранспортную архитектуру. После 2020 г. эта линия приобрела более институционализированный и ориентированный на безопасность характер благодаря союзу с Азербайджаном, контролируемой нормализации с Арменией, формату «3+3» и актуализации Срединного коридора. Особое внимание уделяется трём функциям коридора: обеспечению стратегического доступа к Центральной Азии, производству региональной стабильности через экономическую взаимозависимость и геоэкономическому балансированию в отношении России и Ирана при сохранении осторожного взаимодействия с Китаем. Делается вывод, что стратегическая ценность коридора зависит от преодоления инфраструктурных, институциональных и операционных ограничений.

Ключевые слова: Срединный коридор, Турция, Южный Кавказ, региональный комплекс безопасности, геоэкономика, дипломатия связности, политика коридоров, Азербайджан, Зангезурский коридор, региональный порядок.

Введение

В стратегии безопасности Турции в отношении Южного Кавказа Средний коридор не является проектом, ограничивающимся исключительно транспортной инфраструктурой. Для Анкары данный маршрут выступает инструментом безопасности, расширяющим геоэкономический доступ, усиливающим региональное влияние и придающим стратегическую глубину союзническим отношениям. В официальном дискурсе Турции Южный Кавказ рассматривается как пространство стабильности и процветания, тогда как проходящий через Каспийское море Восточно-Западный Средний коридор формирует измерение связности данной визии. Поэтому для Турции безопасность коридора и безопасность Южного Кавказа не могут рассматриваться как два независимых друг от друга вопроса.

Первым измерением этой взаимосвязи является стратегический доступ. Турция рассматривает Южный Кавказ как сухопутный мост, открывающий выход в Центральную Азию и, в более широком смысле, в тюркский мир. Такой подход имеет более широкий смысл, чем простое увеличение объёмов торговли. В дискурсе Анкары относительно региона транспортные связи рассматриваются в неразрывной связи с институционализацией политических и культурных связей. Следовательно, Средний коридор в восточноориентированной стратегической политике Турции приобретает характер не только экономического, но также дипломатического и институционального инструмента.

Второе измерение заключается в поддержании безопасности посредством экономической взаимозависимости. Во внешней политике Турции устойчивый мир на Южном Кавказе, нормализация отношений с Арменией, мирный процесс между Азербайджаном и Арменией, а также региональное процветание рассматриваются в рамках единого подхода. В основе этого подхода лежит следующая логика: по мере формирования связей, способных сделать мир возможным, коридор будет становиться функциональным, а функционирующий коридор, создавая взаимозависимость между сторонами, будет способствовать большей устойчивости мира.

Третье измерение связано с расширением пространства для манёвра перед лицом конкурирующих маршрутов и соперничающих сил. После специальной военной операции России на Украине Средний коридор стал более заметной альтернативой Северному коридору, проходящему через Россию и Беларусь. Культурные и институциональные связи Турции с центральноазиатскими республиками в новых условиях создали потенциал для усиления региональной активности Анкары. В связи с этим Средний коридор является не только торговой возможностью, но и геоэкономическим инструментом, который снижает транзитную зависимость от России, расширяет пространство манёвра по отношению к Ирану и укрепляет переговорные позиции Турции.

Цель статьи состоит в объяснении роли Среднего коридора — торгово-транспортной сети, включающей морские, железнодорожные и автомобильные связи, соединяющие Китай через Центральную Азию и Каспийское море с Турцией, а оттуда с Европой, — в стратегии безопасности Турции на Южном Кавказе. Исследование опирается на четыре основные оси: региональный комплекс без-

опасности, геоэкономику, дипломатию связанности и политику коридоров. При совместном рассмотрении этих понятий Средний коридор анализируется как стратегический инструмент, производящий безопасность, формирующий пространство влияния и создающий материальную основу для поиска регионального порядка.

Методы исследования

Теоретико-методологическая рамка исследования основана на теории регионального комплекса безопасности, геоэкономическом подходе, концептах дипломатии связанности и политики коридоров. Теория регионального комплекса безопасности позволяет рассматривать Южный Кавказ как пространство, где географическая близость, взаимозависимость угроз, совпадение и столкновение геостратегических интересов, а также внешнее влияние формируют единую систему безопасности. В этом смысле безопасность региона не сводится к военному потенциалу: транзитные линии, энергетические маршруты, союзнические сети, внешние вмешательства и общественно-политические процессы становятся взаимосвязанными элементами одной региональной конфигурации. Ранее предложенные для Южного Кавказа модели сотрудничества — кавказская модель, формулы 3+3+2, 3+2 и 3+1 — также показывают, что устойчивость региона невозможна как результат исключительно двусторонних договорённостей, поскольку она требует многосторонней координации между внутрирегиональными и внешними акторами.

Геоэкономика в данной статье понимается как способность государства производить стратегическое влияние через торговлю, транзит, энергетику, инфраструктуру и инвестиционные сети. В турецком подходе Южный Кавказ оценивается не только через экономическую выгоду, но и как транзитное пространство, связывающее Турцию с Азербайджаном, Центральной Азией и более широким тюркским миром [1, с. 268].

Дипломатия связанности обозначает использование транспортных, энергетических и логистических сетей в соответствии с внешнеполитическими целями. На Южном Кавказе каждый маршрут одновременно является предметом переговоров о суверенитете, контроле, пограничных режимах и распределении влияния. Поэтому Средний коридор для Анкары выступает инструментом внешней политики, который должен поддерживать стабильность и усиливать её роль в принятии региональных решений [2, с. 5]. Политика коридоров, в свою очередь, превращает транспортную линию в объект конкуренции за суверенитет, влияние и региональную иерархию [3]. В этом смысле Средний коридор связан с санкционными условиями, поиском альтернативных маршрутов, Организацией тюркских государств и проблемами тарифной, логистической и институциональной координации [4]; [5, с. 27].

1. Подход Турции к Южному Кавказу с 1990-х гг. до 2020 г.

После распада СССР Южный Кавказ превратился для Турции из периферийного пространства в непосредственную часть внешнеполитической и безопасностной повестки. Анкара признала независимость Азербайджана, Армении и Грузии, поддержала их суверенитет и евроатлантическую ориентацию, однако её региональная линия с самого начала была связана не только с культурной близостью, но и с необходимостью занять выгодное положение в постсоветском вакууме силы [6, с. 43].

С середины 1990-х гг. турецкая политика всё более явно приобрела азербайджаноцентричный характер. Закрывание границы с Арменией после оккупации Кельбаджара в 1993 г. ограничило турецко-армянское направле-

ние и одновременно повысило значение Грузии как обязательного транзитного звена на линии Турция–Азербайджан–Центральная Азия. В результате ось Азербайджан–Грузия–Турция стала основным восточно-западным маршрутом вне России и Ирана [7, с. 121].

С конца 1990-х гг. эта линия получила институциональное содержание через энергетические и транспортные проекты. Баку–Тбилиси–Джейхан и Баку–Тбилиси–Эрзурум обеспечили Турции не только экономическую выгоду, но и инструменты стратегической автономии, позволяющие выводить каспийские ресурсы на мировые рынки в обход России и Ирана [8, с. 114]. В 2000-е гг. активизм ПСР был дополнен дискурсом регионального сотрудничества, однако попытки Турции выступать нейтральным посредником, включая Платформу стабильности и сотрудничества на Кавказе после войны 2008 г., были ограничены восприятием Анкары как актора, близкого к Азербайджану [9, с. 71].

2010-е гг. стали периодом институционализации и углубления трёхсторонних форматов в политике Турции в отношении Южного Кавказа. В турецко-азербайджанских отношениях был создан Совет стратегического сотрудничества высокого уровня, а механизм Турция–Грузия–Азербайджан укрепился посредством регулярных саммитов и встреч министров иностранных дел. Трабзонская декларация 2012 г., подчёркивая, что Южный Кавказ находится на пересечении энергетических, транспортных и коммуникационных коридоров, определила конфликты, вытекающие из существующих оккупаций, как основное препятствие на пути к миру и стабильности. В тот же период БТД, БТЭ, БТК и ТАНАП стали конкретными опорами регионального процветания и сотрудничества [10].

Ещё одной особенностью данного периода стало то, что отношения с Азербайджаном и Грузией вышли за пределы экономической сферы и приобрели измерение безопасности и обороны. Совместные учения, оборонные саммиты и усилия по сближению со стандартами НАТО показали, что роль Турции в регионе поддерживается не только энергетикой и транспортом, но и строительством потенциала и оборонным сотрудничеством. К 2020 г. Турция заняла на Южном Кавказе более заметное положение не только как партнёр, но и как актор, способный обеспечивать безопасность [11].

Этот период можно обобщить через четыре элемента: поддержку независимости и суверенитета государств региона, ограниченность отношений с Арменией вследствие карабахского конфликта, формирование энергетической и транзитной архитектуры через Грузию и постепенное дополнение этой геоэкономической линии сотрудничеством в сфере безопасности. В этом отношении Карабахская война 2020 г. стала не новым началом, а более жёстким проявлением линии, сложившейся с 1990-х гг.: азербайджаноцентричной, зависимой от Грузии и основанной на связке транзита и безопасности [12, с. 169–170].

2. Региональный порядок после 2020 г. и Турция

Вторая карабахская война 2020 г. открыла новый период в политике Турции на Южном Кавказе, однако не означала полного разрыва с прежней стратегической линией. Сформировавшийся с 1990-х гг. азербайджаноцентричный подход после 2020 г. приобрёл более зримый, институционализированный и ориентированный на безопасность характер. В то время как прекращение оккупации в Карабахе представлялось Анкарой как историческая возможность для мира и процветания, определение Южного Кавказа как ворот в Центральную Азию выявило измерение связанности данной трансформации. Вторая карабахская война укрепила территориальную целостность Азербайджана и вывела турецко-азербайджанские отношения

на новый уровень в военной, технологической и стратегической сферах; поэтому Анкара стала не только наблюдателем, но и одним из акторов, участвующих в формировании послевоенного регионального порядка [10].

Ключевым документом этого этапа стала Шушинская декларация от 15 июня 2021 г., закрепившая союзнический характер отношений Анкары и Баку. Она показала, что турецко-азербайджанская связка после 2020 г. строится не только на риторике братства, но и на языке союзничества, совместимости, сдерживания и общей региональной стратегии [13, с. 13]. Контроль Азербайджана над всей территорией Карабаха после 2023 г. усилил позиции Баку за переговорным столом и одновременно повысил чувствительность Ирана к новой конфигурации сил.

Одновременно Турция попыталась вести контролирующую нормализацию с Арменией. Назначение специальных представителей, возобновление авиарейсов, договорённости об открытии сухопутной границы для граждан третьих стран и воздушной грузовой торговли показали, что нормализация не осталась полностью символической. Однако Анкара фактически увязала открытие границы с азербайджано-армянским мирным процессом и не отделяет отношения с Ереваном от приоритетов Баку [14, с. 13].

Многосторонним выражением послевоенного подхода стала платформа «3+3», в рамках которой подчёркиваются суверенитет, территориальная целостность, неприкосновенность границ, мирное урегулирование и сотрудничество в транспорте, торговле, энергетике и инвестициях. Через этот формат Турция стремится перевести конфликтную повестку в логику регионального присвоения ответственности и экономической связанности [9, с. 73].

Однако связанность не всегда производит согласие; в ряде случаев она также усиливает конкуренцию. Зангезурский вопрос является одним из наиболее очевидных примеров этого. В то время как Азербайджан стремится к такому режиму прохода, который предполагал бы минимально возможный армянский контроль, Армения выступает против формул, способных подорвать её суверенитет. Стремление России взять на себя роль в обеспечении безопасности на данном маршруте вызывает беспокойство со стороны Запада и Армении. После войны 2020 г. и событий 2023 г. турецко-иранская конкуренция также стала более заметной. Тегеран рассматривает вероятность формирования в регионе ситуации «меньше России, больше влияния Турции» как риск для собственных позиций. Поэтому порядок на Южном Кавказе после 2020 г. является одновременно архитектурой сотрудничества и пространством борьбы за транзит, суверенитет и влияние [15, с. 188].

Сформировавшийся после 2020 г. порядок не является завершённой архитектурой мира. Он сложился в пользу Азербайджана, однако всё ещё представляет собой переходный порядок, не завершивший институционализацию. Условия, выдвигаемые для подписания соглашения, требования Азербайджана по Зангезурскому коридору, конституционные дискуссии и региональные опасения в сфере безопасности показывают хрупкость процесса. Дискурс, связанный с Карабахом в Конституции Армении, воспринимается Азербайджаном как территориальная претензия; при этом Армения подчёркивает, что конституционный вопрос является её внутренним делом. Поэтому видение Турции в отношении Южного Кавказа после 2020 г. ещё не трансформировалось в завершённый мирный порядок, а регион продолжает балансировать между безопасностью, суверенитетом и связанностью [1, с. 271]. Устойчивость турецкой роли зависит от

способности согласовать координацию с Баку с нормализацией отношений с Ереваном и развитием коридорной связанности [16, с. 839].

3. Функция Срединного коридора в стратегии безопасности

Срединный коридор является одной из геозкономических опор турецкой стратегии безопасности. Он связывает Китай, Центральную Азию, Каспийское море, Азербайджан, Грузию, Турцию и Европу, а в официальном турецком дискурсе соединяется с энергетической безопасностью, мультимодальными перевозками и стремлением Турции стать региональным логистическим центром [13, с. 13].

Первая функция коридора заключается в обеспечении стратегической глубины в направлении Центральной Азии. Срединный коридор образует транспортное измерение политики Турции в тюркском мире и позволяет Анкаре превращать культурные и институциональные связи в материальный режим доступа. В литературе он описывается как транспортный блок, объединяющий государственные и связанные с государствами портовые, логистические и транспортные структуры постсоветского пространства, направленный на формирование макрорегиона между ЕС и Китаем [16, с. 841]. Для Турции этот режим опирается на треугольник Турция–Азербайджан–Грузия и превращает Южный Кавказ в ключевой порог евразийской связанности [3].

Вторая функция состоит в поддержке региональной стабильности через экономическую взаимозависимость. В постконфликтных регионах транспортная инфраструктура способна не только наращивать торговые потоки, но и создавать предсказуемость, общие интересы и стимулы к сотрудничеству [17]. Однако такая взаимозависимость не возникает автоматически: для неё необходимы рост объёмов перевозок, устранение инфраструктурных дефицитов, упрощение границ и сокращение каспийских узких мест [18, с. 9]. Поэтому для Турции региональная стабильность является практикой геозкономической безопасности, зависящей от технической способности и институциональной координации [19, с. 28]. С точки зрения цепочек поставок коридор также повышает гибкость маршрутов Китай–Центральная Азия–Турция–Европа и увеличивает цену конфликта [5, с. 29].

Третья функция связана с балансированием в отношении России и Ирана и повышением транзитной устойчивости. После российской военной операции на Украине привлекательность Северного коридора через Россию и Беларусь снизилась, что повысило значение Срединного коридора как альтернативы между Европой и Азией [18, с. 11]. Для Турции это означает снижение зависимости от транзитного порядка, ориентированного на Россию, и рост собственной геостратегической ценности. В отношении Ирана балансирование проявляется через конкуренцию вокруг влияния Турции, Азербайджана и Зангезурского сообщения: логистика здесь становится не только экономической, но и политической сферой, создающей автономию и манёвренность [19, с. 41]. В отношении Китая речь идёт не об исключительном балансировании, а о более осторожном сопряжении Срединного коридора с китайскими проектами связанности. Следовательно, коридор становится материальной основой безопасности, стабильности и влияния, но его потенциал зависит от инфраструктуры, таможенной гармонизации, цифровизации и региональной координации.

4. Структурные ограничения: напряжение между геополитической претензией и операционной мощностью

Для корректной оценки места Срединного коридора в стратегии безопасности Турции недостаточно рассматривать его лишь как геополитическое видение. Коридор является транспортно-экономическим режимом, зависящим от инфраструктуры, эксплуатационной мощности, пограничного управления, технической совместимости и межгосударственной координации. Его реальная ценность определяется не расположением на карте, а предсказуемостью сроков, эффективностью мультимодальных переходов, портовой и флотской мощностью, таможенными процедурами и согласованностью участников. В этом смысле геополитическая претензия Турции напрямую зависит от операционной способности коридора [20].

Первое ограничение связано с различием между скоростью и предсказуемостью. Из-за многочисленных границ и операционной неэффективности Срединный коридор часто уступает Северному коридору и в отдельных случаях приближается по времени к морским перевозкам. Для безопасности цепочек поставок важна не только абсолютная скорость, но и способность маршрута сохранять устойчивость в условиях кризисов [19, с. 56]. Поэтому политические заявления о быстром сообщении должны оцениваться через практику регулярных перевозок, а не через единичные успешные рейсы.

Второе ограничение связано с каспийским переходом. Портовая и судовая мощность на Каспии, наличие флота, пригодного для контейнерных перевозок, автоматизация портов и процессы погрузки-разгрузки прямо влияют на эффективность коридора. Низкий уровень автоматизации, нерегулярная судовая мощность и задержки, вызванные погодными условиями, превращают Каспий в наиболее уязвимый узловой пункт маршрута. Поэтому Каспий является не только географическим центром Срединного коридора, но и его критической зоной уязвимости.

Третье ограничение связано с линией Баку–Тбилиси–Карс. Несмотря на функциональное значение БТК, смена ширины железнодорожной колеи на станции Ахалкалаки создаёт естественное узкое место, а зимние эксплуатационные риски на участке Карс–Ахалкалаки снижают надёжность маршрута [19, с. 69]. Четвёртое ограничение состоит в недостатке локомотивной и вагонной мощности в Грузии и южнокавказском сегменте: построенная линия не создаёт стратегического эффекта без достаточного подвижного состава, ремонтной базы и управления оборотом вагонов [19, с. 73].

Пятое ограничение касается самой Турции. Модернизация восточных железных дорог, развитие грузовой инфраструктуры, связь с организованными промышленными зонами и конкурентоспособность турецкого участка остаются необходимым условием внешнеполитической претензии Анкары [5, с. 34]. В этом отношении внутренние инфраструктурные проекты Турции становятся частью внешнеполитической стратегии, поскольку именно они определяют способность Анкары превратить транзитный потенциал в устойчивый логистический режим [20].

Шестое ограничение связано с таможенной гармонизацией, цифровизацией и пограничным управлением. Многочисленные разрешения, недостаточная таможенная мощность и слабая координация администраций снижают привлекательность Срединного коридора для частного сектора. Следовательно, проблема коридора является не только технической, но и институциональной: без согласования процедур, цифровизации и межгосударственного управления он не сможет в полной мере выполнять функцию производства безопасности через связанность [19].

При совместной оценке эти ограничения оказываются не второстепенными, а конституирующими. Срединный коридор создаёт возможности для безопасности цепочек

поставок и стратегической гибкости, однако эти возможности реализуются только при модернизации инфраструктуры, управлении рисками и повышении надёжности сроков. Зангезурская линия в этом контексте может иметь значение для доступа к Каспию и Центральной Азии, но в краткосрочной перспективе она остаётся зависимой от политических условий, региональных грузопотоков и конкуренции суверенитета, безопасности и влияния [14].

Заключение

Политика Турции на Южном Кавказе с 1990-х гг. формировалась вокруг энергетики, транзита и азербайджано-центричной парадигмы безопасности. После Шушинской декларации, контролируемой нормализации с Арменией и продвижения формата «3+3» Турция стала одним из акторов, непосредственно вовлечённых в формирование переходного регионального порядка. Однако этот порядок сохраняет хрупкость, поскольку мирный процесс, статус транзитных маршрутов, роль Ирана и России, западное присутствие и армяно-азербайджанские противоречия остаются взаимосвязанными.

Срединный коридор для Турции является маршрутом стратегического доступа к Центральной Азии, механизмом экономической взаимозависимости и инструментом геозкономического балансирования. Его значение не сводится к логистике: он соединяет безопасность, влияние и региональное упорядочивание. Вместе с тем его реальное значение зависит от того, сможет ли Анкара превратить политическую ценность маршрута в устойчивую инфраструктурную и институциональную способность.

Зангезурский маршрут следует рассматривать как дополнительное звено, способное ускорить и диверсифицировать существующую конфигурацию, но не как единственный определяющий элемент Срединного коридора. Основная опорная конструкция маршрута уже функционирует через Каспий, Азербайджан,

Грузию и Турцию; поэтому значение Зангезура имеет одновременно геозкономическое и геополитическое измерение, но его операционный вклад зависит от условий регионального мира.

Таким образом, стратегическая ценность Срединного коридора зависит от превращения Южного Кавказа в мирное, предсказуемое и открытое для сотрудничества пространство. Реальное воздействие маршрута будет определяться не только политическими намерениями Анкары, но и устойчивостью азербайджано-армянского мирного процесса, грузинского направления, каспийского перехода, внутренней логистической мощности Турции и способностью региональных акторов управлять структурными ограничениями.

Литература

1. Üste N.A., Aydın Ü.S. Güney Kafkaslarda Bölgesel Güvenlik Kompleksi Teorisi Bağlamında Zenzegur Koridoru'nun Önemi // Manisa Celal Bayar Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. 2022. Cilt 20 (Özel Sayı). S. 261–274.
2. Eldem T. Russia's War on Ukraine and the Rise of the Middle Corridor as a Third Vector of Eurasian Connectivity. Connecting Europe and Asia via Central Asia, the Caucasus, and Turkey // SWP Comment. 2022. С. 64. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2022C64/>; (дата обращения: 10.03.2026).
3. Soylu R. Turkey in the South Caucasus: Implications for the EU // CATS Network Paper. 2025. No. 25. 18.07.2025. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.catsnetwork.eu/assets/cats/CATS_Network_Paper_Briefs/CATS_Network_Paper_No_25_18.07.2025.pdf; (дата обращения: 10.03.2026).

4. Кулиева Н. Треугольник Турция–Азербайджан–Грузия во внешней политике Турецкой Республики // РСМД. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/treugolnik-turtsiya-azerbaydzhaz-gruziya-vo-vneshney-politike-turetskoy-respubliki/>: (дата обращения: 12.03.2026).

5. Kaya E. Orta Koridor'un Dünya Politikasında ve Avrasya'da Artan Önemi // Türkiz. 2024. Yıl 15. Sayı 1. S. 9–35.

6. Aydın M. Turkish Policy Toward the Caucasus // Connections: The Quarterly Journal. 2022. Vol. 1. Issue 3. pp. 39–47.

7. Çelikpala M. Türkiye ve Kafkasya: Reaksiyoner Dış Politikadan Proaktif Ritmik Diplomasiye Geçiş // Uluslararası İlişkiler. 2010. Cilt 7. Sayı 25. S. 93–126.

8. Dikkaya M., Tıgılı A. Güney Kafkasya Enerji Koridoru: Alternatif Projeler Kapsamında, “TANAP” // Gaziosmanpaşa Üniversitesi Sosyal Bilimler Araştırmaları Dergisi. 2015. Cilt 10. Sayı 1. S. 99–117.

9. Şahin K. Güney Kafkasya'da Jeopolitik Denklemler: Bölgesel ve Küresel Güçler // Anadolu Strateji Dergisi. Cilt 7. Sayı 2. S. 65–74.

10. Turkish Foreign Policy at the Turn of the “Century of Türkiye”: Challenges, Vision, Objectives, and Transformation / Commentary Hakan Fidan, Minister of Foreign Affairs, Türkiye. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mfa.gov.tr/data/Hakan%20Fidan/Makaleler/article-by-minister-of-foreign-affairs-hakan-fidan-titled-turkish-foreign-policy-at-the-turn-of-the-century-of-turkiye---challenges-vision-objectives-and-transformation.pdf>: (дата обращения: 12.03.2026).

11. Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Türkiye Yüzyılı'nda Etkin ve Kararlı Dış Politika. Güney Kafkasya. 2025. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.mfa.gov.tr/site_media/html/turkiye_yuzyilinda_etkin_ve_kararli_dis_politika.pdf: (дата обращения: 14.03.2026).

12. Altınsuyu S.İ. Türkiye-Azerbaycan Güvenlik İşbirliğinde Zengezur Koridoru // Türkiz. 2025. Yıl 16. Sayı 2. S. 159–186.

13. Mamedov E., Adıbelli B. Güney Kafkasya'nın Jeopolitik Dönüşümü: Sedden Koridora // Asbider Akademi Sosyal Bilimler Dergisi. 2026. Cilt 13. Sayı 37. S. 1–16.

14. Connectivity in a Changing World. Turkic States and the Middle Corridor / ed. by David Biro and Zoltan Egeresi. Representation Office of the Organization of Turkic States in Hungary, 2025. P. 55.

15. Dumlu H., Şahin G. Zengezur Koridoru ve alternatif çözümler: Türkiye için riskler, tehditler ve fırsatlar // Avrasya İncelemeleri Dergisi. Cilt 13. Sayı 2. S. 169–194.

16. İpek S. Türkiye'nin Orta Asya'da Türk İşbirliğinin Sağlanması Stratejisi ve Orta Koridor Girişimi // Uluslararası Yönetim Akademisi Dergisi. 2025. Cilt 8. Sayı 3. S. 833–845.

17. Sharashenidze T., Cherkezishvili G. The Perspectives of the Middle Corridor in an Age of Global Confrontation and Uncertainty. Friedrich Ebert Stiftung Tbilisi Office, June 2025. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://southcaucasus.fes.de/fileadmin/Publications/2025/Middle_Corridor_ENG_2025.pdf: (дата обращения: 15.03.2026).

18. Yılmaz B. Impacts on Turkey as a Part of the Middle Corridor. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2022. SWP Working Paper 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.swp-berlin.org/publications/products/arbeitspapiere/WP02_22_FG7_Yilmaz_BRI_Turkey.pdf: (дата обращения: 15.03.2026).

19. Realising the Potential of the Middle Corridor. Paris: OECD Publishing, 2023. P. 63. [Электронный ресурс]. Режим

https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/12/realising-the-potential-of-the-middle-corridor_c458041c/635ad854-en.pdf: (дата обращения: 15.03.2026).

20. World Bank. Eastern Türkiye Middle Corridor Railway Development Project. Washington, DC: World Bank, 2025. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://documents.worldbank.org/curated/en/099111324114064334>: (дата обращения: 15.03.2026).

The middle corridor in Turkey's security strategy in the South Caucasus: geoeconomic connectivity and regional order
Atabay E.I.

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

This article examines the role of the Middle Corridor in Turkey's security strategy toward the South Caucasus. Its central argument is that the route should not be reduced to transport and logistics infrastructure; rather, it functions as a geoeconomic instrument for producing security, influence and regional order. The study is grounded in Regional Security Complex Theory, geoeconomics, connectivity diplomacy and corridor politics. It demonstrates that since the 1990s Turkey's regional policy has evolved through an Azerbaijan-centered security paradigm, dependence on the Georgian transit axis, and an energy-transport architecture linking the South Caucasus to broader Eurasian connectivity. After 2020, this trajectory became more institutionalized and security-oriented through the alliance with Azerbaijan, controlled normalization with Armenia, the 3+3 format and the renewed strategic relevance of the Middle Corridor. The article identifies three principal functions of the corridor: securing Turkey's strategic access to Central Asia, supporting regional stability through economic interdependence, and enabling geoeconomic balancing vis-à-vis Russia and Iran while strengthening Turkey's bargaining position in relation to China and Europe. It concludes that the corridor's strategic value depends on overcoming infrastructure, institutional and operational constraints.

Keywords: Middle Corridor; Turkey, South Caucasus, Regional Security Complex Theory, geoeconomics, connectivity diplomacy, corridor politics, Azerbaijan, Zangezur Corridor, regional order.

References

1. Üste N.A., Aydın Ü.S. The Importance of the Zangezur Corridor in the Context of Regional Security Complex Theory in the South Caucasus // Manisa Celal Bayar University Journal of Social Sciences. 2022. Vol. 20 (Special Issue). pp. 261–274.
2. Eldem T. Russia's War on Ukraine and the Rise of the Middle Corridor as a Third Vector of Eurasian Connectivity. Connecting Europe and Asia via Central Asia, the Caucasus, and Turkey // SWP Comment. 2022. P. 64. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2022C64/>: (access date: 10.03.2026).
3. Soylu R. Turkey in the South Caucasus: Implications for the EU // CATS Network Paper. 2025. No. 25. 18.07.2025. [Electronic resource]. Access mode: https://www.catsnetwork.eu/assets/cats/CATS_Network_Paper_Briefs/CATS_Network_Paper_No_25_18.07.2025.pdf: (access date: 10.03.2026).
4. Kuliyeva N. The Turkey–Azerbaijan–Georgia Triangle in the Foreign Policy of the Republic of Turkey // RIAC. [Electronic resource]. Access mode: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/treugolnik-turtsiya-azerbaydzhaz-gruziya-vo-vneshney-politike-turetskoy-respubliki/>: (access date: 12.03.2026).
5. Kaya E. The Increasing Importance of the Middle Corridor in World Politics and Eurasia // Türkiz. 2024. Year 15. No. 1. pp. 9–35.
6. Aydın M. Turkish Policy Toward the Caucasus // Connections: The Quarterly Journal. 2022. Vol. 1. No. 3. pp. 39–47.
7. Çelikpala M. Turkey and the Caucasus: From Reactionary Foreign Policy to Proactive Rhythmic Diplomacy // Uluslararası İlişkiler. 2010. Vol. 7. No. 25. pp. 93–126.
8. Dikkaya M., Tıgılı A. The South Caucasus Energy Corridor: TANAP in the Context of Alternative Projects // Gaziosmanpaşa University Journal of Social Sciences Research. 2015. Vol. 10. No. 1. pp. 99–117.
9. Şahin K. Geopolitical Equations in the South Caucasus: Regional and Global Powers // Anadolu Strategy Journal. Vol. 7. No. 2. pp. 65–74.
10. Turkish Foreign Policy at the Turn of the “Century of Türkiye”: Challenges, Vision, Objectives, and Transformation / Commentary Hakan Fidan, Minister of Foreign Affairs, Türkiye. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.mfa.gov.tr/data/Hakan%20Fidan/Makaleler/article-by-minister-of-foreign-affairs-hakan-fidan-titled-turkish-foreign-policy-at-the-turn-of-the-century-of-turkiye---challenges-vision-objectives-and-transformation.pdf>: (access date: 12.03.2026).
11. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Türkiye. Effective and Resolute Foreign Policy in the Century of Türkiye. South Caucasus. 2025. [Electronic resource]. Access mode: https://www.mfa.gov.tr/site_media/html/turkiye_yuzyilinda_etkin_ve_kararli_dis_politika.pdf: (access date: 14.03.2026).
12. Altınsuyu S.İ. The Zangezur Corridor in Türkiye–Azerbaijan Security Cooperation // Türkiz. 2025. Year 16. No. 2. pp. 159–186.
13. Mamedov E., Adıbelli B. Geopolitical Transformation of the South Caucasus: From Barrier to Corridor // Asbider Academy Journal of Social Sciences. 2026. Vol. 13. No. 37. pp. 1–16.

14. Connectivity in a Changing World. Turkic States and the Middle Corridor / ed. by David Biro and Zoltan Egeresi. Representation Office of the Organization of Turkic States in Hungary, 2025. P. 55.
15. Dumlu H., Şahin G. The Zangezur Corridor and Alternative Solutions: Risks, Threats and Opportunities for Turkey // Journal of Eurasian Studies. Vol. 13. No. 2. pp. 169–194.
16. İpek S. Turkey's Strategy for Ensuring Turkic Cooperation in Central Asia and the Middle Corridor Initiative // International Journal of Management Academy. 2025. Vol. 8. No. 3. pp. 833–845.
17. Sharashenidze T., Cherkezishvili G. The Perspectives of the Middle Corridor in an Age of Global Confrontation and Uncertainty. Friedrich Ebert Stiftung Tbilisi Office, June 2025. [Electronic resource]. Access mode: https://southcaucasus.fes.de/fileadmin/Publications/2025/Middle_Corridor_ENG_2025.pdf. (access date: 15.03.2026).
18. Yılmaz B. Impacts on Turkey as a Part of the Middle Corridor. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2022. SWP Working Paper 2. [Electronic resource]. Access mode: https://www.swp-berlin.org/publications/products/arbeitspapiere/WP02_22_FG7_Yilmaz_BRI_Turkey.pdf. (access date: 15.03.2026).
19. Realising the Potential of the Middle Corridor. Paris: OECD Publishing, 2023. P. 63. [Electronic resource]. Access mode: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/12/realising-the-potential-of-the-middle-corridor_c458041c/635ad854-en.pdf. (access date: 15.03.2026).
20. World Bank. Eastern Türkiye Middle Corridor Railway Development Project. Washington, DC: World Bank, 2025. [Electronic resource]. Access mode: <http://documents.worldbank.org/curated/en/099111324114064334>. (access date: 15.03.2026).

Геополитический потенциал Трансарктического транспортного коридора в новой модели мира

Зорикова Екатерина Владиславовна

Аспирант, кафедра международных отношений и государственного управления, Владивостокский государственный университет, e.v.zorikova@gmail.com

В статье рассматривается концепция Трансарктического транспортного коридора и его геополитический потенциал. На основе сравнительного анализа исследован переход от Северного морского пути к Трансарктическому транспортному коридору как парадигма, отражающая смену геополитического подхода к освоению Арктики. Исследованы перспективы нормативно-правового регулирования ТТК. Сформулировано авторское определение геополитического потенциала ТТК, его содержание и границы. Концепция ТТК, представляющая собой альтернативный транспортный маршрут Европа – Азия / Азия – Европа, приобретает особую значимость в условиях формирующегося полицентричного мира, так как предполагает международное сотрудничество и выступает узлом сопряжения с маршрутами других стран. Выявлены стратегические преимущества и объективные ограничения реализации геополитического потенциала Трансарктического транспортного коридора. Дилемма, связанная с потребностью сохранения суверенного контроля в условиях необходимости международного сотрудничества для освоения Арктики, рассмотрена в качестве разрешимого и управляемого параметра, предложены рекомендации по разрешению дилеммы в рамках нормативно-правового регулирования.

Ключевые слова: Арктика, СМП, Трансарктический транспортный коридор, геополитический потенциал, международное сотрудничество

Введение

Формирование Трансарктического транспортного коридора (далее по тексту – ТТК или ТТК) – один из значимых стратегических проектов России, затрагивающий баланс сил в Арктике и мировую транспортно-коммуникационную карту. **Актуальным** представляется определение геополитического потенциала ТТК в новой полицентричной модели мира, выявление причин перехода от СМП к ТТК и рассмотрение содержания и границ геополитического потенциала ТТК как элемента влияния на международные отношения.

Объект исследования: международные отношения, складывающиеся в процессе формирования Трансарктического транспортного коридора в новой полицентричной модели мира.

Предметом исследования является геополитический потенциал Трансарктического транспортного коридора как совокупность стратегических преимуществ и ограничений его использования.

Цель исследования – раскрыть содержание и определить границы геополитического потенциала Трансарктического транспортного коридора как элемента влияния на международные отношения в условиях формирования полицентричной модели мира.

Задачи исследования:

1. Раскрыть переход от Северного морского пути к концепции Трансарктического транспортного коридора как смену парадигмы, отражающую изменение геополитического подхода к освоению Арктики.
2. Определить понятие «Геополитический потенциал Трансарктического транспортного коридора», его содержание и границы.
3. Выявить стратегические преимущества и ограничения реализации геополитического потенциала Трансарктического транспортного коридора в условиях полицентричной модели мира и охарактеризовать дилемму баланса между суверенным контролем и международным сотрудничеством.

Научная новизна исследования:

1. Сформулировано авторское определение геополитического потенциала Трансарктического транспортного коридора, определены его содержание и границы.
2. Предложен комплексный подход к раскрытию содержания геополитического потенциала ТТК через систему из взаимосвязанных факторов: географических, экономических, политико-правовых и инфраструктурных.
3. Выявлена и охарактеризована основная дилемма реализации геополитического потенциала ТТК, связанная с потребностью сохранения суверенного контроля в условиях необходимости международного сотрудничества для освоения Арктики. Новизна связана с рассмотрением дилеммы как разрешимого и управляемого параметра, отражены рекомендации по разрешению дилеммы в рамках нормативно-правового регулирования.

В ходе исследования были использованы следующие методы:

1. Системный анализ – ТТК рассматривается не изолированно, а как система факторов (географических, экономических, политико-правовых, инфраструктурных)
2. Сравнительный анализ – используется при сравнении Северного морского пути и ТТК.
3. Анализ документов, контент-анализ – проанализирована научная литература и нормативно-правовые документы.

Основные результаты

Термин «Трансарктический транспортный коридор» в официальный оборот был введен Президентом РФ В. В. Путиным, когда в рамках Международного форума «Арктика - территория диалога» в марте 2025 года Правительству РФ было поручено разработать и утвердить финансово-экономическую и организационную модель формирования Трансарктического транспортного коридора [11].

Учеными В. П. Журавель и С. Н. Гриняевым понятие ТАТК было сформулировано как «мультимодальный маршрут, объединяющий Северный морской путь (СМП) с железнодорожными и речными артериями, что обеспечивает транзит грузов между Европой и Азией с минимальными затратами времени и ресурсов» [3, с.136].

Официального закрепления термина в нормативно-правовых актах РФ еще нет, однако законодательная база ТАТК активно разрабатывается. В частности, заместитель Председателя Государственной Думы РФ Ирина Яровая заявила о необходимости «подумать над формированием самостоятельного закона о трансарктическом транспортном коридоре, где закрепить основные базовые вещи» [1]. Отсутствие формальных правовых рамок ТАТК означает, что ТАТК пока представляет собой политико-правовую концепцию, содержание которой не имеет легального определения. Такая ситуация с одной стороны создает неопределенность для заинтересованных в ТАТК иностранных инвесторов, а с другой - возможность формирования нормативной базы, максимально соответствующей стратегическим потребностям России и учитывающей реалии формирующейся полицентричной модели мира и необходимость международного партнерства для развития арктических транспортных коридоров.

Переход от понятия Северного морского пути к концепции Трансарктического транспортного коридора отражает объективную потребность отойти от географического толкования арктического морского пути. В официальном и экспертном дискурсе все чаще появляется расширительное толкование СМП - не только как акватории от Новой Земли до Берингова пролива протяженностью около 5600 км, но и как транспортного коридора от Санкт-Петербурга до Владивостока протяженностью около 14000 км, включающего, помимо самой акватории, порты Баренцева и Берингова морей, формально находящиеся за административными границами акватории СМП (этот коридор называют Большим Северным морским путем).

Вместе с тем переход от СМП к ТАТК является не просто введением в оборот нового термина, а отражением смены геополитического подхода к освоению Арктики: от национального транспортного проекта - к проекту, нацеленному на привлечение союзников и формирование нового логистического центра полицентричного мира.

Для России стратегическое значение имеет не только акватория СМП сама по себе, но и сама концепция ТАТК, представляющая собой альтернативный транспортный маршрут Европа - Азия / Азия - Европа, и включающая как сами портовые мощности, так и инфраструктуру, ледокольное обеспечение, а также выходы к транспортным коммуникациям других стран. Именно поэтому в геополитическом значении концепция ТАТК является наиболее перспективной и отражающей изменяющийся геополитический подход России к освоению Арктики.

А. Н. Пилиасов отмечает, что «традиционное восприятие Северного морского пути как линейной трассы, обеспечивающей северный завоз и вывоз сырья, в XXI веке перестало соответствовать масштабу экономических, климатических и геополитических изменений, происходящих в современном мире» [6, с. 24]. С этой позицией нельзя не согласиться. Северный морской путь является исторически сложившейся национальной транспортной коммуникацией Российской Федерации [10]. СМП в

первую очередь позиционировался как инструмент для решения национальных задач - освоение природных ресурсов в Арктике, военное присутствие, обеспечение связности удаленных регионов.

ТАТК же с самого начала представляет собой проект, направленный на международное сотрудничество для развития в Арктике. Его геополитическая значимость напрямую зависит от привлечения постоянного международного транзитного грузопотока, а значит - от эффективности привлечения к долгосрочному сотрудничеству дружественных партнеров - Китая, Индии, иных государств АТР.

Этот переход означает смену парадигмы - от преимущественно национального использования СМП (хотя ранее в рамках СМП также было достаточно совместных международных инвестиционных проектов в сфере логистики и добычи ресурсов, это не меняло национальную сущность СМП и не было системным) к балансу между суверенным контролем и активным международным сотрудничеством с целью освоения Арктики и использования ее ресурсов и транспортных коридоров. Смена парадигмы связана с идеей создания Россией глобального транспортного коридора и предоставления его возможностей дружественным странам, при условии сохранения российского контроля над ресурсами и коммуникациями.

В геополитическом значении концепция ТАТК является наиболее перспективной в сравнении с СМП, так как она не просто исключает терминологическую двусмысленность, но и отражает новый подход России к освоению Арктики как к зоне стратегического сотрудничества в условиях формирующегося полицентричного мира. Реализация концепции требует модернизации портовой инфраструктуры, масштабирования грузоперевозок, выработки совместных финансовых стратегий и закрепления нормативно-правовых основ такого сотрудничества. Все это отражает содержание геополитического потенциала ТАТК.

В отличие от СМП предполагается комплексное участие железнодорожного, речного транспорта и автомобильного транспорта в общей логистической модели Трансарктического коридора и северного завоза в восточном секторе Арктики [4, с. 40]. Это позволяет говорить о ТАТК как о масштабной концепции маршрута между Европой и Азией.

В отечественной науке неоднократно были предложены определения и состав геополитического потенциала. Так, например, Ю. Н. Гладкий и С. В. Писаренко определяют его как «систему различных ресурсов (пространственных, производственно-экономических, финансовых, социокультурных, логистических, информационных и т. д.) и отношений на данной территории и за ее пределами, которые могут быть использованы для реализации геостратегии страны в интересах национальной безопасности» [2, с. 133].

Приведенное определение фокусируется на государстве как субъекте геополитики. Трансарктический транспортный коридор представляет собой иной объект, значимость которого определяется прежде всего контролем над коммуникациями и, как следствие, способностью влиять на транспортные потоки. Ввиду этого возникает необходимость определить понятие и границы геополитического потенциала ТАТК.

Под геополитическим потенциалом Трансарктического транспортного коридора следует понимать совокупность стратегических преимуществ и ограничений его использования, обусловленных географическими, экономическими, политико-правовыми и инфраструктурными факторами, формирующую способность коридора выступать в качестве инструмента влияния России на баланс сил в Арктике и систему международных отношений в условиях

полицентричного мира, а также открывающую возможность создания востребованного и конкурентоспособного альтернативного маршрута Европа-Азия благодаря международному сотрудничеству с дружественными государствами при безусловном сохранении российского контроля над коридором.

Реализация геополитического потенциала ТТК в условиях формирующейся полицентричной модели мира выступает одним из существенных условий для развития России в Арктическом регионе.

Содержание геополитического потенциала можно раскрыть через совокупность стратегических преимуществ, обусловленных группой факторов:

- географические факторы связаны с уникальным расположением транспортного коридора. Это не только кратчайший по расстоянию путь между Европой и Азией, интерес к которому возрастает пропорционально увеличению таяния льдов, но и путь, проходящий вдоль сухопутной территории России, что создает возможность обеспечения портовой инфраструктуры на всем протяжении коридора.

- экономические факторы связаны с возможностью влиять на глобальный грузопоток; привлекать инвесторов в портовую и логистическую инфраструктуру, с конкурентным преимуществом по добыче ресурсов в Арктике и их перевозке.

- политико-правовые факторы отражают статус России как арктического государства, владеющего Северным морским путем в качестве национальной транспортной коммуникации. Отсутствие на текущий момент законодательной базы, связанной с ТТК, дает возможность установить систему норм, отвечающую стратегическим интересам России, но при этом закрепляющую возможность международного сотрудничества для развития в Арктике, фиксирующую порядок такого сотрудничества и его границы.

- инфраструктурные факторы связаны с технической возможностью реализации концепции ТТК: это наличие и развитие инфраструктуры портов, ледокольного флота, а также систем навигации.

В совокупности эти преимущества образуют содержание геополитического потенциала ТТК, определяют его способность быть инструментом влияния России и платформой для международного сотрудничества при условии сохранения суверенного контроля.

Границы геополитического потенциала связаны с объективными ограничениями, в том числе с недостаточной развитостью портовой и логистической инфраструктуры; климатическими условиями, включая суровые ледовые условия и нестабильность ледовой обстановки; ограниченностью финансирования, усугубляемой санкционным давлением; необходимостью сохранения суверенного контроля над коридором при международном сотрудничестве.

Рассмотренные содержание и границы геополитического потенциала ТТК реализуются в международной среде, что безусловно связано с изменяющейся полицентричной моделью мира. Эта среда влияет на стратегические преимущества и объективные ограничения реализации геополитического потенциала ТТК.

Традиционные маршруты через Суэцкий и Панамский каналы, Малаккский пролив показали свою уязвимость перед рисками – как экономического, так и военно-политического характера. Президент Фонда «Кристалл роста» Александр Галушка отмечает, что наблюдается рекомпозиция мировой логистической системы, сложившейся после окончания холодной войны, и если раньше определяющим фактором была экономическая эффективность маршрутов, то сегодня все большую роль играют безопасность и устойчивость транспортных путей [7].

В этих условиях ТТК становится стратегической альтернативой, ведь помимо существенной разницы в расстоянии, ТТК – это коридор, находящийся под полным контролем РФ. Поэтому как для России, так и для дружественных стран, ТТК приобретает все большее значение и становится гарантированным безопасным каналом поставок. Полицентричность мирового порядка свидетельствует о необходимости создания и использования альтернативных транспортных коридоров, неподконтрольных западным центрам силы. ТТК же в свою очередь способен не просто в перспективе стать альтернативным конкурентоспособным маршрутом, но и стать основой для глобальной карты транспортных коммуникаций стран АТР, местом пересечения с маршрутами других стран, такими как «Владивосток – Ченнаи», МТК «Север – Юг», МТК «Приморье-1» и МТК «Приморье-2».

Так, например, запуск морской линии между портами Владивосток и Ченнаи до сих пор не состоялся ввиду отсутствия интереса у судоходных компаний из-за недостатка объемов грузов, однако на фоне развития ТТК маршрут может стать востребованным [8].

Из-за возможностей получения Россией крупных инвестиций от партнеров по Евразии А. Н. Пилясов называет сценарий создания полноформатного ТТК с участием России, Китая, Индии, стран БРИКС и АТР сценарием инфраструктурной революции в Российской Арктике, аналогичной строительству Транссиба в XIX веке [6, с. 32].

Президентом РФ Правительству Российской Федерации совместно с Морской коллегией Российской Федерации и комиссией Государственного Совета Российской Федерации по направлению «Северный морской путь и Арктика» поручено до 31 августа 2026 года рассмотреть вопрос о создании на условиях взаимовыгодного сотрудничества с дружественными государствами международных консорциумов в целях развития портов, логистических центров, инфраструктуры Трансарктического транспортного коридора и иных объектов в рамках указанного проекта [5].

Это поручение отражает объективную необходимость развития портов, логистики и инфраструктуры ТТК, и работа в этом направлении может существенно улучшить положение России в Арктике.

Однако перечисленные преимущества ТТК сопряжены с объективными ограничениями реализации геополитического потенциала ТТК. Так, на текущий момент портовая и логистическая инфраструктура ТТК недостаточно развита и требует значительных вложений. Кроме того нестабильность ледовой обстановки затрудняет круглогодичную навигацию и указывает на потребность в увеличении количества ледоколов.

И. о. директора департамента развития АЗРФ и реализации инфраструктурных проектов Минвостокразвития России Марат Габбасов отметил, что для формирования модели ТТК «необходимо решить ключевые задачи по обеспечению ледокольным флотом с конкурентоспособными тарифами, грузовым, дноуглубительным флотом, спутниковой группировкой, аварийно-спасательной инфраструктурой» [9].

Сохраняющееся санкционное давление в свою очередь препятствует реализации инвестиционных проектов, получению финансирования, а также срывает запланированные сроки реализации таких проектов. Отсутствие четкого нормативно-правового регулирования ТТК пока что представляет собой фактор неопределенности для инвесторов ввиду отсутствия точного понимания условий сотрудничества в рамках ТТК. Для России ограничение реализации геополитического потенциала ТТК связано также с рисками потери контроля над проектами и процессами, связанными с территорией ТТК. Способность России с помощью нормативного регулирования удержать баланс

между суверенным контролем и международным сотрудничеством напрямую повлияет на позицию РФ в Арктическом регионе в условиях полицентричного мира.

Перечисленные преимущества и ограничения раскрывают дилемму баланса между суверенным контролем и международным сотрудничеством. С одной стороны, без привлечения зарубежных партнеров к развитию ТТК невозможно привлечь необходимое финансирование, а также создать спрос, необходимый для конкурентоспособного функционирования ТТК и перемещения по нему грузов. Признание этого фактора подтверждается переходом от СМП к концепции ТТК. С другой стороны, сотрудничество также несет определенные риски в виде потенциальной потери контроля над стратегическим арктическим коридором. Разрешение дилеммы напрямую связано с созданием нормативно-правового регулирования, позволяющего сохранить суверенный контроль, при этом допуская международное сотрудничество и реализацию совместных инвестиционных проектов. Заранее зафиксированные правила и условия участия в совместных проектах, а также четкое следование им помогут сохранить баланс и позволят максимально использовать геополитический потенциал ТТК.

Заключение

1. Переход от понятия СМП к концепции Трансарктического транспортного коридора отражает смену геополитического подхода России к освоению Арктики – от национального проекта к созданию глобальной транспортной коммуникации, предполагающей международное сотрудничество и сопряжение с транспортными коридорами других государств.

2. Геополитический потенциал ТТК представляет собой совокупность стратегических преимуществ и объективных ограничений его использования, обусловленных несколькими взаимосвязанными факторами. Предложено определение геополитического потенциала ТТК, отражающее его влияние на баланс сил в Арктике и систему международных отношений в условиях полицентричного мира.

3. Выявленные преимущества ТТК позволяют говорить о реальной возможности формирования и развития коридора в качестве альтернативного и конкурентоспособного пути Европа – Азия при условии международного сотрудничества с дружественными странами. Однако полная реализация геополитического потенциала ТТК сдерживается ограничениями, одним из которых является риск ослабления суверенного контроля.

4. Отсутствие нормативного регулирования ТТК дает возможность решить проблему дилеммы баланса между суверенным контролем и международным сотрудничеством с помощью создания системы норм и правил, в том числе регулирующих условия участия зарубежных партнеров в совместных проектах.

Таким образом, Трансарктический транспортный коридор – это не просто новый термин, дублирующий СМП, а стратегический ответ на вызовы формирующегося полицентричного миропорядка, шаг к решению системных проблем освоения Арктики. Способность России удержать баланс между суверенным контролем и международным сотрудничеством напрямую повлияет на баланс сил в Арктике и логистическую независимость от западных центров силы.

Литература

1. В «Единой России» предложили разработать закон о трансарктическом транспортном коридоре. – Текст : электронный // Единая Россия : [сайт]. – 2026. – 05 июня. – URL: <https://er.ru/activity/news/v-edinoj-rossii-predlozhiili>

razrabotat-zakon-o-transarkticheskom-transportnom-koridore (дата обращения: 03.07.2026).

2. Гладкий Ю. Н., Писаренко С. В. «Геополитическая конструкция» и «геополитический потенциал» - основные понятия геополитики / Ю. Н. Гладкий, С. В. Писаренко // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2013. – № 154. – С. 129-137.

3. Журавель В.П., Гриняев С. Н. Трансарктический транспортный коридор: политико-экономический и стратегический потенциал для России / В. П. Журавель, С. Н. Гриняев // АиС. – 2025. – № 60. С. 135-151.

4. Кугаевский А. А. Трансарктический транспортный коридор: Восточный вход / А. А. Кугаевский // Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. – 2026. – № 2(26). – С. 38-45.

5. Перечень поручений по итогам совещания с членами Правительства (утв. Президентом РФ 30.05.2026 N Пр-1329). – Текст : электронный // Президент России : [Официальный сайт]. – 2026. – 30 мая. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/79927> (дата обращения: 01.07.2026).

6. Пилясов А. Н. От Северного морского пути к трансарктическому транспортному коридору: смена названия или парадигмальный сдвиг? / А. Н. Пилясов // Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. – 2026. – № 2(26). – С. 22-37.

7. Президент Фонда «Кристалл роста» Александр Галушка рассказал о роли Арктики и Трансарктического транспортного коридора в новой архитектуре мировой логистики. – Текст : электронный // РБК : [сайт]. – 2026. – 02 июля. – URL: <https://companies.rbc.ru/news/yohwWATxSn/aleksandr-galushka-novaya-arhitektura-mirovoj-logistiki/> (дата обращения: 04.07.2026).

8. Прямой коридор от Владивостока до индийского Ченнаи пока не востребован. – Текст : электронный // PrimaMedia : [сайт]. – 2026. – 16 июня. – URL: <https://primamedia.ru/news/2527880/> (дата обращения: 01.07.2026).

9. Трансарктический транспортный коридор наиболее эффективен для сбыта продукции, производимой в АЗРФ и на Дальнем Востоке. – Текст : электронный // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики : [Официальный сайт]. – 2026. – 28 мая. – URL: https://minvr.gov.ru/press-center/news/transarkticheskiy_transportnyy_koridor_naibole_e_effektiven_dlya_sbyta_produktsii_proizvodimoy_v_azrf/ (дата обращения: 01.07.2026).

10. Федеральный закон от 31.07.1998 № 155-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации». Статья 14 // Собрание законодательства РФ. - 1998. - № 31. - Ст. 3833.

11. Юрий Трутнев: поручение Президента по формированию Трансарктического транспортного коридора должно быть выполнено. – Текст : электронный // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики : [Официальный сайт]. – 2025. – 19 декабря. – URL: https://minvr.gov.ru/press-center/news/yuriy_trutnev_poruchenie_prezidenta_po_formirovaniyu_transarkticheskogo_transportnogo_koridora_dolzho (дата обращения: 01.07.2026).

The geopolitical potential of the Transarctic transport corridor in a new model of the world
Zorikova E.V.

Vladivostok State University

The article discusses the concept of the Transarctic Transport Corridor and its geopolitical potential. Based on a comparative analysis, the transition from the Northern Sea Route to the Transarctic Transport Corridor is studied as a paradigm reflecting a change in the geopolitical approach to the

development of the Arctic. The prospects of regulatory regulation of the TTC are investigated. The author's definition of the TTC's geopolitical potential, its content and boundaries are formulated. The TTC concept, which is an alternative Europe–Asia/Asia–Europe transport route, is becoming particularly important in the emerging polycentric world, as it presupposes international cooperation and acts as a hub for interfacing with routes of other countries. The strategic advantages and objective limitations of realizing the geopolitical potential of the Transarctic transport corridor are revealed. The dilemma associated with the need to maintain sovereign control in the context of the need for international cooperation for the development of the Arctic is considered as a solvable and manageable parameter, and recommendations are proposed for resolving the dilemma within the framework of legal regulation.

Keywords: The Arctic, the Northern Sea Route, the Transarctic transport Corridor, geopolitical potential, international cooperation

References

1. United Russia proposed to develop a law on the Transarctic transport corridor. – Text : electronic // United Russia : [electronic resource]. – 2026. – June 05. – URL: <https://er.ru/activity/news/v-edinoj-rossii-predlozhi-razrabotat-zakon-o-transarkticheskom-transportnom-koridore> (date of access: 07/03/2026).
2. Gladkiy Yu. N., Pisarenko S. V. "Geopolitical structure" and "geopolitical potential" - basic concepts of geopolitics / Yu. N. Gladkiy, S. V. Pisarenko // Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. - 2013. - No. 154. - pp. 129-137.
3. Zhuravel V.P., Grinyaev S. N. Transarctic transport corridor: political, economic and strategic potential for Russia / V. P. Zhuravel, S. N. Grinyaev // AiS. - 2025. - No. 60. pp. 135-151.
4. Kugaevsky A. A. Transarctic transport corridor: Eastern entrance / A. A. Kugaevsky // Arctic 2035: current issues, problems, solutions. – 2026. – № 2(26). – Pp. 38-45.
5. List of instructions following the meeting with members of the Government (approved by the President of the Russian Federation on 05/30/2026 N Pr-1329). – Text : electronic // The President of Russia : [electronic resource]. – 2026. – May 30. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/79927> (date of access: 07/01/2026).
6. Pilyasov A. N. From the Northern Sea Route to the Transarctic transport Corridor: name change or paradigm shift? / A. N. Pilyasov // Arctic 2035: current issues, problems, solutions. – 2026. – № 2(26). – Pp. 22-37.
7. Alexander Galushka, President of the Crystal Growth Foundation, spoke about the role of the Arctic and the Transarctic transport corridor in the new architecture of global logistics. – Text : electronic // RBC : [electronic resource]. – 2026. – July 02. – URL: <https://companies.rbc.ru/news/yohwWATxSn/aleksandr-galushka-novaya-arhitektura-mirovoj-logistiki/> (date of access: 07/04/2026).
8. The direct corridor from Vladivostok to Chennai, India, is not in demand yet. – Text : electronic // PrimaMedia : [electronic resource]. – 2026. – June 16. – URL: <https://primamedia.ru/news/2527880/> (date of access: 07/01/2026).
9. The Transarctic transport corridor is the most effective for marketing products produced in the Russian Arctic and the Far East. – Text : electronic // Ministry of the Russian Federation for the Development of the Far East and the Arctic : [electronic resource]. – 2026. – May 28. – URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/transarkticheskiy-transportnyy-koridor-naibolee-effektivn-dlya-sbyta-produktsii-proizvodimoy-v-azrf/> (date of access: 07/01/2026).
10. Federal Law No. 155-FZ of 07/31/1998 (as amended on 07/31/2025) "On Internal Sea Waters, Territorial Sea and Contiguous Zone of the Russian Federation". Article 14 // Collection of legislation of the Russian Federation. - 1998. - No. 31. - Article 3833.
11. Yuri Trutnev: The President's instructions on the formation of the Transarctic Transport Corridor must be fulfilled. – Text : electronic // Ministry of the Russian Federation for the Development of the Far East and the Arctic : [electronic resource]. – 2025. -19 December. – URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/yuriy-trutnev-poruchenie-prezidenta-po-formirovaniyu-transarkticheskogo-transportnogo-koridora-dolzh/> (date of access: 07/01/2026).

Политика национального единства и примирения в постгеноцидной Руанде: инструменты конструирования идентичности и памяти

Калязина Екатерина Николаевна

студент факультета Управления и политики МГИМО(У) МИД РФ, kalazina_e_n@my.mgimo.ru

В статье рассматривается политика национального единства и примирения, реализуемая правительством Руанды под руководством Руандийского патриотического фронта (РПФ) после геноцида 1994 года. Анализируется, каким образом коллективная травма геноцида была преобразована из общественного наследия в ключевой идеологический и мобилизационный ресурс для построения новой национальной идентичности — *Ubumyarwanda*. Подробно исследуются институциональные механизмы этой политики: правовые запреты на этнические категории, мемориативные практики *Kwibuka*, лагеря гражданского воспитания *ingando*, реформа системы образования, традиционные суды *gacaca*, роль государственных СМИ и организаций выживших. Делается вывод, что память о геноциде стала системообразующим фактором политической легитимности режима и социальной консолидации, хотя сохраняются вызовы, связанные с индивидуальным исцелением и восприятием «идеологии геноцида» в обществе.

Ключевые слова: Руанда, геноцид тутси, национальная идентичность, политика памяти, национальное единство, примирение, *Ubumyarwanda*, *Kwibuka*, *ingando*, *gacaca*, Поль Кагаме, идеология геноцида.

Центральной задачей правительства Руанды после геноцида стало не только восстановление разрушенной инфраструктуры государства, но и радикальное, особое переосмысление самой основы национальной идентичности, а вместе с ней корней и причин произошедшей трагедии. Как отмечается в официальной Национальной политике единства и примирения, принятой в 2020 г.: «Руанда прошла через различные исторические эпохи плохого управления, которые характеризуются разделением и дискриминацией на основе этнической принадлежности, религии, региона проживания и nepotизма, что имело разрушительные последствия для социальных отношений» [1, р. 4]. Был взят курс на построение «единой нации, в которой все граждане имеют равные права и свободы», что, в свою очередь, подразумевало отказ от прежней модели идентичности, которая была основана на разделении этнических категорий тутси, хуту и тва.

Интерпретация истории как основа политики единства

В основе этого курса лежит определенная интерпретация истории Руанды, которая активно транслируется и подкрепляется через образовательные, культурные и просветительские программы. Согласно данной интерпретации, в доколониальный период социальные категории тутси, хуту и тва не являлись жесткими этническими группами, а скорее обозначали род занятий или социальный статус, при этом допускалась мобильность — переход из одной категории в другую [2]. В официальной риторике подчеркивается, что «все руандийцы жили вместе, говорили на одном языке и имели одну культуру», это единство было разрушено колонизаторами, которые внедрили политику «разделяй и властвуй» [3, р. 38].

Подобная интерпретация исторических событий выполняет сразу несколько целей. Во-первых, таким образом переносится ответственность за разделение по этническому признаку на внешних акторов, а именно немецких и затем бельгийских колонизаторов. Во-вторых, она позволяет представить геноцид 1994 года не как результат внутренней межэтнической вражды, которая была бы обусловлена историческим развитием, а как итог колониальной политики. Как указывается в докладе Международной организации по реформе уголовного правосудия, «вторая республика», пришедшая к власти в 1973 г. во главе с президентом Хабьяриманой, использовала лозунг «мир и единство». Однако эти прекрасные слова оставались лишь лозунгом и никогда не подкреплялись конкретными действиями [4, р. 94, цит. по: 3, р. 44].

Политика «квот» и «этнического баланса», которая проводилась в период Первой и Второй республик, описывается в официальных документах как систематическая дискриминация тутси, которые были исключены из публичной сферы и образования [1, р. 4-6]. Это создает нарратив о длительной истории страданий тутси, которая началась задолго до 1994 года. Так, например, в официальном постгеноцидном дискурсе так называемая «Социальная революция» рассматривается не как освобождение хуту от гнета, а как начало систематического насилия против тутси, которое в конечном счете и привело страну к геноциду [5, р. 52-53].

Подобная интерпретация истории выполняет ключевую функцию легитимации для современного правитель-

ства Руанды. Руандийский патриотический фронт представляется не как одна из сторон гражданской войны, а как политическая сила, которая смогла спасти страну от продолжения трагедии, когда международное сообщество фактически бездействовало, тем самым получила моральное основание для того, чтобы впоследствии находиться у власти [6, р. 556].

Инструменты конструирования новой идентичности

На основе подобной интерпретации прошлого правительство Руанды выстроило достаточно устойчивый исторический нарратив, который затем стал основой политики единства и примирения. Основной задачей стало построение и продвижение единой руандийской идентичности «*Ubumyarwanda*», которая бы исключала разделение по этническому признаку [1, р. 27]. Ключевым инструментом этой политики стали юридический запрет и отход от упоминаний категорий «хуту» и «тутси». Они были исключены из публичного дискурса, их упоминание, особенно в контексте, который может быть истолкован или воспринят как «идеология геноцида», стало уголовным преступлением [7, р. 407, цит. по: 3, р. 45]. Закон №18/2008 «наказывает любое лицо, которое публично высказывается, пишет, создает изображения или символы по радио, телевидению, на собрании или в общественном месте с целью дискриминации людей или их разделения на группы» [7, р. 407, цит. по: 3, р. 46].

Подобный нарратив конструируется посредством инструментов различного вида. Среди них можно, например, выделить программу «Я руандиец» («*Ndi Umunyarwanda*»). Инициатива позиционируется как пространство для диалога, предназначенное для граждан Руанды, целью которого является укрепление национальной идентичности, продвижение чувства доверия и единства, искоренение идеологии геноцида. Программа начала активно внедряться в 2014 г. в рамках правительственной повестки по восстановлению и укреплению национальной идентичности [5, р. 93]. В тоже время программа использовалась в качестве платформы для возложения ответственности за геноцид на сообщество «хуту».

Важную роль в консолидации общества играют и национальные диалоговые площадки. Для политических партий был создан Консультативный форум политических организаций, для гражданского общества — Платформа гражданского общества Руанды, для широкой общественности — ежегодный национальный совет «*Umushyikirano*», для лидеров государственного и частного сектора — ежегодное собрание «*Umwihereho*» [6, р. 547]. Подобные механизмы нацелены на содействие продвижению официально сформированного нарратива, национального единства и примирения, путем обеспечения участия всех слоев общества в обсуждении национальной повестки.

Еще одним элементом является реформа системы образования и преподавания истории. После геноцида в качестве одного из приоритетов правительство выделило изменение учебной программы, для того чтобы она больше не отражала колониальный дискурс об этнической идентичности, различиях между этническими категориями «хуту», «тва» и «тутси», так как во многом именно система образования и образовательный процесс, наряду с уже имеющимися противоречиями, косвенно или напрямую поспособствовала началу геноцида 1994 г. [8, цит. по: 3, р. 41-42]. Уже в апреле 1995 г. в Кигали прошла конференция, по итогу которой одной из рекомендаций было введение моратория на преподавание истории до разработки последующих шагов [9, р. 3-4, цит. по: 3, р. 41]. Позже была создана специальная комиссия, ответствен-

ная за пересмотр истории Руанды, а в 2006 г. было составлено комплексное справочное пособие для учителей средних школ «Преподавание истории Руанды: инклюзивный подход» [3, р. 41-42]. При этом до 2008 г. преподавание истории в школах было фактически приостановлено, предмет вызывал некоторые опасения из-за сохраняющейся напряженности вокруг вопроса об этничности [3, р. 42].

Наряду со школьным образованием, лагеря гражданского образования «*ingando*» также могут быть выделены в качестве отдельного инструмента. Название происходит от глагола «*kuganda*», который обозначает «приостановить обычную деятельность, чтобы найти решение национальных проблем» [10, р. 47, цит. по: 3, р. 42]. Лагеря впервые были введены в 1996 г. и изначально предназначались для интеграции бывших комбатантов и беженцев в повседневную жизнь, однако позже их масштаб был расширен и они начали охватывать студентов, учителей, освобожденных заключенных и лидеров общин [11, р. 16]. Можно выделить несколько категорий людей, для которых было необходимо пройти обучение в «*ingando*»:

1. группы, воспринимаемые как наиболее не соответствующие официальному дискурсу (бывшие комбатанты, условно-досрочно освобожденные заключенные, люди, недавно вернувшиеся из Демократической Республики Конго);
2. группы, которые должны быть наиболее лояльны официальному дискурсу (элита, учителя, государственные служащие, молодое поколение-студенты);
3. группы, которые воспринимаются как социально-девиантные и нуждаются в социализации [11, р. 16].

Программа обучения охватывает несколько тем, среди которых история страны, социально-экономические вопросы, права и обязанности гражданина, анализ проблем Руанды. При этом история, преподаваемая в лагерях, является той версией, которая подчеркивает, что до прихода колонизаторов среди населения существовало единство, и именно в результате колонизации общество оказалось разделено [3, р. 44]. Внутри лагеря пространство и время строго регламентированы, большое внимание уделяется порядку и дисциплине: существует детальное расписание дня, участникам запрещено пользоваться мобильными телефонами, их группы организованы по военному принципу — разделены на роты, взводы и отделения во главе с командирами, которые называются «*karita*» [11, р. 36]. Подобная организация времени и пространства, в совокупности с тем, что все происходит в незнакомой обстановке, располагается в удаленных, изолированных местах в отсутствие связи с внешним миром — усиливает влияние, оказываемое лагерями на участников, а общий опыт, разделяемый сотнями человек, способствует формированию чувства единства и общности. Одинаковые условия для всех исключают любые различия между людьми, что создает ощущение принадлежности к одной социальной группе, что и является главной целью политики национального единства [11, р. 36].

Государственные символы и национальные праздники были пересмотрены: были изменены флаг, герб, принят новый государственный гимн, новая конституция. Национальные праздники были заменены и получили новое значение: так, например, День независимости, который отмечался 1 июля в честь обретения Руандой независимости в 1962 г., был заменен Днем освобождения в честь победы РПФ 4 июля. 7 апреля установлено как дата начала геноцида, также 1 февраля был добавлен день чествования руандийских героев, большинство из которых были членами РПФ или политиками, противостоявшими геноциду [5, р. 101].

Помимо этого, еще одним инструментом транслирования официальной повестки служат коммеморативные мероприятия и практики, связанные непосредственно с памятью о геноциде. «Kwibuka», что в переводе означает «помнить» — официальный период поминовения всех жертв геноцида, который представляет собой механизм воспроизводства новой национальной идентичности и консолидации общества вокруг идеи «никогда больше». Официальный период начинается 7 апреля и длится 100 дней до начала июля, символически обозначая продолжительность самого геноцида [5, р. 57]. Программа 7 апреля включает зажжение «Пламя надежды» [12] Президентом Республики, церемонию возложения венков, «Марш памяти» [13], в котором участвуют тысячи людей из разных социальных групп. Завершает первый день ночное бдение на крупных городских площадках, где участники зажигают поминальные свечи, проводят время вместе [13]. В рамках дней поминовения проходят мероприятия разного рода, направленные на различные группы, а также на разные темы. Проводится международная конференция «Kwibuka» [14], где обсуждаются вопросы предотвращения геноцида и борьбы с идеологией ненависти, чуть позже проходит мероприятие «Наше прошлое», причем часто на мемориальных комплексах, которые находятся в местах, где происходили конкретные трагические события — например, Мемориал геноцида в Ньянзе, в районе Кикиро, где также проводится дополнительный «Марш памяти» [15]. Неделя поминовения завершается церемонией на Мемориале Реберо, где чтят память политиков, убитых за сопротивление геноциду.

Помимо общенациональных мероприятий, коммеморативные практики охватывают и другие уровни общества. На уровне деревень проводятся локальные церемонии, лекции и открытые дискуссии, посвященные заданной тематике [5, р. 95-96]. Общинные работы «umuganda», которые проходят каждый месяц, часто также приурочены к периоду поминовения и включают благоустройство мемориалов и мест захоронения, помимо общего коллективного труда по благоустройству города и улиц [5, р. 95-96].

В распространении официального нарратива задействованы также средства массовой информации. Правительство использует различные медийные платформы: радио, телевидение, интернет, кино, газеты. Государственные СМИ — например, The New Times, служат основными источниками официальной позиции, транслируя ключевые ценности единства и примирения, а также формируя образ внешнего врага — например, FDLR в ДРК. Они позволяют поддерживать политическую стабильность, одновременно подрывая инакомыслие, так как частные издания, опасаясь преследований и давления, придерживаются самоцензуры и государственной линии [16]. Медиа используются как инструмент для «ребрендинга» страны, отхода от негативного имиджа, связанного с насилием, бедностью, жестокостью, и позиционирования как возрастающего стратегического игрока на международной арене, в частности, страны, которая стремится занять свою собственную нишу — в области миротворчества [17, р. 106, 109].

Роль гражданского общества и организаций выживших также важна. Ключевой организацией выживших является Ibuka, что в переводе с киньяруанда означает «помнить». За более чем 30 лет своего существования (организация была создана 14 декабря 1995 г.) превратилась в уважаемый национальный институт, который ведет работу в области сохранения памяти, поддержки выживших, документирования, предотвращения идеологии геноцида и продвижения единства [18]. Под эгидой Ibuka также функционирует AERG (Ассоциация студентов-выживших по-

сле геноцида) и GAERG (Ассоциация выпускников-выживших после геноцида). Несмотря на то, что организации являются некоммерческими и неправительственными, они работают в тесной связи с NURC (Национальная комиссия по единству и примирению) и CNLG (Национальная комиссия по борьбе с геноцидом), реализуют официальный правительственный курс, участвуя в организации официальных церемоний поминовения. Например, на церемонии открытия 32-й годовщины поминовения жертв геноцида 7 апреля 2026 г. к президенту Полю Кагаме и первой леди Жаннет Кагаме на Мемориальном центре геноцида в Гисозе для возложения венков и зажжения «Пламени надежды» присоединились президент Ibuka и представительница Avega (Ассоциация вдов геноцида).

Система традиционных судов «гасаса» — еще одна составляющая политики национального единства и примирения. «Гасаса» представляет собой традиционную форму правосудия, которая основана на участии общины, использовавшаяся в Руанде с 13 века для разрешения общинных и семейных конфликтов [19, р. 16]. Правительство прибегло к использованию подобной системы, так как судебная система страны была практически полностью разрушена: большинство юристов и судей были убиты или же бежали из страны, а судебная инфраструктура была практически полностью уничтожена [20, р. 2-3].

Современные суды «гасаса» сохранили некоторые традиционные черты: судьи избирались из числа уважаемых членов общины, которые не имели никакого криминального прошлого, все члены общины были обязаны посещать заседания. Более того, давать показания на заседании приглашались все, кто пострадал от преступления подозреваемого, так как в отличие от, например, западных судебных процессов, которые сосредоточены на фигуре подсудимого, «гасаса» уделяли больше внимания воздействию действий подозреваемых на общество [21, р. 10]. Большинство судов завершили свою работу к 2010 г., рассмотрев более 1,9 млн. дел [20, р. 4]. Одним из ключевых достижений работы судов стал сбор информации о преступлениях геноцида: так, архив «гасаса» насчитывает около 63 миллионов страниц документов, а также аудио- и видео-контент, включающий более 14 тыс. DVD [20, р. 9]. По данным ООН, около 25% всех приговоров, вынесенных за период работы судов, оказались оправдательными [22], около 9% решений были обжалованы, а 26% из них привели к оправданию [20, р. 11-12], что свидетельствует о достаточной эффективности подобной системы правосудия.

Наряду с этим, суды подвергались и критике: за «фундаментальные нарушения права на справедливое судебное разбирательство» [23, цит. по: 20, р. 5], «несоответствие международным стандартам справедливого судопроизводства, нехватке независимости, беспристрастности и прозрачности» [24, цит. по: 19, р. 20]. Также отмечалось, что рассматриваются исключительно преступления, совершенные хуту, а те, что совершались солдатами РПФ во время и после геноцида, оставались без внимания, что, безусловно, создает восприятие «правосудия победителей» [19, р. 20].

Несмотря на всю критику, суды «гасаса» сыграли значительную роль в постгеноцидном восстановлении Руанды: для всех членов общества был обеспечен доступ к правосудию, собран огромный объем информации о преступлениях, совершенных во время геноцида. Это способствовало восстановлению доверия внутри общества, помогло преодолеть культуру безнаказанности. Именно суды такого формата стали тем механизмом, который был необходим стране, особенно в восстановлении социального порядка в обществе и формировании долгосрочной коллективной памяти.

Результаты и вызовы политики примирения

Консолидация руандийского общества после 1994 г. — это комплексный процесс, основанный на отказе от прежнего этнического разделения для формирования единой нации. Политика национального единства и примирения, проводимая РПФ, представляет собой скорее не просто набор восстановительных мер, а целостную, централизованную стратегию конструирования национальной идентичности, реализуемую «сверху вниз». При этом коллективная травма геноцида 1994 г. используется в качестве основного элемента, вокруг которого с помощью всех перечисленных выше мер выстраивается новая общность. Однако это стало не естественной реакцией общества на травму, а результатом целенаправленной, поэтапной политики РПФ, которая включала в себя множество мер, в результате чего удалось выстроить институциональную, правовую и идеологическую основу для новой идентичности. Процесс коллективного воспоминания и забвения в этом случае сознательно определялся и направлялся государством.

События 1994 г. не были полностью исключены из истории страны, а были превращены в основу внутренней политики, в источник морального авторитета и легитимности режима. В этом случае, источником авторитета действительно стала пережитая трагедия [25]. Память о геноциде стала тем «непрерывным нарративом», который придает смысл существованию государства и отвечает на фундаментальные экзистенциальные вопросы.

Подобный подход позволил преодолеть глубокий социальный раскол и обеспечить необходимый уровень стабильности в стране. Консолидация общества стала возможна, так как государству удалось решить две ключевые задачи: обеспечение достаточного уровня физической безопасности, а также наличие общей цели, которая разделялась большинством граждан. По данным «Барометра единства и примирения» на 2025 г. уровень национального единства достиг 95,3%, что говорит о широком распространении новой идентичности и среди молодых поколений [26].

Отчеты «Барометра примирения» демонстрируют устойчивый рост общего показателя примирения и единства общества. В 2010 г. он составлял 82,3%, в 2015 г. вырос до 92,5%, в 2020 г. достиг 94,7% [27, таблица 2, р. 13], а в 2025 г. — 95% [26]. Анализируются несколько индикаторов, среди которых наилучшие показатели у следующих: «Гражданство, идентичность и ответственность» — 98,6% на 2020 г., «Социальная сплоченность» — 97,1%. 99,4% респондентов заявили, что гордятся быть гражданами Руанды, а 98,2% считают себя в первую очередь руандийцами, а не представителями этнических групп [27]. Подобные результаты коррелируют с официальной политикой единства и примирения, а также программой Ubunyarwanda.

При этом показатель «индивидуальное исцеление» снизился с 88,6% в 2015 г. до 86,7% в 2020 г. [27]. На 2025 г. 45,1% респондентов считают, что «раны, нанесенные геноцидом 1994 г., остаются незаживающими» [26]. 38% респондентов заявили, что некоторые люди все еще придерживаются этнических или дискриминационных идеологий, а 23% считают, что «идеология геноцида все еще присутствует в обществе» [26]. Показатель «расширение прав и возможностей граждан и их участие в управлении» снизился с 89% в 2015 г. до 83,1% в 2020 г. Основное препятствие здесь — то, что некоторые местные лидеры все еще не воспринимают проблемы граждан, не предоставляют им необходимые услуги [27, раздел 4.4.3, с. 100–103]. В 2025 г. на представлении отчета Комиссии среди факторов, препятствующих окончательному примирению, Министр национального единства и гражданской активности Ж.Д. Бизимана отметил влияние социальных медиа

платформ, которые «искажают историю Руанды и распространяют дезинформацию, вводя в заблуждение особенно молодое поколение», а также «отрицание и ревизионизм геноцида», и «вооруженные террористические группы, атакующие страну» [26].

Заключение

Анализ политики национального единства Руанды позволяет выявить несколько важных взаимосвязанных положений. Действительно, тезис о том, что «Руанда сегодня более едина, чем когда-либо прежде», отражает количественные показатели, по крайней мере, официально опубликованные, что свидетельствует об успешности официальной политики. Проблема индивидуального исцеления, которая согласно количественным показателям до сих пор не является до конца решенной, находит отражение и в публичных выступлениях, где, однако, она больше переводится в плоскость «борьбы с отрицанием геноцида» — проблемы, которая занимает центральное место в риторике властей. Подобным образом обосновывается жесткая риторика в адрес внешних врагов, тех, кто отрицает геноцид, а также ревизионистов. В официальной риторике проблема сохранения идеологии геноцида представляется как результат действий внешних сил, а не провал внутренней политики.

Несмотря на это, официальные данные свидетельствуют о значительном прогрессе в области национального единства и построения национальной идентичности. Радикализация официальной риторики как на внутренних мероприятиях, так и на международной арене совпадает с обострением ситуации на востоке ДРК и усилением международного давления на Руанду в связи с ее вовлечением в конфликт. При этом внешняя угроза, которая связывается в публичном дискурсе с темой геноцида, используется для легитимации ответных действий и консолидации общества. Сама память о геноциде становится внешнеполитическим инструментом, с помощью которого страна приобретает определенный моральный статус и авторитет, которые позволяют ей легитимировать собственные действия. Эволюция риторики и ее радикализация отражает укрепление позиций РПФ, а также сохранение за памятью о геноциде центрального места в формировании как национальной идентичности, так и независимого от внешнего признания или одобрения внешнеполитического курса.

Литература

1. Government of Rwanda. National Policy of Unity and Reconciliation. — Kigali : NURC, 2020.
2. Office of the President / Republic of Rwanda. The Unity of Rwandans. Before the Colonial Period and Under the Colonial Rule and Under the First Republic. — Kigali : Office of the President, 1999.
3. Buckley-Zistel S. Nation, narration, unification? The politics of history teaching after the Rwandan genocide // Journal of Genocide Research. — 2009. — Vol. 11, No. 1. — P. 31–53.
4. Penal Reform International. From Camp to Hill, the Reintegration of Released Prisoners. — Kigali : PRI, 2004.
5. Mwambari D. Navigating Cultural Memory: Commemoration and Narrative in Postgenocide Rwanda. — New York : Oxford University Press, 2023. — 256 p.
6. McDoom O.S. Securocratic state-building: The rationales, rebuttals, and risks behind the extraordinary rise of Rwanda after the genocide // African Affairs. — 2022. — Vol. 121, No. 485. — P. 535–567.
7. Waldorf L. Censorship and propaganda in post-genocide Rwanda // The Media and the Rwanda Genocide / ed. by A. Thompson. — London : Pluto Press, 2007. — P. 407–419.

8. Rutayisire J., Kabano J., Rubagiza J. Rwanda: Synopsis of the Case Study. — IBE/UNESCO, 2003.
 9. Gasanabo J-D. L'holocaust et le génocide comme thème d'enseignement à l'école: le cas du Rwanda. — Paper presented at the Conference Learning and Remembering: The Holocaust, Genocide and State Organized Crime in the Twentieth Century, Berlin, March 12-15, 2003.
 10. Nantulya P. African nation-building and reconstruction: lessons from Rwanda // *Conflict Trends*. — 2006. — Vol. 1. — P. 47.
 11. Purdeková A. Rwanda's Ingando camps: Liminality and the reproduction of power // *Refugee Studies Centre Working Paper Series No. 80*. — Oxford : University of Oxford, 2011. — 42 p.
 12. CGTN News. Kwibuka 25: Never ever again. — URL: <https://news.cgtn.com/news/3d3d674d3567444f33457a6333566d54> (дата обращения: 09.04.2026).
 13. Paul Kagame Official Website. President Kagame leads nation in Commemoration of 1994 Genocide against the Tutsi. — 7 April 2018. — URL: <https://www.paulkagame.rw/president-kagame-leads-nation-in-commemoration-of-1994-genocide-against-the-tutsi/> (дата обращения: 09.04.2026).
 14. Kamanzi S. At Global Anti-Genocide Forum, a Unanimous Condemnation of DR Congo's 'Tropical Nazis' // *KT PRESS*. — 8 April 2026. — URL: <https://www.ktpress.rw/2026/04/at-global-anti-genocide-forum-a-unanimous-condemnation-of-dr-congos-tropical-nazis/> (дата обращения: 09.04.2026).
 15. AllAfrica. Rwanda: 32 Years Later, Rwanda Remembers. — 7 April 2026. — URL: <https://allafrica.com/stories/202604070077.html> (дата обращения: 09.04.2026).
 16. Young A.P. We are all Rwandans: Imagining the Post-Genocidal Nation Across Media. — PhD diss., University of California, Los Angeles, 2016. — URL: <https://beta.escholarship.org/uc/item/18v9b19c> (дата обращения: 09.04.2026).
 17. Holmes G., Buscaglia I. Rebranding Rwanda's Peacekeeping Identity: Securitisation, Nation Branding and Public Diplomacy // *Rwanda Since 1994: Stories of Change* / ed. by H. Grayson, N. Hitchcott. — Liverpool : Liverpool University Press, 2019. — P. 105–122.
 18. IBUKA. IBUKA30: Our Memory, Our Future. — URL: <https://ibuka.rw/events/ibuka30-our-memory-our-future> (дата обращения: 10.04.2026).
 19. Wielenga C., Harris G. Building peace and security after genocide: the contribution of the gacaca courts of Rwanda // *African Security Review*. — 2011. — Vol. 20, No. 1. — P. 15–25.
 20. O'Reilly C., Zhang Y. Post-Conflict Justice in Rwanda: A Comparative Analysis of Gacaca and Formal Courts // *Development Policy Review*. — 2022. — P. 1–15.
 21. Tezgiden G. THE RWANDA LABORATORY: The Gacaca Mechanism as a Transitional Justice Tool. — 2010.
 22. United Nations Development Programme. Closure of Gacaca. — 2022. — URL: <https://www.undp.org/rwanda/news/closure-gacaca> (дата обращения: 15.04.2026).
 23. Human Rights Watch. Justice Compromised: The Legacy of Rwanda's Community-Based Gacaca Courts. — New York : Human Rights Watch, 2011.
 24. Amnesty International. Rwanda: the troubled course of justice. — 2006.
 25. Langenbacher E. Collective Memory as a Factor in Political Culture and International Relations // *Power and the Past: Collective Memory and International Relations* / ed. by E. Langenbacher, Y. Shain. — Washington : Georgetown University Press, 2010. — P. 13–30.
 26. The New Times. Unity, reconciliation rise to 95 percent: new report. — URL: <https://www.newtimes.co.rw/article/31119/news/rwanda/unity-reconciliation-rise-to-95-percent-new-report> (дата обращения: 22.04.2026).
 27. National Unity and Reconciliation Commission (NURC). Rwanda Reconciliation Barometer 2020. — Kigali : NURC, 2020.
- The Policy of National Unity and Reconciliation in Post-Genocide Rwanda: Instruments for Constructing Identity and Memory**
Kalyazina E.N.
 MGIMO University
- The article examines the policy of national unity and reconciliation implemented by the government of Rwanda under the leadership of the Rwandan Patriotic Front (RPF) after the 1994 genocide. It analyzes how the collective trauma of the genocide was transformed from a shared societal legacy into a key ideological and mobilizing resource for constructing a new national identity — Ubunyarwanda. The institutional mechanisms of this policy are examined in detail: legal prohibitions on ethnic categories, the Kwibuka commemorative practices, the ingando civic education camps, the reform of the education system, the traditional gacaca courts, and the role of state media and survivor organizations. The article concludes that the memory of the genocide has become a system-forming factor of the regime's political legitimacy and social consolidation, although challenges remain regarding individual healing and public perceptions of the "ideology of genocide" in society.
- Keywords:** Rwanda, Tutsi genocide, national identity, politics of memory, national unity, reconciliation, Ubunyarwanda, Kwibuka, ingando, gacaca, Paul Kagame, genocide ideology.
- References**
1. Government of Rwanda. National Policy of Unity and Reconciliation. — Kigali : NURC, 2020.
 2. Office of the President / Republic of Rwanda. The Unity of Rwandans. Before the Colonial Period and Under the Colonial Rule and Under the First Republic. — Kigali : Office of the President, 1999.
 3. Buckley-Zistel S. Nation, narration, unification? The politics of history teaching after the Rwandan genocide // *Journal of Genocide Research*. — 2009. — Vol. 11, No. 1. — P. 31–53.
 4. Penal Reform International. From Camp to Hill, the Reintegration of Released Prisoners. — Kigali : PRI, 2004.
 5. Mwambari D. Navigating Cultural Memory: Commemoration and Narrative in Postgenocide Rwanda. — New York : Oxford University Press, 2023. — 256 p.
 6. McDoom O.S. Securocratic state-building: The rationales, rebuttals, and risks behind the extraordinary rise of Rwanda after the genocide // *African Affairs*. — 2022. — Vol. 121, No. 485. — P. 535–567.
 7. Waldorf L. Censorship and propaganda in post-genocide Rwanda // *The Media and the Rwanda Genocide* / ed. by A. Thompson. — London : Pluto Press, 2007. — P. 407–419.
 8. Rutayisire J., Kabano J., Rubagiza J. Rwanda: Synopsis of the Case Study. — IBE/UNESCO, 2003.
 9. Gasanabo J-D. L'holocaust et le génocide comme thème d'enseignement à l'école: le cas du Rwanda. — Paper presented at the Conference Learning and Remembering: The Holocaust, Genocide and State Organized Crime in the Twentieth Century, Berlin, March 12-15, 2003.
 10. Nantulya P. African nation-building and reconstruction: lessons from Rwanda // *Conflict Trends*. — 2006. — Vol. 1. — P. 47.
 11. Purdeková A. Rwanda's Ingando camps: Liminality and the reproduction of power // *Refugee Studies Centre Working Paper Series No. 80*. — Oxford : University of Oxford, 2011. — 42 p.
 12. CGTN News. Kwibuka 25: Never ever again. — URL: <https://news.cgtn.com/news/3d3d674d3567444f33457a6333566d54> (accessed: 09.04.2026).
 13. Paul Kagame Official Website. President Kagame leads nation in Commemoration of 1994 Genocide against the Tutsi. — 7 April 2018. — URL: <https://www.paulkagame.rw/president-kagame-leads-nation-in-commemoration-of-1994-genocide-against-the-tutsi/> (accessed: 09.04.2026).
 14. Kamanzi S. At Global Anti-Genocide Forum, a Unanimous Condemnation of DR Congo's 'Tropical Nazis' // *KT PRESS*. — 8 April 2026. — URL: <https://www.ktpress.rw/2026/04/at-global-anti-genocide-forum-a-unanimous-condemnation-of-dr-congos-tropical-nazis/> (accessed: 09.04.2026).
 15. AllAfrica. Rwanda: 32 Years Later, Rwanda Remembers. — 7 April 2026. — URL: <https://allafrica.com/stories/202604070077.html> (accessed: 09.04.2026).
 16. Young A.P. We are all Rwandans: Imagining the Post-Genocidal Nation Across Media. — PhD diss., University of California, Los Angeles, 2016. — URL: <https://beta.escholarship.org/uc/item/18v9b19c> (accessed: 09.04.2026).
 17. Holmes G., Buscaglia I. Rebranding Rwanda's Peacekeeping Identity: Securitisation, Nation Branding and Public Diplomacy // *Rwanda Since 1994: Stories of Change* / ed. by H. Grayson, N. Hitchcott. — Liverpool : Liverpool University Press, 2019. — P. 105–122.

18. IBUKA. IBUKA30: Our Memory, Our Future. — URL: <https://ibuka.rw/events/ibuka30-our-memory-our-future> (accessed: 10.04.2026).
19. Wielenga C., Harris G. Building peace and security after genocide: the contribution of the gacaca courts of Rwanda // *African Security Review*. — 2011. — Vol. 20, No. 1. — P. 15–25.
20. O'Reilly C., Zhang Y. Post-Conflict Justice in Rwanda: A Comparative Analysis of Gacaca and Formal Courts // *Development Policy Review*. — 2022. — P. 1–15.
21. Tezgiden G. THE RWANDA LABORATORY: The Gacaca Mechanism as a Transitional Justice Tool. — 2010.
22. United Nations Development Programme. Closure of Gacaca. — 2022. — URL: <https://www.undp.org/rwanda/news/closure-gacaca> (accessed: 15.04.2026).
23. Human Rights Watch. Justice Compromised: The Legacy of Rwanda's Community-Based Gacaca Courts. — New York : Human Rights Watch, 2011.
24. Amnesty International. Rwanda: the troubled course of justice. — 2006.
25. Langenbacher E. Collective Memory as a Factor in Political Culture and International Relations // *Power and the Past: Collective Memory and International Relations* / ed. by E. Langenbacher, Y. Shain. — Washington : Georgetown University Press, 2010. — P. 13–30.
26. The New Times. Unity, reconciliation rise to 95 percent: new report. — URL: <https://www.newtimes.co.rw/article/31119/news/rwanda/unity-reconciliation-rise-to-95-percent-new-report> (accessed: 22.04.2026).
27. National Unity and Reconciliation Commission (NURC). Rwanda Reconciliation Barometer 2020. — Kigali : NURC, 2020.

Правовое обеспечение цифровой трансформации государственного управления в Российской Федерации: современное состояние и направления совершенствования

Алексеева Марина Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Теория и история государства и права», Донской государственный технический университет, Alekseeva80@yandex.ru

Рыбак Светлана Викторовна

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Гражданское право», Донской государственный технический университет, svetoch_2504@mail.ru

В статье исследуются актуальные проблемы правового обеспечения цифровой трансформации государственного управления в Российской Федерации в контексте утверждения обновленной редакции Стратегии в области цифровой трансформации в сфере государственного управления на период до 2030 года. Авторами проанализированы ключевые направления цифровизации публичной администрации: перевод органов власти на отечественные коммуникационные сервисы, развитие платформы «ГосТех», внедрение технологий искусственного интеллекта в управленческие процессы, а также формирование правовых основ платформенной экономики и оборота цифровых валют. Выявлены пробелы и коллизии действующего регулирования, в том числе фрагментарность нормативной базы, отсутствие законодательно закрепленных принципов применения алгоритмических систем при принятии управленческих решений, недостаточность гарантий прав граждан при автоматизированном предоставлении мер социальной поддержки. Сформулированы авторские предложения по совершенствованию законодательства: принятие федерального закона об основах цифрового государственного управления, закрепление принципа алгоритмической прозрачности и права гражданина на «нецифровую» альтернативу, определение правового статуса государственных цифровых платформ, установление механизма ответственности за решения, принятые с использованием систем искусственного интеллекта. Обоснован вывод о необходимости перехода от стратегического программирования к системной кодификации цифрового законодательства.

Ключевые слова: цифровизация; государственное управление; цифровая трансформация; электронный документооборот; государственные цифровые платформы; искусственный интеллект; платформенная экономика; цифровые валюты; государственные услуги; правовое регулирование.

Введение

Цифровая трансформация государственного управления представляет собой одно из основных направлений административной реформы в Российской Федерации. Речь идет не о простой автоматизации отдельных управленческих операций, а о качественном изменении модели взаимодействия государства, граждан и бизнеса, при котором цифровая форма реализации публичных функций становится основной, а информационные системы – ключевой инфраструктурой осуществления власти. Подобная трансформация неизбежно ставит перед юридической наукой вопросы о пределах, принципах и гарантиях цифровизации публичного администрирования, поскольку скорость технологических изменений сегодня заметно опережает темпы развития правового регулирования.

Актуальность настоящего исследования обусловлена утверждением Правительством Российской Федерации обновленной редакции Стратегии в области цифровой трансформации в сфере государственного управления на период до 2030 года (распоряжение Правительства РФ от 9 июля 2026 г. № 1779-р) [1], а также интенсивным формированием смежного законодательства – о платформенной экономике и о цифровых валютах и цифровых правах.

1. Стратегические основы цифровой трансформации публичной администрации

Обновленная Стратегия определяет в качестве главных целей цифрового развития государственного управления, во-первых, обеспечение свободного, устойчивого и безопасного информационного взаимодействия между органами государственной власти, гражданами и организациями, во-вторых, достижение технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры [1]. Такая постановка целей отражает двуединую природу цифровизации публичного управления: она одновременно является инструментом повышения качества публичных услуг и элементом обеспечения государственного суверенитета в информационной сфере.

Практическим выражением первой цели стал перевод органов государственной власти на отечественные коммуникационные сервисы автоматизированного рабочего места, объединяющие модули обмена мгновенными сообщениями, аудио- и видеосвязи, электронной почты, файлового хранилища, календарного планирования, администрирования, авторизации и аутентификации пользователей. К 2030 году запланирован полный охват такими сервисами работников органов публичной власти: обмен документами в цифровом формате должен распространиться на 100 % рабочих коммуникаций государственных и муниципальных служащих и работников подведомственных учреждений, а ежедневная аудитория сервисов, по прогнозным оценкам, достигнет 2,4 млн. пользователей [1].

Инфраструктурным ядром трансформации выступает единая цифровая платформа «ГосТех», обеспечивающая полный жизненный цикл государственных информационных систем – от проектирования до эксплуатации. Количественные результаты оптимизации управленческих процессов, приводимые Правительством, впечатляют: сокращение количества документов на 10 % и согласований на 8 %, уменьшение объема ручного ввода данных на 42

%, трехкратное снижение среднего времени согласования документов (до одного дня) и сокращение срока выпуска нормативных актов в 48 раз – до 15 минут [2].

Вместе с тем именно последний показатель, по нашему мнению, требует особой юридической рефлексии. Радикальное ускорение нормотворческих процедур не должно приводить к редукции содержательной экспертизы проектов, антикоррупционного анализа и оценки регулирующего воздействия. Скорость издания акта не является самостоятельной правовой ценностью; таковой остается качество нормативного решения. Полагаем, что в законодательстве следует закрепить перечень нормотворческих процедур, не подлежащих сокращению при автоматизации, – своеобразный «процедурный минимум» правотворчества.

2. Цифровизация предоставления публичных услуг и мер социальной поддержки

Гражданско-ориентированное измерение Стратегии выражается в развитии многофункционального сервиса обмена информацией: к 2030 году с его использованием планируется предоставлять 80 % сведений и направлять 100 % государственных электронных уведомлений, а также унифицировать процедуры предоставления субсидий юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям [1].

Показательным примером экспериментального правового регулирования в данной сфере является проводимый с 1 августа 2026 г. по 31 марта 2027 г. эксперимент по использованию платежных карт «Мир» для предоставления отдельных мер социальной защиты многодетным гражданам, пенсионерам, инвалидам и студентам. Механизм эксперимента предполагает регистрацию карты на портале государственных услуг, после чего льгота предоставляется автоматически при оплате проезда, посещения учреждений культуры, аптек и продовольственных магазинов. Существенно, что подтверждение льготного статуса осуществляется без передачи чувствительных персональных данных, что отвечает принципу минимизации обработки информации о гражданине.

Позитивно оценивая саму модель «проактивного» предоставления льгот, отметим сопутствующие правовые риски. Автоматическое назначение мер поддержки предполагает межведомственную интеграцию значительных массивов данных о гражданине, что актуализирует проблему профилирования личности государственными информационными системами. Кроме того, отказ технической инфраструктуры не должен означать фактическую утрату гражданином права на льготу. В этой связи предлагаем нормативно закрепить право гражданина на «нецифровую» альтернативу – гарантированную возможность получения публичной услуги или меры поддержки в традиционной форме, а также обязанность оператора системы обеспечить резервный порядок подтверждения права при сбое цифрового сервиса.

Цифровизация публичного управления развивается в неразрывной связи с формированием законодательства о цифровых платформах. С 1 октября 2026 г. вступает в силу закон о платформенной экономике; Минэкономразвития России сформирован предварительный перечень цифровых посреднических платформ, подпадающих под его действие [3]. Правительством создана постоянная подкомиссия по вопросам развития цифровых платформ, призванная вырабатывать стратегические подходы к регулированию данного сектора и готовить пакет законодательных инициатив. К началу февраля 2027 г. должна быть подготовлена стратегия развития сегмента цифровых платформ, в том числе с государственным участием, определяющая требования к типам используемых дан-

ных, типовой архитектуре платформ, обеспечению информационной безопасности и применению искусственного интеллекта [4].

Параллельно завершается формирование правовых основ оборота цифровых активов: принятый Государственной Думой закон «О цифровых валютах и цифровых правах», вступающий в силу с 1 сентября 2026 г., признает цифровые валюты имуществом, вводит общие требования к их обороту, наделяет Банк России надзорными полномочиями и предусматривает судебную защиту прав на криптовалюту [5].

Для науки административного права принципиальное значение имеет вопрос о правовом статусе государственных цифровых платформ. Действующее законодательство оперирует преимущественно категорией «государственная информационная система», которая не отражает специфики платформенной модели: многосторонность взаимодействия, экосистемный характер, алгоритмическое управление процессами. Предлагаем закрепить в законодательстве понятие «государственная цифровая платформа» как особого вида информационной инфраструктуры, определив требования к ее оператору, порядок доступа участников, пределы алгоритмического администрирования и механизмы обжалования решений, сформированных платформой.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что нормативное обеспечение цифровой трансформации носит преимущественно программно-стратегический и фрагментарный характер: базовые параметры цифровизации определяются актами Правительства, тогда как права граждан и гарантии их защиты в условиях автоматизированного управления не получили целостного законодательного закрепления. В целях устранения выявленных пробелов представляется целесообразным следующее.

Во-первых, принять федеральный закон «Об основах цифрового государственного управления в Российской Федерации», консолидирующий принципы цифровизации публичной администрации: законность и подотчетность алгоритмических систем; технологическую нейтральность; недискриминацию; приоритет прав человека над соображениями административной эффективности; обязательность человеческого контроля за юридически значимыми решениями.

Во-вторых, закрепить принцип алгоритмической прозрачности: гражданин, в отношении которого принято решение с использованием автоматизированной системы, должен иметь право получить в доступной форме объяснение логики такого решения и потребовать его пересмотра должностным лицом.

В-третьих, установить специальный механизм юридической ответственности за вред, причиненный решениями, принятыми с применением систем искусственного интеллекта в публичном управлении, исходя из презумпции ответственности публичного субъекта – оператора системы, с последующим регрессом к разработчику при доказанности дефекта технологии.

В-четвертых, нормативно определить «процедурный минимум» нормотворчества, не подлежащий сокращению при автоматизации правотворческих процессов, включая обязательную правовую и антикоррупционную экспертизу.

Заключение

Цифровая трансформация государственного управления к 2030 году способна качественно изменить облик российской публичной администрации, обеспечив полный переход на электронный документооборот, проактивное предоставление публичных услуг и платформенную орга-

низацию взаимодействия государства и общества. Однако устойчивость этих преобразований напрямую зависит от зрелости их правовой основы. Переход от стратегического программирования к системному законодательному регулированию, закрепление гарантий прав граждан в условиях алгоритмизации управления и определение статуса государственных цифровых платформ составляют, по убеждению автора, первоочередные задачи законодателя на ближайшую перспективу.

Литература

1. Распоряжение Правительства РФ от 9 июля 2026 г. № 1779-р «Об утверждении Стратегии в области цифровой трансформации в сфере государственного управления на период до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.08.2026).
2. Госорганы в России полностью перейдут на электронный документооборот к 2030 году // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://government.ru/news/> (дата обращения: 03.08.2026).
3. Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «О платформенной экономике в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.08.2026).
4. Правительство создаёт постоянную подкомиссию по вопросам развития цифровых платформ // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://government.ru/news/> (дата обращения: 03.08.2026).
5. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.08.2026).
6. Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5–17.
7. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире // Российская газета. 2018. 29 мая.
8. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.

Legal support for the digital transformation of public administration in the Russian Federation: current state and directions for improvement Aleksseeva M.V., Rybak S.V.

Don State Technical University

The article examines topical issues of legal support for the digital transformation of public administration in the Russian Federation in the context of the approval of the updated Strategy for Digital Transformation in Public Administration until 2030. The authors analyze the key areas of digitalization of public administration: the transfer of government bodies to domestic communication services, the development of the GosTech platform, the introduction of artificial intelligence technologies into administrative processes, as well as the formation of the legal foundations of the platform economy and the circulation of digital currencies. Gaps and conflicts in the current regulation are identified, including the fragmentation of the regulatory framework, the absence of legislatively established principles for the use of algorithmic systems in managerial decision-making, and insufficient guarantees of citizens' rights in the automated provision of social support measures. The author formulates proposals for improving legislation: the adoption of a federal law on the foundations of digital public administration, the consolidation of the principle of algorithmic transparency and the citizen's right to a «non-digital» alternative, the determination of the legal status of state digital platforms, and the establishment of a liability mechanism for decisions made using artificial intelligence systems. The conclusion about the necessity of transition from strategic programming to systemic codification of digital legislation is substantiated.

Keywords: digitalization; public administration; digital transformation; electronic document flow; state digital platforms; artificial intelligence; platform economy; digital currencies; public services; legal regulation.

References

1. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1779-r of July 9, 2026 «On Approval of the Strategy for Digital Transformation in Public Administration until 2030». Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (accessed: 03.08.2026).
2. State bodies in Russia will completely switch to electronic document flow by 2030. Official website of the Government of the Russian Federation. URL: <http://government.ru/news/> (accessed: 03.08.2026).
3. Federal Law No. 289-FZ of July 31, 2025 «On the Platform Economy in the Russian Federation». Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (accessed: 03.08.2026).
4. The Government establishes a permanent subcommittee on the development of digital platforms. Official website of the Government of the Russian Federation. URL: <http://government.ru/news/> (accessed: 03.08.2026).
5. Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020 «On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation». Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed: 03.08.2026).
6. Talapina E. V. Law and Digitalization: New Challenges and Prospects. Journal of Russian Law. 2018. No. 2. Pp. 5–17.
7. Zorkin V. D. Law in the Digital World. Rossiyskaya Gazeta. 2018. May 29.
8. Khabrieva T. Ya., Chernogor N. N. Law in the Conditions of Digital Reality. Journal of Russian Law. 2018. No. 1. Pp. 85–102.

Ребёнок принадлежит России: публично-правовая архитектура запрета суррогатного материнства для иностранцев и её международные последствия

Алокова Сатаней Хасановна

Магистр, РУДН им. Патриса Лумумбы, al_satanei@mail.ru

Настоящая статья посвящена одному из самых резонансных событий в российском медицинском праве последних лет — введению запрета на суррогатное материнство для иностранных граждан и последовавшему формированию целостной системы публично-правового контроля над вспомогательными репродуктивными технологиями. В работе показано, как последовательные шаги законодателя в 2022–2024 годах — от первоначального запрета до введения обязательной нотариальной формы договора — создали уникальную правовую модель, в центре которой оказалась идея «репродуктивного суверенитета». Особое внимание уделено механизму автоматического предоставления российского гражданства детям, рождённым суррогатными матерями, который стал ключевым звеном, блокирующим вывоз таких детей за рубеж. Проанализированы как внутригосударственные конституционные обоснования этой модели, так и её напряжённые отношения с международными обязательствами России, прежде всего с принципом наилучших интересов ребёнка. В заключении предложен взгляд на перспективы развития правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: суррогатное материнство, медицинское право, репродуктивный суверенитет, публичный порядок, иностранные граждане, гражданство по рождению, права ребёнка, Конституционный Суд РФ, нотариальное удостоверение, сверхимперативные нормы.

Если попытаться найти в современном российском законодательстве пример того, как государство за несколько лет полностью перекраивает целую сферу общественных отношений, едва ли не первым на ум придёт институт суррогатного материнства. Ещё в начале 2020-х годов Россия была одним из крупнейших мировых центров так называемого репродуктивного туризма: сюда ехали граждане десятков стран, чтобы воспользоваться услугами суррогатных матерей, которые на тот момент оставались практически не ограничены по кругу заказчиков. Сложившийся рынок, медицинская инфраструктура, устойчивая судебная практика — всё говорило о том, что модель устоялась надолго. Однако стремительная череда скандалов, смертей детей в так называемых «серых» схемах и общий политический разворот в сторону защиты традиционных ценностей привели к тому, что законодатель принял решение, которое иначе как тектоническим сдвигом не назовёшь.

Речь идёт о Федеральном законе от 19 декабря 2022 г. № 538-ФЗ [6], который впервые в истории российского права ввёл прямой запрет на суррогатное материнство для иностранцев и лиц без гражданства. Однако сам по себе этот запрет был лишь первым камнем в фундаменте совершенно новой публично-правовой архитектуры. Вслед за ним последовали ещё несколько актов, которые в совокупности создали уникальную, ни на что не похожую систему. О том, как устроена эта система, какие правовые инструменты её скрепляют и какие международно-правовые риски она порождает, и пойдёт речь в настоящей статье.

Первое, на что хочется обратить внимание — это даже не сам запрет, а то, как деликатно законодатель обошёлся с теми правоотношениями, которые уже возникли до его введения. В первоначальной редакции Закона № 538-ФЗ переходных положений просто не было. Это означало, что под ударом оказывались десятки, если не сотни уже запущенных программ, где договоры с суррогатными матерями были подписаны до 1 января 2023 года. Возникла совершенно реальная угроза обратной силы закона в худшем её понимании: семьи, которые уже вложили средства, время и надежды, могли в одночасье оказаться за бортом правового поля. Законодатель отреагировал на это довольно оперативно, приняв 31 июля 2023 г. Федеральный закон № 405-ФЗ [8]. Этот акт ввёл так называемую «дедушкину оговорку»: все договоры, заключённые до дня вступления в силу основного запрета, продолжают действовать на прежних условиях. Думается, это был не просто юридико-технический ход, а осознанный жест в сторону защиты добросовестно приобретённых прав, жест, который демонстрирует, что даже в условиях жёсткого разворота государственной политики законодатель не готов полностью игнорировать принцип правовой определённости.

Однако сам по себе материальный запрет на запись иностранцев в качестве родителей — это лишь половина дела. Гораздо более интересный и, пожалуй, самый изобретательный элемент новой системы лежит в другой плоскости — в праве гражданства. Здесь законодатель использовал механизм, который превращает запрет из декларации в реально работающий публично-правовой барьер. С 26 октября 2023 года действует новый Федеральный закон о гражданстве [7], и именно он ввёл норму, ко-

тую можно назвать центральной для всей этой конструкции: ребёнок, рождённый суррогатной матерью на территории России, приобретает гражданство Российской Федерации по рождению автоматически, независимо от гражданства своих генетических родителей. Параллельно были внесены изменения в закон об актах гражданского состояния [4], которые прямо обязывают органы ЗАГС указывать в записи о рождении, что ребёнок является гражданином России.

Что это означает на практике? Иностранные генетические родители, которые физически находятся за границей, но чей эмбрион был имплантирован российской суррогатной матери до вступления запрета в силу либо в нарушение его, сталкиваются с тем, что ребёнок, рождённый этой женщиной, с точки зрения российского права является гражданином РФ. Они не могут быть записаны его родителями, потому что ст. 51 Семейного кодекса [3] теперь позволяет это только гражданам России. Они не могут просто так вывезти этого ребёнка за границу, потому что для вывоза несовершеннолетнего гражданина РФ требуются документы, подтверждающие либо их родительские права, либо права опекунов, либо усыновителей. Но все эти статусы они получить не могут, круг замкнулся. Государство, по сути, создало правовой механизм, при котором ребёнок, появившийся на свет в результате договора суррогатного материнства, «принадлежит России» — именно эта метафора, вынесенная в заголовки статьи, наиболее точно отражает суть произошедшего.

Конечно, может возникнуть вопрос: а не является ли всё это чрезмерным вторжением в частную жизнь и не нарушает ли права граждан, пусть и иностранных, на здоровье и семью? Ответ на этот вопрос российский законодатель нашёл в обновлённой в 2020 году Конституции. Среди поправок, одобренных на общероссийском голосовании, была и норма ч. 4 ст. 67.1, закрепившая защиту традиционных семейных ценностей [1]. Кроме того, ч. 2 ст. 55 Конституции позволяет ограничивать права и свободы в той мере, в какой это необходимо для защиты нравственности и здоровья. Коммерческое суррогатное материнство для иностранцев, особенно в тех его формах, которые приобрели характер индустрии с многомиллионными оборотами, было воспринято государством как прямая угроза этим ценностям, как низведение материнства и детства до уровня возмездной услуги, где ребёнок становится товаром. С этой позиции запрет предстаёт не как дискриминация, а как реализация конституционного суверенитета.

Любопытно, что практически одновременно с введением запрета законодатель предпринял ещё один шаг, который многие комментаторы упускают из виду. Речь о Федеральном законе от 25 декабря 2023 г. № 645-ФЗ [9], который с 1 марта 2024 года ввёл обязательное нотариальное удостоверение договора суррогатного материнства. На первый взгляд может показаться, что это техническая норма, касающаяся формы сделки. Но на самом деле это полноценный элемент публично-правового контроля. Нотариус, удостоверяя такой договор, обязан проверить и гражданство сторон, и их дееспособность, и добровольность волеизъявления суррогатной матери. Он становится своего рода «входным фильтром», отсекающим те самые «серые» схемы, которые и спровоцировали законодательный разворот. Таким образом, в совокупности три блока норм: материальный запрет для иностранцев, автоматическое гражданство ребёнка и нотариальный контроль — образуют завершённую, трёхзвенную систему, в которой каждый элемент подстраховывает другой.

Здесь уместно вспомнить и о позиции Конституционного Суда. В начале 2024 года он принял решение, которое, хотя и не касалось напрямую иностранцев, многое

прояснило в логике законодателя. Имеется в виду Постановление от 16 января 2024 г. № 1-П [10], в котором Суд защитил право одинокого мужчины, гражданина РФ, быть записанным отцом ребёнка, рождённого суррогатной матерью с использованием его генетического материала. Для рассматриваемой темы это решение важно не столько тем, что оно расширило репродуктивные права для россиян, сколько тем, что оно чётко обозначило границу: Конституция защищает родительство, основанное на генетическом родстве и воле, но ровно до тех пор, пока речь идёт о российском конституционном поле. Как только мы выходим за его пределы — вступает в действие суверенное право государства на ограничение. КС РФ не увидел в этом дискриминации, а расценил ситуацию как законную реализацию государством своего права на охрану публичного порядка.

Теперь обратимся к международно-правовой стороне вопроса. Здесь ситуация гораздо менее однозначная и вызывает серьёзные вопросы. Россия остаётся участницей Конвенции ООН о правах ребёнка [2], и её ст. 3 требует от государств уделять первоочередное внимание наилучшему обеспечению интересов ребёнка. В описанной выше конструкции автоматического гражданства интересы ребёнка оказываются в довольно двусмысленном положении. С одной стороны, государство вроде бы заботится о нём: даёт ему своё гражданство, включает в национальную правовую систему, не оставляет без статуса. Но с другой — оно же и разрывает его юридическую связь с биологическими родителями. Если страна, гражданами которой являются генетические родители, не признаёт таких детей своими (а многие страны, где суррогатное материнство запрещено, именно так и поступают), ребёнок оказывается в ситуации фактического социального сиротства при живых и, возможно, желающих его воспитывать родителях за рубежом. Это напрямую противоречит ст. 7 и 8 Конвенции, гарантирующим право ребёнка знать своих родителей и право на семейные связи.

В доктрине международного частного права сложившуюся ситуацию всё чаще характеризуют через категорию «сверхимперативных норм», закреплённых в ст. 1192 Гражданского кодекса [11]. Эти нормы обладают приоритетом над любыми иностранными элементами правоотношений и применяются независимо от того, какое право должно регулировать отношение в обычной ситуации. Российский законодатель, вводя запрет на суррогатное материнство для иностранцев и автоматическое гражданство для рождённых детей, по сути, создал именно такую сверхимперативную норму — норму, которая вытесняет любые ссылки на иностранное право и международные коллизионные привязки. Хорошо это или плохо — вопрос философский, но с юридико-технической точки зрения приём вполне работающий.

Завершая, хочется сказать вот о чём. К середине 2020-х годов Россия сформировала в сфере суррогатного материнства такую модель, аналогов которой в мире, пожалуй, нет. Большинство стран идут либо по пути полного запрета (как Германия или Франция), либо по пути либерализации, но с жёсткими этическими рамками. Россия же выбрала третий путь — национализацию института: суррогатное материнство сохранено, но доступ к нему закрыт для неграждан, а результат в лице ребёнка автоматически попадает под российскую юрисдикцию. Это смелый и во многом уникальный подход, который, безусловно, ещё станет предметом многочисленных исследований и, возможно, международных споров. Дальнейшее развитие ситуации, как представляется, будет зависеть не от новых запретов или послаблений внутри страны, а от того, сможет ли Россия выстроить систему двусторонних соглашений, которые обеспечат защиту прав детей, рождённых в

переходный период и оказавшихся на стыке двух правовых порядков.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

2. Конвенция о правах ребёнка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989, вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР, выпуск XLVI, 1993. С. 1–32.

3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 19.12.2022 № 538-ФЗ, от 31.07.2023 № 405-ФЗ и последующих изменений) // СЗ РФ, 01.01.1996, № 1, ст. 16.

4. Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (в ред. от 28.12.2022, с изм., внесёнными Федеральным законом от 19.12.2022 № 538-ФЗ) // СЗ РФ, 24.11.1997, № 47, ст. 5340.

5. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в ред. от 28.12.2022, от 25.12.2023 № 645-ФЗ) // СЗ РФ, 28.11.2011, № 48, ст. 6724.

6. Федеральный закон от 19.12.2022 № 538-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ, 26.12.2022, № 52, ст. 9360.

7. Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (в ред. от 26.10.2023) // СЗ РФ, 01.05.2023, № 18, ст. 3288.

8. Федеральный закон от 31.07.2023 № 405-ФЗ «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»» // СЗ РФ, 07.08.2023, № 32 (Часть I), ст. 6146.

9. Федеральный закон от 25.12.2023 № 645-ФЗ «О внесении изменений в статью 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»» // СЗ РФ, 01.01.2024, № 1 (часть I), ст. 6.

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.01.2024 № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина...» // СЗ РФ, 22.01.2024, № 4, ст. 589.

11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (в ред. от 28.12.2022) // СЗ РФ, 03.12.2001, № 49, ст. 4552.

12. Исполинов А.С. Сверхимперативные нормы и публичный порядок: современное прочтение // Международное правосудие. 2023. № 4. С. 20–30.

The child belongs to Russia": the public-law architecture of the ban on surrogacy for foreigners and its international implications

Alokoova S.Kh.

RUDN University named after Patrice Lumumba

This article is devoted to one of the most resonant events in Russian medical law in recent years — the introduction of a ban on surrogacy for foreign citizens and the subsequent formation of a comprehensive system of public-law control over assisted reproductive technologies. The paper shows how the legislator's successive steps in 2022–2024, from the initial ban to the introduction of mandatory notarization of the contract, created a unique legal model centered on the idea of "reproductive sovereignty". Particular attention is paid to the mechanism of automatic granting of Russian citizenship to children born to surrogate mothers, which has become the key link blocking the export of such children abroad. Both the domestic constitutional justifications for this model and its tense relationship with Russia's international obligations, primarily the principle of the best interests of the child, are analyzed. In conclusion, a view on the prospects for developing legal regulation in this area is proposed.

Keywords: surrogacy, medical law, reproductive sovereignty, public order, foreign citizens, citizenship by birth, children's rights, Constitutional Court of the Russian Federation, notarization, overriding mandatory rules.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved on 01.07.2020) // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. UN Convention on the Rights of the Child (adopted 20.11.1989, entered into force for the USSR 15.09.1990) // Collection of International Treaties of the USSR, Issue XLVI, 1993. Pp. 1–32.
3. Family Code of the Russian Federation dated 29.12.1995 No. 223-FZ (as amended on 19.12.2022, 31.07.2023 and subsequent amendments) // SZ RF, 01.01.1996, No. 1, Art. 16.
4. Federal Law of 15.11.1997 No. 143-FZ "On Acts of Civil Status" (as amended on 28.12.2022, with changes introduced by Federal Law of 19.12.2022 No. 538-FZ) // SZ RF, 24.11.1997, No. 47, Art. 5340.
5. Federal Law of 21.11.2011 No. 323-FZ "On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation" (as amended on 28.12.2022, 25.12.2023 No. 645-FZ) // SZ RF, 28.11.2011, No. 48, Art. 6724.
6. Federal Law of 19.12.2022 No. 538-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // SZ RF, 26.12.2022, No. 52, Art. 9360.
7. Federal Law of 28.04.2023 No. 138-FZ "On Citizenship of the Russian Federation" (as amended on 26.10.2023) // SZ RF, 01.05.2023, No. 18, Art. 3288.
8. Federal Law of 31.07.2023 No. 405-FZ "On Amending Article 1 of the Federal Law 'On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation'" // SZ RF, 07.08.2023, No. 32 (Part I), Art. 6146.
9. Federal Law of 25.12.2023 No. 645-FZ "On Amending Article 55 of the Federal Law 'On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation'" // SZ RF, 01.01.2024, No. 1 (Part I), Art. 6.
10. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 16.01.2024 No. 1-P "On the Review of Constitutionality of Certain Provisions of the Family Code of the Russian Federation..." // SZ RF, 22.01.2024, No. 4, Art. 589.
11. Civil Code of the Russian Federation (Part Three) dated 26.11.2001 No. 146-FZ (as amended on 28.12.2022) // SZ RF, 03.12.2001, No. 49, Art. 4552.
12. Ispolinov A.S. Sverkhimperativnyye normy i publichnyy poryadok: sovremennoye prochtenie [Overriding Mandatory Rules and Public Order: A Modern Reading] // Mezhdunarodnoye pravosudiye [International Justice]. 2023. No. 4. Pp. 20–30.

Правосознание субъектов спортивного права: особенности и влияние на соблюдение норм

Вершкова Марина Валерьевна

Студент Дальневосточного федерального университета,
marversh006@gmail.com

В представленной статье анализируется феномен спортивного правосознания как особой формы нормативно-оценочной реакции участников спортивных отношений. Автором исследуется влияние внутригрупповых установок, эмоционально-волевых компонентов и профессиональной идеологии на соблюдение легальных и корпоративных предписаний в сфере физической культуры и спорта. Отдельное внимание уделено дихотомии между формальными правилами и неформальными практиками, сложившимися в спортивной среде.

Эмпирическая база исследования основана на анализе инцидентов, связанных с допинговыми скандалами и насилием на площадке, а также на обобщении доктринальных подходов к структуре спортивной правовой психологии. Выдвигается гипотеза о том, что деформация правосознания субъектов способствует формированию ощущения «договорной безнаказанности», что напрямую коррелирует с ростом латентных правонарушений. Методологическую основу составили диалектический, системно-структурный и формально-юридический методы. Результаты работы позволяют предложить меры по повышению уровня правовой идеологии через внедрение специализированных образовательных модулей для спортсменов и правоприменителей. В заключении обосновывается необходимость выделения спортивного правосознания в самостоятельную категорию юридической науки.

Ключевые слова: правосознание, спортивное право, субъекты спортивного права, правовая психология, правовая идеология, допинг, спортивный порядок, правовой нигилизм.

Введение

Проблематика правосознания неизменно занимает центральное место в теории государства и права, выступая индикатором зрелости любой национальной правовой системы. Однако в условиях стремительной коммерциализации спорта, его политизации и роста социальной значимости возникает насущная потребность в переосмыслении правовой природы отношений, складывающихся между спортсменами, тренерами, судьями и функционерами. Возрастающее количество конфликтов — от договорных матчей до использования фармакологических средств, разрушающих честную конкуренцию, — актуализирует вопрос: почему система запретов и предписаний не всегда работает должным образом?

Предметом настоящего исследования выступает спортивное правосознание — его структурные элементы и специфика влияния на правомерность действий участников спортивных правоотношений. Гипотеза исследования базируется на предположении, что правосознание субъектов спортивного права носит амбивалентный характер: с одной стороны, оно аккумулирует высокие моральные стандарты честной игры, с другой — под воздействием сверхконкуренции и специфической «субкультуры победителей» продуцирует установки на допустимость нарушения формальных норм ради достижения результата.

Нормативной базой для такого анализа выступает прежде всего Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», который закрепляет ключевые права, обязанности и организационные формы деятельности субъектов спортивных правоотношений» [6].

Методологическим инструментарием послужили общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход) и частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой). Постановка задачи заключается в выявлении причин деформации правосознания в спортивной среде и определении способов их нейтрализации с опорой на доктринальные источники и конкретные примеры из правоприменительной практики. Для иллюстрации взаимосвязи между уровнем правосознания и характером наиболее типичных нарушений в статье использована таблица, обобщающая ключевые юридические риски.

Обзор литературы и теоретические рамки проблемы

Феномен «спортивного правосознания» относительно недавно стал объектом пристального внимания отечественной юриспруденции. Если классические труды, например, работы С.А. Комарова и А.В. Малько, рассматривают правосознание преимущественно как совокупность чувств и идей, отражающих отношение к действующему праву, то современные исследователи адаптируют эту категорию к специфике регламентации физической культуры. Так, И. М. Амиров одним из первых предложил рассматривать спортивный порядок как системное явление, где правосознание выступает связующим звеном между нормативной базой и реальным поведением субъектов [1, с. 31].

В свою очередь, коллектив авторов под руководством М. А. Сунгатуллиной подчеркивает, что спортивное правосознание не является однозначно позитивным или негативным — оно представляет собой специализированную

отрасль, базирующуюся на конкретных личностях и их достижениях [5, с. 498]. Однако, как справедливо отмечает Н. Б. Капитонова, на сегодняшний день государством не в полной мере созданы условия для защиты спортивной сферы от противоправных посягательств, а латентность преступлений здесь достигает критических значений [2, с. 255]. Анализ источников, предложенных Ш. З. Эминовым, показывает, что многоуровневая структура регулирования (национальное законодательство + акты международных федераций) порождает коллизии, которые умело эксплуатируются недобросовестными участниками оборота [7, с. 251]. В целом литература фиксирует разрыв между стремительной эволюцией спортивных отношений и архаичностью правосознания части их субъектов.

Структурный анализ спортивного правосознания

Любая форма правосознания диалектически сочетает в себе два пласта: обыденно-психологический и доктринально-идеологический [3]. В спортивной сфере эти уровни обретают уникальные черты.

Правовая психология в спорте — это сфера эмоций, аффектов и поведенческих стереотипов, культивируемых процессом соревнования. Спорт высших достижений немыслим без агрессии, наступательности и жесткости. Подобные качества, служащие залогом победы на татами или хоккейной площадке, при низком уровне правовой культуры легко трансформируются в бытовое хулиганство или умышленное причинение вреда здоровью. Границы между грубой игрой, дисциплинарным проступком и уголовно наказуемым деянием здесь часто размыты.

Показателен в этом отношении феномен «безнаказанности за фол» в игровых видах спорта. Ситуация, когда баскетболист сознательно нарушает правила, чтобы прервать быстрый прорыв соперника, воспринимается как тактическая уловка. Однако подобный поведенческий паттерн закрепляется в психике. Юридическая оценка подменяется «соревновательно-технической», что ведет к формированию ложного ощущения вседозволенности. Даже причинение тяжкого вреда здоровью нередко остается в плоскости спорных моментов, а не уголовного производства [1, с. 34]. Это прямой путь к правовому нигилизму.

Правовая идеология в спорте, напротив, находится в стадии активного становления. Тем не менее, доктринальная составляющая пока слабо проникает в среду действующих спортсменов и тренеров. Возникает разрыв: наука говорит о правах и обязанностях, практика живет по понятиям «командной солидарности» и «олимпийского принципа любой ценой». Разрешить это противоречие способно лишь целенаправленное правовое воспитание.

Влияние деформаций правосознания на соблюдение норм

Ключевая проблема кроется в специфике мотивации субъектов спортивного права. В табл. 1 представлена взаимосвязь между типом правосознания и наиболее частыми ювенальными рисками.

В антидопинговой практике наблюдается парадоксальная картина. Опросы, приведенные И. М. Амировым, показывают: половина элитных спортсменов готова принять смертельно опасную пиллюлю ради золота. С точки зрения обывателя это иррационально, но с позиции искаженной спортивной правовой психологии — абсолютно логично. Цель (рекорд, победа) здесь священна, а запрет воспринимается как досадное препятствие, а не как императив [1, с. 35]. Скандал с участием Юлии Русановой и ее разоблачения коррупционной системы сокрытия допинга — ярчайшая иллюстрация того, как деформированное сознание способно саботировать даже национальное законодательство.

Не менее опасен и феномен насилия. Примеры с Хабибом Нурмагомедовым (массовая драка после боя с Макгрегором) или Александром Кокориным и Павлом Мамаевым (погром в Москве) демонстрируют: спортсмены с низким уровнем правосознания переносят «милитаристский» стиль поведения с ринга в реальную жизнь. В обыденном сознании болельщиков эти поступки часто получают апологию («защитил честь», «спровоцировали»), что формирует общественную терпимость к беззаконию [5, с. 499]. Так общественное правосознание, поощряя «бойцовский характер», создает питательную среду для насилия.

Таблица 1

Влияние уровня правосознания субъектов на риск правонарушений в спортивной сфере

1. Уровень / Тип правосознания субъекта	2. Характерные правовые установки	3. Потенциальные риски (виды нарушений)
4. Обыденно-психологический (низкий)	5. «Если не пойман — не преступник», «Фол достоин победы», «Судья всегда враг»	6. Умышленная грубая игра, драки, оскорбление судей, мелкое хулиганство
7. Профессионально-корпоративный (средний)	8. «Команда превыше закона», «Обычай делового оборота», «Я должен это сделать для контракта»	9. Договорные матчи, сокрытие травм, злоупотребление фармакологией (допинг низкого уровня)
10. Доктринально-идеологический (высокий)	11. Следование принципам честной игры, знание регламентов WADA и ТК РФ, уважение к контрагенту	12. Минимальные; нарушения носят случайный, а не системный характер

Роль правового воспитания и пути коррекции

Повышение уровня правосознания невозможно без институциональных решений. Во-первых, требуется пересмотр образовательных стандартов. Курс «Правовые основы физической культуры» должен быть обязательным в училищах олимпийского резерва, а не факультативным [4, с. 360]. Правосознание является тем «фильтром», через который пропускаются все факторы, влияющие на поведение. Если в этом фильтре дыры, никакие запреты не сработают [3, с. 58].

Во-вторых, необходима модернизация деятельности правоохранительных органов. Сотрудники МВД, обеспечивающие порядок на стадионах, зачастую не знакомы со спецификой спортивных регламентов. Введение спецкурса «Спортивный порядок» в ведомственных вузах позволило бы полицейским точнее квалифицировать действия фанатов и спортсменов, отсекая «спортивный интерес» от уголовщины.

Что касается регулирования трудовых отношений, здесь поднимается важная дилемма: нужно ли переводить спортсменов на гражданско-правовые контракты? Исследователь приходит к верному выводу, что полный переход на ГПХ лишит атлетов соцгарантий (оплата больничных, страховки), которые дарует Трудовой кодекс РФ (глава 54.1). Однако игнорировать гражданско-правовые конструкции (спонсорские соглашения, имиджевые права) тоже нельзя. Выход — в синтезе, где ТК РФ защищает жизнь и здоровье, а ГК РФ регулирует коммерческую составляющую. Но пока, как констатирует автор, система полна коллизий и пробелов [7, с. 253].

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что спортивное правосознание — это не мифическая абстракция, а реально действующий фактор, детерминирующий состояние законности в индустрии спорта. Мы пришли к следующим выводам:

1. Спортивное правосознание структурно распадается на психологический уровень (эмоции, агрессия, тактические стереотипы) и идеологический уровень (научные знания, принципы честной игры). На сегодняшний день наблюдается опасный перекося в сторону иррациональной психологии.

2. Деформация (нигилизм) возникает из-за длительной практики «соревновательно-технической» ответственности за фолы, создающей иллюзию безнаказанности. Это прямо провоцирует рост как допинговых нарушений, так и насильственной преступности среди спортсменов.

3. Эффективность правового регулирования напрямую зависит от степени синхронизации юридических норм и «внутреннего убеждения» субъекта. Пока спортсмен воспринимает антидопинговые правила как досадную помеху, а не как моральный императив, любые санкции будут лишь временной мерой.

4. Пути решения проблемы лежат в плоскости обязательного юридического всеобуча (введение курсов спортивного права в ССУЗах) и специализированной подготовки полицейских. Необходима дальнейшая научная разработка категории «спортивного правопорядка» с привлечением данных криминологии.

За рамками исследования остался вопрос о гендерных особенностях правосознания в спорте и сравнительный анализ национальных моделей правосознания (например, западноевропейской и российской). Дальнейшие изыскания в этой области позволят не только обогатить теорию права, но и предложить действенные механизмы для борьбы с коррупцией и насилием — вечными спутниками большого спорта.

Литература

1. Амиров, И. М. Спортивное правосознание: понятие и структура (к постановке проблемы) / И. М. Амиров // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2015. — № 4(8). — С. 30-36.

2. Капитонова, Н. Б. Правосознание в спортивной сфере / Н. Б. Капитонова // Стратегические направления противодействия преступности на национальном и транс-национальном уровнях : сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, Ханты-Мансийск, 10 июня 2022 года / Под научной редакцией Авдеева В. А., Розенко С. В.. Том Выпуск 5. — Ханты-Мансийск: Югорский государственный университет, 2022. — С. 253-256.

3. Кулаков, А. А. К вопросу о взаимосвязи понятий «право» и «правосознание» / А. А. Кулаков // Теория права и межгосударственных отношений. — 2022. — Т. 2, № 10(22). — С. 57-62.

4. Строгонов, А. Д. Роль спортивного права в системе отраслей российского права. Предмет, метод и субъекты спортивного права / А. Д. Строгонов // Молодой ученый. — 2023. — № 52(499). — С. 359-360.

5. Спортивное правосознание / М. А. Сунгатуллин, М. А. Маишев, Д. Р. Насибуллин, А. В. Новаковская // Физи-

ческое воспитание и студенческий спорт глазами студентов : Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Казань, 16–18 ноября 2018 года / Под редакцией Р.А. Юсупова, Б.А. Акишина. — Казань: Казанский государственный технический университет им. А.Н. Туполева, 2018. — С. 498-499.

6. Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04.12.2007 N 329-ФЗ.

7. Эминов, Ш. З. Источники правового регулирования прав субъектов спортивных правоотношений / Ш. З. Эминов // Молодой ученый. — 2025. — № 8(559). — С. 251-254.

Sports legal consciousness of subjects of sports law: features and influence on compliance with norms

Vershkova M.V.

Far Eastern Federal University

This article analyzes the phenomenon of sports legal consciousness as a special form of normative and evaluative reaction of participants in sports relations. The author examines the influence of intra-group attitudes, emotional-volitional components, and professional ideology on compliance with legal and corporate regulations in the field of physical culture and sports. Special attention is paid to the dichotomy between formal rules and informal practices that have developed in the sports environment. The empirical basis of the study is built on the analysis of incidents related to doping scandals and on-field violence, as well as on the generalization of doctrinal approaches to the structure of sports legal psychology. The hypothesis is put forward that the deformation of the legal consciousness of subjects contributes to the formation of a feeling of "contractual impunity", which directly correlates with the growth of latent offenses. The methodological basis consists of dialectical, system-structural, and formal-legal methods. The results of the work allow proposing measures to increase the level of legal ideology through the introduction of specialized educational modules for athletes and law enforcement officers. The conclusion substantiates the need to distinguish sports legal consciousness as an independent category of legal science.

Keywords: legal consciousness, sports law, subjects of sports law, legal psychology, legal ideology, doping, sports legal order, legal nihilism.

References:

1. Amirov, I. M. Sports Legal Consciousness: Concept and Structure (Stating the Problem) / I. M. Amirov // Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). — 2015. — No. 4(8). — Pp. 30-36.
2. Kapitonova, N. B. Legal Consciousness in the Sports Sphere / N. B. Kapitonova // Strategic Directions for Crime Counteraction at the National and Transnational Levels: collection of scientific papers based on the materials of the international scientific-practical conference, Khanty-Mansiysk, June 10, 2022 / Edited by V. A. Avdeev, S. V. Rozenko. Volume Issue 5. — Khanty-Mansiysk: Yugra State University, 2022. — Pp. 253-256.
3. Kulakov, A. A. On the Question of the Interrelation of the Concepts «Law» and «Legal Consciousness» / A. A. Kulakov // Theory of Law and Interstate Relations. — 2022. — Vol. 2, No. 10(22). — Pp. 57-62.
4. Strogonov, A. D. The Role of Sports Law in the System of Branches of Russian Law. Subject, Method and Subjects of Sports Law / A. D. Strogonov // Young Scientist. — 2023. — No. 52(499). — Pp. 359-360.
5. Sungatullin, M. A., Maishev, M. A., Nasibullin, D. R., Novakovskaya, A. V. Sports Legal Consciousness / M. A. Sungatullin et al. // Physical Education and Student Sports through the Eyes of Students: Proceedings of the IV All-Russian Scientific-Practical Conference with International Participation, Kazan, November 16–18, 2018 / Edited by R. A. Yusupov, B. A. Akishin. — Kazan: Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev, 2018. — Pp. 498-499.
6. Federal Law «On Physical Culture and Sports in the Russian Federation» dated December 4, 2007 No. 329-FZ.
7. Eminov, Sh. Z. Sources of Legal Regulation of the Rights of Subjects of Sports Legal Relations / Sh. Z. Eminov // Young Scientist. — 2025. — No. 8(559). — Pp. 251-254.

Предпосылки развития европейской доктрины кодификации XVI – XIX вв.

Глушкова Елена Михайловна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уральского института дополнительного профессионального образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», elena.zatsepina@mail.ru

Статья посвящена историческим аспектам развития европейской доктрины кодификации XVI – XIX вв. Кодификация с самых древних времен может рассматриваться как некое стандартное средство для обнародования закона и его доступности, путем его письменной фиксации. Возникновение феномена кодификации можно объяснить ситуациями, складывающимися в обществе в условиях влияния различных экономических, политических и иных факторов, где закон не может больше выполнять свою служебную роль, кроме как путем разработки определенного метода. Это ситуация, в которой закон, предназначенный только для того, чтобы иметь определенное содержание, уже не является удовлетворительным: специфическая формальная организация этого содержания также становится необходимым для адекватного функционирования правовой договоренности. Кодификацию в развитии европейского права следует рассматривать как совокупность нормативных актов, имеющую характер более обширного целого и одновременно представляющую собой юридически значимую силу самостоятельного акта правового выражения.

Ключевые слова: европейская доктрина, европейское право, кодификация, теория права, кодекс.

Современная теория права не дает однозначного ответа о природе кодификации. Часть ученых полагает, что кодификация есть одна из внешних форм выражения систематизации законодательства. Другая часть «исключают кодификацию из видов систематизации законодательства и считает, что кодификация не укладывается в рамки систематизации, а представляет собой самостоятельную, причем основную форму совершенствования законодательства» [1, с. 331-332]. Нам ближе точка зрения исследователей, полагающих, что «кодификация имеет двойственную природу, поскольку выступает и как форма систематизации законодательства с точки зрения создания акта упорядочения узаконений, и как продукт правотворчества, поэтому носит двойственный характер» [3, с. 390].

Можно сказать, что принятие законов знаменует собой временный конец спонтанности в правовом развитии человечества, превращая последнее в искусственность программирования человеческих действий с помощью средств планирования. Стабилизация общественного порядка и облегчение процесса правового познания привели, в дальнейшем, к определенной унификации права, к созданию предпосылок для улучшения состояния правовой определенности: таким образом, отдельно возник новый элемент — мотив правовой определенности, неразрывно сопутствующее явление в сфере правового познания. Это стремление к правовой определенности, а не только или не столько необходимость новых правовых предписаний, стало тем, что привело к быстрому количественному расцвету норм позитивного права в ряде европейских стран [8, р. 12].

Стремление к обеспечению безопасности правового порядка, выработка достаточно полных законодательных решений, императивность и официальная стилизация норм позитивного права как элемента их высшей авторитетности, вытекающей непосредственно из власти государства — правителя, — все это были новые элементы в дальнейшем развитии права. Кодификация, по мнению отдельных ученых, «имеет смысл, а ее усилия направлены на достижение политической и экономической рационализации, в поддержании системности самого права, правового регулирования, государственного управления и, как следствие, системности возникающих на их основе общественных отношений» [2, с. 84].

На наш взгляд, такая позиция более применима к современному пониманию кодификации, чем к периоду, когда идея кодификации еще только формировалась. Да, современное право рационально. Но проблемки рациональности права мы можем обнаружить в равной степени в культурах общего права, средневекового права, права эпохи античности и даже, отчасти в первобытном праве.

Кодификация права имеет давнюю историю и сумела продемонстрировать миру внушительные достижения. Её наиболее яркие примеры — Французский гражданский кодекс (*Code civil*) и Германское гражданское уложение (*BGB*) — рассматриваются как свидетельство высокой культуры народа и памятники эпохе. Несмотря на то, что в прошлом и в настоящем времени всегда находились противники кодификации, это не умаляет того факта, что её значение и влияние в истории права являются выдающимися и непревзойдёнными.

Термины «кодекс» и «кодификация» появились ещё в IV веке [11, с. 95] и на протяжении более тысячи лет их трактовки и содержание постоянно эволюционировали. Историки права во всём мире применяют термины «кодекс» и «кодификация» практически ко всем юридическим

сборникам от античности до наших дней. Сомнения относительно правильности употребления указанной терминологии, высказанные несколькими авторами, в основном связаны с проблемой отграничения правовой кодификации от таких творений, как частные сборники и сборники обычного права [5, р. 24]. Определенную путаницу в соотношении этих понятий внес Дж. Вандерлинден, рассматривавший с помощью формалистического анализа историю термина «кодекс», а не историю кодификации как правового явления [10, р. 42].

Фундаментальным свойством кодификации (характеристикой, от которой, на наш взгляд, не следует отказываться) является то, что она создаёт памятник созданному праву, обладающий специфическими характеристиками.

Поэтому нас должно интересовать понятие кодификации как понятие формы сбора и консолидации комплекса правовых положений, который затем возводится в ранг действующего права как унификация, основанная на соответствующем решении государственной власти. Таким образом, даже если применять понятие кодификации в самом широком смысле (согласно общепринятому до сих пор толкованию в исследованиях), необходимо различать частные акты, обладающие некоторыми признаками кодификации, и сборники законов, имеющие силу закона, основанную на независимом утверждении компетентной власти. Следовательно, частные или официальные сборники (сборники или компиляции) позитивного права, не имеющие собственной юридической силы, не могут быть отнесены к кодификации, даже если правовые источники, из которых составлен такой сборник, обладают характером юридической силы.

Кодификацию в развитии европейского права следует рассматривать как совокупность нормативных актов, имеющую характер более обширного целого и одновременно представляющую собой юридически значимую силу самостоятельного акта правового выражения. Это наше довольно осторожное и общее предположение, однако, не означает, что нельзя провести определённые различия в истории европейских кодификаций, учитывая эволюцию мотиваций, а также глубокие преобразования в методах кодификации, способствовавшие зарождению кодификационных усилий.

По нашему мнению, в истории европейской кодификации следует выделить три этапа. Первый этап охватывает весь период развития кодификации вплоть до XVIII в. Второй этап, этап современных кодификаций, начался в XVIII в. Это означает, что кодификация XVIII в. демонстрирует ряд дополнительных черт, которые ранее либо вообще не встречались, либо встречались лишь как маргинальные явления, и которые, начиная с этого столетия, вместе с новой целостной мотивацией – естественным правом – и глубокими преобразованиями в методах кодификации станут неотъемлемым элементом кодификации права. Третий этап – XIX в. характеризуется уже сложившейся доктриной кодификации.

Теоретическим идеалом средневекового мира была стабильная неизменность: мир экономики и общества, наделённый на каждый случай особыми привилегиями, был замкнутым миром, диктовавшим статичный, а не динамичный образ мышления. Стремление к стабилизации существующих условий, взгляд в прошлое, а не в будущее, страх перед любыми переменами глубоко укоренились в общественном менталитете того времени.

Веками сохранялся культ старого «доброего» права, и даже реформаторы, притворяясь, смотрели в прошлое, выступая за «упразднение злоупотреблений». «Древность» права была в то время весомым аргументом, а его неизменность – почти догмой. Таким образом, структура

сословного общества была особенно устойчива к решениям, выходящим за рамки частных случаев. Поэтому реализация кодификационных проектов, которые периодически возникали в различных европейских странах в XVI в., предполагала наличие следующих условий.

Необходимость кодификации (унификации) права должна была стать очевидной для тех социальных групп, или властных сил, которые занимали ключевое положение в государстве. Проблема государственного устройства также имела огромное значение. Концепции кодификации представлены многочисленными абсолютными монархиями в Европе, которые, кстати, как показывают относительно недавние исследования, могут опираться на совершенно разные социальные силы [7, р. 63]. Фундаментальное значение здесь имело установление абсолютных монархий и процесс, посредством которого они взяли на себя полный прямой контроль над применением закона и, прежде всего, над его исполнением, а также демонстрацию своей особой заинтересованности в поддержании общественного порядка (и, следовательно, также в вопросах уголовного права).

Сословная система также представляла собой разделение политической власти, партикуляризм, который носил не только территориальный, но и групповой характер, а также (исторически, географически и национально) неорганический, но династический характер многих европейских государств того времени. Ряд исторических и политических причин, а не только социально-экономические условия и стремления, способствовали тому, что стремление к унификации в сословных монархиях XV–XVI вв. и последующие усилия абсолютных монархий в области кодификации лишь в редких случаях увенчивались успехом.

Своеобразная форма правовой унификации, весьма ограниченная, сформировалась в то время под влиянием таких замещающих явлений, как возникновение общего права в Англии в ходе длительного процесса развития или роль современного *usus Pandectarum* в германских государствах.

Предпосылки особого характера можно было бы точнее описать как необходимость достижения определённого уровня развития самого права, юридической науки и правовой культуры общественной элиты как предпосылки для успешной реализации планов кодификации. Это проблемы динамики внутреннего развития права, развития правовых норм и эволюции юридической теории, которая конструирует и анализирует структуру применимых правовых структур и предпринимает действия, направленные на упорядочение и систематизацию этих структур. Таким образом, должна была возникнуть программа кодификации, и юридическая наука должна была сформулировать её основные предпосылки, цели, условия и направления, а также методы её реализации. Такие факторы, как общее состояние развития культуры и науки, особенно философии, логики, лингвистики или поведенческой психологии (в более позднее время), имели серьёзное значение в этом контексте.

Исследования истории законодательной техники и эволюции юридической терминологии, особенно развития юридической терминологии в национальных языках, находившихся под влиянием латыни, языка римского и канонического права, остаются в зачаточном состоянии. До настоящего времени конструирование правовых норм в их историческом развитии и многие другие проблемы не были предметом обобщающих исследований; а отдельные, порой содержательные, наблюдения настолько разрозненны в литературе по истории европейского права, что их оценка и обобщение в свете современного состояния исследований становятся практически невозможными. Следует предположить, что здесь имеет место

быть существенная возможность и одновременно необходимость проведения количественных исследований, которые должны быть осуществлены историками права с лингвистической подготовкой, которые, опираясь на единый набор вопросов, могли бы анализировать документальный материал и на этой основе конкретизировать наши знания об истории форм позитивного права в различные эпохи. Однако пока нам придется ограничиться общими вводными замечаниями.

Ни Кодекс Юстиниана, ни Дигесты, ни любое другое римское или византийское собрание юридических текстов не могут рассматриваться как кодификация в современном техническом смысле этого слова. Кодекс Юстиниана представляет собой собрание императорских конституций, охватывающих период примерно в 400 лет. Таким образом, хотя он и является более однородным по своей природе, он не претендует на всеобъемлющий характер. Опять же, его составителями не предпринимается никаких усилий по приведению правового материала в какой-либо систематический порядок. В этом отношении отличаются Институции Юстиниана. Но, хотя формально они были возведены в ранг закона, по сути, они были учебником по юриспруденции.

В то же время следует указать на одно весьма распространенное, по нашему мнению, заблуждение по поводу непосредственного влияния моделей кодификации римского права на кодификации права в Европе. Кодификация, как отмечалось выше, является специфическим историческим явлением, зародившимся в юридической науке конца XVII и XVIII вв. Гражданская традиция основана, в конечном счете, на римском праве, а само римское право никогда не было кодифицировано. Наиболее важные источники были переданы нам в виде компиляции, упомянутого выше *Corpus*. Но его общий характер был казуистическим.

На протяжении многих столетий это толкование в значительной степени основывалось, на римском праве, переданном Юстинианом и научно переработанном юристами Болонии. Таким образом, юристы *ius commune* в некотором смысле черпали свое вдохновение из законодательного акта. Но из-за особой природы этого законодательного акта *ius commune*, как действующий закон, сохранил многие характеристики, которые современный наблюдатель скорее ассоциировал бы с английским общим правом, чем с современным континентальным гражданским правом. Это право было бесконечно разнообразным и большим по объему и в определенный период времени достигло такого уровня сложности, что рано или поздно должна была начаться реакция практики и на его «бесконечность» и на его сложность. Здесь лежат корни движения, которому суждено было, в конечном счете, привести к кодификации гражданского права. Самая ранняя критика римского права, получившая распространение в Европе, была высказана юристами-гуманистами, такими как Франсуа Отман (Франциск Хотоманнус) [4, с. 43]. Они подчеркивали историческую относительность *Corpus* Юстиниана, они же обнаружили, что *Corpus* состоит из разных слоев, относящихся к разным периодам истории этапы развития римского права и что Юстиниан искажал многие тексты, и они указывали на различия между общими условиями жизни в Риме или Византии и в Европе раннего Нового времени.

Деятельность средневековых юридических школ и роль сборников канонического права составили второй важный этап развития. Следует подчеркнуть, что многочисленные рассуждения о влиянии канонического права на памятники национального права, как правило, касаются содержательного содержания, иногда роли отдельных системных решений, но лишь изредка затрагивают вопросы влияния технических решений, формы и языка

положений канонического права, а также роли этих решений для идеи и практики кодификации в последующие столетия. Донаучный юридический язык Средневековья долгое время не мог перейти от слова к понятию и опирался преимущественно на описательный и символический язык. Средневековые правовые школы сыграли решающую роль в формировании новых навыков: организации правового материала на основе римского опыта и текстов римского права.

Тонкая схоластика итальянских правовых школ сыграла значительную роль в разработке общих правил определения понятий и аналитических методов. Там культивировалось в первую очередь искусство толкования (а не конструирования) правовых норм. Однако рационализация процесса понимания права проложила путь к рационализации законодательных предложений. Однако эти методы одновременно обременялись преобладанием анализа над синтезом, культом детализации и пренебрежением общей перспективой, неразвитостью систематического интереса, что было связано с отсутствием независимости от исследуемых текстов. Своеобразным препятствием, обесценивавшим этот метод и препятствовавшим его применению после XVI в., было использование средневековыми юристами искаженной формы латыни: они пользовались несовершенными юридическими текстами и погрязли в бесплодной учености, казуистике и классических схоластических спорах.

Третий этап – развитие гуманистической и постгуманистической юриспруденции – время возникновения и господства *mos gallicus*, а затем – начало новой доктрины естественного права и влияние расцвета точных наук на методы юридической науки [9, р. 112]. Именно гуманисты в определенной степени осуществили реконструкцию юридической науки, изучая источники римского права в его первоначальной классической форме и излагая результаты своих исследований на изящной латыни. Интерес к синтезу и систематизации достиг своего апогея, и размышления о проблемах творческого права были им не чужды. Синтез и систематизация права стали двумя решающими шагами к возникновению современной кодификации. Именно гуманисты, а вслед за ними и юридическая наука XVII в, проделали огромную работу по классификации и систематизации правового материала. Этот третий этап, охватывающий XVI и XVII вв., основывался главным образом на новом явлении, а именно на развитии в абсолютных монархиях аппарата, профессионально и «в качестве основного занятия» или в значительной степени занимавшегося процессом творения права. Юридическое образование его сотрудников в сочетании с их растущим опытом проложило путь первым систематическим методам законодательной и кодификационной работы в XVII веке.

Четвёртый этап – XVIII век, в котором были разработаны и созданы относительно современные методы и приёмы кодификации. Можно сказать, что всё, что возникло в этом отношении в течение длительного периода кодификационной работы (особенно во Франции и Австрии) на рубеже XVIII и XIX вв., стало важнейшей основой для дальнейшего развития. Практически до наших дней не произошло никаких существенных изменений общего характера между методами работы и конструктивными приёмами начала XIX в. и работами XX в. Однако между формой Уголовного кодекса Иосифа II 1786 г. и формой и языком «*Constitutio Criminalis Carolina*» (далее – *Carolina*) существовал разрыв, характеризующийся значительными преобразованиями. Эти работы были подготовлены в результате двух совершенно разных методов кодификации и в два разных периода развития немецкого языка.

Одновременно с проблемой правовой реформы, устранения правовых противоречий, возникла новая проблема, которая в будущем станет важнейшей для теории кодификации: проблема систематического порядка, согласно определённым критериям и в соответствии с внутренними взаимосвязями (правовых норм). Мотивы и причины начала кодификационной работы были сложными и подверженными эволюции. Они нашли свою целостную форму лишь в кодификационной теории XVIII в., основанной на положениях естественного права и ставшей относительно хорошо известной сегодня.

Очевидно, что некоторые требования, характерные для кодификационной теории XVIII в., были сформулированы ранее, так сказать, на периферии. Однако подобные утверждения ещё не были полностью разработаны. Средние века и преддверие Нового времени не были связаны между собой, не составляли элемента целостной теории.

Таким образом, первые полемические работы в области законодательства выдающегося филолога этой эпохи Гийома Буде стали новым направлением развития идеи кодификации. Они позволили интеллектуально дистанцироваться от зарубежных достижений. Гуманисты отвергли множество фрагментарных трудов итальянских комментаторов и проявили многогранный интерес к целому: они вернулись к фундаментальной проблеме. Во Франции также возникла идея о возможности построения новой юриспруденции, основанной исключительно на рациональных критериях; однако можно было также сослаться на итальянских платоников как на основоположников идеи синтеза и рациональной правовой классификации в университетских лекциях. Эти изменения приобрели большое значение не только в юриспруденции, но и в преподавании логики. Новое направление в доктрине, основанное на достижениях гуманизма, наиболее сильно и рано развилось в юриспруденции Франции и поэтому получило название «*mos docendi gallicus*».

Теоретическая почва идеи кодификации была подготовлена в XVI – XVII вв. в результате взаимодействия различных факторов. Одним из них была критика юридического гуманизма в отношении *ius commune*, которая указывала на историческую относительность существующего на тот момент законодательного материала, а также на его пробелы и противоречия. Возникшая в результате правовая неопределенность стала причиной сложностей в правоприменении, особенно в судебных процессах. Исходя из этого, возникло стремление к новому, ясному и свободному от противоречий законодательству, отвечающему потребностям времени.

Вторым определяющим фактором было появление нового понимания государства и общества с помощью Закона Разума (*естественного права – авт.*). После этого идеи государства и права легли в основу социального договора всех людей, целью которого было обеспечение свободы личности. Эта свобода одновременно нуждалась в ограничении посредством четкого и простого законодательства.

Европейские правители просвещенного абсолютизма с готовностью восприняли эти идеи: они видели в кодификации не только возможность обеспечить верховенство закона над произволом, рационализировать правовые операции и, таким образом, в целом повысить благосостояние своих подданных, но, прежде всего, средство подчеркнуть их правовую монополию.

Идея кодификации была основана на вере в то, что правовой материал не представляет собой неудобоваримую и произвольную массу отдельных правил и прецедентов, а может быть сведен к рациональной и организованной системе. Целью кодификации становится представление ее предмета в виде логически последователь-

ной совокупности правовых норм и институтов. Таким образом, это способствует внутренней согласованности закона и облегчает его понимание

До определенного времени, инструментарий кодификации сводился к простому объединению частей закона в количественные суммы. И этого было достаточно для элементарного обновления законодательства. На новом этапе развития феномена кодификации (XVIII – XIX вв.) в условиях континентальной Европы, произошла замена количественного сбора юридического материала его качественной реструктуризацией.

Таким образом, в XVIII в. на новом этапе развития общества и государства произошел своеобразный прорыв в применении кодификации. Он стал возможен благодаря утвердившейся идее законности. Закон нашел свое внешнее воплощение в последовательной фиксации юридических прав и обязанностей. Согласно общепринятой точке зрения современная кодификация как продукт цивилизации Нового времени возникла в Европе лишь в XVIII в. Именно с этого времени мы можем говорить о кодификации, как исключительно техническом термине. Под кодификацией теперь стала пониматься систематическая и полная запись юридического материала в определенной предметной области в кодексе законов. Согласно сложившемуся пониманию термина, только закон, установленный государством, может быть кодифицирован [6, p. 216].

Таким образом, был проведен своеобразный водораздел между так называемыми «частными кодификациями» – юридическими текстами, разработанными частными авторами (или группами авторов) существовавшими ранее, которые по своей структуре были похожи на настоящую кодификацию и кодификациями в полном смысле этого слова как волеизъявление государства.

Литература

1. Бабаев В.К. Кодификация и систематизация нормативно-правовых актов // Общая теория права. Курс лекций. Н. Новгород, 1993. С. 331-332.
2. Исаков В.Б. Некоторые проблемы новой российской кодификации // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. №4. С. 83-92.
3. Кодан С.В. Акты систематизации законодательства: юридическая природа и место в системе источников российского права // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2008. Вып. 8. С. 385-401.
4. Медведев С.Н. Франсуа Отман и его классическое определение права собственности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2009. № 4. С. 43-45.
5. Burmeister K.H. Das Studium der Rechte im Zeitalter des Humanismus in deutschem Rechtsbereich. Wiesbaden, 1974. 334 p.
6. Caroni P. Saggi sulla storia della codificazione. Milano: Dott. A. Giuffrè Editore S.p.A., 1998. 301 p.
7. Ebel F. Über Legaldefinitionen. Rechtshistorische Studie zur Entwicklung der Gesetzgebungstechnik in Deutschland, insbesondere über das Verhältnis von Rechtsetzung und Rechtsdarstellung. Berlin: Duncker & Humblot, 1974. 192 p.
8. Köbler G. Das Recht im frühen Mittelalter. Untersuchungen zu Herkunft und Inhalt frühmittelalterlicher Rechtsbegriffe im deutschen Sprachgebiet. Köln. Wien: Böhlau Verlag, 1971. 263 p.
9. Stephanitz D. C. Exakte Wissenschaft und Recht. Der Einfluß von Naturwissenschaften und Mathematik auf Rechtsleben und Rechtswissenschaft in zweiundhalb Jahrhunderten. Ein historischer Grundriß, Berlin: De Gruyter, 1970. 285 p.

10. Vanderlinden J. Le concept de code en Europe occidentale du XIIIe au XIXe siècles. Essai de définition. Bruxelles: Editions de L'Institut de Sociologie, 1967. -500 p.

11. Zimmermann R. Codification: history and present significance of an idea // European Review of Private Law. Vol. 3. PP. 95-120.

Prerequisites for the development of the european doctrine of codification of the 16th – 19th centuries

Glushkova E.M.

All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation)

This article examines the historical aspects of the development of the European doctrine of codification in the 16th-19th centuries. Since ancient times, codification has been viewed as a standard means of promulgating law and making it accessible through written recording. The emergence of the phenomenon of codification can be explained by situations that arise in society under the influence of various economic, political, and other factors, where law can no longer fulfill its functional role except through the development of a specific method. This is a situation in which a law intended solely to have a specific content is no longer satisfactory: a specific formal organization of this content also becomes necessary for the adequate functioning of the legal agreement. In the development of European law, codification should be viewed as a set of normative acts that has the character of a broader whole and simultaneously represents the legally significant force of an independent act of legal expression.

Keywords: european doctrine, european law, codification, legal theory, code.

References

1. Babaev, V.K. "Codification and Systematization of Normative Legal Acts." General Theory of Law: A Lecture Course. Nizhny Novgorod, 1993. pp. 331-332.
2. Isakov, V.B. "Some Problems of the New Russian Codification." Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2018. No. 4. pp. 83-92.
3. Kodan, S.V. "Acts of Legislation Systematization: Legal Nature and Place in the System of Sources of Russian Law." Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2008. Issue 8. pp. 385-401.
4. Medvedev, S.N. "François Otman and His Classical Definition of Property Rights." North Caucasian Law Bulletin. 2009. No. 4. P. 43-45.
5. Burmeister K.H. Das Studium der Rechte im Zeitalter des Humanismus in deutschem Rechtsbereich. Wiesbaden, 1974. 334 p.
6. Caroni P. Saggi sulla storia della codificazione. Milano: Dott. A. Giuffrè Editore S.p.A., 1998. 301 p.
7. Ebel F. Über Legaldefinitionen. Rechtshistorische Studie zur Entwicklung der Gesetzgebungstechnik in Deutschland, insbesondere über das Verhältnis von Rechtsetzung und Rechtsdarstellung. Berlin: Duncker & Humblot, 1974. 192 p.
8. Köbler G. Das Recht im frühen Mittelalter. Untersuchungen zu Herkunft und Inhalt frühmittelalterlicher Rechtsbegriffe im deutschen Sprachgebiet. Köln. Wien: Böhlau Verlag, 1971. 263 p.
9. Stephanitz D. C. Exakte Wissenschaft und Recht. Der Einfluß von Naturwissenschaften und Mathematik auf Rechtsleben und Rechtswissenschaft in zweiundhalb Jahrhunderten. Ein historischer Grundriß, Berlin: De Gruyter, 1970. 285 p.
10. Vanderlinden J. Le concept de code en Europe occidentale du XIIIe au XIXe siècles. Essai de définition. Bruxelles: Editions de L'Institut de Sociologie, 1967. -500 p.
11. Zimmermann R. Codification: history and present significance of an idea // European Review of Private Law. Vol. 3. PP. 95-120.

Диалектика развития искусственного интеллекта в контексте современного правового регулирования

Касторнова Татьяна Александровна,

к.экон.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова, kastornova.ta@rea.ru

Щербаков Виктор Александрович,

к.ю.н., доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова, scherbakov.va@rea.ru

Григорьев Антон Владимирович.

к.ю.н., доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова, grigorev.av@rea.ru

В статье поднимается проблема чрезмерного использования нейронных сетей и искусственного интеллекта в науке и образовании. Авторы утверждают, что избыточное внедрение этих технологий может ослабить способность людей самостоятельно развивать когнитивные и аналитические навыки. Данная тенденция, по мнению исследователей, может привести к снижению уровня критического мышления и креативности, что негативно скажется на качестве научных исследований и образовательного процесса.

В исследовании также проводится анализ современных моделей правового регулирования, направленных на использование нейронных сетей и искусственного интеллекта, как в Российской Федерации, так и за ее пределами. В частности, внимание уделяется правовым системам Соединенных Штатов Америки, Европейского Союза и ряда его государств-членов. Целью данного анализа является выявление ключевых тенденций и особенностей нормативного регулирования в этой динамично развивающейся области, а также оценка соответствия существующих правовых механизмов требованиям цифровой трансформации общества. Правовое регулирование призвано не только фиксировать технические стандарты, но и служить гуманитарным целям, предотвращая возможную деградацию когнитивных навыков, путем внедрения стандартов и правил использования в образовательной сфере.

Ключевые слова: цифровое право, искусственный интеллект, нейросети, сеть Интернет, образование.

«Жизнь имитирует искусство...»

Это крылатое выражение апеллирует к антитезе так называемого «Аристотелевского мимесиса», то есть утверждения, о том, что искусство должно быть подобным жизни. Как утверждал Оскар Уайлд «осознанная цель Жизни — найти выражение, а Искусство предлагает ей определенные прекрасные формы, с помощью которых она может реализовать эту энергию» [1]. В текущей ситуации от наук гуманитарного спектра, включая юриспруденцию, очень часто требуют четкого ответа на фактический вопрос «виляет ли хвост собакой, или собака виляет хвостом». Фактический «антимемесис» стал неким знаменем эпохи постмодернизма, когда явление вначале появляется, начинает активно самоумножаться и пролиферировать внутри ткани общественной реальности, а потом специалистам в области правоведения, социологии, политологии и психологии должны предложить действующую модель регулирования нового общественного явления, ее классификацию и абсолютно определенное социальное место. Но возникает вопрос, возможно ли это?

История показывает, что законодатель всегда догоняет технологию. В советское время любой кандидат наук должен был связать свою работу с теорией марксизма-ленинизма, теперь же нередко наблюдается требование связать исследование с искусственным интеллектом, что в некоторой степени напоминает методологическую обязательность прежней эпохи. В советской науке существовала практика применения абстрактных положений диалектики, включая закон превращения количества в качество или переход энергии, механически переносились для обоснования любых явлений. Идею «диалектики природы» можно назвать универсальным ключом к пониманию в том числе и колхозного права [2], которая была даже не цитатой, а методологическим требованием эпохи.

И тогда, и сейчас жизнь подстраивается под заранее заданную ментальную схему. Только тогда «марксизм-ленинизм», а сегодня «цифровая парадигма» или AI-first. Вставляя в заключение сегодня, «с использованием нейросетей», врач, назначающий «AI-диагноз», учитель проверяющий «AI-детектор плагиата» имитируют нарратив о всемогущем интеллекте научно-фантастических произведений Айзека Азимова, Станислава Лема, Филиппа К. Дика. не искусство копирует жизнь, а жизнь подражает тому, что когда-то было создано воображением. При этом необходимо понимать, что далеко не всегда в научно-фантастическом жанре художественной литературы искусственный интеллект был альтруистическим слугой человека. Довольно рано, в 50 и 60 годах, еще до появления основных художественных произведений на эту тему, у некоторых авторов проскакивали нотки скептического отношения к «AI», которому предоставлена ничем не ограниченная свобода. Многие авторы превращали такие идеи в зерна футуристической социальной сатиры, кажущейся тогда безобидной, а сейчас все более и более пугающей. Любой ученый, практически обязан сегодня связать свою работу с ИИ, потому как эпоха диктует свой кахизис.

Однако в отличие от советской обязательности, которая чаще всего тормозила науку и была избыточно идеологизированной, современное обращение к ИИ – дает инструментарий, ускоряющий технологическую гонку, сокращающий не только время и трудоемкость принятия профессиональных решений. Но при этом существует опасность извлечения из этого процесса человеческого

осмысления любой проблематики, требующей интеллектуальных ресурсов человека. Именно здесь правовое регулирование должно сыграть роль сдерживающего фактора.

В июле 2025 года в Госдуме предложили включить ИИ и этику в новый закон о науке, которые должны затронуть принципы научной этики, нормативного определения ИИ в исследованиях и оценку научных результатов с учетом использования цифровых технологий, а также определения прав на открытия и тексты, созданные с участием ИИ.

В отношении зарубежного опыта правового регулирования искусственного интеллекта необходимо отметить, что существующие модели можно разделить на несколько групп. Анализ этих подходов важен для выработки оптимальной стратегии, учитывающей технологические вызовы и гуманитарные риски.

Международные рекомендательные акты (мягкое право). На уровне международных организаций и межгосударственных объединений следует отметить рамочную конвенцию (международный договор) в рамках Совета Европы «Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law» [3]. Эта конвенция открыта для подписания заинтересованными государствами и основана на принципах соответствия механизмов искусственного интеллекта правам человека, ценностям народовластия и правового государства. Она ориентирована на защиту человеческого достоинства, транспарентности процессов использования искусственного интеллекта, уважения человеческого достоинства, отсутствия дискриминации, подотчетности компаний в сфере ИИ публичным органам и надзора за ними.

Другие международные организации также участвуют в создании собственного рамочного регулирования вопросов создания и применения искусственного интеллекта. Организацией экономического сотрудничества и развития был принят еще один международный рекомендательный акт под названием «Recommendation of the Council on Artificial Intelligence, OECD/LEGAL/0449» [4] направленный на создание юридической базы так называемого «надежного искусственного интеллекта», подчиненного ценностям демократического общества, верховенства прав и свобод человека. Сообщается, что некоторые его положения были воспроизведены в национальных нормативных актах. Также к актам подобной природы можно отнести, акт ЮНЕСКО Recommendation of the Ethics of Artificial Intelligence, UNESCO, 2021 [5] устанавливающий этические ориентиры для разработчиков и применителей искусственного интеллекта, а также международный кодекс в рамках «Большой семерки» Hiroshima Process International Code of Conduct for Organizations Developing Advanced AI Systems, 2023 [6] устанавливающий требования для разработчиков «продвинутых» ИИ-систем.

Жесткое нормирование (на примере Европейского союза). Европейский Союз выбрал другой способ регулирующего воздействия, перейдя от рекомендательного к строго нормативному подходу. Закон Европейского Союза «Regulation (EU) 2024/1689 laying down harmonised rules on artificial intelligence» [7], в сокращении именуемый в сокращении «EU AI Act» это единственный на сегодняшний день в развитых странах полноценный пример законодательного акта в области искусственного интеллекта. В основе методологии его регулирования лежит риск-ориентированный подход, с выявлением, ограничением и запрещением наиболее рискованных практик применения искусственного интеллекта. К таким практикам относится так называемый цифровой социальный скоринг (в данном

случае под этим понимается система оценки человека, основанная на анализе его цифрового следа и социального поведения с использованием ИИ), биометрическая идентификация человека искусственным интеллектом, использование алгоритмов нейросетей для скрытого управления поведением, эмоциями или выбором человека. С этой целью устанавливается перечень отраслей направлений повышенного риска в области ИИ и перечень специальных обязанностей для поставщиков систем на этих направлениях (General-purpose AI). На регулирование онлайн-платформ искусственного интеллекта в ЕС ориентирован еще один Закон ЕС - Regulation (EU) 2022/2065 — Digital Services Act (DSA) [8]. Также на уровне ЕС действует несколько других важных законодательных актов, регулирующих отдельные технические аспекты создания и функционирования ИИ, такие как Закон ЕС Regulation (EU) 2023/1230 on machinery [9], и ряд отдельных директив, таких как Directive (EU) 2024/2853 on liability for defective products [10], Directive (EU) 2022/2555 — NIS2 [11]. Таким образом Европейский Союз по уровню законодательного и подзаконного регулирования вопросов искусственного интеллекта пока является лидером.

Однако в государствах Европейского Союза примеры законодательного регулирования в сфере искусственного интеллекта весьма ограничены и фрагментарны. В Испании Королевским указом 729/2023 (от 22 августа 2023 г.) [12] утвержден Устав Испанского агентства по надзору за искусственным интеллектом (Agencia Española de Supervisión de la Inteligencia Artificial — AESIA). В соответствии с Уставом, Испанское агентство по надзору за искусственным интеллектом основано как обладающее административными полномочиями государственное учреждение с публичной правосубъектностью, собственным имуществом и автономией в управлении. Испанское агентство по надзору за искусственным интеллектом подчинено Министерству экономики и цифровой трансформации и уполномочено осуществлять надзор, инспекционные проверки, консультирование и обучение граждан, а также юридических лиц в отношении систем искусственного интеллекта в Испании.

Во Франции единый законодательный акт в этой области отсутствует, но в соответствии с документом «Code des relations entre le public et l'administration» [13] установлены требования по прозрачности административных алгоритмов в сфере государственного использования искусственного интеллекта. В Федеративной республике Германия также не существует единого законодательного регулирования в области искусственного интеллекта, но эти общественные отношения регулируются нормами различных отраслей права, таких как трудовое и транспортное право (например, в области автономных транспортных средств). В качестве примера можно привести закон «Gesetz zum autonomen Fahren» - Закон об автономном транспорте [14].

Отраслевое и гибкое регулирование (США и Великобритания). В Соединенном королевстве Великобритании и Северной Ирландии также пока нет законодательных актов в области регулирования искусственного интеллекта, сущность британского подхода заключается в отраслевом регулировании и стимулировании инноваций. В качестве примеров такого регулирования можно привести UK GDPR [15], Data Protection Act 2018 [16], Online Safety Act 2023 [17]. Соединенные штаты Америки также пока не закрепили отношения в области ИИ на высшем государственном уровне. Основу нормативного регулирования в указанной области на федеральном уровне составляют различные нормы антидискриминационного, потребительского, трудового, медицинского, финансового законодательства, законов о конфиденциальности и качестве

выпускаемой продукции, а также федеральных актов органов исполнительной власти. В качестве примера можно привести § 5 Federal Trade Commission Act [18], основная задача которого заключается в запрете и ограничении на применение недобросовестных методов конкуренции, то есть действий, нарушающих ключевые федеральные антимонопольные законы (такие как Закон Шермана), который косвенно запрещает в том числе рекламу ложных или преувеличенных возможностях искусственного интеллекта.

На уровне штатов существуют примеры законодательного регулирования вопросов искусственного интеллекта. В штате Колорадо существует один из первых комплексных законов о ИИ в США Colorado Senate Bill 24-205, также именуемый Colorado AI Act [19], регулирующий высоко рискованные ИИ-системы, устанавливающий ответственность разработчиков и применителей таких систем. Примечателен отдельный городской закон Нью Йорка «New York City Local Law 144» [20], регулирующий вопросы об автоматизированных инструментах принятия решений о приеме на работу. Также отдельные законодательные акты по вопросу регулирования ИИ существуют в штатах Иллинойс и Калифорния.

Российский подход: от стратегии к законопроекту. Магистральное направление развития нормативного регулирования искусственного интеллекта в Российской Федерации было очерчено актом стратегического планирования – Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (далее – Национальная стратегия развития искусственного интеллекта) [21]. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта стала одним из первых этапов правового осмысления искусственного интеллекта как такового и задавала ориентиры для дальнейшего фундаментального урегулирования искусственного интеллекта. Весь широкий спектр затронутых Национальной стратегией развития искусственного интеллекта вопросов еще предстоит детально изучить в соответствующих научных исследованиях, кратко отметим что в ней затрагивались такие фундаментальные вопросы как необходимость формирования нормативного регулирования искусственного интеллекта, разработку его стратегии внедрения в народное хозяйство с учетом необходимости локализации аппаратной инфраструктуры программного обеспечения искусственного интеллекта, подготовки научно-практических кадров и что очень важно – создания четких этических принципов использования искусственного интеллекта. Одно из главных достоинств Национальной стратегии развития искусственного интеллекта является наличие дефиниции искусственного интеллекта, который понимается как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их». Одним из очень интересных и важных моментов является разграничение в документе понятий «слабого», то есть узкоспециализированного искусственного интеллекта и универсального, то есть сильного искусственного интеллекта, то есть «способного подобно человеку, решать различные задачи, мыслить, взаимодействовать и адаптироваться к изменяющимся условиям, является сложной научно-технической проблемой, решение которой находится на пересечении различных сфер научного знания - естественно-научной, технической и социально-гуманитарной». Перспектива создания именно такого, сильного универсального искусственного интеллекта представляет собой не только новые перспективы в решении важнейших задач человечества, но и

огромные риски для человеческого социума, к которым надо готовиться сейчас.

В 2024 году под влиянием актуальных тенденций развития технологий Национальная стратегия развития искусственного интеллекта была дополнена такими важными темами, как инструменты генеративного ИИ, суверенизация технологической базы, внедрение инструментов искусственного интеллекта в государственную управленческую цифровую среду, а также создание эффективных отечественных языковых моделей. Однако необходимо понимать, что данные стратегические документы подвержены и всем традиционным недостаткам, связанным с излишней абстрактностью целей и задач, отсутствия конкретных ответственных и этапных сроков исполнения.

Другим важным документом подзаконного регулирования является правительственная «Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» [22] (далее – «Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года»). В её преамбуле напрямую указывается, что в настоящее время в Российской Федерации отсутствует специальное законодательное регулирование, учитывающее специфику применения технологий искусственного интеллекта и робототехники, и в этом мы отстаем от мировых технологических лидеров, которыми уже предприняты попытки нормативного регулирования искусственного интеллекта и робототехники.

Одним из главных задач Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года являлась аналитика текущего правового регулирования с целью выявления действующих пробелов и выработки подходов к их преодолению. В частности, было отмечено, что перспективное регуляторное воздействие должно быть основано на риск-ориентированном, междисциплинарном подходе и предусматривать принятие ограничительных норм в случае, если применение технологий искусственного интеллекта и робототехники несет объективно высокий риск причинения вреда участникам общественных отношений, правам человека и интересам общества и государства. Концепция также предполагает антропоцентрический «человекоориентированный» подход, который предполагает широкое применение инструментов саморегуляции и сорегуляции через кодексы (своды), направленных на подчинение разработки, внедрения и применении технологий искусственного интеллекта и робототехники прежде всего этическим правилам. Также одной из тем, впервые поднятых Концепцией была необходимость создания механизма юридической ответственности за вред, причинный искусственным интеллектом и роботами.

Одним из законодательных актов федерального уровня, который открыл дорогу для создания особого правового режима для Москвы как площадки апробации технологий искусственного ИИ, стал Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных и предоставления доступа к региональным составам данных и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» [23] (далее – Федеральный закон № 123-ФЗ). В соответствии с этим законом Москва стала уникальным местом внедрения ИИ в экономику, социальную сферу, медицину, безопасность, управление мегаполисом. Этот эксперимент ввел специальные

условия в области законодательства о персональных данных, защиты государственной тайны, врачебной и коммерческой тайне для разработчиков и применителей искусственного интеллекта в городе федерального значения Москве. Схож с ним, но не привязан к определённому субъекту федерации Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» [24], в соответствии с которым в области разработки высоких технологий, включая искусственный интеллект, в определённых местностях территории Российской Федерации может быть введен экспериментальный правовой режим, то есть временное специальное регулирование, вводящее особые правила, создающие условия для надлежащей реализации задуманного эксперимента. Сфера эксперимента довольно широка и может касаться различных сфер экономики и социальной жизни, таких, например, как разработка беспилотных транспортных систем, создания промышленных роботов и диагностики заболеваний.

Логика развития подзаконного нормативного регулирования вопросов искусственного интеллекта со всей очевидностью свидетельствует, что следующим этапом правового развития этой темы должен стать комплексный законопроект, который после своей апробации в среде профессионального сообщества и специалистов других заинтересованных компетенций должен стать первым отечественным полноценным федеральным законом о регулировании искусственного интеллекта. Вопрос заключается в том, какую модель правового регулирования этой инновационной темы выберет российский законодатель – адаптированную модель с учетом зарубежного опыта (в том числе с учетом Закона ЕС о ИИ) или полностью суверенную?

В апреле 2026 Совет при Президенте России по кодификации и совершенствованию законодательства на заседании рассмотрел проект федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в России». Всего за месяц от публикации 17.03.2026 г.-23.04.2026 прошел путь от рамочного законопроекта, до проекта у которого нет будущего. Законопроект предлагал несколько ключевых новелл: запрет иностранного ИИ; в госсекторе- цифровой суверенитет; права на используемый софт должны принадлежать российской компании, а сервера стоять в России; введение и ведение реестров «доверенных моделей ИИ»; маркировку синтезированного ИИ-контента и обязанность платформ обеспечить видимую или скрытую; возможность компенсации вреда, причиненного неправомерным использованием ИИ, а также досудебное обжалование решений (действия, бездействия) органов государственной власти и организаций с государственным участием, принятых или совершенных с использованием ИИ, уголовную ответственность за дипфейки, экспериментальные правовые режимы. Законом предлагалось установить правовые основы для внедрения ИИ, обеспечения безопасности личности, общества и государства при использовании ИИ. Общая структура законопроекта и логика законопроекта должны были дать легальные определения ключевым понятиям: искусственный интеллект, модель, сервис, система. Ввести категории ИИ-моделей и установить требования к разработке и их использованию, а также маркировку контента, созданного с помощью ИИ. Законопроект предлагал переходный период продолжительностью более года. В этот срок государственные органы должны были провести ресертификацию, аудит и возможную замену софта.

Однако Совет по кодификации указал на комплекс недостатков. Среди них:

- отсутствует самостоятельный предмет регулирования: предложенные легальные определения («ИИ», «система ИИ», «сервис ИИ», «модель ИИ») могли охватывать любые алгоритмы – от автокоррекции текста до голосового помощника, что создает риски неоднозначного правоприменения;

- положение о запрете использования иностранного ИИ в государственном секторе, в государственных информационных системах и на объектах критической информационной инфраструктуры (КИИ) требует разработки, обучения и эксплуатации таких моделей исключительно гражданами России и на российских данных, что в настоящее время не выполнимо в полной мере;

- внедрение двух типов реестров доверенных моделей требует дополнительных подзаконных актов ФСТЭК и ФСБ, определяющих технические критерии сертификации, попадание во второй реестр влечет режим усиленного надзора;

- маркировка контента (видимой плашкой или машиночитаемой меткой) потребовала бы колоссальных усилий и привело к разработке двух подходов: жёсткого (весь ИИ-контент) и гибкого (самостоятельная маркировка пользователем), что создает правовую неопределенность.

- положения законопроекта вступают в противоречие со ст. 1228 и 1257 ГК РФ, согласно которым автором может быть признан только гражданин, творческим трудом которого создан соответствующий результат, что делает невозможным признание ИИ автором;

- профессиональное сообщество высказало почти 430 замечаний, указав на отсутствие четких критериев применения и техническую невыполнимость ряда требований, что создает риски правовой неопределенности и потенциальных злоупотреблений.

Заключение Совета по кодификации при Президенте России направленное в высшие органы государственной власти, делает маловероятным принятие законопроекта в текущей редакции. Исследователей практики использования программных продуктов, связанных с искусственным интеллектом (ИИ), беспокоят вопросы результатов такого использования, в том числе, сфере образования. В сфере, которая формирует специалистов, носителей специальных знаний и навыков. Чрезмерная свобода в использовании ИИ может, по мнению аналитиков, создать ощутимые «препятствия для формирования самостоятельного мышления», ведет к утере критического мышления обучающихся в высших учебных заведениях. [25]

Таким образом, можно сделать вывод, что пока отечественный законопроект по вопросу регулирования искусственного интеллекта находится в первичной стадии концептуальной разработки и объективно нуждается в серьезной доработке. Вызывают вопросы о целесообразности запретительной объективации законопроекта, а также его общего согласования с принципами фундаментальных отраслей российского законодательства. Вполне реальным является альтернативная модель развития законодательного регулирования искусственного интеллекта, когда вместо одного «мега-закона» принимается несколько меньших законодательных актов, регулирующих более узкий спектр общественных отношений в области разработки и применения искусственного интеллекта. В любом случае, и перед одним, и перед несколькими законодательными актами будет стоять одни и те же цели и задачи, которые в последнее время активно обсуждаются в научной юридической прессе. Как отмечает В.Д. Багинский к наиболее актуальным задачам ближайшего будущего следует отнести не только собственно законодательного регулирования искусственного интеллекта, но и «создание системы страхования рисков и компенсации ущерба, связанных с применением автономных систем ИИ повышенной важности, а также установления особых правовых

режимов для систем искусственного интеллекта в высокорискованных отраслях» [26]. С другой стороны, необходимо разработать и внести в действующее законодательство консолидированные изменения, направленные на решения менее масштабных задач, например связанных с воздействием инструментов искусственного интеллекта на авторское и смежное право. Данные изменения уже активно обсуждаются как в научной литературе, так и в открытых дискуссиях в рамках круглых столов и конференций с участием как юристов гражданского права, так и правоведов в области публичного права.

Полагаем, что оптимальным для России представляется **смешанный подход**: заимствование риск-ориентированной методологии ЕС (с классификацией ИИ-систем по уровню опасности) в сочетании с гибкостью отраслевого регулирования, с обязательным сохранением «человекоориентированности» и защитой когнитивных навыков в образовании. Сохранение баланса позволит не допустить торможение технологического прогресса и человеческого потенциала.

Литература

1. Фрэнсис Чарльз МакГрат (1999). (Пост)колониальная драматургия Брайана Фрила: язык, иллюзия и политика. University Press. С. 19–21. ISBN 978-0-8156-2813-2.
2. Отрасль советского социалистического права, которая регулировала организацию колхозов и их деятельность, а также отношения с членами, семьями колхозников и колхозными дворами и т.д. Можно предположить логику того времени: «как в природе переход энергии из одной формы в другую совершается без её уничтожения, так и в колхозном праве труд колхозников, переходя из индивидуальной формы в форму общественно-кооперативного труда, не утрачивает своей сущности, а лишь изменяет способ присвоения...» это конечно не прямая цитата, а распространённая риторическая конструкция для привязки любой темы к марксизму.
3. Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law // интернет-ресурс <https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/the-framework-convention-on-artificial-intelligence>
4. OECD Legal Instruments — AI Recommendation // интернет-ресурс <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449>
5. UNESCO Recommendation on the Ethics of AI // интернет-ресурс <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137>
6. G7 Hiroshima AI Process — Code of Conduct // интернет-ресурс <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/hiroshima-process-international-code-conduct-advanced-ai-systems>
7. Regulation (EU) 2024/1689 — EU AI Act // интернет-ресурс <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj>
8. Digital Services Act // интернет-ресурс <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj>
9. Machinery Regulation // интернет-ресурс <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1230/oj>
10. Product Liability Directive 2024/2853 // интернет-ресурс <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2024/2853/oj>
11. NIS2 Directive // интернет-ресурс <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2022/2555/oj>
12. Real Decreto 729/2023 // интернет-ресурс <https://regulations.ai/regulations/RAI-ES-NA-RD7ASXX-2023>, // интернет-ресурс <https://www.boe.es/eli/es/rd/2023/08/22/729>, // интернет-ресурс <https://www.boe.es/boe/dias/2023/09/02/pdfs/BOE-A-2023-18911.pdf>

13. Code des relations entre le public et l'administration // интернет-ресурс <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000031366350/>
14. German Road Traffic Act — StVG // интернет-ресурс <https://www.gesetze-im-internet.de/stvg/>
15. UK GDPR // интернет-ресурс <https://www.legislation.gov.uk/eur/2016/679/contents>
16. Data Protection Act 2018 // интернет-ресурс <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/12/contents>
17. Online Safety Act 2023 // интернет-ресурс <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2023/50/contents>
18. Federal Trade Commission Act // интернет-ресурс <https://www.ftc.gov/section-5>
19. Colorado SB24-205 // интернет-ресурс <https://leg.colorado.gov/bills/sb24-205>
20. NYC Automated Employment Decision Tools // интернет-ресурс <https://www.nyc.gov/site/dca/about/automated-employment-decision-tools.page>
21. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с "Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года") // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
22. Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // СЗ РФ. 2020. № 35. Ст. 5593.
23. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных и предоставления доступа к региональным составам данных и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // СЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.
24. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5017.
25. Фатьянов А.А., Антопольский А.А., Азаров М.С. Некоторые проблемные вопросы использования информационной технологии искусственного интеллекта в образовательной деятельности // Закон и Власть, № 5, 2026.
26. Багинский В.Д. Эволюция искусственного интеллекта: правовые горизонты и будущее в российской правовой системе // Современное право. 2026. N 2. С. 48 - 51.

The Dialectics of Artificial Intelligence Development in the Context of Modern Legal Regulation

Kastornova T.A., Shcherbakov V.A., Grigoriev A.V.

Plekhanov Russian University of Economics

The article addresses the issue of the overuse of neural networks and artificial intelligence in science and education. The authors argue that the excessive adoption of these technologies may weaken people's ability to independently develop cognitive and analytical skills. This trend, according to the researchers, could lead to a decline in critical thinking and creativity, which will negatively impact the quality of scientific research and the educational process.

The study also analyzes modern legal regulation models aimed at the use of neural networks and artificial intelligence, both in the Russian Federation and abroad. Specifically, it focuses on the legal systems of the United States, the European Union, and several of its member states. The purpose of this analysis is to identify key trends and regulatory features in this dynamically developing area, as well as to assess the compliance of existing legal mechanisms with the requirements of the digital transformation of society.

Keywords: Digital law, artificial intelligence, neural networks, Internet, education.

References

1. Francis Charles McGrath (1999). The (Post)Colonial Drama of Brian Friel: Language, Illusion, and Politics. University Press. pp. 19–21. ISBN 978-0-8156-2813-2.
2. The branch of Soviet socialist law that regulated the organization of collective farms and their activities, as well as relations with members, families of collective farmers, and collective farm households, etc. One can assume the logic of that time: "just as in nature the transition of energy from one form to another occurs without its destruction, so in collective farm law the labor of collective farmers, passing from an individual form to the form of social-cooperative labor, does not lose its essence, but only changes the method of appropriation..." This, of course, is not a direct quote, but a common rhetorical construction for linking any topic to Marxism.
3. Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law // Internet resource <https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/the-framework-convention-on-artificial-intelligence>
4. OECD Legal Instruments - AI Recommendation // Internet resource <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449>
5. UNESCO Recommendation on the Ethics of AI // online resource <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137>
6. G7 Hiroshima AI Process - Code of Conduct // internet resource <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/hiroshima-process-international-code-conduct-advanced-ai-systems>
7. Regulation (EU) 2024/1689 — EU AI Act // online resource <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj>
8. Digital Services Act // online resource <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj>
9. Machinery Regulation // online resource <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1230/oj>
10. Product Liability Directive 2024/2853 // online resource <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2024/2853/oj>
11. NIS2 Directive // online resource <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2022/2555/oj>
12. Real Decreto 729/2023 // online resource <https://regulations.ai/regulations/RAI-ES-NA-RD7ASXX-2023>, // Online resource <https://www.boe.es/eli/es/rd/2023/08/22/729>, // Online resource <https://www.boe.es/boe/dias/2023/09/02/pdfs/BOE-A-2023-18911.pdf>
13. Code of Public Relations and Administration // Online resource <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000031366350/>
14. German Road Traffic Act — StVG // Online resource <https://www.gesetze-im-internet.de/stvg/>
15. UK GDPR // Online resource <https://www.legislation.gov.uk/eur/2016/679/contents>
16. Data Protection Act 2018 // online resource <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/12/contents>
17. Online Safety Act 2023 // online resource <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2023/50/contents>
18. Federal Trade Commission Act // online resource <https://www.ftc.gov/section-5>
19. Colorado SB24-205 // online resource <https://leg.colorado.gov/bills/sb24-205>
20. NYC Automated Employment Decision Tools // online resource <https://www.nyc.gov/site/dca/about/automated-employment-decision-tools.page>
21. Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 (as amended on February 15, 2024) "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (together with the "National Strategy for the Development of Artificial Intelligence through 2030") // Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 41. Art. 5700.
22. Order of the Government of the Russian Federation dated August 19, 2020 No. 2129-r "On Approval of the Concept for the Development of Regulation of Relations in the Sphere of Artificial Intelligence and Robotics Technologies until 2024" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 35. Art. 5593.
23. Federal Law of 24.04.2020 No. 123-FZ "On Conducting an Experiment to Establish Special Regulation in Order to Create the Necessary Conditions for the Development and Implementation of Artificial Intelligence Technologies in the Subject of the Russian Federation - the Federal City of Moscow, on the Specifics of Processing Personal Data When Forming Regional Data Sets and Providing Access to Regional Data Sets and Amending Articles 6 and 10 of the Federal Law "On Personal Data" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 17. Art. 2701.
24. Federal Law of 31.07.2020 No. 258-FZ "On Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital and Technological Innovations in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (Part I). Art. 5017.
25. Fatyanov A.A., Antopolsky A.A., Azarov M.S. Some problematic issues of using artificial intelligence information technology in educational activities // Law and Power, No. 5, 2026.
26. Baginsky V.D. Evolution of artificial intelligence: legal horizons and the future in the Russian legal system // Modern law. 2026. N 2. pp. 48-51.

Современное состояние системы социального обеспечения в Российской Федерации и тенденции его развития

Косаренко Николай Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Nkosarenko@yandex.ru

В статье осуществляется правовой анализ современного состояния системы социального обеспечения в Российской Федерации. Рассматриваются актуальные проблемы и определяются пути их решения в целях совершенствования социального законодательства. Цель работы – комплексный правовой анализ современного состояния российской системы социального обеспечения населения и выявление основных тенденций ее дальнейшего развития.

Особое внимание уделяется проблематике реализации принципов социальной деятельности при осуществлении социальных услуг населению. На основе проведенного анализа формулируются выводы о современном состоянии системы социального обеспечения граждан, о необходимости законодательных изменений и выработки гибридных моделей, сочетающих публичный интерес в социальной сфере.

Ключевые слова: социальное государство, социальное право, социальная услуга, система социального обеспечения, социальная деятельность.

Актуальность темы исследования обусловлена конституционным закреплением Российской Федерации в качестве социального государства, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека в России [1]. В юридической науке система социального обеспечения рассматривается как совокупность правовых, экономических и организационных мер, направленных на реализацию конституционных прав граждан на материальную поддержку при наступлении социальных рисков.

Социальное обеспечение — это организованная государством форма помощи для утвержденного круга лиц, оказываемая при наступлении определенных юридических фактов, в установленных законом ситуациях, с целью выравнивания социального положения граждан. Социальное обеспечение выступает гарантом достойной жизни для граждан. Государство закрепляет минимальные социальные нормы обеспеченности, которые гарантирует для своих граждан.

Конституционные принципы социального обеспечения

Анализ положений Конституции Российской Федерации 1993 года с поправками, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года, позволяет утверждать, что право на социальное обеспечение относится к числу фундаментальных прав человека и гражданина. Статья 7 Конституции Российской Федерации императивно закрепляет статус Российской Федерации как социального государства, что предполагает не только охрану труда и здоровья людей, но и государственную поддержку семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развитие системы социальных служб.

Особое значение для системы социального обеспечения имеет статья 39 Конституции Российской Федерации, которая гарантирует каждому социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом. При этом часть 2 статьи 39 Конституции Российской Федерации устанавливает, что государственные пенсии и социальные пособия устанавливаются законом, а часть 3 этой же статьи поощряет добровольное социальное страхование, создание дополнительных форм социального обеспечения и благотворительность. Таким образом, конституционная модель социального обеспечения сочетает императивные гарантии со стороны государства с диспозитивными механизмами, основанными на инициативе граждан и работодателей.

Как отмечает О.А. Батаева, конституционные принципы социального государства получают свою конкретизацию в отраслевом законодательстве, однако между декларируемыми нормами и реальным уровнем социальной защищенности сохраняется разрыв, что порождает правовые проблемы [6].

Социальное обслуживание основывается на соблюдении прав человека и уважении достоинства личности, носит гуманный характер и не допускает унижения чести и достоинства человека. Статья 4 Федерального закона № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» формулирует систему принципов, задающих ценностный каркас всего правового института социального обслуживания граждан:

1) равный, свободный доступ граждан к социальному обслуживанию вне зависимости от их пола, расы, воз-

раста, национальности, языка, происхождения, места жительства, отношения к религии, убеждений и принадлежности к общественным объединениям;

2) адресность предоставления социальных услуг;

3) приближенность поставщиков социальных услуг к месту жительства получателей социальных услуг, достаточность количества поставщиков социальных услуг для обеспечения потребностей граждан в социальном обслуживании, достаточность финансовых, материально-технических, кадровых и информационных ресурсов у поставщиков социальных услуг;

4) сохранение пребывания гражданина в привычной благоприятной среде;

5) добровольность;

6) конфиденциальность.

Таким образом система социального обеспечения Российской Федерации представляет собой многоуровневое правовое образование, включающее пенсионное обеспечение (страховые и государственные пенсии), систему государственных пособий и компенсационных выплат, государственную социальную помощь, социальное обслуживание и социальную поддержку отдельных категорий граждан, попавших в тяжелую жизненную ситуацию.

В сфере реализации социальной деятельности одним из главных способов внешнего выражения правовых предписаний являются нормативные правовые акты, как национальные, так и международные. Система источников социального права достаточно обширна, поэтому рассмотрим основные из них. Согласно ст. 15 Конституции РФ, составной частью правовой системы Российской Федерации являются общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры [1].

Если международным договором установлены иные правила, чем предусмотренные российским законом, то применяются правила международного договора.

Правовое регулирование социального обслуживания граждан осуществляется на основании многих федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, а также законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации. Значительное место в системе источников права социального обеспечения занимают также указы и распоряжения Президента Российской Федерации, постановления и решения Правительства Российской Федерации, правовые акты федеральных министерств и ведомств.

Система социального обслуживания включает в себя:

1) федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере социального обслуживания; Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации (Минтруд России);

2) орган государственной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченный на осуществление предусмотренных ст. 8 Федерального закона от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» полномочий в сфере социального обслуживания на территории субъекта Российской Федерации (далее — уполномоченный орган субъекта Российской Федерации), в том числе на признание граждан нуждающимися в социальном обслуживании, составление индивидуальной программы предоставления социальных услуг;

3) организации социального обслуживания, находящиеся в ведении федеральных органов исполнительной власти;

4) организации социального обслуживания, находящиеся в ведении субъекта Российской Федерации и т.д.

Полномочия федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере социального обслуживания.

К полномочиям федеральных органов государственной власти в сфере социального обслуживания относятся:

1) установление основ государственной политики и основ правового регулирования в сфере социального обслуживания;

2) утверждение методических рекомендаций по расчету подушевых нормативов финансирования социальных услуг;

3) утверждение примерного перечня социальных услуг по видам социальных услуг;

4) федеральный государственный контроль (надзор) в сфере социального обслуживания;

5) иные относящиеся к сфере социального обслуживания и установленные федеральными законами полномочия.

К полномочиям уполномоченного федерального органа исполнительной власти относятся:

1) выработка и реализация государственной политики в сфере социального обслуживания, а также выработка мер по совершенствованию социального обслуживания;

2) координация деятельности в сфере социального обслуживания, осуществляемой федеральными органами исполнительной власти, исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, общероссийскими общественными организациями и иными осуществляющими деятельность в сфере социального обслуживания организациями;

3) методическое обеспечение социального обслуживания, в том числе в части, касающейся профилактики обстоятельств, обуславливающих нуждаемость в социальном обслуживании и т.д.;

4) иные предусмотренные нормативными правовыми актами Российской Федерации полномочия.

Получатели социальных услуг имеют право на:

1) уважительное и гуманное отношение;

2) получение бесплатно в доступной форме информации о своих правах и обязанностях, видах социальных услуг, сроках, порядке и об условиях их предоставления, о тарифах на эти услуги и об их стоимости для получателя социальных услуг, о возможности получения этих услуг бесплатно, а также о поставщиках социальных услуг;

3) выбор поставщика или поставщиков социальных услуг;

4) отказ от предоставления социальных услуг;

5) защиту своих прав и законных интересов в соответствии с законодательством Российской Федерации и др.

Получатели социальных услуг обязаны:

1) предоставлять в соответствии с нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации сведения и документы, необходимые для предоставления социальных услуг;

2) своевременно информировать поставщиков социальных услуг об изменении обстоятельств, обуславливающих потребность в предоставлении социальных услуг;

3) соблюдать условия договора о предоставлении социальных услуг, заключенного с поставщиком социальных услуг, в том числе своевременно и в полном объеме оплачивать стоимость предоставленных социальных услуг при их предоставлении за плату или частичную плату.

1. Поставщики социальных услуг имеют право:

1) запрашивать соответствующие органы государственной власти, а также органы местного самоуправления и получать от указанных органов информацию, необходимую для организации социального обслуживания;

2) отказать в предоставлении социальной услуги получателю социальных услуг в случае нарушения им условий договора о предоставлении социальных услуг, заключенного с получателем социальных услуг или его законным представителем;

3) быть включенными в реестр поставщиков социальных услуг субъекта Российской Федерации;

4) получать в течение двух рабочих дней информацию о включении их в перечень рекомендуемых поставщиков социальных услуг.

Поставщики социальных услуг вправе предоставлять гражданам по их желанию, выраженному в письменной или электронной форме, дополнительные социальные услуги за плату.

Обязанности поставщиков социальных услуг определены в статье 12 Федерального закона от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ «Об основах обязательного социального обслуживания граждан в Российской Федерации».

Поставщики социальных услуг обязаны осуществлять свою деятельность в соответствии с законодательством Российской Федерации, предоставлять социальные услуги получателям социальных услуг в соответствии с индивидуальными программами и условиями договоров, заключенных с получателями социальных услуг или их законными представителями, на основании требований действующего законодательства, а также предоставлять бесплатно в доступной форме получателям социальных услуг или их законным представителям информацию об их правах и обязанностях, о видах социальных услуг, сроках, порядке и об условиях их предоставления, о тарифах на эти услуги и об их стоимости для получателя социальных услуг либо о возможности получить их бесплатно;

Поставщики социальных услуг обязаны использовать информацию о получателях социальных услуг в соответствии с установленными законодательством Российской Федерации о персональных данных требованиями о защите персональных данных.

Признание гражданина нуждающимся в социальном обслуживании

Гражданин признается нуждающимся в социальном обслуживании в случае, если существуют следующие обстоятельства, которые ухудшают или могут ухудшить условия его жизнедеятельности:

1) полная или частичная утрата способности либо возможности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, обеспечивать основные жизненные потребности в силу заболевания, травмы, возраста или наличия инвалидности;

2) наличие в семье инвалида или инвалидов, в том числе ребенка-инвалида или детей-инвалидов, нуждающихся в постоянном постороннем уходе;

3) наличие ребенка или детей (в том числе находящихся под опекой, попечительством), испытывающих трудности в социальной адаптации;

4) отсутствие работы и средств к существованию;

5) наличие иных обстоятельств, которые нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации признаны ухудшающими или способными ухудшить условия жизнедеятельности граждан.

Уполномоченный орган субъекта Российской Федерации или уполномоченная организация принимают решение о признании гражданина нуждающимся в социальном обслуживании либо об отказе в социальном обслуживании в течение пяти рабочих дней с даты подачи заявления. О принятом решении заявитель информируется в письменной или электронной форме. Решение об оказании срочных социальных услуг принимается немедленно.

Решение об отказе в социальном обслуживании может быть обжаловано в судебном порядке.

Порядок предоставления социальных услуг обязателен для исполнения поставщиками социальных услуг. Порядок предоставления социальных услуг устанавливается по формам социального обслуживания, видам социальных услуг и включает в себя:

1) наименование социальной услуги;

2) стандарт социальной услуги;

3) правила предоставления социальной услуги бесплатно либо за плату или частичную плату;

4) требования к деятельности поставщика социальной услуги в сфере социального обслуживания;

5) перечень документов, необходимых для предоставления социальной услуги, с указанием документов и информации, которые должен представить получатель социальной услуги, и документов, которые подлежат представлению в рамках межведомственного информационного взаимодействия или представляются получателем социальной услуги по собственной инициативе;

6) иные положения в зависимости от формы социального обслуживания, видов социальных услуг.

Стандарт социальной услуги включает в себя:

1) описание социальной услуги, в том числе ее объем;

2) сроки предоставления социальной услуги;

3) подушевой норматив финансирования социальной услуги;

4) показатели качества и оценку результатов предоставления социальной услуги;

5) условия предоставления социальной услуги, в том числе условия доступности предоставления социальной услуги для инвалидов и других лиц с учетом ограничений их жизнедеятельности;

6) иные необходимые для предоставления социальной услуги положения.

Социальное обеспечение выступает гарантом достойной жизни для граждан. Государство закрепляет минимальные социальные нормы обеспеченности, которое гарантирует для своих граждан.

Формы и виды социального обеспечения

Социальное обеспечение включает в себя различные виды помощи и поддержки граждан со стороны государства. Помощь оказывается малоимущим семьям, пенсионерам, людям с ограниченными возможностями и др.

Основные виды социального обеспечения:

- пенсии;
- пособия;
- компенсации;
- льготы;
- социальное обслуживание;
- медицинская помощь;
- медицинское лечение.

Формы социального обеспечения:

- денежная;
- натуральная;
- услуги;
- льготы.

Все эти виды социального обеспечения направлены на помощь гражданам и способствуют повышению их уровня жизни и благосостояния.

В настоящее время в Российской Федерации существует большое количество специализированных учреждений, основной целью которых является социальное обслуживание граждан Российской Федерации. Эти социальные учреждения можно разделить по типам:

- специализированные социальные учреждения по обслуживанию граждан — пансионаты для престарелых и инвалидов, дома-интернаты и др.;
- учреждения социального обслуживания, которые предоставляют помещения для жизни в домах, которые

используются жилищным фондом в социальном использовании;

- учреждения полустационарного социального обслуживания граждан на дому;
- учреждения социального обслуживания, консультирующие граждан по вопросам социального обслуживания.

Социальное обслуживание является одним из наиболее приоритетных направлений развития социальной политики Российской Федерации. Социальное обслуживание играет важную роль в обеспечении социальной справедливости в обществе.

Правовые услуги оказываются юристами. Например, юристы помогают гражданам с юридическим оформлением документов, составлением обращений в государственные органы и получением юридической информации в области социального обеспечения.

Большое разнообразие социальных услуг направлено на поддержку граждан и улучшение качества их жизни.

Однако Федеральный закон от 28 дек. 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» закрепляет не только общие понятия, но и порядок того, как человек может быть признан нуждающимся в социальных услугах. По закону гражданин признаётся нуждающимся в социальном обслуживании, если существуют обстоятельства, которые ухудшат или могут ухудшить условия его жизни. Среди таких обстоятельств названы, например, полная или частичная утрата способности к самообслуживанию, самостоятельному передвижению и обеспечению основных жизненных потребностей из-за заболевания, травмы, возраста или инвалидности. На практике это означает, что социальное обслуживание связано не с формальным статусом человека, а с его реальным состоянием. Один пожилой человек может быть вполне самостоятельным и не нуждаться в постоянной помощи, а другой – уже не справляться с бытовыми задачами. Поэтому закон делает акцент именно на жизненной ситуации, а не только на возрасте, инвалидности или доходе.

Система социального обслуживания тесно связана с государственной социальной помощью. Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» регулирует поддержку малоимущих семей, малоимущих одиноко проживающих граждан и иных категорий граждан, а также затрагивает учёт прав граждан на меры социальной защиты, социальные услуги и другие социальные гарантии. Это показывает, что социальное обслуживание не существует отдельно от других мер социальной поддержки. На практике человеку может быть нужна не одна мера, а целый комплекс: пособие, социальная услуга, медицинская помощь, консультация, сопровождение.

Таким образом, правовые механизмы социального обслуживания включают несколько элементов: признание гражданина нуждающимся, индивидуальную программу, выбор формы обслуживания, определение видов социальных услуг, участие поставщиков и контроль со стороны государства. Если эти элементы работают согласованно, социальное обслуживание действительно может стать не формальной процедурой, а реальной поддержкой человека.

Ведущее место в правовом регулировании занимают нормы Федерального закона от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», который определяет государственную социальную помощь как предоставление малоимущим семьям, малоимущим одиноко проживающим гражданам, а также иным категориям лиц социальных пособий, субсидий, социальных услуг и жизненно необходимых товаров [2].

Статья 8.1 настоящего Федерального закона вводит институт социального контракта как особой меры государственной поддержки, направленной на стимулирование активных действий граждан по преодолению трудной жизненной ситуации.

Данный правовой механизм, как подчеркивается в современной доктрине государственной социальной политики, позволяет перейти от пассивной раздачи пособий к активной политике содействия занятости и повышению доходов граждан [7].

Важным элементом системы является Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», который в статье 2 определяет социальную защиту инвалидов как систему гарантированных государством экономических, правовых и организационных мер, обеспечивающих инвалидам условия для преодоления ограничений жизнедеятельности. Данный правовой акт устанавливает правовой статус инвалидов, порядок признания лица инвалидом (ст. 8), а также меры реабилитации и абилитации, что коррелирует с требованиями Конвенции ООН о правах инвалидов [3].

Основным нормативным правовым актом, регулирующим пенсионные отношения, является Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях». В соответствии со статьей 3 данного Закона, страховая пенсия – это ежемесячная денежная выплата в целях компенсации застрахованным лицам заработной платы и иных выплат, утраченных ими в связи с наступлением нетрудоспособности вследствие старости или инвалидности, а нетрудоспособным членам семьи застрахованного лица – заработной платы и иных выплат кормильца, утраченных в связи со смертью этих застрахованных лиц. В структуру страховой пенсии входят фиксированная выплата (ст. 16 Закона) и страховая часть, исчисляемая на основе индивидуальных пенсионных коэффициентов [4].

Существенные изменения в пенсионное и иное социальное законодательство были внесены Федеральным законом от 28.11.2025 № 439-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Данный закон, вступивший в силу с 1 января 2026 года (за исключением отдельных положений), скорректировал порядок индексации страховых пенсий. В соответствии с новой редакцией, с 1 февраля каждого года пенсии подлежат увеличению с учетом индекса роста потребительских цен за прошедший год, но не ниже уровня фактической инфляции [5]. Кроме этого, статьей 2 Закона расширен перечень лиц, имеющих право на досрочное назначение страховой пенсии по старости: в него включены граждане, осуществлявшие трудовую деятельность в условиях высоких цифровых нагрузок (профессии, связанные с непрерывным обслуживанием критической информационной инфраструктуры), что является реакцией законодателя на трансформацию рынка труда.

Федеральный закон «О государственной социальной помощи» в редакции 2025 года с учетом последних изменений, внесенных в законодательство, усилил требования к адресности предоставления мер поддержки. В силу Закона устанавливается, что проверка нуждаемости осуществляется на основе сведений о доходах и имуществе, полученных в рамках межведомственного электронного взаимодействия. Гражданин обязан дать согласие на такие проверки; отказ в согласии является основанием для отклонения заявления о предоставлении помощи.

Данный правовой механизм, как отмечает Л.Н. Тименчук, позволяет существенно сократить нецелевое расходование бюджетных средств, однако порождает новые правовые коллизии, связанные с защитой персональных данных [8].

Отдельно стоит подчеркнуть принцип адресности. Он означает, что социальная услуга должна предоставляться

не просто потому, что человек относится к какой-либо общей категории, а потому что у него действительно есть обстоятельства, ухудшающие его жизнь. Это делает социальное обслуживание более точным, но одновременно создаёт и определённые трудности: нужно оценить ситуацию человека, собрать документы, признать его нуждающимся, составить индивидуальную программу, т. е. помощь становится более персональной, но процедура её получения может оказаться и более трудной.

Принятие Федерального закона от 28.11.2025 № 439-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» затронуло не только пенсионную систему, но и порядок предоставления мер социальной поддержки семьям с детьми. В частности, Закон внес изменения в Федеральный закон «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», установив единые правила назначения ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка с применением критериев комплексной оценки нуждаемости. С 1 марта 2026 года размер такого пособия дифференцирован в зависимости от доходов семьи: базовый размер составляет 50% регионального прожиточного минимума на ребенка, повышенный (100%) предоставляется при наличии объективных обстоятельств, препятствующих выходу родителя на работу (инвалидность ребенка, многодетность, уход за престарелыми) [5].

Вместе с тем, как подчеркивает Л.Н. Тименчук, не все нововведения являются бесспорными. Внедрение автоматизированных проверок доходов и имущества, безусловно, повышает адресность, но одновременно создает риски нарушения конфиденциальности и ошибок в работе информационных систем, что требует совершенствования процедур обжалования решений [8].

Современное состояние системы социального обеспечения Российской Федерации

Современная система социального обеспечения характеризуется, с одной стороны, высоким уровнем нормативной регламентации, а с другой – сохраняющейся дифференциацией в уровне жизни различных категорий граждан. Как отмечают некоторые ученые, одним из ключевых индикаторов эффективности выступает соотношение среднего размера пенсии и величины прожиточного минимума пенсионера. По данным за 2025 год, это соотношение в целом по России составило 176%, однако в ряде регионов оно не превышает 140%, что свидетельствует о неравномерности социально-экономического развития субъектов Российской Федерации [7].

Правовой проблемой является также сложность и многообразие форм социальной поддержки, что затрудняет реализацию гражданами своих прав. В законодательстве насчитывается более 150 видов различных пособий, компенсаций и льгот, многие из которых имеют узкие условия предоставления. Это порождает ошибки в правоприменении и судебные споры. По данным судебной статистики, количество дел, связанных с отказом в назначении пенсий и пособий, ежегодно увеличивается на 4–5%, что косвенно подтверждает тезис о недостаточной правовой определенности в данной сфере [6].

Проблемы адресности, финансирования и цифровизации

Одной из наиболее острых правовых проблем, выделяемых в доктрине, является проблема адресности. О.А. Батаева считает, что формальный подход к определению нуждаемости на основе только среднедушевого дохода не позволяет учитывать имущественное положение и фактические расходы семьи, что приводит к ситуациям, когда социальную помощь получают лица, не являющиеся бедными, и, наоборот, действительно нуждающиеся граждане остаются без поддержки. В связи с этим пред-

лагается законодательно закрепить комплексный критерий нуждаемости, включающий оценку дохода, имущества и наличия в семье иждивенцев с особыми потребностями.

Вторая группа проблем связана с финансированием системы социального обеспечения. Несмотря на конституционную обязанность государства поддерживать достойный уровень жизни, бюджетные ассигнования на социальную сферу в 2026 году не превышают 13,5% ВВП, что ниже среднего показателя по странам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Дефицит бюджета Социального фонда России, созданного в 2023 году путем объединения Пенсионного фонда и Фонда социального страхования, покрывается за счет трансфертов из федерального бюджета, что создает долгосрочные риски устойчивости системы.

Еще одну проблему выделяет Л.Н. Тименчук, который обращает свое внимание на проблему цифровизации социального обеспечения. Внедрение единой государственной информационной системы социального обеспечения (ЕГИССО) и федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» упростило получение многих услуг, однако одновременно возникли новые правовые коллизии: отсутствие законодательного регулирования статуса «цифрового профиля» гражданина, риски утечки персональных данных, а также проблемы доказывания в суде фактов, зафиксированных только в электронной форме [7].

Основные направления совершенствования законодательства

Правовой анализ научных позиций позволяет выделить следующие направления дальнейшего развития системы социального обеспечения. Во-первых, требуется унификация социальных выплат и пособий с переходом к ограниченному числу институтов, например, единое пособие на детей по аналогии с действующим, но с распространением на более широкий круг получателей. Во-вторых, необходимо законодательное закрепление гарантированного социального стандарта – минимального объема социальных услуг и выплат, который государство обязано предоставить каждому гражданину при наступлении социального риска. В-третьих, целесообразно совершенствование правовых механизмов обжалования решений уполномоченных органов, в том числе создание специализированных административных судов или коллегий по социальным спорам.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что российская система социального обеспечения находится в стадии поступательного реформирования, базируясь на конституционных принципах социального государства. Ее современное состояние характеризуется наличием развитого нормативного правового массива, включающего Федеральный закон «О страховых пенсиях», Федеральный закон «О государственной социальной помощи», Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», а также принятые в 2025 году Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В ходе анализа установлены следующие правовые проблемы дальнейшего развития социального обслуживания граждан:

1. Недостаточная адресность социальной поддержки, связанная с несовершенством критериев нуждаемости и сохранением категориального подхода.
2. Дефицит финансирования и неравномерность регионального распределения мер поддержки, усугубляемые демографической нагрузкой.

3. Правовые риски цифровизации, включая защиту персональных данных и доказывание юридических фактов в электронной среде.

4. Сложность и множественность видов пособий, затрудняющие правоприменение и доступ граждан к мерам поддержки.

Дальнейшее развитие системы должно идти по пути унификации социальных выплат, внедрения гарантированного социального стандарта и повышения эффективности межведомственного взаимодействия. Они считают, что дальнейшее совершенствование социального законодательства станет важным шагом в решении проблемы обеспечения инвалидов техническими средствами реабилитации, однако требуется комплексная модернизация всего законодательства о социальном обеспечении с учетом долгосрочных демографических и экономических прогнозов.

Развитие социального обслуживания должно идти не только через совершенствование законов, но и через повышение доступности помощи, улучшение качества услуг, поддержку социальных работников и уважительное отношение к получателям этих услуг. Можно сделать вывод, что правовые основы социального обслуживания важны не сами по себе, а потому что за ними стоит конкретный человек. Если социальная услуга помогает пожилому человеку оставаться дома, человеку с инвалидностью — сохранить самостоятельность, семье — выйти из кризиса, а одинокому гражданину — не остаться без поддержки, значит, социальное обслуживание действительно выполняет своё назначение.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

2. Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508361/

3. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_150579/

4. Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_517402/

5. Федеральный закон от 28.11.2025 № 439-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_520042/

6. Батаева, О. А. Трансформация модели социального обеспечения в России / О. А. Батаева. // Вестник науки. — 2025. — № 10 (91). — Т. 4. — С. 131–136.

7. Кабанова, Е. Е. Система социального обеспечения: современное состояние и перспективы развития / Е. Е. Кабанова, Е. А. Ветрова, Т. А. Евстратова. // Социально-экономические явления и процессы. — 2018. — Т. 13, № 104. — С. 141–146.

8. Тименчук, Л. Н. Современное состояние системы социальной защиты населения в России / Л. Н. Тименчук. // Modern Science. — 2025. — № 10. — С. 120–126.

9. Косаренко Н.Н. Основы социального государства. — М.: Русайнс, 2023. 310 с.

10. Хабибуллина Р. М. Понятие, формы и виды социального обслуживания граждан // Вестник науки. 2021. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-formy-i-vidy-sotsialnogo-obsluzhivaniya-grazhdan>

The Current State of the Social Security System in the Russian Federation and Development Trends

Kosarenko N.N.

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor, Department of State, Legal, and Criminal Law Disciplines, Plekhanov Russian University of Economics, Nkosarenko@yandex.ru

This article provides a legal analysis of the current state of the social security system in the Russian Federation. It examines current issues and identifies solutions for improving social legislation. The purpose of this work is to provide a comprehensive legal analysis of the current state of the Russian social security system and identify key trends for its future development.

Particular attention is given to the implementation of social activity principles in the provision of social services to the population. Based on the analysis, conclusions are drawn regarding the current state of the social security system, the need for legislative changes, and the development of hybrid models that combine public interest in the social sphere.

Keywords: welfare state, social law, social service, social security system, social activity.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) [Electronic resource]. — Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Federal Law of 17.07.1999 No. 178-FZ "On State Social Assistance" [Electronic resource]. — Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508361/
3. Federal Law of 24.11.1995 No. 181-FZ "On Social Protection of Disabled Persons in the Russian Federation" [Electronic resource]. — Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_150579/
4. Federal Law of December 28, 2013 No. 400-FZ "On Insurance Pensions" [Electronic resource]. — Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_517402/
5. Federal Law of November 28, 2025 No. 439-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" [Electronic resource]. — Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_520042/
6. Bataeva, O. A. Transformation of the Social Security Model in Russia / O. A. Bataeva. // Science Bulletin. — 2025. — No. 10 (91). — Vol. 4. — P. 131–136.
7. Kabanova, E. E. Social Security System: Current State and Development Prospects / E. E. Kabanova, E. A. Vetrova, T. A. Evstratova. // Socio-economic Phenomena and Processes. — 2018. — Vol. 13, No. 104. — P. 141–146.
8. Timenchuk, L. N. Current State of the Social Protection System in Russia / L. N. Timenchuk. // Modern Science. — 2025. — No. 10. — P. 120–126.
9. Kosarenko, N. N. Fundamentals of the Social State. — Moscow: Rusains, 2023. 310 p.
10. Khabibullina R. M. Concept, forms and types of social services for citizens // Bulletin of Science. 2021. No. 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-formy-i-vidy-sotsialnogo-obsluzhivaniya-grazhdan>

О некоторых проблемах правового регулирования предвыборной агитации в сети Интернет

Лунин Даниил Евгеньевич

Студент Сибирский юридический университет,
daniil.lunin.05@mail.ru

Елисеева Галина Валерьевна

Старший преподаватель кафедры конституционного и административного права, Сибирский юридический университет,
galina.eliseeva.88@mail.ru

Процесс развития информационно-коммуникационных технологий закономерно оказывает влияние на развитие общественных и публичных институтов во многих государствах мира. В Российской Федерации также происходит интеграция различных информационных технологий и большинства общественно-политических отношений, в том числе института предвыборной агитации. В складывающихся условиях политической конкуренции агитация выступает ключевым инструментом борьбы кандидатов за голоса избирателей, привлекаемых в основном за счет медиа-технологий. Уже более полутора десятилетий в Российской Федерации в процессе предвыборной агитации применяются популярные социальные сети, интерактивные медиа, происходит общение с избирателями в онлайн-режиме. В работе исследуются проблемы, возникающие в связи с проведением предвыборной агитации посредством размещения агитационных материалов в сети Интернет. Автор выделяет проблемы защиты авторских прав правообладателей, чьи результаты интеллектуальной деятельности могут использоваться в качестве агитационных материалов без указания авторства; рассматривает нарушения запрета на проведение предвыборной агитации в день голосования; анализирует вопросы ответственности субъектов правоотношений, возникающие в связи с изготовлением и распространением электронных агитационных материалов. В результате исследования теоретических и правовых аспектов института предвыборной агитации в сети Интернет, анализа статистических данных и данных судебной практики автор последовательно приходит к выводу о необходимости более детального законодательного урегулирования института электронной агитации, формулирует рекомендации, направленные на устранение обозначенных в ходе исследования проблем.

Ключевые слова: проблемы, предвыборная агитация, Интернет, избирательный процесс, информационно-коммуникационные технологии, голосование, правонарушение.

Этимология слова «демократия» берет свое начало еще со времен Древней Греции и емко объединяет в одном понятии две основные категории, характеризующие организацию и механизм устройства данного политического строя: народ (-demos) и власть (-kratos).

Демократический политический строй базируется на участии народа в осуществлении власти как на единственном легальный её источник. В контексте участия народа в осуществлении власти особое внимание государства уделяется гражданам как электорату, особенностям реализации их политических прав, действия гарантий осуществления этих прав, правовому регулированию общественных отношений, возникающих из их осуществления.

В науке принято считать, что центральным и всеобъемлющим институтом избирательного права и электоральных отношений в целом выступает избирательный процесс [1, с. 144], интерес к изучению которого порождается особенностями его организации и развития в настоящее время.

Современная отечественная правовая система вобрала в себя основные демократические тенденции развития избирательных институтов, что нашло свое отражение в правовой системе Российской Федерации. Так, в ч. 2 ст. 32 Конституции Российской Федерации закреплено, что граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме, то есть выступать неотъемлемым субъектом избирательного процесса¹⁷.

Центральным актом федерального законодательства, регулирующим отношения, связанные с организацией избирательного процесса и осуществлением гражданами избирательных прав, выступает Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (далее – Закон «Об основных гарантиях...»), статья 2 которого закрепляет определения понятий «выборы» и «референдум» в качестве форм прямого волеизъявления граждан Российской Федерации¹⁸. Статья 3 Закона № 67-ФЗ закрепляет четыре основополагающих избирательных принципа: всеобщность, равенство, прямое волеизъявление избирателей, тайность голосования. Как справедливо отметил Верховный Суд Российской Федерации в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда от 25 июня 2024 г. № 17, при реализации гражданином его активного избирательного права и права на участие в референдуме сведения любого характера, связанные с подготовкой и проведением выборов и референдумов, могут оказывать воздействие на выбор гражданина¹⁹, в связи с чем информационное обеспечение обеих форм прямого волеизъявления граждан должно способствовать соблюдению четырех вышеперечисленных принципов, закрепленных Законом «Об основных гарантиях...».

Информационному обеспечению выборов, в свою очередь, посвящены нормы главы VII Закона «Об основных

¹⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 1 июля 2020 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31.

¹⁸ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федер. закон от 12.06.2002 г. № 67 // СЗ РФ 2002. № 24. Ст. 2253.

¹⁹ Постановление Пленума Верховного Суда от 25.06.2024 г. № 17 «Об отдельных вопросах, возникающих у судов при рассмотрении дел об административных правонарушениях, посягающих на установленный порядок информационного обеспечения выборов и референдумов» // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2024. № 8.

гарантиях...», в частности, статья 44 которого раскрывает содержание информационного обеспечения выборов, закрепляя, что оно включает в себя информирование избирателей и предвыборную агитацию, целью которых выступает обеспечение гласности выборов и способствование осознанному волеизъявлению граждан, что обуславливает неотъемлемость данной стадии избирательного процесса в обеспечении легитимности выборов.

Под предвыборной агитацией понимается деятельность, осуществляемая в период избирательной кампании и имеющая целью побудить или побуждающая избирателей к голосованию за кандидата, кандидатов, список, списки кандидатов или против него (них). Именно предвыборной агитации кандидатами уделяется очень большое внимание, поскольку каждый из них заинтересован в побуждении как можно большего количества избирателей проголосовать за него, а не за своих политических оппонентов.

С распространением современных технологий на публично-правовые институты в Российской Федерации многими учеными справедливо акцентируется внимание на возрастающей роли сети Интернет в процессах взаимодействия политических деятелей с общественностью, в том числе в контексте развивающегося способа предвыборной агитации с использованием сетевых технологий. Так, И.В. Мархгейм и Л.И. Никонova дают понятие Интернет-агитации как «основанной на действующем законодательстве деятельности, осуществляемой в период избирательной кампании с применением современных информационно-коммуникационных технологий, основанных на возможности сети Интернет, и побуждающую избирателей к голосованию за кандидата, кандидатов, список, списки кандидатов или против него (них)» [2, с. 533].

Принятие Федерального закона от 09 марта 2021 г. № 43-ФЗ ознаменовало появление в российском избирательном праве института Интернет-агитации путем внесения изменений в Закон «Об основных гарантиях...», в частности, в статью 48, которая в новой редакции содержит указание на возможность использования сети Интернет для проведения предвыборной агитации²⁰. Сама же сеть Интернет в данной статье определяется как информационно-телекоммуникационная сеть, то есть как технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники²¹, в соответствии со статьей 4 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ, который тоже претерпел изменения в связи со вступлением в силу Федерального закона от 09 марта 2021 г. № 43-ФЗ.

Полагаем, что законодатель, характеризуя сеть Интернет с точки зрения ее технологического содержания, стремился определить особый порядок пресечения распространения в сети Интернет агитационных материалов, изготовленных и (или) распространяемых с нарушением требований законодательства Российской Федерации о выборах. В связи с этим, например, в статьи 21, 23, 26 Закона «Об основных гарантиях...» были внесены изменения, устанавливающие правомочие избирательных комиссий разного уровня обращаться в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи (далее – Роскомнадзор), с представлением о

пресечении распространения в сети вышеупомянутых агитационных материалов. Подобная мера, полагаем, принята законодателем в целях правового обеспечения защиты прав кандидатов, участвующих в избирательном процессе, прав избирателей как лиц, получающих соответствующую информацию в период предвыборной агитации, а также прав третьих лиц, чьи интересы могут затрагиваться в процессе подготовки и опубликования агитационных материалов в сети Интернет.

Более того, федеральным законодательством с той же целью предусматриваются некоторые меры ответственности кандидатов за нарушение установленных Законом «Об основных гарантиях...» требований и ограничений при проведении предвыборной агитации, в том числе в сети Интернет. Так, пп. «д» п. 7 ст. 76 Закона «Об основных гарантиях...» установлена возможность отмены регистрации кандидата, нарушившего требования закона в части несоблюдения требований к содержанию агитационных материалов в сети Интернет. А за проведение Интернет-агитации вне агитационного периода, установленного п. 2 ст. 49 Закона «Об основных гарантиях...» кандидат, например, может быть привлечен к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного статьей 5.10 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ)²².

Вышеперечисленные и иные положения федерального законодательства характеризуют Интернет-агитацию как относительно новый способ информационного обеспечения выборов, располагающийся на одном уровне с традиционными методами проведения предвыборной агитации. Однако фактически Интернет-агитация имеет ряд преимуществ перед ними, чем существенно отличается от иных средств распространения агитационной информации.

В настоящее время ученые подходят к вопросу оценки преимуществ Интернет-агитации с разных позиций. Так, О.Е. Суркова среди таких преимуществ выделяет невысокие финансовые затраты на ее проведение, возможность быстрой, передачи информации онлайн в любом формате, трансграничность, наличие обратной связи, позволяющей выявить электоральные предпочтения избирателей [3, с. 151-154]. Данный ряд можно дополнить тем, что киберпространство функционирует непрерывно, обуславливая возможность ознакомления избирателей с цифровыми агитационными материалами в любое время. К тому же важную роль в процессе агитации выполняют и пользователи сети Интернет, как правило занимающие активную политическую позицию и не стесняющиеся её публично выражать, в том числе в целях повышения влияния программы кандидата, за которого они стремятся отдать свой голос.

Тем не менее нельзя отрицать наличие недостатков агитации в сети Интернет, главным образом, в части её юридического сопровождения, провоцирующих рост правонарушений в Российской Федерации, связанных с нарушением избирательного законодательства. Так, согласно информации начальника главного управления по обеспечению охраны общественного порядка МВД России Лена Габдурахманова по итогам единого дня голосования

²⁰ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 09.03.2021 г. № 43 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 11. Ст. 1708.

²¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 г. № 149 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

²² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

в сентябре 2025 года составлено 73 протокола об административных правонарушениях²³.

Интернет-агитация, юридически находящаяся наравне с другими способами осуществления предвыборной агитации, по своей природе существенно отличается от них. Аналогичной позиции придерживается и В.О. Цыганок, который отмечает необходимость выделения «самостоятельного предмета регулирования агитации в сети Интернет... рассмотрение данного вопроса не может быть произведено в отрыве от сложившейся как практики правоприменительной, так и практики предвыборной агитации в сети Интернет» [4, с. 31]. Цифровая природа и особенности агитационных материалов, распространяемых в сети Интернет, зачастую порождают вопросы по поводу применения к правовому регулированию их использования норм Закона «Об основных гарантиях...», посвященных иным способам проведения предвыборной агитации, закрепленным в п. 3 ст. 48 этого же закона.

Так, особенностью агитационных материалов, опубликованных в сети Интернет, является то, что они остаются доступными для любого его пользователя в течение неограниченного промежутка времени до тех пор, пока материал не будет удален лицом, его разместившим. Такая информация остается открытой для других пользователей и в момент времени, когда предвыборная агитация запрещена, то есть в день проведения голосования, в соответствии с п. 3 ст. 49 Закона «Об основных гарантиях...». Законодатель в пункте 4 этой статьи разрешил сохранять в день голосования только печатные агитационные материалы, ранее изготовленные и размещенные на специальных местах на территориях избирательных участков, однако для материалов, распространяемых в сети Интернет, подобной нормы в федеральном законодательстве не предусмотрено, что выступает основанием для признания незаконным распространения такого материала в сети Интернет и признания данного деяния правонарушением в части несоблюдения требований и запретов в отношении распространения агитационных материалов вне законно установленного срока.

Нередко также в период проведения предвыборной агитации нарушаются права третьих лиц, которые могут и не быть заинтересованы в результатах избирательной кампании в принципе. На данный момент уровень технологического развития позволяет кандидатам или иным лицам, заинтересованным в результатах избирательной кампании, практически моментально копировать, изменять и распространять аудиальные, визуальные, текстовые материалы, находящиеся в открытом доступе в сети Интернет. В условиях предвыборной конкуренции кандидатам гораздо проще и быстрее воспользоваться чужим результатом интеллектуальной деятельности для проведения агитации, чем самостоятельно разрабатывать его для избирателей. В связи с этим использование интеллектуальной собственности лица, являющегося автором материала, который используется при проведении Интернет-агитации, нередко приводит к нарушению его авторских прав на соответствующее произведение науки, литературы или искусства. Отметим, что «Закон об основных гарантиях...» в п. 1.1 ст. 56 устанавливает важнейшее

ограничение при проведении предвыборной агитации: запрет агитации, нарушающей законодательство Российской Федерации об интеллектуальной собственности. Несмотря на это ограничение, в целях формирования запоминающегося избирателям образа недобросовестный кандидат, продвигающий свою политическую программу, может прибегнуть к использованию в процессе Интернет-агитации чужих результатов интеллектуальной деятельности, которым, в соответствии с п. 1 ст. 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации предоставляется правовая охрана²⁴.

Правонарушения, совершение которых обусловлено несоблюдением предписаний Закона «Об основных гарантиях...» в части требований и ограничений, предъявляемых к агитационным материалам, влекут привлечение к ответственности субъектов данных противоправных деяний. При этом в подобных отношениях разные лица будут выступать субъектами юридической ответственности. Так, пп. «д» п. 7 ст. 76 Закона «Об основных гарантиях...» установлена, как выделяют некоторые авторы, «конституционно-правовая ответственность» кандидата на выборах, выраженная в отмене его регистрации и отстранении таким образом от избирательного процесса [5, с. 173].

Субъектами же административной ответственности, установленной санкциями норм статей 5.5, 5.10, 5.11, 5.12, 5.13 КоАП РФ за совершение противоправных деяний в процессе Интернет-агитации, Центральная избирательная комиссия признает редакцию, главного редактора или представителя соответствующего сетевого издания²⁵. Однако не каждый сайт в сети Интернет может являться сетевым изданием. По смыслу статьи 2 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1, под сетевым изданием понимается сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, зарегистрированный в качестве средства массовой информации²⁶. При этом регистрация сайта в сети Интернет в качестве средства массовой информации не является обязательной, в связи с чем возникает проблема отсутствия в отечественном законодательстве норм, закрепляющих процедуру привлечения к ответственности лиц, размещающих агитационные материалы на страницах Интернет-сайтов, не являющихся сетевыми изданиями.

Таким образом, рассматриваемые в статье проблемы правового регулирования предвыборной агитации в сети Интернет задают устойчивую динамику роста числа правонарушений, совершаемых лицами на данном этапе избирательного процесса, в чем возможно удостовериться, основываясь на данных судебной практики.

Приступая к обзору судебной практики по рассматриваемым в статье проблемам, стоит начать с актов толкования Верховного Суда России, а именно, с Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2024 г. № 17 (Далее – ППВС № 17), которое разъясняет некоторые аспекты привлечения лиц к административной ответственности за совершение правонарушений, предусмотренных рядом статей КоАП РФ.

Абзацем 2 пункта 9 Справочно-методического материала Центральной избирательной комиссии Российской Федерации по некоторым вопросам использования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»

²³ МВД возбудило 11 уголовных дел во время проведения единого дня голосования в РФ // Сайт государственного информационного агентства России «Тасс». URL: <https://tass.ru/proisshestiya/25052869> (дата обращения 28.11.2025 г.).

²⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): федер. закон от 18.12.2006 г. № 230 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

²⁵ О Справочно-методическом материале по некоторым вопросам использования информационно-телекоммуникационной сети

«Интернет» для информационного обеспечения выборов: приложение к выписке из протокола заседания Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 29.07.2015 г. № 294-1-6 // Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 2015. № 7. Ст. 31.

²⁶ О средствах массовой информации: закон Рос. Федерации от 27.12.1991 г. № 2124-1 // Российская газета. 1992. № 32.

для информационного обеспечения выборов (далее – Справочно-методический материал) субъектами административных правонарушений в области нарушения порядка информационного обеспечения выборов, определенных ст. ст. 5.5, 5.10, 5.11, 5.12, 5.13 КоАП РФ, признаются редакция, главный редактор, представитель соответствующего сетевого издания. Иные лица, в соответствии со вторым абзацем той же статьи, при совершении аналогичных правонарушений могут быть привлечены к административной ответственности по статьям 5.10 или 5.12 КоАП РФ. Положение, данное во втором абзаце статьи 9 рассматриваемого правового акта, носит диспозитивный характер, к тому же его формулировка не позволяет четко определить, кто может выступать иным лицом, привлекаемым к ответственности за совершение данных административных правонарушений: должно ли соответствующее противоправное деяние быть совершенным на сайте сетевого издания или эти «иные» лица должны быть привлечены к административной ответственности вне зависимости от статуса сайта или иного интернет-пространства? Здесь стоит согласиться с мнением Г.В. Туманяна, утверждающего, что «законодатель не дает никаких уточнений в вопросе ответственности субъектов правоотношений, возникающих в ходе изготовления и распространения электронной агитации... упускает из виду (законодатель) большую категорию электронных источников информации, которые не являются сетевыми изданиями» [6, с. 303]. Однако внести определенную ясность в решении данного вопроса позволяют не столько позиции законодателя, выраженные в нормативных актах Российской Федерации, сколько данные судебной практики.

Так, ППВС № 17 закрепляет, что физические и юридические лица, не осуществляющие выпуск или распространение средств массовой информации, за распространение, в том числе посредством обнародования, в информационно-телекоммуникационной сети агитационных материалов с нарушением установленных законом требований несут административную ответственность по части 1 статьи 5.12 КоАП РФ.

Более того, аналогичное по своей сути толкование суд высшей судебной инстанции дает и норме статьи 5.10 КоАП РФ, посвященной нарушениям в части проведения предвыборной агитации вне агитационного периода и в местах, где ее проведение запрещено федеральным законодательством. Так, абз. 2 п. 13 ППВС № 17 устанавливает, что привлечению к административной ответственности по статье 5.10 КоАП РФ подлежат граждане, в частности, физическое лицо, привлеченное к проведению предвыборной агитации либо осуществляющее ее самостоятельно по собственной инициативе. В данном случае Верховный Суд Российской Федерации подчеркивает, что за агитацию, осуществляемую в средствах массовой информации, и агитацию, проводимую в иных Интернет-источниках, предусмотрена одинаковая мера административной ответственности.

Верховный Суд Российской Федерации также акцентирует внимание на содержании статьи 5.11 КоАП РФ, перечисляя ряд лиц, которые подлежат привлечению к административной ответственности за участие в предвыборной агитации, несмотря на запрет в её проведении данными категориями субъектов. Справочно-методический материал, в свою очередь, определяя в пункте 9 круг субъектов административных правонарушений в области нарушения порядка информационного обеспечения выборов в сети Интернет, не учитывает статью 5.11 КоАП РФ и

предусмотренных ею субъектов соответствующего административного правонарушения, закрепляя, что «иные» лица могут быть привлечены к административной ответственности лишь по статьям 5.10 или 5.12 КоАП. Однако, как устанавливает Верховный Суд Российской Федерации в абз. 2 п. 14 ППВС № 17, лица, определенные п. 7 ст. 48 Закона «Об основных гарантиях...», могут быть привлечены к ответственности и по статье 5.11 КоАП РФ.

Толкуя рассматриваемые нормы КоАП РФ таким образом, Верховный Суд Российской Федерации вносит достаточно важное уточнение в вопросы определения круга субъектов правонарушений, связанных с осуществлением предвыборной агитации в сети Интернет, потому как своевременное пресечение административного правонарушения в период предвыборной агитации способствует соблюдению принципа равенства каждого из кандидатов, участвующих в «борьбе» за голоса избирателей.

Более того, данные принципы, разъясненные высшей судебной инстанцией по рассматриваемой проблеме фактически еще до принятия ППВС № 17 отразились в судебной практике судов низших инстанций.

Так, стоит обратиться к решению Центрального районного суда города Челябинска от 1 марта 2017 г. по делу № 2А-3388/2017¹.

Истец обратился к Избирательной комиссии Челябинской области в суд с требованием отменить протокол заседания рабочей группы по информационным спорам и иным вопросам информационного обеспечения выборов Избирательной комиссии Челябинской области. Данным заседанием были приняты решения о признании информации, размещенной истцом в сети Интернет на сайте социальной сети «ВКонтакте», агитационной, а также о признании её размещения в отсутствие соблюдения требований п. 3 ст. 54 Закона «Об основных гарантиях...» незаконным. На основании данного протокола заседания истец был привлечен к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 5.12 КоАП РФ.

По итогу рассмотрения дела суд отказал в удовлетворении исковых требований, установив, что созданная истцом Интернет-страница на сайте социальной сети «ВКонтакте» правомерно признана агитационной, поскольку она не является личной страницей пользователя и носит информационный характер противоправной агитационной деятельности.

Проводя анализ позиции Центрального районного суда города Челябинска, можно прийти к выводу, что размещение агитационных материалов в сети Интернет с нарушением установленных законом требований представляет собой противоправное деяние вне зависимости от того, опубликованы ли они в сетевом издании или на ином ресурсе в сети Интернет. Так, если обратиться к Перечню наименований зарегистрированных средств массовой информации в Российской Федерации, можно отметить, что по состоянию на ноябрь 2025 года социальная сеть «ВКонтакте» не зарегистрирована в качестве средств массовой информации, не была она зарегистрирована в данном реестре и в 2016 году.

Продолжая анализ судебной практики по рассматриваемой проблеме, стоит акцентировать внимание и на Постановлении мирового судьи Судебного участка № 1 города Ржева и Ржевского района от 24 октября 2016 г. по делу № 5-924/2016². Данное решение интересно тем, что оно было вынесено в отношении физического лица, не наделенного специальными полномочиями в области деятельности избирательных комиссий, статусом кандидата

¹ Решение Центрального районного суда г. Челябинска от 1 марта 2017 г. по делу № 2А-3388/2017.

² Постановление мирового судьи Судебного участка № 1 г. Ржева Ржева и Ржевского района от 24 октября 2016 г. по делу № 5-924/2016.

на выборах, а также не являющегося главным редактором или представителем сетевого издания.

Основанием для рассмотрения данного дела являлся материал об административном правонарушении, рассмотренном ст. 5.10 КоАП РФ, совершенном Е.С. Дунцовой (внесена в список иностранных агентов решением Минюста России от 31 мая 2024 г.). Как следует из материалов дела, в единый день голосования Е.С. Дунцова опубликовала в социальной сети «ВКонтакте» и на сайте видеохостинга «Youtube» видеоролик, содержащий в себе запись интервью, который, в соответствии с п. 2 ст. 48 Закона «Об основных гарантиях...» был признан агитационным. Судом также было установлено, что опубликованный в сети Интернет агитационный материал был распространен в единый день голосования.

В результате рассмотрения данного дела, Е.С. Дунцова была признана виновной в совершении административного правонарушения.

Данное решение определенным образом подтверждает позицию Верховного Суда Российской Федерации, выраженную в ППВС № 17 по вопросу возможности привлечения к административной ответственности физического лица-пользователя сети Интернет за проведение предвыборной агитации вне агитационного периода. Если соотносить статус Е.С. Дунцовой категориями лиц, перечисленных в абз. 2 п. 13 ППВС № 17, то можно определить, что она относится к категории граждан, осуществляющих предвыборную агитацию по собственной инициативе, поскольку из материалов дела № 5-924/2016 не следует, что Е.С. Дунцова была привлечена к проведению предвыборной агитации, не являлась кандидатом, физическим лицом, его представляющим, или иным лицом, подлежащим, в соответствии с толкованием Верховного Суда Российской Федерации привлечению к административной ответственности по статье 5.10 КоАП РФ.

На основании этого можно прийти к выводу о том, что КоАП РФ предусматривает административную ответственность даже в отношении граждан, не намеренных осуществлять агитацию в сети Интернет. Как справедливо отмечает В.О. Цыганок, «при наличии возможности неограниченного доступа и индексации в поисковой системе не может идти речи о личном характере размещенного (в сети Интернет) сообщения и отсутствия цели повлиять на электоральную волю гражданина» [7, с. 31].

Одной из существенных проблем Интернет-агитации, выявленных нами, выступает проблема нарушения авторских прав правообладателей материалов, используемых в процессе проведения Интернет-агитации недобросовестными кандидатами.

Распространенность судебной практики судов низших судебных инстанций по спорам, возникающим в результате использования чужой интеллектуальной собственности при проведении предвыборной агитации в сети Интернет, обусловлена, на наш взгляд, отсутствием механизма проверки представляемых в избирательные комиссии агитационных материалов на предмет незаконного использования результатов интеллектуальной деятельности лиц, выступающих их авторами. Несмотря на то, что Закон «Об основных гарантиях...» в п. 3 ст. 54 обязывает кандидатов представлять в соответствующие избирательные комиссии копии агитационных материалов с приложенной к ним информацией о её изготовителе и лице, заказавшем изготовление материала, а также об оплате услуг по его изготовлению средствами из избирательного фонда, данный перечень не предполагает обязательное

осведомление избирательной комиссии о том, каким образом и с использованием какой информации был изготовлен данный агитационный материал, а также о том, каков первоисточник заимствованного материала, если таковой имеется. В связи с этим исключительные права авторов на результаты интеллектуальной деятельности на стадии предвыборной агитации являются очень уязвимыми.

Так, стоит обратить внимание на решение Иркутского областного суда от 24 августа 2021 г. по делу № 3А-567/2021¹, вынесенное в результате рассмотрения административного дела по требованию истца об отмене регистрации кандидата, зарегистрированного по тому же избирательному округу, в депутаты.

Истец в обоснование заявленных требований указал, что агитационный видеоматериал, созданный в поддержку ответчика был распространен в сети Интернет. При этом данный видеоматериал, согласно результатам экспертного заключения, содержал заимствования авторских музыкальных произведений, которое были использованы ответчиком в нарушение действующего законодательства без указания их авторства. По итогам рассмотрения данного дела требования истца были удовлетворены, в результате чего было не только восстановлено нарушенное исключительное право автора музыкального произведения, но и привлечен к ответственности ответчик путем отмены его регистрации в качестве кандидата на выборах.

Аналогичное исковое требование было удовлетворено решением Ленинского районного суда города Краснодара от 7 сентября 2020 года по делу № 2А-6419/2020². Как следует из материалов дела, зарегистрированный по тому же одномандатному избирательному округу кандидат в депутаты, являющийся истцом в деле, указал, что другим кандидатом (ответчиком) в аудиовизуальном агитационном материале, размещенном в сети Интернет на сайте видеохостинга «Youtube», была использована в качестве фонового музыкального сопровождения песня группы «Кино». Музыкальное произведение было смонтировано в аудиовизуальный агитационный материал без согласия правообладателя, в связи с чем действия ответчика были признаны судом как нарушающие законодательство Российской Федерации об интеллектуальной собственности.

Данные судебные решения иллюстрируют действующий механизм судебной защиты интеллектуальной собственности при проведении предвыборной агитации в сети Интернет. Однако при дальнейшем анализе судебной практики по схожим делам можно выявить тенденцию, согласно которой лишь малая часть подобных исковых требований об отмене регистрации кандидата будут удовлетворены. Так, среди аналогичных судебных актов судов общей юрисдикции, зарегистрированных в базе Интернет-портала «Судебные и нормативные акты Российской Федерации» (СудАкт.Ру), в среднем на 100 решений об отказе в удовлетворении исковых требований приходится около 7 дел, в результате рассмотрения которых такие требования удовлетворены судами.

Решением Московского областного суда от 11 сентября 2021 года по делу № 3А-1263/2021³, например, истцу (зарегистрированному кандидату в депутаты) отказано в удовлетворении административного иска, содержащего требования об отмене решения о регистрации ответчика в качестве кандидата в депутаты. В обоснование заявленных требований истец указал, что ответчиком в

¹ Решение Иркутского областного суда от 24 августа 2021 г. по делу № 3А-567/2021.

² Решение Ленинского районного суда города Краснодара от 7 сентября 2020 года по делу № 2А-6419/2020.

³ Решение Московского областного суда от 11 сентября 2021 года по делу № 3А-1263/2021.

целях предвыборной агитации использовался сайт в сети Интернет, на котором были размещены логотипы популярных социальных сетей, правообладатели которых не давали кандидату ответчику согласия на использование данных средств индивидуализации в целях предвыборной агитации.

В процессе рассмотрения дела судом было установлено, что сайт, который использовался ответчиком, содержал материалы, по своему содержанию относящиеся к его деятельности в Московской областной Думе, что не может считаться агитационным материалом. К тому же на сайте кандидата не было замечено использование изображений логотипов упомянутых в иске социальных сетей, что свидетельствует об отсутствии оснований для удовлетворения исковых требований.

В подавляющем большинстве случаев кандидаты, направляющие исковое заявление в суд с требованием отмены решения о регистрации другого кандидата, зарегистрированного по тому же избирательному, преследуют цель законным образом «избавиться» от своего политического оппонента, ссылаясь на наличие нарушений в распространяемых им агитационных материалах в сети Интернет. В связи с этим на практике такой механизм используется скорее для того, чтобы обеспечить наступление неблагоприятных правовых последствий для иных кандидатов, нежели для защиты и восстановления нарушенных исключительных авторских прав (что, безусловно, должно выступать основной функцией данного механизма). Как следствие, в период очередных избирательных кампаний на суды возлагается серьезная нагрузка по разрешению, в большинстве своем однотипных дел, в ходе рассмотрения которых заявленные требования не удовлетворяются.

На основании изложенного можно прийти к выводу, что законодатель проделал огромную работу для того, чтобы обеспечить появление в отечественном законодательстве института Интернет-агитации, необходимость которого обусловлена развитием цифровизации в России. Однако в целях разрешения имеющихся пробелов и иных недостатков избирательного законодательства Российской Федерации и более эффективного его применения законодателю следует обратить внимание на следующие рекомендации.

Во-первых, полагаем, что необходимо внести изменения в нормы Закона «Об основных гарантиях...», регулирующие правила размещения агитационных материалов.

Законодатель, пытаясь урегулировать разнообразные аспекты Интернет-агитации по правилам, установленным Законом «Об основных гарантиях...» для традиционных способов предвыборной агитации, не всегда учитывает особенности распространения цифровых агитационных материалов в электронной среде, чем создает пробелы в действующем избирательном законодательстве.

Так, в п. 4 ст. 49 Закона «Об основных гарантиях...» закрепляется возможность сохранения в день голосования печатных агитационных материалов, ранее изготовленных и размещенных на специальных местах на территориях избирательных участков, но на материалы, размещаемые в сети Интернет, эта норма не распространяется.

Перед рассмотрением предложения, направленного на решение данной проблемы, стоит обратить внимание на значение отсутствия в законодательстве аналогичной нормы для цифровых агитационных материалов, распространяемых в сети Интернет.

В первую очередь, агитационные материалы в сети Интернет остаются доступными для любого его пользователя в течение неограниченного промежутка времени с момента его публикации, поэтому любой пользователь сети Интернет может ознакомиться с данным материалом на соответствующем электронном ресурсе в единый день

голосования. С одной стороны, автор такого агитационного материала не совершает никаких действий по распространению данного материала, но с другой стороны, такой материал все равно способствует созданию положительного или отрицательного отношения избирателей к определенному кандидату, поскольку с помощью специальных алгоритмов рекомендаций, например, в социальных сетях, может попасться заинтересованным лицам, несмотря на то, что автор размещенного агитационного материала не имел на это цели.

В связи с этим в целях защиты лиц, размещающих агитационные материалы в сети Интернет, от необоснованного привлечения к административной ответственности по ст. 5.10 КоАП, целесообразно будет распространить правило, закрепленное в п. 4 ст. 49 Закона «Об основных гарантиях...» и на агитационные материалы в сети Интернет, размещенные пользователями до начала единого дня голосования, путем внесения нового пункта в статью 49 «Закона об основных гарантиях...».

Во-вторых, для разрешения вопроса о том, какие лица могут выступать субъектами административной ответственности за совершение правонарушений, посягающих на установленный порядок информационного обеспечения выборов, необходимо законодательно ввести полный перечень лиц, выступающих субъектами административной ответственности по ряду статей КоАП РФ.

В качестве разрешения проблемы определения субъектов административной ответственности за совершение правонарушений, посягающих на установленный порядок информационного обеспечения выборов, предлагаем ввести в Главу VII Закона «Об основных гарантиях...» статью, посвященную ответственности разных категорий лиц, осуществляющих предвыборную агитацию, в том числе в сети Интернет. В качестве основы для разработки и создания статьи вполне обоснованно можно взять ППВС № 17, которое определяет конкретный перечень субъектов правонарушений, предусмотренных ст. 5.5 (п. 5 ППВС № 17), ст. 5.8 (п. 8 ППВС № 17), ст. 5.10 (п. 13 ППВС № 17), ст. 5.11 (п. 14 ППВС № 17), ст. 5.12 (пп. 18, 31 ППВС № 17), ст. 5.48 (п. 30 ППВС № 17) КоАП РФ. К тому же важно будет привести в соответствие данным законодательным изменениям и Справочно-методический материал, а именно, внести уточнения в абз. 2 п. 9 в части лиц, определенных п. 7 ст. 48 Закона «Об основных гарантиях...», которые могут быть привлечены к ответственности и по статье 5.11 КоАП РФ (например, о лиц, замещающих государственные или выборные муниципальные должности).

Принятие данных изменений в федеральном законодательстве позволит обеспечить более эффективное отраслевое регулирование отношений, возникающих по поводу привлечения к административной ответственности лиц, совершивших правонарушения, посягающие на установленный порядок информационного обеспечения выборов в сети Интернет.

В-третьих, мы полагаем, что решением проблемы загруженности судов делами по административным искам, связанным с требованием отмены решения избирательной комиссии о регистрации лица в качестве кандидата на выборы, будет являться законодательное введение дополнительных условий изготовления и распространения печатных, аудиовизуальных и электронных агитационных материалов.

Статья 54 Закона «Об основных гарантиях...» содержит условия изготовления и распространения печатных, аудиовизуальных и иных агитационных материалов. Анализ судебной практики подтвердил, что подавляющее большинство исковых требований об отмене решения избирательной комиссии о регистрации лица в качестве кандидата на выборы отклоняется судами в удовлетворении,

и зачастую это происходит по причинам отсутствия доказательств того, что кандидат нарушил исключительное право автора результата интеллектуальной деятельности. Соответственно, для решения проблемы следует установить обязательный досудебный порядок разрешения таких споров, либо обеспечить условия, способствующие их разрешению без обращения в суд в принципе.

Таким условием может быть представление кандидатами в избирательную комиссию информации об обязательной проверке направляемых агитационных материалов на плагиат, информации о частичном или полном заимствовании чужой интеллектуальной собственности с указанием автора и приложением документов, подтверждающих его согласие или разрешение на использование произведения, либо с приложением данных, доказывающих тот факт, что произведение перешло в общественное достояние. При соблюдении этих условий агитационный материал, изготовленный с нарушением законодательства об интеллектуальной собственности, в принципе не сможет быть допущен к распространению на стадии предвыборной агитации, что исключит необходимость оспаривания законности изготовления уже распространяемых агитационных материалов, в том числе в сети Интернет.

Если же другой кандидат усомнится в соответствии агитационного материала законодательству Российской Федерации, то законом можно предусмотреть обязательное досудебное обращение такого кандидата в соответствующую избирательную комиссию за получением копий документов, подтверждающих законность изготовления другим кандидатом агитационных материалов.

Данные условия позволяют не только сократить количество случаев нарушения кандидатами исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности авторов, чьи произведения незаконно используются для изготовления агитационных материалов в сети Интернет, но и снизить количество споров, возникающих по поводу отмены решений избирательных комиссий о регистрации кандидатов.

Регулирование Интернет-агитации в отечественном законодательстве, безусловно, носит объективный характер, поскольку преобразования в сфере современных технологий так или иначе воздействуют на развитие публично-правовых институтов, в том числе в области избирательного права. Решение обозначенных в статье проблем в области правового регулирования Интернет-агитации может способствовать обеспечению более эффективного регулирования правоотношений в области организации и проведения избирательного процесса, защите прав и законных интересов участников выборов и третьих лиц, которыми выступают правообладатели интеллектуальной собственности, а также обусловить снижение загруженности судов делами по административным искам.

Литература

1. Биктагиров Р.Т. Избирательный процесс как вид юридического процесса: теоретические проблемы становления / Р.Т. Биктагиров // Гражданин. Выборы. Власть. – 2020. – № 1(15) – С. 143-158.
2. Мархгейм М.В. Предвыборная агитация в сети Интернет: версии доктрины и динамизм практики / М. В. Мархгейм, Л. И. Никонова // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. – 2018. – № 3. – С. 532-538.

3. Суркова О.Е. Технологии формирования моделей электорального поведения / О. Е. Суркова, А. А. Елизаров // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 5-3 (119). – С. 151-154.

4. Цыганок В.О. Проблемы правового регулирования предвыборной агитации в сети Интернет на примере выборов в Московскую Городскую Думу и механизмы их устранения / В. О. Цыганок // Юридическая наука. – 2021. – № 6. – С. 30-34.

5. Сидякин А.Г. Отказ в регистрации и отмена регистрации кандидата (списка кандидатов): проблемы теории и практики: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.02 /А.Г. Сидякин – Москва, 2006. – С. 173.

6. Туманян Г.В. Агитация в информационно-телекоммуникационной сети интернет. О регулировании некоторых «сложных» вопросов электронной агитации. / Г. В. Туманян // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2022. – №65. – С. 300-309.

7. Цыганок В.О. Указ. соч. № 4. – С. 31.

On some issues of legal regulation of election campaigning on the Internet
Lunin D.E., Eliseeva G.V.

Siberian Law University

The development of information and communication technologies naturally influences the development of social and public institutions in many countries. In the Russian Federation, various information technologies are also integrating with most socio-political relations, including the institution of election campaigning. In the current climate of political competition, campaigning is a key tool in candidates' struggle to win votes, attracted primarily through media technologies. For over a decade and a half, popular social networks and interactive media have been used in election campaigning in the Russian Federation, as well as online communication with voters. This paper examines the issues arising in connection with conducting election campaigning through the posting of campaign materials online. The author highlights the challenges of protecting the copyright of copyright holders whose intellectual property may be used as campaign materials without attribution; examines violations of the ban on election campaigning on election day; and analyzes the liability of legal entities arising from the production and distribution of electronic campaign materials. Through a study of the theoretical and legal aspects of online election campaigning, an analysis of statistical data, and case law, the author consistently concludes the need for more detailed legislative regulation of electronic campaigning and formulates recommendations aimed at addressing the issues identified in the study.

Keywords: issues, election campaigning, internet, electoral process, information and communication technologies, voting, offense.

References

1. Biktairov, R.T. Electoral Process as a Type of Legal Process: Theoretical Problems of Development // Citizen. Elections. Power. 2020, no. 1(15), pp. 143-158.
2. Markheim, M.V. Pre-election Campaigning on the Internet: Versions of the Doctrine and the Dynamics of Practice / M.V. Markheim, L.I. Nikonova // BelSU Scientific Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Law. 2018, no. 3, pp. 532-538.
3. Surkova, O.E. Technologies for Forming Electoral Behavior Models / O.E. Surkova, A.A. Elizarov // International Research Journal. – 2022. – No. 5-3 (119). – P. 151-154.
4. Tsyganok V. O. Problems of legal regulation of pre-election campaigning on the Internet using the example of elections to the Moscow City Duma and mechanisms for their elimination / V. O. Tsyganok // Legal science. – 2021. – No. 6. – P. 30-34.
5. Sidiyakin A. G. Refusal to register and deregistration of a candidate (list of candidates): problems of theory and practice: dissertation for the degree of candidate of legal sciences: 12.00.02 / A. G. Sidiyakin – Moscow, 2006. – P. 173.
6. Tumanyan G. V. Campaigning on the Internet. On the regulation of some "complex" issues of electronic campaigning. / G. V. Tumanyan // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. - 2022. - No. 65. - P. 300-309.
7. Tsyganok V. O. Op. cit. No. 4. - P. 31.

Внедрение искусственного интеллекта в таможенном деле и пределы его применения

Моргунова Наталья Викторовна

кандидат юридических наук, доцент Высшей школы теории права и частного права, Юридический институт, Тихоокеанский государственный университет, 003779@togudv.ru

Голубецкая Галина Евгеньевна

магистрант Высшей школы теории права и частного права, Юридический институт, Тихоокеанский государственный университет, 2025100122@togudv.ru

В статье рассматриваются вопросы внедрения искусственного интеллекта в таможенное дело и определения пределов его допустимого применения. Особое внимание уделяется соотношению автоматизации и правоприменительной функции таможенных органов, рискам формального принятия решений, необходимости прозрачности, объяснимости и сохранения человеческого контроля при вынесении юридически значимых решений.

Ключевые слова: искусственный интеллект, таможенное дело, цифровизация, таможенное администрирование, система управления рисками, электронное декларирование, правовая определенность.

Цифровизация таможенного дела в России давно перестала быть просто направлением модернизации. Сегодня это один из базовых принципов организации таможенного администрирования. В Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года перспективная модель таможенной службы прямо связывается с формированием инновационной и технологически развитой системы, в которой предполагается использование в том числе решений в области искусственного интеллекта. [4]

Реализуются пилотные проекты по внедрению нейросетей для анализа рентгеновских изображений, формируются централизованные базы данных и создаются системы поддержки принятия решений. Предполагается, что такие решения будут выступать в роли «второго мнения» для инспектора, повышая качество досмотра и ускоряя процесс. При этом принципиально важно сохранение ключевой роли человека в процессе принятия окончательного решения.

На этом фоне возникает главный вопрос: где проходит граница между допустимой автоматизацией таможенных процедур и ситуацией, когда алгоритм начинает фактически подменять собой правоприменительную функцию таможенного органа.

Для таможенной сферы этот вопрос особенно важен, потому что решения таможенных органов напрямую затрагивают имущественные интересы декларантов, влияют на сроки перемещения товаров, размер таможенных платежей и перспективы последующего административного или судебного обжалования.

Поэтому предметом настоящего исследования является не искусственный интеллект в государственном управлении, а именно пределы его применения в таможенном деле - в той области, где идеи цифровой эффективности сталкиваются с принципами правовой определенности, объяснимости, процедурной справедливости и индивидуального подхода к каждой конкретной ситуации.

Развитие таможенных отношений в России проходило поэтапно на протяжении длительного периода, по мере того как внешнеторговые отношения интенсивно развивались.

Отправной точкой формирования современного таможенного законодательства принято считать «Таможенный кодекс Российской Федерации» (утв. ВС РФ 18.06.1993 N 5221-1) который закрепил основные принципы организации таможенного дела, определил систему таможенных органов, порядок перемещения товаров.

При этом сам Кодекс прямо указывал, что законодательство о таможенном деле состоит не только из него, но и из Закона «О таможенном тарифе» и иных актов, принятых в соответствии с ним.

Вместе с тем Закон РФ «О таможенном тарифе» от 21 мая 1993 г. № 5003-1 урегулировал вопросы ставок, таможенных пошлин и тарифных льгот.

Упомянутый этап заложил базовые принципы национального законодательства в области таможенного регулирования, но не содержал более гибкого подхода, что предопределило дальнейшую потребность в обновлении таможенного законодательства, в соответствии с высоким темпом развития торгово-экономических отношений, требовалась определенная модернизация, в связи с чем, следующим этапом стало принятие Таможенного кодекса Российской Федерации от 28 мая 2003 г. № 61-ФЗ.

Обновленный Кодекс уже детально проработал недостающие элементы регулирования, включая порядок перемещения товаров и транспортных средств через таможенную границу, таможенное оформление, таможенный контроль, применение таможенных режимов, уплату таможенных платежей и порядок обжалования актов, действий и бездействия таможенных органов и их должностных лиц [5].

По сравнению с актом 1993 года Кодекс 2003 года был значительно более системным и адаптированным к задачам активно развивающегося внешнеэкономического оборота, однако и он не стал итоговой эталонной моделью таможенного регулирования, поскольку Россия начала переходить от национальной конструкции таможенного регулирования к иной модели в рамках Таможенного союза. Именно по этой причине Кодекс 2003 года впоследствии утратил силу в связи с введением в действие таможенного законодательства Таможенного союза.

Договор о Таможенном кодексе Таможенного союза был подписан 27 ноября 2009 года. Кодекс Таможенного союза привел к единому стандарту основные правила таможенных процедур, таможенного контроля, декларирования, таможенных платежей и статуса товаров на общей таможенной территории государств-участников.

В связи с этим в России был принят Федеральный закон от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации». Его назначение состояло в том, чтобы не дублировать полностью союзное регулирование, а урегулировать те вопросы, которые относились к национальной компетенции: полномочия российских таможенных органов, отдельные процедурные аспекты, организационные вопросы, национальные особенности совершения таможенных операций и применения обеспечительных механизмов.

Позже начался Евразийский этап, что определило появление Договора о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года, ратификация которого состоялась 14 ноября 2017 года. Таможенный кодекс ЕАЭС существенно переработал союзное таможенное регулирование, его подход стал более технологичным: он был ориентирован на электронное декларирование, автоматизацию процедур, развитие механизма выпуска товаров, информационное взаимодействие и более современную структуру таможенного администрирования.

Сегодня таможенные органы активно внедряют цифровые технологии, и основой для этого стала Единая автоматизированная информационная система (ЕАИС). Она не просто связывает между собой различные подразделения, но и помогает автоматизировать многие административные процессы. Благодаря ей должностные лица получают мощный инструмент для анализа информации.

В рамках ЕАИС работает электронное декларирование, контроль документов, обмен информацией и другие элементы цифрового сопровождения таможенных операций. Когда участник внешнеэкономической деятельности подаёт декларацию в электронном виде, система сразу же проверяет её на соответствие структуре, полноту и согласованность данных. Это значит, что первичная оценка происходит ещё до того, как к делу подключается человек.

Из этого следует вывод: современная модель таможенного администрирования в России в большей степени отказывается от ручного управления. Все больше отдавая предпочтение алгоритмам.

Это многоуровневая система, в которой человек всё чаще работает не с исходными документами, а с результатами их предварительной обработки алгоритмами. Хотя такую систему нельзя назвать полноценным искусственным интеллектом, она создаёт основу для дальнейшей автоматизации таможенных процедур.

Одним из заметных достижений цифровой трансформации стало то, что теперь декларации на товары регистрируются и выпускаются автоматически. Это стало настолько привычным, что уже не воспринимается как технологическая привилегия.

Но есть одно «но». Автоматическая регистрация и автоматический выпуск работают хорошо только в тех случаях, когда ситуация типовая, низкорисковая и её легко формализовать, чтобы система смогла ее распознать. Если же сделка предполагает нестандартные коммерческие условия, требует специфического толкования документов или глубокого анализа содержания таможенной операции, то возникают сомнения в том, что алгоритм не применит формальный подход, что в свою очередь лишает участника ВЭД индивидуального подхода.

Раскрывая тему цифровизации таможенных процессов, стоит отметить, что обеспечение возможности электронного декларирования, позволило оптимизировать и ускорить ряд процессов, что закономерно продиктовано тенденцией повышения оборота ВЭД.

Однако, наряду с положительным эффектом, стоит сказать о наличии ряда недостатков, которые могут усложнить таможенную процедуру.

Речь пойдет о том, что все технологии так или иначе требуют постоянной бесперебойной работы серверов, Интернет-соединения, что в свою очередь, не всегда возможно, с учетом периодически возникающих ограничений Интернет-соединений.

Однако, самым высокорисковым аспектом стоит назвать «отчужденность инспектора» в процессе цифровой таможенной процедуры.

Рассматривая вопрос на примере системы управления рисками (СУР) инспектор подключается к вопросу только в момент того, как система «признала» нарушение и сработал индикатор. Подобный подход может говорить лишь о том, что ряд формально соблюденных признаков риска, может быть пропущен системой, однако это не свидетельствует об отсутствии такового риска. Иными словами, автоматика фиксирует только предусмотренные маркеры риска, тогда как реальная ситуация может требовать более критичной оценки инспектором.

О не совершенстве работы системы СУР ФТС ранее высказывалась счетная палата, по итогам аудита за период 2018 - 2019 года: «проверка установила признаки недостоверного заявления сведений о товарах по 1 461 декларации. Причем по всем им Московская областная и Тверская таможни применяли различные профили рисков. А товары были выпущены без выявления нарушений.» [7]

Обобщая комплекс замечаний по поводу работы СУР, можно свести к одному вопросу: Соблюдается ли баланс между таможенным контролем и упрощением добросовестного товарооборота?

Вместе с тем, важно обеспечить участникам ВЭД прозрачность при принятии «машинных» решений, однако такой подход не отвечает требованиям безопасности и самой идеи таможенного контроля, так как излишнее раскрытие факторов риска и алгоритмов, примененных в ходе таможенной процедуры, не должны быть полностью раскрыты.

Поскольку алгоритм не является субъектом права и не обладает самостоятельностью, весь спектр информации, на основании которой принимаются решения, дополняются вручную, что не исключает возможности загрузки данных в искаженном объеме, в связи с чем, выводы алгоритма могут быть ошибочными.

Это позволит сохранить принцип законности и обоснованности принимаемых решений, исключить предвзятость, а также обеспечить соблюдение прав и законных

интересов участников внешнеэкономической деятельности[6].

Кроме того, сохранение преимущественного человеческого контроля выступает важной гарантией персональной ответственности должностных лиц, что является ключевым элементом публично-правового регулирования. Делегирование же окончательных юридически значимых решений исключительно программным алгоритмам может привести к рискам формализации правоприменения, снижению гибкости оценки обстоятельств дела и возможным ошибкам, обусловленным ограниченностью обучающих выборок или некорректной интерпретацией данных.

Таким образом, оптимальной представляется гибридная модель взаимодействия человека и ИИ, при которой интеллектуальные системы выполняют функцию аналитической поддержки, предварительной фильтрации и выявления рисков, тогда как окончательное решение остаётся за уполномоченным должностным лицом, обладающим необходимой компетенцией и правовым статусом.

Литература

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза: приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11.04.2017 // СПС «КонсультантПлюс».
2. О таможенном регулировании в Российской Федерации: федеральный закон от 27.11.2010 № 311-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Об утверждении Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 23.05.2020 № 1388-р // СПС «КонсультантПлюс».
5. Прокушев, Е. Ф. Внешнеэкономическая деятельность: учебник / Е. Ф. Прокушев. — 8-е изд. — Москва: Дашков и К, 2012. — 500 с. — ISBN 978-5-394-01609-7. — URL: <https://ibooks.ru/bookshelf/24762/reading> (дата обращения: 02.04.2026). — Текст: электронный.
6. Харитонов, Ю. С. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права / Ю. С. Харитонов, В. С. Савина, Ф. Паньини // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2021. — Вып. 53. — С. 491.
7. Счетная палата указала на недостатки реализации Системы управления рисками ФТС [Электронный ресурс]. — URL: <https://ach.gov.ru/checks/schetnaya-palata-ukazala-na-nedostatki-realizatsii-sistemy-upravleniya-riskami-federalnoy-tamozhennoy>

Implementation of artificial intelligence in customs affairs and limits of its application

Morgunova N.V., Golubetskaya G.E.

Pacific National University

This article examines the implementation of artificial intelligence in customs affairs and defines the limits of its permissible use. Particular attention is paid to the correlation between automation and the law enforcement function of customs authorities, the risks of formalized decision-making, the need for transparency, explainability and preservation of human control when making legally significant decisions.

Keywords: artificial intelligence, customs affairs, customs administration, digitalization, risk management system, electronic declaration, human control, legal certainty.

References

1. Customs Code of the Eurasian Economic Union: Appendix No. 1 to the Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic Union dated April 11, 2017 // SPS "ConsultantPlus".
2. On customs regulation in the Russian Federation: Federal Law of November 27, 2010 No. 311-FZ // SPS "ConsultantPlus".
3. On customs regulation in the Russian Federation and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of August 3, 2018 No. 289-FZ // SPS "ConsultantPlus".
4. On approval of the Strategy for the Development of the Customs Service of the Russian Federation until 2030: Order of the Government of the Russian Federation dated May 23, 2020 No. 1388-r // SPS "ConsultantPlus".
5. Prokushev, E. F. Foreign Economic Activity: Textbook / E. F. Prokushev. - 8th ed. - Moscow: Dashkov i K, 2012. - 500 p. - ISBN 978-5-394-01609-7. - URL: <https://ibooks.ru/bookshelf/24762/reading> (accessed: 02.04.2026). - Text: electronic.
6. Kharitonova, Yu. S. Bias in Artificial Intelligence Algorithms: Issues of Ethics and Law / Yu. S. Kharitonova, V. S. Savina, F. Pagnini // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. - 2021. - Issue. 53. - P. 491.
7. The Accounts Chamber pointed out the shortcomings in the implementation of the Risk Management System of the Federal Customs Service [Electronic resource]. — URL: <https://ach.gov.ru/checks/schetnaya-palata-ukazala-na-nedostatki-realizatsii-sistemy-upravleniya-riskami-federalnoy-tamozhennoy>

Избирательные системы на выборах региональных парламентов: сравнительно-правовой анализ законодательства субъектов РФ

Нуркова Татьяна Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права, Амурский государственный университет, nurkova2004@mail.ru

В статье проводится сравнение правовых конструкций избирательных систем, используемых для выборов депутатов в парламенты субъектов РФ. Путём анализа региональных законодательных актов выделяются характерные черты и основные модели этих систем. Отдельным предметом изучения становится порядок нарезки избирательных округов в укрупнённых регионах - Пермском крае и Красноярском крае. Обосновывается позиция, согласно которой предусмотренные законом специальные округа на площадях вошедших в их состав территорий служат формой юридической защиты интересов этих территорий и гарантируют их делегирование в региональные парламенты.

В работе анализируется методика распределения депутатских мандатов. Автором выявлена устойчивая тенденция перехода от метода Т. Хэра с правилом наибольшего остатка к методу делителей, что свидетельствует о стремлении региональных законодателей к более точному отражению волеизъявления избирателей. Вместе с тем отмечается, что метод делителей, позволяя распределить все мандаты без остатка, благоприятствует крупным политическим партиям. Кроме того, образование одномандатных избирательных округов в рамках мажоритарной составляющей создаёт преференциальные условия для крупных политических партий, располагающих значительными организационными, финансовыми и кадровыми ресурсами, что ограничивает конкурентные возможности малых партий.

В заключении формулируются выводы о доминировании мажоритарно-пропорциональной избирательной системы с различным соотношением мажоритарной и пропорциональной составляющих, вариативности региональных подходов при сохранении федеральных стандартов, а также о необходимости дальнейшего мониторинга правоприменительной практики и совершенствования механизмов распределения мандатов с учетом баланса интересов всех участников избирательного процесса.

Ключевые слова: региональное избирательное законодательство, избирательная система, система ограниченного голосования, пропорциональная система, мажоритарная система, одномандатные избирательные округа, метод делителей, избирательное частное

Выбор модели избирательной системы для формирования региональных парламентов является основополагающим элементом конституционно-правового механизма легитимизации органов государственной власти субъектов РФ и выступает в качестве одного из приоритетных направлений правотворческой деятельности в сфере избирательного права на федеральном и региональном уровнях. На протяжении всего времени с момента принятия Конституции РФ (более трёх десятилетий) в этой сфере происходили постоянные изменения, которые характеризуются определённой цикличностью. В частности, период наделения субъектов РФ полномочиями по самостоятельному установлению модели избирательной системы [1] сменяется периодом императивной федеральной регламентации, обязывающей применение пропорциональной избирательной системы для половины депутатского корпуса с целью усиления политико-правовой роли партийных институтов в формировании органов публичной власти. Последующий этап характеризуется снижением пропорциональной составляющей до 25%, затем полным отказом от жёсткой централизации и предоставлением регионам права выбора модели избирательной системы при условии соблюдения унифицированных федеральных требований к отдельным элементам организации выборов [2]. К числу таких федеральных требований на современном этапе следует отнести следующие основные положения:

- 1) численность депутатского корпуса - определяется конституциями, уставами субъектов РФ в зависимости от численности избирателей в пределах верхних и нижних границ, установленных федеральным законодательством [3, ч. 6 ст. 7]. При этом региональные законодатели демонстрируют значительный разброс подходов при решении данного вопроса. Так, например, по состоянию на 1 января 2026 года [4] при численности избирателей 2 964 457 в Республике Башкортостан численность депутатского корпуса закреплена максимальная - 110 депутатов, тогда как в городе Москва при численности избирателей 7 835 409 установлена минимальная - 45 депутатов. В 15 субъектах РФ определена численность депутатского корпуса - 50 человек, при этом численность избирателей варьируется от 6 168 000 в Московской области до 298 213 избирателей в Карачаево-Черкесской Республике. Думается, что на выбор численности регионального парламента влияет целый комплекс факторов, основной из которых - специфика самого региона;
- 2) обязанность субъекта РФ предусмотреть механизмы, обеспечивающие право выдвижения и избрания лиц, не являющихся членами политических партий при законодательном закреплении полностью пропорциональной модели распределения мандатов в региональных парламентах [2, п. 3.1 ст. 32]. Необходимо подчеркнуть, что гарантия реализации пассивного избирательного права беспартийных граждан закреплена законодательством всех субъектов РФ, парламенты которых избираются в условиях избирательной системы, основанной на пропорциональном принципе. Законодатель наделяет этого индивида прерогативой инициировать перед любой политической партией вопрос о своем участии в составе вы-

двигаемого ею списка кандидатов не позднее чем через три дня со дня официального опубликования (публикации) решения о назначении выборов;

- 3) при распределении мест по пропорциональному принципу на региональных выборах допускается установление заградительного барьера не превышающем 5% при условии допуска к распределению не менее двух списков, набравших в совокупности более 50% голосов [2, п. 16 ст. 35]. Следует отметить, что все региональные законодатели при реализации предоставленных полномочий установили заградительный пункт в размере его предельного значения, предусмотренного федеральным законом, - 5 процентов;
- 4) детализируется принцип равного избирательного права констатацией возможности применения системы ограниченного голосования - при создании избирательных округов с несколькими мандатами и разной их численностью законодатель определяет равенство голосов избирателей одним из двух способов: они либо уравниваются по минимальному количеству мандатов в округе, либо каждому участнику голосования предоставляется лишь один голос [2, п. 2 ст. 5].

В условиях широких законодательных возможностей, предоставленных субъектам РФ, проведенный анализ регионального избирательного законодательства выявил применение следующих разновидностей избирательных систем (см. таблицу 1).

Таблица 1
Избирательные системы, используемые в регионах

№	Наименование федерального округа	Количество субъектов РФ	Модель избирательной системы					
			пропорциональная	Пропорционально - мажоритарная (с равным соотношением частей)	Мажоритарно - пропорциональная система (с доминированием мажоритарной части)	Пропорционально - мажоритарная (с доминированием пропорциональной части)	Мажоритарная	Мажоритарно - пропорционально - ограниченная
	Центральный федеральный округ	18	-	9	8	-	1	-
	Северо-Западный федеральный округ	11	-	7	3	1	-	-
	Южный федеральный округ	12	4	3	3	2	-	-
	Северо-Кавказский федеральный округ	7	6	1	-	-	-	-
	Приволжский федеральный округ	14	-	9	4	1	-	-
	Уральский федеральный округ	6	-	6	-	-	-	-
	Сибирский федеральный округ	10	-	7	1	1	-	1
	Дальневосточный федеральный округ	11	-	4	4	3	-	-
	Всего:	89	10	46	23	8	1	1

Источник: составлено автором на основе анализа избирательного законодательства 89 субъектов РФ

Полностью пропорциональная избирательная система применяется в 10 субъектах РФ, входящих в составы Северо-Кавказского федерального округа и Южного федерального округа (Республика Дагестан [5], Республика Ингушетия [6], Кабардино-Балкарская Республика [7], Карачаево-Черкесская Республика [8], Республика Северная Осетия-Алания [9], Чеченская Республика [10], Донецкая Народная Республика [11], Луганская Народная Республика [12], Запорожская область [13], Херсонская область [14]). Важно подчеркнуть, что пропорциональная избирательная система смещает акцент с личности кандидата на партийную программу. Избиратель здесь доверяет партии заранее, а его выбор - это, по сути, одобрение определённого политического курса и тех лиц, которые этот курс олицетворяют [15, С. 43].

Разделяя тезис В. И. Ерыгиной о том, что выборы являются конституционно-правовым институтом, обеспечивающим легитимное формирование органов государственной власти в связи с чем следует учитывать совокупность рискованных факторов, способных поставить под сомнение обоснованность и законность организации и проведения всех стадий избирательного процесса [16], отметим, что выбор модели избирательной системы определяется в том числе и с учетом проявления и воздействия внешней агрессивной среды.

Избирательная система, предполагающая паритетное сочетание пропорционального и мажоритарного принципов (при котором равное число депутатских мест замещается по каждой из указанных систем) - предусмотрена законодательством 46 субъектов РФ, которые закрепили мажоритарную избирательную систему относительного большинства, реализуемую посредством образования одномандатных избирательных округов. При этом заслуживает внимания подход законодателя к закреплению одномандатных избирательных округов в Пермском крае - субъекте РФ, образованном в результате объединения граничащих между собой субъектов РФ. Так, на территории Пермского края (кроме Коми-Пермяцкого округа) образуется 28 одномандатных округов со средней нормой представительства, определяемой делением числа избирателей края (за исключением избирателей Коми-Пермяцкого округа) на 28. На территории Коми-Пермяцкого округа образуется 2 округа с нормой представительства, определяемой делением числа избирателей округа на 2 [17].

В данном случае не происходит определения численности округов на всей территории края как единого целого, т.е. средняя норма представительства для каждой из этих территорий вычисляется отдельно. С формальной точки зрения, наличие двух разных средних норм представительства создаёт ситуацию, при которой округа на разных территориях имеют неравную численность избирателей. В связи с чем возникает вопрос о его соответствии принципу равного избирательного права. Думается, что такое отступление от строгого равенства признается оправданным, поскольку тем самым обеспечивается гарантированное представительство присоединённого субъекта РФ (Коми-Пермяцкого округа) в законодательном органе укрупнённого региона.

Избирательная система с численным преобладанием мажоритарного компонента, при которой большая часть депутатского корпуса замещается посредством голосования по одномандатным округам, применяется в 23 субъектах Российской Федерации. При этом продолжает прослеживаться единообразная практика субъектов РФ в закреплении мажоритарной избирательной системы относительного большинства, предполагающей образование одномандатных избирательных округов

гов. Единственным субъектом РФ, в котором региональный законодатель оставил за собой право предусматривать как одномандатные, так и многомандатные избирательные округа, является Мурманская область [18]. Вместе с тем в целях организации избирательного процесса в Мурманскую областную Думу, назначенных на 20.09.2026, была утверждена схема только одномандатных округов [19].

Отметим, что закрепление одномандатных избирательных округов как элемента мажоритарной системы объективно формирует благоприятные условия для крупных политических партий, располагающих разветвлённой организационной структурой, существенным финансовым обеспечением и кадровым потенциалом.

В части, касающейся количества депутатов, избираемых по пропорциональной избирательной системе, их минимальное количество закреплено региональными законами Амурской области [20] и Липецкой области [21] - девять, что порождает риск искажения волеизъявления избирателей. Определённый ориентир в данном направлении задал Конституционный Суд РФ указав на то, что пропорциональная система призвана обеспечить адекватное соответствие между числом полученных мандатов и уровнем поддержки избирателей. Однако её применение при малом числе мандатов сопряжено с рисками: возможным искажением принципа равенства (одинаковое число мандатов при существенно различающемся количестве голосов) и, при большом числе участников, - по сути, блокирует легитимное определение итогов народного волеизъявления [22].

Законодательство восьми регионов России закрепляет модель выборов, *характеризующуюся приоритетом пропорциональной системы* при распределении депутатских мест. При этом, хотя пропорциональная составляющая и является преобладающей, её минимальный количественный показатель зафиксирован в Чукотском автономном округе, где партийным спискам отводится лишь девять мандатов [23], что также ставит под сомнение итоговое распределение мест в парламенте. Мажоритарная составляющая определяется через нарезку одномандатных округов.

Полностью мажоритарная избирательная система относительного большинства, при реализации которой образуются одномандатные избирательные округа, предусмотрена на выборах депутатов Московской городской Думы [24]. Единственный субъект РФ, законодательная конструкция которого, отдаёт приоритет голосованию за конкретного кандидата, устанавливая тем самым персонализированную модель волеизъявления избирателей для избрания всего регионального парламента.

Мажоритарно - пропорционально - ограниченная избирательная система. Законодательство Красноярского края [25] устанавливает для региональных парламентских выборов три разновидности избирательных систем. Их практическая реализация предполагает, что из общего состава депутатского корпуса в 52 человека 22 места распределяются по мажоритарному принципу относительного большинства на базе одномандатных округов на территории края без учета Таймырского Долгано-Ненецкого и Эвенкийского округов. При этом гарантированное представительство административно-территориальных единиц обеспечивается формированием двух двухмандатных округов, в каждом из которых избирается по два депутата. При этом каждому избирателю одновременно предоставляется лишь один голос, т.е. действует система ограниченного голосования. Таким образом, такое правовое регулирование с одной стороны, гарантирует представительство присоединённых территорий в законодательном органе укрупнённого субъекта РФ, с другой - предполагает применение в ходе одной избирательной

кампании различных избирательных систем, вследствие чего избиратели реализуют своё волеизъявление в рамках разных моделей голосования. Оставшиеся 26 мандатов распределяются по пропорциональной избирательной системе по единому краевому округу.

Формирование списка кандидатов.

По результатам анализа регионального избирательного законодательства в части, определяющей порядок формирования списков кандидатов, выдвигаемых избирательными объединениями по единому избирательному округу, выявлены три типа (разновидности) формирования таких списков:

- 1) закрытые списки кандидатов с делением на общую часть и территориальные группы (в каждом региональном законе соответствующие части и группы называются по-разному) - закреплены в законодательстве 60 субъектов РФ. Как правило, при формировании такого типа списка максимально используется личностный потенциал, как партийных лидеров, так и других известных личностей, которые включаются в общую часть списка и приводят список к распределению мандатов;
- 2) закрытые списки кандидатов с делением только на территориальные группы - используются в законодательстве 12 субъектов РФ. Предполагаем, что законодательный отказ от общей части списка кандидатов следует рассматривать как демократическую новацию, обеспечивающую большую открытость избирательного процесса и непосредственную связь кандидатов с избирателями;
- 3) закрытые списки кандидатов без деления на части и группы - определены региональными законами 16 субъектов РФ. При данном типе списка в избирательном бюллетене, помимо наименования избирательного объединения, помещаются только первые кандидаты из списка, в количестве определенным соответствующим законом.

Методика распределения депутатских мандатов.

В избирательном законодательстве субъектов РФ для первоначального распределения депутатских мандатов между списками кандидатов закрепились две основные методики: метод нахождения избирательного частного (метод Т. Хэра, используется на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации) и метод делителей (метод Импералии, при котором исходным делителем является число 2, а интервал (шаг) между последующими делителями равен единице).

Любая методика, являясь структурным элементом избирательной системы, выполняет определяющую политическую функцию - формирует состав политического представительства в региональном парламенте. В частности, метод нахождения избирательного частного с правилом наибольшего остатка благоприятствует небольшим партиям, тогда как ключевое преимущество метода делителей состоит в отсутствии нераспределённого остатка при замещении депутатских мест, но создаёт объективные предпосылки для приоритетного представительства тех политических партий, которые пользуются максимальной электоральной поддержкой [26, С. 10]. При этом показательной является тенденция к расширению применения метода делителей в региональном избирательном законодательстве. Так, по состоянию на июнь 2008 года данный метод был закреплён лишь в 7 субъектах РФ при доминировании метода Т. Хэра с правилом наибольшего

остатка (76 субъектов РФ). Однако к сентябрю 2010 года число регионов, использующих метод делителей, достигло 32, к началу 2011 года - 37 [27, С. 187], а к середине 2026 года - 85. В настоящее время метод Т. Хэра сохраняется в законодательстве трёх республик (Республика Татарстан, Чеченская Республика, Республика Ингушетия). Данный факт говорит о том, что акценты в методике наделения депутатскими полномочиями смещаются. При этом законодательством вводится минимальная гарантийная норма, в соответствии с которой каждый список кандидатов, участвующий в распределении, обеспечивается одним мандатом как минимум. Такая гарантия обеспечивается альтернативным образом: либо путем выделения одного мандата каждому такому списку до начала основного распределения, либо посредством дополнительного распределения при установлении факта неполучения мандата.

Вопросы *вторичного перераспределения депутатских мест между территориальными сегментами* единого партийного списка при реализации метода делителей получают в законодательстве неоднозначное решение. Выделяются три основных подхода:

во-первых, мандаты передаются территориальным группам поочередно в соответствии с убыванием удельного веса (в процентном выражении) голосов, полученных каждой из них;

во-вторых, распределение осуществляется последовательно в зависимости от снижения абсолютного числа голосов, поданных за соответствующую группу кандидатов;

в-третьих, - используется метод нахождения избирательного частного (метод Т.Хэра, (Калининградская область, Волгоградская область), что является достаточно неожиданным.

Не ставя своей задачей детальный анализ вторичного распределения депутатских мандатов внутри списка кандидатов в рамках настоящей статьи, подчеркнём, что данный вопрос может быть предметом более детального рассмотрения как научным сообществом, так и со стороны законодателей.

Таким образом, проведённый сравнительно-правовой анализ избирательных систем, применяемых при формировании законодательных органов государственной власти субъектов РФ, позволяет сделать следующие выводы.

Законодательная эволюция в данной сфере носит волнообразный характер: от децентрализации - к централизации и обратно, при сохранении на федеральном уровне лишь рамочного регулирования. Это свидетельствует о поиске оптимальной модели, способной учесть как общефедеральные стандарты демократии, так и территориальные особенности субъектов РФ.

Доминирующей моделью на современном этапе является мажоритарно-пропорциональная избирательная система с различным соотношением мажоритарной и пропорциональной составляющих, что обеспечивает баланс между партийным представительством и персонализацией выборов. При этом, выбор одномандатных избирательных округов в рамках мажоритарной составляющей объективно создает преимущественные условия для крупных политических партий, располагающих значительными организационными, финансовыми и кадровыми ресурсами, что может приводить к ограничению представительства малых партий в региональных парламентах.

Особого внимания заслуживает подход к образованию избирательных округов в укрупнённых субъектах РФ. Законодательная конструкция, предполагающая выделение отдельных округов на территории присоединённых субъектов, выступает в качестве правовой гарантии их представительства, что соответствует целям сохранения политико-территориальной целостности.

В качестве основной тенденции при распределении депутатских мандатов следует отметить постепенный отказ региональных законодателей от метода нахождения избирательного частного (метода Т. Хэра) в пользу метода делителей. Реализация таких изменений ведет к двум основным результатам: во-первых, обеспечивается более точная корреляция между голосами избирателей и полученными мандатами; во-вторых, формируются благоприятные условия для партий, демонстрирующих наибольшую электоральную поддержку. Вместе с тем сохраняется поле для дискуссий по поводу нижнего предела пропорционально распределяемых мандатов.

Перспективы развития регионального избирательного законодательства зависят от баланса между федеральными стандартами и региональной спецификой, а также от практики правоприменения и позиций Конституционного Суда Российской Федерации.

Литература

1. Федеральный закон от 06.12.1994 № 56-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 33. Ст. 3406.
2. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 02.05.2026) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
3. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 25.05.2026) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (часть I). ст. 8973.
4. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL : http://www.cikrf.ru/reception/quantity/2026_0205.php (дата обращения : 18.07.2026)
5. Закон Республики Дагестан от 01.11.2006 № 50 (ред. от 21.05.2026) «О выборах депутатов Народного Собрания Республики Дагестан» // Дагестанская правда. 02.11.2006. № 279-280.
6. Закон Республики Ингушетия от 13.11.2007 № 40-РЗ (в ред. 03.06.2026) «О выборах депутатов Народного Собрания Республики Ингушетия» // КонсультантПлюс.
7. Закон Кабардино-Балкарской Республики от 05.08.2008 № 56-РЗ (ред. 16.06.2026) «О выборах депутатов Парламента Кабардино-Балкарской Республики» // Официальная Кабардино-Балкария. 15.08.2008. № 43-45.
8. Закон Карачаево-Черкесской Республики от 12.07.2006 № 46-РЗ (ред. от 13.03.2026) «О выборах депутатов Народного Собрания (Парламента) Карачаево-Черкесской Республики» // День Республики. 18.07.2006. № 129-132. (16982).
9. Закон Республики Северная Осетия-Алания от 29.12.2006 № 69-РЗ (ред. от 30.06.2026) «О выборах депутатов Парламента Республики Северная Осетия-Алания» // Газета «Северная Осетия». 14.03.2007. № 44 (24845).

10. Закон Чеченской Республики от 25.05.2016 N 15-ПЗ (ред. от 02.06.2026) «О выборах депутатов Парламента Чеченской Республики» // Вести Республики. № 101-102(2786). 01.06.2016.
11. Закон Донецкой Народной Республики от 29.05.2023 № 451-ІІНС (ред. от 07.06.2024) «О выборах депутатов Народного Совета Донецкой Народной Республики» // [Электронный ресурс]. URL : <http://dnr.izbirkom.ru/zakonodatelstvo-o-vyborakh-i-referendumakh/regionalnoe-zakonodatelstvo-o-vyborakh-i-referendumakh/> (дата обращения : 18.07.2026).
12. Закон Луганской Народной Республики от 29.05.2023 (ред.от 23.05.2024) № 440-ІІІ «О выборах депутатов Народного Совета Луганской Народной Республики» // [Электронный ресурс]. URL : <http://lnr.izbirkom.ru/zakonodatelstvo-o-vyborakh-i-referendumakh/regional/> (дата обращения : 18.07.2026).
13. Указ временно исполняющего обязанности Губернатора Запорожской области от 29.05.2023 № 120-У «Об утверждении Положения о выборах депутатов Законодательного Собрания Запорожской области первого созыва»
14. Закон Херсонской области от 30.04.2026 № 9-ЗХО «О выборах депутатов Херсонской областной Думы» // [Электронный ресурс]. URL : <http://kherson.izbirkom.ru/zakonodatelstvo-o-vyborakh-i-referendumakh/regional/> (дата обращения : 18.07.2026).
15. Авакьян С.А. Федеральное Собрание - парламент России. М.: Российский юридический издательский дом, 1999. С. 432.
16. Ерыгина В.И. Рискогенные факторы избирательного процесса в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2024. N 10. С. 19 - 26.
17. Закон Пермского края от 11.05.2011 № 766-ПК (ред. от 28.05.2026) «О выборах депутатов Законодательного Собрания Пермского края» // Собрание законодательства Пермского края. № 5.18.05.2011.
18. Закон Мурманской области от 22.06.2011 № 1364-01-ЗМО (ред. от 02.06.2026) «О выборах депутатов Мурманской областной Думы» // Мурманский Вестник. № 115. 28.06.2011. С. 7-13.
19. Постановление Мурманской областной Думы 24 марта 2026 г. № 3521-VII О схеме одномандатных избирательных округов для проведения выборов депутатов Мурманской областной Думы // [Электронный ресурс]. URL : <http://murmansk.izbirkom.ru/etc/od51-26-3521-VII.pdf> (дата обращения : 18.07.2026).
20. Закон Амурской области от 06.03.2012 № 17-ОЗ (ред. от 01.06.2026) «О выборах депутатов Законодательного Собрания Амурской области» // Амурская правда. № 42, 43, 44, 45, 46. 2012.
21. Закон Липецкой области от 11.05.2016 № 521-ОЗ (ред. от 16.06.2026) «О выборах депутатов Липецкого областного Совета депутатов» // Липецкая газета. № 90. 14.05.2016.
22. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.07.2011 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений части 3 статьи 23 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и частей 2 и 3 статьи 9 Закона Челябинской области «О муниципальных выборах в Челябинской области» в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и граждан И.И. Болтушенко и Ю.А. Гурмана» // Собрание законодательства РФ. 18.07.2011. № 29. ст. 4557.
23. Закон Чукотского автономного округа от 17.12.2015 № 122-ОЗ (ред. от 29.05.2026) «О порядке проведения выборов депутатов Думы Чукотского автономного округа» // <http://www.pravo.gov.ru>. 21.12.2015.
24. Закон г. Москвы от 06.07.2005 № 38 (ред. от 24.09.2025) «Избирательный кодекс города Москвы» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 01.08.2005. № 43.
25. Уставный закон Красноярского края от 21.04.2016 № 10-4435 (ред. от 28.05.2026) «О выборах депутатов Законодательного Собрания Красноярского края» // Официальный интернет-портал правовой информации Красноярского края <http://www.zakon.krskstate.ru>. 04.05.2016.
26. Алескеров Ф.Г., Платонов В.В. Системы пропорционального представительства и индексы представительства парламента. Препринт.WP7/2003/05-14: М: ГУ ВШЭ, 2003.
27. Ныrkova Т.Ю. Избирательные системы в субъектах РФ: становление, тенденции развития (опыт Амурской области). Дисс. ... канд.юрид.наук. М., 2011. 261 с.

Electoral systems in regional parliament elections: comparative legal analysis of subject legislation of the Russian Federation

Nyrkova T.Yu.

Amur State University

The article compares the legal structures of the electoral systems used for electing deputies to the parliaments of the constituent entities of the Russian Federation. By analyzing the regional legislation, the article identifies the characteristics and main models of these systems. The article also examines the procedure for dividing electoral districts in the enlarged regions of Perm Krai and Krasnoyarsk Krai. The article argues that the special districts established by law in the territories that have been incorporated into these regions serve as a form of legal protection for the interests of these territories and guarantee their representation in the regional parliaments.

The paper analyzes the method of distributing parliamentary mandates. The author identifies a steady trend towards the transition from T. Hare's method with the largest remainder rule to the divisor method, which indicates the desire of regional legislators to more accurately reflect the will of voters. However, it is noted that the divisor method, which allows for the distribution of all mandates without a remainder, favors large political parties. In addition, the formation of single-mandate electoral districts within the framework of the majority component creates preferential conditions for large political parties that have significant organizational, financial, and human resources, which limits the competitive opportunities of small parties.

The conclusion states that the majority-proportional electoral system is dominant, with varying proportions of majoritarian and proportional components, and that regional approaches vary while maintaining federal standards. It also emphasizes the need for further monitoring of law enforcement practices and improving the mechanisms for distributing

mandates, taking into account the balance of interests among all participants in the electoral process.

Keywords: regional electoral legislation, electoral system, limited voting system, proportional system, majoritarian system, single-member electoral districts, divisor method, selective quotient

References

1. Federal Law of 06.12.1994 No. 56-FZ "On the Basic Guarantees of Electoral Rights of Citizens of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 33. Article 3406.
2. Federal Law of 12.06.2002 No. 67-FZ (as amended on 02.05.2026) "On the Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in Referendums of Citizens of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 24. Article 2253.
3. Federal Law of 21.12.2021 No. 414-FZ (as amended on 25.05.2026) "On the General Principles of Organization of Public Authority in the Constituent Entities of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 52 (Part I). Article 8973.
4. Central Election Commission of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <http://www.cikrf.ru/reception/quantity/20260205.php> (accessed: July 18, 2026)
5. Law of the Republic of Dagestan of November 1, 2006, No. 50 (as amended on May 21, 2026) "On the Election of Deputies of the People's Assembly of the Republic of Dagestan" // Dagestanskaya Pravda. November 2, 2006. No. 279-280.
6. Law of the Republic of Ingushetia of November 13, 2007, No. 40-RZ (as amended on June 3, 2026) "On the Election of Deputies of the People's Assembly of the Republic of Ingushetia" // ConsultantPlus.
7. Law of the Kabardino-Balkarian Republic of August 5, 2008, No. 56-RZ (as amended on June 16, 2026) "On the Election of Deputies of the Parliament of the Kabardino-Balkarian Republic" // Official Kabardino-Balkaria. August 15, 2008. No. 43-45.
8. Law of the Karachay-Cherkess Republic of July 12, 2006, No. 46-RZ (as amended on March 13, 2026) "On the Election of Deputies of the People's Assembly (Parliament) of the Karachay-Cherkess Republic" // Republic Day. July 18, 2006. No. 129-132. (16982).
9. Law of the Republic of North Ossetia-Alania of December 29, 2006, No. 69-RZ (as amended on June 30, 2026) "On the Election of Deputies of the Parliament of the Republic of North Ossetia-Alania" // Severnaya Ossetia Newspaper. March 14, 2007. No. 44 (24845).
10. Law of the Chechen Republic of 25.05.2016 N 15-RZ (as amended on 02.06.2026) "On the Election of Deputies of the Parliament of the Chechen Republic" // Vesti Respubliki. No. 101-102 (2786). 01.06.2016.
11. Law of the Donetsk People's Republic of 29.05.2023 N 451-IIHC (as amended on 07.06.2024) "On the Election of Deputies of the People's Council of the Donetsk People's Republic" // [Electronic resource]. URL: <http://dnr.izbirkom.ru/zakonodatelstvo-o-vyborakh-i-referendumakh/regionalnoe-zakonodatelstvo-o-vyborakh-i-referendumakh/> (accessed: 18.07.2026).
12. Law of the Luhansk People's Republic of 29.05.2023 (as amended on 23.05.2024) No. 440-III "On the Election of Deputies of the People's Council of the Luhansk People's Republic" // [Electronic resource]. URL: <http://lnr.izbirkom.ru/zakonodatelstvo-o-vyborakh-i-referendumakh/regional/> (accessed: 18.07.2026).
13. Decree of the Acting Governor of Zaporizhia Oblast dated May 29, 2023 No. 120-U "On Approval of the Regulation on the Election of Deputies of the Legislative Assembly of Zaporizhia Oblast of the First Convocation"
14. Law of Kherson Oblast dated April 30, 2026 No. 9-ZKhO "On Elections of Deputies of the Kherson Regional Duma" // [Electronic resource]. URL: <http://kherson.izbirkom.ru/zakonodatelstvo-o-vyborakh-i-referendumakh/regional/> (date accessed: July 18, 2026).
15. Avakyan S.A. Federal Assembly - the Parliament of Russia. Moscow: Russian Legal Publishing House, 1999. P. 432.
16. Erygina V.I. Risk Factors of the Electoral Process in Modern Russia // Constitutional and Municipal Law. 2024. No. 10. pp. 19-26.
17. Law of Perm Krai dated May 11, 2011 No. 766-PK (as amended on May 28, 2026) "On the Election of Deputies of the Legislative Assembly of Perm Krai" // Collection of Legislation of Perm Krai. No. 5, May 18, 2011.
18. Law of Murmansk Oblast dated June 22, 2011 No. 1364-01-ZMO (as amended on June 2, 2026) "On the Election of Deputies of the Murmansk Regional Duma" // Murmansk Bulletin. No. 115. June 28, 2011. pp. 7-13.
19. Resolution of the Murmansk Regional Duma of March 24, 2026 No. 3521-VII On the scheme of single-mandate electoral districts for holding elections of deputies of the Murmansk Regional Duma // [Electronic resource]. URL: <http://murmansk.izbirkom.ru/etc/od51-26-3521-VII.pdf> (date of access: July 18, 2026).
20. Law of the Amur Region of March 6, 2012 No. 17-OZ (as amended on June 1, 2026) "On the elections of deputies of the Legislative Assembly of the Amur Region" // Amurskaya Pravda. No. 42, 43, 44, 45, 46. 2012.
21. Law of Lipetsk Oblast dated 11.05.2016 No. 521-OZ (as amended on 16.06.2026) "On the Election of Deputies of the Lipetsk Regional Council of Deputies" // Lipetskaya Gazeta. No. 90. 14.05.2016.
22. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 07.07.2011 No. 15-P "On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Part 3 of Article 23 of the Federal Law "On General Principles of Local Self-Government in the Russian Federation" and Parts 2 and 3 of Article 9 of the Law of Chelyabinsk Oblast "On Municipal Elections in the Chelyabinsk Oblast" in connection with the complaints of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation and citizens I.I. Boltushenko and Yu.A. Gurman" // Collection of Legislation of the Russian Federation. July 18, 2011. No. 29. Article 4557. Moscow dated 06.07.2005 No. 38 (as amended on 24.09.2025) "Electoral Code of the City of Moscow" // Bulletin of the Mayor and Government of Moscow. 01.08.2005. No. 43.
25. Statutory Law of Krasnoyarsk Krai dated 21.04.2016 No. 10-4435 (as amended on 28.05.2026) "On Elections of Deputies of the Legislative Assembly of Krasnoyarsk Krai" // Official Internet Portal of Legal Information of Krasnoyarsk Krai <http://www.zakon.krskstate.ru>. 04.05.2016.
26. Aleskerov F.G., Platonov V.V. Proportional Representation Systems and Parliamentary Representation Indices. Preprint.WP7/2003/05-14: M: HSE, 2003.
27. Nyrkova T.Yu. Electoral systems in the constituent entities of the Russian Federation: formation, development trends (experience of Amur Oblast). Diss. Cand. of Law. M., 2011. 261 p.23. Law of the Chukotka Autonomous Okrug of December 17, 2015 No. 122-OZ (as amended on May 29, 2026) "On the Procedure for Holding Elections of Deputies of the Duma of the Chukotka Autonomous Okrug" // <http://www.pravo.gov.ru>, December 21, 2015.

Правовой комплаенс в области применения рекомендательных технологий

Посконина Дарья Денисовна

эксперт Института информационной и медиабезопасности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), ddposkonina@msal.ru

Статья посвящена правовому комплаенсу в сфере применения рекомендательных технологий в Российской Федерации. На основе анализа ст. 10.2-2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и подзаконных актов Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, а также сравнительного анализа правил применения РТ шести крупнейших платформ (ВКонтакте, Дзен, TikTok, Wildberries, Ozon, ЯндексМаркет) выявляются основные требования к владельцам информационных ресурсов, применяющих рекомендательные технологии. Автором предлагается комплаенс-ориентированный алгоритм составления правил применения рекомендательных технологий для владельцев платформ, включающий определение рекомендательных технологий, описание процессов и методов их работы, авторскую карту рисков, виды и источники сведений о предпочтениях пользователей, а также механизмы обеспечения прав пользователей. Особое внимание уделяется проблеме баланса между прозрачностью алгоритмов и защитой интеллектуальной собственности. Разработанная структура правил может быть использована владельцами цифровых платформ в качестве типового шаблона при разработке или актуализации локальных нормативных актов, а также специалистами по правовому комплаенсу и корпоративному управлению рисками.

Ключевые слова: правовой комплаенс, рекомендательные технологии, персональные данные, типовое положение, управление рисками, информационное право.

Традиционно в юридической науке любое явление, особенно относительно новое, обрастает большим количеством определений. Данная особенность не обошла стороной и понятие «комплаенс».

Правовой (юридический) комплаенс в широком смысле представляет собой отраженную в законодательстве систему норм, действий и процедур, обязательных правовых установок, обеспечивающих соответствие общественных отношений установленным правовым и основанным на них неправовым предписаниям с целью достижения равновесия социальной системы и поддержания ее жизнедеятельности¹.

Представляется, что в более узком, прикладном значении комплаенс – это система мер и процессов, направленных на обеспечение соответствия деятельности организации внутренним и внешним требованиям, нормам законодательства.

Структуру комплаенса можно представить следующим образом:

- управление рисками (комплаенс-рисками);
- предупреждение нарушений;
- внедрение корпоративной этики и стандартов поведения;
- обеспечение соблюдения законов, нормативных актов, внутренних политик и кодексов поведения.

В Российской Федерации предпринимались попытки официального закрепления толкования комплаенса. В исторической ретроспективе в утратившем силу указании Банка Российской Федерации от 7 июля 1999 г. № 603-У комплаенс-контроль – внутренний контроль за соответствием деятельности на финансовых рынках законодательству о финансовых рынках в кредитной организации. Комплаенс-контроль является частью системы внутреннего контроля кредитной организации².

В современном понимании комплаенс – это комплексная система, обеспечивающая законность, этичность и прозрачность деятельности организации, уменьшающая риски и способствующая её стабильному развитию.

Применительно к рекомендательным технологиям (далее – РТ) правовой комплаенс может быть определен как система внутренних организационных, правовых и технических мер, принимаемых владельцем цифровой платформы для обеспечения соответствия использования рекомендательных технологий требованиям законодательства, минимизации рисков нарушения прав пользователей и защиты интересов предпринимателей.

Именно нормативные правовые акты создают предмет комплаенса. В Российской Федерации в части рекомендательных технологий такими актами выступают

— ст. 10.2-2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³ (далее – ФЗ об информации);

— Приказ Роскомнадзора от 06.10.2023 № 149 «Об утверждении требований к содержанию информации о применении информационных технологий предоставления информации на основе сбора, систематизации и ана-

Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

¹ Головкин Р.Б., Манохин В.С. Юридический комплаенс: определение объема понятия // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 1(62). С. 131.

² Указание Банка России от 07 июля 1999 г. № 603-У «О порядке осуществления внутреннего контроля за соответствием деятельности на финансовых рынках законодательству о финансовых рынках в кредитных организациях» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

лиза сведений, относящихся к предпочтениям пользователей сети «Интернет», находящихся на территории Российской Федерации, и размещению такой информации на информационном ресурсе»⁴;

— Приказ Роскомнадзора от 06.10.2023 № 150 «Об утверждении порядка взаимодействия Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций с владельцами сайтов и (или) страниц сайтов в сети «Интернет», и (или) информационных систем, и (или) программ для электронных вычислительных машин, на которых применяются информационные технологии предоставления информации на основе сбора, систематизации и анализа сведений, относящихся к предпочтениям пользователей сети «Интернет», находящихся на территории Российской Федерации»⁵.

Традиционно в правовой комплаенс входит формирование локального правового регулирования деятельности организации⁶. Документ, в котором закрепляются правила применения рекомендательных технологий (далее – Правила), принимается во исполнение требований ст. 10.2-2 ФЗ об информации и предназначен для раскрытия перед пользователями и надзорными органами принципов функционирования РТ. По своей правовой природе является локальным нормативным актом владельца информационного ресурса, применяющего РТ.

Исходя из требований закона, содержание Правил должно включать:

1) характеристику процессов и методов сбора, систематизации и анализа данных о предпочтениях пользователей сети «Интернет», а также формирования информации на основе таких данных, включая описание конкретных способов реализации указанных процессов и методов;

2) перечень видов сведений о предпочтениях пользователей, используемых для предоставления информации посредством РТ, с указанием источников получения таких сведений.

В настоящей статье рассмотрены Правила следующих владельцев информационных ресурсов, на которых применяются рекомендательные технологии: ВКонтакте⁷, Дзен⁸, Tiktok⁹, Wildberries¹⁰, Ozon¹¹ и ЯндексМаркет¹².

Анализ правил применения РТ крупнейших российских и зарубежных платформ выявил четыре наиболее сложных для практической реализации элемента:

- 1) понятие рекомендательных технологий;
- 2) описание работы рекомендательных технологий,

то есть процессов, методов и способов их осуществления;

3) виды получаемых сведений, относящихся к предпочтениям пользователей;

4) источник получения сведений, относящихся к предпочтениям пользователей.

Далее каждый из четырех указанных пунктов будет подвергнут детальному анализу. В целях их раскрытия в тексте Правил будут предложены конкретные «языковые формулы» для обеспечения возможности их имплементации в рамках системы правового комплаенса.

1. Понятие рекомендательных технологий.

Использование легального определения рекомендательных технологий в наибольшей степени реализует цель соответствия правил законодательству. Из ФЗ об информации и требований Роскомнадзора следует, что рекомендательные технологии – это информационные технологии, которые осуществляют сбор, систематизацию и анализ сведений, относящихся к предпочтениям пользователей сети «Интернет», находящихся на территории Российской Федерации.

Данное определение содержит указание на суть рекомендательных технологий (информационные технологии), отражает действия, которые осуществляют алгоритмы («сбор, систематизацию и анализ сведений»), раскрывает смысл персонализации как обработку сведений, относящихся к предпочтениям пользователей, а также ограничивает применение территорией («находящихся на территории Российской Федерации»).

Использование легального определения рекомендательных технологий наибольшим образом реализует цель соответствия Правил законодательству.

Рекомендательные технологии – это информационные технологии, которые осуществляют сбор, систематизацию и анализ сведений, относящихся к предпочтениям пользователей сети «Интернет», находящихся на территории Российской Федерации.

Использование собственного определения после легального не воспрещается. Оно может иметь особенности, связанные с деятельностью конкретного сервиса, и стать ориентиром для пользователей. Хорошим началом для правил будет наличие небольшого глоссария, в котором содержались бы необходимые термины и определения.

⁴ Приказ Роскомнадзора от 06 октября 2023 г. № 149 «Об утверждении требований к содержанию информации о применении информационных технологий предоставления информации на основе сбора, систематизации и анализа сведений, относящихся к предпочтениям пользователей сети «Интернет», находящихся на территории Российской Федерации, и размещению такой информации на информационном ресурсе» (Зарегистрировано в Минюсте России 30.11.2023 № 76197) // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru). 2023. № 0001202312010003.

⁵ Приказ Роскомнадзора от 06 октября 2023 г. № 150 «Об утверждении порядка взаимодействия Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций с владельцами сайтов и (или) страниц сайтов в сети «Интернет», и (или) информационных систем, и (или) программ для электронных вычислительных машин, на которых применяются информационные технологии предоставления информации на основе сбора, систематизации и анализа сведений, относящихся к предпочтениям пользователей сети «Интернет», находящихся на территории Российской Федерации» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru). 2023. № 0001202312010002.

⁶ Гармаев Ю.П., Иванов Э.А., Маркунцов С.А. Междисциплинарный подход к формированию системы антикоррупционного комплаенса в российской федерации // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2020. №3 (42). С. 263.

⁷ Правила применения рекомендательных технологий социальной сети ВКонтакте // URL: <https://vk.com/legal/recommendations> (дата обращения: 01.06.2026).

⁸ О правилах применения рекомендательных технологий контентной платформой «Дзен» // URL: <https://dzen.ru/legal/ru/recommendation-technologies/index.html?ysclid=mfllz6nno5303010176> (дата обращения: 01.06.2026).

⁹ Знакомство с системой рекомендаций TikTok // URL: <https://www.tiktok.com/transparency/ru-ru/recommendation-system> (дата обращения: 01.06.2026).

¹⁰ Правила применения рекомендательных технологий на платформе WIBES // URL: <https://wibes-03.wbbasket.ru/9615feaf-f901-11ef-b770-c61a35b23073/wibe.pdf> (дата обращения: 01.06.2026).

¹¹ Алгоритм рекомендаций на Ozon // URL: <https://docs.ozon.ru/legal/terms-of-use/site/algorithms/recomendation-algorithms/> (дата обращения: 01.06.2026).

¹² Как работают рекомендации в Яндексe // URL: <https://yandex.ru/legal/recommendations/ru/#about> (дата обращения: 01.06.2026).

2. Описание работы рекомендательных технологий, то есть процессов, методов и способов их осуществления.

В Правилах описание работы рекомендательных технологий является наиболее сложным пунктом. Владельцы РТ недостаточно точно раскрывают его в силу того, что их технологии охраняются правовыми режимами конфиденциальной информации. Между тем данный пункт имеет принципиально важное значение для обеспечения доступа пользователей к информации о работе РТ. Поэтому мы сформулируем сведения, которые обязательно должны отражаться в Правилах.

Под *процессом* понимаются конкретные шаги при разработке РТ, с помощью *метода* анализируются предпочтения пользователей, а *способ* их осуществления – это образ действия, то есть общее изложение процесса и метода.

В изученных нами правилах рекомендательных технологий встречаются следующие описания работы алгоритмов: использование нейросетей, ансамблей решающих деревьев, классических моделей машинного обучения¹³; векторизованного представления, математических модели с многофакторным анализом¹⁴. Перечисленное является не конкретным указанием на процессы, а скорее образом действия, то есть способом осуществления. Поэтому такие формулировки, на наш взгляд, не соответствуют требованиям полноты, вытекающему из системного толкования ст. 10.2-2 ФЗ об информации и приказов Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Требование от владельцев РТ раскрытия программного кода нарушало бы их исключительные права на интеллектуальную собственность и коммерческую тайну. С позиций комплаенса более соразмерным решением будет объяснение подходов к построению РТ.

Рекомендательные технологии могут быть построены на основе традиционного и (или) нейросетевого подхода. К традиционному подходу для создания РТ относятся простые ассоциативные правила, простые последовательные правила, марковские цепи, метод ближайших соседей; к нейросетевому подходу – рекуррентные нейронные сети, графовые нейронные сети, механизм внимания, обучение с подкреплением¹⁵.

Помимо процессов необходимо объяснить и методы работы РТ.

Существует три метода работы РТ, которые являются основанием для классификации алгоритмов, а именно:

- коллаборативная фильтрация,
- контент-ориентированная фильтрация,
- гибридная фильтрация.

Для сервисов, с помощью которых продаются товары, к этому списку добавляется RFM-анализ.

Способ осуществления метода коллаборативной фильтрации – выявление предпочтений одного пользователя на основе предпочтений других пользователей с похожими данными.

Способ осуществления метода контент-ориентированной фильтрации – анализ предпочтений пользователей исходя из самого контента, его сопоставления с профилем предпочтений пользователя, основанным на прошлых взаимодействиях.

Способ осуществления метода гибридной фильтрации – комбинация коллаборативной и контент-ориентированной фильтрации, то есть предпочтений пользователей со сходным профилем и взаимодействию с каким-либо контентом в прошлом.

Способ осуществления метода RFM-анализа – сочетание исследования давности взаимодействия покупателя с сайтом, частоты посещаемости и суммы покупок.

В силу того, что каждый владелец РТ разрабатывает свою архитектуру рекомендательных технологий, включающую разные подходы и методы, мы приведем лишь пример описания их работы:

«Платформа/сайт/сервис/социальная сеть А. для работы рекомендательных технологий использует нейросетевой подход, а именно графовые нейронные сети, которые включают создание графа, где вершинами являются пользователи и объекты платформы/сайта/сервиса/социальной сети. Ребра графа – это взаимодействие пользователей друг с другом и взаимодействии пользователей с объектами. Вершины и ребра имеют свои векторные описания. Этот подход позволяет применить метод гибридной фильтрации, который анализирует предпочтения пользователей со сходными профилями и взаимодействие с каким-либо объектом в прошлом».

Раскрытие программного кода – задача нереалистичная из-за существующих правовых мер защиты интеллектуальной собственности и коммерческой тайны¹⁶, однако в рамках правового комплаенса полезным решением будет составление карты рисков.

Карта рисков представляет собой графическое (таблицы, диаграммы) отображение возможных неблагоприятных результатов действий, благодаря которому они систематизируются. Аналогией является система управления охраной труда, которая разрабатывается в целях исключения и (или) минимизации профессиональных рисков в области охраны труда и управления указанными рисками (выявления опасностей, оценки уровней и снижения уровней профессиональных рисков), находящихся под управлением работодателя (руководителя организации) с учетом потребностей и ожиданий работников организации, а также других заинтересованных сторон. Инструмент картирования рисков широко применяется в комплаенсе и управлении охраной труда¹⁷. Перенос данной методологии в сферу рекомендательных технологий позволяет институционализировать оценку деструктивных эффектов алгоритмов и встроить ее в процедуры внутреннего контроля платформ.

Для составления карты рисков рекомендательных технологий основой могут служить следующие риски:

- формирование «информационного пузыря» и/или «эхо-камер»;
- ухудшение психического здоровья;
- распространение массовой дезинформации;

¹³ Правила применения рекомендательных технологий на платформе WIBES // URL: <https://wibes-03.wbbasket.ru/9615feaf-f901-11ef-b770-c61a35b23073/wibe.pdf> (дата обращения: 09.06.2026).

¹⁴ Правила применения рекомендательных технологий социальной сети ВКонтакте // URL: <https://vk.com/legal/recommendations> (дата обращения: 09.06.2026); О правилах применения рекомендательных технологий контентной платформой «Дзен» // URL: <https://dzen.ru/legal/ru/recommendation-technologies/index.html?ysclid=mmflz6nno5303010176> (дата обращения: 09.06.2026).

¹⁵ Ниничук М.М., Намиот Д.Е. Обзор методов построения рекомендательных систем на основе сессий // International Journal of Open Information Technologies. 2023. №5. С. 23-26.

¹⁶ Поляков Д.Н. Программное обеспечение как объект интеллектуальной собственности в трансграничных частноправовых отношениях: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 92.

¹⁷ Карпов Л.Р. Управление профессиональными рисками в вопросах и ответах // Охрана труда и пожарная безопасность в образовательных учреждениях. 2026. № 2. С. 3-13.

- дистрибуция экстремистского контента;
- манипуляция экономическим поведением.

Указанные риски непосредственно связаны с обеспечением медиабезопасности, под которой в современном научном дискурсе понимается состояние защищенности личности, общества и государства от информационных угроз, включая распространение деструктивного контента, манипуляцию общественным сознанием и подрыв когнитивного суверенитета¹⁸. Предлагаемая карта рисков РТ институционализирует оценку деструктивных эффектов алгоритмов в рамках правового комплаенса, встраивая их в процедуры внутреннего контроля платформ.

Этот список является открытым и зависит от деятельности осуществляемой конкретной платформой.

При наличии описания процессов, методов и их способов работы РТ, а также карты рисков платформы смогут не только соблюдать законодательство, но и прогнозировать, а значит управлять рисками своих систем.

3. Виды получаемых сведений, относящихся к предпочтениям пользователей.

Из проанализированных правил рекомендательных технологий следует, что владельцы РТ перечисляют виды получаемых сведений, относящихся к предпочтениям пользователей, закрытым списком.

Классификация этих сведения представляет собой следующие категории данных: сведения, которые указывает сам пользователь (пункт выдачи товара, пол и возраст, ответы в опросах об удовлетворенности); сведения, получаемые алгоритмами (давность посещения страницы, URL-переход); обобщенные сведения о предпочтениях пользователей на этой территории. Тип устройства пользователя большинство относит к видам сведений о предпочтениях, но встречается и указание на него как на источник получения таких сведений.

Представление предпочтений пользователя в виде закрытого списка – оптимальный вариант, потому что он отражает все данные, используемые РТ. Однако стоит учитывать тот факт, что методы работы алгоритмов влияют на содержание этого списка. Так, если алгоритмы используют метод контент-ориентированной фильтрации, то в видах должен быть указан конкретный контент (клик на карточку товара, любимые бренды).

Поэтому для представления видов получаемых сведений, относящихся к предпочтениям пользователей, отметим те требования, которые стоит учитывать:

- *закрытый список видов;*
- *разделение внутри списка на подгруппы;*
- *указание сведений с учетом методов работы алгоритмов;*
- *отсутствие повторения между предпочтениями и источниками их получения.*

Некоторые сервисы, например, ВКонтакте и Дзен, указывают в видах сведений, относящихся к предпочтениям пользователей, что эта информация используется ими не только в целях предоставления персонализированного контента, но и для «*проведения исследований, нацеленных на совершенствование и оптимизацию функциональных возможностей*».

Не самым верным решением представляется смешение цели использования РТ (зачем собираются данные) и видов сведений (какие данные собираются) в рамках од-

ного пункта. Оптимальная структура Правил должна предполагать их разделение на два самостоятельных блока. Статья 5 Федерального закона от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» требует, чтобы цели обработки были определены и заявлены до начала обработки¹⁹. Размещение целей в начале документа после терминов и определений подчеркивает эту первичность.

4. Источник получения сведений, относящихся к предпочтениям пользователей.

Правила применения рекомендательных технологий ЯндексМаркет, ВКонтакте, Дзен, TikTok называют общий источник получения сведений, относящихся к предпочтениям пользователей, а именно взаимодействие с платформой. Озон указывает на взаимодействие с товарами, что по сути также означает взаимодействие с платформой, на которой эти товары размещены.

Wildberries к источникам относит данные, полученные от пользователя, техническую информацию, собираемую автоматически, в том числе информацию о том, как пользователь пользуется сайтом, то есть взаимодействие с платформой, и информацию об устройстве пользователя. Такое описание учитывает тот факт, что не вся информация собирается самими алгоритмами, есть те данные, которые пользователь добровольно раскрывает о себе. Однако для поисковых систем оно не совсем корректно, потому что пользователь не сообщает о себе персональные данные, он формирует запросы, отражающие определенные предпочтения, которые анализируются алгоритмами. Кроме того, устройство пользователя некоторые сервисы, например, ЯндексПоиск, относят к видам предпочтений; Wildberries указывает информацию об устройстве и в видах сведений, относящихся к предпочтениям, и в источниках таких сведений.

Устройство пользователя относится скорее к видам сведений, говорящих о предпочтениях пользователя, потому что определяет его личные характеристики, например, купленную марку, модель телефона. А источник – это то, что служит основой для собирания такой информации, то есть действия пользователя с рекомендательными технологиями.

Поэтому для описания источников получения сведений, относящихся к предпочтениям пользователей, предлагаем следующую формулировку:

«Источником получения сведений, относящихся к предпочтениям пользователей является взаимодействие с платформой/сайтом/сервисом/ социальной сетью, которое включает самостоятельные действия пользователя, автоматическую работу рекомендательных технологий и сочетание их действий».

Исходя из принципа уважения автономии и свободы воли человека, то есть отсутствия умаления права выбора и интеллектуальных способностей человека²⁰, необходимо предоставить пользователям возможность отказаться от получения рекомендаций, сформированных с помощью алгоритмов, или предоставлять гражданам инструменты контроля над своими рекомендациями, источником которых является самостоятельная работа РТ по сбору сведений.

Помимо уже указанных содержательных компонентов для обеспечения соблюдения законодательства выгодным решением будет размещение в Правилах ссылок на соответствующие нормы. Например, содержание правил

¹⁸ Никишин В. Д. Правовое обеспечение медиабезопасности и когнитивного суверенитета: вызовы социальной инженерии, гибридных войн и механизмов Web 3.0 (часть 2) // Lex russica. 2024. Т. 77. № 12. С. 146.

¹⁹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

²⁰ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс».

можно раскрыть через положения ч. 2 ст. 10.2-2 ФЗ об информации, а также указать обязанности и ответственность владельцев РТ, перечисленные в пп. 1, 2 ч. 1 и ч. 16 ст. 10.2-2 ФЗ об информации.

На наш взгляд, любые правила применения рекомендательных технологий должны иметь следующую структуру:

1. Термины и определения.
2. Цели применения рекомендательных технологий.
3. Требования закона к содержанию правил применения рекомендательных технологий.
4. Описание работы рекомендательных технологий, то есть процессов, методов и способов их осуществления.
5. Карта рисков применения рекомендательных технологий.
6. Виды получаемых сведений, относящихся к предпочтениям пользователей;
7. Источник получения сведений, относящихся к предпочтениям пользователей.
8. Возможность пользователями самостоятельно управлять рекомендательными технологиями или отказаться от персонализированного контента.
9. Обязанности и ответственность владельцев РТ в соответствии с законодательством РФ.
10. Контактные данные для направления юридически значимых сообщений.

Таким образом, правовой комплаенс в области применения рекомендательных технологий не сводится к формальному исполнению требований закона, а предполагает системную работу по описанию алгоритмов, классификации сведений о предпочтениях, управлению рисками и обеспечению прозрачности. Предложенный подход (описание архитектуры работы РТ, метода фильтрации и способа его осуществления без раскрытия кода) позволяет соблюсти баланс между прозрачностью алгоритмов и защитой коммерческой тайны. Предложена карта рисков РТ, включающая информационные пузыри, эхо-камеры, ухудшение психического здоровья, распространение дезинформации и манипуляцию экономическим поведением. Разработана оптимальная структура типовых Правил применения РТ из десяти разделов, которая может быть использована владельцами платформ в качестве шаблона. Предложенный подход может быть использован владельцами информационных ресурсов при разработке или актуализации правил применения рекомендательных технологий, а также специалистами по правовому комплаенсу и управлению рисками.

Литература

1. Гармаев Ю.П., Иванов Э.А., Маркунцов С.А. Междисциплинарный подход к формированию системы антикоррупционного комплаенса в российской федерации // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2020. №3 (42). С. 260-276.

2. Головкин Р.Б., Манохин В.С. Юридический комплаенс: определение объема понятия // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 1(62). С. 128-132.

3. Карпов Л.Р. Управление профессиональными рисками в вопросах и ответах // Охрана труда и пожарная безопасность в образовательных учреждениях. 2026. № 2. С. 3-13.

4. Никишин В. Д. Правовое обеспечение медиабезопасности и когнитивного суверенитета: вызовы социальной инженерии, гибридных войн и механизмов Web 3.0 (часть 2). Lex russica. 2024. Т. 77. № 12. С. 140-155.

5. Ниничук М.М., Намиот Д.Е. Обзор методов построения рекомендательных систем на основе сессий // International Journal of Open Information Technologies. 2023. №5. С. 22-32.

6. Поляков Д.Н. Программное обеспечение как объект интеллектуальной собственности в трансграничных частноправовых отношениях: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 177 с.

Legal compliance in the field of recommender technologies Poskonina D.D.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article is devoted to legal compliance in the field of application of recommendation technologies in the Russian Federation. Based on the analysis of Article 10.2-2 of the Federal Law «On Information, Information Technologies and Information Protection» and the regulations of Roskomnadzor (the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media), as well as a comparative analysis of the rules for the application of RT on the six largest platforms (VK, DZEn, TikTok, Wildberries, Ozon, Yandex Market), the main requirements for the owners of information resources using recommendation technologies are identified. The author proposes a compliance-oriented algorithm for drafting rules on the use of recommendation technologies for platform owners. The algorithm includes the definition of recommendation technologies, a description of the processes and methods of their operation, the author's risk map, types and sources of information about user preferences, as well as mechanisms for ensuring user rights. Special attention is paid to the issue of balancing transparency in algorithms with the protection of intellectual property. The developed rule structure can be used by digital platform owners as a standard template for developing or updating local regulations, as well as by legal compliance specialists and corporate risk management professionals.

Keywords: legal compliance, recommendation technologies, personal data, model provision, risk management, information law.

References

1. Garmayev Y.P., Ivanov E.A., Markuntsov S.A. An interdisciplinary approach to the formation of the anti-corruption compliance system in the Russian Federation // Bulletin of VSU. Series: Law. 2020. No. 3 (42). Pp. 260-276.
2. Golovkin R.B., Manokhin V.S. Legal compliance: defining the scope of the concept // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2022. No. 1(62). Pp. 128-132.
3. Karpov, L.R. Management of Professional Risks in Questions and Answers // Occupational Health and Fire Safety in Educational Institutions. 2026. No. 2. Pp. 3-13.
4. Nikishin V. D. Legal support for media security and cognitive sovereignty: challenges of social engineering, hybrid wars and Web 3.0 mechanisms (part 2). Lex russica. 2024. Vol. 77. No. 12. Pp. 140-155.
5. Ninichuk M.M., Namiot D.E. Review of methods building session-based recommendation systems // International Journal of Open Information Technologies. 2023. No. 5. Pp. 22-32.
6. Polyakov D.N. Software as an Object of Intellectual Property in Cross-Border Private Law Relations: PhD Thesis. Moscow, 2024. 177 p.

Прокурорский надзор за исполнением экологического законодательства в Арктической зоне России: анализ статистических связей между социально-экономическими факторами и состоянием законности

Стеля Виктория Александровна

соискатель кафедры прокурорской деятельности Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, sva77777@mail.ru

В целях установления статистически значимых взаимосвязей между социально-экономическими факторами и состоянием законности, определения приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры в экологической сфере на территории Арктической зоны Российской Федерации (далее – АЗРФ) проведено настоящее исследование. Исследование основано на данных Росстата, государственных докладов Министерства природных ресурсов и экологии России, статистической отчетности Генеральной прокуратуры Российской Федерации и практики прокурорской деятельности на территории 4 субъектов, полностью входящих в АЗРФ, за 2013 – 2025 гг. Проведенный анализ состояния законности и корреляционный анализ показателей социально-экономического развития и количества выявленных прокурорами нарушений в АЗРФ, позволили выявить статистически значимые связи, прежде всего с нарушениями законодательства об отходах производства и потребления, об охране земель, почв, об охране и использовании животного мира, а также обосновать приоритетные направления деятельности органов прокуратуры для анализируемых субъектов АЗРФ. Результаты исследования могут быть использованы при анализе состояния законности, определении приоритетных направлений надзорной деятельности при планировании проверок и прогнозирования нарушений экологического законодательства на территории АЗРФ.

Ключевые слова: прокуратура, направления деятельности, статистика, корреляционный анализ, окружающая среда, нарушения, Арктика.

Законом [1] о государственной поддержке предпринимательской деятельности в АЗРФ определены состав сухопутных территорий АЗРФ, направления экономического, социального развития, меры по охране окружающей среды.

Согласно мониторингу, проведенному ВЦИОМ в АЗРФ, наибольшую обеспокоенность у 53 % коренных малочисленных народов вызывает экологическая ситуация, а 59 % респондентов ее оценивают отрицательно (при 46% по РФ) [2, с. 41].

Региональные особенности субъектов, входящих в АЗРФ: природно-климатические условия, низкая плотность населения, неравномерность промышленно-хозяйственного освоения, ориентированного на добычу природных ресурсов и др. [3], определяют специальные подходы к охране окружающей среды и прокурорской деятельности в экологической сфере.

В условиях новых социально-экономических реалий особое значение отводится деятельности прокуратуры Российской Федерации по надзору за исполнением экологического законодательства [4] и анализу состояния законности, по результатам которого определяются актуальные проблемы и приоритетные направления деятельности.

Деятельность прокуратуры в экологической сфере регламентирована положениями Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [5] и ведомственными актами, предусматривающих надзор за исполнением законодательства: об отходах производства и потребления; охраны вод и водных биологических ресурсов; охраны земель и территорий традиционного природопользования; охраны атмосферного воздуха; о недропользовании; о лицензировании.

По результатам надзорной деятельности Генеральный прокурор Российской Федерации представляет Совету Федерации [6] и Президенту России доклад о состоянии законности и правопорядка в стране, в который включаются результаты анализа выявленных нарушений, оценки факторов, обуславливающих тенденции к их совершению, прогнозирование ситуации. Итоги работы подводятся на расширенном заседании Коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации [6].

Под состоянием законности понимается «совокупность количественных и качественных показателей, отражающих реальное осуществление требований законности в определенный промежуток времени» [7]. Обязательные требования устанавливаются, в том числе в целях недопущения причинения вреда (ущерба) животным, растениям, окружающей среде.

В заданиях, в приказах Генерального прокурора РФ, прокуратур субъектов РФ указывается на необходимость перед проведением проверки, при планировании деятельности проводить анализ состояния законности в экологической сфере, который включает изучение: прокурорской и правоприменительной практики, информационной и телекоммуникационной сети «Интернет», данных государственных информационных систем и иных источников.

В научной литературе значительное внимание уделяется теоретическим и методическим основам анализа со-

стояния законности, как важнейшего инструмента прокурорской деятельности, влияния на нее различных социально-экономических факторов.

Так, Е. Р. Ергашев, А. О. Леготин [8], А.Н. Ларьков [9] и другие исследователи рассматривают мониторинг состояния законности, как одно из направлений информационно-аналитической деятельности прокуратуры, влияющее на планирование и организацию деятельности прокуратуры.

Влияние на состояние законности в экологической сфере факторов, связанных с ухудшением состояния окружающей среды, несбалансированностью действующего экологического законодательства, ослаблением и децентрализацией системы государственного управления, некачественной работой контрольно-надзорных органов, были рассмотрены Д.Г. Добрецовым [10].

Корреляционный анализ рядом авторов применялся при исследовании: факторов, влияющих на уровень преступности; показателей преступности и статистических результатов деятельности правоохранительных органов; причинно-следственных факторов негативного влияния на природные системы и условия жизни населения [11].

При этом вопросы статистической взаимосвязи социально-экономических факторов с состоянием законности в экологической сфере на территории АЗРФ остаются недостаточно разработанными.

Цель исследования – установить статистически значимые связи между социально-экономическими факторами и состоянием законности на территории субъектов, расположенных в АЗРФ: Архангельской области и Ненецкого автономного округа, Мурманской области, Чукотском и Ямало-Ненецком автономных округах, и определить приоритетные направления прокурорской деятельности с учетом выявленных закономерностей.

Объектом исследования является состояние законности в экологической сфере в субъектах АЗРФ и деятельность органов прокуратуры по его обеспечению.

Предметом исследования выступают статистические взаимосвязи между социально-экономическими показателями и количеством выявленных нарушений экологического законодательства по основным направлениям надзорной деятельности.

Исследование проведено за период 2013 - 2025 гг. по данным статистических сборников Росстата [12], государственных докладов Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации о состоянии и об охране окружающей среды, статистических отчетов Генеральной прокуратуры РФ [13].

Анализ состояния законности в экологической сфере на территории исследуемых субъектов АЗРФ показал, что ежегодное количество выявляемых прокурорами нарушений остается относительно стабильным. За анализируемый период ими выявлено более 78,7 тыс. нарушений экологического законодательства. По сравнению с 2013 г. в 2025 г. общее количество выявленных нарушений законов увеличилось на 6%. Рост нарушений отмечен в 2013 г. и 2017 г., что может быть связано с активизацией надзорной деятельности в связи с проведением Года охраны окружающей среды и Года экологии [14]. Незначительное снижение нарушений наблюдалось в 2014–2015 годах. Указанное свидетельствует о том, что несмотря на принимаемые прокурорами меры, существенного снижения количества нарушений не происходит. Динамика выявленных прокурорами нарушений экологического законодательства в АЗРФ за период 2013 – 2025 гг. представлена в таблице 1.

Анализ структуры нарушений за анализируемый период показал, что наибольшее их количество приходится на следующие сферы: об отходах производства и потребления; о лесопользовании; об охране вод и атмосферного

воздуха; об охране земли, почв, что позволяет рассматривать их как основные приоритетные направления деятельности органов прокуратуры при надзоре за исполнением экологического законодательства в АЗРФ.

График 1 – Динамика выявленных прокурорами нарушений экологического законодательства в АЗРФ в 2013-2025 гг.

Структура выявленных прокурорами нарушений в экологической сфере за 2013 - 2025 гг. представлена на рисунке 2.

Рис. 2 Структура выявленных прокурорами нарушений законов в экологической сфере на территории АЗРФ.

При этом, согласно докладом Министерства природных ресурсов РФ, за период 2013-2024 гг. [15], стратегическим документам по развитию АЗРФ угрозами для окружающей среды и экологической безопасности АЗРФ являются социальные и экономические факторы.

Представим их краткую характеристику, уделив особое внимание: демографическим процессам, объектам хозяйственной деятельности, антропогенному воздействию, объемам инвестиций в основной капитал, в целях охраны и рационального использования природных ресурсов, а также развитию системы особо охраняемых природных территорий.

Сокращение численности населения является одной из основных угроз для развития АЗРФ [16]. Численность населения АЗРФ в 2019-2023 гг. сократилось на 3%, при этом наибольшее сокращение зафиксировано в Мурманской (-12%) и Архангельской областях (-10%) [2, с. 31].

Несмотря на миграционный отток из АЗРФ количество предприятий остается относительно стабильным. Снижение предприятий по состоянию на 2025 г. по сравнению с 2013 г. отмечается в Архангельской области (-31%), Ненецком (-5%) и Ямало-Ненецком автономных округах (-30%). При этом в Мурманской области и Чукотском автономном округе зафиксирован их рост [17].

По данным государственного лесного реестра площадь земель лесного фонда АЗРФ по состоянию на 01.01.2025 составляла 234,7 га. В Ненецком [18] и Чукотском [19] автономных округах одной из основных функций лесов является создание благоприятной среды обитания

для коренных малочисленных народов, для ведения традиционных видов деятельности. И только Архангельская область один из ведущих лесопромышленных центров России, лесистость которой составляет 54% региона [20].

Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды, некоторыми авторами рассматриваются как один из способов снижения негативного воздействия на окружающую среду [21]. За период 2013 – 2025 гг. их объем в анализируемых регионах вырос в 13 раз (с 2 887 млн. до 37 541 млн. руб.). Так, в 2023 году [12] основная часть инвестиций пришлось на охрану атмосферного воздуха (84,9%), водных ресурсов (8,9%), земель (1,5%) и прочие направления (4,7%). Доля таких инвестиций в общем объеме вложений в основной капитал по АЗРФ составила 4,1%, что существенно превышает среднероссийский уровень (1,4%). В 2024 году по сравнению с 2023 годом отмечено снижение числа выявленных нарушений законодательства: об охране вод и атмосферного воздуха в Архангельской области и Ненецком АО на 3,8%, Мурманской области – 53,47%, Чукотском АО, Ямало-Ненецком АО на 19,81%.

Создание особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ), соблюдение режима их особой охраны, включая внесение сведений о них в Единый государственный реестр недвижимости является одной из стратегических задач в сфере охраны окружающей среды АЗРФ. В настоящее время площадь ООПТ Арктики превышает 38 млн.га., однако для сохранения биоразнообразия АЗРФ необходимо площадь ООПТ увеличить до 20-40 % территории АЗРФ [22].

Следующий фактор оказывающий влияние на окружающую среду АЗРФ – отходы производства и потребления. Несмотря на пристальное внимание органов прокуратуры, принимаемые меры, изменить ситуацию в лучшую сторону пока не удастся. Темпы образования отходов производства и потребления в АЗРФ значительно превышают темпы их утилизации (обработки), что также приводит к увеличению несанкционированных свалок отходов и площади нарушенных земель. Так, по состоянию на 31.12.2024 площадь нарушенных земель анализируемых субъектов в АЗРФ составляет 283,73 тыс. га., наибольшая доля приходится на Ямало-Ненецкий автономный округ - 163,5 тыс. га.. При этом объем размещенных отходов на собственных объектах утилизации и хранения в 2024 г. по сравнению с 2023 г. увеличился в несколько раз, что указывает на нарастающую нагрузку на окружающую среду.

Для оценки связи указанных социально-экономических факторов с состоянием законности в экологической сфере были отобраны статистические показатели, потенциально влияющие на окружающую среду по каждому из анализируемых субъектов АЗРФ за период 2013-2025 гг.: численность населения, количество организаций и предприятий, площадь земель лесного фонда, объем лесозаготовки, инвестиции в основной капитал на охрану окружающей среды, площадь особо охраняемых природных территорий, объем образования отходов производства и потребления. В дальнейшем эти показатели используются в качестве независимых переменных.

В качестве зависимых переменных в корреляционном анализе использовались статистические показатели количества нарушений экологического законодательства, выявленных органами прокуратуры в экологической сфере: об охране земли, почв; об охране вод и атмосферного воздуха; об отходах производства и потребления; об охране и использовании животного мира; о лесопользовании. На основе указанных данных с использованием встроенной в EXCEL функции КОРРЕЛ и инструментов пакета анализа данных были рассчитаны парные коэффициенты корреляции Пирсона. Расчеты коэффициентов корреляции представлены в табл. № 1

Таблица 1

Корреляционная матрица взаимосвязи социально-экономических факторов с выявленными органами прокуратуры нарушениями законодательства в экологической сфере на территории АЗРФ.

Регионы, входящие в АЗРФ	Социально-экономические факторы	Выявленные органами прокуратуры нарушения законодательства в экологической сфере на территории АЗРФ					
		год	об охра не земл и, почв	об охра не вод и атм ос- фер ного воз- духа	об от- хо- дах про- из- вод- ств а и по- тре бле- ния	об охра не и ис- поль- зова- нии живот- ного мира	о лесо- поль- зова- нии
Архан-гельск.обл.	числен-ность насе-ления, тыс. чел	-0,96	0,31	0,59	0,34	-0,16	0,62
Мур-манск.обл.		-0,93	0,60	0,29	0,07	-0,55	0,09
НенецкийАО		-0,48	0,52	0,03	0,54	0,37	-0,35
ЧукотскийАО		-0,85	-0,52	-0,61	-0,44	-0,57	-0,28
Ямало-Не-нецкийАО		-0,73	0,05	0,52	-0,89	-0,76	-0,41
Архан-гельск.обл.	кол-во ор-ганизаций и предпри-ятий	-0,98	0,11	0,23	0,07	-0,50	0,41
Мур-манск.обл.		-0,07	-0,23	-0,49	0,08	-0,23	-0,29
НенецкийАО		-0,93	-0,36	0,22	0,15	0,27	-0,26
ЧукотскийАО		0,85	0,81	0,65	0,45	0,04	0,67
Ямало-Не-нецкийАО		-0,94	0,08	0,26	-0,86	-0,52	-0,52
Архан-гельск.обл.	земли лес-ного фонда, тыс. км²	0,76	0,51	0,39	0,33	0,75	-0,08
Мур-манск.обл.		-0,59	-0,08	-0,01	0,19	-0,45	0,10
НенецкийАО		0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
ЧукотскийАО		-0,21	-0,23	-0,24	0,29	-0,39	-0,23
Ямало-Не-нецкийАО		0,63	0,46	-0,85	0,62	0,48	0,23
Архан-гельск.обл.	лесозаго-товка (тыс. плотных м³)	0,50	-0,65	-0,86	-0,55	-0,21	-0,58
Мур-манск.обл.		-0,60	-0,14	-0,03	-0,47	0,19	0,54
НенецкийАО		0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
ЧукотскийАО		0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Ямало-Не-нецкийАО		-0,90	-0,53	-0,55	-0,48	-0,12	-0,27
Архан-гельск.обл.	инвестиции в основной капитал на ООС (млн.руб)	0,44	-0,41	-0,39	-0,26	0,20	-0,11
Мур-манск.обл.		0,37	-0,03	-0,21	-0,11	0,33	0,51
НенецкийАО		-0,12	-0,29	-0,54	0,77	0,83	-0,17
ЧукотскийАО		0,50	0,64	0,21	0,31	-0,35	0,24
Ямало-Не-нецкийАО		0,68	-0,13	-0,06	0,62	0,31	0,36

Архангельск. обл.	площадь ООПТ (тыс. га)	0,78	0,24	0,33	0,28	0,68	- 0,14
Мурманск. обл.		0,88	-0,02	-0,38	0,19	0,44	- 0,08
НенецкийАО		0,94	0,38	-0,32	- 0,02	-0,26	0,24
ЧукотскийАО		0,21	0,16	0,20	0,10	0,16	0,46
Ямало-НенецкийАО		0,88	0,04	-0,23	0,63	0,48	0,44
Архангельск. обл.	образование отходов (млн т)	-0,77	-0,20	0,36	0,06	-0,22	0,52
Мурманск. обл.		0,46	-0,45	-0,41	- 0,20	0,83	0,27
НенецкийАО		0,33	0,18	0,29	- 0,38	-0,46	0,35
ЧукотскийАО		0,87	0,72	0,64	0,49	0,22	0,59
Ямало-НенецкийАО		0,85	0,03	-0,10	0,63	0,43	0,36

Для описания силы выявленных статистических связей использована шкала Р. Чеддока. При интерпретации результатов основное внимание уделяется коэффициентам корреляции с модулем $|r| \geq 0,3$ (умеренные, заметные и более сильные связи).

Корреляционный анализ показал неоднородный характер статистических связей между социально-экономическими факторами и количеством выявленных прокурорами нарушений в экологической сфере на территории АЗ РФ. Установленные корреляции свидетельствуют о наличии или отсутствии статистических тенденций и не могут рассматриваться как доказательство причинно-следственных связей.

Во всех исследуемых субъектах наблюдается устойчивое сокращение численности населения, что подтверждается высокой отрицательной корреляцией с годом наблюдения. При этом влияние демографического фактора на экологические нарушения носят неоднородный характер. В одних случаях увеличение численности населения сопряжено с ростом числа нарушений: об охране земель, почв; об охране вод и атмосферного воздуха; об отходах производства и потребления, в других - с их снижением, прежде всего с нарушениями в сфере охраны и использования животного мира. Это позволяет говорить о влиянии демографических процессов на структуру нарушений, однако степень этого влияния существенно различается по регионам АЗ РФ.

Связь между числом хозяйствующих субъектов и нарушениями экологического законодательства также неоднородна. В ряде субъектов увеличение количества предприятий сопровождается ростом нарушений (об отходах производства и потребления, об охране земель, почв, об охране вод и атмосферного воздуха), в других – противоположная тенденция либо статистически слабые связи. Это отражает различия в отраслевой структуре экономики, характере воздействия на окружающую среду.

Площадь земель лесного фонда и объемы лесозаготовки показывают, как положительные, так и отрицательные корреляции с отдельными видами нарушений. В субъектах с развитым лесопромышленным комплексом лесной фактор чаще связан с нарушениями в сфере лесопользования, охраны и использовании животного мира, тогда как в регионах, где леса выполняют преимущественно защитные функции, такие связи слабее или отсутствуют. Полученные результаты указывают на необходимость учета специфики лесного фонда и его использования при организации прокурорских проверок.

Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды, в большинстве субъектов АЗ РФ демонстрируют устойчивый рост. Связи инвестиций с количеством нарушений носят неоднородный характер: наряду с положительными корреляциями (об отходах производства и потребления, об охране и использовании животного мира, о лесопользовании), установлены отрицательные связи. Последнее может свидетельствовать о профилактическом эффекте инвестиций в основной капитал, однако для подтверждения данного вывода необходимо проведение более глубокого анализа статистических данных и прокурорской практики других субъектов России.

Площадь ООПТ в исследуемых субъектах в целом увеличивается. При этом в ряде регионов увеличение площади ООПТ коррелирует с ростом числа выявленных нарушений, особенно в сфере охраны и использования животного мира. Это может быть обусловлено в том числе увеличением объектов надзора, одновременно в некоторых случаях отмечаются отрицательные связи с нарушениями в области охраны вод и атмосферного воздуха, что может указывать на экологический эффект от расширения сети ООПТ.

Образование отходов во всех анализируемых субъектах АЗ РФ имеет устойчивую тенденцию к росту. Для данного фактора установлено наибольшее количество положительных корреляций с нарушениями экологического законодательства практически по всем анализируемым направлениям, особенно в сфере обращения с отходами производства и потребления, охраны вод и атмосферного воздуха, охраны и использования животного мира и лесопользования (в отдельных регионах). Это подтверждает проблему отходов производства и потребления, как одного из факторов, статистически связанного с состоянием законности в экологической сфере.

Таким образом, проведенный корреляционный анализ показал, что состояние законности в экологической сфере АЗ РФ статистически связано с социально-экономическими факторами, однако характер этих связей носит неоднородный характер, обусловленный региональными особенностями. Наиболее сильные корреляции установлены для таких факторов, как образование отходов производства и потребления, численность населения и площадь особо охраняемых природных территорий. Взаимосвязь с другими факторами в значительной степени определяется видами хозяйствующих субъектов, объектами природопользования.

По результатам анализа общей структуры нарушений и выявленных статистических связей представляется возможным:

1. выделить наиболее типичные нарушения экологического законодательства: обращение с отходами производства и потребления; о лесопользовании; об охране вод и атмосферного воздуха; об охране земель, почв.
2. определить приоритетные направления прокурорской деятельности по каждому анализируемому субъекту с учетом социально-экономических факторов.

При определении приоритетов учитывались:

- доля соответствующих нарушений в общей структуре выявленных прокурорами нарушений экологического законодательства;
- величина и устойчивость коэффициентов корреляции между социально-экономическими факторами и количеством выявленных нарушений (с акцентом на заметные и высокие связи: $|r| \geq 0,3$);
- региональные особенности: демографические, хозяйственное освоение, природно-ресурсные.

С учетом этого представляется обоснованным предложить следующую классификацию приоритетных

направлений прокурорского надзора за исполнением экологического законодательства на территории АЗРФ:

Архангельская область: 1. Об отходах производства и потребления; охрана вод и атмосферного воздуха; 2. Охрана земель, почв; 3. Охрана и использование животного мира; лесопользование.

Мурманская область: 1. Об отходах производства и потребления; лесопользование; 2. Охрана и использование животного мира; 3. Охрана земель, почв; охрана вод и атмосферного воздуха.

Ненецкий автономный округ: 1. Об отходах производства и потребления; 2. Охрана земель, почв; 3. Охрана вод и атмосферного воздуха; охрана и использование животного мира.

Чукотский автономный округ: 1. Об отходах производства и потребления; охрана земель, почв; 2. Охрана вод и атмосферного воздуха; 3. Охрана и использование животного мира.

Ямало-Ненецкий автономный округ: 1. Об отходах производства и потребления; охрана и использование животного мира; 2. Охрана вод и атмосферного воздуха; охрана земель, почв; 3. Лесопользование.

Проведенный анализ состояния законности и структуры нарушений показал, что наибольшее их количество допускается при: обращении с отходами производства и потребления; лесопользовании; охране вод и атмосферного воздуха, охране земель, почв.

Корреляционный анализ подтвердил наличие статистически значимых связей между отдельными социально-экономическими факторами и количеством выявленных нарушений. Наиболее выраженные взаимосвязи установлены с факторами: образование отходов производства и потребления; численность населения; площадь особо охраняемых природных территорий, которые можно рассматривать в качестве основных показателей риска при планировании надзорной деятельности.

Региональные особенности статистических связей свидетельствуют о необходимости дифференцированного подхода при определении приоритетных направлений прокурорской деятельности по каждому субъекту АЗРФ.

Предложенная в работе классификация приоритетов может служить основанием для подготовки заданий, планов работы органов прокуратуры, прогнозирования нарушений экологического законодательства на территории АЗРФ и для принятия управленческих решений.

Литература

1. О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации : Федеральный закон от 13.07.2020 № 193-ФЗ. – URL:

<https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=499943&dst=100001#b1rsg9VYmklosle21> (дата обращения: 21.04.2026). – Текст : электронный.

2. Развитие Арктической зоны Российской Федерации : аналитический дайджест. – URL: https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/fin-digest_arctic_2025-kopija.pdf (дата обращения: 08.04.2026). – Текст : электронный. (2)

3. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» : Постановление Правительства РФ от 30.03.2021 № 484. – Текст : непосредственный. (3)

4. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина : приказ Генерального прокурора РФ от 07.12.2007 № 195 ; Об организации прокурорского

надзора за исполнением законодательства в экологической сфере : приказ Генерального прокурора РФ от 15.04.2021 № 198. – Текст : непосредственный. (4)

5. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1. – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=523563#m2XqQHVMlQIYvSQQ> (дата обращения: 21.04.2026). – Текст : электронный. (5)

6. Об утверждении Регламента Генеральной прокуратуры Российской Федерации : приказ Генерального прокурора РФ от 11.05.2016 № 276 (ред. от 24.12.2024). – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=479634&dst=100152#1UlwGVWUB37O2vr> (дата обращения: 13.04.2026). – Текст : электронный.

7. Законность в Российской Федерации : монография / А. И. Абрамова [и др.] ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ. – Москва : Контракт, 2008. – 624 с. – ISBN 978-5-98209-036-2. – Текст : непосредственный. 97 (7)

8. Ергашев, Е. Р. Мониторинг как важнейший инструмент в деятельности российской прокуратуры / Е. Р. Ергашев, А. О. Леготин. – Текст : непосредственный // Российский юридический журнал. – 2024. – № 5. (8)

9. Аналитическая работа прокуратуры субъекта Российской Федерации / А. Н. Ларьков, Л. Н. Куровская, Э. Б. Хатов [и др.] ; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – Москва : Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2016. – 292 с. – Текст : непосредственный. (9)

10. Законность: теория и практика : монография / М. С. Андриянов, С. А. Боголюбов, Н. Д. Бут. – Москва : Инфра-М ; Znanium.com, 2017. – 400 с. – ISBN 978-5-16-106458-0 (online). – Текст : непосредственный. (10)

11. Бабина, О. И. Факторы социально-экономического развития арктических регионов / О. И. Бабина. – DOI 10.47475/1994-2796-2025-501-127-134. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2025. – № 7 (501). – С. 127-134. (11)

12. Охрана окружающей среды : официальная статистика // Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/11194> (дата обращения: 13.04.2026) ; Арктическая зона Российской Федерации : статистическая информация о социально-экономическом развитии. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/arc_zona.html (дата обращения: 15.04.2026). – Текст : электронный. (12)

13. Об утверждении и о введении в действие статистического отчета «Надзор за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» по форме ОН и Инструкции по его формированию : приказы Генерального прокурора РФ от 14.12.2012 № 454, от 28.12.2016 № 828, от 20.06.2018 № 368, от 21.02.2022 № 98. – Текст : непосредственный. – (Раздел 1 «Надзор за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина»). (13)

14. О проведении в Российской Федерации Года охраны окружающей среды : Указ Президента РФ от 10.08.2012 № 1157. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35918> (дата обращения: 15.10.2025). – Текст : электронный. (14)

15. Государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2024 году / Министерство природных ресурсов и экологии РФ. – С. 227. – URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okr_uzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okr_uzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii_v_2024/ (дата обращения: 13.04.2026). – Текст : электронный. (15)

16. О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года : Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645. – Текст : непосредственный. (16)

17. Предприятия и организации : официальная статистика // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. – URL: <https://51.rosstat.gov.ru/folder/72859> (дата обращения: 15.04.2026). – Текст : электронный. (17)

18. Лесной план Ненецкого автономного округа на 2019–2028 годы. – С. 7. – URL: <https://dprea.adm-nao.ru/pozharoопасnyj-sezon/> (дата обращения: 22.04.2026). – Текст : электронный. (18)

19. Лесной план Чукотского автономного округа на 2019–2028 годы. – С. 8. – URL: <https://xn--80atapud1a.xn--p1ai/documents/dokumenty-reestry-perechni-prikazy/1879/> (дата обращения: 22.04.2026). – Текст : электронный. (19)

20. Состояние и охрана окружающей среды Архангельской области за 2023 год : доклад. – С. 109. – URL: https://eco29.ru/informatsionnye-resursy-ekologiya-oblasti/2023/250_doklad_2023.pdf (дата обращения: 22.04.2026). – Текст : электронный. (20)

21. Воронина, Е. П. Экологические аспекты трансформации социально-экономического пространства в контексте повышения безопасности и сбережения экосистем / Е. П. Воронина. – URL: <https://arctic2035.ru/n21-p59> (дата обращения: 08.04.2026). – Текст : электронный // Арктика 2035. – 2025. – № 1 (21).

22. Ридигер, А. Необходимо расширить площади ООПТ в Арктической зоне / А. Ридигер. – URL: <https://goarctic.ru/opinions/anna-ridiger-neobkhodimo-rasshirit-ploshchadi-oopt-v-arkticheskoy-zone/> (дата обращения: 28.04.2026). **List of literature:**

Prosecutor's supervision of the implementation of environmental legislation in the Arctic zone of Russia: analysis of statistical links between socio-economic factors and the state of legality

Stelya V.A.

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

In order to establish statistically significant relationships between socio-economic factors and the state of legality, and to determine the priorities of the prosecutor's office in the environmental field in the Arctic zone of the Russian Federation (hereinafter referred to as the AZRF), this study was conducted. The study is based on data from Rosstat, state reports from the Ministry of Natural Resources and Ecology of Russia, statistical reports from the Prosecutor General's Office of the Russian Federation and the practice of prosecutorial activity on the territory of 4 subjects fully included in the Russian Arctic for 2013–2025. The conducted analysis of the state of legality and the correlation analysis of indicators of socio-economic development and the number of violations identified by prosecutors in the AZ of the Russian Federation made it possible to identify statistically significant links, primarily with violations of legislation on production and consumption waste, on the protection of lands, soils, on the protection and use of wildlife, as well as to substantiate the priority areas of activity of the prosecutor's office for the analyzed subjects of the Russian Arctic. The results of the study can be used in analyzing the state of legality, determining the priorities of supervisory activities in planning inspections and forecasting violations of environmental legislation in the territory of the Russian Arctic.

Keywords: prosecutor's office, areas of activity, statistics, correlation analysis, environment, violations, Arctic.

References

1. On State Support for Entrepreneurial Activity in the Arctic Zone of the Russian Federation : Federal Law No. 193-FZ dated July 13, 2020. – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=499943&dst=100001#b1rsg9VYmklosle21> (date of request: 04/21/2026). – Text : electronic.
2. Development of the Arctic zone of the Russian Federation : an analytical digest. – URL: https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/fin-digest_arctic_2025-kopija.pdf (date of request: 04/08/2026). – Text : electronic. (2)
3. On approval of the State program of the Russian Federation "Socio-economic Development of the Arctic zone of the Russian Federation": Decree of the Government of the Russian Federation dated 30.03.2021 No. 484. – Text : direct. (3)
4. On the organization of prosecutorial supervision of the implementation of laws, observance of human and civil rights and freedoms : Order of the Prosecutor General of the Russian Federation dated 07.12.2007 No. 195; On the organization of prosecutorial supervision of the implementation of

- legislation in the environmental sphere : order of the Prosecutor General of the Russian Federation dated 15.04.2021 No. 198. – Text : direct. (4)
5. On the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Federal Law No. 2202-I. dated 17.01.1992. – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=523563#m2XqQHVMlQIYvSQQ> (date of request: 04/21/2026). – Text : electronic. (5)
6. On approval of the Regulations of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation : Order of the Prosecutor General of the Russian Federation dated 05/11/2016 No. 276 (as amended on 12/24/2024). – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=479634&dst=100152#1UlwGVWUB37O2vr> (date of request: 04/13/2026). – Text : electronic.
7. Legality in the Russian Federation: a monograph / A. I. Abramova [et al.] ; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Research Institute of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. – Moscow : Kontrakt, 2008. – 624 p. – ISBN 978-5-98209-036-2. – Text : direct. 97 (7)
8. Ergashev, E. R. Monitoring as the most important tool in the activities of the Russian prosecutor's office / E. R. Ergashev, A. O. Legotin. – Text : direct // Russian Law Journal. – 2024. – № 5. (8)
9. Analytical work of the Prosecutor's Office of the subject of the Russian Federation / A. N. Larkov, L. N. Kurovskaya, E. B. Khatov [et al.] ; Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. – Moscow : Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2016. – 292 p. – Text : direct. (9)
10. Legality: theory and practice : a monograph / M. S. Andrianov, S. A. Bogolyubov, N. D. Booth. – Moscow : Infra-M.; Znanium.com, 2017. – 400 p. – ISBN 978-5-16-106458-0 (online). – Text : direct. (10)
11. Babina O. I. Factors of socio-economic development of the Arctic regions / O. I. Babina. – DOI 10.47475/1994-2796-2025-501-127-134. – Text : direct // Bulletin of the Chelyabinsk State University. – 2025. – № 7 (501). – Pp. 127-134. (11)
12. Environmental protection : official statistics // Federal State Statistics Service. – URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/11194> (date of access: 04/13/2026) ; Arctic zone of the Russian Federation : statistical information on socio-economic development. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/arc_zona.html (date of request: 04/15/2026). – Text : electronic. (12)
13. On the approval and implementation of the statistical report "Supervision of the implementation of laws, observance of human and Civil Rights and freedoms" in its form and Instructions for its formation: orders of the Prosecutor General of the Russian Federation dated 12/14/2012 No. 454, dated 12/28/2016 No. 828, dated 06/20/2018 No. 368, dated 02/21/2022 No. 98. – Text : immediate. – (Section 1 "Supervision of the execution of laws, observance of human and civil rights and freedoms"). (13)
14. On the Year of Environmental Protection in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 08/10/2012 No. 1157. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35918> (date of request: 10/15/2025). – Text : electronic. (14)
15. State report on the state and protection of the environment of the Russian Federation in 2024 / Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation. – p. 227. – URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/o_sostoyanii_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyanii_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii_v_2024_ / (date of access: 04/13/2026). – Text : electronic. (15)
16. On the Strategy for the Development of the Arctic zone of the Russian Federation and ensuring National Security for the period up to 2035: Decree of the President of the Russian Federation dated October 26, 2020 No. 645. – Text : direct. (16)
17. Enterprises and organizations : official statistics // Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Murmansk Region. – URL: <https://51.rosstat.gov.ru/folder/72859> (date of request: 04/15/2026). – Text : electronic. (17)
18. Forest plan of the Nenets Autonomous Okrug for 2019–2028. – p. 7. – URL: <https://dprea.adm-nao.ru/pozharoопасnyj-sezon/> / (date of access: 04/22/2026). – Text : electronic. (18)
19. Forest plan of the Chukotka Autonomous Okrug for 2019–2028. – p. 8. – URL: <https://xn--80atapud1a.xn--p1ai/documents/dokumenty-reestry-perechni-prikazy/1879/> / (date of access: 04/22/2026). – Text : electronic. (19)
20. The state and environmental protection of the Arkhangelsk region in 2023: report. – p. 109. – URL: https://eco29.ru/informatsionnye-resursy-ekologiya-oblasti/2023/250_doklad_2023.pdf (date of request: 04/22/2026). – Text : electronic. (20)
21. Voronina, E. P. Ecological aspects of the transformation of the socio-economic space in the context of increasing the safety and conservation of ecosystems / E. P. Voronina. – URL: <https://arctic2035.ru/n21-p59> (date of request: 04/08/2026). – Text : electronic // Arctic 2035. – 2025. – № 1 (21).
22. Ridiger, A. It is necessary to expand the area of protected areas in the Arctic zone / A. Ridiger. – URL: <https://goarctic.ru/opinions/anna-ridiger-neobkhodimo-rasshirit-ploshchadi-oopt-v-arkticheskoy-zone/> / (date of access: 04/28/2026).

Следственные действия по политическим преступлениям в Московском государстве

Упоров Иван Владимирович

Доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Российская академия естествознания, urogov@list.ru

В статье раскрываются организационно-правовые аспекты производства основных следственных действий по политическим преступлениям (посягающим на государственные интересы) в период конца XV – середины XVII вв. Анализируются соответствующие нормативно-правовые и правоприменительные акты в данной сфере общественных отношений, при этом акцент делается на Соборном уложении 1649 г. В этом фундаментальном законе тех времен нашли отражение многие особенности производства таких следственных действий, как расспрос (допрос), очная ставка, пытка, повальный обыск, причем на более системном уровне, чем в предшествовавших Судебниках 1497 и 1550 гг. Привлекаются также суждения, содержащиеся в научных трудах по заявленной теме. Отмечается, что указанные следственные действия производились чиновниками приказов (среди них в этих вопросах большое значение имел Разбойный приказ), а на местах это делалось под руководством воевод.

Ключевые слова: Московское государство, судебники, Соборное уложение, преступления против государства, следственные действия, допрос, пытка.

Введение

История российского права и государственности не может быть понята в отрыве от того, как власть делала все возможное для того, чтобы установить истину. Речь идет о механизмах преследования за государственные преступления, изучение которых позволяет получить полное представление об эпохе, скрытой за парадными фасадами великокняжеских хором. Именно в приказных избах и пыточных палатах были заложены основы тех принципов управления огромной страной, которые впоследствии будут положены в основу управления Российской империей.

В наши дни обращение к опыту Московского государства дает возможность проследить эволюцию отечественной следственной традиции и понять исторические корни нашего процессуального права.

Отметим, что правовая мысль Московского государства развивалась последовательно: от ранних княжеских уставов к единым сводам законов Ивана III (Судебник 1497 г.) и Ивана IV (Судебник 1550 г.) и Соборному уложению 1649 г. царя Алексея Михайловича. Именно в этих документах впервые были предприняты попытки систематизировать составы политических правонарушений, т.е. преступлений против государства. Законодатель четко выделил эти преступления из общей массы уголовных дел, поставив посягательство на честь государя, измену или заговор намного выше разбоя или убийства.

При этом, с одной стороны, Судебники и Соборное уложение декларировали определенные правила судопроизводства, требовали наличия истца, оформления исковой челобитной и состязательности сторон даже в тяжких делах, т.е. закон вроде бы стремился придать «расправе» вид упорядоченного правосудия. Однако, с другой стороны, специфика политических преступлений неизбежно вела к тому, что как только дело касалось словесного оскорбления государя (слова и дела), покушения на его жизнь или сношений с неприятелем, состязательный процесс уступал место сыску.

А в центре этого механизма находились конкретные следственные действия. Сыск, начинавшийся с доноса или повального обыска, неминуемо переходил в стадию получения истины, т.е. признаний. А главным инструментом становился допрос с применением пытки; причем пытка была легализована как способ проверки показаний и перехода из стадии подозрения в стадию доказанного судом факта. Как следствие, насилие оказывалось встроено в сам процесс следственных действий и поиска справедливости.

Следует отметить, что в современной научной литературе достаточно много внимания уделяется исследованию специфики предупреждения и профилактики преступлений и иных правонарушений в Московском государстве [1, 2, 3, 4]. Так, А. Г. Рябченко рассматривает особенности уголовно-правового регулирования составов преступлений против имущества и ответственности за их совершение в Московском государстве XVII в. [2]. Ю. С. Караева пишет об учете статусно-ролевого положения субъекта преступления в целях дифференциации уголовной ответственности по законодательству Московского государства в XIV–XVII вв. [3]. А. А. Рожнов приходит к выводу о том, что субъектом преступления по уголовному праву Московского государства XVI–XVII вв. признавался только человек [4, с. 38–40].

В этих исследованиях институт политических преступлений занимает весьма важное место. Например, В. В.

Литвиненко, Е. К. Тополенко, анализируя специфику формирования института политических преступлений в Московском государстве, отмечают, что определившийся на стадии формирования централизованного государства «публичный интерес нуждался в защите уголовного права, вследствие чего именно институт политических преступлений развивался наиболее активно в уголовном праве Московского периода» [5, с. 91–94].

Важно подчеркнуть, что термин «политические преступления» в источниках того периода синонимичен понятиям «преступления против государства» или «государственные преступления» [6, с. 179–181; 7, с. 195–199; 8, с. 15–18]. Рассматривая особенности организации судебного процесса по государственным преступлениям в Московском государстве XVII в., российские ученые выявляют «обязательное условие осуществления уголовного преследования по делам данной категории – процедура извета, доступная всем независимо от сословной принадлежности изветчика – доносителя», а также отмечают «отсутствие в законодательстве строго установленных процедур уголовного преследования по государственным преступлениям, и его письменно-заочный характер на стадии принятия итогового решения – приговора» [9, с. 80–84]. И, наконец, И. В. Тарасенко по итогам анализа письменных исторических источников и работ современных историков отечественного права, посвященных особенностям досудебного производства по делам о государственных преступлениях в Московском государстве XV–XVII вв., приходит к выводу о «существовании в России в указанные столетия розыскного (или инквизиционного) уголовного процесса» [10, с. 167–178].

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы выявить организационно-правовые особенности производства основных следственных действий по политическим (государственным) преступлениям в период конца XV – середины XVII вв.

Основная часть

В период до сложившегося Московского государства (XVII в.), т.е. в Древнерусском государстве, а также в первую половину существования Московского государства производство по уголовным делам против государства осуществлялось на основе обычаев и правовых актов, которые еще не были достаточно полными и подробными, почему, собственно, и использовались нормы обычаев. Так, в Древнерусском государстве еще не было целенаправленного разделения на гражданское и уголовное судопроизводство (соответственно, на состязательный и розыскной процесс). При этом древнерусский законодатель закреплял лишь несколько видов доказательств, такие как свидетельские показания («видоков» и «послухов»), ордалии, судебные поединки, присяга. К этому перечню С. Ф. Юшков добавляет жребий, а также считает (опять же предположительно), что использовались и такие виды доказательств, как собственное признание и внешние признаки (прообраз судебно-медицинской экспертизы) [11, с. 413]. Основным источником права был Русская Правда, которая дополнялась новыми актами – княжескими уставами, Двинской, Псковской, Новгородской судными грамотами и др. Роль государства еще не была активной при совершении общественно-опасных деяний, и дело возбуждалось, как правило, по иску потерпевшей стороны. В то время административные органы еще не были отделены от судебных, соответственно, например, на созданную Расправную палату при Боярской думе были возложены разбирательство уголовных дел, розыск преступников и их наказание [12, с. 308].

В дальнейшем, уже в Московском государстве, процессуальные нормы становятся все более подробными. Так, в Судебнике 1497 г. новеллы касаются прежде всего

именно розыскного процесса, т.е. происходит определенное укрепление розыскных начал, где главенствующее положение принадлежит государственным органам, а не частным лицам. Такое положение можно объяснить, очевидно, тем, что по мере развития общественных отношений все более четко выделялись социальные ценности, среди которых не последнее место занимало само государство как определенный гарант фактически складывающихся социальных отношений; соответственно, власть стала ужесточать как ответственность за политические преступления, так и процессуальные требования к возбуждению, расследованию и судебному рассмотрению соответствующих уголовных дел.

Группа соответствующих норм начинается со ст. 37, которая именуется как «Указ наместником о суде городским». Анализ норм Судебника позволяет выделить по мере возрастания судебной силы следующие виды судов: наместничий суд; боярский суд; великокняжеский суд, т.е. в отличие от Древнерусского государства здесь обозначается разделение судебных инстанций по вертикали. Это были общие государственные суды (помимо них функционировали церковные и вотчинные суды, которые здесь не рассматриваются). Тогда же развивалась система приказов в рамках тенденции централизации государственного аппарата. Основными средствами розыска были личное (улики), повальный обыск и пытка. Повальный обыск, как и в Древнерусском государстве, заключался в опросе местных жителей на территории, где предположительно проживал обвиняемый. Обыск производили губные учреждения, а также воеводы, причем допрашивались люди всей губы или представители (по одному) от каждой выти. При повальном обыске отбирались не только показания тех людей, которые сами видели какое-либо событие, но и тех, которые слышали или даже просто были убеждены в том или ином важном для розыска факте. Общее «облихование» (обвинение) означало виновность и могло повлечь за собой суровое наказание, вплоть до смертной казни (ст. 39 Судебника). Если же при повальном обыске общество называло уличаемого «добрым» человеком и показывало, что он не был уличаем прежде, то его били кнутом на торгу и отдавали на поруки, а ежели порук по нем не было, то его сажали в тюрьму до тех пор, пока не находились поруки.

Представляет интерес использование пытки как следственно-судебного действия (здесь заметим, что еще не было четкого разделения на стадии предварительного следствия и собственно судебного рассмотрения). Такое процессуальное действие закрепилось именно как раз в Московском государстве. Облихованного (того, кто попал под подозрение или обвинение) пытали с целью вынудить собственное признание в преступлении и указание на соучастников. Обычным видом пытки на Руси была так называемая «дыба». Обвиняемому завязывали сзади руки, привязывали к ним веревку, и этой веревкой через блок, укрепленный на потолке, выворачивали их из плеч. Были и другие способы пытки. Как отмечает Н. Калачев, пытка была одним из основных способов выяснения обстоятельств дела при производстве дел розыском: правительство приняло на себя обязанность истца и не усомнилось ввести в уголовный процесс новое доказательство, неизвестное в гражданском процессе, именно пытку, на которой и был основан весь новый порядок судопроизводства [13, с. 389]. Помимо повального обыска, пытки, очной ставки при розыске применялись и освидетельствования, осмотр места происшествия.

Следующий важный правовой акт – Судебник 1550 г. мало изменил существа уголовного процесса в Московском государстве, были введены лишь некоторые уточнения. Требовалось, в частности, чтобы во время следственно-розыскных действий дьяк составлял «судные

списки», а дворский (управитель княжеского двора) и губной староста «прикладывали руки» к этим судным спискам, которые в дальнейшем были основой для судебного решения. После издания Судебника 1550 г. и до принятия Соборного уложения 1649 г. важное процессуальное значение имела Уставная книга Разбойного приказа сначала в редакции 1556 г., а затем, после дополнения, 1617 г.

Этот «силовой» орган Московского государства подробно описал А. А. Голубев, указывая, в частности, что Уставной книге Разбойного приказа определялось производство отдельных видов следственных действий. Так, предписывалось обвиняемых брать под арест, а дворы их, имение и хлеб молочный опечатывать, а хлеб, стоящий еще в поле, на корню, описывать и все это отдавать на сохранение обществу до тех пор, пока не окончится суд; самих же обвиняемых подвергать пытке; если на некоторых людях будут искать обвинения, но без поличного, и если истец для подтверждения своего иска не может представить других доказательств, кроме «поля» и крестного целования, то о таких людях делать повальный обыск; а если на обыске скажут, что они лихие люди, но лиха их не укажут, то их пытать, и если повинятся с пытки, то сажать их в тюрьму до государева указа, а имение их опечатать [14, с. 73].

Специальных актов, определявших специфику производства по политическим преступлениям, тогда не было. Но в дальнейшем это стало находить отражение в законодательстве Московского государства, прежде всего в Соборном уложении 1649 г. [15]. Постепенное обособление уголовного процесса в части рассмотрения уголовных дел, связанных с преступлениями против государства, было обусловлено прежде всего укреплением абсолютизма, признаки которого в XVII в. уже в достаточной степени стали проявлять себя в российском обществе и находить отражение в соответствующей реакции высших правящих структур (царь-государь, бояре и др.), направленной на жесткое подавление всяких попыток подорвать их власть. Соответственно, «государственные преступники того времени рассматривались как личные враги главы государства» [16, с. 39].

Важнейшее значение в производстве по делам о государственных преступлениях в то время имел извет, при этом изветчик одновременно выступал в роли обвинителя и способствовал сбору доказательств, вместе с тем на изветчика налагалось жесткое наказание за недонесение извета до должностных лиц, равно как за лживое обвинение. Скрытие извета должностным лицом, которое приняло извет от изветчика, расценивалось как тяжкое служебное преступление. Указанные позиции нашли отражение в ст. 18 Гл. II Соборного уложения, где указывается: «А кто Московского государства всяких чинов люди сведают, или услышат на царское величество в каких людех скоп и заговор, или иной какой злой умысл и им про то извещати государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси, или его государевым бояром и ближним людям, или в городех воеводам и приказным людям» [15]. И тут же, в следующей статье, законодатель устанавливает ответственность за ослушание: «А будет кто сведав, или услыша на царское величество в каких людех скоп и заговор, или иной какой злой умысл, а государю и его государевым бояром и ближним людям, и в городех воеводам и приказным людям, про то не известит, а государю про то будет ведомо, что он про такое дело ведал, а не известил, и сыщется про то допрайма, и его за то казнити смертию безо всякия пощады» [15].

В ст. 18 Гл. II Соборного уложения содержится перечень основных государственных преступлений: измена; скоп и заговор; посягательство на государево здоровье; помимо этого имелись составы и других преступлений, в той или иной степени посягающих на государственные

устои (фальшивомонетничество, взяточничество и др.). Но при этом имеется такая фраза: «иной какой злой умысел». Как видно, законодатель не дает исчерпывающего перечня политических преступлений, о которых должна была идти речь в изветах. Как показывает анализ материалов по государевым делам и соответствующая историко-правовая литература, в изветах речь шла прежде всего об оскорблении государя (и в целом всего государства) «непристойным словом». Изветы давались как в виде письменных челобитных, так и устно. Изветная челобитная по государеву делу должна была включать сведения о личности изветчика – анонимность отвергалась. Так, в наказах воеводам встречается наставление «сыскивать по явным подлинным изветам», т.е. не явные (здесь от слова «явиться» – изветчик должен явиться к представителям государства).

Тем не менее, как пишет И. Я. Гурлянд, в правоприменительной практике анонимные челобитные все же принимались к производству и по ним уголовно-политические дела возбуждались так же, как по подписанным изветным челобитным. Подметные письма обычно находились обычно в разных дворцовых помещениях. Нашедший такое письмо обязан был немедленно сообщить об этом органам власти, сокрытие такого письма рассматривалось как недонесительство в государственном преступлении со всеми вытекающими отсюда последствиями. Более того, в некоторых случаях предметные письма могли служить в качестве вещественных доказательств [17, с. 93]. Например, в приговоре по делу князя И. А. Хованского (в связи с стрелецким восстанием 1682 г.) указывалось: «да сентября во втором числе на дворце у передних ворот письмо явился, и твоим государственным дела и измена твоя с тем письмом сходны и злохитрый твой умысел на державу государеву обличился, и против того письма в тех делах ты означился и во всем измена твоя стала ясна» [18, с. 459].

Извет о государственном преступлении означал собой начало производства по уголовно-политическому делу, что, собственно, и представляло собой политический сыск как последовательность следственно-розыскных действий, по окончании которых уже в стадии судебного рассмотрения определялся приговор, при этом в качестве суда выступал сам государь, в некоторых случаях – бояре и приказы (по уполномочению государя). При этом внимание чиновников-следователей концентрировалось на показаниях – сначала изветчика, а затем на показаниях всех лиц, так или иначе причастных к этим преступлениям (в отличие от производства по общеуголовным преступлениям, где доказательствами были также вещественные доказательства, различные расписки, записи в учреждениях и т.д. и где не было жестко-субъективного направления следственно-судебных действий). Другой особенностью политического сыска было то обстоятельство, что он проводился в условиях повышенной секретности. Так, воевода допрашивал изветчика, как правило, наедине, нередко такие дела именовались как «тайные царственные дела». Отметим и такую характерную черту политического сыска, как неотложность проведения следственно-розыскных действий (опять же в отличие от дел по общеуголовным преступлениям). На этот счет в Соборном уложении 1649 г. указывалось: «А в воскресной день никого не судити и в приказах не сидеть и никаких дел не делати, опричь самых нужных государственных дел. Да суда же не судити и никаких дел в приказах не делати, опричь великих царственных дел» (ст. 25 Гл. X) [15].

При проведении первых допросов физического воздействия на допрашиваемых обычно не было, но в дальнейшем, когда показания не устраивали следователей, пытки применялись (как правило, на пытку нужно было запрашивать разрешение государя и иных высших лиц),

причем в практике этому предшествовали угрозы таковых («если он не скажет в правду без хитрости, то укажет государя его пытать»). Для убедительности таких угроз допрос часто проводился в помещении, где находились орудия пыток. В. И. Веретенников приводит такие случаи. Так, томский воевода отписывал в Москву, что «принес ему Ржевский память, а в ней пишет, что стрелецкий десятник Кутькин сказывал на казака Осокина, будто тот про государя говорил невместимое слово ... и мы Кутькина, поставя со Ржевским очей на очи, расспрашивали, и Кутькин сказал, что Ржевский затеял такое дело по недружбе, и после того мы Кутькина и Осокина, разведа опрознъ, их расспрашивали и пыткой стращали с ума их выводили, чтоб сказали, а пытать без твоего государеву указу мы не смели». А разрешение на пытку давалось в текстах государевых грамот в ответ на воеводские отписки по конкретным делам и в отношении конкретных лиц, например: «Будет изветчик в расспросе государева дела не скажет, и его велено пыткой постращать, а не пытать, да о том отписать государю» [19, с. 15].

Н. Я. Новомбергский, раскрывая подробности этого следственного действия, пишет о том, что изветчик и другие фигуранты уголовно-политического дела не могли уклониться от допроса («расспроса») – это было обязательным следственным действием. Если уклонялись, то применяли меры принуждения, в частности, посылали за ним пристава и доставляли «в съезжую избу к расспросу», если и там не давали объяснений, то тогда, опять же с разрешения свыше, фигуранты могли быть подвергнуты пытке, чтобы «государева дела не таил» [20, с. 152].

Следующее следственное действие по государственному преступлению в виде очной ставки прямо указывается в Соборном уложении 1649 г.: «А кто на кого учнет извещати государево великое дело, или измену, а того, на кого он то дело извещает в то время в лицах не будет, и того, на кого тот извет будет сыскати и поставить с изветчиком с очей на очи, и против извету, про государево дело и про измену сыскивати всякими сыски накрепко, и по сыску указ учинить, как о том писано выше сего» (ст. 16 Гл. II) [15]. Очная ставка производилась не только между изветчиком и обвиняемым, но и между изветчиком и теми свидетелями, которых он сам указывал, но которые опровергали его извет: в этом случае изветчику предоставлялась возможность «уличить» таких свидетелей. Во время очной ставки также осуществлялся расспрос участников дела, а их одновременное присутствие позволяло с большей объективностью судить об истинном развитии событий, указываемых в извете. Результатом очной ставки был протокол, который направлялся воеводой или иным чиновником под тем же названием – «очная ставка».

Соборное уложение регулировал и такое следственное действие, как упомянутый выше повальный обыск, но в целом значение повального обыска в Московском государстве времен Соборного уложения 1649 г. снижается, в частности, обличиванному позволяется бить челом о повторении повального обыска, сводится на нет принцип единогласия обыскных людей, допускается спор между ними и даже уличение друг друга, что видно по содержанию ст. 161, 162 Гл. X Соборного уложения 1649 г. Вероятно, при таких обстоятельствах верховная власть не желала, чтобы государево дело могло зависеть от показаний множества опрошенных людей, учитывая тем более, что совместность проживания обыскных (опрашиваемых) людей могла влиять на обобщенное мнение по итогу повального обыска. Нельзя также забывать о том, что извет был обязанностью каждого подданного, и если обыскных людей, например, спрашивали о том, изменял ли обвиняемый государю, то сказать «нет» нередко могло означать для них неприятностями, ведь они, если «ведали», должны были сообщить властям, а несообщение влекло

за собой уголовную ответственность. В результате исторически первоначальная функция повального обыска (выявление репутации обыскиваемого человека, собиравшие отзывы о нем, характеризующих его личность) постепенно сходилась на нет. Но тогда повальный обыск еще применялся, и при этом законодательно определялось, по каким преступлениям против государства это следует делать. Например, в ст. 22 Гл. II Соборного уложения речь идет о «скопе-заговоре» и мятеже: «А будет ис которого города, или ис полков воеводы и приказные люди отпишут к государю на кого на служилых, или иных чинов на каких людей, что они приходили к ним скопом и заговором, и хотели их убить; а те люди, на кого они отпишут, учнут бить челом государю на воевод и на приказных людей о сыску, что они скопом и заговором к ним не прихаживали, а приходили к ним немногие люди для челобитья, и по тому челобитью про них в городех сыскивати всем городом, а в полках всеми ратными людьми. Да будет сыщется про них допряма, что они в городех и в полках к воеводам приходили для челобитья, а не для воровства, и их по сыску смертью не казнити. А воеводам и приказным людям, которые на них отпишут к государю ложно, за то чинити жестокое наказание, что государь укажет» [15].

Доказательствами при производстве уголовно-политических дел могли быть и вещественные доказательства («поличное»); как отмечалось выше, они использовались значительно реже, чем по общеуголовным преступлениям. Мерой пресечения в отношении обвиняемого чаще всего было личное задержание (арест), который исполнялся караулом при съезжей избе либо в тюрьме, если процесс осуществлялся в городе. Одновременно производился арест собственности обвиняемого (разумеется, в случаях, если таковое имелось) с целью обеспечения возможной конфискации имущества. При болезни обвиняемый мог быть помещен в богадельню, применялось и поручительство, но очень редко.

На основе собранных во время следствия материалов-доказательств в отношении обвиняемых выносился приговор, проект которого предлагали чиновники-следователи. Как правило, окончательное решение было за государем, причем государь делал это по докладом («выпискам») бояр или приказных чиновников, лично не зная и не видя подсудимого. И лишь в особо важных случаях царь сам проводил расспросы; но и по другим делам держал в поле своего зрения ход самих производств по политическим преступлениям. Приговор обычно зачитывался в нескольких местах – «у приказа», «у плахи» (в отношении приговоренных к смертной казни), «у церкви» (в исключительных случаях, если государь полагал целесообразным, чтобы осужденный покаялся). Приговор («сказку») зачитывал воевода или дьяк.

Заключение

Проведенный анализ следственной практики Московского государства позволяет прийти к выводу о том, что «допрос» и «пытка» не были актами слепого произвола, а представляли собой строго регламентированную законом технологию производства истины. Эволюция законодательства Московского государства от ранних Судебников к Соборному уложению 1649 г. лишь закрепила приоритет государственного интереса над личностью, окончательно подчинив процессуальную форму задаче искоренения любых «преступлений против государства».

Литература

1. Мельник, Е. В. Предупреждение и профилактика преступлений и иных правонарушений в Московском государстве XV-XVII вв / Е. В. Мельник // На страже правопорядка и законности : Сборник научных статей, посвященный 300-летию образования российской полиции. –

Москва : Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2017. – С. 13-17. – EDN YRUEBF.

2. Рябченко, А. Г. Уголовно-правовое регулирование составов преступлений против имущества и ответственности за их совершение в Московском государстве XVII в / А. Г. Рябченко // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 4(119). – С. 124-126. – EDN XMGJED.

3. Караваева, Ю. С. Учет статусно-ролевого положения субъекта преступления в целях дифференциации уголовной ответственности по законодательству Московского государства (XIV-XVII вв.) / Ю. С. Караваева // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2018. – Т. 28, № 4. – С. 555-560. – EDN XYZMUX.

4. Рожнов, А. А. Субъект преступления по уголовному праву Московского государства XVI-XVII вв. / А. А. Рожнов // История государства и права. – 2012. – № 7. – С. 38-40. – EDN NRMFXH.

5. Литвиненко, В. В. Формирование института политических преступлений в Московском государстве / В. В. Литвиненко, Е. К. Тополенко // Проблемы и перспективы развития России: Молодежный взгляд в будущее : Сборник научных статей 6-й Всероссийской научной конференции. В 3-х томах, Курск, 19–20 октября 2023 года / Редакция: А.А. Горохов (отв. редактор). Том 2. – Курск: Закрытое акционерное общество "Университетская книга", 2023. – С. 91-94. – EDN FONHVG.

6. Игнатьев, С. М. Преступления против государства в Московском государстве и ответственность за их совершение в XV-XVII веках / С. М. Игнатьев, А. Г. Рябченко // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 110-8. – С. 179-181. – DOI 10.18411/trnio-06-2024-446. – EDN LFKZCA.

7. Реуф, В. М. Эволюция понятия "преступление против государства" в отечественном праве XV-XVII вв / В. М. Реуф // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : Материалы Всероссийской научно-практической конференции: в 2 частях, Самара, 30–31 мая 2019 года. Том Часть 2. – Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. – С. 195-199. – EDN ZBXHPF.

8. Суханов, М. С. Понятие государственного преступления и его видов в законодательных актах XV-XVII веков / М. С. Суханов, А. Н. Гаращенко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2018. – № 5-1. – С. 15-18. – EDN USIWM1.

9. Рябченко, А. Г. Особенности организации судебного процесса по государственным преступлениям в Московском государстве в XVII веке / А. Г. Рябченко, Д. С. Злыденко // Общество и право. – 2023. – № 2(84). – С. 80-84. – EDN IFQPAY.

10. Тарасенко, И. В. Особенности досудебного производства по делам о государственных преступлениях в Московском государстве XV-XVII веков / И. В. Тарасенко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2020. – № 1(838). – С. 167-178. – EDN EMMRKK.

11. Юшков, С. В. История государства и права России (IX–XIX вв.) / С. В. Юшков. – Изд. доп. и перераб. – Ростов н/Д : Феникс, 2003. – 735 с.

12. Иванов, П. И. Профессиональный сыск глазами профессора В.П. Лаврова / П. И. Иванов // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 7. – С. 307-310. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_307. – EDN CFDGEK.

13. Калачов, Н. В. Об уголовном праве по Судебнику царя Иоанна Васильевича / Н. В. Калачев // Юридические записки, издаваемые Петром Редкиным, доктором прав и ординарным профессором Императорского Московского Университета. – М.: В Университетской типографии, 1842. – Том II. – С. 306–408.

14. Голубев, А. А. Разбойный приказ / А. А. Голубев. – М., 1884.

15. Соборное уложение от 20.01.1649 г. // ПСЗ-1. – № 1.

16. Панфилец, А. В. Зарождение политического сыска России: от опричнины до приказа тайных дел / А. В. Панфилец, А. Б. Федоров, А. Л. Бредихин // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2023. – № 1(99). – С. 37-43. – EDN RIDVXO.

17. Гурлянд, И. Я. Приказ великого государя тайных дел = Приказ великого государя тайных дел / И. Я. Гурлянд, проф. Демид. юрид. лица. – Ярославль : Тип. Губернского правления, 1902. – 390 с.

18. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Часть 4. – Москва : в типографии Н.С. Всеволожского, 1813–1894. – Москва, 1828. – 656 с.

19. Веретенников, В. И. История Тайной канцелярии Петровского времени : [Дис.] / В.И. Веретенников. – Харьков : тип. "Печ. дело", 1910. – 306 с.

20. Новомбергский, Н. Я. Слово и дело государевы: (процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 года). Том 1 / Н. Я. Новомбергский. – Москва : печ. А. И. Снегиревой, 1909–1911, 1911. – 593 с.

Investigative actions on political crimes in the Moscow state Uporov I.V.

Russian Academy of Natural Sciences

The article reveals the organizational and legal aspects of the main investigative actions for political crimes (violating state interests) during the period of the late 15th – mid-17th centuries. The relevant regulatory and legal acts in this area of public relations are analyzed, with an emphasis on the Council Code of 1649 – this fundamental law of those times reflected many of the features of such investigative actions as questioning (interrogation), confrontation, torture, general search. and at a more systemic level. than in the previous Sudebniks of 1497 and 1550. Judgments contained in scientific works on the stated topic are also used. It is noted that these investigative actions were carried out by officials of the orders (among them, the Robust Order was of great importance in these matters), and locally this was done under the leadership of the governor.

Keywords: Moscow state, code of law, Council Code, crimes against the state, investigative actions, interrogation, torture.

References

1. Melnik, E. V. Prevention and prevention of crimes and other offenses in the Moscow state of the 15–17 centuries / E. V. Melnik // On guard of law and order : A collection of scientific articles dedicated to the 300th anniversary of the formation of the Russian police. – Moscow : Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2017. – Pp. 13-17. – EDN YRUEBF.
2. Ryabchenko, A. G. Criminal law regulation of crimes against property and responsibility for their commission in the 17th century Moscow state / A. G. Ryabchenko // Eurasian Law Journal. – 2018. – No. 4(119). – Pp. 124-126. – EDN XMGJED.
3. Karavaeva, Yu. S. Consideration of the status and role position of the subject of crime in order to differentiate criminal liability under the legislation of the Moscow state (14–17 centuries) / Yu.S. Karavaeva // Bulletin of the Udmurt University. Economics and Law series. – 2018. – Vol. 28, No. 4. – pp. 555-560. – EDN XYZMUX.
4. Rozhnov, A. A. The subject of a crime under the criminal law of the Moscow state of the 16–17 centuries / A. A. Rozhnov // History of the state and law. – 2012. – No. 7. – Pp. 38-40. – EDN NRMFXH.
5. Litvinenko, V. V. The formation of the institution of political crimes in the Moscow state / V. V. Litvinenko, E. K. Topolenko // Problems and prospects of Russia's development: Youth perspective on the future : Collection of scientific articles of the 6th All-Russian Scientific Conference. In 3 volumes, Kursk, October 19-20, 2023 / Editorial board: A.A. Gorokhov (editor-in-chief). Volume 2. – Kursk: Closed Joint Stock Company "University Book", 2023. – Pp. 91-94. – EDN FONHVG.
6. Ignatiev, S. M. Crimes against the state in the Moscow state and responsibility for their commission in the 15–18 centuries / S. M. Ignatiev, A. G. Ryabchenko // Trends in the development of science and education. – 2024. – No. 110-8. – Pp. 179-181. – DOI 10.18411/trnio-06-2024-446. – EDN LFKZCA.
7. Reuf, V. M. The evolution of the concept of "crime against the state" in Russian law of the 15–17 centuries / V. M. Reuf // Penitentiary security: national traditions and foreign experience : Materials of the All-Russian Scientific and Practical conference: in 2 parts, Samara, May 30-31, 2019. Part 2. – Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service, 2019. – Pp. 195-199. – EDN ZBXHPF.
8. Sukhanov, M. S. The concept of a state crime and its types in legislative acts of the XV-XVII centuries / M. S. Sukhanov, A. N. Garashenkova // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2018. – No. 5-1. – Pp. 15-18. – EDN USIWM1.

9. Ryabchenko, A. G. Features of the organization of the trial of state crimes in the Moscow state in the 17th century / A. G. Ryabchenko, D. S. Zlydenko // *Society and law*. – 2023. – No. 2(84). – Pp. 80-84. – EDN IFQPAY.
10. Tarasenko, I. V. Features of pre-trial proceedings in cases of state crimes in the Moscow state of the 15–17 centuries / I. V. Tarasenko // *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences*. – 2020. – No. 1(838). – Pp. 167-178. – EDN EMMRKK.
11. Yushkov, S. V. History of the state and law of Russia (9–19 centuries) / S. V. Yushkov. – Rostov n/A : Phoenix, 2003. – 735 p.
12. Ivanov, P. I. Professional detective through the eyes of Professor V. P. Lavrov / P. I. Ivanov // *Agrarian and Land Law*. – 2025. – No. 7. – Pp. 307-310. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_7_307. – EDN CFDGEK.
13. Kalachov, N. V. On criminal law according to the Judicial Code of Tsar John Vasilyevich / N. V. Kalachev // *Legal notes published by Peter Redkin, Doctor of Law and ordinary professor of the Imperial Moscow University*. – M.: In the University Printing House, 1842. – Volume II. – Pp. 306-408.
14. Golubev, A. A. The Robbery order / A. A. Golubev. – Moscow, 1884.
15. The Cathedral Code of 20.01.1649 // PSZ-1. – No. 1.
16. Panfilets, A.V. The origin of Russia's political investigation: from the oprichnina to the order of secret affairs / A.V. Panfilets, A. B. Fedorov, A. L. Bredikhin // *Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2023. – No. 1(99). – Pp. 37-43. – EDN RIDVXO.
17. Gurland, I. Ya. The order of the great Sovereign of secret affairs / I. Ya. Gurland. – Yaroslavl : Gubernskago board, 1902. – 390 p.
18. Collection of State charters and treaties kept in the State Collegium of Foreign Affairs. Part 4. – Moscow : in the printing house of N.S. Vsevolozhskago, 1813-1894. – Moscow, 1828. – 656 p.
19. Veretennikov, V. I. The history of the Secret Chancellery of Peter the Great : [Dis.] / V. I. Veretennikov. – Kharkov : printing house "Pechersky delo", 1910. – 306 p.
20. Novombergsky, N. Ya. The word and deed of the sovereign: (trials before the publication of Alexei Mikhailovich's Code of 1649). Volume 1 / N. Ya. Novombergsky. – Moscow : A. I. Snegireva Publ., 1909-1911, 1911. – 593 p.

Финансирование дефицита федерального бюджета за счёт средств Фонда национального благосостояния: проблема содержательного критерия

Ярошинский Иван Миланович,
аспирант Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), iyaroshinskiy@gmail.com

В статье рассматривается правовой режим использования средств Фонда национального благосостояния для покрытия дефицита федерального бюджета. Показано, что перечень целей использования средств фонда, закреплённый ст. 96.10 Бюджетного кодекса Российской Федерации, в своей важнейшей части остаётся содержательно открытым: покрытие дефицита допускается без каких-либо требований к характеру расходов, формирующих этот дефицит. Введённые в последние годы количественные лимиты изъятий сдерживают темпы расходования резерва, однако не препятствуют направлению стратегических накоплений на финансирование текущих операционных затрат. Обосновывается предложение о дополнении ст. 96.10 БК РФ содержательным критерием, связывающим допустимость дефицитного финансирования с документами стратегического планирования, предусмотренными Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ, а также о введении механизма парламентского санкционирования отступлений от общего правила.

Ключевые слова: Фонд национального благосостояния, суверенный фонд, бюджетное правило, дефицит федерального бюджета, бюджетное регулирование, стратегическое планирование, национальные проекты, Бюджетный кодекс Российской Федерации.

Фонд национального благосостояния (далее – ФНБ) занимает особое место в системе публичных денежных фондов: являясь частью средств федерального бюджета, он подчинён специальному правовому режиму, построенному по разрешительному принципу. Бюджетный кодекс Российской Федерации (далее – БК РФ) [1] исчерпывающим образом определяет источники формирования фонда и цели, на которые могут направляться его средства, а постановление Правительства Российской Федерации от 19 января 2008 г. № 18 [6] замыкает перечень финансовых активов, в которых эти средства могут размещаться. Между тем при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что важнейшее по практическому значению направление использования средств ФНБ – обеспечение сбалансированности (покрытие дефицита) федерального бюджета – урегулировано лишь с количественной стороны: закон определяет, сколько средств может быть изъято из фонда, но не устанавливает, какие расходы допустимо финансировать за счёт стратегического резерва государства. Настоящая статья посвящена анализу этого пробела и обоснованию возможного способа его восполнения.

В соответствии с п. 1 ст. 96.10 БК РФ Фонд национального благосостояния представляет собой часть средств федерального бюджета, подлежащих обособленному учёту и управлению в целях обеспечения софинансирования добровольных пенсионных накоплений граждан Российской Федерации, государственной поддержки формирования долгосрочных сбережений, а также обеспечения сбалансированности (покрытия дефицита) федерального бюджета и бюджета Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации в части обязательного пенсионного страхования. Источниками формирования фонда выступают дополнительные нефтегазовые доходы федерального бюджета и доходы от управления его средствами. Приведённые законоположения отражают природу ФНБ как публичного резерва стратегического назначения. Как отмечает Н.А. Поветкина, суверенные фонды отличаются от традиционных бюджетных резервов специфическим целевым назначением, инвестиционным характером деятельности и особым режимом управления активами [7, с. 112–115]. Ранее нами обосновывалось, что функционирование ФНБ опосредуется обособленной группой бюджетных отношений и системой специальных полномочий федеральных органов публичной власти [11]. Впрочем, для целей настоящего исследования достаточно и более осторожного тезиса: средства фонда юридически обособлены от иных средств федерального бюджета и подчинены особому правовому режиму.

Названный режим носит разрешительный характер. Управление средствами ФНБ осуществляется Министерством финансов Российской Федерации в порядке, установленном Правительством Российской Федерации (ст. 96.11 БК РФ); перечень допустимых финансовых активов закреплён на подзаконном уровне и является закрытым. Операции со средствами фонда, прямо не предусмотренные законодательством, недопустимы независимо от их экономической целесообразности. В этом проявляется публично-правовая специфика рассматриваемой конструкции, отличающая её от частных инвестиционных фондов с присущей им презумпцией свободы усмотрения управляющего.

Тем более примечательна асимметрия, которая выявляется при сопоставлении правового регулирования зачисления средств в фонд и их использования. Формирование ФНБ юридически квалифицировано с высокой степенью детализации: дополнительные нефтегазовые доходы исчисляются относительно нормативно установленной базы, а порядок их обособления урегулирован нормами гл. 13.2 БК РФ. Использование же средств фонда на покрытие дефицита содержательно не квалифицировано вовсе: норма называет цель, однако не предъявляет каких-либо требований к расходам, формирующим этот дефицит.

Причина коренится в правовой природе самого показателя. Дефицит бюджета определён в ст. 6 БК РФ как превышение расходов бюджета над его доходами и представляет собой, таким образом, агрегированную величину, лишённую целевой структуры: он складывается в результате исполнения всей совокупности расходных обязательств – от финансирования национальной обороны и национальных проектов до текущего содержания органов управления. Направляя средства ФНБ на покрытие дефицита, законодатель фактически допускает их обезличенное растворение в общей массе бюджетных расходов. С юридической точки зрения безразлично, обусловлен ли дефицит опережающим финансированием критической инфраструктуры либо ростом операционных затрат: средства стратегического резерва в обоих случаях расходуются на одинаковых основаниях.

Показательно, что законодатель осознаёт риск ускоренного истощения фонда, однако реагирует на него исключительно количественными средствами. Действующая редакция ст. 96.10 БК РФ ставит ежегодный объём использования средств ФНБ в зависимости от состояния его ликвидной части: если объём средств, размещённых на депозитах и банковских счетах в Центральном банке Российской Федерации, не превышает пяти процентов прогнозируемого объёма валового внутреннего продукта, использование средств фонда на покрытие дефицитов ограничивается величиной, эквивалентной одному проценту валового внутреннего продукта, и объёмом недополученных нефтегазовых доходов. Подобное ограничение отвечает на вопрос о том, сколько средств допустимо изъять, но оставляет открытым вопрос о том, на какие цели они могут быть направлены. Между тем лимит объёма лишь замедляет расходование резерва, не препятствуя тому, чтобы в его пределах стратегические накопления обслуживали расходы, не имеющие отношения к стратегическим задачам государства.

Обозначенный пробел приобретает дополнительное измерение в контексте учения о бюджетном регулировании. Р.В. Ткаченко рассматривает бюджетное регулирование как ключевое направление публичной финансовой деятельности, охватывающее совокупность правовых средств распределения и перераспределения бюджетных средств в целях достижения публично значимых результатов [9]; широкое понимание бюджетного регулирования, не сводимое к межбюджетным отношениям, отстаивала и Н.А. Шевелева [12]. В системе так понимаемого бюджетного регулирования бюджетное правило, опосредующее формирование ФНБ, может быть охарактеризовано как метод стратегического порядка: его применение выводит часть доходов федерального бюджета за пределы текущего бюджетного цикла и подчиняет их долгосрочному накопительному режиму, тогда как юридическое содержание текущих методов (например, межбюджетных трансфертов) исчерпывается параметрами одного финансового года и планового периода. Финансирование дефицита, не обусловленное содержательным критерием, разрушает стратегическую логику данного метода, ведь средства, обособленные в особом накопительном режиме,

возвращаются в текущий бюджетный оборот на общих основаниях, вследствие чего метод сохраняет стратегический характер лишь на стадии аккумулирования средств, но не на стадии их использования.

Практическая значимость проблемы подтверждается бюджетным законодательством последних лет: федеральные законы о федеральном бюджете стабильно предусматривают использование средств ФНБ в качестве источника финансирования дефицита (см., например, [3]). В условиях санкционного давления и структурной перестройки экономики нагрузка на фонд существенно возросла, и он фактически принял на себя роль основного компенсатора бюджетных шоков [10; 13]. Потребность бюджетной политики в гибкости в подобных условиях сомнений не вызывает; вопрос заключается в правовой форме, посредством которой эта гибкость обеспечивается. Действующее регулирование достигает её ценой стирания юридических различий между стратегическим резервом и обычным источником балансировки бюджета, тогда как именно эти различия составляют существо суверенного фонда.

Нормативная основа, необходимая для восполнения указанного пробела, в российском законодательстве уже создана. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [2] формирует иерархически организованную систему документов стратегического планирования, включающую стратегии, государственные программы, планы деятельности федеральных органов исполнительной власти и иные документы. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 [4], закрепляется перечень стратегических национальных приоритетов, к числу которых отнесены оборона страны, государственная и общественная безопасность, экономическая безопасность, научно-технологическое развитие. Паспорта национальных проектов переводят названные приоритеты в плоскость конкретных измеримых целей с установленными объёмами финансирования и сроками реализации. Тем самым правовая система России на сегодняшний день располагает нормативно определённым перечнем направлений, признаваемых государством стратегическими; задача состоит в том, чтобы связать этот перечень с режимом использования средств ФНБ.

С учётом изложенного предлагается дополнить ст. 96.10 БК РФ положением, согласно которому средства Фонда национального благосостояния могут направляться на покрытие дефицита федерального бюджета исключительно в части расходов, включённых в паспорта национальных проектов, государственные программы в сферах обороны страны и безопасности государства, а также расходов на поддержку критической инфраструктуры, отнесённых документами стратегического планирования к приоритетным направлениям. Расходы, не относящиеся к перечисленным категориям, не должны финансироваться за счёт средств фонда независимо от объёма его ликвидной части. Отметим, что отсылочный характер предлагаемой нормы несет в себе определенное юридико-техническое преимущество: состав стратегических расходов определяется документами стратегического планирования и корректируется вместе с ними, тогда как сам критерий, закреплённый в БК РФ, остаётся стабильным.

Против такого подхода теоретически возможно выдвинуть возражение, обусловленное необходимостью сохранения оперативной гибкости. Так, в кризисной ситуации исполнительная власть должна располагать возможностью быстро задействовать резерв, тогда как содержа-

тельный критерий такую возможность сужает. Данное возращение заслуживает внимания, однако может быть учтено посредством механизма парламентского санкционирования. Иными словами, отступление от общего правила допустимо предусмотреть федеральным законом о федеральном бюджете на соответствующий год при условии представления Правительством Российской Федерации Государственной Думе развёрнутого обоснования такого отступления. Подобный порядок не лишает бюджетную политику оперативности: закон о федеральном бюджете принимается ежегодно, а изменения в него вносятся регулярно, в том числе в сжатые сроки. Вместе с тем решение об использовании резерва вне стратегических направлений в предложенном варианте перестаёт быть внутренним делом исполнительной власти и приобретает форму публичного, мотивированного и политически ответственного акта законодателя. Дополнительной гарантией могло бы стать обязательное казначейское обслуживание соответствующих операций, обеспечивающее форму финансового контроля, независимую от ведомственного усмотрения [5].

Подводя итог, отметим, что предложенный критерий переводит закрытый перечень целей использования средств ФНБ из формальной плоскости в содержательную. До тех пор, пока покрытие дефицита допускается безотносительно к структуре породивших его расходов, закрытость перечня остаётся во многом номинальной, поскольку через категорию дефицита доступ к средствам фонда получает по сути любой расход федерального бюджета. Содержательное ограничение, предложенное в данной статье, призвано устранить этот канал и придать стратегическому назначению ФНБ как суверенного фонда качество юридически контролируемого требования.

Отметим, что предлагаемое решение согласуется и с более общей задачей уточнения правового положения Фонда национального благосостояния в бюджетной системе Российской Федерации, предполагающей системную корректировку ст. 6, 96.10–96.12 БК РФ. Представляется, что вопрос о том, на какие цели государство вправе расходовать свой стратегический резерв, должен решаться постоянно действующей нормой бюджетного законодательства, допускающей мотивированные отступления, а не определяться заново при принятии каждого очередного закона о бюджете.

Литература

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.
2. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 26 (ч. I). – Ст. 3378.
3. О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов: Федеральный закон от 28 ноября 2025 г. № 426-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Вопросы Федерального казначейства: постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 г. № 703 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 49. – Ст. 4908.
6. О порядке управления средствами Фонда национального благосостояния: постановление Правительства Российской Федерации от 19 янв. 2008 г. № 18 // Собрание

законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 4. – Ст. 270.

7. Поветкина Н.А. Правовой режим и значение суверенных фондов Российской Федерации // Журнал российского права. – 2016. – № 6 (234). – С. 100–115.
8. Ткаченко Р.В. Бюджетное регулирование как ключевое направление публичной финансовой деятельности // Lex russica. – 2021. – № 6. – С. 68–78.
9. Ткаченко Р.В., Ярошинский И.М. Правовые аспекты функционирования фонда национального благосостояния в условиях применения международных санкций // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 7. – С. 79–87.
10. Ткаченко Р.В., Ярошинский И.М. Формирование, управление, распределение и использование Фонда национального благосостояния в системе публичной финансовой деятельности // Актуальные проблемы российского права. – 2026. – № 1. – С. 68–82.
11. Шевелева Н.А. Бюджетная система России: проблемы правового регулирования в период интенсивных реформ: дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2005. – 426 с.
12. Ярошинский И.М. Суверенные фонды как способ компенсации бюджетных шоков: правовой механизм реализации стабилизационной функции // Вопросы права, экономики и технологий. – 2026. – № 1. – С. 41–51.

Financing the Federal Budget Deficit from the National Wealth Fund: the Problem of a Substantive Criterion Yaroshinskiy I.M.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article examines the legal regime governing the use of the National Wealth Fund to cover the federal budget deficit. The author demonstrates that the list of purposes for which the Fund may be used, established by Article 96.10 of the Budget Code of the Russian Federation, is substantively open in its principal part: deficit financing is permitted without any reference to the nature of the expenditures that generate the deficit. The quantitative withdrawal limits introduced in recent years restrain the pace at which the reserve is spent, yet they do not prevent strategic savings from covering current operational costs. The author substantiates a proposal to supplement Article 96.10 of the Budget Code with a substantive criterion linking the permissibility of deficit financing to the strategic planning documents provided for by Federal Law No. 172-FZ of 28 June 2014. A departure from the general rule would be allowed by the federal budget law, subject to mandatory justification by the Government of the Russian Federation.

Keywords: National Wealth Fund, sovereign wealth fund, fiscal rule, federal budget deficit, budgetary regulation, strategic planning, national projects, Budget Code of the Russian Federation.

References

1. Povetkina N.A. Pravovoy rezhim i znachenie suverennykh fondov Rossiyskoy Federatsii [Legal Regime and Significance of Sovereign Funds of the Russian Federation]. Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law, 2016, no. 6 (234), pp. 100–115. (In Russ.)
2. Tkachenko R.V. Byudzhethoe regulirovanie kak klyuchevoye napravlenie publichnoy finansovoy deyatel'nosti [Budgetary Regulation as a Key Area of Public Financial Activity]. Lex russica, 2021, no. 6, pp. 68–78. (In Russ.)
3. Tkachenko R.V., Yaroshinskiy I.M. Pravovye aspekty funktsionirovaniya fonda natsional'nogo blagosostoyaniya v usloviyakh primeneniya mezhdunarodnykh sanktsiy [Legal Aspects of the Functioning of the National Wealth Fund under International Sanctions]. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2024, no. 7, pp. 79–87. (In Russ.)
4. Tkachenko R.V., Yaroshinskiy I.M. Formirovanie, upravlenie, raspredelenie i ispol'zovanie fonda natsional'nogo blagosostoyaniya v sisteme publichnoy finansovoy deyatel'nosti [Formation, Management, Distribution and Use of the National Wealth Fund in the System of Public Financial Activity]. Aktual'nye problemy rossiyskogo prava = Actual Problems of Russian Law, 2026, no. 1, pp. 68–82. (In Russ.)
5. Sheveleva N.A. Byudzhethnaya sistema Rossii: problemy pravovogo regulirovaniya v period intensivnykh reform. Dokt. Diss. [The Budget System of Russia: Problems of Legal Regulation in the Period of Intensive Reforms. Doct. Diss.]. St. Petersburg, 2005. 426 p. (In Russ.)
6. Yaroshinskiy I.M. Suverennyye fondy kak sposob kompensatsii byudzhethnykh shokov: pravovoy mekhanizm realizatsii stabilizatsionnoy funktsii [Sovereign Funds as a Means of Compensating for Budget Shocks: the Legal Mechanism of the Stabilization Function]. Voprosy prava, ekonomiki i tekhnologiy, 2026, no. 1, pp. 41–51. (In Russ.)

Права участников общества с ограниченной ответственностью при переходе прав на долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью по закону к Российской Федерации

Бапинаева Малика Мажитовна

Магистр, кафедра гражданского и предпринимательского права, Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), barpinaeva.malika00@mail.ru

Статья посвящена исследованию особенностей перехода доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью в собственность Российской Федерации в порядке наследования выморочного имущества. Автор анализирует историческое развитие института выморочного имущества, его правовую природу, а также действующее законодательство и судебную практику, регулирующие данный процесс. Особое внимание уделяется коллизиям между нормами Гражданского кодекса Российской Федерации, Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» и подзаконными актами, в частности, проблеме участия Росимущества в хозяйственных обществах как государственного органа. В работе рассматриваются последствия бездействия уполномоченных органов для деятельности общества и его участников, а также обосновывается необходимость совершенствования законодательного регулирования. В качестве одного из решений предлагается закрепить за участниками общества право на распределение доли умершего участника при длительном необращении Росимущества за оформлением наследственных прав с одновременной обязанностью выплатить государству действительную стоимость доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью.

Ключевые слова: выморочное имущество, общество с ограниченной ответственностью, наследование Российской Федерацией, защита корпоративных прав участников, действительная стоимость доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью.

Законом предусмотрено восемь очередей наследования, возможность наследовать по закону и по завещанию, довольно широкий круг субъектов наследования, однако при этом все равно бывают случаи, когда имущество не унаследовал никто, в таком случае имущество становится выморочным и переходит в порядке наследования по закону в публичную собственность²¹. В п. 1 ст. 1151 ГК перечислены такие случаи. К ним относятся: отсутствуют наследники как по закону, так и по завещанию; имеющиеся наследники признаны недостойными; никто из наследников не принял наследство; все наследники отказались от наследства, не указав при этом, что отказываются в пользу другого наследника (безусловный отказ).

В науке встречается мнение, что перечень оснований, по которым имущество становится выморочным, является исчерпывающим²². Однако есть и те, кто считает такое мнение неверным. Как приводит в пример А.К. Бейн, выморочность имущества также может возникнуть в случае смерти лица, не принявшего наследство по наследственной трансмиссии²³.

При этом стоит разграничивать наследование Российской Федерацией по закону выморочного имущества и наследование Российской Федерацией по завещанию. Если наследование по завещанию является правом публично-правового образования, как любого другого наследника, то наследование выморочного имущества является его обязанностью, так как представляет собой отдельный институт наследования, что составляет большую разницу в порядке наследования.

Говоря о природе права наследования выморочного имущества, следует начать с римского права, так как пришло оно именно оттуда. И в древнейшем римском праве, как разъясняет Е.В. Кожевина, «лежачее наследство» признавалось бесхозяйной вещью (*res nullius*), и, как следствие этого, допускалось оккупация его любым желающим²⁴. Позднее, с укреплением государства, появилось новое понятие - «выморочное имущество» (*bona vacantia*). Выморочное наследство переходило к фиску, который приобретал его не *ipso iure* как бесхозяйное имущество, а при наличии на то согласия. Если наследство было несостоятельным, то фиск считался не принявшим его (D. 49. 14), «последнее, конечно, в том случае, если масса долгов умершего превышает наличность актива: в этом случае наследство поступало к кредиторам для продажи»²⁵.

В русской цивилистике взгляд на выморочное наследство как на бесхозяйное имущество проводил Д. И. Мейер. Он писал: «Казна получает имущества выморочные как бесхозяйные, а не по праву наследования»²⁶. Ф. Г. Шершеневич не безоговорочно, но все же склонялся к тому же мнению, указывая, что «едва ли можно признать за государством наследственное право на имущество его граждан»²⁷.

²¹ Суханов Е.А. // Гражданское право: учебник: в 4 т. /отв. ред. Е. А. Суханов. - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва: Статут, 2019. С. 236.

²² Котухова М.В. Выморочное имущество: история и актуальные вопросы современности // Наследственное право. 2006. № 2. С. 26

²³ Бейн А.К. Российская Федерация как субъект наследственных правоотношений при наследовании выморочного имущества. // Ленинградский юридический журнал. N 3 (53). 2018. С. 124.

²⁴ Кожевина Е.В. Наследование государством выморочного имущества. // Российский юридический журнал. N 1(45). 2005. С. 103.

²⁵ Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. М. 2000. С. 263.

²⁶ Мейер Д.И. Русское гражданское право. М. 1997. С. 442.

²⁷ Шершеневич Ф.Г. Учебник русского гражданского права. М. 1995. С. 510.

В противоположность этим взглядам Н. С. Суворов отмечал, что «большая часть выдающихся юристов ввиду достаточных оснований склоняется к признанию фискального права на выморочное имущество наследственных правом, хотя и имеющим известные особенности сравнительно с обыкновенным наследованием (*ab intestato*)»²⁸.

Как справедливо отмечает Е.А. Кожевина, бесхозяйной может быть только вещь, но не право и обязанность; завладение бесхозяйной вещью исключает правопреемство между прежним и новым собственником, так как является первоначальным способом приобретения права собственности; право собственности на бесхозяйные вещи возникает в силу приобретательной давности, тогда как для принятия наследства установлен более короткий срок²⁹. Кроме того, для выморочного имущества не требуется совершения действий по его принятию, а следовательно, не установлен и какой-либо специальный срок для его принятия. Такое имущество может перейти в государственную собственность в любой момент по истечении шести месяцев со дня открытия наследства. Это связано с тем, что общий срок для принятия наследства — шесть месяцев (п. 1 ст. 1154 ГК). При этом само имущество признаётся выморочным уже с момента открытия наследства (п. 4 ст. 1152 ГК).

Таким образом, институт выморочного имущества достаточно древний, и раньше был тождественен институту бесхозяйной вещи. Однако с усложнением правоотношений и развитием права и научное сообщество, и законодатель стали справедливо разделять эти понятия, обуславливая это объектом завладения, наличием правопреемства, а также наличием срока приобретательной давности.

Выморочным признается все, что входит в наследственную массу, и переходит в публичную собственность вместе. Им может быть любое имущество, которое указано в ст. 1112 ГК, в том числе доля в уставном капитале общества. Наследование доли в уставном капитале общества как выморочного имущества обладает своими особенностями.

Во-первых, для приобретения в собственность Российской Федерации выморочного имущества не требуется принятия наследства, обязательного для всех остальных субъектов наследования во всех остальных случаях наследования (п. 1 ст. 1152 ГК).

Во-вторых, отказ от наследства при наследовании выморочного имущества не допускается (п. 1 ст. 1157 ГК), что подчеркивает обязательный характер приобретения выморочного имущества.

В-третьих, в то время как по общему правилу на принятие наследства предусмотрен срок в шесть месяцев (п. 1 ст. 1153 ГК), который может быть восстановлен только по решению суда или при наличии письменного согласия всех наследников (ст. 1155 ГК), при наследовании выморочного имущества отсутствует срок на его принятие, так как принятия имущества не требуется, то есть выморочное имущество может перейти в собственность Российской Федерации в любое время по истечении шести месяцев с момента открытия наследства.

В Определении Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 09.12.2022 по делу N 88-39716/2022 суд изложил свою позицию: «Как верно указано судами, само по себе непринятие на баланс выморочного имущества в собственность РФ в силу положений статей 1151, 1152 Гражданского кодекса Российской Федерации не влияет

на его статус»³⁰. То есть выморочное имущество может быть принято на баланс в любое время после открытия наследства, срок для такого принятия отсутствует и, соответственно, не может быть пропущен.

В-четвертых, как указано в "Методических рекомендациях по теме "О наследовании долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью" (утв. на заседании Координационно-методического совета нотариальных палат ЮФО, С-К ФО, ЦФО РФ 28 - 29.05.2010), для определения порядка наследования и учета выморочного имущества, а также порядка передачи его в собственность субъектов Российской Федерации или в собственность муниципальных образований предусмотрено принятие специального закона (не принятого до сих пор)³¹.

Про закон, предусматривающий порядок наследования и учета выморочного имущества, указано также в п. 3 ст. 1151 ГК, введенном Федеральным законом "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья)" от 26.11.2001 N 146-ФЗ³², однако он так и не был принят по настоящее время. Согласно п. 5 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 N 9 "О судебной практике по делам о наследовании", «впредь до принятия соответствующего закона... при рассмотрении судами дел о наследовании от имени Российской Федерации выступает Федеральное агентство по управлению государственным имуществом (Росимущество) в лице его территориальных органов, осуществляющее в порядке и пределах, определенных федеральными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, полномочия собственника федерального имущества, а также функцию по принятию и управлению выморочным имуществом (п. 5.35 Положения о Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 5 июня 2008 года N 432)»³³³⁴.

В соответствии с абз. 4 п. 2 ст. 1151 ГК, доля в уставном капитале общества переходит в собственность Российской Федерации как иное выморочное имущество.

Следовательно, в отсутствие специального закона наследование и учет наследственным имуществом осуществляется Росимуществом в соответствии с иными федеральными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации. Росимущество в том числе осуществляет права участника ООО, доля в уставном капитале которого находится в федеральной собственности в соответствии с п. 28 Постановления Правительства РФ от 05.06.2008 N 1053 "О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом"³⁵.

Согласно п. 2 ст. 3 Закона об ООО, государственные органы и органы местного самоуправления не вправе выступать участниками обществ, если иное не установлено федеральным законом. Однако такого закона на настоящий момент нет.

Согласно п. 1 Постановления Правительства РФ от 05.06.2008 N 1053 "О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом", Росимущество является федеральным органом исполнительной власти.

Следовательно, очевидно, что Постановление Правительства РФ от 05.06.2008 N 1053 "О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом" напрямую противоречит Закону об ООО,

²⁸ Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. М. 2000. С. 263.

²⁹ Кожевина Е.В. Наследование государством выморочного имущества. // Российский юридический журнал. N 1(45). 2005. С. 103.

³⁰ СПС «Консультант Плюс».

³¹ СПС «Консультант Плюс».

³² Российская газета. N 233. 28.11.2001.

³³ СПС «Консультант Плюс».

³⁴ Российская газета. N 127. 06.06.2012.

³⁵ СПС «Консультант Плюс».

По мнению А.В. Ремизовой, в случае наследования выморочного имущества и приобретения статуса участника общества с ограниченной ответственностью Росимущество выступает от имени Российской Федерации, поэтому на него и не распространяется установленный п. 2 ст. 7 Закона об ООО запрет¹.

В доктрине есть и противоположное мнение (Михальчук Ю. и Горева А.), согласно которому Росимущество, будучи федеральным органом исполнительной власти, не имеет возможности стать полноправным участником ООО в порядке наследования доли.² В связи с этим за данным органом закрепляются лишь имущественные права на долю, признанную выморочным имуществом, тогда как корпоративные права к нему не переходят. Отсюда следует, что наследование выморочной доли в уставном капитале общества Росимущество заключается в требовании выплаты действительной стоимости этой доли.

Точка зрения, согласно которой вступление в состав участников Росимущества как государственного органа не допустимо, является более убедительной, так как противоречит действующему законодательству. В таком случае Росимущество имеет право на получение действительной стоимости доли,

Таким образом, наследником выморочного имущества в виде доли в уставном капитале общества является Российская Федерация. Пока отсутствует закон, предусматривающий порядок наследования и учета выморочного имущества, данную функцию от имени Российской Федерации осуществляет Росимущество. При этом существует проблема наследования доли в уставном капитале общества Росимуществом, которая заключается в том, что законом прямо предусмотрен запрет на вхождение в состав участников государственных органов, в то время как на настоящий момент действует Положение Правительства, согласно которому и на основании которого Росимущество вступает в состав участников общества, действуя от имени Российской Федерации. При этом указанное Положение противоречит федеральному закону и, следовательно, не может быть применим в части, в которой он противоречит федеральному закону.

Наличие коллизии норм Закона об ООО и Положения Правительства и отсутствия на данный момент альтернативного способа наследования доли в уставном капитале общества сподвигает к следующему предложению: закрепить законодательно исключение на вступление в состав участников общества государственного органа – Росимущества – в случае наследования выморочного имущества

Тем не менее наследование выморочного имущества обладает рядом особенностей, обусловленных, в первую очередь, тем, что приобретение выморочного имущества является не правом, а обязанностью публично-правового образования. Выморочное имущество в виде доли в уставном капитале общества переходит в государственную собственность с момента открытия наследства, при этом принятие наследства не требуется, поэтому отсутствует право на отказ от принятия наследства и срок на принятие наследства. Указанные особенности порождают следующие проблемы.

Как подтверждает судебная практика, включение доли в уставном капитале общества в состав выморочного имущества способно вызвать правовую неопределенность в работе хозяйствующего субъекта. В качестве примера можно привести дело ООО «Медфарм», рассмотренное

Арбитражным судом Западно-Сибирского округа³. В рамках данного спора рассматривалось требование о признании недействительным решения налогового органа об отказе в государственной регистрации изменений, вносимых в отношении общества в ЕГРЮЛ. В ООО «Медфарм» было два учредителя, владеющие долей в уставном капитале общества по пятьдесят процентов, – М.Ю. Поздняков и А.В. Прокофьев. После смерти М.Ю. Позднякова наследственное дело не заводилось. Внеочередным собранием участников, проведенным спустя год после смерти участника, было принято решение исключить умершего участника из состава участников, а его долю передать обществу ввиду отсутствия заявлений от потенциальных наследников. На основании этого решения ООО «Медфарм» подало в налоговый орган заявление о внесении изменений в ЕГРЮЛ, однако получило отказ в регистрации.

Суд первой инстанции встал на сторону заявителя, посчитав, что наличие в ЕГРЮЛ сведений об умершем участнике мешает нормальной деятельности общества, а при отсутствии наследников допустимо перевести долю умершего на общество. Вышестоящая инстанция, напротив, отменила это решение и отказала в удовлетворении требований, исходя из того, что право на долю после гибели участника переходит либо к его наследникам, либо к Российской Федерации. Поскольку наследники умершего не приняли наследство, его доля автоматически вошла в состав выморочного имущества. При этом отсутствие свидетельства о праве на наследство при наследовании выморочного имущества не освобождает Росимущество от связанных с этим обязанностей.

Приведённый пример демонстрирует следующее: хотя доля умершего участника, являющаяся выморочным имуществом, переходит по закону в собственность РФ с момента открытия наследства, государственные органы не всегда предпринимают шаги по оформлению своих прав. Причина кроется в том, что п. 3 ст. 1151 ГК РФ предписывает определять порядок наследования и учёта выморочного имущества специальным федеральным законом, который до настоящего времени не принят. В отсутствие такого законодателя не закреплена функция по выявлению выморочного имущества ни за одним ведомством.

Отсутствие чёткой законодательной процедуры поиска и оформления выморочного имущества приводит к тому, что такое имущество нередко длительное время остаётся брошенным. Когда речь идёт о доле в уставном капитале общества, подобные последствия способны серьёзно затруднить деятельность общества и даже полностью её парализовать, если размер доли, принадлежавшей умершему, большой.

В 2008 году Арбитражный суд Уральского округа в Постановлении от 18.03.2008 по делу № А47-8685/2007-АК-26 высказал предположение⁴: если наследники умершего участника ООО не заявляют о своих правах, само общество не получает информации о том, что наследство было принято, а регистрирующий орган не обращается за получением свидетельства о праве на наследство на долю в уставном капитале общества, то единственным возможным способом защиты гражданских прав (самозащитой) в такой ситуации становится принятие обществом решения о переводе доли на свой баланс. Тем не менее

¹ Ремизова А.В. Переход доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью в порядке наследственного правопреемства. М. 2013.

² Михальчук Ю., Горева А. Корпоративные споры, возникающие в связи с наследованием долей в уставном капитале ООО. // Цивилистика. Выпуск N 1. Январь–февраль. 2022. С. 48.

³ Постановление АС Западно-Сибирского округа от 28.08.2020 по делу № А46-19903/2019 // СПС «Консультант Плюс».

⁴ СПС «Консультант Плюс».

эта правовая позиция не получила развития в дальнейшем в судебной практике. Напротив, в рассмотренном напомним позже указанного дела деле ООО «Медфарм» суд исходил из того, что подобная передача доли на баланс общества недопустима, поскольку нельзя произвольно изменять правовой режим выморочного имущества.

В связи с этим единственная форма защиты, доступная обществу, — это обращение в Росимущество с требованием принять выморочное имущество и осуществлять управление им. Если Росимущество откажется от совершения указанных действий, данный отказ может быть оспорен в судебном порядке.

Следовательно, если доля в уставном капитале общества переходит государству в качестве выморочного имущества, но государственные органы бездействуют, обществу не остаётся иного выхода, кроме как обращаться в суд с иском о понуждении государства в лице компетентных органов получить свидетельство о праве на наследство в отношении этой доли и осуществлять управление ей. Законодательных механизмов, позволяющих предотвратить подобные споры, в настоящее время не существует, поскольку невозможно ограничить переход долей в уставном капитале общества в составе выморочного имущества в собственность государства.

Разрешение данной проблемы вызывает немало сложностей, поскольку здесь возникает конфликт интересов публичных (государства, имеющего право на получение имущества, оставшегося после умершего, наследники которого не объявились) и частных (участников, осуществляющих управление обществом, которое может быть осложнено наличием участника в виде Росимущества или вовсе бездействием Росимущества как участника; и общества, деятельность которого может быть заморожена по тем же причинам). Закрепление законом права за участниками на самостоятельное распределение доли умершего может нарушить право государства на получение выморочного имущества. Нынешнее положение, когда закреплен безусловный переход всего имущества умершего в качестве выморочного имущества государству и при этом отсутствует детальное регулирование наследования доли в уставном капитале общества государством и управление им, ставит под удар права субъектов предпринимательской деятельности.

Таким образом, в целях поддержания деятельности общества необходимо признать разумным, что в случае необращения Росимущества к нотариусу за свидетельством о праве на наследство в течение года после смерти наследодателя (полгода на принятие наследства иными наследниками, полгода на обращение за наследством Росимуществом) участники приобретают право на принятие решения о распределении доли умершего между собой и при этом приобретают обязанность в соответствии с распределением этой доли между собой на выплату действительной стоимости доли Росимуществу, в случае обращения его к обществу.

Литература

1. Бейн А.К. Российская Федерация как субъект наследственных правоотношений при наследовании выморочного имущества. // Ленинградский юридический журнал. N 3 (53). 2018. С. 124.
2. Кожевина Е.В. Наследование государством выморочного имущества. // Российский юридический журнал. N 1(45). 2005. С. 103.
3. Котухова М.В. Выморочное имущество: история и актуальные вопросы современности // Наследственное право. 2006. № 2. С. 26.
4. Мейер Д.И. Русское гражданское право. М. 1997. С. 442.

5. Михальчук Ю., Горева А. Корпоративные споры, возникающие в связи с наследованием долей в уставном капитале ООО. // Цивилистика. Выпуск N 1. Январь–февраль. 2022. С. 48.

6. Ремизова А.В. Переход доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью в порядке наследственного правопреемства. М. 2013.

7. Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. М. 2000. С. 263.

8. Суханов Е.А. // Гражданское право: учебник: в 4 т. /отв. ред. Е. А. Суханов. - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва: Статут, 2019. С. 236.

9. Шершеневич Ф.Г. Учебник русского гражданского права. М. 1995. С. 510.

10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. N 49. Ст. 4552.

11. Постановление Правительства РФ от 05.06.2008 N 1053 "О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом"

12. "Методические рекомендации по теме "О наследовании долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью" (утв. на заседании Координационно-методического совета нотариальных палат ЮФО, С-К ФО, ЦФО РФ 28 - 29.05.2010)

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 N 9 "О судебной практике по делам о наследовании" // Российская газета. N 127. 06.06.2012.

14. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 09.12.2022 по делу N 88-39716/2022

15. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 28.08.2020 по делу № А46-19903/2019

16. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18.03.2008 по делу № А47-8685/2007-АК-26

Rights of Limited Liability Company Participants Upon Transfer of Rights to a Share in the Authorized Capital of a Limited Liability Company under the Law of the Russian Federation

Bapinaeva M.M.

All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)
The article is devoted to the study of the specific features of the transfer of a share in the charter capital of a limited liability company into the ownership of the Russian Federation by way of inheritance of escheated property. The author analyzes the historical development of the institution of escheated property, its legal nature, as well as the current legislation and judicial practice governing this process. Special attention is paid to the conflicts between the norms of the Civil Code of the Russian Federation, the Federal Law "On Limited Liability Companies", and subordinate legislation, in particular, the problem of the participation of the Federal Agency for State Property Management (Rosimushchestvo) in commercial companies as a state body. The paper examines the consequences of inaction on the part of authorized bodies for the operation of the company and its participants, and substantiates the need to improve legislative regulation. As one of the solutions, it is proposed to grant the company's participants the right to distribute the share of the deceased participant in the event of a prolonged failure of Rosimushchestvo to apply for the formalization of inheritance rights, while simultaneously imposing on them the obligation to pay the state the actual value of the share in the charter capital of the limited liability company.

Keywords: escheated property, limited liability company, inheritance by the Russian Federation, protection of corporate rights of participants, actual value of a share in the charter capital of a limited liability company.

References

1. Bein A.K. The Russian Federation as a Subject of Inheritance Legal Relationships in the Inheritance of Escheat Property // Leningrad Law Journal. No. 3 (53). 2018. P. 124.
2. Kozhevina E.V. Inheritance of Escheat Property by the State // Russian Law Journal. No. 1 (45). 2005. P. 103.
3. Kotukhova M.V. Escheat Property: History and Current Issues of Our Time // Inheritance Law. 2006. No. 2. P. 26.
4. Meyer D.I. Russian Civil Law. Moscow, 1997. P. 442.
5. Mikhalkchuk Yu., Goreva A. Corporate Disputes Arising in Connection with the Inheritance of Shares in the Authorized Capital of an LLC // Civilistics. Issue No. 1. January–February. 2022. P. 48.
6. Remizova A.V. Transfer of a Share in the Authorized Capital of a Limited Liability Company by Way of Hereditary Succession. Moscow, 2013.
7. Suvorov N.S. On Legal Entities under Roman Law. Moscow, 2000. P. 263.
8. Sukhanov E.A. // Civil Law: textbook: in 4 volumes / ed. E. A. Sukhanov. - 2nd ed., revised and enlarged. - Moscow: Statut, 2019. P. 236.
9. Shershenevich F.G. Textbook of Russian Civil Law. M. 1995. P. 510.

10. Civil Code of the Russian Federation (Part Three) of November 26, 2001 N 146-FZ (as amended on August 8, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. N 49. Art. 4552.
11. Resolution of the Government of the Russian Federation of 05.06.2008 N 1053 "On the Federal Agency for State Property Management"
12. "Methodological recommendations on the topic "On the inheritance of shares in the authorized capital of limited liability companies" (approved at the meeting of the Coordination and Methodological Council of the Notary Chambers of the Southern Federal District, North-Caucasian Federal District, and Central Federal District of the Russian Federation on 28-29.05.2010)
13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.05.2012 N 9 "On judicial practice in inheritance cases" // Rossiyskaya Gazeta. N 127. 06.06.2012.
14. Determination of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction of 09.12.2022 in case N 88-39716/2022
15. Resolution Arbitration Court of the West Siberian District of August 28, 2020, in case No. A46-19903/2019
16. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District of March 18, 2008, in case No. A47-8685/2007-AK-26

Значение иностранных инвестиций в России

Дьяченко Елена Митрофановна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права юридического факультета им. А.А. Хмырова Кубанского государственного университета, Demit88@mail.ru

Босых Андрей Игоревич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права юридического факультета им. А.А. Хмырова Кубанского государственного университета, A.bosyh@inbox.ru

Настоящая работа посвящена анализу правовых основ регулирования иностранных инвестиций. Конституционный принцип единого экономического пространства означает, что вся территория России рассматривается как целостная, не подлежащая внутреннему разделению по каким бы то ни было критериям область, на которой допускается ведение хозяйственной деятельности. Всякое установление внутритерриториальных барьеров и сопряжённых с ними юридических ограничений, создающих препятствия для беспрепятственного движения товаров, услуг, финансовых ресурсов и капитала, в том числе поступающего от зарубежных инвесторов, в силу указанного принципа носит противоправный характер. Применительно к зарубежным капиталовложениям данное конституционное положение служит гарантией беспрепятственного воплощения инвестиционных замыслов в любом регионе страны, обеспечивая рациональное размещение привлекаемых ресурсов и исключая произвольные ограничения такой деятельности.

Ключевые слова: иностранные инвестиции, иностранные инвесторы, иностранный капитал, национальная экономика, коммерческая выгода, экономическая цель, технологические решения, искусственный интеллект, законтрактованные инвестиции, государственно-частные партнёрства.

Правовой режим зарубежных капиталовложений на территории Российской Федерации характеризуется тем, что он складывается из комплекса специализированных нормативных установлений, через которые регламентируются процедура ведения инвестиционной деятельности, юридическое положение лиц, выступающих в качестве зарубежных инвесторов, специфика привлечения иностранного капитала, а также инструменты обеспечения их охраняемых законом прав и интересов в пределах российской юрисдикции. Преобладающая часть подобных установлений сосредоточена в Федеральном законе «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации».

Прежде всего, названный законодательный акт раскрывает содержание категории «иностранная инвестиция». Законодатель подразумевает под ними размещение зарубежного капитала, которое производится иностранным инвестором (лично и по собственной инициативе) в объекты предпринимательской деятельности, расположенные на российской территории, в форме объектов гражданских прав, закреплённых за соответствующим инвестором, иного имущества, вещных прав, обладающих стоимостной оценкой исключительных прав на продукты интеллектуального труда, равно как услуг и сведений информационного характера.

При детальном рассмотрении законодательной дефиниции представляется возможным выделить ряд отличительных черт иностранных инвестиций:

1) Они предполагают размещение зарубежного капитала, производимое иностранным инвестором, как указывалось, на началах самостоятельности и без посредников. Подразумевается, что инвестор автономно формирует решение о направлении собственных средств, осуществляя ради этого весь спектр необходимых действий и параллельно обеспечивая надзор за ходом инвестирования без вовлечения посторонних субъектов (распоряжение вложениями ведёт именно зарубежное лицо — с намерением получить доход либо реализовать иные хозяйственные задачи, а отнюдь не какие-либо третьи участники оборота).

2) В качестве объектов размещения зарубежного капитала выступают объекты гражданских прав, соответствующие имущественные правомочия, права на продукты интеллектуального творчества, услуги и информация. Опираясь на данную характеристику, можно констатировать, что иностранные инвестиции способны воплощаться в весьма многообразных формах — в зависимости от того, в какую конкретную область или объект предполагается направить капитал ради дальнейшего продвижения проекта (будь то участие в уставном фонде российского хозяйственного общества, лицензионное право на выпуск продукции по запатентованной методике или, скажем, многолетнее оказание консультационных либо образовательных услуг).

Множественность возможных направлений определяется своеобразием каждого из них. Когда иностранные средства направляются в осязаемые активы (к каковым принято относить здания, производственное оборудование, природные богатства), первостепенное значение приобретает, к примеру, вопрос о праве собственности на соответствующие объекты и материальные блага, что неизбежно требует обращения к нормам земельного и природоохранного законодательства, устанавливающего юридический режим упомянутых объектов и круг правомочий, доступных зарубежному инвестору.

Так, применительно к деятельности, связанной с освоением угодий сельскохозяйственного назначения, закономерно действует правило о предоставлении таких участников иностранным вкладчикам капитала исключительно на условиях аренды (подобное ограничение обусловлено пониманием особой значимости государственного обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота).

Именно в силу указанного свойства зарубежные вложения поддаются последовательной классификации. Такой подход, с одной стороны, даёт инвестору возможность управлять проектом целенаправленно, а принимающей стороне — государству — с другой стороны, отслеживать движение капитала, обеспечивать сохранность стратегически и социально значимых объектов, формируя при этом предпосылки для максимальной предсказуемости инвестиционных процессов в перспективе. Это существенно для поддержания тех секторов народного хозяйства, которые рассчитывают на крупные объёмы притока зарубежных средств.

3) Капиталовложения осуществляются сообразно хозяйственной цели, которой руководствуется инвестор, что обнаруживает определённое родство инвестирования с предпринимательством. Говоря иначе, деятельность зарубежного инвестора по вложению средств неизменно имеет целевую направленность — в её основании лежат конкретные хозяйственные задачи (наращивание производственных мощностей, проникновение на новые рыночные сегменты, представленные в российском хозяйственном пространстве, освоение прорывных технологий и инноваций, генерирование добавленной стоимости и, как правило, извлечение дохода).

Именно привязка к хозяйственной цели позволяет разграничить инвестиции и прочие, внешне сходные по механизму реализации юридические конструкции — инвестор не просто перечисляет средства, а размещает их в заблаговременно продуманном начинании, рассчитывая на получение конкретной коммерческой отдачи. На это, как правило, указывает его вовлечённость в инвестиционный процесс, проявляющаяся не только через непосредственную передачу ресурсов контрагенту, но и через подготовку инвестиционного проекта (программы размещения средств), аргументацию целесообразности вложений, оценку сопутствующих рисков и выработку мер по их минимизации (как на этапе планирования, так и в ходе реализации).

Непосредственная связь с предпринимательством обнаруживается и в том обстоятельстве, что инвестиции выступают не только каналом финансового обеспечения, но и средством трансляции знаний, технологических решений и управленческих навыков, что лишнее раз свидетельствует о преимущественно хозяйственной природе данной деятельности. Подобные механизмы не могут квалифицироваться как пассивное поведение; они представляют собой форму долгосрочного предпринимательства, базирующегося на сознательном устремлении лиц к планомерному получению дохода (сопряжённому, как справедливо указывает Л.В. Казакова, с обретением контроля над объектами материальных вложений) [1, с. 9].

4) Зарубежные капиталовложения обладают денежной либо балансовой оценкой, что даёт возможность количественно их установить в интересах охраны правовых притязаний инвестора. Данная характеристика, на наш взгляд, указывает сразу на несколько функций юридического регулирования иностранных инвестиций: стоимостная оценка гарантирует определённость учёта инвестиционных поступлений, обеспечивая согласованность и сравнимость данных относительно масштабов вложений — как для инвесторов, так и для принимающей стороны. На

базе денежной оценки устанавливаются правомочия инвестора — его участие в уставном фонде коммерческого юридического лица, величина дивидендных выплат, допустимый размер вывода прибыли за рубеж, а также порядок компенсации потерь при возникновении правовых споров.

Тезис о том, что зарубежные капиталовложения имеют существенное значение для поступательного развития российского государства, представляется бесспорным: они оказывают многостороннее (и по преимуществу конструктивное) воздействие на разнообразные элементы отечественного хозяйства. Это значение складывается из целого ряда аспектов, среди которых целесообразно выделить следующие:

1) Привлечение дополнительного финансирования в отрасли российской экономики, что является неременным условием устойчивого функционирования народного хозяйства, поскольку покрывает запросы всех его сегментов, опираясь исключительно на собственные резервы, практически нереально. Отдельные направления хозяйственной деятельности требуют столь масштабных вложений, что они существенно превосходят средние показатели в других областях. Вследствие этого ситуации, при которых равномерное государственное содействие оказывается невыполнимым, отнюдь не редки.

Устойчиво поступающие потоки зарубежного капитала компенсируют этот разрыв, наделяя отечественные предприятия, органы государственной и муниципальной власти недостающими финансовыми ресурсами, направляемыми на обеспечение их текущей деятельности. Как свидетельствуют данные Министерства экономического развития Российской Федерации, начиная с 2024 года перед зарубежными инвесторами раскрываются значительные перспективы в секторах, ориентированных главным образом на внутреннее потребление: жилищное строительство, коммунальная инфраструктура, производство продовольствия, туристическая индустрия, культурная и спортивная сферы.

Соответственно, среди направлений использования зарубежных капиталовложений:

— становление новых отраслей российского хозяйства, включающее не только получение прогрессивных производственных технологий, но и создание благоприятной среды для роста отечественных инновационных предприятий, через что наиболее результативно реализуется перевод новейших научных разработок в практическую плоскость. Нередко именно зарубежные вложения оказываются ключевым источником ресурсного обеспечения механизмов формирования новых хозяйственных направлений, что напрямую способствует включению Российской Федерации в глобальные производственные и технологические цепочки (отечественные субъекты обретают шанс выхода на транснациональные и мировые рынки);

— освоение прорывных технологий, представляющее собой закономерный итог научно-технического прогресса (признаваемого знаковой чертой не только внутринационального, но и планетарного развития на современном этапе). Зарубежные инвесторы, изъявляющие готовность направлять собственные средства на то, чтобы обеспечить российским производителям доступ к передовым технологическим разработкам (включая, к примеру, решения, основанные на искусственном интеллекте), содействуют оптимизации многочисленных внутрихозяйственных процессов. С привлечением зарубежного капитала осуществляется техническое перевооружение производства, ощутимо сокращаются затраты, внедряются общепринятые мировые стандарты. Это в очередной раз высвечивает взаимосвязь иностранных инвестиций и перспектив продвижения российской продукции на зарубеж-

ные торговые площадки (что приобретает особую актуальность в условиях ограниченного доступа к ним и острой потребности в диверсификации хозяйственной базы страны).

Очевидно, что благодаря зарубежным вложениям российские компании получают шанс привлекать капитал на длительную перспективу. Впрочем, данное обстоятельство — далеко не единственное их позитивное проявление, ибо в ряде случаев иностранное финансирование сопровождается не только передачей денежных средств, но и открытием доступа к специализированной экспертизе и деловым контактам, что дополнительно повышает эффективность экономического роста и попутно укрепляет компетенции отечественных участников рынка [2, с. 59].

2) Оздоровление социально-экономической ситуации, выражающееся в том, что приток зарубежного капитала обеспечивает расширение числа рабочих мест для населения, попутно содействуя снижению безработицы и, как следствие, росту доходов граждан. Касаясь данной проблематики, министр экономического развития М.Г. Решетников отметил, что «иностранные инвестиции в российскую экономику за почти 30 лет составили 185 миллиардов долларов США, позволив создать в стране более 200 тысяч рабочих мест» [3].

Нельзя оставить без внимания и тот факт, что зарубежные компании, вкладывающие средства в российскую экономику, зачастую не ограничиваются одними лишь финансовыми вливаниями — они дополнительно осуществляют мероприятия, по своему существу нацеленные на привнесение в отечественную практику передовой методологии организации трудового процесса. Подобные нововведения проявляются, к примеру, во внедрении прогрессивных способов обеспечения трудовой деятельности, методик оценки её продуктивности и механизмов улучшения условий охраны труда. Зарубежные инвесторы, как правило, придерживаются международных стандартов в сфере трудового права, содействуя формированию в Российской Федерации культуры правовой ответственности нанимателей и работников, а равно распространению понимания значимости поддержания трудовой дисциплины и производственной безопасности.

3) Активизация добросовестной конкуренции и поддержка сектора малого и среднего предпринимательства, обусловленная тем, что присутствие зарубежных инвесторов в качестве одной из сторон инвестиционных правоотношений внутри страны само по себе влечёт ужесточение требований к прозрачности хозяйственной деятельности (вне зависимости от её отраслевой принадлежности) и к надлежащему ведению сопутствующей правовой документации.

4) Развитие отечественной нормативно-правовой системы, протекающее одновременно в нескольких отраслях. На протяжении последних десятилетий Российская Федерация осуществляла целенаправленные шаги по улучшению инвестиционного климата. Именно в этих целях был принят Федеральный закон «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» (который, как уже отмечалось, составляет фундамент системы нормативных актов, регулирующих данную сферу на федеральном уровне), проводились корректировки Налогового кодекса Российской Федерации. Наряду с этим продолжают укрепляться и задействоваться механизмы государственно-частного партнёрства, а именно:

– учреждение профильных организаций в области государственно-частного сотрудничества, чья деятельность ориентирована на выстраивание и поддержание взаимовыгодных контактов с зарубежными инвесторами;

– укрепление деловых связей с иностранными вкладчиками капитала через интеграцию в отечественную практику международных стандартов реализации совместных государственно-частных проектов;

– нормативное закрепление гарантий возврата средств, вложенных в государственно-частные проекты, путём предоставления долгосрочных государственных обязательств. Проекты государственно-частного партнёрства, как подчёркивает Т.Н. Мамедов, упрощают выход на глобальные рынки капитала, активизируют приток зарубежных вложений в реальный сектор экономики, придавая ускорение темпам развития составляющих её показателей [4, с. 10–12].

На протяжении 2024 года, по информации, обнародованной М.Г. Решетниковым, совокупный объём законтрактованных инвестиций в рамках государственно-частного партнёрства вышел на исторический максимум, превысив отметку в 27 миллиардов долларов. Глава ведомства подчеркнул, что одной из приоритетных задач 2025 года является «продолжение развития особых экономических зон, дающих целый ряд преференций для инвесторов. Сегодня в Российской Федерации созданы 53 особые экономические зоны, в которых работают более 12 тысяч резидентов. В том числе их представляют более 100 компаний с участием иностранного капитала из 33 стран» [5].

Из совокупности приведённых аргументов можно заключить, что наша страна сохраняет открытость для реализации обоюдовыгодного взаимодействия со всеми действительно заинтересованными в этом партнёрами. Об этом свидетельствует интенсивно ведущаяся работа по заключению и обновлению соглашений о содействии и взаимной защите инвестиций, закрепляющих гарантии охраны зарубежных инвесторов в русле результативных международных практик.

5) Обеспечение систематического пополнения бюджетов всех уровней. Приток зарубежных капиталовложений становится фактором увеличения налоговых поступлений, формирующих финансовые потоки в казну — как на федеральном, так и на региональном и муниципальном уровнях. Иностранные инвестиции, в частности, диверсифицируют структуру экономики регионов, ослабляя её зависимость от иных источников наполнения. Это приобретает особое значение для территорий, находящихся на стадии активного развития, поскольку местные проекты с участием зарубежных инвесторов — это условие последовательного наращивания собственного внутреннего капитала, дающее возможность уменьшать потребность в значительных объёмах внешних поступлений.

Опираясь на изложенное, можно заключить, что роль зарубежных капиталовложений в Российской Федерации обусловлена их хозяйственным воздействием, распространяющимся не только на отдельные сегменты народного хозяйства (что вполне закономерно), но и на социальную сферу и правовое измерение государственной деятельности, что, как логически вытекает из проведённого анализа, отражает многоаспектную природу данного явления.

В хозяйственном отношении зарубежные инвестиции содействуют наращиванию эффективности внутренних производственных процессов за счёт планомерного освоения новых экономических направлений и практической интеграции передовых технологий. Итогом становится формирование устойчивой рыночной системы, обладающей способностью адаптироваться к внешним воздействиям и противостоять сбоям в собственном функционировании.

Социальное измерение значимости зарубежных вложений проявляется в расширении возможностей трудоустройства (путём организации дополнительных рабочих мест) и общем повышении занятости населения. Проекты,

получающие финансирование из зарубежных источников, предусматривают обращение не только к обновлённым подходам в сфере охраны труда, но и, например, к программам профессиональной подготовки и наращивания квалификации персонала, что неизменно положительно сказывается на уровне доходов населения.

Таким образом, с юридической точки зрения, значение зарубежных капиталовложений находит выражение в возможности совершенствования нормативно-правовой базы и, параллельно с этим, в укреплении институциональных инструментов защиты прав участников правоотношений, складывающихся в инвестиционной сфере. Стремясь обеспечить приток новых объёмов зарубежного капитала, государство инкорпорирует международные стандарты, развивает институты арбитражного и примирительного производства. Подобного рода преобразования, по нашему убеждению, выступают одним из средств укрепления доверия зарубежных инвесторов к российской правовой системе и одновременно обуславливают общее повышение результативности государственной политики в анализируемой сфере регулирования.

Бесспорным представляется то, что зарубежные капиталовложения играют весомую роль в поступательном развитии нашей страны, оказывая многоплановое воздействие на разнообразные элементы отечественного хозяйства.

Литература

1. Казакова Л.В. Международные инвестиции: краткий курс лекций. Саратов, 2016. С. 9.
2. Лысенко П.В. Значение иностранных инвестиций для развития российской экономики // Вестник науки. 2025. № 3 (84). С. 52.
3. Иностранные инвестиции позволили создать 200 тыс. рабочих мест [Электронный ресурс]. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/maksim_reshetnikov_inostrannye_investicii_pozvolili_sozdat_v_rf_200_tys_rabochih_mest.html (дата обращения: 24.12.2025).
4. Мамедов Т.Н. Роль государственно-частного партнерства в расширении иностранных инвестиций в экономику России // Контентус. 2017. № 3 (56). С. 10–12.
5. В 2024 году объем законтрактованных инвестиций России в ГЧП достиг рекорда в 27 млрд долларов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_rf_v_2024_godu_obem_zakontraktovannyh_investitsiy_rossii_v_gchp_dostig_rekorda_v_27_mlrd_dollarov.html (дата обращения: 28.12.2025).

The significance of foreign investment in Russia

Dyachenko E.M., Bosykh A.I.

Kuban State University

This article examines the legal regime governing foreign investments. The unity of the economic space implies that the entire territory of the Russian Federation is viewed as an undivided area—not demarcated on any grounds—where economic activity may be conducted. Based on the essence of this principle, any definition of internal boundaries and associated legal restrictions that could impede the free movement of goods, services, financial resources, and capital—including foreign investments—is unlawful. With regard to foreign investment, this provision serves as a prerequisite for the smooth implementation of investment projects in any constituent entity of the Russian Federation, enabling the optimal allocation of resources while preventing unjustified restrictions.

Keywords: foreign investment, foreign investors, foreign capital, national economy, commercial benefit, economic goal, technological solutions, artificial intelligence, contracted investments, public-private partnerships.

References

1. Kazakova L.V. International Investments: A Short Lecture Course. Saratov, 2016. P. 9.
2. Lysenko P.V. The Importance of Foreign Investments for the Development of the Russian Economy // Science Bulletin. 2025. No. 3 (84). P. 52.
3. Foreign Investments Created 200,000 Jobs [Electronic Resource]. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/news/maksim_reshetnikov_inostrannye_investicii_pozvolili_sozdat_v_rf_200_tys_rabochih_mest.html (Accessed: 24.12.2025).
4. Mamedov T.N. The Role of Public-Private Partnerships in Expanding Foreign Investments in the Russian Economy // Contentus. 2017. No. 3 (56). P. 10–12.
5. In 2024, the volume of Russia's contracted investments in PPPs reached a record high of \$27 billion [Electronic resource]. – Available at: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_rf_v_2024_godu_obem_zakontraktovannyh_investitsiy_rossii_v_gchp_dostig_rekorda_v_27_mlrd_dollarov.html (accessed: 28.12.2025).

Минимальный процессуальный статус членов семьи должника в деле о банкротстве гражданина: конституционные основания и пределы участия

Будаков Темур Авдубакиевич

Аспирант, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, y.temur@ya.ru

В статье исследуется процессуальное положение членов семьи гражданина-должника в тех эпизодах дела о банкротстве, где судебное решение способно непосредственно изменить их жилищное, имущественное или социальное положение. Показано, что действующее регулирование содержит отдельные механизмы защиты супруга, бывшего супруга и иных затронутых лиц, однако не формирует общего стандарта участия семьи. Автор предлагает критерий прямого и существенного затрагивания прав и связывает с ним ограниченный, предметно обусловленный процессуальный статус – извещение, возможность представить доказательства и возражения, а также обжаловать судебный акт в затрагивающей части. Отдельно обосновывается участие органа опеки и попечительства в ситуациях реального риска существенного ухудшения положения несовершеннолетнего. Предлагаемая конструкция не превращает членов семьи в сторону всего дела о банкротстве; ее назначение состоит в том, чтобы обеспечить суд фактическими данными, необходимыми для проверки соразмерности вмешательства в семейно чувствительных вопросах.

Ключевые слова: банкротство граждан; несостоятельность; члены семьи должника; процессуальный статус; право на судебную защиту; орган опеки и попечительства; несовершеннолетние; жилищные права; добросовестность; Конституционный Суд Российской Федерации.

1. Введение

Процессуальная схема банкротства гражданина обычно описывается через фигуры должника, кредиторов, финансового управляющего и суда. Для объяснения движения дела этого достаточно. Для оценки его последствий – уже нет. В потребительском банкротстве имущественная сфера должника почти неизбежно соприкасается с семейной, супруг пользуется общим имуществом, ребенок проживает в жилом помещении должника, иждивенец зависит от средств, которые в процедуре могут стать предметом спора. Поэтому формальное несоответствие статуса должника и статуса членов его семьи еще не означает раздельности их фактического положения.

Наиболее остро эта проблема проявляется не на уровне дела «вообще», а в отдельных точках процедуры. Продажа жилья может изменить место и условия проживания ребенка. Решение о составе конкурсной массы – затронуть долю супруга. Отказ сохранить денежные средства – сказаться на фактическом содержании несовершеннолетнего. План реструктуризации, рассчитанный без обязательных семейных расходов, способен оказаться исполнимым на бумаге и нереальным в жизни. Во всех этих случаях член семьи может не быть стороной обязательства перед кредитором, однако последствия судебного акта для него вполне конкретны.

Отсюда возникает процессуальный вопрос, который в действующей модели решен лишь частично. Кто и каким образом должен довести до суда сведения о положении лица, непосредственно затронутого решением? Право на судебную защиту, закрепленное статьей 46 Конституции Российской Федерации, теряет значительную часть практического содержания, если заинтересованное лицо узнает о вмешательстве лишь после принятия акта и вынуждено начинать защиту с его обжалования.

Цель статьи состоит в обосновании минимального процессуального статуса членов семьи должника. Автор исходит из ограниченной конструкции. Родство само по себе не дает оснований вводить человека в каждый эпизод банкротного дела. Но когда конкретный вопрос прямо связан с его правом и возможные последствия существенны, процесс должен предоставить такому лицу возможность быть услышанным до принятия решения. Именно границы этой конструкции, а не расширение состава участников как самоцель, составляют предмет исследования.

2. Конституционно-правовое основание участия семьи в деле о банкротстве

Конституционное основание предлагаемой модели образуется на пересечении нескольких гарантий, причем простого перечисления статей здесь недостаточно. Статья 40 Конституции Российской Федерации защищает жилищную сферу, статья 38 требует учитывать охрану семьи и детства, а социальная характеристика государства, закрепленная статьей 7, не позволяет оценивать правовое регулирование без внимания к последствиям для уязвимых лиц. Однако материальная гарантия остается неполной, если сведения о затрагиваемом интересе не могут попасть в процесс до принятия решения. Эту связующую функцию выполняет статья 46 – судебная защита предполагает реальную возможность представить суду обстоятельства, от которых зависит сохранение защищаемого права.

Для банкротства гражданина такая связь имеет вполне прикладное содержание. Например, вопрос о реализации жилья одновременно касается объема удовлетворения требований кредиторов и условий проживания семьи. Спор о сумме, сохраняемой должнику, может оказаться спором о фактическом содержании ребенка. Поэтому семейные обстоятельства входят в судебную оценку не из-за абстрактной «социальности» банкротства, а тогда, когда без них невозможно установить действительную цену вмешательства.

Эту логику подтверждает развитие конституционно-судебной практики. В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2021 г. № 15-П, посвященном пределам исполнительского иммунитета единственного жилья гражданина-банкрота, допустимость вмешательства была связана с судебной оценкой конкретных обстоятельств и обеспечением должнику и членам его семьи жилища, не меньшего по площади, чем предусмотрено нормами предоставления жилья на условиях социального найма. В Постановлении от 14 апреля 2022 г. № 15-П Суд рассматривал уже иную ситуацию – сохранение в конкурсной массе средств на несовершеннолетнего ребенка – и отверг подход, при котором обязанность второго родителя механически уменьшает защищаемый минимум без исследования реального содержания ребенка. Эти дела различны по предмету, но сходятся в одном – социально значимый результат нельзя выводить только из формального статуса имущества или общей семейно-правовой обязанности.

Показательно и Постановление от 4 июня 2024 г. № 28-П о средствах, оставшихся после реализации единственного ипотечного жилья. Конституционный Суд связал решение вопроса об исполнительском иммунитете с фактическими жилищными потребностями должника и членов его семьи, одновременно допустив учет недобросовестного поведения. Здесь особенно ясно видна необходимость индивидуализированной оценки, один и тот же формальный объект – денежный остаток после продажи жилья – требует анализа семейной ситуации, поведения участников и последствий для жилищной обеспеченности.

При этом из названных постановлений нельзя прямо вывести уже готовый «процессуальный статус семьи», Конституционный Суд его не формулировал. Это принципиальная оговорка. Материально-правовые позиции Суда служат основанием для следующего, авторского шага – если результат зависит от состава семьи, условий проживания, фактического содержания ребенка и иных конкретных обстоятельств, процесс должен иметь канал для поступления этих сведений от лица, чьи права затрагиваются. В таком понимании минимальный процессуальный статус является не пересказом позиции Конституционного Суда, а предлагаемым способом ее последовательной реализации в банкротном судопроизводстве.

Сходную мысль высказывал Н. С. Бондарь, писавший о конституционном правосудии как о поиске баланса власти и свободы. Защитить право, по его логике, нельзя одним лишь провозглашением ценности – нужна юридическая проверка самой меры вмешательства. Применительно к нашей теме отсюда вытекает довольно простое соображение. Убедительно мотивировать соразмерность на неполной фактической базе попросту не получится. Когда сведения о семье суд получает только от должника (а порой не исследует их вовсе), оценка последствий превращается в предположение, оторванное от реальной жизненной ситуации.

3. Пробелы действующей процессуальной модели

Было бы неверно утверждать, будто действующее право вовсе игнорирует членов семьи должника. Возможности для них существуют, просто разбросаны по разным

правовым конструкциям. Так, АПК РФ описывает круг лиц, участвующих в деле, допускает привлечение третьих лиц, а лицу, которое в деле не участвовало, оставляет право обжаловать акт, если суд разрешил вопрос о его правах и обязанностях. Свой инструмент имеется и в Законе о банкротстве – там отдельно учтен режим общего имущества супругов. Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации также последовательно конкретизируют положение супруга и бывшего супруга в имущественных спорах.

Проблема состоит в отсутствии общего основания, которое срабатывало бы до принятия судебного акта. Супружеский имущественный интерес правопорядок распознает сравнительно хорошо. Существует объект совместной собственности, доля, сделка, требование о разделе. Положение ребенка устроено иначе. Его интерес может проявляться через фактическое проживание, объем содержания, доступ к лечению или необходимость сохранить конкретную жизненную среду. Такой интерес труднее «увидеть» средствами классического имущественного спора, хотя последствия решения для ребенка могут быть тяжелее.

Есть и временной разрыв. Если член семьи не был извещен, защита нередко начинается после принятия акта. Формально возможность обжалования существует, но она не равноценна участию при первоначальном установлении фактов. К этому моменту спор уже получил определенную процессуальную рамку, доказательства исследованы, а затронутое лицо вынуждено объяснять, почему обстоятельства, ранее не представленные суду, вообще должны изменить состоявшийся вывод.

Поэтому требуется критерий, который одновременно отсекает участие родственников, не имеющих собственного затрагиваемого интереса, и не позволит оставить за пределами процесса человека, для которого решение создает непосредственный и серьезный риск. Такой критерий предлагается обозначить как прямое и существенное затрагивание прав.

4. Критерий прямого и существенного затрагивания прав

Первый элемент критерия – прямота воздействия. Между разрешаемым вопросом и положением конкретного лица должна существовать юридически значимая связь. Для супруга ею может быть право на долю в общем имуществе; для ребенка – право пользования жилым помещением или право на содержание; для иждивенца – установленная зависимость от средств должника. Фактическое совместное проживание также может иметь значение, но не как самостоятельный универсальный пропуск в процесс, а как обстоятельство, раскрывающее реальность последствий.

Второй элемент – существенность. Банкротство почти всегда создает неудобства для семьи, и было бы ошибкой превращать каждое из них в процессуальное основание. Порог должен быть выше. Речь идет о риске утраты или серьезного ухудшения жилищных условий, заметном сокращении средств на содержание ребенка, изменении прав на совместное имущество либо о таком воздействии на семейный бюджет, которое ставит под сомнение удовлетворение базовых потребностей. Когда речь идет о несовершеннолетнем, дополнительным аргументом способен стать разрыв устойчивой связи с образовательной или медицинской инфраструктурой – разумеется, лишь при подтверждении этого обстоятельствами дела.

У критерия, как нетрудно заметить, двойное действие. С одной стороны, он сдерживает расширение круга участников – одного родства для входа в спор мало. С другой стороны, связанным оказывается и усмотрение самого

суда. Если прямая связь и существенный риск установлены, относиться к затронутому лицу как к постороннему наблюдателю суд уже не вправе.

Никакой громоздкой дополнительной процедуры для практической проверки не требуется. Суд определяет предмет обособленного спора или ходатайства, соотносит с ним право либо законный интерес члена семьи и уже потом смотрит, насколько серьезны возможные последствия. Подчеркнем, что перед нами последовательность проверки, а не формальный тест из трех галочек. Решающее слово остается за мотивированным выводом суда – есть существенный риск или его нет.

5. Содержание минимального процессуального статуса членов семьи должника

Предлагаемый статус ограничен предметом конкретного вопроса. Член семьи не получает полномочий участника всего дела только потому, что спор о жилье или содержании ребенка затронул его права. За пределами соответствующего эпизода его процессуальное положение не меняется. Эта граница необходима, чтобы новая гарантия не превратилась в параллельную сторону банкротства.

Первое необходимое право – своевременное извещение. Его смысл состоит не в формальной доставке сообщения, а в возможности понять, какой вопрос рассматривается и подготовить позицию. Последующее обжалование не устраняет полностью дефект неизвещения, апелляция начинается уже после того, как первая инстанция сформировала фактические и правовые выводы.

Второе – возможность представить доказательства. Именно член семьи может располагать документами и сведениями о фактическом проживании, расходах на ребенка, лечении, источниках содержания или последствиях переезда. В споре о замещающем жилье, например, абстрактного сравнения площади двух помещений может оказаться недостаточно, если ребенок регулярно получает медицинскую помощь в конкретном месте и перенос проживания объективно меняет доступ к ней. Такие обстоятельства не предрешают спор, но должны иметь процессуальный путь к суду.

Третье право состоит в представлении объяснений и возражений. Затронутое лицо должно иметь возможность показать не только сам вред, но и наличие менее обременительной альтернативы. Особую ценность такая возможность приобретает в ситуациях, когда допустимых вариантов несколько и суду предстоит взвесить соразмерность каждого из них.

Замыкает перечень право обжаловать судебный акт – но только в затрагиваемой части. Эта оговорка принципиальна. Пересматривать все банкротное дело и оспаривать любой вывод суда член семьи не может; жалоба допустима лишь по тому вопросу, который непосредственно повлиял на его собственные права или законные интересы.

В итоге минимальный статус складывается из извещения, возможности представить доказательства, возражения и объяснения, а также ограниченного права обжалования. Подбор элементов не случаен, за каждым стоит свой процессуальный риск. Лицо может попросту не знать о споре; фактическая база может остаться неполной, собственная позиция – непредставленной, а решение – непроверенным вышестоящим судом.

6. Узловые вопросы банкротства, требующие участия семьи

Перечень семейно чувствительных вопросов не должен быть закрытым, однако несколько групп споров обнаруживаются уже в действующей практике.

Прежде всего это единственное жилье. После Постановления Конституционного Суда Российской Федерации № 15-П/2021 спор может касаться не только наличия иммунитета как такового, но и избыточности жилья, условий его реализации и характеристик замещающего помещения. Для семьи различие между этими вопросами вторично, итог способен изменить место и условия проживания. Поэтому сведения о фактическом составе проживающих и последствиях переселения имеют самостоятельное значение.

Вторая группа – общее имущество супругов. Здесь связь с правом супруга наиболее очевидна. Включение объекта в конкурсную массу, определение долей, порядок реализации и оценка внутрисемейных сделок могут непосредственно изменить его имущественное положение. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 мая 2023 г. № 23-П, выявившее пробел в регулировании преимущественного права покупки доли при ее реализации в банкротстве, дополнительно показывает, что банкротная продажа общего имущества способна затрагивать права иных собственников особым образом и требует специальных процессуальных решений.

Третья группа – средства на содержание детей и иждивенцев. Конкретный ориентир здесь дает Постановление № 15-П/2022. Суть его сводится к тому, что формальная ссылка на равную обязанность родителей содержать ребенка не освобождает суд от исследования фактической ситуации. Идет ли спор о прожиточном минимуме, алиментах, пособиях или иных целевых средствах – суду в любом случае нужны данные о том, кто реально несет расходы и какие потребности требуют обеспечения.

Четвертую группу образуют споры вокруг плана реструктуризации. Арифметически исполнимый план вполне может оказаться нежизнеспособным. Средства на обязательные платежи кредиторам в нем предусмотрены, а вот постоянное лечение ребенка, содержание иждивенца или объективные жилищные затраты остались за скобками. Семейные данные в подобном споре служат не освобождению должника от обязанностей – они позволяют проверить, реалистичен ли сам план.

Последняя ситуация – переход конфликта из внесудебной процедуры в судебную. Внесудебное банкротство как таковое построено на формальных критериях, постоянное участие семьи ему не нужно. Иное дело, когда возникает судебный спор об имуществе, добросовестности или прекращении процедуры, а его исход прямо отражается на правах ребенка либо иждивенца. Игнорировать критерий прямого и существенного затрагивания в такой момент нет никаких оснований.

7. Участие органа опеки и попечительства как гарантия интересов несовершеннолетних

Сам по себе факт, что у должника есть ребенок, еще не повод привлекать орган опеки и попечительства ко всему делу. Подобная модель избыточна – содержательная гарантия при ней быстро выродилась бы в формальность. Основание для привлечения появляется лишь тогда, когда конкретное решение создает реальный риск серьезного ухудшения жилищного, имущественного или социального положения несовершеннолетнего.

Роль органа опеки не совпадает ни с ролью суда, ни с ролью законного представителя. Спор он не разрешает, дополнительным кредитором или защитником должника не становится. От него требуется другое – профессионально оценить, чем решение обернется для ребенка. Сохранится ли приемлемая жилищная обеспеченность? Как изменится доступ к лечению и обучению? Не упадет ли после изъятия средств содержание ниже необходимого уровня? На такие вопросы его заключение и должно отвечать.

Четыре ситуации напрашиваются сами собой. Это реализация единственного жилья, где фактически живет ребенок; определение параметров замещающего помещения или денежной суммы на его покупку; спор о средствах на содержание несовершеннолетнего; наконец, любое иное решение, способное – при подтверждении материалами дела – серьезно изменить условия проживания, обучения либо лечения. Пользоваться этим перечнем стоит как ориентиром, а не как автоматическим набором оснований.

Суд заключением органа опеки не связан. Такое заключение – лишь одно из доказательств; суд оценивает его наряду с остальными и при мотивированном несогласии вправе отвергнуть. Однако когда риск для ребенка очевиден, а профессиональной оценки последствий в деле нет вовсе, это уже требует отдельного объяснения. В противном случае ссылка на интересы несовершеннолетнего рискует так и остаться декларацией.

Никакого семейного иммунитета от банкротства подобное участие, разумеется, не создает. Задача у него куда скромнее – встроить интерес ребенка в фактическую и аргументационную ткань судебного решения.

8. Нормативная институционализация минимального статуса

Внедрять модель разумно поэтапно. Для начала общий ориентир мог бы сформулировать Верховный Суд Российской Федерации в разъяснениях по делам о банкротстве граждан. Смысл разъяснения видится таким – когда предмет обособленного спора прямо связан с правом члена семьи, а возможные последствия для этого права существенны, суд извещает такое лицо и дает ему высказаться в пределах соответствующего вопроса. Достоинство этого пути в том, что подход удастся обкатать на практике, не перестраивая закон немедленно.

Однако для устойчивого решения предпочтительно законодательное закрепление. Главу X Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» целесообразно дополнить нормой о предметно ограниченном участии членов семьи. В ней следует назвать критерий прямого и существенного затрагивания прав и минимальные возможности лица (извещение, представление доказательств, объяснений и возражений, обжалование акта в затрагивающей части). Упоминание жилья, общего имущества супругов, содержания несовершеннолетних и плана реструктуризации может служить перечнем типовых ситуаций, но не заменять сам критерий.

Отдельная норма необходима для органа опеки и попечительства. Обязанность запросить заключение следует связывать не с фактом наличия детей, а с установленным риском существенного ухудшения положения несовершеннолетнего. Такая формула одновременно предотвращает массовое формальное привлечение органа опеки и дает суду понятное основание для его участия.

Предлагаемая институционализация точечна. Она не меняет очередность удовлетворения требований, состав процедур или полномочия финансового управляющего. Меняется момент, в который затронутое лицо получает голос до принятия решения, а не только после него. Это способно уменьшить и число последующих конфликтов, поскольку фактические обстоятельства исследуются в первой инстанции, когда спор еще не обременен необходимостью пересмотра уже сформированных выводов.

Минимальный процессуальный статус, таким образом, нужен и самой процедуре. Более полная фактическая база дела делает мотивировку проверяемой, из судебного акта должно быть видно, какие семейные последствия уста-

новлены, почему они признаны существенными либо не-существенными и каким образом соотнесены с правами кредиторов.

Заключение

Проведенное исследование приводит к пяти основным выводам.

Во-первых, семейные последствия банкротства гражданина имеют юридическое значение не сами по себе, а в тех случаях, когда конкретный судебный вопрос способен изменить права или законные интересы супруга, ребенка либо иждивенца. Наиболее очевидные примеры связаны с жильем, общим имуществом, средствами на содержание и реструктуризацией долгов.

Во-вторых, действующее регулирование содержит отдельные защитные механизмы, но не дает общего стандарта раннего включения затронутого члена семьи в процесс. Особенно заметен разрыв между сравнительно развитой защитой имущественного интереса супруга и менее определенным процессуальным положением несовершеннолетнего.

В-третьих, решение не требует превращения семьи в самостоятельную сторону всего дела. Предлагаемый статус привязан к конкретному вопросу и охватывает четыре возможных доказательства, объяснений и возражений, а также обжалование акта в затрагивающей части.

В-четвертых, основанием участия призван служить критерий прямого и существенного затрагивания прав. От суда он требует сперва найти связь между предметом спора и правом конкретного лица, а затем взвесить, насколько серьезными могут оказаться последствия. Одного родства, не подкрепленного такой связью, мало.

В-пятых, когда возникает реальный риск серьезного ухудшения положения несовершеннолетнего, к процессуальной оценке стоит подключать орган опеки и попечительства. Спор его заключение не предreshает – оно лишь снабжает суд профессионально подготовленными сведениями о том, чем решение обернется для ребенка.

Общий авторский вывод таков. Материальные семейные и жилищные гарантии, уже развитые практикой Конституционного Суда Российской Федерации, останутся неполными без процессуального канала, по которому сведения о семье попадают в дело. Минимальный статус членов семьи и предлагается в качестве такого канала. Он открывает возможность исследовать семейные последствия там, где они по-настоящему серьезны, причем без ломки сложившейся архитектуры банкротного дела и без ослабления защиты прав кредиторов.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом последующих поправок).
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ.
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ.
5. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ.
6. Об опеке и попечительстве: Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ.
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2005 г. № 12-П.
8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2021 г. № 15-П.
9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 апреля 2022 г. № 15-П.

10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 мая 2023 г. № 23-П.
11. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2024 г. № 11-П.
12. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июня 2024 г. № 28-П.
13. О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 г. № 45.
14. О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 48.
15. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 г. № 40.
16. Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан, утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 июня 2025 г.
17. Авакьян С. А. Конституционное право России. учебный курс: в 2 т. Т. 1. М.: Норма; ИНФРА-М, 2020.
18. Бондарь Н. С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. М.: Юстицинформ, 2005.
19. Антокольская М. В. Семейное право: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма; ИНФРА-М, 2013.
20. Нечаева А. М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики: монография. М.: Юрайт-Издат, 2007.
21. Крашенинников П. В. Жилищное право. 12-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2020.
22. Уксусова Е. Е. Дела о несостоятельности (банкротстве) в арбитражном судопроизводстве: особенности правового регулирования // Журнал российского права. 2017. № 9. С. 88-99.
23. Карелина С. А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности: монография. М.: Волтерс Клувер, 2008.
24. Попондопуло В. Ф. Банкротство. Правовое регулирование: научно-практическое пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016.
25. Ramsay I. Personal Insolvency in the 21st Century: A Comparative and Empirical Study. Oxford; Portland: Hart Publishing, 2017.

Minimum Procedural Status of Debtor's Family Members in a Citizen's Bankruptcy Case: Constitutional Grounds and Limits of Participation
Budakov T.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
 The article examines the procedural position of family members of an individual debtor in those parts of personal insolvency proceedings where a judicial decision may directly alter their housing, property or socially significant position. It argues that Russian law contains separate protective mechanisms for spouses, former spouses and other affected persons but does not establish a coherent standard of family participation. The author proposes a criterion of direct and substantial impact on rights and links it to a limited, issue-specific procedural status comprising notification, the opportunity to submit evidence and objections, and the right to appeal the judicial act insofar as it affects the person concerned. Particular attention is paid to the participation of guardianship authorities where there is a real risk of substantial deterioration in a minor's position. The proposed model does not turn family members into parties to the entire bankruptcy case; its purpose is to provide the court with the factual basis required for proportionality review in family-sensitive matters.

Keywords: personal insolvency; bankruptcy; family members of the debtor; procedural status; right to judicial protection; guardianship authority; minors; housing rights; good faith; Constitutional Court of the Russian Federation.

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (as subsequently amended).
2. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002, No. 95-FZ.
3. Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002, No. 138-FZ.
4. Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995, No. 223-FZ.
5. On Insolvency (Bankruptcy): Federal Law of October 26, 2002, No. 127-FZ.
6. On Guardianship and Trusteeship: Federal Law of April 24, 2008, No. 48-FZ.
7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 19, 2005 No. 12-P.
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 26, 2021 No. 15-P.
9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 14, 2022 No. 15-P.
10. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 16, 2023 No. 23-P.
11. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 19, 2024 No. 11-P.
12. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 4, 2024 No. 28-P.
13. On Certain Issues Related to the Implementation of Procedures Applied in Insolvency (Bankruptcy) Cases of Individuals: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 13, 2015 No. 45.
14. On Certain Issues Related to the Specifics of Formation and Distribution of Bankruptcy Estates in Bankruptcy Cases of Individuals: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018 No. 48.
15. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 17, 2024 No. 40.
16. Review of Judicial Practice in Bankruptcy Cases of Individuals. Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 18, 2025.
17. Avakyan S. A. Constitutional Law of Russia. Study Course: in 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Norma; INFRA-M, 2020.
18. Bondar N. S. Power and Freedom on the Scales of Constitutional Justice: Protection of Human Rights by the Constitutional Court of the Russian Federation. Moscow: Yustitsinform, 2005.
19. Antokolskaya M. V. Family Law: Textbook. 3rd revised and enlarged edition. Moscow: Norma; INFRA-M, 2013.
20. Nechaeva A. M. Family Law: Current Issues of Theory and Practice: Monograph. Moscow: Yurait-Izdat, 2007.
21. Krashenninnikov P. V. Housing Law. 12th revised and enlarged edition. Moscow: Statut, 2020.
22. Uksusova E. E. Insolvency (Bankruptcy) Cases in Arbitration Proceedings: Features of Legal Regulation // Journal of Russian Law. 2017. No. 9. Pp. 88-99.
23. Karelin S. A. Mechanism of Legal Regulation of Insolvency Relations: Monograph. Moscow: Wolters Kluwer, 2008.
24. Popondopulo V. F. Bankruptcy. Legal Regulation: Scientific and Practical Handbook. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Prospect, 2016.
25. Ramsay I. Personal Insolvency in the 21st Century: A Comparative and Empirical Study. Oxford; Portland: Hart Publishing, 2017.

Теоретические основы концепции нормативно-правового обеспечения защиты прав субъектов экономической деятельности в условиях цифровой трансформации в Российской Федерации

Васиян Роман Иванович

доцент Департамента гуманитарного и социально-экономического образования, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, R_Vasiyan@mail.ru

Статья посвящена формированию теоретических основ концепции нормативно-правового обеспечения защиты прав субъектов экономической деятельности в условиях цифровой трансформации. Актуальность темы определяется тем, что цифровая среда изменила способы совершения юридически значимых действий, характер взаимодействия участников рынка, структуру информационных потоков и механизмы возникновения правовых рисков. В этих условиях защита прав субъектов экономической деятельности уже не может строиться исключительно на традиционных правовых средствах, сформированных применительно к аналоговой модели оборота. Цель исследования состоит в раскрытии теоретического содержания концепции нормативно-правового обеспечения защиты прав субъектов экономической деятельности в цифровой сфере, определении ее понятийного аппарата, базовых направлений и принципов. В работе использованы формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и интерпретационный методы, а также анализ законодательства, судебной практики и научной литературы. Обосновано, что рассматриваемая концепция должна строиться как комплексная система, включающая частноправовые, публично-правовые и технико-юридические элементы. Показано, что ключевыми направлениями ее развития являются уточнение правового статуса цифровых платформ и агрегаторов, разграничение охраны и защиты информации, конкретизация режима персональных данных, выработка специального подхода к регулированию больших данных, а также закрепление системы принципов защиты прав в цифровой среде. Сделан вывод о необходимости согласования аналоговых и цифровых регуляторов, усиления правовой определенности и обеспечения баланса частных и публичных интересов в цифровой экономике.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровая экономика, защита прав, нормативно-правовое обеспечение, субъекты экономической деятельности, цифровые платформы, персональные данные, большие данные, цифровая идентичность, информационная безопасность.

Введение

Цифровая трансформация экономики изменила не только технические способы ведения хозяйственной деятельности, но и юридическую структуру отношений между участниками оборота. Значительная часть сделок совершается через цифровые платформы, автоматизированные интерфейсы, системы удаленной идентификации, алгоритмические механизмы обработки данных и цифровые платежные сервисы. В результате право сталкивается с необходимостью реагировать на такие формы нарушения интересов участников рынка, которые ранее не имели самостоятельного значения либо не обладали сопоставимым масштабом.

В этих условиях защита прав субъектов экономической деятельности приобретает комплексный характер. Она уже не сводится к восстановлению нарушенного права после совершения противоправного действия, а включает систему предупредительных, обеспечительных и восстановительных средств, связанных с оборотом данных, функционированием цифровых посредников, использованием алгоритмов и доступом к платформенной инфраструктуре. Тем самым меняется сама логика нормативно-правового обеспечения: в цифровой среде правовое регулирование должно учитывать не только поведение участников, но и архитектуру тех систем, через которые такое поведение реализуется [1; 7; 8].

Понятие концепции в данном исследовании понимается как внутренне согласованная система понятий, положений и принципов, раскрывающих содержание нормативно-правового обеспечения защиты прав субъектов экономической деятельности в цифровой сфере. Такая концепция необходима не только для описания уже существующих правовых решений, но и для определения направлений дальнейшего развития законодательства. Ее значение состоит в том, что она позволяет связать в единую систему частноправовые средства защиты, публично-правовые механизмы контроля, специальные нормы цифрового права и технико-юридические регуляторы, действующие на уровне платформ и цифровых сервисов [6–8].

Актуальность разработки подобной концепции обусловлена несколькими обстоятельствами. Цифровая экономика создает новые формы юридической зависимости участников от платформенной инфраструктуры. Обработка персональных данных и больших массивов информации становится самостоятельным экономическим ресурсом. Вопросы доступа к цифровой среде, блокирования аккаунтов, алгоритмического ранжирования, навязывания сопутствующих сервисов и автоматизированного исполнения операций приобретают выраженное правовое значение. Это требует более точного понятийного аппарата, согласования различных уровней регулирования и выработки общих принципов защиты прав в цифровой среде [2–6].

Цель исследования состоит в раскрытии теоретических основ концепции нормативно-правового обеспечения защиты прав субъектов экономической деятельности в условиях цифровой трансформации в Российской Федерации. Для достижения этой цели необходимо определить структуру соответствующего понятийного ряда, раскрыть основные категории, описать значение баланса

частных и публичных интересов и сформулировать систему принципов, на которых может строиться дальнейшее развитие законодательства и правоприменительной практики.

Материалы и методы исследования

Материал исследования составили Конституция Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, законодательство об информации, информационных технологиях, персональных данных, защите прав потребителей, цифровых финансовых активах, а также акты, регулирующие деятельность цифровых платформ и иные сегменты цифровой экономики. Дополнительно были использованы правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и научные работы, посвященные правовому режиму данных, цифровых посредников, информационной безопасности и защите прав участников цифрового оборота [1–8].

Методологическую основу исследования образуют формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и интерпретационный методы. Формально-юридический метод позволил установить содержание действующих нормативных предписаний и выявить пробелы понятийного регулирования. Системный подход был использован для анализа защиты прав субъектов экономической деятельности как целостного институционального комплекса, включающего гражданско-правовые, административно-правовые, информационно-правовые и технически опосредованные механизмы. Сравнительно-правовой метод дал возможность соотнести отечественные решения с общими тенденциями международного и зарубежного регулирования. Интерпретационный метод применялся при анализе ключевых категорий, в том числе понятий концепции, защиты, охраны, цифровой идентичности, публичного интереса и правового режима данных.

Использование указанных методов обусловлено спецификой самой темы. Исследуемый предмет находится на пересечении нескольких правовых режимов, а потому его анализ невозможен в рамках исключительно отраслевого подхода. Цифровая среда требует согласования традиционных юридических конструкций с новыми формами технологического посредничества. Следовательно, концепция нормативно-правового обеспечения защиты прав должна строиться как многоуровневая модель, в которой учитывается не только содержание нормы, но и та цифровая среда, в которой она реализуется.

Результаты и обсуждение

Теоретическая модель нормативно-правового обеспечения защиты прав субъектов экономической деятельности в цифровой среде предполагает наличие упорядоченного понятийного ряда. В него входят категории, описывающие нормативные основы цифрового регулирования, субъекты и объекты защиты, формы цифрового взаимодействия, характер правовых угроз и систему правовых средств, применяемых для предупреждения нарушения и восстановления нарушенного права.

В цифровой среде правовое регулирование строится не только на общих нормах гражданского, административного и информационного законодательства. Существенную роль играют специальные правила, закрепляющие режим цифровых прав, обработки данных, использования платформ, а также технико-юридические нормы, действующие на уровне пользовательских соглашений, интерфейсных ограничений, цифровой идентификации и алгоритмических процедур. В результате защита прав субъектов экономической деятельности оказывается встроенной одновременно в государственное законодательство и в частно организованную цифровую инфраструктуру [7; 8].

С теоретической точки зрения это означает, что концепция нормативно-правового обеспечения не может строиться как простая совокупность норм. Она должна охватывать более широкий круг явлений: правовые принципы, юридические режимы, институциональные механизмы контроля, локальные регуляторы цифровых платформ и способы согласования аналоговых и цифровых средств защиты. Именно в этом заключается ее концептуальная функция.

Одним из важнейших направлений исследуемой концепции является защита личных неимущественных благ в цифровой среде. Для субъектов экономической деятельности этот вопрос имеет не только общегражданское, но и прикладное значение, поскольку цифровой профиль, деловая репутация, идентификационные данные, сведения о платежном поведении и иные элементы цифровой идентичности становятся частью экономического участия лица в рынке. Их неправомерное использование способно повлечь не только нарушение частной сферы, но и имущественные последствия.

В этой связи категория цифровой идентичности приобретает самостоятельное правовое значение. Она отражает ту совокупность признаков, цифровых следов и идентификаторов, посредством которых лицо участвует в экономическом обороте и может быть распознано в цифровой среде. Защита цифровой идентичности должна рассматриваться как элемент общей системы защиты прав, а не как частный технический вопрос кибербезопасности. Для права имеет значение не только сам факт несанкционированного доступа к данным, но и последствия такого доступа для правоспособности, деловой активности, репутации и свободы участия в экономической деятельности [1; 4; 6].

Значение концептуального подхода здесь состоит в том, что защита личных благ в цифровой среде должна быть встроена в общую систему правовых гарантий. Этот тезис соотносится с более широким представлением о самоопределении субъекта в культурной и нормативной среде, поскольку любое регулирование, претендующее на системность, должно учитывать ценностную составляющую правового статуса личности [9; 10]. В условиях цифровой трансформации это означает, что правовая защита не может быть сведена исключительно к обработке обезличенных массивов данных; она должна исходить из признания личности как носителя прав, интересов и правомерных ожиданий.

Концепция нормативно-правового обеспечения защиты прав субъектов экономической деятельности не может ограничиваться частноправовым измерением. Цифровая среда связывает экономическую активность с оборотом информации, которая затрагивает интересы государства, общества, безопасности и устойчивости критической инфраструктуры. Поэтому наряду с частными интересами участников оборота возникает необходимость правовой охраны публично значимой информации и регулирования доступа к ней.

Здесь особое значение приобретает разграничение охраны и защиты. Охрана направлена на предупреждение угроз, формирование допустимого режима обращения информации, установление требований к безопасности, идентификации, хранению и контролю доступа. Защита актуализируется тогда, когда нарушение уже произошло либо существует реальная угроза такого нарушения. Для цифровой экономики это различие имеет прикладное значение, поскольку правовые меры, ориентированные на предупредительный режим, не совпадают по содержанию с мерами восстановления, пресечения и ответственности.

Включение в концепцию категории публично-правовой информации позволяет преодолеть чрезмерно узкий

частноправовой взгляд на цифровой оборот. Экономическая деятельность в цифровой среде неизбежно связана с вопросами суверенитета данных, противодействия мошенничеству, правомерности трансграничного обмена информацией, защиты от злоупотреблений платформенной властью и устойчивости цифровой инфраструктуры. Следовательно, система защиты прав субъектов экономической деятельности должна быть соотнесена с задачами публичной безопасности, но не подменяться ими.

В современной цифровой экономике платформы и агрегаторы занимают положение, которое не укладывается в классические схемы продавца, исполнителя или информационного посредника. Они организуют среду взаимодействия, формируют обязательные правила доступа, управляют интерфейсом сделки, контролируют информационный обмен, а в ряде случаев участвуют в расчетах, доставке, модерации споров и рейтинговой оценке участников.

Поэтому в системе нормативно-правового обеспечения защиты прав субъектов экономической деятельности платформа должна рассматриваться как особый участник правоотношений, обладающий собственным регулятивным ресурсом. Ее правовой статус определяется не только формальными условиями пользовательского соглашения, но и фактическим объемом влияния на возникновение, изменение и прекращение экономических связей между иными субъектами. Именно эта функциональная роль делает вопрос о защите прав пользователей платформ особенно значимым [5; 7; 8].

Правовой анализ показывает, что для данной сферы характерно совмещение частногоправового и технико-юридического регулирования. Пользователь формально присоединяется к соглашению, однако реальные параметры участия в цифровой среде определяются заранее заданной архитектурой платформы. Вследствие этого защита прав участников требует не только традиционных исковых и административных механизмов, но и правовой оценки самих правил платформенного функционирования. На этом основании в концепцию нормативно-правового обеспечения должны быть включены положения о мониторинге платформенных правил, контроле их соответствия законодательству и недопустимости ущемления прав пользователей через цифровой интерфейс, настройки по умолчанию или непрозрачные условия присоединения.

Цифровая трансформация делает проблему баланса частных и публичных интересов не вспомогательной, а центральной для правового регулирования. В условиях платформенной экономики субъект стремится к защите автономии, свободы договора, конфиденциальности, устойчивости цифрового профиля и экономической предсказуемости. Одновременно государство заинтересовано в обеспечении безопасности, контроля над критической инфраструктурой, прозрачности оборота данных, противодействии мошенничеству и защите общественных интересов.

Баланс между этими интересами не может рассматриваться как заранее заданная и неизменная пропорция. Его содержание зависит от характера конкретных отношений, уровня цифрового риска, категории участников, экономических последствий нарушения и степени угрозы для публичной безопасности. В одних ситуациях приоритет должен отдаваться частной автономии, в других — допустимо усиление публично-правового регулирования. Однако в любом случае ограничение частных прав должно оставаться правомерным, необходимым, соразмерным и юридически определенным.

Именно поэтому иерархический уровень понятийной системы концепции предполагает включение критериев соразмерности, правовой определенности, недопустимости избыточного вмешательства и сохранения судебной

защиты. Такая конструкция позволяет избежать как абсолютизации частногоправового усмотрения цифровых платформ, так и неоправданного расширения публичной власти в сфере цифрового оборота.

Содержательное ядро исследуемой концепции образует система принципов. К ним относится принцип сочетания традиционных правовых средств с цифровыми способами защиты. Цифровая среда не отменяет гражданско-правовых, административно-правовых и судебных механизмов, но требует их адаптации к новым способам фиксации нарушения, идентификации участников и доказывания обстоятельств дела.

Существенное значение имеет принцип системности и безопасности. Защита прав субъектов экономической деятельности не должна ограничиваться отдельными реактивными мерами. Она должна строиться как система, включающая предупреждение нарушений, правовой мониторинг, технические средства контроля, защиту цифровой идентичности и возможность оперативного восстановления нарушенного положения.

Неотъемлемым элементом концепции выступает принцип недопустимости дискриминации и ограничения доступа к судебной защите. Цифровая инфраструктура не должна использоваться как средство произвольного исключения участников из рынка, блокирования доступа к платформенным сервисам либо создания скрытых преимуществ для отдельных категорий пользователей.

К числу значимых относится и принцип защиты прав как элемента свободы экономической деятельности. Свобода предпринимательства в цифровой среде не исчерпывается возможностью заключать сделки. Она включает право на стабильный и правомерный доступ к платформенной среде, защиту от навязанных условий, право на юридически определенный режим обращения данных и право на эффективное обжалование действий цифровых посредников.

Отдельного выделения заслуживает принцип государственного регулирования и мониторинга цифровой среды. При высокой концентрации платформенной власти и зависимости рынка от цифровой инфраструктуры государство не может ограничиться ролью внешнего наблюдателя. Оно должно обеспечивать контроль над соответствием платформенных правил законодательству, пресекать злоупотребления, защищать потребителей и обеспечивать правовую определенность оборота.

Значение имеет и принцип гармонизации правовых подходов в рамках интеграционных объединений, в том числе ЕАЭС. Экономическая деятельность в цифровой среде имеет трансграничный характер, поэтому различие терминологии, режимов ответственности и стандартов защиты прав участников затрудняет устойчивое развитие цифрового рынка. Концепция нормативно-правового обеспечения должна учитывать данное обстоятельство и ориентироваться на согласование базовых подходов к защите прав субъектов цифровой экономики.

Выводы

Теоретические основы концепции нормативно-правового обеспечения защиты прав субъектов экономической деятельности в условиях цифровой трансформации должны рассматриваться как система взаимосвязанных правовых положений, объединяющих частноправовые, публично-правовые и технико-юридические элементы регулирования.

Цифровая среда изменила характер правовых рисков, структуру экономического взаимодействия и способы реализации субъективных прав. Вследствие этого защита прав участников цифрового оборота уже не может строиться исключительно в рамках традиционных аналоговых

конструкций. Она требует согласования законодательства, судебной практики, платформенных правил и технических процедур, влияющих на экономическое положение субъекта.

Содержательная структура концепции включает понятийные основания, категории защиты личных благ и цифровой идентичности, режим публично значимой информации, правовой статус платформ и посреднических цифровых сервисов, а также механизм балансирования частных и публичных интересов.

Ключевое значение для дальнейшего развития законодательства имеет закрепление системы принципов защиты прав в цифровой среде. К ним относятся системность, безопасность, недискриминация, обеспечение судебной защиты, защита цифровой идентичности, правовая определенность платформенных правил, сочетание аналоговых и цифровых способов защиты, а также мониторинг цифровой инфраструктуры.

Совершенствование нормативно-правового обеспечения защиты прав субъектов экономической деятельности должно быть ориентировано не на фрагментарное добавление новых норм, а на формирование согласованной правовой модели цифрового оборота. Только при таком подходе возможно обеспечить устойчивость экономических отношений, реальную защиту прав участников рынка и доверие к праву как к регулятору цифровой экономики.

Литература

1. Савельев А. И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» (Big Data) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1. С. 43–66.
2. Рожкова М. А. Характеристики больших данных, значимые для целей гражданского права // Хозяйство и право. 2019. № 6. С. 22–28.
3. Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Большие данные: в поисках места в системе гражданского права // Закон. 2018. № 11. С. 106–123.
4. Шайдуллина В. К. Большие данные и защита персональных данных: основные проблемы теории и практики правового регулирования // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 1.
5. Амбарцумов Р. А. Правовое регулирование технологий «Big Data» в Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. 2019. Вып. 4. С. 6–10.
6. Войниканис Е. А. Регулирование больших данных и право интеллектуальной собственности: общие подходы, проблемы и перспективы развития // Закон. 2020. № 7. С. 135–156.
7. Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2020. 640 с.
8. Право цифровой среды : монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. М. : Проспект, 2022. 896 с.
9. Кохичко, А. Н. Самоопределение младшего школьника в русской национальной культуре / А. Н. Кохичко. – Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. – 371 с. – ISBN 978-3-659-35331-4. – EDN DRUNGI.
10. Никитина, Е. Ю. Концепт как базовое понятие методики обучения младших школьников русскому (родному) языку / Е. Ю. Никитина, А. Н. Кохичко // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2010. – № 3. – С. 142–149. – EDN MQPHQN.

Theoretical foundations of the concept of legal and regulatory support for the protection of the rights of economic entities under digital transformation in the Russian Federation

Vasiyan R.I.

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

The article is devoted to the development of the theoretical foundations of the concept of legal and regulatory support for the protection of the rights of economic entities under digital transformation. The relevance of the topic is determined by the fact that the digital environment has changed the ways legally significant actions are performed, the nature of market interaction, the structure of information flows, and the mechanisms through which legal risks arise. Under these conditions, the protection of the rights of economic entities can no longer rely solely on traditional legal remedies developed for the analogue model of circulation. The purpose of the study is to reveal the theoretical content of the concept of legal support for the protection of the rights of economic entities in the digital sphere, to determine its conceptual framework, key directions, and principles. The study is based on formal legal, systemic, comparative legal, and interpretative methods, as well as the analysis of legislation, judicial practice, and academic literature. It is substantiated that the concept under consideration should be built as a comprehensive system including private-law, public-law, and techno-legal elements. It is shown that its key directions include clarification of the legal status of digital platforms and aggregators, differentiation between safeguarding and protection of information, specification of the legal regime of personal data, elaboration of a special approach to big data regulation, and the consolidation of a system of principles for protecting rights in the digital environment. It is concluded that analogue and digital regulators must be coordinated, legal certainty strengthened, and a balance between private and public interests ensured in the digital economy.

Keywords: digital transformation, digital economy, protection of rights, legal and regulatory support, economic entities, digital platforms, personal data, big data, digital identity, information security.

References

1. Savel'ev A. I. Problemy primeneniya zakonodatel'stva o personal'nykh dannykh v epokhu «Bol'shikh dannykh» (Big Data). Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki, 2015, no. 1, pp. 43–66.
2. Rozhkova M. A. Kharakteristiki bol'shikh dannykh, znachimye dlya tselei grazhdanskogo prava. Khozyaistvo i pravo, 2019, no. 6, pp. 22–28.
3. Sergeev A. P., Tereshchenko T. A. Bol'shie dannye: v poiskakh mesta v sisteme grazhdanskogo prava. Zakon, 2018, no. 11, pp. 106–123.
4. Shaidullina V. K. Bol'shie dannye i zashchita personal'nykh dannykh: osnovnye problemy teorii i praktiki pravovogo regulirovaniya. Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo, 2019, no. 1.
5. Ambartsumov R. A. Pravovoe regulirovanie tekhnologii «Big Data» v Rossiiskoi Federatsii. Voprosy rossiiskoi yustitsii, 2019, issue 4, pp. 6–10.
6. Voinikanis E. A. Regulirovanie bol'shikh dannykh i pravo intellektual'noi sobstvennosti: obshchie podkhody, problemy i perspektivy razvitiya. Zakon, 2020, no. 7, pp. 135–156.
7. Tsifrovoe pravo: uchebnik / ed. by V. V. Blazheev, M. A. Egorova. Moscow, Prospekt, 2020. 640 p.
8. Pravo tsifrovoy sredy: monografiya / ed. by T. P. Podshivalov, E. V. Titova, E. A. Gromova. Moscow, Prospekt, 2022. 896 p.
9. Kokhichko A. N. Samoopredelenie mladshego shkol'nika v russkoi natsional'noi kul'ture. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 371 p.
10. Nikitina E. Yu., Kokhichko A. N. Kontsept kak bazovoe ponyatie metodiki obucheniya mladshikh shkol'nikov russkomu (rodnomu) yazyku. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2010, no. 3, pp. 142–149.

Договорная свобода и ее пределы в условиях цифровизации гражданско-правовых отношений

Ветрова Юлия Сергеевна,

секретарь судебного заседания, Заельцовский районный суд города Новосибирска, yuliavetrov@yandex.ru

Цифровая среда изменила способы согласования, фиксации и исполнения договорных условий, передав часть регулятивных функций программному коду, интерфейсам и правилам платформ. Предмет статьи составляет соотношение договорной свободы с правовыми, организационными и технологическими ограничениями, возникающими при электронной торговле, дистанционном совершении сделок и автоматизированном исполнении обязательств. Цель работы состоит в определении критериев допустимости таких ограничений. Сопоставлены положения гражданского законодательства, акты высших судов, нормы о защите потребителей, информации, персональных данных, электронной подписи, цифровых финансовых активах и платформенной экономике, а также русскоязычные научные публикации 2022–2025 гг. Использованы сравнительный, классификационный и логико-аналитический методы, обобщение и синтез. Установлено, что цифровизация не отменяет содержание принципа свободы договора, но изменяет источники фактического воздействия на волю сторон. Предложена классификация ограничений по их происхождению, механизму действия и охраняемому интересу. Допустимость цифрового ограничения связана с его прозрачностью, правовым основанием, соразмерностью, проверяемостью волеизъявления и доступностью восстановления нарушенного права. Результаты применимы при разработке платформенных соглашений, смарт-контрактов и разрешении споров об электронных сделках.

Ключевые слова: свобода договора, цифровые платформы, электронная сделка, смарт-контракт, договор присоединения, слабая сторона, автоматизированное исполнение, электронная торговля, цифровое волеизъявление, пределы договорной автономии.

Введение

Свобода договора закрепляет возможность самостоятельно решать вопрос о вступлении в обязательственное отношение, выбирать контрагента и договорную модель, определять условия сделки и способы ее исполнения. В цифровой среде эти правомочия реализуются через электронные формы, пользовательские интерфейсы, автоматические настройки, алгоритмы ранжирования и программно заданные операции. Юридически участник сохраняет право выбора, однако перечень доступных действий формирует владелец информационной системы или оператор платформы. Условие может быть выражено в тексте договора, скрыто в последовательности экранов либо встроено в код, который исключает исполнение, отличающееся от запрограммированного сценария.

Российское гражданское законодательство содержит общие средства контроля договорного неравенства. Пункты 1 и 2 статьи 1, статьи 9, 10, 421 и 422 ГК РФ связывают частную автономию с добросовестностью, обязательными предписаниями закона и запретом злоупотребления правом. Статьи 426 и 428 ГК РФ ограничивают усмотрение стороны, определяющей стандартные условия, а нормы о защите потребителей корректируют информационное и переговорное неравенство. Эти положения создавались применительно к договорам, содержание которых можно прочитать, сопоставить и обсудить. Цифровое взаимодействие добавило ограничения, которые действуют через устройство технической среды и потому не всегда распознаются как договорные условия.

Цель исследования состоит в установлении содержания и критериев допустимости ограничений договорной свободы, возникающих при цифровизации гражданско-правовых отношений. Для ее достижения решаются три задачи: определить, какие элементы договорной автономии изменяются под воздействием электронных способов заключения и исполнения сделок; классифицировать цифровые ограничения по источнику, механизму действия и охраняемому интересу; сформулировать направления применения гражданско-правовых способов защиты к платформенным соглашениям и автоматизированным договорам.

Научная новизна выражена в разграничении нормативных, платформенно-договорных и технологических пределов свободы договора. Для оценки их допустимости предложено учитывать совокупность признаков: наличие правового или согласованного основания, доступность условия до выражения согласия, возможность установить содержание и автора волеизъявления, соразмерность ограничения охраняемому интересу, а также наличие процедуры пересмотра либо компенсационного восстановления права.

Материалы и методы

Источниковую основу составили публикации, раскрывающие изменение договорного регулирования под влиянием цифровых технологий. В.А. Болдырев и В.А. Максимов [1] проследили эволюцию свободы договора в условиях информатизации и изменение ее значения для правоприменения. Квалификационные признаки слабой стороны цифрового гражданского правоотношения исследованы А.А. Волосом [2], тогда как в другой работе этого автора [3] сопоставлены традиционные пределы договорной свободы с ограничениями цифровой среды. О.В. Жевняк [4] рассмотрела платформу как систему рыночных отношений и предложила элементы ее договорно-

правового режима. С.С. Кузнецова [5] связала использование смарт-контрактов с рисками для автономии личности, защиты прав и персональных данных. Е.Ю. Матвеева [6] раскрыла правовую природу смарт-контракта и его место среди электронных способов оформления и исполнения обязательств. Разделение волеобразования и волеизъявления при заключении платформенных договоров проведено Д.С. Петровой [7]. Т.А. Савельева [8] систематизировала дистанционные способы совершения сделок и возникающие при них риски. О.В. Сергеева [9] исследовала сочетание государственного и частного нормотворчества в электронной торговле. Т.В. Шатковская и А.А. Евстафьева [10] сосредоточились на изменении и расторжении смарт-контракта, исполнение которого обеспечивается программным кодом. Библиографические сведения и содержание публикаций подтверждаются карточками журналов и научных репозиториях.

Анализ научных публикаций использован для выделения конкурирующих представлений о цифровой договорной автономии. Сравнение нормативных положений позволило соотнести общие правила ГК РФ со специальным регулированием электронной торговли, платформ и автоматизированного исполнения. Посредством классификации цифровые ограничения распределены по источникам и способам воздействия на участника, логико-аналитический метод применен для проверки их совместимости с содержанием статьи 421 ГК РФ, обобщение и синтез – для формирования критериев допустимости и направлений правоприменения.

Результаты

Свобода договора в российском праве охватывает несколько связанных решений. Участник определяет, заключать ли договор, с кем вступать в правоотношение, использовать поименованную, смешанную либо непоименованную конструкцию и какие условия включить в соглашение. Пункт 4 статьи 421 ГК РФ оставляет содержание условий на усмотрение сторон, если закон или иной правовой акт не предписывает иной вариант. Статья 422 ГК РФ подчиняет договор императивным нормам, действующим в момент его заключения, а статьи 1 и 10 ГК РФ ограничивают осуществление договорных прав требованиями добросовестности и запретом злоупотребления. Конституционное основание этой модели образуют статьи 8, 34 и 35 Конституции РФ, гарантирующие свободу экономической деятельности и охрану собственности, тогда как часть 3 статьи 55 допускает законодательные ограничения прав для защиты конституционно значимых интересов.

Договорная автономия изначально не имела абсолютного характера. Постановление Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» связывает квалификацию нормы как императивной с ее текстом, целями регулирования, защитой особо значимых интересов и предотвращением грубого нарушения баланса сторон. Несправедливое условие может быть нейтрализовано через статьи 10, 168 и 428 ГК РФ, даже когда формального запрета на его включение нет. Конституционный Суд РФ в постановлениях от 3 апреля 2023 г. № 14-П и от 2 июля 2024 г. № 34-П раскрыл защитную функцию статьи 428 ГК РФ применительно к договорам, содержание которых одна сторона определяет без реальной возможности обсуждения другой стороной. Информатизация не создала эту проблему, но расширила масштаб стандартизированного заключения договоров и усложнила выявление условий, определяющих положение присоединившегося лица [1; 3]. Действующая редакция статьи 421 ГК РФ сохраняет усмотрение сторон за пределами прямо предписанного содержания договора.

Электронная сделка остается результатом согласования воли, однако воля выражается посредством действий, заранее предусмотренных информационной системой. Кнопка подтверждения, код из сообщения, отметка в поле интерфейса, оплата заказа или иное конклюдентное действие приобретают юридическое значение в сочетании с правилами платформы и технической записью операции. Часть договорного содержания перемещается из текста в архитектуру взаимодействия. Пользователь не выбирает произвольный способ акцепта, очередность действий, перечень доступных условий или момент запуска исполнения, эти параметры устанавливает разработчик системы, хотя их последствия относятся к договору между пользователем, платформой, продавцом или исполнителем.

Пределы свободы договора в цифровой среде образуют три уровня. Первый представлен нормативными ограничениями, установленными ГК РФ, Законом РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», федеральными законами от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», № 152-ФЗ «О персональных данных», от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи», от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и иными актами, пределы имеют публично признанное основание и защищают участников оборота, третьих лиц, устойчивость рынка, персональные данные и достоверность юридически значимых действий.

Второй уровень составляют платформенно-договорные ограничения. Оператор определяет требования к регистрации, допуску товаров и услуг, расчетам, продвижению, рейтингу, блокировке учетной записи, изменению тарифов и рассмотрению претензий. Эти правила приобретают обязательность через договор присоединения, пользовательское соглашение, оферту или отдельный договор с партнером. Их источник имеет частный характер, но воздействие выходит за пределы обычной координации двух контрагентов, поскольку платформа одновременно организует рынок, устанавливает условия доступа и контролирует техническую возможность исполнения [4; 9]. Возникает частный регулятивный порядок, внутри которого договорная свобода пользователя зависит от правил, созданных другим участником отношений.

Третий уровень охватывает технологические ограничения. Программный код допускает одни действия и блокирует другие, автоматически рассчитывает цену, определяет последовательность исполнения, прекращает доступ после наступления заданного события или переводит цифровой актив без дополнительной команды, ограничение может быть предусмотрено договором, вытекать из технического стандарта либо возникнуть из-за несоответствия кода согласованным условиям. В последнем случае техническая невозможность и юридический запрет расходятся, система не разрешает действие, которое закон и договор допускают. Технологический предел нельзя считать самостоятельным основанием ограничения гражданского права, поскольку программное решение приобретает юридическое значение через норму закона, соглашение сторон или фактический состав исполнения.

Различие между волеобразованием и волеизъявлением выявляет наиболее уязвимую часть платформенной сделки. Волеизъявление фиксируется технически точно: система сохраняет время нажатия кнопки, идентификатор учетной записи, сведения об устройстве и совершенной операции. Волеобразование зависит от того, какие сведения были доступны до этого действия, как интерфейс представил альтернативы, имелась ли возможность прочитать условия и понимал ли пользователь последствия выбранной команды [7]. Без проверки информационной

среды запись о нажатии подтверждает внешнее действие, но не разрешает вопрос о содержании выраженной воли.

Статья 160 ГК РФ признает письменную форму соблюденной, когда электронные или иные технические средства позволяют воспроизвести содержание сделки в неизменном виде, а примененный способ дает возможность достоверно определить лицо, выразившее волю. Пункты 2 и 3 статьи 434 ГК РФ допускают заключение договора путем обмена электронными документами и иными данными, статья 438 связывает акцепт с ответом либо совершением действий по выполнению условий оферты. Федеральный закон № 63-ФЗ регулирует виды электронной подписи и условия признания подписанного ею электронного документа. Эти нормы решают вопросы формы и атрибуции, однако соблюдение письменной формы само по себе не подтверждает осведомленность лица обо всех условиях.

Юридически полноценное цифровое волеизъявление предполагает доступность текста договора до акцепта, возможность сохранить или воспроизвести соответствующую редакцию, однозначную связь действия с конкретными последствиями и доказуемость примененной процедуры идентификации. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» позволяет оценивать поведение сторон, переписку, сложившуюся практику и иные обстоятельства заключения соглашения. Применительно к цифровой сделке предметом оценки становится не отдельный электронный документ, а совокупность оферты, версии пользовательских правил, интерфейса, технического действия и подтверждения операции. Классификация дистанционных сделок, предложенная Т.А. Савельевой, показывает общность рисков технического сбоя, неравного доступа к информации и затрудненной идентификации при различии используемых каналов связи [8].

Стандартизация платформенных соглашений усиливает разрыв между формальной и содержательной свободой. Пользователь вправе отказаться от договора, но не участвует в составлении его условий. Статья 428 ГК РФ допускает изменение или расторжение договора присоединения, если он лишает присоединившуюся сторону прав, обычно предоставляемых по договорам такого вида, исключает или ограничивает ответственность составителя либо содержит явно обременительные условия. Пункт 3 этой статьи распространяет защитный механизм на договоры, в которых неравенство переговорных возможностей фактически исключило согласование отдельных положений. Цифровой формат облегчает доказывание стандартности текста, но усложняет установление того, какие условия были доступны в момент заключения и могла ли сторона повлиять на них.

Квалификация лица как слабой стороны не должна автоматически вытекать из самого факта использования цифровой технологии. А.А. Волос связывает слабость с конкретным отношением и невозможностью полноценно осуществить либо защитить гражданское право вследствие информационного, организационного, экономического или технологического неравенства [2]. Потребитель обладает специальным статусом по закону, тогда как предприниматель, правообладатель или партнер платформы может оказаться зависимым от инфраструктуры, рейтинга, доступа к аудитории и данных, не превращаясь из-за этого в потребителя. Для применения защитных средств требуется установить, какое договорное правомочие было ограничено, каким ресурсом контролировала другая сторона и почему обычные способы согласования либо защиты не компенсировали возникшее неравенство.

Платформа объединяет несколько договорных связей. Пользователь может заключать соглашение с оператором об использовании сервиса и отдельный договор с продавцом или исполнителем, оператор – договоры с партнерами, платежными организациями и владельцами пунктов выдачи. О.В. Жевняк обосновывает учет экономической функции платформы при выборе ее правового режима, включая применение конструкций договора присоединения и, в определенных моделях открытого доступа, правил о публичном договоре [4]. О.В. Сергеева рассматривает электронную торговлю как пространство взаимодействия государственных норм и правил, создаваемых платформами и участниками бизнес-сообщества, связывая достижение баланса интересов с императивным регулированием ключевых отношений [9]. Эти позиции дополняет анализ Д.С. Петровой, поскольку установленный платформой порядок заключения сделки воздействует на формирование решения пользователя еще до юридически значимого акцепта [7]. Категория слабой стороны позволяет оценить результат воздействия применительно к определенному участнику, не объявляя любое стандартное условие несправедливым [2].

Защита потребителя в электронной торговле опирается на статьи 8–12, 16 и 26.1 Закона № 2300-1. Продавец обязан предоставить сведения, позволяющие сделать осознанный выбор, условия, ущемляющие права потребителя по сравнению с законом, не подлежат применению, а при дистанционной продаже действует специальный порядок информирования и отказа от товара. Владелец агрегатора отвечает за убытки, вызванные предоставлением недостоверной или неполной информации о товаре, услуге, продавце или исполнителе, если выполнены предусмотренные законом условия. Правила продажи товаров по договору розничной купли-продажи утверждены постановлением Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2463 и конкретизируют подтверждение заказа, передачу информации и возврат денежных средств. Договорная свобода продавца и оператора в этой сфере ограничена до заключения договора, поскольку закон регулирует содержание предложения, способ доведения сведений и техническую возможность реализации потребительских прав.

Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» формирует специальную модель договорных отношений операторов посреднических цифровых платформ, партнеров и владельцев пунктов выдачи заказов. По состоянию на август 2026 г. закон принят и официально опубликован, но вступит в силу 1 октября 2026 г., поэтому его положения характеризуют ближайшее изменение нормативной конструкции. Статья 5 предусматривает электронную форму договора и закрепление в нем условий о расчетах, ответственности, мерах воздействия, рассмотрении обращений, рейтингах, ранжировании и иных элементах платформенного взаимодействия. Статья 12 связывает одностороннее изменение наиболее чувствительных условий с предварительным уведомлением за 45 дней, для других изменений установлен пятнадцатидневный срок. Статья 14 вводит встроенную систему рассмотрения жалоб и пятнадцатидневный срок направления ответа.

Будущее платформенное регулирование переводит часть фактических ограничений в юридически проверяемую форму. Комиссия, санкция, изменение порядка доставки, понижение рейтинга или ограничение доступа перестают быть исключительно результатом внутреннего технического решения оператора, когда закон требует закрепить основание в договоре, сообщить об изменении и предоставить канал обжалования. Свобода оператора сохраняется в выборе бизнес-модели и конкретных условий,

но их воздействие на зависимого участника ограничивается процедурами предсказуемости и пересмотра. Этот подход соответствует выводу о транспарентности как основном критерии адаптации договорного права к цифровой среде [3] и развивает предложенную в литературе модель сочетания частной инициативы с императивными гарантиями электронной торговли [4; 9].

Одностороннее изменение цифрового соглашения оценивается через статьи 310, 428 и 450.1 ГК РФ. Наличие в пользовательских правилах полномочия оператора обновлять условия не освобождает его от соблюдения закона, добросовестности и договорной процедуры. Формальное размещение новой редакции на сайте не доказывает, что контрагент был уведомлен способом, позволяющим соотнести изменение с конкретным договором и определить момент его действия. Для условий, ухудшающих положение присоединившейся стороны, имеют значение срок предупреждения, возможность прекратить отношение без несоразмерных потерь, сохранение доступа к сведениям о прежней редакции и основания, по которым изменение распространяется на ранее возникшие обязательства.

Алгоритмическое ранжирование и персонализация воздействуют на выбор иначе, чем прямой договорный запрет. Пользователь сохраняет возможность заключить сделку с другим контрагентом, однако видит предложения в последовательности, определенной платформой на основе рейтинга, оплаты продвижения, характеристик профиля и иных параметров. Для партнера позиция в выдаче влияет на доступ к потенциальным контрагентам, а изменение алгоритма способно изменить экономическое значение неизменного текста договора. Правовая оценка требует разграничивать обычную организацию сервиса, допустимую персонализацию и непрозрачное воздействие, которое препятствует осознанному выбору либо создает необоснованное преимущество.

Использование персональных данных при формировании предложения подчинено Федеральному закону № 152-ФЗ. Согласие на обработку данных и согласие на заключение договора выполняют разные функции, даже если выражаются одной последовательностью действий. Первое легализует обработку в пределах указанных целей, второе создает гражданские права и обязанности. Объединение этих решений в интерфейсе не устраняет требования к конкретности и информированности каждого волеизъявления. Условие договора о предоставлении данных также проверяется по статье 16 Закона № 2300-1, нормам о добросовестности и правилам соответствующего договорного типа, если отказ от избыточной обработки фактически исключает получение основной услуги.

Автоматизированное исполнение отделяет момент согласования от последующей реализации договорной программы. Часть 2 статьи 309 ГК РФ, введенная Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ, разрешает предусмотреть исполнение обязательств при наступлении определенных обстоятельств без отдельно выраженного дополнительного волеизъявления сторон путем применения определенных условиями сделки информационных технологий. Норма признает юридический эффект автоматизации, но связывает ее с первоначальным соглашением: стороны выбирают технологию, обстоятельства запуска и обязательства, подлежащие исполнению. Программный код реализует предусмотренный сценарий.

Научные подходы к правовой природе смарт-контракта различаются по тому, какой элемент выдвигается на первый план. Е.Ю. Матвеева рассматривает его связь с электронной формой, распределенным реестром и специальными договорными конструкциями [6]. С.С. Кузнецова анализирует смарт-контракт через влияние автоматизации на свободу договора, возможность защиты права

и обработку персональных данных [5]. Т.В. Шатковская и А.А. Евстафьева указывают на затруднения изменения и расторжения отношения, когда исполнение закреплено неизменяемой программной последовательностью [10]. А.А. Волос соотносит технологическое исполнение с общими принципами договорного права и пределами частной автономии [3]. Совместное рассмотрение этих позиций позволяет разделить соглашение, программное условие и техническую операцию. Соглашение определяет права и обязанности, код переводит часть условий в машиноисполняемую форму, операция изменяет фактическое либо юридическое положение участников.

Трехэлементная конструкция устраняет ложный выбор между признанием смарт-контракта самостоятельным договором и сведением его к нейтральному программному инструменту. Один и тот же код может обслуживать куплю-продажу цифрового актива, расчет, лицензионное отношение или иное обязательство. Его правовая квалификация зависит от соглашения и применимых норм, а технические свойства определяют способ исполнения и распределение рисков. Федеральный закон № 259-ФЗ использует автоматизированные операции в информационной системе учета цифровых финансовых активов, сохраняя требования к основанию сделки, правилам системы и субъектам распоряжения. Экспериментальные правовые режимы, предусмотренные Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ, допускают апробацию цифровых решений в специально установленных границах, но не создают общего исключения из принципов гражданского законодательства.

Неизменяемость записи или автоматичность операции не исключают применения статей 166–181, 450, 450.1 и 453 ГК РФ. Недействительность сделки, существенное нарушение договора, согласованное расторжение или правомерный односторонний отказ сохраняют юридическое значение, даже когда техническая система не способна вернуть состояние реестра к прежней записи. В такой ситуации восстановление осуществляется последующей обратной операцией, возвратом имущества, взысканием денежных средств, убытков либо применением иных последствий, предусмотренных законом и договором. Техническая необратимость меняет способ защиты, но не превращает исполненный код в акт, превосходящий юридическую силу соглашения и императивных норм [5; 10].

Риск несоответствия кода тексту договора требует распределения до начала автоматизированного исполнения. Стороны могут определить юридически приоритетную версию условия, порядок проверки программного модуля, последствия ошибочных внешних данных, процедуру временной остановки и лицо, отвечающее за обновление системы. Отсутствие таких положений переносит спор в область толкования договора, причинной связи и ответственности за ненадлежащее исполнение. Если код разработан или контролируется одной стороной и предъявлен другой без возможности проверки, неопределенность не должна автоматически возлагаться на участника, который не располагал доступом к технической документации и средствам влияния на программную реализацию.

Цифровые ограничения различаются по механизму воздействия. Запретительные ограничения исключают определенную сделку или условие на основании императивной нормы. Стандартизирующие ограничения оставляют возможность принять либо отвергнуть заранее подготовленный договор без согласования его отдельных положений. Информационные ограничения влияют на решение через объем, порядок и форму представления сведений. Конфигурационные ограничения задают перечень действий, доступных в интерфейсе. Автоматические ограничения связывают наступление последствий с данными

или событиями без нового волеизъявления. Односторонние платформенные меры изменяют цену, рейтинг, доступ или иное положение участника по решению оператора. Один механизм может сочетаться с другим: автоматическая блокировка одновременно реализует договорное условие, технический алгоритм и частное решение о допустимом поведении.

По охраняемому интересу выделяются ограничения, направленные на защиту самого участника, контрагента, третьих лиц и публично значимых благ. Потребительское регулирование компенсирует недостаток информации и переговорных возможностей. Требования к идентификации и электронной подписи охраняют достоверность волеизъявления. Нормы о персональных данных защищают частную жизнь и информационное самоопределение. Антимонопольные запреты препятствуют использованию рыночной власти для устранения конкуренции. Ограничения оборота отдельных цифровых объектов поддерживают устойчивость финансовой и информационной инфраструктуры. Охраняемый интерес определяет допустимую интенсивность вмешательства: защита от доказанного риска допускает более существенное ограничение, чем стремление платформы упростить внутренний процесс.

Проверка допустимости цифрового ограничения включает пять взаимосвязанных операций. Сначала устанавливается его источник: закон, договор, правила информационной системы, решение оператора либо программный код. Затем определяется, мог ли участник ознакомиться с условием до выражения воли и понять его юридическое последствие. Третья операция состоит в проверке принадлежности волеизъявления и соответствия технической команды согласованному содержанию. Далее ограничение сопоставляется с охраняемым интересом по характеру и интенсивности воздействия. Завершающая операция выявляет возможность оспаривания, отмены, приостановления или компенсационного восстановления права.

Прозрачность имеет в этой модели предметное содержание. Она требует доступности действующей редакции условий, фиксации даты изменения, раскрытия юридически значимых факторов автоматического решения, уведомления затронутого участника и сохранения доказательств совершенной операции. Раскрытие исходного программного кода требуется не во всех отношениях. Для реализации и защиты договорного права достаточно информации, позволяющей установить правило, использованные данные, наступившее последствие и предусмотренный способ пересмотра. Избыточное раскрытие может затронуть коммерческую тайну и безопасность системы, поэтому объем предоставляемых сведений соотносится с предметом спора.

Судебная оценка электронной сделки не может ограничиваться распечаткой пользовательского соглашения, представленной оператором на дату разбирательства. Юридическое значение имеют редакция, действовавшая в момент акцепта, способ ее размещения, последовательность действий пользователя, направленные уведомления, технический журнал операции и правила, по которым система сформировала спорное последствие. Такая реконструкция не создает особого цифрового состава договора. Она позволяет применить статьи 431, 432, 434, 438 и 428 ГК РФ к доказательствам, распределенным между текстом, интерфейсом и информационной системой.

Свобода договора сохраняет регулятивную функцию, когда цифровая технология расширяет варианты сделки, снижает издержки согласования и точно исполняет выбранные условия. Ограничение возникает там, где код

или платформа подменяет согласованное правило, скрывает значимое последствие, препятствует использованию установленного законом права либо предоставляет одной стороне неконтролируемое полномочие изменять положение другой. Граница проходит не между бумажным и электронным договором, а между техническим способом реализации автономии и цифровой конструкцией, которая лишает участника юридически значимого выбора.

Обсуждение

Сопоставление научных позиций выявляет два масштаба оценки цифровой договорной свободы. Один подход фиксирует эволюцию самого принципа: массовая стандартизация, информационные системы и программное исполнение уменьшают значение индивидуальных переговоров, на которых строилось классическое представление о договоре. Другой сохраняет доктринальную преемственность и рассматривает новые технологии через уже известные категории добросовестности, императивной нормы, договора присоединения, слабой стороны и защиты потребителя. Расхождение относится не к применимости статьи 421 ГК РФ, а к достаточности обычного способа ее применения. Общие нормы сохраняют юридическую силу, но требуют исследования цифровой среды, поскольку текст договора больше не содержит всех факторов, определяющих возможности сторон.

Тезис о неизменности содержания договорной свободы точен применительно к юридическим правомочиям. Участник по-прежнему решает вопрос о заключении договора, контрагенте и условиях. Для описания фактического выбора этого положения недостаточно. Интерфейс заранее отбирает допустимые команды, платформа распределяет видимость предложений, а автоматическая система связывает согласие с последующей последовательностью операций. Формальная возможность отказаться от всего договора не подтверждает свободу каждого условия, если отказ исключает доступ к инфраструктуре, от которой зависит хозяйственная деятельность. Правовая оценка нуждается в соединении волевого и институционального аспектов.

Концепция слабой стороны позволяет провести соединение, но ее чрезмерное расширение способно устранить различие между гражданско-правовой защитой и общим контролем рыночного неравенства. Экономическая зависимость от платформы, недостаток технических знаний или отсутствие доступа к алгоритму сами по себе не подтверждают нарушение. Защита обоснована, когда неравенство связано с конкретным договорным правом: участник не мог получить значимую информацию, обсудить обременительное условие, предвидеть автоматическое последствие, сохранить доказательства или обжаловать решение лица, контролирующего инфраструктуру. Такой подход оставляет пространство для предпринимательского риска и одновременно препятствует использованию технологии как средства исключения ответственности.

Платформенная модель обостряет вопрос о границе частного регулирования. Оператор вправе устанавливать правила сервиса, поскольку без стандартизации невозможно организовать одновременное взаимодействие большого числа пользователей. Те же правила определяют доступ к рынку, распределение заказов, размер платежей и последствия нарушений. Договор перестает выполнять только функцию обмена между сторонами и становится средством организации цифровой среды. Отсюда возникает потребность в императивных требованиях к содержанию соглашений, срокам изменения и способам обжалования, хотя конкретная коммерческая модель остается предметом частного усмотрения.

Принятый закон о платформенной экономике подтверждает переход от контроля отдельных несправедливых

условий к процедурному ограничению власти оператора. Законодатель не устанавливает единый размер комиссии, универсальный рейтинг или обязательный способ продвижения. Регулируются раскрытие условий, предварительное уведомление и рассмотрение жалоб. Такая конструкция меньше вмешивается в экономическое содержание договора, чем прямое нормирование цены, но делает частное решение предсказуемым и оспоримым. Ее фактическая результативность может быть оценена после вступления закона в силу и накопления практики по спорам между платформами, партнерами и владельцами пунктов выдачи.

Специальное платформенное регулирование не охватывает все цифровые договоры. Электронные сервисы, информационные системы закрытого типа, децентрализованные приложения и ресурсы, через которые владелец реализует собственные товары или услуги, могут строиться по иной модели. Применение выводов о платформенной зависимости требует установить посредническую функцию, контроль над инфраструктурой и способность оператора влиять на отношения между самостоятельными участниками. Формальное наличие сайта или мобильного приложения таких признаков не создает.

Исследования электронных сделок расходятся в оценке того, где возникает основной риск. Акцент на волеизъявлении направляет анализ к идентификации лица, форме документа и подтверждению акцепта. Обращение к волеобразованию переносит внимание на полноту сведений, структуру интерфейса и доступность альтернатив. Первая линия обеспечивает определенность оборота, вторая защищает осмысленность выбора. Приоритет одного критерия создает перекося: усложнение идентификации затрудняет массовые сделки, а признание любого технически зафиксированного действия достаточным позволяет конструировать согласие через малозаметные или неоднозначные элементы интерфейса. Их сочетание требует пропорциональной проверки, зависящей от стоимости, длительности и последствий сделки.

Дискуссия о смарт-контракте также отражает различие объектов анализа. Определение его как договора подчеркивает юридическую связь сторон, квалификация как программного средства описывает способ исполнения, а понимание в качестве специальной конструкции соединяет оба элемента. Эти подходы совместимы после разделения соглашения и кода. Программный модуль не выражает весь объем правоотношения, поскольку за его пределами остаются вопросы действительности, толкования, ответственности, изменения обстоятельств и защиты права. Одновременно код не является нейтральной формой записи: он исключает отклонение от заданного сценария и может исполнить ошибочно формализованное условие.

Право на изменение или прекращение смарт-контракта нельзя отождествлять с возможностью удалить запись в распределенном реестре. Юридическое отношение и техническое состояние системы могут изменяться разными операциями. Из этого вытекает потребность заранее согласовывать корректирующие механизмы, но отсутствие программной функции отмены не лишает сторону гражданско-правовых способов защиты. Ограничение состоит в том, что последующая денежная компенсация или обратная транзакция не всегда восстанавливает то положение, которое существовало до автоматического исполнения. Для отдельных объектов значимы скорость операции, изменение рыночной стоимости и передача актива третьему лицу.

Предложенная классификация позволяет отделить основание ограничения от его технической реализации. Императивный запрет может исполняться автоматически, но остается нормативным по происхождению. Договорное

условие может быть выражено кодом, не превращаясь в законодательное предписание. Ошибка программы способна фактически заблокировать действие без правового основания. Это разграничение влияет на выбор ответчика, распределение доказательственной обязанности и способ восстановления: оспаривание нормы, контроль договорного условия, требование к оператору либо ответственность за ненадлежащее техническое исполнение относятся к разным правовым ситуациям.

Критерий прозрачности требует дальнейшей конкретизации для отдельных цифровых отношений. Пользователю нужен доступ к юридически значимому правилу, но полное раскрытие алгоритма может затронуть безопасность, права разработчика и коммерческую тайну. Универсальная обязанность публиковать исходный код не соответствует разнообразию систем. Более точным представляется функциональное раскрытие, при котором участник получает сведения о примененном условии, данных, существенных факторах решения и процедуре пересмотра. Объем раскрытия увеличивается, если автоматическая мера прекращает доступ к имуществу, доходу или значимой цифровой инфраструктуре.

Исследовательская лакуна сохраняется в определении доказательственного статуса интерфейса и версии программных правил. Текст соглашения может храниться у оператора, пользователь располагает лишь сообщением о совершенной операции, а внешний вид сервиса обновляется без архивирования каждого экрана. Договорное право дает критерии заключения и толкования, но единообразная практика фиксации цифрового контекста пока не сформирована. Аналогичная неопределенность относится к распределению риска ошибочных внешних данных, на основании которых автоматическая система инициировала исполнение.

Ограничение полученных положений связано с неоднородностью цифровых моделей. Массовая потребительская платформа, профессиональная торговая система и децентрализованный смарт-контракт различаются по субъектному составу, технологии и уровню переговорных возможностей. Общая классификация описывает источник и механизм воздействия, но интенсивность защиты устанавливается применительно к конкретному договору. Российская нормативная модель также не позволяет без дополнительного сравнительного анализа переносить выводы на иностранные платформы и трансграничные сделки, подчиненные другому праву.

Заключение

Содержание договорной свободы сохраняется при электронной форме сделки и автоматизированном исполнении, однако способы ее осуществления распределяются между текстом договора, интерфейсом, правилами информационной системы и программным кодом. Статьи 1, 10, 421, 422 и 428 ГК РФ применимы к цифровым отношениям, если правовая оценка охватывает условия формирования воли, техническую фиксацию акцепта и порядок исполнения. Формальное наличие возможности отказаться от договора не подтверждает свободу выбора, когда другая сторона контролирует перечень доступных действий и скрывает юридически значимые последствия.

Цифровые пределы договорной автономии классифицированы по трем основаниям. По источнику они подразделяются на нормативные, платформенно-договорные и технологические, по механизму действия – на запретительные, стандартизирующие, информационные, конфигурационные, автоматические и односторонние платформенные, по охраняемому интересу – на ограничения, защищающие участника, контрагента, третьих лиц и публично значимые блага. Допустимость конкретного ограничения определяется наличием юридического основания,

доступностью условия до выражения согласия, доказуемостью волеизъявления, соразмерностью воздействия и возможностью пересмотра либо компенсационного восстановления права.

Применение гражданско-правовых способов защиты к платформенным и автоматизированным договорам требует реконструкции цифрового контекста сделки. Оцениваются редакция условий, структура юридически значимых действий, уведомления, технические записи и правила формирования спорного последствия. В смарт-контракте разграничиваются соглашение, программное условие и операция исполнения, поэтому необратимость записи не исключает изменения правоотношения и применения последствий нарушения. Федеральный закон № 289-ФЗ развивает процедурные пределы частной власти платформы через обязательное содержание договоров, предварительное уведомление об изменениях и встроенное обжалование решений оператора.

Литература

1. Болдырев В. А., Максимов В. А. Свобода договора: эволюция правового принципа в эпоху информатизации // Правоприменение. 2025. Т. 9, № 2. С. 118–129. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).118-129.
2. Волос А. А. Категория «слабая сторона гражданского правоотношения» в условиях цифровизации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17, № 3. С. 84–105. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.3.84.105.
3. Волос А. А. Свобода договора и ее пределы в цифровой среде // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. Вып. 2 (64). С. 254–273. DOI: 10.17072/1995-4190-2024-64-254-273.
4. Жевняк О. В. Цифровые платформы как вид экономических рыночных отношений и отражение этого аспекта в правовом режиме цифровых платформ // Юридические исследования. 2023. № 8. С. 96–127. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.8.43646.
5. Кузнецова С. С. Актуальные вопросы реализации и защиты прав человека в практике применения технологии смарт-контракта // Правоприменение. 2022. Т. 6, № 1. С. 134–149. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).134-149.
6. Матвеева Е. Ю. Правовая природа смарт-контракта // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 6 (273). С. 97–104.
7. Петрова Д. С. Специфика заключения договоров на цифровых платформах: волеобразование и волеизъявление // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2025. Т. 69, № 3. С. 434–443.
8. Савельева Т. А. Дистанционные способы совершения сделок с использованием цифровых технологий // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1, № 4. С. 1058–1086. DOI: 10.21202/jdtl.2023.46.
9. Сергеева О. В. Электронная торговля в архитектуре нормативного регулирования: поиск баланса интересов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17, № 2. С. 23–50. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.2.23.50.
10. Шатковская Т. В., Евстафьева А. А. Правовое регулирование изменения и расторжения смарт-контракта по законодательству РФ // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2. С. 85–94. DOI: 10.22394/2074-7306-2023-1-2-85-94.

Contractual freedom and its limits in the context of digitalization of civil law relations

Vetrova Yu.S.

Zaeltsovsky District Court of Novosibirsk

The digital environment has changed the methods of agreeing, recording, and enforcing contractual terms, transferring some regulatory functions to software code, interfaces, and platform rules. This article examines the relationship between contractual freedom and the legal, organizational, and technological constraints arising in e-commerce, remote transactions, and automated fulfillment of obligations. The aim of the work is to determine the criteria for the admissibility of such constraints. The article compares civil law provisions, decisions of higher courts, regulations on consumer protection, information, personal data, electronic signatures, digital financial assets, and the platform economy, as well as Russian-language scientific publications published between 2022 and 2025. Comparative, classification, and logical-analytical methods, as well as generalization and synthesis, are used. It has been established that digitalization does not negate the principle of freedom of contract, but it does change the sources of actual influence on the parties' will. A classification of restrictions based on their origin, mechanism of action, and protected interest is proposed. The permissibility of a digital restriction is linked to its transparency, legal basis, proportionality, verifiability of the expression of intent, and the availability of redress for the violated right. The results are applicable to the development of platform agreements, smart contracts, and dispute resolution regarding electronic transactions.

Keywords: freedom of contract, digital platforms, electronic transaction, smart contract, adhesion agreement, weak party, automated execution, e-commerce, digital expression of intent, limits of contractual autonomy.

References

1. Boldyrev, V. A., Maksimov, V. A. Freedom of Contract: The Evolution of a Legal Principle in the Age of Information Technology // Law Enforcement. 2025. Vol. 9, No. 2. pp. 118–129. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).118-129.
2. Volos, A. A. The Category of "Weakness in Civil Legal Relationships" in the Context of Digitalization // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2024. Vol. 17, No. 3. pp. 84–105. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.3.84.105.
3. Volos, A. A. Freedom of Contract and Its Limits in the Digital Environment // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. 2024. Issue 2 (64). pp. 254–273. DOI: 10.17072/1995-4190-2024-64-254-273.
4. Zhevnyak, O. V. Digital Platforms as a Type of Economic Market Relations and Reflection of This Aspect in the Legal Regime of Digital Platforms // Legal Research. 2023. No. 8. pp. 96–127. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.8.43646.
5. Kuznetsova, S. S. Current Issues of Implementation and Protection of Human Rights in the Practice of Applying Smart Contract Technology // Law Enforcement. 2022. Vol. 6, No. 1. Pp. 134–149. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).134-149.
6. Matveeva E. Yu. Legal Nature of Smart Contracts // Property Relations in the Russian Federation. 2024. No. 6 (273). Pp. 97–104.
7. Petrova D. S. Specifics of Concluding Contracts on Digital Platforms: Will Formation and Expression of Will // News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence. 2025. Vol. 69, No. 3. Pp. 434–443.
8. Savelyeva T. A. Remote Methods of Concluding Transactions Using Digital Technologies // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Vol. 1, No. 4. pp. 1058–1086. DOI: 10.21202/jdtl.2023.46.
9. Sergeeva, O. V. "E-Commerce in the Architecture of Regulatory Framework: Finding a Balance of Interests" // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2024. Vol. 17, No. 2. pp. 23–50. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.2.23.50.
10. Shatkovskaya, T. V., Evstafieva, A. A. "Legal Regulation of Amendments and Termination of Smart Contracts under Russian Law" // North Caucasian Legal Bulletin. 2023. No. 2. pp. 85–94. DOI: 10.22394/2074-7306-2023-1-2-85-94.

Некоторые вопросы практики применения ст. 12.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «невыполнение обязанностей в связи с дорожно-транспортным происшествием»

Воробьев Виталий Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры Международного публичного и частного права Юридической школы ДВФУ, rafaeldvd_10@yahoo.com

Статья посвящена вопросам применения ст. 12.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, автором раскрываются определенные правовые пробелы и возможности для совершенствования борьбы с потенциально очень опасными деяниями недобросовестных участников дорожного движения на стадии рассмотрения дела об административном правонарушении судьями, даются рекомендации по совершенствованию законодательства и направлениям разъяснительной работы вышестоящих инстанций.

Ключевые слова: административные правонарушения в сфере дорожного движения, дорожно-транспортное происшествие, административная ответственность, малозначительность, лишение права управления транспортным средством, управление транспортным средством в состоянии опьянения, суд.

Современное российское законодательство, посвященное административным правонарушениям в сфере дорожного движения, имеет неуклонную тенденцию к ужесточению применяемых наказаний. Так, с 01 января 2025 года увеличены штрафы за непристегнутый ремень безопасности, проезд перекрестка на запрещающий сигнал светофора, нарушение скоростного режима. В основе соответствующей государственной политики лежит как экономическая составляющая (штрафы не индексировались свыше 10-ти лет), так и последовательная работа по общей превенции административных правонарушений.

В то же время, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях в области дорожного движения остаются составы, формальный подход к которым как законодателя, так и судебных органов создает опасные предпосылки для злоупотреблений со стороны недобросовестных водителей.

Так, статьей 12.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность за невыполнение водителем предусмотренных Правилами дорожного движения Российской Федерации обязанностей в связи с дорожно-транспортным происшествием, участником которого он являлся.

Часть первая указанной статьи предусматривает наложение административного штрафа в размере одной тысячи рублей за невыполнение водителем обязанностей, предусмотренных Правилами дорожного движения, в связи с дорожно-транспортным происшествием, участником которого он является, в то время как согласно части 2 статьи 12.27 КоАП Российской Федерации оставление водителем в нарушение Правил дорожного движения места дорожно-транспортного происшествия, участником которого он являлся, влечет лишение права управления транспортными средствами на срок от одного года до полутора лет или административный арест на срок до пятнадцати суток.

Как мы видим, законодатель четко дифференцирует правовые последствия неисполнения закрепленной пунктом 2.5 Правил дорожного движения Российской Федерации обязанности не покидать место ДТП от иных деяний, составляющих неправомерное поведение водителей в связи с дорожно-транспортным происшествием, участниками которых они являлись.

Развитие механизма урегулирования возмещения убытков от ДТП в рамках ОСАГО (Европротокол) изменило сущность рассматриваемой обязанности, которая ранее сводилась к необходимости ожидать прибытия сотрудников ГИБДД для оформления ДТП, однако сама по себе обязанность водителя не покидать место ДТП без согласования (оформленного документально) с иными участниками ДТП продолжает составлять объективную сторону соответствующего административного правонарушения.

С одной стороны, повышение правосознания граждан Российской Федерации, наряду с информационно-техническим прогрессом позволяет государству с большим доверием относиться к усмотрению участников ДТП в отношении обстоятельств происшествия, определения виновного лица, что позитивно сказывается на сокращении административных процедур и устранении препятствий для

других участников дорожного движения, что особо актуально в городах-мегаполисах, с другой стороны, правовая грамотность может спровоцировать злоупотребления в части отношений, имеющих перманентную актуальность в целях административного контроля, о чем будет сказано ниже.

В целом, статья 12.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях является примером реализации конституционных принципов справедливости и соразмерности ответственности совершенному правонарушению, законодатель предусмотрел более строгую ответственность водителя за умышленное невыполнение закрепленной пунктом 2.5 Правил дорожного движения Российской Федерации обязанности ожидать прибытия сотрудников полиции, в то время как положения части 1 данной статьи предусматривают менее строгую ответственность - в виде административного штрафа в размере одной тысячи рублей - за невыполнение водителем иных указанных в Правилах дорожного движения Российской Федерации обязанностей в связи с дорожно-транспортным происшествием.

Управление транспортным средством как источником повышенной опасности предполагает повышенную юридическую грамотность водителя по сравнению с рядовым обывателем, для водителя в силу норм ч. 2 статьи 12.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пунктов 1.6, 2.5, 2.6.1 Правил дорожного движения, статей 11, 11.1, 12 Федерального закона от 25 апреля 2002 года № 40-ФЗ "Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств", участие в дорожно-транспортном происшествии влечет ряд последствий, которые четко дифференцируются законодателем.

Так, если в результате ДТП вред причинен только имуществу, водители обязаны выяснить наличие или отсутствие разногласий относительно обстоятельств причинения вреда в связи с повреждением транспортных средств в результате дорожно-транспортного происшествия, характер и перечень видимых повреждений транспортных средств. При этом в случае наличия разногласий Правила дорожного движения обязывают водителя, причастного к дорожно-транспортному происшествию, сообщить о случившемся в полицию и оформить его с учетом указаний уполномоченных на то сотрудников полиции, а в случае отсутствия - оформить документы о дорожно-транспортном происшествии на ближайшем посту дорожно-патрульной службы или в подразделении полиции, либо, в соответствии с Правилами обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, без участия сотрудников полиции.

Таким образом, принимая во внимание, что ДТП является феноменом административных правоотношений, а его последствия чаще всего получают свое развитие в гражданско-правовой сфере, законодатель стимулирует водителей к проявлению диспозитивности в отношениях по фиксированию обстоятельств и последствий ДТП, в случае если отсутствует причинение вреда здоровью его участникам.

Однако, соответствующая «диспозитивность» завершается формальным выражением несогласия одной из сторон на решение вопросов без привлечения сотрудников полиции, и тогда в действие вступают нормы, предусматривающие ответственность невыполнившего свои обязанности водителя, который чаще всего пытается скрыться с места происшествия вопреки законным интересам других участников дорожного движения и в целях избежать привлечения к юридической ответственности (ч.2 ст. 12.27 КоАП РФ), в то время как часть первая указанной статьи влечет наказание за осложнение процедуры оформления дорожно-транспортного происшествия.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 25 апреля 2001 года №6-П, закон, закрепляя обязанность лица, управляющего транспортным средством, под угрозой наказания оставаться на месте дорожно-транспортного происшествия, связывает данную обязанность с интересами всех участников дорожного движения и необходимостью обеспечения выполнения ими взаимных обязательств, порождаемых фактом дорожно-транспортного происшествия. Это обусловлено в том числе характером отношений, складывающихся между водителем, управляющим транспортным средством как источником повышенной опасности, и другими участниками дорожного движения, и не противоречит конституционно-правовому требованию о том, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (статья 17, часть 3, Конституции Российской Федерации). Устанавливая ответственность за оставление места дорожно-транспортного происшествия лицом, управляющим транспортным средством, государство реализует свою конституционную обязанность защищать достоинство человека, его права и свободы, в том числе право на жизнь и здоровье, обеспечивать права потерпевших от преступления и компенсацию причиненного им ущерба (статья 2; статья 20, часть 1; статья 21; статья 41, часть 1; статья 45, часть 1; статья 52 Конституции Российской Федерации).

Данная позиция подтверждалась Конституционным судом неоднократно (см. напр. Определение Конституционного Суда РФ от 07.12.2010 №1702-О-О), с обязательным указанием на баланс частных и публичных интересов при установлении обязанностей водителей в результате ДТП, возможности судов общей юрисдикции по применению ст. 2.9 КоАП РФ (малозначительности), переквалификацию деяния с ч.2 ст. 12.27 на ч. 1 указанной статьи, однако в практической сфере, с точки зрения автора, остаются существенные возможности для особо опасных злоупотреблений.

Среди всего перечня административных правонарушений в области дорожного движения необходимо обратить внимание на правонарушения, совершаемые лицом в состоянии опьянения (ст. 12.8, 12.26 КоАП РФ). Последние представляют высокую общественную опасность, так как лицо, находящееся в состоянии опьянения, не в полной мере руководит своими действиями как в физическом, так и ментальном смысле, и управление транспортным средством (источником повышенной опасности) в соответствующем состоянии может привести к неоправданным последствиям, в том числе причинению тяжкого вреда здоровью или смерти иных участников дорожного движения.

Казалось бы, законодатель строго реагирует на соответствующие правонарушения, предусматривая как по «основному» (ч. 1 ст. 12.8 и ч. 1 ст. 12.26), так и по «дополнительному, постфактумному» (ч. 3 ст. 12.27) составам санкцию в виде наложения административного штрафа в размере сорока пяти тысяч рублей с лишением права управления транспортными средствами на срок от полугода до двух лет.

Однако представим ситуацию, когда водитель, находящийся в состоянии опьянения, после совершения ДТП уезжает с места его совершения, и место его нахождения, как это обычно бывает, устанавливается спустя длительное время, что происходит тогда? В таком случае, он рискует максимальной санкцией ч. 2 ст. 12.27 – лишением права управления на срок до полутора лет, без штрафа, без кумулятивных последствий привлечения к ответственности по вышеприведенным статьям, а регламентация соответствующих последствий являлась предметом законодательной политики Российской Федерации в по-

следние годы, что свидетельствует о существенном интересе в повышении эффективности общей и специальной профилактики управления транспортными средствами в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

Соответствующая проблема является насущной, несмотря на отсутствие, по объективным причинам, относимой статистики, правовая грамотность населения Российской Федерации такова, что соотнести последствия привлечения к ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения и оставление места ДТП может любой недобросовестный водитель. При этом, последний вполне может скрыться с места ДТП на поврежденном транспортном средстве, на высокой скорости, присовокупив к состоянию опьянения состояние стресса, что многократно увеличивает вероятность наступления неблагоприятных последствий для других участников дорожного движения.

Автор полагает единственно возможным на сегодняшний день (в рамках существующего нормативного регулирования) способом борьбы со столь опасной возможностью – разъяснительную работу Верховного суда Российской Федерации в части судебного усмотрения и **выработку законодательной инициативы в целях ужесточения действующего наказания.**

Так, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях допускает возможность назначения административного наказания лишь в пределах санкций, установленных законом, предусматривающим ответственность за данное административное правонарушение с учетом характера совершенного правонарушения, личности виновного, имущественного положения правонарушителя - физического лица (индивидуального предпринимателя), финансового положения юридического лица, привлекаемого к административной ответственности, обстоятельств, смягчающих и отягчающих административную ответственность (статьи 4.1 - 4.5 КоАП РФ). Поэтому судья не вправе назначить наказание ниже низшего предела, установленного санкцией соответствующей статьи, либо применить наказание, не предусмотренное статьей 3.2 КоАП РФ [1].

Если при рассмотрении дела об административном правонарушении будет установлено, что протокол об административном правонарушении содержит неправильную квалификацию совершенного правонарушения, то судья вправе переквалифицировать действия (бездействие) лица, привлекаемого к административной ответственности, на другую статью (часть статьи) КоАП РФ, предусматривающую состав правонарушения, имеющий единый родовый объект посягательства, в том числе и в случае, если рассмотрение данного дела отнесено к компетенции должностных лиц или несудебных органов, при условии, что назначаемое наказание не ухудшит положение лица, в отношении которого ведется производство по делу².

Вышеприведенные разъяснения Верховного суда Российской Федерации ограничивают свободу судебного усмотрения рамками санкции действующей статьи, поэтому формальное назначение мировыми судьями по делам об оставлении места ДТП наказания в виде лишения права управления сроком на 1 год не может способствовать формированию практики, направленной на борьбу с реальной возможностью избежать наказания по статьям,

связанным с управлением транспортным средством в состоянии опьянения.

Протокол об административном правонарушении и другие материалы по ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ составляются сотрудниками ГИБДД, в дальнейшем (за исключением случаев проведения реального административного расследования), материалы дела передаются на рассмотрение мировому судье.

При подготовке к рассмотрению дела об административном правонарушении мировой судья разрешает следующие вопросы: 1) о назначении времени и места рассмотрения дела; 2) о вызове лиц; 3) о возвращении протокола об административном правонарушении и других материалов дела в орган, должностному лицу, которые составили протокол; 4) о передаче протокола об административном правонарушении и других материалов дела на рассмотрение по подведомственности и другие [3].

В материалах дела, поступивших мировому судье на рассмотрение, содержатся, как правило, следующие документы: протокол об административном правонарушении; схема места ДТП с приложением к протоколу; рапорт о ДТП; заявление потерпевшего; протоколы осмотра транспортных средств с фотоматериалом; рапорт инспектора; карточка операции с водительским удостоверением; карточка учета транспортного средства; письменные объяснения; CD-диски с фото- и видеозаписями - с камер видеонаблюдения, осмотра автомобилей.

Представляется, что в случае, если из материалов дела об административном правонарушении, в том числе объяснений участников ДТП, свидетелей, видеоматериалов будет следовать, что лицо, оставившее место ДТП, *предположительно* находилось в состоянии алкогольного опьянения, мировому судье необходимо вызвать в заседание соответствующих свидетелей, оценить обстоятельства ДТП, видеоматериалы, показания участников ДТП, и отнестись к назначению наказания с учетом невозможности привлечения водителя, оставившего место ДТП, по статьям, связанным с управлением транспортным средством в состоянии опьянения.

Так, ситуация, в которой один из участников ДТП с явными повреждениями транспортных средств не выходит из машины, а оставляет место ДТП на поврежденном транспортном средстве, совершенно явно свидетельствует об умышленных действиях с высоким уровнем общественной опасности.

В связи с вышеизложенным, автор считает возможным рассмотреть вопрос о *расширении* санкции ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ, путем включения в нее формулировки о «наложении штрафа в размере 45 000 руб. или без такового». Введение дополнительного наказания, применяемого на усмотрение мирового судьи при конкретных обстоятельствах, явно свидетельствующих о злом уклонении от обязанности не покидать места ДТП, с признаками, позволяющими достоверно предполагать состояние опьянения водителя, будет способствовать устранению возможности выбора недобросовестным водителем более «удобного», с точки зрения негативных последствий, варианта поведения.

В научной литературе встречаются предложения, «в целях защиты прав потерпевших», в том числе увеличить срок давности привлечения к административной ответ-

¹ П. 21 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 N 5 (ред. от 23.12.2021)

² «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

² Там же, п. 20.

³ Статья 29.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ // СПС "КонсультантПлюс".

ственности по ст. 12.27 КоАП РФ до 1 года; ввести обязательность ведения протокола об административном правонарушении при рассмотрении дела судьей, его аудио-запись; предусмотреть процедуру, сроки и порядок обязательного рассмотрения замечаний на протокол судебного заседания по делу об административном правонарушении.

Полностью соглашаясь с предложением об увеличении сроков привлечения к ответственности как по существу инициативы, так и по аргументации (злоупотребление процессуальными правами со стороны привлекаемых лиц), мы полагаем предложение обязательного ведения протокола при рассмотрении дела судьей не способствующим повышению качества правосудия на данном этапе развития судебной системы. Критический уровень незаполненных вакансий аппаратов судов низших уровней, почти 100-процентная текучесть кадров на должностях секретарей судебных заседаний свидетельствует о предельной нагрузке, с которой работает «техническая часть» судебной системы.

Из разъяснений, содержащимся в абзаце 2 пункта 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 года № 5 "О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях", следует, что Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях не содержит запрета на ведение протокола при рассмотрении дела судьей, в необходимых случаях возможность ведения такого протокола не исключается, и в современных условиях «выживания» секретарей и помощников судей при запредельной нагрузке вышеуказанная «необходимость» является вполне разумным и практически обоснованным критерием, которым руководствуется судья при решении вопроса о ведении протокола при рассмотрении дела об административном правонарушении.

Кроме того, лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, вправе заявить ходатайство о ведении протокола, которое подлежит обязательному рассмотрению на основании части 1 статьи 24.4 КоАП РФ. Отказ в удовлетворении такого ходатайства в силу части 2 статьи 24.4 и статьи 29.12 КоАП РФ оформляется мотивированным определением (абзац 3 пункта 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 года №5 "О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях").

Мы полагаем, что задача неуклонного повышения доверия граждан к судебной системе может быть решена не через усиление контроля за технической частью работы судьи (а подавляющее большинство соответствующих протоколов, не заинтересовав никого из участников процесса, так и останется мертвым грузом в архивах судов), а именно через расширение судебного усмотрения, поддерживаемого конкретными, ситуативными разъяснениями вышестоящих инстанций.

Соответствующее «усмотрение» уже достаточно символично проявляется в практике применения ст. 12.27 в настоящее время. Так, из находящейся в открытом доступе статистики следует, что до 10% рассмотрения дел о привлечении к ответственности по ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ заканчиваются переквалификацией деяния на ч. 1 вышеуказанной статьи, и данная практика поддерживается Верховным Судом Российской Федерации [4].

Необходимо отметить, что проблема возможного злоупотребления со стороны лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, «льготными» условиями санкции ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ известна законодательной и исполнительной ветвям власти Российской Федерации.

Так, в заключении Комитета по государственному строительству и законодательству на проект Федерального закона «О внесении изменений в ст. 3.5 и 12.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», внесенного в Государственную Думу депутатом Я.Е. Ниловым, которым предлагалось введение альтернативной, «мягкой» санкции в форме штрафа в размере 10 000 руб., указано - «с учетом того, что в настоящее время Кодексом (КоАП РФ) установлены высокие меры административной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения, по мнению Комитета, предлагаемые авторами изменения в статью 12.27 Кодекса создадут возможность для лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, покинуть место происшествия и понести в дальнейшем значительно более мягкое наказание, чем предусмотрено положениями статьи 12.8 Кодекса, что представляется недопустимым».

Официальный отзыв Правительства Российской Федерации (от 3 августа 2023 г. № 6487-П4,) на вышеуказанный законопроект напоминает о возможности защиты интересов водителей, совершивших незначительное ДТП и оставивших место неумышленно путем применения положений ст. 2.9 КоАП РФ (малозначительность).

С учетом вышеизложенного, наше предложение о *расширении* санкции ч.2 ст. 12.27 в целях предоставления судье возможности жестко реагировать на явные факты общественно опасного поведения водителей транспортных средств в полной мере соответствует государственной политике как в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, так и в сфере повышения доверия граждан к судебной системе.

В завершение, хотелось бы обратить внимание на еще одно предложение, встречающееся в научной литературе, посвященной применению ст. 12.27 – прекращение производства по делу в связи с примирением сторон [5].

Представляется, что введение абсолютно нового для производства по делам об административных правонарушениях процессуального института, на сегодняшний день, не отвечает критерию целесообразности, задачам административного судопроизводства и принципу неотвратимости наказания.

Так, вслед за Правительством Российской Федерации напомним, что согласно статье 2.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях при малозначительности совершенного административного правонарушения судья, орган, должностное лицо, уполномоченные решить дело об административном правонарушении, могут освободить лицо, совершившее административное правонарушение, от административной ответственности и ограничиться устным замечанием.

При этом необходимо иметь в виду, что с учетом признаков объективной стороны некоторых административных правонарушений, они ни при каких обстоятельствах не могут быть признаны малозначительными, поскольку существенно нарушают охраняемые общественные отношения. К ним, в частности, относятся административные правонарушения, предусмотренные статьями 12.8, 12.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

⁴] Постановление Верховного Суда РФ от 12.05.2025 № 5-АД25-19-К2

⁵] См. напр. Евсеева О.Н. Рассмотрение мировым судьей дел по ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ. Возможность примирения участников процесса // Мировой судья. 2023. № 2. С. 31 - 34.

Такие обстоятельства, как, например, личность и имущественное положение привлекаемого к ответственности лица, добровольное устранение последствий правонарушения, возмещение причиненного ущерба, не являются обстоятельствами, характеризующими малозначительность правонарушения. Они в силу частей 2 и 3 статьи 4.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях учитываются при назначении административного наказания (постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 года №5 "О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях").

По смыслу названных норм, оценка малозначительности деяния должна соотноситься с характером и степенью общественной опасности, причинением вреда либо с угрозой причинения вреда личности, обществу или государству. Категория малозначительности относится к числу оценочных, в связи с чем, определяется в каждом конкретном случае, исходя из обстоятельств совершенного правонарушения.

Принимая во внимание уже имеющиеся у судьи процессуальные инструменты – переквалификация деяния на ч. 1 ст. 12.27 КоАП РФ, применение ст. 2.9, внедрение «примирения сторон», с учетом объекта посягательства административного правонарушения, предусмотренного ст. 12.27 КоАП РФ, не будет соответствовать целям производства по делам об административных правонарушениях и не приведет к сколь-нибудь существенному снижению нагрузки на мировых судей.

Одновременно с этим такие изменения могут повлечь в практическом понимании не только необоснованное освобождение виновных от ответственности путем формальной оплаты ущерба потерпевшим, но и ослабление административной профилактики криминогенности латентной стороны рассматриваемого противоправного деяния, при его совершении лицами в состоянии опьянения.

Таким образом, автор полагает, что именно расширение санкции ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ путем включения в нее штрафа как дополнительного наказания будет способствовать дальнейшей борьбе за эффективную превенцию управления транспортными средствами в состоянии опьянения.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.06.2025)

2. Правила дорожного движения [Текст] : утверждены постановлением Совета министров — Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 // Собрание законодательства РФ. — 1993. — № 47. — Ст. 4531.

3. Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 N 5 (ред. от 23.12.2021) "О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях". Евсеева О.Н. Рассмотрение мировым судьей дел по ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ. Возможность примирения участников процесса // Мировой судья. 2023. N 2. С. 31 - 34.

5. Постановление Верховного Суда РФ от 12.05.2025 № 5-АД25-19-К2

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.04.2001 №6-п.

7. Евсеева О.Н. Рассмотрение мировым судьей дел по ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ. Возможность примирения участников процесса // Мировой судья. 2023. N 2. С. 31 - 34.

Some issues of practice in the application of art. 12.27 of Russian code of administrative offenses - "failure to fulfill duties in connection with road traffic an incident"

Vorobev V.A.

FEFU Law School

The article is devoted to the application of art. 12.27 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation. The author reveals certain legal gaps and opportunities for improving the fight against potentially very dangerous acts of unscrupulous road users at the stage of consideration of an administrative case by judges, provides recommendations on improving legislation and areas of explanatory work of higher authorities.

Keywords: administrative offenses in the field of traffic, traffic accident, administrative responsibility, insignificance, deprivation of the right to drive a vehicle, driving while intoxicated, court.

References

1. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001, No. 195-FZ (as amended on June 24, 2025)
2. Traffic Regulations [Text]: approved by Resolution of the Council of Ministers - Government of the Russian Federation of October 23, 1993, No. 1090 // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1993. - No. 47. - Art. 4531.
3. Federal Law of April 25, 2002 No. 40-FZ (as amended on July 31, 2025) "On Compulsory Civil Liability Insurance of Vehicle Owners"
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 24, 2005 No. 5 (as amended on December 23, 2021) "On Certain Issues Arising in Courts When Applying the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation." Evseeva, O.N. Consideration by a Justice of the Peace of Cases under Part 2 of Article 12.27 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. Possibility of Reconciliation of Participants in the Proceedings // Justice of the Peace. 2023. No. 2. pp. 31-34.
5. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of May 12, 2025, No. 5-AD25-19-K2
6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 25, 2001, No. 6-p.
7. Evseeva, O.N. Consideration by a Justice of the Peace of Cases under Part 2 of Article 12.27 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. Possibility of Reconciliation of Participants in the Proceedings // Justice of the Peace. 2023. No. 2. pp. 31-34.

Правовые аспекты и практические проблемы, связанные с куплей-продажей земельных участков

Гаврилов Вадим Раймандович

студент, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, vadim_g2004@mail.ru

Смирнова Мария Сергеевна

студентка Института права и национальной безопасности Президентской Академии, 77smirnova77@inbox.ru

Актуальность исследования определяется усилением значения земельного участка как объекта гражданского оборота и одновременным ужесточением требований к его кадастровому описанию. Сделка купли-продажи земли зависит от согласования существенных условий договора, достоверности сведений Единого государственного реестра недвижимости, раскрытия обременений, проверки вида разрешенного использования и возможности регистрации перехода права. Цель статьи состоит в выявлении правовых и практических рисков, возникающих при отчуждении земельных участков, и формулировании мер по их снижению. Методологическую основу составили формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы, анализ законодательства, судебных разъяснений и научных публикаций о реестровых ошибках. Установлено, что ключевые проблемы выражаются в неопределенности границ, неполноте сведений ЕГРН, сокрытии ограничений, недостоверных заверениях продавца и недостаточной предварительной проверке объекта. Обоснована потребность в договорном стандарте раскрытия информации, цифровой проверке участка, повышении качества кадастровых работ и усилении ответственности за заведомо ложные сведения. Практическое значение результатов выражается в предложении модели предварительной юридико-кадастровой проверки, применимой до подписания договора и подачи документов на государственную регистрацию перехода права на земельный участок.

Ключевые слова: земельный участок, купля-продажа, ЕГРН, кадастровый учет, реестровая ошибка, обременение, государственная регистрация.

Введение

Купля-продажа земельного участка относится к числу сделок, в которых частноправовая автономия сторон непосредственно соединяется с публичным режимом учета недвижимости. Стороны вправе определить цену, порядок расчетов, момент фактической передачи участка и иные договорные условия, однако юридический результат возникает в пределах требований гражданского, земельного и регистрационного законодательства. Гражданский кодекс Российской Федерации закрепляет модель продажи недвижимости, где продавец принимает на себя обязанность передать объект в собственность покупателя, а покупатель обязан принять объект и уплатить согласованную цену [1, ст. 549]. Для земельного участка эта конструкция получает специальное наполнение через статью 37 Земельного кодекса Российской Федерации, поскольку предметом сделки выступает участок, прошедший государственный кадастровый учет, с раскрытыми сведениями об ограничениях использования [2, ст. 37].

Правовая устойчивость договора зависит от качества сведений, внесенных в Единый государственный реестр недвижимости. Федеральный закон № 218-ФЗ связывает государственную регистрацию прав с внесением в ЕГРН юридически значимых сведений, а также устанавливает основания приостановления и отказа в учетно-регистрационных действиях [3, ст. 14, 26, 27]. С 1 марта 2025 года значение кадастровой определенности усилилось в связи с законодательными изменениями, направленными на недопущение регистрационных действий в отношении земельных участков без сведений о местоположении границ [6]. Для оборота земли это означает, что проверка границ, площади, категории земель, вида разрешенного использования и зон с особыми условиями использования территории становится центральной стадией подготовки сделки.

Практическая проблема состоит в расхождении между формальной простотой договора и сложностью объекта. Земельный участок может иметь корректную выписку из ЕГРН, но сохранять спор о границах, пересечение со смежным участком, скрытый сервитут, запрет на строительство, ограничение публичного характера или ошибочное указание площади. Научные публикации о купле-продаже земельных участков связывают основные риски покупателя с недобросовестным поведением продавца, неполным раскрытием сведений и завышением потребительских свойств объекта [8, с. 486–492; 9, с. 105–107]. Судебные споры показывают, что юридическая ценность договора определяется способностью покупателя получить пригодный для заявленной цели участок и зарегистрировать право без последующего оспаривания.

Цель исследования состоит в определении правовых и практических проблем купли-продажи земельных участков и выработке предложений, которые снижают регистрационные, кадастровые и договорные риски. Объектом исследования выступают отношения, возникающие при отчуждении земельных участков по договору купли-продажи. Предмет исследования составляют нормы гражданского, земельного и регистрационного законодательства, судебные разъяснения, научные подходы к проблемам кадастрового учета, реестровых ошибок и проверки земельного участка перед сделкой.

Материалы и методы

Материальную основу исследования составили положения Гражданского кодекса Российской Федерации, Земельного кодекса Российской Федерации, Федерального закона № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», Федерального закона № 221-ФЗ «О кадастровой деятельности» и Федерального закона № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [1–5]. Эти акты образуют единую регулятивную систему: гражданское законодательство определяет договорную форму отчуждения, земельное законодательство устанавливает специальный режим участка, регистрационное законодательство фиксирует переход права, а кадастровые нормы обеспечивают пространственную определенность объекта.

Формально-юридический метод использован для толкования требований к предмету договора, цене, письменной форме, раскрытию обременений и основаниям регистрационного действия. Системный метод позволил раскрыть связь между волеизъявлением сторон, кадастровым описанием участка, сведениями ЕГРН и судебной защитой покупателя. Анализ судебных разъяснений проведен с учетом позиции высших судов о значении государственной регистрации вещных прав и способах защиты при нарушении прав собственника или приобретателя недвижимости [7].

Эмпирическая база исследования представлена научными публикациями о рисках покупателей, судебных спорах по земельным сделкам, неполноте сведений ЕГРН, реестровых ошибках и цифровых способах их устранения [10, с. 343–345; 11; 12, с. 234–246; 13, с. 87–97]. Для оценки перспектив цифровизации учтены работы о распределенных реестрах и публичных регистрационных системах, где подчеркивается значение неизменяемости записи, цифровой идентификации и технических ограничений при исправлении ошибочных данных [15, с. 29].

Результаты и обсуждения

Проведенный анализ показывает, что правовая конструкция купли-продажи земельного участка состоит из трех взаимосвязанных элементов. Первый элемент выражается в договоре, где стороны индивидуализируют участок, согласуют цену и определяют порядок исполнения. Второй элемент связан с земельно-правовым режимом объекта: категория земель, вид разрешенного использования, ограничения оборотоспособности, режим сельскохозяйственных земель и территориальные зоны. Третий элемент образует государственная учетно-регистрационная процедура, в рамках которой проверяется возможность внесения перехода права в ЕГРН. Нарушение любого из этих элементов способно изменить экономический результат сделки.

Главный риск возникает при недостаточной индивидуализации объекта. Земельный участок определяется через кадастровый номер, площадь, местоположение границ, категорию земель и вид разрешенного использования. Реестровая запись приобретает значение доказательственной основы для договора, но она способна содержать технические и реестровые ошибки. Исследования ЕГРН фиксируют распространенность несовпадений границ, пересечений смежных участков, ошибок площади и неполноты сведений о координатах [11; 13, с. 87–97]. Указанные дефекты приобретают договорное значение, поскольку покупатель получает объект с характеристиками, отличными от согласованных при заключении сделки.

Второй устойчивый риск связан с обременениями и публичными ограничениями. Ипотека, сервитут, арест, охранный зона, санитарно-защитная зона, ограничения

строительства и особый режим использования могут сохраняться после перехода права и существенно снижать полезность приобретения. Земельное законодательство прямо возлагает на продавца обязанность сообщить покупателю сведения об обременениях и ограничениях; предоставление заведомо ложной информации дает покупателю право требовать уменьшения цены или расторжения договора [2, ст. 37]. В судебной и научной литературе данная проблема рассматривается через категорию недобросовестного продавца и нарушения ожиданий покупателя относительно свойств участка [17, с. 147–149].

Третий риск касается вида разрешенного использования и фактической пригодности участка. Покупатель нередко связывает сделку с будущим строительством, сельскохозяйственным использованием, размещением коммерческого объекта или присоединением участка к уже имеющемуся землевладению. Непроверенный вид разрешенного использования, несоответствие градостроительному регламенту и наличие ограничений по территориальной зоне превращают формально зарегистрированное право в экономически дефектный актив. Особое значение это имеет для земель сельскохозяйственного назначения, где действует специальный режим оборота и публичные цели сохранения сельскохозяйственного использования [5].

Результаты исследования позволяют выделить основные группы рисков, характерных для купли-продажи земельного участка. Они представлены в таблице 1.

Таблица 1

Основные риски при купле-продаже земельного участка

Группа риска	Типичное проявление	Значение для сделки
Кадастровый риск	Неуточненные границы, пересечение со смежным участком, ошибка площади.	Приостановление регистрации, межевой спор, изменение цены.
Реестровый риск	Недостовверные или неполные сведения ЕГРН.	Исправление записи, судебная экспертиза, риск убытков.
Договорный риск	Нераскрытые обременения, неточные заявления продавца.	Уменьшение цены, расторжение договора, взыскание убытков.
Градостроительный риск	ВРИ и территориальная зона не соответствуют цели покупки.	Невозможность строительства или иного планируемого использования.

Обсуждение

Таблица показывает, что подготовка сделки должна строиться как юридико-кадастровая проверка, а договор должен фиксировать результаты такой проверки. Простое приложение выписки из ЕГРН сохраняет значение, однако ее содержание требуется сопоставлять с межевым планом, правоустанавливающими документами, градостроительной информацией, фактической кадастровой картой и фактическим осмотром участка. Научные исследования по кадастровым данным подтверждают, что точность и полнота сведений ЕГРН прямо влияют на защиту прав собственников, налоговую базу и инвестиционную привлекательность территорий [12, с. 234–246].

Судебная защита покупателя зависит от характера дефекта. При уклонении продавца от регистрации перехода права может применяться требование о государственной регистрации перехода права. При обнаружении заведомо ложных сведений об участке покупатель получает инструменты уменьшения цены, расторжения договора и взыскания убытков. При реестровой ошибке требуется исправление сведений ЕГРН, иногда с проведением землеустроительной или кадастровой экспертизы. Судебные публикации по земельным спорам указывают, что исход дела часто определяется доказанностью существенного влияния ограничения или ошибки на возможность использования участка [10, с. 343–345; 18, с. 163–165].

Цифровизация регистрационных процедур снижает часть рисков, связанных с ручной обработкой документов и фрагментарностью сведений. Автоматизированный обмен между ЕГРН, градостроительными информационными системами, сервисами проверки зон с особыми условиями использования территории и кадастровыми данными способен заранее выявлять противоречия. При этом распределенные реестры и иные цифровые модели требуют осторожного применения, поскольку публичная регистрационная система должна обеспечивать возможность исправления ошибочных сведений, судебной корректировки записи и защиты персональных данных [15, с. 29].

Представляется обоснованным закрепление в договорной практике минимального стандарта раскрытия информации. В него должны входить заверения продавца о принадлежности участка, отсутствии нераскрытых прав третьих лиц, соответствии фактической площади и границ сведениям ЕГРН, наличии либо отсутствии споров, судебных запретов, охранных зон, ограничений строительства и иных обстоятельств, влияющих на цену. Практическое значение имеет распределение расходов на межевание, порядок устранения выявленной ошибки до регистрации и право покупателя отказаться от договора при обнаружении существенного несоответствия. Качество кадастровых работ также требует усиления профессионального контроля, поскольку ошибки кадастрового инженера становятся причиной последующего реестрового спора [4; 14, с. 6; 16, с. 49–59].

Заключение

Купля-продажа земельного участка является комплексной сделкой, где гражданско-правовое соглашение сторон действует в пределах земельно-правового режима объекта и публичной учетно-регистрационной процедуры. Существенными для результата становятся точность описания участка, достоверность сведений ЕГРН, раскрытие обременений, проверка вида разрешенного использования, наличие установленных границ и отсутствие обстоятельств, препятствующих государственной регистрации перехода права.

Основные практические проблемы концентрируются вокруг реестровых ошибок, неопределенности границ, скрытых ограничений, недостоверных заверений продавца, слабой предварительной проверки и разрыва между фактическим состоянием участка и его юридическим описанием. После усиления требований к сведениям о местоположении границ предварительная кадастровая проверка становится обязательным элементом безопасного оборота земельных участков.

Снижение рисков требует закрепления договорного стандарта раскрытия информации, проверки ЕГРН и градостроительных данных до подписания договора, повышения качества кадастровых работ, развития цифровых сервисов межведомственной проверки и усиления ответственности продавца за заведомо ложные сведения. Такая модель обеспечивает баланс интересов покупателя, продавца и публичного реестра, поскольку переводит центр тяжести с последующего спора на предварительное выявление дефектов объекта.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 24 июня 2025 г., с изм. от 9 июня 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.07.2026).

2. Земельный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (в ред. от 2 мая 2026 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 1 июля 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 44. – Ст. 4147. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.07.2026).

3. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (в ред. от 25.05.2026, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 29 (ч. I). – Ст. 4344. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.07.2026).

4. Федеральный закон от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О кадастровой деятельности» (в ред. от 31.07.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 31. – Ст. 4017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.07.2026).

5. Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (в ред. от 29.12.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.07.2026).

6. Федеральный закон от 26.12.2024 № 487-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 26.12.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412260014> (дата обращения: 07.07.2026).

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (в ред. от 12.12.2023) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2010. – № 7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.07.2026).

8. Гапин Д. А. Актуальные проблемы договора купли-продажи земельных участков в Российской Федерации // Вестник науки. – 2024. – № 6. – С. 486–492. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.xn----8sbempclwd3bmt.xn--p1ai/volume/journal-6-75-3> (дата обращения: 07.07.2026).

9. Егупов В. А., Меркурьев Д. И. Риски покупателей и пути их преодоления при заключении договора купли-продажи земельных участков // Молодой ученый. – 2021. – № 52 (394). – С. 105–107. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/394/87348/> (дата обращения: 07.07.2026).

10. Шахочкая К. С. Отдельные проблемы, возникающие при рассмотрении споров, связанных с куплей-продажей земельного участка, в судах общей юрисдикции // Молодой ученый. – 2021. – № 47 (389). – С. 343–345. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/389/85583/> (дата обращения: 07.07.2026).

11. Гинис Л. А., Капустянская Л. Р. О проблемах неполноты сведений и наличия реестровых ошибок в ЕГРН и способах их решения // International Research Journal. – 2023. – № 1 (127). – DOI: 10.23670/IRJ.2023.127.18. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://research-journal.org/archive/1-127-2023-january/10.23670/IRJ.2023.127.18> (дата обращения: 07.07.2026).

12. Ходенева В. Проблемы и пути решения ошибок в кадастровых данных // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. – 2024. – № 6-3 (93). – С. 234–246. – DOI: 10.24412/2500-1000-2024-6-3-234-246. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://intjournal.ru/wp-content/uploads/2024/07/Hodeneva.pdf> (дата обращения: 07.07.2026).

13. Махотлова М. Ш., Балкизов А. Б., Тхашокова С. В., Беппаева Д. И., Беканова Р. Р., Нырова Р. Н. Реестровые ошибки и практика их исправления в ЕГРН // *Московский экономический журнал*. – 2022. – № 9. – С. 87–97. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/reestrovye-oshibki-i-praktika-ih-ispravleniya-v-egrn> (дата обращения: 07.07.2026).

14. Колпакова О. П. Реестровые ошибки при постановке земельных участков на государственный кадастровый учет // *Московский экономический журнал*. – 2020. – № 8. – С. 6. – DOI: 10.24411/2413-046X-2020-10574. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/reestrovye-oshibki-pri-postanovke-zemelnyh-uchastkov-na-gosudarstvennyy-kadastrovyuy-uchet> (дата обращения: 07.07.2026).

15. Konashevych O. Constraints and Benefits of the Blockchain Use for Real Estate and Property Rights. – 2020. – 29 с. – arXiv:2001.09745. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://arxiv.org/abs/2001.09745> (дата обращения: 07.07.2026).

16. Нуприенкова А. В. Особенности государственного кадастрового учета объектов капитального строительства // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. – 2024. – № 9. – С. 49–59.

17. Круподеров Н. В., Коломина Д. В. Расторжение договора купли-продажи земельного участка при наличии обременения // *Молодой ученый*. – 2024. – № 46 (545). – С. 147–149. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/545/119357/> (дата обращения: 07.07.2026).

18. Бицужева М. М., Кочукова Е. К. Риски при покупке земельного участка: правовые аспекты // *Молодой ученый*. – 2024. – № 2 (501). – С. 163–165. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/501/110168/> (дата обращения: 07.07.2026).

Legal aspects and practical problems related to land plot sale Gavrilov V.R., Smirnova M.S.

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Presidential Academy

The relevance of the study is determined by the increasing importance of land plots as objects of civil turnover and by stricter requirements for cadastral description. The sale of a land plot depends on the agreement of essential contractual terms, the reliability of the Unified State Register of Real Estate, disclosure of encumbrances, verification of permitted use and the possibility of registering the transfer of title. The purpose of the article is to identify legal and practical risks arising from the alienation of land plots and to formulate measures aimed at reducing them. The methodological basis includes formal legal, systemic and comparative legal methods, as well as analysis of legislation, judicial explanations and academic publications on registry errors. The study shows that the main problems are uncertain boundaries, incomplete register data, concealed restrictions, inaccurate seller representations and insufficient pre-transaction due diligence. The article substantiates the need for a contractual information disclosure standard, digital verification of land plots, higher quality of cadastral works and stronger liability for knowingly false information.

Keywords: land plot, purchase and sale, USRN, cadastral registration, registry error, encumbrance, state registration.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Two): Federal Law No. 14-FZ of January 26, 1996, as amended on June 24, 2025, with changes of June 9, 2026. *Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii*, 1996, no. 5, art. 410. [Electronic resource]. Available at: <https://www.consultant.ru> (accessed 07.07.2026).
2. Land Code of the Russian Federation: Federal Law No. 136-FZ of October 25, 2001, as amended on May 2, 2026. *Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii*, 2001, no. 44, art. 4147. [Electronic resource]. Available at: <https://www.consultant.ru> (accessed 07.07.2026).
3. Federal Law No. 218-FZ of July 13, 2015 “On State Registration of Real Estate”, as amended on May 25, 2026. *Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii*, 2015, no. 29, part I, art. 4344. [Electronic resource]. Available at: <https://www.consultant.ru> (accessed 07.07.2026).
4. Federal Law No. 221-FZ of July 24, 2007 “On Cadastral Activity”, as amended on July 31, 2025. *Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii*, 2007, no. 31, art. 4017. [Electronic resource]. Available at: <https://www.consultant.ru> (accessed 07.07.2026).
5. Federal Law No. 101-FZ of July 24, 2002 “On the Turnover of Agricultural Land”, as amended on December 29, 2025. *Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii*, 2002, no. 30, art. 3018. [Electronic resource]. Available at: <https://www.consultant.ru> (accessed 07.07.2026).
6. Federal Law No. 487-FZ of December 26, 2024 “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”. Official Internet Portal of Legal Information, December 26, 2024. [Electronic resource]. Available at: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412260014> (accessed 07.07.2026).
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10 and the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 22 of April 29, 2010 “On Certain Issues Arising in Judicial Practice in Resolving Disputes Related to the Protection of Ownership and Other Property Rights”, as amended on December 12, 2023. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2010, no. 7. [Electronic resource]. Available at: <https://www.consultant.ru> (accessed 07.07.2026).
8. Gapin D. A. Current problems of the land plot purchase and sale agreement in the Russian Federation. *Vestnik nauki*, 2024, no. 6, pp. 486–492. [Electronic resource]. Available at: <https://www.xn----8sbemplclwd3bmt.xn--p1ai/volume/journal-6-75-3> (accessed 07.07.2026).
9. Egupov V. A., Merkuryev D. I. Buyer risks and ways to overcome them when concluding a land plot purchase and sale agreement. *Molodoy ucheny*, 2021, no. 52 (394), pp. 105–107. [Electronic resource]. Available at: <https://moluch.ru/archive/394/87348/> (accessed 07.07.2026).
10. Shakhotskaya K. S. Certain problems arising in courts of general jurisdiction in disputes related to land plot sale. *Molodoy ucheny*, 2021, no. 47 (389), pp. 343–345. [Electronic resource]. Available at: <https://moluch.ru/archive/389/85583/> (accessed 07.07.2026).
11. Ginis L. A., Kapustyanskaya L. R. Problems of incomplete information and registry errors in the USRN and ways to solve them. *International Research Journal*, 2023, no. 1 (127). DOI: 10.23670/IRJ.2023.127.18. [Electronic resource]. Available at: <https://research-journal.org/archive/1-127-2023-january/10.23670/IRJ.2023.127.18> (accessed 07.07.2026).
12. Khodeneva V. Problems and ways to solve errors in cadastral data. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2024, no. 6-3 (93), pp. 234–246. DOI: 10.24412/2500-1000-2024-6-3-234-246. [Electronic resource]. Available at: <https://intjournal.ru/wp-content/uploads/2024/07/Hodeneva.pdf> (accessed 07.07.2026).
13. Makhotlova M. Sh., Balkizov A. B., Tkhashokova S. V., Bepaeva D. I., Bkanova R. R., Nyrova R. N. Registry errors and practice of their correction in the USRN. *Moscow Economic Journal*, 2022, no. 9, pp. 87–97. [Electronic resource]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/reestrovye-oshibki-i-praktika-ih-ispravleniya-v-egrn> (accessed 07.07.2026).
14. Kolpakova O. P. Registry errors in state cadastral registration of land plots. *Moscow Economic Journal*, 2020, no. 8, p. 6. DOI: 10.24411/2413-046X-2020-10574. [Electronic resource]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/reestrovye-oshibki-pri-postanovke-zemelnyh-uchastkov-na-gosudarstvennyy-kadastrovyuy-uchet> (accessed 07.07.2026).
15. Konashevych O. Constraints and Benefits of the Blockchain Use for Real Estate and Property Rights. 2020. 29 p. arXiv:2001.09745. [Electronic resource]. Available at: <https://arxiv.org/abs/2001.09745> (accessed 07.07.2026).
16. Nuprienkova A. V. Features of state cadastral registration of capital construction objects. *Property Relations in the Russian Federation*, 2024, no. 9, pp. 49–59.
17. Krupoderov N. V., Kolomina D. V. Termination of the land plot purchase and sale agreement in the presence of an encumbrance. *Molodoy ucheny*, 2024, no. 46 (545), pp. 147–149. [Electronic resource]. Available at: <https://moluch.ru/archive/545/119357/> (accessed 07.07.2026).
18. Bitsueva M. M., Kochukova E. K. Risks when buying a land plot: legal aspects. *Molodoy ucheny*, 2024, no. 2 (501), pp. 163–165. [Electronic resource]. Available at: <https://moluch.ru/archive/501/110168/> (accessed 07.07.2026).

Правовые аспекты регулирования региональной хлебопекарной промышленности в контексте устойчивого развития территорий

Степанова Зоя Яковлевна

студент, МИРЭА – Российский Технологический Университет, tkim3301@hotmail.com

Гаджибек Виктория Павловна

канд. экон. наук, колледж, Российская академия академия народного хозяйства и государственной службы, vg79@bk.ru

В статье рассматривается правовое регулирование государственной поддержки региональной хлебопекарной промышленности как одного из инструментов устойчивого социально-экономического развития территорий. Обосновывается, что малые хлебопекарные предприятия обеспечивают не только выпуск социально значимой продукции, но и создают рабочие места, формируют локальные производственные цепочки, поддерживают занятость молодежи и способствуют укреплению продовольственной безопасности. Показано, что в условиях роста издержек, усиления давления на малый бизнес и территориальной дифференциации рынка именно региональные хлебопекарни способны стать точками экономического роста малых городов и сельских территорий. Методологическую основу исследования составили системный подход, сравнительный анализ, обобщение научной литературы, анализ нормативных правовых актов и официальных статистических данных, характеризующих развитие хлебопекарной отрасли в субъектах Российской Федерации. Проанализирован специальный правовой режим поддержки субъектов малого предпринимательства и охарактеризованы основные правовые инструменты его реализации – грантовые механизмы, льготное кредитование, субсидирование модернизации и участие в закупках для государственных и муниципальных нужд. На основе проведенного исследования предложен комплекс мер государственной поддержки, включающий развитие каналов сбыта, совершенствование финансовых механизмов поддержки и интеграцию предприятий хлебопекарной отрасли с системой среднего профессионального образования для решения кадровых проблем и повышения устойчивости региональной экономики.

Ключевые слова: хлебопекарная промышленность, малый бизнес, региональное развитие, кадровое обеспечение, правовое регулирование государственной поддержки МСП

Введение

Развитие малого бизнеса в современной России остается важным условием экономической устойчивости регионов и сохранения занятости населения [12]. На фоне роста издержек, изменения налоговой среды и общего давления на сектор малого и среднего предпринимательства (МСП) проблема сохранения устойчивости местных предприятий становится особенно острой [6]. В этой связи особый интерес представляет хлебопекарная промышленность, поскольку она относится к отраслям повседневного спроса и напрямую связана с обеспечением населения базовыми продуктами питания [11]. Реализация мер такой поддержки требует адекватной нормативно-правовой базы, что обуславливает необходимость анализа не только правовых аспектов государственной поддержки отрасли, но и экономических [23].

Хлеб и хлебобулочные изделия занимают особое место в структуре продовольственного потребления, а сами хлебопекарные предприятия часто выступают как малые и средние локальные производства, встроенные в региональную экономику. По данным отраслевой статистики Контур.Фокус, значительная часть предприятий хлебопечения в России относится к малому бизнесу [5]. Это означает, что поддержка отрасли фактически является поддержкой предпринимательства на местах, особенно в малых городах и сельской местности.

Научная новизна исследования состоит в том, что в отличие от работ, посвященных отдельным аспектам отрасли, – конкурентным стратегиям регионального рынка хлеба [2], продовольственной безопасности как таковой [11] или показателям отдельного региона [15], настоящее исследование выстраивает сквозную связь между статистикой хлебопекарного бизнеса, кадровым обеспечением территорий и их устойчивым социально-экономическим развитием, дополняя качественные выводы собственными расчетными показателями, а также систематизирует правовые инструменты государственной поддержки отрасли в рамках специального правового режима субъектов малого предпринимательства.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составили системный подход, сравнительный анализ, обобщение научной литературы, а также анализ нормативных и отраслевых материалов, связанных с развитием малого бизнеса, продовольственной безопасностью и поддержкой региональных предприятий.

Эмпирическую базу исследования составили данные Росстата о производстве хлебобулочной продукции по регионам РФ, материалы региональных органов управления АПК о динамике производства, мерах государственной поддержки и кадровой ситуации, а также финансовая отчетность крупных и средних хлебопекарных предприятий регионов-лидеров.

Значение отрасли

Хлебопекарная промышленность обладает выраженным территориальным эффектом. Отрасль обеспечивает население социально значимой продукцией, формирует спрос на местные трудовые ресурсы, сырье, оборудование, упаковку и транспортные услуги, а также создает мультипликативный эффект для торговли, логистики, образования и бытовых услуг.

Региональное развитие отрасли остается неравномерным: концентрация производства в крупных центрах сочетается с дефицитом хлебопекарных предприятий в удаленных районах, что снижает доступность свежей продукции и ограничивает развитие локальных цепочек добавленной стоимости.

Развитие региональных хлебопекарен имеет стратегическое значение для продовольственной безопасности. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации закрепляет необходимость устойчивого обеспечения населения продуктами питания и функционирования отечественного АПК [8]. Хлебопекарная отрасль выступает завершающим звеном, связывающим сельскохозяйственное сырье, переработку и конечное потребление.

Региональная дифференциация и динамика хлебопекарной отрасли

Территориальное распределение хлебопекарных предприятий остается неравномерным. По их числу лидируют Краснодарский край (более 1,1 тыс.; +3,9%), Москва (около 1 тыс.; +2,8%), Московская область (860; +1,06%), Республика Башкортостан (704; +3,07%) и Ростовская область (587; +1,73%). В Сибирском федеральном округе лидирует Алтайский край (более 425 предприятий), опережающий Красноярский край (351) и Кемеровскую область (245) [1].

Производственные показатели также существенно различаются по регионам. В Алтайском крае за восемь месяцев 2025 года произведено 60 тыс. тонн хлеба и хлебобулочных изделий (+3,3% к аналогичному периоду прошлого года). В Волгоградской области объем производства превысил 69 тыс. тонн, что обеспечило региону третье место в Южном федеральном округе [7]; здесь функционируют 126 производителей хлеба недлительного хранения и 59 предприятий по выпуску мучных кондитерских изделий.

Рост производства в ряде регионов связан с активностью малых пекарен. Так, в Ульяновской области в 2024 году произведено 30,8 тыс. тонн хлебобулочных изделий (+8%), что региональный Минсельхоз связывает с активизацией хлебопекарных предприятий, включая субъекты малого и среднего бизнеса [19].

Структура отрасли на уровне отдельных регионов подтверждает доминирование малых производств. В Ставропольском крае из 468 предприятий хлебопекарной отрасли 68% составляют микропредприятия, 23% – малые, 6% – средние и лишь 3% – крупные производства [16].

Позитивную динамику подтверждают и финансовые результаты предприятий Новосибирской области. ЗАО «Хлебокомбинат Инской» увеличило выручку на 39% (до 3,902 млрд руб.) и чистую прибыль на 111% (до 549 млн руб.), а АО «Хлебообъединение Восход» — соответственно на 24% (до 2,968 млрд руб.) и в 3,9 раза (до 135 млн руб.). Это свидетельствует о высоком потенциале развития отрасли [20].

Таким образом, региональный хлебопекарный комплекс демонстрирует устойчивую положительную динамику при значительной территориальной дифференциации. При этом в большинстве субъектов Российской Федерации в отрасли доминируют малые и микропредприятия.

Количественная оценка территориальной дифференциации

Для количественной оценки территориальной неравномерности темпы прироста числа предприятий в пяти регионах-лидерах были обработаны методами описательной статистики. Среднее значение прироста по выборке составило 2,51%, среднеквадратическое отклонение – около 1,0 п.п., а коэффициент вариации – порядка 40%,

что подтверждает тезис о существенной территориальной дифференциации темпов развития отрасли.

Дополнительным подтверждением опережающей роли малого предпринимательства служит расчет коэффициента эластичности: при росте рынка хлебопекарного бизнеса в целом на 2,36% за январь-сентябрь 2025 года количество индивидуальных предпринимателей выросло на 4,17%, то есть коэффициент эластичности составил около 1,8. Следовательно, сегмент ИП расширяется почти вдвое быстрее рынка, количественно подтверждая структурное доминирование малых форм предпринимательства в отрасли.

Малый бизнес и регион

В научной литературе малый бизнес рассматривается как фактор роста занятости и доходов населения, особенно на территориях с ограниченным числом крупных работодателей. Для регионов с высоким миграционным оттоком это имеет принципиальное значение, поскольку наличие рабочих мест влияет на решения молодежи о переезде [2, 4]. Исследования ИНП РАН и ИСПИ РАН также показывают, что в удаленных и депрессивных территориях малый бизнес остается основным источником занятости и местных налоговых поступлений, сдерживая обезлюживание периферийных районов [25].

На макроуровне сектор малого и среднего предпринимательства в России остается масштабным, однако испытывает неоднородное давление по отраслям и территориям; по данным Института экономики роста им. П.А. Столыпина, после 24 февраля 2022 года более 84% субъектов МСП испытывают последствия санкционных ограничений [10]. Дополнительным негативным фактором выступает рост числа закрытых малых предприятий, что особенно заметно в секторах повседневного спроса и локального обслуживания населения [13].

Это усиливает необходимость точечных отраслевых мер поддержки, особенно в сегментах, связанных с повседневным потреблением и занятостью местного населения. Для систематизации ключевых эффектов региональной хлебопекарной промышленности представим их в табличной форме (Таблица 1).

Таблица 1
Вклад региональной хлебопекарной промышленности в устойчивое развитие территорий

Показатель	Экономический эффект	Социальный эффект	Территориальный эффект
Производство продукции	Формирование выручки и налоговой базы	Обеспечение доступности базовых продуктов питания	Снижение зависимости от внешних поставок
Занятость	Создание рабочих мест	Снижение безработицы, особенно среди молодежи	Закрепление населения в малых территориях
Локальные цепочки	Развитие смежных отраслей: логистика, упаковка, торговля	Повышение устойчивости местного бизнеса	Укрепление региональной экономики
Сбыт и потребление	Устойчивый спрос на продукцию	Повышение качества и свежести питания	Развитие локальных рынков

Как следует из таблицы 1, отрасль оказывает одновременно экономическое, социальное и территориальное воздействие.

Правовые аспекты государственной поддержки хлебопекарных предприятий малого предпринимательства

Государственная поддержка реализуется через льготное кредитование, грантовые программы и обязательные закупки у МСП. Ключевыми правовыми инструментами выступают ФЗ-209 и ФЗ-44, определяющие условия финансовой и имущественной поддержки. [23]. В доктрине

предпринимательского права данный режим рассматривается как совокупность специальных норм, предусматривающих налоговые, надзорные и финансовые преференции для субъектов малого предпринимательства [9].

Применительно к хлебопекарной отрасли наибольшее значение имеют правовые механизмы льготного кредитования и субсидирования. Льготное кредитование субъектов малого предпринимательства осуществляется в рамках специальных программ, в которых часть процентной ставки компенсируется за счет бюджетных средств; правовой режим таких кредитов предусматривает требования к целевому использованию средств и отчетности заемщика [3]. Грантовая поддержка предоставляется при соблюдении установленных критериев, а нецелевое использование средств влечет их возврат в бюджет.

Отдельным правовым инструментом поддержки выступает институт обязательных закупок у субъектов малого предпринимательства. В соответствии со статьей 30 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» государственные и муниципальные заказчики обязаны осуществлять закупки у субъектов малого предпринимательства в объеме не менее 25% совокупного годового объема закупок [22]. Для хлебопекарных предприятий этот механизм обеспечивает гарантированный сбыт продукции, включая поставки для социальной сферы, что соответствует положениям Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации [8].

Вместе с тем практика применения специального правового режима поддержки МСП сопряжена с рядом проблем: множественностью и разрозненностью нормативных актов, регулирующих отдельные меры поддержки, отсутствием единых критериев оценки эффективности их применения, а также сохраняющимися административными барьерами при подтверждении статуса субъекта малого предпринимательства [9]. Устранение данных проблем требует не только экономических, но и законодательных решений, направленных на систематизацию и унификацию норм о государственной поддержке малого предпринимательства в отдельных отраслях, включая пищевую промышленность.

Основные результаты

Проведенный анализ позволяет выделить несколько ключевых результатов:

1. Региональная хлебопекарная промышленность выполняет производственную и социально-экономическую функцию, обеспечивающую устойчивость местных территориальных сообществ;
2. Малые пекарни обеспечивают занятость, развитие локальных цепочек поставок и экономическую активность регионов;
3. Отрасль имеет прямую связь с продовольственной безопасностью, поскольку обеспечивает производство социально значимого продукта ежедневного спроса и повышает устойчивость территориальных продовольственных систем. Для поддержания этой устойчивости требуется государственная поддержка, реализация которой должна носить комплексный характер и включать грантовые меры, субсидирование модернизации, льготное кредитование, поддержку сбыта и развитие образовательного партнерства;

Обсуждение

Поддержка локального производства соответствует современным подходам к региональному развитию. Исследования показывают, что локальные продовольственные системы укрепляют экономические и социальные связи внутри территорий, что особенно важно для России

с её пространственной неоднородностью и ограниченными возможностями занятости в отдельных регионах [21, 24, 26–27].

Важно отметить, что хлебопекарная отрасль – это базовый сегмент, тесно связанный с повседневным потреблением населения и потому обладающий высокой социальной устойчивостью, именно поэтому поддержка пекарен может дать эффект развития (таблица 2).

Таблица 2
Эффекты для региона

Направление	Краткосрочный эффект	Долгосрочный эффект
Экономика	Рост занятости	Устойчивость региональной экономики
Социальная сфера	Доступность продуктов	Снижение миграции населения
Образование	Практика для студентов СПО	Формирование кадрового потенциала
Продовольственная безопасность	Стабильные поставки хлебобулочной продукции	Повышение устойчивости региональных продовольственных систем

Вместе с тем поддержка должна быть не декларативной, а адресной. Простое субсидирование без решения вопросов сбыта, кадров и модернизации не обеспечит долгосрочного эффекта. Следовательно, нужен комплексный подход, в рамках которого финансовые меры сочетаются с образовательными, инфраструктурными и организационными решениями.

Заключение

Региональная хлебопекарная промышленность может и должна рассматриваться как важный элемент устойчивого развития территорий Российской Федерации. Поддержка малых пекарен способствует созданию рабочих мест, сохранению молодежи в регионах и укреплению продовольственной безопасности. В условиях давления на малый бизнес и роста числа закрытий предприятий в сфере питания данный сектор требует целевой государственной поддержки, реализуемой в рамках специального правового режима субъектов малого предпринимательства и требующей дальнейшей систематизации нормативно-правовой базы.

Представляется целесообразным развивать систему грантов, субсидий и образовательного партнерства, ориентированную именно на региональные хлебопекарни. Такой подход позволит не только сохранить существующие предприятия, но и создать основу для долгосрочного экономического и социального эффекта в малых населенных пунктах.

Литература

1. Алтайский край является лидером в Сибири по количеству хлебопекарных предприятий // РСР : отраслевой информационный портал. — URL: <https://roshleb.com/news/altaiskii-krai-iavliaetsia-liderom-v-sibiri-po-kolicestvu-xlebopekarnyx-predpriatii> (дата обращения: 30.06.2026). — Текст : электронный.
2. Боровских Н. В., Чижилова Т. А. (2025). Региональный рынок хлеба и хлебобулочной продукции: тенденции развития и разработка конкурентных стратегий. *Siberian Journal of Economic and Business Studies / Сибирский журнал экономических и бизнес-исследований*, 14(4), 129–145. <https://doi.org/10.12731/3033-5973-2025-14-4-307>
3. Бурцова, Ю. Е. Правовой режим льготного кредитования малого бизнеса / Ю. Е. Бурцова // СКИФ. Вопросы студенческой науки. — 2023. — № 4 (80). — С. 288–292.
4. Бюраева Ю. Г. Молодежная миграция в Республике Бурятия: направленность потоков и причины / Ю. Г. Бюраева // Социологические исследования. — 2020. — № 10. — С. 52–62. — DOI: 10.31857/S013216250010001-4.

5. В России растёт популярность пекарен // СКБ Контур. — 2025. — URL: <https://kontur.ru/press/news/81310-v-rossii-rastet-populyarnost-pekaren> (дата обращения: 11.06.2026)
6. Василенок Андрей Александрович, Шапор Мария Александровна Малый и средний бизнес в России в 2025 году и прогноз на 2026–2027 годы в логике JTBD // Экономическое развитие России. 2025. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/malyy-i-sredniy-biznes-v-rossii-v-2025-godu-i-prognoz-na-2026-2027-gody-v-logike-jtbd> (дата обращения: 11.06.2026).
7. Волгоградская область вошла в число лидеров Южного федерального округа по производству хлебоулучной продукции // ProIndustry : информационный портал пищевой промышленности. — URL: <https://proindustry.com/news/the-volgograd-region-is-among-the-leaders-of-the-southern-federal-dist> (дата обращения: 30.06.2026). — Текст : электронный.
8. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации : официальный сайт / Совет Безопасности Российской Федерации. — Москва. — URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/economic/document108/> (дата обращения: 11.06.2026). — Текст : электронный.
9. Ершова, И. В. Специальный правовой режим малого и среднего бизнеса в контексте поиска перспективных направлений поддержки иных сегментов отечественной экономики / И. В. Ершова, Е. В. Трофимова // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 2 (147). — С. 103–115. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.147.2.103-115.
10. Кувалин Д.Б. МСП в зоне турбулентности / Д.Б. Кувалин, П.А. Лавриненко // ИНП РАН. — 2026. — URL: <https://ecfor.ru/publication/problemy-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-v-rossii-2026/> (дата обращения: 11.06.2026)
11. Львова Г.Н. Хлебопекарная промышленность как составляющая продовольственной безопасности страны // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2022. №2 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hlebopekarnaya-promyshlennost-kak-sostavlyayuschaya-prodovolstvennoy-bezopasnosti-strany> (дата обращения: 11.06.2026).
12. Леушкина, В. В., & Федотова, А. А. (2026). Малый бизнес - фундамент современной экономики России. Информатика. Экономика. Управление - Informatics. Economics. Management, 5(1), 3023–3031. <https://doi.org/10.47813/2782-5280-2026-5-1-3023-3031>
13. Малый и средний бизнес в новых условиях: проблемы и меры, необходимые для развития [Электронный ресурс] / Институт комплексных стратегических исследований. — Москва : ИКСИ, 2024. — URL: [https://icss.ru/images/macro/20240205_%D0%98%D0%9A%D0%A1%D0%98%20%D0%9C%D0%A1%D0%9F%20\(6\).pdf](https://icss.ru/images/macro/20240205_%D0%98%D0%9A%D0%A1%D0%98%20%D0%9C%D0%A1%D0%9F%20(6).pdf) (дата обращения: 11.06.2026). — Текст : электронный.
14. Мкртчян, Н. В. Миграция в сельской местности России: территориальные различия / Н. В. Мкртчян // Население и экономика. — 2019. — № 1 (3). — С. 39–52. — DOI 10.3897/porecon.3.e34780.
15. Новикова, Т. Г. Состояние хлебопекарной отрасли потребительской кооперации Смоленской области в 2022–2024 гг / Т. Г. Новикова // Актуальные вопросы современной экономики. — 2025. — № 11. — С. 303–308. — DOI 10.34755/IROK.2025.94.93.008. — EDN MPZSPZ.
16. Отчёт Федерального государственного бюджетного учреждения «Федеральный центр оценки безопасности и качества продукции агропромышленного комплекса» // ФГБУ «Федеральный центр оценки безопасности и качества продукции АПК» : официальный сайт. — URL: <https://www.agroquality.ru/news/?NAME=direktor-severo-kavkazskogo-filiala-tsok-apk-prinyal-uchastie-v-otraslevom-forume-khlebopekarnoy-otr> (дата обращения: 30.06.2026). — Текст : электронный.
17. Полубояринова И. Исследование: МСП в России растёт на бумаге, но теряет обороты / И. Полубояринова // ИНК. — 2026. — URL: <https://incrossia.ru/news/issledovanie-kazhdyy-tretiy-predprinimatel-v-rossii-planiruet-zakryt-biznes/> (дата обращения: 11.06.2026)
18. Рахимова, Е. А. Устойчивое развитие хозяйств малых форм на основе совершенствования коротких цепочек поставок / Е. А. Рахимова. — DOI 10.33305/2511-74. — Текст : непосредственный // АПК: Экономика, управление. — 2025. — № 11. — (Экономический механизм хозяйствования). — С. 74–83.
19. Статистика // Министерство агропромышленного комплекса и развития сельских территорий Ульяновской области : официальный сайт. — URL: <https://mcx73.gosuslugi.ru/otkrytyj-foiv/statistika/> (дата обращения: 30.06.2026). — Текст : электронный.
20. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года : утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 № 4146-р [Электронный ресурс]. — Москва : Министерство экономического развития Российской Федерации. — URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/3b8e3a39329ce7949978d271195fdb6d/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rf_na_period_do_2030_goda_s_prognomom_do_2036_goda.pdf (дата обращения: 12.06.2026). — Текст : электронный.
21. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ст. 30) : (в ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. — 2013. — № 14. — Ст. 1652.
22. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» : (в ред. от 14.12.2025) // СЗ РФ. — 2007. — № 31. — Ст. 4006.
23. Шлыкова Л.В., Шамин А.Е. Федеральный проект «Профессионалитет» как инструмент развития системы взаимодействия образовательных организаций и АПК региона // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 4. С. 228–234. <https://doi.org/10.24412/2073-3305-2024-4-228-234>. EDN: <https://elibrary.ru/YBARXX>
24. Эфендиев А. Г., Гоголева А. С. Внутренняя миграция работающей молодежи: факторы формирования готовности переехать в другой город / А. Г. Эфендиев, А. С. Гоголева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. — 2024. — Т. 17, № 1. — С. 47–64. — DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.104>
25. OECD (2021), Jobs for Rural Youth: The Role of Local Food Economies, Development Centre Studies, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/692c0ca1-en>
26. Westskog, H. (2024) “Local food systems and community development: a symbiotic relation? A case study of three rural municipalities in Norway”, The International Journal of Sociology of Agriculture and Food, 30(1), pp. 19–42. doi:10.48416/ij saf.v30i1.534.

Legal aspects of regulating the regional bakery industry in the context of sustainable territorial development
Stepanova Z.Ya., Gadzhibek V.P.

MIREA – Russian Technological University, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the legal regulation of state support for the regional bakery industry as an instrument for promoting the sustainable socio-economic development of territories. It argues that small bakery enterprises not only produce socially significant food products but also create jobs, develop local production and supply chains, support youth employment, and strengthen food security. The study demonstrates that, amid rising production costs, increasing pressure on small businesses, and growing territorial disparities, regional bakeries can serve as drivers of economic

growth in small towns and rural areas. The research is based on a systems approach, comparative analysis, a review of academic literature, an examination of legal regulations, and the analysis of official statistical data describing the development of the bakery industry across the constituent entities of the Russian Federation. The paper analyzes the special legal regime governing state support for small businesses and identifies its principal legal instruments, including grant programs, preferential lending, modernization subsidies, and participation in public procurement. Based on the findings, the author proposes a comprehensive system of state support aimed at improving market access, enhancing financial support mechanisms, and strengthening cooperation between bakery enterprises and vocational education institutions to address workforce shortages and improve the long-term sustainability of regional economies.

Keywords: bakery industry, small business, regional development, workforce provision, legal regulation of SME support

References

1. Altaiskii krai iavljaetsia liderom v Sibiri po kolichestvu khlebopekarnykh predpriatii [Altai Krai is the leader in Siberia by number of bakery enterprises] // RSP: otraslevoi informatsionnyi portal [RSP: industry information portal]. — URL: <https://roshleb.com/news/altaiskii-krai-iavljaetsia-liderom-v-sibiri-po-kolichestvu-khlebopekarnykh-predpriatii> (accessed: 30.06.2026). (In Russian)
2. Borovskikh N.V., Chizhikova T.A. (2025). Regional bread and bakery products market: development trends and competitive strategy development. *Siberian Journal of Economic and Business Studies*, 14(4), 129-145. <https://doi.org/10.12731/3033-5973-2025-14-4-307>
3. Burtsova Yu.E. Pravovoi rezhim l'gotnogo kreditovaniya malogo biznesa [Legal regime of preferential lending for small business] // SKIF. Voprosy studencheskoi nauki [SKIF. Student Science Issues]. — 2023. — No. 4 (80). — Pp. 288-292. (In Russian)
4. Buraeva Yu.G. Molodezhnaya migratsiya v Respublike Buryatiya: napravlenost' potokov i prichiny [Youth migration in the Republic of Buryatia: flow directions and causes] // Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. — 2020. — No. 10. — Pp. 52–62. — DOI: 10.31857/S013216250010001-4. (In Russian)
5. V Rossii rastet populyarnost' pekaren [The popularity of bakeries is growing in Russia] // SKB Kontur. — 2025. — URL: <https://kontur.ru/press/news/81310-v-rossii-rastet-populyarnost-pekaren> (accessed: 11.06.2026). (In Russian)
6. Vasilenok A.A., Shapor M.A. Malyy i sredniy biznes v Rossii v 2025 godu i prognoz na 2026–2027 gody v logike JTBD [Small and medium-sized business in Russia in 2025 and the forecast for 2026–2027 through the JTBD lens] // Ekonomicheskoe razvitiye Rossii [Russia's Economic Development]. 2025. No. 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/malyy-i-sredniy-biznes-v-rossii-v-2025-godu-i-prognoz-na-2026-2027-gody-v-logike-jtbd> (accessed: 11.06.2026). (In Russian)
7. Volgogradskaya oblast' voshla v chislo liderov Yuzhnogo federal'nogo okruga po proizvodstvu khlebobulochnoi produktsii [The Volgograd Region became one of the leaders of the Southern Federal District in bakery production] // ProdIndustry: informatsionnyi portal pishchevoi promyshlennosti [ProdIndustry: food industry information portal]. — URL: <https://prodindustry.com/news/the-volgograd-region-is-among-the-leaders-of-the-southern-federal-dist> (accessed: 30.06.2026). (In Russian)
8. Doktrina prodovol'stvennoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii [Food Security Doctrine of the Russian Federation]: official website / Security Council of the Russian Federation. — Moscow. — URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/economic/document108/> (accessed: 11.06.2026). (In Russian)
9. Ershova I.V., Trofimova E.V. Spetsial'nyi pravovoi rezhim malogo i srednego biznesa v kontekste poiska perspektivnykh napravlenii podderzhki inyykh segmentov otechestvennoi ekonomiki [Special legal regime for small and medium-sized business in the search for promising areas of support for other segments of the domestic economy] // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava [Actual Problems of Russian Law]. — 2023. — Vol. 18. — No. 2 (147). — Pp. 103-115. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.147.2.103-115. (In Russian)
10. Kuvalin D.B., Lavrinenko P.A. MSP v zone turbulentnosti [SMEs in the turbulence zone] // INP RAN [Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences]. — 2026. — URL: <https://ecfor.ru/publication/problemny-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-v-rossii-2026/> (accessed: 11.06.2026). (In Russian)
11. Lvova G.N. Khlebopekarnaya promyshlennost' kak sostavlyayushchaya prodovol'stvennoi bezopasnosti strany [The bakery industry as a component of the country's food security] // Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S.Yu. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie [Bulletin of Moscow Witte University. Series 1: Economics and Management]. 2022. No. 2 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/khlebopekarnaya-promyshlennost-kak-sostavlyayushchaya-prodovol'stvennoy-bezopasnosti-strany> (accessed: 11.06.2026). (In Russian)
12. Leushkina, V.V., & Fedotova, A.A. (2026). Small business — the foundation of Russia's modern economy. *Informatika. Ekonomika. Upravlenie – Informatics. Economics. Management*, 5(1), 3023–3031. <https://doi.org/10.47813/2782-5280-5-1-3023-3031>
13. Malyy i sredniy biznes v novykh usloviyakh: problemy i mery, neobkhodimye dlya razvitiya [Small and medium-sized business under new conditions: problems and measures needed for development] [Electronic resource] / Institute for Complex Strategic Studies. — Moscow: ICSS, 2024. — URL: [https://icss.ru/images/macro/20240205_%D0%98%D0%9A%D0%A1%D0%98%20%D0%9C%D0%A1%D0%9F%20\(6\).pdf](https://icss.ru/images/macro/20240205_%D0%98%D0%9A%D0%A1%D0%98%20%D0%9C%D0%A1%D0%9F%20(6).pdf) (accessed: 11.06.2026). (In Russian)
14. Mkrtchyan N.V. Migratsiya v sel'skoi mestnosti Rossii: territorial'nye razlichiya [Migration in rural Russia: territorial differences] // Naselenie i ekonomika [Population and Economics]. — 2019. — No. 1 (3). — Pp. 39–52. — DOI 10.3897/popecon.3.e34780. (In Russian)
15. Novikova T.G. Sostoyaniye khlebopekarnoi otrasli potrebitel'skoi kooperatsii Smolenskoi oblasti v 2022–2024 gg [The state of the bakery sector of consumer cooperation in the Smolensk Region in 2022–2024] // Aktual'nye voprosy sovremennoi ekonomiki [Current Issues of Modern Economics]. — 2025. — No. 11. — Pp. 303-308. — DOI 10.34755/IROK.2025.94.93.008. — EDN MPZSPZ. (In Russian)
16. Otchet Federal'nogo gosudarstvennogo byudzhethnogo uchrezhdeniya "Federal'nyi tsentr otsenki bezopasnosti i kachestva produktsii agropromyshlennogo kompleksa" [Report of the Federal State Budgetary Institution "Federal Center for Safety and Quality Assessment of Agro-Industrial Products"] // FGBU "Federal'nyi tsentr otsenki bezopasnosti i kachestva produktsii APK": official website. — URL: <https://www.agroquality.ru/news/?NAME=direktor-severo-kavkazskogo-filiala-tsok-apk-prinyal-uchastie-v-otraslevom-forume-khlebopekarnoy-otr> (accessed: 30.06.2026). (In Russian)
17. Poluboyarinova I. Issledovanie: MSP v Rossii rastet na bumage, no teryaet obroty [Study: SMEs in Russia are growing on paper but losing turnover] // INK. — 2026. — URL: <https://incrossia.ru/news/issledovanie-kazhdyy-tretiy-predprinimatel-v-rossii-planiruet-zakryt-biznes/> (accessed: 11.06.2026). (In Russian)
18. Rakhimova, E.A. Ustoichivoe razvitiye khozyaistv malyykh form na osnove sovershenstvovaniya korotkikh tsepochek postavok [Sustainable development of small-scale farms based on improving short supply chains]. — DOI 10.33305/2511-74 // APK: Ekonomika, upravlenie [Agro-Industrial Complex: Economics, Management]. — 2025. — No. 11. — Pp. 74-83. (In Russian)
19. Statistika [Statistics] // Ministerstvo agropromyshlennogo kompleksa i razvitiya sel'skikh territorii Ulyanovskoi oblasti [Ministry of Agro-Industrial Complex and Rural Development of the Ulyanovsk Region]: official website. — URL: <https://mcx73.gosuslugi.ru/otkryty-foiv/statistika/> (accessed: 30.06.2026). (In Russian)
20. Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda s prognozom do 2036 goda [Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast to 2036]: approved by Order of the Government of the Russian Federation No. 4146-r dated 28.12.2024 [Electronic resource]. — Moscow: Ministry of Economic Development of the Russian Federation. — URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/3b8e3a39329ce7949978d271195fdb6d/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rf_na_period_d_o_2030_goda_s_prognozom_do_2036_goda.pdf (accessed: 12.06.2026). (In Russian)
21. Federal Law No. 44-FZ of 05.04.2013 "On the Contract System in the Procurement of Goods, Works and Services for State and Municipal Needs" (Art. 30) (as amended on 31.07.2025) // Collected Legislation of the RF. — 2013. — No. 14. — Art. 1652. (In Russian)
22. Federal Law No. 209-FZ of 24.07.2007 "On the Development of Small and Medium-Sized Business in the Russian Federation" (as amended on 14.12.2025) // Collected Legislation of the RF. — 2007. — No. 31. — Art. 4006. (In Russian)
23. Shlykova L.V., Shamin A.E. Federal'nyi proekt "Professionalitet" kak instrument razvitiya sistemy vzaimodeistviya obrazovatel'nykh organizatsii i APK regiona [The federal project "Professionalitet" as a tool for developing interaction between educational institutions and the region's agro-industrial complex] // Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry [Education. Science. Scientific Personnel]. 2024. No. 4. Pp. 228–234. <https://doi.org/10.24412/2073-3305-2024-4-228-234>. EDN: <https://elibrary.ru/YBARXX> (In Russian)
24. Efendiev A.G., Gogoleva A.S. Vnutrennyaya migratsiya rabotayushchey molodezhi: faktory formirovaniya gotovnosti perekhat' v drugoi gorod [Internal migration of working youth: factors shaping readiness to relocate to another city] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya [Vestnik of St. Petersburg University. Sociology]. — 2024. — Vol. 17, No. 1. — Pp. 47–64. — DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.104> (In Russian)
25. OECD (2021), Jobs for Rural Youth: The Role of Local Food Economies, Development Centre Studies, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/692c0ca1-en>
26. Westskog, H. (2024) "Local food systems and community development: a symbiotic relation? A case study of three rural municipalities in Norway", *The International Journal of Sociology of Agriculture and Food*, 30(1), pp. 19–42. doi:10.48416/ijsof.v30i1.534.

Проблематика заверения электронных доказательств при угрозе их потери

Гончар Полина Андреевна

студент Дальневосточного федерального университета,
gonchar.pandr@dvfu.ru

Макаров Егор Денисович

студент Дальневосточного федерального университета
makarov.ede@dvfu.ru

Леонов Михаил Романович

ассистент кафедры международного публичного и частного права Дальневосточного федерального университета,
leonov.mr@dvfu.ru

В статье исследуются актуальные проблемы заверения электронных доказательств при риске их быстрой утраты в гражданском судопроизводстве. Анализируются три основные формы фиксации цифровой информации: нотариальное обеспечение доказательств, судебное обеспечение доказательств и самостоятельное заверение сторонами с привлечением специалиста в области информационных технологий. Показано, что традиционные процессуальные механизмы не всегда учитывают природу электронных данных, которые могут быть удалены или изменены в кратчайший срок. Рассматриваются ограничения нотариального протокола осмотра, проблемы судебных отказов из-за завышенного стандарта доказывания угрозы утраты, а также подход Верховного Суда РФ к допустимости самостоятельно заверенных скриншотов. Обосновывается необходимость специальной регламентации обеспечения электронных доказательств, расширения использования методов компьютерной криминалистики, хэширования и цифровых меток времени.

Ключевые слова: электронные доказательства, обеспечение доказательств, нотариальное обеспечение доказательств, судебное доказывание, скриншот, цифровые данные, компьютерная криминалистика.

Стремительная цифровизация гражданского оборота и переход коммуникаций в виртуальную среду привели к тому, что электронные доказательства (далее – ЭД) стали одним из ключевых инструментов судебного доказывания. Однако главная характеристика любой цифровой информации – её высокая волатильность. Электронная переписка, контент интернет-сайтов, лог-файлы и данные мессенджеров могут быть изменены или безвозвратно удалены заинтересованным лицом буквально «в один клик». В связи с этим проблемой цивилистического процесса становится своевременная и процессуально безупречная фиксация (заверение) ЭД при угрозе их потери.

На сегодняшний день правоприменительная практика выработала три основных направления фиксации цифровых следов: нотариальное обеспечение, судебное обеспечение (включая предварительные меры) и самостоятельное заверение сторонами с возможным привлечением IT-специалистов. Каждое из направлений имеет специфические проблемы правоприменения.

Исторически наиболее надежным способом признается обеспечение доказательств нотариусом в порядке ст. 102 и 103 Основ законодательства РФ о нотариате⁶. Результатом выступает протокол осмотра интернет-страницы или электронного устройства. Ценность данного способа заключается в особой преюдициальной силе: согласно ч. 5 ст. 61 ГПК РФ, обстоятельства, подтвержденные нотариусом, не требуют доказывания⁷. Однако нотариальное обеспечение не лишено существенных недостатков. Во-первых, это дорогостоящая и времязатратная процедура, в то время как удаление информации в мессенджере (например, функции удаления сообщений «для всех» в Telegram или WhatsApp) происходит мгновенно. Во-вторых, нотариус фиксирует лишь визуальное отображение информации на экране дисплея (что видит пользователь), но не обладает компетенциями для проверки подлинности самих электронных файлов. Нотариус не устанавливает факты фальсификации атрибутов файла (изменения метаданных, подмены времени системных часов ПК), что оставляет возможность для процессуальных оппонентов ставить под сомнение достоверность исходного цифрового документа⁸.

Институт судебного обеспечения доказательств (ст. 64–66 ГПК РФ) предоставляет лицам, участвующим в деле, право просить суд об обеспечении доказательств, если имеются основания опасаться, что их представление впоследствии станет невозможным. При этом меры могут быть приняты как до возбуждения дела (предварительное обеспечение в арбитражном процессе), так и на стадии судебного разбирательства.

Однако анализ судебной практики демонстрирует отказы судов в удовлетворении подобных заявлений. Основная проблема кроется в бремени доказывания: суды требуют от заявителя безусловных доказательств того, что информация реально существует и имеется реальная угроза ее уничтожения. Возникает логический парадокс:

⁶ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 10.06.2026) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ (дата обращения: 15.06.2026).

⁷ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 15.06.2026).

⁸ Артебякина Н.А. Протокол осмотра нотариусом интернет-страницы как средство обеспечения доказательств в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 1. С. 274–286. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37124995> (дата обращения: 15.06.2026).

истец не может представить суду доказательство (поскольку просит его обеспечить путем истребования или судебного осмотра компьютера ответчика), но обязан доказать его существование.

Показательным является апелляционное определение Саратовского областного суда от 01 декабря 2022 г. по делу № 33-9878/2022. Суд отказал в обеспечении доказательств (журналов и переписок), указав, что заявитель не подтвердил «реальность существования доказательств» и наличие угрозы их утраты⁹. Аналогичный подход к бремени доказывания продемонстрировал Восьмой кассационный суд общей юрисдикции в определении от 16 мая 2023 г. по делу № 8Г-7464/2023. Суд кассационной инстанции признал правомерным отказ нижестоящих судов, подчеркнув, что обязательным условием для обеспечения доказательств является не только их относимость и допустимость, но и факт того, что доказательство «реально существует», а его предоставление впоследствии станет объективно невозможным или затруднительным¹⁰. Дополнительной сложностью является смешение институтов обеспечения иска и обеспечения доказательств. Как следует из определения Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 10 августа 2022 г. по делу № 8Г-15671/2022, суды следят за тем, чтобы заявляемые меры были направлены именно на сохранение информации (доказательственных свойств), а не на ограничение распоряжения имуществом¹¹.

Очевидно, что консервативный подход судов к оценке угрозы утраты противоречит самой природе цифровых данных, где угроза уничтожения перманентна и присуща любой электронной информации, находящейся на серверах или устройствах оппонента.

В условиях процессуальных сложностей с нотариальным и судебным обеспечением, стороны все чаще прибегают к самостоятельному предварительному обеспечению ЭД. Базовым способом является создание снимков экрана (скриншотов). Долгое время суды относились к ним скептически, однако Верховный Суд РФ кардинально изменил практику. Согласно п. 55 Постановления Пленума ВС РФ № 10 от 23.04.2019, допустимыми доказательствами признаются сделанные и заверенные самими лицами распечатки материалов из сети Интернет с указанием адреса страницы и точного времени ее получения¹². Верховный Суд РФ последовательно пресекает формальный подход нижестоящих инстанций, отказывающихся принимать незаверенные нотариусом скриншоты. Так, в Определении от 07.02.2023 № 5-КГ22-144-К2 Верховный Суд РФ отменил судебные акты нижестоящих судов, необоснованно отклонивших скриншоты онлайн-переписки

сторон лишь на том основании, что они не заверены нотариально¹³.

Тем не менее, самостоятельное заверение порождает проблему оценки достоверности (контролепригодности) доказательства. Графическое изображение легко модифицируется в графических редакторах. При заявлении оппонентом о фальсификации доказательств, простой скриншот теряет свою доказательственную силу.

Для нивелирования этих рисков в цивилистический процесс активно внедряются методы компьютерной криминалистики (IT-Forensics). Лица, опасаясь потери доказательств, инициируют предварительное внесудебное исследование цифровых следов с привлечением профильных специалистов. Специалист осуществляет не просто визуальный осмотр, а извлекает log-файлы, анализирует служебные заголовки почтовых сообщений (RFC 5322), метаданные вложений и кэш-память, подтверждая тем самым неизменность и целостность электронной информации с момента ее создания¹⁴. При удалении данных с сайтов эффективным средством доказывания признается использование сервисов интернет-архивов (например, Way Back Machine), с помощью данных сервисов можно увидеть содержание интернет-страницы на определенную дату¹⁵.

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что действующее процессуальное законодательство не в полной мере отвечает вызовам эпохи высоких технологий в части оперативного обеспечения ЭД. Для решения существующих проблем представляется необходимым:

1. Закрепить в ГПК РФ специальную норму о судебном обеспечении ЭД, установив сниженный стандарт доказывания «угрозы утраты» ввиду презумпции волатильности цифровых данных.
2. Регламентировать порядок проведения судом онлайн-осмотра интернет-страниц в режиме реального времени на стадии подготовки дела к судебному разбирательству с автоматической фиксацией результатов в электронной карточке дела.
3. Расширить использование средств криптографической защиты (хэширования) и фиксации времени (цифровые метки времени) при самостоятельном обеспечении доказательств сторонами, приравняв их доказательственную силу к нотариальному заверению при условии соблюдения установленных технических регламентов.

Только комплексная адаптация институтов обеспечения доказательств позволит гарантировать реализацию права на судебную защиту в условиях формирования цифровой экономики.

Литература

⁹ Неделько И.О. Институт обеспечения доказательств в гражданском процессе: судебная практика об отказе в обеспечении доказательств // Вопросы российской юстиции. 2024. № 31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-obespecheniya-dokazatelstv-v-grazhdanskom-protsesse-sudebnaya-praktika-ob-otkaze-v-obespechenii-dokazatelstv> (дата обращения: 15.06.2026).

¹⁰ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 16.05.2023 по делу № 8Г-7464/2023. URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=25608759&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1&srvc_num=1 (дата обращения: 15.06.2026).

¹¹ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 10.08.2022 по делу № 8Г-15671/2022. URL: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=1314453&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1&srvc_num=1 (дата обращения: 15.06.2026).

¹² О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 // Российская газета. 2019. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (дата обращения: 15.06.2026).

¹³ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 10.08.2022 по делу № 8Г-15671/2022. URL: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=1314453&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1&srvc_num=1 (дата обращения: 15.06.2026).

¹⁴ Горелов М.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве России: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 185 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16068481> (дата обращения: 15.06.2026).

¹⁵ Чугунов О.Ю. Электронное доказательство, практическое применение в суде // Закон.ру: правовая социальная сеть. 2024. URL: https://zakon.ru/blog/2024/6/3/elektronnoe_dokazatelstvo_voznikshi_h_obstoyatelstv (дата обращения: 15.06.2026).

1. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 10.06.2026) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 10. – URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ (дата обращения: 15.06.2026).

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 15.06.2026).

3. Артебякина Н.А. Протокол осмотра нотариусом интернет-страницы как средство обеспечения доказательств в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. – 2019. – Т. 9, № 1. – С. 274–286. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37124995> (дата обращения: 15.06.2026).

4. Неделько И.О. Институт обеспечения доказательств в гражданском процессе: судебная практика об отказе в обеспечении доказательств // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 31. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-obespecheniya-dokazatelstv-v-grazhdanskom-protsesse-sudebnaya-praktika-ob-otkaze-v-obespechenii-dokazatelstv> (дата обращения: 15.06.2026).

5. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 16.05.2023 по делу № 8Г-7464/2023. – URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=25608759&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1&srv_num=1 (дата обращения: 15.06.2026).

6. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 10.08.2022 по делу № 8Г-15671/2022. – URL: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=1314453&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1&srv_num=1 (дата обращения: 15.06.2026).

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2019. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (дата обращения: 15.06.2026).

8. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 07.02.2023 № 5-КГ22-144-К2. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=749804> (дата обращения: 15.06.2026).

9. Горелов М.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве России: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2005. – 185 с. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16068481> (дата обращения: 15.06.2026).

10. Чугунов О.Ю. Электронное доказательство, практическое применение в суде // Закон.ру: правовая социальная сеть. – 2024. – URL: https://zakon.ru/blog/2024/6/3/elektronnoe_dokazatelstvo_voznikshih_obstoyatelstv (дата обращения: 15.06.2026).

Problems of Authentication of Electronic Evidence Under the Threat of Its Loss

Gonchar P.A., Makarov E.D., Leonov M.R.

Far Eastern Federal University

The article examines current issues of authentication of electronic evidence when there is a risk of its rapid loss in civil proceedings. Three main forms of fixing digital information are analyzed: notarial securing of evidence, judicial securing of evidence, and independent authentication by the parties with the involvement of an information technology specialist. The author shows that traditional procedural mechanisms do not always take into account the nature of electronic data, which can be deleted or altered within a very short period of time. The paper considers the limitations of a notarial inspection protocol, the problem of judicial refusals caused by an excessively high standard of proof of the threat of loss, and the approach of the Supreme Court of the Russian Federation to the admissibility of independently certified screenshots. The conclusion substantiates the need for special procedural regulation of electronic evidence preservation, as well as broader use of computer forensics, hashing and digital timestamps.

Keywords: electronic evidence, securing evidence, notarial securing of evidence, judicial proof, screenshot, digital data, computer forensics.

References

1. Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on the Notariat (approved by the Supreme Soviet of the Russian Federation on 11.02.1993 No. 4462-1, as amended on 10.06.2026). Vedomosti SND i VS RF, 1993, no. 10. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ (accessed 15.06.2026).
2. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended on 09.04.2026). Sbornie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii, 2002, no. 46. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (accessed 15.06.2026).
3. Artebyakina N.A. Protocol of inspection of an Internet page by a notary as a means of securing evidence in civil proceedings. Vestnik grazhdanskogo protsesssa, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 274–286. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37124995> (accessed 15.06.2026).
4. Nedelko I.O. Institute of securing evidence in civil procedure: judicial practice of refusing to secure evidence. Voprosy rossiiskoi iustitsii, 2024, no. 31. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-obespecheniya-dokazatelstv-v-grazhdanskom-protsesse-sudebnaya-praktika-ob-otkaze-v-obespechenii-dokazatelstv> (accessed 15.06.2026).
5. Ruling of the Eighth Court of Cassation of General Jurisdiction of 16.05.2023 in case no. 8G-7464/2023. Available at: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=25608759&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1&srv_num=1 (accessed 15.06.2026).
6. Ruling of the Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction of 10.08.2022 in case no. 8G-15671/2022. Available at: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=1314453&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1&srv_num=1 (accessed 15.06.2026).
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.04.2019 No. 10 "On the application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation". Rossiiskaia gazeta, 2019. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (accessed 15.06.2026).
8. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 07.02.2023 No. 5-KG22-144-K2. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=749804> (accessed 15.06.2026).
9. Gorelov M.V. Electronic evidence in civil proceedings in Russia: issues of theory and practice. Cand. jurid. sci. diss. Yekaterinburg, 2005. 185 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16068481> (accessed 15.06.2026).
10. Chugunov O.Yu. Electronic evidence: practical application in court. Zakon.ru: pravovaia sotsial'naia set', 2024. Available at: https://zakon.ru/blog/2024/6/3/elektronnoe_dokazatelstvo_voznikshih_obstoyatelstv (accessed 15.06.2026).

Правовой статус жилья, приватизированного супругами совместно в период пребывания Крыма в составе Украины, и о его дальнейшей юридической судьбе в Российской Федерации.

Зацаринная Наталья Сергеевна

временно исполняющая обязанности нотариуса, Республика Крым, natali-224@yandex.ru

В настоящей статье затронута тема о приватизации жилого помещения супругами в совместную собственность с определением долей или без определения долей супругов в праве собственности на жилье в период пребывания Крыма в составе Украины, в частности, более подробно раскрыта тема на примере приватизации однокомнатных квартир. А также, о дальнейшей возможной трансформации права собственности супругов при обмене этого жилого помещения на иное, и о том, требуется ли нотариальное согласие супруга на отчуждение такого жилого помещения.

Ключевые слова: совместная собственность супругов, однокомнатная квартира, приватизация жилого помещения, мена, дарение, долевая собственность, нотариальное согласие супруга, Республика Крым.

Введение.

С момента вступления Республики Крым в состав Российской Федерации прошло более 12 лет, но некоторые правовые коллизии, существовавшие во время нахождения данного субъекта в составе Украины проявляют себя и по сей день.

По смыслу последовательно высказываемых Конституционным Судом России позиций неоднозначность, неясность и противоречивость регулирования недопустимы, поскольку, препятствуя надлежащему уяснению его содержания, открывают перед правоприменителем возможности неограниченного усмотрения, ослабляющего гарантии конституционных прав и свобод (постановления КС РФ от 20 декабря 2011 года N 29-П, от 2 июня 2015 года N 12-П, от 19 июля 2017 года N 22-П).

Так, одним из актуальных, по-прежнему, остается вопрос о правовом статусе недвижимого имущества – жилья, приватизированного супругами совместно в период пребывания Крыма в составе Украины. В особенности это касается приватизированных супругами однокомнатных квартир.

В частности, важными при правоприменении (удостоверении договоров об отчуждении доли в праве на квартиру одним из супругов, оспаривании таких сделок другим супругом по основанию отсутствия его согласия в нотариальной форме) являются вопросы о том, какое конкретно законодательство определяло статус приватизированного имущества; правомерен ли учет соответствующих разъяснений государственных органов Украины, дававшихся в период приватизации жилого помещения и входят ли такие разъяснения в противоречие с правовой доктриной России.

Обсуждение.

По общему правилу юридически значимым обстоятельством при решении вопроса об отнесении имущества к раздельной собственности супругов (имущество каждого из супругов) являются время (период) и основания возникновения права собственности на конкретное имущество. С учетом п.2 ст.34, ст.36 Семейного Кодекса Российской Федерации (далее - СК РФ), необходимым условием для признания имущества совместным является его приобретение супругами в период брака и в счет совместного имущества (денежных средств, недвижимого имущества, корпоративных прав).

Законодательство Украины о приватизации, а именно, ч.2 ст.8 Закона Украины «О приватизации государственного жилищного фонда» - по настоящее время прямо предусматривает возможность приватизации жилья в общую совместную собственность. Законодательством России вплоть до 2001 года были установлены подобные нормы. Так, согласно ст.2 Закона РФ от 04.07.1991 N 1541-1 "О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации" предусматривала возможность приватизации жилья в общую совместную собственность. К тому же, и в настоящее время положения п.125 Приказа Росреестра от 07.12.2023 N П/0514 "Об установлении порядка ведения Единого государственного реестра недвижимости" (Зарегистрировано в Минюсте России 31.01.2024 N 77083) предусматривают государственную регистрацию доли в праве общей долевой собственности, поступающей в совместную собственность супругов. Вместе с тем правовое

регулирование режима общей собственности супругов на приватизированное жилье в разные периоды действия семейного законодательства Украины было различным.

Так, согласно п.24, 26, Приложению 8 к Положению о порядке передачи квартир (домов) в собственность граждан, утвержденному Приказом Государственного комитета Украины по жилищно-коммунальному хозяйству от 15.09.1992 № 56 в распоряжении органа приватизации указывается вид собственности, установленной на приватизированное супругами жилье. Аналогичные правила содержались и в принятом позднее Положении о порядке передачи квартир (домов) в собственность граждан, утвержденном Приказом Министерства по вопросам жилищно-коммунального хозяйства от 16.12.2009 года № 396. Т.е. основанием выдачи свидетельства о праве собственности в данном случае являлось именно распоряжение органа приватизации. Именно в распоряжении был указан тот вид права собственности, который в дальнейшем должен был указываться и в свидетельстве о праве на приватизированное имущество.

При этом возникали ситуации, когда в распоряжении органа приватизации вид права собственности, на котором в собственность супругам передавалось приватизированное жилье указывалось – «общая совместная собственность». При этом в свидетельстве о праве указывалось, что квартира принадлежит супругам в равных долях без указания вида права. Поскольку по общему правилу презюмируется равенство долей супругов в общем имуществе, такое указание в правоустанавливающем документе само по себе не свидетельствовало о переходе права на приватизированное жилье в режим долевой собственности. Ввиду этого, указание, что доли в праве являются равными могло означать как равенство долей в общей совместной, так и в долевой собственности.

Более того, семейное и гражданское законодательство Украины предусматривали различные дефиниции, вызывающие разночтения при их толковании. Так, до вступления в силу в 2004 году Гражданского Кодекса Украины в гражданском обороте использовались формулировки «индивидуальная собственность» (Закон Украины «О собственности») и «личная собственность» (ст.88 Гражданского Кодекса СССР) применительно к частной собственности, т.к. в последующем были заменены соответствующими законодательными изменениями на слово «частная». Т.е. данное определение использовалось и судами, и нотариусами не для разграничения совместной собственности супругов от долевой в целях регулирования нормами семейного права, а для определения вида материального права в гражданско-правовом смысле, отличном от государственной, коллективной или коммунальной собственности. Это подтверждается также и тем, что в тексте Кодекса о браке и семье Украины (далее - КоБС Украины) использовалась не формулировка «личная собственность каждого из супругов», а термин «раздельное имущество каждого из супругов». Т.е. определения «личная собственность» и «раздельное имущество каждого из супругов» не тождественны и регулировали разные правоотношения – гражданские и семейные соответственно.

Согласно действующему до принятия Семейного Кодекса Украины законодательству - ч.1 ст.24 Кодекса о браке и семье Украины – раздельной собственностью супруга является недвижимое имущество, полученное одним из супругов в дар или в порядке наследования. В данной редакции КоБС Украины вообще не предусматривал раздельный правовой режим супругов на приватизированное ими жилье. Статьей 16 Закона Украины «О собственности» в редакции 1995 года было установлено, что осуществление права общей совместной собственности

супругов регулируется Законом Украины «О собственности» и Кодексом о браке и семье Украины. Данный закон практически исключил из сферы регулирования семейных правоотношений Гражданский кодекс УССР, действовавший в то время.

Так, согласно ч.1 ст.22 Кодекса о браке и семье Украины имущество, нажитое супругами за время брака является их общей совместной собственностью. Частью 4 ст.31 Кодекса о браке и семье Украины было установлено, что изменить режим общей совместной собственности супругов возможно только брачным контрактом. Согласно ст.27-1 Кодекса о браке и семье Украины, п.1 и 8 Порядка заключения брачного контракта, утвержденного постановлением Кабинета Министров Украины от 16 июня 1993 года № 457, брачный контракт может заключаться только между лицами, вступающими в брак и подлежит признанию недействительным при его заключении после регистрации брака. Право на заключение брачного договора между супругами введено в семейное законодательство Украины лишь со вступлением в силу Семейного Кодекса – 01 января 2003 года. Т.е. в отличие от положений п.1 ст.256 ГК РФ (в первоначальной редакции), законодательство Украины, не допускало, возможность установления иного режима имущества, приобретаемого супругами во время брака, кроме режима общей совместной собственности, если ранее (до вступления в брак) заключенным брачным контрактом не предусмотрено иное.

В СК Украины в период до вступления в силу Закона Украины N 2913-VI от 11.01.2011 года отсутствовало какое-либо правовое регулирование статуса приватизированного жилья. Согласно данному Закону ст.60 СК Украины была дополнена частью 5 определяющей, что приватизированное даже одним супругом жилье является объектом права общей совместной собственности супругов. В связи с этим Министерство юстиции Украины разъясняло в письме от 13.05.2011 года N 4208-0-33-11-31, что нотариус при удостоверении договоров отчуждения имущества, приобретенного одним из супругов в порядке приватизации, обязательно должен приобщать в дело согласие второго супруга на такое отчуждение, независимо от даты вступления в силу Закона Украины N 2913-VI от 11.01.2011 года. Из содержания данного письма следовало, что приватизированное до вступления в силу Закона Украины N 2913-VI от 11.01.2011 года жилье является объектом права общей совместной собственности супругов. В дальнейшем Законом Украины № 4766-VI от 17.05.2012 года данное законоположение было исключено, в ст.57 СК Украины было внесено дополнение, устанавливающее, что такое имущество является личной собственностью супруга на чье имя приватизировано жилье. При этом ч.2 ст.8 Закона Украины «О приватизации государственного жилищного фонда» осталась неизменной и по-прежнему предусматривала возможность приватизации жилых помещений в общую собственность супругов.

Вместе с тем, в случае государственной регистрации доли в праве участника общей долевой собственности по состоянию на момент приватизации указывалась простая дробь – 1/2, 1/3, 1/5 (пп. «д» п.22 Инструкции о порядке регистрации домов и домовладений в городах и селах городского типа УССР, утвержденной Заместителем Министра коммунального хозяйства УССР от 31.01.1996 – действовала до 13.12.1995; п.3.7 Инструкции о проведении раздела, выдела, расчета долей объектов недвижимого имущества, утвержденной Приказом Министерства по вопросам жилищно-коммунального хозяйства Украины от 06.07.1992 № 774/14041 – далее Инструкция № 774/14041). При этом, указанные в правоустанавливающем документе размеры долей должны составлять единицу. Т.е. режим личной собственности супруга или долевой

собственности супругов распространялся на приватизированное имущество лишь в случае, когда другой супруг отказался от приватизации или не участвовал в ней по иным причинам, или когда в акте органа приватизации и свидетельстве о праве собственности прямо был указан размер доли каждого из супругов. Следовательно, на имущество полученное в собственность в порядке приватизации супругами совместно, распространялся иной правовой режим – общей совместной собственности.

Аналогичная правовая позиция отражена и в *Постановлении Президиума ВС РФ от 3 марта 1999г. № 132ПВ-98, в котором высшая судебная инстанция также фактически подтвердила, что, например, при мене общего имущества супругов на иное имущество, такое имущество также переходит в общую собственность супругов, если супругами предварительно не было заключено соглашение о разделе, брачный договор или судом не было принято решение о разделе общего имущества. В таком случае не имеет юридического значения на кого из супругов и в каких долях зарегистрировано имущество, являющееся общим (п.2 ст.34 СК РФ). А значит правовой режим общего имущества супругов не прекращается и в случае, если право собственности на полученное в браке по договору мены имущество зарегистрировано в равных долях, т.к. в этом случае в доле каждого из супругов имеется доля второго супруга. Важным является вопрос и о том, на каком праве супругам принадлежит, например, приватизированная однокомнатная квартира, если в свидетельстве не указана простая дробь – $\frac{1}{2}$, а лишь текст – «в равных долях». Расчет долей в общей долевой собственности в квартирах при приватизации осуществлялся согласно приложению 1 Положения о порядке передачи квартир (домов) в собственность граждан, утвержденного Приказом Государственного комитета Украины по жилищно-коммунальному хозяйству от 15.09.1992 № 56 (далее Приказ № 56). При этом при расчете доли ее размер определялся не арифметически - делением единицы на количество нанимателей. Размер общей площади, принадлежащий каждому из нанимателей в квартире, где проживают два и более нанимателя, определялся как сумма площадей занимаемых жилых комнат с учетом площади балконов, лоджий и террас и площади подсобных помещений квартиры, которая распределяется между всеми нанимателями пропорционально площади занимаемых ими комнат. Пример расчета приведен в Приложении № 4 к Инструкции № 774/14041. Из анализа приведенного в приложениях расчета следует, что размер доли каждого из нанимателей приватизируемой квартиры может быть определен только в случае, если каждый из таких нанимателей имеет в пользовании комнату.*

Применительно к однокомнатной квартире такой расчет провести очевидно невозможно.

В случае совместной приватизации супругами на праве общей долевой собственности однокомнатной квартиры, ни один из долевого собственников не смог бы фактически воспользоваться правом на распоряжение своей долей путем отчуждения третьим лицам (ст.113 ГК УССР). Так, согласно ч.3 ст.48 Жилищного Кодекса УССР в жилое помещение предоставляется гражданам в пределах норм жилой площади. На момент приватизации однокомнатной квартиры была установлена санитарная норма – 21 квадратный метр общей площади на нанимателя и на каждого члена семьи (п.6 Приказа № 56), которая в силу объективных характеристик однокомнатных квартир в ранее построенных жилых домах, зачастую не соблюдалась. А при предоставлении жилых помещений не допускалось заселение одной комнаты лицами разного пола, старше на 9 лет (кроме супругов), двумя и более одинокими людьми (ст.50 ЖК УССР). Из изложенного следует, что однокомнатная квартира в исследуемый период могла

быть приватизирована супругами только в общую совместную собственность, поскольку иное противоречит Приказу № 56, Инструкции № 774/14041, а заселение иных лиц (кроме супруга) в такое жилье не допускалось.

Т.к. заселение иных лиц в такое помещение невозможно, предоставление его в порядке приватизации на праве общей долевой собственности супругам закладывало бы потенциальный конфликт интересов сосособственников в случае расторжения брака и отчуждения доли одного из супругов третьим лицам.

Более того, лицо, приобретшее долю в однокомнатной приватизированной квартире, было бы фактически лишено права владения и пользования такой долей. Ввиду того, что приобретение в собственность жилых помещений и долей в них прежде всего связано с осуществлением жилищных прав, т.е. направлено на использование соответствующих помещений для проживания, отсутствие у нового собственника права пользования таким помещением в силу законодательного запрета на вселение, не позволяет извлечь полезные свойства из жилья и не способствует реализации жилищных прав.

Поскольку гражданское законодательство строится на принципах недопустимости осуществления гражданских прав в противоречии с их назначением, предоставление однокомнатной квартиры супругам в порядке приватизации на праве общей долевой собственности противоречило бы смыслу и назначению процесса приватизации, направленного на обеспечение жилищных прав граждан. Подобная правовая конструкция ставила бы реализацию жилищных прав одного супруга в зависимость от воли других лиц, ставших собственниками другой доли в праве на квартиру (вследствие отчуждения своей доли другим супругом), а также в нарушение принципа правовой определенности ставило бы в неравное положение такого супруга по отношению к супругам - нанимателям однокомнатных жилых помещений, занимаемых по договору социального найма, являющихся для них единственным пригодным для постоянного проживания и безусловно отказавшимся от участия в приватизации. Т.е. в нарушение принципа равенства прав субъектов гражданских правоотношений неоправданно допускала бы более широкий круг правовых гарантий для лица не участвовавшего в приватизации и не являющегося собственником по сравнению с собственниками, получившими соответствующее право в порядке приватизации. Напротив, установление права общей совместной собственности на подобное жилье при его приватизации супругами совместно, гарантирует соблюдение жилищных прав каждого из супругов и не допускает произвольного вмешательства третьих лиц в реализацию таких прав. А при, например, отчуждении такой квартиры супруги-сосособственники должны действовать совместно, так как фактически являются одной стороной сделки. Преимущественных прав ни у одного из них нет. Равенство прав в таком правовом режиме обязывает каждого из супругов учитывать общие интересы друг друга, и не позволяет умалить или ограничить жилищные права вследствие злоупотребления правом одним из супругов.

Таким образом, приватизация супругами совместно однокомнатной квартиры в период действия на территории Республики Крым законодательства Украины была возможна только при установлении на нее права общей совместной собственности.

В свете анализируемых положений законодательства представляется актуальной правовая проблема приобретения супругами в дальнейшем жилья в обмен на такое приватизированное жилье.

При этом в правовой доктрине России сделка по приобретению недвижимого имущества предусматривающая

положения, явно указывающие на намерение супругов изменить режим совместной собственности в отношении указанного имущества, имеет сложный состав, поскольку содержит в себе элементы брачного договора (Письмо Министерства юстиции Российской Федерации от 29 декабря 2023 г. № 12-154007/23 «О нотариальном удостоверении договора, по которому объект недвижимости приобретается в общую долевую собственность супругов»). Вместе с тем, в силу законодательных ограничений, действующих до принятия ГК Украины, элементы брачного контракта не могли законно содержаться в договорах о приобретении имущества супругами, не заключившими такой контракт до регистрации брака. Ввиду этого, согласно действующему в указанный период семейному законодательству наличия записей о государственной регистрации права общей долевой собственности супругов не отменяет законного режима имущества супругов. Т.е. до изменения такого режима в каждой доле каждого из супругов имелась доля второго супруга. Кроме того, ст.227 ГК УССР была предусмотрена обязательная государственная регистрация договоров по отчуждению жилых домов. Положения данной нормы применялись по аналогии и к случаям отчуждения иных жилых помещений, в т.ч. и долей в праве на квартиру. Ввиду этого, момент возникновения права на недвижимость по такому договору, подлежащему государственной регистрации, не совпадал с моментом его нотариального удостоверения.

Аналогичные положения содержались ранее и в п.3 ст.433 ГК РФ (в редакции до принятия Федерального закона от 08.03.2015 № 42-ФЗ). До момента государственной регистрации подобной сделки у сторон возникали лишь обязательственные правоотношения. Несмотря на отмену обязательной регистрации таких сделок, правовой подход о сохранении прав на недвижимость у отчуждателя до регистрации права за приобретателем сохраняется. Так, согласно абз.3 п.60 Постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 12.12.2023) "О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав" после передачи владения недвижимым имуществом покупателю, но до государственной регистрации права собственности покупатель является законным владельцем этого имущества и имеет право на защиту своего владения на основании статьи 305 ГК РФ. В то же время покупатель не вправе распоряжаться полученным им во владение имуществом, поскольку право собственности на это имущество до момента государственной регистрации сохраняется за продавцом. А поскольку согласно ст.28,29 Кодекса о браке и семье Украины разделить (установить право долевой собственности) можно только имущество супругов уже являющееся совместным – спорные доли в праве на квартиру приобретали статус совместного имущества с момента государственной регистрации договора мены. Следовательно, раздел долей в квартире (установление права долевой собственности на них) был возможен только по отдельному соглашению и после государственной регистрации договора мены – после заключения договора.

В отличие от положений законодательства России, нормы семейного права Украины, действовавшие в момент заключения договора мены, не предусматривали право супругов, не заключивших до регистрации брака брачный контракт, изменить законный режим общей совместной собственности на приобретаемое недвижимое имущество до государственной регистрации соответствующего договора.

С учетом изложенного, по состоянию на момент заключения договора об отчуждении приобретенного жилья не

могли определить будущий правовой статус приобретаемой доли в праве на спорную квартиру, т.к. фактически такая договоренность была бы брачным контрактом, право на заключение которого супруги утратили. При этом супруги вправе были произвести раздел только после государственной регистрации договора мены (ст.227 ГК УССР), считающегося до момента такой регистрации незаключенным (п.8 Постановления Пленума Верховного суда Украины от 06.11.2009 № 9).

В то же время наблюдается правовая проблема и при отчуждении одним из супругов доли в праве на однокомнатную квартиру, приватизированную супругами в долевую собственность. В, частности, мотивами могут быть и противоправные стремления и зревший длительное время конфликт. Особенно актуальным этот вопрос является в отношении пожилых нетрудоспособных лиц, подверженных в последнее время преступному влиянию третьих лиц. Так, супруг, попавший под влияние мошеннического воздействия, с целью обхода требований закона о преимущественном праве покупки, может совершить сделку дарения своей доли третьему лицу под различные заведомо неисполнимые обещания возврата доли обратно в собственность, когда «опасность» минует. Одаряемый квартиру не осматривает и фактически не принимает, акт приема-передачи стороны не подписывает, ключи от квартиры не получает, в квартиру не вселяется, расходы по ее содержанию не несет, и до смерти дарителя во владение объектом вступать не пытается. Фактически соглашение сторон оспариваемой сделки предусматривает передачу доли в квартире только после смерти дарителя.

Устоявшаяся судебная практика Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Крым свидетельствует, что в таком случае имеются правовые основания утверждать об отсутствии у приобретателя какого-либо интереса в реализации жилищных прав (апелляционные определения от 17 апреля 2024 года по делу № 33-4019/2024; от 14 марта 2024 года по делу № 33-1639/2024), а значит о злоупотреблении правом с его стороны. Последствием установления судом такого злоупотребления является отказ лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично с применением иных мер, предусмотренные законом (п.2 ст.10 ГК РФ). Ведь такой договор может признаваться судом притворной сделкой, прикрывающей другую сделку, предусматривающую передачу дара одаряемому после смерти дарителя, которая в силу положений п.3 ст.372 ГК РФ ничтожна. Либо к такому роду дарению должны применяться правила гражданского законодательства о наследовании, в частности, о завещании. Поскольку половина $\frac{1}{2}$ (одной второй) доли в праве собственности на квартиру ($\frac{1}{4}$ (одна четвертая) доля в праве собственности на квартиру), подаренной третьему лицу, принадлежала бы второму супругу. Таким образом, подобное дарение совершается с целью вывода $\frac{1}{2}$ (одной второй) доли в праве на квартиру из совместно нажитого имущества супругов с целью устранения второго нетрудоспособного супруга от наследования обязательной доли в силу ст.1149 ГК РФ.

К тому же, 14 июля 2022 года был подписан и опубликован Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 310-ФЗ "О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" (далее – Закон № 310-ФЗ). Вступивший в силу 1 сентября 2022 года закон запретил проводить любые сделки по приобретению и отчуждению долей жилого помещения, если на такую долю, исходя из общего количества собственников, приходится площадь менее 6 кв. м. Другими словами, теперь приобрести микродолю менее 6 кв. м в любом жилом помещении нельзя. Дополнение дан-

ного закона положениями, обязывающими в случае намерения одного из супругов заключать сделку об отчуждении доли в праве на приватизированную однокомнатную квартиру (даже и превышающей 6 кв.м) третьему лицу только с согласия второго супруга или только ему, способствовало бы установлению дополнительного способа правовой защиты проживающего в квартире супруга. Уровень правовой защищенности такого супруга был бы гарантирован и закреплением дополнительного основания для принудительного прекращения права на такую приобретенную долю в порядке п.4 ст.252 ГК РФ без учета формальной значимости доли в общем объеме права. С учетом практики применения положений ч.4 ст. 252 ГК РФ юридически значимым и подлежащим доказыванию обстоятельством по аналогии являлось бы в таких случаях выяснение следующих вопросов: может ли объект собственности быть использован всеми сособственниками по его назначению (для проживания) без нарушения прав собственников; имеется ли возможность предоставления ответчику в пользование изолированного жилого помещения, соразмерного его доле в праве собственности на квартиру; есть ли у ответчика существенный интерес в использовании общего имущества (Определение ВС РФ от 08 апреля 2014 года по делу № 5-КГ14-1; Определение ВС РФ от 17 января 2017 года по делу № 117-КГ16-10; Определение ВС РФ от 14 июня 2016 года по делу № 31-КГ16-3). Верховный Суд Российской Федерации также неоднократно обращал внимание нижестоящих судов, что выравнивание объективно предопределенного неравенства в возможностях доказывания осуществляется, в частности, посредством возложения в силу закона на участников соответствующих отношений дополнительных обязанностей, наделения корреспондирующими правами, предоставления процессуальных преимуществ в виде презумпций и посредством процессуальной деятельности суда по распределению бремени доказывания с целью соблюдения принципа добросовестности в его взаимосвязи с принципом справедливости для недопущения извлечения преимуществ из недобросовестного поведения, в том числе при злоупотреблении правом. Применительно к исследуемой проблеме, такая презумпция может быть установлена в отношении наличия заинтересованности приобретателя в проживании в такой квартире, поскольку ответчик обязан осознавать, что объективно не сможет выделить долю в натуре и использовать указанное жилье для собственного проживания без нарушения прав истца, а обратное свидетельствует о явном злоупотреблении им своими правами (Определение ВС РФ от 03 июля 2018 года по делу № 59-КГ18-9).

Отсутствие у ответчика иного недвижимого имущества на территории Российской Федерации само по себе не может являться основанием для отказа второму супругу в иске, а при решении вопроса о наличии или отсутствии реальной заинтересованности в использовании незначительной доли в общем имуществе подлежит установлению соизмеримости интереса лица в использовании общего имущества с теми неудобствами, которые его участие причинит другим (другому) собственникам (Определение ВС РФ от 12 июля 2016 года по делу № 46-КГ16-8; Определение ВС РФ от 27 июня 2017 года по делу № 56-КГ17-13). Таким образом, в указанных спорах на приобретателя по таким сделкам (и на второго супруга как соответчика) судом должно быть перераспределено бремя опровержения презумпции того, что у ответчика в таких случаях отсутствует объективный правомерный существенный интерес в использовании жилья – т.е. именно ответчик в таких спорах обязан доказать свою добросовестность. При судебном оспаривании супругом сделок по отчуждению другим супругом общего имущества без со-

гласия истца, возникают сложности, связанные с моментом осведомленности о сделке и момента начала течения срока исковой давности. Поскольку противоправное поведение, как правило скрывается, а требования к добросовестности граждан не предусматривают повышенного стандарта проверки данных реестра прав собственности в отношении общего имущества, истец (второй супруг) может узнать о состоявшейся сделке лишь спустя продолжительное время после отчуждения доли в общем имуществе и в т.ч. после смерти супруга. Пункт 3 ст.35 СК РФ в первоначальной редакции предусматривал, что супруг, чье нотариально удостоверенное согласие на совершение указанной сделки не было получено, вправе требовать признания сделки недействительной в судебном порядке в течение года со дня, когда он узнал или должен был узнать о совершении данной сделки. Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 310-ФЗ спектр прав такого истца сужен правилами статьи 173.1 Гражданского кодекса Российской Федерации.

В связи с этим, при признании такой сделки недействительной на основании пункта 3 статьи 35 Семейного кодекса Российской Федерации (в первоначальной редакции) закон не возлагал на супруга, чье нотариально удостоверенное согласие на совершение сделки не было получено, обязанность доказывать факт того, что другая сторона в сделке по распоряжению недвижимостью или в сделке, требующей нотариального удостоверения и (или) регистрации в установленном законом порядке, знала или должна была знать об отсутствии такого согласия.

Положения пункта 3 статьи 35 Семейного кодекса Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 310-ФЗ) применяются к отношениям, возникшим после 1 сентября 2022 г. (статья 4 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 310-ФЗ «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации») (Определение ВС РФ от 20 февраля 2024 г по делу № 24-КГ23-26-К4; от 19 мая 2015 г. по делу № 19-КГ15-8; от 06 декабря 2011 г. по делу № 67-В11-5).

Данный правовой подход нашел свое отражение и в региональной судебной практике кассационной инстанции (Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 21 ноября 2023 года по делу № 88-38671/2023; Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 26 сентября 2023 года по делу № 88-22041/2023).

Заключение.

В заключение, необходимо отметить, что исследуемая проблема является актуальной как в нотариальной, так и судебной практике, а ее разрешение возможно путем введения законодателем мер защиты прав супругов через установление специальных условий оборотоспособности анализируемых объектов гражданских прав; дополнительного исследования нотариусами архивных данных о правовом статусе отчуждаемых долей в праве на жилые помещения перед удостоверением соответствующих сделок с такими долями, а также более активного применения судами правовых механизмов по перераспределению бремени доказывания с целью адекватной защиты прав истцов в спорах об оспаривании совершенных вторым супругом сделок.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года №223-ФЗ.
3. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 310-ФЗ "О внесении изменений в Семейный кодекс Российской

Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации".

4. Закон РФ от 04.07.1991 N 1541-1 "О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации".

5. Постановление КС РФ от 20 декабря 2011 года N 29-П.

6. Постановление КС РФ от 2 июня 2015 года N 12-П.

7. Постановление КС РФ от 19 июля 2017 года N 22-П.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29.04.2010 (ред. от 12.12.2023) "О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав".

9. *Постановление Президиума ВС РФ от 3 марта 1999г. № 132ПВ-98.*

10. Постановление Пленума Верховного суда Украины от 06.11.2009 N 9.

11. Приказ Росреестра от 07.12.2023 N П/0514 "Об установлении порядка ведения Единого государственного реестра недвижимости" (Зарегистрировано в Минюсте России 31.01.2024 N 77083).

12. Положение о порядке передачи квартир (домов) в собственность граждан, утвержденное Приказом Государственного комитета Украины по жилищно-коммунальному хозяйству от 15.09.1992 № 56.

13. Положение о порядке передачи квартир (домов) в собственность граждан, утвержденное Приказом Министерства по вопросам жилищно-коммунального хозяйства от 16.12.2009 года № 396.

14. Инструкция о порядке регистрации домов и домовладений в городах и селах городского типа УССР, утвержденная Заместителем Министра коммунального хозяйства УССР от 31.01.1996.

15. Инструкция о проведении раздела, выдела, расчета долей объектов недвижимого имущества, утвержденная Приказом Министерства по вопросам жилищно-коммунального хозяйства Украины от 06.07.1992 № 774/14041.

16. Письмо Министерства юстиции Российской Федерации от 29 декабря 2023 г. № 12-154007/23 «О нотариальном удостоверении договора, по которому объект недвижимости приобретает в общую долевую собственность супругов».

Legal status of housing privatized by spouses jointly during the period Crimea was part of Ukraine, and its subsequent legal future in the Russian Federation

Zatsarinnaya N.S.

This article addresses the privatization of residential premises by spouses as joint property, with or without defining spouses' shares in the property ownership right, during the period Crimea was part of Ukraine. Specifically, it explores this topic in more detail using the example of the privatization of one-room apartments. It also discusses the possible subsequent transformation of spouses' ownership rights when exchanging this residential premises for another, and whether notarized consent from a spouse is required for the alienation of such residential premises.

Keywords: joint property of spouses, one-room apartment, privatization of residential premises, exchange, shared ownership, notarized consent from a spouse, Republic of Crimea.

References

1. Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994, No. 51-FZ.
2. Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995, No. 223-FZ.
3. Federal Law of July 14, 2022, No. 310-FZ "On Amendments to the Family Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation."
4. Law of the Russian Federation of July 4, 1991, No. 1541-1 "On the Privatization of the Housing Stock in the Russian Federation."
5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 20, 2011, No. 29-P.
6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 2, 2015, No. 12-P.
7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 19, 2017, No. 22-P.
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10, Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 22 of April 29, 2010 (as amended on December 12, 2023) "On Certain Issues Arising in Judicial Practice in Resolving Disputes Related to the Protection of Ownership Rights and Other Property Rights."
9. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of March 3, 1999 No. 132PV-98.
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of Ukraine of November 6, 2009 No. 9.
11. Order of Rosreestr dated December 7, 2023, No. P/0514 "On establishing the procedure for maintaining the Unified State Register of Real Estate" (Registered with the Ministry of Justice of Russia on January 31, 2024, No. 77083).
12. Regulation on the procedure for transferring apartments (houses) to citizen ownership, approved by Order of the State Committee of Ukraine for Housing and Communal Services dated September 15, 1992, No. 56.
13. Regulation on the procedure for transferring apartments (houses) to citizen ownership, approved by Order of the Ministry of Housing and Communal Services dated December 16, 2009, No. 396.
14. Instruction on the procedure for registering houses and households in urban-type cities and villages of the Ukrainian SSR, approved by the Deputy Minister of Communal Services of the Ukrainian SSR dated January 31, 1996.
15. Instruction on the division, allocation, and calculation of shares of real estate objects, approved by Order of the Ministry of Housing and Communal Services of Ukraine dated July 6, 1992, No. 774/14041.
16. Letter of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated December 29, 2023 No. 12-154007/23 "On the notarization of an agreement under which a real estate property is acquired in the joint shared ownership of spouses."

Административно-правовой аспект информационной сферы как объект государственного управления

Кинаш Юлия Ярославовна,

к.ю.н., доцент кафедры юриспруденции, Донбасская аграрная академия, uliyakinash@mail.ru

В статье исследуются административно-правовые особенности государственного управления в информационной сфере. Особое внимание уделяется историко-правовым аспектам появления первых информационных технологий, результатом которых является становление нового типа общественной формации - информационного общества, где роль играет нематериальный фактор - информация. Проанализированы нормативные правовые акты информационной сферы как объекта государственного управления. Сделан вывод о необходимости движущей силы развития информационного общества где выступает информационная сфера, которая под влиянием научно-технического прогресса, развивается стремительно быстро. Предметом исследования являются правовые нормы, принципы и механизмы, регулирующие административно-информационную сферу как объект государственного управления. Цель работы состоит в анализе исследования государственной политики РФ в информационной сфере органов государственной власти и поиск путей их совершенствования, а также изучение сущности и структуры административно-правового статуса государственного управления в информационной сфере. Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные юридические методы исследования. В работе использовались методы анализа и обобщения научной литературы, что позволило изучить существующие научные подходы административного регулирования в информационной сфере государственного управления. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе административного регулирования в информационной сфере государственного управления. Обоснована концепция, что информация становится одним из стратегических ресурсов государства и общества, ресурсом социально-экономического, технологического и культурного развития. Важно также исследовать организационно-правовые аспекты применения различных методов и форм государственного управления, в которых воплощается руководящее влияние государства на общественные отношения в информационной сфере, поскольку от их адекватности тенденций развития этой сферы зависит эффективность государственного управления в ней.

Ключевые слова: Государственное управление, информация, информационные технологии, законность, граждан, административное регулирование, система, правовая норма, государство, общество.

Введение

В условиях становления информационного общества приоритетное значение приобретает информационная сфера, которая выступает катализатором развития всех других сфер жизнедеятельности: экономической, социальной, политической. Значительное влияние этой сферы на общественный прогресс вызывает необходимость усиления внимания к ней со стороны государства, создание совершенных, научно-обоснованных, организационно-правовых основ государственного управления в указанной сфере. Научно-технологический прогресс влияет на деятельность органов исполнительной власти в Российской Федерации, приводит к переходу органов исполнительной власти на электронный документооборот и реестровую модель оказания государственных услуг. В этих условиях особую актуальность приобретает вопрос и усиливается роль цифровых платформ в общественных отношениях. Органы исполнительной власти создают цифровые платформы, обеспечивающие эффективное оказание государственных услуг в электронной форме. Переход к платформенному подходу позволяет государству выступать гарантом надежности при реализации иных правовых отношений в электронной форме.

Предметом исследования являются правовые нормы, принципы и механизмы, регулирующие административно-информационную сферу как объект государственного управления.

В рамках исследования рассматриваются нормативно-правовые акты, которые определяют порядок использования информационной сферы и единого информационного пространства.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные юридические методы исследования. В работе использовались методы анализа и обобщения научной литературы, что позволило изучить существующие научные подходы административного регулирования в информационной сфере государственного управления. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе административного регулирования в информационной сфере государственного управления.

Результаты и обсуждение

Исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, заявляя о стремлении обеспечить благополучие и процветание, была принята Конституция РФ где отмечено, что «Каждому гарантируется свобода мысли и слова [1].

Появление первых информационных технологий в середине XX в. дало начало информационно-технологической революции, результатом которой является постепенное становление нового типа общественной формации - информационного общества [2, с.14-16]. В обществе решающую роль играют не традиционные материальные факторы производства, а нематериальный фактор - информация. Можно с уверенностью говорить о том, что информация становится одним из стратегических ресурсов государства и общества, ресурсом социально-экономического, технологического и культурного развития. Таким образом, движущей силой развития информационного общества выступает информационная сфера, которая под влиянием научно-технического прогресса, развивается стремительно быстро.

Подобно другим важным сферам жизнедеятельности общества, информационная сфера не может оставаться

без внимания государства [3, С.37-45]. В связи с этим особенной актуальности приобретают вопросы создания надлежащих организационно-правовых основ государственного управления информационной сферой. Отправной точкой в исследовании этих принципов является изучение сущности информационной сферы как объекта государственного управления.

Несмотря на значительное количество научных исследований философских, социологических, организационных, технических, правовых, управленческих и других аспектов функционирования информационной сферы, в частности такими авторами как А.А. Чернов [2], Н.И. Дорохов [3], И.Л. Бачило [4], В.А. Копылова [5], в современной науке пока не выработано четкого общепринятого понятия информационной сферы, как объекта государственного управления. В связи с этим существует потребность на основе анализа взглядов, указанных ученых и соответствующих нормативно-правовых источников исследовать составляющие элементы информационной сферы, их динамическое взаимодействие во властно-организующем влиянии государства для того, чтобы синтезировать дефиницию этой сферы как объекта государственного управления.

Среди большого разнообразия взглядов на сущность и структуру информационной сферы можно выделить наиболее значимые подходы к ее пониманию, которые получили наибольшее распространение среди научного сообщества.

Так, в частности И.Л. Бачило [4 с.218] рассматривает так называемую инфосферу (информационную сферу по авторскому определению) как объективно выраженное состояние знаний человечества об окружающем и создаваемым им в процессе своей истории мир, позволяет пользоваться этими знаниями в процессе жизни социума планеты, развития земной цивилизации, познания космоса. Такой подход к пониманию информационной сферы позволяет поставить ее в один ряд с такими феноменами как атмосфера, биосфера, экосфера, космос, а также, что немаловажно, провести четкие параллели между указанной сферой. Данная концепция, является приемлемой для общенаучного философского познания информационной сферы, в прочем недостаточно конкретной для административно-правовых исследований. Прежде всего, юридически неточным является отождествление информации со знаниями, что является категорией скорее субъективной, чем объективной, а потому непригодной для формализованных юридических конструкций.

Следовательно, для целей данного исследования следует опираться на законодательно определенное понятие информации, как документированных или публично оглашенных сведений о событиях и явлениях, происходящих в обществе, государстве и окружающей среде [7].

Популярным в научных трудах по вопросам административного и информационного права, в частности таких авторов как Бачило И.Л. [4 с.74], Попова В.Д. [6 с.159], является подход к определению информационной сферы как единого информационного пространства. Достаточно исчерпывающее данную точку зрения высказал В.А. Копылов, который под информационной сферой общества предлагает понимать «единое информационное пространство, которое формируется государственными органами, общественными, политическими и социальными организациями, а также гражданами и функционирует на основе правовых, организационных, научно-технических, экономических, финансовых, методических, гуманитарных и нравственных основах, с учетом требований и задач национальной информационной безопасности» [5, с.323].

В структурном измерении информационное пространство включает в свой состав: информационные ресурсы и

информационно-телекоммуникационную инфраструктуру, в которую входят компьютерные и телекоммуникационные сети, сети и каналы передачи данных, информационные и телекоммуникационные технологии, научно-производственный потенциал в области связи, телекоммуникационная система обеспечения информационной безопасности, система массовой информации, система информационного законодательства [7, 8, 9]. Поскольку концепция информационного пространства достаточно четко отражает основные составляющие информационной сферы, она часто используется на практике при подготовке нормативно-правовых актов, касающихся государственного управления информационной сферой, в частности таких как концепция государственной информационной политики России [10; 11].

Впрочем, видится, что данная концепция не является оптимальной для изучения информационной сферы как объекта государственного управления, поскольку не лишена ряда существенных недостатков. Во-первых, она лишь указывает на отдельные компоненты информационной сферы (информации, информационных технологий, СМИ и т.д.), но не отражает взаимосвязей между ними. Как следствие невозможно исследовать взаимодействие между этими элементами, установить, каким образом они образуют единую систему и образуют ее вообще, а следовательно, невозможно определить механизм функционирования информационной сферы.

Итак, анализируя вышеизложенное, во-первых в лучшем случае данная концепция отражает статику информационной сферы, а не ее динамику. Во-вторых, исходя из рассматриваемой структуры единого информационного пространства, его трудно представить, как объект государственного управления, учитывая тот факт, что последнее является разновидностью социального управления, которое предусматривает осуществление влияния на людей, их сообщества, а не непосредственно на информационные ресурсы или элементы информационно-телекоммуникационной инфраструктуры. Таким образом, указанная теория информационной сферы единого информационного пространства разработана еще недостаточно полно и ее нецелесообразно использовать, как базовую для изучения информационной сферы, как объекта государственного управления.

Более плодотворным, является концепция информационной сферы как сферы информационной деятельности, динамично интегрирует между собой все ключевые составляющие этой сферы, такие как: ее субъекты (физические, юридические лица), их деятельность (информационные действия, процессы) и объекты этой деятельности (информация, средства связи и информатизации). Этот подход также используется в Федеральном Законе Российской Федерации «Об участии в международном информационном обмене» информационная сфера определяется как сфера деятельности субъектов, связанная с созданием, распространением, преобразованием и использованием информации [10]. Данная концепция также лежит в основе законодательства об информации, которое, хотя и не содержит дефиниции информационной сферы вроде указанной российской, основные виды информационной деятельности все же определяет. Так, в ст. 24 Конституции РФ применяются термины «сбор, хранение, использование и распространение информации» [1]. В Законе указывается на такие же основные виды информационной деятельности, за исключением термина «сбора» информации вместо которого используется близкая по содержанию дефиниция «получение» информации [8].

Выводы

Исследование государственной политики РФ в информационной сфере органов государственной власти и поиск путей их совершенствования должны опираться на понимание государственного управления в указанной сфере как целостной управленческой системы. Изучение сущности и структуры информационной сферы как объекта государственного управления необходимо для определения оптимальных вариантов построения системы органов государственного управления в этой сфере, совершенствования их административно-правового статуса, методов и форм их деятельности.

Изучение системы этих органов важно для выявления ее лишних составляющих, а также элементов, которых не хватает, оптимизации распределения полномочий между ними. Требуют усовершенствования организационно-правовые начала привлечения негосударственных субъектов к государственному управлению в указанной сфере.

Литература

1. Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020): офиц. текст [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.zakonrf.info/konstitucia/>
2. Чернов А.А. Становление глобального информационного общества: проблемы и перспективы. Дипломатическая академия МИД России / А.А. Чернов. — М.: Издательско-торговая корпорация "Дашков и Ко", 2003.—232 с.
3. Дорохов Н.И. Государственное управление в области охраны окружающей среды и природных ресурсов: административно-правовые аспекты // Человек, общество и культура в XXI веке: сборник научных трудов по материалам Международной конференции (Белгород, 31 октября 2017 г.): в 5 ч. / под общ. ред. Е.П. Ткачевой. Белгород: ООО «Агентство перспективных научных исследований» (АПНИ), 2017. Ч. IV. С. 37–45.
4. Бачило, И. Л. Информационное право : учебник для магистров / И. Л. Бачило. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2015. — 564 с. — Серия : Магистр. ISBN 978-5-991
5. Копылов В.А. Информационное право: вопросы теории и практики./ Московская гос. юридическая академия / В.А. Копылов. —М.: Юрист, 2003. - 621с.
6. Информационная политика. Учебник. /Под общ. ред. В.Д. Попова. - М: РАГС, 2003. - 437с.
7. Федеральный Закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», принят Государственной Думой 21 января 2009 года, одобрен Советом Федерации 28 января 2009 года) – [Текст электронный]. Режим доступа: <https://www.zakonrf.info/doc-15964632>.
8. Федеральный Закон от 27.07.2006 № 149 (ред. от 08.08.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» принят Государственной Думой 08.07.2006., одобрен Советом Федерации 14.07.2006., (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.08.2024) – [Текст электронный]. Режим доступа: <https://www.zakonrf.info/doc-15964632>.
9. Федеральный Закон «О связи», принят Государственной Думой 18.06.2003., одобрен Советом Федерации 25.06.2003., - [Текст электронный]. - Режим доступа <https://www.zakonrf.info/zosvyazi/>.
10. Федеральный Закон Российской Федерации «Об участии в международном информационном обмене» от 04.06.1996., № 85-ФЗ (в редакции Федеральных законов от 30.06.2003, № 86-ФЗ, от 29.06.2004., № 58 ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. –1996. – №28. – Ст.3347.

11. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017– 2030 годы: указ президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. Доступ из справ. - правовой системы «КонсультантПлюс».

The Administrative and Legal Aspect of the Information Sphere as an Object of Public Administration

Kinash Yu.Ya.

Donbas Agrarian Academy

The article explores the administrative and legal features of public administration in the information sphere. Special attention is paid to the historical and legal aspects of the emergence of the first information technologies, which resulted in the formation of a new type of social formation - the information society, where the role of the intangible factor - information - is crucial. The article analyzes the regulatory legal acts of the information sphere as an object of public administration. The author concludes that the driving force behind the development of the information society is the information sphere, which is rapidly evolving due to scientific and technological progress. The subject of this research is the legal norms, principles, and mechanisms that regulate the administrative and information sphere as an object of public administration. The purpose of the work is to analyze the state policy of the Russian Federation in the information sphere of public authorities and to find ways to improve it, as well as to study the essence and structure of the administrative and legal status of public administration in the information sphere. The research is based on general scientific and special legal research methods. The work uses methods of analysis and generalization of scientific literature, which allowed the author to study the existing scientific approaches to administrative regulation in the information sphere of public administration. The scientific novelty of the research lies in the comprehensive analysis of administrative regulation in the information sphere of public administration. The concept is substantiated that information becomes one of the strategic resources of the state and society, a resource for socio-economic, technological, and cultural development. It is also important to study the organizational and legal aspects of the application of various methods and forms of public administration, which embody the state's guiding influence on public relations in the information sphere, as the effectiveness of public administration in this sphere depends on their adequacy to the development trends.

Keywords: Public administration, information, information technologies, legality, citizens, administrative regulation, system, legal norm, state, society.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020): official text [Electronic resource]. - Access mode: <https://www.zakonrf.info/konstitucia/>
2. Chernov, A.A. Formation of a global information society: problems and prospects. Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia / A.A. Chernov. - Moscow: Publishing and trading corporation "Dashkov i Ko", 2003. - 232 p.
3. Dorokhov, N.I. Public administration in the field of environmental and natural resource protection: administrative and legal aspects // Man, society and culture in the 21st century: collection of scientific papers based on the materials of the International conference (Belgorod, October 31, 2017): in 5 parts / edited by E.P. Tkacheva. Belgorod: Agency for Advanced Scientific Research (APNI), 2017. Part IV. pp. 37–45.
4. Bachilo, I. L. Information Law: A Textbook for Masters / I. L. Bachilo. — 3rd ed., revised and enlarged. — Moscow: Yurait Publishing House, 2015. — 564 p. — Series: Master. ISBN 978-5-991
5. Kopylov, V. A. Information Law: Theoretical and Practical Issues / Moscow State Law Academy / V. A. Kopylov. — Moscow: Yurist, 2003. — 621 p.
6. Information Policy. A Textbook. / Under the general editorship of V. D. Popov. - Moscow: RAGS, 2003. — 437 p.
7. Federal Law "On Ensuring Access to Information on the Activities of Government Bodies and Local Self-Government Bodies", adopted by the State Duma on January 21, 2009, approved by the Federation Council on January 28, 2009) — [Electronic text]. Access mode: <https://www.zakonrf.info/doc-15964632>.
8. Federal Law of July 27, 2006 No. 149 (as amended on August 8, 2024) "On Information, Information Technologies, and Information Protection" adopted by the State Duma on July 8, 2006, approved by the Federation Council on July 14, 2006, (as amended and supplemented, entered into force on August 19, 2024) — [Electronic text]. Access mode: <https://www.zakonrf.info/doc-15964632>.
9. Federal Law "On Communications", adopted by the State Duma 18.06.2003, approved by the Federation Council on 25.06.2003., - [Electronic text]. - Access mode <https://www.zakonrf.info/zosvyazi/>.
10. Federal Law of the Russian Federation "On Participation in International Information Exchange" dated 04.06.1996., No. 85-FZ (as amended by Federal Laws of 30.06.2003, No. 86-FZ, of 29.06.2004, No. 58-FZ) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1996. - No. 28. - Article 3347.
11. Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030: Decree of the President of the Russian Federation dated May 9, 2017, No. 203. Access from the reference - legal system "ConsultantPlus".

Положительное и негативное взаимодействие корпоративного законодательства и законодательства о банкротстве

Коляда Захар Николаевич

Аспирант Уральского института управления-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
zakhar.kolyada@yandex.ru

В статье автором анализируется взаимодействие корпоративного законодательства и законодательства о банкротстве, их взаимосвязь и принципы действия в одной правовой плоскости. В работе рассматриваются точки соприкосновения этих двух отраслей, выявляются механизмы их гармоничного сосуществования, а также возникающие между ними противоречия. Корпоративное законодательство и законодательство о банкротстве находятся в сложном диалектическом взаимодействии, в рамках которого каждая из этих правовых областей может как усиливать, так и ослаблять эффективность другой. Осознание этой взаимосвязи имеет решающее значение для формирования сбалансированной правовой среды, способствующей как развитию бизнеса, так и защите интересов кредиторов в условиях несостоятельности. Автор уделяет особое внимание изменению принципов, которые присущи корпоративному праву и законодательству о банкротстве. Также в статье рассматриваются права субъектов корпоративного права и права субъектов законодательства о банкротстве. В статье формулируются конкретные выводы, связанные с темой работы, предложены пути преодоления дефектов в действующем законодательстве Российской Федерации.

Ключевые слова: Корпоративное право, законодательство о банкротстве, субсидиарная ответственность, принципы, банкротство, процессуальные права.

Корпоративное право на сегодняшний день является предметом дискуссий и обсуждений в научном сообществе с точки зрения определения данного «права» как самостоятельной отрасли или подотрасли гражданского права. Сложившаяся ситуация и развитие научной мысли были обусловлены внесением поправок в гражданское законодательство, а также включением в ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (далее – ГК РФ) нового предмета регулирования – корпоративных правоотношений.

С точки зрения фиксации правовых норм, корпоративное право обладает большим перечнем нормативных актов, которые можно назвать ее источниками: ГК РФ, Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Федеральный закон «Об акционерных обществах»), Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью»), Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее – ФЗ «О рынке ценных бумаг») и так далее. Данное законодательство направлено на регулирование на основе частно-управленческих методов правового регулирования общественных отношений, связанные с образованием и деятельностью корпораций (корпоративных форм юридических лиц).

Многие исследователи и ученые поднимали вопрос об автономности данной отрасли права. В. В. Петров утверждал, что кооперативное право обладает собственной предметной областью правового регулирования, которая охватывает кооперативные отношения, базирующиеся на принципах членства. Кроме того, он выделял особый метод правового регулирования в рамках данной отрасли, который он определил как метод кооперативной демократии, а Цуканова Е.Ю. указывала, что «сегодня корпоративные конфликты, «акционерные войны» становятся неотъемлемой частью современной российской действительности. Законодательная власть внимательно следит за этими процессами, отмечая, что в процессе развития корпораций конфликты могут выполнять как конструктивные, способствующие прогрессу корпоративных отношений, так и деструктивные функции, в результате которых разрушается целостность корпораций и наносится вред ее деятельности» [Цуканова 2018: 7].

С данной позицией многие в настоящий момент не согласны, например, В.Ф. Попондопуло, опровергая вышеописанную теорию, выделяет корпоративные отношения в структуре предмета гражданско-правового регулирования как «обязательственные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников, возникающие в связи с участием в корпоративных организациях или с управлением ими» [Попондопуло 2014: 7].

Отдельным элементом системы источников корпоративного права можно назвать законодательство о банкротстве, которое сконцентрировано в Федеральном законе от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»), так последнее регулирует одну из форм ликвидации юридического лица и во многом имеет схожие черты, как указывалось выше.

Интересным представляется изучение и анализ взаимодействия корпоративного законодательства с законодательством о банкротстве юридических лиц, так как обе системы связаны между собой, имеют схожие предметы регулирования и в некоторых аспектах общие принципы.

Для сравнения, стоит проанализировать, на первый взгляд, совершенно два одинаковых механизма привлечения к субсидиарной ответственности, чтобы понять разницу в исследуемых областях:

	Субсидиарная ответственность по ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»	Субсидиарная ответственность по ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»
Нормы	Часть 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в совокупности с ч. 1-3 ст. 53.1, 1064 ГК РФ	Ст. 61.11-61.12 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»
Стороны	Контролирующие должника лица, кредиторы	Контролирующие должника лица, кредиторы, арбитражный управляющий
Доказательственная база	Факт доведение организация до ликвидации (недобросовестное поведение) или до ситуации невозможности рассчитываться с кредиторами	Причинная связь между бездействием контролирующего лица по подаче заявления на банкротство с возникновением требований кредиторов, причинная связь между действиями контролирующего лица и ростом кредиторской задолженности.
Составы нарушений	Неразумные и недобросовестные действия.	Несвоевременная подача заявления о признании должника банкротом, невозможность полного погашения требований кредиторов.

На примере данного сравнения, можно заметить, что корпоративное законодательства конкретизируется нормами о банкротстве, облекая все в более узкие рамки, чем те, которые существовали без банкротной процедуры. В каждом виде субсидиарной ответственности рассматривается недобросовестное действие или бездействие контролирующего лица, между тем, в первом случае это является общей нормой, а во-втором поименованы конкретные составы правонарушений.

Также, изменению подвергаются и особенности управления должником-юридическим лицом - ограничение полномочий органов управления должника при введении процедур банкротства, передача полномочий арбитражному управляющему, особый порядок одобрения сделок. Появляются дополнительные основания для применения мер ответственности, такие как специальные основания для оспаривания сделок и привлечения к ответственности в виде убытков, новые презумпции, которые не позволяют ссылаться на ряд фактов для своей защиты и так далее.

Положительное и негативное воздействие корпоративного законодательства и законодательства о банкротстве предлагается изложить в следующем порядке. За основу анализа взять положения (принципы, цели, особенности, предмет) корпоративного права, так как нормы законодательства о банкротстве подлежат применению только в редких случаях и являются составной частью корпоративного законодательства (вопрос дискуссионный, однако для настоящего исследования за основу будет взята именно данная позиция, схожая с позицией Акчуриной И.Р.), а следовательно, нормы законодательства о банкротстве не создают глобально новый подход к управлению компанией или новые нормы, а изменяют и преобразовывают уже существующие, добавляя новые водные.

Таким образом, за основу (первичный элемент) анализа необходимо взять положения корпоративного права и законодательства, указать на особенности применения данных положений при процедуре банкротства и выявить положительное и негативное взаимодействие данных норм.

Корпоративному праву присуща особая структура источников: Гражданский кодекс РФ как основа, специальные федеральные законы (Федеральный закон «Об акционерных обществах», Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью»), подзаконные акты, локальные корпоративные акты.

Гражданский кодекс РФ является основным нормативным актом, регулирующим гражданско-правовые отношения в стране, включая вопросы, связанные с корпоративным правом. В рамках данного нормативного акта определяются основные принципы и нормы, регулирующие создание, деятельность и ликвидацию юридических лиц, а также права и обязанности участников корпоративных отношений. В описанном законе содержатся нормы об юридических лицах: понятие юридического лица, его виды (например, общества с ограниченной ответственностью, акционерные общества), а также порядок их создания, деятельности и ликвидации; учредительные документы: регламентируется порядок составления устава или учредительного договора, их содержание и регистрация; участие в юридическом лице: определяются права и обязанности участников (участников, акционеров), их вкладов и долей в уставном капитале; ответственность участников: регламентируются вопросы ответственности за нарушение уставных требований или законодательства. Таким образом, Гражданский кодекс РФ создает правовую основу для функционирования корпоративных структур, обеспечивая баланс интересов участников и защищая их права в рамках гражданского законодательства.

Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» является специальным нормативным актом, регулирующим корпоративное право в отношении обществ с ограниченной ответственностью в Российской Федерации. Этот закон регулирует следующие аспекты: создание и учредительные документы, учредители и участники, уставный капитал, органы управления, общие собрания участников, ответственность участников, ликвидация и реорганизация, особенности деятельности организации.

Федеральный закон «Об акционерных обществах» представляет собой ключевой нормативно-правовой акт, регулирующий вопросы корпоративного права, связанные с деятельностью акционерных обществ в Российской Федерации. Документ определяет правовые принципы создания, функционирования, управления и ликвидации таких обществ, а также регламентирует права и обязанности акционеров, обеспечивая правовую основу для их эффективного взаимодействия и соблюдения интересов всех сторон.

Отдельно хотелось бы обратить внимание на локальные корпоративные акты, которые имеют свою специфику и занимают особое место в системе источников. В советской научной литературе данные организации рассматривались как продолжение государственной власти, а их акты - как звено системы нормативно-правовых актов, устанавливаемых государством [Самигуллин В.К. 1975: 74]. В современных же реалиях локальный корпоративный акт не является властным документом, он направлен на регулирование внутренних отношений в юридическом лице, то, что не урегулировано законодательством, на которое опирается любая организация от момента создания и в процессе существования.

В реалиях процедуры банкротства корпоративное управление, а следовательно, и правила из локальных

корпоративных актов не принимаются во внимание в общем смысле. Такая ситуация складывается из-за цели процедур банкротства, а также из-за множественности участников такой процедуры. Механизмы, предусмотренные законодательством о банкротстве, имеют целью защиту, в первую очередь, независимых кредиторов должника (например: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 мая 2024 № 301-ЭС21-23374(4)). Правила принятия решения, созыва собраний, и так далее, направлены на решение вопросов, так или иначе, связанных с управлением компанией – признак функционирования в реальных, не осложненных банкротством. Федеральное законодательство о банкротстве является специальным и направлено на достижение вышеописанной цели, что исключает самостоятельность юридического лица, а также его владельцев, так как акцент с цели «получение прибыли» смещается на «удовлетворение требований кредиторов».

В практике встречаются ситуации, когда корпоративные отношения должны исходить из локальных правил, однако только в части, с целью соблюдения баланса интересов, суд должен применять нормы корпоративного законодательства, как более специальные, к примеру, в одном из недавних дел Верховный Суд Российской Федерации указал: «Следовательно, при разработке положения о продаже доли в уставном капитале, принадлежащей несостоятельному лицу, прежде всего необходимо было руководствоваться ст. 25 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», посвященной обращению взыскания на долю участия в уставном капитале по требованиям кредиторов. При этом судебным актом, предусмотренным п. 1 упомянутой статьи, на основании которого начинается соответствующая процедура обращения взыскания на долю является решение суда об открытии конкурсного производства (о введении реализации имущества), которым, по сути, констатируется недостаточность имущества участника общества для покрытия долгов (например, Определение Верховного суда Российской Федерации от 23 июля 2024 года № 309-ЭС20-7486 (6) по делу № А50-18848/2016).

Подытоживая анализ данного аспекта корпоративного права, хотелось бы отметить, что особая структура источников меняет свое воздействие и приобретает новый характер взаимодействия при введении процедуры банкротства. По моему мнению, такое влияние можно назвать больше негативным, так как при проведении мероприятий в процедуре банкротства юридического лица следует сопоставлять нормы корпоративного законодательства и законодательства о банкротстве между собой с точки зрения специальности, что создает некую сложность и даже неопределенность в выборе правильного поведения. В судебной практике стали появляться акты, которые указывают на необходимость «считаться» с корпоративным законодательством, тогда как ранее презюмировалось, что законодательство о банкротстве становится более специальным законом при введении процедуры банкротства. Из-за необходимости выяснять «специальность» закона в какой-либо ситуации в процедуре банкротства может привести к двойному толкованию, необходимости разъяснений, пробелу, злоупотреблению правом и так далее. Именно по этой причине, взаимодействие законов в данном аспекте стоит назвать негативным.

Далее, хотелось бы проанализировать изменение принципов, которые присущи корпоративному праву. Можно выделить следующие специальные принципы:

- принцип большинства при принятии решений.
- принцип пропорциональности прав размеру участия.
- принцип защиты миноритарных участников.

Данные основные начала исходят из сути корпоративного управления, предоставляя субъектам права перемены прав и обязанностей, связанных с созданием и управлением компанией. Для наглядности видоизменений была составлена сравнительная таблица:

Принцип:	Корпоративное законодательство	Законодательство о банкротстве
Принцип большинства при принятии решений	Один из ключевых принципов корпоративного права, который регулирует процесс принятия решений в юридических лицах. Он основывается на том, что решения внутри организации принимаются большинством голосов участников или акционеров, что обеспечивает эффективность управления и легитимность принимаемых решений. Статьи 67, 69, 94 ГК РФ. Статья 44, 45, 49 ФЗ «Об акционерных обществах». Статьи 34, 35 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».	Данный принцип применим к порядку принятия решений в процедуре банкротства конкурсными кредиторами, которые участвуют в одноименных собраниях для решения важных вопросов и с целью контроля хода процедуры. Статья 12 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».
Принцип пропорциональности прав размеру участия.	Один из фундаментальных принципов корпоративного права, который гарантирует, что права и обязанности участников соответствуют их доле в уставном капитале или участию в обществе. Статья 67 ГК РФ. Статьи 2, 44, 45 ФЗ «Об акционерных обществах». Статьи 34, 35 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».	Данный принцип указывает на необходимость принимать решения в процедуре банкротства большинством, где голоса оцениваются пропорционально размеру требований, включенных в реестр требований кредиторов. Статья 12 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».
Принцип защиты миноритарных участников.	Важный аспект корпоративного права, направленный на обеспечение прав меньшинства участников или акционеров, чтобы предотвратить возможные злоупотребления со стороны большинства. Статья 45 ГК РФ. Статьи 49, 66, 75 ФЗ «Об акционерных обществах». Статьи 40, 41 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».	Данный принцип защищает кредиторов, чей размер требований не позволяет влиять на решение собраний кредиторов. Согласно данному принципу, любой миноритарный кредитор вправе оспорить решение собрания и добиться справедливого решения. Статьи 12, 60 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Вышеуказанные принципы видоизменяются, хотя тут больше подойдет слово «замена», так как указание на однородность принципа «большинства» в отношении конкурсных кредиторов и участников корпорации некорректно, хотя они явно исходят из одних идей и направлены на защиту схожих интересов, только разных субъектов.

При замене одного из вышеуказанных принципов корпоративного права на принципы с тем же наименованием, но регулирующие права и обязанности других субъектов, старый смысл и идея принципа нивелируется, так как фактически происходит его исчезновение. Законодательство о банкротстве добавляет новые принципы для кредиторов, однако также и сводит на нет принципы корпоративного права, так как при проведении процедур банкротства специальным становится одноименный закон, который не содержит норм о правах, к примеру, участников организации – только несколько статей.

В данном случае, негативным влиянием обладает уже законодательство о банкротстве, так как меняя природу вышеуказанных принципов, заменяя их, нивелируются права участников компании, которые эти принципы защи-

щают, не предоставляя какой-либо альтернативы. С началом процедуры конкурсного производства в отношении юридического лица вопросы определения статуса его участников переходят в плоскость банкротного законодательства. Вместе с тем, данное законодательство не устанавливает однозначных и четких критериев для определения этого статуса.

Учитывая, что процедура банкротства в конечном итоге приводит к сокращению имущества компании через его реализацию на публичных торгах для расчетов с кредиторами или к прекращению ее существования, что напрямую влияет на имущественное положение участников, очевидно, что такие вопросы не могут быть решены без учета воли участников и соблюдения их прав.

Семерьянова Н.А. отмечала: «базисной целью участников является не только порождение корпорации, но и использование ее для опосредованного предпринимательского участия в гражданском обороте с целью получения имущественных выгод» [Семерьянова 2008: 132]. Появление признаков финансовой несостоятельности и инициирование дела о банкротстве юридического лица непосредственно отражается на интересах его участника. Недостаточное внимание к роли участника юридического лица в законодательстве о банкротстве неоднократно подчеркивалось в научных исследованиях. Например, Емелькина Н.А. указывала, что «Законодатель долгое время «забывал» о существовании одних из самых заинтересованных лиц в отношениях несостоятельности (банкротства) - учредителей (участников) должника» [Емелькина 2004: 89].

В связи с тем, что были затронуты права субъектов корпоративного права, стоит уделить внимание и им.

В контексте введения процедуры банкротства в отношении юридического лица, определение статуса его учредителя перемещается в плоскость банкротного права. Однако нормативная база в этой области не содержит четкого и полноценно сформулированного определения данного статуса, несмотря на то, что учредитель обладает существенным правовым интересом в отношении юридического лица-банкрота.

Следует отметить, что под участником юридического лица понимается субъект, владеющий определенной долей в компании, что предполагает право собственности или соучастия. Такой статус предоставляет указанному субъекту комплекс прав в управленческой сфере, возможность извлекать прибыль от участия, а также налагает ряд обязанностей в рамках корпоративных правоотношений.

Федеральный закон о несостоятельности (банкротстве) вводит специальное правило, корректирующее общие положения статьи 56 Гражданского кодекса Российской Федерации, которое касается разграничения имущественной ответственности. В рамках предусмотренных законом условий, если имущества должника недостаточно для удовлетворения требований кредиторов, контролирующие должника лица, включая его участников, могут быть привлечены к субсидиарной ответственности по обязательствам компании.

Участие физических лиц в структурах юридических лиц в контексте Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» рассматривается преимущественно в нескольких ключевых положениях, отражающих их статус и функции. В частности, статья 19 данного нормативного акта относит таких участников к категории заинтересованных (аффилированных) лиц. Кроме того, статья 61.10 вводит правовое понятие контролирующего лица, под которым понимается физическое лицо, обладающее определенным влиянием на деятельность должника, включая участие в его капитале.

Практика рассмотрения судебных дел подчеркивает важный аспект: владение участником или акционером менее чем 10% уставного капитала юридического лица не создаёт достаточных предпосылок для признания такого участника или акционера контролирующим должника лицом. Это положение отражает установленную законом градацию правоспособности и определённого уровня управления, который может осуществляться в рамках корпоративной структуры, что имеет прямое значение для квалификации роли лица при анализе групп аффилированности и контроля над деятельностью компании в случае неплатежеспособности (постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 октября 2018 года по делу № А40-172577/2017, постановление Арбитражного суда Московского округа от 12 июля 2018 года по делу № А40-22376/2014).

В современной судебной практике сложилась устойчивая презумпция «контроля» со стороны участника юридического лица, что автоматически связывает его с потенциальной ответственностью за ухудшение финансового состояния компании, вплоть до состояния кризиса и объективного банкротства, если этот участник не представит доказательств обратного.

Учитывая, что процедура банкротства неизбежно ведет к сокращению активов компании через их реализацию на публичных торгах с целью удовлетворения требований кредиторов или же к прекращению деятельности организации, что напрямую затрагивает имущественные интересы ее участников, становится очевидным: решение таких вопросов невозможно без учета мнения участников и обеспечения защиты их законных прав.

Семерьянова Н.А. утверждала: «базисной целью участников является не только порождение корпорации, но и использование ее для опосредованного предпринимательского участия в гражданском обороте с целью получения имущественных выгод» [Семерьянова 2009: 145]. Возникновение же признаков несостоятельности и дела о банкротстве в отношении юридического лица напрямую влияет на интерес его участника.

Действующее законодательство не содержит четкого списка прав и обязанностей владельцев бизнеса, что порождает определенные сложности. В подобных ситуациях участнику юридического лица рекомендуется проявить инициативу и самостоятельно направить ходатайство о допуске к участию в деле о банкротстве, чтобы иметь возможность защищать свои интересы. Однако стоит учитывать, что такая возможность не является гарантированной. Суд может отказать участнику общества, владеющему долей в его уставном капитале, в самостоятельном участии в процессе, обосновав свое решение отсутствием соответствующих положений в законодательстве о банкротстве, которые бы предусматривали участие таких лиц в арбитражном рассмотрении дела о неплатежеспособности компании (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 октября 2018 года по делу № А40-172577/2017, постановление Арбитражного суда Московского округа от 12 июля 2018 года по делу № А40-22376/2014).

Отсутствие в федеральном законодательстве о банкротстве достаточного упоминания участника юридического лица не раз отмечалось в научной литературе. Например, Емелькина Н.А. указывала, что «Законодатель долгое время «забывал» о существовании одних из самых заинтересованных лиц в отношениях несостоятельности (банкротства) - учредителей (участников) должника» [Емелькина 2004: 112].

Участие лица в деле о банкротстве допускается и в самостоятельном порядке, если оно привлечено в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований по предмету спора. Процессуальный статус такого

лица предполагает наличие права обжаловать судебные акты, однако его возможности ограничиваются исключительно реализацией процессуальных прав в рамках одного конкретного обособленного спора.

Другими словами, такое лицо может участвовать в деле о банкротстве юридического лица при реализации одного из следующих сценариев: во-первых, в качестве участника всего дела, если соответствующее ходатайство будет удовлетворено судом; во-вторых, в качестве стороны отдельного обособленного спора, если лицо было привлечено судом как третье лицо; и, в-третьих, в роли ответчика в процессе о привлечении контролирующего должника лиц к субсидиарной ответственности. Последний случай основывается на законодательной презумпции контроля, закрепленной в нормах права о банкротстве.

На сегодняшний день самым распространённым случаем участия участников юридического лица в делах о банкротстве является их привлечение в качестве контролирующих должника лиц, выступающих ответчиками в отдельных спорах о субсидиарной ответственности. Статистические данные из Единого федерального реестра юридически значимых сведений о фактах деятельности субъектов экономической деятельности по банкротству подтверждают эту тенденцию. Так, по состоянию на 30 июня 2023 года, только за первое полугодие текущего года было подано 3260 заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности. Причём более 90 % из них указывали участников должника в качестве соответчиков.

Законодательство в настоящий момент определяет контролирующее должника лицо как субъекта, осуществляющего контроль над должником индивидуально. Однако в юридической науке существует мнение, что контроль может происходить и на основе совместных действий нескольких лиц. Например, такие положения высказываются в трудах Николаева А. Н. Этот аспект демонстрирует сложность и разнообразие механизмов управления должником, которые должны учитываться при рассмотрении соответствующих дел [Николаев 2013: 146].

Как было отмечено ранее, объем прав и обязанностей участника в рамках процедуры банкротства на текущий момент остается недостаточно четко регламентирован. Как законодательство, так и судебная практика устанавливают лишь ограниченные формы возможного участия таких лиц в делах о несостоятельности юридических лиц.

Вместе с тем, существующая судебная практика не предоставляет достаточного количества разъяснений, касающихся возможностей участников общества в процедуре банкротства. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» в основном рассматривает участника исключительно в качестве контролирующего лица должника. На практике это сводится к его участию в роли ответчика в спорах о привлечении к субсидиарной ответственности. В частности, статья 34 упомянутого закона, определяющая круг лиц, участвующих в деле о банкротстве, вовсе не упоминает учредителя должника.

На мой взгляд, данное положение законодательства игнорирует фактический статус участника как собственника доли юридического лица. Эта доля является его активом, что логично должно предполагать наличие у него определенных прав и обязанностей, связанных с процедурой банкротства. Таким образом, текущая нормативная база не в полной мере учитывает специфику участия собственников в подобных процессах.

Анализируя приведённую судебную практику, можно заключить, что в российской правовой системе сложилась своеобразная презумпция «контроля». Она заключается в том, что причинно-следственная связь между действиями участника должника (контролирующего лица) и обстоятельствами, повлекшими банкротство юридического

лица, считается доказанной. Такой подход возлагает на контролирующее лицо обязанности, включая необходимость экономически обосновывать свои действия как участника, опровергать вину в доведении компании до банкротства и иные аналогичные задачи. Ярким примером закрепления данного подхода служит Постановление Конституционного суда РФ от 21 мая 2021 года № 20-П, рассматривающее конституционность пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» по делу гражданки Г. В. Карпук. Также стоит упомянуть Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 июня 2021 года по делу № А12-7965/2020. Тем не менее, каким-либо корреспондирующим правам контролирующего лица законодательство не уделяет достаточного внимания. Ни Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», ни судебная практика не предоставляют дополнительных процессуальных возможностей помимо общепроцессуальных гарантий, установленных Арбитражным процессуальным кодексом РФ.

В итоге процессуальные права участника должника сводятся к подаче отзывов, возражений и участию в судебных заседаниях в рамках обособленных споров, где он выступает ответчиком. Однако у такого участника отсутствует возможность инициировать собственные процессуальные действия в рамках дела о банкротстве, такие как подача заявления о признании сделки должника недействительной или инициирование обособленных споров. Это очевидное нарушение баланса прав и обязанностей такого лица как участника процесса банкротства, что существенно ущемляет его интересы.

Многие эксперты в области права разделяют это мнение. Например, Н. А. Власенко подчёркивает, что наличие баланса интересов в правовом регулировании является выражением принципа разумности. Основная цель этого принципа — обеспечение эффективного функционирования права, его способности оперативно реагировать на изменения и обеспечивать реальную защиту интересов всех участников правоотношений [Власенко 2011: 52].

В завершение можно отметить, что на сегодняшний день существует проблема с определением правового статуса участника юридического лица, находящегося в состоянии банкротства.

Подводя итог настоящего раздела, стоит отметить, что корпоративное и банкротное законодательство тесно взаимосвязаны, что может порождать ряд противоречий и нюансов. Рассмотренные примеры влияния двух законодательств показывают только часть проблем, которые возникают при урегулировании данной сферы, однако данный анализ явно демонстрирует необходимость создания коллизионных норм, которые бы четко закрепляли сферы применения закона, перечень прав и обязанностей всех корпоративных субъектов, а также ограничения, которые должны учитываться при регулировании.

Литература

1. Акчурина И. Р. Отраслевая принадлежность совокупности правовых норм, регламентирующих отношения несостоятельности (банкротства) // Вестник Казанского государственного финансово - экономического института. 2011. № 3. С. 73-76.
2. Власенко Н. А. Разумность и право: связь явлений и пути исследования // Журнал Российского права. 2011. № 11. С. 45-57.
3. Емелькина Н. А. Защита прав учредителей (участников) должника в деле о несостоятельности (банкротстве) : дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2004 - 188 с.

4. Николаев А. Р. Правовое положение контролируемых должника лиц в процедурах несостоятельности : банкротства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013 – 213 с.

5. Попондопуло В. Ф. Корпоративное право России: общая характеристика // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2016. №2 С. 93-100.

6. Попондопуло В. Ф. Корпоративное право: понятие и природа // Юрист. 2014. № 20. С. 5-13.

7. Самигуллин В. К. Локальные нормы в советском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1975. - 236 с.

8. Семерьянова Н. А. Учредители (участники) хозяйственного общества и их правовой интерес в процессе несостоятельности (банкротства) : (теоретико-методологические основания) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008 - 197 с.

9. Цуканова Е. Ю. Корпоративный конфликт как неотъемлемый элемент корпоративных правоотношений в Российской Федерации // Наука России: цели и задачи. 2018. С. 7-10.

Positive and negative interaction of corporate legislation and bankruptcy legislation

Kolyada Z.N.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
In the article, the author analyzes the interaction of corporate legislation and bankruptcy legislation, their interrelation and principles of operation in one legal plane. The paper examines the points of contact between these two industries, identifies the mechanisms of their harmonious coexistence, as well as the contradictions that arise between them. Corporate law and bankruptcy law are in a complex dialectical interaction, in which each of these legal areas can both enhance and weaken the effectiveness of the other. Understanding this relationship is crucial for creating a balanced legal environment that promotes both business development and the protection of creditors' interests in insolvency.

The author pays special attention to changing the principles that are inherent in corporate law and bankruptcy law. The article also discusses the rights of subjects of corporate law and the rights of subjects of bankruptcy legislation. The article formulates specific conclusions related to the topic of the work, and suggests ways to overcome defects in the current legislation of the Russian Federation.

Keywords: Corporate law, bankruptcy legislation, subsidiary liability, principles, bankruptcy, procedural rights.

References

1. Bolshakov A.S., Khusainov R.V., Osin A.V. Traffic Anomaly Detection Using a Neural Network to Ensure Information Security. I-methods. 2021, Vol. 13, No. 4. [Electronic source] URL: <https://707.su/0V4L> [Accessed 21.04.2026].
2. McFarland Alex, Cybersecurity Tools Based on Artificial Intelligence. [Electronic source]. URL: <https://www.unite.ai/ru/инструменты-киберзащитности-ИИ> [Accessed 09.04.2026].
3. Alwhbi I. A., Zou C. C., Alharbi R. N. Encrypted Network Traffic Analysis and Classification Utilizing Machine Learning // Sensors (Basel). 2024. Vol. 24, No. 11. Art. 3509. 17 p. DOI: 10.3390/s24113509. [Electronic source] URL: <https://www.mdpi.com/1424-8220/24/11/3509> [Accessed 15.04.2026].
4. Labonne M. Anomaly-based network intrusion detection using machine learning. Cryptography and Security [cs.CR]. Institut Polytechnique de Paris, 2020. English. [Electronic source] URL: <https://theses.hal.science/tel-02988296/document> [Accessed 20.04.2026].
5. Vadgaonkar Priti H. Network Anomaly Detection and User Behavior Analysis using Machine Learning. International Journal of Computer Applications (0975-8887) Volume 175– No. 13, August 2020. [Electronic source] URL: <https://707.su/CTSQ> [Accessed 20.04.2026].
6. Wang S., Jiang R., Wang Z., Zhou Y. Deep Learning-based Anomaly Detection and Log Analysis for Computer Networks // Journal of Information and Computing (JIC), 2024, 2(2), 34–63. [Electronic source] URL: <https://arxiv.org/pdf/2407.05639> [Accessed 03/28/2026].

К вопросу о правовой природе согласия на получение рекламных сообщений

Максимкин Яков Александрович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права юридического института Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, maksimkin.yaa@ssau.ru

В статье исследуется юридическая сущность согласия абонента (адресата) на получение рекламы, распространяемой по сетям электросвязи (ч. 1 ст. 18 Федерального закона «О рекламе»), а также проводится его разграничение с другими разновидностями согласий, встречающимися в российском частном праве. Опираясь на действующее регулирование, разъяснения высших судебных инстанций и новейшую позицию Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации (определение от 22 июня 2026 г. № 309-ЭС26-2103), автор приходит к заключению, что рассматриваемое согласие является собой одностороннее дозволяющее волеизъявление, родственное согласию на совершение сделки (ст. 157.1 ГК РФ) и согласию на обнародование изображения гражданина (ст. 152.1 ГК РФ), однако наделенное собственными свойствами: обязательность его получения предписана публично-правовой нормой, оно адресовано определенному рекламодателю, а прекращается особым, не сопряженным с недействительностью способом – посредством ничем не обусловленного отзыва, облачаемого в форму требования о прекращении рассылки. Аргументируется тезис о пограничном положении такого согласия на стыке частного и публичного права и о недопустимости его безоговорочного отождествления как с гражданско-правовой сделкой, так и с согласием на обработку персональных данных.

Ключевые слова: согласие на получение рекламы, реклама по сетям электросвязи, статья 18 Закона о рекламе, согласие на совершение сделки, одностороннее волеизъявление, юридический факт, отзыв согласия, добровольность согласия, персональные данные.

Категория согласия принадлежит к числу самых простых и при этом сравнительно мало разработанных конструкций российского частного права. Как подсчитал С.Н. Касаткин, термин «согласие» употребляется более чем в полутора сотнях статей Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹⁶, однако целостной теории, которая объединила бы все случаи обращения законодателя к этому понятию, цивилистическая наука до сих пор не предложила. Наибольшие трудности вызывают те разновидности согласия, которые закреплены за пределами гражданского законодательства, но опосредуют отношения, по своему существу остающиеся частноправовыми. Именно таково согласие абонента (адресата) на получение рекламы, распространяемой по сетям электросвязи.

Часть 1 статьи 18 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (далее – Закон о рекламе) связывает правомерность рекламной рассылки, осуществляемой по сетям электросвязи (в частности, с использованием телефонной, факсимильной, подвижной радиотелефонной связи), с одним неизменным условием: адресат должен заранее выразить готовность такую рекламу получать. Бремя подтверждения того, что волеизъявление действительно состоялось, возложено на рекламодателя – пока обратное им не доказано, рассылка считается осуществленной без согласия. Сходное по содержанию правило закреплено в пункте 1 статьи 44.1 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи».

Цена ошибки при квалификации согласия существенно выросла с появлением в статье 14.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях части 4.1 (введена Федеральным законом от 6 апреля 2024 г. № 78-ФЗ): организации, разославшей рекламу по сетям электросвязи при отсутствии согласия абонента, теперь грозит штраф в пределах от трехсот тысяч до одного миллиона рублей¹⁷. Неудивительно, что центральное место в спорах хозяйствующих субъектов с антимонопольными органами, осуществляющими федеральный государственный контроль (надзор) в сфере рекламы, занял вопрос о признаках надлежащего согласия.

Задача предлагаемой статьи двоякая: во-первых, раскрыть юридическую природу согласия на получение рекламных сообщений и присущие ему особенности; во-вторых, соотносить его с другими известными российскому частному праву согласиями, обозначив точки схождения и линии расхождения. Исследование выполнено с опорой на формально-юридический анализ действующих норм, приемы сравнительного правоведения и системное толкование; эмпирическую основу образуют правовые позиции высших судебных инстанций, включая новейшую практику Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации (далее – СКЭС ВС РФ).

Отправной точкой анализа должно стать общее учение о согласии, сложившееся в цивилистике. Законодатель нередко ставит движение правоотношения в зависимость от одобрения, исходящего от названного в норме лица: без санкции законных представителей не обходится сделка несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати

¹⁶ См.: Касаткин С.Н. Понятие и признаки согласия как гражданско-правовой категории // Право и экономика. 2013. № 3. С. 69 – 73.

¹⁷ Часть 4.1 статьи 14.3 КоАП РФ введена Федеральным законом от 6 апреля 2024 г. № 78-ФЗ; за распространение рекламы по сетям электросвязи без предварительного согласия абонента предусмотрен административный штраф для юридических лиц в размере от 300 000 до 1 000 000 рублей.

до восемнадцати лет (статья 26 ГК РФ), попечитель одобряет действия подопечного (пункт 2 статьи 33 ГК РФ), плательщик ренты по договору пожизненного содержания с иждивением вправе распорядиться переданным ему имуществом, лишь заручившись предварительным согласием получателя ренты (статья 604 ГК РФ), распоряжение общим имуществом супругов предполагает согласие второго супруга (статья 35 Семейного кодекса Российской Федерации). Перечень легко продолжить. Универсальное же правило о согласии на совершение сделки – статья 157.1 ГК РФ – появилось в отечественном законодательстве лишь в ходе реформы гражданского права (Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ).

О природе согласия в литературе высказано как минимум три конкурирующих суждения. Первое из них – доминирующее – видит в согласии третьего лица одностороннюю сделку особого, вспомогательно-разрешительного свойства, назначение которой состоит в содействии совершению основной сделки. Такой взгляд разделяет большинство исследователей¹⁸; воспринят он и правоприменителем: пункт 50 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – постановление Пленума № 25) включает согласие физического или юридического лица на совершение сделки в число волеизъявлений, охватываемых понятием сделки по статье 153 ГК РФ. И.А. Петрановский, развивая ту же идею, характеризует согласие как одностороннюю управомочивающую сделку, нуждающуюся в восприятии: коль скоро с момента восприятия согласия адресат уже наделен субъективным правом, произвольный отзыв данного согласия по общему правилу исключается¹⁹.

Сторонники второго направления сделочную квалификацию отвергают. Последовательнее других эту линию проводит Е.В. Богданов: дающий согласие субъект, по его наблюдению, собственной правовой цели не преследует, прав и обязанностей из будущей сделки не приобретает и приобрести не намеревается, вследствие чего признакам сделки (статья 153 ГК РФ) его волеизъявление не отвечает; согласие оказывается только условием действительности предстоящей сделки, а его податель занимает позицию «стороннего наблюдателя, контролера»²⁰. К этому направлению тяготеет и трактовка Л.А. Чеговадзе, у которой согласие предстает особым правовым состоянием: юридический смысл согласия заключается во влиянии на состояние правоотношения, а не в правоустанавливающем, правоизменяющем или правопрекращающем действии, отличающем сделку²¹. Продолжая названную линию, Ю.С. Поваров предлагает различать статический и динамический ракурсы рассмотрения: во втором из них согласование совершения сделки описывается как алгоритмизированная разрешительная процедура²².

Третья, наиболее эластичная, позиция трактует согласие по статье 157.1 ГК РФ как собирательное понятие, природа которого производна от фигуры изъявляющего волю субъекта: исходящее от частного лица либо органа юридического лица согласие образует сделку, выданное государственным органом – административный акт, принятое коллегиально – решение собрания²³. Оправдан этот взгляд находит и в пункте 53 постановления Пленума № 25, где согласие частного лица противопоставлено согласию органа публичной власти, и в тексте самой статьи 157.1 ГК РФ, перечисляющей среди управомоченных субъектов третьих лиц, органы юридического лица, государственные органы и органы местного самоуправления.

Даже беглый обзор показывает: единой, однородной категории согласия частное право не знает. Тем важнее выделить устойчиво повторяющиеся свойства этого явления – именно они задают систему координат, в которой возможно корректное сопоставление с согласием на получение рекламных сообщений.

Правоприменение долгие годы смотрело на исследуемое согласие исключительно сквозь охранительную оптику, выдвигая на первый план добровольность волеизъявления и ограждение потребителя от навязчивых рассылок. Территориальные управления Федеральной антимонопольной службы (далее – ФАС России) из раза в раз квалифицируют как ненадлежащую рекламу, доставленную адресату, который не давал прямого, явного и добровольного согласия именно данному рекламораспространителю²⁴. Открытым, однако, оставалось другое: допустимо ли обуславливать согласие встречной выгодой – скидкой, участием в акции – и не подрывает ли подобная «взломность» саму добровольность.

Переломным для практики стало определение СКЭС ВС РФ от 22 июня 2026 г. № 309-ЭС26-2103 по делу № А07-5689/2025, в котором АО «Мэлон Фэшн Груп» оспаривало акты Башкортостанского УФАС России. Обстоятельства спора сводились к следующему. На сайте общества работала маркетинговая механика «Колесо фортуны»: чтобы испытать удачу и претендовать на скидку, посетителю требовалось указать адрес электронной почты и отметить чек-бокс, текст которого объединял принятие политики конфиденциальности и подписку на рекламные письма; при неотмеченном чек-боксе розыгрыш попросту не запускался. Нижестоящие суды усмотрели здесь порок: действительная воля пользователя, рассуждали они, устремлена к скидке, а не к рекламе, тогда как безальтернативность условий участия в акции несовместима с принципом добровольности.

Коллегия с таким прочтением не согласилась и состоявшиеся судебные акты отменила. Логика высшей инстанции строится на презумпции: пока абонент не заявил об обратном, реклама предполагается для него нежелательной – именно на этой посылке покоится требование

¹⁸ См.: Дихтяр А.И., Шеломанова Л.В. Согласие на совершение сделки с земельным участком как условие ее действительности: материально-правовые и процессуальные аспекты // Аграрное и земельное право. 2017. № 6 (150). С. 146 – 152; Кириченко О.В., Накушнова Е.В., Кириченко Л.П. Правовые аспекты согласия на совершение сделки // Юрист. 2016. № 20. С. 9 – 12; Брезгулевская Л.К. Проблема согласия на совершение сделок в свете реформы гражданского законодательства // Закон. 2014. № 9. С. 156 – 165.

¹⁹ См.: Петрановский И.А. К вопросу об отзыве согласия супруга на совершение сделки // Арбитражные споры. 2023. № 1. С. 144 – 155.

²⁰ См.: Богданов Е.В. Правовая природа согласия в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 64 – 71.

²¹ См.: Чеговадзе Л.А. О состоянии согласия при совершении сделок // Юрист. 2015. № 18. С. 17 – 22.

²² См.: Поваров Ю.С. Согласие на совершение сделки: динамический аспект // Государство и право: вопросы методологии, истории, теории и практики функционирования. - Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2001 -Вып. 4: сб. науч. тр. юрид. ин-та, посвящ. 50-летию юрид. ин-та/фак-т Самар. ун-та и 80-летию Самар. ун-та / отв. ред А. Г. Безверхов; науч. ред А. В. Юдин; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Самар. нац. исслед. ун-т им. С. П. Королева (Самар. ун-т). – 2022. – С. 245 – 252.

²³ См.: Долинская В.В. Согласие на совершение сделки: проблемы законодательства и доктрины // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 12. С. 3 – 12; Реформирование гражданского законодательства: общие положения о сделках, обязательствах и договорах: монография / отв. ред. В.В. Долинская. М.: Проспект, 2018. Гл. 3. С. 41 – 54.

²⁴ См., напр.: По закону о рекламе согласие на рекламную рассылку должно быть добровольным // Рекламный совет. 2025. URL: <https://sovetreklama.org> (дата обращения: 06.07.2026).

части 1 статьи 18 Закона о рекламе о предварительном согласии. Опровергнуть же названную презумпцию потребитель волен по любым мотивам: его может привлекать сама реклама, а могут – сопутствующие выгоды, ради которых он готов пересмотреть предполагаемое нежелание получать информацию подобного рода. Запрета «обменивать» согласие на скидку, равно как и запрета продавцу ставить адресное снижение цены под условие подписки, действующее регулирование, по заключению СКЭС ВС РФ, не содержит; коль скоро выстроенная таким образом модель отвечает законным интересам обеих сторон и удерживает эти интересы в равновесии, полученное в ее рамках согласие является надлежащим²⁵.

В контексте настоящего исследования заслуживают внимания два момента аргументации Коллегии. Прежде всего, описание спорной ситуации выдержано в понятиях учения о сделке: маркетинговую стратегию, при которой общество отказывается заключать договор на условиях адресного снижения цены с покупателем, не подписавшимся на рассылку, суд признал правомерной реализацией свободной воли участников гражданского оборота, а довод о вынужденности согласия отклонил, не обнаружив обстоятельств, описанных статьями 178 и 179 ГК РФ. Иначе говоря, добровольность согласия проверена тем самым инструментарием, который создан для выявления пороков воли в сделках. Далее, Коллегия – вслед за пунктом 15 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 8 октября 2012 г. № 58 – напомнила: формы согласия Закон о рекламе не устанавливает, а значит, пригоден любой способ его выражения, позволяющий идентифицировать абонента и удостовериться в его воле получать рекламу от конкретного распространителя. Параллель с пунктом 55 постановления Пленума № 25, допускающим выражение согласия третьего лица любым способом, если законом не предписана определенная форма, очевидна.

Итак, прямо сделкой согласие на получение рекламных сообщений Верховный Суд не назвал, однако рассуждал о нем языком и логикой сделочной доктрины – что само по себе легитимирует развернутое сравнение.

Сравнение исследуемого согласия с согласием на совершение сделки (статья 157.1 ГК РФ) обнаруживает целый ряд общих черт.

Первое сходство – структурное: в обоих случаях перед нами одностороннее волеизъявление дозвоительного типа. Согласие третьего лица устраняет законодательно установленное препятствие к совершению основной сделки; согласие абонента точно так же снимает вытекающий из части 1 статьи 18 Закона о рекламе запрет на направление рекламы. И там и здесь изъявляющий волю субъект автоматически стороной последующего отношения не становится (скажем, договор купли-продажи рекламируемого товара он может так и не заключить), однако без его разрешения действия другого лица лишены правомерного основания.

Второе сходство касается момента волеизъявления. Пункт 3 статьи 157.1 ГК РФ знает и предварительное согласие, и последующее одобрение; статья 18 Закона о рекламе, напротив, признает лишь согласие, данное заранее, до первого рекламного контакта. По этому признаку согласие абонента ближе всего к предварительному согласию на сделку, которому посвящены пункты 56 и 57 постановления Пленума № 25.

Третья общая черта – отсутствие обязательной формы. Правило здесь единое: волю можно объективировать любым способом, лишь бы он позволял установить,

кто и на что согласился; специальные требования к форме должны быть прямо предусмотрены законом. Применительно к согласию на сделку это закреплено пунктом 55 постановления Пленума № 25, применительно к согласию абонента – пунктом 15 постановления Пленума ВАС РФ № 58, на который оперлась и СКЭС ВС РФ в деле «Мэлон Фэшн Груп». Отметка в чек-боксе при таком подходе – конклюдентное действие, овеещающее волеизъявление лица.

Наконец, четвертое: пороки воли в обоих случаях диагностируются по одним и тем же правилам. Проверка добровольности согласия абонента, Верховный Суд апеллировал к статьям 178 и 179 ГК РФ – то есть к тем самым нормам, которые, согласно пункту 57 постановления Пленума № 25, служат основанием оспаривания согласия на сделку, данного под влиянием заблуждения, обмана, насилия, угрозы либо стечения тяжелых обстоятельств. Совпадение критериев порочности воли – весомый довод в пользу родственности сопоставляемых явлений.

И все же ставить знак равенства между этими согласиями преждевременно: различия между ними носят принципиальный характер.

Главный водораздел проходит по источнику обязательности и отраслевой принадлежности регулирования. Требование согласия на сделку сформулировано гражданским законом и обслуживает частный интерес конкретного субъекта – сособственника, супруга, залогодержателя. Требование же согласия абонента помещено в Закон о рекламе и тяготеет к публично-правовому типу регулирования: его исполнение гарантируется не оспариванием сделки заинтересованным лицом, а административной ответственностью (часть 4.1 статьи 14.3 КоАП РФ), к которой антимонопольный орган привлекает нарушителя в интересах неопределенного круга потребителей рекламы. Разумеется, сама по себе «прописка» нормы в том или ином акте ее природы не предрешает – на это справедливо указывал Е.В. Богданов²⁶; но в данном случае дело не в расположении нормы, а в качественно ином, публичном механизме принуждения к ее соблюдению.

Расходятся и последствия отсутствия согласия. Сделка, совершенная без требуемого законом согласия третьего лица, по общему правилу оспорима (статья 173.1 ГК РФ), причем недействительной ее признают лишь тогда, когда доказана недобросовестность контрагента, знавшего или обязанного знать об отсутствии согласия. Несанкционированная же рекламная рассылка вопроса о действительности вообще не ставит: рекламное сообщение – не сделка, а информация (пункт 1 статьи 3 Закона о рекламе), и ее доставка без согласия образует не гражданско-правовую недействительность, а публично-правовое правонарушение. Аппарат недействительности к исследуемому согласию неприменим в принципе.

Третье различие лежит в плоскости отзыва. Применительно к согласию на сделку эта тема остается дискуссионной: пункт 57 постановления Пленума № 25 разрешает отозвать предварительное согласие, пока сделка не совершена, с возмещением ее сторонам вызванных отзывом убытков, тогда как В.В. Витрянский и И.А. Петрановский резонно возражают: раз адресат, восприняв согласие, уже наделен субъективным правом, односторонний

²⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2026 г. № 309-ЭС26-2103 по делу № А07-5689/2025.

²⁶ См.: Богданов Е.В. Указ. соч. С. 69 (о том, что размещение нормы в главе 9 ГК РФ само по себе не предопределяет квалификацию согласия в качестве сделки).

отзыв означал бы, по сути, распоряжение чужим правом²⁷. Конструкция статьи 18 Закона о рекламе выстроена иначе: получив требование о прекращении рассылки, рекламодатель обязан немедленно ее остановить. Отзыв согласия абонента, стало быть, во-первых, безусловен – не связан никакими предпосылками и не проверяется на добросовестность; во-вторых, он не дает распространителю права на возмещение убытков; в-третьих, он обращен только в будущее и правомерности уже состоявшихся отправок не колеблет. Гарантированная законом возможность одностороннего немотивированного отказа – качественная особенность, отделяющая согласие абонента от согласия на сделку.

Четвертая особенность – персональная привязка. Согласие на сделку обращено, как правило, к сторонам определенной сделки, но может, как допускает пункт 56 постановления Пленума № 25, охватывать и несколько сделок сразу. Согласие абонента строго персонафицировано: как подчеркнула высшая судебная инстанция, оно удостоверяет волю получать рекламу от определенного лица. Разрешение, выданное неопределенному кругу распространителей – «всем и никому», – надлежащим признано быть не может.

Картину дополнит сравнение с двумя смежными институтами, обслуживающими оборот сведений о гражданах: согласием на обнародование и дальнейшее использование его изображения (статья 152.1 ГК РФ) и согласием на обработку персональных данных (статья 9 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»); далее – Закон о персональных данных).

Согласие на обнародование изображения пункт 46 постановления Пленума № 25 напрямую относит к сделкам по смыслу статьи 153 ГК РФ; форма его подчинена статье 158 ГК РФ, а фидуциарный характер позволяет отозвать такое согласие в любой момент – с тем, однако, что лицу, правомерно использовавшему изображение, могут быть компенсированы причиненные отзывом убытки (пункт 49 постановления Пленума № 25). С согласием абонента его роднят сразу два свойства: свобода формы и отзывность. Существенна вместе с тем оговорка А.Е. Шерстобитова: модель односторонней фидуциарной сделки работает лишь там, где отношения сторон свободны от предпринимательского элемента; если же изображение эксплуатируется в коммерческих, в том числе рекламных, целях, адекватной правовой оболочкой становится договор, фидуциарности лишенный²⁸. Для нашей темы это наблюдение весьма значимо: стоит согласию абонента встроиться в возмездную маркетинговую схему («подписка в обмен на скидку»), как его «односторонность» становится относительной, а взаимодействие сторон обретает черты договорного обмена – именно эту трансформацию и зафиксировала СКЭС ВС РФ в деле «Мэлон Фэшн Групп».

Наиболее запутанным выглядит соотношение согласия абонента с согласием на обработку персональных данных – категорией, чья собственная природа продолжает вызывать острые споры. Н.А. Дмитрик усматривает в таком согласии способ осуществления особого, по сути

исключительного, права физического лица на относящиеся к нему данные и предлагает выстраивать законодательство о персональных данных по образцу права интеллектуальной собственности²⁹. Иную позицию занимает К.А. Зюбанов, отстаивающий природу *sui generis*: перед нами предусмотренное законом волеизъявление, легализующее обработку данных; предписано оно регулированием публично-правового (во всяком случае, преимущественно публично-правового) свойства, однако способно порождать и частноправовые эффекты, поскольку действия по даче согласия могут выступать юридическими фактами в смысле подпункта 8 пункта 1 статьи 8 ГК РФ. Приравнение же такого согласия к сделке автор расценивает как ненужное умножение сущностей³⁰.

Демаркационная линия просматривается и в позитивном праве. По смыслу части 2 статьи 9 Закона о персональных данных отзыв согласия не всегда останавливает обработку: располагая иными законными основаниями, перечисленными в пунктах 2 – 11 части 1 статьи 6 названного закона, оператор вправе ее продолжить, – согласие выступает здесь лишь одним из конкурирующих оснований. Для рекламной же рассылки согласие абонента – основание единственное и незаменимое, поэтому его отзыв немедленно и безусловно лишает распространителя возможности направлять адресату соответствующую информацию. Различается и подход к оформлению: с 1 сентября 2025 г. (изменения внесены Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 156-ФЗ) согласие на обработку персональных данных оформляется отдельно от иных подписываемых субъектом документов³¹, тогда как для согласия абонента обособленный документ не требуется – Верховный Суд, как показано выше, признал достаточной отметку в чек-боксе, соседствующую с условиями акции. Невысказано, но очевидно, что и охраняемые ценности: институт персональных данных стоит на страже неприкосновенности частной жизни (статьи 23 и 24 Конституции Российской Федерации), тогда как согласие абонента ограждает прежде всего его покой и свободу от навязываемой информации.

Нельзя сбрасывать со счетов и фактическое переплетение рассматриваемых явлений. Единственный клик пользователя – скажем, отметка, проставленная при регистрации на интернет-сайте, – зачастую совмещает в себе сразу два волеизъявления: согласие абонента по статье 18 Закона о рекламе и согласие субъекта данных по статье 9 Закона о персональных данных. Тожество природы из такого совпадения, однако, не вытекает: как продемонстрировал Ю.Е. Донников на материале согласия на использование изображения, одни и те же фактические сведения способны подпадать под разные правовые режимы сообразно цели их использования³². Перед нами два самостоятельных юридических факта, пусть и обличенных в единое действие.

Итог проведенного сопоставления может быть сформулирован следующим образом. Согласие на получение рекламных сообщений представляет собой одностороннее дозволяющее волеизъявление, устраняющее закрепленный публично-правовой нормой запрет на направле-

²⁷ См.: Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд. М.: Статут, 2018. С. 130 – 143; Петрановский И.А. Указ. соч.

²⁸ См.: Шерстобитов А.Е. Гражданско-правовое регулирование права на честь, достоинство и деловую репутацию и права на изображение гражданина // Гражданское право. 2023. № 2. С. 8 – 13.

²⁹ См.: Дмитрик Н.А. О правовой природе согласия на обработку персональных данных // Законодательство. 2018. № 5. С. 41 – 47.

³⁰ См.: Зюбанов К.А. Согласие на обработку персональных данных — *sui generis* действие // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2024. Т. 28. № 3. С. 622 – 633.

³¹ Часть 1 статьи 9 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ дополнена требованием об оформлении согласия отдельно от иных документов Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 156-ФЗ (вступило в силу с 1 сентября 2025 г.).

³² См.: Донников Ю.Е. Значение институтов согласия на использование изображения гражданина и согласия на обработку персональных данных для регулирования рынка гражданского оборота данных // Хозяйство и право. 2022. № 3. С. 53 – 61.

ние рекламы конкретным распространителем; по строению, предварительному характеру, свободе формы и критериям оценки пороков воли оно тяготеет к гражданско-правовому согласию на совершение сделки и к согласию на обнародование изображения гражданина. Безоговорочному отождествлению его со сделкой либо с согласием на обработку персональных данных препятствует, однако, наличие у него собственного набора отличительных свойств.

В этот набор входят: во-первых, публично-правовое происхождение обязательности при частноправовом по своей сути наполнении опосредуемых отношений – свойство, сообщающее согласию абонента (как и согласию на обработку персональных данных) двойственное, пограничное положение на стыке частного и публичного права; во-вторых, строгая персонификация: воля направлена на получение рекламы от определенного рекламораспространителя, и только от него; в-третьих, специфический порядок прекращения – ничем не обусловленный, не нуждающийся в мотивировке и не порождающий обязанности возместить убытки отзыв, облакаемый в требование о прекращении рассылки и действующий исключительно на будущее время; в-четвертых, невозможность приложения к этому согласию категории недействительности сделки – при том что мерила пороков воли, почерпнутые из статей 178 и 179 ГК РФ, остаются применимыми; в-пятых, правомерность встречного предоставления: согласие может быть дано в обмен на экономическую выгоду (скидку, участие в акции) без ущерба для добровольности – при условии, что абонент ясно осведомлен о рекламном характере предстоящей рассылки и за ним сохранена возможность приобрести товар на общих основаниях.

Сказанное подводит к выводу, что точнее всего рассматривать согласие абонента как самостоятельное (*sui generis*) разрешительное волеизъявление, предусмотренное регулированием по преимуществу публично-правового свойства, но не лишенное способности порождать частноправовые последствия. Достоинства такой квалификации очевидны. Она объясняет, почему к согласию абонента применим гражданско-правовой инструментарий – проверка пороков воли, свобода формы, признание конклюдентных действий, – и при этом не вынуждает объявлять его сделкой в строгом значении статьи 153 ГК РФ. Она согласуется с новейшей линией СКЭС ВС РФ, оперировавшей понятиями сделочного права, но от прямого отождествления согласия со сделкой воздержавшейся. Наконец, она отвечает поддержанной в литературе установке не множить сущности и не подводить под понятие сделки волеизъявления, которые предписаны публичным регулированием и обслуживают по преимуществу публичный интерес.

Подведем итоги. Согласие на получение рекламных сообщений, которое долгое время воспринималось лишь как элемент административно-правовой защиты потребителя, на поверку оказывается сложной пограничной категорией, испытывающей притяжение и частного, и публичного права. Структурно и по ряду юридических характеристик оно родственно согласию на совершение сделки (статья 157.1 ГК РФ) и согласию на обнародование изображения гражданина (статья 152.1 ГК РФ); двойственностью природы и публично-правовым источником обязательности оно напоминает согласие на обработку персональных данных (статья 9 Закона о персональных данных). Своеобразие же его составляют персонифицированная адресность, безусловный и действующий лишь на будущее отзыв, не сопровождаемый возмещением убытков, невосприимчивость к категории недействительности и допустимость встречного предоставления.

Определение СКЭС ВС РФ от 22 июня 2026 г. № 309-ЭС26-2103 обозначило заметный поворот в осмыслении

этого правового явления: допустив включение согласия абонента в возмездную гражданско-правовую конструкцию и измерив его добровольность гражданско-правовыми мерками, высшая судебная инстанция вместе с тем не порвала с публично-правовым фундаментом самого требования о согласии. Теоретической моделью, наилучшим образом примиряющей оба начала, нам видится квалификация такого согласия в качестве самостоятельного (*sui generis*) разрешительного волеизъявления. Развитие этой конструкции – включая вопросы о соотношении согласия абонента с согласием на обработку персональных данных при их фактическом совпадении в одном действии и о границах допустимого встречного предоставления – образует перспективное поле для дальнейших доктринальных и правоприменительных поисков.

Литература

1. Богданов Е.В. Правовая природа согласия в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 64 – 71.
2. Брезгулевская Л.К. Проблема согласия на совершение сделок в свете реформы гражданского законодательства // Закон. 2014. № 9. С. 156 – 165.
3. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2018. 528 с.
4. Дихтяр А.И., Шеломанова Л.В. Согласие на совершение сделки с земельным участком как условие ее действительности: материально-правовые и процессуальные аспекты // Аграрное и земельное право. 2017. № 6 (150). С. 146 – 152.
5. Дмитрик Н.А. О правовой природе согласия на обработку персональных данных // Законодательство. 2018. № 5. С. 41 – 47.
6. Долинская В.В. Согласие на совершение сделки: проблемы законодательства и доктрины // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 12. С. 3 – 12.
7. Донников Ю.Е. Значение институтов согласия на использование изображения гражданина и согласия на обработку персональных данных для регулирования рынка гражданского оборота данных // Хозяйство и право. 2022. № 3. С. 53 – 61.
8. Зюбанов К.А. Согласие на обработку персональных данных – *sui generis* действие // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2024. Т. 28. № 3. С. 622 – 633.
9. Касаткин С.Н. Понятие и признаки согласия как гражданско-правовой категории // Право и экономика. 2013. № 3. С. 69 – 73.
10. Кириченко О.В., Накушнова Е.В., Кириченко Л.П. Правовые аспекты согласия на совершение сделки // Юрист. 2016. № 20. С. 9 – 12.
11. Петрановский И.А. К вопросу об отзыве согласия супруга на совершение сделки // Арбитражные споры. 2023. № 1. С. 144 – 155.
12. Поваров Ю.С. Согласие на совершение сделки: динамический аспект // Государство и право: вопросы методологии, истории, теории и практики функционирования. – Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2001 -Вып. 4: сб. науч. тр. юрид. ин-та, посвящ. 50-летию юрид. ин-та/фак-т Самар. ун-та и 80-летию Самар. ун-та / отв. ред А. Г. Безверхов; науч. ред А. В. Юдин; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Самар. нац. исслед. ун-т им. С. П. Королева (Самар. ун-т). – 2022. – С. 245 – 252.
13. Реформирование гражданского законодательства: общие положения о сделках, обязательствах и договорах: монография / отв. ред. В.В. Долинская. М.: Проспект, 2018. 192 с.
14. Чеговадзе Л.А. О состоянии согласия при совершении сделок // Юрист. 2015. № 18. С. 17 – 22.

15. Шерстобитов А.Е. Гражданско-правовое регулирование права на честь, достоинство и деловую репутацию и права на изображение гражданина // *Гражданское право*. 2023. № 2. С. 8 – 13.

**On the Legal Nature of Consent to Receive Advertising Messages
Maksimkin Ya.A.**

Samara National Research University

The article examines the legal essence of a subscriber's (addressee's) consent to receive advertising distributed over telecommunication networks (Part 1 of Article 18 of the Federal Law "On Advertising") and distinguishes it from other kinds of consent recognized by Russian private law. Drawing on the legislation in force, the explanations of the supreme judicial bodies and the most recent position of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation (ruling No. 309-ES26-2103 of 22 June 2026), the author concludes that the consent under study constitutes a unilateral permissive expression of will, akin to consent to a transaction (Article 157.1 of the Civil Code of Russia) and to consent to the publication of a citizen's image (Article 152.1 of the Civil Code), yet possessing distinctive features of its own: the duty to obtain it stems from a public-law rule, it is addressed to a particular advertising distributor, and it is terminated in a special manner unrelated to invalidity – by an unconditional withdrawal expressed as a demand to stop the mailing. The article substantiates the borderline position of such consent at the intersection of private and public law and the impossibility of equating it unreservedly either with a civil-law transaction or with consent to personal data processing.

Keywords: consent to receive advertising, advertising via telecommunication networks, Article 18 of the Law on Advertising, consent to a transaction, unilateral declaration of will, legal fact, withdrawal of consent, voluntariness of consent, personal data.

References

1. Bogdanov E.V. Legal Nature of Consent in Russian Civil Law // *Journal of Russian Law*. 2019. No. 2. pp. 64–71.
2. Brezgulevskaya L.K. The Problem of Consent to Transactions in Light of Civil Legislation Reform // *Law*. 2014. No. 9. pp. 156–165.
3. Vitryansky V.V. Reform of Russian Civil Legislation: Interim Results. 2nd ed., corr. and add. Moscow: Statut, 2018. 528 pp.
4. Dikhtyar A.I., Shelomanova L.V. Consent to a Transaction with a Land Plot as a Condition for Its Validity: Substantive and Procedural Aspects // *Agrarian and Land Law*. 2017. No. 6 (150). P. 146–152.
5. Dmitrik N.A. On the Legal Nature of Consent to the Processing of Personal Data // *Legislation*. 2018. No. 5. P. 41–47.
6. Dolinskaya V.V. Consent to a Transaction: Problems of Legislation and Doctrine // *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2014. No. 12. P. 3–12.
7. Donnikov Yu.E. The Importance of the Institutions of Consent to the Use of a Citizen's Image and Consent to the Processing of Personal Data for Regulating the Civil Data Circulation Market // *Business and Law*. 2022. No. 3. P. 53–61.
8. Zyubanov K.A. Consent to the Processing of Personal Data – a Sui Generis Action // *RUDN University Bulletin. Series: Legal Sciences*. 2024. Vol. 28. No. 3. Pp. 622–633.
9. Kasatkin S. N. Concept and Features of Consent as a Civil Law Category // *Law and Economics*. 2013. No. 3. Pp. 69–73.
10. Kirichenko O. V., Nakushnova E. V., Kirichenko L. P. Legal Aspects of Consent to a Transaction // *Jurist*. 2016. No. 20. Pp. 9–12.
11. Petranovsky I. A. On the Issue of Revocation of a Spouse's Consent to a Transaction // *Arbitration Disputes*. 2023. No. 1. Pp. 144–155.
12. Povarov Yu. S. Consent to a Transaction: Dynamic Aspect // *State and Law: Issues of Methodology, History, Theory and Practice of Functioning*. - Samara: Publishing house of Samara University, 2001. - Issue 4: Coll. of scientific works of the Law Institute, dedicated to the 50th anniversary of the Law Institute/Faculty of Samara University and the 80th anniversary of Samara University / ed. A. G. Bezverkhov; ed. A. V. Yudin; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Samara National Research University named after S. P. Korolev (Samara University). - 2022. - Pp. 245 - 252.
13. Reforming civil legislation: general provisions on transactions, obligations, and contracts: monograph / ed. V. V. Dolinskaya. Moscow: Prospect, 2018. 192 p.
14. Chegovadze L.A. On the state of consent when concluding transactions // *Jurist*. 2015. No. 18. pp. 17–22.
15. Sherstobitov A.E. Civil-law regulation of the right to honor, dignity, and business reputation and the right to a citizen's image // *Civil Law*. 2023. No. 2. pp. 8–13.

Процессуальный эстоппель как средство обеспечения добросовестности в гражданском судопроизводстве

Парфенова Ольга Александровна

аспирант кафедры гражданского и административного судопроизводства имени М.С. Шакарян Московского государственного юридического университета (МГЮА имени О.Е. Кутафина), olga.parfenova.1997@mail.ru

В статье исследуется процессуальный эстоппель как судебный механизм, посредством которого противоречивое и недобросовестное поведение участника гражданского или арбитражного процесса лишается юридического значения. Обосновывается, что стороны могут поставить вопрос о применении эстоппеля, однако окончательная правовая оценка их поведения и определение процессуальных последствий относятся к исключительной компетенции суда. Показана связь эстоппеля с добросовестностью, задачами своевременного и правильного рассмотрения дела, равноправием и состязательностью сторон. На основе доктринальных подходов и судебной практики анализируются запоздалое представление доказательств, несвоевременное предъявление встречного иска, многократные ходатайства об отложении и поздняя смена процессуальной позиции. Предлагается рассматривать эстоппель не как санкцию за виновное поведение, а как способ нейтрализации правовых последствий процессуально противоречивого поведения. Делается вывод о том, что применение эстоппеля обеспечивает одновременно защиту обоснованных ожиданий добросовестной стороны и публичные задачи правосудия.

Ключевые слова: процессуальный эстоппель, добросовестность, противоречивое поведение, гражданский процесс, арбитражный процесс, судебное усмотрение, состязательность, процессуальная экономия, разумный срок.

Современное гражданское судопроизводство основывается не только на формальном соблюдении процессуальных предписаний, но и на требовании добросовестного осуществления процессуальных прав. Само по себе наличие у стороны предусмотренного законом права еще не означает допустимость любого способа и момента его реализации. Процессуальная форма предназначена для разрешения спора в условиях равноправия, состязательности и предсказуемости; поэтому действия, формально укладывающиеся в текст нормы закона, но направленные на разрушение ее условий, нуждаются в специальной судебной оценке.

Одним из механизмов такой оценки выступает процессуальный эстоппель. В российском правопорядке он пока не получил исчерпывающего нормативного закрепления, однако его функциональные проявления обнаруживаются в законодательстве и судебной практике. Речь идет о ситуациях, когда участник гражданского (арбитражного) процесса после совершения определенных действий, заявления позиции либо создания у другой стороны обоснованного доверия пытается воспользоваться несовместимым с прежним поведением процессуальным преимуществом. Суд, устанавливая противоречивость и недобросовестность поведения, отказывает в признании за ним соответствующего правового эффекта.

Цель настоящей статьи состоит в определении процессуальной роли суда и сторон при применении эстоппеля, выявлении его связи с добросовестностью и задачами судопроизводства, а также в систематизации типичных форм противоречивого поведения, встречающихся в судебной практике. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный и сравнительно-аналитический методы.

Субъектный состав отношений, возникающих при применении эстоппеля, целесообразно рассматривать через различие между субъектом властной оценки и субъектом оцениваемого поведения. Суд является активным субъектом: только он вправе установить, что процессуальная позиция или действие стороны противоречат ее прежнему поведению, нарушают добросовестность и потому не должны порождать обычно связываемые с ними последствия. Участники процесса, напротив, выступают субъектами, чье поведение подвергается оценке.

Вместе с тем стороны не являются полностью пассивными. Они могут ссылаться на противоречивость поведения оппонента, приводить факты, подтверждающие сформированное доверие, изменение процессуальной стратегии и риск неблагоприятных последствий. Тем самым участник инициирует рассмотрение вопроса об эстоппеле. Однако такое заявление не связывает суд: оно не создает автоматического запрета для другой стороны и не заменяет судебного установления необходимых обстоятельств.

Подобная конструкция объясняется природой гражданского процессуального правоотношения. Суд является его обязательным и руководящим субъектом, наделенным полномочиями организовать движение дела, обеспечить равноправие участников и давать юридическую квалификацию их действиям [18]. Следовательно, процессуальный эстоппель нельзя понимать как автономное возражение, полностью находящееся в распоряжении стороны. Даже когда вопрос о применении эстоппеля поставлен лицами, участвующими в деле то правовой результат, возникает только вследствие судебного акта.

Данное обстоятельство придает процессуальному эстоппелю публично-правовой аспект. Суд не ограничивается защитой индивидуального интереса стороны, пострадавшей от непоследовательности оппонента. Он одновременно охраняет надлежащий порядок судопроизводства, разумные сроки, равенство процессуальных возможностей сторон. Поэтому отказ учитывать противоречивый довод представляет собой не частную реакцию одной стороны на другую, а результат судебного анализа пределов допустимого процессуального поведения стороны, ее добросовестности.

Вопрос о содержании процессуальной добросовестности остается дискуссионным. Один подход связывает ее прежде всего с направленностью поведения на достижение целей судопроизводства. М.А. Фокина указывает, что действия участника могут считаться добросовестными, если они способствуют осуществлению задач гражданского, арбитражного и административного судопроизводства [1]. При таком понимании внешнее соответствие действия процессуальной норме не является достаточным: необходимо учитывать его реальную функцию в конкретном деле.

Д.В. Данилов развивает функциональное понимание добросовестности, связывая ее с необходимостью и достаточностью действий стороны для достижения целей (задач) гражданского процесса [2]. Этот подход ориентирует суд на ст. 2 ГПК РФ, в силу которой гражданское судопроизводство должно обеспечивать правильное и своевременное рассмотрение и разрешение дел. В арбитражном процессе правильность рассмотрения дела прямо не названа среди задач, однако, как отмечает Г.А. Жилин, она имманентно присуща судебной деятельности [3]. Сходство целей гражданского и арбитражного судопроизводства обусловлено тем, что по своей сущности арбитражный процесс является частью гражданского процессуального права, так как входит в предмет последнего [4].

Иной акцент делает А.В. Юдин, характеризующий недобросовестное поведение как разновидность процессуальной недисциплинированности [5]. Эта категория охватывает не только умышленную попытку получить неправомерное преимущество, но и небрежность, несвоевременность, игнорирование порядка раскрытия позиции и доказательств. Юридическая деятельность предполагает организационный порядок, создающий условия для последовательного совершения процессуальных действий [6]. Поэтому нарушение этого порядка способно причинить процессуальный вред независимо от того, доказан ли субъективный умысел участника.

Подходы ученых-правоведов М.А. Фокиной, Д.В. Данилова и А.В. Юдина не исключают, а дополняют друг друга. Первый подход выявляет целевую направленность добросовестного поведения, второй предлагает оценивать соразмерность и функциональную оправданность процессуальных действий, третий обращает внимание на дисциплинарный аспект участия в деле. Их объединяет отказ от сугубо формального понимания гражданского процессуального права. Добросовестность выражается в таком осуществлении процессуальных прав, исполнении обязанностей и реализации полномочий, которое соответствует назначению судопроизводства, не нарушает установленную последовательность рассмотрения дела, не затрудняет своевременное и правильное разрешение спора судом и не препятствует другим участникам процесса в реализации принадлежащих им процессуальных прав.

А.А. Богомолов связывает процессуальную организацию с обеспечением законности и справедливости судебных постановлений [7]. Г.А. Жилин, в свою очередь, рассматривает правильность судебного решения через сово-

купность требований справедливости, разумности и целесообразности, подчеркивая особое значение своевременности [8]. Из этих позиций следует, что процессуальная дисциплина не является самостоятельной формальной ценностью. Она служит условием вынесения законного и справедливого решения в разумный срок.

В этом контексте эстоппель не следует отождествлять с процессуальной санкцией. Санкция традиционно предполагает реакцию на правонарушение и может быть связана с виной, наказанием либо дополнительным обременением. Эстоппель действует иначе: он нейтрализует конкретный правовой эффект поведения, несовместимого с ранее занятой позицией или созданным доверием. Суд не наказывает участника, а отказывает ему в возможности извлечь процессуальное преимущество из собственной непоследовательности.

Для ограничения процессуального права недостаточно общей ссылки на несправедливость поведения. Судебная оценка должна опираться на проверяемые обстоятельства, иначе эстоппель рискует превратиться в неопределенную оговорку, чрезмерно расширяющую судебное усмотрение. Полезную модель предлагает концепция «фильтра процессуальной добросовестности», включающего критерии честности, экономичности, активности и заинтересованности [12].

Применительно к эстоппелю центральное значение имеет критерий честности, выраженный в последовательности процессуального поведения. Однако одной формальной несовместимости двух высказываний недостаточно для его применения. Изменение позиции может быть обусловлено представлением новых доказательств, уточнением фактических обстоятельств либо обоснованным пересмотром юридической оценки спорных правоотношений.

Поэтому применение эстоппеля предполагает установление судом того, что другая сторона обоснованно полагалась на первоначально занятую процессуальную позицию, а ее последующее изменение ухудшило процессуальное положение этой стороны либо затруднило своевременное и правильное рассмотрение дела.

Критерий экономичности позволяет определить, ведет ли спорное действие к неоправданному повторению уже совершенных процессуальных действий, отложению разбирательства или необходимости начинать исследование значимой части дела заново. Критерий активности показывает, раскрывала ли сторона свою позицию в разумный срок либо сохраняла «процессуальное средство» до момента, когда его использование создавало максимальные затруднения. Критерий заинтересованности помогает отличить реальную защиту права от имитации участия, направленной исключительно на затягивание процесса.

На основании указанных критериев можно выделить совокупность обстоятельств, подлежащих установлению судом: наличие первоначальной процессуальной позиции или определённой модели поведения; противоречие последующего поведения ранее занятой позиции; отсутствие объективных причин, объясняющих её изменение; возникновение у другой стороны обоснованного доверия к первоначальной позиции; наступление для неё неблагоприятных процессуальных последствий; обоснованность применения эстоппеля с учётом обстоятельств конкретного дела. Установление этих обстоятельств позволяет разграничить недобросовестное противоречивое поведение и допустимое изменение стороной своей процессуальной позиции.

Одной из наиболее сложных сфер применения рассматриваемого явления является несвоевременное представление доказательств. В судебной практике выявляется значительное число дел, в которых документы и иные доказательства предъявлялись на завершающей стадии

разбирательства без объяснения причин задержки [9]. Подобное поведение отрицательно сказывается на реализации принципа процессуального равноправия сторон, установлении обстоятельств, имеющих значение для дела, и своевременности его рассмотрения.

Показательна ситуация, описанная М.З. Шварцем: ответчик по иску о взыскании арендной платы представил документы об оплате лишь в последнем заседании, когда рассмотрение дела фактически подходило к завершению [10]. Отказ принять документы способен привести к решению, не соответствующему действительным отношениям сторон; их безусловное принятие, напротив, ставит истца в заведомо неблагоприятное положение и поощряет сокрытие доказательств. Эта дилемма демонстрирует, почему эстоппель нельзя применять механически.

Решающим должно быть не само по себе позднее представление доказательства, а совокупность обстоятельств. Суду следует выяснить, когда сторона получила документ, могла ли представить его ранее, сообщала ли о его существовании, каким образом задержка влияет на возможность оппонента подготовить возражения и можно ли устранить негативные последствия менее строгими средствами. Эстоппель может быть применён, если представленное стороной доказательство противоречит её первоначальной процессуальной позиции, такое противоречие не имеет объективного объяснения, а позднее представление доказательства ограничивает возможность другой стороны своевременно ознакомиться с ним и представить мотивированные возражения.

По нашему мнению, пресечение недобросовестного процессуального поведения не должно автоматически влечь отказ в принятии представленного стороной доказательства. В зависимости от обстоятельств дела суд может предоставить другой стороне время для ознакомления с доказательством и подготовки возражений, отложить судебное заседание, учесть поведение стороны при распределении судебных расходов, а при наличии предусмотренных законом оснований — отказать в удовлетворении ходатайства о приобщении доказательства. Выявленная противоречивость позиции также может учитываться судом при оценке доказательств в их совокупности. Таким образом, эстоппель определяет общий подход к оценке непоследовательного процессуального поведения, тогда как конкретное процессуальное последствие должно избираться с учётом обстоятельств дела и не препятствовать его правильному разрешению.

Другим типичным проявлением процессуальной непоследовательности является предъявление встречного иска на завершающей стадии рассмотрения дела. В постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 8 августа 2022 г. по делу № А12-29372/2021 возврат встречного иска признан правомерным, поскольку ответчик не обосновал невозможность его более раннего предъявления, а рассмотрение новых требований привело бы к затягиванию процесса.

Само право на предъявление встречного иска не ограничивается обязанностью реализовать его немедленно после получения первоначального иска. Однако сторона, длительное время участвующая в рассмотрении дела и раскрывающая защитную позицию без упоминания самостоятельных требований, формирует у суда и оппонента обоснованное представление о пределах спора. Резкое расширение предмета разбирательства непосредственно перед вынесением решения без объективных причин нарушает установленный порядок и может свидетельствовать об использовании права вопреки его процессуальному назначению.

Близкую природу имеют многократные ходатайства об отложении судебного заседания при отсутствии уважительных причин и без представления позиции по существу

спора. В подобных ситуациях сторона формально пользуется предусмотренным законом правом на заявление ходатайств, но фактически уклоняется от участия в разрешении спора.

Применение эстоппеля здесь выражается в отказе придавать юридическое значение очередному ходатайству, основанному на обстоятельствах, которые участник мог своевременно раскрыть. Такое решение не лишает сторону права на судебную защиту, поскольку ей была предоставлена реальная возможность изложить позицию. Ограничивается лишь возможность бесконечно воспроизводить процессуальные препятствия и извлекать выгоду из собственной пассивности.

Наиболее очевидной причиной применения процессуального эстоппеля является поздняя ссылка на обстоятельство, несовместимое с предшествующим поведением стороны. Пункт 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства», предусматривает, что возражение о несоблюдении обязательного досудебного порядка должно быть заявлено не позднее представления первых ходатайств по существу спора. Более позднее заявление может быть отклонено как противоречивое.

Такой подход применен Арбитражным судом Северо-Западного округа в постановлении от 26 ноября 2018 г. по делу № А52-4002/2017. Ответчик участвовал в рассмотрении спора по существу и только в апелляционной инстанции сослался на несоблюдение истцом досудебного порядка. Суд отказал в учете данного довода, указав, что подобное поведение противоречит ранее проявленной позиции и свидетельствует о недобросовестности и не давало истцу оснований ожидать возникновения соответствующего возражения [11].

В подобных случаях эстоппель защищает не только доверие оппонента, но и стабильность процессуальной формы. Требование о досудебном урегулировании предназначено для предотвращения преждевременного обращения в суд, а не для аннулирования уже состоявшегося разбирательства после того, как сторона добровольно вступила в спор по существу. Позднее возражение утрачивает связь с назначением нормы и превращается в тактическое средство отмены неблагоприятного результата.

Вместе с тем запрет противоречивого поведения не должен препятствовать исправлению очевидной ошибки или учету вновь открывшихся обстоятельств. Суд обязан различать недобросовестное изменение позиции и ее добросовестное уточнение. Значение имеют момент получения новой информации, последовательность объяснений, степень влияния первоначального поведения на процессуальную стратегию другой стороны и возможность компенсировать возникший ущерб.

Процессуальный эстоппель имеет двойное назначение. В частноправовом измерении он защищает участника, который разумно полагался на ранее проявленную позицию оппонента. Такое доверие может выражаться в выборе доказательственной стратегии, отказе от заявления дополнительных ходатайств, согласии на рассмотрение дела в определенном порядке. Последовательность процессуального поведения выступает условием реального равноправия сторон, поскольку каждая из них формирует свою позицию, определяет круг доводов и доказательств с учётом заявлений и действий другой стороны.

Одновременно эстоппель служит публичным задачам судопроизводства. А.А. Даньков справедливо отмечает условность строгого разграничения частного и публичного интересов в сфере правосудия [13]. Судебное разбирательство начинается для защиты субъективного права, но

осуществляется в установленной государством процедуре, направленной на поддержание правопорядка. Н.Н. Лапа связывает публичный интерес с общественно значимыми потребностями, признанными и обеспеченными правом [14], а Л.В. Борисова подчеркивает его более широкий характер по сравнению с интересом государственного аппарата [15].

Для анализа эстоппеля нет необходимости превращать вопрос об интересе в самостоятельную общетеоретическую проблему. Достаточно установить, что нормальное функционирование правосудия обладает общественной ценностью. Р.Е. Гукасян рассматривал общественный интерес как предел допустимой защиты индивидуального притязания [16], а В.А. Рязановский подчеркивал заинтересованность государства в справедливом разрешении даже частноправового спора [17]. Эти идеи позволяют объяснить публично-правовое значение эстоппеля. Суд, обеспечивая равноправие сторон и надлежащее рассмотрение дела, не должен допускать извлечения процессуального преимущества из недобросовестного изменения ранее занятой позиции. В таком случае ограничивается не само процессуальное право, а возможность получить правовой эффект от его противоречивого осуществления.

Таким образом, частный и публичный аспекты эстоппеля не конкурируют, а дополняют друг друга. Защищая сторону от неблагоприятных последствий непоследовательного поведения процессуального оппонента, суд одновременно способствует своевременному рассмотрению дела, предсказуемости судопроизводства и укреплению доверия к правосудию. Именно совмещение этих функций отличает процессуальный эстоппель от обычного возражения участника гражданского судопроизводства и подтверждает его судебную природу.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что процессуальный эстоппель представляет собой судебный явление, направленное на нейтрализацию правовых последствий противоречивого и недобросовестного поведения. Его применение относится к компетенции суда, тогда как стороны вправе лишь ходатайствовать о его применении и представить обстоятельства, подтверждающие непоследовательность, противоречивость поведения оппонента.

Судебная практика демонстрирует функциональное применение эстоппеля при запоздалом представлении доказательств, предъявлении встречных исков на завершающей стадии, неоднократных необоснованных ходатайствах об отложении разбирательства дела и поздней ссылке на несоблюдение досудебного порядка. Общим последствием является отказ признавать за противоречивым поведением тот процессуальный эффект, на который рассчитывает недобросовестная сторона.

Эстоппель не является наказанием и не должен использоваться для формального ограничения права на судебную защиту. Его назначение состоит в восстановлении нарушенного процессуального равновесия и предотвращении извлечения преимущества из собственной непоследовательности. При соблюдении требований мотивированности и соразмерности данное явление способно обеспечить согласование частного интереса добросовестного участника гражданского судопроизводства с публичными задачами своевременного, справедливого и предсказуемого правосудия.

Литература

1. Фокина М.А. Добросовестность и ее процессуальная антитеза // Актуальные проблемы процессуального и правового положения субъектов гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург,

13 октября 2017 года / под ред. Л.В. Войтович, В.И. Кайнова. СПб.: Петрополис, 2018.

2. Данилов, Д. В. Характеристика добросовестного поведения лица в рамках гражданского судопроизводства / Д. В. Данилов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2017. – № 5. – С. 8-12.

3. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Жилина. М.: ТК Велби, 2005. С. 19 (автор комментария — Г.А.Жилин).

4. Громошина Н.А. Дифференциация, унификация и упрощение в гражданском судопроизводстве: монография. М.: Проспект, 2010. С. 104

5. Юдин А. В. Широкое и узкое понимание категорий «Добросовестность» и «Злоупотребление правом» в гражданском судопроизводстве // Вестник Самарской гуманитарной академии. - 2014. №1 (15)-С.40

6. Карташов В.Н. Юридическая деятельность: проблемы теории и методологии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990. С. 11.

7. Богомолов А.А. Процессуальные гарантии правильности и своевременности рассмотрения и разрешения гражданских дел :дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004.

8. Жилин Г.А. Понятие целевых установок в гражданском судопроизводстве // Журнал российского права. 1998. № 6.

9. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 15.05.2024 № Ф04-1620/2024 по делу № А75-9399/2023; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 02.11.2023 № Ф04-6075/2023 по делу №А70-18648/2022; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 05.03.2024 по делу № А19-14720/2023.

10. Смольников Д.И. Запоздалое предъявление доказательств: между абсурдом и справедливостью // Закон.ру. 2014. 3 апр. URL: https://zakon.ru/discussion/2014/4/3/zapozdaloe_predyavleni_e_dokazatelstv_mezhdu_absurdom_i_spravedlivostyu?ysclid=ihatm54ghi634098981 (дата обращения: 23 апреля 2023 г.).

11. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 26.11.2018 по делу № А52-4002/2017.

12. Коренченко Р. Е. Добросовестность в гражданском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2024. – 209 с.

13. Даньков А. А. Обеспечение баланса публичных и частных интересов в сфере правосудия : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2014. – 238 с.

14. Лапа Н. Н. О защите публичного интереса в гражданском процессе // Сибирский юридический вестник. – 2007. – № 4 (39). – С. 88–92.

15. Борисова Л. В. О частных и публичных интересах в реализации принципов правового регулирования гражданских отношений / Л. В. Борисова // Вестник Московского государственного областного университета. – 2015. – № 2. – С. 69-75.

16. Гукасян Р. Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве / отв. ред. М. А. Вукот. – Саратов : Приволжское книжное издательство, 1970. – с.21,105,115,116.

17. Рязановский В.А. Единство процесса (памяти А.А. Симолина) // Сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского государственного университета. Иркутск: ИрГУ, 1920.

18. Гурвич М.А. Основные черты гражданского процессуального правоотношения //Сов. государство и право. 1972. № 2. С. 31.

Procedural estoppel as a means of ensuring integrity in civil proceedings

Parfenova O.A.

Moscow State Law University

The article examines procedural estoppel as a judicial mechanism by which inconsistent and bad-faith conduct of a party to civil or commercial proceedings is deprived of legal effect. It is argued that the parties may raise the issue of estoppel, while the final assessment of their conduct and the determination of procedural consequences fall within the exclusive competence of the court. The paper reveals the connection between estoppel, the principle of good faith, the objectives of timely and correct adjudication, equality of arms and adversarial proceedings. Drawing on legal doctrine and judicial practice, the author analyses late submission of evidence, untimely counterclaims, repeated motions for adjournment and belated changes of procedural position. Estoppel is viewed not as a sanction for culpable conduct, but as a method of neutralising the legal effects of procedurally inconsistent behaviour. It is concluded that estoppel simultaneously protects the legitimate expectations of the bona fide party and serves the public purposes of justice.

Keywords: procedural estoppel, good faith, inconsistent conduct, civil procedure, commercial procedure, judicial discretion, adversarial principle, procedural economy, reasonable time.

References

1. Russian Federation. Laws. On the contract system in the sphere of procurement of goods, works, and services for meeting state and municipal needs: Federal Law of 05.04.2013 No. 44-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2013. - No. 14. - Art. 1652. - Text: direct.
2. Russian Federation. Laws. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: Federal Law of 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended on 28.12.2024 No. 500-FZ) // Collected Legislation of the Russian Federation. -2002. - No. 1 (Part 1). - Art. 1. - Text: direct.
3. Russian Federation. Laws. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 23.04.2018 No. 99-FZ) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1996. - No. 25. - Article 2954. - Text : direct.
4. Russian Federation. Laws. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of 23.4.2018 No. 99-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2018. - No. 18. - Article 2560. - Text : direct.
5. Russian Federation. Laws. On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: Federal Law of 28.12.2024 No. 500-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2024 - No. 1 (Part I). - Art. 15. - Text: direct.
6. Andreeva, L. V. Development of the System of Public-Law Liability in the Sphere of State and Municipal Procurement / L. V. Andreeva // Current Issues of Russian Law. - 2021. No. 4. - Pp. 45-53. - Text: direct.
7. Borkov, V. N. Qualification of Abuse of Official Powers in the Sphere of Public Procurement / V. N. Borkov // Legality. - 2023. - No. 5. - Pp. 36-40. - Text: direct.
8. Zorkin, V. D. Administrative prejudice in criminal law: constitutional and legal aspects / V. D. Zorkin // Journal of constitutional justice. - 2024. - No. 1. - Pp. 5-16. - Text: direct.
9. Lopashenko, N. A. Crimes in the economic sphere: author's commentary on the criminal law / N. A. Lopashenko. - Moscow: Wolters Kluwer, 2022. - 672 p. - Text: direct.
10. Rybakova, A. A. Administrative liability in the field of procurement: analysis of the 2024-2025 reform and qualification problems / A. A. Rybakova // Journal of entrepreneurial and corporate law. - 2025. - No. 2. - Pp. 28-34. - Text: direct.
11. Yani, P. S. Criminal Liability for Abuse in the Sphere of Procurement: Problems of Interpretation / P. S. Yani // Law. - 2020. - No. 2. - Pp. 112-123. - Text: direct.
12. Association of Lawyers of Russia. Review of Judicial Practice on the Qualification of Crimes Related to Payment for Unperformed Work under Government Contracts. - Moscow: AYUR, 2024. - 15 p. - Text: direct.
13. Report of the Federal Antimonopoly Service on the State of Competition in the Russian Federation for 2025. - Moscow: FAS Russia, 2026. - 210 p. - Text: direct.
14. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article by article) / edited by V. M. Lebedev. - 15th edition, revised and enlarged. - Moscow: Norma, 2025. - 1024 p. - Text: direct.
15. Russian Federation. Acts of judicial authorities. On judicial practice in cases of abuse of office and exceeding official powers: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 16.10.2009 No. 19 (as amended on 24.12.2019) // Rossiyskaya Gazeta. - 2009. - October 30 - Text: direct.
16. Russian Federation. Acts of judicial authorities. On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and misappropriation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.11.2017 No. 48 (as amended on 29.06.2021) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. - 2018. - No. 1. - Text: direct.
17. Russian Federation. Acts of judicial authorities. On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Article 285 of the Criminal Code of the Russian Federation: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 12.01.2023 No. 2-P // Rossiyskaya Gazeta. - 2023. - January 25. - Text: direct.
18. Review of changes in legislation on public procurement and law enforcement practice for 2025. - Text: electronic // Electronic journal "Goszakaz in Questions and Answers". - 2026. - January 14. - URL: <https://www.goszakaz.ru/> (date of access: 19.06.2026).
19. Russian Federation. Acts of judicial authorities. Verdict of the Tatarsky District Court of the Novosibirsk Region dated April 7, 2025, in Case No. 1-45/2025. - Electronic text // State Automated System of the Russian Federation "Justice": [website]. - URL: <https://bsr.sudrf.ru/> (accessed on June 19, 2026).
20. Russian Federation. Acts of Judicial Authorities. Decision of the Arbitration Court of the Ivanovo Region dated September 18, 2025, in Case No. A17-5432/2025. - Electronic text // Arbitration Case File: [website]. - URL: <https://kad.arbitr.ru/> (accessed on June 19, 2026).

Разграничение административных правонарушений и преступлений в сфере государственных закупок: проблемы правовой квалификации, коллизии норм и пути их разрешения

Пирогов Павел Павлович

кандидат юридических наук, доцент, кафедра теории и истории государства и права, Мурманский арктический университет, ppp17@mail.ru

Ядуллаев Эльчин Агаханович

кафедра теории и истории государства и права, Мурманский арктический университет, elchin.yad@rambler.ru

Настоящее исследование посвящено комплексному анализу правовых трудностей, с которыми сталкиваются правоприменительные органы при разграничении составов административных дел и уголовных правонарушений, относящихся к нарушениям в сфере государственных и муниципальных закупок. Рассматривается структура правонарушений, предусмотренных статьями 7.29 - 7.32.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), и классификация деяний, установленных в статье 200.4 и статье 200.5, наряду с главами 21 и 30 Уголовного кодекса Российской Федерации. Констатируются фундаментальные противоречия, проявляющиеся в правореализации: проблема разграничения административного деликта и уголовно наказуемого злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), а также сложности правовой квалификации хищения бюджетных средств и нарушений порядка приемки товаров, работ и услуг. Проанализировав судебные акты, в том числе акты и решения Конституционного Суда РФ и постановления Пленума Верховного Суда РФ, выработаны критерии разграничения смежных составов правонарушений, дополненные рекомендациями по дальнейшему совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Выявлены ключевые коллизии: конкуренция между административным деликтом и уголовно наказуемым злоупотреблением должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ); сложности правовой квалификации действий, связанных с хищением бюджетных средств от процедурных нарушений, допущенных при приемке товаров, работ, услуг. Предложены критерии разграничения смежных составов: масштаб ущерба, содержание умысла, характер нарушенных предписаний, субъективный состав, наличие признаков подкупа.

Обоснована необходимость разработки постановления Пленума ВС РФ, разъясняющего критерии разграничения административных и уголовных составов применительно к контрактной системе, и дополнения санкций альтернативными видами наказаний.

Ключевые слова: государственные закупки, контрактная система, административная ответственность, уголовная ответственность, коллизии норм, квалификация преступлений, злоупотребление полномочиями, хищение, конкуренция, дисквалификация, судебная практика.

Введение. Контрактная система в сфере закупок, регулируемая Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ), относится к числу сфер правового регулирования с наиболее интенсивным темпом изменений и обновлений [1]. На протяжении действия закона наблюдается постепенное усложнение и расширение системы мер публично-правовой ответственности, законодатель дополняет перечень и уточняет применение санкций за нарушения, допускаемые заказчиками, исполнителями и иными субъектами контрактной системы [6, с. 45-46]. На сегодняшний день в главе 7 КоАП РФ сконцентрированы составы административных правонарушений, охватывающие практически все стадии закупочного цикла: от планирования до приемки товаров, работ, услуг. Одновременно Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) был дополнен специальными нормами, прежде всего ст. 200.4 и 200.5, принятыми Федеральным законом от 23.04.2018 № 99-ФЗ и направленными на противодействие злоупотреблениями и подкупу в закупочной среде [4]. Разработка указанных составов стало поводом для острых научных дискуссий о допустимых рамках уголовно-правового воздействия на экономику [11, с. 112-123]. Масштабная реформа, реализованная Федеральным законом от 28.12.2024 № 500-ФЗ, унифицировала подходы к административной ответственности и внесла корреспондирующие изменения в уголовное законодательство [5]. Однако даже после столь серьезной модернизации правового поля ключевая проблема – разграничение административно наказуемых деяний и уголовно наказуемых общественно опасных посягательств – остается не решенной окончательно. Более того, появление новых составов, предусматривающих в том числе предупреждение и дисквалификацию, порождает дополнительные коллизии, требующие научного осмысления и выработки практических критериев квалификации [10, с. 28-34].

Цель настоящей статьи – на основе комплексного анализа действующего законодательства, доктринальных источников и правоприменительной практики выявить наиболее острые коллизии между административной и уголовной ответственностью в сфере госзакупок, предложить научно обоснованные критерии разграничения и определить перспективные направления совершенствования нормативной базы.

Основная часть

1. Система административных правонарушений в сфере закупок и ее эволюция.

До 1 марта 2025 г. административная ответственность за нарушения в сфере закупок была рассредоточена по нескольким статьям КоАП РФ, главным образом – ст. 7.29, ст. 7.30, ст. 7.31, ст. 7.32 и ст. 7.32.1, структура каждой предусматривала выделение отдельных частей с самостоятельными составами правонарушений [2]. Избыточная вариативность правовых норм становилась причиной возникновения коллизий: они проявлялись как на уровне взаимодействия административного и уголовного законодательства, так и внутри нормативной системы КоАП РФ. С целью упорядочения правового регулирования Федеральным законом от 28.12.2024 № 500-ФЗ предпринята

Финансирование: Исследование выполнено в рамках инициативной НИОКР № 124050700059-3

попытка систематизировать полный перечень составов административных правонарушений, касающийся госзакупки и обязательств торгов, были объединены в единый комплекс из шести статей (7.30.1 - 7.30.6) [5]. Одновременно был уточнен размер штрафных санкций: за неверный выбор способа закупки штраф увеличен с 30 тыс. руб. фиксированно до диапазона от 30 до 50 тыс. руб.; за несоблюдение объема закупок у субъектов малого предпринимательства и социально ориентированных некоммерческих организаций - с 50 тыс. руб. до 40 - 60 тыс. руб. [5]. Важным нововведением стало появление такого вида наказания, как предупреждение, которое может применяться за отдельные нарушения, ранее каравшиеся исключительно штрафом.

Вместе с тем реформа не устранила фундаментальную проблему: диспозиции отдельных административных правонарушений формулируются как «нарушение законодательства о контрактной системе», что создает предпосылки для пересечения с уголовно-правовыми запретами, которые также описывают деяния через нарушения норм Закона № 44-ФЗ.

2. Уголовно-правовые механизмы противодействия нарушениям в закупочной сфере.

Важнейшей уголовно-правовой новацией, непосредственно касающейся сферы госзакупок, стала ст. 200.4 УК РФ «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Законодательные нарушения в ходе закупочных процедур формируют объективную сторону рассматриваемого преступления, совершенного из корыстной или иной личной заинтересованности и причинившее крупный ущерб (в соответствии с примечанием к ст. 170.2 УК РФ - свыше 2,25 млн. руб.) [3]. Квалифицированный состав (ч. 2 ст. 200.4 УК РФ) предусматривает ответственность за то же деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору или причинившее особо крупный ущерб (свыше 9 млн. руб.). Санкция статьи включает штрафные меры - от 200 тыс. до 1 млн. руб., а также лишение свободы на срок до трех лет по ч. 1 и до семи лет по ч. 2.

Кроме того, ст. 200.5 УК РФ установила ответственность за подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок, лица, осуществляющего приемку товаров, работ, услуг. Важно подчеркнуть, что примечания к данной статье предусматривают что лицо вправе рассчитывать на освобождение от уголовной ответственности, если оно добровольно сообщило о совершенном преступлении либо оказало активное содействие в его раскрытии или расследовании, а также сообщило о факте вымогательства и подкупа.

Помимо специальных норм, правоприменитель активно прибегает к общим составам преступлений, прежде всего, к злоупотреблению должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и превышению должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). На практике именно здесь возникает наибольшее число спорных ситуаций, связанных с необходимостью разграничения административного деликта и должностного преступления.

3. Проблема коллизий между административными правонарушениями и должностными преступлениями.

Центральная проблема, которую вынуждены разрешать правоприменители, заключается в конкуренции между нормами КоАП РФ, устанавливающими ответственность за процедурные нарушения (например, несоблюдение требований к обоснованию начальной (максимальной) цены контракта, нарушение порядка выбора способа закупки), и ст. 285, 286 УК РФ. При буквальном

толковании закона любое умышленное нарушение процедуры закупки, совершенное должностным лицом заказчика, формально содержит признаки злоупотребления должностными полномочиями, если такое деяние повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. Однако такой «автоматический» подход неизбежно привел бы к необоснованной криминализации технических ошибок, которые по своему характеру и степени общественной опасности должны оставаться в сфере административной ответственности [7, с. 37-38]. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48, при установлении признаков хищения суду надлежит проверять, имеются ли обстоятельства, свидетельствующие о наличии умысла на изъятие имущества без предоставления компенсации [16].

Судебная практика, формировавшаяся на протяжении последних лет, выработала ряд критериев, позволяющих разграничивать эти составы. Одним из наиболее значимых актов, заложивших фундамент такого разграничения, стало Постановление Конституционного Суда РФ от 12.01.2023 № 2-П, в котором была подчеркнута необходимость оценки того, насколько допущенное нарушение является явным и очевидным выходом за пределы дискреционных полномочий, предоставленных должностному лицу законом [17]. Если действие (бездействие) должностного лица хотя и противоречит отдельным нормам Закона № 44-ФЗ, но находится в пределах его общей компетенции и не сопряжено с заведомо противоправной целью, то такому деянию адекватна административная, а не уголовная ответственность.

Однако обозначенный критерий не универсален. Как справедливо отмечено в обзоре судебной практики, правоприменительная практика продолжает демонстрировать устойчивую проблему ошибочной уголовно-правовой квалификации действий должностных лиц заказчика, допустивших оплату заведомо невыполненных работ по контрактам [12, с. 10-11]. Следственные органы нередко выбирают «привычный» состав - злоупотребление должностными полномочиями, игнорируя экономическую сущность происходящего. В тех же случаях, когда должностное лицо осознает, что работы не выполнены, понимает, что бюджетные средства будут перечислены необоснованно, и действует в интересах конкретного подрядчика либо третьих лиц, - перед правоприменителем не управленческая ошибка, а механизм завладения имуществом. Именно в таких ситуациях служебные полномочия используются как инструмент хищения, а не как объект злоупотребления [12, с. 12].

4. Разграничение хищения и административного правонарушения при приемке товаров, работ, услуг.

Особую практическую значимость имеют дела, связанные с приемкой и оплатой товаров, работ, услуг, которые фактически не были поставлены (выполнены, оказаны) либо поставлены с существенными отступлениями от условий контракта. Типовая ситуация выглядит следующим образом: заказчик принимает и оплачивает работы, которые не выполнялись либо выполнялись частично и в объеме, существенно меньшем заявленного в актах приемки. На первый взгляд подобные действия укладываются в конструкцию превышения полномочий, однако при более детальном анализе обнаруживаются признаки мошенничества (ст. 159 УК РФ) или присвоения (ст. 160 УК РФ), поскольку происходит безвозвратное выбытие бюджетных средств в пользу недобросовестного поставщика [7, с. 38-39]. Как показывает судебная практика, именно стремление к извлечению имущественной выгоды придает деянию характер экономического преступления - без

данного элемента речь идет лишь о нарушении установленного порядка действий [9, с. 320].

Разграничение в данном случае должно проводиться по субъективной направленности умысла. Если должностное лицо действовало с целью изъятия денежных средств в пользу конкретного получателя – налицо хищение, независимо от того, были ли при этом нарушены процедурные нормы контрактной системы. Нарушение же процедуры приемки, не сопряженное с корыстной целью (например, формальная приемка вследствие халатности, самонадеянности или неверной оценки исполнительской документации), должно влечь административную ответственность, а в отдельных случаях – рассматриваться в плоскости дисциплинарного проступка.

Важно подчеркнуть, что все названные формы преступного поведения – будь то злоупотребление в рамках ст. 200.4 УК РФ, подкуп по ст. 200.5 УК РФ или хищение через механизм госзакупки – нарушают не только имущественные интересы государства, но и базовые принципы контрактной системы, включая принцип обеспечения конкуренции. Как следствие, законодатель и правоприменитель вынуждены защищать одновременно два объекта: экономическую безопасность и публичный порядок в сфере размещения заказа.

5. Актуальные тенденции правоприменительной практики (2025-2026 гг.).

Правоприменительная практика 2025-2026 гг. демонстрирует несколько значимых тенденций. Во-первых, фиксируется рост числа дел, связанных с подкупом в сфере закупок. Так, 7 апреля 2025 г. Татарским районным судом Новосибирской области был вынесен приговор по ч. 5 ст. 200.5 УК РФ в отношении должностного лица, получившего незаконное вознаграждение за обеспечение победы конкретного поставщика [19]. Во-вторых, суды сталкиваются с проблемой действия норм во времени в условиях масштабной реформы КоАП РФ. Как отмечается в обзорах практики, «производство по делам, возбужденным до 1 марта 2025 г., прекращают, если нарушение не попадает под статьи КоАП РФ в новой редакции; в данном случае состав правонарушения перенесли в новую статью» [18]. В-третьих, на уровне арбитражных судов продолжается практика признания недействительными торгов и контрактов, заключенных с нарушением законодательства. Арбитражный суд Ивановской области решением от 18 сентября 2025 г. признал недействительным контракт на закупку легкового автомобиля для главы Лежневского района, установив нарушения при проведении торгов [20]. Согласно наблюдениям ФАС РФ, снижение доли «технических» сговоров сопровождается нарастанием числа сложных комплексных схем, искусно замаскированных под законные действия [13, с. 95].

6. Критерии разграничения и рекомендации по их применению.

Проведенное исследование позволяет определить критерии, обеспечивающие отграничение административных правонарушений от преступлений в сфере госзакупки.

Во-первых, необходимо четко различать составы по признаку масштаба причиненного ущерба. Административные правонарушения, как правило, не предполагают наступления общественно опасных последствий, либо предполагают последствия, не достигающие уровня крупного ущерба, определенного в примечаниях к соответствующим статьям УК РФ. Если нарушение законодательства о контрактной системе повлекло ущерб, превышающий 2,25 млн. руб., деяние приобретает уголовно-правовую окраску при условии наличия иных признаков состава преступления.

Во-вторых, ключевым разграничительным признаком выступает содержание умысла и направленность цели. Административные правонарушения могут совершаться как умышленно, так и по неосторожности (например, нарушение сроков размещения информации в Единой информационной системе). Уголовно наказуемые деяния характеризуются, как правило, прямым умыслом, сопряженным с корыстной или иной личной заинтересованностью виновного. Именно цель определяет, имеем ли мы дело с процедурной ошибкой или же с преступлением, посягающим на собственность и интересы службы.

В-третьих, должен учитываться характер нарушенных правовых предписаний. Если действия должностного лица, хотя и являются отступлением от отдельных норм Закона № 44-ФЗ, не выходят за общие пределы его дискреционных полномочий, то квалификация содеянного как должностного преступления невозможна – приоритет имеет административная ответственность.

В-четвертых, необходимо разграничивать субъективный состав преступлений и административных правонарушений. Ст. 200.4 УК РФ применяется к работникам контрактной службы, контрактным управляющим, членам комиссий по осуществлению закупок, лицам, осуществляющим приемку товаров, работ, услуг, а также к иным уполномоченным лицам, представляющим интересы заказчика. При этом указанные субъекты могут не обладать статусом должностного лица в смысле примечания ст. 285 УК РФ. Напротив, составы главы 30 УК РФ подлежат вменению только лицам, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющим функции представителя власти либо выполняющим организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях и т.д. Таким образом, один и тот же субъект, в зависимости от характера совершенных действий, может подлежать ответственности по разным нормам, что требует от следствия предельно точной правовой оценки.

В-пятых, следует учитывать наличие либо отсутствие признаков подкупа. Если нарушение процедуры закупки обусловлено получением незаконного вознаграждения, содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений (например, ст. 200.5 и ст. 290 УК РФ). Административная ответственность в подобных случаях полностью исключается в силу приоритета уголовно-правовой нормы.

Проведенное исследование позволяет предложить ряд законодательных мер, направленных на минимизацию коллизий в рассматриваемой сфере:

1. Закрепить в тексте Закона № 44-ФЗ либо в специальном постановлении Пленума Верховного Суда РФ легальные дефиниции понятий «крупный ущерб», «существенное нарушение прав и законных интересов» и «явный выход за пределы дискреционных полномочий» применительно к закупочной деятельности. Оптимальным вариантом стало бы постановление Пленума Верховного Суда РФ. Именно в рамках разъяснений Пленума ВС РФ можно увязать «крупный ущерб» не только с денежным порогом, указанным в примечании к ст. 170.2 УК РФ, но и с качественными критериями, такими как срыв обеспечения государственных нужд, причинение вреда жизни и здоровью граждан, подрыв конкуренции на значимом рынке. Раскрыть «существенное нарушение прав и законных интересов» через последствия для неопределенного круга участников закупки, для бюджета публичного образования, для состояния конкурентной среды. А также определить «явный выход за пределы дискреционных полномочий» через такие признаки, как совершение действий, которые ни при каких условиях не могли быть при-

знаны допустимыми в рамках усмотрения заказчика, грубое игнорирование прямого законодательного запрета, и действия, совершенные при отсутствии каких-либо разумных оснований, свидетельствующих о добросовестном заблуждении. Прецедент подобного подхода уже создан самим Верховным Судом в постановлении Пленума от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» даны разъяснения, применяемые судами в том числе при рассмотрении дел, связанных с госзакупками [15]. Логичным шагом было бы принятие отдельного постановления (или раздела в уже существующем), посвященного именно преступлениям и правонарушениям в контрактной сфере. Это позволит оперативно актуализировать позиции без изменений законодательства и обеспечить единообразие практики. Таким образом, мнение сводится к тому, что предпочтительным является не дополнение к Закону № 44-ФЗ, а системное разъяснение Пленума РФ, ориентированное на закупочную специфику. Такое разъяснение должно быть подготовлено с участием специалистов в области закупок, антимонопольного и бюджетного права, чтобы избежать чисто цивилистического либо исключительно уголовно-правового уклона;

2. Дополнить главу 7 КоАП РФ нормой, прямо указывающей на приоритет уголовного закона при конкуренции составов, содержащих признаки административного правонарушения и преступления, – по аналогии с тем, как это реализовано в ряде зарубежных государств. Действующее законодательство не содержит прямой материальной коллизионной нормы «если деяние одновременно подпадает под КоАП и УК, применяется только УК». Вместо этого вопрос решается преимущественно процессуальными средствами: п. 7 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ предусматривает, что производство по делу об административном правонарушении не может быть начато, а начатое подлежит прекращению при наличии по одному и тому же факту постановления о возбуждении уголовного дела, одновременно ч. 3 ст. 29.13 обязывает судью, орган, должностное лицо при выявлении признаков преступления направить материалы в органы предварительного расследования. Эти нормы предотвращают двойную ответственность, но не решают проблему первичной квалификации: правоприменитель (особенно на стадии проверки) может ошибочно применить КоАП к деянию, которое уже обладает достаточной степенью общественной опасности и подпадает под УК. Особенно это актуально для делящихся нарушений, а также случаев, когда ущерб на момент возбуждения административного дела еще не достиг «крупного», а впоследствии достиг. Поскольку речь идет об уголовно-правовой сфере, логичнее было бы закрепить приоритет в самом УК, а не в КоАП, с целью подчеркнуть примат уголовно-правовой оценки. Оптимальным представляется примечание к ст. 200.4 УК РФ со следующей формулировкой: «В случае если деяние, совершенное лицом, содержит признаки преступления и административного правонарушения, приоритет отдается уголовной ответственности. При этом административное производство подлежит прекращению в порядке, установленном законодательством». Возможно распространить данное примечание и на ст. 200.5 УК РФ. Альтернативный вариант – дополнить ст. 14 УК РФ «Понятие преступления» частью 3: «Если совершенное лицом деяние содержит признаки как преступления, так и административного правонарушения, уголовная ответственность имеет приоритет. Административное производство в этом случае подлежит прекращению в установленном законом порядке». Хотя прямая нормы о приоритете УК над КоАП в отечественном законодательстве нет, можно выделить два близких подхода. Первый – налоговые преступления.

Примечания к ст. 198 и ст. 199 УК РФ устанавливают основания освобождения от уголовной ответственности при уплате недоимки, пеней и штрафа. При этом факт привлечения к налоговой ответственности не влечет автоматического исключения уголовной, в то же время условием освобождения от уголовной ответственности является уплата санкций по Налоговому кодексу РФ. Это модель кооперации, при которой ответственность административная предшествует уголовной, но не устанавливает отношения взаимоисключения между ними. Впрочем, прямой нормы устанавливающей то, что уголовное дело не может быть возбуждено, если лицо уже оштрафовано по КоАП, там отсутствует, что время от времени создает коллизии. Второй подход – административная преюдиция. В ряде статей УК РФ (ст. 151.1, ст. 284.1 УК и др.) уголовная ответственность наступает только при условии, что лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние. Здесь административное правонарушение становится конструктивным признаком преступления, что полностью исключает повторное административное наказание за тот же эпизод после привлечения к уголовной ответственности. Для сферы закупок такой подход тоже может быть продуктивен: например, можно установить, что нарушение, совершенное лицом, которое уже подвергалось административному наказанию за аналогичное деяние в течение определенного срока, влечет уголовную ответственность по ст. 200.4 УК РФ. Однако это не решает проблему ограничения «серьезного» единичного деяния от малозначительного и поэтому общее правило о приоритете все равно необходимо. Специалисты, изучающие административную преюдицию, подчеркивают, что ее действительность определяется тем, насколько точно зафиксированы предельные значения административных наказаний – именно они задают границу перехода к уголовно-правовой оценке деяния [8, с. 13-14]. Исходя из всего указанного, наиболее рациональным шагом было бы включение в примечание к ст. 200.4 УК РФ прямой оговорки о приоритете уголовной ответственности над административной в случае конкуренции составов. Уже неоднократно отмечалось, что для корректного правоприменения в экономической сфере критически важно законодательно четко разграничить сферы действия отраслевых норм [14, с. 720]. Одновременно в КоАП РФ (ст. 7.30.1-7.30.6) можно внести уточнение, отсылающее к этому примечанию: «Если действия содержат признаки преступления, предусмотренного ст. 200.4 Уголовного кодекса Российской Федерации, то административная ответственность, предусмотренная настоящей статьей, не применяется». Это снимает необходимость каждый раз решать вопрос о прекращении административного дела процессуальным путем и упреждает правоприменительные ошибки;

3. Рассмотреть возможность включения в уголовное законодательство специального состава, охватывающего хищение бюджетных средств с использованием процедур государственных закупок, что позволило бы избежать дискуссий о том, подлежит ли такое деяние квалификации по общим нормам о мошенничестве либо должностных преступлениях;

4. Разработать методические рекомендации для следственных органов и контрольных органов в сфере закупок, содержащие алгоритмы отграничения административных деликтов от преступлений с учетом сформированных судебной практикой критериев.

Заключение.

Проблема разграничения административной и уголовной ответственности за нарушения в сфере государственных закупок носит комплексный, межотраслевой харак-

тер. Анализ действующего законодательства и правоприменительной практики показывает, что, несмотря на существенную модернизацию нормативной базы, сохраняется значительное число коллизий, обусловленных, с одной стороны, бланкетным характером диспозиций многих статей, а с другой – сложностью оценки субъективной стороны совершенных деяний. Предложенные в настоящей статье критерии разграничения – масштаб ущерба, содержание умысла, характер нарушенных правовых предписаний, субъективный состав и наличие признаков подкупа – могут быть положены в основу как правоприменительной деятельности, так и дальнейшего совершенствования законодательства. Их последовательное применение позволит исключить как случаи необоснованной криминализации процедурных нарушений, так и факты уклонения от уголовной ответственности за деяния, представляющие повышенную общественную опасность. Только системный подход, сочетающий точность уголовно-правовой квалификации с административной профилактикой, способен обеспечить эффективную защиту бюджетных средств и принципов добросовестной конкуренции в контрактной системе.

Литература

1. Российская Федерация. Законы. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2013. - № 14. – Ст. 1652. – Текст : непосредственный.
2. Российская Федерация. Законы. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.12.2024 № 500-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. -2002. - № 1 (ч. 1). – Ст.1. – Текст: непосредственный.
3. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.04.2018 № 99-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 1996. - № 25. – Ст. 2954. – Текст : непосредственный.
4. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 23.4.2018 № 99-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2018. - № 18. – Ст. 2560. – Текст : непосредственный.
5. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 28.12.2024 № 500-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2024 - № 1 (часть I). – Ст.15 – Текст : непосредственный.
6. Андреева, Л. В. Развитие системы публично-правовой ответственности в сфере государственных и муниципальных закупок / Л. В. Андреева // Актуальные проблемы российского права. – 2021. № 4. – С. 45-53. – Текст : непосредственный.
7. Борков, В. Н. Квалификация злоупотреблений должностными полномочиями в сфере государственных закупок / В. Н. Борков // Законность. – 2023. - № 5. – С. 36-40. – Текст : непосредственный.
8. Зорькин, В. Д. Административная преюдиция в уголовном праве : конституционно-правовые аспекты / В. Д. Зорькин // Журнал конституционного правосудия. – 2024. - № 1. – С. 5-16. – Текст : непосредственный.
9. Лопашенко, Н. А. Преступления в сфере экономики : авторский комментарий к уголовному закону / Н. А. Лопашенко. – Москва : Волтерс Клувер, 2022. – 672 с – Текст : непосредственный.
10. Рыбакова, А. А. Административная ответственность в сфере закупок: анализ реформы 2024-2025 гг. и проблемы квалификации / А. А. Рыбакова // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2025. - № 2. – С. 28-34. – Текст : непосредственный.
11. Яни, П. С. Уголовная ответственность за злоупотребления в сфере закупок: проблемы толкования / П. С. Яни // Закон. – 2020. - № 2. – С. 112-123. – Текст : непосредственный.
12. Ассоциация юристов России. Обзор судебной практики по вопросам квалификации преступлений, связанных с оплатой невыполненных работ по государственным контрактам. – Москва : АЮР, 2024. – 15 с. – Текст : непосредственный.
13. Доклад Федеральной антимонопольной службы о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2025 год. – Москва : ФАС России, 2026. – 210 с. – Текст: непосредственный.
14. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. М. Лебедева. – 15-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма, 2025. – 1024 с. – Текст : непосредственный.
15. Российская Федерация. Акты органов судебной власти. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (ред. от 24.12.2019) // Российская газета. – 2009. – 30 октября – Текст : непосредственный.
16. Российская Федерация. Акты органов судебной власти. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 29.06.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. - № 1. – Текст : непосредственный.
17. Российская Федерация. Акты органов судебной власти. По делу о проверке конституционности положений статьи 285 Уголовного кодекса Российской Федерации : Постановление Конституционного Суда РФ от 12.01.2023 № 2 – П // Российская газета. – 2023. – 25 января. – Текст : непосредственный.
18. Обзор изменений законодательства о госзакупках и правоприменительной практики за 2025 год. – Текст : электронный // Электронный журнал «Госзаказ в вопросах и ответах». – 2026. – 14 января. – URL: <https://www.goszakaz.ru/> (дата обращения: 19.06.2026).
19. Российская Федерация. Акты органов судебной власти. Приговор Татарского районного суда Новосибирской области от 07.04.2025 по делу № 1-45/2025. – Текст : электронный // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» : [сайт]. – URL: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения: 19.06.2026).
20. Российская Федерация. Акты органов судебной власти. Решение Арбитражного суда Ивановской области от 18.09.2025 по делу № А17-5432/2025. – Текст : электронный // Картотека арбитражных дел : [сайт]. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 19.06.2026).

Differentiation of administrative offense and crimes in the field of public procurement: problems of legal qualification, conflicts of norms and ways to resolve them.

Pirogov P.P., Yadullaev E.A.

Murmansk Arctic University

The present inquiry undertakes a systematic examination of the legal complexities encountered by enforcement authorities in delineating the boundaries between administrative delicts and criminal offenses arising from breaches of the regulatory framework governing public and municipal procurement. It scrutinizes the architecture of violations codified under Articles 7.29 through 7.32.1 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation (CAO RF), alongside the taxonomy of unlawful acts established under Articles 200.4 and 200.5, in conjunction with Chapters 21 and 30 of the Criminal Code of the Russian Federation (CC RF). The study identifies fundamental doctrinal dissonances manifesting in adjudication, specifically: the challenge of distinguishing an administrative infraction from the criminal abuse of official authority (Article 285 of the CC RF), and the intricate legal characterization of misappropriation of

budgetary funds versus procedural irregularities in the acceptance of goods, works and services. Through a critical appraisal of judicial instruments, including rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation and guiding clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, the paper establishes criteria for demarcating contiguous offence components, supplemented by propositions for the progressive refinement of both the legislative apparatus and enforcement praxis.

Critical normative collisions are exposed: the concurrence of rules between administrative tort and criminal malfeasance in office (Article 285 of the CC RF); and the complexities in distinguishing acts involving the diversion of the state assets from purely procedural deviations occurring during the acceptance phase of contract execution. Differential hallmarks for adjacent offences are posited, namely: the magnitude of financial detriment, the substance of the offender's intent, the nature of the regulatory prescription violated, the special status of the subject, and the presence of corrupt inducement indicator.

The study substantiates the imperative for a dedicated Plenum ruling by the Supreme Court, elucidating the parameters of delimitation between administrative and penal provisions as they apply to the contract system, and advocates for the supplementation of existing sanctions with alternative punitive measures.

Keywords: public procurement, contract system, administrative liability, criminal liability, normative conflicts, crime classification, abuse of authority, misappropriation of funds, concurrence of rules, debarment, judicial practice.

References

1. Russian Federation. Laws. On the contract system in the sphere of procurement of goods, works, and services for meeting state and municipal needs: Federal Law of 05.04.2013 No. 44-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2013. - No. 14. - Art. 1652. - Text: direct.
2. Russian Federation. Laws. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: Federal Law of 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended on 28.12.2024 No. 500-FZ) // Collected Legislation of the Russian Federation. -2002. - No. 1 (Part 1). - Art. 1. - Text: direct.
3. Russian Federation. Laws. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 23.04.2018 No. 99-FZ) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1996. - No. 25. - Article 2954. - Text : direct.
4. Russian Federation. Laws. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of 23.4.2018 No. 99-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2018. - No. 18. - Article 2560. - Text : direct.
5. Russian Federation. Laws. On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: Federal Law of 28.12.2024 No. 500-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2024 - No. 1 (Part I). - Art. 15. - Text: direct.
6. Andreeva, L. V. Development of the System of Public-Law Liability in the Sphere of State and Municipal Procurement / L. V. Andreeva // Current Issues of Russian Law. - 2021. No. 4. - Pp. 45-53. - Text: direct.
7. Borkov, V. N. Qualification of Abuse of Official Powers in the Sphere of Public Procurement / V. N. Borkov // Legality. - 2023. - No. 5. - Pp. 36-40. - Text: direct.
8. Zorkin, V. D. Administrative prejudice in criminal law: constitutional and legal aspects / V. D. Zorkin // Journal of constitutional justice. - 2024. - No. 1. - Pp. 5-16. - Text: direct.
9. Lopashenko, N. A. Crimes in the economic sphere: author's commentary on the criminal law / N. A. Lopashenko. - Moscow: Wolters Kluwer, 2022. - 672 p. - Text: direct.
10. Rybakova, A. A. Administrative liability in the field of procurement: analysis of the 2024-2025 reform and qualification problems / A. A. Rybakova // Journal of entrepreneurial and corporate law. - 2025. - No. 2. - Pp. 28-34. - Text: direct.
11. Yani, P. S. Criminal Liability for Abuse in the Sphere of Procurement: Problems of Interpretation / P. S. Yani // Law. - 2020. - No. 2. - Pp. 112-123. - Text: direct.
12. Association of Lawyers of Russia. Review of Judicial Practice on the Qualification of Crimes Related to Payment for Unperformed Work under Government Contracts. - Moscow: AYUR, 2024. - 15 p. - Text: direct.
13. Report of the Federal Antimonopoly Service on the State of Competition in the Russian Federation for 2025. - Moscow: FAS Russia, 2026. - 210 p. - Text: direct.
14. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article by article) / edited by V. M. Lebedev. - 15th edition, revised and enlarged. - Moscow: Norma, 2025. - 1024 p. - Text: direct.
15. Russian Federation. Acts of judicial authorities. On judicial practice in cases of abuse of office and exceeding official powers: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 16.10.2009 No. 19 (as amended on 24.12.2019) // Rossiyskaya Gazeta. - 2009. - October 30 - Text: direct.
16. Russian Federation. Acts of judicial authorities. On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and misappropriation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.11.2017 No. 48 (as amended on 29.06.2021) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. - 2018. - No. 1. - Text: direct.
17. Russian Federation. Acts of judicial authorities. On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Article 285 of the Criminal Code of the Russian Federation: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 12.01.2023 No. 2-P // Rossiyskaya Gazeta. - 2023. - January 25. - Text: direct.
18. Review of changes in legislation on public procurement and law enforcement practice for 2025. - Text: electronic // Electronic journal "Goszakaz in Questions and Answers". - 2026. - January 14. - URL: <https://www.goszakaz.ru/> (date of access: 19.06.2026).
19. Russian Federation. Acts of judicial authorities. Verdict of the Tatarsky District Court of the Novosibirsk Region dated April 7, 2025, in Case No. 1-45/2025. - Electronic text // State Automated System of the Russian Federation "Justice": [website]. - URL: <https://bsr.sudrf.ru/> (accessed on June 19, 2026).
20. Russian Federation. Acts of Judicial Authorities. Decision of the Arbitration Court of the Ivanovo Region dated September 18, 2025, in Case No. A17-5432/2025. - Electronic text // Arbitration Case File: [website]. - URL: <https://kad.arbitr.ru/> (accessed on June 19, 2026).

Фактическое право на доход: тест свободы распоряжения в стандарте ОЭСР и тест экономической самостоятельности в российской практике

Полидорский Павел Андреевич

Магистр, МГЮА им. О. Е. Кутафина, polidorskij@gmail.com

Статья посвящена пределам применения концепции beneficial ownership и ее российского эквивалента – фактического права на доход. Традиционная дихотомия юридического и экономического подходов не отражает современное регулирование: значение имеет не характер учитываемых обстоятельств, а их функция в правовом тесте. Стандарт ОЭСР основан на проверке свободы распоряжения конкретным доходом: права и обязанности получателя составляют предмет проверки, а фактические обстоятельства позволяют установить не закрепленную в документах обязанность передать выплату. Российская практика учитывает те же критерии, однако использует их для оценки посреднического характера деятельности и экономической самостоятельности получателя. В рассмотренных материалах посреднический статус, устанавливаемый на основании совокупности связанных с доходом обстоятельств, служит достаточным основанием для отказа в применении договорной льготы. Поэтому российский подход предлагается характеризовать как тест экономической самостоятельности получателя.

Ключевые слова: beneficial ownership; фактическое право на доход; ОЭСР; налоговые соглашения; conduit company; treaty shopping; злоупотребление правом.

Введение

Концепция beneficial ownership используется в статьях налоговых соглашений о дивидендах, процентах и роялти и служит одним из условий применения к доходу непосредственного получателя пониженной ставки налога у источника. Неопределенность вызвана тем, что при применении концепции на нее возлагают две разные функции. Первая состоит в атрибуции дохода: из числа получателей льготы исключаются агенты, номинальные держатели и иные лица, через которых доход лишь технически проходит, не принадлежа им. Вторая, возникающая при расширительном применении концепции, состоит в оценке экономической самостоятельности получателя как участника оборота. Эти функции не совпадают, и их смешение порождает неопределенность в применении концепции.

Цель исследования – определить, к какой модели относится российский подход, сопоставив его со стандартом ОЭСР и практикой отдельных государств. Для этого применяется функциональный сравнительно-правовой метод: подходы сопоставляются по решаемому юридическому вопросу, предмету доказывания и последствиям установленных обстоятельств. Анализ мотивировок судебных и административных актов позволяет выявить содержание применяемого стандарта. В статье обосновывается, что граница проходит не между «правом» и «экономикой», а между тестом свободы распоряжения конкретным доходом и тестом экономической самостоятельности получателя в целом.

1. Критерий разграничения двух моделей анализа

Традиционное деление основано на характере исследуемых обстоятельств. Юридический подход связывает статус получателя с его правами и обязанностями в отношении выплаты. Экономический подход исследует структуру денежных потоков, источники финансирования, функции, активы, риски и деловую цель промежуточной компании. Такое деление не вполне точно, поскольку в рассмотренных правовых порядках обычно учитываются обе группы обстоятельств.

Разграничивать подходы следует не по характеру используемых доказательств, а по логике правовой квалификации. Для этого необходимо установить предмет проверки, определить юридически значимый факт, подлежащий доказыванию, выяснить роль экономических обстоятельств в его доказывании и обозначить правовое последствие его установления. Один и тот же признак, например перечисление сопоставимой суммы вскоре после получения дохода, может иметь разное значение. Он может подтверждать ранее возникшее ограничение права распоряжаться конкретной выплатой либо в совокупности с характеристиками деятельности получателя служить основанием для его общей квалификации как посредника.

В статье под свободой распоряжения доходом понимается отсутствие у получателя вытекающей из договора или иного правового основания обязанности передать спорный доход другому лицу. Фактические обстоятельства могут подтверждать наличие такой обязанности. Проверка касается прав получателя в отношении конкретной выплаты. Транзитный характер платежа, взаимозависимость получателя и ограниченность его функций значимы лишь постольку, поскольку свидетельствуют об обязанности передать спорную выплату. Поэтому отсутствие у получателя персонала или собственной коммерческой

деятельности само по себе не позволяет сделать вывод об отсутствии статуса *beneficial owner*.

Тест экономической самостоятельности строится на ином вопросе: способен ли получатель действовать в отношении дохода как самостоятельный участник оборота. Функции, риски, персонал, источники финансирования и движение средств используются не только для выявления ограничения по конкретной выплате, но и для оценки деятельности получателя в целом как посреднической. Посреднический статус устанавливается как итоговый вывод по совокупности обстоятельств, а не из отдельного факта транзита или отсутствия персонала. В первой модели обязанность передать выплату выступает предпосылкой вывода об отсутствии фактического права на нее. Во второй общие характеристики получателя обосновывают вывод о его посредническом статусе, на основании которого ему отказывают в льготе.

Эти аналитические модели не исключают промежуточных вариантов. Обе имеют гибридный характер, поскольку сочетают юридическую квалификацию с анализом экономических обстоятельств. В англоязычной литературе первая модель описывается как *targeted hybrid approach* [3]: фактический анализ подчинен вопросу о свободе использования определенного дохода. Вторая модель распространяет проверку на общую экономическую самостоятельность получателя.

2. Тест свободы распоряжения конкретным доходом в стандарте ОЭСР

Согласно Комментарию к статье 10 Модельной конвенции ОЭСР непосредственный получатель не является *beneficial owner*, если его право пользоваться дивидендами и извлекать из них выгоду ограничено обязанностью передать платеж другому лицу, вытекающей из договора либо иного правового основания [1, п. 12.4]. Обычно эта обязанность закреплена в документах, но о ее наличии могут свидетельствовать и фактические обстоятельства. Аналогичная формула применяется к процентам и роялти. Из перечня изменений 2025 г. следует, что эти положения не пересматривались [15].

Следовательно, экономические обстоятельства учитываются при применении правового теста. Они должны подтверждать ограничение, относящееся к самой выплате. Наличие у компании задолженности или обязательства, не связанных с фактом получения этой выплаты, как правило, само по себе не исключает *beneficial ownership*. Иначе компания лишалась бы права на применение пониженной ставки налога у источника всякий раз, когда направляет поступившие средства на распределение прибыли или исполнение самостоятельного обязательства.

ОЭСР разграничивает *beneficial ownership* и механизмы общего противодействия *treaty shopping*. Если получатель свободен распоряжаться выплатой, но структура создана в целях получения льгот по СИДН, применимое соглашение или национальное право могут предусматривать *principal purpose test*, *limitation on benefits*, национальные GAAR либо *anti-conduit* норму [1, п. 12.5–12.6; 2]. Комментарий к Модельной конвенции ООН проводит аналогичное разграничение [2]. Поэтому фактический анализ при применении *beneficial ownership* ограничивается вопросом о свободе распоряжения определенным доходом.

3. Зарубежная практика и границы предмета доказывания

Канадские дела наиболее наглядно подтверждают, что юридическое ядро концепции сохраняется. В *Prévost Car* нидерландский холдинг был признан *beneficial owner* дивидендов, поскольку соглашение акционеров не порождало безусловной обязанности передать конкретную выплату, а решение о распределении принимали органы

компании [4]. В *Velcro Canada* статус *beneficial owner* сохранил получатель роялти, обязанный перечислять 90 процентов поступлений связанному лицу: суд учел смешение средств, возможность распоряжаться ими, риск и контроль [5]. Экономическая связь между потоками средств, таким образом, не была признана равнозначной обязанности перечислить конкретную выплату другому лицу.

В британском деле *Indofood* был применен более широкий подход. Суд оценил юридическую структуру с учетом ее коммерческого и практического содержания и пришел к выводу, что нидерландская компания, формально выступавшая получателем, могла использовать полученные проценты только для выплаты держателям облигаций [6]. Руководство HMRC, однако, связывает этот вывод с наличием у получателя обязанности перечислить именно полученный доход другому лицу. Такая обязанность может следовать не только из прямого условия договора, но и из общей структуры коммерческой сделки [7].

Французский кейс *Bank of Scotland* и от 8 ноября 2024 г., а также швейцарское дело о *total return swaps* основаны на углубленном анализе коммерческого содержания операций, движения средств и функций промежуточного лица [8; 9]. В «датских делах» Суд ЕС определил *beneficial owner* как лицо, которое реально пользуется доходом и свободно определяет его использование. Одновременно Суд рассматривал транзитный характер платежей, отсутствие деятельности и формальность структуры при самостоятельной проверке на злоупотребление правом [10].

Нидерландские и американские источники отражают применение узконаправленного теста непосредственного распоряжения доходом (*dominion and control test*). Ключевое значение имеет наличие у получателя юридической или фактической обязанности перечислить именно полученную сумму другому лицу, общая экономическая самостоятельность получателя сама по себе не составляет предмет этого теста. Сложные транзитные схемы, не охватываемые таким тестом, могут оцениваться с помощью отдельных антизлоупотребительных норм и доктрин [11].

4. Тест экономической самостоятельности получателя в российской практике

Пункт 2 статьи 7 НК РФ раскрывает понятие лица с фактическим правом на доход, указывая на его право самостоятельно пользоваться доходом или распоряжаться им. Учитываются осуществляемые им функции и принимаемые риски, а анализ проводится применительно к отдельной выплате либо группе выплат по одному договору. Пункт 3 содержит отрицательный тест: лицо не имеет фактического права, если обладает ограниченными полномочиями, выполняет посреднические функции в интересах иного лица, не выполняет иных функций и не принимает рисков, перечисляя доход этому лицу [12]. Эти признаки оцениваются в совокупности: ни посредническая функция, ни перечисление дохода сами по себе недостаточны. Статья 312 НК РФ возлагает на иностранного получателя обязанность подтвердить налоговому агенту наличие у него фактического права на доход.

Нормативный подход имеет гибридную природу. Право распоряжения, ограниченность полномочий и признаки посредничества являются юридическими категориями, тогда как функции, риски и движение средств требуют экономического анализа. Особенность анализируемой российской практики состоит в том, какую роль играют эти критерии. ФНС России характеризует фактическое право на доход как универсальный инструмент против злоупотребления соглашениями [13]. При оценке иностранной компании в рассмотренных материалах также

учитываются управление, персонал, офис, расходы, финансирование, деловая цель и характер ее деятельности в целом.

Пункт 9 Обзора Президиума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2023 г. представляет показательный пример. Сингапурская компания получала проценты и в тот же день перечисляла их материнской компании на Каймановых островах; доход при этом не отражался в ее декларациях. Деятельность компании была квалифицирована как агентская применительно к спорным платежам. Сведения о ее реальном присутствии в Сингапуре не повлияли на итоговый вывод: совокупная оценка обстоятельств позволила признать деятельность агентской и констатировать отсутствие фактического права на доход [14, с. 18–20].

В рассмотренной практике прослеживается двухступенчатая логика. Сначала посреднический характер деятельности устанавливается на основании совокупности обстоятельств, включающих движение спорного дохода и общие характеристики деятельности, а не только на основании транзитного характера платежа. Затем квалификация лица как посредника становится самостоятельным основанием для решения вопроса о льготе. Такая конструкция совместима со стандартом ОЭСР, если установленные обстоятельства подтверждают обязанность передать спорную выплату. Расхождение возникает, если недостаточный объем функций или иная аналогичная оценка заменяют установление связи с конкретным доходом.

Российская модель также имеет гибридный характер. Ее отличие состоит не в составе доказательств и не в форме итогового вывода – в обеих моделях они сходны, а в более широком предмете проверки. Наряду со связью с выплатой оценивается общая экономическая самостоятельность получателя, а посреднический статус становится решающим основанием для отказа в льготе. Поэтому российский подход точнее характеризовать как тест экономической самостоятельности получателя.

5. Значение предложенного разграничения

Предложенное разграничение позволяет понять, почему одни и те же обстоятельства имеют различное правовое значение. При проверке свободы распоряжения юридически значимо наличие обязанности передать доход, вытекающей из договора либо иного правового основания. Фактические обстоятельства могут подтверждать ее существование. Последующее перечисление средств, слабое экономическое присутствие и зависимость получателя являются косвенными доказательствами, но должны быть связаны с отсутствием свободы распоряжаться спорным доходом.

В тесте экономической самостоятельности те же обстоятельства обосновывают вывод о посредничестве. Различие между моделями состоит в структуре аргументации, а не в распределении процессуального бремени, которое определяется национальным правом. В первой модели обосновывается обязанность передать доход, а характеристики получателя служат доказательствами. Во второй исходной точкой служит общая картина деятельности, на основании которой получателя квалифицируют как посредника и отказывают ему в льготе. Предусмотренная статьей 312 НК РФ обязанность подтвердить фактическое право на доход самостоятельна и не вытекает из содержания материально-правового теста.

Расширение проверки до общей экономической самостоятельности способно облегчить выявление искусственных структур, однако снижает предсказуемость, поскольку достаточный объем функций заранее не определен. Такой анализ сближает *beneficial ownership* с PPT и доктриной необоснованной налоговой выгоды, хотя последние направлены на оценку цели операции, а не свободы распоряжения доходом.

С точки зрения правовой определенности и разграничения оснований для отказа в льготе предметом анализа должна оставаться отдельная выплата, транзитный характер платежа следует рассматривать как опровержимый признак, а функции – оценивать с учетом характера деятельности получателя. Небольшая численность персонала холдинговой или финансовой компании сама по себе не свидетельствует об отсутствии самостоятельности, важно, сохраняла ли компания возможность распорядиться доходом иначе. Если обстоятельства указывают преимущественно на налоговую цель, применяется соответствующее антиуклонительное правило.

Заключение

Рассмотренная практика не дает оснований для жесткого противопоставления юридического и экономического подходов: в исследованных правовых порядках юридические правомочия оцениваются с учетом экономических обстоятельств. Граница между подходами проходит по пределу допустимого учета таких обстоятельств.

Стандарт ОЭСР ограничивает фактический анализ вопросом о наличии обязанности передать конкретный доход и не превращает *beneficial ownership* в общую проверку субстанции. В рассмотренных отечественных материалах общие характеристики получателя служат для установления посреднического статуса, который становится решающим основанием для отказа в льготе.

В целях правовой определенности следует разграничивать вопрос о свободе распоряжения выплатой и антизлоупотребительную оценку допустимости льготы. Общность доказательной базы не превращает два теста в один.

Литература

1. OECD. *Model Tax Convention on Income and on Capital: Condensed Version 2017*. Paris: OECD Publishing, 2017.
2. United Nations. *Model Double Taxation Convention between Developed and Developing Countries*. New York, 2021.
3. Wardzynski A. The 2014 Update to the OECD Commentary: A Targeted Hybrid Approach to Beneficial Ownership // *Intertax*. 2015. Vol. 43. No. 2. P. 179–191.
4. *The Queen v. Prevost Car Inc.*, 2009 FCA 57.
5. *Velcro Canada Inc. v. The Queen*, 2012 TCC 57.
6. *Indofood International Finance Ltd v. JP Morgan Chase Bank NA*, [2006] EWCA Civ 158.
7. HM Revenue & Customs. *International Manual*. INTM332050; INTM504030.
8. Conseil d'État, 29 décembre 2006, No. 283314, *Bank of Scotland*; Conseil d'État, 8 novembre 2024, No. 471147.
9. Schweizerisches Bundesgericht, BGE 141 II 447, 5 May 2015.
10. Court of Justice of the European Union. Joined Cases C-115/16, C-118/16, C-119/16 and C-299/16, EU:C:2019:134; Joined Cases C-116/16 and C-117/16, EU:C:2019:135.
11. Hoge Raad, 6 April 1994, ECLI:NL:HR:1994:ZC5639; Internal Revenue Service. *Internal Revenue Manual* 4.10.21.
12. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая: ст. 7; часть вторая: ст. 312.
13. Письмо ФНС России от 28.04.2018 № СА-4-9/8285@ «О практике применения концепции лица, имеющего фактическое право на доход».
14. Обзор практики применения арбитражными судами положений законодательства о налогах и сборах, связанных с оценкой обоснованности налоговой выгоды (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 13.12.2023). П. 9.

15. OECD. *The 2025 Update to the OECD Model Tax Convention*. Paris: OECD Publishing, 2025. DOI: 10.1787/5798080f-en.

Actual Right to Income: The Freedom of Disposal Test in the OECD Standard and the Economic Autonomy Test in Russian Practice

Polidorsky P.A.

Kutafin Moscow State Law University

This article examines the scope of the beneficial ownership concept and its Russian-law counterpart, the concept of a person with the actual right to income. The conventional distinction between legal and economic approaches does not adequately reflect current law: what matters is not the nature of the circumstances considered, but their function within the legal test. Under the OECD standard, the inquiry concerns the recipient's freedom to dispose of specific income. The recipient's rights and obligations form the subject of the inquiry, while factual circumstances may establish an obligation to pass on a payment even when that obligation is not expressly documented. Russian practice considers the same factors but uses them to assess the recipient's intermediary role and economic independence. In the materials examined, a finding that the recipient acts as an intermediary, based on the totality of circumstances connected with the income, is sufficient to deny treaty relief. The Russian approach is therefore best characterised as a test of the recipient's economic independence.

Keywords: beneficial ownership; actual right to income; OECD; tax treaties; conduit company; treaty shopping; abuse of rights.

References

1. OECD. Model Tax Convention on Income and on Capital: Condensed Version 2017. Paris: OECD Publishing, 2017.
2. United Nations. Model Double Taxation Convention between Developed and Developing Countries. New York, 2021.
3. Wardzynski A. The 2014 Update to the OECD Commentary: A Targeted Hybrid Approach to Beneficial Ownership // *Intertax*. 2015. Vol. 43.No. 2. P. 179–191.
4. The Queen v. Prévost Car Inc., 2009 FCA 57.
5. Velcro Canada Inc. v. The Queen, 2012 TCC 57.
6. Indofood International Finance Ltd v. JP Morgan Chase Bank NA, [2006] EWCA Civ 158.
7. HM Revenue & Customs. International Manual. INTM332050; INTM504030.
8. Conseil d'État, 29 December 2006, No. 283314, Bank of Scotland; Conseil d'État, 8 November 2024, No. 471147.
9. Schweizerisches Bundesgericht, BGE 141 II 447, 5 May 2015.
10. Court of Justice of the European Union. Joined Cases C-115/16, C-118/16, C-119/16 and C-299/16, EU:C:2019:134; Joined Cases C-116/16 and C-117/16, EU:C:2019:135.
11. Hoge Raad, 6 April 1994, ECLI:NL:HR:1994:ZC5639; Internal Revenue Service. Internal Revenue Manual 4.10.21.
12. Tax Code of the Russian Federation. Part One: Art. 7; Part Two: Art. 312.
13. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 28.04.2018 No. SA-4-9/8285@ "On the practice of applying the concept of a person beneficially entitled to income".
14. Review of the practice of applying the provisions of tax legislation related to assessing the validity of a tax benefit by arbitration courts (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 13.12.2023). P. 9.
15. OECD. *The 2025 Update to the OECD Model Tax Convention*. Paris: OECD Publishing, 2025. DOI: 10.1787/5798080f-en.

Аномальная доходность как индикатор неправомерного использования инсайдерской информации и получение аналитической формы нелинейного коэффициента бета в CAPM-модели

Понимаш Захар Алексеевич

соискатель, Институт радиотехнических систем и управления ЮФУ, ponimashz@mail.ru

Потанина Алена Романовна

Бакалавр, РАНХиГС при Президенте РФ

В работе рассматривается проблема нелинейности коэффициента бета в модели оценки капитальных активов (CAPM). Классическая CAPM трактует бету как постоянный коэффициент пропорциональности, однако накопленная эмпирическая база свидетельствует о ее зависимости от величины рыночной доходности. На основе результатов исследования, в котором нелинейная бета оценивается искусственной нейронной сетью, предложен метод символьной регрессии, восстанавливающий функцию ожидаемой доходности $h(x)$ и производную от нее бету $\beta(x) = h'(x)$ в компактной аналитической форме. Метод объединяет ядерное сглаживание Надарая—Уотсона на равномерной сетке, сеть Колмогорова—Арнольда для начального приближения, упрощение большими языковыми моделями и генетическую символьную регрессию с отбором по Парето-фронт «точность/сложность». На синтетических данных, воспроизводящих условия портфеля малой капитализации (Small), метод восстановил U-образную нелинейную бету трехпараметрической формулой $h(x) = 1,877x - 0,481 \cdot \sin(1,042x)$: среднее значение бета 1,875 (эталон 1,859), выпуклость 1,002 (эталон 1,032). По сравнению с полиномиальной регрессией, нейронной сетью и классической символьной регрессии на базе генетических алгоритмов, предложенный метод обеспечивает сопоставимую точность при минимальном числе параметров и сохранении экономической интерпретируемости результата. Показано правовое применение результата: восстановленная функция нормальной доходности служит основой событийного анализа при выявлении неправомерного использования инсайдерской информации, а компактная аналитическая форма беты повышает достоверность контрфактического расчета излишнего дохода, предусмотренного статьей 15.21 КоАП РФ и статьей 185.6 УК РФ.

Ключевые слова: CAPM, нелинейная бета, символьная регрессия, машинное обучение, интерпретируемость, выпуклость беты, компактность формулы, портфель малой капитализации, регрессия Надарая—Уотсона, премия за риск, инсайдерская торговля, аномальная доходность, событийный анализ, контрфактический доход.

Модель оценки капитальных активов занимает важное место в современной теории финансов и по сей день остается одним из наиболее широко применяемых инструментов для оценки требуемой доходности активов и управления инвестиционным риском. Модель была независимо разработана в 1960-е годы Джеком Трейнором, Уильямом Шарпом [1], Джоном Линтнером [2] и Яном Моссином [3] на основе более ранних работ Гарри Марковица о диверсификации и современной портфельной теории [4]. Она заложила фундамент количественного подхода к соотношению риска и доходности на финансовых рынках [5].

В своей классической постановке CAPM устанавливает линейную зависимость между ожидаемой доходностью актива и его систематическим рыночным риском, измеряемым коэффициентом β :

$$E(R_i) = R_f + \beta_i(E(R_m) - R_f) \quad (1)$$

где $E(R_i)$ — ожидаемая доходность актива i , R_f — безрисковая ставка доходности, $E(R_m)$ — ожидаемая доходность рыночного портфеля, $(E(R_m) - R_f)$ — рыночная премия за риск. Коэффициент β_i при этом определяется как:

$$\beta_i = \frac{\text{cov}(R_i, R_m)}{\sigma^2(R_m)} \quad (2)$$

то есть представляет собой отношение ковариации доходности актива с доходностью рыночного портфеля к дисперсии рыночной доходности.

Обычно в качестве безрисковой ставки используют доходность государственных облигаций (в России — доходность облигаций федерального займа, ОФЗ), поскольку вероятность дефолта у государства крайне мала.

Ключевым допущением классической модели является трактовка β как постоянного коэффициента пропорциональности, линейно связывающего доходность актива с рыночной премией за риск:

$$E(R_i) - R_f = \beta_i(E(R_m) - R_f) \quad (3)$$

Вместе с тем накопленная эмпирическая база свидетельствует о существенных ограничениях классической модели. Одним из наиболее значимых направлений критики является вопрос о природе самого коэффициента β : является ли он в действительности постоянной величиной, линейно описывающей чувствительность актива к рыночным движениям, или же представляет собой более сложную, нелинейную функцию рыночной доходности. Этот вопрос тесно связан с концепцией условной модели CAPM, в рамках которой коэффициент бета рассматривается не как константа, а как величина, зависящая от информационного состояния рынка и меняющаяся во времени [6].

В статье [7] авторы заменяют простую линейную зависимость β нелинейной функцией рыночной доходности H с учетом текущего и $L = 20$ запаздывающих значений избыточной рыночной доходности $\text{MktRF} = R_m - R_f$ (превышения доходности рынка над безрисковой ставкой):

$$\text{MktRF} = R_m - R_f \quad (4)$$

$$R_{i,t} - R_{f,t} = H(\text{MktRF}_t) + \varepsilon_{i,t} \quad (5)$$

Нелинейная бета определяется как сумма частных производных H по текущему и всем запаздывающим значениям рыночной доходности; она была получена авторами через решение задачи регрессии с использованием нейронной сети.

Обозначим через $x \cdot 1$ вектор, все компоненты которого равны текущему значению $x = \text{MktRF}$ (текущий и лаговые входы совпадают). Сечение H вдоль этого направления есть одномерная функция $h(x) \equiv H(x \cdot 1)$, где H — функция вектора признаков (текущее и запаздывающие значения MktRF), а h — ее одномерное сечение (далее используется h).

Именно она изображается на рисунке 1 статьи [7] как зависимость ожидаемой доходности портфеля от рыночной. Сама функция была впоследствии выражена авторами через ее одномерное сечение (6):

$$h(x) = a \cdot x + c \cdot \sigma(b \cdot x) + d \quad (6)$$

где $\sigma(x)$ — сигмоидальная (логистическая) функция:

$$\sigma(x) = \frac{1}{1+e^{-x}} \quad (7)$$

Одной из существенных проблем такого подхода является низкая интерпретируемость результата: напрямую интерпретировать веса нейронной сети довольно сложно.

Акции малой капитализации и стоимостные акции демонстрируют U-образную форму коэффициента бета с высокими значениями выпуклости (1,032 и 0,336 соответственно). Это означает, что при значительных рыночных движениях, как в сторону роста, так и падения, чувствительность доходности к рынку резко возрастает. Для портфеля Small бета увеличивается с 1,2 при малых колебаниях рынка до 2,24 при сильных движениях. Авторы интерпретируют данный эффект как свидетельство повышенной подверженности этих активов хвостовым рискам и шокам-скачкам, а не обычным диффузным рискам. Дополнительно для портфеля Small зафиксирована значительная задержка реакции беты (1,075), объясняемая снижением ликвидности после сильных рыночных потрясений.

Акции крупной капитализации и акции роста характеризуются плоской формой беты (выпуклость $-0,011$ и $-0,072$), что указывает на равномерную чувствительность к рыночным движениям любой амплитуды.

Цель эксперимента, поставленного в настоящей статье, заключается в восстановлении функции $h(x)$ и нелинейной беты $\beta(x)$ для портфеля Small (акции малой капитализации), поскольку, согласно статье [7], именно у данного портфеля бета наиболее нелинейна и U-образна. Стоимостные акции (Value) демонстрируют качественно ту же U-образную нелинейность, однако именно для портфеля Small эффект выражен наиболее сильно (наибольшие средняя бета, выпуклость и задержка беты), поэтому для демонстрации метода достаточно одного, наиболее показательного портфеля. Также требуется выразить $h(x)$ и $\beta(x)$ в компактном аналитическом виде, так как именно такое представление обеспечивает наилучшую интерпретируемость результата. Сначала необходимо получить аналитический вид $h(x)$, после чего $\beta(x)$ получается тривиально как $\beta(x) = \frac{\partial h(x)}{\partial x}$. В качестве эталона взято выражение (6).

Практическая часть

Для решения поставленной задачи рассматривались такие алгоритмы, как SINDy [10] и KAN [11]. Однако оба подхода дают слишком громоздкие формулы а также, в SINDy было выявлено существенное падение качества при наличии шума. Частично проблема была решена введением непараметрической регрессии [12, 13]. Также упрощение выражений было переложено на большие языковые модели (LLM).

Классический подход к символьной регрессии, реализованный, например, в библиотеке `gplearn`, создает избыточные по сложности формулы. [14-15]

Предложенный метод использует для формирования начального приближения KAN с упрощением через LLM и

последующую символьную регрессию, после чего строится Парето-фронт решений, которые повторно упрощаются LLM.

Данные были сгенерированы с учетом условий, обозначенных в статье [7]. Признак $x = \text{MktRF}$ (рыночная доходность, %) получен с тяжелыми хвостами (распределение Стьюдента с числом степеней свободы 4); межперцентильный диапазон $[P_1, P_{99}] \approx [-3\%, 3\%]$. Отклик $y = h(x) + \varepsilon$, где ε — шум со средним квадратическим отклонением $\sigma \approx 0,9\%$, согласованным с суммой квадратов остатков (SSR) портфеля Small из работы [7]. Объем выборки $n = 8000$, разбиение на обучающую и тестовую части — 75 / 25.

Точность оценивается коэффициентом детерминации:

$$R^2 = 1 - \frac{\text{SSR}}{\text{SST}} \quad (8)$$

При высоком штрафе за сложность метод возвращает $1,913 \cdot x$, то есть линейную CAPM ($\beta = \text{const}$).

При ослаблении штрафа за сложность метод выделяет компактную нелинейную форму, которая воспроизводит U-образную бету и принимается в качестве итоговой:

$$h(x) = 1,877 \cdot x - 0,481 \cdot \sin(1,042 \cdot x) \quad (9)$$

$$\beta(x) = h'(x) = 1,877 - 0,501 \cdot \cos(1,042 \cdot x) \quad (10)$$

Оба члена выражения интерпретируемы: линейный $1,877 \cdot x$ выражает линейную чувствительность портфеля к рынку, а поправка $-0,481 \cdot \sin(1,042 \cdot x)$ — нелинейное усиление реакции при крупных движениях рынка, отражающее повышенную подверженность скачкообразным (хвостовым) рискам. Производная $\beta(x)$ имеет минимум в центре ($\beta \approx 1,38$ при $x = 0$) и максимумы в хвостах ($\beta \approx 2,38$), достигаемые при $\cos(1,042 \cdot x) = -1$, то есть при $x = \pm \frac{\pi}{1,042} \approx \pm 3,015\%$ на границе рабочего диапазона. Это и есть U-образная форма из статьи [7], а восстановленные характеристики: средняя бета 1,875 (цель 1,859) и выпуклость 1,002 (цель 1,032).

Таблица 1

Сравнение методов восстановления $h(x)$ (портфель Small)

Метод	Структура	$R^2_{\text{тест}}$	$R^2_{\text{цель}}$	Сред. β	Вып.
Эталон (истинная h)	—	—	—	1,859	1,032
Линейная CAPM (МНК)	$a \cdot x + b$	0,787	0,982	1,673	0
Полином 3-й степени	$\sum_{k=0}^3 a_k x^k$	0,798	0,995	1,737	0,775
Полином 5-й степени	$\sum_{k=0}^5 a_k x^k$	0,800	0,999	1,895	1,302
Нейросеть (статья [7])	$ax + cS(bx + d)$	0,801	1,000	1,868	1,080
<code>gplearn</code> (GP-регрессия)	дерево из 59 узлов	0,799	0,996	1,746	0,655
Предложенный метод (символьная регрессия)	$ax - b \sin(cx)$	0,801	0,999	1,875	1,002

Все методы ограничены сверху уровнем $R^2_{\text{тест}} \approx 0,8$ (при $\sigma \approx 0,9\%$), поэтому различает их не $R^2_{\text{тест}}$, а близость к эталонной функции ($R^2_{\text{цель}}$) и, главное, восстановление формы беты (выпуклости) при заданной компактности. Что показано на рисунке 1. Расхождение методов наблюдается только на хвостах распределения.

Компактность формулы, полученной предложенным методом, при сохранении точности и правильной формы беты отражена в таблице 2.

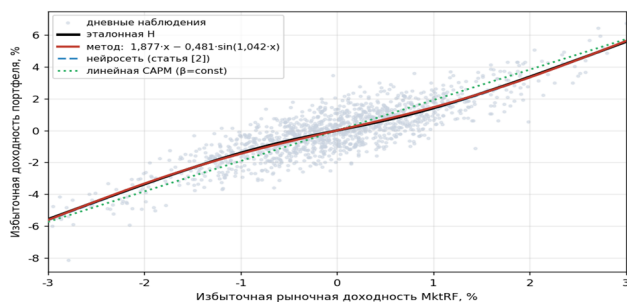

Рисунок 2. Функция ожидаемой доходности $H(MktRF)$.

Таблица 2

Компактность и качество восстановления β

Показатель	Предложенный метод	Нейросеть [7]	gplearn	Полином 5
Число параметров	3	5	59	6
Выпускность β	1,002	1,080	0,655	1,302
R^2	0,999	1,000	0,996	0,999
Аналитическая $\beta(x)$	да	нет (числ.)	нет	да

Аномальная доходность как индикатор инсайдерской торговли

Полученная компактная форма функции нормальной доходности имеет прямое правовое применение. Модель CAPM (1) задает ожидаемую (нормальную) доходность актива, а отклонение фактической доходности от предсказанной моделью называют аномальной (избыточной) доходностью. Ее правовое значение состоит в том, что она служит количественной мерой той части изменения цены, которая не объясняется общерыночными факторами и потому может быть следствием использования нераскрытой (инсайдерской) информации.

В российском праве порядок обращения инсайдерской информации и запрет манипулирования рынком установлены Федеральным законом от 27.07.2010 № 224-ФЗ [16]. Ответственность предусмотрена статьей 15.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [17] и статьей 185.6 Уголовного кодекса Российской Федерации [18]. Принципиально, что закон прямо предписывает построение контрфактической величины дохода: согласно примечанию 1 к статье 15.21 КоАП РФ [17], излишний доход определяется как «разница между доходом, который был получен в результате незаконных действий, и доходом, который сформировался бы без учета незаконных действий». Тем самым нормативное определение размера незаконного дохода совпадает по логике с эконометрическим понятием аномальной доходности, а выбор модели нормальной доходности приобретает юридически значимый характер: от него зависит и вывод об аномальности, и исчисляемый размер дохода, определяющий квалификацию деяния по статье 185.6 УК РФ [18].

Стандартным инструментом измерения аномальной доходности является событийный анализ (event study) [19, 20]. На окне оценки (обычно 120—250 торговых дней, предшествующих событию) оцениваются параметры рыночной модели нормальной доходности:

$$R_{i,t} = \alpha_i + \beta_i R_{m,t} + \varepsilon_{i,t} \quad (11)$$

где $R_{i,t}$ — доходность актива i в день t ; $R_{m,t}$ — доходность рынка; α_i , β_i — коэффициенты, оцениваемые на окне оценки; $\varepsilon_{i,t}$ — случайная составляющая. На окне события (несколько дней до и после раскрытия информации) аномальная доходность вычисляется как остаток от носителя модельного прогноза:

$$AR_{i,t} = R_{i,t} - (\alpha_i + \beta_i R_{m,t}) \quad (12)$$

Суммарный эффект события измеряется накопленной аномальной доходностью за интервал (T_1, T_2) :

$$CAR_i(\tau_1, \tau_2) = \sum_{t=\tau_1}^{\tau_2} AR_{i,t} \quad (13)$$

Статистическая значимость проверяется отношением накопленной аномальной доходности к ее стандартной ошибке (L — длина окна события в днях):

$$t = \frac{CAR_i}{\sigma_{AR} \sqrt{L}} \quad (14)$$

Требования к корректности процедуры: выбор окна, свойства распределения остатков, поправки на рост дисперсии в окне события и на неодновременность торгов систематизированы в работах [21, 22]; их соблюдение определяет допустимость и достоверность полученной оценки в качестве доказательства.

Эмпирическая литература устойчиво фиксирует аномальную доходность до публичного раскрытия информации. В работе [23] по выборке поглощаемых компаний показано наличие значимой избыточной доходности до первого объявления о слиянии, что авторы трактуют как свидетельство торговли на нераскрытой информации. В исследовании [24] на данных Комиссии по ценным бумагам и биржам США о фактически выявленных случаях незаконной инсайдерской торговли установлено, что в дни инсайдерских сделок наблюдается статистически значимая аномальная доходность, то есть рынок частично распознает информированную торговлю. В работе [25] выявлена аномальная активность на рынке опционов накануне объявлений о поглощениях. Совокупность признаков, используемых при проверке версии об инсайдерской торговле, включает статистически значимую положительную накопленную аномальную доходность за несколько дней до раскрытия, аномальный объем торгов, необычную активность в опционах с близкой датой исполнения и концентрацию сделок узкого круга лиц, имеющих доступ к информации согласно перечню инсайдеров [16].

Наиболее развитая практика применения событийного анализа сложилась в США. В деле Basic Inc. v. Levinson [26] сформулирована доктрина «обмана рынка» (fraud-on-the-market), сделавшая существенность информации предметом экономического доказывания; в деле Halliburton Co. v. Erica P. John Fund, Inc. [27] указано, что ответчику должна быть предоставлена возможность опровергнуть эту презумпцию доказательствами отсутствия влияния сведений на цену, — и основным инструментом такого доказывания служит событийный анализ; в деле Dura Pharmaceuticals, Inc. v. Broudo [28] установлено, что одного факта завышенной цены недостаточно и требуется доказать причинную связь с наступившими убытками. Практика применения методов финансовой экономики в делах о нарушениях на рынке ценных бумаг обобщена в работе [29]. В Российской Федерации функции по противодействию неправомерному использованию инсайдерской информации возложены на Банк России [16], а расчет излишнего дохода производится по правилу применения 1 к статье 15.21 КоАП РФ [17].

Вместе с тем аномальная доходность является модельно зависимой величиной, что порождает ряд ограничений, существенных для доказывания: она определена лишь относительно принятой модели нормальной доходности, и ошибка спецификации проявляется как «аномалия», не связанная с противоправным поведением; в окне события возможны иные существенные обстоятельства, эффект которых неотделим от исследуемого; низкая ликвидность, неодновременность торгов и неопределенность точной даты события искажают оценку; перебор большого числа эмитентов и интервалов повышает вероятность случайного обнаружения «значимой» аномалии. Поэтому аномальная доходность имеет значение косвенного доказательства (индикатора), обосновывающего проверку, но сама по себе не устанавливает ни умысла, ни факта доступа к инсайдерской информации; доказательственную

силу она приобретает в совокупности с данными о конкретных сделках и о круге лиц, имевших доступ к информации.

Влияние нелинейности беты на правовую оценку

Ограничение, связанное со спецификацией модели, имеет прямое отношение к предмету настоящей работы. Как показано выше, для акций малой капитализации и стоимостных акций бета не постоянна, а представляет собой U-образную функцию рыночной доходности [7]: восстановленная бета изменяется от 1,206 при нулевой рыночной доходности до 2,240 на границах диапазона $\pm 3\%$. Если истинная бета выпукла, а нормальная доходность исчисляется по постоянной бете, оценка оказывается систематически смещенной. Обозначим смещение как разность действительной нормальной доходности $h(x)$ и ее оценки по постоянной бете β_{const} при рыночной доходности x :

$$b(x) = h(x) - \beta_{\text{const}} \cdot x \quad (15)$$

Результаты расчета смещения для восстановленной в работе зависимости приведены в таблице 5.

Таблица 5

Смещение оценки нормальной доходности при использовании постоянной беты вместо нелинейной, процентные пункты

Рыночная доходность x , %	Истинная бета $\beta(x)$	Смещение $b(x)$, п. п.
0,5	1,380	-0,323
1,0	1,719	-0,506
1,5	1,987	-0,530
2,0	2,137	-0,451
2,5	2,208	-0,319
3,0	2,240	-0,163

Максимальное по модулю смещение составляет 0,536 п. п. и достигается при рыночной доходности около 1,3 %; при реалистичном (с тяжелыми хвостами) распределении дневной рыночной доходности смещение превышает 0,3 п. п. в 56,4 % торговых дней. Принципиально, что это смещение систематическое, а не случайное: оно есть функция рыночной доходности и потому не усредняется при накоплении. Поскольку $b(x)$ нечетная функция, на симметричном рынке смещения частично компенсируются, однако на однонаправленном (трендовом) участке они накапливаются: при устойчивом снижении рынка на 1,5 % в день постоянная бета порождает ложную положительную аномальную доходность около 0,53 п. п. в день, что за десять дней дает ложное накопление CAR порядка +5,3 п. п., а при растущем рынке смещение имеет обратный знак и способно замаскировать действительную аномальную доходность.

Величины такого порядка сопоставимы с предобъявленной аномальной доходностью, фиксируемой в исследованиях инсайдерской торговли [23, 24]. Следовательно, ошибка спецификации модели нормальной доходности способна как создать видимость инсайдерской торговли там, где ее не было, так и скрыть действительное нарушение, что в правовом контексте означает риск как необоснованного обвинения, так и неверного исчисления излишнего дохода по примечанию 1 к статье 15.21 КоАП РФ [17]. К экспертной методике, применяемой в состязательном процессе, предъявляются требования прозрачности, воспроизводимости и проверяемости, прямо следующие из позиции по делу Halliburton [27]. Компактная аналитическая формула нормальной доходности с замкнутым выражением беты $\beta(x) = h'(x)$, содержащая три коэффициента, этим требованиям удовлетворяет, она проверяема пересчетом и допускает содержательное истолкование каждого члена, тогда как нейросетевая аппроксимация той же зависимости порядка 45 параметров существенно менее пригодна для судебной проверки. Тем

самым применение нелинейной беты в компактной аналитической форме повышает точность контрфактической доходности и, как следствие, надежность как вывода о наличии аномальной доходности, так и исчисления размера излишнего дохода, требуемого нормами [17, 18].

Выводы

Метод воспроизвел основной результат статьи [7], а именно U-образную нелинейную бету портфеля Small: средняя бета 1,875, выпуклость 1,002 компактной формулой из трех чисел $h(x) = 1,877 \cdot x - 0,481 \cdot \sin(1,042 \cdot x)$.

Метод содержит линейную CAPM как частный случай (компактный конец Парето-фронта), что согласуется с логикой работы [7], где линейная модель вкладывается в нелинейную.

Практическая значимость работы с экономической точки зрения заключается в следующем. Инвесторы получают инструмент, упрощающий сценарно-чувствительное управление портфелем. Это позволяет дифференцировать стратегии хеджирования, снижая операционные издержки в спокойных фазах рынка и обеспечивая адекватную защиту капитала в периоды кризисов и резких подъемов. При этом компактность и аналитическая прозрачность результата делают его доступным для использования без специализированного программного обеспечения, что особенно важно для средних и частных инвесторов, ограниченных в вычислительных ресурсах. Предложенный метод, таким образом, не только воспроизводит результаты нейросетевого моделирования, но и предоставляет интерпретируемый и регуляторно-безопасный инструмент для повседневной оценки систематического риска.

С правовой точки зрения предложенный метод представляет прозрачный и воспроизводимый инструмент оценки нормальной доходности, необходимой для событийного анализа при выявлении неправомерного использования инсайдерской информации и для исчисления излишнего дохода, предусмотренного статьей 15.21 КоАП РФ и статьей 185.6 УК РФ. Компактность и аналитическая прозрачность формулы, а также замкнутое выражение для беты повышают достоверность такой оценки и ее пригодность для судебной проверки по сравнению с непрозрачными нейросетевыми моделями.

Литература

1. Sharpe W. F. Capital asset prices: a theory of market equilibrium under conditions of risk // The Journal of Finance. 1964. Vol. 19, № 3. P. 425—442.
2. Lintner J. The valuation of risk assets and the selection of risky investments in stock portfolios and capital budgets // The Review of Economics and Statistics. 1965. Vol. 47, № 1. P. 13—37.
3. Mossin J. Equilibrium in a capital asset market // Econometrica. 1966. Vol. 34, № 4. P. 768—783.
4. Markowitz H. Portfolio selection // The Journal of Finance. 1952. Vol. 7, № 1. P. 77—91.
5. Perold A. F. The capital asset pricing model: an overview // Journal of Economic Perspectives. 2004. Vol. 18, № 3. P. 3—24.
6. Jagannathan R., Wang Z. The conditional CAPM and the cross-section of expected returns // The Journal of Finance. 1996. Vol. 51, № 1. P. 3—53.
7. Hou K., Lee J. Nonlinear CAPM beta: working paper. 2018. URL: <https://ssrn.com/abstract=3246262> (дата обращения: 17.07.2026).
8. Market cap, explained // FINRA. URL: <https://www.finra.org/investors/insights/market-cap> (дата обращения: 17.07.2026).

9. Fama E. F., French K. R. Common risk factors in the returns on stocks and bonds // *Journal of Financial Economics*. 1993. Vol. 33, № 1. P. 3—56.
 10. Brunton S. L., Proctor J. L., Kutz J. N. Discovering governing equations from data by sparse identification of nonlinear dynamical systems // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2016. Vol. 113, № 15. P. 3932—3937.
 11. Liu Z., Wang Y., Vaidya S. [et al.]. KAN: Kolmogorov—Arnold networks. 2024. arXiv:2404.19756. URL: <https://arxiv.org/abs/2404.19756> (дата обращения: 17.07.2026).
 12. Nadaraya E. A. On estimating regression // *Theory of Probability & Its Applications*. 1964. Vol. 9, № 1. P. 141—142.
 13. Watson G. S. Smooth regression analysis // *Sankhyā: The Indian Journal of Statistics, Series A*. 1964. Vol. 26, № 4. P. 359—372.
 14. Koza J. R. Genetic programming: on the programming of computers by means of natural selection. Cambridge, MA: MIT Press, 1992. — 819 p. ISBN 978-0-262-11170-6.
 15. Schmidt M., Lipson H. Distilling free-form natural laws from experimental data // *Science*. 2009. Vol. 324, № 5923. P. 81—85.
 16. О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 27.07.2010 № 224-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2010. № 31. Ст. 4193.
 17. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 08.08.2024). Ст. 15.21 // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
 18. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 08.08.2024). Ст. 185.6 // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1996. № 25. Ст. 2954.
 19. Fama E. F., Fisher L., Jensen M. C., Roll R. The adjustment of stock prices to new information // *International Economic Review*. 1969. Vol. 10, № 1. P. 1—21.
 20. Brown S. J., Warner J. B. Using daily stock returns: the case of event studies // *Journal of Financial Economics*. 1985. Vol. 14, № 1. P. 3—31.
 21. MacKinlay A. C. Event studies in economics and finance // *Journal of Economic Literature*. 1997. Vol. 35, № 1. P. 13—39.
 22. Kothari S. P., Warner J. B. Econometrics of event studies // *Handbook of Empirical Corporate Finance*. Amsterdam : Elsevier, 2007. Vol. 1. P. 3—36.
 23. Keown A. J., Pinkerton J. M. Merger announcements and insider trading activity: an empirical investigation // *The Journal of Finance*. 1981. Vol. 36, № 4. P. 855—869.
 24. Meulbroeck L. K. An empirical analysis of illegal insider trading // *The Journal of Finance*. 1992. Vol. 47, № 5. P. 1661—1699.
 25. Augustin P., Brenner M., Subrahmanyam M. G. Informed options trading prior to takeover announcements: insider trading? // *Management Science*. 2019. Vol. 65, № 12. P. 5697—5720.
 26. Basic Inc. v. Levinson, 485 U.S. 224 (1988) : решение Верховного суда США. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/485/224/> (дата обращения: 17.07.2026).
 27. Halliburton Co. v. Erica P. John Fund, Inc., 573 U.S. 258 (2014) : решение Верховного суда США. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/573/258/> (дата обращения: 17.07.2026).
 28. Dura Pharmaceuticals, Inc. v. Broudo, 544 U.S. 336 (2005) : решение Верховного суда США. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/544/336/> (дата обращения: 17.07.2026).
 29. Mitchell M. L., Netter J. M. The role of financial economics in securities fraud cases: applications at the Securities and Exchange Commission // *The Business Lawyer*. 1994. Vol. 49, № 2. P. 545—590.
- Abnormal return as an indicator of the illegal use of insider information and the derivation of an analytical form for the nonlinear beta coefficient in the capm model**
Ponimash Z.A., Potanina A.R.
 Southern Federal University, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
- The paper addresses the nonlinearity of the beta coefficient in the Capital Asset Pricing Model (CAPM). Classical CAPM treats beta as a constant proportionality coefficient, yet the accumulated empirical evidence indicates its dependence on the magnitude of the market return. Building on a study in which the nonlinear beta is estimated by an artificial neural network, we propose a symbolic-regression method that recovers the expected-return function $h(x)$ and its derivative $\beta(x) = h'(x)$ in a compact analytical form. The method combines Nadaraya—Watson kernel smoothing on a uniform grid, a Kolmogorov—Arnold network for the initial approximation, simplification by large language models, and genetic symbolic regression with Pareto-front (accuracy/complexity) selection. On synthetic data reproducing the conditions of the small-capitalization portfolio (Small), the method recovered the U-shaped nonlinear beta with the three-parameter formula $h(x) = 1,877x - 0,481 \cdot \sin(1,042x)$: average beta 1.875 (target 1.859), convexity 1.002 (target 1.032). Compared with polynomials, a neural network, and classical genetic regression (gplearn), the proposed method attains comparable accuracy with the minimal number of parameters while preserving the economic interpretability of the result. The legal application is demonstrated: the recovered normal-return function underpins the event-study detection of the unlawful use of insider information, while the compact analytical form of beta improves the reliability of the counterfactual estimation of illicit gains.
- Keywords:** CAPM, nonlinear beta, symbolic regression, machine learning, interpretability, beta convexity, formula compactness, small-capitalization portfolio, Nadaraya—Watson regression, risk premium, insider trading, abnormal return, event study, counterfactual gain.
- References**
1. Sharpe W. F. Capital asset prices: a theory of market equilibrium under conditions of risk // *The Journal of Finance*. 1964. Vol. 19, No. 3. P. 425—442.
 2. Lintner J. The valuation of risky assets and the selection of risky investments in stock portfolios and capital budgets // *The Review of Economics and Statistics*. 1965. Vol. 47, No. 1. P. 13-37.
 3. Mossin J. Equilibrium in a capital asset market // *Econometrica*. 1966. Vol. 34, No. 4. P. 768-783.
 4. Markowitz H. Portfolio selection // *The Journal of Finance*. 1952. Vol. 7, No. 1. P. 77-91.
 5. Perold A. F. The capital asset pricing model: an overview // *Journal of Economic Perspectives*. 2004. Vol. 18, No. 3. P. 3-24.
 6. Jagannathan R., Wang Z. The conditional CAPM and the cross-section of expected returns // *The Journal of Finance*. 1996. Vol. 51, No. 1. P. 3—53.
 7. Hou K., Lee J. Nonlinear CAPM beta: working paper. 2018. URL: <https://ssrn.com/abstract=3246262> (access date: 07/17/2026).
 8. Market cap, explained // FINRA. URL: <https://www.finra.org/investors/insights/market-cap> (accessed 07/17/2026).
 9. Fama E. F., French K. R. Common risk factors in the returns on stocks and bonds // *Journal of Financial Economics*. 1993. Vol. 33, No. 1. P. 3—56.
 10. Brunton S. L., Proctor J. L., Kutz J. N. Discovering governing equations from data by sparse identification of nonlinear dynamical systems // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2016. Vol. 113, No. 15. P. 3932—3937.
 11. Liu Z., Wang Y., Vaidya S. [et al.]. KAN: Kolmogorov—Arnold networks. 2024. arXiv:2404.19756. URL: <https://arxiv.org/abs/2404.19756> (access date: 07/17/2026).
 12. Nadaraya E. A. On estimating regression // *Theory of Probability & Its Applications*. 1964. Vol. 9, No. 1. P. 141-142.
 13. Watson G. S. Smooth regression analysis // *Sankhyā: The Indian Journal of Statistics, Series A*. 1964. Vol. 26, No. 4. P. 359-372.
 14. Koza J. R. Genetic programming: on the programming of computers by means of natural selection. Cambridge, MA: MIT Press, 1992. - 819 p. ISBN 978-0-262-11170-6.
 15. Schmidt M., Lipson H. Distilling free-form natural laws from experimental data // *Science*. 2009. Vol. 324, No. 5923. P. 81-85.
 16. On Counteracting the Unlawful Use of Insider Information and Market Manipulation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of July 27, 2010 No. 224-FZ (as amended on August 8, 2024) // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2010. No. 31. Art. 4193.
 17. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on August 8, 2024). Art. 15.21 // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2002. No. 1 (Part 1). Art. 1.

18. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on August 8, 2024). Art. 185.6 // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
19. Fama E. F., Fisher L., Jensen M. C., Roll R. The adjustment of stock prices to new information // International Economic Review. 1969. Vol. 10, No. 1. P. 1–21.
20. Brown S. J., Warner J. B. Using daily stock returns: the case of event studies // Journal of Financial Economics. 1985. Vol. 14, No. 1. P. 3–31.
21. MacKinlay A. C. Event studies in economics and finance // Journal of Economic Literature. 1997. Vol. 35, No. 1. P. 13–39.
22. Kothari S. P., Warner J. B. Econometrics of event studies // Handbook of Empirical Corporate Finance. Amsterdam: Elsevier, 2007. Vol. 1. P. 3–36.
23. Keown A. J., Pinkerton J. M. Merger announcements and insider trading activity: an empirical investigation // The Journal of Finance. 1981. Vol. 36, No. 4. P. 855–869.
24. Meulbroek L. K. An empirical analysis of illegal insider trading // The Journal of Finance. 1992. Vol. 47, No. 5, pp. 1661–1699.
25. Augustin, P., Brenner, M., Subrahmanyam, M. G. "Informed options trading prior to takeover announcements: insider trading?" Management Science. 2019, Vol. 65, No. 12, pp. 5697–5720.
26. Basic Inc. v. Levinson, 485 U.S. 224 (1988): U.S. Supreme Court decision. Available at: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/485/224/> (accessed July 17, 2026).
27. Halliburton Co. v. Erica P. John Fund, Inc., 573 U.S. 258 (2014): U.S. Supreme Court decision. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/573/258/> (date accessed: July 17, 2026).
28. Dura Pharmaceuticals, Inc. v. Broudo, 544 U.S. 336 (2005): decision of the Supreme Court of the United States. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/544/336/> (date accessed: July 17, 2026).
29. Mitchell M. L., Netter J. M. The role of financial economics in securities fraud cases: applications at the Securities and Exchange Commission // The Business Lawyer. 1994. Vol. 49, No. 2. P. 545–590.

Неплатежеспособность, объективное банкротство и имущественный кризис: соотношение и разграничение понятий

Салеев Эмиль Радикович

Магистр, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), saleevemil913@gmail.com

В статье анализируются три ключевых понятия российского банкротного права – неплатежеспособность, объективное банкротство и имущественный кризис. На основе системного анализа легальных определений, судебной практики, научной литературы и сравнительно-правового анализа обосновывается, что все три понятия описывают одно и то же экономическое явление – фактическую несостоятельность должника. Показано, что их разграничение носит искусственный характер, порождено судебным правотворчеством, не имеет устойчивых объективных критериев и создает правовую неопределенность. Предлагается унификация терминологического аппарата с сохранением категории неплатежеспособности как основного критерия, отражающего сущность несостоятельности.

Ключевые слова: неплатежеспособность, объективное банкротство, имущественный кризис, субординация требований кредиторов, недостаточность имущества, несостоятельность, банкротство, сравнительное правоведение.

Введение

Российское законодательство о банкротстве и судебная практика оперируют множеством терминов, призванных характеризовать кризисные состояния юридического лица. Наряду с легальными понятиями неплатежеспособности и недостаточности имущества (абз. 37 и 36 ст. 2 Закона о банкротстве [1]) Верховным Судом РФ в 2017 – 2020 годах были введены понятия «объективное банкротство» [2] и «имущественный кризис» [3].

Как справедливо отмечают И.В. Стасюк и А.С. Улезко, «позиции судов всех уровней, в том числе Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, связанные с установлением признаков неплатежеспособности, недостаточности имущества, объективного банкротства, имущественного кризиса и др., также противоречивы и не всегда последовательны [4, С. 9]. Это порождает серьезные проблемы правоприменения – от противоречивых подходов в разных обособленных спорах одного дела до невозможности для контролирурующих лиц объективно определить момент возникновения обязанности подать заявление о банкротстве.

Цель настоящей статьи – на основе анализа доктринальных позиций, судебной практики и зарубежных подходов доказать, что неплатежеспособность, объективное банкротство и имущественный кризис по своей экономической сущности описывают одно и то же явление, а их искусственное выделение в юридической плоскости является следствием судебного правотворчества, не имеющего достаточных классификационных оснований.

Содержание понятий «неплатежеспособность», «недостаточность имущества», «объективное банкротство» и «имущественный кризис»

Согласно абз. 37 ст. 2 Закона о банкротстве под неплатежеспособностью понимается прекращение исполнения должником части денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей, вызванное недостаточностью денежных средств (при этом недостаточность денежных средств предполагается, если не доказано иное). Согласно абз. 36 ст. 2 Закона о банкротстве недостаточность имущества – превышение размера денежных обязательств и обязанностей по уплате обязательных платежей должника над стоимостью имущества (активов) должника.

Указанные две категории банкротного права, ставшими традиционными для российского правоприменителя, были известны еще в дореволюционном российском праве в виде прекращения платежей (неплатежеспособности) и неоплатности долга или платежной неспособности (предполагаемой недостаточности имущества) [5, С. 109].

При этом в науке выделяют относительную неплатежеспособность, которая означает временную неспособность лица исполнять денежные обязательства и абсолютную неплатежеспособность, которая, напротив, означает, что неспособность лица исполнять денежные обязательства не носит временный характер [6] [7].

Категории объективного банкротства и имущественного кризиса являются относительно новыми категориями для российского банкротного права и не закреплены на законодательном уровне, являясь результатом судебного правотворчества.

Впервые понятие «объективного банкротства» было введено в деле о банкротстве ООО «Каркас» [8] и определялось как критический момент, в который должник из-за снижения стоимости чистых активов стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов. Однако в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 определение было изменено: объективное банкротство – это неспособность должника «в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе об уплате обязательных платежей, из-за превышения совокупного размера обязательств над реальной стоимостью его активов» [2].

Как подчеркивают И.В. Стасюк и А.С. Улезко, объективное банкротство сходно с неплатежеспособностью в том, что оба этих явления означают неспособность компании отвечать по своим обязательствам по определенным причинам, единственное различие между ними – в объеме обязательств, которые должник не может исполнить. При неплатежеспособности речь идет о части денежных обязательств, а при объективном банкротстве должник не может исполнить все обязательства, как с наступившим, так и с ненаступившим сроком исполнения, включая неденежные обязательства [4, С. 84].

Еще одно понятие, выработанное Верховным Судом РФ в Обзоре судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020 (далее – «Обзор по субординации»), характеризуется как имущественный кризис [3].

Под ним в п. 3.1. Обзора по субординации понимается трудное экономическое положение, описанное в п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве, обязывающее должника обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании его банкротом.

Таким образом, в российском банкротном праве имеется несколько понятий, характеризующих неблагоприятное экономическое состояние должника. Однако, в доктрине и судебной практике нет единства мнений относительно их соотношения и разграничения, в особенности в отношении объективного банкротства и имущественного кризиса. На наш взгляд, выделение данных понятий является искусственным, а по своей правовой природе они обозначают одно и то же экономическое явление – фактическую несостоятельность должника, что находит отражение в доктрине и судебной практике.

Имеющиеся в доктрине подходы к соотношению понятий

Согласно первому подходу понятия «объективное банкротство» и «имущественный кризис» не являются равнозначными. В литературе отмечается, что «различие между этими двумя понятиями состоит в том, что «имущественный кризис» имеет множество проявлений, тогда как «объективное банкротство» возможно исключительно в ситуации превышения общего объема обязательств должника над стоимостью его имущества. Таким образом, имущественный кризис как юридическая ситуация возможен и в условиях достаточности активов должника» [9, С. 221]. При этом предложением ранее авторы исследования признают, что при обозначении одной и той же правовой ситуации в практике Верховного Суда РФ встречается применение разных терминов.

А.И. Шайдуллин и Р.Т. Мифтахутдинов обращаются к буквальному толкованию положений Обзора по субординации и указывают, что «сам факт того, что в Обзоре не используются понятия «неплатежеспособность» и (или) «объективное банкротство», а вводится новый термин «имущественный кризис», должен сподвигать на мысль, что это не тождественные явления. Иначе это было бы

неоправданным умножением сущностей. В данном случае зашифрована именно такая «трудная экономическая ситуация», когда признаков банкротства еще как таковых может и не быть» [10].

В пользу данного подхода также свидетельствуют проведенные специалистами в области судебной экспертизы статистические данные, согласно которым различаются даты возникновения признаков объективного банкротства, неплатежеспособности и имущественного кризиса [11]. При этом, согласно проведенным исследованиям, сначала у компаний наступает имущественный кризис, затем появляются признаки неплатежеспособности и впоследствии компании впадают в объективное банкротство.

На данное обстоятельство также указывают И.В. Стасюк и А.С. Улезко, согласно точке зрения которых имущественный кризис может наступить и раньше, когда неплатежеспособности, недостаточности имущества и объективного банкротства еще нет [4, С. 91].

Между тем данный подход представляется не совсем верным.

Как указывает Беломытцева О.С., термин «объективное банкротство» – это попытка законодателя объединить понятия «неплатежеспособность» и «недостаточность имущества» [12]. При этом ученый в другой работе разграничивает понятия «объективное банкротство» и «имущественный кризис», указывая, что имущественный кризис предшествует объективному банкротству [13].

А.В. Ефимов рассматривает понятия «объективное банкротство» и «имущественный кризис» в качестве синонимов. Он подчеркивает, что, «несмотря на некоторую сомнительность такого отождествления, в пользу такого тезиса говорит то, что, ссылаясь на абз. 7 подп. 3.1 п. 3 Обзора, суды под имущественным кризисом понимают наличие одного из обстоятельств, которые влекут обязанность руководителя должника обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом и которые указаны п. 1 ст. 9 Закона о несостоятельности» [14].

Оригинальной представляется точка зрения И.М. Шевченко, согласно которой под объективным банкротством следует понимать ту же неплатежеспособность, но наступившую в определенный момент в прошлом, т.е. до формального введения процедур банкротства. Ученый обращает внимание на то, что предусмотренные п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве обстоятельства, с наступлением которых закон обязывает руководителя должника обратиться с заявлением о банкротстве должника (например, неспособность покрыть долги по заработной плате), по существу, являются неплатежеспособностью [15, С. 49].

При этом Обзор по субординации при описании имущественного кризиса также исходит из наступления предусмотренных п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве обстоятельств.

В связи с этим, представляется, что выведение понятий «объективное банкротство» и «имущественный кризис» как раз является тем неоправданным умножением сущностей, на которое указывают А.И. Шайдуллин и Р.Т. Мифтахутдинов, а под данными понятиями так или иначе подразумеваются неплатежеспособность и недостаточность имущества должника.

Соотношение и разграничение понятий в судебной практике

В судебной практике также были предприняты попытки разграничения понятий «объективное банкротство» и «имущественный кризис».

Так, в деле о банкротстве ООО «Управляющая компания «Авентин» суд отметил, что «при привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам должника по основаниям, установленным в статье 61.12 Закона о банкротстве, следует

отличать такие экономические понятия как имущественный кризис (деятельность должника продолжается, но в имущественном кризисе, с низкими экономическими показателями) и объективное банкротство (при наличии/отсутствии деятельности - это точка невозврата, после прохождения которой, должнику невозможно вернуться к нормальной предпринимательской деятельности)» [16].

В деле о банкротстве ООО «Ивмолокопродукт» при рассмотрении заявления о процессуальном правопреемстве суд согласился с доводами конкурсного управляющего о том, что нельзя отождествлять понятия «имущественный кризис» и «объективное банкротство». Суд констатировал следующее: «термин «имущественный кризис» впервые использован в разъяснениях Верховного Суда РФ, сформулированных в Обзоре от 29.01.2020. Само по себе введение данного термина указывает на то, что он не тождественен понятию «объективное банкротство» (если бы эти понятия совпадали, не было бы необходимости вводить новый термин). И по смыслу приведенных в Обзоре разъяснений также следует, что «имущественный кризис» не равен «объективному банкротству». Суд пришел к выводу, что имущественный кризис – это состояние хозяйственного общества до объективного банкротства, которое (в отличие от объективного банкротства) может быть преодолено [17].

Между тем, представляется, что и состояние объективного банкротства может быть преодолено в случае успешного выполнения экономически обоснованного плана по выходу общества из кризиса, в связи с чем данный критерий не может быть использован для разграничения данных понятий.

В деле о банкротстве ООО «Дирекция эксплуатации зданий» суд подчеркнул, что «понятие «объективное банкротство» включает единственный критерий - превышение размера всех обязательств должника над реальной стоимостью активов, в то время как «имущественный кризис» является многокомпонентным понятием, включающим в себя «объективное банкротство». Следовательно, отсутствие «имущественного кризиса» исключает наличие «объективного банкротства»» [18].

Суды также неоднократно ссылаются на то, что «несмотря очевидное сходство со спорами о привлечении к субсидиарной ответственности за неподачу или несвоевременную подачу заявления должника (статья 61.12 Закона о банкротстве), оценка состояния должника для целей субординации имеет ряд важных особенностей.

Понятие имущественного кризиса, определяемое Верховным Судом Российской Федерации как «трудное экономическое положение», не исчерпывается обстоятельствами, при наступлении которых руководитель должника обязан подать заявление о банкротстве. Это находит отражение и в определении Верховным Судом Российской Федерации от 19.10.2020 № 307-ЭС20-6662(4), где суд формулирует данную часть предмета доказывания более широким образом, ссылаясь на необходимость оценки имущественного положения должника в момент получения им финансирования.

Имущественное положение может быть признано кризисным и в ситуации, когда общество остается платежеспособным и имеет достаточно имущества для исполнения обязательств перед имеющимися кредиторами, но в будущем предвидится возникновение новых требований, для удовлетворения которых имущества общества может оказаться недостаточно. Для констатации имущественного кризиса будущее объективное банкротство необязательно должно быть неизбежным. Достаточно установления реальной возможности такого исхода при отсутствии дополнительных негативных факторов» [19] [20].

В то же время, в некоторых судебных актах по спору о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности встречается указание на то, что момент появления признаков имущественного кризиса у должника уже установлен в обособленном споре о включении в реестр требований кредиторов, в связи с чем суды учитывают указанную дату при определении даты объективного банкротства [21] [22].

Показательным является дело о банкротстве АО «Промстрой». В рамках данного дела ООО «Амурский ГХК» обратилось с требованием о включении в реестр задолженности по возврату аванса, перечисленного должнику в период с апреля 2020 по март 2022 года по договору подряда. Определением от 24.01.2024 требование было признано обоснованным, но подлежащим удовлетворению в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты (субординировано), поскольку суд пришёл к выводу о предоставлении должнику компенсационного финансирования в условиях имущественного кризиса, наступившего, по мнению суда, в период с 22.10.2021 по 13.09.2022. Впоследствии в рамках иного обособленного спора о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности определением от 27.01.2025 было установлено, что объективное банкротство должника наступило не ранее 30.09.2022. ООО «Амурский ГХК» обратилось с заявлением о пересмотре определения о субординации по вновь открывшимся обстоятельствам, ссылаясь на противоречие в определении даты кризиса.

Суды первой и апелляционной инстанций отказали в пересмотре, однако Арбитражный суд Московского округа отменил эти акты и направил спор на новое рассмотрение, указав следующее: «учитывая, что обстоятельства, связанные с датой возникновения у должника признаков объективного банкротства, имеют существенное значение для квалификации требований аффилированного кредитора применительно к положениям Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020, наличии конкуренции судебных актов относительно данных обстоятельств, следует согласиться с доводами кредитора о том, что в данном случае изложенные в определении суда от 27.01.2025 выводы являются существенными, способными повлиять на результаты рассмотрения требований ООО «Амурский ГХК» в части определения его очередности». Суд кассационной инстанции также прямо указал, что «даты наступления имущественного кризиса у должника не могут быть установлены в различные периоды в одном деле о банкротстве» [23].

Тем самым суд округа de facto признал, что имущественный кризис и объективное банкротство – это одно и то же состояние, которое должно определяться единообразно в рамках всего дела о банкротстве, а их искусственное разграничение порождает внутреннюю противоречивость судебных актов и правовую неопределенность, что подтверждает необходимость унификации терминологического аппарата банкротного права.

Ранее в деле о банкротстве ОАО «Трансаэро» Арбитражный суд Северо-Западного округа подчеркивал, что в рамках одного дела о банкротстве должника при рассмотрении обособленных споров не может быть разных подходов к определению начала периода признаков неплатежеспособности, объективного банкротства [24].

Таким образом, в судебной практике подходы к соотношению изложенных понятий также неоднородны.

Анализ зарубежных подходов Германии и Австрии

Немецкий и австрийский законодатели не используют понятие «объективное банкротство». На наш взгляд, понятие «объективное банкротство» призвано лишь подчеркнуть определение имущественного кризиса юридического лица с точки зрения объективных критериев.

Как указывает А.И. Шайдуллин применительно к австрийскому законодательству, «в § 2 Закона о замещении капитала (прим. автора – Австрии) раскрыто содержание понятия «кризис общества». Под ним понимается: неплатежеспособность (*Zahlungsunfähigkeit*) (§ 66 Положения Австрии о несостоятельности), несостоятельность (или «сверхзадолженность») (*Überschuldung*) (§ 67 Положения Австрии о несостоятельности), а также ситуация, когда коэффициент обеспеченности собственным капиталом (§ 23 Федерального закона Австрии о реорганизации компаний (*Bundesgesetz über die Reorganisation von Unternehmen vom 12. September 1997*) (далее – Закон о реорганизации компаний)) общества составляет менее 8 %, а предполагаемый срок погашения задолженности (§ 24 Закона о реорганизации компаний) – более 15 лет, кроме случаев, когда при этом общество не нуждается в реорганизации. **Иными словами, это ситуация, когда наступает объективное банкротство общества и, соответственно, возникает обязанность подачи заявления о собственной несостоятельности** (прим. – выделено автором)» [10] [25, С. 144].

Таким образом, в немецком и австрийском праве отсутствует понятие «объективное банкротство» как самостоятельная категория, а кризисное состояние общества описывается через неплатежеспособность и сверхзадолженность (недостаточность имущества).

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие теоретические выводы и практические предложения.

1. В российском банкротном праве сложилась парадоксальная ситуация: легальная дефиниция неплатежеспособности (абз. 37 ст. 2 Закона о банкротстве) и судебные конструкции объективного банкротства и имущественного кризиса, при формально-юридическом различии, описывают один и тот же феномен – фактическую утрату должником экономической способности исполнять свои обязательства. Содержательные различия между ними носят не сущностный, а процедурно-измерительный характер: различаются лишь объем учитываемых обязательств, способ оценки активов и момент фиксации состояния. Указанные параметры не образуют самостоятельных классификационных критериев, а следовательно, не могут служить основанием для выделения обособленных правовых категорий.

2. Доктринальный анализ свидетельствует об отсутствии единой концептуальной основы для разграничения исследуемых понятий. Имеющиеся в литературе подходы либо признают их тождественность, либо констатируют стадийность процесса ухудшения финансового положения, что не позволяет провести между ними четкую демаркационную линию. Выделение объективного банкротства и имущественного кризиса, будучи результатом судебного правотворчества, не подкреплено убедительной теоретической аргументацией и не имеет системного догматического обоснования. В сущности, имеет место неоправданное умножение терминологических конструкций при отсутствии объективной потребности в их дифференциации.

3. Судебная практика по вопросу соотношения анализируемых понятий отличается внутренней противоречивостью. В одних спорах суды предпринимали попытки их

разграничения, в других – фактически отождествляют, руководствуясь прагматическими соображениями единообразия правоприменения. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что различие понятий носит искусственный, конвенциональный характер и не имеет опоры в объективной экономической реальности.

4. Сравнительно-правовой анализ немецкого и австрийского законодательства подтверждает, что в правовых порядках с развитой и непротиворечивой доктриной банкротного права не происходит множественного терминологического дробления. Кризисное состояние общества описывается через неплатежеспособность и сверхзадолженность, причем последняя рассматривается как производная от первой и не образует самостоятельной категории. Отсутствие в немецком и австрийском праве понятий «объективное банкротство» и «имущественный кризис» не создает проблем для регулирования субординации требований и привлечения к субсидиарной ответственности, что опровергает тезис об их необходимости для эффективного правового регулирования.

5. Исходя из изложенного, представляется теоретически обоснованным и практически целесообразным исключить из правового дискурса понятия «объективное банкротство» и «имущественный кризис», сохранив в качестве единого критерия несостоятельности категорию неплатежеспособности. При этом содержательное наполнение последней должно определяться не через формальные признаки (размер и срок задолженности), а через реальную способность должника исполнять свои обязательства, оцениваемую на основе объективных экономических показателей. Предлагаемая унификация терминологического аппарата соответствует фундаментальным принципам правовой определенности, стабильности и предсказуемости правового регулирования, а также позволяет устранить системные противоречия, возникающие при использовании множественных, но неразличимых по содержанию категорий.

Литература

1. О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.
3. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом ВС РФ 29.01.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 7.
4. Кризисные состояния юридического лица в российском банкротном праве / И. В. Стасюк, А. С. Улезко. – Москва : Статут, 2022. – 158 с.
5. Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. – 3-е изд. – Москва : Статут, 2021. – 477 с. – (Классика российской цивилистики.).
6. Кораев К.Б. Неплатежеспособность - новый институт современного права // Российская юстиция. 2016. № 9. С. 19 - 22.
7. Карелина С.А. Экономическая сущность несостоятельности и правовая форма ее реализации // Предпринимательское право. 2019. № 2. С. 24 - 30.
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20 июля 2017 г. № 309-ЭС17-1801 [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации : монография / Т. Я. Хабриева, А.

И. -Ковлер, Р. А. Курбанов ; отв. ред. Т. Я. Хабриева ; предисловие И. Л. Подносковой. — 2-е изд., доп. — Москва : ИздСП : Норма : ИНФРА-М, 2025. — 452 с.

10. Мифтахутдинов Р.Т., Шайдуллин А.И. Понижение в очередности (субординация) требований контролирующих должника или аффилированных с ним лиц в российском банкротном праве. Научно-практический комментарий к Обзору судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом ВС РФ 29.01.2020 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к Ежемесячному журналу. 2020. № 9. Специальный выпуск. С. 3 — 136.

11. Жарский И.П., Егорова О.Ф., Акифьев А.А. О соотношении дат ключевых событий процесса банкротства юридических лиц // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2025. № 9. С. 23 - 35.

12. Беломятцева О.С. Определение даты возникновения неплатежеспособности должника в делах о банкротстве // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 9. С. 60 - 70.

13. Беломятцева О.С. Практические аспекты применения методики определения даты объективного банкротства организации // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2025. № 4. С. 24 — 31.

14. Ефимов А.В. Влияние экономических характеристик (показателей) на правовое положение юридических лиц: монография. Москва: Проспект, 2024. 376 с.

15. Шевченко И.М. Неплатежеспособность, недостаточность имущества, объективное банкротство: соотношение понятий // Российская юстиция. 2022. № 6. С. 43 — 50.

16. Постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 09.12.2024 № 21АП-2735/2020 по делу № А83-13338/2020 [Электронный ресурс]. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

17. Определение Арбитражного суда Ивановской области от 14.11.2023 по делу № А17-846/2022 [Электронный ресурс]. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

18. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 30.10.2024 № 10АП-20100/2024 по делу № А41-98875/2019 [Электронный ресурс]. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

19. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.07.2025 № 13АП-9710/2025 по делу № А56-52666/2024/вст.2 [Электронный ресурс]. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

20. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.07.2025 № 13АП-9708/2025 по делу № А56-52666/2024/тр.18 [Электронный ресурс]. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

21. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19.07.2022 № Ф07-8704/2022 по делу № А66-9583/2016 [Электронный ресурс]. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

22. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 26.04.2023 № 07АП-11151/19(21) по делу № А27-2884/2019 [Электронный ресурс]. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

23. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 09.02.2026 № Ф05-34087/2023 по делу № А40-235190/2022 [Электронный ресурс]. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

24. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 02.09.2019 № Ф07-10826/2019 по делу № А56-75891/2015 [Электронный ресурс]. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

25. Шайдуллин А.И. Субординация обязательствных требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц в делах о банкротстве хозяйственных обществ: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 251 с.

Insolvency, objective bankruptcy and financial crisis: correlation and distinction of concepts

Saleev E.R.

Kutafin Moscow State Law University

This article analyzes three key concepts of Russian bankruptcy law — insolvency, objective bankruptcy, and financial crisis. Based on a systematic analysis of legal definitions, judicial practice, scholarly literature, and comparative legal analysis, it is demonstrated that all three concepts describe the same economic phenomenon — the actual insolvency of the debtor. It is shown that their differentiation is artificial, originated from judicial law-making, lacks stable objective criteria, and creates legal uncertainty. The unification of the terminological framework is proposed, preserving the category of insolvency as the main criterion reflecting the essence of insolvency.

Keywords: insolvency, objective bankruptcy, financial crisis, subordination of creditors' claims, insufficiency of assets, insolvency, bankruptcy, comparative law.

References

1. On insolvency (bankruptcy): Federal Act of 26 October 2002. 127-FZ // Assembly of Legislation of the Russian Federation. 4190.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 53 of 21 December 2017 "On Certain Issues Related to Bringing Controlling Persons of a Debtor to Liability in Bankruptcy" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. No. 3.
3. Review of Judicial Practice on Resolution of Disputes Concerning the Establishment, in Bankruptcy Proceedings, of Claims of Persons Controlling the Debtor and Affiliated with It (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 29 January 2020) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2020. No. 7.
4. Stasyuk I.V., Ulezko A.S. Crisis States of a Legal Entity in Russian Bankruptcy Law. Moscow: Statut, 2022. 158 p.
5. Shershenevich G.F. Bankruptcy Procedure. 3rd ed. Moscow: Statut, 2021. 477 p. (Classics of Russian Civil Law).
6. Koraev K.B. Insolvency — a New Institution of Modern Law // Russian Justice. 2016. No. 9. P. 19–22.
7. Karelina S.A. Economic Essence of Insolvency and the Legal Form of Its Implementation // Business Law. 2019. No. 2. P. 24–30.
8. Ruling of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 309-ES17-1801 of 20 July 2017 [Electronic resource]. — Available from the legal reference system "ConsultantPlus".
9. Doctrinal Foundations of the Jurisprudence of the Supreme Court of the Russian Federation : monograph / T. Y. Khabrieva, A. I. Kovler, R. A. Kurbanov ; ed. by T. Y. Khabrieva ; preface by I. L. Podnosova. — 2nd ed., exp. — Moscow : ILCL: Norma : INFRA-M, 2025. — 452 p.
10. Miftakhutdinov R.T., Shaidullin A.I. Reduction in Priority (Subordination) of Claims of Persons Controlling the Debtor or Affiliated with It in Russian Bankruptcy Law. Scientific and Practical Commentary on the Review of Judicial Practice on Resolution of Disputes Concerning the Establishment, in Bankruptcy Proceedings, of Claims of Persons Controlling the Debtor and Affiliated with It, approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 29 January 2020 // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. Supplement to the Monthly Journal. 2020. No. 9. Special Issue. P. 3–136.
11. Zharsky I.P., Egorova O.F., Akifiev A.A. On the Correlation of the Dates of Key Events in the Bankruptcy Process of Legal Entities // Property Relations in the Russian Federation. 2025. No. 9. P. 23–35.
12. Belomytseva O.S. Determining the Date of the Onset of the Debtor's Insolvency in Bankruptcy Cases // Property Relations in the Russian Federation. 2024. No. 9. P. 60–70.
13. Belomytseva O.S. Practical Aspects of the Application of the Methodology for Determining the Date of Objective Bankruptcy of an Organization // Property Relations in the Russian Federation. 2025. No. 4. P. 24–31.
14. Efimov A.V. The Influence of Economic Characteristics (Indicators) on the Legal Status of Legal Entities: monograph. Moscow: Prospekt, 2024. 376 p.
15. Shevchenko I.M. Insolvency, Insufficiency of Assets, Objective Bankruptcy: Correlation of Concepts // Russian Justice. 2022. No. 6. P. 43–50.
16. Resolution of the Twenty First Arbitration Court of Appeal No. 21AP-2735/2020 of 9 December 2024 in case No. A83-13338/2020 [Electronic resource]. — Available from the legal reference system "ConsultantPlus".
17. Ruling of the Arbitration Court of Ivanovo Oblast No. A17-846/2022 of 14 November 2023 [Electronic resource]. — Available from the legal reference system "ConsultantPlus".
18. Resolution of the Tenth Arbitration Court of Appeal No. 10AP-20100/2024 of 30 October 2024 in case No. A41-98875/2019 [Electronic resource]. — Available from the legal reference system "ConsultantPlus".
19. Resolution of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal No. 13AP-9710/2025 of 3 July 2025 in case No. A56-52666/2024/vst.2 [Electronic resource]. — Available from the legal reference system "ConsultantPlus".
20. Resolution of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal No. 13AP-9708/2025 of 3 July 2025 in case No. A56-52666/2024/tr.18 [Electronic resource]. — Available from the legal reference system "ConsultantPlus".

21. Resolution of the Arbitration Court of the North Western District No. F07-8704/2022 of 19 July 2022 in case No. A66-9583/2016 [Electronic resource]. – Available from the legal reference system "ConsultantPlus".
22. Resolution of the Seventh Arbitration Court of Appeal No. 07AP-11151/19(21) of 26 April 2023 in case No. A27-2884/2019 [Electronic resource]. – Available from the legal reference system "ConsultantPlus".
23. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District No. F05-34087/2023 of 9 February 2026 in case No. A40-235190/2022 [Electronic resource]. – Available from the legal reference system "ConsultantPlus".
24. Resolution of the Arbitration Court of the North Western District No. F07-10826/2019 of 2 September 2019 in case No. A56-75891/2015 [Electronic resource]. – Available from the legal reference system "ConsultantPlus".
25. Shaidullin A.I. Subordination of Claims of Persons Controlling the Debtor and Affiliated Persons in Bankruptcy Proceedings of Commercial Companies: PhD Thesis in Law. Moscow, 2022. 251 p.

Цифровое наследство: проблемы определения состава наследственной массы и доказывания принадлежности цифровых активов наследодателю

Багыллы Сафура Теймуразовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, agramsa@yandex.ru

Усейкина Софья Андреевна

Студентка, Российский Государственный Университет Правосудия имени В.М. Лебедева, sofiausejkina@yandex.ru

Статья посвящена анализу правовых проблем, возникающих при наследовании цифровых активов в Российской Федерации. Рассматриваются понятие цифровых прав и цифрового наследства, классификация цифровых объектов, которые могут входить в состав наследственной массы, способы их перехода к наследникам. Как правило к таким объектам относятся: легализованные цифровые активы, утилитарные цифровые права, криптовалюта, аккаунты, доменные имена. Авторами также анализируются процессуальные проблемы доказывания принадлежности цифровых активов наследодателю в случае отсутствия завещательного распоряжения.

Делается вывод о том, что для успешной реализации прав на цифровое наследство требуется не только развитый правовой инструментарий, но и активная позиция самих участников: заранее оформленное распоряжение наследодателя цифровыми активами (фиксирование их состава, инструкций по доступу, включение в завещание) и действия наследников по выявлению и доказыванию принадлежности соответствующих активов.

Ключевые слова: цифровое наследство, цифровые финансовые активы, цифровые права, наследственная масса, доказывание принадлежности, криптовалюта, нотариат, электронные доказательства.

Введение

Цифровизация экономики и повседневной жизни граждан обусловила появление нового класса объектов имущественного оборота — цифровых активов. Сегодня среднестатистический пользователь является обладателем аккаунтов в социальных сетях, электронных кошельков, криптовалюты, доменных имён и цифрового контента, совокупность которых нередко приобретает значительную имущественную ценность. Вместе с тем российское законодательство, регулирующее наследственные отношения, не содержит специальных норм, адресованных цифровым активам, что порождает правовую неопределённость на практике.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) оперирует общими категориями «имущественные права» и «иное имущество», которые теоретически позволяют включить цифровые активы в состав наследственной массы, однако механизм такого включения нотариусами и судами по-прежнему не выработан. Позиция Конституционного Суда РФ (далее КС — РФ), изложенная в постановлении от 20 января 2026 г. № 2-П, подтверждает такой подход. КС РФ подчёркивает имущественный характер требований, связанных с законным владением цифровой валютой, и указывает на необходимость их судебной защиты наравне с иными видами имущества. Тем самым вопрос о принципиальной «имущественной» природе значительной части цифровых активов в российском правовом порядке во многом определен, однако механизм их включения в состав наследства и порядок подтверждения принадлежности конкретных цифровых объектов наследодателю нотариусами и судами по-прежнему остается затруднительным. Степень научной разработанности темы остаётся недостаточной, несмотря на активно развивающуюся доктрину, устойчивая практика в данной сфере в России на сегодняшний день не сложилась. В указанном постановлении Конституционный Суд РФ приводит перечень дел, в которых суды по разному квалифицируют данные правоотношения.

Целью настоящей статьи является выявление правовых проблем, препятствующих эффективному наследованию цифровых активов, и разработка предложений по их решению. Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: определяется понятие цифрового наследства и цифровых прав, классифицируются цифровые объекты с позиций их наследуемости, анализируются способы перехода цифровых активов к наследникам, исследуются процессуальные проблемы доказывания принадлежности активов наследодателю, приводится зарубежный опыт регулирования.

В ходе исследования использовались формально-юридический, сравнительно-правовой методы, методы системного анализа и обобщения эмпирического материала.

Основная часть

Российский законодатель впервые закрепил понятие «цифровые права» в ст. 141.1 ГК РФ. Согласно указанной норме, цифровыми правами признаются: «названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом при-

знакам». Названными в качестве цифровых прав в действующем законодательстве оказались: цифровые финансовые активы (ЦФА) и утилитарные цифровые права.

Ю. С. Харитонов выделяет «легализованные» цифровые активы, те, правовой режим которых прямо закреплен в законодательстве. Иные активы у автора не поименованы, представляется возможным выделить условно «нелегализованные» — не имеющие четкой законодательной квалификации, хотя и не запрещенные в обороте, например, аккаунты в социальных сетях, NFT, игровое имущество, персональные данные [9]. Данное разграничение имеет принципиальное значение для целей наследования, поскольку правовой режим каждой группы объектов определяет доступные наследникам механизмы правопреемства, а также специфику идентификации при необходимости защиты в суде.

В российском праве понятие «цифровое наследство» законодательно не закреплено. Данное понятие можно охарактеризовать как совокупность цифровых активов гражданина в цифровой форме, которые на день открытия наследства принадлежали наследодателю и могут перейти к его наследникам в порядке универсального правопреемства [1], [9]. Отсутствие законодательного определения цифрового наследства влечет принципиальные практические затруднения. В частности, Федеральная нотариальная палата России в 2021 году констатировала, что наследственное право в части наследования цифровых прав граждан «уже сейчас нуждается в дополнениях». В августе 2025 года группа депутатов Государственной Думы публично предложила законодательно закрепить понятие «цифровое наследство» и установить порядок распоряжения соответствующими правами, в том числе с использованием уже функционирующих электронных сервисов, например портала «Госуслуги». Вместе с тем, до сегодняшнего дня никаких преобразований не произошло.

В соответствии со ст. 1112 ГК РФ в состав наследства входят принадлежащие наследодателю вещи и иное имущество, включая имущественные права и обязанности, за исключением прав, неразрывно связанных с его личностью. Цифровые права, указанные в ст. 128 ГК РФ как объекты гражданских прав, в зависимости от их имущественной или личной природы могут как включаться в состав наследственной массы, так и не входить в неё.

С позиций наследственного права цифровые активы целесообразно разделить на несколько групп.

Первую группу образуют легализованные цифровые активы, правовой режим которых прямо закреплен в законодательстве и которые могут быть включены в состав наследства по общему правилу ст. 1112 ГК РФ. К таким активам относятся, прежде всего, цифровые финансовые активы и цифровой рубль, отнесенные специальными законами к цифровым правам в смысле ст. 141.1 ГК РФ и обладающие имущественной природой.

Вторую группу составляют утилитарные цифровые права — право требовать передачи вещи, исключительных прав, выполнения работ или оказания услуг. Они также имеют имущественную природу и потенциально входят в наследственную массу, однако порядок их наследования специальным законодательством прямо не предусмотрен.

Третья группа — криптовалюта. Юридически она признается иным имуществом и включается в состав наследства по ст. 1112 ГК РФ. Однако ее децентрализованный и анонимный характер делает практическое оформление наследства крайне затруднительным: нотариус не способен принудительно обеспечить доступ к криптовалютному кошельку в отсутствие приватного ключа. Примечательно, что в январе 2026 года КС РФ в Постановлении № 2-П указал, что имущественные требования, связанные с законным обладанием цифровой валютой, подлежат судебной

защите, существенно ограничив практику отказа в имущественных исках со ссылкой на неисполнение обязанности по уведомлению налогового органа.

Четвертая группа — аккаунты, доменные имена, игровые активы. Данная группа образует наиболее дискуссионный сегмент. Аккаунты в социальных сетях в российском праве не признаются собственностью в традиционном смысле, а вопрос об их правовой природе остается открытым. Доменные имена как правило регистрируются и администрируются на основании договора оказания услуг с регистратором. Содержание такого договора и правила обслуживания домена привязывают статус администратора к конкретному пользователю и могут предусматривать прекращение договора при его смерти либо необходимость переоформления домена на правопреемника. Виртуальные игровые объекты, находящиеся в составе аккаунта пользователя, с точки зрения российского гражданского права не переходят к нему в собственность, а предоставляются на условиях пользовательской (лицензионной) модели: содержание и пределы прав пользователя на такие объекты определяются пользовательским соглашением платформы, в котором, как правило, закрепляется лишь неисключительное право пользования соответствующим функционалом и контентом при сохранении имущественных прав за правообладателем. Вместе с тем контент, размещенный на аккаунтах (фотографии, тексты, аудиовизуальные произведения), является объектом интеллектуальной собственности наследодателя и может переходить к наследникам в рамках части IV ГК РФ.

Далее рассмотрим способы перехода цифровых активов к наследникам. Завещание является наиболее надежным инструментом обеспечения перехода цифровых активов. В завещании наследодатель вправе прямо указать цифровые активы и сведения, необходимые для доступа к ним.

Для легализованных ЦФА перспективным представляется механизм завещательного распоряжения, оформленного непосредственно на платформе оператора, аналогичного завещательному распоряжению в банке по ст. 1128 ГК РФ. Возможность применения данной модели к цифровым финансовым активам рассматривает ряд авторов [9 с. 13]. Можно предположить следующий механизм: завещательное распоряжение, оформляется в личном кабинете на платформе оператора по аналогии с распоряжением правами на денежные средства в банке (ст. 1128 ГК РФ). Представляется, что такое распоряжение могло бы включать выбор конкретных денежных требований, указание наследников и их долей, а также подтверждение распоряжения усиленной электронной подписью пользователя. Оператор, в свою очередь, фиксировал бы это распоряжение в информационной системе и по запросу нотариуса предоставлял сведения о его наличии и содержании.

При этом, следует учитывать, что нотариус не обязан разыскивать имущество наследодателя и, как правило, действует в пределах сведений, представленных наследниками. Его основная функция состоит в оформлении перехода прав на те активы, о которых заявлено, а не в установлении полного перечня имущества умершего.

В результате основного бремя по обнаружению цифрового имущества фактически возлагается на наследников. В отношении цифровых активов такая ситуация усугубляется отсутствием единых реестров и спецификой конфиденциальности: наследники не могут самостоятельно обращаться к операторам платформ или банкам в поисках аккаунтов и кошельков, поскольку соответствующая информация составляет конфиденциальную информацию и

раскрывается, как правило, исключительно по запросу нотариуса, либо суда. Это образует дополнительные сложности для наследников.

Нормы ГК РФ о наследственном договоре, введенные в 2019 году, теоретически применимы к цифровым активам, однако специальное регулирование данной формы применительно к цифровым правам отсутствует.

Как правило, при отсутствии завещания цифровые активы переходят в составе наследственной массы к наследникам по закону в порядке очередности.

При этом, если наследодатель не обозначил наличие цифровых активов и не оставил сведений, обеспечивающих доступ к ним, ситуация может складываться таким образом, что наследники объективно не знают ни о самом существовании значительной части цифровых активов, ни о ключах и паролях к ним, и потому лишены практической возможности реализовать право на их наследование.

Если наследникам известно о наличии цифровых активов, то ключевой процессуальной проблемой цифрового наследования становится подтверждение принадлежности этих активов конкретному наследодателю. Её острота обусловлена следующими факторами: анонимностью и децентрализацией ряда информационных систем, псевдонимностью пользовательских аккаунтов, отсутствием централизованного государственного реестра цифровых активов и технической невозможностью принудительного доступа к кошелькам без знания приватного ключа. Как отмечает Т. С. Яценко, «обеспечить принудительный доступ к выявленному наследниками цифровому кошельку наследодателя при отсутствии у них кода пока невозможно» [8].

Таким образом, в нотариальной и судебной практике основная процессуальная проблема при наследовании цифровых активов заключается в самом установлении факта принадлежности конкретного цифрового объекта наследодателю.

Это предопределяет преимущественно судебный порядок разрешения споров о наследовании цифровых прав.

В качестве примера можно привести дело [...] по жалобе наследника на отказ нотариуса включить в свидетельство о праве на наследство доменные имена, учетные записи (Apple ID, аккаунты Google, приложения-аутентификаторы) и криптовалюту на «холодных» и «горячих» кошельках наследодателя. Нотариус отказал, указав на отсутствие документов, подтверждающих принадлежность указанных цифровых объектов наследодателю, невозможность определить правовую природу части из них, а также на непредставление сведений о правообладателях сервисов и порядке получения от них информации. Наследник не смог представить ни правоустанавливающих документов, ни иных доказательств связи доменов, аккаунтов и криптокошельков с личностью наследодателя.

Обжалуя отказ, наследник обратился в суд в порядке особого производства, однако заявление было оставлено без рассмотрения ввиду наличия спора о праве. Суды справедливо указали, что речь идет не о «технической» проверке законности нотариального отказа, а о материально-правовом споре. О составе наследства и существовании у наследника права на спорные активы, установление состава наследства, подтверждение принадлежности доменных имён, учётных записей и криптовалютных активов наследодателю. Тем самым дело наглядно демонстрирует, что при наследовании цифровых активов одних лишь общих указаний наследника и ссылок на «цифровое имущество» недостаточно: правоприменитель последовательно требует конкретных доказательств принадлежности каждого цифрового объекта наследодателю и вы-

нужден переводить спор из плоскости обжалования нотариального отказа в плоскость полноценного спора о праве.

На основании анализа небольшого количества практических примеров, можно выделить следующие виды доказательств, используемых для подтверждения принадлежности цифровых активов наследодателю.

Специфика доказывания принадлежности цифровых активов наследодателю может варьироваться в зависимости от группы, к которой относится тот или иной актив.

Первая группа. ЦФА и цифровой рубль

Для данной группы характерен наиболее высокий уровень идентификации, поскольку оператор информационной системы обязан вести учет информации о цифровых финансовых активах, содержащейся в записях информационной системы пользователей. Основными средствами доказывания могут выступать:

- запрос к оператору платформы. Нотариус или суд вправе запросить информацию о цифровых финансовых активах, подтверждающую цифровые права наследодателя. Также оператор может предоставить данные доступа к записям информационной системы (адрес сайта, пароль), зафиксированные на электронном носителе в машиночитаемом формате.

- договоры, на основании которых были приобретены, отчуждены или обеспечены цифровые финансовые активы, решения о выпуске цифровых финансовых активов.

Именно такие сведения могут быть признаны достаточными для идентификации и подтверждения прав владельца. Так, например, в 2024 г. платформа «Токеон» и управляющая залогом компания МФК «Реми капитал» инициировали «контролируемый дефолт» по выпуску ЦФА и подали иск о взыскании задолженности и обращении взыскания на залог (земельный участок) в АС Удмуртской Республики. В материалах дела в качестве доказательств прав инвесторов на ЦФА использовались: реестр держателей ЦФА на платформе, решение о выпуске ЦФА (правила обращения и погашения), договор залога недвижимости, договор уступки требования, договор управления залогом.

Вторая группа. Утилитарные цифровые права

Доказывание в данной категории строится на общих принципах процесса. В качестве доказательств могут использоваться: договор, на основании которого возникло утилитарное цифровое право (в том числе инвестиционные соглашения, документы краудфандинговых платформ и т.п.), выписка с платформы о наличии права требования и его объёме. При необходимости нотариально заверенная электронная переписка о приобретении прав, банковские документы, подтверждающие оплату, послужившую основанием возникновения утилитарного права.

Третья группа. Криптовалюта.

Именно здесь доказывание наиболее затруднено ввиду анонимности и децентрализованности блокчейна. Как показывает судебная практика, наибольшую доказательственную силу имеют:

- данные доступа к криптовалютному кошельку (приватный ключ либо seed-фраза, уникальный адрес кошелька, идентификатор устройства) — без них ни нотариус, ни суд не могут принудительно обеспечить доступ к активу; их наличие является необходимым условием фактической реализации наследственного права;

- банковские переводы наследодателя на криптобиржу или иную платформу и история сделок, в деле по разделу биткоинов.

- скриншоты баланса кошелька с фиксацией даты и адреса, данные из блокчейн-обозревателя (blockchain.info и аналогичных сервисов) — в деле № А65-17014/2023 арбитражный суд признал скриншоты из блокчейн-обозре-

вателя с указанием адреса кошелька, объема BTC и времени транзакции надлежащим доказательством передачи криптовалюты;

- переписка в мессенджерах о намерении приобрести криптовалюту — в том же деле суд принял переписку в качестве допустимого доказательства в совокупности с иными материалами.

Эта позиция также отражена в решении Арбитражного Суда Республики Татарстан, рассмотрев дело по иску о взыскании неосновательного обогащения суд отметил, что представленная в материалы дела переписка WhatsApp позволяет установить детали заявок (наименование продукции, количество), дату и время отправления, факт получения другой стороной. В связи с чем переписка WhatsApp является надлежащим доказательством согласно ст. 75 АПК РФ, а в совокупности с чеком о переводе денежных средств и скриншотами с сайта blockchain.info позволяет однозначно определить природу передачи денежных средств одного лица другому.

- судебная компьютерно-техническая экспертиза позволяет установить принадлежность адреса кошелька наследодателю путем анализа IP-адресов, метаданных, идентификаторов устройств и истории онлайн-операций. Суды прибегают к ней при оспаривании принадлежности активов или при недостаточности иных доказательств.

Четвертая группа. Аккаунты, доменные имена, игровые активы.

Для данной категории цифровых активов возможными доказательствами могут выступать:

- ответы операторов платформ (соцсети, почтовых сервисов, игровых платформ, регистраторов доменов) на запрос нотариуса/суда об идентификации владельца аккаунта или домена;

- договор с регистратором доменного имени и документы об оплате услуг — подтверждают статус администратора домена у наследодателя;

- контент аккаунта (фото, видео, тексты), позволяющий установить связь с личностью наследодателя;

- технические данные (IP-адреса, устройства, с которых осуществлялся доступ), подтвержденные экспертизой.

Показательный пример — дело, приведенное выше, наследник оспаривал отказ нотариуса включить в свидетельство доменные имена, Apple ID, аккаунты Google и криптовалютные кошельки. Суд указал, что установление принадлежности доменов и аккаунтов наследодателю возможно только в рамках искового производства с предъявлением соответствующих доказательств и привлечением операторов платформ для получения информации.

Дополнительную сложность создает трансграничный характер цифровых сервисов, на которых размещены аккаунты, облачные хранилища и криптовалютные кошельки наследодателей. В таких случаях исполнение судебных решений и запросов осложняется применением иностранного права и отсутствием устойчивых механизмов взаимодействия с зарубежными платформами, вследствие чего доступ наследников к цифровым активам на этих сервисах нередко превращается в юрисдикционную проблему.

Закключение

Подводя итог исследованию, важно подчеркнуть, что на фоне технологического прогресса цифровое пространство постоянно порождает новые формы активов с денежной ценностью. Для наследников это вовсе не абстрактные «цифровые следы», а вполне ощутимые экономические ценности, сопоставимые по значимости с традиционным имуществом. Даже при формальном признании циф-

ровых активов объектами гражданских прав их фактический переход к наследникам упирается в способность доказать принадлежность активов наследодателю и обеспечить технический доступ к ним, что делает каждый случай, по существу, уникальным. Для успешной реализации прав на такое цифровое наследство требуется не только развитый правовой инструментарий, но и активная позиция самих участников: заранее оформленное распоряжение наследодателя цифровыми активами (фиксирование их состава, инструкций по доступу, включение в завещание), а также действия наследников по выявлению и доказыванию принадлежности соответствующих активов. На сегодняшний день решение этих вопросов остаётся сложным, многоуровневым процессом, требующим индивидуального подхода и тесного взаимодействия доктрины, законодателя, правоприменителя в поиске более устойчивой и предсказуемой модели цифрового наследования.

Литература

1. Зайнуллина Т.Г., Петренко А.С. (2025). Цифровое наследство: современные проблемы регулирования и законодательное определение // *Journal of Economic Regulation* 16 (4): 59-64.

2. Кириллова Е.А. Роль нотариуса при наследовании цифровой валюты в Российской Федерации // *Нотариус*. 2021. № 7. С. 27–33.

3. Егорова М.А., Ефимова Л.Г. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства // *Lex Russica (Русский закон)*. 2019. № 7 (152). С. 130–140.

4. Носов Н. Майнить можно, а продавать нельзя // *ИКС-МЕДИА*. 2020. 6 августа.

5. Ситник А. А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // *Актуальные проблемы российского права*. 2020. Т. 15. № 11 (120). С. 103–113.

6. Цинделиани И.А., Нигматулина Л.Б. Криптовалюта как объект гражданско-правового и финансово-правового регулирования // *Финансовое право*. 2018. № 7. С. 16–23.

7. Яценко Т.С. Проблемы исполнения завещания в отношении цифровых активов наследодателя // *Наследственное право*. 2021. № 1. С. 31–34.

8. Яценко Т.С. Наследование цифровых прав // *Наследственное право*. 2019. №2. С. 11–14.

9. Харитонов Ю.Н. Наследование легализованных цифровых активов: коллизии и возможные направления совершенствования российского законодательства // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2024. Т. 17. № 2. С. 74–95.

10. Нестеров А. В. О цифровых правах и объектах цифровых прав // *Право и цифровая экономика*. 2020. № 1 (7). С. 11–20.

11. Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 20 апреля 2022 г. по делу N 33-14798/2022 // <https://base.garant.ru/327928153/> (дата обращения 25.05.2026).

Digital Inheritance: Issues of Determining the Composition of the Estate and Proving the Deceased's Ownership of Digital Assets
Bagily S.T., Useikina S.A.

V.M. Lebedev Russian State University of Justice

This article analyses legal issues arising in connection with the inheritance of digital assets in the Russian Federation. It examines the concepts of digital rights and digital inheritance, the classification of digital objects that may form part of the estate, the mechanisms by which they may pass to heirs, as well as procedural problems of proving the deceased's ownership of digital assets where no testamentary disposition has been made during their lifetime. The article also provides an overview of foreign approaches to the regulation of digital inheritance. It concludes that there is a need for special legislative regulation of the inheritance of digital rights in the Russian Federation.

Keywords: digital inheritance, digital financial assets, digital rights, estate, proof of ownership, cryptocurrency, notariate, electronic evidence.

References

1. Zainullina T.G., Petrenko A.S. (2025). Digital inheritance: modern regulatory issues and legislative definition // *Journal of Economic Regulation* 16 (4): 59-64.
2. Kirillova E.A. The role of a notary in the inheritance of digital currency in the Russian Federation // *Notary*. 2021. No. 7. pp. 27-33.
3. Egorova M.A., Efimova L.G. The concept of cryptocurrencies in the context of improving Russian legislation // *Lex Russica (Russian Law)*. 2019. No. 7 (152). pp. 130-140.
4. Nosov N. You can mine, but you can't sell // *IKS-MEDIA*. 2020. August 6.
5. Sitnik A. A. Digital Currencies: Problems of Legal Regulation // *Actual Problems of Russian Law*. 2020. Vol. 15. No. 11 (120). Pp. 103–113.
6. Tsindeliani I. A., Nigmatulina L. B. Cryptocurrency as an Object of Civil and Financial Legal Regulation // *Financial Law*. 2018. No. 7. Pp. 16–23.
7. Yatsenko T. S. Problems of Executing a Will in Relation to the Testator's Digital Assets // *Inheritance Law*. 2021. No. 1. Pp. 31–34.
8. Yatsenko T. S. Inheritance of Digital Rights // *Inheritance Law*. 2019. No. 2. Pp. 11–14.
9. Kharitonova Yu. N. Inheritance of Legalized Digital Assets: Conflicts and Possible Areas for Improving Russian Legislation // *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2024. Vol. 17. No. 2. pp. 74–95.
10. Nesterov A. V. On Digital Rights and Objects of Digital Rights // *Law and Digital Economy*. 2020. No. 1 (7). pp. 11–20.
11. Appellate ruling of the Judicial Panel for Civil Cases of the Moscow City Court dated April 20, 2022 in case No. 33-14798/2022 // <https://base.garant.ru/327928153/> (accessed May 25, 2026).

Цифровые алгоритмы государственного и муниципального контроля и надзора как риск для субъектов предпринимательской деятельности: правовые аспекты

Усольцева Наталья Андреевна,

канд.юрид.наук, доцент кафедры частного и предпринимательского права, Сургутский государственный университет, netali77@list.ru

Усольцев Юрий Михайлович,

доцент кафедры публичного и уголовного права, Сургутский государственный университет, yusoltsev@mail.ru

Цифровизация государственного и муниципального контроля и надзора, это не просто разговор про удобство для должностных лиц, проводящих соответствующие процедуры, это разговор, в том числе и о рисках для тех субъектов, которые попадают под контрольно-надзорные мероприятия. И такими субъектами сейчас являются субъекты предпринимательской деятельности. В основу всех процессов цифровизации и соответственно в основу принятия решения в рамках контрольно-надзорных мероприятий положены цифровые алгоритмы. И уже сейчас мы подошли к переломному моменту, когда цифровые алгоритмы станут самостоятельными субъектами контрольно-надзорных мероприятий в отношении субъектов предпринимательской деятельности. В подобной ситуации естественным становится вопрос о тех рисках, которые возникают у субъектов предпринимательской деятельности в подобной ситуации и о правовом статусе самого цифрового алгоритма. В основной части статьи исследуются вопросы понятия цифрового алгоритма и его статуса, определения его значения в разрезе правовой категории. Оценивается включенность цифровых алгоритмов в процедуры и процессы государственного и муниципального контроля и надзора. Выявляется главный вопрос – с какими рисками сталкиваются субъекты предпринимательской деятельности при проведении мероприятий государственного и муниципального контроля и надзора на основе цифрового алгоритма. В результате исследования делается вывод о необходимости определения статуса цифрового алгоритма при проведении контрольно-надзорных мероприятий на нормативно-правовом уровне и защите прав субъектов предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: цифровые алгоритмы, государственный и муниципальный контроль и надзор, предпринимательская деятельность, риски субъектов предпринимательской деятельности, цифровизация государственного и муниципального контроля и надзора.

Введение

Наша современная действительность, которая складывается из повсеместной цифровизации всех процессов государственного и муниципального управления, процессов юридического сопровождения, не могла обойти своим вниманием механизмы государственного и муниципального контроля и надзора, и этого не произошло. Государственный и муниципальный контроль и надзор, особенно в отношении субъектов предпринимательской деятельности, максимально заведены на цифровые сервисы и решения, и в основу всего положен определенный цифровой алгоритм принятия решения.

И с одной стороны это очень удобно и современно, и даже прозрачно, но с другой стороны, возникает вопрос - почему в основу именно правовых, юридических значимых решений, влекущих за собой серьезные последствия, положен цифровой алгоритм? Допустимо ли это? И что мы знаем о цифровом алгоритме как категории и есть ли такая правовая категория? Не является ли цифровой алгоритм риском для субъектов, чья деятельность подлежит муниципальному контролю, а именно для предпринимателей?

Обсудим это. Начнем по порядку.

Материалы и методы

Методологической основой для исследования послужили общенаучные, а также частнонаучные методы. В качестве общенаучных использовались методы: анализ, сравнение, обобщение, описание, дедукция. Среди частнонаучных методов применялись формально-логический, сравнительно-правовой методы, а также метод юридической герменевтики, а также кибернетический метод.

Информационной основой для проведения исследования стали нормативные правовые акты и источники литературы по теме исследования. В частности были проанализированы работы таких исследователей как: Антропова И.О., Казанцев Д.А., Киселев А.С., Липчанская М.А., Чаннов С.Е., Чурикова А.Ю., Понкин И.В. и других.

Основной раздел

В целом, алгоритм достаточно часто встречающееся понятие и предполагающее определенную последовательность действий, выполнение которой приводит к достижению конкретного результата [20, с. 46-48]. Алгоритм задает определенную последовательность действий и в этом ключе можно сказать, что нас повсеместно окружают алгоритмы.

Юридическая среда не является исключением, наоборот, можно сказать, что юридическая деятельность создана на основе алгоритмов. Любая последовательность юридических действий, приводящих к юридически значимому результату, является алгоритмом. Особенно ярко это представлено в ситуациях оказания государственной или муниципальной услуги, когда конкретный процесс построен на соответствующем административном регламенте.

Рассматривая ситуацию в этом контексте отметим, что процедуры государственного и муниципального контроля и надзора, являются юридическим алгоритмом, и результат проверочных мероприятий должен полностью соответствовать юридическому алгоритму проверки, закрепленному в основополагающих нормативных правовых актах.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда научно-технологического развития Югры в рамках научного Проекта № 2023-05-01.

Но это юридические алгоритмы, а как быть с цифровыми алгоритмами, и какая между ними разница?

Вернемся в начало разговора, что мы знаем об алгоритмах в целом и об их классификации в частности.

Итак, алгоритм - это конкретная последовательность действий, выполнение которой приводит к определенному результату. В цифровом мире алгоритмы являются основой для всей системы программирования и работы цифровых технологий. В информатике и математике алгоритм рассматривают как базовое понятие, представляющее собой набор последовательных инструкций и действий для достижения конкретного результата, для решения задачи.

Цифровые алгоритмы положены в основу деятельности всей вычислительной техники, автоматизированных процессов, программ любой сложности и сервисов. И здесь кроется основная проблема. Ведь если алгоритм ошибочен, то вынесенное на его основе решение то же будет ошибочным. А если это решение является основой для юридически значимых последствий, то кто будет отвечать за эти последствия?

Рассматривая цифровые алгоритмы как явление, встроенное в цифровые процессы, и являющееся базой для юридических действий мероприятий государственного и муниципального контроля и надзора, отметим, что такое явление нуждается в идентификации и определении его свойств.

Согласимся с уже существующим подходом, отмечая, что все алгоритмы, в том числе и цифровые алгоритмы, характеризуются наличием следующих свойств:

- дискретность (внутренняя структура алгоритма последовательно структурирована);
- результативность (ориентированность на конкретный результат);
- детерминированность (однозначность каждого действия внутри алгоритма);
- массовость (применимость к любому множеству однотипных задач);
- конечность (последовательность алгоритма всегда завершается за определенное число действий) [3, с. 59-62].

Указанные свойства действительно обозначают цифровые алгоритмы как фундаментальное, базовое понятие, но точно не как правовую категорию.

В какой-то степени цифровой алгоритм можно рассмотреть и как философскую категорию, оценивая его способность к упорядочению реальности, и рассматривая весь мир через понятие алгоритмов в целом и через цифровые алгоритмы в частности [21; 22; 23], когда весь мир - это система цифровых вычислений.

Для понимания природы цифрового алгоритма как правовой категории стоит обозначить его как последовательность формализованных предписаний, являющуюся регулятором поведения участников правоотношений. В такой ситуации цифровой алгоритм становится не просто правовой категорией, но уже и объектом новых видов правоотношений. А если учесть, что цифровые алгоритмы являются основой для искусственного интеллекта, то на фоне существующих подходов о статусе искусственного интеллекта как субъекта правоотношений - цифровые алгоритмы могут существенно изменить логику правовых категорий, в том числе став субъектом права (хотя более правильным видится статус квази-субъекта) в категории «математическая модель» (своеобразная юридическая фикция).

Но вернемся к вопросу классификации цифровых алгоритмов, отметим, что она значительна и базируется на разных основаниях. Так, например, можно выделить классификацию по структуре, применению, способу представ-

ления, назначению и сложности. То есть в принципе любой цифровой алгоритм может быть абсолютно разнообразным с позиции классификации, например, линейный, основной, обработка данных, программный код и т.д. Представленная классификация дает представление о разнообразии цифровых алгоритмов как о базовом явлении, и даже больше, как о технической категории. Для идентификации цифрового алгоритма в качестве правовой категории, самому цифровому алгоритму должно быть дано правовое понятие, то есть должно быть встроено в правовую действительность не как технический, а именно как правовой термин. Стоит предположить, что для идентификации цифрового алгоритма как правовой категории ему стоит обозначить такие признаки как:

- конкретность цифрового алгоритма (то есть речь должна о чем-то выраженном, а не условно существующем);
- способность к автономному существованию цифрового алгоритма;
- быть связанным с правами и обязанностями разных субъектов;
- наличие юридически значимых последствий от его существования и применения;
- наличие условий и элементов ответственности.

При подобных признаках цифровых алгоритмов как правовой категории обозначим, что он уже максимально близко подошел к данному статусу.

Для классификации цифрового алгоритма как правовой категории более уместно было бы разделение на алгоритмы, участвующие в государственном и муниципальном управлении или государственном и муниципальном контроле и надзоре; степень автономности цифрового алгоритма; классификация по последствиям его деятельности или применения; по назначению.

Оценивая названные характеристики и свойства цифровых алгоритмов, отметим, что в текущем состоянии цифровой алгоритм остался в статусе базового понятия, и остается вопрос - является ли он основой для автоматизированного принятия юридически значимых решений в ситуации с государственным и муниципальным контролем и надзором, и насколько это допустимо.

Оценим ситуацию, которая складывается на настоящий момент, и проанализируем, существует ли угроза для субъектов предпринимательской деятельности при осуществлении государственного и муниципального контроля и надзора именно от использования цифровых алгоритмов. Поговорим немного о государственном и муниципальном контроле и надзоре, и роли цифровых алгоритмов в нем.

Фактически государственный и муниципальный контроль и надзор можно рассмотреть как самостоятельный элемент управленческой деятельности государственных и муниципальных органов власти, особенно исходя из логики, что управление это целенаправленное воздействие субъекта управления на объект управления с разнообразными целями: эффективность функционирования, приведение в упорядоченное состояние, недопущение нарушения закона и т.д. [2, с. 7-10].

При проведении контрольно-надзорных мероприятий необходимо соблюдение основных общих принципов [12; 15], причем сейчас уже можно говорить, что цифровые алгоритмы встроились в контрольно-надзорные мероприятия даже на их уровне, и даже произошла соответствующая трансформация принципов. Поговорим о некоторых из них.

1. Принцип законности - основополагающий принцип всех видов контроля и надзора, основанный на строгом выполнении требований закона при назначении, проведении контрольно-надзорных мероприятий (действия самих

проверяющих в том числе) и принятии решений по их итогам [16].

2. Принципы достоверности и объективности проведения контрольно-надзорных мероприятий предполагает, что решения по итогам контрольно-надзорных мероприятий базируются на законно собранных, достоверных и объективных доказательствах и данных. При этом указанные решения не должны основываться на чьих-то мнениях и позициях внутренних или внешних, в том числе не зависеть от личного мнения проверяющего. Именно на базе этих принципов можно начать говорить о закреплении цифрового алгоритма как элемента контрольно-надзорных мероприятий. Ведь сбор данных и доказательств осуществляется на анализе и обработке информации в открытых и закрытых информационных системах. Считается, что указанные цифровые алгоритмы работают с учетом требования законодательства РФ и позволяют сделать проверку быстрее, качественнее, объективнее и достовернее, без лишних контактов и субъективного мнения [2, с. 7-12]. Не можем с этим не согласиться. Только остаются сомнения, в частности - остался ли цифровой алгоритм лишь инструментом контрольно-надзорных мероприятий, не стал ли он их субъектом. И в подтверждение указанных сомнений обозначим повторно, что цифровые алгоритмы являются основой всех, даже самых сложных программ, в том числе и самообучающихся. А значит, со временем, участником таких контрольно-надзорных мероприятий станет уже не просто цифровой алгоритм, а искусственный интеллект [5; 11]. А может ли цифровой алгоритм допустить ошибку при проверке данных, может ли сам алгоритм иметь ошибку, допустить ошибку, произойти сбой программы или проявить симпатию/антипатию, если он самообучающийся, и ответ - однозначно да. Будут ли достоверны и объективны результаты контрольно-надзорных мероприятий, если оставить их только цифровому алгоритму и убрать основного субъекта - человека? И ответ - однозначно нет. Цифровой алгоритм должен оставаться исключительно инструментом контрольно-надзорных мероприятий без права на принятие решения. Основным субъектом проверки должно остаться проверяющее лицо, служащий, несущий за свою деятельность, в том числе, уголовную ответственность.

3. Еще один принцип, связанный с использованием цифровых алгоритмов (и они здесь также исключительно приветствуются, по мнению ведущего числа ученых и специалистов [1, с. 81-82; 9, с. 120-121]) - это принцип независимости. Он в некоторой степени сродни принципу объективности, и предполагает, что субъект проверки независим от всех, и от органов власти разного уровня и от самого объекта проверки. И именно здесь приветствуются цифровые алгоритмы, так как именно они обеспечивают эту независимость - в материалах проверки ничего нельзя исправить и подправить - все данные выгружены из алгоритмических систем и ими же обнаружены. Но риски угрозы сохраняются путем воздействия через авторов программ, операторов, технических аудиторов и т.д. Цифровые алгоритмы могут быть изменены, переписаны, дискредитированы.

Несомненно, что это далеко не все принципы, но у нас не было задачи обозначить их все, мы просто посмотрели на ситуацию внедрения цифровых алгоритмов в контрольно-надзорные мероприятия с их позиции. Логично предположить, что внедрение цифровых алгоритмов в мероприятия государственного и муниципального контроля и надзора потребует разработки специальных общих руководящих начал, и такие уже формируются в теории права [18, с. 9-11].

Предполагается, что эти начала и иные правила будут определять уже цифровые ценности: цифровое доверие, достоверность и безопасность данных, бесперебойное

функционирование информационных систем, исключение третьих лиц из системы функционирования цифровых алгоритмов (что практически невозможно, так как обеспечивательная функция деятельности цифровых алгоритмов остается у внешних исполнителей, например, у авторов или правообладателей, у технической поддержки) и другие. Все эти руководящие начала выделяются при любом встраивании цифровых технологий в любые виды процессинговой деятельности, и в государственный и муниципальный контроль и надзор в том числе.

Несомненно, что появление базовых правил для использования цифровых алгоритмов, создаст некую обеспечивательную функцию для их внедрения. Правовым же основанием должен стать конкретный нормативный правовой акт, определяющий использование цифровых алгоритмов в конкретном виде государственного или муниципального контроля и надзора, его функционале, роли и задачах, а также последствиях применения. И если цифровой алгоритм становится единственным участником проверки (то есть он получает роль субъекта контрольно-надзорного мероприятия) - то порядок обжалования и особенности доказывания по таким категориям дел.

Оценивая ситуацию с нормативным правовым регулированием цифровизации государственного и муниципального контроля и надзора, отметим, что преимущественно базовое регулирование осуществляется за счет: Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»; Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»; Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [17]; Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [14]; Постановления Правительства РФ от 21.04.2018 № 482 «О государственной информационной системе «Типовое облачное решение по автоматизации контрольной (надзорной) деятельности» [13] и других нормативных правовых актов.

Касательно уже введенных и используемых цифровых сервисов (и соответственно – цифровых алгоритмов) в системе государственного и муниципального контроля и надзора стоит отметить:

- Государственную информационную систему «Типовое облачное решение по автоматизации контрольной (надзорной) деятельности» (ГИС ТОР КНД), которой пользуется значительное число государственных органов разного уровня;
- Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий (ЕРКНМ);
- Автоматизированные системы АСК НДС-3, АИС «Налог-3» (АИС «Налог-4»); ЭКГ-рейтинг; ИИ-скоринг; Налоговый мониторинг;
- и другие цифровые сервисы и решения государственных органов власти разного уровня, а также сервисы, используемые для муниципальных проверок.

В контексте перспектив развития цифровых технологий и повсеместного внедрения искусственного интеллекта можно предположить, что механизмы государственного и муниципального контроля и надзора тоже станут платформой для такого внедрения. Существует уже значительное число исследователей, отмечающих значительные плюсы такого внедрения - беспристрастность, объективность, постоянность сбора данных для проведения контрольно-надзорных мероприятий. При этом существует и понимание того, что такие цифровые алгоритмы будут осуществлять такие контрольно-надзорные мероприятия без присутствия человека, действуя от имени

уполномоченного государственного или муниципального органа власти.

И здесь, в том числе возникает вопрос о рисках для субъектов предпринимательской деятельности, которые становятся объектом контрольно-надзорных мероприятий, проводимых с применением цифровых алгоритмов и о возможном ущербе для них [19, с.77-79].

Классически выделяют риски, связанные с самими данными и в целом с информационной безопасностью [10, с. 86-87] (внутренней и внешней). В принципе ситуация с этими рисками уже всем хорошо знакома и требует в большей степени не столько нормативного регулирования, сколько соблюдения требований и условий безопасности со стороны самих субъектов видов деятельности. Причем это касается и ситуации с государственным и муниципальным контролем и надзором, когда подобные требования по информационной безопасности уже распространяются на государственных и муниципальных служащих.

Более сложной становится ситуация с иными рисками, и здесь в первую очередь стоит назвать «человеческий фактор», связанный с применением цифровых технологий. Сюда можно отнести все категории пользовательских рисков (действия пользователей, в результате которых третьи лица получают доступ к ресурсам или информации соответствующего субъекта), а также умышленные действия определенных специалистов, связанных с обеспечением информационной безопасности, техническим сопровождением, программированием и т.д. Главным условием для обеих групп рисков становится «ухуд» информации из компании, доступ третьих лиц к ресурсам, отказы и ошибки программного обеспечения и т.д., что приводит к значительному ущербу. Разграничение данных групп субъектов и соответственно рисков считаем обязательным, так как уровень ответственности, трудовые права и обязанности у них значительно различаются, и говорить о гражданско-правовой и иной ответственности нужно в разных объемах.

Дополнительно стоит выделить риски, связанные с техническими ошибками цифровых алгоритмов (не предполагающие «человеческий фактор»). Например, цифровой алгоритм создан искусственным интеллектом, и иные похожие ситуации. В этой ситуации стоит продумать систему ответственности за действия соответствующего цифрового алгоритма - найти крайнего в цепочке ответственности. Полагаем, что гражданско-правовой договор, на основе которого будет предоставлено право пользования соответствующим цифровым алгоритмом, в обязательном порядке должен отвечать на вопрос об ответственности в подобных ситуациях. В системе контрольно-надзорных мероприятий оба названных риска имеют критически важное значение, так как ущерб для объекта проверки при утечке данных, доступе к внутренней информации субъекта предпринимательской деятельности, ошибочных решениях о привлечении объекта проверки к ответственности, и прочих обстоятельствах, будет очень значительным.

Еще один риск, который уже достаточно давно описывается не только писателями-фантастами, но учеными-правоведами - бесконтрольность искусственного интеллекта [7, с. 457-458; 8, с. 139-140]. Причем здесь речь может идти и о слабом нормативном правовом сопровождении процесса внедрения искусственного интеллекта в разные сферы деятельности (сейчас эту проблему пытается решить государство, так как разработан и принят Государственной Думой РФ проект Федерального закона «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» [6]), но и о простом контроле за искусственным интеллектом со стороны пользователей. Наличие искусственного интеллекта любого

уровня (и сильного, и слабого), к сожалению, предполагает изначально слабый уровень контроля со стороны юридического или физического лица в ситуации с возможностями его использования. Конечно, мы понимаем, что основная масса юридических лиц вводит на локальном уровне определенного рода регулирование, связанное с возможностями использования искусственного интеллекта. Но в любом случае проблемы сохраняются: это и использование ненадежного искусственного интеллекта, и использование искусственного интеллекта без маркировки контента, и использование сотрудниками без уведомления работодателя, в том числе для выполнения трудовых задач и создания продуктов. Все это усиливает проблемы слабого контроля.

Ситуация с контролем за искусственным интеллектом усугубляется дополнительным риском - риском принятия решения цифровым алгоритмом без участия человека. В ситуации с государственным и муниципальным контролем и надзором такое решение будет принимать искусственный интеллект, действуя от имени соответствующего органа власти, и это решение даже не будет проверяться уполномоченным специалистом, и автоматически будет предполагать привлечение субъекта предпринимательской деятельности к ответственности. И ситуация усугубляется на фоне следующего риска, а именно риска фактической презумпции достоверности всех цифровых материалов и заключений, как следствии - вины субъекта предпринимательской деятельности при проведении контрольно-надзорных мероприятий с использованием цифровых технологий. Речь не идет об отмене презумпции невиновности, речь идет именно о презумпции достоверности всех выводов, решений, аналитики, собранных цифровыми сервисами.

Риски прогнозирования виновного поведения объекта контрольно-надзорных мероприятий и осуществление постоянного мониторинга (наблюдения) - это один из самых критических рисков, так как внедрение указанной системы уже реализуется в нашей стране [12]. В последние годы вопрос о системе постоянного умного мониторинга (наблюдения) субъектов предпринимательской деятельности поднимается и анализируется постоянно [4] и значительное число специалистов отмечают в его введении значительное число плюсов [2, с. 140-150]. Но сейчас происходит переход на систему цифрового мониторинга (наблюдения) когда в автоматическом режиме все данные о деятельности субъекта предпринимательской деятельности будут постоянно проверяться в фоновом режиме. Данные для такого мониторинга цифровые алгоритмы берут из всех доступных источников, в том числе открытых. Для внедрения системы такого цифрового мониторинга в отдельных сферах контрольно-надзорной деятельности разрабатываются специальные нормативные правовые акты [4].

Цель такого постоянного мониторинга (наблюдения) весьма благая - сделать более прозрачным и консолидированным конкретный вид деятельности, но вот какие могут быть последствия - стоит порассуждать.

Как возможное следствие внедрения такой системы постоянного мониторинга может происходить прогнозирование поведения субъекта предпринимательской деятельности, и постепенное выстраивание именно прогнозирования его виновного поведения. Это заключается в следующем: процесс контроля идет постоянно и непрерывно путем автоматизированной обработки данных, выявления всех критических и рискованных позиций в деятельности объекта проверки. И если это будет некая единая база данных со строгими правилами внесения информации и своевременности такого внесения, то ситуация одна. Если же это будет свободный поиск данных, проверка всей деятельности объекта контроля через любые

ресурсы, то всегда будет основание для привлечения его к ответственности. Как следствие такой ситуации цифровые алгоритмы могут проецировать сомнительность или незаконность деятельности субъекта предпринимательской деятельности, блокировать какие-то сделки, блокировать движение денежных средств и т.д., что приводит фактически к крушению цифровой репутации субъекта предпринимательской деятельности. Все это впоследствии придется оспаривать в административном или судебном порядке.

Что необходимо для минимизации ущерба для объектов контроля: четкие критерии для мониторинга (например, на основе риск-ориентированного подхода); согласие объекта контроля на введение в отношении него системы постоянного мониторинга (как минимум на начальном этапе функционирования данного контроля); некое единое цифровое пространство, где будет проходить указанный мониторинг (причем оно должно быть структурировано определенным образом и нормативно закреплено); наличие технологических и технических возможностей для всех участников контроля (и объектов, и субъектов) для участия в нем; методические и нормативные правовые основы для применения подобной системы мониторинга.

Еще одной значительной проблемой, создающей значительные риски для субъектов предпринимательской деятельности, является цифровизация муниципального контроля, то есть введение самостоятельных цифровых алгоритмов на уровне муниципального контроля, не связанных с введенными едиными для страны инструментами и сервисами. Вообще цифровизация муниципального управления на настоящий момент является сложным стихийно образующимся явлением. И касается это и технологической оснащенности, и подготовленности специалистов, и нормативного регулирования, и финансовых возможностей муниципалитетов и регионов. И все это переходит на систему муниципального контроля в том числе. Для устранения подобной ситуации, стоит выбрать путь развития цифровизации муниципального управления и муниципального контроля: либо государство оставляет процесс в его текущем состоянии, либо выделяет соответствующую финансовую и техническую помощь, но одновременно вводит законодательные рамки, методическую помощь для организации соответствующего процесса цифровизации.

Результаты

Завершая процесс исследования темы, подведем итоги. Цифровизация государственного и муниципального контроля и надзора процесс, который будет продолжаться и усиливаться постоянно, и в основу всего уже и сейчас и в дальнейшем будет положен цифровой алгоритм. И в подобной ситуации и государству и обществу необходимо определиться с правовым значением и пониманием статуса цифрового алгоритма. На текущий момент времени единственной группой субъектов для кого в категорию рисков, в рамках государственного и муниципального контроля и надзора, входит цифровой алгоритм, являются субъекты предпринимательской деятельности, но ведь в дальнейшем эта ситуация перейдет на обычных граждан.

Соответственно, если государство считает допустимым и возможным разрешить цифровым алгоритмам принимать юридически значимые решения, которые создают существенные последствия для субъектов предпринимательской деятельности, государство должно и создать полноценный нормативно-правовой базис для подобной деятельности, исключив нарушения прав субъектов предпринимательской деятельности.

Литература

1. Агамагомедова С. А. Государственный контроль и надзор в условиях цифровизации экономики. // Вестник ННГУ. 2020. №3. С. 79-85.
2. Антропова И. О. Правовое регулирование публичного финансового контроля. М.: Статут, 2024. 254 с.
3. Бирюков О. Н., Хасанов Н. А. О методике определения основных понятий теории алгоритмов. // Modern European Researches. 2021. №2-1. С. 58-65.
4. Ведомственный проект Министерства финансов РФ «Электронный СМАРТ-контроль (контроллинг) и учет государственных финансов для управленческих решений 2022-2027» (Направление (подпрограмма) «Повышение качества управления бюджетным процессом и эффективности управления общественными финансами») [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/performance/projects/electronic_SMART_control (дата обращения: 18.06.2026).
5. Гаджиева М. Дело у техники: контрольные ведомства сокращают штат из-за внедрения ИИ и дронов: Как это влияет на бизнес и кто приходит на замену инспекторам. 17 марта 2026. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iz.ru/2060387/milana-gadzhieva/delo-u-tehniki-kontrolnye-vedomstva-sokrashchayut-shtat-iz-zavnedreniya-ii-i-dronov> (дата обращения: 28.05.2026).
6. Законопроект № 1271570-8 «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1271570-8> (дата обращения: 15.07.2026).
7. Казанцев Д. А. Правовые механизмы распределения ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта. // Journal of Digital Technologies and Law. 2025. № 3(3). С. 446-471.
8. Киселев А. С. Перспективы и риски использования искусственного интеллекта в сфере правовой аналитики и правотворческой деятельности. // Lex russica. 2025. № 78(6). С. 127-143.
9. Лагаева В. П. Технологическая нейтральность принципов государственного контроля (надзора) // Аграрное и земельное право. 2024. №10 (238). С. 120-121.
10. Липчанская М. А., Чаннов С. Е., Чурикова А. Ю. Риски использования цифровых технологий в деятельности органов местного самоуправления. // Правоприменение. 2024. №3. С. 82-91.
11. Надзор выходит на интеллектуальный уровень / Аналитический центр при Правительстве РФ. 01 декабря 2025. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ac.gov.ru/news/page/nadzor-vyhodit-na-intellektualnyj-uroven-28266> (дата обращения: 28.05.2026).
12. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 17.04.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 31.07.2020.
13. О государственной информационной системе «Типовое облачное решение по автоматизации контрольной (надзорной) деятельности: Постановление Правительства РФ от 21.04.2018 № 482 (ред. от 10.05.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 25.04.2018.
14. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Российская газета. № 165. 2006.
15. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52. Ст. 6249.

16. Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации, федеральных территорий и муниципальных образований: Федеральный закон от 07.02.2011 № 6-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Российская газета. № 29. 2011.

17. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 26.06.2026) // Российская газета. № 165. 2006.

18. Омелехина Н. В. Цифровое прочтение принципов финансового права: к постановке проблемы исследования // Финансовое право. 2022. № 5. С. 9-11.

19. Понкин И. В. К вопросу о недостатках и рисках внедрения и применения цифровых инструментов в государственном управлении // Государственная служба. 2024. № 4 (150). С. 76-82.

20. Фисенко О. В., Юраш Ю. С., Сафаргалина Э. И. Что такое алгоритм? // The Scientific Heritage. 2020. №5 7-2. С.46-48.

21. Fredkin, E. An Introduction to Digital Philosophy. // International Journal of Theoretical Physics. 2003. Vol. 42. № 2. P. 189-241.

22. Wolfram, S. A New Kind of Science. Champaign, IL: Wolfram Media, 2002. 1192 p.

23. Zuse, K. Rechnender Raum = Calculating Space. Braunschweig : Vieweg & Sohn, 1969. 74 p.

Digital algorithms of state and municipal control and supervision as a risk for business entities: legal aspects

Usoltseva N.A., Usoltsev Yu.M.

Surgut State University

Digitalization of state and municipal control and supervision is not just a conversation about convenience for officials conducting appropriate procedures, it is a conversation, including about the risks for those entities that fall under control and supervisory measures. And such subjects are now subjects of entrepreneurial activity. Digital algorithms are the basis of all digitalization processes and, accordingly, the basis for decision-making within the framework of control and supervisory measures. And now we have reached a turning point when digital algorithms will become independent subjects of control and supervisory measures in relation to business entities. In such a situation, it is natural to ask about the risks that business entities face in such a situation and about the legal status of the digital algorithm itself. The main part of the article examines the issues of the concept of a digital algorithm and its status, determining its meaning in the context of a legal category. The inclusion of digital algorithms in the procedures and processes of state and municipal control and supervision is assessed. The main question is revealed – what risks do business entities face when conducting state and municipal control and supervision activities based on a digital algorithm. As a result of the study, it is concluded that it is necessary to determine the status of the digital algorithm when conducting control and supervisory measures at the regulatory and legal level and protecting the rights of business entities.

Keywords: digital algorithms, state and municipal control and supervision, entrepreneurial activity, risks of business entities, digitalization of state and municipal control and supervision.

References

1. Agamagomedova S. A. State control and supervision in the context of digitalization of the economy. // Bulletin of UNN. 2020. No. 3. pp. 79-85.
2. Antropitseva I. O. Legal regulation of public financial control. Moscow: Statut, 2024. 254 p.
3. Biryukov O. N., Khasanov N. A. On the methodology for defining the basic concepts of the theory of algorithms. // Modern European Researches. 2021. No. 2-1. pp. 58-65.
4. Departmental project of the Ministry of Finance of the Russian Federation "Electronic SMART control (controlling) and accounting of public finances for management decisions 2022-2027" (Direction (subprogram) "Improving the quality of budget process management and the efficiency of public finance management") [Electronic resource]. Available at: https://minfin.gov.ru/ru/performance/projects/electronic_SMART_control (Accessed: June 18, 2026).
5. Gadzhieva M. Technology is in the Game: Regulatory Agencies Are Cutting Staff Due to the Introduction of AI and Drones: How This Affects Business and Who Is Replacing Inspectors. March 17, 2026. [Electronic resource]. Available at: <https://iz.ru/2060387/milana-gadzhieva/delo-u-tekhnik-kontrolnye-vedomstva-sokrashchayut-shtat-iz-za-vnedreniya-ii-i-dronov> (Accessed: May 28, 2026).
6. Bill No. 1271570-8 "On Supporting the Development of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation." [Electronic resource]. Access mode: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1271570-8> (date accessed: 15.07.2026).
7. Kazantsev D. A. Legal mechanisms for distributing liability for damage caused by artificial intelligence systems. // Journal of Digital Technologies and Law. 2025. No. 3 (3). pp. 446-471.
8. Kiselev A. S. Prospects and risks of using artificial intelligence in the field of legal analytics and lawmaking. // Lex russica. 2025. No. 78 (6). pp. 127-143.
9. Lagaeva V. P. Technological neutrality of the principles of state control (supervision) // Agrarian and land law. 2024. No. 10 (238). pp. 120-121.
10. Lipchanskaya M. A., Channov S. E., Churikova A. Yu. Risks of Using Digital Technologies in the Activities of Local Governments. // Law Enforcement. 2024. No. 3. pp. 82-91.
11. Supervision is Reaching an Intelligent Level / Analytical Center under the Government of the Russian Federation. December 1, 2025. [Electronic resource]. Available at: <https://ac.gov.ru/news/page/nadzor-vyhodit-na-intellektualnyj-uroven-28266> (accessed: May 28, 2026).
12. On state control (supervision) and municipal control in the Russian Federation: Federal Law of July 31, 2020 No. 248-FZ (as amended on April 17, 2026) // Official Internet Portal of Legal Information www.pravo.gov.ru, July 31, 2020.
13. On the state information system "Standard cloud solution for automation of control (supervisory) activities: RF Government Resolution of April 21, 2018 No. 482 (as amended on May 10, 2026) // Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru>, April 25, 2018.
14. On personal data: Federal Law of 27.07.2006 No. 152-FZ (as amended on 24.06.2025) // Rossiyskaya Gazeta. No. 165. 2006.
15. On the protection of the rights of legal entities and individual entrepreneurs in the implementation of state control (supervision) and municipal control: Federal Law of 26.12.2008 No. 294-FZ (as amended on 29.12.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2008. No. 52. Art. 6249.
16. On the General Principles of the Organization and Activities of Audit Bodies of the Subjects of the Russian Federation, Federal Territories, and Municipalities: Federal Law of February 7, 2011 No. 6-FZ (as amended on December 28, 2025) // Rossiyskaya Gazeta. No. 29. 2011.
17. On Information, Information Technologies, and Information Protection: Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ (as amended on June 26, 2026) // Rossiyskaya Gazeta. No. 165. 2006.
18. Omelyokhina N.V. Digital Reading of the Principles of Financial Law: Toward a Research Problem Statement // Financial Law. 2022. No. 5. pp. 9-11.
19. Ponkin, I. V. "On the Disadvantages and Risks of Implementing and Using Digital Tools in Public Administration." Public Service. 2024. No. 4 (150). pp. 76-82.
20. Fisenko, O. V., Yurash, Y. S., Safargalina, E. I. "What is an Algorithm?" The Scientific Heritage. 2020. No. 5, 7-2, pp. 46-48.
21. Fredkin, E. "An Introduction to Digital Philosophy." International Journal of Theoretical Physics. 2003. Vol. 42, No. 2, pp. 189-241.
22. Wolfram, S. "A New Kind of Science." Champaign, IL: Wolfram Media, 2002. 1192 p.
23. Zuse, K. Rechnender Raum = Calculating Space. Braunschweig: Vieweg & Sohn, 1969. 74 p.

Добросовестное приобретение культурных ценностей на художественном рынке: опыт России и Испании

Черкашина Анастасия Васильевна

директор по правовым вопросам Частного учреждения «Музей изобразительных искусств АЗ», cav@museum-az.com

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу защиты добросовестного приобретателя культурных ценностей на художественном рынке в праве России и Испании. Показано, что российское гражданское законодательство не содержит специального регулирования добросовестного приобретения культурных ценностей: соответствующие отношения охватываются общими нормами о виндикации и приобретательной давности, а единственный ранее действовавший компенсационный механизм для добросовестного приобретателя утратил силу в 2017 году. Испанское право дифференцирует объём защиты приобретателя в зависимости от способа выбытия вещи из владения собственника и канала её приобретения, что подтверждается практикой Верховного суда Испании и особым более либеральным по отношению к владельцу режимом приобретательной давности в Каталонии. Отдельно рассмотрено дело *Cassirer v. Thyssen-Bornemisza Collection Foundation* как иллюстрация практического применения испанских норм о приобретательной давности в трансграничном споре.

Ключевые слова: добросовестное приобретение, культурные ценности, виндикация, приобретательная давность, Испания, коллизионное право.

Введение

Проблема соотношения интересов первоначального собственника и добросовестного приобретателя вещи восходит к максиме *nemo plus iuris ad alium transferre potest quam ipse habet* (никто не может передать другому больше прав, чем имеет сам): лицо, получившее вещь от несобственника, само не приобретает права собственности на нее и потому не может передать его дальше, сколь бы добросовестным ни был приобретатель. Последовательное применение рассматриваемого принципа означало бы, что вещь может быть истребована законным собственником у любого её владельца независимо от числа предшествующих сделок, а значит, ни один приобретатель никогда не мог бы быть уверен в окончательности своего приобретения. Поскольку такая неопределённость подрывала бы имущественный оборот, большинство правопорядков ограничивает право собственника на истребование вещи в пользу добросовестного приобретателя. Такой подход последовательно применяется к рядовым движимым вещам, однако как обстоят дела с культурными ценностями?

Критерий добросовестности работает в тех случаях, когда есть возможность ознакомиться с полной цепочкой собственников. Провенанс произведения на практике часто трудно восстановить, вследствие чего фактически любой приобретатель может объявить себя добросовестным³³.

Из этого, казалось бы, напрашивается очевидный вывод — сузить защиту приобретателя и расширить право собственника на истребование вещи. Однако это приведет к дисфункции легального рынка предметов искусства: если вероятность того, что купленное произведение придётся вернуть первоначальному владельцу, становится слишком высокой, рациональный участник рынка либо вообще откажется от сделки, либо потребует цену, условия кредита и страхования, отражающие этот риск, что на практике равносильно исключению соответствующих сделок из легального оборота. Вопрос в том, где должен проходить баланс между этими интересами.

Выбор Испании в качестве объекта сравнения обусловлен рядом методологических причин. Во-первых, испанский законодатель, в отличие от российского, прямо дифференцирует объём защиты приобретателя в зависимости от обстоятельств выбытия вещи из владения собственника и канала её приобретения, что позволяет проверить, как выглядит содержательная альтернатива единообразному российскому подходу. Во-вторых, испанская судебная практика по этому вопросу не является застывшей: в январе 2025 года Верховный суд Испании вынес решение, прямо касающееся добросовестного приобретения похищенного произведения искусства, — материал, который ранее не вводился в российский научный оборот. Наконец, именно от применения испанского материального права зависел исход одного из самых резонансных трансграничных споров о культурных ценностях последних лет — дела *Cassirer v. Thyssen-Bornemisza Collection Foundation* (см. далее).

1. Опыт России

³³ Financial Action Task Force (FATF). Money Laundering and Terrorist Financing in the Art and Antiquities Market. Paris: FATF, 2023. URL: [https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/reports/Money-](https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/reports/Money-Laundering-Terrorist-Financing-Art-Antiquities-Market.pdf.coredownload.pdf)

[Laundering-Terrorist-Financing-Art-Antiquities-Market.pdf.coredownload.pdf](https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/reports/Money-Laundering-Terrorist-Financing-Art-Antiquities-Market.pdf.coredownload.pdf) (дата обращения: 02.06.2026).

Российское гражданское право не содержит специального регулирования добросовестного приобретения культурных ценностей (см. общий обзор оборота культурных ценностей: Богуславский, 2012). Оно охватывается общими правилами об истребовании имущества от добросовестного приобретателя (ст. 302 ГК РФ³⁴). Собственник вправе истребовать вещь у добросовестного приобретателя при возмездном приобретении, если она была похищена, утеряна или иным образом выбыла из его владения или из владения лица, которому имущество было передано собственником, помимо их воли; при безвозмездном приобретении — во всех случаях. Единственное изъятие ст. 302 ГК РФ (деньги и предъявительские ценные бумаги) к культурным ценностям неприменимо (Скловский, 2023).

Узкое исключение, прямо касающееся культурных ценностей, установлено лишь для одной из их категорий: в силу п. 3 ст. 49 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ³⁵ археологические предметы признаются государственной собственностью независимо от обстоятельств обнаружения, что исключает саму возможность их добросовестного приобретения частным лицом. За пределами этой узкой категории, то есть применительно к абсолютному большинству предметов художественного рынка, специального регулирования не существует.

Дополнительным основанием легитимации добросовестного владения выступает приобретательная давность: лицо, добросовестно, открыто и непрерывно владеющее движимым имуществом как своим в течение пяти лет, приобретает на него право собственности³⁶ (ст. 234 ГК РФ). В отличие от испанского регулирования (см. далее), российская приобретательная давность не знает «безусловного» срока для недобросовестного владельца: добросовестность требуется на протяжении всего пятилетнего срока, а её отсутствие или последующая утрата исключает применение данного института (см. подробнее: Рудоквас, 2011). Иными словами, с помощью института приобретательной давности в Российской Федерации нельзя превратить в собственника вещи лицо, которое заведомо знало о порочности своего приобретения, в отличие от испанского права, которое в известных пределах это допускает.

Единственный в российском праве компенсационный механизм для добросовестного приобретателя культурных ценностей существовал ранее и более не действует: ст. 43 Закона РФ от 15.04.1993 № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» предусматривала выплату справедливой компенсации добросовестному приобретателю незаконно ввезённых, похищенных или утерянных культурных ценностей при их возврате законному собственнику, но лишь по требованию государства — участника обязывающего Россию международного соглашения либо на началах взаимности. Федеральным законом от 28.12.2017 № 435-ФЗ данная статья признана утратившей силу. Действующая редакция закона (ст. 37) какого-либо компенсационного механизма не предусматривает³⁷.

Отдельно отметим, что лицо, которое считает себя законным собственником имущества, не может применить в отношении добросовестного приобретателя механизм реституции по ст. 167 ГК РФ, так как, если у продавца объективно отсутствуют права на отчуждение вещи (то есть он не является собственником), возврат имущества осуществляется по правилам о виндикации на основании ст. 302 ГК РФ³⁸.

Таким образом, согласно действующему законодательству РФ, произведение искусства, прошедшее через цепочку сделок, защищается не лучше и не хуже любой иной движимой вещи: уникальность, культурная и историческая значимость объекта на объём прав собственника никак не влияют.

2. Опыт Испании

Статья 464 ГК Испании³⁹ устанавливает следующее:

Владение движимыми вещами, которое приобретено добросовестно, приравнивается к праву собственности. Однако лицо, которое утратило движимую вещь или было лишено этой вещи незаконным путем, имеет право истребовать ее у лица, которое ей владеет.

Если владелец движимой вещи, которая утрачена или похищена, приобрел ее добросовестно на публичных торгах, собственник не имеет права вернуть ее, не возместив цену, уплаченную за вещь.

Равным образом собственник вещей, которые заложены в ломбардах, созданных с разрешения Правительства, не имеет права вернуть их, независимо от того, каким лицом они были заложены, не возместив предварительно соответствующему учреждению сумму залога и начисленные проценты.

К вещам, приобретенным на бирже, ярмарке или рынке либо у профессионального торговца, занимающегося торговлей аналогичными предметами, применяются положения Торгового кодекса.

Из содержания статьи следует, что лицо, добросовестно получившее движимую вещь во владение, пусть даже от лица, не имевшего права на её передачу, становится собственником этой вещи. Вместе с тем при утрате или похищении вещи собственник вправе истребовать её у любого владельца независимо от добросовестности последнего. Данное правило не распространяется на движимые вещи, приобретённые на публичных торгах или заложенные в ломбардах. Если же вещь приобретена на бирже, ярмарке, рынке или у профессионального торговца, применяется торговое право, устанавливающее более строгий режим защиты покупателя.

Испанский законодатель, таким образом, дифференцирует объём защиты приобретателя в зависимости от того, каким путём вещь попала к новому владельцу: от полного права собственника вернуть незаконно выбывшую из его владения вещь до практической неопровержимости права добросовестного приобретателя. Это одно из

³⁴Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. Ст. 302.

³⁵ Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 26. Ст. 2519. Ст. 49. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 17.06.2026).

³⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. Ст. 234.

³⁷ Закон РФ от 15.04.1993 № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 20. Ст. 718. Ст. 43 признана утратившей силу Федеральным законом от

28.12.2017 № 435-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в сферах вывоза и ввоза культурных ценностей и архивного дела» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 1 (часть I). Ст. 19. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1905/ (дата обращения: 17.06.2026).

³⁸ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.01.2024 № 16-КГ23-68-К4 (УИД 34RS0012-01-2021-001644-66). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³⁹ Código Civil, de 24 de julio de 1889 (texto consolidado). Art. 464, 1955. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1889-4763> (дата обращения: 20.06.2026).

принципиальных отличий от российской модели, в которой, как было отмечено ранее, единственное изъятие из общего подхода связано с деньгами и предъявительскими ценными бумагами.

Судебная практика подтверждает применение статьи 464 ГК Испании к культурным ценностям. В январе 2025 года Верховный суд Испании вынес решение № 76/2025 от 14 января 2025 года⁴⁰ по следующему спору: мадридская галерея Sansebi Enterprise в 2009 году купила на аукционе во Франции картину «A la Basía de Oro» художника Хуана Пабло Салинаса Теруэля за 23 110 евро и потратила ещё 696 евро на её реставрацию. Когда галерея попыталась перепродать картину на аукционе в Мадриде, полиция установила, что именно она была похищена ещё в 2006 году из дома прежнего владельца, и картина была изъята. Галерея не стала требовать картину обратно — она потребовала от наследников прежнего владельца возместить уплаченные 23 806 евро, сославшись на ст. 464 ГК Испании. Суд первой инстанции отказал: раз наследники сами картину не требуют, а лишь временно хранят её по решению суда в рамках уголовного дела, возмещать нечего. Апелляционная инстанция иск удовлетворила. Верховный суд в итоге встал на сторону наследников: по его мнению, право на возмещение цены возникает только тогда, когда собственник сам требует вещь обратно, а наследники такого требования никогда не заявляли.

Обратимся также к статье 1955 ГК Испании, посвящённой приобретательной давности:

Право собственности на движимые вещи приобретается при добросовестном владении в течение трёх лет непрерывно.

Право собственности на движимые вещи приобретается также при непрерывном владении в течение шести лет — без необходимости соблюдения каких-либо иных условий.

Что касается права собственника истребовать утраченную движимую вещь или движимую вещь, которой он был лишен незаконным путем, а также вещей, приобретенных на публичных торгах, бирже, ярмарке или рынке, либо у профессионального торговца, занимающегося торговлей аналогичными предметами, то применяются положения статьи 464 настоящего Кодекса.

Стоит обратить внимание на второй абзац рассматриваемого законодательного положения: испанский законодатель допускает приобретение права собственности на движимую вещь и для недобросовестного владельца, если истёк более длительный шестилетний срок. Такого «безусловного» давностного пути российское право не знает вовсе.

Согласно п. 3 ст. 28 Закона 16/1985 об испанском историческом наследии⁴¹, к движимым вещам, входящим в состав испанского исторического наследия, не применяются ни при каких обстоятельствах положения ст. 1955 ГК Испании о приобретательной давности. Это еще одно от-

личие от российского законодательства, в котором отсутствует норма, прямо устанавливающая запрет на приобретение памятников истории и культуры по давности владения. В единственной монографии по теме отмечается скудость судебной практики за пределами дел о церковном имуществе (Anguita Villanueva, 2022).

Особый режим, действующий в Каталонии

На основании пп. 8 п. 1 ст. 149 Конституции Испании⁴² Автономное сообщество Испании Каталония имеет собственные нормативные акты, регулирующие гражданско-правовые отношения. В частности, в Пятой книге Гражданского кодекса Каталонии⁴³ (Llibre cinquè del Codi civil de Catalunya, Закон 5/2006 от 10 мая), речь идет о вещных правах⁴⁴.

Приобретательная давность в отношении движимых вещей урегулирована ст. 531-23 – 531-29 Гражданского кодекса Каталонии. Срок совпадает с общеиспанским — три года (ст. 531-27). Однако сама конструкция принципиально иная: владение должно быть публичным, спокойным и непрерывным, но, в отличие от ст. 464 и 1955 ГК Испании, не требует ни добросовестности, ни правового основания («титула») (ст. 531-24). Более того, для похищенных или присвоенных вещей течение этого срока вообще не начинается, пока не истекла давность привлечения к ответственности за само хищение (ст. 531-27).

Иными словами, для одной и той же категории вещей в пределах одного государства действуют два разных правовых регулирования: там, где общеиспанское право использует добросовестность как содержательный фильтр между добросовестным и недобросовестным приобретателем, каталонское право отказывается от этого фильтра вовсе, полагаясь исключительно на факт непрерывного открытого владения в течение установленного срока.

Каталонское регулирование при этом не дополняет общеиспанское, а замещает его. Учитывая то, что ГК Испании применяется в Каталонии лишь subsidiarily (ст. 111-5 Гражданского кодекса Каталонии), а вопрос приобретательной давности движимых вещей исчерпывающе урегулирован каталонским кодексом, нормы ст. 464 и 1955 ГК Испании для этой категории вещей на территории Каталонии попросту неприменимы.

3. Дело Cassirer v. Thyssen-Bornemisza

Дело Cassirer v. Thyssen-Bornemisza Collection Foundation⁴⁵ — случай, когда исход громкого судебного спора о культурной ценности зависел от содержания испанского гражданского законодательства, при том что рассматривался судами иностранного государства.

Картина Камилля Писсарро, отобранная нацистскими властями у семьи Кассирер в Германии в 1939 г., в 1976 г. была приобретена бароном Тиссен-Борнемисой и в 1993 г. перешла фонду, контролируруемому Испанией. Наследники предъявили иск в суд Калифорнии: по праву штата Калифорния похититель картины не мог передать право

⁴⁰ Sentencia del Tribunal Supremo (Sala de lo Civil), núm. 76/2025, de 14 de enero de 2025. Ponente: José Luis Seoane Spiegelberg. Recurso de casación e infracción procesal núm. 6053/2019. ECLI: ES:TS:2025:209. Procedencia: Audiencia Provincial de Alicante, Sección 9.ª URL: <https://vlex.es/vid/1068560496> (дата обращения: 20.06.2026).

⁴¹ Ley 16/1985, de 25 de junio, del Patrimonio Histórico Español // Boletín Oficial del Estado. 1985. № 155. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1985-12534> (дата обращения: 21.06.2026).

⁴² Constitución Española, de 27 de diciembre de 1978 // Boletín Oficial del Estado. 1978. № 311. Art. 149.1.8ª. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1978-31229> (дата обращения: 21.06.2026).

⁴³ Каталония не единственная территория с собственным регулированием вещных прав — сопоставимую по глубине кодификацию имеет Наварра. Однако для целей настоящего сравнения избран каталонский пример как наиболее детально разработанный и содержащий прямую, текстуально явную отсылку к своей несовместимости с общеиспанским режимом в части вещных прав (ст. 111-5 Гражданского кодекса Каталонии).

⁴⁴ Llei 5/2006, del 10 de maig, del llibre cinquè del Codi civil de Catalunya, relatiu als drets reals // Diari Oficial de la Generalitat de Catalunya, 24.05.2006. Art. 531-24. URL <https://portaljuridic.gencat.cat/ca/document-del-pjur/?documentId=422359> (дата обращения: 21.06.2026).

⁴⁵ Cassirer v. Thyssen-Bornemisza Collection Foundation, 596 U.S. 391 (2022).

собственности на неё третьему лицу, тогда как по испанскому праву фонд стал собственником картины в силу приобретательной давности — непрерывного добросовестного владения свыше трёх лет (ст. 1955 ГК Испании). Апелляционный суд девятого округа в решении от 9 января 2024 г. применил испанское материальное право и счёл переход права собственности к фонду состоявшимся⁴⁶.

Этим дело не закончилось. В марте 2025 г. Верховный суд США отменил данное решение и вернул дело на новое рассмотрение⁴⁷ с учётом принятого тем временем калифорнийского закона Assembly Bill № 2867, прямо предписывающего применять калифорнийское, а не иностранное право к искам о возврате имущества, утраченного в результате Холокоста или политических преследований⁴⁸. Девятый апелляционный округ, в свою очередь, в апреле 2025 г. направил дело в окружной суд для нового рассмотрения с учётом данного закона⁴⁹. На момент подготовки настоящей статьи (август 2026 г.) дело остаётся на рассмотрении окружного суда, а вопрос о том, испанское или калифорнийское право в конечном счёте определит судьбу картины, окончательно не решён. Дело показывает, что даже там, где применимое материальное право проработано детально, коллизонная неопределённость способна обесценить любой промежуточный результат: решение, констатирующее переход права собственности по нормам одного правопорядка, может быть пересмотрено вследствие последующего изменения подхода к выбору применимого права, — обстоятельство, заслуживающее отдельного исследования и выходящее за рамки настоящего сравнения материально-правового регулирования.

Закключение

Проведённое сопоставление российского и испанского регулирования добросовестного приобретения культурных ценностей позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, российское гражданское право не признаёт культурную значимость вещи юридически значимым фактором при определении объёма защиты добросовестного приобретателя: применяются общие правила о виндикации (ст. 302 ГК РФ) и приобретательной давности (ст. 234 ГК РФ), а единственное специальное изъятие касается лишь археологических предметов. Ранее существовавший компенсационный механизм для добросовестного приобретателя незаконно ввезённых культурных ценностей отменён Федеральным законом от 28.12.2017 № 435-ФЗ и в действующей редакции закона не восстановлен.

Во-вторых, испанское право строит принципиально иную, дифференцированную систему защиты: объём прав добросовестного приобретателя движимой вещи по ст. 464 ГК Испании зависит от того, была ли вещь похищена или утрачена, приобретена ли она на публичных торгах, у профессионального торговца либо иным образом, а приобретательная давность, в отличие от российской, допускает по истечении шестилетнего срока легитимацию владения даже недобросовестного приобретателя — конструкции, которой российское право не знает вовсе.

Каталонский региональный режим идёт ещё дальше, отказываясь от критерия добросовестности как такового в пользу чисто владельческой давности.

В-третьих, практика Верховного суда Испании и дело *Cassirer v. Thyssen-Bornemisza Collection Foundation* показывают, что нормы о приобретательной давности и добросовестном владении не декларативны, а реально применяются судами, в том числе в спорах с высокой ценой вопроса и трансграничным элементом.

Соответственно, российскому законодателю есть на что ориентироваться при возможной ревизии подходов к обороту культурных ценностей. Вопрос о целесообразности дифференцированного регулирования, в частности, о восстановлении компенсационного механизма для добросовестного приобретателя либо о введении специальных правил для культурных ценностей по аналогии с испанским опытом, требует отдельного самостоятельного исследования.

Литература

1. Богуславский М.М. Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 416 с.
2. Рудоквас А.Д. Спорные вопросы учения о приобретательной давности: монография. М.: Закон, 2011. 303 с.
3. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 6-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2023. 895 с.
4. Anguita Villanueva L.A. Adquisición a non domino de bienes culturales muebles en el Derecho español. Madrid: Editorial Reus, 2022. 140 p.

Good faith acquisition of cultural property in the art market: the experience of Russia and Spain

Cherkashina A.V.

AZ Museum (private institution)

The article offers a comparative legal analysis of the protection afforded to a good faith acquirer of cultural property in the art market under Russian and Spanish law. It shows that Russian civil legislation contains no special regulation of the good faith acquisition of cultural property: the relevant relations are governed by the general rules on vindication and acquisitive prescription, while the only compensation mechanism for a good faith acquirer was repealed in 2017. Spanish law differentiates the scope of the acquirer's protection depending on how the thing left the owner's possession and the channel through which it was acquired, as confirmed by the case law of the Spanish Supreme Court and by Catalonia's distinct, more acquirer-friendly regime of acquisitive prescription. The *Cassirer v. Thyssen-Bornemisza Collection Foundation* case is examined separately as an illustration of the practical application of Spanish rules on acquisitive prescription in a cross-border dispute.

Keywords: good faith acquisition, cultural property, vindication, acquisitive prescription, Spain, conflict of laws.

References

1. Anguita Villanueva, L.A. (2022) Adquisición a non domino de bienes culturales muebles en el Derecho español. Madrid, Editorial Reus.
2. Boguslavsky, M.M. (2012) Kulturnye tsennosti v mezhdunarodnom oborote: pravovye aspekty [Cultural property in international circulation: legal aspects]. 2nd ed. Moscow, Norma, INFRA-M.
3. Rudokvas, A.D. (2011) Spornye voprosy ucheniya o priobretatelnoy davnosti [Disputed questions of the doctrine of acquisitive prescription]: monograph. Moscow, Zakon.
4. Sklovsky, K.I. (2023) Sobstvennost v grazhdanskom prave [Property in civil law]. 6th ed. Moscow, Statut.

⁴⁶ David Cassirer, et al. v. Thyssen-Bornemisza Collection Foundation, 89 F.4th 1226 (9th Cir. 2024).

⁴⁷ Cassirer v. Thyssen-Bornemisza Collection Foundation, No. 24-652, 2025 WL 746324 (U.S. Mar. 10, 2025) (mem.) (granting certiorari, vacating judgment, and remanding for further consideration in light of Assembly Bill No. 2867).

⁴⁸ Assembly Bill No. 2867, Reg. Sess. (Cal. 2024). URL: https://leginfo.ca.gov/faces/billTextClient.xhtml?bill_id=20230240AB2867 (дата обращения: 25.06.2026).

⁴⁹ David Cassirer, et al. v. Thyssen-Bornemisza Collection Foundation, No. 19-55616 (9th Cir. Apr. 30, 2025) (order granting motion for remand to the district court).

Охрана общественных интересов на стадии регистрации товарного знака

Шатерников Иван Александрович

студент, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), shaternikov.ivan@yandex.ru

В статье исследуются правовые механизмы охраны общественных интересов на стадии регистрации товарного знака в российском праве. Автор исходит из того, что исключительное право на товарный знак не может быть безграничным, поскольку частные интересы правообладателя должны уравниваться интересами общества. В работе анализируются положения ст. 1483 Гражданского кодекса РФ, а также доктринальные и правоприменительные подходы к разграничению абсолютных и относительных оснований для отказа в регистрации. Показывается, что реальная охрана публичных интересов обеспечивается прежде всего абсолютными основаниями, тогда как относительные основания направлены на защиту частных интересов конкретных правообладателей и ограничены процессуальными сроками и условиями оспаривания. Особое внимание уделяется проблемам правоприменения: доказыванию приобретённой различительной способности, оценке способности обозначения вводить потребителя в заблуждение, а также толкованию запрета на регистрацию обозначений, противоречащих общественным интересам, принципам гуманности и морали. На основе сравнения с подходами ЕС и США выявляются отдельные пробелы российского законодательства, в частности в части функциональных обозначений и защиты общественного достояния. В заключении обосновывается необходимость расширительного толкования нормы о противоречии общественным интересам для восполнения пробелов иных оснований для отказа. Сделан вывод, что абсолютные основания выступают главным инструментом балансировки частных и публичных интересов на стадии приобретения исключительного права на товарный знак.

Ключевые слова: товарный знак; общественные интересы; индивидуализация товаров; абсолютные основания для отказа; относительные основания для отказа; регистрация товарного знака; различительная способность; описательные обозначения; ложные обозначения; баланс частных и публичных интересов.

Введение

В разных странах с развитием представления о товарных знаках пришли к единой позиции, что исключительное право владельца не может быть безграничным и монопольным, так как в этом случае интересы одного лица сильно перевешивают интересы общества, поэтому в нормативных актах отражены схожие механизмы охраны, связанные не только с очерчиванием пределов использования и защиты товарного знака, но и с существованием барьеров до приобретения товарного знака применительно к лицу, способному обладать таким правом, а также требования к самому обозначению.

Обсуждение. В ст. 1477 и 1484 ГК РФ [1] прямо указано, что исключительное право на товарный знак удостоверяется свидетельством и принадлежит только лицу, на имя которого он зарегистрирован. Это положение, в отличие от американской системы, исключает из-под правовой охраны обозначения, хотя и получившие известность в результате их использования и указывающие на конкретного пользователя, но не прошедшие формальную процедуру. Это может привести к злоупотреблениям действиями третьих лиц, которые регистрируют такие знаки и, благодаря наличию исключительного права, могут вытеснять первоначальных производителей и пользоваться их репутацией и узнаваемостью обозначения. В данной ситуации защита представляется возможной только в рамках антимонопольного права либо путем аннулирования регистрации товарного знака в Роспатенте со своими сложностями в доказывании необходимых обстоятельств.

Тем не менее сама такая система определяет барьеры в целях охраны равновесия интересов на стадии приобретения исключительного права, которые предусмотрены ст. 1483 ГК РФ и именуются основаниями для отказа в государственной регистрации товарного знака. Они построены на возможности выполнения заявленным обозначением своей основной функции – индивидуализации товаров конкретного лица: товарный знак позволяет отличать товары одного производителя от другого [2].

Хотя это прямо не предписано законодателем, в отечественной доктрине и практике аналогично зарубежным представлениям все основания для отказа разделяют на относительные и абсолютные, причем такое разделение зачастую обосновывается тем, чьи интересы охраняет соответствующее положение. Так, например, Суд Европейского союза (СЕС) в кейсе BGW констатировал, что относительные и абсолютные основания для отказа в регистрации преследуют разные цели и предназначены для защиты различных интересов – общий интерес абсолютных оснований заключается в свободном использовании описательных знаков всеми продавцами, а также связан с основной функцией знака в гарантировании потребителю происхождения товара, исключая смешение, в то время как относительные основания касаются случаев, когда знак не является новым из-за вероятности смешения с более ранними знаками, поэтому, несмотря на очевидную связь с указанием на происхождение товарного знака, они защищают индивидуальные интересы владельцев этих знаков [3].

Относительные основания также косвенно затрагивают защиту интересов потребителя, так как их конечной целью является предотвращение введения в заблуждение, однако указанная позиция европейского суда видится нам справедливой и для российского правопорядка ввиду следующего.

Во-первых, данные нормы запрещают лишь регистрацию, но не использование обозначений, схожих с более ранними товарными знаками, что не может остановить от случайного или намеренного совпадения в обороте знаков на однородных товарах, поэтому общественный интерес в отсутствии у потребителя смешения осуществляется здесь именно посредством правоохранительных норм.

Во-вторых, в ст. 1499 ГК РФ прямо указано, что Роспатент в ходе проведения экспертизы заявленного знака не проверяет его на соответствие положениям подп. 2 п. 7, п. 8, подп. 1-2 п. 9 ст. 1483 ГК РФ без обращения заинтересованных лиц – все они представляют собой относительные основания для отказа.

Наконец, в-третьих, в случае регистрации обозначения, совпадающего с более ранними охраняемыми знаками, срок оспаривания ограничен пятью годами с момента регистрации (подп. 2 п. 2 ст. 1512 ГК РФ), а заинтересованность лица в аннулировании такого товарного знака исходя из текста ст. 1513 ГК РФ понимается довольно узко и предполагает, что лицо, подавшее возражения, должно подтвердить, что у него есть более раннее право [4], тогда как оспаривание по любому из абсолютных оснований возможно на протяжении всего периода действия регистрации товарного знака, а заинтересованность лица, подавшего возражение, в таких случаях подлежит максимально широкому толкованию, поскольку данные основания направлены на защиту публичных интересов и недопущение необоснованной монополизации товарных знаков [5]. Помимо этого часть относительных оснований также может быть преодолена, если обладатель более раннего права на схожее обозначение даст свое согласие на регистрацию (п. 6, подп. 1 и 2 п. 9 и абз. 2 п. 10 ст. 1483 ГК РФ).

Таким образом, мы видим, что реальный механизм охраны публичных интересов на стадии регистрации товарного знака предусматривается лишь нормами, устанавливающими абсолютные основания для отказа, в то время как реализация относительных оснований ограничена действиями владельца более раннего права на схожее обозначение, следовательно, защищает в первую очередь его частные интересы. Перейдем далее к исследованию конкретных закрепленных в российском законе «отказов по существу», чтобы показать правовые конструкции, обеспечивающие публичный интерес.

Так, законом в целях охраны всевозможных общественных интересов предусматриваются разнообразные запреты на регистрацию обозначений, которые либо должны находиться в свободном использовании всеми для сохранения честной конкурентной борьбы, либо наоборот минимизированы в употреблении предпринимателями для предотвращения возможного ущерба третьим лицам.

В том случае, если знак в силу своих изначальных или приобретенных в ходе эксплуатации характеристик должен оставаться доступным для неограниченного числа пользователей, он не способен указывать на источник происхождения товаров или услуг одного лица, иначе возможность его регистрации затронула бы интересы как самих предпринимателей, так и потребителей, которые в таком случае столкнулись бы с неблагоприятными последствиями присутствия на рынке монополистов, определяющих удобные для себя цены и не заинтересованных в поддержании качества.

Например, в практике СИП отмечается, что ограничения, установленные п. 1 ст. 1483 ГК РФ, обусловлены прежде всего необходимостью защиты публичных интересов. Их применение направлено на предотвращение предоставления исключительного права на обозначения, которые не выполняют индивидуализирующую функцию

товарного знака либо в силу своего характера должны оставаться доступными для использования неопределенным кругом лиц, в частности для обозначения, описания или характеристики соответствующих товаров, а также указания на их форму и иные свойства [6].

Среди абсолютных оснований для отказа они выделяются тем, что составляют опровержимую презумпцию нерегистрируемости, которую заявитель может преодолеть, представив подтверждения, что они приобрели в результате использования различительную способность, то есть, если знак уже воспринимается потребителем как указание на товары конкретного изготовителя (например, «Х5» в отношении автомобилей для компании-производителя марки BMW). Следовательно, это положение является дополнительным механизмом балансировки частных и публичных интересов, который придает правовую значимость фактическому использованию обозначения в обороте при условии формирования стойкой ассоциации между товарным знаком и предпринимателем у потребителя, что может привести к введению в заблуждение, если оно будет использовано конкурентом.

В практике встречаются ситуации, при которых одно и то же обозначение может обладать несколькими смысловыми значениями, вследствие чего даже применительно к одним и тем же товарам оно в зависимости от контекста может признаваться регистрируемым либо не обладать различительной способностью. В данном случае необходимо разграничивать описательные обозначения и обозначения, которые посредством ассоциаций формируют в сознании потребителя представление о производимой продукции и которым может быть предоставлена правовая охрана, если для целевой группы потребителей требуется совершить дополнительные мыслительные операции, сделать определенные умозаключения или установить ассоциативные связи для того, чтобы прийти к описательной характеристике товара.

Например, СИП отверг заключение Роспатента о том, что товарный знак «PINZA» не может охранять товары «пицца; тесто для пиццы», проанализировав его переводы с итальянского языка и установив, что при наличии иных прямых значений этого слова оно не может ассоциироваться именно с наименованием итальянского блюда без дополнительных домысливаний [7]. Здесь уместно упомянуть цитату американского судьи Оливера Хэнда, который еще в 1923 г., определяя соотношение наводящих и описательных обозначений, отметил, что «действительность обозначения как товарного знака заканчивается там, где заканчивается намек (наводка) и начинается описание» [8, с 323].

Возвращаясь к упомянутым позициям зарубежных судов по этому вопросу, стоит отметить, что отечественный подход демонстрирует близость с правом США, которое в отличие от практики в ЕС допускает регистрацию знаков, имеющих несколько значений, из которых не все являются описательными, тем самым ограничивая абсолютность защиты публичных интересов соответствующего основания для отказа. Помимо этого европейское законодательство о товарных знаках предусматривает более широкую охрану общественных интересов, чем российское, и по проблеме регистрации функциональных обозначений, то есть, относящихся в большей степени к внешнему виду товара, его формы (подп. 4 п. 1 ст. 1483 ГК РФ).

Согласно подходу СЕС смысл функциональности состоит в запрете правовой охраны товарных знаков путем предоставления их владельцу монополии на технические решения или функциональные характеристики продукта, которые потребитель, вероятно, будет искать в продуктах конкурентов [9], поэтому положения Регламента ЕС со-

держат более широкое понимание функциональности товарных знаков, которая проявляется не только в форме, но и иных характеристиках, связанных со свойствами самого товара, техническим результатом (утилитарная функциональность), а также с приобретением товаром значительной ценности (эстетическая функциональность).

Так, если эстетическая ценность формы (или, по аналогии, другой характеристики) сама по себе может определять коммерческую ценность продукта и в значительной степени влиять на выбор потребителя, то регистрация товарного знака ЕС будет недопустима ввиду предоставления необоснованных конкурентных преимуществ одному лицу [10]. Суды в США также обеспечивают защиту публичных интересов посредством применения норм о пресечении недобросовестной конкуренции при использовании в качестве товарного знака обозначений, обладающих эстетической функциональностью [11], что российскому правопорядку на текущий момент фактически неизвестно.

Таким образом, мы видим, что нормы п. 1 ст. 1483 ГК РФ, охраняющие общественный интерес в свободном использовании всеми определенных обозначений, хотя и устанавливают широкий перечень оснований для отказа в регистрации, но допускают определенные пробелы в сравнении с передовыми доктринами зарубежного права.

С другой стороны, интересы третьих лиц обеспечиваются посредством ограничения регистрации знаков, употребление которых недопустимо в отношении конкретных категорий товаров, поскольку может вызвать у конечного потребителя ошибочное представление и увеличить издержки для потребительского выбора. Соответствующий запрет находит отражение в подп. 1 п. 3 ст. 1483 ГК РФ – согласно данной норме, не подлежат охране обозначения, которые целиком или в отдельных элементах несут в себе ложную информацию или способны ввести покупателя в заблуждение по поводу самого товара, его изготовителя либо места, где он был произведен.

Экспертиза таких обозначений, как и описательных, предполагает анализ семантического значения их элементов и установление смысла обозначения применительно к заявленным товарам. При этом даже ложная ассоциация обозначения с определенными услугами или товарами, если она не воспринимается потребителем как правдоподобная, придает ему фантазийный характер и не препятствует его регистрации.

Например, СИП решил, что обозначение «Vermilion» (при переводе на русский язык может означать ядовитое вещество киноварь) для испрашиваемых товаров, в том числе сигарет и пищевой продукции является фантазийным и не может вызвать правдоподобных ассоциаций о включении в состав этих товаров ядовитых веществ, так как соответствующая продукция запрещена к обороту, и средний российский потребитель, которому в том числе известна семантика слова «Vermilion», будет осознавать, что введенная в торговый оборот продукция пригодна к потреблению [12].

Исходя из представленного текста между тем можно отметить, что сложность применения данной группы отказов состоит также в том, что свойство способности введения в заблуждение этим товарным знаком может меняться не только в зависимости от товара, который он индивидуализирует, но и субъекта, который воспринимает этот знак на товаре. Все люди разные, обладают собственным жизненным путем и накопленными знаниями, а истина и ложь не представляют собой чистые бинарные категории, поэтому идентичное обозначение для одних будет иметь один смысл, для других – совершенно иной.

Практика российских судов в данном случае предписывает учитывать ассоциативные связи современного

российского среднего (рядового) потребителя – то есть целевой аудитории товаров, в отношении которых запрашивается правовая охрана заявляемого обозначения, при этом оценка проводится на дату обращения в Роспатент [13]. Несмотря на это само понятие среднего (рядового) потребителя является обобщенным, не учитывающим конкретный опыт человека, когда знак может передавать полезную информацию одним потребителям, вводя в заблуждение других, что можно увидеть на примере использования несколькими предпринимателями описательных терминов, приобретших различительную способность в результате действий одного из них (secondary meaning). Ребекка Тушнет справедливо замечает, что запрет использования обозначения, которое вводит в заблуждение 15% потребителей, но помогает 30%, может сделать рынок в целом менее эффективным, тогда как судебный запрет был бы оправдан, если бы проценты были обратными [14, с. 748].

С другой стороны выяснение такого соотношения восприятия потребителями товарного знака по отношению к каждому товару приведет к неразумным процессуальным издержкам, связанным с необходимостью каждый раз проводить длительные и дорогостоящие социологические опросы, поэтому в большинстве случаев суд оставляет данный вопрос на свое усмотрение, в редких случаях назначая по нему экспертизу, что может помешать установлению истинных ассоциативных связей рядового потребителя и обеспечению решением баланса частных и публичных интересов.

В этом же п. 3 ст. 1483 ГК РФ наряду с ложными знаками приведена другая категория обозначений, которые принципиально не должны употребляться для отличия любых товаров – так называемые «скандальные» знаки: противоречащие принципам морали, гуманности, а также общественным интересам.

Исходя из разъяснений, приведенных СИП [15], перечень публичных интересов, которые защищаются положением подп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ является открытым, и под данный общий запрет потенциально можно подвести любые спорные ситуации нарушения регистрации товарного знака конкретных прав третьих лиц, которые не охватываются диспозициями других специальных оснований для отказа, когда вред, причиняемый им, реально прогнозируем и разумно предполагаем.

В.А. Корнеев условно разделяет случаи подходящего применения указанной нормы на три группы, когда принципы морали, гуманности, а также общественные интересы нарушает: 1) обозначение само по себе в товарном знаке (без привязки к товарам и услугам); 2) ассоциация, которая вызывается обозначением в отношении определенных товаров (услуг); 3) сам факт приобретения товарного знака в отношении определенных товаров (услуг) [16, с. 93]. Именно третья группа случаев может являться тем инструментом, который обеспечивает необходимый баланс индивидуальных и общественных интересов при отсутствии причин для применения иных норм ГК РФ на стадии регистрации товарного знака.

Тем не менее сам правоприменитель ограничивает себя в подобной трактовке, заявляя в своих актах, что «указанная норма закона в качестве основания для отказа в предоставлении правовой охраны товарному знаку предусматривает противоречие общественным интересам самого обозначения, а не его регистрации за конкретным правообладателем, в отношении конкретных товаров, для которых испрашивается правовая охрана» [17]. В то же время вопреки сказанному он признает в других решениях противоречие общественным интересам факта регистрации за одним конкретным лицом воплощений стилистики «Гжель» [18] или изображения Георгиевской ленточки [19], объясняя это наличием исторической или

культурной ценности этих объектов для общества и государства, которые должны быть доступны не для отдельных индивидуумов, а для всех.

На наш взгляд, положение подп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ может применяться в более широких случаях, когда регистрация товарного знака может привести к ущемлению интересов неограниченного круга лиц, а другие способы защиты на данном этапе неуместны. Проводя аналогию с регистрацией товарного знака, воспроизводящего объект авторских прав, кажется справедливым не сужать использование данной нормы только к результатам народного творчества, а охватывать также защиту интересов неопределенного круга лиц на любые произведения, которые находятся в свободном доступе, например, перешедшие в режим общественного достояния.

Регистрация товарного знака на такое произведение, которое зачастую за свой срок охраны получило широкую известность, фактически приводит к ограничению прав всех третьих лиц на свободное использование доступного объекта, а правообладатель может получить конкурентную выгоду за счет чужой репутации. При этом специальная норма подп. 1 п. 9 ст. 1483 ГК РФ, охраняющая интересы правообладателя произведения, уже не может быть применена ввиду отсутствия у него на момент подачи заявки в Роспатент, как и у всех остальных лиц, исключительного права и, соответственно, заинтересованности в оспаривании по этому относительному основанию.

Помимо прочего, таким подателем заявки на регистрацию общественного достояния в качестве товарного знака может быть сам прежний правообладатель произведения, намеревающийся продлить свои полномочия путем приобретения другого режима охраны, что также представляется недопустимым ввиду целенаправленного ограничения законодателем срока охраны объектов авторского права в целях защиты интересов общества. Следовательно, норма о противоречии обозначения общественным интересам со своей максимально широкой оценкой заинтересованности в подаче возражений [20] остается единственным способом восстановления баланса частных и публичных интересов в этой ситуации.

Заключение. Подводя итог вышесказанному, главным инструментом охраны публичных интересов на этапе регистрации товарного знака выступает законодательное закрепление абсолютных оснований для отказа, которые в отличие от относительных оснований, защищающих преимущественно частные интересы конкретных владельцев, направлены на сохранение свободного употребления обозначений, необходимых для честной конкуренции, и получение всеми достоверной информации о продукции. Дополнительную гибкость системе придает общий запрет регистрации знаков, противоречащих общественным интересам, при расширительном толковании которого он способен эффективно пресекать необоснованное присвоение обозначений, восполняя пробелы иных специальных оснований для отказа.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Российская газета. – 2006. – № 289 (22 дек.). – Текст: непосредственный.
2. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 апреля 2012 г. № 16577/11 // «Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации». – 2012. – № 16577.
3. BGW Beratungs-Gesellschaft Wirtschaft mbH v Bodo Scholz (C-20/14) EU:C:2015:714. Para. 28 [Электронный ресурс]. // URL: <https://ipcuria.eu/case?reference=C-20%2F14> (дата обращения: 01.08.2026).
4. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 30.09.2025 № С01-1199/2025 по делу № СИП-121/2025 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.11.2020 № 300-ЭС20-12511 по делу № СИП-819/2018 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – 2018. – № 300. – С. 20–12511.
6. Решение Суда по интеллектуальным правам от 29.12.2025 по делу № СИП-518/2025 // Суд по интеллектуальным правам. – 2025. – № СИП-518/2025.
7. Решение Суда по интеллектуальным правам от 23.08.2019 по делу № СИП-360/2018 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – 2018.
8. Макклур Д.М. McClure D.M. Trademarks And Unfair Competition: A Critical History of Legal Thought // Trademark Reporter. – 1979. – Т. Т. 69, № № 4. – Р. С. 323.
9. Koninklijke Philips Electronics NV v. Remington Consumer Products Ltd. Judgment of the Court of 18.06.2002. Case C-299/99. para 78 [Электронный ресурс]. – URL: <https://ipcuria.eu/case?reference=C-299%2F99> (дата обращения: 01.08.2026).
10. EUIPO Examination Guidelines, Part B, Section 4, Chapter 6 («Shape or Other Characteristics Giving Substantial Value to the Goods») [Электронный ресурс]. // EUIPO Examination Guidelines, Part B, Section 4, Chapter 6. – URL: <https://guidelines.euipo.europa.eu/2214311/2226747/trademark-guidelines/4-shape-or-other-characteristics-giving-substantial-value-to-the-goods> (дата обращения: 01.08.2026).
11. Qualitex Co. v. Jacobson Products Co., 514 U.S. 159, 165 (1995).
12. Решение Суда по интеллектуальным правам от 06.12.2024 по делу № СИП-894/2024 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – 2024.
13. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 02.03.2026 № С01-1849/2025 по делу № СИП-338/2025 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – 2025. – С. 01–1849.
14. Tushnet R. Trademark Law as Commercial Speech Regulations // South Carolina Law Review. – 2007.
15. Решение Суда по интеллектуальным правам от 14.08.2025 по делу № СИП-58/2024 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – 2024.
16. В. А. Корнеев. О недопустимости противоречия товарных знаков общественным интересам, принципам гуманности и морали // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2025. – № 4.
17. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 23 мая 2016 г. № С01-324/2016 по делу № СИП-580/2015 // Доступ из СПС «Гарант». – 2015. – С. 01–324.
18. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 24.01.2022 № С01-2165/2021 по делу № СИП-637/2021 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – 2021. – С. 01–2165.
19. Заключение Палаты по патентным спорам от 02.03.2012 (Приложение к решению Роспатента от 11.05.2012 по заявке № 2009723216) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – 2012. – № 2009723216.
20. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021) // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 7, июль. – 2021. – № 1.

The protection of public interests in the course of trademark registration Shaternikov I.A.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL)

The article examines the legal mechanisms for protecting public interests at the trademark registration stage under Russian law. The author proceeds from the premise that exclusive trademark rights cannot be unlimited, since the private interests of the right holder must be balanced against the interests of society. The study analyzes the provisions of Article 1483 of the Civil Code of the Russian Federation, as well as doctrinal and law enforcement approaches to distinguishing between absolute and relative grounds for refusal of registration. It is shown that the actual protection of public interests is ensured primarily by absolute grounds, whereas relative grounds are aimed at protecting the private interests of specific prior rights holders and are subject to procedural time limits and conditions for challenge. Particular attention is paid to issues of law enforcement: proving acquired distinctiveness, assessing whether a designation is liable to mislead consumers, and interpreting the prohibition on registering designations that are contrary to public interests, principles of humanity and morality. Based on a comparison with EU and US approaches, certain gaps in Russian legislation are identified, in particular with regard to functional designations and the protection of the public domain. In conclusion, the need for a broad interpretation of the provision on contradiction to public interests is substantiated in order to fill the gaps left by other grounds for refusal. It is concluded that absolute grounds serve as the main tool for balancing private and public interests at the stage of acquiring exclusive rights to a trademark.

Keywords: trademark; public interests; individualization of goods; absolute grounds for refusal; relative grounds for refusal; trademark registration; distinctiveness; descriptive marks; deceptive marks; balance of private and public interests.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Four): No. 230-FZ of December 18, 2006 // Rossiyskaya Gazeta. – 2006. – No. 289 (Dec. 22). – Text: print.
2. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 16577/11 of April 17, 2012 // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii, 2012, No. 8.
3. BGW Beratungs-Gesellschaft Wirtschaft mbH v Bodo Scholz (C-20/14) EU:C:2015:714. Para. 28. // URL: <https://ipcuria.eu/case?reference=C-20/14> (accessed: 01.08.2026).
4. See, e.g.: Resolution of the Presidium of the Intellectual Property Court No. S01-1199/2025 of September 30, 2025 in case No. SIP-121/2025; Resolution of the Presidium of the Intellectual Property Court No. S01-1784/2025 of March 5, 2026 in case No. SIP-1379/2024 // Available from the ConsultantPlus legal reference system.
5. Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 300-ES20-12511 of November 11, 2020 in case No. SIP-819/2018 // Available from the ConsultantPlus legal reference system.
6. Decision of the Intellectual Property Court of December 29, 2025 in case No. SIP-518/2025.
7. Decision of the Intellectual Property Court of August 23, 2019 in case No. SIP-360/2018 // Available from the ConsultantPlus legal reference system.
8. McClure D.M. Trademarks And Unfair Competition: A Critical History of Legal Thought // Trademark Reporter. 1979. Vol. 69 (4). P. 323.
9. Koninklijke Philips Electronics NV v. Remington Consumer Products Ltd. Judgment of the Court of 18.06.2002. Case C-299/99. para 78. // URL: <https://ipcuria.eu/case?reference=C-299/99> (accessed: 01.08.2026).
10. EUIPO Examination Guidelines, Part B, Section 4, Chapter 6 ("Shape or Other Characteristics Giving Substantial Value to the Goods") // URL: <https://guidelines.euipo.europa.eu/2214311/2226747/trade-mark-guidelines/4-shape-or-other-characteristics-giving-substantial-value-to-the-goods> (accessed: 01.08.2026).
11. Qualitex Co. v. Jacobson Products Co., 514 U.S. 159, 165 (1995).
12. Decision of the Intellectual Property Court of December 6, 2024 in case No. SIP-894/2024 // Available from the ConsultantPlus legal reference system.
13. Resolution of the Presidium of the Intellectual Property Court No. S01-1849/2025 of March 2, 2026 in case No. SIP-338/2025 // Available from the ConsultantPlus legal reference system.
14. Tushnet R. Trademark Law as Commercial Speech Regulations // South Carolina Law Review. – 2007. – Vol. 58. – P. 748.
15. Decision of the Intellectual Property Court of August 14, 2025 in case No. SIP-58/2024 // Available from the ConsultantPlus legal reference system.
16. V.A. Korneev. On the Inadmissibility of Contradiction of Trademarks to Public Interests, Principles of Humanity and Morality // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MSAL). – 2025. – No. 4(128). – P. 93.
17. Resolution of the Presidium of the Intellectual Property Court No. S01-324/2016 of May 23, 2016 in case No. SIP-580/2015 // Available from the Garant legal reference system.
18. Resolution of the Presidium of the Intellectual Property Court No. S01-2165/2021 of January 24, 2022 in case No. SIP-637/2021 // Available from the ConsultantPlus legal reference system.
19. Opinion of the Chamber for Patent Disputes of March 2, 2012 (Appendix to the Rospatent Decision of May 11, 2012 on Application No. 2009723216) // Available from the ConsultantPlus legal reference system.
20. "Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2021)" (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 7, 2021) // Byulleten Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii, No. 7, July, 2021.

Правовая природа цифровых финансовых активов: соотношение с бездокументарными ценными бумагами

Шишова Валентина Дмитриевна,
юрист, ООО «Верба Лигал», valentina.shishova02@gmail.com

В статье исследуется правовая природа цифровых финансовых активов (ЦФА) в контексте их соотношения с традиционными бездокументарными ценными бумагами. На основе сравнительно-правового анализа положений российского гражданского законодательства, норм Федерального закона № 259-ФЗ и доктринальных подходов выявляются ключевые точки соприкосновения и технологические различия данных институтов. Особое внимание уделено специфике фиксации прав, роли операторов информационных систем как новых инфраструктурных посредников и проблемам защиты прав инвесторов на цифровом финансовом рынке. Обосновывается вывод о конвергенции правовых режимов ЦФА и бездокументарных ценных бумаг, а также предлагаются направления по совершенствованию законодательства в целях преодоления регуляторного арбитража.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права, распределенный реестр, оператор информационной системы, инвестор, ценные бумаги.

Введение

Процессы цифровизации, охватившие глобальный финансовый сектор, привели к качественной трансформации институтов гражданского права. Традиционные механизмы привлечения инвестиций и фиксации имущественных прав постепенно уступают место высокотехнологичным цифровым инструментам. Статистика отечественного рынка наглядно подтверждает эту тенденцию: если в начале 2024 года объем выпусков цифровых финансовых активов (далее – ЦФА) исчислялся десятками миллиардов рублей, то по итогам первого квартала 2026 года этот показатель продемонстрировал многократный рост и составил 1,375 трлн рублей. Экспертные прогнозы указывают на сохранение экспоненциальной динамики развития данного рынка в среднесрочной перспективе.

Появление в российском правовом поле Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА) ознаменовало создание специальной нормативной базы для токенизированных инструментов. Однако легализация ЦФА породила сложную теоретико-практическую дискуссию относительно их юридической природы. В цивилистической науке возник фундаментальный вопрос: представляют ли собой ЦФА принципиально новый объект гражданских прав или же они являются технологической модификацией уже известных гражданскому праву конструкций, прежде всего – бездокументарных ценных бумаг?

Актуальность исследования правовой природы ЦФА обусловлена необходимостью формирования непротиворечивой методологической базы для правоприменительной практики. Существующий разрыв между общими нормами Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) о цифровых правах и специальными положениями Закона о ЦФА создает риски регуляторного арбитража, затрудняет квалификацию сделок и снижает уровень правовой защищенности инвесторов.

Теоретико-правовые подходы к определению юридической сущности ЦФА

Отечественный законодатель при регулировании цифровых активов отказался от механического распространения классических норм о рынке ценных бумаг на новые технологические объекты, избрав путь создания специального комплексного регулирования. Согласно статье 128 ГК РФ цифровые права признаются самостоятельным видом объектов гражданских прав, относящимся к категории имущественных прав. В свою очередь, Закон о ЦФА определяет данные активы как цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества (далее – НПАО) и право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг.

В доктрине сложилось несколько подходов к осмыслению юридической природы ЦФА. Сторонники первого подхода склонны усматривать в ЦФА исключительно цифровую форму фиксации традиционных имущественных прав, не обладающую принципиальной новизной с точки зрения материального права. В литературе подчеркивается, что технологические особенности распределенного реестра никак не влияют на юридическую сущность регулируемых отношений и содержание имущественных прав

[9; 10]. С этой позиции ЦФА выступают аналогом бездокументарных ценных бумаг, представляя собой лишь иную технологическую среду для закрепления обязательственных или корпоративных требований.

Противоположная точка зрения основывается на признании ЦФА уникальным, комплексным объектом (*sui generis*). В рамках данного подхода утверждается, что цифровая форма придает активу новые свойства, нехарактерные для традиционных инструментов. В частности, речь идет о возможности «расщепления» совокупности прав, удостоверяемых активом [1]. Если классическая ценная бумага (например, акция) всегда воплощает в себе неразрывную совокупность имущественных и неимущественных прав, то при выпуске ЦФА становится возможным обособление отдельных правомочий – например, передача права голоса на общем собрании акционеров без перехода права собственности на саму акцию [1].

Существенной доктринальной проблемой является преодоление так называемой «тройственности» правовой природы некоторых видов ЦФА, в частности цифровых акций [12]. Из анализа действующего законодательства следует, что такие инструменты одновременно могут быть квалифицированы как ценные бумаги (в силу статьи 142 ГК РФ и профильного законодательства об акционерных обществах), как цифровые права (согласно Закону о ЦФА) и как сложная совокупность корпоративных полномочий акционера. Такое нагромождение юридических конструкций представляется избыточным. Более обоснованным видится подход, в соответствии с которым любая акция – как традиционная, так и цифровая – по своей сути является охраняемой законом совокупностью прав, а способ ее фиксации (электронная запись на счете депо или цифровой код в блокчейне) носит вторичный характер.

На международном уровне, в частности в рамках СНГ, также прослеживается тенденция к унификации представлений о цифровых активах. Принятый 14 апреля 2023 года Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ Модельный закон «О цифровых финансовых активах» предлагает дефиницию, согласно которой ЦФА признается цифровой актив, удостоверяющий обязательственные и/или корпоративные права, должником по которому выступает лицо, привлекающее инвестиции в информационной системе. Данное определение сближает ЦФА с инвестиционными ценными бумагами, указывая на их общую экономическую функцию.

Соотношение ЦФА и бездокументарных ценных бумаг: общие признаки и инфраструктурный дуализм

Сопоставление ЦФА и бездокументарных ценных бумаг позволяет выявить глубокое материально-правовое и экономическое сходство данных институтов, предопределенное единством их целевого назначения в современном гражданском обороте. Прежде всего, оба этих правовых феномена характеризуются выраженным нематериальным характером, поскольку они полностью лишены физической оболочки и не могут существовать обособленно от поддерживающих их систем учета. Вне соответствующей учетной среды данные объекты теряют свои юридические свойства, превращаясь в абстрактные программные коды или информационные записи.

Схожим образом конструируется и механизм легитимации управомоченного лица на рынке ценных бумаг и в сфере обращения цифровых прав. Владелец бездокументарной ценной бумаги и обладатель ЦФА подтверждают свои права на соответствующий актив не путем непосредственного предъявления материального документа, а посредством демонстрации факта наличия записи на своем лицевом счете или в распределенном реестре. Любое распоряжение этими правами, равно как и их обремене-

ние, становится возможным исключительно после совершения уполномоченным субъектом соответствующих регистрационных или технологических действий в обслуживающей системе. Функциональная эквивалентность данных институтов находит свое отражение и в тождестве удостоверяемых ими имущественных благ. Обе рассматриваемые правовые конструкции служат для фиксации однородных по своей экономической сути притязаний, включая денежные требования к должнику, права на участие в уставном капитале коммерческих организаций и права требования передачи иных финансовых инструментов [8].

Несмотря на столь существенное концептуальное сходство, проведение между ними полного знака равенства представляется преждевременным ввиду наличия серьезных технологических и структурных различий, лежащих в основе их функционирования. В то время как традиционные бездокументарные ценные бумаги базируются на централизованных электронных базах данных, ведение которых осуществляется профессиональными регистраторами и депозитариями, ЦФА существуют в децентрализованной или распределенной программной среде. Применение технологии блокчейн и алгоритмов смарт-контрактов позволяет автоматизировать большинство транзакционных процессов, обеспечивая моментальное исполнение взаимных обязательств сторон сделки в режиме реального времени [2]. Напротив, классические биржевые расчеты по ценным бумагам требуют прохождения многоступенчатых процедур клиринга и расчетов через центрального контрагента, что существенно увеличивает временной лаг между моментом заключения сделки и фактическим переходом права собственности.

Дополнительным важным отличием выступает гибкость правового наполнения цифровых активов, обусловленная возможностью конструирования так называемых гибридных прав. Традиционные бездокументарные облигации, даже при наличии индексации их доходности к стоимости сырьевых товаров, в конечном итоге предполагают исключительно денежную форму исполнения обязательства при его прекращении. В свою очередь, специфика программируемой среды ЦФА позволяет закладывать в решение о выпуске возможность реальной физической поставки базового актива, например драгоценных металлов, непосредственно инвестору в момент погашения.

Существенные расхождения обнаруживаются и в сфере государственного регулирования информационной прозрачности эмитентов. Законодательство о рынке ценных бумаг налагает на эмитентов жесткие, дорогостоящие и строго регламентированные обязанности по раскрытию информации, включающие подготовку проспектов ценных бумаг, ежеквартальных отчетов и сообщений о существенных фактах. Для выпуска ЦФА предусмотрен значительно упрощенный режим, при котором ключевым и зачастую единственным информационным документом выступает решение о выпуске цифровых прав, утверждаемое ОИС без обязательного прохождения предварительной государственной регистрации. Это обеспечивает высокую скорость привлечения капитала, но одновременно перекладывает бремя оценки рисков на конечного инвестора.

Анализ инфраструктурных особенностей обращения ЦФА выявляет также глубокое теоретическое противоречие между положениями кодифицированного гражданского законодательства и нормами специального закона. В соответствии с общим правилом статьи 141.1 ГК РФ, цифровые права конструируются как инструменты, осуществление и распоряжение которыми возможны исключительно в информационной системе без обращения к какому-либо третьему лицу, что предполагает прямые связи

между участниками оборота по принципу децентрализации [5]. Однако специальный Закон о ЦФА фактически восстанавливает классическую посредническую модель, вводя фигуру оператора информационной системы в качестве обязательного субъекта, без ведома и технического участия которого невозможно совершить ни одну транзакцию с активом [7]. В данном случае наблюдается очевидное отступление от доктринальной идеи «беспосредственного» цифрового оборота в пользу квазидепозитарной модели, при которой ОИС наделяется полномочиями, сопоставимыми с полномочиями профессионального участника рынка ценных бумаг [6].

Существенным вектором сближения двух систем может стать реформирование института посредников, предлагаемое законопроектом № 1194918-8 «О цифровой валюте и цифровых правах». Проект закона предлагает ввести в оборот фигуру «цифрового депозитария» – организации, осуществляющей учет и переход прав на цифровую валюту и цифровые права, а также предоставляющей доступ к адресам-идентификаторам. Введение данного института свидетельствует о постепенном стирании технологических различий в способах учета: проект закона устанавливает, что оператор размещения (аналог ОИС) обязан иметь статус цифрового депозитария.

Более того, в законопроекте проектируется обязанность открытия цифровыми депозитариями системы специальных цифровых счетов (счетов обладателя, номинального держателя, доверительного управляющего, казначейских, клиринговых и транзитных счетов). С теоретической точки зрения это представляет собой прямую нормативную рецепцию системы счетов депо, исторически сложившейся на классическом рынке ценных бумаг. Оценивая данное предложение, можно констатировать, что законодатель фактически признает нежизнеспособность «беспосредственной» модели цифровых прав в условиях массового инвестиционного рынка. С одной стороны, переход к цифровым депозитариям повышает надежность учета, но с другой – неизбежно приводит к монополизации рынка крупными банковскими конгломератами, способными соответствовать жестким требованиям к капиталу и операционной надежности цифровых депозитариев, вытесняя независимые финтех-платформы.

Таким образом, современный правовой режим ЦФА представляет собой компромисс между децентрализованными технологическими возможностями и требованиями жесткого государственного контроля над финансовой стабильностью.

Механизмы защиты прав инвесторов: проблемы и пробелы регулирования

Формирование эффективного правового режима любого финансового инструмента невозможно без создания надежной системы защиты прав инвесторов. На рынке ценных бумаг за десятилетия его существования сформировался комплексный защитный механизм, включающий государственное регулирование, пруденциальный надзор Банка России и стандарты саморегулируемых организаций (СРО). В отношении рынка ЦФА данный институт находится на стадии становления, что обуславливает наличие ряда регуляторных пробелов.

В научной доктрине предлагается разделять механизмы защиты прав инвесторов на традиционном рынке и рынке ЦФА на три группы: общие, специальные и институциональные [11].

Общие механизмы включают требования к раскрытию информации, классификацию инвесторов на квалифицированных и неквалифицированных, а также ответственность участников инфраструктуры.

В части раскрытия информации рынок ЦФА характеризуется существенно меньшей жесткостью требований по

сравнению с рынком ценных бумаг [3]. Основным документом, содержащим сведения об активе, является решение о его выпуске. Эмитенты ЦФА освобождены от обязанности готовить и регистрировать дорогостоящие проспекты эмиссии и публиковать регулярную отчетность, что значительно снижает их издержки и ускоряет процесс привлечения финансирования. Однако оборотной стороной такой гибкости становится риск дефицита информации для розничных инвесторов, которые оказываются не в состоянии адекватно оценить кредитное качество эмитента, особенно в сегменте малого и среднего бизнеса.

Институт квалификации инвесторов на рынке ЦФА адаптирован из законодательства о рынке ценных бумаг. ОИС осуществляют признание лиц квалифицированными инвесторами по аналогичным критериям. Для неквалифицированных инвесторов Банком России установлены ограничения по типу ЦФА, а также лимит на приобретение высокорисковых активов в размере 600 тысяч рублей в год.

Ранее отмечавшийся в науке пробел, связанный с отсутствием законодательно закреплённого механизма обязательного тестирования неквалифицированных инвесторов на рынке ЦФА, предлагается преодолеть в рамках рассматриваемого законопроекта «О цифровой валюте и цифровых правах». Так, проект закона вводит императивное требование о проведении тестирования физических лиц, не являющихся квалифицированными инвесторами, силами лиц, осуществляющих организацию обращения (брокеров, управляющих, цифровых депозитариев). Данное тестирование предлагается проводить бесплатно на основе единых базовых стандартов защиты прав инвесторов, утверждаемых СРО и согласованных с Банком России. Оценка этой проектируемой нормы является сугубо положительной: она позволяет оперативно устранить регуляторный арбитраж между классическим и цифровым финансовыми рынками, защищая розничных инвесторов от недобровольного принятия на себя чрезмерных технологических и кредитных рисков.

Другим важным защитным нововведением, предлагаемым в проекте закона, выступает легализация института «представителя обладателей цифровых финансовых активов». По аналогии с классическим представителем владельцев облигаций на рынке ценных бумаг, представитель обладателей ЦФА сможет без доверенности осуществлять полномочия по защите прав инвесторов, в том числе подписывать иски, участвовать в судебных процессах и представлять интересы инвесторов перед эмитентом и лицами, предоставившими обеспечение. Оценивая проектируемый институт, следует отметить, что он решает острую для цифрового рынка проблему коллективной защиты прав розничных инвесторов. Тем не менее, потенциальной уязвимостью нормы является отсутствие детально прописанных механизмов контроля за деятельностью самого представителя и распределения расходов на его содержание, что может снизить практическую эффективность инструмента на первых этапах его внедрения.

Специальные механизмы защиты отражают технологические особенности инструментов. Принципиальные различия проявляются при нарушении порядка учета прав. Для владельцев бездокументарных ценных бумаг статья 149.3 ГК РФ предусматривает специальный способ защиты – иск о возврате незаконно списанных ценных бумаг (аналог виндикационного иска). В случае с ЦФА, функционирующими на базе распределенного реестра, реализация подобного механизма в натуре технически затруднена или невозможна из-за неизменяемости записей в блокчейне [4].

Закон о ЦФА в качестве основного способа защиты предлагает требование о возмещении убытков, обращенное к ОИС (статья 9 Закона о ЦФА). При этом ОИС несет ответственность за ненадлежащее функционирование информационной системы. Возникает вопрос об оценке кредитного риска самого ОИС [3]. Если традиционный депозитарий хранит ценные бумаги обособленно от собственного имущества, предохраняя их от взыскания в случае своего банкротства, то при дефолте ОИС или техническом сбое в приватном блокчейне инвесторы рискуют полностью утратить доступ к своим активам. В связи с этим предлагается консервативный подход к оценке рисков ЦФА, учитывающий кредитное качество не только эмитента, но и самого оператора системы.

Перспективы совершенствования законодательства и конвергенция правовых режимов

Существующие противоречия в понимании правовой природы ЦФА и пробелы в их регулировании требуют системной модернизации отечественного законодательства. Наблюдаемый процесс развития рынка свидетельствует о неизбежной конвергенции (сближении) правовых режимов ЦФА и бездокументарных ценных бумаг. Представляется, что дальнейшее развитие регулирования должно осуществляться по следующим ключевым направлениям:

1. **Гармонизация понятийного аппарата ГК РФ и специального законодательства.** Необходимо устранить терминологические расхождения между статьей 141.1 ГК РФ и нормами Закона о ЦФА в части определения роли посредников. Требуется признать тот факт, что в современных реалиях обращение цифровых прав на финансовом рынке невозможно без участия лицензируемых инфраструктурных субъектов (ОИС и операторов обмена), чей статус аналогичен статусу профессиональных участников рынка ценных бумаг.

2. **Внедрение обязательного тестирования для розничных инвесторов.** Синхронизация правил допуска физических лиц к операциям с ЦФА и традиционными ценными бумагами позволит защитить интересы неквалифицированных инвесторов и снизить риски некорректной оценки сложных гибридных инструментов.

3. **Развитие стандартов раскрытия информации и рейтингования.** По мере интеграции рынка ЦФА с традиционной биржевой инфраструктурой необходимо выработать сбалансированные стандарты раскрытия информации эмитентами ЦФА. Это предотвратит превращение рынка цифровых прав в зону неконтролируемого размещения некачественных долгов эмитентов с низким кредитным рейтингом.

4. **Уточнение корпоративно-правовых последствий.** Требуется детальное урегулирование ответственности эмитентов ЦФА за неисполнение распоряжений владельцев цифровых прав при голосовании на общих собраниях акционеров. Целесообразно ввести симметричные меры административной ответственности в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), аналогичные тем, что действуют на рынке ценных бумаг за нарушение прав акционеров.

Перспективным направлением теоретического осмысления проблемы является отказ от жесткого разделения финансовых объектов на «ценные бумаги» и «цифровые права». В долгосрочной перспективе целесообразно консолидировать данные инструменты в рамках единой доктринальной категории – «инвестиционный финансовый инструмент» [12]. Это позволит снять искусственные барьеры, обусловленные технологической формой фиксации прав, и сформировать единые, универсальные правила игры для всех участников финансового рынка.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что ЦФА представляют собой закономерный этап эволюции институтов финансового рынка. Являясь по своей экономической сути цифровым аналогом бездокументарных ценных бумаг, ЦФА базируются на качественно иных технологических решениях – технологии распределенного реестра и смарт-контрактах, что обуславливает специфику их правовой природы.

Существующая модель регулирования ЦФА в Российской Федерации успешно выполнила задачу первоначального запуска рынка, однако на современном этапе она демонстрирует внутреннюю противоречивость и наличие регуляторных пробелов. Сближение правовых режимов ЦФА и бездокументарных ценных бумаг в части защиты прав инвесторов, раскрытия информации и пруденциального надзора является необходимым условием для масштабирования рынка и укрепления доверия к нему со стороны широкого круга инвесторов.

Разрешение доктринального конфликта между вещно-правовой и обязательственной трактовкой цифровых прав, а также гармонизация норм гражданского и корпоративного законодательства позволят создать в России передовую и безопасную юрисдикцию для обращения цифровых финансовых инструментов.

Литература

1. Абрамова Е. Н. Цифровой финансовый актив как цифровая ценная бумага // Гражданское право. 2024. № 1. С. 10–13.
2. Белоусов А. Л. Правовые аспекты развития финансового сектора в условиях цифровизации // Цифровые технологии и право : сб. науч. тр. II Междунар. науч.-практ. конф. : в 6 т. Казань : Познание, 2023. С. 15–19. EDN: BLRКCB.
3. Гагарина В. Как управлять рисками цифровых финансовых активов // Риск-менеджмент в кредитной организации. 2024. № 3. С. 103–107.
4. Иванов Л. Н. Защита прав инвесторов при привлечении средств через ЦФА: правовые механизмы и риски // Проблемы экономики и юридической практики. 2025. Т. 21, № 2. С. 129–133.
5. Иванова С. А., Горбачева О. Ю. Юридическое содержание конструкции «цифровые финансовые активы» // Образование и право. 2024. № 5. С. 201–205.
6. Лаптева А. М. Правовое регулирование выпуска цифровых финансовых активов // Журнал российского права. 2023. № 8. С. 95–108.
7. Новоселова Л. Оборот цифровых активов в России / К. Бормашева, Л. Новоселова, Р. Янковский [и др.] // Закон. 2020. № 12. С. 17–28.
8. Перминова А. А. Цифровые финансовые активы как эквивалент корпоративных ценных бумаг: способы применения и возможные риски // Правовое регулирование экономической деятельности. ПРЭД. 2025. № 1. С. 30–38.
9. Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Правовая сущность новых цифровых активов // Закон. 2018. № 9. С. 86–95.
10. Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 7–29.
11. Темчук М. И. Сравнительно-правовой анализ защиты прав инвесторов в ценных бумагах и ЦФА: история вопроса, текущий статус и эволюция // Вестник арбитражной практики. 2024. № 3. С. 60–68.
12. Шевченко О. М. Правовая природа акций, выпускаемых в виде цифровых финансовых активов // Предпринимательское право. 2022. № 1. С. 75–80.

The legal nature of digital financial assets: correlation with uncertificated securities

Shishova V.D.

Verba Legal LLC

The article examines the legal nature of digital financial assets (DFAs) in the context of their correlation with traditional uncertificated (book-entry) securities. Based on a comparative legal analysis of the provisions of Russian civil legislation, the norms of Federal Law No. 259-FZ and doctrinal approaches, the key points of contact and technological differences of these institutions are identified. Special attention is paid to the specifics of fixing rights, the role of information system operators as new infrastructural intermediaries, and the problems of protecting the rights of investors in the digital financial market. The conclusion about the convergence of the legal regimes of DFAs and uncertificated securities is substantiated, and directions for improving legislation in order to overcome regulatory arbitrage are proposed.

Keywords: digital financial assets, uncertificated securities, digital rights, distributed ledger, information system operator, investor, securities.

References

1. Abramova, E. N. (2024). Tsifrovoy finansovyy aktiv kak tsifrovaia tsennaya bumaga [Digital financial asset as a digital security] // *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law]. no. 1, pp. 10–13. (In Russ.)
2. Belousov, A. L. (2023). Pravovye aspekty razvitiia finansovogo sektora v usloviakh tsifrovizatsii [Legal aspects of the development of the financial sector in the context of digitalization] // *Tsifrovye tekhnologii i pravo : sbornik nauchnykh trudov II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii : v 6 t.* [Digital Technologies and Law : collection of scientific papers of the II International Scientific and Practical Conference : in 6 vols.]. Kazan' : Poznanie, pp. 15–19. EDN: BLRKCБ. (In Russ.)
3. Gagarina, V. (2024). Kak upravliat' riskami tsifrovyykh finansovykh aktivov [How to manage risks of digital financial assets] // *Risk-menedzhment v kreditnoi organizatsii* [Risk Management in a Credit Institution]. no. 3, pp. 103–107. (In Russ.)
4. Ivanov, L. N. (2025). Zashchita prav investorov pri privilechenii sredstv cherez TsFA: pravovye mekhanizmy i riski [Protection of investors' rights when raising funds through DFAs: legal mechanisms and risks] // *Problemy ekonomiki i iuridicheskoi praktiki* [Problems of Economics and Legal Practice]. vol. 21, no. 2, pp. 129–133. (In Russ.)
5. Ivanova, S. A., Gorbacheva, O. Iu. (2024). Iuridicheskoe sodержanie konstruktivnoi "tsifrovyye finansovye aktivy" [Legal content of the "digital financial assets" construction] // *Obrazovanie i pravo* [Education and Law]. no. 5, pp. 201–205. (In Russ.)
6. Lapteva, A. M. (2023). Pravovoe regulirovanie vypuska tsifrovyykh finansovykh aktivov [Legal regulation of the issuance of digital financial assets] // *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law]. no. 8, pp. 95–108. (In Russ.)
7. Novoselova, L. (2020). Oborot tsifrovyykh aktivov v Rossii / K. Bormasheva, L. Novoselova, R. Iankovskii [et al.] [Circulation of digital assets in Russia / K. Bormasheva, L. Novoselova, R. Iankovskii [et al.]] // *Zakon* [Zakon]. no. 12, pp. 17–28. (In Russ.)
8. Perminova, A. A. (2025). Tsifrovye finansovye aktivy kak ekvivalent korporativnykh tsennykh bumag: sposoby primeneniia i vozmozhnye riski [Digital financial assets as an equivalent of corporate securities: ways of application and possible risks] // *Pravovoe regulirovanie ekonomicheskoi deiatel'nosti. PRED* [Legal Regulation of Economic Activity. PRED]. no. 1, pp. 30–38. (In Russ.)
9. Sannikova, L. V., Kharitonova, Iu. S. (2018). Pravovaia sushchnost' novykh tsifrovyykh aktivov [Legal essence of new digital assets] // *Zakon* [Zakon]. no. 9, pp. 86–95. (In Russ.)
10. Sukhanov, E. A. (2021). O grazhdansko-pravovoi prirode "tsifrovogo imushchestva" [On the civil law nature of "digital property"] // *Vestnik grazhdanskogo prava* [Civil Law Review]. no. 6, pp. 7–29. (In Russ.)
11. Temchuk, M. I. (2024). Sravnitel'no-pravovoi analiz zashchity prav investorov v tsennykh bumagakh i TsFA: istoriia voprosa, tekushchii status i evoliutsiia [Comparative legal analysis of the protection of investors' rights in securities and DFAs: historical background, current status, and evolution] // *Vestnik arbitrazhnoi praktiki* [Herald of Arbitration Practice]. no. 3, pp. 60–68. (In Russ.)
12. Shevchenko, O. M. (2022). Pravovaia priroda aktsii, vypuskaemykh v vide tsifrovyykh finansovykh aktivov [Legal nature of shares issued in the form of digital financial assets] // *Predprinimatel'skoe pravo* [Entrepreneurial Law]. no. 1, pp. 75–80. (In Russ.)

Экзекватура по заявлению должника: новое явление в российской практике признания иностранных арбитражных решений

Щедрин Григорий Алексеевич

магистр Международно-правового института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), shhedrin_02@mail.ru

В статье исследуется процессуальное явление, зафиксированное определением Арбитражного суда Калининградской области от 28 мая 2026 года по делу № А21-4252/2026: с заявлением о признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения обратился должник по этому решению, тогда как взыскатель возражал против рассмотрения заявления российским судом. Цель работы - установить, допустима ли инициатива должника в производстве по делам о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений и на каких условиях. Установлено, что Нью-Йоркская конвенция 1958 года не ограничивает круг заявителей фигурой взыскателя, относя вопросы процедуры к праву государства признания, тогда как российское регулирование содержит противоречие между частью 1 статьи 242 и частью 2 статьи 241 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. Сравнительный анализ права Германии и США показывает, что праву ряда государств известно обращение в суд самой стороны, против которой вынесено арбитражное решение, однако такое обращение реализуется преимущественно в отрицательной форме - как требование установить, что решение не подлежит признанию. Показано, что отечественному правопорядку такая модель также известна: статья 245.1 названного Кодекса допускает возражения заинтересованного лица против признания решения, не требующего принудительного исполнения, и обязывает его обосновать нарушение этим решением своих прав и законных интересов. Сделан вывод о том, что недостающим элементом является не сам критерий законного интереса, а его распространение на решения, требующие принудительного исполнения. Предложено расширить предмет статьи 245.1 Кодекса и пересмотреть установленный ею месячный срок.

Ключевые слова: признание и приведение в исполнение, иностранное арбитражное решение, Нью-Йоркская конвенция 1958 года, экзекватура, должник по арбитражному решению, установление непризнания, законный интерес, публичный порядок, ограничительные меры.

Введение

Производство по признанию и приведению в исполнение иностранных арбитражных решений построено вокруг фигуры взыскателя. Именно он заинтересован в придании решению принудительной силы, именно ему адресованы статьи III и IV Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года [1] (далее - **Нью-Йоркская конвенция**), и именно он назван в части 1 статьи 242 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [2] (далее - **АПК РФ**). Обратная конфигурация, при которой инициатива исходит от должника, а взыскатель ей противодействует, в отечественной процессуальной доктрине не рассматривалась. Между тем такая конфигурация возникла: определением Арбитражного суда Калининградской области от 28 мая 2026 года по делу № А21-4252/2026 [8] рассмотрено заявление должника о признании и приведении в исполнение двух решений Лондонского международного третейского суда (LCIA), вынесенных против него самого, при том что взыскатель заявил ходатайства об оставлении заявления без рассмотрения и о прекращении производства по делу.

Категория публичного порядка как основание отказа в признании исследована обстоятельно [15; 16; 17], процессуальные средства защиты лиц, находящихся под ограничительными мерами, получили освещение после введения статей 248.1 и 248.2 АПК РФ [18]. Однако вопрос о круге лиц, уполномоченных инициировать производство по главе 31 АПК РФ, самостоятельной разработки не получил, поскольку до недавнего времени не имел практического значения: в литературе он затрагивался лишь применительно к недопустимости обращения третьих лиц, не участвовавших в арбитраже [15, с. 283].

Цель работы - установить, допустима ли инициатива должника в таком производстве и при каких условиях. Задачи: реконструировать процессуальную конфигурацию дела; соотнести её с текстом Нью-Йоркской конвенции и АПК РФ; выявить зарубежные и отечественные аналоги; определить недостающий элемент российского регулирования. Используются формально-юридический, сравнительно-правовой и телеологический методы, а также метод анализа судебной практики.

1. Процессуальная конфигурация дела № А21-4252/2026

Компания группы «РУСАЛ» и немецкий банк, ранее входивший в группу Банка ВТБ, в 2019-2021 годах совершали сделки валютно-процентного свопа и валютных форвардов в рамках генерального соглашения по форме Международной ассоциации свопов и деривативов, исполнение обеспечивалось независимой гарантией МКПАО «Объединённая компания «РУСАЛ». После событий февраля - марта 2022 года взыскатель заявил о досрочном прекращении сделок, а состав арбитража LCIA решениями от 25 сентября 2024 года и от 29 августа 2025 года взыскал с основного должника и гаранта солидарно около 247,6 млн евро [8].

Мотив обращения должника носил не процессуальный, а административно-разрешительный характер. В силу Указов Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 года № 95 [5] и от 4 мая 2022 года № 254 [6] исполнение обязательства перед иностранным кредитором из недружественного государства по общему правилу производится на счёт типа «С», а исполнение в обычном

порядке требует разрешения Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций. Как следует из мотивировочной части определения, для получения такого разрешения требовалось представить информацию уполномоченных органов о том, что исполнение решений LCIA не противоречит законодательству Российской Федерации, а разрешение этого вопроса отнесено к компетенции арбитражных судов в рамках производства по главе 31 АПК РФ [8]. Должник, следовательно, обратился за судебным актом не ради принудительного исполнения, в котором против самого себя он объективно не заинтересован, а ради судебной оценки, необходимой для платежа в разрешительном порядке, дополнительным мотивом являлся риск двойного взыскания, поскольку платёж на счёт типа «С» мог быть не признан надлежащим исполнением по праву места арбитража.

Взыскатель против рассмотрения заявления возражал и заявил два ходатайства: об оставлении заявления без рассмотрения со ссылкой на арбитражную оговорку о передаче споров в арбитраж LCIA, и о прекращении производства по делу со ссылкой на то, что инициировать процедуру признания и исполнения вправе лишь лицо, в пользу которого решение вынесено. Оба ходатайства суд отклонил. Довод об арбитражной оговорке отклонён по тому основанию, что требование по делам о признании и приведении в исполнение основано на самих арбитражных решениях, а не на генеральном соглашении, а проверка решения на соответствие публичному порядку в силу части 1 статьи 241 АПК РФ отнесена к компетенции государственного суда. Довод об отсутствии у должника права на обращение отклонён со ссылкой на часть 2 статьи 241 АПК РФ и на отсутствие в Нью-Йоркской конвенции ограничения круга заявителей [8].

2. Круг управомоченных заявителей: конвенционное и национальное регулирование

Нью-Йоркская конвенция не содержит нормы о том, кто вправе инициировать производство. Согласно статье III Конвенции процедуру признания и приведения в исполнение относящихся к сфере её действия решений каждое участвующее государство устанавливает самостоятельно [15, с. 107]. Отсюда следует, что участвующим в Конвенции государствам разрешается устанавливать собственные процессуальные правила признания [15, с. 120]. Статья IV, перечисляя документы, представляемые стороной, испрашивающей признание и приведение в исполнение, описывает лишь процессуальное положение заявителя, но не его связь с резолютивной частью решения. Конвенция определяет, при каких условиях решение признаётся, но не то, кто вправе просить о признании; последнее оставлено национальному праву.

Внутреннее российское регулирование, напротив, содержит текстуальное противоречие. Часть 1 статьи 242 АПК РФ предусматривает, что заявление подаётся стороной, в пользу которой принято решение, прямо обозначая её как взыскателя. Часть 2 статьи 241 АПК РФ формулирует правило иначе: вопросы признания и приведения в исполнение иностранного арбитражного решения разрешаются арбитражным судом по заявлению стороны в споре, рассмотренном иностранным судом, или стороны третейского разбирательства. Вторая формула шире первой и охватывает обе стороны разбирательства независимо от исхода дела.

Доктринальная поддержка такого прочтения обнаруживается в комментарии Б.Р. Карабельникова: толкуя часть 2 статьи 241 АПК РФ, автор указывает, что правом на обращение с заявлением о признании и приведении в исполнение решения иностранного арбитража обладает

только сторона арбитражного разбирательства, и выводит отсюда невозможность обращения третьих лиц, в арбитраже не участвовавших, даже если они аффилированы со стороной [15, с. 283]. Ограничительный вывод сделан относительно лиц, посторонних разбирательству, но не относительно его стороны, проигравшей спор: критерием выступает участие в арбитраже, а не исход дела. Тот же автор относит к очевидным недостаткам юридической техники статьи 242 АПК РФ смысловые коллизии между её частями [15, с. 283], что подтверждает: названная статья не рассчитывалась как норма, определяющая круг управомоченных заявителей.

Суд разрешил коллизию в пользу части 2 статьи 241 АПК РФ, дополнительно указав на отсутствие прямого запрета [8]. Такое толкование не произвольно: часть 2 статьи 241 АПК РФ помещена в статью о компетенции, тогда как часть 1 статьи 242 АПК РФ регулирует порядок подачи и подсудность, что позволяет рассматривать первую норму как определяющую предпосылки права на обращение, а вторую - как процедурную. Показательно, что законодательство ряда государств решает этот вопрос прямо и в пользу широкого подхода: § 207 раздела 9 Свода законов США предусматривает, что в течение трёх лет с момента вынесения подпадающего под Конвенцию решения любая сторона арбитража вправе обратиться в суд за приказом о подтверждении решения против любой другой стороны арбитража; аналогичная формула использована в § 9 того же раздела применительно к внутренним решениям [11]. Американский законодатель, следовательно, сознательно не связал право на обращение с исходом разбирательства.

3. Обращение должника в зарубежных правопорядках

Германия. Наиболее развитая модель сложилась в германском праве. Абзац второй § 1061 Гражданского процессуального уложения (Zivilprozessordnung, далее – «Уложение») устанавливает, что при отказе в объявлении решения исполнимым суд констатирует, что решение не подлежит признанию на территории страны [9]. Определением от «09» марта 2023 года по делу I ZB 33/22 Федеральный верховный суд Германии признал за должником право самостоятельно заявить требование об установлении непризнания иностранного арбитражного решения по аналогии с абзацем вторым § 1061 и вариантом вторым пункта 4 абзаца первого § 1062 Уложения, причём до возбуждения взыскателем производства об объявлении решения исполнимым [10].

Обстоятельства дела показательны. Предметом проверки было вынесенное в Москве арбитражное решение о солидарном взыскании около 49 млн евро с четырёх компаний германской группы; после безуспешных попыток отменить его в Российской Федерации должники обратились в Высший земельный суд Кобленца с отрицательным требованием. Суд первой инстанции отказал, рассуждая так, как рассуждает и российский правопорядок: десятая книга Уложения как *lex fori* знает лишь позитивное экзекватурное производство для выигравшей стороны, а компетенция на производство с обратным рубрумом (Verfahren umgekehrten Rubrums) не открыта [10].

Федеральный верховный суд счёл, что пробел возник помимо воли законодателя. До реформы 1997 года абзац третий § 1044 Уложения в прежней редакции прямо предусматривал, что вместо отмены иностранного решения суд констатирует его непризнание внутри страны, и должник добивался этого обычным иском об установлении. Реформа изменила лишь процессуальную форму: такие дела перешли к высшим земельным судам и стали рассматриваться в форме определения, из-за чего прежний иск оказался неуместен. Само средство законодатель

не отменял - абзац второй § 1061 повторяет прежнюю норму [10]. Необходимость такого средства суд вывел из конституционной гарантии эффективной судебной защиты: сторона, проигравшая иностранный арбитраж, должна располагать способом выяснить, признаётся ли решение в стране, где находится её имущество. Указать ей на возможность отмены решения в государстве места арбитража недостаточно: если требование об отмене там отклонено, интерес должника сохраняется, поскольку отказное решение иностранного суда преклюзивного действия не имеет и те же основания иностранный вправе привести в германском суде заново. Сроком заявление не ограничено - иначе должнику пришлось бы обращаться в суд, не дожидаясь исхода производства об отмене за границей [10].

США. Помимо приведённой законодательной формулы, американской практике известны и деклараторные требования должника: в деле *Slaney v. International Amateur Athletic Federation* должник по арбитражному решению самостоятельно обратился в федеральный окружной суд с требованием о вынесении деклараторного решения о том, что арбитражное решение не подлежит исполнению [12].

4. Законный интерес как недостающий элемент российского регулирования

Сопоставление показывает, что различие между российским случаем и зарубежными аналогами лежит не в допустимости инициативы должника как таковой, а в двух других плоскостях.

Первое различие - вектор обращения. Германское и рассмотренное американское средства носят отрицательный характер: должник просит установить, что решение не подлежит признанию либо исполнению. В деле № A21-4252/2026 должник просил о положительном признании. Формально это противоположные требования, содержательно результат совпал, поскольку отказ в признании по подпункту «b» пункта 2 статьи V Нью-Йоркской конвенции функционально эквивалентен констатации, предусмотренной абзацем вторым § 1061 ZPO. Российский правопорядок пришёл к германскому результату, не располагая германской процедурой.

Второе различие - наличие фильтра. Германская модель ограничивает инициативу должника требованием законного интереса, конкретизированного как интерес в установлении (*Feststellungsinteresse*) и признаваемого при заявленном ввне притязании взыскателя [10]. Российскому праву такой критерий известен, но лишь в одном производстве: пункт 5 части 5 статьи 245.1 АПК РФ обязывает заинтересованное лицо обосновать нарушение решением его прав и законных интересов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности [2]. К производству по статьям 241-245 АПК РФ этот критерий не относится, поскольку оно исторически исходило из того, что заявителем выступает взыскатель, чей интерес презюмируется самим фактом вынесения решения в его пользу. Как только эта презумпция отпадает, регулирование остаётся без ограничителя. Суд восполнил пробел ситуативно, используя конструкцию злоупотребления процессуальным правом, причём применив её не к заявителю, а к взыскателю, возражавшему против рассмотрения заявления [8]. Такое решение обеспечило приемлемый результат в конкретном деле, однако не создаёт воспроизводимого правила: категория злоупотребления оценочна и не заменяет собой предпосылку права на обращение.

Между тем интерес должника в рассмотренном деле поддаётся объективной проверке и удовлетворяет германскому критерию: взыскатель заявлял притязание ввне, добиваясь исполнения в нескольких юрисдикциях,

а исполнение в Российской Федерации было поставлено в зависимость от разрешения, которое требовало судебной оценки решения. Бездействие взыскателя внутри страны блокировало должнику возможность правомерного исполнения и одновременно не устраняло риска взыскания за её пределами - это тот самый случай неопределённости, на устранение которой рассчитано германское средство.

Отсутствие фильтра порождает и риски. Во-первых, должник получает возможность выбрать удобный момент для инициирования проверки решения, опередив взыскателя и предопределив исход последующего обращения последнего. Во-вторых, взыскатель оказывается в процессуальном положении лица, возражающего против признания решения, вынесенного в его собственную пользу, что не согласуется с логикой состязательного процесса. Эти риски снимаются не запретом инициативы должника, а установлением условий её допустимости, которые применительно к решениям, не требующим принудительного исполнения, законодатель уже установил. Опасность иного пути описана А.В. Асосковым применительно к смежному институту: необоснованно широкое определение круга сверхимперативных норм ведёт к полному отсутствию предсказуемости и определённости правового регулирования и способно дезорганизовать всю систему коллизионного регулирования [13, гл. 5]. Сказанное справедливо и для процессуальных предпосылок: институт, лишённый ограничителя, перестаёт быть предсказуемым.

Отдельного упоминания заслуживает то обстоятельство, что, признав за должником право на обращение, суд перешёл к оценке соблюдения взыскателем договорного порядка направления уведомлений о дефолте и к анализу применения составом арбитража доктрины эстоппеля [8]. Такая проверка находится в напряжении с принципом запрета пересмотра иностранного решения по существу, который в современной модели экзекватуры признаётся базовым [16, п. 369-370] и не блокирует лишь те полномочия суда, которые служат разрешению вопросов, охватываемых иными основаниями к отказу [16, п. 386].

5. Отечественный аналог: статья 245.1 АПК РФ

Предлагаемое ниже решение не является для российского права принципиально новым. Статья 245.1 АПК РФ, введённая Федеральным законом от 29 декабря 2015 года № 409-ФЗ и действующая с 1 сентября 2016 года [22], устанавливает, что решения иностранных судов и иностранных арбитражных решений, не требующие принудительного исполнения, признаются в Российской Федерации без какого-либо дальнейшего производства, если со стороны заинтересованного лица не поступят возражения (часть 2). Заинтересованное лицо вправе в течение одного месяца после того, как ему стало известно о решении, заявить возражения относительно признания в арбитражный суд по месту своего нахождения либо месту нахождения своего имущества, а при отсутствии того и другого в Российской Федерации - в Арбитражный суд города Москвы (часть 3) [2]. До реформы 2015-2016 годов сходный порядок предусматривался статьями 10 и 11 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1988 года № 9131-XI [4], признанного тем же Федеральным законом недействующим в части, относящейся к третейскому разбирательству [22].

Существенно, что закон предъявляет к заявлению со держательное требование: наряду с ходатайством об отказе в признании и основаниями для отказа заинтересованное лицо обязано обосновать нарушение этим решением его прав и законных интересов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности в Российской Федерации (пункт 5 части 5 статьи 245.1 АПК РФ) [2]. Тем самым отечественному правопорядку известны обе

черты, отсутствие которых обнаружилось в деле № А21-4252/2026: инициатива лица, против которого решение может быть использовано, и законный интерес как условие допустимости обращения. Особенность этого производства усматривают в том, что применительно к решениям о признании установлен не предварительный, а последующий судебный контроль [23].

Предмет статьи 245.1 АПК РФ, однако, ограничен решениями, не требующими принудительного исполнения. Решения LCIA, о признании которых просил должник по делу № А21-4252/2026, носили денежный характер, то есть требовали исполнения, и под действие названной статьи не попадали. Этим и объясняется процессуальная конфигурация дела: собственного средства у должника не было, и он воспользовался заявлением, рассчитанным на взыскателя. Пробел, следовательно, состоит не в отсутствии самой модели, а в её усечённости по предмету: право на обращение поставлено в зависимость от того, требует решение принудительного исполнения или нет, тогда как потребность должника в определённости от этого не зависит.

Обращает на себя внимание и месячный срок, установленный частью 3 статьи 245.1 АПК РФ. Федеральный верховный суд Германии специально обосновал отказ от срока для аналогичного заявления: связанность сроком вынуждала бы должника обращаться в суд, не дожидаясь исхода производства об отмене решения в государстве места арбитража, и порождала бы избыточную двойную загрузку судов [10]. Российский месячный срок, исчисляемый с момента, когда лицу стало известно о решении, этому доводу не отвечает и при расширении предмета производства подлежал бы пересмотру.

В международной практике признание решения, не требующего приведения в исполнение, рассматривается как самостоятельное оборонительное средство, к которому заинтересованная сторона прибегает, чтобы не допустить передачи разрешённого арбитражем спора на рассмотрение государственного суда [15, с. 143]. Признание, таким образом, имеет процессуальную ценность само по себе, а не только как ступень к принудительному исполнению. Российский законодатель признал это в статье 245.1 АПК РФ, но связал доступность производства с характером присуждения, а не с потребностью стороны в определённости.

6. Предложения по совершенствованию законодательства

Изложенное позволяет предложить точечное решение: распространить модель статьи 245.1 АПК РФ на иностранные арбитражные решения, требующие принудительного исполнения. Предлагаемая конструкция включает следующие элементы. Первое: право заявить возражение относительно признания принадлежит стороне арбитражного разбирательства, против которой вынесено решение. Второе: обращение допускается до подачи взыскателем заявления о признании и приведении в исполнение, с момента подачи такого заявления заявление должника подлежит оставлению без рассмотрения ввиду отпадения интереса, поскольку тот же вопрос разрешается в производстве взыскателя. Третье: заявитель обязан обосновать нарушение решением его прав и законных интересов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности по правилам пункта 5 части 5 статьи 245.1 АПК РФ; таким нарушением следует признавать, в частности, предъявление решения к исполнению в иностранной юрисдикции и обусловленность разрешительной процедуры судебной оценкой решения. Четвёртое: месячный срок, установленный частью 3 статьи 245.1 АПК РФ, к таким заявлениям применяться не должен либо дол-

жен исчисляться с момента, когда взыскатель заявил признание вовне. Пятое: основания отказа в признании и пределы проверки совпадают с установленными статьёй V Нью-Йоркской конвенции, статьями 243 и 244 АПК РФ. Шестое: вступившее в законную силу определение об отказе в признании исключает последующее удовлетворение заявления взыскателя о признании того же решения.

Одновременно следует устранить текстуальное противоречие между частью 1 статьи 242 и частью 2 статьи 241 АПК РФ, прямо оговорив, что заявление о признании и приведении в исполнение подаётся взыскателем, а заявление об установлении непризнания - должником.

Заключение

1. Дело № А21-4252/2026 фиксирует появление в российской практике процессуального явления, ранее не описанного в отечественной доктрине: производства о признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения, инициированного должником по этому решению при противодействии взыскателя.

2. Нью-Йоркская конвенция такому обращению не препятствует: статья III относит процедуру признания к праву государства, где оно испрашивается, а формулировка статьи IV описывает процессуальное положение заявителя, но не ограничивает круг управомоченных лиц фигурой взыскателя.

3. Российское регулирование внутренне противоречиво: часть 1 статьи 242 АПК РФ связывает право на обращение с исходом разбирательства, часть 2 статьи 241 АПК РФ - не связывает. Избранное судом толкование в пользу второй нормы не противоречит Конвенции, согласуется с доктринальным прочтением части 2 статьи 241 АПК РФ, ограничивающим круг заявителей сторонами арбитража, и имеет прямой аналог в § 207 раздела 9 Свода законов США.

4. В сравнительно-правовой перспективе обращение должника - известное явление, реализуемое преимущественно в отрицательной форме. Отечественному праву эта форма также известна - по статье 245.1 АПК РФ, однако лишь применительно к решениям, не требующим принудительного исполнения.

5. Недостающим элементом является не сам критерий законного интереса, известный пункту 5 части 5 статьи 245.1 АПК РФ, а его распространение на решения, требующие принудительного исполнения; в рассмотренном деле отсутствие критерия компенсировано оценочной конструкцией злоупотребления процессуальным правом. Восполнить пробел предлагается расширением предмета статьи 245.1 АПК РФ с одновременным пересмотром установленного ею месячного срока.

Практическое значение полученных результатов состоит в том, что они дают ориентир судам при оценке допустимости обращения должника, лицам, находящимся под ограничительными мерами, - при выборе способа легализации платежа в разрешительном порядке, а законодателю - при совершенствовании главы 31 АПК РФ. Теоретическое значение заключается в постановке вопроса о предпосылках права на обращение в производстве о признании иностранных арбитражных решений, до настоящего времени самостоятельной разработки не получившего.

Литература

1. Конвенция Организации Объединённых Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (заключена в г. Нью-Йорке 10 июня 1958 г.) // Вестник ВАС РФ. 1993. № 8. С. 108-113.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

3. Закон Российской Федерации от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» // Российская газета. 1993. 14 августа. № 156.

4. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1988 г. № 9131-XI «О признании и исполнении в СССР решений иностранных судов и арбитражей» // Свод законов СССР. Т. 10. С. 159.

5. Указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами» // Российская газета. 2022. 9 марта. № 49.

6. Указ Президента Российской Федерации от 4 мая 2022 г. № 254 «О временном порядке исполнения финансовых обязательств в сфере корпоративных отношений перед некоторыми иностранными кредиторами» // Российская газета. 2022. 5 мая. № 97.

7. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2013 г. № 156 // Вестник ВАС РФ. 2013. № 5.

8. Определение Арбитражного суда Калининградской области от 28 мая 2026 г. по делу № А21-4252/2026. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/d4096d26-407f-4fad-a605-310819ffc8fc> (дата обращения: 01.08.2026).

9. Zivilprozessordnung. § 1044 (в редакции, действовавшей до 1 января 1998 г.), § 1059, § 1060, § 1061, § 1062. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/zpo/_1061.html (дата обращения: 01.08.2026).

10. Bundesgerichtshof, Beschluss vom 9. März 2023 - I ZB 33/22. URL: <https://rewis.io/urteile/urteil/a5b-09-03-2023-i-zb-3322/> (дата обращения: 01.08.2026).

11. United States Code. Title 9. Arbitration. § 9, § 207. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/9/207> (дата обращения: 01.08.2026).

12. Slaney v. International Amateur Athletic Federation, 244 F.3d 580 (7th Cir. 2001).

13. Асосков А.В. Основы коллизионного права. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 352 с.

14. Канашевский В.А. Международное частное право: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Международные отношения, 2024. 1184 с.

15. Карабельников Б.Р. Исполнение и оспаривание решений международных коммерческих арбитражей. Комментарий к Нью-Йоркской конвенции 1958 г. и главам 30 и 31 АПК РФ 2002 г. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2008.

16. Крохалев С.В. Категория публичного порядка в международном гражданском процессе. СПб.: Издательский дом С.-Петербургского государственного университета, 2006. 472 с.

17. Нешатаева Т.Н. Международный гражданский процесс: учебное пособие. М.: Дело, 2001. 504 с.

18. Ярков В.В. Защита лиц, находящихся под ограничительными мерами: новые возможности // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 8. С. 30-31.

19. Born G. International Commercial Arbitration. 3rd ed. Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2021.

20. van den Berg A.J. The New York Arbitration Convention of 1958: Towards a Uniform Judicial Interpretation. Deventer: Kluwer Law and Taxation Publishers, 1981. 466 p.

21. Scherer M. Article III // New York Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards: Article-by-Article Commentary / ed. by R. Wolff. 2nd ed. München: C.H. Beck; Oxford: Hart; Baden-Baden: Nomos, 2019.

22. Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона "О саморегулируемых организациях" в связи с принятием

Федерального закона "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. I). Ст. 29.

23. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Абсаямов, Д.Б. Абушенко, А.И. Бессонова и др.; под ред. В.В. Яркова. 4-е изд., испр. и перераб. М.: Статут, 2020. Комментарий к ст. 245.1.

Exequatur on the application of the award debtor: a new phenomenon in the russian practice of recognition of foreign arbitral awards
Shchedrin G.A.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article examines a procedural phenomenon recorded in the ruling of the Arbitrazh Court of the Kaliningrad Region of 28 May 2026 in case No. A21-4252/2026: the application for recognition and enforcement of a foreign arbitral award was filed by the award debtor, while the award creditor objected to the case being heard by the Russian court. The purpose of the study is to establish whether the debtor may initiate proceedings for the recognition and enforcement of judgments of foreign courts and foreign arbitral awards under the Arbitrazh Procedure Code of the Russian Federation, and on what conditions. The author applies formal-legal, comparative-legal and teleological methods, as well as case-law analysis. It is established that the 1958 New York Convention does not confine the range of applicants to the award creditor, referring procedural matters to the law of the State of recognition, whereas Russian domestic regulation contains a contradiction between part 1 of Article 242 and part 2 of Article 241 of the said Code. A comparative analysis of German and United States law shows that a number of legal systems allow the award debtor, the party against whom the award was rendered, to apply to the State court in his own right, yet this is implemented mainly in a negative form: the debtor seeks not recognition of the award, but a declaration that it is not to be recognised. It is demonstrated that Russian law is also familiar with this model: Article 245.1 of the said Code allows an interested person to object to the recognition of a decision that does not require enforcement and requires that person to substantiate the infringement of his rights and legitimate interests. It is concluded that the missing element is not the criterion of legitimate interest as such, but its extension to awards requiring enforcement. It is proposed to broaden the scope of Article 245.1 of the Code and to reconsider the one-month period it establishes.

Keywords: recognition and enforcement, foreign arbitral award, 1958 New York Convention, exequatur, award debtor, declaration of non-recognition, legitimate interest, public policy, restrictive measures.

References

1. United Nations Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (New York, 10 June 1958) // Vestnik VAS RF. 1993. No. 8. Pp. 108-113.
2. Arbitrazh Procedure Code of the Russian Federation of 24 July 2002 No. 95-FZ // Sbornie zakonodatelstva RF. 2002. No. 30. Art. 3012.
3. Law of the Russian Federation of 7 July 1993 No. 5338-1 "On International Commercial Arbitration" // Rossiyskaya gazeta. 1993. 14 August. No. 156.
4. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of 21 June 1988 No. 9131-XI "On the Recognition and Enforcement in the USSR of Judgments of Foreign Courts and Arbitral Tribunals" // Svod zakonov SSSR. Vol. 10. P. 159.
5. Decree of the President of the Russian Federation of 5 March 2022 No. 95 "On the Temporary Procedure for the Performance of Obligations towards Certain Foreign Creditors" // Rossiyskaya gazeta. 2022. 9 March. No. 49.
6. Decree of the President of the Russian Federation of 4 May 2022 No. 254 "On the Temporary Procedure for the Performance of Financial Obligations in the Sphere of Corporate Relations towards Certain Foreign Creditors" // Rossiyskaya gazeta. 2022. 5 May. No. 97.
7. Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation of 26 February 2013 No. 156 // Vestnik VAS RF. 2013. No. 5.
8. Ruling of the Arbitrazh Court of the Kaliningrad Region of 28 May 2026 in case No. A21-4252/2026. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/d4096d26-407f-4fad-a605-310819ffc8fc> (accessed: 01.08.2026).
9. Zivilprozessordnung. Sections 1044 (as in force until 1 January 1998), 1059, 1060, 1061, 1062. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/zpo/_1061.html (accessed: 01.08.2026).
10. Bundesgerichtshof, Beschluss vom 9. März 2023 - I ZB 33/22. URL: <https://rewis.io/urteile/urteil/a5b-09-03-2023-i-zb-3322/> (accessed: 01.08.2026).
11. United States Code. Title 9. Arbitration. Sections 9, 207. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/9/207> (accessed: 01.08.2026).
12. Slaney v. International Amateur Athletic Federation, 244 F.3d 580 (7th Cir. 2001).
13. Asoskov A.V. Fundamentals of Conflict of Laws. Moscow: Infotropic Media, 2012. 352 p.
14. Kanashevskiy V.A. Private International Law: textbook. 5th ed. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2024. 1184 p.
15. Karabelnikov B.R. Enforcement and Challenge of Awards of International Commercial Arbitration. Commentary on the 1958 New York Convention and Chapters 30 and 31 of the Arbitrazh Procedure Code of the Russian Federation. 3rd ed. Moscow: Statut, 2008.

16. Krokhaev S.V. The Category of Public Policy in International Civil Procedure. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2006. 472 p.
17. Neshataeva T.N. International Civil Procedure: textbook. Moscow: Delo, 2001. 504 p.
18. Yarkov V.V. Protection of Persons Subject to Restrictive Measures: New Opportunities // *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*. 2021. No. 8. Pp. 30-31.
19. Born G. International Commercial Arbitration. 3rd ed. Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2021.
20. van den Berg A.J. The New York Arbitration Convention of 1958: Towards a Uniform Judicial Interpretation. Deventer: Kluwer Law and Taxation Publishers, 1981. 466 p.
21. Scherer M. Article III // *New York Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards: Article-by-Article Commentary* / ed. by R. Wolff. 2nd ed. Munich: C.H. Beck; Oxford: Hart; Baden-Baden: Nomos, 2019.
22. Federal Law of 29 December 2015 No. 409-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and on Repeal of Clause 3 of Part 1 of Article 6 of the Federal Law 'On Self-Regulatory Organisations' in Connection with the Adoption of the Federal Law 'On Arbitration (Arbitral Proceedings) in the Russian Federation'" // *Sobranie zakonodatelstva RF*. 2016. No. 1 (part I). Art. 29.
23. Commentary on the Arbitrazh Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article) / A.V. Absalyamov, D.B. Abushenko, A.I. Bessonova et al.; ed. by V.V. Yarkov. 4th ed. Moscow: Statut, 2020. Commentary on Article 245.1.

Юридическая ответственность за вред, причиненный действиями искусственного интеллекта в публично-правовых отношениях

Иванов Сергей Владимирович

Аспирант, Московский финансово-промышленный Университет «Синергия», ivanovsergei5@yandex.ru

В статье рассматриваются проблемы юридической ответственности за вред, причиненный решениями искусственного интеллекта в публично-правовых отношениях. Государственные органы все шире применяют автоматизированные системы при выработке юридически значимых решений, в контрольно-надзорной деятельности, при предоставлении публичных услуг и оценке рисков, тогда как единого механизма распределения ответственности за вызванный такими решениями вред в российском праве пока нет. На основе анализа статьи 53 Конституции Российской Федерации, норм гражданского законодательства, законодательства о персональных данных, стратегических документов в сфере искусственного интеллекта, а также отечественной и зарубежной доктрины обоснована двухконтурная модель ответственности. Во внешнем контуре перед потерпевшим отвечает публичный субъект, от имени которого принято решение; во внутреннем контуре действует дифференцированный регресс к органу, должностному лицу, поставщику системы и оператору данных. Аргументирована целесообразность нормативного закрепления обязанностей фиксации информации о работе системы, объяснимости и человеческого контроля, а также смещения бремени доказывания в пользу потерпевшего при отсутствии этих сведений.

Ключевые слова: искусственный интеллект; публично-правовые отношения; государственное управление; автоматизированное принятие решений; юридическая ответственность; возмещение вреда; объяснимость; транспарентность; человеческий контроль; судебная защита.

Постановка проблемы

Цифровая трансформация публичного управления изменила не только инструментарий органов власти, но и саму природу принимаемых ими решений. Системы искусственного интеллекта (далее – ИИ) давно перестали быть средством сугубо внутренней аналитики. Сегодня они участвуют в выработке юридически значимых решений, затрагивающих права, свободы и законные интересы частных лиц: в правоохранительной деятельности, налоговом и миграционном администрировании, распределении мер социальной поддержки, контрольно-надзорной деятельности, предоставлении государственных услуг. При этом публичная власть сохраняет то, чего лишен любой коммерческий сервис, – принудительный авторитет и презумпцию законности своих актов. Дефект алгоритма, положенного в основание властного решения, бьет по гражданину иначе и сильнее, чем сбой потребительского приложения.

Проблема давно вышла за пределы теоретических построений. Сравнительный опыт показывает, что в публичной сфере вред чаще рождается не из мифического «сильного» ИИ, а из сочетания алгоритмического риска, административной непрозрачности и слабых процедур обжалования. Вместе с тем отечественное право пока не предлагает целостной конструкции, которая отвечала бы на главный вопрос: кто и в каком объеме отвечает перед гражданином, пострадавшим от решения, выработанного или существенно предопределенного машиной. Сам по себе ИИ субъектом права не является; значит, спор о возмещении вреда неизбежно разворачивается вокруг людей и организаций, которые ввели систему в оборот либо опирались на нее. На наш взгляд, эту проблему правильнее рассматривать не как технологический казус, а как новый вид риска осуществления публичной власти.

Юридически значимое решение в публичной сфере формально исходит от органа государственной власти, органа местного самоуправления или должностного лица – даже когда оно подготовлено, отфильтровано либо предопределено алгоритмической системой. Конституция Российской Федерации в статье 53 гарантирует каждому право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти и их должностных лиц [1]. Статья 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации переводит эту гарантию в деликтный механизм: вред, причиненный гражданину или юридическому лицу незаконными действиями органов власти, возмещается за счет соответствующей казны [2]. Исходная точка российской модели, следовательно, – публичный субъект, а не «искусственный интеллект» как мнимый носитель прав и обязанностей. Этот вывод разделяет и современная отечественная доктрина [8; 9].

Сложность в другом. Установить источник вреда быстро удается редко: им может оказаться дефект архитектуры модели или обучающего набора данных, некорректная интеграция системы, неверно выбранные параметры эксплуатации. Сюда же относится и собственно управленческое упущение – незаконное решение, которое должностное лицо обязано было проверить самостоятельно, не перекладывая ответственность на «подсказку» программы. Особенно остро эта асимметрия проявляется в публичном управлении, где гражданин не имеет доступа ни к модели, ни к журналам событий, ни к

методике скоринга, а потому объективно слабее в доказывании причинной связи и противоправности [11]. Думается, именно информационное неравенство сторон, а не «автономность» машины, образует ядро проблемы.

Действующее российское регулирование: фрагментарный фундамент

Российская правовая база уже содержит основу защиты от вреда, причиненного ИИ-решениями в публичной сфере, однако основа эта пока фрагментарна. Помимо конституционной гарантии и деликтных норм гражданского права, особое значение приобретает статья 16 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», которая отдельно регулирует решения, порождающие юридические последствия и принятые исключительно на основании автоматизированной обработки персональных данных [3]. Иными словами, отечественный законодатель уже исходит из повышенной чувствительности полностью автоматизированных решений. При этом названная норма защищает преимущественно права субъекта данных и не выстраивает ни публично-правовую процедуру объяснения такого решения, ни детальную модель распределения ответственности между государством и его технологическими контрагентами.

Стратегический контур регулирования сложился раньше отраслевого. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 (в редакции 2024 года), и Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р, прямо называли юридическую ответственность и применение ИИ при принятии юридически значимых решений отдельными направлениями регулирования [4; 5]. Дополняет картину мягкое право – Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта 2021 года и национальные стандарты обеспечения доверия к системам ИИ [6; 7]. По сути, проблема осознана на уровне доктрины и политики, но в законодательную конструкцию полного цикла – от уведомления лица о применении ИИ до регресса к поставщику системы – эти установки пока не преобразованы. Приходится констатировать: публичная власть технологически усложняется быстрее, чем обновляется модель ее юридической ответственности. В отечественной науке административного права эта асимметрия давно осознана как запрос на опережающее развитие правового регулирования и потребовала введения в методологический инструментарий категории предвидения применительно к вопросам цифровизации и робототехники [14].

Стоит присмотреться к самой связке конституционной и деликтных норм. Статья 53 Конституции задает гарантию, статья 1069 Гражданского кодекса – общий механизм возмещения за счет казны, а статья 1070 выделяет особый режим ответственности за вред от незаконных действий органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда [2]. Последнее обстоятельство для нашей темы принципиально: именно в правоохранительной и судебной сферах ИИ-инструменты (оценка риска, классификация, предиктивная аналитика) затрагивают человека наиболее болезненно. Получается, что российское право уже различает обычный публичный деликт и деликт в наиболее чувствительных областях, однако технологический фактор – участие алгоритма в подготовке решения – в этой дифференциации пока никак не учтен. Восполнить этот пробел, на наш взгляд, и призван специальный режим.

Сравнительно-правовой контекст

На международном уровне вопрос поставлен заметно жестче. Статья 22 Регламента (ЕС) 2016/679 ограничивает решения, основанные исключительно на автоматизированной обработке, если они влекут юридические последствия или сходным образом существенно затрагивают лицо [17]. Регламент (ЕС) 2024/1689 об искусственном интеллекте отнес к высокорисковым именно те сферы, где публичная власть традиционно сильнее всего вторгается в правовой статус человека: правоохранительную деятельность, миграцию и пограничный контроль, управление правосудия, демократические процессы, доступ к существенным услугам [18]. Регламент не создает компенсационного механизма как такового, но институционализировал обязанности по управлению рисками, ведению журналов событий, обеспечению прозрачности и человеческого надзора. Логика проста и верна по существу: чем сильнее ИИ влияет на положение человека в отношениях с государством, тем выше должны быть требования прозрачности и подконтрольности.

Сравнительные кейсы подтверждают, что вред возникает не от «самосознания машины», а от плохой административной организации алгоритмического решения. Суд Гааги в 2020 году признал, что нормативная база системы выявления риска мошенничества в социальной сфере (SyRI) была недостаточно прозрачной и несоразмерно вмешивалась в частную жизнь, нарушая статью 8 Европейской конвенции [16]. Последовавший нидерландский скандал вокруг детских пособий, охарактеризованный парламентским расследованием как беспрецедентная несправедливость, привел к массовому ущербу и отставке правительства в 2021 году. Для российской науки это аргумент не «против ИИ», а в пользу превентивной нормативной модели: правовая задача состоит не только в том, чтобы найти виновного после инцидента, но и в том, чтобы заранее выстроить режим, при котором цифровая публичная власть остается проверяемой, объяснимой и поправимой.

Двухконтурная модель ответственности

Представляется, что наиболее адекватной российской конституционной логике является двухконтурная модель ответственности за вред от ИИ-решений в публично-правовых отношениях. Ее сущностные характеристики можно свести к двум положениям.

1. Внешний контур. Перед гражданином или организацией отвечает тот публичный субъект, от имени которого принято юридически значимое решение или совершено причинившее вред действие. Такая конструкция прямо продолжает статью 53 Конституции Российской Федерации и статью 1069 Гражданского кодекса: потерпевший не должен распутывать технологическую цепочку между ведомством, интегратором и поставщиком модели, чтобы получить возмещение. Если вред причинен при реализации публичной функции, первоначальный ответчик – государство или иной публичный носитель власти. Именно это отвечает требованиям правовой определенности и эффективной судебной защиты.

2. Внутренний контур. После возмещения вреда публичный субъект должен располагать регрессным требованием к конкретным участникам жизненного цикла системы, и объем требования зависит от источника дефекта. Когда вред вызван незаконным выбором модели, отказом от оценки рисков или игнорированием очевидных аномалий, регресс обращается к органу и должностным лицам. Когда причина лежит в недоброкачественных данных, скрытых ограничениях модели или ненадлежащем сопровождении, ответственность перераспределяется на разработчика, поставщика, интегратора, оператора данных либо их сочетание. Полезны здесь и наработки оте-

чественной доктрины о дифференциации субъектов ответственности [10; 15], и обсуждаемые механизмы распределения ответственности за вред от систем ИИ [13].

Подчеркнем: разведение контуров не освобождает государство от первичной ответственности и не превращает гражданина в участника технологического спора. Внешний контур обеспечивает быстрое и предсказуемое возмещение, внутренний – справедливое возложение издержек на того, кто действительно создал риск.

Двухконтурная модель не закрывает отдельного вопроса – о пределах полнотой автономного принятия решений. Думается, в высокорисковых сферах публичной власти (контроль и надзор, миграция, социальная поддержка, тем более правоохрана и правосудие) окончательное юридически значимое решение не должно приниматься машиной без содержательного участия человека. Человеческий контроль здесь не формальная подпись под готовым результатом, а реальная возможность не согласиться с выводом системы, запросить обоснование и принять иное решение под собственную ответственность. Если же орган сознательно выстраивает процесс так, что должностное лицо фактически лишь визирует машинный результат, это само по себе должно рассматриваться как нарушение стандарта осмотрительности и основание для повышенной ответственности. Иначе разговор о регрессе и бремени доказывания теряет смысл: невозможно спрашивать с того, кому не оставили реального выбора.

Объяснимость, логирование и бремя доказывания

Без объяснимости и протоколирования любая модель ответственности остается во многом декларативной. В этой связи в публичном праве оправдано закрепить минимальный набор обязанностей органа, использующего ИИ в юридически значимых процессах: фиксировать сам факт применения системы и сохранять журналы событий; хранить сведения о версии модели, источниках и профиле данных, параметрах запуска и роли человека в цепочке принятия решения. К этому добавляется требование воспроизводимости результата, без которого последующая проверка теряет смысл. При отсутствии перечисленных данных суду следует предоставить право смещать бремя доказывания в пользу потерпевшего, презюмируя нарушение стандарта должной цифровой осмотрительности. Прозрачность государственного управления при автоматизированном принятии решений уже стала предметом самостоятельного исследовательского внимания [12], и российская модель здесь способна развиваться в собственной логике, не копируя зарубежные конструкции механически.

Процессуальные гарантии

Лицо, в отношении которого применялись ИИ-системы при принятии публично значимого решения, нуждается не в абстрактном «праве знать о цифровизации», а в конкретных правомочиях. К ним относятся право быть уведомленным о применении ИИ и право на содержательное объяснение его роли в решении. Особое место занимает право на пересмотр решения человеком (human review): автоматизированный результат не должен становиться окончательным там, где речь идет о правах и свободах. Сюда же примыкает право оспорить цифровой результат с доступом к сведениям, необходимым для защиты, и – при споре о корректности модели, качестве данных или алгоритмической дискриминации – право на независимую экспертизу. Пока такие гарантии вытекают из общих норм о защите прав, персональных данных и возмещении вреда [3], однако для публичной сферы требуется их более прямая кодификация.

Подводя итог, можно констатировать, что вред, причиненный решениями искусственного интеллекта в публично-правовых отношениях, следует рассматривать как новый вид риска осуществления публичной власти, а не как технологический казус. Искусственный интеллект не является самостоятельным субъектом публично-правовой ответственности; юридическое значение сохраняют решения и действия органов власти, должностных лиц и организаций, которые эксплуатируют или поставляют такие системы. Полагаем целесообразным закрепить в законодательстве специальный режим, опирающийся на двухконтурную модель: внешнюю публичную гарантию возмещения вреда за счет казны и внутренний дифференцированный регресс, дополненные обязанностями логирования, объяснимости и человеческого контроля, а также правилом о смещении бремени доказывания при их несоблюдении.

Своевременность такой постановки не вызывает сомнений. Российская судебная и правоприменительная практика по делам, связанным с использованием ИИ, переходит от обсуждения технологии как футуристического феномена к институциональной настройке доказательственных и квалификационных подходов. Отсутствие пока обширного массива дел – не повод откладывать решение, а основание выстроить правила до того, как вред станет массовым. Конституционная гарантия возмещения вреда обращена в будущее ровно в той мере, в какой государство готово сохранить цифровую публичную власть подконтрольной и объяснимой.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Ст. 53 [Электронный ресурс] // Доступ: СПС "Консультант Плюс Проф" (Дата обращения: 13.06.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 09.06.2026). Ст. 1069, 1070 [Электронный ресурс] // Доступ: СПС "Консультант Плюс Проф" (Дата обращения: 13.06.2026).
3. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025). Ст. 16 [Электронный ресурс] // Доступ: СПС "Консультант Плюс Проф" (Дата обращения: 13.06.2026).
4. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) (вместе с "Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года") [Электронный ресурс] // Доступ: СПС "Консультант Плюс Проф" (Дата обращения: 13.06.2026).
5. Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 19.08.2020 № 2129-р [Электронный ресурс] // Доступ: СПС "Консультант Плюс Проф" (Дата обращения: 13.06.2026).
6. ГОСТ Р 59276-2020. Системы искусственного интеллекта. Способы обеспечения доверия. Общие положения: национальный стандарт Российской Федерации (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 23.12.2020 № 1371-ст; дата введения 01.03.2021) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС "Консультант Плюс Проф" (Дата обращения: 13.06.2026).
7. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. М., 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (Дата обращения: 13.06.2026).

Закключение

8. Архипов Н. В. О гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный при использовании искусственного интеллекта // Правовое государство: теория и практика. 2024. Т. 20. № 3 (77). С. 104-109. DOI: 10.33184/pravgos-2024.3.12. EDN: SYTIQM.

9. Архипов В. В., Наумов В. Б., Смирнова К. М. Пределы принятия юридически значимых решений с использованием искусственного интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12. № 4. С. 882-906. DOI: 10.21638/spbu14.2021.405. EDN: BNEPZT.

10. Балалаева Ю. С. Проблема определения субъектов юридической ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом: анализ путей решения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3 (99). С. 10-19. DOI: 10.35750/2071-8284-2023-3-10-19. EDN: OZYUGX.

11. Бахтеев Д. В. Правовой статус систем искусственного интеллекта и модели дифференциации юридической ответственности за причиненный ими вред // Lex Russica. 2024. Т. 77. № 4 (209). С. 9-23. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.209.4.009-023. EDN: ULESCY.

12. Кабытов П. П., Назаров Н. А. Прозрачность государственного управления в условиях автоматизированного принятия решений // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 18. № 3. С. 28-55. DOI: 10.17323/2072-8166.2025.3.28.55.

13. Казанцев Д. А. Правовые механизмы распределения ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта // Journal of Digital Technologies and Law. 2025. Т. 3. № 3. С. 446-471. DOI: 10.21202/jdtl.2025.18. EDN: RUZMXP.

14. Малько А. В., Ишеков К. А., Черкасов К. В. Предвидение в науке административного права (По трудам юбиляра – ученого-административиста П. П. Сергуна) // Государство и право. 2023. № 10. С. 119–124. DOI: 10.31857/S102694520027964-1.

15. Талапина Э. В., Черешнева И. А. Правовые проблемы ответственности за государственные управленческие решения с использованием искусственного интеллекта // Информационное общество. 2024. № 6. С. 98-106. EDN: AASLOI.

16. District Court of The Hague. Judgment of 5 February 2020 in case NJCM and others v. the State of the Netherlands (SyRI), ECLI:NL:RBDHA:2020:865. URL: <https://uitspraken.rechtspraak.nl/#!/details?id=ECLI:NL:RBDHA:2020:865> (Дата обращения: 13.06.2026).

17. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data (General Data Protection Regulation) // Official Journal of the European Union. 2016. L 119. P. 1-88. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj> (Дата обращения: 13.06.2026).

18. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 2024. L, 2024/1689. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj> (Дата обращения: 13.06.2026).

Legal liability for harm caused by artificial intelligence decisions in public-law relations
Ivanov S.V.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

The article examines the problems of legal liability for harm caused by artificial intelligence decisions in public-law relations. Public authorities increasingly rely on automated systems when adopting legally significant decisions, in oversight activities, in the delivery of public services and in risk assessment, while Russian law still lacks a unified mechanism for allocating liability for the resulting harm. Drawing on Article 53 of the

Constitution of the Russian Federation, civil legislation, personal-data legislation, strategic documents on artificial intelligence, and Russian and foreign doctrine, the author substantiates a two-tier model of liability. In the external tier the public entity in whose name the decision was taken is liable to the injured party; in the internal tier a differentiated recourse operates against the body, the official, the system supplier and the data operator. The expediency of the normative consolidation of obligations for system activity logging, explainability, and human oversight, as well as the shifting of the burden of proof in favor of the victim in the absence of such information, is argued.

Keywords: artificial intelligence; public-law relations; public administration; automated decision-making; legal liability; compensation for harm; explainability; transparency; human oversight; judicial protection.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12 December 1993, with amendments approved on 1 July 2020). Article 53 [Electronic resource]. Access: Consultant Plus Prof legal reference system (accessed: 13.06.2026).
2. The Civil Code of the Russian Federation (part two): Federal Law of 26 January 1996 No. 14-FZ (as amended on 24 June 2025, with changes of 9 June 2026). Articles 1069, 1070 [Electronic resource]. Access: Consultant Plus Prof legal reference system (accessed: 13.06.2026).
3. On Personal Data: Federal Law of 27 July 2006 No. 152-FZ (as amended on 24 June 2025). Article 16 [Electronic resource]. Access: Consultant Plus Prof legal reference system (accessed: 13.06.2026).
4. On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 10 October 2019 No. 490 (as amended on 15 February 2024) (together with the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the period up to 2030) [Electronic resource]. Access: Consultant Plus Prof legal reference system (accessed: 13.06.2026).
5. On Approval of the Concept for the Development of the Regulation of Relations in the Field of Artificial Intelligence and Robotics Technologies until 2024: Order of the Government of the Russian Federation of 19 August 2020 No. 2129-r [Electronic resource]. Access: Consultant Plus Prof legal reference system (accessed: 13.06.2026).
6. GOST R 59276-2020. Artificial intelligence systems. Methods for ensuring trust. General: National Standard of the Russian Federation (approved by Order of Rosstandart of 23 December 2020 No. 1371-st; effective from 1 March 2021) [Electronic resource]. Access: Consultant Plus Prof legal reference system (accessed: 13.06.2026). (In Russ.)
7. Code of Ethics in the Field of Artificial Intelligence. Moscow, 2021 [Electronic resource]. URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (accessed: 13.06.2026). (In Russ.)
8. Arkhireev N. V. On civil liability for harm caused by the use of artificial intelligence. Rule-of-Law State: Theory and Practice. 2024. Vol. 20. No. 3 (77). Pp. 104-109. DOI: 10.33184/pravgos-2024.3.12. EDN: SYTIQM. (In Russ.)
9. Arkhipov V. V., Naumov V. B., Smirnova K. M. The limits of legally significant decision-making using artificial intelligence. Vestnik of Saint Petersburg University. Law. 2021. Vol. 12. No. 4. Pp. 882-906. DOI: 10.21638/spbu14.2021.405. EDN: BNEPZT. (In Russ.)
10. Balalaeva Yu. S. The problem of identifying the subjects of legal liability for harm caused by artificial intelligence: analysis of solutions. Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3 (99). Pp. 10-19. DOI: 10.35750/2071-8284-2023-3-10-19. EDN: OZYUGX. (In Russ.)
11. Bakhteev D. V. The legal status of artificial intelligence systems and models for differentiating legal liability for the harm they cause. Lex Russica. 2024. Vol. 77. No. 4 (209). Pp. 9-23. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.209.4.009-023. EDN: ULESCY. (In Russ.)
12. Kabytov P. P., Nazarov N. A. Transparency of public administration under automated decision-making. Prav. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki. 2025. Vol. 18. No. 3. Pp. 28-55. DOI: 10.17323/2072-8166.2025.3.28.55. (In Russ.)
13. Kazantsev D. A. Legal mechanisms for allocating liability for harm caused by artificial intelligence systems. Journal of Digital Technologies and Law. 2025. Vol. 3. No. 3. Pp. 446-471. DOI: 10.21202/jdtl.2025.18. EDN: RUZMXP. (In Russ.)
14. Mal'ko A. V., Ishekov K. A., Cherkasov K. V. Foresight in the science of Administrative Law (From the works of the anniversary – administrative scientist P. P. Sergun). Gosudarstvo i pravo=State and Law. 2023. No. 10. Pp. 119–124. DOI: 10.31857/S102694520027964-1. (In Russ.)
15. Talapina E. V., Cheresheva I. A. Legal problems of liability for governmental managerial decisions involving artificial intelligence. Information Society. 2024. No. 6. Pp. 98-106. EDN: AASLOI. (In Russ.)
16. District Court of The Hague. Judgment of 5 February 2020 in case NJCM and others v. the State of the Netherlands (SyRI), ECLI:NL:RBDHA:2020:865. URL: <https://uitspraken.rechtspraak.nl/#!/details?id=ECLI:NL:RBDHA:2020:865> (accessed: 13.06.2026).
17. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data (General Data Protection Regulation). Official Journal of the European Union. 2016. L 119. Pp. 1-88. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj> (accessed: 13.06.2026).

Дискреционные полномочия суда и прокурорская инициатива в делах о несостоятельности

Герц Анастасия Михайловна

аспирант кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности МГЮА им. О.Е. Кутафина

В статье предпринимается попытка определения дискреционных полномочий арбитражного суда в делах о несостоятельности (банкротстве) и исследование их соотношения с прокурорской инициативой. Анализируется правовая природа судебного усмотрения, его структура и пределы, процессуальные возможности прокурора по защите публичных интересов в делах о несостоятельности (банкротстве). Автором делается вывод о взаимовлиянии дискреции суда и прокурорской активности как синергии обеспечения баланса частных и публичных интересов.

Ключевые слова: дискреционные полномочия, судебское усмотрение, несостоятельность (банкротство), прокурорская инициатива, арбитражный процесс, публичный интерес

В поисках ответа на вопрос о пределах судебской свободы в делах о несостоятельности доктрина неизменно обращается к латинскому первоисточнику *discretio* – «свобода выбора» или «действующий по своему усмотрению». Этот же термин означает возможность и способность действовать разумно, осмотрительно. Само понятие прошло через призму континентальной и англосаксонской правовых традиций; оно лежит в основе феномена, который в современной юриспруденции именуется дискреционными полномочиями суда⁵⁰. Так, дискреция суда – это властное полномочие судебных органов, разрешающее им действовать в гражданском и арбитражном процессе по собственному усмотрению в рамках закона, причем нормативным основанием такой дискреции выступает правовая неопределенность в отношении условий, содержания и последствий реализации полномочий⁵¹.

Содержание судебской дискреции в процедурах несостоятельности раскрывается через категорию судебного усмотрения, которое в процессе определяется как основанная на законе и внутреннем убеждении возможность суда выбирать один из нескольких юридически допустимых вариантов решения применительно к конкретным обстоятельствам дела. Суд разрешает спор, управляя ходом сложной реабилитационной или ликвидационной процедуры. Сложность ее заключается, прежде всего, в том, что каждый этап потенциально влечет имущественные последствия для неопределенного круга лиц. Именно поэтому дискреционные полномочия арбитражного суда в делах о несостоятельности следует отличать от общих процессуальных дискреций, например, связанных с оценкой доказательств или распределением бремени доказывания: в банкротном процессе судебское усмотрение распространяется на организационно-распорядительные действия, имеющие не процессуальный, а материально-правовой эффект⁵².

В делах о несостоятельности, а равно в делах о банкротстве, неопределенность обусловлена сложной природой непосредственно банкротного процесса, который сочетает элементы судебного контроля, административного управления и имущественных распорядительных процедур.

Арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве, объективно не может ограничиваться исключительно ролью пассивного арбитра, разрешающего споры о праве между равными субъектами. Специфика банкротного производства заключается в том, что суд наделяется полномочиями по утверждению планов реструктуризации, назначению и отстранению арбитражных управляющих, разрешению разногласий между кредиторами и должником, определению очередности удовлетворения требований и по контролю за действиями управляющего на всех стадиях процедуры. Эти полномочия по своей правовой сущности выходят за рамки понимания правосудия исключительно как разрешения спора между двумя сторонами и приближаются к функциям публичного администратора, действующего в интересах всех участников банкротного процесса и общества в целом. Сегодня дис-

⁵⁰ Пономарев, Н.С. Дискреционные полномочия судей в уголовном процессе: критический анализ / Н.С. Пономарев. – Уголовное судопроизводство, 2023. - № 04. – С. 40-45.

⁵¹ Гаджиалиева, Н.Ш. Понятие, сущность и правовая природа дискреционных полномочий суда в гражданском судопроизвод-

стве / Н.Ш. Гаджиалиева. - Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки, 2021. – Т. 36. – № 4. – С. 98-106.

⁵² Громов, Д.В. Судебная дискреция в делах о несостоятельности (банкротстве) и критерии ее применения / Д.В. Громов. – МГУ им. М.В. Ломоносова, 2024. – 8 с.

креционные полномочия арбитражного суда по управлению банкротным процессом допускают возможность определения справедливой очередности удовлетворения требований кредитора, исходя из всей совокупности обстоятельств конкретного дела. Подтверждается позиция определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации по делу, в котором высшая судебная инстанция отменила решения нижестоящих судов именно ввиду того, что те не в полной мере реализовали предоставленные им дискреционные полномочия при определении очередности погашения текущих налоговых платежей перед требованиями залогового кредитора⁵³.

Сама по себе констатация наличия дискреции не раскрывает ее внутренней структуры. Предложено различать два уровня судебного усмотрения в банкротстве:

1) усмотрение, связанное с применением оценочных понятий (например, «разумный срок», «добросовестность», «экономическая обоснованность»), которое требует от суда конкретизации абстрактных законодательных формул;

2) усмотрение, касающееся выбора между несколькими прямо предусмотренными законом альтернативами (например, выбор процедуры реструктуризации или реализации имущества, утверждение одного из предложенных планов погашения задолженности).

Оба уровня взаимосвязаны. Но, стоит отметить, первый предполагает гораздо более высокую степень свободы суда, так как законодатель не задает жестких критериев оценки; а второй ограничен рамками допустимых законом вариантов.

В сложившейся за последние годы правоприменительной практике судебное усмотрение в банкротстве есть не столько право суда, сколько его обязанность по поиску баланса между конкурирующими интересами в условиях, когда закон не предлагает однозначного решения.

Дискреционные полномочия суда в делах о несостоятельности структурируются по нескольким основаниям. Во-первых, это полномочия, связанные с формированием и контролем деятельности арбитражного управляющего – в том числе его утверждение, освобождение и установление размера вознаграждения.

Во-вторых, это полномочия по определению судьбы имущества должника. К ним относятся утверждение порядка и условий продажи, замена предмета залога, разрешение споров о включении имущества в конкурсную массу.

В-третьих, полномочия по оценке добросовестности участников процесса и применению последствий недобросовестного поведения. К таковым первостепенно можно отнести отказ в защите права и понижение очередности удовлетворения требований аффилированных кредиторов.

Наконец, в-четвертых, полномочия по утверждению мировых соглашений и планов реструктуризации, предполагающие оценку их исполнимости и соответствия интересам всех кредиторов.

Каждое из оных направлений дискреции имеет свои критерии реализации. Например, при утверждении арбитражного управляющего суд, разумеется, оценивает формальное соответствие кандидата требованиям закона о саморегулируемой организации и отсутствие дисквалификации, но, что немаловажно, учитывает его профессиональную репутацию, опыт ведения аналогичных процедур, наличие либо отсутствие жалоб на его действия в прошлом⁵⁴. Аналогично при определении порядка продажи имущества суд учитывает рыночную конъюнктуру, специфику актива, интересы залогового и незазалоговых кредиторов. Выходит, каждый рассматриваемый случай уникален, нетипичен и неподдающийся типовым решениям.

Важно добавить, что судебное усмотрение проявляется наиболее ярко в сфере оценки добросовестности, потому как закон, не содержа перечня признаков недобросовестности, вынуждает суд вырабатывать их самостоятельно, ориентируясь на складывающуюся практику и правовые позиции вышестоящих инстанций.

При этом каждый из перечисленных видов дискреции имеет собственные пределы, которые, с одной стороны, очерчены законом, а с другой – выработаны судебной практикой и правовыми позициями.

Среди последних, в том числе, изложенные в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2025 года (постановление №41⁵⁵ и постановление №42⁵⁶). Примечательно, что приведенные постановления, задают общие ориентиры для судебного усмотрения в противовес конкретным, узким и ограниченным правилам поведения. К примеру, в первом упомянутом постановлении «Об установлении в процедурах банкротства требований контролирующих должника лиц и аффилированных лиц должника» приводится разъяснение о том, что при определении очередности удовлетворения требований аффилированных лиц суд должен исходить из экономической сущности сделок (то есть не из их формальной квалификации). Это предписание существенно сужает свободу суда в оценке подобных требований, обязывая его углубляться в экономические мотивы участников.

Напротив, постановление «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 года N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» касается внутригруппового финансирования. За счет этого постановление №42 расширяет дискрецию суда и предоставляет ему возможность не понижать очередность, если финансирование предоставлялось на рыночных условиях. Итак, следует вывод о том, что судебные разъяснения выполняют двойственную функцию: они одновременно ограничивают усмотрение (указывая, что нельзя делать) и наделяют суд дополнительными критериями для выбора (указывая, на что следует обратить внимание).

Ввиду вышесказанного встает вопрос о роли прокурора в делах о несостоятельности. В частности, необходимо установить, насколько прокурорская инициатива

⁵³ Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 13 июня 2024 г. N 304-ЭС22-29762 по делу N А03-11042/2017 Суд отменил судебные решения по делу о банкротстве общества, поскольку дискреционные полномочия арбитражного суда по управлению банкротным процессом, допускает возможность определения справедливой очередности удовлетворения требования кредитора, исходя из всей совокупности обстоятельств

⁵⁴ Ковалев, А.А. Правовые аспекты реализации дискреционных полномочий прокурора / А.А. Ковалев. - Право и политика, 2021. - № 3. - С. 17-25.

⁵⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 N 41 "Об установлении в процедурах банкротства требований контролирующих должника лиц и аффилированных лиц должника"

⁵⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 N 42 "О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 года N 53 "О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве"

способна выступать инструментом ограничения либо, напротив, катализатором судебской дискреции.

Как справедливо отмечает К.А. Абдуллаев, традиционно дела о банкротстве рассматривались как сфера частноправовых отношений, в которых публичный интерес если и присутствует, то лишь опосредованно, через механизмы налогового и иного публичного контроля. Современная же практика убедительно свидетельствует об обратном⁵⁷. Так, к примеру, Управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Центральному федеральному округу сообщает: прокуратура Тульской области, используя предоставленные Арбитражным процессуальным кодексом РФ права, вступила в 49 дел, из которых 29 – это дела о несостоятельности (банкротстве). Благодаря инициативному участию прокуроров по делам о несостоятельности четырех организаций была изменена очередность погашения требований кредиторов с приоритетом выплаты заработной платы, в результате чего восстановлены права 327 работников, которым выплачена задолженность по заработной плате на общую сумму 63,8 миллиона рублей⁵⁸. Следовательно, подтверждается гипотеза о том, что прокурорская активность в делах о несостоятельности – это новый системный элемент правоприменительной практики. Прежде всего, он направлен на защиту социально значимых интересов, которые часто оказываются наиболее уязвимыми в силу, как минимум, преобладания конкурсного характера отечественного производства.

Правовая природа прокурорской инициативы в исследуемой категории процессов отличается от инициативы иных участников дела тем, что прокурор действует не в собственном имущественном интересе и не в интересах конкретного кредитора: он участвует в публичном интересе, понимаемом как обеспечение законности, защита прав неопределенного круга лиц и предотвращение угроз экономической безопасности. Эта особенность делает прокурорское участие влияющим на судебскую дискрецию: прокурор, вступая в дело, привносит в процесс аргументы, которые не могут быть представлены ни должником, ни кредиторами, потому что последние руководствуются частными выгодами. Иными словами, прокурор может обратить внимание суда на нарушения прав работников, на фиктивность сделок, на ущемление интересов бюджета. Значит, он же косвенно расширяет перечень фактов и событий для судебской усмотрения и заставляет суд учитывать обстоятельства, которые иначе могли бы остаться вне его поля зрения.

Правовые основания участия прокурора в арбитражном процессе по делам о несостоятельности закреплены в ст. 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, которая гласит: прокурор вправе вступить в дело, рассматриваемое арбитражным судом на любой стадии процесса с процессуальными правами и обязанностями лица, участвующего в деле, в целях обеспечения законности в случае, если в рамках дела о несостоятельности затрагиваются жилищные права граждан, в том числе несовершеннолетних⁵⁹.

Буквальное толкование нормы приводит к тому, что законодатель связал возможность прокурорского вмешательства с узкой категорией дел – теми, где затрагиваются жилищные права. На практике же, как описывалось выше, прокуроры вступают и в дела, где нарушаются трудовые права, права бюджета и иные публичные интересы. Стоит упомянуть, что, несмотря на эту коллизию, расширительное толкование собственных полномочий прокуратурой не всегда находит поддержку в судебной практике и практически всегда сталкивается с необходимостью дополнительно определять «лимиты прокурорских полномочий». И, действительно, отечественные высшие судебные инстанции неоднократно признавали правомерным участие прокурора в делах о банкротстве крупных градообразующих предприятий, даже если жилищный аспект прямо выражен не был. Так, прокурор сталкивается с неопределенностью статуса его участия в ряде категорий дел. Неопределенность, в свою очередь, порождает идеи о необходимости исчерпывающего законодательного перечня случаев обязательного и (или) факультативного участия прокурора.

Помимо этого, прокуроры ориентированы на вступление в дела о несостоятельности юридических лиц, в том числе с иностранным участием, имеющие особую экономическую и социальную значимость, и также в иные судебные процессы, затрагивающие права и экономические интересы государства, субъектов малого и среднего бизнеса и трудовых коллективов⁶⁰. Так, рождается гипотеза о соотношении судебской дискреции и прокурорской инициативы как двух начал, определяющих движение банкротного процесса.

С точки зрения теории процессуального права, как считает Д.А. Лобачев, соотношение дискреции суда и инициативы прокурора может быть охарактеризовано как «диалектическое единство противоположностей»⁶¹. С одной стороны, широкая судебская дискреция нуждается во внешнем контроле (и прокурорская инициатива выступает именно таким контролем, потому как прокурор наделен правом приносить представления, давать заключения, обжаловать судебные акты и др.), а с другой стороны, излишне активная позиция прокурора может восприниматься как вмешательство в независимость суда и ограничение его усмотрения, что противоречит конституционному принципу самостоятельности судебной власти.

При вышесказанном, инициатива государственного обвинителя ограничивается рамками вступления в уже возбужденное дело – так, прокурор не наделен правом на самостоятельное обращение в суд с заявлением о признании лица банкротом. Одной из причин выступает сама цель вступления прокурора в дело о банкротстве – должностное лицо нацелено лишь на предупреждение злоупотреблений со стороны участников процесса. Сама конструкция предполагает, что обвинитель «вправе вступить» (а не «обязан вступить»), посредством чего решение этого вопроса остается на усмотрении самого прокурора. Более того, вступление прокурора в дело не наделяет его пра-

⁵⁷ Абдуллаев, К.А. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) граждан, не осуществляющих предпринимательскую деятельность / К.А. Абдуллаев. - Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, 2025. – 194 с.

⁵⁸ Реализация судебных механизмов в сфере арбитражного судопроизводства по итогам работы за 2024 год [Электронный ресурс] / Управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Центральному федеральному округу, 2025. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_cfo/mass-media/news/archive/e5677920/ (дата обращения: 01.07.2026).

⁵⁹ "Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026)

⁶⁰ Указание Генеральной прокуратуры РФ от 11 марта 2022 г. N 140/20 "Об усилении прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав граждан в связи с принимаемыми в Российской Федерации мерами по поддержке экономики и социальной сферы, а также в связи с введением отдельных ограничений на осуществление финансово-хозяйственной и иной деятельности"

⁶¹ Лобачев, Д.А. Вопрос дискреции при применении средств прокурорского реагирования / Д.А. Лобачев. - Юридический вестник Самарского университета (Juridical Journal of Samara University), 2025. - Т. 11. - № 3. - С. 35-40.

вом обжалования судебных актов в тех же объемах, в каких это право принадлежит участвующим в деле лицам. И даже в этом ограничении механизм прокурорского участия снижает возможность сдерживать необоснованную судебскую дискрецию.

Именно это процессуальное ограничение – отсутствие права самостоятельного возбуждения банкротного дела – сегодня подвергается доктринальной критике. М.В. Маматов, И.А. Маслов и некоторые другие отечественные исследователи-правоведы считают, что в условиях роста числа преднамеренных и фиктивных банкротств, и при наличии фактов вывода активов и иных злоупотреблений, прокурор должен обладать правом подачи заявления о признании должника банкротом, когда имеются признаки противоправных действий и отсутствуют иные заявители либо они бездействуют⁶². Противники этой позиции апеллируют к тому, что банкротство – это частноправовой институт; вмешательство прокуратуры на стадии возбуждения дела вредит (или способно навредить) интересам кредиторов и должника.

Процессуальный статус прокурора уже после вступления в дело определяется ч. 3 ст. 52 АПК РФ. Вступивший в дело прокурор пользуется правами и несет обязанности лица, участвующего в деле, за исключением права на заключение мирового соглашения. Причем, это не означает, что прокурор приобретает все права стороны (в частности, право на изменение основания или предмета иска, увеличение или уменьшение исковых требований) – ограничение оправдывается тем, что прокурор не выступает материальным кредитором, и его первоочередная задача есть обеспечение законности.

М.В. Маматов и И.А. Маслов справедливо заключают, что объем прав прокурора должен быть достаточным для того, чтобы он мог результативно влиять на судебское усмотрение через право заявлять ходатайства:

- о назначении экспертизы;
- об истребовании доказательств;
- о привлечении третьих лиц.

Таким образом, дискреционные полномочия суда и прокурорская инициатива в делах о несостоятельности находятся в состоянии постоянного взаимовлияния, в котором суд реализует свое усмотрение, учитывая позицию прокурора (если она выражена в процессуальной форме). А прокурор, в свою очередь, после вступления в дело обязан обосновать свой интерес и представить доказательства, которые помогут суду оценить публичные аспекты спора. Будет ошибочно полагать, что оное взаимодействие подавляет судебскую дискрецию; напротив, этот симбиоз наполняет ее содержанием и делает выбор суда более взвешенным и объективным. В идеальной, но не утопической, модели прокурорская инициатива преобразуется в ориентир для судебного усмотрения и установления вектора движения в сторону защиты наиболее публично-значимых ценностей.

Литература

1. "Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026)
2. Абдуллаев, К.А. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) граждан, не осуществляющих предпринимательскую деятельность / К.А. Абдуллаев. – Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, 2025. – 194 с.

3. Гаджиалиева, Н.Ш. Понятие, сущность и правовая природа дискреционных полномочий суда в гражданском судопроизводстве / Н.Ш. Гаджиалиева. – Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки, 2021. – Т. 36. – № 4. – С. 98-106.

4. Громов, Д.В. Судебная дискреция в делах о несостоятельности (банкротстве) и критерии ее применения / Д.В. Громов. – МГУ им. М.В. Ломоносова, 2024. – 8 с.

5. Ковалев, А.А. Правовые аспекты реализации дискреционных полномочий прокурора / А.А. Ковалев. – Право и политика, 2021. – № 3. – С. 17-25.

6. Лобачев, Д.А. Вопрос дискреции при применении средств прокурорского реагирования / Д.А. Лобачев. – Юридический вестник Самарского университета (Juridical Journal of Samara University), 2025. – Т. 11. – № 3. – С. 35-40.

7. Маматов, М.В. Генезис процессуальных полномочий прокурора в сфере противодействия фиктивным и преднамеренным банкротствам / М.В. Маматов, И.А. Маслов. – Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации, 2025. – № 2 (106). – С. 84-81.

8. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 13 июня 2024 г. N 304-ЭС22-29762 по делу N A03-11042/2017 Суд отменил судебные решения по делу о банкротстве общества, поскольку дискреционные полномочия арбитражного суда по управлению банкротным процессом, допускает возможность определения справедливой очередности удовлетворения требования кредитора, исходя из всей совокупности обстоятельств

9. Пономарев, Н.С. Дискреционные полномочия судей в уголовном процессе: критический анализ / Н.С. Пономарев. – Уголовное судопроизводство, 2023. – № 04. – С. 40-45.

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 N 41 "Об установлении в процедурах банкротства требований контролирующих должника лиц и аффилированных лиц должника"

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 N 42 "О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 года N 53 "О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве"

12. Указание Генеральной прокуратуры РФ от 11 марта 2022 г. N 140/20 "Об усилении прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав граждан в связи с принимаемыми в Российской Федерации мерами по поддержке экономики и социальной сферы, а также в связи с введением отдельных ограничений на осуществление финансово-хозяйственной и иной деятельности"

Discretionary powers of the court and prosecutor's initiative in insolvency cases

Gerts A.M.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

This article attempts to define the discretionary powers of the arbitrazh court in insolvency (bankruptcy) cases and examines their relationship with prosecutorial initiative. It analyzes the legal nature of judicial discretion, including its structure and limits, as well as the procedural avenues available to the prosecutor for protecting public interests in insolvency (bankruptcy) proceedings. The author concludes that the interplay between judicial discretion and prosecutorial activity creates a synergy that ensures a balance between private and public interests.

Keywords: discretionary powers, judicial discretion, insolvency (bankruptcy), prosecutor's initiative, arbitration process, public interest

⁶² Маматов, М.В. Генезис процессуальных полномочий прокурора в сфере противодействия фиктивным и преднамеренным банкротствам / М.В. Маматов, И.А. Маслов. - Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации, 2025. - № 2 (106). – С. 84-81.

References

1. "Arbitration Procedure Code of the Russian Federation" of July 24, 2002, No. 95-FZ (as amended on December 15, 2025) (as amended and supplemented, entered into force on January 1, 2026)
2. Abdullaev, K.A. Legal regulation of insolvency (bankruptcy) of citizens not engaged in entrepreneurial activities / K.A. Abdullaev. - V.M. Lebedev Russian State University of Justice, 2025. - 194 p.
3. Gadzhialieva, N.Sh. Concept, essence and legal nature of discretionary powers of the court in civil proceedings / N.Sh. Gadzhialieva. - Bulletin of Dagestan State University. Series 3: Social Sciences, 2021. - Vol. 36. - No. 4. - Pp. 98-106.
4. Gromov, D.V. Judicial Discretion in Insolvency (Bankruptcy) Cases and the Criteria for Its Application / D.V. Gromov. - Lomonosov Moscow State University, 2024. - 8 p.
5. Kovalev, A.A. Legal Aspects of the Exercise of Discretionary Powers of the Prosecutor / A.A. Kovalev. - Law and Politics, 2021. - No. 3. - Pp. 17-25.
6. Lobachev, D.A. The Issue of Discretion in the Application of Prosecutor's Response Tools / D.A. Lobachev. - Juridical Journal of Samara University, 2025. - Vol. 11. - No. 3. - Pp. 35-40.
7. Mamatov, M.V. Genesis of the Prosecutor's Procedural Powers in Combating Fictitious and Intentional Bankruptcies / M.V. Mamatov, I.A. Maslov. - Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2025. - No. 2 (106). - Pp. 84-81.
8. Ruling of the Judicial Panel for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 13, 2024 No. 304-ES22-29762 in case No. A03-11042/2017. The court overturned the court decisions in the bankruptcy case of the company, since the discretionary powers of the arbitration court to manage the bankruptcy process allow for the possibility of determining a fair order of satisfaction of the creditor's claim, based on the totality of the circumstances.
9. Ponomarev, N.S. Discretionary Powers of Judges in Criminal Proceedings: A Critical Analysis / N.S. Ponomarev. - Criminal Procedure, 2023. - No. 04. - P. 40-45.
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.12.2025 No. 41 "On the Establishment of Claims of Persons Controlling the Debtor and Affiliates of the Debtor in Bankruptcy Proceedings"
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.12.2025 No. 42 "On Amending Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 21.12.2017 No. 53 "On Certain Issues Related to Bringing Persons Controlling the Debtor to Liability in Bankruptcy"
12. Instruction of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation of 11.03.2022 No. 140/20 "On Strengthening Prosecutor's Supervision over Law Enforcement and Observance of Citizens' Rights in Connection with Measures Adopted in the Russian Federation to Support the Economy and Social Sphere, as well as in Connection with the Introduction of Certain Restrictions on Financial, Economic, and Other Activities"

Основания для отмены и изменения приговора, постановленного на основании вердикта коллегии присяжных заседателей в суде апелляционной инстанции

Дулдуев Рамзан Арбиевич

магистрант Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, Raalihanov@gmail.com

В статье исследуются правовые основания для отмены и изменения приговора, постановленного на основании вердикта коллегии присяжных заседателей в апелляционном порядке. Актуальность темы обусловлена двойственной природой такого приговора, сочетающего вердикт непрофессиональных судей и юридическую квалификацию профессионального судьи, что требует особого подхода к апелляционному контролю. Рассматриваются общие основания (существенные нарушения уголовно-процессуального закона, неправильное применение уголовного закона, несправедливость приговора) и специальные основания для отмены оправдательного приговора, предусмотренные ст. 389.25 УПК РФ. Особое внимание уделяется процессуальным нарушениям, влияющим на формирование вердикта: незаконный состав коллегии, нарушения правил исследования доказательств, дефекты вопросного листа, нарушение тайны совещания, внешнее воздействие на присяжных. Анализируются полномочия апелляционного суда, включая ограничения, связанные с недопустимостью переоценки фактических обстоятельств, установленных вердиктом. Автор приходит к выводу, что апелляционный контроль по делам с участием присяжных направлен на проверку законности процедур и правильности юридической квалификации, а не на пересмотр фактических выводов присяжных, что обеспечивает баланс между устойчивостью вердикта и судебным контролем.

Ключевые слова: приговор, вердикт присяжных, апелляционное производство, основания отмены, уголовно-процессуальные нарушения, оправдательный приговор, суд присяжных.

Система оснований для отмены и изменения приговора, постановленного на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, в суде апелляционной инстанции представляет собой один из наиболее своеобразных элементов современного российского уголовного судопроизводства. Ее специфика предопределена двойственной природой итогового судебного решения: с одной стороны, такой приговор является актом профессионального судьи, подлежащим апелляционному пересмотру по правилам главы 45.1 УПК РФ; с другой стороны, его фактическая основа предопределяется немотивированным вердиктом коллегии присяжных, который отражает разрешение вопросов о событии деяния, причастности подсудимого и его виновности в пределах компетенции непрофессиональных судей.

Законодатель выстраивает особый режим апелляционного пересмотра таких приговоров: по смыслу ст. 389.27 УПК РФ они могут быть пересмотрены только по основаниям, предусмотренным пп. 2–4 ст. 389.15 УПК РФ, тогда как основание, связанное с несоответствием выводов суда фактической фабуле дела, исключается. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что доказательства, относящиеся к фактическим обстоятельствам обвинения, в этих случаях судом апелляционной инстанции не проверяются. В центре внимания апелляционного суда оказывается не вопрос о правильности оценки доказательств присяжными, а вопрос о законности формирования вердикта и правильности реализации его правовых последствий в приговоре.

Применительно к приговору, основанному на вердикте присяжных, категория «основания отмены и изменения» не сводится к механическому воспроизведению общего перечня ст. 389.15 УПК РФ. Система включает: общие основания (существенные нарушения уголовно-процессуального закона, неправильное применение уголовного закона, несправедливость приговора); специальные основания для отмены оправдательного приговора (ст. 389.25 УПК РФ); особую ситуацию, когда обвинительный приговор противоречит вердикту (ч. 1.1 ст. 389.22 УПК РФ). Таким образом, законодатель формирует многоуровневую конструкцию, где каждый вид нарушения оценивается через его влияние на законность вердикта, соответствие приговора вердикту или правильность юридических последствий [10, с. 274].

Доминирующее место в структуре оснований апелляционного вмешательства принадлежит существенным нарушениям уголовно-процессуального закона. Это объясняется повышенным гарантийным значением процессуальной формы в суде присяжных: при немотивированном вердикте именно соблюдение процедуры становится главным критерием проверки его законности. Согласно ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ существенными признаются нарушения, которые путем лишения или ограничения прав участников, несоблюдения процедуры или иным путем повлияли либо могли повлиять на вынесение законного и обоснованного решения. В делах с участием присяжных это правило наполняется особым содержанием, поскольку речь идет о соблюдении гарантий объективности и беспристрастности коллегии, исключении внесудебного влияния и недопущении смешения фактических и юридических вопросов. В литературе процессуальные основания рассматриваются как «основной канал» апелляционного контроля по данной категории дел [11, с. 136].

Внутри названной группы необходимо разделять общую оценочную формулу существенности нарушения и безусловные основания отмены, перечисленные в ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ. Для дел с участием присяжных особую значимость приобретают такие безусловные основания, как незаконный состав суда (включая незаконность состава коллегии), отсутствие подсудимого, нарушение права на защиту, отсутствие переводчика, непредоставление права на прения и последнее слово, нарушение тайны совещания присяжных, обоснование приговора недопустимыми доказательствами, отсутствие подписи судьи или протокола. Каждое из них затрагивает либо саму возможность законного разбирательства, либо базовые гарантии состязательности и справедливого суда. Незаконный состав коллегии включает не только дефекты статуса председательствующего, но и нарушения формирования коллегии, что прямо указано в законе.

Особое место среди процессуальных оснований занимает незаконный состав коллегии присяжных заседателей. Состав коллегии формируется в сложной процедуре, включающей отбор кандидатов, разрешение отводов, проверку обстоятельств, ставящих под сомнение объективность лица. Дефекты этой процедуры оцениваются апелляционным судом через их влияние на возможность формирования независимой и беспристрастной коллегии. Верховный Суд РФ исходит из того, что значимым является нарушение, повлиявшее или могущее повлиять на законность состава коллегии и содержание вердикта. Это основание охватывает не только прямые нарушения правил отбора, но и сокрытие кандидатом существенных сведений о себе, если это ставит под сомнение его объективности, а также иные дефекты, подрывающие доверие к беспристрастности суда.

Не менее важной разновидностью существенных процессуальных нарушений являются нарушения правил исследования доказательств в присутствии присяжных. Судопроизводство с участием присяжных предполагает жесткое разграничение между вопросами факта, подлежащими разрешению коллегией, и вопросами права, относящимися к компетенции председательствующего. Закон предусматривает решение вопроса о допустимости доказательств в отсутствие присяжных. Информация, сообщаемая коллегией, должна касаться исключительно тех обстоятельств, которые входят в её компетенцию. Если в присутствии присяжных исследуются сведения, вызывающие предубеждения против подсудимого, но не относящиеся к поставленным вопросам, либо доводятся доказательства, признанные недопустимыми, это образует типичное основание для отмены приговора. Апелляционный суд оценивает не «силу» доказательства, а сам факт нарушения режима допустимости и его способность исказить внутреннее убеждение присяжных.

Самостоятельную группу оснований составляют нарушения, связанные с формированием вопросного листа. Согласно ст. 338 и 339 УПК РФ, председательствующий формулирует вопросы с учётом результатов судебного следствия и прений, стороны вправе высказывать замечания, а судья не вправе отказать подсудимому или защитнику в постановке вопросов о фактических обстоятельствах, исключающих ответственность либо влекущих ответственность за менее тяжкое преступление, если такие обстоятельства подтверждаются доказательствами. Искажение содержания обвинения в вопросном листе, формулирование вопросов с юридическими оценками, исключение существенных для защиты версий, отказ в постановке допустимых вопросов о менее тяжком деянии, покушении, роли соучастника либо обстоятельствах, исключающих ответственность, образуют основания для отмены, поскольку непосредственно влияют на содержание ответов присяжных. Вопросный лист выступает «мостом»

между следствием и вердиктом, поэтому его дефекты имеют системное значение.

К числу серьёзнейших оснований относится нарушение порядка совещания и тайны совещательной комнаты. Согласно ст. 341 УПК РФ, после напутственного слова коллегия удаляется в совещательную комнату, присутствие посторонних не допускается, разглашение высказываний запрещено. Ст. 343 УПК РФ требует стремления к единодушию, и только по истечении установленного времени допускается голосование. Если требуются разъяснения, коллегия возвращается в зал в порядке ст. 344 УПК РФ. Пленум Верховного Суда РФ подчеркнул, что нахождение в совещательной комнате иных лиц, включая запасных присяжных, является основанием для отмены; голосование до истечения времени, отведённого на достижение единодушия, также влечёт отмену [8, с. 12-13]. Эти правила охраняют независимость вердикта, исключают внешнее давление и обеспечивают надлежащую коллективную процедуру.

Современное развитие судебной практики придаёт особую важность вопросу о незаконном воздействии на присяжных, их контактах с посторонними, сборе информации вне заседания. Конституционный Суд РФ в постановлении от 7 июля 2020 г. № 33-П указал, что сведения о преждевременном обсуждении, контактах с посторонними, собирании информации вне заседания, воздействии на присяжных, присутствии посторонних в совещательной комнате не относятся к тайне совещания [5]. В постановлении от 27 сентября 2022 г. № 35-П Конституционный Суд подчеркнул, что доводы о таких нарушениях подлежат самостоятельной проверке апелляционным судом, возложение бремени доказывания на заявителя недопустимо [6]. Верховный Суд РФ разъяснил, что для проверки доводов о незаконном воздействии суд вправе приглашать присяжных для дачи пояснений без придания им статуса свидетелей и без выяснения их мнений по существу обсуждавшихся вопросов. Внешние нарушения независимости коллегии образуют полноценное основание отмены, специфика которого состоит в допустимости доказывания особыми средствами, направленными на установление незаконности условий формирования вердикта.

Нарушения, связанные с протоколом судебного заседания и иными формами фиксации, также имеют значение. Отсутствие протокола прямо названо безусловным основанием отмены (ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ). По делам с участием присяжных существенными могут быть и иные дефекты: отсутствие сведений о времени удаления и возвращения коллегии, неполная фиксация ходатайств, возражений по вопросному листу, замечаний на напутственное слово. Конституционный Суд РФ в постановлении от 6 мая 2025 г. № 19-П указал, что при наличии доводов о нарушениях, связанных с протоколом, апелляционный суд обязан самостоятельно проверить их, не направляя дело в первую инстанцию [4, с. 23-24]. Такие нарушения выступают не только как самостоятельные основания, но и как компонент оценки иных процессуальных нарушений.

Наряду с процессуальными основаниями самостоятельное значение имеет неправильное применение уголовного закона (ст. 389.18 УПК РФ): нарушение требований Общей части, применение не той статьи или не тех пункта и части Особенной части, назначение более строгого наказания, чем предусмотрено. В делах данной категории апелляционный суд вправе исправлять ошибки квалификации и назначения наказания лишь в пределах фактической основы, закреплённой вердиктом. Типичные формы: неверная квалификация деяния, неправильное решение о форме неоконченного преступления, роли соучастника, наличии обстоятельств для менее тяжкого состава, применение закона, ухудшающего положение осуждённого вопреки фактическим пределам вердикта.

С этим тесно связана проблема противоречия приговора обвинительному вердикту. Обязательная сила вердикта для председательствующего означает, что судья не может изменить фактическое содержание ответов присяжных. Ч. 1.1 ст. 389.22 УПК РФ предусматривает: если обвинительный приговор противоречит вердикту, он подлежит отмене с передачей дела на новое рассмотрение с этапа, следующего за провозглашением вердикта. Противоречие приговора вердикту следует рассматривать как особое, структурно сложное основание, сочетающее процессуальный дефект и неправильное применение уголовного закона.

Особенно ярко это проявляется при назначении наказания после вердикта о снисхождении. Согласно ст. 349 УПК РФ, вердикт о снисхождении императивен для судьи, который назначает наказание по правилам ст. 65 УК РФ – срок не может превышать двух третей максимума, не применяются смертная казнь и пожизненное лишение, отягчающие обстоятельства не учитываются. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 23.12.2025) разъяснил порядок применения ст. 65 УК РФ [9, с. 1-2]. Игнорирование вердикта о снисхождении, назначение наказания сверх пределов, учёт отягчающих обстоятельств вопреки запрету образуют самостоятельное основание для изменения или отмены приговора [1, с. 97].

Третье общее основание – несправедливость приговора (ч. 2 ст. 389.18 УПК РФ). Приговор признаётся несправедливым, если наказание не соответствует тяжести преступления, личности осуждённого либо является чрезмерно мягким или суровым. Специфика этого основания состоит в том, что оно сосредоточено в плоскости наказания, а не вывода о виновности. Апелляционный суд не вправе признать приговор несправедливым из-за иной оценки доказательств, а только в связи с неправильной индивидуализацией ответственности. Чрезмерно суровым может быть признано наказание без учёта смягчающих обстоятельств, вывода о снисхождении, фактических обстоятельств, отражённых в вердикте, данных о личности; чрезмерно мягким – наказание, явно не соответствующее тяжести содеянного и целям наказания [9, с. 1-2]. Неправильное применение закона и несправедливость нередко взаимосвязаны, но различаются: если нарушены правила ст. 65 УК РФ – это ошибка в применении закона, если же формально правильно, но необоснованно суровое или мягкое – это несправедливость.

Особый режим установлен для отмены оправдательного приговора, основанного на оправдательном вердикте. Согласно ст. 389.25 УПК РФ, такой приговор может быть отменён только по представлению прокурора или жалобе потерпевшего, если существенные нарушения процессуального закона ограничили право указанных лиц на представление доказательств либо повлияли на содержание вопросов или ответов присяжных. Также основанием служит неясный и противоречивый вердикт, который председательствующий не возвратил для уточнения. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что к нарушениям, ограничившим право стороны обвинения на представление доказательств, относятся незаконное исключение доказательств, необоснованный отказ в их исследовании, отказ в вызове свидетелей, экспертов, специалистов, истребовании документов, а также нарушение права потерпевшего на участие в разбирательстве. Иные существенные нарушения могут повлечь отмену лишь при условии, что они повлияли на содержание вопросов или ответов. Специальные основания ст. 389.25 УПК РФ являются существенным ограничением общего правила в интересах устойчивости оправдательного вердикта.

Неясный и противоречивый вердикт, не возвращённый для уточнения, является самостоятельным основанием отмены оправдательного приговора. Если ответы присяжных логически несовместимы, не позволяют однозначно установить волеизъявление либо содержат противоречия, препятствующие квалификации, председательствующий обязан применить механизм уточнения. Неисполнение этой обязанности влечёт постановление приговора на основе юридически ненадлежащего вердикта. Это гарантирует, что оправдание опирается на подлинное и непротиворечивое решение коллегии.

Соотношение оснований отмены и полномочий апелляционного суда имеет самостоятельное значение. Если нарушение устранимо, суд вправе изменить приговор; если неустранимо – отменяет с направлением дела на новое рассмотрение (ч. 1 ст. 389.22 УПК РФ). Ст. 389.26 УПК РФ закрепляет право изменения приговора, включая смягчение или ужесточение наказания, применение закона о менее или более тяжком преступлении. Однако по делам с присяжными выбор между отменой и изменением зависит от того, потребует ли устранение нарушения повторного рассмотрения фактических вопросов, отнесённых к компетенции присяжных. Ошибки, связанные с составом коллегии, вопросным листом, независимостью присяжных или противоречием приговора вердикту, обычно ведут к отмене, тогда как ошибки квалификации и наказания в пределах установленных фактов могут повлечь изменение. Невозможна прямая замена оправдательного приговора обвинительным в апелляции; Верховный Суд разъяснил, что апелляционная инстанция не вправе самостоятельно постановить обвинительный приговор, а может лишь отменить оправдание и направить дело на новое рассмотрение либо возратить прокурору. Это подтверждает, что апелляция не подменяет суд присяжных и не решает вопрос о виновности вопреки оправдательному вердикту.

В доктрине подчёркивается, что основания отмены не сводятся к «процессуальной дефектности». И. В. Лебедев рассматривает систему как совокупность общих и специальных оснований, объединённых невозможностью переоценки фактической стороны вердикта [3, с. 89]. Д. О. Чистилина обращает внимание на разграничение компетенции между присяжными и председательствующим [11, с. 139]. Л. Д. Калинкина отмечает, что действующая модель демонстрирует баланс между устойчивостью вердикта и контролем за законностью [2, с. 40]. Новейшие правовые позиции Конституционного Суда РФ развиваются в направлении усиления апелляционной проверки при сохранении неприкосновенности фактического ядра вердикта (постановление от 24 ноября 2025 г. № 40-П) [7]. Таким образом, система оснований становится более содержательной: фактическая сторона вердикта неприкосновенна, но требования к проверке процессуальной легитимности ужесточаются.

Основания для отмены и изменения приговора, постановленного на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, в суде апелляционной инстанции представляют собой специальную, внутренне дифференцированную систему. Её ядро образуют существенные нарушения уголовно-процессуального закона, поскольку именно процедура обеспечивает легитимность немотивированного вердикта. Самостоятельное значение сохраняют неправильное применение уголовного закона и несправедливость приговора, главным образом в части квалификации и назначения наказания после вердикта. Особый режим установлен для отмены оправдательного приговора, основанного на оправдательном вердикте, когда допустимы лишь строго определённые нарушения. Во всех случаях апелляционный суд вмешивается не из-за несогласия с

фактическими выводами присяжных, а из-за дефекта процедуры формирования вердикта или ошибки в юридическом оформлении его последствий. Специфика исследуемых оснований заключается в сочетании широкой проверки процессуальной легитимности вердикта с принципиальной недопустимостью апелляционного «второго суда факта» над решением коллегии присяжных.

Литература

1. Грибунов О. П., Агафонов А. С., Берестенников А. Г. О некоторых ошибках при назначении наказания по уголовным делам, рассмотренным с участием присяжных заседателей // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 2 (109). С. 97–108.
2. Калинкина Л. Д. Апелляционные основания отмены или изменения приговора, постановленного на основании вердикта присяжных заседателей // Евразийская адвокатура. 2017. № 2 (27). С. 39–43.
3. Лебедев И. В. Обзор практики отмены судами апелляционной инстанции приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных // Российское правосудие. 2022. № 10. С. 89–99.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.05.2025 № 19-П «По делу о проверке конституционности статьи 74 и части третьей статьи 389.11 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.С. Жукова» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 19. С. 23–24.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.07.2020 № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.А. Алиева» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 28. С. 45–46.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.09.2022 № 35-П «По делу о проверке конституционности частей первой, второй, пункта 1 части третьей статьи 56 и статьи 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина В.И. Борисова» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 40. С. 67–68.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.11.2025 № 40-П «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 231 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Зарубанова Н.В.» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 48. С. 89–90.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» (ред. от 28.06.2022) // Российская газета. 2005. № 272. С. 3–4.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (ред. от 23.12.2025) // Российская газета. 2015. № 295. С. 1–2.
10. Романова А. А. Пересмотр в суде апелляционной инстанции приговора, постановленного на основании вердикта коллегии присяжных заседателей // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 4 (32). С. 274–279.
11. Чистилина Д. О. Особенности апелляционного порядка обжалования решений судов с участием присяжных

заседателей // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 2. С. 136–141.

Grounds for cancellation and modification of a sentence based on the verdict of a jury in the court of appeal Dulduv R.A.

Kutafin Moscow State Law University

The article examines the legal grounds for the cancellation and modification of a sentence based on a jury verdict in appellate proceedings. The relevance of the topic is due to the dual nature of such a sentence, combining the verdict of non-professional judges and the legal qualification of a professional judge, which requires a special approach to appellate review. The general grounds (substantial violations of criminal procedure law, incorrect application of criminal law, injustice of the sentence) and special grounds for the cancellation of an acquittal provided for by Article 389.25 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are considered. Particular attention is paid to procedural violations affecting the formation of the verdict: illegal composition of the panel, violations of the rules for examining evidence, defects in the questionnaire, violation of the secrecy of the deliberation, external influence on the jurors. The powers of the appellate court are analyzed, including restrictions related to the inadmissibility of reassessing the factual circumstances established by the verdict. The author concludes that appellate control in cases involving jurors is aimed at verifying the legality of procedures and the correctness of legal qualification, and not at reviewing the factual conclusions of the jurors, which ensures a balance between the stability of the verdict and judicial control.

Keywords: sentence, jury verdict, appellate proceedings, grounds for cancellation, criminal procedure violations, acquittal, jury trial.

References

1. Griunov O. P., Agafonov A. S., Berestennikov A. G. On some errors in sentencing in criminal cases considered with the participation of jurors // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 2 (109). P. 97–108.
2. Kalinkina L. D. Appellate grounds for cancellation or modification of a sentence based on a jury verdict // Eurasian Advocacy. 2017. № 2 (27). P. 39–43.
3. Lebedev I. V. Review of the practice of cancellation by appellate courts of sentences based on jury verdicts // Russian Justice. 2022. № 10. P. 89–99.
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 19-P of 06.05.2025 «On the case of checking the constitutionality of Article 74 and part three of Article 389.11 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen M.S. Zhukov» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2025. № 19. P. 23–24.
5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 33-P of 07.07.2020 «On the case of the review of the constitutionality of paragraph 1 of the third part of Article 56 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen R.A. Aliyev» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. № 28. P. 45–46.
6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 35-P of 27.09.2022 «On the case of checking the constitutionality of parts one, two, paragraph 1 of part three of Article 56 and Article 74 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizen V.I. Borisov» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. № 40. P. 67–68.
7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 40-P of 24.11.2025 «On the case of the review of the constitutionality of the fifth part of Article 231 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen Zarubanov N.V.» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2025. № 48. P. 89–90.
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 23 of 22.11.2005 «On the application by courts of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regulating proceedings with the participation of jurors» (as amended on 28.06.2022) // Rossiyskaya Gazeta. 2005. № 272. P. 3–4.
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 58 of 22.12.2015 «On the practice of sentencing by courts of the Russian Federation» (as amended on 23.12.2025) // Rossiyskaya Gazeta. 2015. № 295. P. 1–2.
10. Romanova A. A. Review in the court of appeal of a sentence based on a jury verdict // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 4 (32). P. 274–279.
11. Chistilina D. O. Features of the appellate procedure for appealing decisions of courts with the participation of jurors // Legal Bulletin of Samara University. 2020. Vol. 6, № 2. P. 136–141.

Правовое регулирование интеллектуальной собственности в условиях использования искусственного интеллекта: сравнительно-правовой анализ подходов Европейского союза и Евразийского экономического союза

Валяева Валерия Александровна

аспирант Кафедры интеграционного права и прав человека, МГИМО МИД России, valyaevavaleri@gmail.com

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу подходов Европейского союза и Евразийского экономического союза к регулированию интеллектуальной собственности в условиях использования искусственного интеллекта. Исследуются институциональные и нормативные основы, правовой статус результатов, созданных с участием ИИ, проблемы ответственности за нарушения. Обосновывается концепция правовой фикции «результата, созданного с использованием ИИ» как инструмента интеграции новых объектов в существующую систему права. Формулируются предложения по совершенствованию законодательства ЕАЭС и РФ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, интеллектуальная собственность, Европейский союз, Евразийский экономический союз, правовое регулирование, авторское право, правовая фикция.

Введение

Современный этап развития человеческой цивилизации характеризуется стремительным переходом к новому технологическому укладу, ядром которого выступают цифровые технологии. Одним из наиболее значимых технологических прорывов последних десятилетий стало развитие систем искусственного интеллекта (далее – ИИ), способных к выполнению творческих и когнитивных задач, ранее считавшихся исключительной прерогативой человека. Генеративные нейронные сети, способные создавать тексты, музыкальные произведения, изобразительное искусство и программный код, ставят перед юридической наукой и практикой фундаментальные вопросы, требующие неотложного разрешения [17].

В эпицентре этих вызовов находится институт интеллектуальной собственности (далее — ИС), веками выстраивавшийся вокруг фигуры автора-человека и концепции оригинального творческого вклада. Появление «машинного творчества» размывает традиционные доктринальные основы авторского и патентного права, создавая ситуацию правовой неопределенности, которая как сдерживает инновационное развитие, так и приводит к нарушению прав и законных интересов различных участников рынка [5].

Проблема исследования заключается в отсутствии единой доктринальной модели, позволяющей гармонизировать подходы к охране ИИ-генерируемых объектов в условиях фрагментированного международного регулирования. Актуальность усугубляется глобальным характером проблемы и разнонаправленными подходами к ее решению на уровне отдельных государств и интеграционных объединений. Европейский союз (далее – ЕС), придерживающийся «человекоцентричного» подхода, активно разрабатывает комплексное законодательство в области ИИ, включая Регламент (ЕС) 2024/1689 от 13 июня 2024 г. об искусственном интеллекте (далее – AI Act). Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС), для которого цифровая трансформация является одним из стратегических приоритетов, находится в поиске собственной модели регулирования.

Цель статьи – на основе сравнительного анализа подходов ЕС и ЕАЭС обосновать применение правовой фикции «результата, созданного с использованием ИИ» как инструмента интеграции новых объектов в систему права ИС, а также разработать предложения по совершенствованию законодательства.

Основная часть

Понятие и правовая природа искусственного интеллекта как объекта правоотношений

Правовое регулирование интеллектуальной собственности применительно к технологиям ИИ складывается одновременно на нескольких взаимосвязанных уровнях – национальном, интеграционном (ЕС, ЕАЭС), а также международно-правовом. Вместе с тем выработка унифицированных подходов к определению правового статуса ИИ в рамках системы интеллектуального права остается незавершенной.

В сфере ИС к охраняемым объектам могут относиться не только алгоритмы, программные решения и массивы данных, но и результаты деятельности систем ИИ – в

частности, сгенерированные ими изобретения и полезные модели. Вместе с тем установление правообладателя применительно к подобным объектам сопряжено со значительными правовыми трудностями [5].

Вопрос о том, способен ли ИИ выступать в качестве изобретателя и правообладателя, остается дискуссионным. Часть специалистов придерживается позиции, согласно которой системы ИИ принципиально не могут выступать авторами в юридическом значении этого термина [14]. Из указанного тезиса следует, что исключительные авторские права подлежат закреплению за иным субъектом правоотношений. Вместе с тем ряд исследователей придерживается позиции, согласно которой поступательное развитие технологических решений неизбежно потребует переосмысления самой категории авторства в контексте применения ИИ.

В научном сообществе сложилось несколько концептуальных подходов к урегулированию данной проблемы. В рамках первого из них предлагается закрепить соответствующие права за разработчиками технологий ИИ либо за заказчиками контента. Второй подход предполагает формирование специального правового режима в отношении объектов, созданных искусственным интеллектом, согласно которому подобные объекты приобретают статус общественного достояния [5]. Ни один из перечисленных подходов не является совершенным, поскольку каждый из них оставляет без должного внимания законные интересы тех или иных участников правоотношений.

Институциональные и нормативные основы регулирования интеллектуальной собственности в условиях использования искусственного интеллекта на уровне ЕС

Современное правовое поле Европейского союза в области интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта представляет собой сложную многоуровневую конструкцию, включающую как общие учредительные договоры, так и специализированные регламенты и директивы. Правовые основания для регулирования заложены в Договоре о функционировании Европейского союза, который предоставляет ЕС компетенцию для гармонизации законодательства в целях функционирования внутреннего рынка (ст. 114) и для создания единых прав интеллектуальной собственности (ст. 118).

Центральным элементом современного регулирования данных, являющихся «топливом» для систем ИИ, является Регламент (ЕС) 2016/679 от 27 апреля 2016 г. Хотя он был принят до развития генеративных моделей ИИ, его принципы оказывают влияние на их разработку и использование. Принцип минимизации данных (ст. 5(1)(с)) вступает в противоречие с потребностью моделей машинного обучения в огромных массивах информации. Ключевое значение имеет ст. 22, устанавливающая право субъекта данных не подвергаться решению, основанному исключительно на автоматизированной обработке (Руководство Европейского совета по защите данных № 05/2020 от 4 мая 2020 г.).

Наиболее амбициозным нормативным актом является AI Act. Он использует риск-ориентированный подход, классифицируя системы ИИ по уровням риска: неприемлемый, высокий, ограниченный и минимальный. Для систем высокого риска вводятся строгие обязательства: управление данными, техническая документация, прозрачность, человеческий надзор, надежность и кибербезопасность. В контексте ИС наибольший интерес представляют положения, касающиеся генеративного ИИ. На провайдеров моделей ИИ общего назначения возлагаются обязательства по обеспечению прозрачности, включая предоставление краткого изложения контента, использованного для обучения модели.

Среди ключевых институциональных механизмов, предусмотренных AI Act, внимания заслуживает формирование специализированного наднационального органа – AI Office. Данная структура инкорпорирована в систему Европейской комиссии и наделена статусом центрального компетентного органа в сфере регулирования ИИ на пространстве ЕС. Предметная юрисдикция AI Office охватывает весьма обширный круг полномочий: обеспечение имплементации положений AI Act на национальном уровне, осуществление координационных функций в отношении профильных регуляторов государств-членов, контроль за соблюдением нормативных требований применительно к моделям ИИ общего назначения.

Правовая фикция как инструмент регулирования ИИ-объектов: сравнительный анализ подходов ЕС и РФ

Ключевое различие между европейским и евразийскими подходами к правовому статусу ИИ-генерируемых объектов заключается в отношении к правовой фикции. Европейский союз, следуя континентальной доктрине «droit d'auteur», исходит из неразрывной связи произведения с личностью автора. Суд ЕС в решении по делу *Sofemel* подтвердил, что оригинальность должна отражать «собственное интеллектуальное творение автора». Это фактически исключает возможность признания ИИ автором и, соответственно, охраноспособности полностью автономно сгенерированных объектов. Таким образом, ЕС отказывается от фикции авторства ИИ, оставляя такие объекты в общественном достоянии либо предлагая их охрану через смежные права в ограниченном объеме.

В Российской Федерации, члене ЕАЭС, напротив, активно обсуждались законопроекты, предлагавшие ввести понятие «произведения, созданного с помощью технических средств», и закрепить права на него за лицом, организовавшим его создание. Хотя эти инициативы не были приняты, они демонстрируют принципиальную готовность ответственного законодателя к использованию фикции «организатора создания» как правообладателя. В недавней обновленной версии законопроекта об ИИ «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта» предлагается установить, что использование экземпляра ИИ-модели, полученной правомерно, не нарушает авторских прав. Это подтверждает стремление к прагматичному решению, ориентированному на коммерциализацию результатов.

Таким образом, если ЕС придерживается консервативной позиции, основанной на теоретической чистоте концепции автора, то российский подход (и, шире, подход государств-членов ЕАЭС) допускает введение правовой фикции для обеспечения инвестиционной привлекательности. Однако отсутствие единой фикции на наднациональном уровне ЕАЭС создает риск фрагментации и правовой неопределенности.

Регулирование использования объектов интеллектуальной собственности при обучении систем ИИ

Взаимодействие Директивы (ЕС) 2019/790 от 17 апреля 2019 г. об авторском праве на едином цифровом рынке с AI Act создает многоуровневую систему контроля за использованием объектов ИС при обучении систем ИИ. Ст. 3 и 4 Директивы вводят исключения из авторского права для интеллектуального анализа текста и данных.

Ст. 3 предусматривает обязательное исключение для такого анализа в научных целях, осуществляемого исследовательскими организациями. Ст. 4 предусматривает расширенное изъятие, допускающее проведение анализа

в произвольных целях, однако сопровождаемое существенной оговоркой: правообладателям предоставляется возможность в явном порядке зарезервировать принадлежащие им права посредством введения запрета на механизм «opt-out» [21; 20].

AI Act дополняет эти положения, вводя требования прозрачности для провайдеров моделей ИИ общего назначения. Они должны предоставлять подробную техническую документацию, а также краткое изложение контента, использованного для обучения модели. Это создает механизм, который потенциально может быть использован для контроля за соблюдением авторских прав при обучении моделей.

Ответственность и правовые риски при нарушении прав интеллектуальной собственности с использованием ИИ

Анализ правовых рисков и ответственности при нарушении прав ИС с использованием ИИ в юрисдикции ЕС требует многоаспектного подхода. Наиболее острой и широко обсуждаемой является проблема нарушения авторских прав. Риски здесь можно разделить на две основные категории: связанные с «входными данными» (input) и связанные с «выходными данными» (output) системы ИИ.

Нарушения на стадии «ввода» возникают в процессе обучения моделей ИИ, особенно генеративных, которые требуют обработки огромных массивов данных, включая тексты, изображения, аудио- и видеозаписи, защищенные авторским правом. Основным правовым инструментом, регулирующим эту деятельность в ЕС, являются исключения для анализа данных, закрепленные в ст. 3 и 4 ранее упомянутой Директивы. Практическая реализация механизма «opt-out» вызывает серьезные споры и порождает значительные правовые риски для разработчиков ИИ [20].

Риски, связанные с «выходными данными», не менее значительны. Генеративные системы ИИ способны создавать произведения, которые могут быть признаны производными от существующих работ или являться их неправомерным воспроизведением. В этом случае возникает вопрос о наличии «существенного сходства» – ключевого критерия для установления факта нарушения. Определение этого сходства еще более усложняется из-за «проблемы черного ящика», когда невозможно точно отследить, какие именно данные из обучающей выборки повлияли на конечный результат [18].

В области патентного права риски, связанные с ИИ, носят иной характер. Здесь ИИ выступает не столько генератором контента, сколько мощным инструментом для решения инженерных и научных задач. Основной риск заключается в том, что система ИИ может разработать технологическое решение, которое подпадает под формулу существующего патента. Существующие правовые доктрины, основанные на концепции «инструмента», оказываются недостаточными. Некоторые ученые предлагают рассматривать сложные ИИ-системы как объект повышенной опасности, что предполагает введение строгой ответственности для их операторов или разработчиков [2].

В сфере права на товарные знаки основные правовые риски связаны с вероятностью смешения у потребителей. Генеративные ИИ могут создавать логотипы, слоганы, рекламные материалы или доменные имена, которые сходны до степени смешения с зарегистрированными товарными знаками. Ответственность за такое нарушение возникает при использовании знака «в коммерческом обороте» (Директива 2000/31/ЕС от 8 июня 2000 г.).

Отдельного внимания заслуживает проблематика охраны коммерческой тайны в контексте применения технологий ИИ. Существенную озабоченность вызывает по-

тенциальное непреднамеренное раскрытие конфиденциальных сведений в результате передачи чувствительных корпоративных данных на обработку в облачные ИИ-платформы третьих сторон. С другой стороны, сама ИИ-система, обученная на массиве данных, включающем коммерческие тайны, может в своих ответах воспроизвести эту конфиденциальную информацию [6].

Действующие правовые механизмы охраны интеллектуальной собственности в ЕАЭС

Формирование единого экономического пространства в рамках ЕАЭС неразрывно связано с созданием эффективной системы охраны и защиты интеллектуальной собственности. Нормативно-правовая база представляет собой многоуровневую конструкцию, включающую как наднациональное право Союза, так и национальное законодательство государств-членов.

Ключевым документом, заложившим основы интеграционного взаимодействия в области ИС, является Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (в редакции от 25 декабря 2023 г.). Раздел XXIII Договора «Интеллектуальная собственность» и Протокол о порядке охраны и защиты прав на объекты ИС (Приложение № 26 к Договору) устанавливают общие принципы и цели сотрудничества, направленные на гармонизацию законодательства и обеспечение защиты прав на единой таможенной территории.

Одним из наиболее значимых достижений в развитии наднационального регулирования стало создание региональных систем регистрации объектов ИС. Договор о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров ЕАЭС от 3 февраля 2020 года предусматривает возможность получения правовой охраны на территории всех пяти государств-членов на основании одной заявки, поданной в любое из национальных патентных ведомств. Единый реестр товарных знаков и знаков обслуживания ЕАЭС формируется по результатам распределенной экспертной процедуры [4].

Евразийская патентная конвенция от 9 сентября 1994 года заложила основу для функционирования Евразийской патентной системы, в рамках которой обеспечивается правовая охрана изобретений, полезных моделей и промышленных образцов. Все государства-члены ЕАЭС являются участниками ЕАПК, что создает де-факто единое патентное пространство.

Правовое регулирование авторского права и смежных прав является наименее гармонизированной областью в рамках ЕАЭС. Протокол № 26 содержит лишь самые общие положения, отсылающие к международным договорам. Основное регулирование остается на национальном уровне. Правоприменительная практика и регулирование отдельных аспектов существенно различаются между государствами-членами [15; 7].

Функционирование Единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности государств – членов ЕАЭС основано на положениях ст. 124 Таможенного кодекса ЕАЭС (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе ЕАЭС от 11 апреля 2017 г.). Регистрация объектов ИС в патентной системе наделяет таможенные ведомства государств-членов полномочиями по приостановлению выпуска товаров с признаками контрафакции на всей территории союза.

Проблемы и пробелы правового регулирования

Несмотря на значительные успехи в формировании наднационального правового поля в сфере ИС, правовая система ЕАЭС сталкивается с рядом серьезных вызовов и пробелов. Одним из наиболее острых вопросов является применение принципа исчерпания исключительных

прав. Протокол № 26 к Договору о ЕАЭС установил региональный принцип исчерпания прав на товарный знак. Однако принятое Советом ЕЭК Решение от 17 марта 2022 г. № 37 о временном допущении параллельного импорта применительно к отдельным товарным категориям фактически означало де-факто приостановление регионального принципа исчерпания прав [10].

В цифровом пространстве в нормативно-правовой базе ЕАЭС обнаруживается существенная лакуна в сфере защиты интеллектуальной собственности, касающейся авторского права. Гармонизация в этой области минимальна. Отсутствие единых «правил игры» тормозит развитие легального рынка цифрового контента, создает условия для недобросовестной конкуренции и ущемляет права авторов и правообладателей [13].

Выявляются пробелы и в регулировании охраны нетрадиционных объектов ИС. В первую очередь это касается секретов производства (ноу-хау). Договор о ЕАЭС лишь упоминает ноу-хау в качестве одного из объектов ИС, но не устанавливает никаких общих стандартов его охраны. Отсутствие гармонизированного подхода к охране ноу-хау повышает риски утечки ценной коммерческой и технической информации [6; 1].

Существуют и процедурные, и юрисдикционные сложности. Несмотря на создание наднациональных объектов ИС, споры, связанные с нарушением прав на них, рассматриваются национальными судами государств-членов. Суд ЕАЭС обладает компетенцией толкования права Союза, но не рассматривает споры между хозяйствующими субъектами по существу. Отсутствие единого специализированного судебного органа по интеллектуальным правам в рамках ЕАЭС является системным вызовом [3].

Сравнительный анализ подходов ЕС и ЕАЭС

Проведенный сравнительный анализ позволяет выделить следующие ключевые различия в подходах ЕС и ЕАЭС к регулированию интеллектуальной собственности в условиях использования ИИ.

Европейский союз строит свою модель «сверху вниз», создавая всеобъемлющую, основанную на ценностях и правах человека нормативную базу. ЕАЭС движется по пути «снизу вверх», где национальные юрисдикции выступают в роли «лабораторий» для апробации различных моделей, а наднациональный уровень пока выполняет лишь координирующую и рамочную функцию.

Подход ЕС, основанный на строгом понимании оригинальности, склоняется к непризнанию за такими объектами авторско-правовой охраны (отказ от фикции авторства ИИ). Это создает «эффект охлаждения» для коммерческой разработки генеративных ИИ, но защищает целостность авторского права. Российские подходы, напротив, ищут способ предоставить таким объектам правовую охрану через фикцию «организатора создания», чтобы обеспечить возврат инвестиций [5; 14].

Европейский союз является мировым лидером в этом вопросе, предложив четкие (хотя и сложные) правила для анализа данных. Это дает больше правовой определенности разработчикам, но и налагает на них существенные ограничения. В ЕАЭС эта сфера остается «серой зоной», что, с одной стороны, дает больше свободы для экспериментов, но с другой – создает высокие правовые риски.

В ЕС создана разветвленная система специализированных органов, включая AI Office, Европейский совет по защите данных, Европейское агентство по кибербезопасности и Агентство по основным правам. В ЕАЭС институциональная структура ограничена ЕЭК и Судом ЕАЭС, при этом отсутствует специализированный судебный орган по интеллектуальным правам.

Перспективы развития и рекомендации по совершенствованию правового регулирования

На основе проведенного анализа можно сформулировать ряд рекомендаций по совершенствованию правового регулирования в Евразийском экономическом союзе и Российской Федерации. Основная идея – введение правовой фикции «результата, созданного с использованием ИИ» с одновременной гармонизацией подходов на наднациональном уровне.

Во-первых, Евразийской экономической комиссии совместно с государствами-членами целесообразно активизировать работу по гармонизации подходов к регулированию ИИ в сфере интеллектуальной собственности. Отсутствие единых правил создает барьеры для формирования общего цифрового рынка. В качестве первого шага предлагается разработать и принять на уровне ЕАЭС Рекомендации или Модельный закон «О правовом режиме результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта». В этом акте следует закрепить принцип, согласно которому ИИ не признается автором, а исключительное право на результат, созданный с использованием ИИ без творческого вклада человека, принадлежит лицу-владельцу ИИ-системы, если иное не установлено договором.

Во-вторых, при совершенствовании законодательства Российской Федерации предлагается ввести в часть четвертую Гражданского кодекса РФ новую статью следующего содержания:

Статья 1259.1. Результат, созданный с использованием технологий искусственного интеллекта.

1. К результатам интеллектуальной деятельности, созданным с использованием технологий искусственного интеллекта без творческого вклада человека (далее – результат, созданный с использованием ИИ), применяется режим смежных прав в соответствии с настоящим Кодексом, если иной режим не установлен специальным законом.

2. Исключительное право на результат, созданный с использованием ИИ, принадлежит лицу, организовавшему его создание (владельцу ИИ-системы), если иное не установлено договором. При создании результата в порядке выполнения служебного задания исключительное право принадлежит работодателю, если трудовым или гражданско-правовым договором не предусмотрено иное.

3. Для возникновения, осуществления и защиты исключительного права на результат, созданный с использованием ИИ, не требуется государственной регистрации, если иное не установлено законом.

4. Срок действия исключительного права на результат, созданный с использованием ИИ, составляет 25 лет с момента создания результата. По истечении срока результат переходит в общественное достояние.

5. Авторские и смежные права на материалы, использованные для обучения ИИ, сохраняются за их правообладателями. Использование таких материалов для обучения ИИ допускается на условиях, установленных статьей 1274 настоящего Кодекса, с учетом особенностей, предусмотренных законом.

Такая конструкция позволит сохранить классическую доктрину авторского права, стимулировать инвестиции в разработку ИИ за счет предоставления охраны результатам, установить разумный срок охраны, что соответствует экономической логике, но не создает избыточную монополию, оставить возможность для свободы договора в части распределения прав.

В-третьих, по примеру Европейского союза, в законодательстве государств-членов ЕАЭС необходимо срочно урегулировать режим интеллектуального анализа текстов и данных. Отсутствие ясных правил сдерживает развитие

отечественных ИИ-технологий. Предлагается внести в Гражданский кодекс РФ и аналогичные кодексы других стран ЕАЭС норму, устанавливающую свободное использование правомерно доступных произведений для целей машинного обучения, возможно, с правом правообладателя на «opt-out» для коммерческого использования, как это сделано в Директиве ЕС.

В-четвертых, следует совершенствовать институциональные и процедурные механизмы защиты прав. Необходимо повышать эффективность Единого таможенного реестра путем улучшения информационного обмена между таможенными органами и правообладателями. Для обеспечения единообразного применения права Союза следует рассмотреть вопрос о расширении компетенции Суда ЕАЭС, в частности, о введении механизма обязательного преюдициального запроса национальных судов в Суд ЕАЭС по делам о нарушении прав на наднациональные объекты ИС.

В-пятых, на уровне ЕАЭС целесообразно создать постоянно действующую экспертную группу по вопросам права ИИ и ИС, которая бы обеспечивала мониторинг правоприменения, готовила проекты модельных актов и координировала позиции государств-членов при переговорах на международных площадках.

Заключение

Проведенное сравнительно-правовое исследование позволяет сделать следующие выводы.

Развитие технологий ИИ выступает катализатором фундаментальной трансформации института интеллектуальной собственности. Традиционные доктрины, основанные на антропоцентричной модели творчества, неспособны дать однозначные ответы на новые вызовы. Ключевые проблемы концентрируются вокруг вопроса о правовом статусе ИИ, определения критериев охраноспособности для «машинных» произведений, установления первоначального правообладателя и регулирования использования охраняемых произведений для обучения нейронных сетей.

Европейский союз выстраивает многоуровневую систему правового регулирования, где горизонтальные акты устанавливают общие рамки безопасности, защиты данных и фундаментальных прав, а вертикальные нормы решают вопросы, связанные с интеллектуальной собственностью и гражданской ответственностью. Подход ЕС характеризуется как осторожный и консервативный в части предоставления охраны «машинным» произведениям, но проактивный и детализированный в части регулирования использования данных и обеспечения прозрачности.

Регулирование в ЕАЭС более фрагментировано, менее гармонизировано и находится на более ранней стадии развития. Отсутствие единого наднационального законодательства приводит к тому, что основная регуляторная активность сосредоточена на национальном уровне, прежде всего в России. Подход ЕАЭС можно охарактеризовать как реактивный, прагматичный, ориентированный на национальные эксперименты, но страдающий от недостатка гармонизации и правовой определенности.

В качестве авторской модели предлагается введение на уровне ЕАЭС правовой фикции «результата, созданного с использованием ИИ» с закреплением исключительного права за лицом, организовавшим его создание, и установлением срока охраны 25 лет. Такая конструкция позволяет сохранить целостность классического авторского права, стимулировать инвестиции и обеспечить предсказуемость правоприменения. Правовое регулирование интеллектуальной собственности в эпоху ИИ находится в начале своего пути. Модели, которые вырабатывают сегодня ЕС и ЕАЭС, окажут долгосрочное влияние на траекторию технологического развития, глобальную

конкурентоспособность и баланс интересов в цифровом обществе. Выбор правильной регуляторной стратегии – стратегическая задача, требующая взвешенного подхода, международного сотрудничества и глубокого научного анализа.

Литература

1. Абдирайымова Г.С. Правовая охрана ноу-хау в Республике Казахстан и в рамках ЕАЭС // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. 2022. № 1(68). С. 88–95.
2. Бирюков П.Н. Ответственность за вред, причиненный технологиями с искусственным интеллектом: подход Европейского союза // Территория новых возможностей. 2020. № 4.
3. Иванова Д.В. Система права интеллектуальной собственности в государствах – членах ЕАЭС: сравнительный анализ // Управление наукой и наукометрия. 2023. № 2.
4. Ивлиев Г.П. Ключевые вопросы системы государственного и регионального управления интеллектуальной собственностью // Вестник ФИПС. 2026. Т. 5. № 1(15). С. 30–39.
5. Калятин В.О. Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта и его влияние на развитие гражданского законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 4. С. 24–50.
6. Калятин В.О. Право интеллектуальной собственности. Правовое регулирование баз данных: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2026. 193 с.
7. Канатов Т.К. Понятие авторских прав в странах Евразийского экономического союза // Евразийская адвокатура. 2016. № 1(20).
8. Кашкин С.Ю., Калиниченко П.А., Четвериков А.О. Право Европейского Союза: учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 380 с.
9. Кашкин С.Ю., Четвериков А.О. Право Евразийского экономического союза: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2022. 341 с.
10. Лопатин В.А. Параллельный импорт: pro et contra в контексте права ЕАЭС // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 119–141.
11. Оморев Р.О. Интеллектуальная собственность и искусственный интеллект // E-management. 2020. Т. 3. № 1. С. 43–49.
12. Осипов Д.П. Искусственный интеллект как объект правового регулирования // Российское право онлайн. 2023. № 3. С. 11–24.
13. Рузакова О.А. Вопросы совершенствования законодательства об авторском праве в Российской Федерации и Европейском союзе // Кодификация российского частного права 2017 / под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2017.
14. Шленовский П.Г., Грачева Д.А. Искусственный интеллект и авторское право в современных условиях // Экономика. Право. Общество. 2023. № 3. С. 79–85.
15. Шугурова И.В. Гармонизация законодательства об интеллектуальной собственности в рамках ЕАЭС // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 4(117). С. 200–205.
16. Энтин Л.М., Энтин М.Л. Европейское право. Основы интеграционного права Европейского союза и Евразийского экономического союза. М.: Норма, 2023. 528 с.
17. Abbott R. The Reasonable Robot: Artificial Intelligence and the Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 270 p.

18. Hristov K. Artificial Intelligence and the Copyright Dilemma // *European Intellectual Property Review*. 2021. Vol. 43. No. 8. P. 503–515.

19. Hugenholtz P.B., Senftleben M.R.F. Fair Use in Europe: In Search of Flexibilities. Edward Elgar Publishing, 2020. P. 211–218.

20. Margoni T. A deeper look into the EU Text and Data Mining exceptions: Harmonisation, data ownership, and the future of technology // *Communications of the ACM*. 2021. Vol. 64. No. 5. P. 24–26.

21. Quintais J.P. The New Copyright in the Digital Single Market Directive: A Critical Look // *European Intellectual Property Review*. 2020. Vol. 42. No. 1. P. 28–41.

22. Samuelson P. Generative AI Meets Copyright // *Journal of the Copyright Society of the USA*. 2022. Vol. 69. No. 1. P. 1–45.

Legal Regulation of Intellectual Property in the Context of Artificial Intelligence Use: A Comparative Legal Analysis of the Approaches of the European Union and the Eurasian Economic Union
Valyaeva V.A.

MGIMO University

The article provides a comparative legal analysis of the approaches of the European Union and the Eurasian Economic Union to the regulation of intellectual property in the context of artificial intelligence use. It examines institutional and normative frameworks, the legal status of AI-generated results, and liability issues. The concept of a legal fiction of "AI-assisted result" is proposed as a tool for integrating new objects into the existing IP system. Recommendations for improving the legislation of the EAEU and the Russian Federation are formulated.

Keywords: artificial intelligence, intellectual property, European Union, Eurasian Economic Union, legal regulation, copyright, legal fiction.

References

1. Abdirayymova G.S. Legal Protection of Know-How in the Republic of Kazakhstan and within the EAEU // *Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan*. 2022. No. 1(68). Pp. 88–95.
2. Biryukov P.N. Liability for Harm Caused by Artificial Intelligence Technologies: the Approach of the European Union // *Territory of New Opportunities*. 2020. No. 4.
3. Ivanova D.V. The System of Intellectual Property Law in the EAEU Member States: a Comparative Analysis // *Science Management and Scientometrics*. 2023. No. 2.
4. Ivliev G.P. Key Issues of the System of State and Regional Management of Intellectual Property // *Bulletin of FIPS*. 2026. Vol. 5. No. 1(15). Pp. 30–39.
5. Kalyatin V.O. Determination of the Subject of Rights to the Results of Intellectual Activity Created with the Use of Artificial Intelligence and Its Impact on the Development of Civil Legislation // *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2022. Vol. 15. No. 4. Pp. 24–50.
6. Kalyatin V.O. Intellectual Property Law. Legal Regulation of Databases: a Textbook for Universities. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait, 2026. 193 p.
7. Kanatov T.K. The Concept of Copyright in the Countries of the Eurasian Economic Union // *Eurasian Advocacy*. 2016. No. 1(20).
8. Kashkin S.Yu., Kalinichenko P.A., Chetverikov A.O. Law of the European Union: a Textbook for Universities. 4th ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait, 2019. 380 p.
9. Kashkin S.Yu., Chetverikov A.O. Law of the Eurasian Economic Union: a Textbook for Universities. Moscow: Yurait, 2022. 341 p.
10. Lopatin V.A. Parallel Import: pro et contra in the Context of EAEU Law // *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2019. No. 2. Pp. 119–141.
11. Omorov R.O. Intellectual Property and Artificial Intelligence // *E-management*. 2020. Vol. 3. No. 1. Pp. 43–49.
12. Osipov D.P. Artificial Intelligence as an Object of Legal Regulation // *Russian Law Online*. 2023. No. 3. Pp. 11–24.
13. Ruzakova O.A. Issues of Improving Copyright Legislation in the Russian Federation and the European Union // *Codification of Russian Private Law 2017* / ed. by P.V. Krashenninnikov. Moscow, 2017.
14. Shlenovsky P.G., Gracheva D.A. Artificial Intelligence and Copyright in Modern Conditions // *Economics. Law. Society*. 2023. No. 3. Pp. 79–85.
15. Shugurova I.V. Harmonization of Intellectual Property Legislation within the EAEU // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2017. No. 4(117). Pp. 200–205.
16. Entin L.M., Entin M.L. European Law. Foundations of the Integration Law of the European Union and the Eurasian Economic Union. Moscow: Norma, 2023. 528 p.
17. Abbott R. The Reasonable Robot: Artificial Intelligence and the Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 270 p.
18. Hristov K. Artificial Intelligence and the Copyright Dilemma // *European Intellectual Property Review*. 2021. Vol. 43. No. 8. P. 503–515.
19. Hugenholtz P.B., Senftleben M.R.F. Fair Use in Europe: In Search of Flexibilities. Edward Elgar Publishing, 2020. P. 211–218.
20. Margoni T. A deeper look into the EU Text and Data Mining exceptions: Harmonisation, data ownership, and the future of technology // *Communications of the ACM*. 2021. Vol. 64. No. 5. P. 24–26.
21. Quintais J.P. The New Copyright in the Digital Single Market Directive: A Critical Look // *European Intellectual Property Review*. 2020. Vol. 42. No. 1. P. 28–41.
22. Samuelson P. Generative AI Meets Copyright // *Journal of the Copyright Society of the USA*. 2022. Vol. 69. No. 1. P. 1–45.

Формирование международно-правовых основ регулирования искусственного интеллекта: от рекомендаций ОЭСР к Конвенции Совета Европы

Гаджиева Фатима Гасановна

студентка, Международно-Правовой факультет МГИМО МИД РФ, gadzhieva_2002@list.ru

В статье прослеживается процесс формирования международно-правовых основ регулирования искусственного интеллекта на протяжении 2019-2024 гг. Предметом анализа выступают три ключевых международных инструмента: Рекомендация ОЭСР по искусственному интеллекту (2019, пересмотрена в 2024 г.), Рекомендация ЮНЕСКО по этике искусственного интеллекта (2021) и Рамочная конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте и правах человека, демократии и верховенстве права (CETS No 225, 2024). Раскрывается логика перехода от актов рекомендательного характера к юридически обязательному международному договору. Рассматривается соотношение международных инструментов с региональными моделями регулирования ИИ, прежде всего с Регламентом ЕС 2024/1689 (AI Act). Обосновывается вывод о том, что складывающаяся система международно-правового регулирования ИИ характеризуется полицентричностью, неоднородностью юридической силы составляющих ее актов и нарастающим влиянием региональных нормативных моделей на международный нормотворческий процесс.

Ключевые слова: искусственный интеллект, международно-правовое регулирование, ОЭСР, ЮНЕСКО, Совет Европы, Рамочная конвенция CETS No 225, AI Act, права человека, цифровые технологии.

Технологии искусственного интеллекта (далее - ИИ) к середине 2020-х гг. приобрели трансграничный характер, что с неизбежностью поставило вопрос о формировании международно-правовых основ их регулирования. Д.Л. Кутейников, О.А. Ижаев и их соавторы показали, что ни одна национальная правовая система не способна в одиночку дать ответ на вызовы, порождаемые делегированием алгоритмическим системам функций принятия решений, поскольку сами эти системы функционируют поверх государственных границ [3]. Потребность в координации усилий на международном уровне стала очевидной уже к концу 2010-х гг., когда первые нормативные инициативы были выдвинуты ОЭСР, а затем ЮНЕСКО и Советом Европы.

Актуальность темы определяется тем, что за короткий промежуток времени, с 2019 по 2024 г., международное сообщество прошло путь от рекомендательных принципов до юридически обязательного договора, каковым стала Рамочная конвенция Совета Европы (CETS No 225). Этот переход нуждается в осмыслении, тем более что параллельно на региональном уровне Европейский союз принял Регламент 2024/1689 (AI Act), претендующий на экстерриториальное действие [10]. Взаимодействие международных и региональных инструментов порождает вопросы, которые пока не получили должного освещения в отечественной доктрине.

М. Ю. Лев, Ю. Г. Лещенко и М.Б. Медведева справедливо квалифицируют деятельность международных организаций по регулированию ИИ как фактор обеспечения технологической безопасности в национальных юрисдикциях [4]. А. А. Громова, Г. З. Джавакян и И.Г. Дудко рассматривают международные инициативы в контексте формирования новой парадигмы правового регулирования ИИ [2]. Зарубежная литература представлена, в частности, работами М.А. Presno Linera и А. Meuwese, посвященными сопоставлению AI Act и Рамочной конвенции [14], а также исследованиями Е.С. Bignami и соавторов о месте AI Act в условиях глобальной неопределенности [11]. Отдельные аспекты проблемы затронуты А.Ю. Марченко [7], А.Г. Шейкиным [9], И.А. Филиповой [8]. Тем не менее целостный анализ процесса формирования международно-правовых основ регулирования ИИ, учитывающий хронологическую последовательность принятия актов и их взаимное влияние, в российской литературе представлен недостаточно.

Цель статьи состоит в анализе процесса становления международно-правовых основ регулирования ИИ, охватывающего период с 2019 по 2024 г. Для этого решаются следующие задачи: раскрыть содержание и юридическую природу Рекомендации ОЭСР и Рекомендации ЮНЕСКО; проанализировать Рамочную конвенцию Совета Европы как первый обязательный международный договор в данной области; оценить соотношение международных инструментов с региональной моделью ЕС.

Методология исследования

Работа опирается на формально-юридический метод, посредством которого раскрывается содержание международных актов в сфере регулирования ИИ. Сравнительно-правовой метод применяется для сопоставления различных международных инструментов между собой и с региональной моделью ЕС. Историко-правовой метод

позволяет проследить хронологию и логику формирования международно-правовых основ регулирования ИИ. Эмпирическую базу составляют тексты международных актов, нормативные документы ЕС, отечественные и зарубежные научные публикации.

Рекомендация ОЭСР по искусственному интеллекту: первый международный консенсус

Отправной точкой в формировании международно-правовых основ регулирования ИИ принято считать Рекомендацию ОЭСР по искусственному интеллекту (OECD/LEGAL/0449), принятую 22 мая 2019 г. Этот документ стал первым межправительственным актом, зафиксировавшим набор согласованных принципов в сфере ИИ, и был поддержан не только государствами - членами ОЭСР, но и рядом стран-партнеров.

Рекомендация закрепила пять ценностно-ориентированных принципов: инклюзивный рост, устойчивое развитие и благополучие; уважение верховенства права, прав человека и демократических ценностей; прозрачность и объяснимость систем ИИ; устойчивость, безопасность и защищенность; подотчетность. З.А. Мамедьяров верно указывает, что именно в рамках ОЭСР был достигнут первый международный консенсус относительно базовых принципов ответственного использования ИИ [6]. Значение этого события трудно переоценить, учитывая, что к моменту принятия Рекомендации национальные подходы к регулированию ИИ находились в зачаточном состоянии.

Вместе с тем необходимо учитывать юридическую природу данного акта. Рекомендации ОЭСР не являются юридически обязательными: они представляют собой акты мягкого права (*soft law*), выполнение которых зависит от доброй воли государств-участников. Механизм мониторинга выполнения ограничивается периодическими обзорами и взаимными оценками. М.Ю. Лев, Ю.Г. Лещенко и М.Б. Медведева, анализируя роль ОЭСР, приходят к выводу о том, что рекомендательный характер данного инструмента не умаляет его значения, поскольку он задал общий вектор развития национальных регуляторных стратегий и создал основу для последующей гармонизации подходов [4].

В мае 2024 г. Рекомендация была пересмотрена с учетом стремительного развития генеративного ИИ и моделей общего назначения. Обновленный текст усилил акценты на вопросах прозрачности цепочки поставок ИИ и ответственности на протяжении всего жизненного цикла системы. Ли Яо отмечает, что пересмотр Рекомендации ОЭСР совпал по времени с завершением работы над AI Act в ЕС, что позволяет говорить о взаимном влиянии международного и регионального нормотворческих процессов [5].

Рекомендация ЮНЕСКО по этике ИИ: универсализация ценностных оснований

Следующим шагом в формировании международно-правовых основ стала Рекомендация ЮНЕСКО по этике искусственного интеллекта, принятая на 41-й сессии Генеральной конференции в ноябре 2021 г. Данный акт отличается от Рекомендации ОЭСР прежде всего масштабом: его поддержали все 193 государства - члена ЮНЕСКО, что придавало ему качество подлинно универсального документа.

Рекомендация ЮНЕСКО выстроена вокруг четырех групп ценностей: уважение, защита и содействие правам человека и достоинству личности; содействие мирному и справедливому обществу; обеспечение разнообразия и инклюзивности; содействие развитию окружающей среды и экосистем. На основании этих ценностей сформулиро-

ваны десять принципов, включающих, среди прочего, пропорциональность, безопасность, справедливость, устойчивость и подотчетность.

А.А. Громова, Г.З. Джавакян и И.Г. Дудко подчеркивают, что Рекомендация ЮНЕСКО ознаменовала переход от чисто технократического дискурса о регулировании ИИ к этико-правовому, в котором технологические вопросы рассматриваются через призму прав человека и демократических ценностей [2]. Это обстоятельство имеет принципиальное значение: именно этико-правовая рамка впоследствии легла в основу подхода Совета Европы.

Однако и Рекомендация ЮНЕСКО, подобно акту ОЭСР, носит рекомендательный характер и не создает юридически обязательных норм. Механизм ее реализации опирается на добровольные национальные отчеты и методическую поддержку со стороны Секретариата ЮНЕСКО. И.А. Филипова обращает внимание на то, что рекомендательные международные инструменты, при всей их значимости для формирования общих подходов, не способны обеспечить единообразное регулирование ИИ на национальном уровне, поскольку каждое государство адаптирует их положения исходя из собственных правовых традиций и политических приоритетов [8].

Рамочная конвенция Совета Европы: переход к обязательному международному регулированию

Принципиально новым этапом стала Рамочная конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте и правах человека, демократии и верховенстве права (CETS No 225), принятая Комитетом министров 17 мая 2024 г. и открытая для подписания 5 сентября 2024 г. в Вильнюсе. Данный документ является первым юридически обязательным международным договором, специально посвященным регулированию ИИ.

Конвенция охватывает весь жизненный цикл систем ИИ и распространяется на деятельность публичных органов власти, а также частных субъектов, действующих от имени таких органов. Для регулирования деятельности частного сектора Конвенция предоставляет государствам-участникам выбор: применять положения Конвенции непосредственно либо принимать иные меры, соответствующие ее целям и предмету. М. А. Presno Linera и А. Meuwese подробно анализируют эту двойственную конструкцию, отмечая, что она стала результатом компромисса между государствами, настаивавшими на прямом регулировании частного сектора, и теми, которые считали достаточным распространение обязательств только на публичную власть [14].

Среди ключевых положений Конвенции следует выделить обязательства государств-участников по защите прав человека от рисков, связанных с ИИ; обеспечению прозрачности и подотчетности систем ИИ; введению механизмов правовой защиты для лиц, пострадавших от применения таких систем; проведению оценки воздействия на права человека. А.Г. Шейкин отмечает, что перечень запрещенных практик, закрепленный в AI Act ЕС, по своему содержанию перекликается с обязательствами, вытекающими из Конвенции, хотя и отличается большей конкретностью [9, с. 109].

Существенной особенностью Конвенции является ее открытость для присоединения государств, не являющихся членами Совета Европы. В разработке текста приняли участие, среди прочих, США, Канада, Япония, Израиль и Австралия, ряд из которых уже подписали Конвенцию. Это обстоятельство позволяет рассматривать ее не как сугубо европейский, а как потенциально глобальный инструмент. М. Ю. Лев, Ю. Г. Лещенко и М.Б. Медведева справедливо замечают, что участие неевропейских госу-

дарств в разработке Конвенции свидетельствует о формировании трансрегиональных подходов к обеспечению технологической безопасности [4].

Механизм мониторинга выполнения Конвенции предусматривает создание Конференции Сторон, которая наделяется полномочиями по рассмотрению отчетов государств-участников, выработке рекомендаций и содействию обмену опытом. В отличие от механизмов мониторинга ОЭСР и ЮНЕСКО, данная конструкция опирается на договорную основу и предполагает регулярную отчетность.

Международные инструменты и региональная модель ЕС: проблема соотношения

Параллельно с развитием международных инструментов Европейский союз создал собственную нормативную модель регулирования ИИ, воплощенную в Регламенте 2024/1689 (AI Act). Хронологическое совпадение принятия AI Act (13 июня 2024 г.) и Рамочной конвенции Совета Европы (17 мая 2024 г.) не случайно: оба инструмента разрабатывались параллельно, и их авторы учитывали содержание друг друга.

М.А. Presno Linera и А. Meuwese проводят детальное сопоставление двух актов и приходят к заключению о том, что, несмотря на общность ценностных оснований, они различаются по нескольким принципиальным параметрам [14]. AI Act представляет собой акт прямого действия, непосредственно порождающий права и обязанности для физических и юридических лиц на территории ЕС. Рамочная конвенция, напротив, адресована государствам-участникам и обязывает их принять внутренние меры, соответствующие целям Конвенции, оставляя за ними свободу в выборе конкретных правовых средств.

А. Mahmutovic, характеризуя AI Act как «проактивную» нормативную модель, обращает внимание на то, что Регламент ЕС устанавливает конкретные обязательства для разработчиков и пользователей систем ИИ, тогда как международные инструменты формулируют принципы и стандарты, которые нуждаются в дальнейшей конкретизации на национальном уровне [12]. Этот разрыв между уровнем детализации международных и региональных актов составляет одну из центральных проблем формирующейся системы регулирования ИИ.

В. Эргашев убедительно показывает, что экстерриториальное действие AI Act создает дополнительный слой сложности. Регламент ЕС распространяется на субъектов из третьих стран, если результаты работы их систем ИИ используются на территории Союза [10]. Тем самым AI Act фактически выходит за рамки регионального акта и приобретает черты глобального регуляторного стандарта, что может порождать коллизии с обязательствами, вытекающими из международных инструментов, а также с национальными правовыми режимами третьих государств.

E.G. Bignami и соавторы фиксируют, что принятие AI Act происходило в условиях «глобальной неопределенности», когда различные юрисдикции придерживались принципиально разных моделей регулирования ИИ [11]. В подобных условиях международные инструменты, и прежде всего Рамочная конвенция Совета Европы, призваны выполнять координирующую функцию, обеспечивая минимальный общий стандарт при сохранении за государствами свободы выбора конкретных регуляторных решений.

А.Ю. Марченко указывает, что Европейский союз изначально стремился не к фрагментарной корректировке отраслевых норм, а к созданию целостного правового режима [7, с. 33]. Этот подход вступает в определенное противоречие с рамочным характером Конвенции Совета Ев-

ропы, которая намеренно оставляет государствам широкое поле для усмотрения. Вопрос о том, как государства - члены ЕС, одновременно связанные и AI Act, и Конвенцией, будут согласовывать обязательства, вытекающие из двух инструментов, остается открытым.

Сравнительный анализ международных подходов к регулированию ИИ

Сопоставление трех международных инструментов позволяет выделить общую тенденцию: постепенное усиление нормативного воздействия. Рекомендация ОЭСР 2019 г. сформулировала ценностные ориентиры в самом общем виде. Рекомендация ЮНЕСКО 2021 г. расширила круг участников до универсального уровня и детализировала этические принципы. Конвенция Совета Европы 2024 г. перевела регулирование в плоскость юридически обязательных обязательств, пусть и рамочного характера.

Одновременно каждый из актов отражает специфику принявшей его организации. ОЭСР, объединяющая преимущественно развитые экономики, акцентировала внимание на вопросах экономического роста и инновационной конкурентоспособности. ЮНЕСКО, будучи универсальной организацией, поставила во главу угла этические аспекты и инклюзивность. Совет Европы, опираясь на свою конвенционную систему защиты прав человека, сделал акцент на правозащитном измерении регулирования ИИ.

А. А. Громова, Г. З. Джавакян и И.Г. Дудко подчеркивают, что различия между подходами объясняются не только институциональной спецификой организаций, но и культурными, политическими, ценностными факторами, определяющими позиции государств-участников [2]. Показательно, что США, активно участвовавшие в разработке Рекомендации ОЭСР и Конвенции Совета Европы, одновременно придерживаются преимущественно саморегулятивной модели на внутреннем уровне, предпочитая отраслевые инициативы и исполнительные распоряжения обязательному законодательному регулированию.

Китай, не участвовавший ни в одном из рассмотренных международных инструментов, развивает собственную сегментированную модель, основанную на контроле контента генеративных систем ИИ. Ли Яо фиксирует принципиальное расхождение между европейским «твердым» регулированием и «мягким» подходом англосаксонских стран, отмечая, что Китай занимает особую позицию, сочетая жесткий контроль в одних сферах с относительной свободой в других [5]. Подобная фрагментация глобального регуляторного ландшафта создает риск нормативных коллизий, которые международные инструменты призваны смягчить, но пока не способны полностью устранить.

И. И. Белов обращает внимание на практический аспект проблемы, отмечая, что требования к документированию жизненного цикла систем ИИ, закрепленные в AI Act, формируют по существу новое направление делопроизводства, которое затрагивает и субъектов из третьих стран, если они выходят на европейский рынок [1, с. 98]. В условиях отсутствия унифицированных международных стандартов документирования подобные требования де-факто становятся глобальным стандартом для значительной части разработчиков ИИ.

J. Meszaros, I. Huys и J.P. A. Ioannidis указывают на ещё одну проблему, возникающую на стыке международного и регионального регулирования: нечеткость исследовательских изъятий. Грань между академическими и коммерческими разработками в сфере ИИ размывается, и ни один из международных инструментов не предлагает удовлетворительного критерия для разграничения этих кате-

горий [13]. Данный пробел особенно ошутим для международного научного сотрудничества, которое по определению транснационально.

И. А. Филипова отмечает, что для России, находящейся в процессе формирования собственного законодательства об ИИ, международные инструменты представляют двоякий интерес [8]. С одной стороны, они задают общие ценностные ориентиры, которые целесообразно учитывать при разработке национального регулирования. С другой стороны, практическое воздействие на российский правовой порядок оказывает скорее AI Act ЕС как акт прямого действия с экстерриториальным эффектом, нежели рамочные международные договоры.

Заключение

Проведенный анализ позволяет констатировать, что за период 2019-2024 гг. произошло качественное усложнение международно-правовых основ регулирования ИИ. От набора рекомендательных принципов, зафиксированных ОЭСР в 2019 г., международное сообщество перешло к юридически обязательному договору, принятому Советом Европы в 2024 г. Этот переход не был линейным: каждый последующий инструмент учитывал опыт предыдущих, расширяя круг участников и повышая степень нормативного воздействия.

Вместе с тем складывающаяся система характеризуется несколькими проблемными чертами. Полицентричность, т.е. наличие нескольких конкурирующих центров нормотворчества (ОЭСР, ЮНЕСКО, Совет Европы, ЕС), создает риск фрагментации и нормативных коллизий. Неоднородность юридической силы актов - от рекомендаций до регламентов прямого действия - затрудняет формирование единого правового режима. Региональные модели, прежде всего AI Act ЕС, благодаря экстерриториальному действию фактически приобретают характер глобальных стандартов, что ставит под вопрос практическую значимость рамочных международных договоров.

Н. А. Smuha и К. Yeung скептически оценивают способность ряда нормативных конструкций, включая положения AI Act, обеспечить провозглашенные цели защиты фундаментальных прав [15]. Этот скепсис тем более применим к международным инструментам, которые отличаются ещё большей абстрактностью формулировок. Между нормативной архитектурой и реальной практикой правоприменения неизбежно сохраняется разрыв, сокращение которого является задачей ближайших лет.

Для российской правовой науки изученный опыт представляет интерес с точки зрения определения оптимального соотношения между международными обязательствами и национальным регулированием ИИ. Разработка отечественного законодательства в данной сфере требует учета как достижений, так и очевидных ограничений международных и региональных инструментов, сложившихся к настоящему моменту.

Литература

1. Белов И.И. Закон Европейского союза об искусственном интеллекте: вызовы и возможности для управления документацией // Вестник ВНИИДАД. 2024. No 6. С. 96-106.
2. Громова А.А., Джавакян Г.З., Дудко И.Г. [и др.] Правовое регулирование искусственного интеллекта в России и зарубежных странах: от этики к новой парадигме. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2024.
3. Кутейников Д.Л., Ижаев О.А., Зенин С.С., Лебедев В.А. Искусственный интеллект и право. От фундаментальных проблем к прикладным задачам: монография. М.: Проспект, 2022.

4. Лев М.Ю., Лещенко Ю.Г., Медведева М.Б. Регулирование искусственного интеллекта международными организациями как фактор обеспечения технологической безопасности в национальных юрисдикциях // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7, No 8. С. 1999-2026.

5. Ли Яо. Нормативно-правовое регулирование генеративного искусственного интеллекта в Великобритании, США, Европейском союзе и Китае // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. No 3.

6. Мамедьяров З.А. Регулирование искусственного интеллекта: первые шаги. М.: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2024.

7. Марченко А.Ю. Правовое регулирование технологий ИИ в Европейском союзе: текущее состояние и перспективы его развития // Юридическая наука. 2021. No 7. С. 32-36.

8. Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. Нижний Новгород: ННГУ, 2025. 321 с.

9. Шейкин А.Г. Запрещенные действия в области искусственного интеллекта в законодательстве Европейского союза // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. No 3 (42). С. 107-112.

10. Эргашев В. Экстерриториальное действие закона ЕС об искусственном интеллекте и конфликты с национальными правовыми системами // Общество и инновации. 2025. Т. 6, No 4. С. 383-395.

11. Bignami E.G., Russo M., Semeraro F., Bellini V. Balancing Innovation and Control: The European Union AI Act in an Era of Global Uncertainty // JMIR AI. 2025. Vol. 4. Art. e75527.

12. Mahmutovic A. The EU AI Act: A Proactive Framework for Comprehensive AI Regulation // International Journal of Law and Information Technology. 2025. Vol. 33.

13. Meszaros J., Huys I., Ioannidis J.P.A. Challenges in Applying the EU AI Act Research Exemptions to Contemporary AI Research // npj Digital Medicine. 2025. Vol. 9. Art. 288.

14. Presno Linera M.A., Meuwese A. Regulating AI from Europe: A Joint Analysis of the AI Act and the Framework Convention on AI // The Theory and Practice of Legislation. 2025. Vol. 13, Iss. 3.

15. Smuha N.A., Yeung K. The European Union's AI Act: Beyond Motherhood and Apple Pie? // The Cambridge Handbook of the Law, Ethics and Policy of Artificial Intelligence / ed. by N.A. Smuha. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. P. 229-258.

Formation of international legal foundations for artificial intelligence regulation: from OECD recommendations to the council of Europe Convention

Gadzchieva F.G.

MGIMO University

The article traces the emergence of international legal foundations for artificial intelligence regulation during 2019-2024. Three key international instruments are analyzed: the OECD Recommendation on Artificial Intelligence (2019, revised 2024), the UNESCO Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence (2021), and the Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law (CETS No 225, 2024). The logic of transition from soft law instruments to a binding international treaty is explored. The relationship between international instruments and regional AI regulatory models, primarily EU Regulation 2024/1689 (AI Act), is examined. It is argued that the emerging system of international AI regulation is characterized by polycentricity, heterogeneity of legal force among its constituent instruments, and the growing influence of regional normative models on the international law-making process.

Keywords: artificial intelligence, international legal regulation, OECD, UNESCO, Council of Europe, Framework Convention CETS No 225, AI Act, human rights, digital technologies.

References

1. Belov I.I. The European Union Law on Artificial Intelligence: Challenges and Opportunities for Documentation Management // VNIIDAD Bulletin. 2024. No. 6. pp. 96-106.
2. Gromova A.A., Dzavakyan G.Z., Dudko I.G. [et al.] Legal Regulation of Artificial Intelligence in Russia and Foreign Countries: From Ethics to a New Paradigm. Moscow: NORMA: INFRA-M, 2024.

3. Kuteynikov D.L., Izhaev O.A., Zenin S.S., Lebedev V.A. Artificial Intelligence and Law. From Fundamental Problems to Applied Tasks: Monograph. Moscow: Prospect, 2022.
4. Lev M.Yu., Leshchenko Yu.G., Medvedeva M.B. Regulation of Artificial Intelligence by International Organizations as a Factor in Ensuring Technological Security in National Jurisdictions // Economic Security. 2024. Vol. 7, No. 8. pp. 1999-2026.
5. Li Yao. Legal Regulation of Generative Artificial Intelligence in the UK, USA, European Union, and China // Pravo. Journal of the Higher School of Economics. 2023. No. 3.
6. Mamedyarov Z.A. Regulation of Artificial Intelligence: First Steps. Moscow: ISSEK HSE, 2024.
7. Marchenko A.Yu. Legal Regulation of AI Technologies in the European Union: Current Status and Development Prospects // Legal Science. 2021. No. 7. pp. 32-36.
8. Filipova I.A. Legal Regulation of Artificial Intelligence: A Study Guide. 3rd ed., revised and enlarged. Nizhny Novgorod: UNN, 2025. 321 p.
9. Sheikin A.G. Prohibited actions in the field of artificial intelligence in the legislation of the European Union // Law and Order: History, Theory, Practice. 2024. No. 3 (42). Pp. 107-112.
10. Ergashev V. Extraterritorial application of the EU law on artificial intelligence and conflicts with national legal systems // Society and Innovation. 2025. Vol. 6, No. 4. Pp. 383-395.
11. Bignami E.G., Russo M., Semeraro F., Bellini V. Balancing Innovation and Control: The European Union AI Act in an Era of Global Uncertainty // JMIR AI. 2025. Vol. 4. Art. e75527.
12. Mahmutovic A. The EU AI Act: A Proactive Framework for Comprehensive AI Regulation // International Journal of Law and Information Technology. 2025. Vol. 33.
13. Meszaros J., Huys I., Ioannidis J.P.A. Challenges in Applying the EU AI Act Research Exemptions to Contemporary AI Research // npj Digital Medicine. 2025. Vol. 9. Art. 288.
14. Presno Linera M.A., Meuwese A. Regulating AI from Europe: A Joint Analysis of the AI Act and the Framework Convention on AI // The Theory and Practice of Legislation. 2025. Vol. 13, Iss. 3.
15. Smuha N.A., Yeung K. The European Union's AI Act: Beyond Motherhood and Apple Pie? // The Cambridge Handbook of the Law, Ethics and Policy of Artificial Intelligence / ed. by N.A. Smuha. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. pp. 229-258.

Американская и европейская модели правового регулирования криптовалют как элементы глобального правового порядка: сравнительно-правовой анализ

Гапонов Андрей Евгеньевич

аспирант кафедры публичного права АННИО «Международного института информатизации и государственного управления им. П.А. Столыпина», Gaponov_a_ip@mail.ru

В статье проводится сравнительно-правовой анализ американской и европейской моделей регулирования оборота криптовалют, рассматриваемых как элементы складывающегося глобального правового порядка. Автор показывает, что при противоположных методах нормотворчества — сплошной кодификации в Европейском союзе и поэтапной отраслевой достройке от правоприменения к статуту в Соединённых Штатах Америки — обе модели сходятся на функциональном стандарте контроля, ядром которого выступают идентификация участника в точке лицензированного посредничества и правило сопровождения перевода сведениями о его сторонах. Обосновывается, что этот функциональный стандарт, опирающийся на рекомендации Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег, приобретает значение фактического глобального стандарта. Сделан вывод о том, что действенность регулирования криптовалют определяется не выбором цивилистической квалификации объекта, а наличием инфраструктуры проверки операций, что и составляет подлинный предмет сравнения национальных моделей.

Ключевые слова: криптовалюта; финансовый контроль; сравнительное правоведение; MiCA; GENIUS Act; правило путешествия; ФАТФ; верификация операций; глобальное регулирование; финансовое право.

Правовое регулирование оборота криптовалют формируется сегодня не из единого центра, а как результат взаимодействия нескольких национальных и наднациональных правовых порядков, каждый из которых предлагает собственную модель контроля. Ведущее положение среди них занимают европейская и американская модели, различающиеся не столько содержанием решаемых задач, сколько методом их решения и институциональной архитектурой. Сопоставление этих моделей приобретает не только академическое значение, ведь от того, какая из них станет ориентиром для формирующегося глобального стандарта, зависит выбор регуляторных решений в правовых порядках, находящихся на стадии достройки собственных систем. Настоящее исследование исходит из того, что противопоставление двух моделей как альтернативных упрощает картину, поскольку за различием методов обнаруживается схождение на общем функциональном стандарте контроля, и именно это схождение, а не выбор той или иной цивилистической квалификации, определяет действенность регулирования.

Отечественная доктрина рассматривает зарубежные модели преимущественно под углом их применимости к совершенствованию национального регулирования. Э.Л. Сидоренко, анализируя развитие цифровых финансов, связывает результативность регулирования криптовалют со способностью государства обеспечивать надзор за криптовалютными потоками, а не с формальной полнотой определений, и тем самым переносит центр сравнения с догматики объекта на инфраструктуру контроля⁶³. Д.А. Кочергин, исследуя экономическую природу и классификацию криптоактивов, обосновывает функциональный подход, при котором правовой режим инструмента определяется его экономическим предназначением и механизмом стабилизации стоимости, а не технологическим или субъектным признаком⁶⁴. В зарубежной науке преобладает оценка европейского регламента о рынках криптоактивов как акта, изменившего парадигму регулирования, так Д. Цетцше и соавторы характеризуют его как элемент целостной стратегии цифровых финансов⁶⁵, а А. Гкутцинис — как поворотный пункт в переходе от точечного правоприменения к системному нормативному охвату⁶⁶. Сопоставление приведённых позиций обнаруживает доктринальный консенсус относительно того, что определяющим параметром является инфраструктура наблюдения, и одновременно — расхождение в оценке того, какой метод её создания, сплошная кодификация или отраслевая достройка, предпочтительнее.

Европейская модель построена как всеобъемлющая кодификация прямого действия. Регламент о рынках криптоактивов ввёл трёхзвенную классификацию, основанную на функциональном критерии, в которые входят: токены, привязанные к корзине активов; токены электронных денег, привязанные к одной официальной валюте;

⁶³Сидоренко Э.Л. Криптовалюта и будущее цифровых финансов. — Москва : МГИМО-Университет, 2023. — С. 6, 30.

⁶⁴Кочергин Д.А. Криптоактивы: экономическая природа, классификация и регулирование оборота // Вестник международных организаций. — 2022. — Т. 17, № 3. — С. 75–130.

⁶⁵Zetzsche D.A., Annunziata F., Arner D.W., Buckley R.P. The Markets in Crypto-Assets Regulation (MiCA) and the EU Digital Finance

Strategy // Capital Markets Law Journal. — 2021. — Vol. 16, No. 2. — P. 203–225.

⁶⁶Gkoutzinis A. The European Union's proposed regulation on markets in crypto-assets (MiCA): A game-changer for crypto regulation // Journal of Financial Regulation. — 2022. — Vol. 8, No. 1. — P. 112–139.

прочие криптоактивы⁶⁷. Нормы о токенах, привязанных к активам, и о токенах электронных денег применяются с 30 июня 2024 г., а положения о прочих криптоактивах и о поставщиках услуг — с 30 декабря 2024 г., что обеспечило участникам рынка предсказуемую адаптацию. Операционный уровень образует регламент о сведениях, сопровождающих переводы, распространивший правило сопровождения перевода на все операции с криптоактивами без нижнего порога и обязавший каждого поставщика услуг передавать принимающей стороне идентификационные данные плательщика и получателя⁶⁸. Антиотмывочный уровень достроен пакетом 2024 года, сформировав единый свод правил, применяемый напрямую во всех государствах-членах с 10 июля 2027 года, а также, включил поставщиков услуг в круг обязанных лиц⁶⁹. Учреждённый во Франкфурте и действующий с 1 июля 2025 года надзорный орган наделён функцией координации подразделений финансовой разведки и прямого надзора за высокорисковыми трансграничными поставщиками услуг⁷⁰. В совокупности эти уровни образуют сплошной периметр идентификации, в котором наблюдение носит превентивный, а не реактивный характер.

Американская модель формировалась противоположным путём — через отраслевую достройку, длительное время опиравшуюся на правоприменение при отсутствии специального статута. Разграничение компетенции строилось вокруг вопроса о том, относится ли конкретный актив к ценным бумагам под надзором Комиссии по ценным бумагам и биржам или к товарам под надзором Комиссии по срочной биржевой торговле. Первым федеральным законом, установившим предметный режим, стал акт о регулировании платёжных стейблкоинов, принятый в 2025 года, он ввёл требование полного резервирования обязательств эмитента и распространил на эмитентов обязанности в сфере противодействия отмыванию денег⁷¹. Рыночно-структурное регулирование остаётся на стадии законопроекта, так Digital Asset Market Clarity Act (CLARITY Act), в отношении рынка цифровых активов, закрепляющий исключительную компетенцию Комиссии по срочной биржевой торговле в отношении спотовых рынков цифровых товаров при сохранении компетенции Комиссии по ценным бумагам и биржам применительно к инвестиционным контрактам, прошёл Палату представителей и был одобрен профильным комитетом Сената в мае 2026 года, однако на момент подготовки статьи не принят⁷². Тем самым американская модель движется от разрозненного правоприменения к предметному статуту, но сохраняет отраслевое разграничение компетенции нескольких регуляторов вместо единого свода правил.

Сопоставление двух моделей по методу обнаруживает их принципиальное различие. Европейский подход исходит из идеи единого нормативного требования — один акт прямого действия устанавливает тождественные требования для всех государств-членов, а централизованный орган обеспечивает единство надзорной практики и

координацию подразделений финансовой разведки. Американский подход, напротив, сохраняет разделение компетенции между отраслевыми регуляторами и достраивает режим последовательно, сегмент за сегментом, начиная с наиболее чувствительной категории платёжных стейблкоинов. Различие методов отражает и различие правовых традиций, так как континентальная опора на кодификацию противопоставлена достройке через отраслевые статуты и правоприменение. На уровне институциональной архитектуры это выражается в противопоставлении единого надзорного центра и системы разграниченных юрисдикций, каждая из которых сохраняет автономию в своей предметной области.

Вместе с тем за различием методов обнаруживается содержательное сходжение, значимое именно для финансово-правового анализа. Во-первых, обе модели переходят к функциональному режиму стейблкоинов европейское право выделяет токены электронных денег с режимом, родственным режиму электронных денежных средств, а американское — категорию платёжных стейблкоинов с требованием полного резервирования, причём в основе обоих решений лежит признание того, что подобные инструменты по своей природе ближе к электронным деньгам, чем к децентрализованным криптовалютам⁷³.

Во-вторых, обе модели имплементируют правило сопровождения перевода сведениями о его сторонах, восходящее к рекомендации 16 Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег, обеспечивая тем самым прослеживаемость транзакционных цепочек⁷⁴.

В-третьих, обе возлагают основной массив обязанностей по идентификации на лицензированного посредника, который выступает точкой контроля, где операция сопрягается с установленным участником. Совокупность этих элементов образует функциональный стандарт, который, будучи закреплён рекомендациями Группы разработки финансовых мер, приобретает значение фактического глобального стандарта и распространяется за пределы принявших его правопорядков через механизм признания эквивалентности и через практическую вынужденность его соблюдения участниками, ориентированными на доступ к соответствующей инфраструктуре⁷⁵.

Вместе с тем распространённое представление о европейской и американской моделях как о конкурирующих альтернативах, из которых глобальному правопорядку предстоит избрать одну, представляется дискуссионным. Его слабость обнаруживается при разграничении предмета сравнения, а именно на уровне цивилистической квалификации объекта и распределения надзорной компетенции модели действительно расходятся, однако на уровне инфраструктуры контроля они сходятся на общем наборе решений. Конкуренция методов не отменяет единства функционального ядра, а рекомендации Группы разработки финансовых мер выполняют роль связующего слоя, обеспечивающего совместимость национальных систем поверх различий в их построении. Следовательно,

⁶⁷Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets (MiCA) // Official Journal of the European Union. — L 150, 9.6.2023. — P. 40–205.

⁶⁸Regulation (EU) 2023/1113 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on information accompanying transfers of funds and certain crypto-assets (TFR) // Official Journal of the European Union. — L 150, 9.6.2023.

⁶⁹Regulation (EU) 2024/1624 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2024 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing // Official Journal of the European Union. — L, 19.6.2024.

⁷⁰Regulation (EU) 2024/1620 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2024 establishing the Authority for Anti-Money Laundering and Countering the Financing of Terrorism // Official Journal of the European Union. — L, 19.6.2024.

⁷¹Guiding and Establishing National Innovation for U.S. Stablecoins Act (GENIUS Act), Pub. L. No. 119-27 (2025) (United States).

⁷²Digital Asset Market Clarity Act of 2025 (CLARITY Act), H.R. 3633, 119th Congress (2025) (United States). Законопроект прошёл Палату представителей и одобрен Комитетом Сената по банковским вопросам 14 мая 2026 г.; на дату подготовки статьи не принят.

⁷³Кочергин Д.А. Указ. соч. — С. 90.

⁷⁴FATF. The FATF Recommendations. — Paris : FATF, 2012, updated 2023. — Rec. 15, 16.

⁷⁵Ситник А.А. Использование криптовалют в трансграничных расчётах: проблемы и перспективы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20, № 8 (177). — С. 40.

вопрос о выборе между моделями поставлен неточно, предметом заимствования для правопорядков, достраивающих собственные системы, выступают не метод и не догматическая конструкция, а конкретные механизмы идентификации и прослеживаемости, доказавшие работоспособность в обеих моделях.

Проведённый анализ приводит к выводу о том, что американская и европейская модели представляют собой не альтернативы, а взаимодополняющие элементы единого складывающегося глобального правового порядка, ядром которого выступает инфраструктура верификации операций, а не квалификация объекта. Именно наличие действующего механизма идентификации участника и прослеживаемости перевода, а не отнесение криптовалюты к той или иной категории объектов права, служит критерием, определяющим результативность любой национальной модели. Данный вывод переносит центр сравнительно-правового исследования с догматики объекта на инфраструктуру контроля и задаёт критерий оценки национальных систем, находящихся на стадии достройки, — критерий, применение которого к отечественному регулированию составляет предмет дальнейшего исследования.

Литература

1. Regulation (EU) 2023/1113 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on information accompanying transfers of funds and certain crypto-assets (TFR) // Official Journal of the European Union. — L 150, 9.6.2023.
2. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets (MiCA) // Official Journal of the European Union. — L 150, 9.6.2023. — P. 40–205.
3. Regulation (EU) 2024/1620 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2024 establishing the Authority for Anti-Money Laundering and Countering the Financing of Terrorism // Official Journal of the European Union. — L, 19.6.2024.
4. Regulation (EU) 2024/1624 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2024 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing // Official Journal of the European Union. — L, 19.6.2024.
5. Guiding and Establishing National Innovation for U.S. Stablecoins Act (GENIUS Act), Pub. L. No. 119-27 (2025) (United States).
6. Digital Asset Market Clarity Act of 2025 (CLARITY Act), H.R. 3633, 119th Congress (2025) (United States).
7. Financial Innovation and Technology for the 21st Century Act (FIT21), H.R. 4763, 118th Congress (2024) (United States).
8. FATF. The FATF Recommendations. — Paris : FATF, 2012, updated 2023.
9. Кочергин Д.А. Кriptoактивы: экономическая природа, классификация и регулирование оборота // Вестник международных организаций. — 2022. — Т. 17, № 3. — С. 75–130.
10. Сидоренко Э.Л. Кriptoвалюта и будущее цифровых финансов. — Москва : МГИМО-Университет, 2023. — 218 с.
11. Ситник А.А. Использование кriptoвалют в трансграничных расчётах: проблемы и перспективы правового

регулирования // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20, № 8 (177). — С. 33–41.

12. Gkoutzinis A. The European Union's proposed regulation on markets in crypto-assets (MiCA): A game-changer for crypto regulation // Journal of Financial Regulation. — 2022. — Vol. 8, No. 1. — P. 112–139.

13. Zetsche D.A., Annunziata F., Arner D.W., Buckley R.P. The Markets in Crypto-Assets Regulation (MiCA) and the EU Digital Finance Strategy // Capital Markets Law Journal. — 2021. — Vol. 16, No. 2. — P. 203–225.

American and European Models of Legal Regulation of Cryptocurrencies as Elements of the Global Legal Order: A Comparative Legal Analysis Gaponov A.E.

International Institute of Informatization and Public Administration named after P.A. Stolypin

The article offers a comparative legal analysis of the American and European models of cryptocurrency regulation, treated as elements of an emerging global legal order. The author shows that, despite opposite legislative methods — comprehensive codification in the European Union and gradual sectoral construction from enforcement to statute in the United States — both models converge on a functional standard of control whose core consists of the identification of participants at the point of licensed intermediation and the rule requiring transfers to be accompanied by information about their parties. It is argued that this functional standard, resting on the recommendations of the Financial Action Task Force, is acquiring the significance of a de facto global standard. The conclusion is that the effectiveness of cryptocurrency regulation is determined not by the choice of the object's civil-law qualification but by the presence of an infrastructure for verifying transactions, which constitutes the true subject of comparison between national models.

Keywords: cryptocurrency; financial control; comparative law; MiCA; GENIUS Act; travel rule; FATF; transaction verification; global regulation; financial law.

References

1. Regulation (EU) 2023/1113 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on information accompanying transfers of funds and certain crypto-assets (TFR). Official Journal of the European Union, L 150, 9.6.2023.
2. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets (MiCA). Official Journal of the European Union, L 150, 9.6.2023, pp. 40–205.
3. Regulation (EU) 2024/1620 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2024 establishing the Authority for Anti-Money Laundering and Countering the Financing of Terrorism. Official Journal of the European Union, L, 19.6.2024.
4. Regulation (EU) 2024/1624 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2024 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing. Official Journal of the European Union, L, 19.6.2024.
5. Guiding and Establishing National Innovation for U.S. Stablecoins Act (GENIUS Act), Pub. L. No. 119-27 (2025) (United States).
6. Digital Asset Market Clarity Act of 2025 (CLARITY Act), H.R. 3633, 119th Congress (2025) (United States).
7. Financial Innovation and Technology for the 21st Century Act (FIT21), H.R. 4763, 118th Congress (2024) (United States).
8. FATF. The FATF Recommendations. Paris, FATF, 2012, updated 2023.
9. Kochergin D.A. Kriptoaktivy: ekonomicheskaya priroda, klassifikatsiya i regulirovanie oborota [Crypto-Assets: Economic Nature, Classification and Regulation of Circulation]. Vestnik mezhdunarodnykh organizatsij, 2022, vol. 17, no. 3, pp. 75–130.
10. Sidorenko E.L. Kriptovalyuta i budushchee cifrovyyh finansov [Cryptocurrency and the Future of Digital Finance]. Moscow, MGIMO-University Publ., 2023. 218 p.
11. Sitnik A.A. Ispol'zovanie kriptovalyut v transgranichnykh raschetah: problemy i perspektivy pravovogo regulirovaniya [The Use of Cryptocurrencies in Cross-Border Settlements: Problems and Prospects of Legal Regulation]. Aktual'nye problemy rossijskogo prava, 2025, vol. 20, no. 8 (177), pp. 33–41.
12. Gkoutzinis A. The European Union's proposed regulation on markets in crypto-assets (MiCA): A game-changer for crypto regulation. Journal of Financial Regulation, 2022, vol. 8, no. 1, pp. 112–139.
13. Zetsche D.A., Annunziata F., Arner D.W., Buckley R.P. The Markets in Crypto-Assets Regulation (MiCA) and the EU Digital Finance Strategy. Capital Markets Law Journal, 2021, vol. 16, no. 2, pp. 203–225.

Отдельные проблемы правового обеспечения безопасности внешнеэкономической деятельности в условиях санкций

Лабоськин Михаил Алексеевич

канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры таможенного администрирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, laboskin-ma@ranepa.ru

В статье рассматриваются проблемы защиты интересов участников внешнеэкономической деятельности (ВЭД) в условиях расширения санкционных ограничений. В работе характеризуются основные виды санкционного воздействия, оценивается их влияние на международные экономические связи. Особое внимание уделено правовым проблемам, с которыми сталкиваются субъекты ВЭД в связи с применением санкционного режима. К ним относятся потребность в реализации ответных мер со стороны государства, риски оспаривания сделок в правовом поле, затруднения при проведении расчетов по контрактам, а также недостаточная развитость механизмов защиты субъектов ВЭД. Кроме того, внимание уделено вопросам применения информационно-коммуникационных технологий в условиях и организации внутреннего контроля в компаниях с целью соблюдения действующих ограничений.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, санкции, санкционное давление, безопасность внешнеэкономической деятельности, недружественные страны.

Введение

Внешеэкономическая деятельность (ВЭД) остаётся одним из главных факторов развития национальной экономики, позволяющая включать отечественные предприятия в международные производственные и логистические цепочки, а также обеспечивать доступ к необходимым технологическим ресурсам.

Однако трансформация системы международных отношений привела к инструментализации рестрикций: санкционный режим превратился из исключительной меры воздействия в системный фактор сдерживания. В период с февраля 2022 года по май 2026 года Европейский союз реализовал в отношении Российской Федерации 20 последовательных пакетов ограничительных мер, а совокупное количество введенных недружественными юрисдикциями барьеров превысило порог в 31 тысячу.

Под санкционным давлением понимается комплекс дискриминационных ограничений экономического, финансового и технологического характера, иницируемых иностранными государствами для принуждения суверенного актора к изменению его внешнеполитического курса. В данных обстоятельствах формирование устойчивого правового контура безопасности ВЭД становится императивом государственной политики. Именно нормативно-правовые механизмы выступают главным амортизатором экзогенных шоков, позволяя купировать риски блокирования активов и поддерживать функциональную устойчивость трансграничных транзакций.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования сформировали нормативные правовые акты Российской Федерации, регламентирующие контрсанкционную политику: Федеральный закон от 30.12.2006 № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» [2], Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединённых Штатов Америки и иных иностранных государств» [3] и распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р (перечень недружественных государств) [6].

Методологический аппарат базируется на синтезе формально-юридического метода, сравнительно-правового анализа и системного подхода, что позволило декомпозировать взаимосвязи между законодательной динамикой и практическими вызовами субъектов международной торговли.

Литературный обзор

Научный дискурс вокруг адаптации российской экономики к внешнему давлению характеризуется высокой плотностью исследований.

Д. А. Федорук фокусируется на эволюции экспортно-импортного контроля и трансформации процессуального порядка разрешения споров с участием подсанкционных резидентов [8].

И. С. Каминский акцентирует внимание на институциональном вакууме — дефиците норм уголовного преследования за правонарушения в сфере обхода рестрикций, предлагая конкретные дескрипторы для модернизации Особенной части УК РФ [9].

Т. И. Абдреев исследует проблематику защиты имущественных интересов экспортеров и импортеров, выдвигая гипотезу о потенциале цифрового рубля как инструмента дедолларизации расчетов во внешней торговле [10].

И.А. Филиппова и А.Э. Кожемяко анализируют макроэкономические последствия изоляции и стратегические траектории обеспечения устойчивости национальной хозяйственной системы [11].

Результаты

Проведенный правовой аудит позволил верифицировать ряд структурных дисфункций в системе обеспечения безопасности ВЭД:

- нестабильность нормативно-правовой базы. Высокая частота корректировок контрсанкционного законодательства создает эффект регуляторной неопределенности, парализуя долгосрочное инвестиционное планирование корпоративных структур;

- институт недействительности сделок. Игнорирование предписаний антисанкционных указов Президента РФ влечет автоматическую ничтожность контрактов (ч. 2 ст. 168 ГК РФ[1]), даже при отсутствии прямого умысла сторон на нарушение закона;

- инфраструктурная изоляция финансов. Комплаенс-политики глобальных банков-корреспондентов приводят к фактической заморозке платежных потоков, делая исполнение обязательств технически неосуществимым;

- юрисдикционная асимметрия. Ограничение доступа к международному правосудию нивелирует эффективность международно-правовых инструментов взыскания убытков с контрагентов из недружественных стран;

- цифровая уязвимость. Экстерриториальный характер технологических санкций требует внедрения превентивных протоколов кибербезопасности и локализации IT-инфраструктуры;

- рост административной нагрузки. Рост административной нагрузки на участников ВЭД обусловлен необходимостью обеспечивать соответствие требованиям санкционного регулирования. Компании вынуждены направлять существенные трудовые и финансовые ресурсы на организацию контроля за соблюдением ограничительных мер, в том числе на проверку контрагентов, отслеживание обновлений санкционных списков и анализ условий сделок.

Обсуждение

Выявленные дисбалансы отражают противоречивый характер государственного регулирования ВЭД: защитные меры, призванные обеспечить устойчивость экономики, одновременно порождают дополнительные транзакционные издержки для бизнеса.

Применяемые государством протекционистские меры — ответные ограничения, особый порядок расчетов (Указы Президента РФ от 05.03.2022 № 95 [4], от 27.05.2022 № 322 [5]) и легализация параллельного импорта носят вынужденный характер и призваны минимизировать риски дестабилизации внешнеэкономической деятельности. Их правоприменительный эффект, однако, демонстрирует неоднозначные последствия.

С одной стороны, указанные инструменты позволяют сохранить работоспособность ключевых сегментов ВЭД. С другой — они порождают дополнительные барьеры для участников оборота: усложняются процедуры согласования сделок, удлиняются сроки исполнения обязательств, возрастают требования к внутреннему контролю. Такая динамика подтверждает двойственную природу текущего регулирования: защитные меры неизбежно трансформируются в дополнительные транзакционные издержки для бизнеса.

Отдельное внимание следует уделить стабилизации условий для инвесторов за счёт правовых гарантий неизменности ключевых параметров регулирования на среднесрочную перспективу;

- развитие международного сотрудничества. Важным направлением является участие в формировании альтернативных наднациональных правил торговли, заключение двусторонних соглашений об иммунитете государственных активов, а также координация позиций с партнёрами по ЕАЭС и БРИКС для согласованного противодействия одностороннему санкционному давлению;

- усиление процессуальной защищённости российских участников ВЭД. Перспективными мерами выступают развитие института антиисковых запретов в российской судебной практике, расширение использования арбитражей дружественных юрисдикций, а также упрощение процедур досудебного урегулирования коммерческих споров;

- корпоративная адаптация к новым условиям. На уровне хозяйствующих субъектов необходимо внедрять риск-ориентированный подход, цифровизировать процессы санкционного скрининга. Параллельно следует диверсифицировать географию поставок и развивать независимые элементы финансовой инфраструктуры.

Заключение

Экзогенное санкционное давление выступает существенным фактором трансформации системы внешнеэкономических связей. Преодоление обусловленной этим турбулентности возможно только при условии скоординированного взаимодействия государства и предпринимательского сообщества.

Основными элементами такой трансформации являются модернизация правовой базы с учётом реальных потребностей бизнеса, укрепление кооперации в рамках дружественных интеграционных объединений, усиление процессуальных гарантий для участников ВЭД, а также технологическое развитие комплаенс-инструментария. Реализация этих мер способна не только минимизировать негативные эффекты санкционного режима, но и создать предпосылки для повышения устойчивости и конкурентоспособности российского сектора ВЭД в долгосрочной перспективе.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 10.03.2026).
2. Федеральный закон от 30.12.2006 № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902021803?section=text> (дата обращения: 10.06.2026).
3. Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединённых Штатов Америки и иных иностранных государств» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 24. – Ст. 3394.
4. Указ Президента РФ от 05.03.2022 № 95 (ред. от 01.06.2026) «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами» [Электронный ресурс] – Консультант Плюс. Справочно-правовая система – Режим доступа: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410994 // (дата обращения: 10.06.2026).
5. Указ Президента РФ от 27.05.2022 № 322 (ред. от 15.02.2024, с изм. от 20.05.2024) «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми правообладателями» [Электронный ресурс] – Консультант Плюс. Справочно-правовая система – Режим доступа: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_417818 // (дата обращения: 10.06.2026).

6. Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р «О перечне иностранных государств и территорий, совершающих в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 11. – Ст. 1748.

7. Евросоюз отменяет часть санкций против россиян [Электронный ресурс]. – URL: <https://ura.news/news/1053075761> (дата обращения: 10.03.2026).

8. Федорук, Д. А. Правовое обеспечение внешнеэкономической деятельности в условиях санкционных ограничений [Электронный ресурс] // Дневник науки. – 2026. – № 4. – URL: <https://dnevniknauki.ru/images/publications/2026/4/law/Fedoruk2.pdf> (дата обращения: 10.06.2026).

9. Каминский, И. С. Необходимость развития уголовно-правового механизма в сфере внешнеэкономической деятельности в условиях введения экономических санкций [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neobhodimost-razvitiya-ugolovno-pravovogo-mehanizma-v-sfere-vneshneekonomicheskoy-deyatelnosti-v-usloviyah-vvedeniya-ekonomicheskikh> (дата обращения: 10.06.2026).

10. Абдреев, Т. И. Финансово-правовые аспекты реализации прав участников внешнеэкономической деятельности в условиях санкционного давления [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovo-pravovye-aspekty-realizatsii-prav-uchastnikov-vneshneekonomicheskoy-deyatelnosti-v-usloviyah-sanktsionnogo-davleniya> (дата обращения: 10.06.2026).

11. Филиппова, И. А. Влияние санкций на экономическую безопасность России / И. А. Филиппова, А. Э. Кожемяко. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – № 21 (416). – С. 355-356. – URL: <https://moluch.ru/archive/416/91945> (дата обращения: 10.06.2026).

Selected problems of legal support for foreign economic activities in the context of sanctions

Laboskin M.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
The article discusses the problems of protecting the interests of participants in foreign economic activity (FEA) in the context of expanding sanctions restrictions. The paper characterizes the main types of sanctions and assesses their impact on international economic relations. Special attention is paid to the legal issues faced by FEA entities due to the application of the sanctions regime. These include the need for the state to implement retaliatory measures, the risks of challenging transactions in the legal field, difficulties in conducting payments under contracts, and the lack of developed mechanisms for protecting FEA entities. In addition, attention is paid to the use of information and communication technologies in the context of internal control in companies in order to comply with existing restrictions.

Keywords: foreign economic activity, sanctions, sanctions pressure, security of foreign economic activity, unfriendly countries

References

1. Civil Code of the Russian Federation [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (date of access: 10.03.2026).
2. Federal Law of 30.12.2006 No. 281-FZ "On Special Economic Measures and Coercive Measures" [Electronic resource]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902021803?section=text> (date of access: 10.06.2026).
3. Federal Law of 04.06.2018 No. 127-FZ "On Measures of Influence (Counteraction) to Unfriendly Actions of the United States of America and Other Foreign States" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2018. – No. 24. – Article 3394.
4. Decree of the President of the Russian Federation of March 5, 2022 No. 95 (as amended on June 1, 2026) "On the Temporary Procedure for Fulfilling Obligations to Certain Foreign Creditors" [Electronic resource] - Consultant Plus. Legal Reference System - Access mode: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410994/ (date of access: June 10, 2026).
5. Decree of the President of the Russian Federation of May 27, 2022 No. 322 (as amended on February 15, 2024, as amended on May 20, 2024) "On the Temporary Procedure for Fulfilling Obligations to Certain Copyright Holders" [Electronic resource] - Consultant Plus. Legal Reference System - Access mode: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_417818/ (accessed: June 10, 2026).
6. Order of the Government of the Russian Federation of March 5, 2022 No. 430 r "On the list of foreign states and territories committing unfriendly actions against the Russian Federation, Russian legal entities and individuals" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 11. – Article 1748.
7. The European Union lifts some sanctions against Russians [Electronic resource]. – URL: <https://ura.news/news/1053075761> (accessed: 10.03.2026).
8. Fedoruk, D. A. Legal support for foreign economic activity under sanctions restrictions [Electronic resource] // Science Diary. – 2026. – No. 4. – URL: <https://dnevniknauki.ru/images/publications/2026/4/law/Fedoruk2.pdf> (accessed: 10.06.2026).
9. Kaminsky, I. S. The Need to Develop a Criminal-Law Mechanism in the Sphere of Foreign Economic Activity in the Context of the Introduction of Economic Sanctions [Electronic Resource] // CyberLeninka. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neobhodimost-razvitiya-ugolovno-pravovogo-mehanizma-v-sfere-vneshneekonomicheskoy-deyatelnosti-v-usloviyah-vvedeniya-ekonomicheskikh> (date of access: 10.06.2026).
10. Abdreev, T. I. Financial and Legal Aspects of the Implementation of the Rights of Participants in Foreign Economic Activity in the Context of Sanctions Pressure [Electronic Resource] // CyberLeninka. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovo-pravovye-aspekty-realizatsii-prav-uchastnikov-vneshneekonomicheskoy-deyatelnosti-v-usloviyah-sanktsionnogo-davleniya> (date of access: 10.06.2026).
11. Filippova, I. A. The Impact of Sanctions on Russia's Economic Security / I. A. Filippova, A. E. Kozhemyako. – Text: direct // Young scientist. – 2022. – No. 21 (416). – P. 355-356. – URL: <https://moluch.ru/archive/416/91945> (date of access: 10.06.2026).

«Ответный удар»: анти-анти-исковые запреты (anti-anti-suit injunctions) и запреты на принудительное исполнение (anti-enforcement injunctions): сравнительный анализ права Англии и Уэльса и США

Никоев Нерсес Гургенович

Аспирант кафедры Международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Nikoev_n_g@my.mgimo.ru

В статье проводится сравнительный анализ анти-анти-исковых запретов (anti-anti-suit injunctions) и запретов на принудительное исполнение (anti-enforcement injunctions) в международном гражданском процессе и коммерческом арбитраже. На основе судебной практики Англии и Уэльса, а также США, автор исследует правовые основания, процессуальные предпосылки и пределы применения данных институтов, уделяя особое внимание балансу между принципом международной вежливости (comity) и защитой юрисдикции национального суда. Обосновывается вывод, что, несмотря на общее происхождение из системы общего права, подходы двух правовых порядков демонстрируют существенные различия, обусловленные доктринальными установками и прагматическими соображениями процессуальной экономики.

Ключевые слова: анти-анти-исковой запрет, запрет на принудительное исполнение, международная подсудность, международная вежливость, международный коммерческий арбитраж, обеспечительные меры, сравнительное правоведение, право Англии и Уэльса, право США.

В условиях глобализации и возрастающей транснационализации коммерческих отношений проблемы параллельных судебных разбирательств и конфликтов юрисдикций приобрели особую остроту. Инструментарий общего права, традиционно богатый разнообразными видами судебных запретов (injunctions), предложил ряд средств для противодействия процессуальным злоупотреблениям. Классическим инструментом является антиисковый запрет (anti-suit injunction) - мера, посредством которой суд одной страны предписывает стороне, находящейся под его компетенцией, воздержаться от инициирования или продолжения разбирательства в суде иностранного государства. Как отмечается в доктрине, anti-suit injunction представляет собой «квинтэссенцию средства судебной защиты в праве справедливости», однако его применение традиционно вызывает критику со стороны судей и ученых стран континентального права, усматривающих в нем неоправданное вмешательство в суверенитет иностранного государства. Развитие процессуальной тактики привело к появлению ответных мер. Когда одна сторона получает в иностранном суде запрет на ведение процесса, противная сторона может обратиться в суд своей страны за запретом, который нейтрализует действие первого. Так возникли анти-анти-исковые запреты (anti-anti-suit injunctions) и запреты на принудительное исполнение (anti-enforcement injunctions). Хотя эти институты активно применяются в судебной практике Англии и Уэльса, их правовая природа и допустимые пределы использования остаются предметом оживленных дискуссий [1].

Цель этой работы состоит в сравнительном анализе подходов Англии и Уэльса, с одной стороны, и США, с другой, к регулированию указанных видов запретов.

Анти-анти-исковой запрет представляет собой средство судебной защиты, направленное против запрета на ведение процесса, уже выданного или запрашиваемого в иностранном суде. Как справедливо отмечается в юридической литературе, фундаментальное различие между anti-anti-suit injunction и anti-enforcement injunction заключается во временном аспекте: первый испрашивается в то время, как заявление о выдаче anti-suit injunction еще находится на рассмотрении иностранного суда, тогда как второй - уже после того, как такой запрет был выдан. Анти-анти-исковой запрет, таким образом, выполняет превентивную функцию, не позволяя процессуальному положению стороны в английском суде быть подорванным еще до того, как вопрос о юрисдикции будет окончательно разрешен.

Правовое основание для выдачи подобных запретов в Англии и Уэльсе традиционно усматривается в разделе 37 Senior Courts Act 1981. Дополнительную опору для подобной практики составляет раздел 25 Civil Jurisdiction and Judgments Act 1982, наделяющий английский суд полномочиями издавать обеспечительные меры в поддержку арбитража, даже если место нахождения арбитража находится за пределами Англии и Уэльса [2].

Знаковым в развитии института анти-анти-исковых запретов в Англии стало дело *IPCom GmbH & Co KG v Lenovo Technology* (EWHC 2019). Это был первый случай в практике английских судов, где был прямо рассмотрен и удовлетворен запрос о выдаче anti-anti-suit injunction. Суть спора сводилась к патентному конфликту между

немецкой компанией IPCom и Lenovo. Когда Lenovo обратилась в суд США с требованием выдать anti-suit injunction, запрещающий IPCom продолжать разбирательство в Англии, IPCom оперативно запросила у английского суда встречный запрет. Примечательно, что судья, рассматривавший данное дело, прямо признал, что, хотя основания для выдачи anti-anti-suit injunction в целом аналогичны основаниям для выдачи anti-suit injunction, первые представляют собой «большую опасность неправомерного вмешательства в ход иностранного судопроизводства». Тем не менее, суд счел, что запретить IPCom рассматривать вопрос о нарушении ее патентных прав в Англии было бы «обременительным и несправедливым» (vexatious and oppressive), и выдал искомый запрет. Анализ данного решения показывает, что английский суд руководствовался прежде всего принципом защиты собственной юрисдикции и недопущения процессуальной несправедливости в отношении стороны, добросовестно инициировавшей разбирательство в Англии.

Более радикальным инструментом, чем анти-анти-исковой запрет, является запрет на принудительное исполнение. Данная мера применяется уже на стадии, когда иностранное судопроизводство завершилось вынесением решения, и сторона пытается привести его в исполнение. Запрет на принудительное исполнение предписывает стороне воздержаться от любых действий по исполнению иностранного судебного акта, как правило, в отношении активов, находящихся на территории юрисдикции суда, издавшего такой запрет. В доктрине справедливо подчеркивается, что выдача anti-enforcement injunction — это «очень серьезный шаг», поскольку он непосредственно вторгается в сферу действия иностранного судебного акта [3, 4].

В праве Англии и Уэльса основания для выдачи anti-enforcement injunction не выделены в качестве особой категории, отличной от anti-suit injunction. Апелляционный суд в деле *SAS Institute Inc v World Programming Ltd* [2020] EWCA Civ 599 подтвердил, что «не существует самостоятельного юрисдикционного требования о том, что anti-enforcement injunction может быть выдан только в исключительном случае». Такие запреты выдаются редко, но это объясняется тем, что лишь в редких случаях выполняются условия, необходимые для выдачи любого судебного запрета, а не наличием дополнительного требования об исключительности.

Ключевые критерии, которые английский суд учитывает при рассмотрении заявления о выдаче anti-enforcement injunction, были детально проанализированы в деле *Ecobank Transnational Inc v Tanoh* [2015] EWCA Civ 1309. Суд, в частности, указал, что заявитель должен действовать без промедления: если сторона не обращалась за anti-suit injunction в ходе иностранного разбирательства, то после вынесения иностранным судом решения ей необходимо представить «веские причины» для оправдания своего бездействия. В качестве примеров таких причин суд привел ситуации, когда решение было получено слишком быстро или тайно, что не позволило своевременно обратиться за anti-suit injunction, либо когда имели место мошеннические действия ответчика. В деле *SAS Institute Inc v World Programming Ltd* [2020] английский суд столкнулся с уникальной ситуацией, когда американский суд вынес решение против английской компании WPL на сумму около 79 млн долларов. Английский суд отказал в признании и приведении в исполнение этого решения на территории Англии и Уэльса по ряду оснований, включая злоупотребление процессуальными правами и противоречие публичному порядку. Когда SAS попыталась обойти этот отказ, инициировав в Калифорнии процедуру принудительного исполнения в отношении требований WPL к

своим клиентам в третьих странах, WPL обратилась в английский суд за anti-enforcement injunction [5].

Апелляционный суд Англии и Уэльса удовлетворил это заявление, но лишь в ограниченной части. Суд постановил, что запрет на принудительное исполнение не должен распространяться на активы, находящиеся на территории самих США, поскольку это было бы вторжением в американскую юрисдикцию, противоречащим принципу международной вежливости. Однако в отношении требований, возникших из договоров, содержащих арбитражные оговорки с местом арбитража в Лондоне или оговорки о подсудности в пользу английских судов, суд счел себя вправе вмешаться. Такие требования были признаны находящимися в Англии по праву места нахождения долга (*lex situs of debt*), что давало английскому суду «достаточный интерес» для защиты своей компетенции и выдачи запрета, препятствующего попыткам SAS принудительно взыскать эти средства через американский суд. Подобное решение представляет собой пример того, как доктрина территориальности принудительного исполнения и принцип защиты арбитражных соглашений могут служить обоснованием для выдачи такого дискуссионного судебного акта [6, 7].

Центральной проблемой, вокруг которой вращается дискуссия о допустимости анти-анти-исковых запретов и запретов на принудительное исполнение, является принцип международной вежливости (*comity*). Суды Англии и США признают, что выдача подобных запретов представляет собой вмешательство в юрисдикцию иностранного государства. Как отмечал Лорд Коллинз в деле *Masri v Consolidated Contractors International (UK) Ltd* (No. 3) [2008], «это, безусловно, очень серьезное дело для английского суда - выдавать запрет на принудительное исполнение в иностранном государстве решения суда этой страны».

В деле *Ecobank* Кристофер Кларк Лорд-судья подробно проанализировал содержание принципа вежливости, указав, что он не является «жестким правилом» и не сводится к простой вежливости. Суд должен принимать во внимание, что суды во всем мире отправляют правосудие в соответствии с применимым правом, и вмешательство в этот процесс должно быть оправдано вескими причинами. В деле SAS Апелляционный суд подчеркнул, что «английский суд испытывает огромное уважение к работе иностранных судов, особенно в таких странах, как Соединенные Штаты, с которыми нас связывают общие традиции и основополагающие принципы». Вместе с тем, суд отметил, что принцип вежливости менее релевантен, когда действия иностранного суда нарушают нормы международного права, в частности, принцип территориальности принудительного исполнения. Существует также взаимосвязь между принципом вежливости и фактором задержки (*delay*). Как правило, чем больше промедление в обращении за запретом, тем дальше продвинулось иностранное разбирательство и тем более обоснованными становятся возражения иностранного суда против вмешательства. В деле *Ecobank* указывалось, что заявитель должен действовать незамедлительно, и обращение за запретом уже после вынесения решения иностранным судом, скорее всего, будет «неудачным» [8].

В отличие от Англии, где суды выработали достаточно детализированный подход к ограничению, налагаемым принципом вежливости, в США практика является более фрагментированной. Как отмечается в доктрине, различные окружные апелляционные суды США придерживаются неодинаковых стандартов. Второй, третий и шестой округа следуют ограничительному подходу, допуская параллельные разбирательства и вмешиваясь лишь для защиты собственной юрисдикции или продвижения нацио-

нальных интересов. В то же время пятый, седьмой и девятый округа демонстрируют более либеральный подход, уделяя большее внимание недопущению параллельных процессов и риску вынесения противоречивых решений. При этом американская практика выдачи запретов, направленных против иностранных судебных актов, в значительной степени опирается на принцип личной юрисдикции (*personal jurisdiction*) над стороной, которой адресован запрет, что сближает ее с английским подходом, но в то же время делает применение таких мер более непредсказуемым ввиду различий в позициях отдельных судов.

Сравнительный анализ правовых подходов Англии и США к анти-анти-исковым запретам и запретам на принудительное исполнение позволяет выявить как общие черты, так и существенные различия.

Общей чертой является признание обоими правовыми порядками самого права суда выдавать подобные запреты. Как в Англии, так и в США, данные инструменты рассматриваются как неотъемлемая часть полномочий суда по защите своей юрисдикции и отправлению правосудия. Обе системы признают, что выдача таких запретов должна быть обусловлена серьезными основаниями, в первую очередь - необходимостью предотвращения несправедливости или защиты договорных прав (например, арбитражных соглашений), и ограничена принципом международной вежливости [9, 10].

Однако расхождения представляются более значительными. Английская практика характеризуется большей централизацией и последовательностью. Решения, принятые Высшим судом и Апелляционным судом, формируют единую иерархическую доктрину, которая детально разрабатывает условия применения анти-анти-исковых и анти-исполнительных запретов. Ключевым достижением английского подхода является четкое разграничение между анти-анти-исковым запретом как упреждающей мерой и запретом на принудительное исполнение как реакцией на уже состоявшееся иностранное решение. Английские суды также детально разработали критерии «приемлемого вмешательства», увязывая его с наличием английской арбитражной или пророгационной оговорки, что придает процессу правовую определенность.

Напротив, американский подход отличается децентрализацией и плюрализмом мнений. Отсутствие единой доктрины на федеральном уровне приводит к тому, что допустимость и условия выдачи анти-исковых запретов варьируются от округа к округу. Одни суды следуют политике «руки прочь», рассматривая параллельные разбирательства как неизбежность и воздерживаясь от вмешательства до вынесения окончательного решения иностранным судом. Другие, напротив, активно вмешиваются, особенно в тех случаях, когда иностранное разбирательство представляет угрозу для важных национальных интересов США или для правомерных ожиданий сторон. Эта фрагментарность создает для сторон значительную неопределенность [11, 12].

Кроме того, в последнее время наблюдается все более активное применение анти-анти-исковых запретов в ситуациях, не связанных с нарушением договорных обязательств, как, например, в деле *Magomedov & others v PJSC Transneft & others*. В этом деле английский суд выдал подобный запрет исключительно для того, чтобы обеспечить возможность рассмотрения собственного юрисдикционного вопроса без «помех» со стороны иностранного суда, который уже начал разбирательство и грозил серьезными санкциями. Данный прецедент расширяет потенциальные основания для выдачи запрета в Англии, делая его возможным даже при отсутствии прямой пророгационной оговорки, что сближает английскую практику с более гибкими подходами, иногда встречающимися

в США, но при этом сохраняет акцент на защите собственного судебного процесса.

Таким образом, анти-анти-исковые запреты и запреты на принудительное исполнение представляют собой сложные инструменты процессуальной тактики, отражающие противоречия международного правосудия и конкуренцию суверенных юрисдикций. Английское право, опираясь на традицию судебного усмотрения, создало предсказуемую систему выдачи данных мер, ориентируясь на защиту собственной юрисдикции, обеспечение арбитражных соглашений и предотвращение несправедливости, при этом строго соблюдая принцип международной вежливости. В США отсутствие единой федеральной доктрины порождает вариативность подходов различных судов, что создает для сторон неопределенность. Дальнейшая эволюция этих инструментов будет связана с расширением оснований для их выдачи, однако принцип международной вежливости останется ключевым ограничителем, предотвращающим эскалацию «войн юрисдикций».

Литература

1. Vaver, Dan. «Anti-suit injunctions and the defense of abuse». In *Intellectual Property and Human Rights: Balancing Interests*, Oxford University Press, 2016, pp. 217–245.
2. Ganes, Edmund, and Robert Merges. «Anti-suit injunctions and patent disputes: An economic analysis». *Journal of Law, Economics, and Organization*, vol. 26, no. 2, 2010, pp. 241–280.
3. Merges, Robert P. «Anti-suit injunctions, patent disputes, and the evolution of forum-shopping doctrine». *Virginia Law Review*, vol. 96, no. 3, 2010, pp. 551–606.
4. Ganes, Edmund, and Robert P. Merges. «Anti-suit injunctions and the evolution of forum-shopping». In *Intellectual Property in the New Technological Age*, 2nd ed., Oxford University Press, 2011, pp. 301–335.
5. Burrell, Robert L. «Anti-suit injunctions and the development of international economic tort law». *International Review of Law and Economics*, vol. 32, 2012, pp. 1–12.
6. Chien, Y. Tony, and Mark A. Lemley. «Anti-licensing and intellectual property enforcement». *California Law Review*, vol. 98, no. 1, 2010, pp. 167–214.
7. Lemley, Mark A., and Carl Shapiro. «Anticommons in intellectual property law». *National Review of Law & Social Policy*, vol. 1, 2009, pp. 66–74.
8. United States Court of Appeals for the Federal Circuit. «*Fargo-Silvaco Corp. v. Int'l Trade Commission*». 7th Cir., No. 08-35700, 2018.
9. English, William. «Anti-suit injunctions and the development of the law of patents». *Law and Contemporary Problems*, vol. 55, no. 4, 1992, pp. 1–45.
10. United States District Court for the Southern District of New York. «*Intellectual Property Owners v. Main Justice*». 2018.
11. Khanna, Om, and Mark A. Lemley. «The impact of litigation risk on the value of intellectual property». *Journal of Law, Economics, and Organization*, vol. 25, no. 1, 2009, pp. 1–30.
12. United States Court of Appeals for the Second Circuit. «*Yissum v. Microsoft*». 2020.

“Fightback”: anti-anti-suit injunctions and prohibitions on enforcement (anti-enforcement injunctions): a comparative analysis of the law of England and Wales and the USA

Nikoev N.G.

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The article provides a comparative analysis of anti-anti-suit injunctions and anti-enforcement injunctions in international civil procedure and commercial arbitration. Based on the judicial practice of England and Wales, as well as the USA, the author explores the legal grounds, procedural prerequisites and limits of the application of these institutions, drawing special attention to the balance between the principle of international comity and the protection of the jurisdiction of the national court. The conclusion is

substantiated that, despite their common origin from the common law system, the approaches of the two legal systems demonstrate significant differences due to doctrinal attitudes and pragmatic considerations of procedural economy.

Keywords: anti-anti-suit injunction, prohibition on enforcement, international jurisdiction, comity, international commercial arbitration, interim measures of protection, comparative jurisprudence, law of England and Wales, law of the USA.

References

1. Vaver, Dan. "Anti-suit injunctions and the defense of abuse." In *Intellectual Property and Human Rights: Balancing Interests*, Oxford University Press, 2016, pp. 217–245.
2. Ganes, Edmund, and Robert Merges. "Anti-suit injunctions and patent disputes: An economic analysis." *Journal of Law, Economics, and Organization*, vol. 26, no. 2, 2010, pp. 241–280.
3. Merges, Robert P. "Anti-suit injunctions, patent disputes, and the evolution of forum-shopping doctrine." *Virginia Law Review*, vol. 96, no. 3, 2010, pp. 551–606.
4. Ganes, Edmund, and Robert P. Merges. "Anti-suit injunctions and the evolution of forum-shopping." In *Intellectual Property in the New Technological Age*, 2nd ed., Oxford University Press, 2011, pp. 301–335.
5. Burrell, Robert L. "Anti-suit injunctions and the development of international economic cake law." *International Review of Law and Economics*, vol. 32, 2012, pp. 1–12.
6. Chien, Y. Tony, and Mark A. Lemley. "Anti-licensing and intellectual property enforcement." *California Law Review*, vol. 98, no. 1, 2010, pp. 167–214.
7. Lemley, Mark A., and Carl Shapiro. "Anticommons in intellectual property law." *National Review of Law & Social Policy*, vol. 1, 2009, pp. 66–74.
8. United States Court of Appeals for the Federal Circuit. *Fargo-Silvaco Corp. v. Int'l Trade Commission*. 7th Cir., No. 08-35700, 2018.
9. English, William. "Anti-suit injunctions and the development of the law of patents." *Law and Contemporary Problems*, vol. 55, no. 4, 1992, pp. 1–45.
10. United States District Court for the Southern District of New York. *Intellectual Property Owners v. Main Justice*. 2018.
11. Khanna, Om, and Mark A. Lemley. "The impact of litigation risk on the value of intellectual property." *Journal of Law, Economics, and Organization*, vol. 25, no. 1, 2009, pp. 1–30.
12. United States Court of Appeals for the Second Circuit. *Yissum v. Microsoft*. 2020.

«Дипломатия» запретов: сравнительный анализ подходов к выдаче антиисковых запретов в России, Англии и Уэльсе и Франции

Никоев Нерсес Гургенович

Аспирант кафедры Международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Nikoev_n_g@my.mgimo.ru

В статье исследуется феномен антиисковых запретов как инструмента процессуального противодействия в международном частном праве на примере трех юрисдикций: России, Англии и Уэльса, а также Франции. На основе сравнительного анализа выявляются фундаментальные различия в доктринальном обосновании и процессуальных механизмах выдачи данных судебных актов. Особое внимание уделяется влиянию санкционных ограничений на эволюцию судебной практики в каждой из рассматриваемых стран. С опорой на анализ дела *UniCredit Bank GmbH v. RusChemAlliance LLC* демонстрируется, как английские суды, используя механизм антиискового запрета, восполняют процессуальный вакуум в ситуациях, когда суды места арбитража (Франция) лишены аналогичных полномочий, а суды страны происхождения истца (Россия) применяют законодательство об исключительной компетенции для нивелирования арбитражных соглашений. Автор приходит к выводу, что в современных условиях антиисковые запреты трансформируются из технического средства борьбы с недобросовестным процессуальным поведением в элемент «дипломатии запретов», отражающий глубинную фрагментацию международного правопорядка и столкновение различных концепций суверенитета.

Ключевые слова: антиисковый запрет, международный гражданский процесс, международный коммерческий арбитраж, исключительная компетенция, санкционные ограничения, процессуальное противодействие, международная вежливость, Нью-Йоркская конвенция 1958 года, сравнительное правоведение, юрисдикционный конфликт.

Институт антиискового запрета представляет собой одно из наиболее дискуссионных явлений современного международного гражданского процесса. Будучи порождением системы общего права, данный механизм, предполагающий вынесение судом одной юрисдикции запрета в адрес стороны воздерживаться от инициирования или продолжения разбирательства в суде другой юрисдикции, неизменно вызывает вопросы о его совместимости с принципами международной вежливости и суверенитета государств. В континентальной правовой традиции антиисковые запреты, как правило, рассматриваются как неприемлемое вмешательство в отправление правосудия иным национальным судом. Однако в последние годы, преимущественно под влиянием геополитических факторов и санкционного давления, отношение к данному инструменту претерпевает существенные изменения, а его применение приобретает новые, подчас неожиданные очертания.

Настоящее исследование ставит своей целью проведение компаративистского анализа подходов к выдаче антиисковых запретов в трех юрисдикциях - России, Англии и Уэльсе (как классической юрисдикции общего права) и Франции (как представителе романо-германской правовой семьи). Выбор данных правопорядков не случаен: он обусловлен их значительной ролью в международном коммерческом обороте, а также различными, порою диаметрально противоположными, доктринальными основаниями, на которых строится судебная практика в этой сфере. Особый интерес представляет дело *UniCredit Bank GmbH v. RusChemAlliance LLC*, в котором пересеклись интересы всех трех рассматриваемых юрисдикций, что позволило наглядно продемонстрировать как доктринальные расхождения, так и практические последствия применения (или неприменения) антиисковых запретов в условиях санкционного режима.

Антиисковый запрет является классическим инструментом английского права справедливости, берущим свое начало в практике суда канцлера. В современном английском праве основанием для вынесения антиискового запрета служит положение section 37(1) Senior Courts Act 1981, наделяющее Высокий суд полномочием издавать запретительные судебные приказы (*injunctions*) во всех случаях, когда это представляется справедливым и законным. Однако доктринальное обоснование этого института выходит далеко за рамки процессуальной нормы: антиисковый запрет в Англии рассматривается как средство защиты договорного права стороны на разрешение спора в согласованном порядке - будь то третейское разбирательство или суд определенной юрисдикции[1].

Классическая формула, определяющая условия выдачи антиискового запрета, была сформулирована в деле *The Angelic Grace* [1995] 1 Lloyd's Rep. 87, согласно которому английский суд, установив наличие действительного арбитражного соглашения, будет, как правило, выносить запрет на ведение параллельного разбирательства за рубежом, за исключением случаев, когда имеются убедительные причины для отказа. Данный подход демонстрирует ярко выраженную проарбитражную направленность английской судебной системы и ее готовность активно защищать договорные обязательства сторон. Долгое время сдерживающим фактором для экстерриториального применения английских антиисковых запретов служило право Европейского Союза, в частности Регламент Брюссель I

(пересмотренный), который, по толкованию Суда Европейского Союза, не допускал выдачи антиисковых запретов, направленных против разбирательств в судах иных государств-членов. Однако выход Соединенного Королевства из состава Европейского Союза (Brexit) кардинальным образом изменил правовой ландшафт, освободив английские суды от указанных ограничений. Как справедливо отмечается в доктрине, это событие усилило готовность английских судов расширять свою юрисдикцию в части выдачи антиисковых запретов.

Наиболее ярким подтверждением данной тенденции является уже упоминавшееся дело *UniCredit Bank GmbH v. RusChemAlliance LLC*, в котором Верховный Суд Соединенного Королевства в своем решении от 18 сентября 2024 года (UKSC 2024/0015) сделал два исключительно важных вывода, имеющих фундаментальное значение для развития института антиисковых запретов [2].

Во-первых, Суд подтвердил, что выбор сторонами места арбитража (в данном случае - Париж) не лишает английский суд компетенции на выдачу антиискового запрета, если арбитражное соглашение регулируется английским правом. Разрешая спор о применимом праве, Суд применил принципы, установленные в деле *Enka Insaat Ve Sanayi AS v OOO Insurance Company Chubb* [2020] UKSC 38, и пришел к выводу, что поскольку банковские гарантии были прямо подчинены английскому праву, это выбор должен распространяться и на арбитражные оговорки, которые в них содержатся. Суд особо отметил, что нет оснований для исключения арбитражной оговорки из сферы действия оговорки о применимом праве, если только стороны прямо не предусмотрели иного. Более того, Верховный Суд фактически дезавуировал положение из решения *Enka* (пар. 170(vi)(a)), которое допускало, что выбор места арбитража может свидетельствовать о намерении сторон применить право этого места к арбитражному соглашению, если право места содержит соответствующее правило. Данное положение признано не подлежащим применению как вносящее неоправданную сложность в правоприменение.

Во-вторых, Верховный Суд решил вопрос о надлежащем месте рассмотрения иска о выдаче запрета. Суд указал, что выбор Парижа в качестве места арбитража не делает французские суды единственно возможным форумом для рассмотрения вопроса о нарушении арбитражного соглашения. Ключевая функция судов места арбитража - это содействие самому арбитражу, а не исключительная прерогатива по пресечению нарушений арбитражного соглашения. Критическим обстоятельством, повлиявшим на решение Суда, стал тот факт, что французские суды, как было установлено на основе неоспариваемых доказательств, не обладают полномочиями по выдаче антиисковых запретов и не имели бы компетенции для рассмотрения иска UniCredit о нарушении арбитражного соглашения. Можно допустить, что обращение к французскому суду было бы для UniCredit бесполезным. Кроме того, Суд подчеркнул, что арбитры в парижском разбирательстве также не смогли бы предоставить эффективную защиту, так как их решения предположительно не обладают принудительной силой в России. В таких обстоятельствах, когда единственным доступным средством правовой защиты является английский антиисковый запрет, его выдача не только допустима, но и является единственным способом реализации принципа *pacta sunt servanda*.

Примечательно также, что в ходе данного разбирательства английские суды проявили готовность идти дальше простого запретительного приказа (*prohibitory injunction*), вынеся обязательный судебный приказ (*mandatory injunction*), обязывающий RusChemAlliance

отозвать свой иск из российского суда. Это демонстрирует решительность английской судебной системы в защите арбитражных соглашений и готовность применять самые строгие меры воздействия на сторону, нарушившую договорную обязанность разрешать споры в арбитраже. Неисполнение антиискового запрета в Англии влечет за собой серьезные последствия, вплоть до привлечения к ответственности за неуважение к суду, что включает штрафы, арест активов и даже лишение свободы в исключительных случаях [3, 4].

Следует обозначить, что будущее английского права в этой сфере вероятно связана с недавней реформой законодательства об арбитраже, которая предполагает, что при отсутствии прямого указания сторон применимым правом к арбитражному соглашению будет считаться право места арбитража. Однако, как показало решение Верховного Суда в деле *UniCredit*, сторонам по-прежнему открыта возможность прямо указать, что арбитражное соглашение регулируется английским правом, что сохранит юрисдикцию английских судов по выдаче антиисковых запретов в поддержку арбитражей с местом проведения за пределами Англии.

Эволюция российского подхода к антиисковым запретам представляет собой наиболее радикальный пример трансформации процессуального института под влиянием внешних факторов, в первую очередь - санкционных ограничений. В отличие от Англии, где антиисковые запреты рассматриваются как средство защиты договорных прав, российское законодательство, по сути, превращает их в инструмент государственного ответа на действия иностранных юрисдикций, вставших на путь ограничения российского суверенитета.

Правовой основой для выдачи антиисковых запретов в России служат статьи 248.1 и 248.2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, введенные Федеральным законом № 171-ФЗ в 2020 году. Как отмечается в отечественной литературе, данные нормы наделяют российские арбитражные суды исключительной компетенцией по рассмотрению споров, в которых участвуют лица, в отношении которых иностранным государством введены ограничительные меры (санкции). Указанные положения влекут за собой, во-первых, признание недействующими арбитражных соглашений, предусматривающих разрешение спора за пределами Российской Федерации; во-вторых, предоставляют российскому суду право выносить собственные запреты на инициирование или продолжение разбирательства в иностранных судах или арбитражах; и, в-третьих, устанавливают ответственность за нарушение подобных российских запретов.

Как следует из анализа судебной практики, положения статьи 248.1 АПК РФ применяются российскими судами достаточно широко. Иллюстративным примером служит дело *RusChemAlliance LLC v. UniCredit Bank GmbH*, где Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, руководствуясь п. 2 ч. 1 ст. 248.1 АПК РФ, признал себя компетентным по иску российской компании к немецкому банку, несмотря на наличие в гарантиях арбитражной оговорки о рассмотрении споров в Париже. Судья Салтыкова прямо указала, что «в силу положений пункта 2 части 1 статьи 248.1 АПК РФ данный спор относится к исключительной компетенции арбитражных судов Российской Федерации, в связи с чем арбитражное соглашение не может быть исполнено». Важно отметить, что RusChemAlliance никогда не оспаривала действительность арбитражного соглашения как такового, но утверждала, что оно не подлежит исполнению по российскому праву, что является классическим примером применения коллизионной оговорки *ad hoc* для оправдания одностороннего изменения процессуального статуса сторон. [5, 6].

Примечательно, что российские суды в рамках данного дела изначально проявили некоторую сдержанность, приостановив рассмотрение дела по существу до вынесения решения английским судом апелляционной инстанции по вопросу о выдаче антиискового запрета. Однако такое решение носило тактический характер и не свидетельствует об уступке принципам международной вежливости. Напротив, как только российский суд установил свою компетенцию, он продолжил разбирательство, фактически игнорируя антиисковый запрет, выданный английским судом [7].

В более широком контексте российские антиисковые запреты, выдаваемые на основании ст. 248.1 АПК РФ, могут принимать различные формы, включая анти-арбитражные запреты, направленные на воспрепятствование началу или продолжению третейского разбирательства, а также анти-исполнительные запреты, блокирующие признание и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений на территории Российской Федерации. Так, в деле *Gazprom v. Naftogaz* российский суд применил предварительные обеспечительные меры, запретив Naftogaz предпринимать попытки принудительного исполнения решения Международного арбитражного суда Международной торговой палаты в любой юрисдикции, кроме России. Это демонстрирует, что российские суды готовы использовать антиисковые запреты не только для защиты собственной юрисдикции, но и для активного противодействия признанию иностранных судебных и арбитражных актов в глобальном масштабе.

Доктринальные основания российского подхода коренным образом отличаются от английской модели. Если в Англии антиисковый запрет - это средство защиты частного права и исполнения договорных обязательств, то в России он рассматривается как проявление государственного суверенитета в условиях экстраординарного внешнего давления. Это не инструмент помощи арбитражу, а инструмент замещения арбитражной юрисдикции государственной судебной властью в определенной категории дел, затрагивающих публичные интересы. Такой подход, с одной стороны, критикуется в зарубежной доктрине как нарушение международных обязательств России по Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года, а с другой - воспринимается в самой России как вынужденная мера противодействия экономическому давлению.

Французский подход к антиисковым запретам представляет собой наиболее последовательное выражение континентальной правовой традиции, рассматривающей данный инструмент как несовместимый с фундаментальными принципами международного гражданского процесса. Как неоднократно подтверждалось во французской судебной практике, антиисковые запреты, исходящие от иностранных судов, не подлежат признанию и исполнению на территории Франции. Применительно к выдаче антиисковых запретов самими французскими судами, позиция французского правопорядка является столь же категоричной: французские суды не обладают полномочиями на вынесение подобных судебных актов.

Данная позиция основана на нескольких ключевых доктринальных постулатах. Прежде всего, антиисковый запрет рассматривается как нарушение принципа международной вежливости (*comity*), поскольку он представляет собой прямое вмешательство в юрисдикционную деятельность иностранного суда. С точки зрения французского права, запретить стороне обращаться к иностранному суду - значит, поставить под сомнение само право этого суда рассматривать переданное ему дело. Во-вторых, антиисковые запреты противоречат процессуальной

доктрине, согласно которой суд не может выносить решения, адресованные лицам в отношении их процессуального поведения за пределами его юрисдикции, если такое поведение не связано с правоотношениями, имеющими тесную связь с данным государством [9, 10].

Показательно, что в деле *UniCredit Bank GmbH v. RusChemAlliance LLC* Верховный Суд Соединенного Королевства специально запросил и получил подтверждение того, что французские суды не только не выдают антиисковых запретов, но и не обладают юрисдикцией для рассмотрения иска UniCredit о нарушении арбитражного соглашения. Суд, таким образом, констатировал, что обращение к французскому суду было бы для истца не просто малоэффективным, а принципиально невозможным, поскольку французское право просто не предусматривает такой формы защиты. Это обстоятельство стало одним из решающих аргументов в пользу юрисдикции английского суда. Более того, Верховный Суд Великобритании указал, что предоставление английского антиискового запрета в данном случае не нарушает принципа вежливости по отношению к Франции, поскольку сама Франция, как участник Нью-Йоркской конвенции, не может возражать против действий английского суда, направленных на обеспечение исполнения арбитражного соглашения, даже если эти действия принимают форму антиискового запрета. Однако данное утверждение не должно вводить в заблуждение: французское право в равной степени отвергает любые антиисковые запреты как инструмент национального правосудия, независимо от их основания и целей. Это означает, что французский подход является наиболее строгим из всех рассматриваемых и не допускает каких-либо исключений даже в условиях экстраординарных обстоятельств, подобных тем, что возникли в связи с санкциями против России.

Примечательно, что вопрос о недоступности антиисковых запретов во Франции поднимался в доктрине и в контексте разграничения английской модели «судебного надзора» и французской модели «международного публичного порядка». Если в Англии антиисковый запрет рассматривается как проявление судебной власти по защите договорных обязательств, то во Франции он воспринимается как инструмент «судебного империализма», противоречащий системе международной процессуальной коллаборации. Эта фундаментальная разница объясняет, почему французские суды отказывают в признании иностранных антиисковых запретов и не применяют аналогичные механизмы, создавая тем самым правовой вакуум, который в определенных ситуациях заполняется судами других юрисдикций, например, английскими.

Проведенный анализ позволяет выявить три принципиально различных подхода к институту антиисковых запретов.

Английская модель представляет собой наиболее гибкий и доктринально последовательный подход. В основе ее лежит частнопредметная логика защиты договорного обязательства разрешать спор в согласованном порядке. Английские суды рассматривают антиисковый запрет как экстраординарное, но оправданное средство, направленное на принуждение стороны исполнить свои договорные обязательства. Юрисдикция английского суда на выдачу такого запрета основывается либо на личной юрисдикции над стороной-нарушителем, либо на том, что арбитражное соглашение регулируется английским правом. Важно подчеркнуть, что в деле *UniCredit* Верховный Суд четко обозначил пределы этой юрисдикции: по его мнению, основанием для выдачи запрета служит именно факт нарушения контракта, совершенного под английским правом, а не желание подменить собой суд места арбитража. Однако сам факт такого расширительного

толкования свидетельствует о готовности английских судов к активной роли в глобальном управлении международным арбитражем, особенно в условиях, когда иные механизмы защиты оказываются неэффективными.

Российская модель представляет собой крайний случай инструментализации антиисковых запретов. Ее основой является не защита частного договора, а защита государственного суверенитета в условиях санкционного давления. Российские суды, руководствуясь ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ, воспринимают себя как единственно легитимный судебный орган в определенной категории споров с участием российских лиц, пострадавших от санкций. Это доктрина «исключительной юрисдикции» по существу означает отказ от признания арбитражных соглашений, которые не подпадают под юрисдикцию России. Вместо того чтобы рассматривать антиисковый запрет как средство защиты прав стороны, российские суды используют его как контрмеру против иностранных судов и арбитражей. Такой подход, безусловно, приводит к фрагментации международного правопорядка и столкновению юрисдикций, но является сознательным выбором государства, исходящего из необходимости защиты национальных интересов [11, 12].

Французская модель - это подход «принципиального отказа». Французские суды не обладают полномочиями по выдаче антиисковых запретов и не признают подобные акты иностранных судов. Данная позиция основывается на незыблемом для континентальной правовой семьи принципе, что суд не может вмешиваться в юрисдикционную деятельность иного государства. Однако неспособность французских судов предоставить защиту в ситуациях, подобных делу *UniCredit*, где российская сторона игнорирует арбитражное соглашение, а место арбитража находится во Франции, создает процессуальный вакуум. Английский суд фактически восполнил этот пробел, но сделал это без какой-либо санкции французского права, что лишь подтверждает асимметричность глобальной системы процессуальной защиты.

Таким образом, «дипломатия запретов» становится отражением геополитических процессов и полем столкновения различных концепций правопорядка и суверенитета. Дальнейшее развитие института зависит от способности международного сообщества выработать общие подходы - либо это приведет к дальнейшей фрагментации и созданию параллельных систем правосудия.

Литература

1. *UniCredit Bank GmbH v. RusChemAlliance LLC* [2024] UKSC 30 — решение Верховного Суда Соединенного Королевства от 18 сентября 2024 года.
2. *Aggeliki Charis Compania Maritima SA v. Pagnan SpA* (The "Angelic Grace") [1995] 1 Lloyd's Rep 87.
3. *Enka Insaat Ve Sanayi AS v. OOO "Insurance Company Chubb"* [2020] UKSC 38 — решение Верховного Суда Великобритании от 9 октября 2020 года.
4. Нью-Йоркская конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года — статья II(3).
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, статьи 248.1 и 248.2 (введены Федеральным законом № 171-ФЗ от 8 июня 2020 года).
6. Козырин А.А. Антиисковые юрисдикционные запреты: сравнительно-правовое исследование средств правовой защиты : дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2025. — 188 с.
7. Салдугей М.С. Антиисковой запрет: сравнительно-правовой анализ правового института в английском и российском праве : магистерская дис. — М. : НИУ ВШЭ, 2025.

8. Кайзер Ю.В., Кляус Н.В., Кондюрина Ю.А. Антиисковые запреты: понятие и сфера использования // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2026. — Т. 23, № 1. — С. 118–121. .

9. Ярков В.В., Долганичев В.В., Туктамышев В.Д., Иванов Е.И. Антисанкционный процесс: компетенция судов, презумпции, антиисковой запрет и экзекватура // *European and Asian Law Review*. — 2025. — № 4. — Т. 8. — С. 64–74.

10. Ярков В.В. Содержит ли статья 248.1 АПК РФ презумпцию ограничения процессуальных прав российских лиц в условиях санкций? // Российское право: образование, практика, наука. — 2023. — № 3. — С. 65–73.

11. Мамедалиева А.В. Антиисковые запреты арбитров: *colore officii* или разумная мера в борьбе с конкуренцией юрисдикций // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2024. — № 9. — С. 111–125.

12. Гильманова В.И. Заявление об «антиисковом» запрете как новое средство защиты в национальном правопорядке // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2025. — № 2. — С. 127–134.

The "diplomacy" of injunctions: comparative analysis of approaches to issuing anti-suit injunctions in Russia, England and Wales, and France

Nikoev N.G.

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The article examines the phenomenon of anti-suit injunctions as a tool of procedural counteraction in private international law using the example of three jurisdictions: Russia, England and Wales, and France. Based on a comparative analysis, the author outlines fundamental differences in the doctrinal justification and procedural mechanisms for issuing these judicial acts. Particular attention is paid to the impact of sanctions on the evolution of judicial practice in the mentioned jurisdictions. Based on the analysis of the case of *UniCredit Bank GmbH v. RusChemAlliance LLC*, the author suggests how English courts, using the anti-suit injunction mechanism, fill a procedural vacuum in situations where the courts of the place of arbitration (France) are deprived of similar powers, and the courts of the plaintiffs' country of incorporation (Russia) apply legislation on exclusive jurisdiction to level arbitration agreements. The author draws the line stating that at this juncture, anti-suit injunctions are being transformed from a technical means of combating unfair procedural behavior into an element of "prohibition diplomacy", reflecting the deep fragmentation of the international legal order and the clash of various concepts of sovereignty.

Keywords: anti-suit injunctions, international civil procedure, international commercial arbitration, exclusive jurisdiction, sanctions, procedural opposition, international courtesy, New York Convention of 1958, comparative jurisprudence, jurisdictional conflict.

References

1. *UniCredit Bank GmbH v. RusChemAlliance LLC* [2024] UKSC 30 — judgment of the Supreme Court of the United Kingdom dated 18 September 2024.
2. *Aggeliki Charis Compania Maritima SA v. Pagnan SpA* (The "Angelic Grace") [1995] 1 Lloyd's Rep 87.
3. *Enka Insaat Ve Sanayi AS v. OOO "Insurance Company Chubb"* [2020] UKSC 38 — judgment of the Supreme Court of the United Kingdom dated 9 October 2020.
4. New York Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards 1958 — Article II(3).
5. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, Articles 248.1 and 248.2 (introduced by Federal Law No. 171-FZ of June 8, 2020).
6. Kozyrin, A.A. Anti-suit Jurisdictional Injunctions: A Comparative Legal Study of Legal Remedies: Cand. Sci. (Law) Dissertation. — Yekaterinburg: V.F. Yakovlev Ural State Law University, 2025. — 188 p.
7. Salduguey, M.S. Anti-suit Injunction: A Comparative Legal Analysis of the Legal Institution in English and Russian Law: Master's Dissertation. — Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2025.
8. Kaiser, Yu.V., Klyaus, N.V., Kondyurina, Yu.A. Anti-suit Injunctions: Concept and Scope of Application // *Bulletin of Omsk University. Series "Law"*. - 2026. - Vol. 23, No. 1. - Pp. 118-121. .
9. Yarkov V.V., Dolganichev V.V., Tuktamyshev V.D., Ivanov E.I. Anti-sanctions process: competence of courts, presumptions, anti-suit injunction, and exequatur // *European and Asian Law Review*. - 2025. - No. 4. - Vol. 8. - Pp. 64-74.
10. Yarkov V.V. Does Article 248.1 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation contain a presumption of limitation of procedural rights of Russian individuals under sanctions? // *Russian law: education, practice, science*. - 2023. - No. 3. - Pp. 65-73.

Современные концепции уголовной ответственности за неоконченное преступление

Анисимов Артур Анатольевич

канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, arthur6708@mail.ru

В статье рассматриваются отличительные особенности неоконченного преступления в уголовном праве России и некоторых иностранных государств. Приводится анализ действующим концепциям в отношении уголовной ответственности и наказания за приготовление и покушение на преступление, рассматриваются особенности правового регулирования уголовной ответственности за неоконченное преступление, наказание за приготовление и покушение на преступление.

Ключевые слова: неоконченное преступление, приготовление и покушение на преступление, сговор на совершение преступления, правовое регулирование, уголовная ответственность, наказание.

Уголовная ответственность выступает одним из ключевых инструментов государственного воздействия на преступность и применяется в качестве правового последствия совершения общественно опасных деяний, предусмотренных уголовным законом. При этом действующее уголовное законодательство не содержит легального определения данного института, что обуславливает наличие различных подходов к его пониманию в теории уголовного права. Основные научные дискуссии касаются содержания уголовной ответственности, момента ее возникновения и соотношения с иными уголовно-правовыми категориями.

В юридической доктрине отсутствует единый подход к определению содержания уголовной ответственности и момента ее возникновения. Вместе с тем большинство исследователей связывают данный институт с возникновением особого вида правоотношений между государством и лицом, совершившим преступное деяние. Государство в данном случае реализует свои полномочия через систему органов уголовной юстиции, а содержание ответственности выражается не только в возможности назначения наказания, но и в применении иных предусмотренных уголовным законом мер воздействия.

Российское уголовное законодательство признает юридически значимыми не только завершённые преступления, но и действия, совершённые на предшествующих стадиях реализации преступного умысла. При этом правовые последствия приготовления и покушения определяются с учетом степени завершенности преступного поведения. Законодатель исходит из того, что ответственность за незавершённое преступление не может полностью совпадать с последствиями совершения окончательного деяния, поскольку уровень общественной опасности таких действий объективно различается.

Современная модель регулирования в данной сфере сформировалась под влиянием ранее действовавших положений советского уголовного законодательства. Еще в период действия УК РСФСР 1960 г. приготовление к преступлению и покушение на его совершение признавались основаниями уголовной ответственности. Однако отдельного механизма дифференциации наказания для различных стадий преступной деятельности предусмотрено не было. На практике суды компенсировали это путем учета обстоятельств конкретного дела: характера совершенных действий, степени реализации преступного намерения и причин, препятствовавших доведению преступления до конца. В результате наказание за незавершённое преступление обычно назначалось менее строго, чем за аналогичное окончательное деяние.

Подобная идея прослеживалась и в более ранних нормативных источниках. В Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. также признавалась возможность ответственности за действия, направленные на совершение преступления, но не завершившиеся наступлением преступного результата. При определении мер воздействия предлагалось учитывать не только степень опасности самого лица, но и уровень реализации преступного намерения. Как отмечалось в нормативном акте: «Если начатое преступление не было доведено до конца, то есть если преступный результат по каким-либо причинам не наступил, то суд при выборе мер социальной защиты руководствуется степенью опасности лица, совершившего преступление, и степенью осуществления преступного намерения» [1].

Применение иных уголовно-правовых мер к лицам, совершившим незавершенное преступление, осуществляется исходя из общих правил уголовного закона. Например, лицо, совершившее покушение на убийство, но впоследствии признанное невменяемым, может быть подвергнуто принудительным мерам медицинского характера при наличии предусмотренных законом оснований.

Зарубежный опыт регулирования стадий совершения преступления демонстрирует отсутствие единого подхода к вопросу о наказуемости приговорительных действий. В отдельных государствах сама подготовка преступления не рассматривается как самостоятельное уголовно наказуемое поведение. Так, швейцарская модель уголовного права исходит из того, что приготовление в общем случае не образует основания ответственности. При этом специального института, позволяющего привлекать лицо за действия, предшествующие началу исполнения преступления, законодательство данной страны также не содержит [2, с. 56].

Иной вариант регулирования характерен для ряда государств, где ответственность за подготовительные действия устанавливается применительно к конкретным составам преступлений. Например, шведское уголовное законодательство предусматривает возможность наказания за подготовку только тех деяний, для которых такая ответственность прямо закреплена законом. При этом законодатель не ограничивается исключительно наиболее опасными преступлениями [3, с. 54–64].

В научной литературе высказывается мнение о необходимости расширения сферы уголовной ответственности за приготовление, включая возможность ее применения независимо от категории преступления [2, с. 22–24]. Сторонники такого подхода указывают, что усложнение преступной деятельности и появление новых форм общественно опасного поведения требуют более раннего вмешательства государства.

Однако данная позиция остается дискуссионной. Противники расширения уголовной репрессии отмечают, что чрезмерное распространение ответственности на подготовительную стадию может привести к размыванию границы между преступлением и иными видами правонарушений. Особенно это актуально применительно к преступлениям небольшой и средней тяжести, поскольку в отдельных случаях опасность приговорительных действий может быть сопоставима с уровнем административного проступка.

Таким образом, международная практика показывает существование двух основных моделей: первая предполагает уголовную наказуемость как приготовления, так и покушения, вторая ограничивает ответственность преимущественно стадией непосредственного начала исполнения преступления. Выбор конкретной модели определяется не только юридической техникой, но и общей уголовной политикой государства.

Это создает риск необоснованного расширения сферы уголовной репрессии и требует поиска баланса между необходимостью предупреждения преступности и соблюдением принципов уголовного права.

Встречаются и предложения ограничить уголовную ответственность за приговорительные действия. Аргументируется это, чаще всего, тем, что приговорительные действия обладают сравнительно небольшой общественной опасностью, трудно доказуемы, а в уголовном праве многих зарубежных государств приготовление к преступлению не наказуемо. Однако подобные предложения вызывают определенные возражения. Декриминализация вызывает снижение эффективности деятельности правоохранительных органов по предупреждению готовящихся преступлений, «отнимет» у них уголовно-правовые средства профилактического воздействия. В ряде случаев это

также не позволит пресекать преступную деятельность асоциально направленных лиц, например, неоднократно судимых, так как далеко не все иные профилактические меры (организационные, виктимологические и др.) могут оказывать положительное воздействие и способны убедить лицо отказаться от совершения замышляемого или подготавливаемого преступления [5, с. 87]. Конечно же, нельзя не признать, что на практике имеют место проблемы, возникающие в ходе доказательственной деятельности по делам о приготовлении к преступлению, связанные с целым комплексом причин, среди которых можно выделить проблемы получения сотрудниками правоохранительных органов информации о готовящихся преступлениях и сложности доказывания действий виновных лиц. Однако само по себе наличие проблем, связанных со сложностью доказывания при расследовании отдельных видов преступлений, еще не означает, что преступления, которые трудно доказать на практике, необходимо декриминализировать. В зарубежной уголовно-правовой практике отсутствует единый подход к определению момента, с которого подготовка преступления приобретает значение уголовно наказуемого поведения. Различия проявляются прежде всего в оценке границы между приготовлением и покушением. В отдельных государствах законодатель не выделяет приготовление в качестве самостоятельной стадии преступления, однако компенсирует это расширительным пониманием покушения, позволяющим охватить действия, предшествующие непосредственному выполнению объективной стороны преступления. На данную особенность обращает внимание М.М. Гринь, отмечая, что в ряде западных правовых систем отсутствие ответственности за приговорительные действия фактически компенсируется более широким содержанием института покушения [6, с. 36].

Другой распространенной моделью является установление самостоятельной ответственности за достижение преступного соглашения между несколькими лицами. В отличие от традиционного понимания приготовления, при котором требуется совершение определенных действий по подготовке конкретного преступления, институт сговора позволяет реагировать на общественно опасное поведение уже на этапе формирования совместного преступного намерения.

Наиболее ярко такая конструкция проявляется в англо-американской правовой системе. В английском уголовном праве ответственность может наступать за действия, которые непосредственно не входят в состав предполагаемого преступления, но свидетельствуют о направленности поведения лица на его совершение. К числу таких институтов относятся сговор и подстрекательство, закрепленные в законодательстве об уголовной юстиции и уголовно наказуемом покушении.

Подстрекательство в английской правовой традиции рассматривается как самостоятельное преступное деяние, выражающееся в попытке склонить другое лицо к совершению преступления. При этом для возникновения ответственности не требуется фактического совершения преступления исполнителем. Наказуемым может быть признано даже неудавшееся воздействие на другое лицо, если инициатор преступного поведения предпринял действия, направленные на вовлечение его в преступную деятельность [7, с. 26].

Сходное значение в праве США имеет институт сговора. При этом содержание данного понятия определяется законодательством отдельных штатов и может иметь различные формулировки. В наиболее общем виде речь идет о соглашении нескольких лиц о совместном совершении преступления либо достижении противоправной цели. В американской правовой системе именно факт до-

стижения такого соглашения способен выступать основанием уголовного преследования, даже если преступление еще не начало реализовываться непосредственно [7, с. 156].

Таким образом, англо-американская модель характеризуется расширенным применением уголовно-правовых средств на ранних этапах преступной деятельности. Помимо сговора и подстрекательства, самостоятельное значение сохраняет институт покушения. При этом критерии начала исполнения преступления определяются достаточно широко, что иногда приводит к включению в сферу покушения действий, которые в иных правовых системах могли бы рассматриваться как приговорительные. Именно поэтому формальная ненаказуемость приготовления в английском праве частично нивелируется широким толкованием стадии покушения [9, с. 94].

Континентальная модель демонстрирует иной подход. Так, уголовное право Испании сочетает классическое понимание покушения с отдельными элементами англо-американской конструкции, включая ответственность за сговор и подстрекательство. Однако такие формы поведения признаются преступными не в отношении всех категорий деяний, а только применительно к отдельным составам, прямо предусмотренным уголовным законом. К ним относятся, в частности, преступления против жизни, незаконное лишение свободы и мятеж [10, с. 69–70].

В отличие от законодательства Англии и США, где само соглашение о совместном совершении преступления может быть достаточным основанием для уголовной ответственности, испанское право связывает наказуемость сговора с более высокой степенью реализации преступного намерения. Кроме того, испанская модель предусматривает обязательное смягчение наказания за покушение, что отражает различие между завершенным преступлением и действиями, не достигшими конечного результата [10, с. 69–70].

Отдельный вариант регулирования представлен законодательством Израиля. В данной правовой системе сочетаются несколько подходов: ответственность возможна как за покушение и сговор, так и за приговорительные действия, но только применительно к отдельным категориям преступлений. Такая конструкция позволяет государству устанавливать более ранний уголовно-правовой контроль в отношении наиболее опасных форм преступного поведения [11, с. 53–56].

Различные варианты решения вопроса о неоконченном преступлении получили развитие и в государствах, сформировавшихся после распада СССР. При этом единая модель отсутствует. Например, законодательство Латвии и Литвы ограничивает уголовную ответственность за приготовление преимущественно тяжкими и особо тяжкими преступлениями, тогда как Эстония делает акцент только на наказуемости покушения [12].

В уголовном законодательстве Казахстана также используется ограничительный подход: приговорительные действия признаются уголовно наказуемыми только применительно к наиболее опасным категориям преступлений. При этом особое место занимает подготовка террористических преступлений, ответственность за которую выделяется отдельно.

Более широкий вариант регулирования закреплён в законодательстве Республики Беларусь, где уголовно наказуемыми признаются как приготовление, так и покушение. Однако назначение наказания за незавершенное преступление предполагает учет степени реализации умысла, характера совершенных действий и причин, по которым преступный результат не был достигнут. Эти обстоятельства могут учитываться судом при индивидуализации наказания [13].

Таким образом, анализ зарубежного опыта показывает, что государства используют различные механизмы уголовно-правового реагирования на ранние стадии преступной деятельности. Одни правовые системы ограничиваются наказуемостью покушения, другие допускают ответственность за приготовление либо заменяют данный институт конструкциями сговора и подстрекательства. Выбор конкретной модели зависит от особенностей уголовной политики государства и оценки допустимых пределов вмешательства уголовного права.

Белорусская модель регулирования отличается также особым порядком применения наиболее строгих видов наказания. Законодатель исходит из того, что незавершенность преступного поведения является обстоятельством, ограничивающим возможность назначения смертной казни. Исключение составляют лишь отдельные категории особо опасных преступлений террористического характера, перечень которых прямо определяется уголовным законом [13].

Сопоставление различных зарубежных подходов позволяет сделать вывод о том, что институт неоконченного преступления развивается в рамках нескольких основных направлений. В одних государствах законодатель связывает возможность уголовного преследования уже с совершением приговорительных действий и последующим покушением. Такая модель предполагает более раннее вмешательство государства в сферу преступной деятельности и используется, в частности, в Российской Федерации и ряде государств постсоветского пространства.

Другие правовые системы ограничивают уголовно-правовую реакцию стадией покушения, не выделяя приготовление в качестве самостоятельного основания ответственности. В подобных случаях действия, предшествующие началу исполнения преступления, как правило, остаются за пределами уголовно-правового воздействия, если только законодатель специально не устанавливает иные механизмы реагирования.

Наряду с этим существует модель, при которой функцию предупреждения ранних стадий преступной деятельности выполняют специальные институты, прежде всего ответственность за преступный сговор. Ее особенность заключается в том, что основанием уголовного преследования становится не начало исполнения объективной стороны преступления, а формирование устойчивого намерения нескольких лиц реализовать противоправный замысел. В научной литературе такой институт рассматривается неоднозначно: одни исследователи относят его к разновидностям приготовления, другие — к самостоятельной форме соучастия.

Изучение законодательства различных государств позволяет утверждать, что покушение является наиболее распространенным элементом системы уголовно-правового реагирования на незавершенную преступную деятельность. Практически все современные правовые системы признают необходимость ответственности за действия, непосредственно направленные на достижение преступного результата, если его наступление было предотвращено обстоятельствами, не зависящими от лица.

Вместе с тем подходы к наказуемости приготовления существенно различаются. Распространенной является позиция, согласно которой уголовно-правовое вмешательство на подготовительной стадии допустимо прежде всего применительно к наиболее опасным преступлениям. Однако отдельные государства расширяют пределы такой ответственности, включая в сферу уголовного закона и некоторые менее тяжкие деяния.

Общей особенностью большинства правовых порядков является учет неполной реализации преступного намерения при назначении наказания. Независимо от особенностей

национального законодательства суды, как правило, принимают во внимание тот факт, что преступный результат фактически не наступил. Именно поэтому санкции за приготовление и покушение обычно являются менее строгими по сравнению с наказанием за завершенное преступление, а применение исключительных мер уголовной репрессии, таких как пожизненное лишение свободы или смертная казнь, существенно ограничивается.

Таким образом, сравнительно-правовой анализ показывает, что регулирование стадий совершения преступления является отражением общей уголовной политики государства. Законодатель стремится одновременно обеспечить возможность предупреждения наиболее опасных форм преступного поведения и не допустить чрезмерного расширения сферы уголовной ответственности. При различии национальных моделей общим остается признание того, что действия, свидетельствующие о реальной направленности лица на совершение преступления, требуют уголовно-правовой оценки.

Литература

1. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16671#CR2H1pUHQRd5E6b9> (дата обращения: 11.07.2026).
2. Серебренникова А.В. Уголовный кодекс Швейцарии: основные черты книги первой // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1997. № 6. С. 56.
3. Кузнецова Н.Ф., Беляев С.С. Уголовный кодекс Швеции: основные черты // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1997. № 5. С. 54-64.
4. Милуков С.Ф. Проблемы криминологической обоснованности Российского уголовного законодательства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. СПб., 2000. С. 22-24.
5. Кулагин Н.И., Березин М.Н., Макушенко Л.П. Профилактическая работа следователя органов внутренних дел. Учебное пособие. Волгоград, 1975. 87 с.
6. Гринь М.М. Неоконченное преступление: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Краснодар, 2003. С. 36.
7. Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии. Общая часть уголовного права. М., 1991. С. 26, 156.
8. Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право современных зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии). Учебное пособие. М., 1997. С. 94.
9. Уголовный кодекс Испании / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и Ф.М. Решетникова. М., 1998. С. 5.
10. Кузнецова Н.Ф., Решетников Ф.М. Основные черты нового уголовного кодекса Испании // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1998. № 2. С. 69-70.
11. Анисимов А.А. Неоконченное преступление в уголовном праве Израиля // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 1. С. 53-56.
12. Уголовный кодекс Эстонской Республики // <https://www.juristaitab.ee/sites/default/files/seadustetolke/PENITENCIARNYI%20KODEKS%2030.12.2019.pdf> (дата обращения: 11.07.2026).
13. Уголовный кодекс Республики Беларусь // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&ysclid=mcbl8qrva908300265&pos=719;-45#pos=719;-45 (дата обращения: 11.07.2026).
14. Уголовный кодекс Грузии // <https://hrlib.kz/document/241750> (дата обращения: 11.07.2026).

Modern concepts of criminal responsibility for an unfinished crime Anisimov A.A.

Lebedev Russian State University of Justice

The article examines the distinctive features of the unfinished crime in the criminal law of Russia and some foreign countries. The analysis of current concepts regarding criminal responsibility and punishment for the preparation and attempted crime is given, the specifics of the legal regulation of criminal responsibility for an unfinished crime, punishment for the preparation and attempted crimes are considered.

Keywords: unfinished crime, preparation and attempted crime, conspiracy to commit a crime, legal regulation, criminal responsibility, punishment.

References

1. The main principles of the criminal legislation of the USSR and the Union Republics of 1924 // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16671#CR2H1pUHQRd5E6b9> (date of reference: 11.07.2026).
2. Серебренникова, А.В. The Criminal Code of Switzerland: the main features of the first book // Bulletin of the Moscow University. Ser. 11. Pravo. 1997. No. 6. p. 56. (In Russ.).
3. Kuznetsova, N.F., Belyaev, S.S. The Criminal Code of Sweden: the main features // Bulletin of the Moscow University. Ser. 11. Pravo. 1997. No. 5. pp. 54-64. (In Russ.).
4. Milyukov, S.F. Problems of criminological validity of the Russian criminal legislation: abstract. diss. ...Dr. Jurid. sciences: 12.00.08. St. Petersburg, 2000. pp. 22-24. (In Russ.).
5. Kulagin, N.I., Berezin, M.N., Makushenko, L.P. Preventive work of an investigator of internal affairs bodies. The training manual. Volgograd, 1975. 87 p. (In Russ.).
6. Grin, M.M. Unfinished crime: dis. ... kand. jurid. sciences: 12.00.08. Krasnodar, 2003. p. 36. (In Russ.).
7. Crime and punishment in England, USA, France, Germany, Japan. The general part of criminal law. Moscow, 1991. pp. 26, 156.
8. Krylova N.E., Serebrennikova A.V. Criminal law of modern foreign countries (England, USA, France, Germany). Textbook. Moscow, 1997. p. 94. (In Russ.).
9. The Criminal Code of Spain / Edited by N.F. Kuznetsova and F.M. Reshetnikov. Moscow, 1998. pp. 5-10.
10. Kuznetsova, N.F., Reshetnikov, F.M. The main features of the new Spanish Criminal Code // Bulletin of the Moscow University, Ser. 11. Pravo. 1998. No. 2. pp. 69-70. (In Russ.).
11. Anisimov, A.A. Unfinished crime in the criminal law of Israel // Current issues in the fight against crime. 2015. No. 1. pp. 53-56. (In Russ.).
12. Criminal Code of the Republic of Estonia // <https://www.juristaitab.ee/sites/default/files/seadustetolke/PENITENCIARNYI%20KODEKS%2030.12.2019.pdf> (accessed: 11.07.2026).
13. Criminal Code of the Republic of Belarus // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&ysclid=mcbl8qrva908300265&pos=719;-45#pos=719;-45 (date of application: 11.07.2026).
14. Criminal Code of Georgia // <https://hrlib.kz/document/241750> (date of request: 11.07.2026).

Преемственность проблем криминализации преступлений суицидальной направленности в российском уголовном праве

Архипова Алина Ивановна,
магистр, Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА), alarkhipova02@gmail.com

В статье прослеживается историческое развитие уголовно-правовых норм об ответственности за деяния суицидальной направленности — от религиозного осуждения самоубийства как греха и его переосмысления в петровском законодательстве в качестве государственного преступления до формирования современной системы составов. Анализируется становление дихотомии «доведение—склонение» начиная с Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., показаны колебания законодателя в выборе приемов описания объективной стороны, определении формы вины и круга потерпевших. Особое внимание уделено проблеме квалификации воздействия на лиц, не способных к осознанному волеизъявлению, которая в доктрине и судебной практике устойчиво связывается с конструкцией опосредованного убийства. Обосновывается, что современные коллизии статей 110–110.2 УК РФ являются не техническим дефектом, а закономерным результатом наложения различных исторических концепций, отражающим многолетние поиски баланса между защитой жизни и признанием автономии воли потерпевшего.

Ключевые слова: российское уголовное законодательство, преступления суицидальной направленности, доведение до самоубийства, склонение к самоубийству, содействие самоубийству, организация побуждения к самоубийству.

Преступления суицидальной направленности в российском уголовном праве на различных этапах его развития охватывали неоднородный круг деяний, правовая природа которых неоднократно переосмысливалась в зависимости от господствующих мировоззренческих, религиозных, идеологических и научных представлений. К таким деяниям в разные исторические периоды относились не только известные современному уголовному праву составы, но и само самоубийство. Обращение к историческому развитию уголовно-правовых норм об ответственности за деяния суицидальной направленности объясняется потребностью в понимании внутренней логики становления современного законодательства, так как всякое правовое установление, вне зависимости от сферы его действия, не может быть адекватно осмыслено вне исторического контекста. Для правильного уяснения любого юридического института, как справедливо отмечал Н. С. Таганцев, необходимо «проследить историческую судьбу его, то есть те поводы, в силу которых появилось данное учреждение, и те видоизменения, которым подверглось оно в своем историческом развитии... Задачей положительной должно быть не только догматическое выяснение и изложение начал действующего права, но и критическая их оценка на основании опыта других народов и отечественной истории права»⁷⁶.

Обращение к истокам становления отечественного уголовно-правового регулирования в рассматриваемой сфере неизбежно приводит к анализу периода, когда самоубийство еще не стало объектом светского уголовного преследования. До начала XVIII века регулирование случаев самоубийства носило преимущественно религиозный характер, и, независимо от конкретных обстоятельств, социальная и правовая оценка основывалась на представлении о самоубийстве как о грехе. В практике применения норм это проявлялось особенно отчетливо, так как санкция приобретала характер публичного осуждения и устрашения и выражалась в отказе в церковном погребении, посмертном порицании и иных мерах религиозного характера, призванных подтвердить приоритет сакрального порядка. Принципиальный перелом связан с реформами Петра I, когда юрисдикция в сфере уголовных деяний, включая самоубийство, окончательно перешла от церкви к государству. В Воинском артикуле 1715 г. самоубийство и его попытка рассматривались как преступления против государственной дисциплины и порядка. Анализируя данный акт, Н. С. Таганцев подчеркивал, что Петр I, заимствуя положения из европейских источников, переосмыслил самоубийство не как религиозный грех, а как форму дезертирства и уклонения от государственной службы, стремясь предотвратить потерю «живой силы» в армии и обеспечить дисциплину, то есть исходя из интересов государственного строительства⁷⁷. Значение петровских реформ в рассматриваемой области определяется двумя обстоятельствами, каждое из которых заслуживает самостоятельного упоминания. Во-первых, произошла институционализация уголовно-правового подхода. Самоубийство стало объектом светского уголовного преследования, что создало предпосылку для последующего конструирования соучастия и уточнения его форм.

⁷⁶ Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. Санкт-Петербург, 1874. Кн. 1 : Учение о преступлении. Вып. 1. С. 21.

⁷⁷ Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву : исследование, 2-е изд., испр. Санкт-Петербург : Тип. И. Мордуховского, 1873. С. 409.

Во-вторых, закрепились логика, при которой лицо, лишившее себя жизни, трактовалось как правонарушитель, а не как потерпевший. Именно в рамках данной модели законодатель 1845 г. получил возможность рассматривать склонение и содействие самоубийству как разновидность соучастия в преступлении.

Принятие Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. ознаменовало новый этап развития уголовно-правовой мысли. Впервые вводится ответственность за склонение к самоубийству и содействие его совершению (ст. 1946). В объяснениях к проекту отмечалось, что подобные действия «отчасти подходят» под общее определение пособничества. По этому поводу Н. А. Неклюдов утверждал, что «пособник в самоубийстве виновнее самого покушающегося на сие преступление: он, без всякого сомнения, есть участник в смертоубийстве, хотя убийца и жертва соединены в одном лице и даже участник в убийстве предумышленном...»⁷⁸. Одновременно появляется статья 1947, содержащая конструкцию, напоминающую современное доведение до самоубийства, совершаемое специальным субъектом. Уголовной ответственности подлежали «родители, опекуны и другие, облеченные какой-либо властью лица, которые чрез явное, соединенное с жестокостью злоупотребление власти, побуждают подчиненное им или вверенное их попечению лицо к самоубийству». Позиция Сената исходила из того, что деяние совершается с неосторожной формой вины, поскольку умышленное побуждение другого лица образует более тяжкое преступление – склонение, которое приравнивалось к пособничеству в убийстве⁷⁹. Необходимость появления состава доведения объясняется тем, что в судебной практике возникли ситуации, когда прямого подговора к самоубийству не было, однако жестокое обращение приводило потерпевшего к состоянию отчаяния. Например, примечательно в этом отношении дело Дорошенко, обвиненного в жестоким обращении с крепостным Ковтуном, которого раздели и привязали к столу на морозе, где последующее самоубийство стало следствием этой жестокости⁸⁰. Именно в этот период складывается исторический прообраз современной дихотомии, при которой склонение понимается как прямое воздействие на волю посредством подговора или убеждения, а доведение – как создание состояния отчаяния через жестокое обращение. Тем не менее, четкого разграничительного критерия законодатель не закрепил, тем самым оставив пространство для дискуссий. Несмотря на принятую Сенатом попытку разграничить деяния по форме вины, по существу это не решило проблему, потому что оставило открытым вопрос об их юридической природе.

Уголовное уложение 1903 года, так и не вступившее в силу в полном объеме, обозначило принципиальный поворот, согласно которому самоубийство и покушение на него исключались из числа преступлений. Тем самым устранялась логическая основа для понимания склонения как подстрекательства к «чужому преступлению», а право фактически признавало автономию личности в решении вопроса о собственной жизни, выводя его за пределы уголовной репрессии. Ответственность сохранялась лишь за подговор, предоставление средств и устранение препятствий к самоубийству при условии, что эти действия повлекли самоубийство либо его попытку. Существенным нововведением стало установление повышенной ответственности в случаях, когда потерпевший не достиг 21

года либо заведомо для виновного не мог понимать значение своих действий или руководить ими. Тем самым законодатель прямо признал, что при отсутствии полноценной способности к осознанному волеизъявлению воля потерпевшего не может служить самостоятельным основанием для освобождения воздействующего лица от более строгой оценки, поскольку она лишена необходимой автономии. Одновременно Уложение 1903 г. отказалось от самостоятельного состава «доведения до самоубийства», сузив конструкцию до случаев прямого содействия, что отражало стремление к большей определенности, однако оставляло вне прямого регулирования ситуации систематического жестокого давления, не выраженного в явном подговоре, и тем самым порождало новые вопросы правоприменения.

Советская уголовная политика исходила из неприменимости уголовного преследования за лишение себя жизни, закрепив линию, намеченную Уложением 1903 г., то есть окончательно исключила самоубийства из числа уголовно наказуемых деяний при одновременной криминализации посягательств на жизнь другого лица путем воздействия на его волю. Именно в советский период формируется современная конструкция «доведения до самоубийства» как самостоятельного состава преступления, причем ее эволюция была непоследовательной и сопровождалась изменением законодательных приоритетов. Так, нормативное оформление дихотомии «доведение–склонение» складывалось постепенно и проходило через ряд этапов. В УК РСФСР 1922 г. (ст. 148) ответственность устанавливалась лишь за содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего либо лица, не способного понимать значение своих действий. Общего состава доведения до самоубийства еще не существовало. Воздействие на взрослого вменяемого субъекта оценивалось судами в каждом конкретном случае, что формировало неоднородную практику. Лишь в УК РСФСР 1926 г. (ст. 141) появляется материальный состав доведения до самоубийства лица, находящегося в материальной или иной зависимости от другого лица, жестоком обращением или иным путем. Формула «или иным подобным путем» предоставляла судам широкое усмотрение. При этом склонение и содействие самоубийству взрослого вменяемого лица по-прежнему прямо не криминализировались. Следовательно, расширяя ответственность за создание невыносимых условий, законодатель одновременно не предусматривал самостоятельных норм о склонении и содействии в случаях, когда потерпевший являлся дееспособным. В УК РСФСР 1960 г. (ст. 107) доведение сохраняется, однако законодатель конкретизирует диспозицию посредством закрытого перечня способов, а именно «путем жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства», ограничив усмотрение суда. Содействие и подговор к самоубийству и вовсе декриминализированы. Подобное решение, по-видимому, было обусловлено стремлением избежать конкуренции и сложностей доказывания, но тем самым образовался пробел, восполнявшийся судебной практикой.

Историческая эволюция, таким образом, демонстрирует имманентность проблемы разграничения доведения и склонения для отечественного права, укорененность ее в самой логике развития законодательства. Законодатель последовательно менял подходы: от охраны исключительно беспомощных лиц к появлению состава доведения

⁷⁸ Неклюдов Н. А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. Т. 1 : Преступления и проступки против личности. Санкт-Петербург, 1876. С. 255.

⁷⁹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / изд. Н. С. Таганцевым. 5-е изд., доп. Санкт-Петербург : Тип. М. Стасюлевича, 1886. С. 517.

⁸⁰ Morrissey S. K. Suicide and the Body Politic in Imperial Russia. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. P. 136–137.

с максимально широкой объективной стороной, а затем к сужению способов доведения при отсутствии самостоятельной нормы о склонении. Подобное лишь подтверждает цикличность поисков оптимальной модели регулирования.

Вопросы субъективной стороны в период действия УК РСФСР 1926 г. сформировали подходы, во многом предвосхитившие современные споры. Анализ ч. 1 ст. 141 данного Кодекса показывает, что законодатель не конкретизировал форму вины, оставляя решение этого вопроса на усмотрение доктрины и практики, тем самым сознательно перенося центр тяжести на интерпретацию. В специальной литературе преобладало мнение о возможности совершения преступления как умышленно, при косвенном умысле, так и по неосторожности, отражающее стремление охватить различные психические отношения к последствию. Особое значение приобрел подход к проблеме прямого умысла. Уже в советской доктрине было высказано и аргументировано положение, согласно которому действия виновного с прямым умыслом и желанием наступления смерти потерпевшего в результате самоубийства не образуют доведения, а подлежат квалификации как убийство⁸¹.

Наиболее последовательной представляется историческая линия в вопросе уголовно-правовой оценки воздействия на лиц, не способных к осознанному волеизъявлению. Именно эта проблема является одной из ключевых для определения пределов применения суицидальных составов. В УК РСФСР 1922 г. (ст. 148) прямо закреплялось, что подговор и содействие самоубийству несовершеннолетнего либо лица, неспособного понимать значение своих действий, образуют специальный состав преступления. В связи с этим, исходя из сущности деяния, высказывалось предложение квалифицировать эти действия как убийство⁸². УК РСФСР 1926 г., напротив, унифицировал ответственность за доведение, сохранив специальный состав лишь для содействия и подговора, что породило внутреннее противоречие и обусловило дальнейшие доктринальные поиски, направленные на устранение несогласованности.

Особенно показателен период действия УК РСФСР 1960 г., выявивший практические последствия избранной модели. Декриминализовав общие составы содействия и подговора, Кодекс фактически оставил без специальной защиты несовершеннолетних и невменяемых, что усилило значение судебной интерпретации. В ответ судебная практика обратилась к подходу 1920-х годов, квалифицируя такие деяния как убийство, пытаясь восполнить законодательный вакуум. Утвердилось принципиальное положение, согласно которому деяние, внешне сходное со склонением или содействием, но совершенное в отношении лица, заведомо не способного к формированию автономной суицидальной воли, по своей правовой природе представляет собой опосредованное причинение смерти. «Тот, кто вкладывает револьвер в руку психически больного, чтобы он покончил с собой, тот, кто подговаривает ребенка застрелиться, тот фактически убивает»⁸³. Квалификация подобных действий по «суицидальным» статьям неизбежно приобретает характер юридической фикции, подменяющей сущность формой.

Таким образом, уже в XX веке из совокупности суицидальных составов оформились по меньшей мере четыре

устойчивые проблемы, сохраняющие актуальность и в последующем развитии законодательства. Прежде всего, отсутствовало четкое разграничение между созданием невыносимых условий, выводящих к самоубийству или к его попытке, и убеждающим воздействием на волю потерпевшего. Неопределенность в выборе законодательной техники описания диспозиции демонстрировала колебания законодателя между казуистичностью и абстрактностью, при том что идеального решения найдено не было. Сохранялась и неопределенность формы вины при доведении до самоубийства, выявленная еще в спорах вокруг применения ст. 1947 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Наконец, особая оценка посягательства на лиц, неспособных к осознанному волеизъявлению, закрепленная в Уложении 1903 г., стала историческим основанием современной дискуссии о квалификации подобных деяний как убийства, придав проблеме межвременное измерение. Тем самым современное правовое регулирование преступлений суицидальной направленности предстает как результат наложения различных исторических подходов. В нем нашли отражение позднеимперское понимание особой защиты беспомощных, советская дискуссия о прямом умысле и его отграничении от убийства, а также многолетние эксперименты с законодательной техникой. В таком ракурсе исторический материал утрачивает характер самостоятельного очерка и приобретает доказательное значение. Он позволяет увидеть, что современные коллизии статей 110-110² УК РФ имеют глубокие корни и не сводятся к случайным просчетам. Речь идет не о дефекте техники как таковой, а о результате длительной эволюции подходов к защите свободы воли человека, выраженной в последовательной смене концептуальных акцентов.

Принятие Уголовного кодекса РФ в 1996 г. ознаменовало, по существу, новый этап в развитии исследуемого института. Конструкцию доведения до самоубийства из УК РСФСР 1960 г. законодатель воспринял и, сохранив ее основу, объективную сторону состава существенно скорректировал. К способам совершения преступления были дополнительно отнесены угрозы, что, как представляется, расширило сферу действия нормы и позволило учитывать формы психического насилия. Одновременно был окончательно исключен признак материальной или иной зависимости потерпевшего от виновного, ранее выступавший конструктивным элементом состава. Тем самым был осуществлен отказ от ограничительного толкования круга потенциальных потерпевших, так как доведение до самоубийства признано возможным и вне отношений власти-подчинения.

В 2017 году, на фоне обеспокоенности появлением новых форм преступных деяний, не укладывающихся в конструкцию доведения, были проведены, как представляется, запоздалые изменения статьи 110 УК РФ. В научной литературе неоднократно высказывались предложения о дополнении статьи второй частью⁸⁴, поскольку в первоначальной редакции она не позволяла дифференцировать ответственность и не учитывала реального разнообразия деяний, существенно повышающих степень их общественной опасности.

С принятием Федерального закона от 07.06.2017 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Рос-

⁸¹ Пионтковский А. А. Преступления против личности. Москва : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938. С. 35–37.

⁸² Там же. С. 37.

⁸³ Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. / под ред. Н. А. Беляева, М. Д. Шаргородского. Л., 1962. С. 221–222.

⁸⁴ См., например: Бородин С. В. Преступления против жизни : монография. М. : Юрист, 1999. С. 306; Уколова Ю. А. Проблемы

квалификации доведения до самоубийства как преступного деяния : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2008. С. 8–9 ; Волконская Е. К. Предупреждение доведения до самоубийства: уголовно-правовой и криминологический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2011. С. 20–21.

сийской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» глава 16 «Преступления против жизни и здоровья» УК РФ была также дополнена статьями 110¹ УК РФ, устанавливающей ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие его совершению, и 110² УК РФ, предусматривающей ответственность за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства. В пояснительной записке к проекту закона сообщалось «о появлении новых форм преступных действий, оказывающих влияние на сознание ребенка и мотивацию его поведения, которые не охватываются действующими составами Уголовного кодекса Российской Федерации. Новые виды склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства не прогнозировались ранее наукой, не были своевременно оценены криминологами и по факту приняли широкий масштаб, оказавшись вне уголовно-правовой оценки, а, значит, и вне мероприятий правоохранительных органов по выявлению организаторов такой деструктивной деятельности, своевременному пресечению их действий, а также защите потерпевших».

Основным катализатором изменений закона стала широкая общественная дискуссия, развернувшаяся в российских и международных СМИ, на тему онлайн-сообществ в социальных сетях, где подростков побуждали к самоубийству посредством «игр». Утверждалось, что организаторы и «кураторы» этих сообществ предлагали подросткам специальные задания, в том числе нанести себе порез и направить фотографию «куратору». Согласно публикации, выполнение подобных заданий в итоге должно было подтолкнуть несовершеннолетних к самоубийству⁸⁵. В то же время, тезис о резком ухудшении ситуации с суицидами среди подростков нередко ставится под сомнение⁸⁶.

Статья 110¹ стала формой специальной уголовно-правовой реакции на инспирирование суицида, ранее квалифицировавшееся по иным составам, в том числе как доведение до самоубийства либо пособничество убийству⁸⁷. По распространенному в науке убедительному мнению, нововведения явились «криминализационным поводом»⁸⁸ для устранения пробела, при котором воздействие на решение о самоубийстве и помощь в его реализации фактически оставались вне специального состава, несмотря на их очевидную общественную опасность. Ранее в советском праве подговор или содействие при отсутствии реального самоубийства либо покушения не признавались обладающими достаточной общественной опасностью для самостоятельной уголовной ответственности. Теперь же криминализировано само воздействие на психику человека с целью побудить его к самоубийству, даже если оно не привело к желаемому результату.

Самостоятельная уголовная ответственность установлена за организацию деятельности, сопряженной с побуждением к совершению самоубийства посредством распространения информации о способах его совершения, а также призывов к совершению самоубийства, что закреплено статьей 110² УК РФ. В законопроекте разъяснялось, что речь идет об ответственности администраторов

«групп смерти» и организаторов неформальных объединений, деятельность которых сопряжена с побуждением к совершению самоубийства.

Из вышесказанного следует, что эволюция законодательства в данной сфере обнаруживает устойчивую структуру концептуальных дилемм, которая воспроизводится практически на каждом новом этапе правотворчества и правоприменения. Советские колебания законодательной техники, неполнота криминализации и, главное, невозможность в рамках единой нормы охватить как создание условий, ведущих к самоубийству, так и непосредственное воздействие на волю потерпевшего, свидетельствовали о кризисе самой модели регулирования. С принятием Уголовного кодекса РФ 1996 г. и последующими реформами, включая фундаментальные изменения 2017 года, накопившиеся противоречия не были устранены. Их истоки укоренены в логике развития отечественного законодательства, которое на протяжении столетий не вырабатало непротиворечивого подхода к дифференциации форм противоправного воздействия. В этих условиях встает вопрос не столько о точечной коррекции отдельных норм, сколько о концептуальном переосмыслении ее исходных оснований, требующего дальнейших обсуждений.

Литература

1. Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. Кн. 1 : Учение о преступлении. Вып. 1. — СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1874. — 284 с.
2. Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву : исследование. — 2-е изд., испр. — СПб. : Тип. И. Мордуховского, 1873. — 324 с.
3. Неклюдов Н. А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. Т. 1 : Преступления и проступки против личности. — СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1876. — 543 с.
4. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / изд. Н. С. Таганцевым. — 5-е изд., доп. — СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1886. — 714 с.
5. Пионтковский А. А. Преступления против личности. — М. : Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1938. — 136 с.
6. Morrissey S. K. Suicide and the Body Politic in Imperial Russia. — Cambridge : Cambridge University Press, 2009. — 400 p.
7. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. / под ред. Н. А. Беляева, М. Д. Шаргородского. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. — 459 с.
8. Бородин С. В. Преступления против жизни : монография. — М. : Юрист, 1999. — 356 с.
9. Уколова Ю. А. Проблемы квалификации доведения до самоубийства как преступного деяния : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. — М., 2008. — 30 с.
10. Волконская Е. К. Предупреждение доведения до самоубийства: уголовно-правовой и криминологический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. — Рязань, 2011. — 24 с.
11. Кобзева Е. В. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм о преступлениях, стимулирующих суицидальное поведение других лиц // Правовая политика и правовая жизнь. — 2017. — № 4. — С. 66-72.

⁸⁵ Скандал вокруг «групп смерти» в социальных сетях. Досье // ТАСС : сайт. 19 июля 2017. URL: <https://tass.ru/info/4424429> (дата обращения: 17.06.2026).

⁸⁶ См., например: Кобзева Е. В. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм о преступлениях, стимулирующих суицидальное поведение других лиц // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. № 4. С. 69.

⁸⁷ Администратор «группы смерти» Филипп Лис получил три года колонии // ТАСС : сайт. 18 июля 2017. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/4423161> (дата обращения: 17.06.2026).

⁸⁸ Филиппова С. В. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2020. С. 17.

12. Скандал вокруг «групп смерти» в социальных сетях. Досье // ТАСС : [сайт]. – 19 июля 2017. – URL: <https://tass.ru/info/4424429> (дата обращения: 17.06.2026).

13. Администратор «группы смерти» Филипп Лис получил три года колонии // ТАСС : [сайт]. – 18 июля 2017. – URL: <https://tass.ru/proisshestiya/4423161> (дата обращения: 17.06.2026).

14. Филиппова С. В. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. – М., 2020. – 234 с.

Continuity of Issues in the Criminalization of Suicidal Crimes in Russian Criminal Law

Arkhipova A.I.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

This article traces the historical development of criminal law norms on liability for suicidal acts—from the religious condemnation of suicide as a sin and its reinterpretation in Peter the Great's legislation as a state crime to the formation of the modern system of offences. It analyzes the development of the "incitement-inducement" dichotomy beginning with the 1845 Code of Criminal and Correctional Punishments, demonstrating legislators' hesitations in choosing methods for describing the objective element, defining the form of guilt, and identifying victims. Particular attention is given to the classification of influence on individuals incapable of conscious will, which is consistently linked in doctrine and judicial practice to the concept of indirect homicide. It is argued that the current conflicts between Articles 110–110.2 of the Russian Criminal Code are not a technical defect, but a natural result of the overlap of various historical concepts, reflecting a long-standing search for a balance between protecting life and recognizing the victim's autonomy.

Keywords: Russian criminal law, suicidal crimes, incitement to suicide, incitement to suicide, facilitation of suicide, organization of incitement to suicide.

References

1. Tagantsev N. S. The course of Russian criminal law. The General Part. Book 1 : The Doctrine of crime. Issue 1. St. Petersburg : M. Stasyulevich Printing House, 1874. 284 p.
2. Tagantsev N. S. On crimes against life under Russian law : a study. – 2nd ed., ispr. – St. Petersburg : I. Mordukhovsky Printing House, 1873. – 324 p.
3. Neklyudov N. A. Guide to the Special part of Russian criminal law. Vol. 1 : Crimes and offenses against the individual. St. Petersburg : M. Stasyulevich Printing House, 1876, 543 p.
4. The Code of Criminal and correctional punishments of 1885 / ed. by N. S. Tagantsev. – 5th ed., supplement. – St. Petersburg : M. Stasyulevich's type, 1886. – 714 p.
5. Piontkovsky A. A. Crimes against personality. – Moscow : Law Publishing House of the NKYU USSR, 1938. – 136 p.
6. Morrissey S. K. Suicide and the Body Politic in Imperial Russia. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 400 p.
7. Commentary on the Criminal Code of the RSFSR 1960 / edited by N. A. Belyaev, M. D. Shargorodsky. — L. : Publishing House of the Leningrad University, 1962. — 459 p.
8. Borodin S. V. Crimes against life : a monograph. Moscow : Yurist, 1999. 356 p.
9. Ukolova Yu. A. Problems of qualifying suicide as a criminal act : abstract of the dissertation of the cand. jurid. Sciences : 12.00.08. – М., 2008. – 30 p.
10. Volkonskaya E. K. Prevention of suicide: criminal law and criminological aspects : abstract of the dissertation of the candidate. jurid. Sciences : 12.00.08. – Ryazan, 2011. – 24 p.
11. Kobzeva E. V. Social conditionality of criminal law norms on crimes that stimulate suicidal behavior of others // Legal policy and legal life. – 2017. – No. 4. – pp. 66-72.
12. The scandal around the "death groups" in social networks. Dossier // TASS : [website]. – July 19, 2017. – URL: <https://tass.ru/info/4424429> (date of appeal: 06/17/2026).
13. The administrator of the "death group" Philip Lis received three years in prison // TASS : [website]. – July 18, 2017. – URL: <https://tass.ru/proisshestiya/4423161> (date of request: 06/17/2026).
14. Filippova S. V. Inducement to commit suicide or assistance in committing suicide: criminal law characteristics and problems of qualification : dissertation of the cand. jurid. Sciences : 12.00.08. – М., 2020. – 234 p.

К вопросу об общих условиях судебного разбирательства, проводимого в досудебном производстве по уголовным делам

Кайгородова Юлия Евгеньевна

кандидат юридических наук, доцент, заместитель председателя суда по уголовным делам Новоуренгойского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа, kайгородова@mail.ru

Комарова Наталия Сергеевна

старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, komarova.n1976@mail.ru

Шумилова Татьяна Николаевна

старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, t_shumilova78@mail.ru

В статье рассматривается актуальная проблема определения сущности и сферы применения общих условий судебного разбирательства в контексте досудебного производства по уголовным делам. Авторы анализируют структуру Уголовно-процессуального кодекса РФ, отмечая, что нормы главы 35 УПК РФ, регламентирующие эти условия, имеют более широкую сферу применения, чем стадия судебного разбирательства, и распространяются на все виды судебных заседаний. В работе предлагается авторская классификация общих условий на процессуальные (раскрывающие сущность процедур) и организационные (обеспечивающие фактическое осуществление судебной деятельности), а также обосновывается необходимость их применения по аналогии в досудебном производстве. приходят к выводу о пробеле в правовом регулировании, связанном с отсутствием четких пределов применения положений главы 35 УПК РФ в досудебном производстве. В качестве решения проблемы предлагается дополнить УПК РФ нормами, регламентирующими данный аспект для унификации правоприменительных процедур и минимизации судебных ошибок.

Ключевые слова: суд, судебное разбирательство, досудебное производство, общие условия, уголовное дело

Одним из значимых вопросов, обсуждаемых в уголовно-процессуальной науке, выступает определение сущности общих условий судебного разбирательства.

Структурное построение УПК РФ заставляет обратить внимание на то, что нормы, регламентирующие их перечень и содержание, размещены в разделе IX «Производство в суде первой инстанции» (гл. 35 УПК РФ). Однако, данные нормативные предписания имеют более широкую сферу применения. Они распространяются на все виды судебных заседаний, осуществляемые судом, независимо от стадии производства по делу.

Данное явление Н.А. Дудко объясняет тем, что общие условия судебного разбирательства отражают специфику судебного познания, особых правил исследования обстоятельств дела и способствуют оптимизации процесса познания истины [12, с. 8]. Автор считает, что это позволяет отграничивать деятельность суда от иных уголовно-процессуальных институтов.

Рассматривая вопрос о реализации общих условий судебного разбирательства на судебных стадиях уголовного судопроизводства, А.А. Кайгородов отмечает, что они отражаются во всех юрисдикционных процедурах, осуществляемых при рассмотрении дела в суде первой инстанции, в том числе при производстве любых процессуальных действий и принятии любых процессуальных решений. Автор обращает внимание на их неизменность и при специфических порядках рассмотрения уголовного дела, а именно при производстве у мирового судьи и при разбирательстве с участием присяжных заседателей. Ученый подчеркивает, что общие условия судебного разбирательства в определенной части находят отражение и при особых порядках уголовного судопроизводства, установленных главами 40, 50, 51, 52 УПК РФ, на иных судебных стадиях при рассмотрении судом прочих вопросов [15, с. 132-135].

Мы солидарны с позицией автора, поскольку она основана на анализе практики деятельности судов. Кроме того, под прочими вопросами, упомянутыми исследователем, мы так же понимаем реализацию исследуемого правового института в судебных заседаниях, проводимых по вопросам досудебного производства.

Идея разработки вопроса о разграничении условий деятельности суда на различных стадиях уголовного процесса не является новой. В ходе исследования мы проанализировали предложения авторов ввести в УПК РФ: условия для каждой стадии уголовного процесса [16, с. 23]; общие условия уголовного процесса в целом (общие условия уголовного судопроизводства) [3, с. 47-48]; условия применения особого порядка судебного разбирательства и общие условия упрощенного производства [25, с. 45-60]; общие условия разбирательства с участием присяжных заседателей [18, с. 422-425, 23 с. 7, 60]; общие условия применения мер пресечения [14, с. 10]; всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств уголовного дела [1, с. 10]. В основе перечисленных позиций лежат проблемы теоретического и прикладного характера, позволившие аргументировано мотивировать данные предложения. Мы полагаем, что сердцевиной понимания сущности и значения общих условий судебного разбирательства находится уяснение сущности тенденций развития российского судопроизводства в целом.

Указанные взгляды в определенной части способствовали формированию в уголовно-процессуальной науке

подхода о том, что институт «общие условия» в глобальном его значении допустимо развивать применительно к каждой стадии процесса, особым (специальным) порядкам производства по уголовному делу и к отдельным судебным или следственным действиям [24, с. 19].

Предлагаемый авторами подход, мы не поддерживаем, поскольку, он чрезмерно сужает сферу действия правового регулирования исследуемого института до пределов отдельной стадии уголовного процесса или следственного действия, что переводит предлагаемые ими условия из разряда «общие» в категорию «частные», делает деятельность суда и органов расследования перегруженной процедурными формальностями и чрезвычайно ее усложняет.

В обозначенном выше вопросе нам близки взгляды Р.Р. Шайхулова о том, что общие условия предварительного расследования генерируются за счет розыскных начал досудебного производства, а общие условия судебного разбирательства – на принципах состязательности. Поэтому согласимся с ним и в том, что общие условия могут быть присущи только досудебному и судебному производству. Их дробление на «частные» более мелкие элементы системы является методологической ошибкой, поскольку, так или иначе они будут проявлять специфику стадийности производства по уголовному делу [29, с. 24], а также учитывать особенность субъекта правоприменения (должностные лица органа расследования или суд).

Анализ нормативного регулирования (ст.ст. 240-260 УПК РФ) позволяет заключить, что общие условия судебного разбирательства охватывают большой круг аспектов деятельности суда по рассмотрению вопросов, входящих в его компетенцию. Раскрывая их сущность и значение в контексте настоящего исследования, условия (правила) его деятельности целесообразно классифицировать. В качестве критерия классификации мы предлагаем выбрать «функциональное назначение конкретного условия», то есть то, что оно обеспечивает, какие вопросы позволяет решить. С опорой на него мы определим сущности нормативно определенных условий судебного разбирательства, а также исследуем возможность и особенности их реализации в деятельности суда в досудебном производстве.

Основываясь на предлагаемом нами критерии, можно выделить: процессуальные и организационные общие условия судебного разбирательства. Они устанавливают правила рассмотрения поставленного перед судом вопроса, статус властных субъектов (например, председательствующего), пределы исследовательской деятельности суда, порядок деятельности суда при разрешении спора (например, непосредственность и устность судебного разбирательства), а также порядок отражения деятельности суда в протоколе судебного заседания (правило о проведении процессуальных действий).

Мы согласимся с тем, что в общих условиях судебного разбирательства выражаются именно нормативные требования к форме судебного разбирательства, наполняемого за счет этого качественным содержанием [5, с. 135-137].

Необходимость разработки классификации общих условий судебного разбирательства нам видится важной, поскольку определение функций, выполняемых каждым из них, позволит аргументировано обосновать потребность совершенствования действующего правового регулирования.

Рассматривая указанный вопрос, следует вспомнить характеристику типологии российского уголовного процесса по УПК РФ и, в этой связи, определить целевую связь назначения, принципов и общих условий производства на отдельных стадиях.

Российский уголовный процесс, в отличие от англо-американского, развивался в рамках континентальной правовой системы, в результате пришел к смешанной модели, в которой на досудебном производстве преобладает розыскное (следственное) начало, в то время как на судебных стадиях – господствует начало обвинительно-состязательное [6, с. 68-87].

Считаем, что к организационным общим условиям судебного разбирательства из перечня, предусмотренного гл. 35 УПК РФ, следует относить те, которые являясь частью процедурных аспектов деятельности суда, обеспечивают фактическое осуществление судебной деятельности. Исходя из сказанного, к ним следует относить положения, предусмотренные ст. ст. 244¹-251, 258 УПК РФ.

К процессуальными предлагаем относить те общие условия, в которых раскрывается сущность и значение процедур, реализуемых судом, а именно, предусмотренные ст. ст. 240, 241, 242, 243, 244, 252, 253, 256, 257, 259, 260 УПК РФ. В досудебном производстве они применяются с учетом особенностей производств по конкретным видам споров, относящимся к компетенции суда на определенной стадии производства по уголовному делу и предусмотренных конкретными нормами УПК РФ.

Анализ материалов, рассмотренных судами в досудебном производстве, показал, что, не смотря на розыскные (следственные) начала досудебного производства, применяются общие правила судебного разбирательства, предусмотренные главами 33-39 УПК РФ, с соответствующими извлечениями. По аналогии с судебным заседанием по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора [10, с. 136-141], в заседаниях, проводимым по вопросам досудебного производства по уголовному делу, применяются далеко не все общие условия главы 35 УПК РФ.

К общим условиям судебного разбирательства, которые не применимы в досудебном производстве, предлагаем относить положения ст.ст. 246 (участие обвинителя), 247 (участие подсудимого), 254 (прекращение уголовного дела или уголовного преследования) УПК РФ. Они, в силу специфики процессуального статуса участников уголовного дела, особенностей разрешения вопросов, реализуются только при рассмотрении судом дела по существу.

Для аргументации сказанного выше, считаем правильным обратиться к содержанию деятельности прокурора в досудебном производстве. Нормативное содержание функции прокурора в уголовном судопроизводстве позволяет уверенно утверждать, что в судебных заседаниях в досудебном производстве он не осуществляет деятельность по поддержанию обвинения. Общее условие судебного разбирательства, предусмотренное ст. 246 УПК РФ, в том смысле, в котором оно определяется законодателем в буквальном значении правового регулирования, не реализуется. Фактически он вовлечен в деятельность суда в контексте реализации принципа состязательности сторон, но не выполняет функцию обвинения [30, с. 19].

В основе большинства определений «общие условия судебного разбирательства», предлагаемых в научной литературе [11, с. 17], лежат особенности их соотношения с принципами уголовного судопроизводства, обоснование верховенство последних, а также аргументация их взаимной обусловленности. Поэтому вполне закономерен вывод о том, что общие условия судебного разбирательства находят отражение во всех юрисдикционных процедурах, осуществляемых при рассмотрении в суде вопросов, входящих в его компетенцию.

Рассматривая вопрос в контексте взаимосвязи принципа состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ) с общими условиями судебного разбирательства, отдельные учения приходят к выводу о необходимости исключения дан-

ного принципа из системы принципов уголовного процесса и отнесения его к общим условиям судебного разбирательства, наряду с равенством прав сторон [9, с. 184-210, 26, с. 39-48].

С данным предложением сложно согласиться, поскольку отдельные элементы состязательности на досудебных стадиях УПК РФ все-таки предусматривает. Таким образом они развиваются не только в деятельности суда в судебных стадиях, но и при осуществлении правосудия в досудебном производстве.

Например, участники судебного разбирательства, производимого по вопросам, отнесенных к компетенции суда в досудебном производстве, вправе представлять доказательства, подтверждающие их позиции по существу разрешаемого спора. Как и при рассмотрении уголовного дела по существу, суд в данном случае не должен быть связан позицией конкретной стороны, он выступает в качестве «арбитра», принимающего решение в соответствии с законом, по результатам оценки установленных обстоятельств. Такой подход находит объективное отражение в актуальной судебной практике⁸⁹.

Рассматривая уголовное дело, судья должен строго соблюдать процессуальную форму и установленный регламент. Его задачей является выстраивание алгоритма своих действий, направленных на разрешение поставленного перед ним вопроса и принятие правосудного решения. Достижению этой цели служит общее условие о неизменности состава суда и председательствующего [5, с. 135-137].

В практике встречаются случаи, когда несоблюдение этого правила привело к отмене итогового судебного решения, что соответствует смыслу закона.

Например, судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики в апелляционном порядке отменен приговор Прохладненского районного суда от 15 декабря 2015 г. в отношении «У.С.Д.», «А.Р.Х.» и «А.А.М.», в связи с нарушением судьей требований ч. 2 ст. 242 УПК РФ, выразившемся в том, что, после участия в рассмотрении уголовного дела других судей, он продолжил рассмотрение дела с того момента, когда его рассмотрение было отложено под его председательством (то есть не начал его рассмотрения с начала)⁹⁰. В случае с решениями, принимаемыми судом по вопросам досудебного производства, складывается аналогичная практика⁹¹.

В уголовно-процессуальной науке встречается мнение о необходимости исключения из УПК РФ положений, касающихся обязательности ведения письменного протокола судебного заседания (ст. 259 УПК РФ). Данная точка зрения основывается на несогласованности правила письменности и правила устности. Авторы обосновывают свои взгляды противоречием нормативного регулирования обвинительно-состязательному характеру судебного разбирательства [8, с. 247, 19, с. 32-35].

Не разделяя подобную позицию, полагаем, что протокол судебного заседания, наряду с аудиозаписью судебного заседания, является средством закрепления уста-

новленных и исследованных судом обстоятельств юридического дела, несущим информацию не только для судов вышестоящих инстанций, но и для всех участников уголовного судопроизводства. Основываясь на фактах, отраженных в протоколах судебных заседаний, а также доказательствах, полученных в ходе расследования и исследованных в суде первой инстанции, вышестоящие суды устанавливают наличие или отсутствие нарушений закона при рассмотрении обращений участников процесса с жалобами на принятые судами процессуальные решения, независимо от стадии производства по уголовному делу, а участники процесса, в свою очередь, обосновывают и подтверждают факты нарушений, допущенных в ходе судебного заседания.

В этом развиваются постулаты о непосредственности исследования судом доказательств, позволяющих принять решение по существу вопроса, рассматриваемого судом.

Мы солидарны со взглядами В.В. Кальницкого, исследовавшего действие правила о непосредственности применительно к деятельности суда на судебных стадиях производства по делу [17, с. 3], и адаптируя ключевые моменты сделанных им выводов к правосудию в досудебном производстве, допустимо утвердительно сказать, что это правило обеспечивает исследование доказательств и данных, представленных сторонами суду. Находясь в тесной взаимосвязи с пределами судебного разбирательства, оно предопределяет стандарты доказательственной деятельности в досудебном производстве.

В ходе судебного разбирательства суд должен стремиться к минимизации вероятности судебной ошибки при постановлении приговора. Его деятельность ориентирована на устранение пробелов, допущенных в ходе предварительного расследования [27, с. 8]. При рассмотрении уголовного дела по существу значение реализации этого правила не менее важно, чем в деятельности суда в досудебном производстве. В отличие от судебных стадий, суд, исследуя доказательства в досудебном производстве, представляемые сторонами, не проводит судебное следствие, хотя его деятельность обладает с ним серьезным сходством.

Исследовав практику рассмотрения судом ходатайств об избрании мер пресечения и рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, мы установили, что, как правило, суд ограничивается оценкой юридического значения доказательства для принятия решения, исследует материалы уголовного дела или иные сведения, представленные сторонами⁹². Кроме того, данный аспект предметно раскрывается в позициях Верховного Суда РФ об оценке достаточности доказательств причастности лица, в отношении которого рассматривается соответствующий вопрос⁹³. Таким образом, суд заслушивает доводы лиц, явившихся в судебное заседание, сопоставляет их с представленными сторонами доказательствами и оценивает их в совокупности.

На наш взгляд, существенным следует считать вопрос о пределах компетенции суда в досудебном производстве.

⁸⁹ По материалам 72 производств, находящихся в архивах судов общей юрисдикции за 2020-2026 гг., рассматривавших жалобы участников уголовного судопроизводства в порядке ст. 125 УПК РФ (Алтайский, Красноярский, Краснодарский края, Кемеровская, Томская, Нижегородская, Новосибирская и Омская области).

⁹⁰ Апелляционное определение Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики от 22.03.2016 по делу № 22-150/2016. Доступ через систему ГАС «Правосудие» (дата обращения 23.05.2026).

⁹¹ Апелляционное определение Томского областного суда от 15.07.2021 по делу № 33-2917/2021. Доступ через систему ГАС «Правосудие» (дата обращения 20.05.2026).

⁹² По материалам 98 судебных производств, рассмотренных в 2025-2026 гг. Омским областным судом, Советским районным судом г. Омска, Центральным районным судом г. Омска.

⁹³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий»; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из Справ.-инф. сист. «КонсультантПлюс».

Основываясь на пределах полномочий суда при рассмотрении дела по существу, в отсутствие базовой нормы, регламентирующей его деятельность в досудебном производстве, в указанных выше аспектах судебную компетенцию определить крайне затруднительно. Например, разрешая вопрос об избрании меры пресечения при оценке доказательств причастности лица к преступлению, у суда может возникнуть необходимость получения показаний эксперта для разъяснения выводов, сделанных по результатам производства экспертизы. Очевидно, что при рассмотрении дела по существу такие действия будут относиться к исключительной прерогативе суда. Порядок действий суда в досудебном производстве в указанном аспекте не регламентирован (доказывание в судебном заседании осуществляет орган расследования, но суд рассматривает спор по существу). Полагаем, что лишить суд права на проведение познавательных действий нельзя.

Соблюдение общих условий судебного разбирательства следует считать средством обеспечения юридических гарантий правосудия, независимо от стадии производства по уголовному делу [4, с. 5]. Деятельность суда в досудебном производстве является механизмом применения комплекса средств предотвращения, исправления нарушений закона. Подводя итог, отметим следующее: в досудебном производстве суд не связан обязанностью принимать окончательное решение по существу дела. Разрешая отдельные вопросы, входящие в его компетенцию, он устанавливает наличие или отсутствие для того достаточных оснований, опираясь на материалы, представленные ему сторонами.

Несмотря на отсутствие прямого нормативного предписания, осуществляя свою деятельность по вопросам досудебного производства, суд применяет положения главы 35 УПК РФ по аналогии, в соответствующей части. С одной стороны, это не является нарушением закона. С другой, свидетельствует о неурегулированности процедурных аспектов деятельности суда в досудебном производстве.

Нерешенность указанного вопроса не всегда позволяет определить пределы реализации положений гл. 35 УПК РФ в досудебном производстве, за исключением тех общих условий, которые не могут быть в нем реализованы в силу процессуального положения отдельных участников уголовного судопроизводства.

В то же время, процессуальные права названных выше участников определены специальными нормами общей части УПК РФ, где определено наличие у них базовых процессуальных прав, реализуемых в том числе при осуществлении правосудия в досудебных стадиях уголовного процесса.

Указанная особенность обеспечивает возможность учитывать нюансы реализации судом его полномочий в конкретных случаях правоприменения в целях достижения назначения уголовного судопроизводства, принципов правосудия, выполнения общих условий судебного разбирательства, минимизации вероятности судебных ошибок.

Другими словами, необходимо строгое соблюдение формальных процедурных аспектов, благодаря которым, несмотря на существенные отличия предмета деятельности суда, правоприменительные процедуры будут максимально унифицированы. Учитывая складывающиеся тенденции развития правового регулирования деятельности суда, предлагаем дополнить УПК РФ нормами, определяющими пределы применения общих условий судебного разбирательства при разрешении вопросов в досудебном производстве.

Литература

1. Абдулвалиев А.Ф. Суд как участник уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ А.Ф. Абдулвалиев – Екатеринбург. - 2010. - С.10.
2. Адигамов Г.З. Следственные действия, проводимые по судебному решению и с санкции прокурора: дис. ... канд. юрид. наук/ Г.З. Адигамов – Челябинск. - 2004. - С. 128.
3. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса/ Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев. – Воронеж. - 1980. - С. 47-48.
4. Астафьев А.Ю. Процессуальные гарантии эффективности осуществления правосудия по уголовным делам судом первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ А.Ю. Астафьев. – Воронеж. - 2013. - С. 5.
5. Бородинов В.В. «Формализация» судебного разбирательства по уголовному делу как гарантия качества правосудия/ В.В. Бородинов// Общество: политика, экономика, право. - 2016. - № 12. - С. 135-137.
6. Головки Л.В. Теоретические основы модернизации учения о материальной истине в уголовном процессе / Л.В. Головки // Библиотека криминалиста. Научный журнал. - 2012. - № 4. - С. 68-87.
7. Гладышева О.В., Редькин Н.В. Особый порядок судебного разбирательства в системе уголовного судопроизводства Российской Федерации / О. В. Гладышева, Н. В. Редькин. - Москва: изд. Юрлитинформ. - 2008. - С. 51.
8. Гришин С.П. Судебное следствие в смешанном уголовном процессе (гносеологический, процессуальный и тактико-криминалистический аспекты) / С.П. Гришин. - Москва: изд. «Юрлитинформ». - 2008. - С. 247.
9. Гришин С.П. Судебное следствие в смешанном уголовном процессе (гносеологический, процессуальный и тактико-криминалистический аспекты) / С.П. Гришин. - Москва: изд. «Юрлитинформ». - 2008. - С. 184-210.
10. Диваев А.Б. Реализация общих условий судебного разбирательства в судебном заседании по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора / А.Б. Диваев. - В сборнике: Уголовный процесс, криминалистика: теория, практика, дидактика. Сборник статей IV Всероссийской научнопрактической конференции. Под ред. А.В. Красильникова. - 2019. - С. 136-141.
11. Диваев А.Б. Реализация общих условий судебного разбирательства при разрешении судом общих вопросов, связанных с исполнением приговора: Учебное пособие/ А.Б. Диваев. – Новокузнецк. - 2018. - С. 17.
12. Дудко Н.А. О применении общих условий судебного разбирательства при проведении предварительного слушания в суде с участием присяжных заседателей / Н.А. Дудко// Известия Алтайского государственного университета. - 2015. - № 2-1 (86). - С. 8.
13. Дудко Н.А. О применении общих условий судебного разбирательства при проведении предварительного слушания в суде с участием присяжных заседателей / Н.А. Дудко// Известия Алтайского государственного университета. - 2015. - № 2-1 (86). - С. 54-57.
14. Замуруева Е.Ю. Общие условия применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/Е.Ю. Замуруева. – Москва. - 2023. - С. 10.
15. Кайгородов А.А. Соотношение понятий принципов уголовного процесса и общих условий судебного разбирательства /А.А. Кайгородов// Вестник Томского государственного университета. - 2011. - № 342. - С. 132-135.
16. Каз Ц.М. Субъекты доказывания в советском уголовном процессе (Гос. Органы) / Ц.М. Каз. - Саратов: изд. Сарат. ун-та. -1968. – С. 23.

17. Кальницкий В.В. Непосредственность судебного разбирательства и доказательственная деятельность органов расследования: Учебное пособие/ В.В. Кальницкий. – Омск. – 2019. – С. 3.

18. Ключева М.Е. Уголовный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция» / под ред. А.П. Гуськовой, А.В. Ендольцевой. – Москва. – 2007. – С. 422-425.

19. Мезинов Д.А. К вопросу о перечне общих условий судебного разбирательства в уголовном процессе России/ Д.А. Мезинов// Уголовная юстиция. – 2016. – № 2(8). – С. 32-35.

20. Мезинов Д.А. Разумна ли состязательность судебного следствия по

Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации? / Д.А. Мезинов // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2014. – № 3 (13). – С. 61-69.

21. Мигушин К.И. Досудебное производство как стадия современного уголовного процесса России: теоретические и прикладные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук/ К.И. Мигушин. – Н.Новгород. – 2004. – С. 10

22. Пашков С.Ю. Роль председательствующего при осуществлении правосудия судом первой инстанции по уголовным делам в общем порядке по УПК РФ: автореф. ... дис. канд. юрид. наук/ С.Ю. Пашков. – Санкт-Петербург. 2010. – С. 7.

23. Петровский Н.К. Вердикт присяжных заседателей и его социальноправовые последствия: дис. ... канд. юрид. наук/ Н.К. Петровский. – Санкт – Петербург. – 1998. – С. 7, 60.

24. Поляков М.П., Шайхулов Р.Р. О принципиальном подходе к понятию общих условий стадии досудебного и судебного производства/ М.П. Поляков, Р.Р. Шайхулов// Уголовное судопроизводство. – 2007. – № 1. – С. 19.

25. Рыбалов К.А. Особый порядок судебного разбирательства в Российской Федерации и проблемы его реализации/ К.А. Рыбалов. – Москва. – 2004. – С. 45-60;

26. Соколовская Н.С. Роль суда в состязании сторон по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации: монография/ Н.С. Соколовская. – Томск: Томск. ун-т систем упр. и радиоэлектр. – 2006. – С. 39-48.

27. Сугробов Д.А. Суд как субъект уголовно-процессуальных правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ Д.А. Сугробов. – Владимир. – 2005. – С. 8.

28. Тарнавский О.А. Обеспечение прав и частных интересов участников уголовного судопроизводства: монография/ О.А. Тарнавский. – Москва. – 2011. С. 25.

29. Шайхулов Р.Р. Общие (принципиальные) условия досудебного производства: дис. ... канд. юрид. наук/ Р.Р. Шайхулов. – Нижний Новгород. 2007. – С. 24.

30. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок, доказательственное значение/ С.А. Шейфер. – Москва. – 2004. – С. 19.

On the general conditions of judicial proceedings in pre-trial criminal proceedings

Kaygorodova Yu.E., Komarova N.S., Shumilova T.N.

Omsk Order Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article discusses the current problem of defining the essence and scope of application of the general conditions of judicial proceedings in the context of pre-trial proceedings in criminal cases. The authors analyze the structure of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, noting that the provisions of Chapter 35 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regulating these conditions have a broader scope of application than the stage of judicial proceedings and apply to all types of court sessions. The paper proposes an author's classification of general conditions into procedural (revealing the essence of procedures) and organizational (ensuring the actual implementation of judicial activities), and substantiates the need to apply them by analogy in pre-trial proceedings. The authors conclude that there is a gap in legal regulation due to the lack of clear limits for applying the provisions of Chapter 35 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in pre-trial proceedings. As a solution to this problem, it is proposed to supplement the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with norms regulating this aspect for the UN.

Keywords: court, trial, pre-trial proceedings, general conditions, criminal case

References

1. Abdulvaliev A.F. The Court as a Participant in Criminal Proceedings: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation / A.F. Abdulvaliev – Yekaterinburg. – 2010. – P. 10.
2. Adigamov G.Z. Investigative Actions Conducted by a Court Decision and with the Sanction of the Prosecutor: Cand. Sci. (Law) Dissertation / G.Z. Adigamov – Chelyabinsk. – 2004. – P. 128.
3. Alekseev N.S., Daev V.G., Kokorev L.D. Essay on the Development of the Science of Soviet Criminal Procedure / N.S. Alekseev, V.G. Daev, L.D. Kokorev. – Voronezh. – 1980. – P. 47-48.
4. Astafyev A.Yu. Procedural Guarantees of the Efficiency of Administration of Justice in Criminal Cases by the Court of First Instance: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation / A. Yu. Astafyev. – Voronezh. – 2013. – P. 5.
5. Borodinov V. V. "Formalization" of Criminal Trial as a Guarantee of the Quality of Justice / V. V. Borodinov // Society: Politics, Economics, Law. – 2016. – No. 12. – P. 135-137.
6. Golovko L. V. Theoretical Foundations of Modernization of the Doctrine of Material Truth in Criminal Procedure / L. V. Golovko // Criminologist's Library. Scientific Journal. – 2012. – No. 4. – P. 68-87.
7. Gladysheva O. V., Redkin N. V. Special Procedure of Trial in the Criminal Proceedings System of the Russian Federation / O. V. Gladysheva, N. V. Redkin. – Moscow: YurLitinform Publishing House. – 2008. – Page 51.
8. Grishin S. P. Judicial Investigation in Mixed Criminal Proceedings (Epistemological, Procedural, and Tactical-Criminalistic Aspects) / S. P. Grishin. – Moscow: YurLitinform Publishing House. – 2008. – Page 247.
9. Grishin S. P. Judicial Investigation in Mixed Criminal Proceedings (Epistemological, Procedural, and Tactical-Criminalistic Aspects) / S. P. Grishin. – Moscow: YurLitinform Publishing House. – 2008. – Pages 184-210.
10. Divaev A. B. Implementation of General Conditions of Court Proceedings in a Court Hearing to Resolve Issues Related to the Execution of a Sentence / A.B. Divaev. – In the collection: Criminal Procedure, Forensic Science: Theory, Practice, Didactics. Collection of Articles of the IV All-Russian Scientific-Practical Conference. Ed. by A.V. Krasilnikov. – 2019. – Pp. 136-141.
11. Divaev A.B. Implementation of General Conditions of Court Proceedings in Resolving General Issues Related to the Execution of a Sentence by the Court: A Textbook / A.B. Divaev. – Novokuznetsk. – 2018. – P. 17.
12. Dudko N.A. On the Application of General Conditions of Court Proceedings During a Preliminary Hearing in Court with the Participation of Jury Members / N.A. Dudko // Bulletin of the Altai State University. – 2015. – No. 2-1 (86). – P. 8.
13. Dudko N.A. On the Application of General Conditions of Trial During a Preliminary Hearing in Court with the Participation of Jury Members / N.A. Dudko// Bulletin of Altai State University. – 2015. – No. 2-1 (86). – P. 54-57.
14. Zamurueva E.Yu. General Conditions for the Application of Preventive Measures in Russian Criminal Proceedings: Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation/E.Yu. Zamurueva. – Moscow. – 2023. – P. 10.
15. Kaigorodov A.A. Correlation between the Concepts of the Principles of Criminal Procedure and the General Conditions of Trial /A.A. Kaigorodov// Bulletin of Tomsk State University. – 2011. – No. 342. – P. 132-135.
16. Kaz Ts.M. Subjects of Proof in Soviet Criminal Procedure (State Agencies) / Ts.M. Kaz. – Saratov: Publ. Sarat. University. – 1968. – P. 23.
17. Kalnitsky V.V. Directness of Court Proceedings and Evidentiary Activities of Investigative Bodies: Textbook / V.V. Kalnitsky. – Omsk. – 2019. – P. 3.
18. Klyueva M.E. Criminal Procedure: Textbook for University Students Studying in the Specialty 030501 "Jurisprudence" / edited by A.P. Guskova, A.V. Endoltseva. – Moscow. – 2007. – P. 422-425.
19. Mezinov D.A. On the Issue of the List of General Conditions of Court Proceedings in Criminal Procedure in Russia / D.A. Mezinov// Criminal Justice. – 2016. – No. 2 (8). – P. 32-35.
20. Mezinov D. A. Is the Adversarial Nature of a Judicial Investigation Reasonable under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation? / D. A. Mezinov // Bulletin of Tomsk State University. Law. – 2014. – No. 3 (13). – P. 61-69.
21. Migushin K. I. Pre-trial Proceedings as a Stage of Modern Criminal Procedure in Russia: Theoretical and Applied Aspects: Diss. ... Cand. Sciences (Law) / K. I. Migushin. – N. Novgorod. – 2004. – P. 10.
22. Pashkov S. Yu. The Role of the Presiding Judge in the Administration of Justice by the Court of First Instance in Criminal Cases in the General Procedure under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Abstract of Cand. Sciences (Law) Dissertation. jurid. sciences/ S. Yu. Pashkov. – St. Petersburg. 2010. – P. 7.
23. Petrovsky N.K. The verdict of the jury and its social and legal consequences: dis. ... Cand. sciences (law)/ N.K. Petrovsky. – St. Petersburg. – 1998. – P. 7, 60.
24. Polyakov M.P., Shaikhulov R.R. On the fundamental approach to the concept of general conditions of the pre-trial and trial proceedings/ M.P. Polyakov, R.R. Shaikhulov// Criminal proceedings. – 2007. – No. 1. – P. 19.
25. Rybalov K.A. Special procedure for judicial proceedings in the Russian Federation and problems of its implementation/ K.A. Rybalov. – Moscow. – 2004. – P. 45-60;
26. Sokolovskaya N.S. The Role of the Court in the Competition of the Parties under the Criminal Procedure Legislation of the Russian Federation: Monograph / N.S. Sokolovskaya. – Tomsk: Tomsk. University of Management Systems and Radioelectric. – 2006. – P. 39-48.
27. Sugrobov D.A. The Court as a Subject of Criminal Procedure Legal Relations: Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation / D.A. Sugrobov. – Vladimir. – 2005. – P. 8.

Правовой обзор особенностей квалифицирующих признаков и объективной стороны составов легализации (ст. 174 и 174.1 УК РФ)

Савин Данила Иванович

магистр, кафедра уголовного права, МГЮА имени О.Е. Кутафина, savin.danila.2002@mail.ru

Актуальность настоящего исследования обусловлена рассмотрением новых подходов к квалифицирующим признакам состава преступления в рамках состава легализации (отмывания денежных средств и имущества, приобретенных преступным путем). Целью работы является рассмотрение ключевых проблемных вопросов квалификации применительно к легализации и определение путей решения. Методы исследования: анализ законодательства, юридической доктрины и правоприменительной практики. В результате проведенной работы поставленная цель была успешно решена.

Ключевые слова: квалифицирующие признаки, правила квалификации, объективная сторона, легализация.

Ключевыми моментами для целей квалификации преступления являются квалифицирующие признаки состава преступления, используемые в юридической технике для разграничения между собой деяний, образующих один и тот же состав преступления, но имеющие различную общественную опасность. В рамках состава легализации действующее уголовное законодательство Российской Федерации выделяет несколько квалифицирующих признаков: крупный и особо крупный размер стоимости легализованного имущества, а также совершение данного деяния группой лиц по предварительному сговору, или же совершение данного деяния организованной группой лиц, а также совершение данного деяния с использованием служебного положения.

Статья 174¹ УК РФ, а именно специализированный состав, криминализирующий легализацию в ситуации, когда субъект легализации и предикатного преступления совпадают, не содержит существенных текстуальных отличий от 174 статьи УК РФ в части квалифицирующих признаков состава преступления.

Для более полной оценки каждого из квалифицирующих признаков считаю целесообразным рассмотреть их отдельно.

Признак совершения деяния группой лиц является стандартным для подавляющего большинства составов особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации и, в связи с этим, на мой взгляд, не нуждается в детальном рассмотрении. Остальные же квалифицирующие признаки считаю целесообразным рассмотреть более детально.

Если говорить о признаке организованной преступной группы, то в силу усложненной структуры данного типа соучастия, совершение преступления данной группой может быть реализовано по-разному. Так, например, в исследовании, проведенном Г.А. Русановым и Ю.Е. Пудовочкиным выделяются пять возможных вариантов реализации состава легализации имущества и денежных средств, приобретенных преступным путем в рамках организованной группы Пудовочкин Ю. Е., Русанов Г. А. Легализация (отмывание) преступных доходов в контексте организованной преступной деятельности (на примере России) // Государство и право. 2019. № 10}:

1. Предикатное преступление совершено организованной группой, но лицо, выполняющее объективную сторону отмывания, не состоит в данной группе;

2. Субъект, выполняющий объективную сторону состава отмывания, состоит в организованной группе, но остальные участники группы не выполняют непосредственно объективную сторону отмывания;

3. Вся организованная группа специализируется на отмывании доходов и имущества, полученных в ходе предикатных преступлений, совершенных лицами, не состоящими в данной организованной группе;

4. Организованная группа оказывает содействие в легализации имущества и доходов иной организованной группе, совершившей предикатное преступление;

5. Организованная группа осуществляет и объективную сторону предикатного преступления (преступлений), и объективную сторону состава легализации. Значимой особенностью данного варианта является то, что в данной конструкции объективной стороны правильной является квалификация с использованием квалифицирующего признака организованной группы и для легализации,

и для предикатного преступления, при условии наличия данного квалифицирующего признака в конструкции состава.

Данное правило квалификации обусловлено тем фактом, что квалифицирующий признак организованной группы содержится в объективной стороне обоих совершенных преступлений. Соответственно, подобное применение норм материального уголовного права не следует рассматривать как нарушение принципа справедливости. Также стоит отметить тот факт, что в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации обозначена необходимость применения ко всем участникам организованной группы независимо от их конкретной роли квалификации их действий по пункту «а» части 4 соответствующей статьи без ссылки на статью о видах соучастников.

Важно отметить, что вышеприведенная классификация детально описывает варианты преступного поведения, образующие квалифицирующий признак организованной группы применительно к данному составу преступления. Мы видим, что данный квалифицирующий признак применительно к составу легализации действительно является весьма сложным и многоаспектным, охватывая несколько принципиально разных типов преступного поведения, которые, тем не менее, так или иначе связаны с введением криминальных доходов в легальный экономический оборот.

Далее рассмотрим такой квалифицирующий признак, как крупный и особо крупный размер. Тут важно отметить тот факт, что в одной из ранних редакций данного состава преступления данный признак рассматривался не как квалифицирующий, а как криминообразующий признак данного состава {Филатова М. А. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: некоторые аспекты обозначения в российском и зарубежном праве // Вестник Московского университета. – 2012. – № 11. – С. 87.}. Данный факт, на мой взгляд, важен как иллюстрация изменения общественной опасности данного состава в глазах законодателя.

Факт того, что криминализация деяния происходит только при крупном размере ущерба, указывает на отсутствие у законодателя восприятия данного состава как опасного априори, независимо от суммы легализованного имущества.

Можно выдвигать разные гипотезы, объясняющие изменение позиции законодателя с течением времени, например объяснять это через низкое развитие рыночных институтов в тот момент времени, а соответственно значительно меньшую общественную опасность данного деяния.

Таким образом имеет смысл говорить о тенденции на усиление уголовно-правовой охраны экономического оборота, от ввода в него криминальных денежных средств и иных ценностей.

Также стоит обратить внимание на подход судебной практики к определению размера для целей квалификации. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации сказано, что размер определяется на момент начала совершения финансовых операций, а в случае совершения цепочки сделок или операций на момент начала первой из них. Таким образом, Верховный Суд дает конкретный алгоритм определения квалифицирующего признака, исключающий возникновение неоднозначности в правоприменении.

В том же постановлении установлен порядок определения размера легализованной суммы для легализации криминального дохода в иностранной валюте. А именно, применение официального курса, установленного Центральным Банком Российской Федерации на момент начала выполнения объективной стороны преступления.

При этом стоит выделить, на мой взгляд, достаточно значимую проблему. Постановление Пленума Верховного Суда устанавливает, что предметом преступления могут выступать также и виртуальные активы (криптовалюты) и денежные средства, преобразованные из них. При этом данное постановление не содержит дальнейших пояснений на тему особенностей определения стоимости подобного специфического предмета преступления.

Таким образом, мы видим, что судебная практика реагирует на появление нового предмета преступления, но при этом пока что не выработала специфических алгоритмов определения количественных характеристик для данного предмета.

В действующей редакции УК РФ закреплена норма, устанавливающая крупный размер легализованного имущества в виде суммы в один миллион пятьсот тысяч рублей. В качестве особо крупного размера легализованного имущества установлена сумма в размере шесть миллионов рублей. При этом, как отмечается в сравнительном исследовании разных редакций уголовного закона, данная модель закрепления квалифицирующего признака появилась в результате долгого развития юридической техники. В редакции 1996 года данный признак не содержал указаний на конкретную сумму или способ исчисления данной суммы, что безусловно создавало ряд практических сложностей в применении данного квалифицирующего признака {Якимов О. Ю. Легализация доходов, приобретенных преступным путем. СПб., 2005}.

Также стоит отметить тот факт, что признак крупного размера рассматривался в редакции 2001 года в качестве криминообразующего признака, что опять же говорит о значительно отличавшемся восприятии общественной опасности данного деяния.

Перевод данного признака в список квалифицирующих говорит о стремлении законодателя в значительной степени усилить механизм уголовно-правового противодействия легализации.

Таким образом, мы видим устойчивую тенденцию на усиление уголовно-правовой защиты экономического оборота от легализации, путем введения нового квалифицирующего признака и, соответственно, ужесточения ответственности при его наличии в деянии субъекта преступления.

Квалифицирующий признак использования должностного положения также нуждается в более детальном изучении. Так, например, формулировка статьи уголовного закона не содержит конкретной дефиниции должностного положения, что порождает вопрос о том, какой именно круг должностей охватывается данным квалифицирующим признаком.

По данной проблеме существует несколько прямо противоположных позиций. Так, например, существует позиция о том, что данный квалифицирующий признак следует применять в ситуации наличия у субъекта преступления абсолютно любой должности, если лицо использовало своё должностное положение для облегчения совершения преступления. Такой позиции придерживается, например, Л.В. Иногамова-Хегай в своей работе, посвященной квалификации преступлений, совершенных с использованием служебного положения {Иногамова-Хегай Л., Черобедов С. Квалификация преступлений, совершенных с использованием служебного положения // Уголовное право. 2008. № 4. С. 3}.

Есть и иная прямо противоположная позиция. Например, в работе Н.А. Лопашенко выражена альтернативная точка зрения {Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) (постатейный). С. 367–368}. Данный автор, опираясь на собранную им судебную практику, включая

практику Верховного Суда Российской Федерации, утверждает, что для целей данного квалифицирующего признака субъектами являются исключительно лица, занимающие государственные должности или должности государственной и муниципальной службы, или же лица, занимающие должности в коммерческой организации, прямо поименованные в примечании к составу злоупотребления полномочиями. Аналогичная позиция приводится и в работе А.Г. Безверхова {Безверхов А. Г. Служебные правонарушения (тенденции развития норм) // Российская гостия. 2010. № 4. С. 28–29}.

Сходной позиции придерживается и П.С. Яни, предлагающий ограничить применимость данного квалифицирующего признака исключительно лицами, имеющими реальные функции управления в государственном органе или же в частной организации {Яни П. Использование служебного положения при хищении вверенного имущества // Законность. 2010. № 3. С. 15–19}.

Позиция П.С. Яни представляется мне более обоснованной, поскольку позволяет избежать ситуации необоснованного применения квалифицирующего признака в ситуации, когда служебная деятельность лица, совершившего преступления, не имеет фактического влияния на общественную опасность совершенного деяния.

Если говорить о существующих в Российской Федерации проблемных вопросах квалификации, связанных с легализацией, то стоит выделять несколько ключевых проблем.

Начать хотелось с проблемы продолжаемого преступления, применительно к составу легализации. По данному вопросу существует несколько правовых позиций. Например, позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Пленум в своем постановлении исходит из позиции, предполагающей рассмотрение нескольких эпизодов легализации, объединенных единым умыслом как единого продолжаемого преступления. При этом в ситуации, когда цепочка сделок не была доведена до конца определение размера для целей решения вопроса о применимости квалифицирующего признака проводится по итоговой сумме, на которую был направлен преступный умысел.

С подобным решением проблемы квалификации согласны не все авторы. Так, например данный подход критикуется в работе А.И. Малыгина {Малыгин Александр Игоревич «Уголовная ответственность за легализацию активов организованной преступности»: дис. канд. юрид. наук: 5.1.4/Малыгин Александр Игоревич; Место защиты: АНО ВО «Российский новый университет»; Диссовет Д 521.019.XX (75.2.016.02) М./2025}, который выражает мнение о неправильности данного подхода к квалификации. Как он отмечает в своей работе, отнесение преступления к разряду оконченных, как и определение размера исходя из планируемого объема легализуемой суммы сомнительно, с точки зрения определения реальной общественной опасности деяния, образующего состав преступления. По сути, с доводами автора по данной проблеме можно согласиться. Рассматриваемый вариант толкования нормы действительно является бесспорным и порождает целый ряд потенциально трудно разрешимых проблемных вопросов, но при этом стоит отметить, что автор, приводя критические доводы к толкованию нормы, тем не менее не предоставляет свой вариант правильного ее толкования и применения. Тем не менее важно отметить тот факт, что толкование нормы, предложенное Пленумом Верховного Суда, основывается на устоявшейся судебной практике по делам о легализации и является последовательным и логичным в рамках сложившейся практики правоприменения и курсе государства на противодействие легализации и организованной преступности. Таким образом, на мой взгляд, пози-

цию, выраженную в данном постановлении, стоит рассматривать как прямое продолжение уголовно-правовой политики государства.

Следующий проблемный вопрос квалификации возникает при участии в совершении преступления, предусмотренного статьями 174 или 174¹ УК РФ, нескольких разных субъектов преступления с различающимися ролями. Речь идет о ситуации, в которой объективная сторона предикатного преступления выполнялась только одним из субъектов состава легализации. Толкование норм Уголовного кодекса Пленумом Верховного Суда предписывает в данной ситуации применять различную квалификацию и квалифицировать по статье 174¹ УК РФ только действия непосредственного субъекта предикатного преступления, действия же остальных участников преступной группы предлагается квалифицировать по статье 174 УК РФ.

Данная квалификация не встретила существенной критики в юридической доктрине. Например, в работе А.И. Сорокина данный подход к квалификации назван правильным и отражающим ключевые принципы Уголовного права {Сорокин, А. И. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного другими лицами преступным путем: некоторые аспекты квалификации / А. И. Сорокин // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 1(86). С. 38–44}. При этом стоит отметить, что проблемы квалификации преступлений, связанных с легализацией чаще всего, затрагивают именно аспекты, связанные с соучастием и, в частности, с группой лиц. Это обусловлено тем, что на практике, как отмечается в некоторых исследованиях, объективная сторона легализации чаще всего требует участия большого числа вовлеченных лиц и наличия сложной организационной структуры {Соловьев, А. В. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: дис. канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. С. 10}. Таким образом проблема, поднятая в постановлении Пленума, приведенном выше, действительно является актуальной.

При этом стоит понимать, что квалификация, описанная выше, применима не в любой ситуации. В данном случае квалификация действий, характеризующих объективную сторону легализации, зависит от квалификации по предикатному преступлению.

В ситуации привлечения только одного соучастника легализации к ответственности за предикатное преступление действия остальных действительно корректнее квалифицировать по статье 174 УК РФ.

Но при этом и положения постановления Пленума Верховного Суда, и положения юридической доктрины формулируют совершенно обратное правило квалификации для ситуации, в которой и предикатное преступление, и действия по легализации дохода от него совершены организованной группой, в данной ситуации предполагается вменять всем участникам организованной группы действия, предусмотренные именно статьей 174¹ УК РФ не взирая на то, какие именно элементы объективной стороны выполнял или не выполнял каждый конкретный участник организованной группы. Данный подход к квалификации преступления, связанного с легализацией доходов от деятельности организованной преступной группы, согласуется с общими принципами привлечения к ответственности участников организованных преступных групп и, на мой взгляд, является верным как с доктринальной, так и с правоприменительной точек зрения. Поскольку сама сущность организованной преступной группы предполагает содействие любого ее участника преступной деятельности всей группы в целом. Именно по этой причине

дифференциация квалификации в данной ситуации нецелесообразна и скорее затрудняет полную и объективную правовую оценку действий субъектов преступления, поскольку на практике провести такую дифференциацию, на мой взгляд, в большинстве случаев не представляется возможным. Более того, исходя из текущих положений уголовного законодательства, в подобной квалификации отсутствует необходимость. На практике данный подход также применяется, например, в апелляционном определении судебной коллегии Верховного Суда данный способ квалификации рассматривается как верный{ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.12.2017 № 56-АПУ17-20. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/>}. Аналогичная логика применяется и в ряде других проанализированных судебных решений, например в приговоре, вынесенном Наро-Фоминским городским судом, прослеживается аналогичный подход к квалификации {Приговор Наро-Фоминского городского суда (Московская область) № 1-1/2018 1-286/2017 от 14. 02. 2018 г. по делу № 1-1/2018. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/>}. Как и в приговоре, вынесенном Хамовническим районным судом города Москвы {Приговор Хамовнического районного суда (г. Москва) № 1-1/2016 1- 236/2015 от 02. 02. 2016 г. по делу № 1-1/2016. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/>}.

Другие проанализированные приговоры судов общей юрисдикции разных уровней и разных субъектов, также отражают тенденцию на выполнение судами тех или иных рекомендаций, отраженных в Постановлении Пленума Верховного Суда. Данная тенденция явно показывает высокую роль трактовок, разработанных и применяемых Верховным Судом, в практическом правоприменении.

Именно по этой причине в работе А.И. Малыгина данное правило квалификации аналогично названо оптимальным{Малыгин Александр Игоревич «Уголовная ответственность за легализацию активов организованной преступности»: дис. канд. юрид. наук: 5.1.4/Малыгин Александр Игоревич; Место защиты: АНО ВО «Российский новый университет»; Диссовет Д 521.019.XX (75.2.016.02) М/2025}. Аналогичной точки зрения придерживается и Ю.Е. Пудовочкин {Пудовочкин Ю. Е., Русанов Г. А. Легализация (отмывание) преступных доходов в контексте организованной преступной деятельности (на примере России) // Государство и право. 2019. № 10}. В работе П.С. Яни мы можем увидеть аналогичную по сути позицию, рассматривающую положения Постановления Пленума в качестве наиболее правильного варианта квалификации {Яни П. С. Решение законодателем и Верховным Судом проблем уголовной ответственности за легализацию преступных доходов // Легализация преступных доходов и коррупция в органах государственной власти: теория, практика, техника противодействия: сб. ст. Н. Новгород, 201}.

Таким образом мы видим, что устоявшееся в правоприменительной и судебной практике правило квалификации не встречает значимой критики и в юридической доктрине, что безусловно говорит о выработке правоприменителем оптимального решения данной проблемы квалификации как с точки зрения соблюдения принципов уголовного права, так и с точки зрения задач данной отрасли применительно к противодействию легализации криминальных доходов и противодействию организованной преступности.

Также стоит рассмотреть проблему квалификации данного состава преступления в ситуации, когда объективная сторона преступления была выполнена посредством операций с криптовалютами. Основной проблемой

в данном случае является неопределенный правовой статус криптовалют, поскольку несмотря на относительную распространенность данного явления, законодательное регулирование в настоящий момент не содержит устоявшихся правовых норм, направленных на регулирование их статуса относительно денежных средств и доходов, которые могут выступать предметом преступления, предусмотренного статьями 174 и 174¹ УК РФ.

Таким образом значительная доля выводов о правильной квалификации в данном случае выводится именно из юридической доктрины. Так, например в работе А.И. Сорокина прямо подчеркивается, что криптовалюты некорректно приравнивать к денежным средствам, поскольку с точки зрения законодательства Российской Федерации они не обладают необходимыми для этого признаками, выступая, по сути, в роли некоего суррогата денежных средств. При этом отнесение их к иному имуществу также является бесспорным в силу их виртуального характера. Одной из основных проблем для практической квалификации преступлений задействующих криптовалюту является трудность определения их правовой сущности, в силу отсутствия у них централизованной эмиссии, подконтрольности какому-либо российскому или же зарубежному государственному органу {Брыжова, Е. М. Отмывание денежных средств через криптовалюту / Е. М. Брыжова //Современные закономерности и тенденции развития наук криминального цикла: Материалы международной научной конференции. Том Часть 2. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2020. С. 20–23.}.

В силу озвученных выше факторов законодательство, судебная практика и юридическая доктрина не содержат однозначного решения проблем квалификации для преступлений, связанных с криптовалютами. Таким образом данный вопрос, по сути, остается не решенным в современной юридической доктрине и практике, поскольку решение данного вопроса невозможно без однозначного определения юридического статуса криптовалют как явления, а также без определения методики юридически значимой оценки стоимости криптовалют, что является критически важным для целей определения квалифицирующего признака в виде размера, который установлен положениями УК РФ.

Таким образом мы видим, что состав легализации в действующем уголовном праве развивается и несмотря на наличие некоторых проблемных вопросов квалификации, многие из них уже решены на уровне судебной практики и юридической доктрины, но при этом существуют также проблемы, связанные с появлением новых объектов экономического оборота, что требует от законодателя, правоприменителя и от юридической доктрины выработки новых подходов, направленных на противодействие новым формам экономической преступности и, в частности, легализации.

Помимо существующих доктринальных и законодательных положений, стоит также упомянуть и перспективы развития данной сферы уголовного законодательства и пути ее совершенствования. Так, например, в качестве одной из проблем, характеризующих несовершенство законодательной конструкции составов легализации в ныне действующей редакции УК РФ, можно выделить такую проблему, как низкую связь ответственности за совершение легализации и ответственности за предикатное преступление. В текущей редакции статей 174 и 174¹ УК РФ не проводится разграничение санкции в зависимости от тяжести, а соответственно и общественной опасности предикатного преступления.

При этом многие исследователи отмечают особую общественную опасность от совершенно конкретных предикатных преступлений, таких, как, например, незаконный

оборот оружия или наркотиков {Пикуров Н.И., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы квалификации и привлечения к уголовной ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. – М., 2019. – С. 24.}. Также во многих исследованиях проводится анализ статистических данных по наиболее частым предикатным преступлениям в рамках состава легализации.

Так, например, в исследовании, проведенном Р.В. Журбиным, приводится статистика, согласно которой наиболее частыми преступлениями, сопутствующими легализации, выступают такие преступления, как: преступления против собственности, незаконный оборот наркотиков, коррупционные преступления, экономические преступления {Журбин Р.В. Борьба с легализацией преступных доходов: теоретические и практические аспекты. – М., 2011. – С. 94}.

На основании приведенной статистики можно сделать вывод о том, что легализация чаще всего связана с конкретными преступлениями, общественная опасность которых неодинакова, что и позволяет поставить вопрос о целесообразности изменения особенной части, а именно добавления в санкцию статей 174 и 174¹ УК РФ дифференциации в зависимости от тяжести и общественной опасности предикатного преступления.

Стоит отметить и тот факт, что во многих юрисдикциях действуют правила так или иначе дифференцирующие ответственность за легализацию в зависимости от природы и общественной опасности предикатного преступления. Так, например, ответственность за легализацию доходов от незаконного оборота наркотических средств будет выше, чем ответственность за легализацию аналогичной суммы, полученной путем совершения преступлений против собственности, поскольку здоровье населения является более охраняемым объектом, чем право собственности.

Данный подход является логичным и с точки зрения противодействия наиболее опасным формам организованной преступности, задействующим легализацию для создания стабильного канала финансирования преступной деятельности.

Еще одним направлением совершенствования законодательства в сфере легализации является введение конкретных правовых механизмов применения норм уголовного права в случаях совершения данного деяния применительно к криптовалютам. Основной проблемой текущего законодательства и судебной практики является отсутствие как законодательно закрепленного определения криптовалют, пригодного для целей и задач уголовного права, так и отсутствие законодательного регулирования способов определения размера для преступлений с криптовалютой. В качестве потенциального способа совершенствования законодательства в этой сфере можно рассмотреть вариант введения отдельного законодательного акта, регулирующего вопрос криптовалют и бланкетную отсылку на него в тех нормах уже уголовного кодекса, в которых подобное является объективно необходимым и целесообразным. Таким образом законодатель мог бы повысить защищенность экономического оборота от посягательств с использованием современных криптовалютных инструментов.

Также в качестве потенциальных направлений совершенствования имеет смысл рассмотреть вопрос о более полном раскрытии в законе квалифицирующего признака, связанного со служебным положением. Как уже отмечалось в соответствующей части исследования, определение данного признака содержит явно проблемные аспекты. Как отмечается в работе Л. В. Иногамовой-Хегай, в настоящий момент дефиниция для данного квалифицирующего признака не содержит конкретных и однозначных

признаков, позволяющих однозначно ограничить случаи применимости этого признака от случаев неприменимости.

Представляется разумным решением изложить данный признак в редакции, предложенной Н.А. Лопашенко, а именно установить однозначный закрытый перечень должностей для данного квалифицирующего признака и сделать его аналогичным перечню должностей для состава злоупотребления полномочиями, предусмотренного УК РФ. Таким образом возможно установить однозначный разграничительный критерий, позволяющий избежать избыточного применения данного квалифицирующего признака.

Также имеет смысл говорить о возможном совершенствовании уголовного законодательства в части, касающейся конкретизации перечня финансовых операций, образующих объективную сторону состава легализации. Как отмечается в работе М.А. Филатовой, термин «финансовая операция» применительно к легализации носит фактически неопределенный характер и не содержит конкретных регулирующих положений или исчерпывающего перечня способов выполнения объективной стороны {Филатова М. А. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: некоторые аспекты обозначения в российском и зарубежном праве // Вестник Московского университета. – 2012. – № 11. – С. 87.}. В связи с этим, на мой взгляд, было бы целесообразно рассмотреть вопрос о введении в уголовное законодательство максимально подробного исчерпывающего перечня способов совершения легализации денежных средств и имущества, приобретенных заведомо преступным путем.

Таким образом мы видим, что несмотря на детальную проработку состава легализации, совершенствование норм, направленных на противодействие легализации не только возможно, но и целесообразно, с точки зрения как юридической теории, так и практического правоприменения.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г.: в действ. ред. // [Электронный ресурс]. Официальный интернет-портал правовой информации: сайт. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>
2. Федеральный закон от 07. 08. 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349
3. Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 07. 07. 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9
4. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.12.2017 № 56-АПУ17-20. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/>
5. Приговор Наро-Фоминского городского суда (Московская обл-сть) № 1-1/2018 1-286/2017 от 14. 02. 2018 г. по делу № 1-1/2018. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/>
6. Приговор Хамовнического районного суда (г. Москва) № 1-1/2016 1-236/2015 от 02. 02. 2016 г. по делу № 1-1/2016. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/>
7. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) (постатейный). М., 2006. С. 358.

8. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. Учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – М., 2015. – С. 245. Курс уголовного права. В 5 т. Т. 4 / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2002. С. 3.

9. Мальцев В. В. О законодательных мерах повышения эффективности противодействия экономическим преступлениям // Экономические правонарушения: история, состояние, проблемы борьбы: мат. междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2002. С. 98.

10. Яни П. С. Решение законодателем и Верховным Судом проблем уголовной ответственности за легализацию преступных доходов // Легализация преступных доходов и коррупция в органах государственной власти: теория, практика, техника противодействия: сб. ст. Н. Новгород, 201

11. Сорокин, А. И. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённого другими лицами преступным путём: не-которые аспекты квалификации / А. И. Сорокин // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 1(86). С. 38–44

12. Соловьев, А. В. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. С. 10

13. Филатова М. А. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: некоторые аспекты обозначения в российском и зарубежном праве // Вестник Московского университета. – 2012. – № 11. – С. 87.

14. Малыгин Александр Игоревич «Уголовная ответственность за легализацию активов организованной преступности»: дис.канд.юрид.наук:5.1.4/Малыгин Александр Игоревич; Место защиты: АНО ВО «Российский новый университет»; Диссовет Д 521.019.XX (75.2.016.02) М/2025

15. Пудовочкин Ю. Е., Рusanов Г. А. Легализация (отмывание) преступных доходов в контексте организованной преступной деятельности (на примере России) // Государство и право. 2019. № 10

A legal review of the features of qualifying features and the objective side of the legalization compounds (Articles 174 and 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)

Savin D.I.

Kutafin Moscow State Law University

The relevance of this study is due to the consideration of new approaches to the qualifying features of the composition of crime within the framework of the composition of legalization (laundering of funds and property acquired by criminal means). The purpose of the work is to examine the key problematic issues of qualification in relation to legalization and identify solutions. Research methods: analysis of legislation, legal doctrine and law enforcement practice. As a result of the work carried out, the set goal was successfully achieved.

Keywords: qualifying signs, rules of qualification, objective side, legalization.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996: in effect. ed. // [Electronic resource]. The official Internet portal of legal information: website. – Access mode: <http://www.pravo.gov.ru>
2. Federal Law No. 115-FZ of 07. 08. 2001 "On Countering the legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and Financing terrorism" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1995. – No. 33. – Article 3349
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07.07.2015 No. 32 "On judicial practice in cases of the legalization (laundering) of funds or other property acquired by criminal means, and on the acquisition or sale of property knowingly obtained by criminal means" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. № 9
4. The appellate ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 28, 2017 No. 56-APU17-20. // [Electronic resource]. – Access mode: <https://sudact.ru/>
5. Verdict of the Naro-Fominsk City Court (Moscow region) no. 1-1/2018 1-286/2017 dated 02/14/2018 in case No. 1-1/2018. // [Electronic resource]. – Access mode: <https://sudact.ru/>
6. Verdict of the Khamovnichesky District Court (Moscow) no. 1-1/2016 1-236/2015 dated 02. 02. 2016 in case No. 1-1/2016. // [Electronic resource]. – Access mode: <https://sudact.ru/>
7. Lopashenko N. A. Crimes in the sphere of economics: the author's commentary to the criminal law (Section VIII of the Criminal Code of the Russian Federation) (article-by-article). Moscow, 2006. p. 358.
8. Criminal law of the Russian Federation. The special part. Textbook / edited by L.V. Inogamova-Hegai, A.I. Raroga, A.I. Chuchayev, Moscow, 2015, p. 245. Criminal law course. In 5 vols. Vol. 4 / edited by G. N. Borzenkov, V. S. Ko-missarov. M., 2002. p. 3.
9. Maltsev V. V. On legislative measures to increase the effectiveness of countering economic crimes // Economic violations: history, condition, problems of struggle: mat. international scientific and practical conference. Yekaterinburg, 2002. p. 98.
10. Yani P. S. The solution by the legislator and the Supreme Court of the problems of criminal liability for the legalization of criminal proceeds // Legalization of criminal proceeds and corruption in public authorities: theory, practice, and counteraction techniques: collection of art. N. Novgorod, 201
11. Sorokin, A. I. Legalization (laundering) of funds or other property acquired by other persons criminally: some aspects of qualifications / A. I. Sorokin // Scientific Bulletin of the Orlov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2021. No. 1(86). pp. 38–44
12. Soloviyov, A.V. Criminal law and criminological measures to combat the legalization (laundering) of funds or other property acquired by criminal means: dis. ... kand. jurid. sciences'. Volgograd, 2003. pp. 10-13
13. Filatova M. A. Legalization (laundering) of funds or other property acquired by criminal means: some aspects of mutual importance in Russian and foreign law // Bulletin of the Moscow University. - 2012. – No. 11. – p. 87.
14. Malygin, Alexander I. "Criminal liability for the legalization of assets of organized crime": PhD in Law:5.1.4/Malygin, Alexander I.; Place of protection: Russian New University; Dissertation Council D 521.019.XX (75.2.016.02) M/2025
15. Pudovochkin Yu. E., Rusanov G. A. Legalization (laundering) of illicit income in the context of organized criminal activity (on the example of Russia) // State and Law. 2019. № 10

Некоторые аспекты объективной стороны вандализма

Хачатурова Алина Алексеевна

студент Дальневосточного федерального университета,
khachaturova.aal@dvfu.ru

Черных Виктор Сергеевич

студент Дальневосточного федерального университета,
chernykh.vser@dvfu.ru

В статье анализируются элементы объективной стороны ст. 214 УК РФ, а также проблематика, которая возникает в правоприменительной деятельности. Исследуются критерии разграничения со смежным составом хулиганства ст. 213 УК РФ. Рассматривается судебная практика на протяжении нескольких лет и отмечается, что конструкция объективной стороны характеризуется двумя альтернативными формами активных действий и относится к формальному составу.

Ключевая слова: вандализм, объективная сторона, порча имущества, общественное место, публичность.

Институт объективной стороны состава преступления является внешним проявлением общественного опасного деяния и играет важную роль в установлении преступности и отграничении смежных составов. Объективная сторона, установленная законодателем в статье 214 УК РФ, отличается двумя альтернативными формами деяния и отсутствием законодательно закрепленных критериев оценки ряда признаков, что порождает дискуссионные вопросы в правоприменительной деятельности.

Определенные трудности вызывают также и факультативные признаки объективной стороны. Наиболее проблемным представляется определение понятия «общественное место», не имеющего легальной дефиниции в уголовном законе, но являющегося конститутивным признаком для одной из форм вандализма.

Настоящее исследование направлено на комплексный анализ объективной стороны вандализма, выявление проблемных аспектов ее законодательной регламентации и правоприменительного толкования ст. 214 УК РФ.

Объективная сторона вандализма, закрепленная в диспозиции ч. 1 ст. 214 УК РФ, характеризуется двумя альтернативными формами деяния, выражающегося в активных действиях: осквернением зданий или иных сооружений, а также порчей имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах. При этом состав преступления сконструирован по типу формального, то есть признается оконченным с момента совершения указанных действий независимо от наступления материальных последствий в виде реального ущерба. Рассмотрим подробно каждую из форм объективной стороны вандализма.

Осквернение как общественно опасное деяние представляет собой «обезображивание зданий и иных сооружений их внешнего и внутреннего вида путем нанесения на них непристойных надписей, изображений, нецензурных слов, оскорбляющих общественную нравственность, чувства и нравы членов общества» [1]. Из данного доктринального определения следуют два существенных признака осквернения: во-первых, содержание изображений или надписей, которое объективно оскорбляет общественную нравственность, и, во-вторых, публичный характер их размещения.

Применительно к содержательному аспекту в литературе справедливо отмечается, что оскорбительный характер включает непристойные надписи и изображения, содержащие нецензурную лексику, порнографические сюжеты, циничные высказывания, оскорбляющие человеческое достоинство, религиозные и национальные чувства. Помимо надписей и рисунков, осквернение может проявляться в виде обливания нечистотами, прикрепления предметов, оскорбляющих общественную нравственность (плакатов, постеров и иной наглядной агитации соответствующего содержания). При этом способ нанесения оскверняющих элементов не имеет квалифицирующего значения, а стоймость повреждений, являющихся результатом осквернения, не подлежит исчислению и не влияет на состав преступления, что существенно отличает данную форму от порчи имущества.

Вторым, не менее значимым признаком осквернения выступает публичность. Результат вандализма всегда ориентирован на большое количество людей, из чего следует, что осквернение в малодоступном месте, не вызывающее широкой общественной реакции, не образует состава преступления, предусмотренного ст. 214 УК РФ. К таковым относятся также случаи легкоустраняемого

осквернения, если его устранение не требует значительных материальных затрат и не нарушает эстетического восприятия объекта в долгосрочной перспективе, однако данный критерий является оценочным и подлежит установлению в каждом конкретном случае.

Необходимо также учитывать место осквернения. Так, здание, подлежащее сносу и фактически утратившее свое функциональное и эстетическое назначение, исключает возможность причинения вреда общественной нравственности, поскольку объект перестает восприниматься как элемент публичного пространства, выполняющий социально-культурную функцию. В случае, если надписи адресованы в адрес представителя власти в связи с осуществлением им должностных полномочий, содеянное будет требовать дополнительной квалификации по ст. 319 УК РФ, предусматривающей ответственность за публичное оскорбление представителя власти, что свидетельствует о конкуренции уголовно-правовых норм и необходимости разграничения их объективных признаков.

Второй альтернативной формой объективной стороны выступает порча имущества на общественном транспорте и в иных общественных местах, которая представляет собой физическое повреждение имущества, приведение его в полную или частичную негодность. В отличие от осквернения, где ключевое значение имеет содержание надписей или изображений, при порче определяющим выступает сам факт повреждения имущества, выражающийся в его разрушении либо утрате потребительских свойств.

Законодательная конструкция указывает, что порча имущества может происходить не только на общественном транспорте, но и «в иных общественных местах». Легальное определение понятия «общественное место» в уголовном законе отсутствует, однако данная категория используется в ряде статей УК РФ, в частности, в ст. 213 (хулиганство) и ст. 214 (вандализм). Помимо Уголовного кодекса, понятие общественного места раскрывается в иных нормативных правовых актах, содержащих, как правило, открытые перечни соответствующих объектов.

Так, ст. 20.20 КоАП РФ относит к общественным местам улицы, стадионы, скверы, парки, транспортные средства общего пользования. Аналогичный подход закреплен в Федеральном законе от 23.02.2013 № 15-ФЗ (в ред. от 29.12.2025) «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции», где к общественным местам отнесены территории и помещения, предназначенные для оказания медицинских, образовательных, культурных услуг, места общего пользования в многоквартирных домах, остановки, вокзалы, аэропорты и иные объекты, доступные для неопределенного круга лиц [2].

В юридической литературе Ю.В. Трунцевский и Р.В. Полтарыгин выделяют признаки, позволяющие идентифицировать общественное место: «это место, где происходит общение достаточно большого количества людей, которым открыт доступ на равных основаниях; находящиеся там люди равноправны и независимы друг от друга, принимают решения самостоятельно, их поведение регламентируется одинаковыми правилами, эти люди незнакомы друг с другом, контакты случайны и непродолжительны» [3]. Данные критерии носят доктринальный характер, однако активно применяются в правоприменительной практике при решении вопроса о квалификации, так как позволяют отграничить общественные места от иных пространств, где порча имущества не образует состава вандализма. Например, повреждение имущества в частной квартире, во внутренних дворах организаций с пропускным режимом, складских помещениях не может квалифицироваться по ст. 214 УК РФ, даже если такие

действия объективно нарушают общественный порядок в широком смысле слова.

Приведенные выше признаки общественного места подтверждаются сложившейся судебной практикой, которая относит к таковым самые разнообразные объекты, объединенные единым признаком — доступностью для неопределенного круга лиц. Так, суды признают общественными местами пригородный павильон Витебского вокзала (Решение № 2-858/2025 от 3 августа 2025 г. по делу № 2-858/2025) [4], территорию возле кафе (Приговор № 1-191/2025 от 13 июля 2025 г. по делу № 1-191/2025) [5], подъезд многоквартирного дома (Приговор № 1-АВ-4/2025 от 25 июня 2025 г., Усть-Янский районный суд, Республика Саха (Якутия)) [6], автобусную остановку (Апелляционное постановление № 10-2/2025 от 17 июня 2025 г. по делу № 1-5/2025, Луговичский районный суд, Московская область) [7]. Кроме того, в качестве общественных мест судами определены площадка с мусорными контейнерами (Приговор № 1-240/2025 от 9 июня 2025 г., Октябрьский районный суд, Тамбовская область) [8], парк (Приговор № 1-8/2025 от 16 апреля 2025 г., Верховный Суд Республики Бурятия) [9], территория возле магазина (Приговор № 1-51/2020 от 9 июля 2020 г., Сыктывдинский районный суд, Республика Коми) [10], место расположения таксофона (Приговор № 1-193/2019 от 18 февраля 2020 г., Кирсановский районный суд, Тамбовская область) [11], а также пешеходный мост через реку (Приговор № 1-372/2019 от 30 января 2020 г., Воскресенский городской суд, Московская область) [12]. Таким образом, сложившаяся судебная практика определяет содержание общественного места не видовой принадлежностью объекта, а физической возможностью доступа неопределенного круга лиц.

Проведенный в рамках настоящего исследования уголовно-правовой анализ объективной стороны вандализма позволяет сделать выводы о том, что объективная сторона выражается в двух альтернативных действиях, а также что состав является формальным, что исключает необходимость установления материального ущерба для признания преступления оконченным. Отсутствие легальной дефиниции «общественного места» в УК РФ порождает терминологическую и правоприменительную неопределенность, которая, однако, в значительной степени нивелируется сложившейся судебной практикой, исходящей из критерия доступности объекта для неопределенного круга лиц.

Литература

1. (С.А. Иванов, М.А. Матинян, Л.В. Рябова Квалификация вандализма по объективной стороне преступления // Пробелы в российском законодательстве. 2018. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvalifikatsiya-vandalizma-po-obektivnoy-storone-prestupleniya> (дата обращения: 20.07.2026). С.1.
2. Федеральный закон "Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции" от 23.02.2013 N 15-ФЗ. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142515/ (дата обращения: 26.07.2026).
3. Ю.В. Трунцевский, Р.В. Полтарыгин Нормативно-правовое определение общественного места объектов транспортной инфраструктуры как места совершения преступления // Журнал российского права. 2017. №9 (249). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/normativno-pravovoe-opredelenie-obshchestvennogo-mesta-obektov-transportnoy-infrastruktury-kak-mesta-soversheniya-prestupleniya> (дата обращения: 26.07.2026). С.79.

4. Решение от 03.08.2025 по делу № 2-858/2025 Слободского районного суда (Кировская область) // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/FG9iWrWFRYVp/> (дата обращения: 28.07.2026).

5. Приговор от 13.07.2025 по делу № 1-191/2025 Ленинского районного суда (Астраханская область) // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SwPw67HrJLQQ/> (дата обращения: 28.07.2026).

6. Приговор от 25.06.2025 по делу № 1-AB-4/2025 Усть-Янского районного суда (Республика Саха (Якутия) // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NmkAaV471NUj/> (дата обращения: 28.07.2026).

7. Апелляционное постановление от 17.06.2025 по делу № 10-2/2025 Луховицкого районного суда (Московская область) - / Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2y8IDn1mmQdq/> (дата обращения: 28.07.2026).

8. Приговор от 09.06.2025 по делу № 1-240/2025 Октябрьского районного суда (Тамбовская область) - / Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HhRGfluRleLb/> (дата обращения: 28.07.2026).

9. Приговор от 16.04.2025 по делу № 1-8/2025 Верховного Суда Республики Бурятия (Республика Бурятия) - / Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qfYEeqMLLUMNX/> (дата обращения: 28.07.2026).

10. Приговор от 09.06.2020 по делу № 1-51/2020 Сыктывдинского районного суда (Республика Коми) - / Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/s4ygDqdAhgYp/> (дата обращения: 28.07.2026).

11. Приговор от 18.02.2020 по делу № 1-193/Кирсановского районного суда (Тамбовская область) - / Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tWt2VKOaspYY/> (дата обращения: 28.07.2026).

12. Приговор от 30.01.2020 по делу № 1-372/2019 Воскресенского городского суда (Московская область) - / Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ccikMcesuaob/> (дата обращения: 28.07.2026).

Some aspects of the objective side of vandalism

Khachaturova A.A., Chernykh V.S.

Far Eastern Federal University

The article analyzes the elements of the objective side of Article 214 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the problems that arise in law enforcement activities. The criteria of differentiation with the related composition of hooliganism of Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation are investigated. Judicial practice has been considered for several years and it is noted that the construction of the objective side is characterized by two alternative forms of active actions and refers to the formal composition.

Keywords: vandalism, objective side, damage to property, public place, publicity.

References

1. (S.A. Ivanov, M.A. Matinyan, L.V. Ryabova Qualification of vandalism on the objective side of the crime // Gaps in Russian legislation. 2018. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvalifikatsiya-vandalizma-po-obektivnoy-storone-prestupleniya> (date of reference: 07/20/2026). p.1.
2. Federal Law "On the Protection of Citizens' Health from exposure to ambient tobacco smoke, the effects of tobacco consumption or consumption of nicotine-containing Products" dated 02/23/2013 No. 15-FZ. – Access from the SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142515/ (date of access: 07/26/2026).
3. Yu.V. Truntsevsky, R.V. Poltarygin The normative and legal definition of a public place of transport infrastructure facilities as a crime scene // Journal of Russian Law. 2017. No. 9 (249). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/normativno-pravovoe-opredelenie-obshchestvennogo-mesta-obektov-transportnoy-infrastruktury-kak-mesta-soversheniya-prestupleniya> (date of reference: 07/26/2026). p.79.
4. Judgment of 08/03/2025 in case No. 2-858/2025 of the Slobodsky District Court (Kirov region) / Judicial and regulatory acts of the Russian Federation (Act). – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/FG9iWrWFRYVp/> (date of appeal: 07/28/2026).
5. Verdict of 07/13/2025 in case No. 1-191/2025 of the Leninsky District Court (Astrakhan region) / Judicial and regulatory acts of the Russian Federation (Act). – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SwPw67HrJLQQ/> (accessed: 07/28/2026).
6. Verdict of 06/25/2025 in case No. 1-AB-4/2025 of the Ust-Yansky District Court (Republic of Sakha (Yakutia)) / Judicial and regulatory acts of the Russian Federation (Act). – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NmkAaV471NUj/> (date of appeal: 07/28/2026).
7. Appeal ruling dated 06/17/2025 in case No. 10-2/2025 of the Lkhovitsky District Court (Moscow Region) - / Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation (SudAct). – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2y8IDn1mmQdq/> (accessed: 07/28/2026).
8. Verdict of 06/09/2025 in case No. 1-240/2025 of the Oktyabrsky District Court (Tambov region) - / Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation (Act). – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HhRGfluRleLb/> (date of appeal: 07/28/2026).
9. Verdict of 04/16/2025 in case No. 1-8/2025 of the Supreme Court of the Republic of Buryatia (Republic of Buryatia) - / Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation (SudAct). – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qfYEeqMLLUMNX/> (accessed: 07/28/2026).
10. Verdict of 06/09/2020 in case No. 1-51/2020 Syktyvkar District Court (Komi Republic) - / Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation (Act). – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/s4ygDqdAhgYp/> (date of appeal: 07/28/2026).
11. Verdict of 02/18/2020 in case No. 1-193/Kirсанovsky District Court (Tambov region) - / Judicial and regulatory acts of the Russian Federation (SudAct). – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tWt2VKOaspYY/> (date of access: 07/28/2026).
12. Verdict of 30.01.2020 in case No. 1-372/2019 of the Voskresensk City Court (Moscow Region) - / Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation (Act). – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ccikMcesuaob/> (date of access: 07/28/2026).

Личность преступника, совершающего преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий

Цыпиногова Юлия Анатольевна

студент кафедры уголовного права и криминологии, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации

Информатизация общества приводит к появлению нового вида преступлений и постепенному увеличению их числа. Накопление данных о лицах, которые совершают преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, позволяет провести анализ их демографических, социальных и иных характеристик и в дальнейшем разработать и внедрить методы профилактики и предупреждения преступлений. В рамках данной статьи исследуются данные о возрасте и социальном положении лиц, совершивших преступление, ответственность за которое предусмотрена ст. 272 УК РФ.

Ключевые слова: личность преступника, информационно-телекоммуникационные технологии, преступление, киберпреступления, неправомерный доступ к информации.

Для значительного числа противоправных деяний анализ личности преступника позволяет лучше уяснить причины и условия совершения преступления. При этом нельзя выделить какую-то одну составляющую личности, которая в полной мере детерминирует преступное поведение: это всегда индивидуально определенный набор признаков, которые с наибольшей вероятностью присущи человеку, способному совершить определенный вид преступлений.

Очевидно, что анализ личности должен быть системно-структурным, с учетом того, что личность формируется как под воздействием социальных факторов, так и биологических. Многообразие свойств личности находит свое отражение в существовании достаточно большого числа структур и типологий личности преступника. Так, А. И. Долгова выделяет шесть групп, внутри которых изучаются различные свойства личности преступника: социально-демографические; уголовно-правовые; социальные связи; нравственные свойства; психологические признаки; физические (биологические) характеристики [1, С. 339].

Прежде чем приступить к изучению личности преступника, совершающего преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, отметим, что такой анализ должен быть ориентирован на установление причин и условий совершения преступления, а не претендовать на исчерпывающее знание о личности. Несомненно, что каждое отдельное преступление уникально, однако данный факт «не препятствует возможности выявить некие признаки, общие для лиц, совершающих преступления» [2, С.129].

Обращаясь к статистике Судебного Департамента при Верховном Суде РФ [3], можно обнаружить статистическую информацию о количестве осужденных, распределенную по следующим признакам: пол, возраст, гражданство, место жительства, образование и род занятий (социальное положение). Таким образом, мы можем проанализировать социально-демографические признаки лиц, совершающих преступления в сфере компьютерной информации.

Так как жестко очерченных рамок для преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий в доктрине уголовного права на данный момент не разработано, то для определенности будем рассматривать только те преступления, ответственность за которые предусмотрена Главой 28 Уголовного Кодекса Российской Федерации [4]. Рассмотрим количество осужденных по ст. 272 УК РФ, которая предусматривает ответственность за неправомерный доступ к информации (Табл. 1).

В 2020 г. общее число осужденных по данной статье составило 84 человека, а в 2024 г. уже 267. Таким образом, прирост составил чуть менее 218%. При этом доля женщин в 2020г. от всех осужденных составила 17,9%, в 2021г. – 36,8%, в 2022г. – 41,9%, в 2023г. – 25,3%, и в 2024 – 27,3%. За первое полугодие 2025г. доля женщин, осужденных по ст. 272 УК РФ, составила 30,1 %. Таким образом, примерно треть осужденных за неправомерный доступ к компьютерной информации – это женщины (График 1).

Анализ возраста лиц, совершивших рассматриваемый вид преступления, позволяет сделать вывод, что оно совершается преимущественно лицами в возрасте 18-24 лет и 30-49 лет. Число осужденных несовершеннолетних и лиц старше 50 лет – незначительно по сравнению с другими возрастными группами.

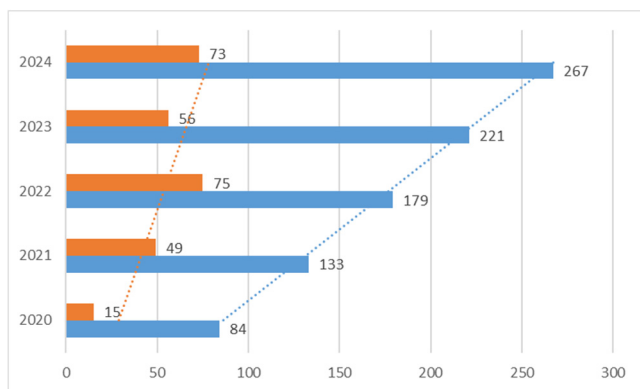

График 1. Общее число осужденных по ст. 272 УК РФ (синий цвет) и из них число женщин (оранжевый цвет) за период 2020 г. – первое полугодие 2025 г.)

Таблица 1
Число осужденных по ст. 272 УК РФ за 2020 г. – первое полугодие 2025 г.

Ст. 272 УК РФ	Всего осуждено	Из них женщин	14-17 лет	18-24 лет	25-29 лет	30-49 лет	50 и старше
Первое полугодие 2025г.							
Ч.1	13	6	0	3	3	5	2
Ч.2.	48	7	5	26	7	10	0
Ч.3	111	40	1	48	29	31	2
Ч.4	4	0	1	1	1	1	0
итого	176	53	7	78	40	47	4
2024г.							
Ч.1	18	4	0	2	4	12	0
Ч.2.	47	7	5	29	6	5	2
Ч.3	200	61	1	118	26	53	2
Ч.4	2	1	0	2	0	0	0
итого	267	73	6	151	36	70	4
2023г.							
Ч.1	20	5	0	5	2	13	0
Ч.2.	12	2	0	3	4	5	0
Ч.3	182	47	0	106	26	50	0
Ч.4	7	2	0	3	1	3	0
итого	221	56	0	117	33	71	0
2022г.							
Ч.1	14	4	0	4	0	9	1
Ч.2.	15	6	0	5	3	7	0
Ч.3	149	65	0	92	26	29	2
Ч.4	1	0	0	0	0	1	0
итого	179	75	0	101	29	46	3
2021г.							
Ч.1	9	1	1	3	0	5	0
Ч.2.	13	2	0	6	2	4	1
Ч.3	111	46	0	64	23	24	0
Ч.4	0	0	0	0	0	0	0
итого	133	49	1	73	25	33	1
2020г.							
Ч.1	8	4	0	3	0	5	0
Ч.2.	12	1	0	7	0	4	1
Ч.3	64	10	0	39	13	11	1
Ч.4	0	0	0	0	0	0	0
итого	84	15	0	49	13	20	2

Изучение ряда уголовных дел позволило нам выделить ряд социальных признаков лиц, привлеченных к ответственности по ст. 272 УК РФ:

- гражданин Российской Федерации, со средним профессиональным образованием, женатого, имеющий одного малолетнего ребенка, военнообязанный, трудоустроенный (электромонтер), несудимый [5].
- гражданин Российской Федерации, женат, ребенок 3 лет, занимается покупкой и продажей, а также инвестированием криптовалюты, ранее не судим [6].

- гражданин РФ, имеет двух малолетних детей, трудоустроен, судим за покушение на неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения [7].
- гражданин РФ, образование высшее, женат, на иждивении два несовершеннолетних ребенка, самозанятый [8].
- гражданка РФ, образование высшее, на иждивении двое малолетних детей, не замужем, самозанятая, не судимая [9].
- гражданин РФ, образование высшее, холост, детей нет, самозанятый, военнообязанный, не судимый [10].
- гражданин РФ, образование 9 классов, не судим, детей нет, официально не трудоустроен, молодой возраст [11].

Далеко не во всех уголовных делах приводятся социальные характеристики обвиняемого, тем не менее можно выделить следующие преобладающие свойства: гражданин РФ, образование высшее, трудоустроен, на иждивении имеет либо малолетних детей, либо пожилых родственников, не судим. Исходя из таких характеристик в изученных нами приговорах, как «военнообязанный» и «молодой возраст», можно сделать вывод о том, что неправомерный доступ к компьютерной информации совершают лица в возрасте 18-27 лет, что согласуется с приведенными ранее данными Судебного Департамента при Верховном Суде РФ.

Осужденные по ст. 272 УК РФ в ряде случаев оказывались ранее судимы, но не за аналогичные преступления. Как правило, предыдущая судимость была за преступления небольшой тяжести, наказание носило условный характер, либо был назначен штраф. Таким образом, для данного вида преступлений не характерен рецидив.

Таким образом, можно составить следующий портрет личности, совершающей неправомерный доступ к компьютерной информации:

- примерно три четверти преступников – лица мужского пола;
- для преступников характерно наличие высшего образования;
- возраст совершения подавляющего числа изучаемого вида преступлений: 18-24 лет и 30-49 лет;
- осужденные по ст. 272 УК РФ, как правило, находятся в браке и имеют на иждивении несовершеннолетних детей или пожилых родственников;
- рецидив для данного вида преступлений не характерен.

Литература

1. Криминология: Учебник для вузов/Под общ. ред. д. ю. н., проф. А. И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2005.– 912 с.
2. Караваева Ю. С. Личность преступника в криминологии: учеб. пособие. – Пермь: Издательство «Миг», 2021 – 146 с.
3. Данные судебной статистики Судебного Департамента при Верховном Суде РФ // URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 12.06.2026).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 10 июня 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
5. Приговор Пермского районного суда РФ (Пермский край) № 1-24/2026 от 28 января 2026 г. по делу № 1-24/2026 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/law/uk-rf/osobennaia-chast/razdel-ix/glava-28/statia-272/> (дата обращения: 13.06.2026).
6. Приговор Ворошиловского районного суда г. Волгограда № 1-380/2025 1-48/2026 от 18 января 2026 г.// Судебные и нормативные акты РФ. URL:

<https://sudact.ru/regular/doc/j2cxf1xwbOrB/> (дата обращения: 13.06.2026).

7. Приговор Кольчугинского городского суда (Владимирская область) № 1-92/2025 от 25 декабря 2025 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1hgJ00rnYQdh/> (дата обращения: 13.06.2026).

8. Приговор Ленинского районного суда г. Мурманска (Мурманская область) № 1-155/2025 от 25 декабря 2025 г. по делу № 1-155/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tavP65vzEUZP/> (дата обращения: 13.06.2026).

9. Приговор Шпаковского районного суда (Ставропольский край) № 1-313/2025 от 9 декабря 2025 г. по делу № 1-313/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/74r3cDRZ69dj/> (дата обращения: 13.06.2026).

10. Приговор Железнодорожного районного суда г. Самары (Самарская область) № 1-252/2025 от 23 ноября 2025 г. по делу № 1-252/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DC6TkP45hLrK/> (дата обращения: 13.06.2026).

11. Приговор Октябрьского районного суда г. Красноярска (Красноярский край) № 1-692/2025 от 18 ноября 2025 г. по делу № 1-246/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/w8F9aopHErQH/> (дата обращения: 13.06.2026).

The identity of a criminal who commits crimes in the field of information and telecommunication technologies

Tsypinogova Yu.A.

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

The informatization of society leads to the emergence of a new type of crime and a gradual increase in their number. The accumulation of data on individuals who commit crimes in the field of information and telecommunication technologies allows for the analysis of their demographic, social, and other characteristics, which can be used to develop and implement methods for the prevention and control of crimes. This article explores the data on the age and social status of individuals who have committed a crime under Article 272 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal identity, information and telecommunication technologies, crime, cybercrime, and unauthorized access to information.

References

1. Criminology: Textbook for Universities / Ed. by Doctor of Law, Professor A. I. Dolgova. – 3rd ed., revised and enlarged. – Moscow: Norma, 2005. – 912 p.
2. Karavaeva Yu. S. The Personality of the Criminal in Criminology: Textbook. - Perm: Mig Publishing House, 2021 - 146 p.
3. Judicial Statistics Data of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation // URL: <https://cdep.ru/?id=79> (accessed: 12.06.2026).
4. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on June 10, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Article 2954.
5. Sentence of the Perm District Court of the Russian Federation (Perm Krai) No. 1-24/2026 of January 28, 2026 in case No. 1-24/2026 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/law/uk-rf/osobennaia-chast/razdel-ix/glava-28/statia-272/> (date of access: June 13, 2026).
6. Verdict of the Voroshilovsky District Court of Volgograd No. 1-380/2025 1-48/2026 of January 18, 2026 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/j2cxf1xwbOrB/> (date of access: June 13, 2026).
7. Verdict of the Kolchuginsky City Court (Vladimir Region) No. 1-92/2025 of December 25, 2025 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1hgJ00rnYQdh/> (date of access: June 13, 2026). 8. Verdict of the Leninsky District Court of Murmansk (Murmansk Region) No. 1-155/2025 dated December 25, 2025 in Case No. 1-155/2025 // Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tavP65vzEUZP/> (accessed: June 13, 2026).
9. Verdict of the Shpakovsky District Court (Stavropol Region) No. 1-313/2025 dated December 9, 2025 in Case No. 1-313/2025 // Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/74r3cDRZ69dj/> (accessed: June 13, 2026).
10. Verdict of the Zheleznodorozhny District Court of Samara (Samara Region) No. 1-252/2025 of November 23, 2025 in Case No. 1-252/2025 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DC6TkP45hLrK/> (date of access: June 13, 2026).
11. Verdict of the Oktyabrsky District Court of Krasnoyarsk (Krasnoyarsk Region) No. 1-692/2025 of November 18, 2025 in Case No. 1-246/2025 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/w8F9aopHErQH/> (accessed: 13.06.2026).

Методы обнаружения аномалий в компьютерных сетях

Клочкова Екатерина Николаевна

заместитель начальника кафедры информационной безопасности учебно-научного комплекса информационных технологий, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, e_maks2000@mail.ru

Пименова Оксана Владимировна

канд. техн. наук, доцент кафедры информационной безопасности учебно-научного комплекса информационных технологий, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, oksana.pimenova@yandex.ru

В статье рассмотрены основные методы обнаружения аномалий в компьютерных сетях, дан их сравнительный анализ, приведены условия их применения, предложен комплексный подход к разработке интегрированной модели выявления аномалий в сети, объединяющий возможности алгоритмов машинного обучения и преимущества архитектуры глубоких нейронных сетей.

Ключевые слова: методы обнаружения аномалий, сетевые аномалии, обнаружение аномалий в сетевом трафике, машинное обучение

Компьютерные сети прочно вошли в жизнь современного общества. Трудно представить себе организацию, которая бы не использовала в своей работе сетевые технологии; человека, который бы не пользовался возможностями, которые предоставляет ему Интернет. При этом одновременно со значительным увеличением объемов сетевого трафика, возрастает количество и разнообразие угроз, которым подвергаются передаваемые данные. Традиционные средства безопасности такие, как межсетевые экраны, системы обнаружения вторжений все чаще не справляются со стоящей перед ними задачей по обеспечению сетевой безопасности, не имея возможности адаптироваться под новые возникающие виды угроз. Для предотвращения сетевых вторжений необходимо внедрять меры безопасности, предназначенные для обнаружения аномалий и способные идентифицировать потенциальные угрозы.

Обнаружение аномалий является универсальной техникой, которая может применяться как для обнаружения сетевых вторжений, так и для идентификации необычной, подозрительной активности. Под аномалиями в сети принято понимать такие события в пределах сети, которые отклоняются от нормального или известного поведения и считаются имеющими значение для безопасности. В большинстве случаев это нетипичные действия, направленные на нарушение работоспособности сети.

Стратегия на основе обнаружения аномалий предполагает, что необходимо сначала оценить модель «нормальной сетевой активности», а затем уже проводить анализ будущей активности в сети, сравнивая ее с эталонной. Такой подход даст возможность различить обычную и потенциально вредоносную сетевую активность.

Рассмотрим существующие методы обнаружения аномалий в сети. Их принято классифицировать на:

1. Методы обнаружения аномалий на основе анализа временных рядов.
2. Методы обнаружения аномалий на основе анализа журналов.
3. Автоматизированное управление сетью и обнаружение неисправностей.
4. Методы обнаружения аномалий на основе машинного обучения.

Методы обнаружения аномалий на основе анализа временных рядов

Методы обнаружения аномалий на основе анализа временных рядов занимают важное место в области обнаружения сетевых атак. Для выявления аномального поведения в этом случае используют временную природу данных.

Одним из распространенных подходов стало использование методов авторегрессии с интегрированным скользящим средним (ARIMA, AutoRegressive Integrated Moving Average) и сезонного разложения для анализа трендов.

ARIMA представляет собой статистический метод моделирования временных рядов, объединяющий три компоненты: авторегрессию, дифференцирование и скользящее среднее. Для эффективной работы алгоритма необходимо, чтобы данные имели хронологический порядок. Подход позволяет выявлять скрытые паттерны и зависимости в данных для формирования прогнозов будущих значений.

К методам сезонного разложения относятся метод центрированных скользящих средних, TRAMO-SEAT, STL (Seasonal-Trend decomposition using LOESS) и т.д. Основ-

ной принцип методов анализа временных рядов заключается в разложении данных на несколько компонентов (тренд, сезонность, нерегулярные колебания), и выявлении на их основе долгосрочных тенденций и закономерностей, исключив регулярные сезонные колебания.

Применительно к сетевой безопасности методы на основе анализа временных рядов используются для выявления снижения производительности сетей, сбоев и аномальных событий.

Еще одной группой методов, которые применяются для обнаружения аномалий в сети, стали методы, основанные на анализе журналов.

Анализ журналов является важной составляющей для обеспечения информационной безопасности и выявления аномалий в сети. Каждый из журналов содержит логи, которые позволяют выявить различные виды отклонений в поведении.

В таблице 1 приведен перечень информации, которая может быть получена из журналов.

Таблица 1

Классификация информации по источникам ее получения

№ п/п	Наименование журнала	Получаемая информация
1	Системные журналы операционной системы Windows	попытки входа/выхода в систему, изменение учетных записей, изменение прав доступа и политик безопасности, информация о доступе к защищенным объектам, об использовании особых привилегий, ошибки системы и приложения, запуск/остановка служб, информация о сбоях драйверов и аппаратных ошибках, о событиях, связанных с ядром ОС.
2	Системные журналы операционной системы Linux	информация об аутентификации пользователей (пользователь, источник подключения, временные метки события, успешные и неудачные попытки входа в систему, используемый механизм аутентификации); о доступе к объектам файловой системы, о выполнении системных вызовов, о изменении прав доступа и политик безопасности; системные сообщения от ядра, от различных компонентов ОС.
3	Системные журналы операционной системы MacOS	информация о действиях брандмауэра (о блокировке соединений, о разрешенных подключениях, о попытках нарушения правил безопасности); о сетевых подключениях, открытых портах, изменениях сетевых настроек; о попытках входа в систему, используемых методах аутентификации; о произведенных изменениях в системе (факты перезагрузки, выключения, обновления прошивок); о действиях приложений (запуск, сбой, подозрительное поведение); данные о сетевых ошибках и сбоях.
4	Журналы сетевых устройств	- для межсетевых экранов: информация о попытках несанкционированного доступа (неудачные попытки аутентификации); о попытках сканирования портов, о разрешенном/заблокированном трафике, о попытках DoS/DDoS-атак, об использовании уязвимых портов, об аномалиях в трафике; - для маршрутизаторов и коммутаторов: информация о событиях, связанных с изменением конфигурации; о сбоях линков; об аномалиях трафика; - для прокси-серверов: информация о запросах, сделанных через прокси-сервер (IP-адрес, запрошенный URL, код статуса HTTP и т.д.), об объемах переданных данных, о подозрительных запросах.
5	Журналы приложений и сервисов	информация об успешных и неудачных попытках входа в систему, включая количество попыток; об изменениях в учетных записях; о попытках доступа к ресурсам с нарушением прав; о необычных паттернах использования ресурсов; о попытках эксплуатации уязвимостей; о попытках чтения, изменения конфиденциальных данных, об ошибках при обработке данных; об отказе в доступе; об изменениях в настройках безопасности.
6	Журналы системы управления доступом и СКУД	информация о событиях, связанных с физическим и цифровым доступом к сети (учетные данные пользователя, тип используемого идентификатора, временные метки, информация о точках и зонах доступа, результат попыток до-

№ п/п	Наименование журнала	Получаемая информация
		ступа) об одновременном доступе с разных точек, о множественных неудачных попытках аутентификации, о незакрытых сессиях
7	Специализированные журналы учета инцидентов информационной безопасности	зафиксированная информация об инцидентах безопасности (дата, время обнаружения, категория инцидента, описание инцидента, источник угрозы, причины возникновения и т.д.)
8	Журналы сервисов безопасности	информация о работе антивирусных программ, систем обнаружения и предотвращения вторжений и других средств защиты; о выявленных сетевых атаках, вредоносном коде, нарушениях целостности системы, попытках несанкционированного доступа; о событиях, связанных с запуском, остановкой, изменением режимов работы программных модулей, средств защиты; о командах, выполненных с повышенными правами; о действиях с аккаунтами, ключевой информацией; о нетипичных изменениях конфигурации или нарушениях в работе компонентов, связанных с обеспечением информационной безопасности

Из приведенной таблицы видно, что анализ журналов позволяет отслеживать разнообразные события в сети, анализировать угрозы и реагировать на нарушения, предоставляя важную информацию о состоянии системы. Выявление аномалий с использованием анализа журналов имеет существенные недостатки, которые связаны прежде всего с огромным объемом регистрируемой информации. Обработка таких массивов данных требует не только значительных вычислительных ресурсов, но и высокоскоростных каналов передачи данных, распределенных баз данных, как следствие возникают временные задержки между инцидентом и его анализом, снижая оперативность реагирования. Еще одна проблема возникает из-за большого количества разнообразных журналов и несогласованности данных в них, что приводит к сложности или даже невозможности построения единой схемы обработки данных.

На текущий момент существует несколько подходов к анализу данных в журналах. Первый основан на правилах, которые определяются изначально и предназначены для выявления событий, которые им не соответствуют. Другой подход заключается в использовании современных методов обработки естественного языка (технологии NLP) для распознавания ключевой информации. Ни один из подходов не является идеальным решением. Методы на основе правил требуют разработки правил. Не корректная их формулировка может привести к ложным срабатываниям или отсутствию реакции на инцидент. Применение методов на основе технологии NLP очень сильно зависит от датасета, который используется для обучения.

Автоматизированное управление сетью и обнаружение неисправностей

Автоматизированное управление сетью и обнаружение неисправностей является важной задачей, направленной на обеспечение их надежности и производительности. Одним из наиболее распространенных подходов является управление сетью на основе правил. Здесь необходимо заранее сформулировать набор правил для обнаружения аномального поведения или проблем в сети. Их используют для обнаружения необычных шаблонов в сетевом трафике, неисправных устройств, потенциальных атак на сеть, но в любом случае требуется провести большое количество действий в ручном формате. В последние годы все чаще для решения поставленной задачи используются методы машинного обучения.

Методы обнаружения аномалий на основе машинного обучения

Методы обнаружения аномалий на основе традиционного машинного обучения являются наиболее популярными при обеспечении сетевой безопасности. Здесь выделяются несколько подходов.

Один из них основывается на использовании метода опорных векторов (SVM) при построении модели обнаружения аномалий. Основная идея SVM заключается в том, чтобы преобразовать данные в пространство большей размерности, проводя деление на нормальные и аномальные точки данных и находя наилучшую гиперплоскость для данных.

Данный алгоритм машинного обучения предназначен для решения задач линейной и нелинейной классификации, регрессии и обнаружения аномальных данных. SVM показывает хорошие результаты в задачах с большим количеством признаков, а также при обучении на небольшом количестве данных.

Второй подход, который также нашел широкое распространение, основывается на изоляции аномальных данных. Примером такого статического метода является алгоритм Isolation Forest. В его основе лежит принцип того, что аномалии по своей природе более «изолированы» в наборе данных из-за своей редкости и имеющих отличий от нормальных данных. Поэтому Isolation Forest пытается изолировать выбросы.

Работа алгоритма заключается в построении деревьев. Каждое дерево создается путем случайного разбиения данных. При построении дерева для каждого узла выбирается произвольный признак с некоторым пороговым значением и случайное значение разбиения. Такие деления данных продолжают рекурсивно, до тех пор, пока дерево не достигнет своей максимальной заранее определенной глубины, или не произойдет изоляции каждой точки данных в уникальный узел.

Эффективность метода достигается за счет использования в качестве критерия оценки аномалии для каждой точки - показателя средней длины пути, ведущего к изоляции. Аномальные точки данных характеризуются значительно более короткими путями, что облегчает их быстрое обнаружение.

Методы обнаружения аномалий на основе машинного обучения традиционно показывают неплохие результаты при решении большинства задач обеспечения сетевой безопасности. Среди основных недостатков можно выделить следующие:

- при обработке сложных сетевых данных с высокой размерностью возникают проблемы;
- эффективность использования методов машинного обучения зависит от качества выбора признаков, что требует от пользователей специальных знаний о структурах сложных сетевых данных;
- могут оказаться недостаточно гибкими, чтобы справляться с появляющимися новыми киберугрозами и меняющимися шаблонами аномалий.

Проведенный нами анализ существующих методов обнаружения аномалий в сети показывает, что каждый из методов обладает недостатками, которые не позволяют их эффективно использовать для решения задач обеспечения сетевой безопасности.

Для повышения эффективности борьбы с возникающими в компьютерных сетях новыми угрозами может быть предложен комплексный подход, который позволит объединить в новую интегрированную модель возможности таких алгоритмов машинного обучения, как GAN (Generative Adversarial Network) и Isolation Forest, и преимущества архитектуры глубоких нейронных сетей Transformer.

Основная идея заключается в следующем. Необработанные данные, полученные из компьютерной сети, посту-

пают в компонент Isolation Forest, основная задача которого заключается в быстрой проверке сетевого трафика и выделения аномальных точек путем построения случайного бинарного дерева. На этом этапе происходит генерация оценки аномалий для каждой точки данных. Признаками потенциально аномальных точек данных выступают полученные высокие значения оценок.

Совместно с Isolation Forest работает алгоритм GAN. Он основан на взаимодействии двух нейронных сетей: генератора и дискриминатора. Задача, стоящая перед генератором, заключается в создании новых данных путем имитации реальных образцов, т.е. похожих на обычный сетевой трафик. Дискриминатор используется для оценки схожести сгенерированных и реальных данных, выступая в качестве классификатора подлинности образца. Полученные оценки передаются генератору, который корректирует свои параметры для повышения качества данных, их достоверности, способствуя выявлению потенциально аномальных характеристик.

Сгенерированные данные и информация из необработанных журналов поступают на вход модели Transformer, которая уже используется для выявления корреляции между событиями из разных источников путем сопоставления временных характеристик данных.

В итоге результаты первоначального отбора, проведенного с применением Isolation Forest, улучшенные с помощью GAN и прошедшие временное моделирование через Transformer используются для комплексного обнаружения сетевых аномалий и анализа логов: сгенерированные и исходные данные можно сравнивать, а оценки аномалий сопоставлять с пороговыми значениями модели для выявления потенциального аномального поведения. Использование такой модели позволяет более точно фиксировать и идентифицировать проявления аномального поведения в компьютерных сетях.

Проведенный анализ методов выявления сетевых аномалий показал, что они могут выступать лишь в качестве одного из инструментов защиты от киберугроз и не служат универсальным решением. Постоянное изменение сетевого трафика, сложность детектирования ранее не встречавшихся атак приводит к неэффективности использования традиционных методов обнаружения аномалий. Наиболее перспективным направлением становится создание гибридов на основе различных подходов. При этом самым главным требованием, предъявляемым к таким решениям – обеспечение адаптивной и масштабируемой аналитической обработки событий, которые в последующем обеспечат безопасность данных в реальном или близком к реальному масштабе времени.

Литература

1. Большаков А.С., Хусаинов Р.В., Осин А.В. Обнаружение аномалий трафика с использованием нейронной сети для обеспечения защиты информации. I-methods. 2021, т. 13, №4. [Электронный источник] URL: <https://707.su/0V4L> [Дата обращения 21.04.2026].
2. МакФарланд Алекс, Инструменты кибербезопасности на основе искусственного интеллекта. [Электронный источник]. URL: <https://www.unite.ai/ru/инструменты-кибербезопасности-ИИ> [Дата обращения 09.04.2026].
3. Alwhbi I. A., Zou C. C., Alharbi R. N. Анализ и классификация зашифрованного сетевого трафика с использованием машинного обучения [Encrypted Network Traffic Analysis and Classification Utilizing Machine Learning] // Sensors (Basel). 2024. Vol. 24, No. 11. Art. 3509. 17 p. DOI: 10.3390/s24113509. [Электронный источник] URL: <https://www.mdpi.com/1424-8220/24/11/3509> [Дата обращения 15.04.2026].
4. Labonne M. Обнаружение сетевых аномалий с использованием методов машинного обучения. [Anomaly-

based network intrusion detection using machine learning]. Cryptography and Security [cs.CR]. Institut Polytechnique de Paris, 2020. English. [Электронный источник] URL:<https://theses.hal.science/tel-02988296/document> [Дата обращения 20.04.2026].

5. Vadgaonkar Priti H. Обнаружение сетевых аномалий и анализ поведения пользователей с использованием методов машинного обучения. [Network Anomaly Detection and User Behavior Analysis using Machine Learning]. International Journal of Computer Applications (0975 – 8887) Volume 175– No. 13, August 2020. [Электронный источник] URL:<https://707.su/CTSQ> [Дата обращения 20.04.2026].

6. Wang S., Jiang R., Wang Z., Zhou Y. Обнаружение аномалий и анализ логов в компьютерных сетях на основе глубокого обучения [Deep Learning-based Anomaly Detection and Log Analysis for Computer Networks]// Journal of Information and Computing (JIC), 2024, 2(2), 34-63. [Электронный источник] URL:<https://arxiv.org/pdf/2407.05639> [Дата обращения 28.03.2026].

References

1. Bolshakov A.S., Khusainov R.V., Osin A.V. Traffic Anomaly Detection Using a Neural Network to Ensure Information Security. I-methods. 2021, Vol. 13, No. 4. [Electronic source] URL: <https://707.su/0V4L> [Accessed 21.04.2026].
2. McFarland Alex, Cybersecurity Tools Based on Artificial Intelligence. [Electronic source]. URL: <https://www.unite.ai/ru/инструменты-киберзащитности-ИИ> [Accessed 09.04.2026].
3. Alwhbi I. A., Zou C. C., Alharbi R. N. Encrypted Network Traffic Analysis and Classification Utilizing Machine Learning // Sensors (Basel). 2024. Vol. 24, No. 11. Art. 3509. 17 p. DOI: 10.3390/s24113509. [Electronic source] URL: <https://www.mdpi.com/1424-8220/24/11/3509> [Accessed 15.04.2026].
4. Labonne M. Anomaly-based network intrusion detection using machine learning. Cryptography and Security [cs.CR]. Institut Polytechnique de Paris, 2020. English. [Electronic source] URL: <https://theses.hal.science/tel-02988296/document> [Accessed 20.04.2026].
5. Vadgaonkar Priti H. Network Anomaly Detection and User Behavior Analysis using Machine Learning. International Journal of Computer Applications (0975–8887) Volume 175– No. 13, August 2020. [Electronic source] URL: <https://707.su/CTSQ> [Accessed 20.04.2026].
6. Wang S., Jiang R., Wang Z., Zhou Y. Deep Learning-based Anomaly Detection and Log Analysis for Computer Networks // Journal of Information and Computing (JIC), 2024, 2(2), 34–63. [Electronic source] URL: <https://arxiv.org/pdf/2407.05639> [Accessed 03/28/2026].

Anomaly Detection Methods in Computer Networks

Klochkova E.N., Pimenova O.V.

V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

This article examines the main methods of anomaly detection in computer networks, provides a comparative analysis, describes the conditions for their application, and proposes a comprehensive approach to developing an integrated network anomaly detection model that combines the capabilities of machine learning algorithms and the advantages of deep neural network architecture.

Keywords: anomaly detection methods, network anomalies, network traffic anomaly detection, machine learning